

3 3433 08191255 6

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Батковичъ

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1880

20.

230

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА

ДОЛГОРУКАЯ

ВЪ ССЫЛКѢ ВЪ БЕРЕЗОВѢ И ВЪ МОНАШЕСТВѢ ВЪ ТОМСКѢ

Княжна Екатерина Алексѣвна Долгорукая съ ранней юности сдѣлалась жертвой честолюбія своихъ родственниковъ.... Братъ ея Иванъ Алексѣевичъ, отецъ Алексѣй Григорьевичъ и другіе родственники, овладѣвъ разными способами умомъ и волей молодого государя императора Петра II, заставили его отречься отъ обрученной невѣсты, княжны Маріи Александровны Меньшиковой, низвергли отъ ея князя Александра Даниловича Меньшикова, который и былъ ихъ происками сосланъ съ дѣтьми въ Березовъ, захватили себѣ почти всѣ высшія мѣста въ государствѣ, получили — цѣны безо всякихъ заслугъ — знатные чины и ордена, присвоили огромныя богатства, а главное — помолвили княжну за государя, несмотря на то что она была старше его тремя годами * и что сердце ея давно уже принадлежало другому.

18 ноября 1729 молодой императоръ объявилъ князю Алексѣю Григорьевичу о своемъ намѣреніи вступить съ его дочерью въ бракъ, 19 числа того же мѣсяца объявилъ о томъ

---

* Петру II во время помолвки, что происходило въ ноябрѣ 1729 года, было 14, а княжнѣ Долгорукой 17 лѣтъ.

верховному совѣту, 24 уже принималъ отъ своихъ сановниковъ и иностранныхъ пословъ поздравленія, а 30 числа торжественно обрученъ былъ (въ Москвѣ) въ Лефортовскомъ дворцѣ. Князю Екатерину Алексѣевну послѣ того велѣно было вездѣ титуловать и при богослуженіи поминать ея высочествомъ государыней-невѣстой.

Но бракъ этотъ, за смертію Петра II (ночью на 19 января 1730), не состоялся. Братъ и отецъ княжны и нѣкоторые другіе изъ Долгорукихъ пытались было, по смерти государя, провозгласить обрученную его невѣсту наследницею престола, но когда это не удалось, то вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вельможами покусились было ограничить самодержавіе избранной на престолъ бывшей герцогини курляндской императрицы Анны Іоанновны. Все это только послужило къ скорѣйшей ихъ погибели: лишеные важныхъ занимаемыхъ ими мѣстъ, чиновъ и орденовъ, они посланы были сперва на безысходное житіе въ свои помѣстья, а затѣмъ лишеные и этого достоинства разсланы по разнымъ мѣстамъ въ ссылку.

Для семейства княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой, которое состояло изъ отца ея князя Алексѣя Григорьевича, матери Прасковьи Юрьевны, четырехъ братьевъ—Ивана съ женой Натальей Борисовной (урожденной Шереметевой), Николая, Александра и Алексѣя и сестеръ Елены и Анны, мѣстомъ ссылки назначенъ былъ отдаленный городъ (Тобольской губерніи) Березовъ. Туда оно было привезено лѣтомъ 1730 года и заключено въ тотъ самый острогъ гдѣ содержался равнѣ сосланный наиболѣе по интригамъ Долгорукихъ князь Меншиковъ съ дѣтьми. Острогъ этотъ, близъ котораго Меншиковъ построилъ на свой счетъ, притомъ отчасти своими руками деревянный во имя Рождества Богородицы храмъ, состоялъ изъ невысокаго, но обширнаго, съ большими къверху круглыми окнами деревяннаго зданія. Долгорукіе содержались въ немъ строго: для караула ихъ, какъ и для караула Меншикова, каждогодно присылались изъ Тобольска офицеръ и 15 солдатъ, когда кому-нибудь изъ нихъ, хотя бы то и одному лицу, но какому-либо случаю нужно было находиться въ церкви, то и тамъ окружала его стража, состоявшая изъ капрала и двухъ солдатъ. По крайней мѣрѣ такъ было съ княжной Еленой Алексѣевной утромъ 21го мая 1738 года, во время заутрени, которую служили тогда по ея просьбѣ ради ея ангела.

Старость, суровый березовскій климатъ и заточеніе скоро свела князя Алексѣя Григорьевича и его супругу въ гробъ, во дѣти ихъ оставались еще долго въ Березовѣ, гдѣ у князя Ивана Алексѣевича и супруги его Натальи Борисовны въ Березовскомъ острогѣ родились два сына, Михайла и Дмитрій.

Долгорукіе не рѣдко приглашали къ себѣ въ острогъ мѣстныхъ священно-служителей для молебновъ и иныхъ службъ и радушно угощали ихъ, что, какъ увидимъ, обошлось имъ дорогою цѣной. Княжны Долгорукія проводили печальное время ссылки въ свойственныхъ имъ полудисциплинахъ и рукодѣляхъ, между прочимъ въ рисованьи и вышиваньи по разнымъ матеріаламъ священныхъ изображеній и шитьѣ церковныхъ облаченій; въ числѣ иконъ (21) оставшихся послѣ Долгорукихъ въ Березовѣ, но послѣ увезенныхъ въ Тобольскую рентерю (казначейство), выходившихъ, между прочимъ, Распятіе Господа Иисуса Христа писанное на лазуревой камкѣ; 2) Ангелъ Хранитель шитый шелками и золотомъ по бѣлой кисеѣ; 3) Знаменіе Божіей Матери шитое шелками по шелковой же матеріи съ вышивками и гривнами шитыми золотомъ и серебромъ пополамъ съ жемчугомъ, и 4) Знаменіе же Божіей Матери шитое золотомъ и серебромъ по бѣлому полотну. Сверхъ сего въ Березовскомъ Воскресенскомъ соборѣ до сихъ поръ хранятся двѣ парчевыя священническія ризы, на олечьяхъ которыхъ имѣется по орденской звѣздѣ Св. Андрея Первозваннаго, изъ которыхъ одна, по преданію и описанью соборнымъ, была шита дочерью князя Меншикова, а другая дочерью князя Долгорукова*.

Семейство Долгорукихъ прожило въ Березовѣ около осьми лѣтъ. Въ послѣдніе годы имъ позволяли отлучаться изъ острога, они свели въ городѣ знакомство съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ болѣе почетныхъ жителей, къ себѣ ихъ принимали въ гости и сами у нихъ бывали, между прочимъ, и на свадебныхъ пирахъ; жена березовскаго воеводы Бобровскаго принимала у Ивана Алексѣевича и Натальи Борисовны отъ купели дѣтя, и они ее при крестинахъ, а другихъ при иныхъ случаяхъ, дарили довольно богато — парчей, камками, золочеными сережками и пр. Но по истеченію осьми лѣтъ узниковъ постигли новыя, еще болѣе тяжкія бѣдствія...

* *Описаніе Березовскаго края*, Н. А. Абрамова, въ Тобольск. Губ. Вѣд. 1856 года, № 22, стр. 410 и 411 и въ XII т. *Запис. Геогр. Общ.*

На нихъ сдѣланъ былъ березовскимъ подъячимъ Тишинымъ доносъ, будто бы они дерзко отзывались объ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ и герцогѣ Биронѣ... Въ маѣ 1738 года прибылъ въ Березовъ гвардіи капитанъ Ушаковъ. Цѣль прибытія своего онъ объяснялъ состраданіемъ императрицы къ участи изгнанныхъ и порученіемъ навѣстить ихъ; на дѣлѣ оказалось что онъ прибылъ по порученію Бирона собрать подтвърдительныя свѣдѣнія о дерзкихъ рѣчахъ Долгорукихъ и развѣдать о лицахъ преданныхъ и сочувствующихъ имъ. Это вскорѣ обнаружилось: почти вслѣдъ за отъѣздомъ Ушакова, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій былъ разлученъ съ семействомъ и заключенъ въ особое помѣщеніе со строжайшимъ запрещеніемъ всякихъ сношеній даже съ женой и дѣтьми и съ назначеніемъ самой грубой пищи, а чрезъ три мѣсяца, въ одну осеннюю темную и дождливую ночь, секретно вызваны были на приплывшее изъ Тобольска судно и увезены въ этотъ городъ князь Иванъ Долгорукій, караульный (списходительный къ заключеннымъ) майоръ Петровъ, пять священниковъ и одинъ діаконъ, и болѣе 20 другихъ изъ приверженныхъ къ Долгорукимъ жителей Березова.

Въ Тобольскѣ надъ арестованными начался судъ, и первымъ судьей ихъ, къ удивленію, оказался капитанъ Ушаковъ. Какимъ наказаніямъ подверглись изъ-за Долгорукихъ березовскіе горожане, объ этомъ не сохранилось свѣдѣній ни въ архивныхъ дѣлахъ, ни въ мѣстныхъ преданіяхъ. Березовцамъ объ нихъ извѣстно только то что они болѣе уже не возвращались въ Березовъ. Изъ духовныхъ лицъ, несмотря на ходатайство тобольскаго митрополита Антонія Стаховскаго, одни были высѣчены плетью, а другіе биты кнутомъ, съ вырваніемъ позреѣй, и сосланы частію въ Илимскъ, частію въ Охотскъ въ работу на солеваренный заводъ, одни безъ лишенія сана, а другіе съ лишеніемъ оного. Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, послѣ суда въ Тобольскѣ, увезенъ къ новому суду во внутреннюю Россію и тамъ подъ Новгородомъ 26 октября 1739 колесованъ. Изъ братьевъ его Алексѣй посланъ въ Камчатку матросомъ, а Николай и Александръ съчены кнутомъ и съ урѣзаніемъ языковъ сосланы въ каторжную работу—одинъ въ Охотскъ, а другой въ Камчатку. Сестры же ихъ, въ томъ числѣ и княжна Екатерина Алексѣевна, разсланы по разнымъ дѣвичьимъ монастырямъ. Только жена Ивана Алексѣевича Долгору-

Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая.

каго, Наталья Борисовна, урожденная Шереметева, съ двумя малолѣтними сыновьями Михаиломъ и Дмитриемъ, оставлены въ Березовѣ и тамъ жила до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны.

О мѣстѣ новой ссылки княжны Екатерины Долгорукой свидѣлствуютъ слѣдующіе два документа, вѣскольکو дѣтъ тому назадъ отысканные бывшимъ законоучителемъ Томской гимназіи, а нынѣ полковымъ протоіереемъ отцомъ Вахромъ Гурьевымъ въ архивѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря.

Первый документъ—это указъ Тобольской архіерейской канцеляріи въ Томскій Алексѣевскій монастырь архимандриту оного Лаврентію *. Указомъ этимъ предписывалось слѣдующее:

„По именному ея императорскаго величества, за подписаніемъ ея императорскаго величества руки, указу повелѣно ** князя Алексѣя Григорьевича сына Долгорукаго имѣющихся въ ссылкѣ *** въ городѣ Березовѣ дочерей: Катерину, Елису и Анну разослать въ сибирскія дальнія мѣста, въ разныя дѣвчьи монастыри и въ тѣхъ монастыряхъ по обыкновенію постричь ихъ въ монахини и настоятельницамъ тѣхъ монастырей имѣть и содержать ихъ подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ. И по силѣ вышеобъявленнаго ея императорскаго величества указа и по опредѣленію Тобольской архіерейской канцеляріи **** и по сношенію съ Сибирскою губернскою канцеляріей, велѣно изъ вышеупомянутыхъ дѣвчу Екатерину, когда она привезена будетъ въ Томскъ подъ карауломъ, то въ Томскомъ Рождественскомъ монастырѣ постричь

* Томскъ со своею губерніей до 1834 года по церковному управленію зависѣлъ отъ тобольскаго архіерея.

** Импер. Анна Ивановна скончалась 17 октября 1740; между тѣмъ указъ изъ Тобольской архіерейской канцеляріи, отъ 9 ноября, былъ писанъ отъ ея имени; значить извѣстія о смерти ея въ Тобольскѣ 9 ноября еще не было получено.

*** Выраженіе: имѣющихся (а не бывшихъ или имѣвшихъ) въ ссылкѣ въ Березовѣ показываетъ что княжны Долгорукія были увезены изъ Березова не вмѣстѣ съ братомъ ихъ Иваномъ Алексѣевичемъ, а что напротивъ оставались тамъ около года и послѣ него, едва ли не до ноября 1740 года, когда былъ писанъ помѣщаемый здѣсь указъ.

**** Тобольская духовная консисторія, называвшаяся прежде архіерейскимъ приказомъ, въ 1740 году называлась еще Тобольскою архіерейскою канцеляріей.

тебѣ архимандриту Лаврентію въ монахию по обыкновенію, при посланномъ за нею изъ Сибирской губернской канцеляріи карауломъ оберъ-офицеръ и по постриженіи содержать ее въ ономъ двѣцѣемъ монастырѣ подъ наикрѣпчайшимъ карауломъ, и никуда ея изъ того монастыря ни для чего не выпускать, и писемъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія не допускать, и чтобы никакихъ жалостей и непотребства отъ нея не происходило, лицемъ и одеждой содержать ее по обыкновенію того монастыря, равномерно противъ прочихъ монахинь, безо всякой отмены. И чтобы оная Долгорукова дочь двѣка Екатерина въ ломякутомъ монастырѣ содержана была по силѣ объявленнаго высочайшаго именнаго ея императорскаго величества указа непременно, велѣно по опредѣленію сей губернской канцеляріи объявленному оберъ-офицеру въ ломякутомъ монастырѣ для караула оставить при оной Долгорукова дочери двухъ человекъ до указа. И архимандриту Лаврентію о вышеписанномъ объявленной Долгорукова дочери постриженіи и о содержаніи ея подъ крѣпкимъ надзоромъ по силѣ выше объявленнаго ея императорскаго величества именнаго указа, непременно чинить по сему ея императорскаго величества указу, и о томъ въ архіерейскую канцелярію рапортовать секретно, 1740 года ноября 9 дня. Знаменскаго Тобольскаго монастыря архимандритъ Геннадій. Тобольскаго архіерейскаго дому казначей іеродиаконъ Іоанникій Павлуцкій. У расходу казначей іеродиаконъ Веніаминъ Мургинъ. За надзирателя (секретаря) Варнава Чекуновъ.“

Указъ этотъ * въ Томскѣ полученъ былъ 21го декабря 1740, а 24 числа того же мѣсяца отсюда, на имя митрополита тобольскаго и симбирскаго Никодима былъ посланъ объ исполненіи его рапортъ, который и составляетъ второй изъ названныхъ выше документовъ. Приведемъ этотъ рапортъ.

„Въ указѣ блаженныя и вѣчностойныя памяти ея императорскаго величества изъ Тобольской архіерейской канцеляріи написано: по именному де ея императорскаго величества указу повелѣно князя Алексѣя Григорьевича сына Долгору-

* Замѣчательно что 9 ноября 1740 года, когда былъ писанъ въ Тобольскъ указъ о новой ссылкѣ княжны Екатерины Долгорукой, въ Петербургѣ былъ арестованъ и низвергнутъ главный врагъ ея и всего ея рода, Биронъ.

каго имѣющихся въ смыслѣ въ городѣ Березовѣ дочерей: Катерину, Елену и Анну разослать въ сибирскія дальнія мѣста въ разные дѣвичьи монастыри, и въ тѣхъ монастыряхъ, по обыкновенію, постричь ихъ въ монахици, и по опредѣленію Тобольской архіерейской канцеляріи и по сношенію съ Сибирскою губернской канцеляріей, велѣно изъ вышеупомянутыхъ дѣвкѣ Катерину, когда она привезена будетъ въ городъ Томскъ подъ караулъ, то въ Томскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ постричь въ монахици по обыкновенію, при посланномъ за ней изъ Сибирской губернской канцеляріи карауломъ оберъ-офицеръ и о томъ въ архіерейскую канцелярію рапортовать секретно. И по силѣ вышесказаннаго ея императорскаго велѣчества указу она дѣвка Катерина въ Томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, въ небытность архимандрита Лаврентія, мною, нижайшимъ богомольцемъ вашимъ іеромонахомъ Моисеемъ, пострижена въ монахици декабря 22го числа 1740 года при посланномъ за нею карауломъ оберъ-офицеръ Петръ Егоровъ. Того ради въ Тобольскую архіерейскую канцелярію симъ доношеніемъ секретно рапортую. 1840 года, декабря 24 дня. Вашего преосвященства нижайшій рабъ-богомольецъ Моисей.“

Изъ этихъ двухъ документовъ видно что бывшая невѣста императора Петра II изъ Березова сослана въ Томскъ, гдѣ мѣстомъ новаго ея заточенія и постриженія послужилъ Рождественскій дѣвичій монастырь, построенный, по благословенію тобольскаго митрополита Корнелія въ 1671 году, томскимъ казачьимъ головой Зиновьемъ Литосовымъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ рѣки Томи*, внутри посада, монастырь крайне бѣдный,**

* Мѣсто его теперь указываютъ въ Томскѣ на возвышеніи занимаемомъ нынѣшнею Никольскою церковью, не вдалекѣ отъ мужскаго Алексѣевского монастыря и впадающей въ Томъ рѣчки Ушайки.

** Изъ одного документа хранящагося въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ и другаго напечатаннаго въ *Чтеніяхъ Общ. Истор. и Др. Росс.* 1867. кн. 2, между матеріалами для исторіи Сибири, стр. 298 и слѣд., видно что въ 1740 году въ Томскомъ Рождественскомъ монастырѣ были: церковь во имя Рождества Христова, ограда, 6 келій и одна больница, и все это деревянное и ветхое. Въ этихъ же документахъ говорится что „въ монастырѣ и при монастырѣ 1 вдовый священникъ и монахинь всего 7, что всѣ онѣ стары и дряхлы и ходить изъ келій не могутъ и одна очми не видитъ. Приписныхъ деревень и земель у монастыря не было и нѣтъ; вкладчиковъ

и что постриженіе княжны, изъ опасенія конечно бѣды, въ случаѣ промедленія, совершенно было чрезвычайно послѣпно и даже безъ настоятеля монастыря *. Ралортъ о постриженіи, конечно, по крайней торопливости писавшаго и подлисывавшего его, написанъ съ улущеніями. Такъ въ немъ не уломянуто какое дано было имя Екатерины Долгорукой при постриженіи, что архіерейской канцеляріи знать было необходимо, между прочимъ для сообщенія о томъ Сибирской губернской канцеляріи, а чрезъ нее и въ Петербургъ высшему правительству. Сверхъ того, въ ралортѣ ни слова не сказано о томъ какъ Долгорукою было принято постриженіе, то-есть давала ли она отвѣты на обычные при постриженіи вопросы объ отреченіи отъ міра, или оставалась при нихъ безмолвною, какъ это дѣлали и всѣ, по крайней мѣрѣ многіе невольные пострижники и пострижницы, напримѣръ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, супруга его Марія, дочь казненнаго въ Петербургѣ 27го іюля 1740 Артемія Волинскаго ** и пр.

монастырскихъ нѣтъ же, но токмо живутъ въ томъ монастырѣ 4 вдовы неимущія, для послуженія больнымъ монахинямъ. А денежнаго и хлѣбнаго жалованья прежде сего по 1736 годъ производилось денегъ 6 руб., хлѣба по 2 четверти каждой монахинѣ, а съ 1736 по 1740 въ дачѣ имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не было и нынѣ нѣтъ, а пропитываются монахины милостынею. *Страникъъ*. 1868, т. IV, отд. 1, стр. 69.

* Архимандритъ томскаго Алексѣевскаго монастыря, подобно настоятелямъ другихъ отдаленныхъ монастырей Тобольской епархіи, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ былъ какъ бы намѣстникомъ тобольскаго архіерея и вмѣсто его, отъ времени до времени, особенно около Новаго Года, обозрѣвалъ церкви, что, конечно, дѣлалъ и архимандритъ Лаврентій въ концѣ 1740 года.

** Младшая и еще несовершеннолѣтняя дочь Артемія Волинскаго, Анна, пострижена была въ Иркутскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 25 ноября 1740, слѣдовательно почти въ одно время съ Долгорукой. Постриженіе ея Иркут. кае. прот. Громовъ описываетъ такъ: „Явился въ церкви Знаменскаго монастыря архимандритъ Вознесенскаго (мужск.) монастыря Корнелій. За нимъ ввели въ церковь за конвоемъ юную отроковицу въ сопровожденіи фургера и неизвѣстной пожилой повидимому вдовы (которые сопровождали Волинскую изъ столицы). Архимандритъ приступилъ къ обряду постриженія дѣвушки. На обычные вопросы объ отреченіи отъ міра постригаемая оставалась безмолвною; но, вопросы слѣдовали по чиноположенію одинъ за другимъ.

О пребываніи княжны Екатерины Алексѣевны въ Томскомъ Рождественскомъ монастырѣ свидѣтельствуяютъ преданія сохранявшіяся между жителями Томска. Они сообщены были около 1860 года покойному учителю Томской гимназіи Кузнецову однимъ образованнымъ и знакомымъ съ мѣстными томскими древностями старичкомъ, а имъ въ свое время получены отъ одного томскаго старожила, который, передавая ихъ, говорилъ что во время пребыванія въ Томскомъ дѣвичьемъ монастырѣ княжны Долгорукой онъ былъ уже довольно взрослымъ и очевидцемъ переданнаго имъ. Подобныя же преданія къмъ-то изъ жителей Томска были еще много раньше сообщены покойному Н. А. Абрамову, много писавшему о Сибири, и имъ занесены въ его сибирскую лѣтопись.

Княжна Екатерина Долгорукая содержалась въ одной изъ шести или семи келій небогатаго монастыря. Это были не болѣе какъ бѣдныя деревянныя избушки, похожія на мѣщанскія или крестьянскія бани. Окна у нихъ были маленькія, стѣны были голыя, иногда не обтесанныя, бревенчатыя. Всю мебель келій составляли простой, грубой работы, некрашеный столикъ, да два-три такіе же стула, или вмѣсто ихъ скамейка, и двѣ вдоль стѣны лавки, изъ которыхъ одна вмѣстѣ съ приставляемою скамейкой служила обитательницѣмъ кельи вмѣсто кровати. Въ той же кельѣ помѣщалась старуха-надсмотрщица, а нерѣдко, особенно въ ненастье и холодъ, и караульный (солдатъ). Содержаніе княжна-монахиня получала самое скудное. Другимъ политическимъ ссылкой на содержаніе обыкновенно отлускались отъ казны кой-какія деньги, но княжну Екатерину Алексѣевну, при ссылкѣ въ Томскій дѣвичій монастырь, какъ видѣли мы изъ указа Тобольской архіерейской канцеляріи томскому архимандриту

Безмолвную одѣли въ иноческую мантию, покрыли куколемъ, переименовали изъ Анны Анисію, дали въ руки четки; и обрядъ постриженія былъ оконченъ. Фургеръ вручалъ постригаемому письменное удостовѣреніе что былъ очевидцемъ постриженія въ монашество дѣвицы Анны, дочери Артемія Волинскаго и тутъ же сдалъ вольную инокиню игуменьѣ подъ строжайшію надсмотръ и на вѣчное безвыходное въ монастырь заключеніе. Отъ игуменьи отобрали подписку въ томъ что не дастъ свободы арестанткѣ ни переписываться съ кѣмъ-либо, ни разговоровъ вести. Конечно и постриженіе Екатерины Долгорукой происходило подобнымъ образомъ. *Иркутск. Вѣстн.* Вид. 1868 года, № 27, стр. 331 и слѣд.

Лаврентію, велѣно было „лицею и одеждою содержать по обыкновенію того монастыря, равноѣрно противъ прочихъ монахинь безо всякой отмінны“. А монахица Томскаго Рождественскаго монастыря, не имѣвшая при монастырѣ ни деревень, ни вкладчиковъ и не получавшія отъ казны ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья, питалась мірскимъ подаваніемъ: иногда старушки, если имъ позволяло здоровье, для сбора подаваній бродили по домамъ сами, а иногда подаванія тѣ были имъ приносимы въ кельи сострадательными жителями Томска. Такъ на ряду съ другими пропитывалась и бывшая невѣста Петра Ш.

Каравулъ за княжной-монахиней былъ крѣпкій и строгій. По преданію, только иногда, какъ бы для развлечения и въ видѣ прогулки, дозволялось ей взойти на монастырскую колокольню, стоявшую отъ ея кельи саженьяхъ въ 20, посмотреть, полюбоваться съ нею на Томскъ. Ни днемъ, ни ночью ни на одинъ часъ не оставляли ея одну: безъ посторонняго лица ей не дозволялось даже перемѣнить бѣлье.

Жители Томска, слыша какъ поступаютъ въ монастырѣ съ княжной Долгорукой, роптали на приставниковъ ея, жалѣли о несчастной страдалецѣ. Сохранился разказъ какъ однажды будто бы явился къ ней какой-то военный чиновникъ съ требованіемъ обручальнаго кольца и какъ она будто бы героически отказала ему въ этомъ требованіи. „Нѣтъ, говорила она ему, ни за что я не отдамъ ни вамъ, ни кому другому этой моей святыни! Только тогда вы можете воспользоваться ею, когда согласитесь отрѣзать мой палецъ или отрубить мою руку, а плаче всѣ ваши попытки останутся напрасными. Кольцо мое, оно дано мнѣ моимъ высокимъ женихомъ, и не вамъ владѣть имъ!“

Князь Петръ Долгорукій, находившійся во второй половинѣ своей жизни за границей и издавшій въ 1867 году въ Женевѣ на французскомъ языкѣ свои записки, передаетъ въ этихъ запискахъ (т. I стр. 370 и 371) неизвѣстно откуда имъ заимствованныя невѣрные свѣдѣнія о княжнѣ Долгорукой: „Въ ноябрѣ 1839 года княжна Екатерина заключена въ Воскресенскій Горницкій монастырь что на Бѣль-озерѣ (Новгородской губерніи). Разъ тамъ игуменья хотѣла ударить ее своимъ посохомъ: Екатерина гордо взглянула на нее и сказала: „Ты должна уважать свѣтъ и во тьмѣ, не забывай что я княжна, а ты холопка“. Въ другой разъ, прибавляетъ

авторъ записокъ, княжна не встала предъ губернаторомъ, прѣхавшимъ въ монастырь. За это заколотили доской окно ея кельи, и она оставалась въ совершенной темнотѣ.“

Эти извѣстія опровергаются официальными монастырскими документами выше приведенными. Быть - можетъ около того же времени въ Горлицкомъ монастырѣ содержалась другая кака-нибудь молодая дѣвушку съ именемъ Екатерины, иной какой - либо знатной фамиліи, находившейся при Биронѣ въ опалѣ, напримѣръ въ родѣ Волюнскихъ, Голицыныхъ, Соимоновыхъ, или даже той же фамиліи князей Долгорукихъ; * князь П. Долгорукій, ошибочно быть-можетъ, даже на основаніи и ранѣе его составившихся ошибочныхъ же извѣстій, призвалъ эту иную молодую ссыльную особу, иную Екатерину за бывшую невесту императора княжну Екатерину Алексеевну, смѣшалъ съ нею, и вотъ такимъ образомъ и явилось неправильное извѣстіе о заключеніи въ названной обители такой особы которая тамъ вовсе не была заключена. Такъ случилось и случается не съ однимъ княземъ П. Долгорукимъ, а и съ другими собирателями историческихъ свидѣній, преданій.

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны перемѣнилась судьба Долгорукихъ. Новая правительница тотчасъ по востествіи на престолъ (25го ноября 1741 года) вслѣдила о жертвахъ злобы временщика и немедленно повелѣла возвратить ихъ изъ ссылки. Повелѣніе объ этомъ получено было въ Тобольскѣ всего чрезъ мѣсяцъ по воцареніи Елисаветы Петровны. Сибирская губернская канцелярія немедленно сообщила тобольскому епархіальному начальству о высочайшемъ повелѣніи освободить изъ монастырей его вѣдомства князень Долгорукихъ, и вотъ что по этому дѣлу, отъ 29го декабря 1741 года, писала Тобольская архіерейская канцелярія настоятелю Томскаго Алексѣевского монастыря архимандриту Лаврентію.

„По указу ея императорскаго величества и при слушаніи присланной изъ Сибирской губернской канцеляріи проме-

* По востествіи на престолъ Анны Иоанновны изъ князей Долгорукихъ въ 1730 году отправлено было въ ссылку, кромя князя Алексѣя Григорьевича съ сыномъ его Иваномъ Алексѣевичемъ и всѣмъ семействомъ, еще нѣсколько князей той же фамиліи, напримѣръ князь Долгорукій Василій Лукичъ и пр. также съ семействомъ.

моріи (отношенія) преосвященный Арсеній, * митрополитъ тобольскій и сибирскій, опредѣлялъ: по силѣ писанной промеморіи именнаго ея императорскаго величества всеимпериавшаго, за подписаніемъ собственнаго ея императорскаго величества высочайшей руки указа, обрѣтающихся въ Сибири въ дѣвичьихъ монастыряхъ князя Алексѣя Григорьева сына Долгорукаго дочерей постраженныхъ, а именно: изъ Томскаго Рождественскаго монастыря Екатерину, изъ Тюменскаго Успенскаго Елену, изъ Верхотурскаго дѣвича монастыря Анну освободить и о томъ вышеозначенныхъ монастырей настоятелямъ послать ея императорскаго величества въ самой крайней скорости указы, о чемъ сей къ тебѣ, архимандриту Лаврентію, и посланъ, и архимандриту Лаврентію о свободѣ обрѣтающейся въ Томскомъ Рождественскомъ дѣвичь монастырѣ Долгорукова дочери Екатерины учинить по сему ея императорскаго величества указу во всемъ непремѣнно. И какъ она Долгорукова дочь Екатерина изъ Томскаго Рождественскаго дѣвича монастыря освобождена будетъ, о томъ преосвященному Арсенію, митрополиту тобольскому и сибирскому, рапортовать въ какой возможно скорости немедленно. Декабря 29го дня, 1741 года."

Указъ этотъ въ Томскѣ былъ полученъ 10го января 1742 года, и на него того же числа архимандритъ Лаврентій отвѣчалъ:

„По указу ея императорскаго величества, изъ канцеляріи ея преосвященства писанному декабря 29го дня, прошлаго 1741 года, князя Алексѣя Григорьева сына Долгорукова дочь Екатерина изъ Томскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря освобождена. Вашего преосвященства нижайшій рабъ и богомолецъ архимандритъ Лаврентій.“

Такимъ образомъ бывшая невольца императора Петра II, княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, освобождена изъ заточенія въ Томскомъ дѣвичьемъ монастырѣ **, и съѣздила съ

* Это Арсеній Мацевичъ, который послѣ былъ митрополитомъ Ростовскимъ и который при императрицѣ Екатеринѣ II, по поводу отобранія церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, жестоко пострадалъ.

** Томскій женскій монастырь и послѣ княжны Долгорукой служилъ мѣстомъ ссылки: въ 1745 году было въ него прислано 20 колодницъ квакерской ереси. Кто такія онѣ были, это неизвѣстно; извѣстно только то что онѣ всѣ одна за другою въ Томскѣ и померли; двѣ

себя насильно на нее надвигое (22 дек. 1740) платые монахица 10 января 1742 года, следовательно только чрез годъ и 20 дней по постриженіи. * Сестры ея, княжны Елена и Анна, первая изъ Тюменскаго, а вторая изъ Верхотурскаго дѣвичьихъ монастырей освобождены и свали съ себя монастырское одѣваніе вѣроятно еще мѣсяцъ или два, такъ какъ Тюмень и Верхотурье отъ Тобольска, откуда разсидались указы объ освобожденіи заточенныхъ, много ближе Томска.

Дожидалась ли она въ Тюмени, въ Верхотурьѣ или другомъ какомъ-нибудь сибирскомъ городѣ сестры своей изъ Томска и невестки (Наташа Борисовна) съ дѣтьми изъ Березова, и вмѣстѣ ли отправилась изъ Сибири въ Россію, это неизвестно. Известно только то что она въ 1742 году прибыла обратно въ Россію, ** гдѣ имъ возвращены были фамиліальныя права и родовыя имущества. Княжна Екатерина Алексеевна въ 1745 году, имѣвъ уже 33 года отъ роду, вступила въ бракъ съ генералъ-лейтенантомъ графомъ Александромъ Борисовичемъ Брюсомъ. Младшая ея сестра Елена Алексеевна была обвинена съ возвратившимся также изъ ссылки изъ однофамиліальцемъ Юріемъ Юрьевичемъ Долгорукимъ. Наташу Борисовну ласкала благосердная государыня Елисавета Петровна, иногда для развлечения приглашала ее къ себѣ во дворецъ на увеселенія, предлагала было ей при своемъ дворѣ и мѣсто, но безутѣшная вдова удалилась изъ Петербурга въ Кіевъ и тамъ во Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ приняла постригъ, даже схиму, и скончалась 3 іюня 1771 года.

оставались въ живыхъ и до окончательномъ закрытіи (въ 1776) монастыря. Она живы были еще въ 1782 году (следовательно чрезъ 37 лѣтъ ссылки) и жили въ келіяхъ при приходской Никольской церкви.

* У Бантышъ-Каменскаго въ *Слов. достоп. люд. Русск. земли*, ч. 2а, стр. 244, неправильно говорится что „княжна въ монастырѣ 10 лѣтъ оплакивала драгоценную потерю и разлуку съ родными“. Если она разумѣла тутъ все время ея ссылки, то и это не совсемъ вѣрно: въ ссылкѣ она пробыла 11 съ половиной лѣтъ (съ половиной 1730). Подобная ошибка допущена и Н. А. Полевымъ на 275 страницѣ 4й ч. его *Русск. Ист. для первонач. чтенія*.

** У Н. А. Абрамова въ *Описаніи Березовск. края* (въ *Тоб. Губ. Вѣд.* 1858, № 22, стр. 409) ошибочно сказано что княжна Екатерина Алексеевна возвращена изъ монастыря въ 1745; въ этомъ году она уже вышла замужъ за графа Брюса.

Всегда за возвращеніемъ изъ Сибири княземъ Долгорукихъ: Екатерины, Елены и Анны, были возвращены оттуда, и именно изъ Камчатки и Охотска, ихъ братья, князья Алексѣй, Николай и Александръ (двое посаженіе въ 1789 году изувѣченные урѣзаніемъ языковъ), всѣ трое, по возвращеніи въ Россію, женились, притомъ двое жеранами и не по одному разу; двое изъ нихъ не мало времени еще служили: Николай въ чинѣ бригадиромъ, а Алексѣй—во флотѣ, но послѣ вышли въ отставку и жили одинъ (Николай) въ Москвѣ, а прочие—въ возвращенныхъ имъ помѣстьяхъ.*

Въ 1748 году возвращены были съ каторжной работы и сосланные изъ-за Долгорукихъ березовскіе протоіерей, пять священниковъ и діаконъ и обдорскіе священникъ съ діакономъ. Бывшія княжны Долгорукия, которыя по возвращеніи изъ ссылки жили въ Москвѣ и тамъ устроили домовую церковь (во имя Всемилостиваго Спаса), приглашали было ихъ къ себѣ въ Москву и въ свои помѣстья; на ихъ перемѣщеніе былъ согласенъ и Св. Синодъ; но приглашеніемъ воспользо-вались только обдорскіе священникъ и діаконъ: по крайней мѣрѣ въ двѣ хранящемся въ архивѣ Тобольской духовной консисторіи о ссылкѣ и возвращеніи изъ нея березовскихъ и обдорскихъ священнослужителей упоминается только о нихъ двоихъ какъ объ отбывшихъ въ Москву (къ Еленѣ Долгорукой). О березовскихъ же священнослужителяхъ мѣстное преданіе говоритъ что они не желали разстаться со своею родной и остались доживать свой вѣкъ въ Березовѣ.**

Въ 1764 году княгиня Елена Алексѣевна Долгорукая прислала въ березовскія церкви богослужбныхъ книгъ. Изъ нихъ двѣ (*Апостолъ* и *Молебникъ*) въ Березовскомъ Воскресенскомъ соборѣ и до сихъ поръ сохраняются. На *Апостолѣ* княгиней написано своеручно: „1764 года, сентября 1го дня, сію книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Спаса, что въ Сибири въ Березовскомъ острогѣ, на поминованіе своихъ родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена, князь Алексѣева дочь Долгорукова“***.

Урожденная княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, а по замужеству генеральша Брюсъ, въ супружествѣ кажется

* *Записки* князя Долгорукаго, т. I, стр. 371 и 372.

** *Опис. Берез. края* Абрамова, Тоб. Губ. Вѣд. 1858, № 22й, стр. 409 и слѣд.

*** *Опис. Берез. края*, Абрамова, Тоб. Губ. Вѣд. 1858, № 22й, стр. 411.

жила не долго: вступивъ въ бракъ, замѣчается въ Запискахъ князя П. Долгорукаго, Екатерина Алексѣевна поѣхала въ Новгородъ поклониться праху казенныхъ брата Ивана Алексѣевича и другихъ родственниковъ, простудилась, заболѣла и скоро умерла. Бывъ на смертномъ одрѣ, она приказала бросить въ огонь всѣ свои платья, чтобы никто не носилъ ихъ послѣ нея. * Последнее подтверждаетъ и Баттышъ-Камешскій. Въ концѣ жизнеописанія княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой онъ сдѣлалъ замѣчаніе: „Преданіе повѣствуетъ будто она, находясь на смертномъ одрѣ, велѣла сжечь въ той комнатѣ (квартирѣ въ той въ которой умерла) всѣ свои платья, чтобы послѣ никто не могъ носить такой богатой одежды. **

Апрѣль 1880.
Гор. Омскъ.

А. СУЛОЦКІЙ.

* Тамъ же, стр. 371.

** Слов. достоп. люд. Русск. земли, ч. 2я, стр. 245.

ВЪ ДОЛИНАХЪ И НА ВЫСЯХЪ БОЛГАРИИ *

ВОСПОМИНАНІЯ КОМАНДИРА 30ГО ДОДСКАГО ВОЛКА

Утромъ 24го августа отрядъ вытянулся по шоссе къ Плевнѣ, но не доходя десяти верстъ свернула мы по просеку на деревню Боготъ, гдѣ застала Кавказскую бригаду; по прибытіи сюда нашего отряда, Кавказской бригадѣ велѣно было перейти на лѣвый флангъ позиціи и стать на Ловченскомъ шоссе, по возможности наблюдая къ сторонѣ шоссе Софійскаго. Князь Имеретинскій повѣхалъ осматривать занимаемую его отрядомъ позицію за Тученинскимъ оврагомъ. Всѣ батареи которыя пришли съ нами были выдвинуты впередъ для усиленія общей линіи артиллерійскаго огня. Приказано было участить огонь чтобы заставить непріателя выказать свои силы дѣйствующія собственно противъ насъ, т.-е. противъ лѣваго фланга общей русской позиціи.

Проѣхавъ всю линію, князь остановился позади крайней нашей батареи, гдѣ мы слѣзли съ лошадей, чтобы дать немного отдохнуть и людямъ, и конамъ, такъ какъ съ ранняго утра не вставали съ сѣделъ.

— Клянусь безсмертіемъ души, меня не убьютъ! говорить мой офицеръ, сотникъ Тихоновъ.

См. *Русскій Вѣстникъ*, № 3.

— Вотъ будетъ тебѣ безсмертіе! Какъ оторветъ руку или ногу, такъ по повелѣнію умрешь, замигнулъ на это намъ общій хорошій пріятель, Сергій Васильевичъ Верещагинъ, братъ извѣстнаго художника, убитый 20го числа тутъ же подъ Плевной, на Зеленой Горѣ.

— Сотникъ Тихоновъ! посылаюся гололозъ отряднаго начальника штаба, полковника Паренцова.—Желаете вѣсть на рекогносцировку?

— Какъ прикажете, полковникъ.

— Ну, садитесь, ждемте.

Черезъ три часа полковникъ Паренцовъ возвратился уже на другой лошади, такъ какъ прежняя его была ранена, а изъ состоявшаго при немъ конвоя тоже ранены два казака и три лошади. Но—глядимъ мы—гдѣ же нашъ Тихоновъ? Между конвоемъ нѣтъ его. Что это значитъ?.. Я спросилъ о немъ у Паренцова.

— А я его не примѣтилъ, отвѣчаетъ онъ мнѣ—вѣроятно отсталъ гдѣ-нибудь на позиціи.

Но вотъ ужъ и вечеръ, а Тихонова все нѣтъ какъ нѣтъ. Пришлось нарочно послать казака разыскивать его. Уже поздно вечеромъ, когда въ моемъ шалашѣ сошлось много нашихъ офицеровъ и въ томъ числѣ Сергій Верещагинъ, возвратился наконецъ подполковникъ. При его появленіи вдругъ оборвался и смолкъ нашъ оживленный разговоръ: всѣ ожидали, что-то скажетъ казакъ про Тихонова.

— Нашелъ, ваше высокоблагородіе! докладываетъ мнѣ казакъ.

— Ну, что же? гдѣ онъ?

— Равенъ осколкомъ гранаты въ лѣвую руку, по спящему гребту.

— Вотъ тебѣ и безсмертіе, отозвался первый Верещагинъ:—теперь нечего и говорить,—смерть; а жалко: славный и веселый малый.

Не знаю съ какою цѣлью мы опять возвратились въ Болготъ, а на утро 28го числа, переправясь черезъ ручей, который довольно долго задержалъ отрядъ, двинулись по долинамъ и подошли къ Довче-Плевненскому шоссе. Въ этотъ день генералъ Скобелевъ съ передовыми войсками заставлялъ неприятеля отступать къ своимъ редутамъ, окончивъ бои уже поздно вечеромъ. Завѣсь оладъ геройски дрались Калужскій полкъ. Мои сотни расположились около самой дороги. Напившись чаю изъ котелка, желалъ я съ сотникомъ Плато-

вымъ, какъ вдругъ слышимъ приближающійся говоръ; глядимъ—фонари, толпа людей. Спрашиваемъ:

— Откуда, земляки, идете?

— Каауацы равесные, было намъ отвѣтомъ.

У меня и совъ пролаалъ. Поиду, думаю, ближе къ ламаткѣ свѣтаѣшаго,—можетъ-быть что новое есть, да тамъ и найдется съ кѣмъ поговорить.

Но въ то время какъ я подошелъ къ ламаткѣ князь вышелъ самъ и принялъ двухъ приблизившихся къ нему офицеровъ, которые отралортовали что прислали изъ главной квартиры въ его распорядженіе. Голосъ одного изъ нихъ показался мнѣ очень знакомымъ. Подошелъ ближе, прислушиваюсь, рассмотреть нельзя,—но на слухъ кажется не ошибаюсь. Подождалъ пока они откланялись князю, и подхожу къ нимъ съ вопросомъ:

— Кажется баронъ Меллеръ-Закомельскій?

— Да, Меллеръ, а вамъ что угодно?

— Да неужели, Саша, меня не узнаешь? и тутъ ужъ я безъ церемоніи бросился обнимать своего старого и хорошаго школьнаго товарища. Вотъ при какой обстановкѣ пришлось встрѣтиться.

29го числа съ утра начался сильный артиллерійскій бой, а въ 10 часовъ, оставивъ прикрытіе при батареяхъ, весь отрядъ двинулся на деревню Брестовець, т.-е. ближе къ Зеленой Горѣ, съ которой и предполагалось начать штурмъ, прикрываясь ближнею отъ непріятеля возвышенностью, а иначе непріятельскія граматы били насъ во флангъ. Но для того чтобы пройти къ деревнѣ Брестовцу, все-таки нужно было подняться на возвышенность и потомъ спуститься въ оврагъ. Какъ только голова колонны показалась на гребнѣ этой возвышенности, съ Кришинскаго редута повеселись прямо на насъ снаряды, и проходить это пространство стало весьма жутко. Здѣсь была построена новая батарея, съ которой орудія сейчасъ же велѣно перевезти ближе къ Зеленой Горѣ, такъ какъ послѣдняя къ этому времени очутилась уже въ нашихъ рукахъ, благодаря генералу Скобелеву, который по этому поводу лично прѣхалъ съ докладомъ къ князю Имеретинскому. Генералъ Добровольскій, присутствовавшій при этомъ докладѣ, послалъ за своею колыской, гдѣ, по его словамъ, было кое-что съѣдобное, что и оказалось теперь какъ нельзя болѣе кстати: мы несли цѣлый день, и поматно, были крайне голодны.

— Какой вы однако запасливый! сказалъ ему князь Имеретинскій:—даже и коляску для этого такъ близко отъ себя держите?

— Нѣтъ, князь, съ грустною усмѣшкой отвѣтилъ Добровольскій:—не для одного этого, а больше на случай когда меня ранятъ или убьютъ; по крайней мѣрѣ, не придется дожидаться лазаретныхъ фургоновъ: своя коляска скорѣе увезетъ мое тѣло съ поля сраженія.

И послѣ этихъ словъ на его лицѣ еще нѣсколько времени оставался оттѣнокъ грусти.

— Полноте, какія у васъ нехорошія думы, успокоилъ было его князь, но бѣднякъ положительно предчувствовалъ недобрую судьбу свою: на другой день его въ первыхъ же рядахъ тяжело ранили, а четыре часа спустя онъ уже скончался.

Послѣ небольшой закуски, князь Имеретинскій съ генераломъ Скобелевымъ поѣхали впередъ осмотрѣть позицію, взявъ съ собою четырехъ казаковъ и меча. Казакомъ бы подобный конвой слѣшкомъ малъ чтобы привлечь на себя вниманіе непріятеля; но на дѣлѣ вышло не то: удивительное чутье у этихъ Турокъ! словно имъ кто передавалъ что это именно ѣдутъ начальники: чуть лишь показалась наша группа, состоявшая всего изъ семи всадниковъ, какъ Турки сейчасъ же открыли елещально по намъ довольно горячій гранатный огонь и не прекращали его пока мы не доѣхали до передовой позиціи. И все это опять-таки изъ Кришиискаго редута,—не даромъ его называли у насъ въ отрядѣ „проклятымъ“. Подѣхавъ къ батарее, Скобелевъ передвигался отъ орудія къ орудію, здороваясь съ прислугой и спрашивая, попадаютъ ли наши снаряды. Солдаты, увидя своего любимого генерала-товарища, отвѣчали ему бодро и даже весело. Оглянувшись и замѣтивъ меча, онъ сказалъ:

— А! и казакъ здѣсь! Ну что Грековъ, хорошо?

— Не душно, ваше превосходительство, отвѣчаю ему, а самъ-себѣ думаю: какъ ужъ не хорошо, коли гранаты такъ взрываютъ землю что ни сосѣднихъ орудій, ни ихъ прислуги порой вовсе не видно, да еще весь этотъ милый спектакль съ аккомпаниментомъ осколковъ!..

Когда, осмотрѣвъ все что требовалось, мы наконецъ поѣхали обратно, то, нечего грѣха таить, мнѣ вздохнулось такъ легко какъ будто за все время пребыванія на батарее и не дышалъ.

На ночлегъ прѣехали мы опять въ деревню Брестовецъ, и тутъ съ вечера пошелъ сильный дождь, а въ землянкахъ, какъ на зло, рѣшительно нѣтъ никакого помѣщенія, такъ что мнѣ съ начальникомъ штаба, полковникомъ Паренцовымъ, пришлось расположиться на солому, подъ клябами небесными, прикрывшись кое-какъ спасательницами-бурками: и не промокнуть и согрѣть.

Утромъ рано двинулись къ Плавне-Славчицкому шоссе и оттуда прямо къ Зеленымъ Горамъ, гдѣ уже шелъ самый сильный артиллерійскій бой. Кавалерія же нашего отряда, то-есть Кавказской бригады полковника Тутолмина, Донской казачьей бригады Курнакова и 1й бригады 4й кавалерійской дивизіи (генераль-майора Леоitzeва), при Донской батарее № (кажется) 19го, приказано было пройти оврагомъ и завязать бой съ Кришвицкимъ редутомъ, чтобъ отвлечь отъ насъ непріятельскій огонь, не только не дававшій намъ положительно ни минуты покоя, но и наносившій намъ, при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи впередъ, довольно существенный вредъ выстрѣлами во флангъ. Это было въ достопамятный день 30 августа, который навѣрно никогда не забудутъ люди увидѣвшіе тогда отъ смерти. Тяжелый былъ день, а ненастная погода еще усиливала и безъ того уже достаточно мрачное впечатлѣніе... При штурмѣ генераломъ Скобелевымъ двухъ редутовъ, намъ довелось на некоторое время попасть въ ужасную сутолоку, гдѣ перемѣшались между собой и конные, и пѣшіе, и артиллерійскіе ящики. Никогда не забуду этого ужаснаго, непрерывнаго свиста безчисленныхъ пуль; это уже былъ не звукъ какъ бы частаго дождя, а именно одинъ дикій непрерывный свистъ. Да и Господи! сколько же ихъ тамъ было вылуцено!.. Не забуду и этого шипѣнья, и рева гранатъ, поминутно долавшихся то здѣсь, то тамъ; этихъ надорванныхъ, осиплыхъ отъ утомленія и жажды голосовъ, кричавшихъ ура; командныхъ криковъ, заглушаемыхъ всѣми этими звуками и громомъ орудій, не разбирая что и какъ скачущихъ во весь духъ на позицію... но больше всего памятамъ мнѣ будутъ эти вереницы раненыхъ солдатъ и офицеровъ, ихъ сдержанные стоны, мучительно сжимающіе душу того кто ихъ слышалъ. Говорить, напримѣръ, съ человѣкомъ, на минуту отвернувшимся или отъѣхавшимъ въ сторону, глядя—онъ уже лежитъ ничкомъ убитый или лонозатъ назадъ въ числѣ раненыхъ. А какіе бываютъ иногда раненые

или контуженныя. Помню, идетъ офицеръ, за нимъ денщикъ его тащется, и оба они, повидному, совершенно цѣлы. Что онъ, раненъ развѣ? спрашиваю у денщика.—Да вотъ, ваше высокоблагородіе, спрашиваю, не говоритъ. По счастью, близко тутъ случился докторъ. Я спросилъ его посмотреть офицера. Докторъ подошелъ къ нему съ участливымъ вопросомъ, куда онъ раненъ, но въ отвѣтъ получалъ только взглядъ самый безмысленный. Тогда уже безъ дальнѣйшихъ разспросовъ врачъ приказалъ посадить его въ лазаретную лямку и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Это контузія въ голову, и сильнѣйшая: не бодѣ какъ черезъ четыре часа—полное сумашествіе на вѣки!

— Жаль, молодой человекъ!

Все это въ состояніи было не то что разстрѣхать, а просто, какъ говорится, надорвать самыя здоровыя нервы, и мнѣ порой тѣмъ удивительнѣе было глядѣть въ подобныя минуты на нашего начальника-князя. Это спокойное лицо, сдержанный видъ и отчетливость въ отдачѣ каждаго приказанія, въ сколь крутой моментъ оно ни отдавалось бы,—все это, долженъ сознаться, просто завидно! Но глядя на него, я чувствовалъ, какъ и самъ становился спокойнѣе, какъ на душѣ у меня будто все легче и легче. Таково-то въ цѣлыя трудныя минуты испытаній жизни бываетъ безмовное вліяніе нравственной силы одного человекъ на всѣхъ его окружающихъ.

Между тѣмъ Кришинскій редутъ, увлекшись нашею кавалеріей, весь огонь отъ насъ обратилъ на нее. Спасибо имъ! подумалось каждому. А фронтальный нашъ бой тѣмъ часомъ ничуть не уменьшается. Генералъ Скобелевъ присылаетъ сказать что онъ занялъ второй редутъ и умоляетъ прислать ему подкрѣпленіе, но у насъ въ резервѣ уже ничего не оставалось, кромѣ знаменныхъ взводовъ....

— Откуда раненыхъ несете, земляки? спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Какъ есть изъ-подъ самой Плевны, ваше благородіе: отвѣтилъ санитары.

Оказалось что Скобелевъ съ передовыми войсками въ замяткѣ имъ редутахъ находился всего лишь въ вѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ городского предместья.

Бой утихъ, когда уже совсемъ настали сумерки, но ружейная перестрѣлка все еще продолжалась. По временамъ и она

было затихала, но всегда за каждымъ такимъ затишьемъ непремѣнно раздавались вдругъ то съ нашей, то съ непріятельской стороны частые залпы. Сейчас переломъ, конечно. Что такое? Въ чемъ дѣло? А дѣло совсемъ простое: не въ моготу измученные, усталые люди до того ужъ измучились и нравственно, и физически что многіе изъ нихъ доходили до бреда, до галлюцинацій: какому-нибудь часовому въ передовой цѣли ячудится вдругъ, ни съ того, ни съ сего, что къ намъ Турки тихомъ подползаютъ; онъ даетъ выстрѣлъ, и отъ этого сигнала сію же минуту огонь дружно подхватывается и приваляется всею цѣлью; Турки конечно отвѣчаютъ, и такимъ образомъ минутъ на десять, на двадцать опять пошла горячая перестрѣлка, пока-то наконецъ не убѣдятся тѣ или эти что они лишь даромъ тратятъ свои патроны. Тогда опять на краткій промежутокъ водаряется полное затишье, до чьей-нибудь новой галлюцинаціи. А дождь между тѣмъ все идетъ да идетъ, и конца ему кажется никогда не будетъ — холодный, осенній дождь, уныніе наводящій....

Достали мы вѣсколько словозъ, бросили ихъ въ грязь и помолчали отъ всей души. Да, это была искренная молитва благодаренія за то что Господь сохранилъ насъ въ нынѣшній день; а что завтра—Его святая воля! Начальникъ всю ночь не спалъ, все писалъ и отправлялъ доверенія къ генералу Зотову и въ главную квартиру.

— Ваше высокоблагородіе, сулъ готовъ, отпартовалъ мой казакъ,—а мы, надо замѣтить, вотъ уже три два горячей лица не видѣли; поэтому вся наша маленькая офицерская казачья компанія дружно вскочила на ноги и пошла къ костру. На дворѣ стояла уже темная, непроглядная ночь. Сядя у костра я вдругъ замѣтилъ что тутъ же кто-то лежить и стонеть.

— Кто такой? спрашиваю.

— Солдатъ, ваше высокоблагородіе,—раненый.

Нагнувшись ниже, я разглядѣлъ что это вольноопредѣляющійся, совсемъ еще юный... Можетъ-быть только одинъ у матери и есть... Э-эхъ!.. жаль мнѣ его стало, и приказалъ я фельдшеру сдѣлать ему перевязку; оказалось что раненъ въ ступню, но обойдется вѣроятно безъ ампутаціи. Мы его утѣшили что ногу ему не отрѣжутъ, и я распорядился сейчасъ же призвать санитаровъ чтобъ отвести юному на первый перевязочный пунктъ.

— Ваше высокоблагородіе, стоить ли ко мнѣ,—умъ если вы столь милостивы, то позвольте лучше мнѣ до утра здѣсь остаться, здѣсь такъ хорошо.

Поматно, согрѣлся бѣдыяга у костра, а послѣ перевязки и боля утихать стала.

На утро, 31-го августа, поднялась сильная тревога: Турки перешли въ наступленіе, и завязался такой отчаянно упорный бой о какомъ доселѣ мы еще и поматія не имѣли. Наша горсть храбрецовъ не хотѣла отдать тѣ мѣста на которыхъ еще вчера алаась кровь ихъ столь же храбрыхъ товарищей. Но, увы! непріятель былъ въ двадцать разъ сильнѣе... Османъ-паша собралъ теперь противъ Скобелева все что было возможно, оставивъ на всѣхъ остальныхъ фронтахъ своего оборонительнаго лагеря лишь ничтожныя по численности команды, необходимыя тамъ какъ маска, дабы не совсѣмъ уже нагло въ глазахъ противника оголить свои обширные окопы. Вся оставшая турецкая сила пять разъ обрушивалась на Скобелева, умолявшаго о подкрѣпленіи, въ которомъ ему по необходимости было отказано. Наша Плевненская армія была уже ослаблена вчерашнимъ неудачнымъ штурмомъ, многіе баталіоны очутились менѣе чѣмъ въ четырехсотенномъ составѣ; при томъ же на Гривацкомъ и Радисевскомъ фронтахъ ежеминутно ожидали весьма возможной вылазки Османа; все это заставляло главноначальствующаго русско-румынскимъ отрядомъ быть осторожнѣе и не вдаваться на сей день ни въ какое рискованное предпріятіе. Поэтому и Скобелеву поневолѣ было отказано въ подкрѣпленіи и... судьба „третьей Плевны“ такимъ образомъ окончательна была порѣшена въ пользу Османа.

По окончаніи боя на Зеленыхъ Горахъ, къ князю Имеретинскому пріѣхалъ Скобелевъ и, безмолвно обнявъ князя, вдругъ залакалъ горькими, ѣдкими слезами... Поматныя слезы: человекъ жилъ великою вѣрой въ несомнѣнный успѣхъ, обдуманно велъ къ нему все дѣло, успѣлъ, что называется, схватить быка за рога, овладѣлъ этимъ желаннымъ успѣхомъ, держался съ нимъ цѣлыя сутки,—и какія сутки!—выдержавъ столько ужасныхъ натисковъ цѣлой арміи Османа, и жилъ все это время лишь одними нервами и нервами натянутыми какъ струны до послѣдней возможности,—надо же было этому сстоянно нервовъ чѣмъ-нибудь наколеца разрѣшиться,—или смѣхомъ, или слезами...

Пріѣхалъ стрѣлки своего генерала Добровольскаго; былъ живъ еще, но скоро умрѣтъ; молодой еще былъ генералъ. Сергѣя Верещагина, говорятъ, убили; а спустя часа два послѣ этого извѣстія его братъ Василій пріѣхалъ изъ главной квартиры и привезъ ему знакъ отличія военнаго ордена.

— Господа, ну жели же правда? Говорятъ, приказано отступить, потому что Турки сильно напарываютъ... Въ первый разъ въ жизни являлъ я ототуманеніе и то что при этомъ бываетъ... Въ части перемѣщались между собой, вышла каша какая-то. Спасибо еще хладнокровію князя, который велѣлъ принять самыя строгія мѣры, чтобы установать порядокъ, а самъ до тѣхъ поръ не съѣхалъ съ позиціи пока не пропустилъ всѣ войска; остались арріергардъ и цѣль, которую замыкалъ собою Скобелевъ, сѣдѣши со своей бѣлой лошади. Невыразимо грустно и просто больно да слезъ было оставлять тѣ мѣста, гдѣ мы хотя и не долго пробыли, но за что стоить много и много пережили...

Отступили мы на левыя свои позиціи по обѣимъ сторонамъ Ловче-Плевненскаго шоссе.

31го числа, ночью, пріѣхалъ изъ главной квартиры казакъ и привезъ князю Имеретинскому приглашеніе пріѣхать 1го сентября, къ 10ти часамъ утра, на большую осадную батарею, гдѣ имѣеть быть военный совѣтъ, въ присутствіи Его Высочества Главнокомандующаго. Князь охотъ взялъ съ собой меня и десять человѣкъ казаковъ. Ѣхать пришлось по Радшевскому фронту, вдоль линіи занятой нашею арміею, и эта линія сплошь была изрыта непріятельскими граматами...

На батареѣ застали мы пока только нѣсколькихъ генераловъ и въ томъ числѣ генералъ-лейтенанта Зотова, но нѣсколько минутъ спустя пріѣхалъ князь Руминскій въ коляскѣ запряженной четверкою коней съ усами и съ какимъ-то звономъ подъ шееми дышловыхъ; этотъ оригинальный звонъ можно сравнить со звукомъ, когда бьешь по разбитому чугуному котлу.

Но вотъ показалась коляска съ четверкой вороныхъ великолѣпныхъ лошадей. Великій Князь остановился въ полудвертѣ, пересѣлъ на своего любимаго и вѣрнаго слугу „Рыжого“ и поѣхалъ шагомъ на батарею. Со вѣтми онъ былъ очень любезенъ, князю Имеретинскому подавъ руку и поздравилъ съ Георгіемъ 4й степени за вѣстіе Ловчи. На

батареи все сѣзали съ лошадей, и Главнокомандующій пошелъ смотрѣть въ подзорную трубу на Плевну. Возвращаясь оттуда къ столу, на которомъ была разложена карты, и увидѣвъ меня, Его Высочество спросилъ:

— Ты старшій штабъ-офицеръ въ полку?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество,—полковникъ Иловайскій.

Но кто-то, стоявшій сзади меня, замѣтилъ, что Иловайскій уже переведенъ въ полкъ № 31; я же, признаться, совсѣмъ не понималъ пока въ чемъ дѣло и ради чего осведомляются объ Иловайскомъ,—стою себѣ молча.

— Въ такомъ случаѣ примешь 30й полкъ ты, сказалъ Великій Князь, обращаясь ко мнѣ,—и надѣюсь что поддержишь въ немъ то хорошее направленіе которое даше твоимъ предшественникамъ, Давидомъ Орловымъ. Давидъ, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ, отчисленъ въ свиту, прибавилъ Главнокомандующій и подавъ мнѣ руку.

Отъ таково пріятнаго и неожиданнаго сюрприза я окончательно растерялся. Начались поздравленія. Между тѣмъ Главнокомандующій со старшими начальникамъ подошли къ столу и открыли совѣщаніе, которое продолжалось добрыхъ часа три, а затѣмъ Великій Князь угощалъ насъ завтракомъ. Послѣ закуски онъ побѣжалъ самъ на позиціи къ Тучевитскому врагу, а мы съ княземъ Имеретинскимъ отправились къ своему отряду.

2го сентября нѣкоторыя части изъ нашего отряда отправлены были обратно въ Боготъ, куда перѣхалъ и князь Имеретинскій со штабомъ.

Боготъ за эти три дня что мы въ немъ не были значительно измѣнилася: куда ни помотришь, повсюду госпитальныя палатки; по дорогѣ длинною вереницей таятся транспорты раненыхъ отправляющихся въ тылъ арміи; другіе транспорты только еще нагружаются страдальцами, въ ожиданіи отправки; на кладбищѣ новые ряды свѣжихъ могилочекъ... Вообще картина непривлекательная.

3го сентября я получилъ отъ нашего полковаго казначея изъ Горнаго Студня записку, гдѣ онъ меня извѣщалъ что походный атаманъ, генералъ-лейтенантъ Фоминъ, приказалъ мнѣ сейчасъ же пріѣхать въ Горный Студень чтобы принять полковой денежный ящикъ и затѣмъ отправиться къ полку въ городъ Сельви.

Пріемка продолжалась не долго, а потому и я въкорѣ отправился къ мѣсту назначенія съ нашимъ полковымъ обозомъ, по недоразумѣнію попавшимъ въ Студень, и съ командой слабосильныхъ казаковъ. Сельвинскій бундукъ своего полка засталъ я уже на другомъ мѣстѣ, около водяной мельницы, такъ какъ прежнее названное мѣсто было чрезвычайно сыро.

Узнавъ отъ начальника Сельвинскаго отряда что намъ придется здѣсь простоять довольно долго, я приказалъ копать землянки для различныхъ нижнихъ чиновъ, а также для себя и канцеляріи. При полковомъ штабѣ находилась одна лишь 5я сотня; остальные же части полка были расположены въ слѣдующихъ пунктахъ: 6я сотня—въ деревнѣ Баташовѣ, выслала разѣзды къ Габрову, на гору Мара-Гайдукъ и къ Новоселову; 1я и 2я сотни—въ Траянскомъ монастырѣ, имѣла постъ въ Новоселовѣ и послала разѣзды къ Новоселову, на Балканы и къ городу Траяну; 3я и 4я сотни—въ городѣ Траянѣ, посылая разѣзды къ монастырю, на Траяновъ перевалъ и по шоссе къ Ловчѣ. Такимъ образомъ линія отъ Габрова до Траянова перевала охранялась моими подкомъ, причемъ намъ было строго приказано не пропускать никого ни за Балканы, ни изъ-за Балкавъ, и чуть что замѣтимъ на горахъ—тотчасъ же давать знать одновременно въ три пункта: въ Ловчу, Сельви и Габрово. 6я сотня войсковому старшинѣ Аванасьеву приказано было произвести рекогносцировку перевала черезъ гору Мара-Гайдукъ, высшую точку Балканскаго хребта, и узнать насколько перевалъ этотъ можетъ быть проходимъ. Въ первый разъ порученіе это не удалось Аванасьеву, по случаю сильной метели на горныхъ высяхъ. Здѣсь всегда бываетъ такъ что если въ долинахъ ясная, свѣтлая погода, то на горахъ метель и наоборотъ. Вторично Аванасьевъ пошелъ съ ротой Старо-Ингермавладскаго полка, штабъ-капитана Яковаева, и на этотъ разъ имъ удалось овладѣть непріятельскимъ редутомъ на Мара-Гайдукѣ, причемъ въ наши руки досталось много патроновъ и разныхъ запасовъ.

Скучную жизнь проводили мы въ нашихъ землянкахъ, гдѣ и сырость, и духота, и темнота, да вдобавокъ еще и мыши позавелась. Вотъ уже и снѣгъ выпалъ, и даже очень порядочный, а говорили что въ Болгаріи зимы не бываетъ. Выйдешь бывало при восходѣ солнца и любуешься на вер-

ниамъ Балканъ, гдѣ снѣга блестятъ какъ бриліанты и переливаются цвѣтами огня,—только и развлечения нашего было!.. Впрочемъ однажды тишина и спокойствіе нашей стоянки были нарушены. Случилось это такъ: столатъ не вдалекѣ отъ насъ запасный артиллерійскій паркъ, который приказано было перевести, кажется, въ Габрово. Изготовилася паркъ къ выстулаеію только вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Ящики и повозки стояли уже задрожанными, и лошади недавно прішедшія изъ Россіи были пока еще очень сыты. Чего онѣ вдругъ испугались—не знаю, но только воѣ двадцать четверокъ, безъ ѣздовыхъ и возчиковъ, ловеслись съ мѣста въ разные стороны.

Раздалась крики „тиру! тпру!“ а кому-то почудилось „Турки!“ и это послѣднее слово было подхвачено въ разныхъ мѣстахъ разными голосами. Вообразилось что весь этотъ переполохъ надбалабъ влезалъ появившійся непріятель. Нѣсколько четверокъ бѣшено неслись прямо на нашъ бивуакъ, но къ счастью казаки успѣли ихъ перемять и не допустили до бивуака, гдѣ эти кони могли бы и передавить, и перекалѣчить людей и перековеркать множество вещей и вообще натворить не мало вреда.

Между тѣмъ дежурная часть моего полка въ десять минутъ была уже готова, и я самъ повелъ ее рысью ближе къ Балканамъ. Пройдя лять верстъ, я остановился чтобы прислушаться гдѣ же наконецъ непріятель; такъ какъ видѣть въ лощахъ не было никакой возможности. Но кругомъ все тихо. Дошли мы до нашего поста, спрашиваю, постовые увѣряютъ что все благополучно, ничего де такого не замѣчали, а шумъ какой-то точно что слышали, только не впереди, а въ тылу, на бивуакахъ. Тутъ ужъ окончательно выяснилось что тревога была фальшивая. Но, къ несчастію, въ ея суматошѣ полагались жизнью шесть человѣкъ солдатъ, раздавленныхъ кто во снѣ, кто по олашности, въ лощахъ, подъ колесами несущихся фургоновъ, нагруженныхъ снарядами. Въ послѣдствіи случилась и еще одна тревога, по поводу Елененской катастрофы, о которой я слышалъ весьма разнообразныя разказы, самъ же такъ не былъ и потому не берусь передавать ихъ чтобы не впасть въ какую-нибудь ошибку.

20го декабря была у насъ получена телеграмма изъ Ловчи, отъ генералъ-лейтенанта Карпова, которому мы подчинялись, какъ начальнику Сельви-Ловчанскаго отряда. Телеграммой

этою предписывалось мнѣ собрать полкъ 22го числа въ городѣ Траявъ; обозы, денешные ящики, лазаретныя аптечки и всѣ тяжести оставить въ Сельви; людямъ имѣть шестидневный запасъ сухарей. Равнымъ образомъ и графу Татищеву совѣреннымъ ему полкомъ (Старо-Ингерманландскимъ пѣхотнымъ) велѣно выступить тоже въ Траявъ; но зачѣмъ, съ какою цѣлью—о томъ ничего намъ не было извѣстно. Полу-сотню я оставилъ при мажорантскомъ штабѣ, а остальныхъ казаковъ взялъ съ собою. Поздно вечеромъ 22го числа прибыли мы въ Траявъ, и здѣсь узналъ я что двѣ сотни моего полка, по приказанію отряднаго начальника, уже двинулись на Княжевицкія кулибы, ближе къ Траявову перевалу. Такъ вотъ значить зачѣмъ насъ сюда собирали! Приходится переходить Балканы черезъ Траявовъ Черель, гдѣ горный крайъ достигаетъ наибольшей своей высоты и крутости (6.600 фут.). Но какъ-то мы будемъ лѣзть на такую кручу, да еще по такому глубокому снѣгу! По правдѣ говоря, было надѣ чѣмъ пред-думать, тѣмъ болѣе что, какъ слышно было изъ разгово-ровъ свѣдущихъ людей, Траявовъ Черель поконцъ почитался недоступнымъ для военныхъ цѣлей и движеній. Предстояло значить разрѣшать задачу доселѣ считавшуюся неразрѣши-мою. Чтѣ жь, никто какъ Богъ! Его святая воля!

Хотя было уже поздно, но я приказалъ тотчасъ же вязать каждому казаку „дугки“, забирая въ нихъ какъ можно больше сѣна, и вязать ихъ въ торока къ сѣдламъ, такъ какъ мѣстные Болгары сказываютъ что тамъ на горахъ сѣна не найдется.

Только-что мы успокоились какъ въ первомъ часу ночи прі-ѣхалъ казакъ съ приказаніемъ чтобъ и остальные сотни выхо-дили изъ Траява, направляясь далѣе въ горы, по берегу Бѣлой Осмы. Вѣхать этою дорогою, да еще въ темнотѣ, было про-сто мученье, но за то Осма въ этихъ мѣстахъ такъ прекрас-на, такъ живописно крутится и ладаетъ водопадами съ обрыва на обрывъ и быстрыми, прозрачными водами ка-тается по каменному дну. У кулибъ (кулибами называются у Болгаръ хутора въ двѣ-три хаты разбросанные по горамъ) мы кое-какъ переправились въ бродъ чрезъ Осму и на ма-ленькой площадкѣ догнали свои передовыя сотни пѣхоты и батарею, изъ которой уже два орудія были разобраны по частямъ для облегченія подъема. 10й же стрѣлковый бата-ліонъ, какъ намъ сказали, еще до свѣта полѣзъ на кручу и съ нимъ болгарская чета Цеко Петкова съ частью саперъ.

Глядя на первый подъемъ, каждый задавалъ себѣ вопросъ: „да какъ же тутъ влѣзешь?“ Но... разсуждать и раздумывать было некогда. Подана команда, движеніе и подъемъ начался. Какія усилія! Бѣдемъ верхомъ—лошадь ложится въ свѣгу по брюху; слѣзешь, лѣшкомъ пойдешь—задыхаешься отъ усталости, начинаешь на четверенькахъ карабкаться. По неволѣ пришлось браться (казаки придумали) за хвосты своихъ лошадей; этотъ послѣдній способъ для движенія, правда, легче другихъ, но въ глубокомъ свѣгу самъ не всегда послѣдешь за конемъ, потому что то и дѣло путаешься ногами, слотыкнешься, уладешь и волочишься за лошадей, а мерзлый свѣгъ набирается въ рукава, за голенища, за воротники,—холодно, мокро, мерзко вдругъ ставеть. Пройдемъ такимъ-то образомъ шаговъ пятьдесятъ и—стой! Роздыхъ необходимъ, и весь отрядъ останавливается. Поминутныя задержки то впереди, то сзади. Каждое тѣло орудія, безъ лафета, колесъ и прочихъ принадлежностей, везли восемь паръ буйволовъ, да кромѣ того еще впереди за лямки тянули цѣлая рота лѣхоты и сотня казаковъ. Слѣбны казаковъ солдатами и солдатъ казаками происходили чуть не поминутно, и каковы же были усилія, если и при столь частыхъ слѣбнахъ люди доходили каждый разъ до крайняго изнеможенія. На каждомъ шагу требовались просто нечеловѣческія усилія. А между тѣмъ все выше и выше поднимаемся мы, дышать становилось все труднѣй и труднѣй. Морозный воздухъ на высотахъ былъ очень разрѣженъ. У многихъ кровь пошла носомъ, иные закапывали кровью. Мѣстами, расчищая дорогу, открывали ту мостовую которую въ отдаленной древности строили здѣсь легіоны Траяна; по мѣстнымъ болгарскимъ преданіямъ, въ древнія времена здѣсь не разъ и не мало гибло войскъ и римскихъ, и цныхъ, въ борьбѣ съ неодолимою природою. Неужели и намъ суждено погибнуть? невольно думалось каждому, тѣмъ болѣе что Болгары предупреджали что если поднимется вьюга, то спасенія уже нѣтъ никакого. Какіе страшные подъемы: лѣзешь, лѣзешь, кажись безъ конца; по суммѣ времени и утомленію сдается такъ будто проползъ уже и весьма значительное пространство, выбился изъ силъ; дадутъ вздохнуть, посмотришь назадъ, а хвостъ отряда — вотъ онъ, рукой подать! Это значитъ что для того чтобы влѣзть на какой-нибудь уступъ, нужно сначала обойти его по кое-какимъ отагостямъ и карнизикамъ, а иначе напрямикъ податься

почего и думать. А то еще эти карнизы!... Тропинка самая узенькая тянется въ гору; посмотришь въ одну сторону — бездонная пропасть, куда рискуешь слѣзть при малѣйше невѣрномъ шагѣ, а съ другой стороны страшная скала нависла, какъ будто хочетъ насъ спихнуть въ эту пропасть. При проходѣ такими мѣстами, иной разъ нервныя мурашки по тѣлу пробѣгали. Стараешься ужь лучше и не гладить, особенно внизъ, а смотришь только прямо предъ собой. Такъ-то какъ будто все же легче съ непривычки.

Наконецъ голова колонны остановилась. Что это значитъ? Конецъ движенію что ли? Послали спросить. Говорятъ бывшій турецкій караулъ, брошенная овчарья. Подѣхалъ и я къ полуразрушенной каменной постройкѣ и здѣсь познакомился съ новыми лицами. То были генеральнаго штаба подполковникъ Сосновскій, начальникъ нашего отряднаго штаба, которому было поручено сдѣлать рекогносцировку укряленій на перевалѣ, и штабъ-ротмистръ Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, присланный въ передовой эшелонъ отряда, въ качествѣ ординарца и въ помощь подполковнику Сосновскому при рекогносцировкѣ и для проложенія луты на Траяновъ Черель. Тутъ же находились и еще двѣ замѣчательныя личности: атаманъ болгарской четы Цеко Петковъ, извѣстный всей Болгаріи какъ народный герой, всю жизнь свою посвятившій на борьбу съ Турками въ балканскихъ трущобахъ, и настоятель болгарскаго Траянова монастыря, отецъ Макарій. Что за симпатичный и достойнѣйшій человекъ! Многимъ мы ему обязаны. На пустынныхъ высяхъ, разумеется, ужь ничего не доставешь ни за какія деньги, а онъ доставлялъ намъ сюда на монастырскихъ вьюкахъ и хлѣбъ, и мясо жареное и вареное, вино и ракію. Конечно, не одинъ я изъ участниковъ Траявскаго перехода вспомню его съ тelloю сердечною благодарностью.

У овчарья дали отдохнуть отряду и двинулись дальше.

— Да далеко еще до вершины?

— А вонъ, надъ этими облаками,—видите обнаженный словно бы блестящій холмъ, вотъ тотъ что кажется будто сплелся съ облаками,—это и есть высшая точка Траянова перевала, такъ-называемый Траяновъ Черель.

— Это туда взбираться?...

— Туда.

— Благодарю локорно! Моціонъ, значить, предстоитъ еще не малый.

А назадъ на пройденное пространство посмотришь,—такъ какъ будто все покрыто туманомъ, изъ котораго торчатъ кое-гдѣ отдѣльныя вершупки горъ и лѣсовъ. Кажется, будто мы уже далеко, далеко ото всего живаго,—ни одна птица не пролетитъ, даже горные орлы куда-то полпрятались отъ этого жестокаго мороза. Одинъ лишь человѣкъ пытается пока еще продолжать борьбу съ суровою природою... Идешь и вдругъ обдаешь тебя какимъ-то густымъ бѣлымъ туманомъ, въ которомъ почти нечѣмъ дышать; затѣмъ черезъ нѣсколько времени опять прояснятся все вокругъ, и тутъ замѣчаешь что вся одежда твоя покрыта цѣлыми слоями морозной пыли. Это значитъ что одно какое-нибудь облако, слустившись ниже другихъ, проходя по скаламъ, оставило часть своихъ клочковъ въ какомъ-нибудь заслоненномъ отъ вѣтра пространствѣ или въ чащѣ буковаго лѣса, и мы попали именно въ этотъ застрявшій клочекъ облака.

Надо замѣтить одну изъ особенностей центральныхъ Балканъ. Они покрыты разнороднымъ лѣсомъ, лишь до пяти тысячъ футовъ высоты, но выше этой черты нѣтъ никакой растительности. Такъ и на Траянѣ—последній предѣлъ его растительности составляетъ буковый лѣсъ, деревья коего достигаютъ громаднхъ размѣровъ. Минувавъ этотъ лѣсъ, мы подошли къ послѣднему подъему откуда начинается уже голый Черель, и къ семи часамъ вечера были на его вершинѣ. Говоря относительно и принявъ въ соображеніе всѣ предварительныя труды, это было чрезвычайно быстро,—но за то и стоилъ же намъ просто невозможныхъ успѣй этотъ подъемъ!... По поясъ въ снѣгу, какъ-нибудь ошибешься ступить ногой, и проваливаешься еще глубже или покатишься назадъ. Хорошо еще что снѣгъ былъ не совсѣмъ-то рыхлый, такъ что могъ сдерживать упавшаго человѣка своею плотностью, а то бѣда бы!...

Между тѣмъ къ семи часамъ уже совсѣмъ стемнѣло, такъ что не только производить рекогносцировки, но и впередъ двигаться было возможно съ крайнимъ трудомъ, почти что ощупью: ни предъ собою, ни съ боковъ ничего не видно—повсюду стоитъ какъ стѣна одна лишь бѣлесоватая мгла, въ которой исчезали всѣ очертанія даже ближайшихъ предметовъ.

Поднявшись на самый Черель, отрядъ остановился, и начальствующія лица сошлись на совѣщаніе, что и какъ теперь

сдѣлать. Рѣшили послать впередъ болгарскую чету вмѣстѣ съ охотниками; за ними—10й стрѣлковый баталіонъ, а за баталіономъ мой полкъ. Но какъ только тронулись стрѣлки, въ сторонѣ вдругъ загорѣлся огромный костеръ. „Что это значить?“ спрашивали мы другъ у друга. „Кто это вздумалъ оказать намъ нехоти такую услугу?“ Но на эти вопросы, конечно, никто не могъ дать пока удовлетворительнаго отвѣта въ послѣдствіи же оказалось что это былъ предупредительный; сигнальный огонь, вслѣдствіе чего наши передовые охотники, будучи подлущены къ укрѣпленію на самую близкую дистанцію, были встрѣчены сначала отдѣльными выстрѣлами, а затѣмъ и залпами. Но отрядъ, несмотря на это, все-таки продолжалъ свое движеніе впередъ, такъ какъ задача его заключалась въ томъ чтобы сдѣлать демонстрацію съ цѣлью отвлечь къ Траяну часть турецкихъ силъ отъ Шилки и Златицы, дабы облегчить операцію спуска нашимъ сосѣднимъ отрядамъ и въ особенности отряду М. Д. Скобелева. Вмѣстѣ со строевыми частями двигались впередъ и наши коноводы, даже офицерскіе вьюки. Подполковникъ Сосновскій на послѣднемъ совѣщаніи высказалъ предположеніе что если удастся взять укрѣпленіе „въ лобъ“, то, не ограничиваясь демонстраціей, въ эту же ночь перевалить на южный склонъ хребта, что во всякомъ случаѣ при нашихъ ничтожныхъ силахъ и средствахъ было бы крайне рискованно. Въ виду возможности если не перевалить въ Долину Розъ, то заочевать въ самомъ турецкомъ укрѣпленіи (буде удастся имъ овладѣть), вѣрно было двигаться и вьюкамъ, хотя, какъ мнѣ кажется, и вьюки, и коноводы могли бы удобно оставаться и на мѣстѣ нашего послѣдняго роздыха на самой вершинѣ. А то вышло что при отступленіи, которое, впрочемъ, въ началѣ не предполагалось, они только крайне затруднили движеніе строевыхъ частей по узкой тропинкѣ.

Отрядъ развернулся предъ укрѣпленіемъ въ боевой порядкъ, но огня не открывалъ, дабы не обнаруживать свою количественную слабость. Ему предстояло только заявить свое присутствіе въ этомъ недосыгаемомъ мѣстѣ и оставаться пассивно въ теченіе извѣстнаго времени подъ выстрѣлами противника. За то и открыли же Турки по насъ огонь, да какой! — не тотъ шальной огонь, наобумъ, къ какому мы приглядѣлись уже подъ Ловчей и Шлевной, а огонь совершенно правильными залпами, съ выдержкой, по командамъ, что

явно указывало на присутствіе въ укрѣпленіи не ополченскаго сброда, а регулярной и очень хорошо дисциплинованной части. Вотъ уже и раненые встрѣчаются, и ни имъ, ни коноводамъ невозможно своротить съ тропинки. Перевязку, за неимѣніемъ доктора, оставленнаго на перевязочномъ пунктѣ у овчарни, дѣлалъ моего полка ветеринарный врачъ Котаубай, никогда и ни въ какихъ случаяхъ не оставлявшій строевыхъ частей полка, почему не рѣдко приходилось ему исполнять обязанности даже и строевыхъ офицеровъ. Дѣлать перевязку въ темнотѣ, конечно, трудно; поэтому зажгли отыскавшійся въ чьемъ-то выюкѣ фонарь или просто свѣчу,—не помню ужъ въ точности. Но чуть лишь показался этотъ свѣтъ какъ на него сразу направились непріятельскіе залпы. Пришлось потушить огонь, хотя выстрѣлы и послѣ того нѣсколько времени продолжались еще въ томъ же направленіи. Хочется курить. Кто-то по близости зажегъ спичку подъолою бурки, но и этого слабого отсвѣта было достаточно чтобы новыя пуды усиленно заужужали около насъ. Такъ и не удалось выкурить папироску. Непріятель старался бить на свѣтъ или на звукъ голоса и, приваивъ въ соображеніе число раненыхъ у насъ въ этомъ дѣлѣ, надо сознаться что попытки его были не совсѣмъ-то неудачны. Въ такомъ положеніи, изображая изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ мишени для противника, пробыли мы въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ турецкаго укрѣпленія съ семи часовъ вечера до трехъ часовъ утра, при лютомъ морозѣ. Въ четвертомъ часу говорятъ—отступать приказано. Но что это было за отступление!... Я ужъ и разобрать ничего не могъ. Каша какаа-то на одной узенькой тропинкѣ.

Вышли мы наконецъ изъ-подъ выстрѣловъ на то мѣсто Черела откуда начали нашу демонстрацію къ турецкому укрѣпленію. Здѣсь подулъ вдругъ очень рѣзкій и холодный вѣтеръ, такъ что солдаты и казаки только толчутся да подпрыгиваютъ на мѣстѣ чтобы согрѣться и не отморозить ногъ. А было уже довольно таки ознобленныхъ. Подоселъ ко мнѣ мой старшій офицеръ, войсковой старшина Грузиновъ, и заявилъ что китки всѣ поѣдены и лошадей невозможно держать въ поводу отъ холода. Я сказалъ объ этомъ подполковнику Сосновскому и просилъ, если не будетъ наступленія, позволить мнѣ съ полкомъ спуститься съ гораго Черела и стать въ буковомъ лѣсу, гдѣ болѣе защиты отъ

вѣтра; на это онъ сдѣлалъ распоряженіе чтобъ и весь передовой отрядъ спускался, оставивъ лишь малую часть для наблюденія за неприятелемъ.

Спускъ обратно былъ до такой степени тяжелъ и неприятенъ что и теперь вспоминаю я о немъ скорѣе какъ о какомъ-нибудь сонномъ кошмарѣ чѣмъ о дѣйствительности лережитой нами. Морозная ночь, студеныи завывающій вѣтеръ, ни зги не видно.... Въ потьмахъ мы сбились съ пути нами же самими проложеннаго, и, перемѣшавшись какъ полоао, мѣстами просто кубаремъ катились куда-то внизъ съ такой кручи гдѣ держаться на ногахъ окончательно не было никакой возможности. Ничего нельзя было разобрать. Солдаты, упираясь на ружья, ладали и при ладеиці дѣлали нечаянные выстрѣлы, такъ что того и гляди что ранятъ, и при этомъ постоянныя остановки вслѣдствіе чрезмѣрнаго скученія людей и лошадей, предъ разными преградами въ видѣ скалъ или обрывовъ и полной неизвѣстности куда и какъ теперь двигаться. Старались только скорѣе по шивстакту чѣмъ по какимъ-либо признакамъ держаться на сѣверъ. Порой совсѣмъ уже казалось что природа начинаетъ окончательно преодолевать всѣ наши невѣроятныя успія въ борьбѣ съ нею... Знаю только что мѣтко и справедливо назвалъ тогда же это отступленіе „картиною изъ Дантова Ада“ одинъ изъ участниковъ дѣла этой достопамятной ночи.

Наконецъ, уже подъ утро, добрались мы до лѣса, гдѣ оставленныя нами резервныя части и артиллеристы всю ночь жгли огромныя костры. Какъ отрады были намъ свѣтъ и тепло расточаемыя ими! Подошелъ я къ одному изъ такихъ костровъ: сидятъ вокругъ него человекъ двадцать солдатъ; вѣ-которые уже лоснимали салоги, сушатъ портянки, словомъ, совсѣмъ какъ дома. Лежить тутъ же на снѣгу какая-то фигура съ закутанною въ башлыкъ головой, гляжу—башлыкъ почти загорается отъ откатившихся горячихъ головней.

— Гляди-ка, братцы, голова горитъ!

— Ничего! отвѣчаетъ кто-то:—башлыкъ казенный, не загорится.

Оказалось, однако, что вовсе не казенный: это лежалъ штабъ-ротмистръ Крестовскій, только что спустившійся съ нами съ Черела, и уже спалъ какъ убитый. Да и многіе за-снули такимъ же мертвымъ своимъ послѣ повеселенныхъ тру-

довъ, и заснулъ просто на свѣгу, одѣтые въ заледѣвшее платье. Здѣсь, въ этомъ лѣсу, пришлось прожить намъ до 26го числа декабря, пока не стаялся весь отрядъ. Пріѣхалъ графъ Татищевъ и до прибытія генерала Карцова принялъ, по его приказанію, начальство, а подполковникъ Сосновскій уѣхалъ въ квартиру отряднаго штаба. Посланные на деревню Шилково правѣ насъ двѣ сотни, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова, возвратились къ отряду, такъ какъ для нихъ не оказалось никакой возможности перейти въ предназначенномъ мѣстѣ; благодаря этому обстоятельству нашъ полкъ собрался въ полномъ своемъ составѣ. Здѣсь въ первый разъ я познакомился съ Владиміромъ Александровичемъ Сухомлиновымъ, съ которымъ послѣ не разставался, и даже одно время жили мы вмѣстѣ. Отличный офицеръ, смѣлый въ дѣлахъ и неутомимый наѣздникъ, но самое главное въ немъ то что несмотря на свои теоретическія познанія онъ всегда принималъ къ свѣдѣнію и соображенію совѣты и мнѣнія другихъ, познанія которыхъ основаны на практикѣ: мы всѣ его очень любили и уважали.

Такъ какъ графу нужно было много писать, то приказали построить шалашъ, который отъ костра у насъ загорѣлся, и мы много смѣялись потомъ, вспоминая какъ мы выскакивали изъ него. Впрочемъ постройка такая незатѣйливая что нашъ шалашъ сейчасъ же и возобновили. Лежимъ вокругъ костра какъ байбаки, конечно не раздѣваясь, а чуть пригрѣешься возлѣ огня какъ по тѣлу начинается зудъ. Вы, полагаю, догадываетесь о причинѣ. Одного моего офицера этотъ зудъ заставлялъ перемѣнить бѣлье здѣсь же, на воздухѣ, при двадцати двухъ градусахъ мороза.

25го числа, вечеромъ, позвалъ меня графъ Татищевъ и объявилъ что онъ ни въ какомъ случаѣ отступать не будетъ, а рѣшился во что бы ни стало взять Орлиное Гнѣздо. Но такъ какъ на Траянѣ у Турокъ есть еще одно укрѣпленіе вправо отъ Ординаго Гнѣзда, прикрывающее спускъ на Карваре, то предварительно нужно взять это правоефланговое укрѣпленіе, а потомъ уже брать Орлиное Гнѣздо; поэтому графъ поручаетъ мнѣ командованіе обходною колонною, въ которую войдутъ 1й баталіонъ Старо-Ингерманландскаго полка, стрѣлковая рота Ново-Ингерманландскаго, 10й стрѣлковый баталіонъ и четыре сотни моего полка и одно 9тифунтовое орудіе; и такъ какъ обходной колоннѣ нужно подойти къ

цѣли ея дѣйствій по возможности скрытно, то я долженъ двинуться съ мѣста въ два часа ночи. Я поблагодарилъ за столь лестное для меня назначеніе и пошелъ сдѣлать кое-какія распоряженія. Не спалось мнѣ всю эту ночь,—все думалось о завтрашнемъ днѣ, да о томъ какъ бы пообстоятельнѣе выполнить возложенную на меня обязанность, да и о томъ еще, кто-то изъ насъ живъ останется... А сегодня-то какой день—Рождество Христово!.. Невольно мысль переносилась порой и на родину... Представилась мнѣ домашняя семейная картина: теплая комната; вечеръ, мягкій свѣтъ лампы; жена сидитъ и, по обыкновенію, читаетъ или работаетъ; около нея дѣти на полу играютъ. Вотъ она пріостановилась со своею работою, посмотрѣла на дѣтей и задумалась. О чемъ и о комъ она думаетъ? Можетъ-быть и меня вспомнила: „гдѣ-то онъ теперь, въ эту минуту?“... Странно даже, до какой степени живо въ такихъ случаяхъ рисуется воображеніе подобныя картины! Влѣво отъ меня костеръ освѣщаль нѣсколько солдатскихъ молящихся фигуръ. Съ какимъ усердіемъ молились эти люди и какъ серьезны были ихъ лица! Да, вотъ она несомнѣнно искренняя молитва!...

Когда къ двумъ часамъ ночи собралась моя колонна, въ лѣсу раздался вдругъ необычайный шумъ. Громадные буки гнулись вѣтвями чуть не въ половину до земли; искры отъ костровъ вереницами повеселись по воздуху; вѣтеръ рвалъ шалки и полы одежды и былъ такъ силенъ что мы съ трудомъ держались на ногахъ. Трескъ и гулъ пошелъ по лѣсу ужаснѣйшій. Болгары-четники съ безлокойствомъ сообщали что это балканскій ураганъ и что если онъ не уймется вскорѣ, то насъ замететъ снѣжными массама. Минута была критическая. Каждый снялъ шалку и перекрестился. Неужели и вправду логибель? Но, къ нашему счастью, верхняя кора снѣга на Черелѣ заледенѣла настолько что вѣтеръ не могъ свободно взметать его, да и самый ураганъ продолжался лишь нѣсколько минутъ, и какъ мгновенно начался онъ, такъ же мгновенно и кончился. Все утихло разомъ и въ природѣ водворилось прежнее спокойствіе ясной ночи. Эти ураганы всегда таковы бываютъ на вершинахъ Балканъ: сразу налетитъ словно шквалъ, и разомъ утихаетъ. Постепеннаго ослабванія силы вѣтра здѣсь нѣтъ, и бѣлая или меньшая степень опасности зависитъ лишь отъ того, каково состояніе снѣговъ и сколько времени ураганъ будетъ продолжаться.

Я уже говорилъ, насколько тяжелъ луть на Траявъ; поэтому, пока мы дошли до назначенной позиціи, стало совсѣмъ уже свѣтло, и чуть лишь въ виду непріятеля показалась голова моей колонны какъ Турки открыли артиллерійскій огонь, но по первому же выстрѣлу мы увидѣли что это стрѣляетъ горное орудіе,—слѣдовательно, мы-то со своимъ девятифунтовымъ пѣтемъ надъ противникомъ громадное преимущество. Рядомъ со мною стоялъ войсковой старшина Грузиновъ, когда одна изъ турецкихъ гранатъ пролетѣла надъ нашими головами такъ близко что нѣкоторые изъ окружавшихъ насъ, по безотчетному инстинкту самосохраненія, пригнулись или присѣли. „Сядись-не сядись,—она и сядячаго придавить,“—прекрасно замѣтилъ при этомъ Грузиновъ, свертывая себя пальцосу. „Ваше высокоблагородіе, гранаты летятъ такъ близко, ажъ по лицамъ звенятъ“, доложилъ ему подѣхавшій вахмистръ его сотни. „А ты, дурень, руки разставь, да и лови ихъ“, усмѣхнулся въ отвѣтъ Грузиновъ не измѣняя позы. Тотъ, сконфузившись, поѣхалъ на свое мѣсто. Оказалось впрочемъ что дѣйствительно сотня стояла сапшкомъ открыто, въ чемъ не было никакой надобности, и бесполезно служила лишь отличною мишенью для непріятеля. Грузиновъ созналъ свою ошибку и послалъ сказать чтобы казаки слушались по уцелью нѣсколько ниже. Но вахмистръ съѣлъ отъ него „дурня“ затѣмъ чтобы казаки пообтерпѣлись и на собственномъ опытѣ убѣдились что огонь съ близкой дистанціи совсѣмъ не такъ страшенъ какъ кажется.

Между тѣмъ изъ стрѣлковой цѣли прислали спросить, не позволю ли я наступать, такъ какъ цѣль стоитъ на открытомъ склонѣ предъ редутомъ и несетъ большія потери. Я приказалъ начать наступленіе, тѣмъ болѣе что и главная колонна уже заняла свою линію предъ Орлинымъ Гвѣздомъ и вступила въ стрѣлковый бой съ защитниками главнаго Траявскаго укрѣпленія. Передовыя части моей колонны велъ командиръ 1го баталіона Старо-Ингерманландскаго полка майоръ Ивановъ. Онъ преспокойно построилъ стрѣлковъ въ двѣ шеренги на разомкнутыхъ дистанціяхъ, и по командѣ, словно на ученьи, открылъ огонь залпами. Турки вздумали было и сами затѣять что-то въ-родъ встрѣчнаго наступленія и потому начали выскакивать изъ укрѣпленія впередъ за брустверь. Наша пѣхота быстро пошла въ атаку; я же, увидѣвъ попытку Турокъ и зная по предшествовавшимъ олы-

тамъ что едва ли они выдержатъ нашъ лихой натискъ, приказалъ 1й и 2й сотнямъ быть на готовѣ и, чуть лишь Турки дрогнутъ и покажутъ тылъ, догонять и бить ихъ какъ можно скорѣе. Начальство надъ этими двумя сотнями было вручено мною Грузинову. Такъ ово и случилось; но когда казаки достигли до гребня южнаго склона, то слускъ оказался такъ страшно крутъ, почти отвѣсень, что конница могла двигаться лишь съ крайнимъ трудомъ,—отнюдь не быстрѣе, если даже не медленнѣе лѣхоты. При такихъ условіяхъ мѣстности Турки, разумѣется, успѣли слуститься скорѣе нашихъ и заняли сады и ограды вокругъ деревни Карнаре, гдѣ и встрѣтили сотня Грузинова самымъ частымъ огнемъ. Въ это время по дорогѣ изъ Карлово къ Карнаре послѣшала еще одна свѣжій таборъ турецкой лѣхоты на подкрѣпленіе. Тутъ наши стрѣлки, успѣвшіе тоже слуститься, отлично помогли казакамъ; Грузиновъ же, замѣтя что турецкая цѣль, благодаря огню стрѣлковъ, стала перебѣгать ближе къ деревенскимъ строеніямъ, приказалъ своимъ раслустить значки (въ каждой сотнѣ мы имѣли разныхъ цвѣтовъ значки съ нашими на нихъ крестами для того чтобы казаки во время сбора послѣ атаки могли видѣть сборный пунктъ своей сотни) и затѣмъ скомандовалъ: „лики къ атакѣ! Станишники за мной, не отставай!“—бросился на перебѣгавшихъ Турокъ во главѣ своихъ сотенъ. Долина Тунджи огласилась казачьимъ гукомъ, который далеко, далеко откликнулся по горнымъ ущельямъ. Казаки, можно выразиться, пронизали деревню насквозь по ея улицамъ, гдѣ осталось не мало тѣлъ непріятельскихъ, положенныхъ почти исключительно страшными ударами ликъ. Бывали случаи что когда казакъ на скаку колотъ съ наклономъ лики внизъ, то нерѣдко сломавшаяся при такомъ ударѣ лика оставалась въ трулѣ, какъ бы пригвождаемая его къ землѣ; были удары въ лицо, пробивавшіе насквозь затылокъ. Баталіонъ визама, шедшій на помощь изъ Карлова, тоже былъ смятъ казакамъ. За деревней ихъ встрѣтила сотня Черкесовъ, прикрывавшая отступление обоза. Грузиновъ разсыпалъ своихъ наѣздниковъ и открылъ сильный огонь. „Странно, думалось мнѣ:— почему овъ не атакуеть ихъ на такой равнинѣ?“ И я послалъ къ нему ординарца сказать чтобъ овъ непременно атакował; между тѣмъ гляжу—Грузиновъ все-таки остается въ разсыльномъ строю на мѣстѣ. Это меня даже взбѣсило, тѣмъ болѣе что наступившая

вскорѣ темнота вечера заставила окончить бой. Пріѣхалъ ко мнѣ тогда Грузиновъ и отралпортовалъ что по его распоряженію развѣзды посланы во всѣ стороны, а вокругъ деревни Карнаре поставлены пакеты. „Вы мнѣ, г. полковникъ, приказали атаковать; но этого нельзя было сдѣлать“,—добавилъ онъ: „между Черкесами и нами неожиданно оказалась глубокая и широкая канава съ кустарниками розъ въ которыхъ засѣла турецкая лѣхота и ждала нашей атаки.“ Уломинаю объ этомъ фактѣ потому что онъ достаточно обрисовываетъ какъ хитрость Черкесовъ, такъ и сметку казаковъ. Разумается, атакуй казаки, они понесли бы большой уронъ.

Еще на вершинѣ Траяна, тотчасъ же послѣ успѣшнаго исполненія моею колонной возложеннаго на нее порученія, я послалъ сказать графу Татищеву что непріятель выбитъ изъ правофланговыхъ укрѣпленій и я преслѣдую его по южному склону на Карнаре. А изъ сего послѣдняго селенія, сейчасъ же по завятіи онаго, мною было отправлено графу новое донесеніе о результатѣ дѣла и о томъ что у непріятели частями мнѣ взвѣренными отбитъ цѣлый обозъ съ патронами, снарядами и продовольственными запасами, въ особенности найдено много рису, галетъ и боченки пороху; кромѣ того взято знамя, значекъ черкесской сотни и много лѣвнанныхъ, въ числѣ коихъ и самъ командиръ баталіона.

Въ то время какъ я передавалъ посланному пакетъ съ этимъ донесеніемъ, пріѣхалъ отъ графа Татищева казакъ и подалъ мнѣ отъ него записку въ которой графъ извѣщаетъ меня что Орлиное Гнѣздо онъ взялъ и теперь преслѣдуетъ непріятеля по южному склону на Текке, мнѣ же предлагаетъ отдѣлать изъ моей колонны часть которую и направить на деревню Текке, съ цѣлью перерѣзать путь отступленія непріятели, что и было мною исполнено. Такимъ образомъ на Текке послана 3я рота Старо-Ингерманландскаго полка, подъ начальствомъ капитана Шелелова; и этой ротѣ еще не доходя до Текке пришлось встрѣтиться съ непріятеlemъ. На курганѣ поросшемъ кустарниками засѣло десять человекъ Турокъ которые защищались до того стойко что рота была вынуждена взять курганъ штыковымъ штурмомъ, причемъ лишилась своего любимаго фельдфебеля и пяти рядовыхъ; но зато и защитники кургана были всѣ до единого переколоты штыками. Оказалось что это были помакъ,

т. е. Болгары принявшіе магометанство; они вообще самыя заклятыя враги наши и болгарскіе.

Ночью мною была получена записка отъ графа Татищева съ приказаніемъ явиться къ нему рано утромъ въ деревню Текке. Но подъѣзжая къ этой деревнѣ, я встрѣтилъ самого графа, который, вслѣдствіе измѣнившихся соображеній, со всею своею колонной переходилъ въ деревню Карваре.

28го числа начальникъ Траянскаго отряда, генераль-лейтенантъ Карцовъ, объѣхалъ всѣ части и поздравилъ ихъ съ молодецкимъ дѣломъ, причемъ объявилъ радостную вѣсть о взятіи Шилки.

29го декабря весь мой полкъ вмѣстѣ со Старо-Ингерманландскимъ былъ отправленъ въ городъ Карлово. Долина Тунджи показалась намъ вполнѣ прелестною, — не даромъ она носитъ поэтическое названіе „Долины Розъ“, которыхъ здѣсь дѣйствительно и не оберешься — такое множество розовыхъ кустовъ, и на каждомъ шагу. Воздухъ дивный, мягкій и дышется имъ такъ легко... На всемъ пути до Карлова мы любовались прелестными видами горъ и панорамой долины и такимъ образомъ незамѣтно дошли до города. Очень хорошенькій городокъ: подъ самыми горами, на ровномъ мѣстѣ; домовъ разоренныхъ Турками немного, за то церкви разграблены и лоруганы самымъ кощунственнымъ образомъ.

Жители вышли къ намъ на встрѣчу, и что насъ удивило — громадное большинство ихъ составляли женщины. Оказывается что еще послѣ перваго (юльскаго) похода Русскихъ за Балканы, Турки перерѣзали почти всѣхъ карловскихъ мужчинъ. Сласса лишь тотъ кто успѣлъ какъ-нибудь скрыться или запрятаться. Но за то при выѣздѣ бѣгствѣ Турокъ и Болгары не миловали своихъ палачей: на карловскихъ улицахъ лежало не мало обезображенныхъ турецкихъ труповъ.

Намъ отвели прехорошенькую квартиру въ обширномъ болгарскомъ домѣ который еще лѣтомъ былъ покинутъ его хозяевами. Здѣсь помѣстилась бѣлая часть офицеровъ моего полка. Мы нашли въ этомъ домѣ достаточно уцѣлѣвшей мебели и небольшое количество болгарскихъ и русскихъ книгъ и между послѣдними романъ Вс. Крестовскаго *Внѣ Закона*. Подумаешь, гдѣ пришлось автору неожиданно встрѣтиться съ однимъ изъ своихъ произведеній!.. Въ особенности привлекли насъ своимъ восточнымъ комфортомъ мягкіе, длин-

ные турецкіе диваны съ вальками и подушками; можете себя представить какъ сладко и спокойно заснули мы на нихъ послѣ пяти ночей проведенныхъ въ сѣвѣ Траянскаго Балкана, на высотѣ болѣе 6.000 футовъ, при 20ти градусномъ морозѣ!

31го числа привели изъ передовой дѣли турецкаго парламента. То былъ военный врачъ эфенди-Моисъ,—судя по имени и хитрости, вѣроятно Еврей. Много и много набобаталъ онъ всякой всячины графу Татищеву, который впрочемъ мало ему повѣрилъ и отправилъ его подъ конвоемъ казаковъ въ Карнаре къ генералу Карцову, откуда въ тотъ же день генералъ отослалъ Моиса въ главную квартиру, гдѣ, однако, онъ кажется не былъ принятъ Велюкимъ Княземъ.

Подъ вечеръ 31го пришелъ нашъ походной докторъ Заблудовскій, и торжественно поставилъ на столъ бутылку шампанскаго, говоря: „Сегодня, господа, встрѣча Нового Года, и я досталъ вамъ вина“.—Да гдѣ же, голубчикъ докторъ? гдѣ и какъ? какими судьбами? подскочили къ нему офицеры съ разспросами:—вѣдь это значитъ, у насъ будетъ настоящая встрѣча, съ шампанскимъ, хоть и въ довольно мизерномъ количествѣ. Все-таки ура!.. Отаично!.. Молодецъ докторъ!—Потѣшная, право, эта молодежь! Подумаешь: давно ли братались со смертью, давно ли при лютомъ морозѣ колгали свои лица подъ вѣдкимъ дымомъ бивуачныхъ костровъ, и рады радешеньки были бы съ холоду хоть одному глотку прескверной раки, а тутъ вдругъ, мало того что шампанское, но еще выколали они гдѣ-то въ туалетномъ столѣ хозяйки рисовую лудру и валудрились, и ну лясать.

Мы сядились обѣдать, когда въ городъ вступали остальныя части Траянскаго отряда и съ ними генералъ Карцовъ со штабомъ.

— Господа! Крестовскій ѣдетъ! сказалъ кто-то, смотря въ окно.—Зовите его; я думаю, мы найдемъ и ему помѣщеніе, да кстати поднесемъ ему въ сюрпризъ его *Витъ Закона*. Такимъ образомъ задучили мы къ себѣ на житье Крестовскаго, и онъ, прямо съ перехода, голодный и усталый, былъ очень благодаренъ за нашъ товарищески радушный приемъ, а вечеромъ, по общей нашей просьбѣ, прочелъ намъ свои, составленныя лишь наканунѣ, замѣтки о Траянскомъ перевалѣ, о пятисуточной жизни отряда на его вершинѣ, о ночномъ

дѣль 22го декабря и штурмъ Орлиаго Гвѣзда 26го. И вотъ у насъ неожиданно составила даже литературный вечеръ въ своемъ родѣ.

2го января 1878 года за мною прислали отъ генерала Карцова съ приглашеніемъ явиться немедленно. Являюсь, и кого же вижу? своего прежняго любимаго начальника, Дмитрія Ивановича Скобелева 1го. Онъ меня встрѣтилъ словами: „Ну, Грековъ, здравствуйте! Готовы къ походу?“—Хоть сейчасъ ваше превосходительство, отвѣчаю ему. — „Да, впрочемъ, и спрашивать незначѣтъ! Разумѣется готовы!“ любезно замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ: „такъ вотъ что: завтра въ семь часовъ утра построитесь вдоль Филиппопольскаго шоссе и ждите меня; я хочу видѣть полкъ,—вѣдь онъ еще такъ недавно былъ въ моей дивизіи.“

На буланомъ своемъ кабардинцѣ 3го числа подѣхалъ къ нашему фронту генералъ Скобелевъ, поздоровался съ людьми и велѣлъ командовать справа по шести. Пропустивъ всѣ сотни, подозвалъ меня и поблагодарилъ за полкъ, замѣтивъ что люди имѣютъ бравый видъ и лошади въ очень хорошемъ состояніи, и велѣлъ отдать объ этомъ въ приказѣ.

Прошли мы деревню Банн, въ Малыхъ Балкавахъ, посвящую такое названіе, надо думать, отъ находящихся въ ней минеральныхъ источниковъ, а на вочлегъ стали въ деревнѣ Каратопракъ, гдѣ нашли много труповъ людскихъ и животныхъ, и догорающую церковь, гдѣ у Турокъ были сложены большіе запасы, сожженные ими для того чтобы не достались въ наши руки. Въ этой мѣстности ужъ и такъ было много снѣгу, а тутъ еще съ вечера поднялась при значительной стужѣ сильная метель. Подѣхалъ я повѣрять лукеты и еле добрался обратно: такъ и лѣзнуть въ глаза, чуть съ дороги не сбился. 4го числа еще довольно рано пришли мы въ Филиппополь и воображали что входимъ первые, раньше всѣхъ, но оказалось что генералъ Гурко уже здѣсь. Городъ расположенъ по правую сторону рѣки Марицы, а съ лѣвой стороны большое предмѣстье; посрединѣ города на огромной скалѣ цитадель. Вообще городъ очень хорошій; есть большіе дома, но улицы и здѣсь ужасно узки. Предмѣстье съ городомъ соединялось большимъ каменнымъ мостомъ, который Турки разрушили предъ приходомъ Русскихъ, и совершенно напрасно: подъ Филиппополемъ рѣка хотя и широка и быстра, но не глубока, такъ что можно перейти ее въ бродъ не

только конницы, но и пѣхотѣ, что мы безпрелатственно и исполнии въ числа рано утромъ и, пройдя черезъ городъ, двинулись по Адрианопольскому шоссе. На третьей верстѣ встрѣчаются намъ раненые, а скорѣ затѣмъ повстрѣчался казачій генералъ Красновъ, который сообщилъ что имѣлъ ночное дѣло и отбилъ у непріятеля восемнадцать орудій, перерѣзавъ луть отступленія Сулеймановой арміи. Во время его разказа, вправо отъ насъ, въ направленіи къ Родопскимъ горамъ, слышались, одинъ за другимъ, два пушечные выстрѣла. „Вотъ они, проклятые, олять начинаютъ!“—замѣтилъ Красновъ и, обращаясь къ генералу Скобелеву, прибавилъ: — „идите, генералъ, скорѣе, — кавалерія нужна.“ Подойдя къ ближайшей деревнѣ мы увидѣли что пѣхота и артиллерія генерала Дандевиля слѣдуютъ къ горамъ. Оба генерала, Скобелевъ и Дандевиль, поѣхали тоже вправо и стали на большомъ курганѣ съ котораго далеко была видна вся мѣстность. Сейчасъ же двѣ мои сотни, 2ю и 6ю, послали впередъ, приказавъ имъ разсыпаться наѣздниковъ. Здѣсь моимъ казакамъ пришлось не безъ труда. Артиллерійская стрѣльба далеко вправо отъ насъ положительно сбивала съ толку—кто же тамъ наконецъ, наши или Турки? Судя по всѣмъ предшествовавшимъ распоряженіямъ, то долженъ былъ быть графъ Шуваловъ. Для убѣжденія въ вѣрности такого заключенія Скобелевъ послалъ драгунскаго офицера съ двумя солдатами узнать — Шуваловъ ли; но прошло нѣсколько часовъ, а драгунскій офицеръ не вернулся; тогда послали съ шестью казаками моего полка хорунжаго Шаховскаго — очень толковый офицеръ, который чрезъ два часа возвратился съ положительнымъ свѣдѣніемъ что это войска графа Шувалова. Во время его поѣздки, у лошади одного изъ данныхъ ему казаковъ оторвало нижнюю губу осколкомъ гранаты. Не услѣвъ Шаховской доложить, какъ присылаетъ есаулъ Галдинъ, старшій надъ 2ю и 6ю сотнями, сказать, что ему трудно держаться: огонь очень силенъ и Черкесы наступаютъ. Скобелевъ велѣлъ передать Галдину чтобы не взирая на трудность держался какъ можно стойче, такъ какъ иначе Турки могутъ раздѣлить насъ съ графомъ Шуваловымъ, а дабы этого не случилось, то пусть Галдинъ съ цѣлью наѣздниковъ незамѣтно подвигается все вправо, для соединенія съ графомъ. Скобелевъ поручилъ мнѣ самому отвезти это приказаніе и распорядиться. Со мною поѣхали есаулы

Повдвѣвъ и Шаровъ. Въ то время какъ мы проѣзжали вдоль цѣли, въ десяти шагахъ отъ насъ разорвалась граната, подъ самую лошадь одного казака, и мы видѣли какъ его буквально прилодыняло на воздухъ вмѣстѣ съ лошадью отъ земли аршина на два и отбросило въ сторону. Двое другихъ казаковъ подняли раненаго; все лицо у него было въ крови, голова опустилась на грудь, а лошадь уже кончалась въ сильныхъ конвульсіяхъ: ей оторвало переднія ноги. Тутъ я уже самолично убѣдился что моимъ казакамъ дѣйствительно трудно и что на нихъ возложена большая, почти непосильная обязанность. Возвратившись я передалъ мое мнѣніе генералу Скобелеву, и получилъ отъ него приказаніе взять остальные сотни моего полка и стать съ ними въ резервъ за 2ю и 6ю сотнями, которыя подвинутся къ деревнѣ Карагачъ, съ тѣмъ что если мнѣ представится удачный моментъ, то атаковать всѣмъ полкомъ непріятеля. Но такъ какъ двѣ сотни моего полка, посланныя въ разѣздъ подъ начальствомъ Грузинова, еще не вернулись, то пришлось обождать ихъ около четверти часа. Вскорѣ по дорогѣ къ Фидиллолою показалась кавалерія идущая на рысяхъ; ближе я узналъ въ ней мои двѣ сотни, а впереди ихъ самого Грузинова, который подскакавъ ко мнѣ и отралпортовалъ что въ разѣздѣ ничего особеннаго не замѣтилъ.

Былъ тихій морозный день; ларь густымъ туманомъ подымался отъ лошадей только что сдѣлавшихъ весьма значительную проѣздку, но въ сраженіяхъ некогда отдыхать; поэтому, несмотря на утомленіе сотень Грузинова, я сейчас же вывелъ всѣ свои валичныя сотни и пошелъ съ ними на правый флангъ. Не могу приписать своей предусмотрительности что повелъ полкъ справа по шести, а не во взводныхъ колоннахъ. Такъ случилось, но вышло хорошо, потому что мнѣ пришлось идти двѣ версты подставляя свой флангъ непріятелю, который, видя это движеніе, тѣмъ не менѣе не осмѣлился меня атаковать, очевидно, понимая что я въ каждый моментъ могу его встрѣтить развернутымъ фронтомъ, подавъ лишь краткую команду: „полкъ, во фронтъ“, но за то весь огонь своей артиллеріи противникъ обратилъ на мои сотни, которыя однако не потерпѣли никакого вреда, благодаря именно узкости своего фронта, вслѣдствіе чего постоянно случался или недолетъ, или перелетъ. Итакъ, сдѣлавъ

первоначально неправильное построение (справа по шести вмѣсто взводныхъ колоннъ) я очутился въ положительномъ выпрыжѣ. Иначе бы не въ одну, такъ въ другую колонну, а ползалъ бы непріятельскій сварадъ. Изъ этого выводъ тотъ что въ бою можно и не всегда безусловно придерживаться уставныхъ формъ, но примѣнять ту изъ нихъ которая въ данную минуту и въ данномъ положеніи окажется наиболѣе пригодною. Зато и жутко же было цѣти: когда сварадъ давалъ передеть, то пролеталъ такъ низко надъ головами что невольно весь фронтъ нагибался къ сѣдамъ. А нужно было цѣти шагомъ.

Придя къ мѣсту назначенія, я поставилъ свои три сотни за кустарниками находившимися позади сотенъ бывшихъ въ цѣли; турецкіе сварады, направляемые очевидно безъ опредѣленной цѣли, ложились въ этихъ кустарникахъ, но намъ вреда не причиняли. Когда услышалъ я „ура“ и увидѣлъ движеніе своихъ передовыхъ сотенъ впередъ, то двинулся тоже за ними. Гвардейцы тутъ отбили двѣнадцать орудій, два которыхъ у непріятеля уже не было и сварадовъ; всего одно лишь орудіе было заряжено картечью, да и изъ того не успѣли выстрѣлить,—такъ оно и осталось. Послѣ лѣтныя разговоры намъ что увидѣвъ кавалерію ожидали отъ нея атаки и потому приготовили ей угощеніе. Это значитъ для меня приготовлялось. Непріятель полѣзъ на горы и бросился въ ущелье. Начальникъ штаба генерала Шильдербъ-Шульднера крикнулъ есаулу Галдыву: „Скачите и догоняйте!“ Но скакать въ ущелья трудно доступномъ для коннаго движенія возможно было только по одному; поэтому генералъ замѣтилъ: „Рысью, казачки!“ Есаулъ Галдивъ и сотникъ Кудинцовъ исполнили приказаніе и, несмотря на залпы непріятеля изъ-за камьевъ, уже въ ущельи отбили еще два горныхъ орудія. Здѣсь меня напелъ вѣстовой казакъ, сообщившій что генералъ Скобелевъ требуетъ меня къ себѣ. Я отправился. Въ сраженіи обыкновенно почти ничего не замѣчаешь изъ мелочей окружающей тебя обстановки, а теперь какъ похвалъ,—ужасный переѣздъ! темнота, трупы людей и животныхъ на каждомъ шагу; лошадь наступитъ на человѣка, и всхрипнувъ, бросится въ сторону; подбитыя орудія, изломанныя каруцы (воловоы вozy болгарскіе), и тому подобныя печальныя сцѣны лобоцца... Наконецъ-то выбрался я на чистое поле; подѣвжаю къ кургану гдѣ стоялъ Скобелевъ,—его уже нѣтъ. Гдѣ генералъ? Оказывается,

повѣхалъ на позицію. Ну ужъ я буду здѣсь ожидать его. Усталость ужасная, вѣсть хочется: со вчерашняго дня только одинъ сухарь сжевалъ. Нужно бы покурить, все же какъ будто голодъ не такъ дожимаетъ. Но только что я закурилъ, гляжу—и генералъ пріѣхалъ. Поблагодарилъ онъ меня за вынѣшніе труды и пригласилъ къ себѣ на квартиру въ ближайшую деревню, гдѣ предполагалась ночевка нашему отряду. Тутъ же генералъ приказалъ мнѣ собрать немедленно весь полкъ и объяснить что получено чрезъ Болгаръ свѣдѣніе что самъ Сулейманъ съ сорока орудіями пошелъ на городъ Станимоку; поэтому кавалерія завтра на зарѣ выходить договаривать его. Мнѣ тоже отвели въ какомъ-то хлѣву квартиру; смрадъ ужаснѣйшій. Пока всѣ солдаты стянулись, была уже полночь,—значить отдыха мало. Бѣдныя лошади еще съ Карлова не разсѣдываются.

6 января, рано утромъ, двѣ кавалерійскія бригады вытянулись параллельно Адрианопольскому шоссе, держась ближе къ Родолскимъ горамъ. Шли весь день. Великъ былъ этотъ переходъ и день холодный. Сдѣлали одинъ лишь привалъ у водяной мельницы. Тутъ мы лошади посмотрѣли какъ рисъ обдѣлываютъ; оказалось что очень просто: такъ же какъ и у насъ просо—толкутъ; рису здѣсь большіе запасы. Предъ вечеромъ у каждой деревни насъ встрѣчали выбѣгавшіе изъ кустовъ Болгары съ криками: „башу-бузук!“ но мы нигдѣ лока ихъ не видали. Вдругъ по нашей дорогѣ впереди вспыхнула деревня; сейчасъ же послали туда на рысяхъ два разѣзда, — одинъ подъ командой есаула Шарова, а другой—есаула Поздѣва. Шарову повезло: онъ догналъ турецкую пѣхоту конвоировавшую обозъ и уничтожилъ ее, а обозъ доставилъ къ генералу. Въ этой же деревнѣ мы и заночевали, такъ какъ двигаться дальше было уже невозможно: лошади окончательно пристали и темнота сдѣлалась въ буквальный смыслѣ непроглядная. Мѣсяцъ въ эти дни съ вечера примеркалъ. Но не спалось нашему генералу; онъ уже съ полночи подвѣлся и приказалъ готовиться къ выходу въ дальнѣйшій путь, такъ какъ Болгары сказывали будто Турки и орудія вотъ-вотъ, близко. Выступили мы еще ночью, но уже стало яснѣе: видно и дорогу и смутныя очертанія окрестности. Какъ змѣя черною тѣсью извивался нашъ отрядъ по бѣлому свѣгу ровной долины, лежащей между Малыми Балканами и Родолскими

горамъ; тишина,—только слытъ скрипитъ подъ лошадиными копытами. Вдругъ впереди сразу засвѣтилось нѣсколько огоньковъ.— Вѣроятно, братушки овецъ стерегутъ.— Нѣтъ, полковникъ, замѣтилъ вѣхавшій около меня Грузиновъ:— не братушки, а турецкія войска костры кладутъ.“ Послалъ войскаго старшину Антонова съ 3ю сотней узнать. А тутъ уже—гляди, и совсѣмъ почти утро настало, свѣдалось видно далеко. Тѣмъ часомъ Антоновъ прислалъ сказать что орудія съ прикрытіемъ въ два баталіона выходятъ изъ деревни Караджиларъ. Генералъ Скобелевъ сейчасъ же приказалъ мнѣ со всѣмъ полкомъ догнать, атаковать и взять орудія. Когда я рысью выскочилъ на возвышенность съ которой можно было далеко видѣть, то замѣтилъ что кромѣ колонны выходящей изъ деревни Караджиларъ, идетъ еще и другая подъ горами, вправо отъ меня, по дорогѣ ведущей къ одному и тому же ущелью въ Родолскія горы, и, насколько можно разглядѣть, въ этой послѣдней колоннѣ есть и пѣхота и кавалерія; следовательно, обѣ колонны имѣли цѣлью соединиться именно въ этомъ мѣстѣ; а потому чтобы помѣшать имъ послалъ я есаула Апостолова съ 4ю сотней въ развѣздъ, войсковому старшинѣ Антонову приказалъ взять деревню Караджиларъ, а есаулу Кудинцову— незамѣтно обойти правый лѣсокъ и броситься во флангъ правой колоннѣ.

Вскорѣ Антоновъ прислалъ сказать изъ-подъ Караджилара что вахмистръ его убитъ, а Турки засѣли въ строевіяхъ, такъ что онъ съ одною сотней выбить ихъ не можетъ. Тогда, на помощь ему, послалъ я есаула Галдина со 2ю сотней. Вскорѣ подвѣхалъ ко мнѣ нашъ временный бригадный начальникъ генералъ-майоръ Чернозубовъ. Я отралпортовалъ ему о своихъ распоряженіяхъ и попросилъ послать къ деревнѣ Караджиларъ еще одинъ эскадронъ Казанскаго драгунскаго полка. Но этого не потребовалось, такъ какъ въ то же самое время подскакалъ казакъ и подаль генералу Чернозубову записку отъ Антонова, гдѣ онъ извѣщалъ что отбилъ 25 орудій. Эту же записку отправили мы къ генералу Скобелеву, а чрезъ полчаса олять казакъ привозитъ новую записку что отбито еще 28 орудій и что непріятель разчитываетъ скрыться въ горы, въ каковомъ направленіи наши казаки сильно его преслѣдуютъ. Тогда генералъ Чернозубовъ приказалъ взводу 19й Донской батареи стрѣлать въ то ущелье куда, какъ было намъ видно, желалъ войти непріятель. Наша

артиллерія нѣсколькими чрезвычайно мѣткими выстрѣлами навела, очевидно, такой ужасъ что непріятель полѣзъ прямо на горы въ разсыпную.

Результаты этого боя: взято казаками 30го полка 53 орудія, 200 пѣшыхъ, въ томъ числѣ два офицера, и болѣе двадцати каруцъ съ патронами и снарядами, убито до 600 человекъ. Съ нашей стороны убитъ вахмистръ и семь лошадей. Два казака контужены.

Получивъ извѣщеніе объ успѣхѣ нашего дѣла, генералъ Скобелевъ написалъ мнѣ на позицію одну лишь, да за то хорошую строчку: „Исполать вамъ, мои добрые молодцы!“

„Похоронили ли вахмистра?“—спросилъ я у ѣхавшаго мимо казака.— „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе; лежитъ здѣсь“, и онъ указалъ на одинъ домъ у котораго стояли родные ставишники убитаго. Подѣхавъ туда, я слѣзъ съ лошади, подошелъ и перекрестился: „Царство небесное тебѣ, храбрый товарищъ!“ Какъ было прекрасно его спокойное лицо: оно какъ будто улыбалось, какъ будто говорило: „мнѣ хорошо, хорошо“. Я приказалъ снять съ его груди знакъ военнаго ордена, который онъ уже имѣлъ раньше, и отправить его на память къ женѣ и дѣтямъ, а тѣло предать землѣ.

Вѣтвѣмъ разставивъ пикеты вокругъ деревни побѣхалъ я на отвѣденную мнѣ квартиру въ болгарскомъ домѣ. Комната оказалась безъ окна и освѣщалась сквозь растворенную дверь, либо отъ огня разложеннаго въ каминѣ. Привнеси соломы, разложилъ возлѣ стѣны, и мы расположились на ней, считая это за величайшій комфортъ ниспосланный намъ судьбою. 8го числа, т.-е. на другой день, съ пикета прискакалъ казакъ съ донесеніемъ что Черкесы наступаютъ съ горъ. Поднялась тревога. Оказалось что дѣйствительно партія Черкесовъ спустилась съ горъ и вздумала потревожить пикеть, но имъ не удалось: изъ главной заставы подослѣли нѣсколько казаковъ и заставили ихъ отступить, въ особенности послѣ того какъ Черкесы замѣтили что изъ деревни выскочили двѣ сотни. 8го же числа уѣхалъ и генералъ Скобелевъ съ начальникомъ штаба, подполковникомъ Сухомлиновымъ, въ Адрианополь. Наша же бригада осталась въ Караджидарѣ совершенно на отдыхѣ, да намъ и невозможно было двигаться дальше для преслѣдованія разбитаго непріятеля, за отсутствіемъ патроновъ, коихъ оставалось у казаковъ круглымъ числомъ по пятнадцать штукъ на человекъ,

а у драгушъ по двадцати; съ такимъ запасомъ идти въ горы было болѣе чѣмъ рискованно. Поэтому генералъ Чернозубовъ распорядился послать за патронами въ городъ Ставнимаки, гдѣ, какъ мы разчитывали, долженъ былъ находиться паркъ. Пришлось прождать нѣсколько дней. Или мы уже такъ привыкли къ безпрестанному движенію, только стоять и ждать безъ дѣла на одномъ мѣстѣ показалось намъ очень скучнымъ и досаднымъ дѣломъ. А будь патроны своевременно—какъ знаты! быть-можетъ Сулейманъ-паша не удалось бы довести до берега моря даже и остатковъ своей арміи.

19го января было получено строгое приказаніе генерала Гурко немедленно двигаться всею бригадою по Родолскимъ горамъ на деревню Карамулли, черезъ рѣку Арду, и въ городъ Гюмурджину, что близъ Эгейскаго моря; а въ концѣ сего предписанія было сказано генералу Чернозубову такъ: „Ваша бригада имѣть будетъ цѣль партизанскаго отряда для преслѣдованія арміи Сулеймана и для очищенія Родолскихъ горъ отъ партій баша-бузуковъ и тѣхъ партій которыя могутъ состояться изъ отсталыхъ частей арміи Сулеймана.“ Генералъ Чернозубовъ позвалъ меня къ себѣ и сейчасъ же приказалъ отправить офицера съ лятнадцатю казаками на деревню Карамулли, куда ожидалось прибытіе и подполковника Сухомлинова, который опять назначается къ намъ за начальника штаба, чему я со своей стороны очень обрадовался. Выстуленіе бригады назначено на другой день утромъ.

Идя на квартиру, я въ ту же минуту сдѣлалъ распоряженіе чтобы съ лятнадцатю казаками отправлялся въ Карамулли есаулъ Поцѣлуевъ. Это офицеръ очень надежный и смѣлый, показавшій себя съ наилучшей стороны еще на Траяловомъ перевалѣ, гдѣ подъ нимъ равна лошадь. Полку же вслѣдъ велѣлъ я быстро приготовиться къ походу, и походу очень рискованному, потому что мы были отдѣлены ото всей арміи болѣе чѣмъ на двѣсти верстъ.

Въ шесть часовъ утра полкъ собрался за деревней. Поздоровавшись съ людьми, я имъ сказалъ: „Усталыхъ лошадей и слабыхъ людей не признаю; обозовъ у насъ нѣтъ, надѣяться не на что; стало-быть постарайтесь, ставничника, удовлетворить этимъ требованіямъ, потому что это зависитъ отъ васъ же самихъ: кто будетъ себя беречь—не заболѣетъ, а кто за своею лошадыю слѣдитъ, у того она никогда не ста-

ветъ. "Разумѣется, отвѣтъ:—, "Постараемся, ваше высокоблагородіе!" Ужь не знаю вслѣдствіе ли моихъ словъ, или благодаря счастливой случайности, только отсталыхъ у меня въ этой экспедиціи не было.

Итакъ, мы выступили.

Опять горы, опять ущелья, опять обрывы.... Снѣгъ началъ таять и смѣшался съ грязью; дорога была ужасна и къ тому же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загромождена брошеннымъ непріятельскимъ обозомъ. На десятой верствѣ догналъ меня казакъ отъ генерала Червоzubова и передалъ что драгуны лошади въ обходъ горъ, а потому предлагается и мнѣ, буде угодно, идти тѣмъ же путемъ. Но я предпочелъ продолжать дальнѣйшее движеніе своею дорогою черезъ горы, потому что возвратный путь по пройденнымъ уже обрывамъ, слускамъ и подъемамъ заставлялъ бы насъ только потерять время и все равно привелъ бы людямъ и конямъ только лишній трудъ и утомленіе.

Не доходя деревни Карамуалы, насъ встрѣтили Болгары и предупредили что у нихъ въ деревнѣ Турки и что нашъ вчерашній разъѣздъ имѣлъ съ ними перестрѣлку. Я приказалъ полку подтянуть подлуги и распорядился чтобы 1я и 2я сотни двинулись впередъ, выславъ разъѣзды вправо и влево вокругъ деревни. Сотни рысью подвинулись впередъ, приготовивъ ружья. И лихо влетѣли въ деревню, но не нашли тамъ ни Турокъ, ни нашего разъѣзда. Оказалось что вчера, когда нашъ разъѣздъ, вѣхавъ въ деревню, расположился бивуакомъ, Турки, въ числѣ до тысячи человекъ, напали на него съ трехъ сторонъ съ такою внезапностью что разъѣздъ едва успѣлъ отступить вдаль по ущелью, въ направленіи къ Ханкію, потерявъ одну лошадь убитою, причеиъ съ нею даже и сѣдла не успѣли снять. Командовавшій этимъ разъѣздомъ есаулъ Поцѣлаевъ, зная что изъ Адрианополя долженъ вѣхать на Карамуалы подполковникъ Сухомлиновъ и предполагивъ что онъ побѣдетъ вѣроятно не одинъ, двинулся ему на встрѣчу, въ надеждѣ найти у него подкрѣпленіе своему разъѣзду. Но, увы! оказалось что хотя у Сухомлинова и были казаки, да все изъ слабосильной команды. У насъ весь вечеръ былъ смѣхъ по поводу того что Сухомлиновъ изображалъ резервъ Поцѣлаева. На другой только день утромъ пришли къ намъ драгуны, а съ ними и генералъ Червоzubовъ. Зна-

что я во всякомъ случаѣ значительно выгадалъ во времени (а стало-быть и въ отдыхѣ людямъ и конямъ) предпочтя свой путь горами обходной драгунской дорогѣ. По прибытіи начальства, полая пропало у насъ въ томъ что распредѣляли очередь между нами и драгунами и назначали пункты составлявшіе цѣль дальнѣйшихъ движеній. Здѣсь мнѣ повелось отправить въ Адрианополь офицера съ необходимыми по началству бумагами. Ветеринарный врачъ Котлаубай охотно вызвался исполнить это порученіе, тѣмъ болѣе что въ Адрианополь ему можно было достать и медикаментовъ, безъ которыхъ его присутствіе при полку для больныхъ лошадей было бы бесполезно. Кстати, я поручилъ ему развѣдать тамъ, въ штабѣ, насколько справедливы дошедшіе до насъ слухи, будто леремиріе уже заключено. На другой день бригада девятиряднаго состава вытянулась въ одинъ конь по Родолскимъ горахъ. Эту мѣстность называютъ Черною Болгаріей, и дѣйствительно общій видъ, общее впечатлѣніе природы, даже физіономіи и самые костюмы жителей,—все это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ такому названію: все это какое-то черное, даже какъ будто страхъ наводящее. Далеко вѣво отъ насъ видѣлась долина рѣки Марицы.

Мѣстность эта въ Родолскихъ горахъ имѣетъ довольно частое и преимущественно магометанское населеніе, живущее болѣе по отдѣльнымъ кулабамъ чѣмъ сплошными деревнями. Во время нашего движенія, разумѣется, вездѣ было пусто: жители бѣжали, захватывая съ собою домашній скарбъ; Болгары же изъ мести жгли ихъ кулабы и деревушки. Наши боковые развѣзды имѣли частыя перестрѣлки съ баша-бузукми и бѣглецами. Братушки присоединялись къ намъ въ каждой деревнѣ. На крутомъ спускѣ одной изъ высокихъ горъ предъ нами открылась далеко ввизу довольно узкая долина рѣки Арды, текущей въ песчаныхъ берегахъ. По долину видѣлись уже не кулабы, а частыя, большія и, судя на взглядъ съ птичьаго полета, хорошія селенія, раскинутыя въ довольно близкомъ между собою сосѣдствѣ. Одно изъ нихъ, у подошвы нашего спуска, скорѣе можно назвать даже мѣстечкомъ или городкомъ, не покинутымъ его обитателями, которые вѣроятно насъ не ожидали, потому что ужасно засуетились, забѣгали; даже начали стрѣлять по головной части нашего отряда. Селеніе, разумѣется, сейчасъ же было окружено, и наши никого оттуда не выпустили, а тѣхъ кто

думалъ было ускакать, догнавъ казаки. На утро дальнѣйшій походъ, и здѣсь что за прелестныя мѣста!.. Мы не послушались нашего проводника-Турка и думали было прямо переправиться черезъ Арду; но 4я сотня, шедшая въ авангардѣ, еле смогла перейти рѣку: ужасно быстрое теченіе, пловатый наносный грунтъ и значительно высокій уровень воды вслѣдствіе таянія горныхъ снѣговъ. Трудно было держаться противъ теченія, и потому многимъ изъ казаковъ пришлось противъ воли искуляться; видя это, генералъ Чернозубовъ не захотѣлъ дальше переправляться здѣсь, а повернулъ весь остальной отрядъ къ тому мѣсту на которое указывалъ проводникъ, и гдѣ однакоже переправа совершилась хотя и благополучно, но съ не меньшимъ трудомъ и опасностью. На этомъ берегу Арды по деревьямъ видны были жители, и уже самое ихъ присутствіе свидѣтельствовало что у нихъ и въ помыслахъ не было даже предположенія чтобы Русскіе рискнули перерѣзать и Родолскія горы. Они смотрѣли на насъ со страхомъ и удивленіемъ и при встрѣчѣ объявляли съ поклонами: „миръ, миръ, каардашъ“ (то-есть пріятель); но мы не могли этому вѣрить и все двигались дальше и дальше. Здѣсь узнали мы что наши Кубанцы, подъ командой генерала Черевича, прошли вѣкъ по Ардѣ на Адрианополь; слѣдовательно они перерѣзали намъ луть, и такимъ образомъ Родолскія горы были пройдены русскими летучими отрядами буквально вдоль и поперекъ или накрестъ. Переправились мы черезъ рѣку Бургась, а тамъ не далеко и городъ Местанлы, который скорѣе можно назвать деревней нежели городомъ; только одинъ конакъ, или домъ гдѣ собираются городскія власти для разрѣшенія разныхъ общественныхъ вопросовъ, и прідаетъ этой деревнѣ значеніе города. Возлѣ конака встрѣтили насъ почтенные сѣдобородые Турки, но властей не было,—бѣжали, а съ ними и казначей съ городскими деньгами, какъ сообщилъ одинъ изъ Турокъ по секрету. Генералъ Чернозубовъ приказалъ сейчасъ же догнать казначея, и такъ какъ отрядъ еще стоялъ вытянувшись по дорогѣ, то я приказалъ есаулу Галдину сейчасъ же отобрать изъ его сотни пятьдесятъ наиболее выносливыхъ dobroковныхъ молодцовъ и исполнить порученіе генерала—доставить казначея не иначе какъ съ деньгами. Галдинъ сію же минуту двинулся въ луть, и на двадцатой верстѣ (это туда и обратно сорокъ, да раньше пройденныхъ петьдесятъ верстѣ!) догналъ

бѣглеца и доставилъ его въ цѣлости съ лятюдесятью тысячами каиме, турецкихъ кредитныхъ денегъ, которыя на другой же день генераль отправилъ съ офицеромъ въ штабъ арміи, а оттуда въ послѣдствіи, какъ я слышалъ, ихъ отправили въ Константинополь, къ Турецкому правительству, такъ какъ мы ихъ взявъ уже по заключеніи перемирія.

Квартира наша въ Местанлы оказалась очень недурною. Казакъ, подавая намъ закусить, сообщилъ что въ нашемъ же дворѣ, но только въ другомъ домѣ, „хоронится“ турецкій офицеръ.—„Идемте, господа!“ Начали стучаться—не отпираютъ; мы чрезъ залетную дверь стали убѣждать что ничего не сдѣлаемъ дурнаго. Тамъ оказалась въ качествѣ служанки какая-то Болгарка, которая вѣроятно перевела наши слова, послѣ чего вскорѣ дверь отворилась и на насъ пахнуло изнутри спертымъ воздухомъ. Входимъ, на полу валяется какое-то тряпье, лохмотья... Тутъ же полуразрушенная кровать; на ней сидитъ женщина, услужливо прижавъ къ себѣ двоихъ малютокъ, а возлѣ нея стоитъ мущина въ турецкомъ офицерскомъ костюмѣ; лицо довольно красивое, блѣдное, съ окладистою бородой и съ голубыми глазами. Какъ видно, онъ тоже испугался и пробормоталъ несвязную фразу по-французски, но не французскимъ акцентомъ. Оказалось что онъ въ Сулеймановой арміи служилъ докторомъ; самъ же родомъ Итальянецъ; при отступленіи арміи заболѣлъ, а потому отсталъ; жаловался на Турецкое правительство, говоря что судило оно много, а на дѣлѣ въ концѣ концовъ оставило не при чемъ, ибо въ теченіе всей кампаніи не выдавало ему никакого содержанія; жаловался также и на солдатъ, потерявшихъ всякое уваженіе къ офицерскому званію, и даже до такой степени что самого его, напримѣръ, избилъ по лицу. Женщина и ребятишки, видя что мы не кусаемся, а напротивъ того, разговариваемъ съ турецкимъ докторомъ очень дружелюбно, мало-по-малу приободрились и выраженіе тулаго страха исчезло съ ихъ физиономій. Кто-то изъ нашихъ обратилъ на нихъ вниманіе, и докторъ заявилъ намъ при семъ что это его жена и дѣти. Зачѣмъ ужъ онъ и этихъ несчастныхъ таскалъ за собою—не понимаю. Но какъ довольны и радъ былъ бѣднякъ что „сѣверные варвары“ обошлись съ нимъ совсѣмъ хорошо, по-человѣчески, даже помощь кое-какую оказали. Въ благодарность полетѣлъ онъ добывать намъ розоваго масла и далъ каждому по маленькому лузырьку,

въ которыхъ впрочемъ, какъ оказалось послѣ, было просто деревянное масло приправленное одною каплей розоваго для запаха. Это впрочемъ обычный предметъ мелкаго торговаго надувательства на Востока, въ каковомъ упражняются Греки и Армяне, обманывая доверчивыхъ Европейцевъ.

— Ваше высокоблагородіе, казакъ Кузнецовъ пріѣхалъ изъ Адрианополя, доложилъ вѣстовой.

— Зови.

Вошелъ казакъ и подалъ записку отъ ветеринарнаго врача Котаубая, гдѣ тотъ извѣщаетъ что переміе дѣйствительно заключено.

— Ура, господа! крикнулъ я, и мой возгласъ подхватили лежавшіе на соломѣ офицеры. Извѣстіе это было хотя и частное, но я все-таки на радостяхъ велѣлъ позвать трубачей и проиграть *Боже, Царя храни!* Такимъ образомъ Родопскія горы, вѣроятно впервые отъ созданія міра, огласились звуками русскаго народнаго гимна и криками русскаго ура. Слава Богу, кончается наша трудная жизнь! Но... все-таки до получения того же извѣстія официальнымъ путемъ мы не имѣли права останавливать дальнѣйшее свое движеніе и потому на утро тронулись въ походъ на Гюмурджину.

Все выше и выше поднимались мы на горы извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Старыхъ Балканъ. Ихъ подъемы, обрывы и ущелья не уступаютъ Новымъ Балканамъ. Еще не доходя до одной деревни (не помню уже теперь названія), населенной ломаками, насъ застала вечерняя темнота, такъ что мы рѣшились въ этой деревнѣ и заночевать. Деревня сидѣла въ какой-то котловинѣ, какъ будто ее кто вдавилъ туда. Размѣстивъ лоакъ, я пошелъ на свою квартиру, гдѣ хозяинъ оказался очень любезнымъ человѣкомъ, хотя сначала въ качествѣ ломака и косился на насъ нѣсколько злобно. Затопили очагъ, я и Сухомлиновъ легли на лавкахъ въ ожиданіи чая, приготовленіемъ котораго специально занялся есаулъ Шаровъ, все приглядывавшійся при каждой вспышкѣ сыроватыхъ дровъ чтобы не полала въ чайникъ какая-нибудь турецкая козявка. Возлѣ него, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ есаулъ Пощауевъ. Не помню что именно послужило поводомъ къ очень занимательному и полному романческаго интереса разказу, который началъ Сухомлиновъ, лежа съ закинутыми за голову руками. Этотъ разказъ, полный живой фантазіи и вдобавокъ передаваемый такъ изящно и

покусаю, въ простой разговорной формѣ, овладѣлъ и воображеніемъ, и чувствомъ слушателей и увлекательно переносилъ и то, и другое къ картинамъ и быту далекой родины, къ аллеямъ и паркамъ Варшавы, къ салонамъ Петербурга... И гдѣ, въ какой обстановкѣ, подумаешь, такъ заносишься мы своими мечтами? На земляномъ полу убогой помпозной лачуги, въ какой-то труппѣ дикихъ Родолскихъ горъ. Казаюсь бы обстановка для такихъ увлекательныхъ фантазій и вовсе не подходящая, и вотъ пода жь ты! Телерь какъ вспоминаю я этотъ разказъ и эту убогую хижину, и угрюмое лицо хозяина-ломака, для меня вся эта обстановка, именно въ связи съ тѣмъ разказомъ, получаетъ какую-то особенную прелесть.

На другой день, тронувшись съ мѣста, мы утѣшали себя упованіемъ что дѣлаемъ уже послѣдній переходъ, съ окончаніемъ коего, прорѣзавъ съ сѣвера на югъ всѣ Родолскія горы, слустимся на ровный берегъ Эгейскаго моря. Въ этотъ переходъ приходилось намъ много нагонять и перегонять отстающихъ солдатъ Сулеймановой арміи, слѣдовательно мы, такъ-сказать, сидѣли на хвостѣ отступающаго непріятеля. Дорога безъ преувеличенія можно сказать была устлана трупами замерзшихъ лошадей и людей. Вотъ поднялись мы на вавысшую точку одной изъ наиболѣе значительныхъ вершинъ. Ни кустика, ни деревца, все пустынно, молчаливо, мертво и сплошь засыпано снѣгомъ. Здѣсь отряду позволили немножко отдохнуть, чтобы дать время подтянуться отстающимъ. „Посмотри, какъ это хорошо!“ съ увлеченіемъ сказалъ мнѣ Сухомлиновъ, поведя рукой на окружавшее насъ пространство. И дѣйствительно, картина была поразительная, полная красоты и величія. Впередѣ земля и небо сливались въ одно безкомечное пространство, заволокнутое молочнобѣлою туманною дымкой, сквозь которую просвѣчивало багряное зарево восходящаго солнца; позади же являлась совсѣмъ другая картина: все пространство пройденное нами отъ Марицы было видно какъ на ладони; весь нашъ путь, всѣ эти горы, лоцивы, рѣчки, дѣса и притаившіяся деревни воочию предстали предъ нами сразу какъ на плавлъ; мы глядя на нихъ съ нашей вершины, словно бы съ высоты птичьяго полета. А тамъ, далеко, далеко позади, можно разглядѣть уже съ помощью бинокля и еще другія сивія горы и на ихъ верхушкахъ бѣлыя снѣговыя латна,—то видѣются

Великіе Балканы со своими страшными Шилками, Траянами, Мара-Гайдуками... Во всю жизнь не позабуду эту дивную картину, да едва ли и придется видѣть еще гдѣ и когда-нибудь нѣчто подобное!... Съ этой высоты начался нашъ слускъ по дорогѣ ведущей сквозь ущелье въ городъ Гюмурджину. Дорога довольно порядочная, хотя каменистая. На послѣднемъ изъ уступовъ слуска подѣхали посмотрѣть укрѣпленія: ничего-себѣ, довольно серьезныя. Когда же спустились въ долину, то тутъ насъ встрѣтила совсѣмъ уже весна: зелень въ садахъ, зелень на поляхъ, солнечный блескъ, тепло животворящее, щебетанье лташекъ, цвѣты какіе-то... роскошь, да и только!... Въ окрестностяхъ города Гюмурджины разбросано много табачныхъ и огородныхъ плантацій; видѣются тамъ и самыя бѣлыя стѣны и черепичныя кровли укромныхъ чифтликъ (турецкихъ хуторовъ). На дворѣ январь мѣсяць, а тутъ въ огородахъ на грядахъ торчатъ уже довольно порядочныя кочви калусты, кустятся артишоки... А у насъ на матушкѣ Руси всѣми такими вкусоностями еще когда-то да когда будутъ лакомиться!... Не доходя двухъ верстъ до города, отрядъ былъ остановленъ генераломъ Чернозубовымъ, и Сухомлиновъ съ двумя казаками поѣхалъ въ городъ, съ цѣлью предупредить каймакама о вступленіи русскаго отряда и чтобы жители не безпокоились. Нужно замѣтить что находившійся при отрядѣ переводчикъ слышалъ отъ проходящихъ Турокъ что въ Гюмурджинѣ находится до тысячи челоувѣкъ турецкаго визама. Пока мы стоимъ себѣ да ожидаемъ, вдругъ глядь-поглядь—что за суматоха поднялась въ городѣ, скачка на лошадяхъ какаѣ-то, даже выстрѣлы. Думаю себѣ: „ну, попался бѣдный Сухомлиновъ!... что какъ ему плохо теперь приходится?... Впередъ идти бы, на выручку“... Генераль, видя въ городѣ это необычайное движеніе, приказалъ на всякій случай осмотрѣть винтовки,—какъ бы часомъ не пришлось еще подрагаться и близъ моря. Но вотъ скачетъ отъ Сухомлинова казакъ съ запиской, въ которой тотъ приглашаетъ отрядъ вступать въ городъ. Мы тронулись, и скоро замѣтили что на встрѣчу намъ валитъ какаѣ-то толпа лѣвшихъ и конныхъ людей; только толпа не военная. То были жители Гюмурджины, большею частью Греки. Впереди этой толпы красовался въ сѣдлѣ самъ каймакамъ, полковникъ турецкой службы, а съ нимъ и архіерей греческій, Іеронимъ.

Оба они верхами подскакали къ генералу и, изъяснивъ свои привѣтствія чрезъ переводчика, пригласили войти въ городъ, гдѣ у нихъ де уже сдѣлаано распоряженіе объ отводѣ для отряда удобныхъ квартиръ. Я вызвалъ впередъ хоръ трубачей своего полка (а надо замѣтить что въ 30мъ Довскомъ полку были тогда прекрасно обученные музыканты), и все время что мы шли по улицамъ, наша музыка наигрывала веселые марши. Наше появленіе было такъ неожиданно что мы застали всю городскую жизнь въ ея завсегдашнемъ видѣ, во всѣхъ ея всѣдневныхъ проявленіяхъ. На пути намъ встрѣтились огромныя галереи, выложенныя рядами маленькихъ мелочныхъ лавчонокъ. Торговцы — почти исключительно все Греки; но есть и Евреи, которыхъ сейчасъ же узнаешь по лейсамъ и характерному симитическому тилу лица, хотя здѣшній Израиль и облачается въ турецкій костюмъ. Турки здѣсь почти вовсе не занимаются торговлей; по крайней мѣрѣ, глядя на юркихъ Грековъ и Евреевъ, которые такъ и кишатъ въ своихъ лавченкахъ, и сравнивая съ ними сидящихъ тутъ же рядомъ кулцовъ турецкаго происхожденія, въ моемъ умѣ при видѣ послѣднихъ вовсе не вьжется съ ними представленіе о торговой дѣятельности. Кулцы-Турки какъ засядутъ съ утра такъ и сидятъ себѣ до конца торга на землѣ съ поджатыми подъ себя ногами и сидятъ почти неподвижно, пуская ароматный дымъ изъ длинныхъ чубуковъ своихъ курительныхъ трубокъ и созерцая какими-то сонными глазами свой товаръ разложенный предъ ними тутъ же на землѣ. Этотъ товаръ обыкновенно является въ видѣ какихъ-нибудь десяти пачекъ табаку или нѣсколькихъ коробочекъ спичекъ и трута, или же въ видѣ двухъ-трехъ леченыхъ хлѣбовъ, толченой горчицы, ящѣ да соли, — въ этомъ и вся турецкая торговля, по крайней мѣрѣ я лично ничего другаго у кулцовъ-Турокъ не замѣтилъ.

Полицейскіе усилебно хлопотали о нашихъ квартирахъ; въ особенности одинъ изъ нихъ много кричалъ и махалъ руками, видимо желая показать свое усердіе. Вообще все это со стороны турецкихъ залтїевъ было очень добродушно и, — что вы хотите, — но рѣшительно ни малѣйшей злобы или ненависти противъ насъ, гауровъ, не выражали ихъ физиономіи. А ужъ чего бы кажется!... Эскадроны и сотни, не разбивая, размѣстили мы по отдѣльнымъ дворамъ, что было очень удобно на случай тревоги и быстрого сбора. У каждаго двора

поставлены подчасочные. Генералу отвели квартиру въ великолѣпномъ домѣ богатаго Грека, а мнѣ съ Сухомлиновымъ—у архіерея Геронима, чрезъ два дома отъ генерала. Архіерей оказался очень пріятнымъ, любезнымъ и образованнымъ человѣкомъ; живетъ очень богато и подарилъ намъ на память свои фотографическія карточки. Окна нашей квартиры выходили на городскую площадь, гдѣ вечеромъ играла наша музыка и лѣли лѣсенники.

Въ Гюмурджикѣ было получено нами свѣдѣніе что Сулейманъ-паша сажаетъ свою армію на пароходы въ Карагачѣ, это всего въ лятнадцати верстахъ отъ Гюмурджины, а у насъ хотя и музыка, и лѣсенки, тѣмъ не менѣе мы все-таки цѣпились на всякій случай и для лучшей безопасности поставили вокругъ города свои пикеты. Были получены также и телеграммы отъ Турецкаго правительства, въ коихъ оно уведомляло насъ что перемиріе уже заключено и что поэтому намъ приказываютъ очистить городъ. На это подполковникъ Сухомлиновъ отвѣчалъ что русскіе военачальники привыкли получать приказанія только отъ своего правительства или начальства, въ каковыхъ случаяхъ и исполняютъ ихъ безусловно. На слѣдующее утро моего полка урядникъ, изъ дворянъ, Иловайскій, препроводилъ къ намъ турецкаго генерала Скемдеръ-пашу; этотъ генералъ съ аршинными усами (какъ оказалось, родомъ Венгерецъ) пріѣхалъ къ намъ со своимъ конвоемъ изъ десяти человѣкъ и довольно нахальнымъ тономъ заявилъ что желаетъ видѣть начальника штаба нашего отряда и потому требуетъ его къ себѣ. Въ отвѣтъ на это „требованіе“ его проводили къ Сухомлинову, который его и привалъ, разумѣется, вѣжливо.

— Вы знаете что вы окружены нашими войсками, и если не отступите, то вамъ будетъ плохо, гордо обратился къ нему паша по-французски.

— Не знаю, окружены ли *мы*, отвѣтилъ тотъ съ полнымъ спокойствіемъ;—а вотъ то что *вы* въ такомъ случаѣ нашъ военнопленный—это я вижу, потому что ваше превосходительство находитесь здѣсь среди русскаго отряда лишь со своими десяти конвойными.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ драться, сфорсилъ Венгерецъ.

— Чтò жь, и прекрасно. Мы не прочь, согласился Сухомлиновъ:—мы дрались уже съ турецкими войсками на Дунаѣ,

дрались и до Балканъ, и на Балканахъ и за Балканами; отчего жь не подраться и на берегу моря, если придется?!

Паша, очевидно, думалъ было залугать Сухомлинова, но ошибся въ расчетъ — не на того напалъ, и получивъ достойный отпоръ, сдѣлавъ ему вполнѣ вѣжливо и спокойно, но не безъ ядовитости, вдругъ, къ удивленію нашему, разомъ переѣхавъ тонъ, сталъ очень мягко, любезно и разговорчивъ и просилъ проводить его къ нашему генералу. У генерала Чернозубова это былъ совсѣмъ уже шелковый человѣкъ, и когда наша музыка заиграла вдругъ подъ окнами кадрилъ изъ Анэд, то Скендеръ-паша, увлекшись звуками и потому впадъ отчасти въ легкое забытѣ, началъ даже выбивать тактъ ногой. Глядя на это мы только кусали себѣ губы чтобы не разсмѣяться. Во время этого музыкальнаго наслажденія въ комнату вошелъ Бугекаго уланскаго полка поручикъ Бакунинъ и подаль генералу Чернозубову залечатанный пакетъ, поздравивъ его на словахъ съ перемиремъ. Слава Богу! теперь уже нѣтъ сомнѣній. Въ привезенной же бумагѣ заключалось приказаніе нашей бригадѣ вернуться изъ Гюмурджины и расположиться по деревнямъ вдоль рѣки Арды, т.-е. занять демаркаціонную линію.

На другой, кажется, день подполковникъ Сухомлиновъ долженъ былъ ѣхать съ докладомъ прямо въ Адрианополь, въ главную квартиру. Пользуясь перемиремъ, отпросился у генерала и я въ отлукъ туда же, такъ какъ мнѣ была надобность видѣть походнаго атамана по дѣламъ касающимся полка. Поручивъ временное командованіе полкомъ войсковому старшинѣ Грузинову, я вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ выѣхали изъ Гюмурджины утромъ, но уже по новой дорогѣ, по маршруту на портъ Деде-Агачъ, занятый отрядомъ генерала Карцева. Въ видѣ конвоя насъ сопровождали пятнадцать казаковъ. Дорога шла все время по берегу моря. Здѣсь совсѣмъ уже другія села, то-есть по вѣшности пожалуй и похожія на видѣнные нами прежде, но тѣ большею частію были разоренныя, а эти удѣляли вполнѣ и процвѣтали всею прелестью своей обычной жизни на берегахъ дивнаго моря, подъ дыханіемъ роскошной южной весны. Жители этихъ селеній уже знали о заключенномъ перемиріи и потому съ полнымъ спокойствіемъ предавались въ садахъ и на поляхъ своимъ обычнымъ весеннимъ работамъ. При выѣздѣ изъ Гюмурджины намъ пришлось ѣхать цѣлою улицей турецкихъ

бѣгунцовъ уходившихъ въ виду появленія русскихъ войскъ еще отъ самыхъ Балканъ. Эти несчастные сами намъ разказывали съ горькими сѣтованіями что строгій приказъ о поголовномъ бѣгствѣ всѣхъ жителей мусульманъ былъ отданъ Сулейманъ-пашой, и что ихъ заставляли бѣжать большею частью *насильно*, а кто не хотѣлъ подчиняться этому требованію, того имущество почти всегда разорялось турецкими же солдатами. Этыхъ бѣгунцовъ насчитывали въ одной лишь Гюмурджинѣ до пятидесяти тысячъ душъ, и какъ злобно они на насъ посматривали, а въ послѣдствіи они же работали въ Родопскихъ возстаніяхъ. Подѣзжая къ Деде-Агачу намъ пришлось ѣхать верстъ пятнадцать буквально по мраморной дорогѣ. Вообще прибрежныя горы и скалы здѣсь весьма богаты мраморомъ. Спустились мы въ какое-то ущелье, гдѣ меня заинтересовали громады дулистыя и развѣсистыя деревья. Турокъ провожавшій насъ называлъ ихъ „карагачъ“ (платанъ, чинаръ) и при этомъ прибавилъ что такъ какъ карагачей въ этой мѣстности осталось уже немного, то ихъ запрещено рубить. Портъ Деде-Агачъ не великъ; тутъ же, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ берега, находится и вокзалъ желѣзной дороги, куда мы прямо и отправились и застали тамъ майора Старо-Ивгерманландскаго полка Духновскаго съ его баталіономъ. Нашъ почтенный боевой товарищъ состоялъ здѣсь начальникомъ гарнизона и комендантомъ порта и станціи. Онъ сообщилъ намъ что ни вагоновъ, ни паровозовъ на мѣстѣ нѣтъ, все забрано въ Адрианополь для перевозки войскъ къ Царьграду. Нечего дѣлать, придется снова проѣхать верхомъ до Адрианополя. Пока лошади отдыхали, мы лошади пообедали въ ресторанѣ, а казаки обрадовались дешевымъ адельсинамъ и закупили ихъ массу, платя за десяткъ по галагану (2½ коп.). Послѣ обѣда, прогуливаясь, подошли къ самому морю. Берегъ здѣсь совершенно низменный, такъ что какъ посмотришь на волнующееся море, то уровень его представляется глазу болѣе возвышеннымъ чѣмъ берегъ, и вамъ такъ и кажется будто это море вотъ-вотъ совсѣмъ уже надвигается на васъ и зашьетъ васъ своими зелеными волнами. Это производитъ на душу какое-то подавляющее впечатлѣніе. Но какъ прекрасенъ отсюда видъ острова Святаго Іліи!... Громадная лилово-бурая скала, возносясь изъ нѣдръ моря своими красивыми очертаніями, до половины покрыта сверкающимъ снѣгомъ, и на глазъ сдается будто

она не дальше двухъ верстъ отъ берега, а между тѣмъ до Святаго Іліи добрыхъ шесть часовъ плаванія. Видны въ морской дали легкія очертанія и другихъ острововъ Эгейскаго моря, но уже смутно, какъ бы сквозь дымку легкаго тумана. Картина прелестная. Отъ Деде-Агача наша дорога шла все время около полотна желѣзной дороги. На второй день, подъѣзжая къ станціи Каваджикъ, насъ догналъ поѣздъ, который возилъ смѣну майору Духовскому и теперь возвращался въ городъ Демотику, откуда долженъ былъ направиться въ Адрианополь. Благодаря этой счастливой случайности мы пріѣхали во вторую столицу Турціи значительно раньше чѣмъ предполагали. Здѣсь уже было собрано много войска всѣхъ родовъ оружія, расположенныхъ отчасти бивуаками, отчасти въ домахъ предмѣстья. По бокамъ шоссе ведущаго отъ вокзала къ городу стояли парки и артиллерія. Сѣли мы въ извозничій фаэтонъ запряженный парой, за кучера сидѣлъ босой Турокъ съ засученными по локоть рукавами, съ широко-открытою наголо грудью, но за то съ широко-намотаннымъ вокругъ живота поясомъ.

Сѣдуя по предмѣстьямъ, прежде чѣмъ вступить въ самый городъ, проѣхали мы черезъ Арду и Марицу по двумъ широкимъ каменнымъ сводчатымъ мостамъ прекрасной древней постройки. Городъ, увы! на много разочаровалъ наши ожиданія. Издали онъ очень красивъ и своеобразенъ, какъ въ вообще восточные города, но вблизи—это скопище всякой грязи и воню; тѣснота улицъ, тѣснота строеній, да и самыя строенія по большей части какое-то жиденькое деревянное старье, почти готовое рухнуть. Впрочемъ, каменные постройки, какъ напримѣръ казармы, ковакъ, базары, банн, мечети, отличаются своею солидностью и массивностью. На улицахъ и тѣсныхъ площадяхъ здѣсь теперь происходитъ вавилонское столпотвореніе. Вотъ ужъ именно можно какъ вельзя болѣе кстати воскликнуть съ поетомъ:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній!...

Жидовъ здѣсь множество на каждомъ шагу, но не столько турецкихъ сколько нашихъ „товарищескихъ“. И какіе же „гешефты“ они тутъ продѣлываютъ! Богъ мой!...

По нашей просьбѣ извозчикъ привезъ насъ въ „лучшую“ гостиницу; но когда мы очутились въ отведенной намъ ком-

вать, то невольно самъ собою явился вопросъ: каковы же должны быть тутъ второстепенныя гостиницы, если въ „лучшей“ такая ужасная грязь и мерзость?... Переодѣвшись, то есть вѣрнѣе сказать почистившись (потому что переодѣваться было не во что) мы пошли въ конакъ (губернаторскій домъ, громаднхъ размѣровъ), гдѣ помѣщался Великій Князь Главнокомандующій со своимъ штабомъ.

Его Высочество встрѣтилъ насъ очень ласково и благодарилъ за славный походъ. Какъ узнали мы въ послѣдствіи, онъ очень безлокоплся объ участи нашего отряда, въ особенности при крайне рискованномъ переходѣ черезъ Траявъ. Вскорѣ главная квартира перешла въ Санъ-Стефано, а съ нею и всѣ управленія, и такимъ образомъ, пока я успѣлъ подготовить всѣ дѣла касающіяся полка, нашъ походный атаманъ уже уѣхалъ изъ Адрианополя.

Поэтому въ мартѣ мѣсяцѣ я долженъ былъ отправиться къ нему въ Санъ-Стефано, и случилось такъ что въ это самое время при главной квартирѣ была собрана послѣдняя Георгіевская дума, въ которую успѣло попасть и представленіе обо мнѣ, да даже не одно, а два разомъ: за Траявскій перевалъ и за отбитіе 53хъ орудій при деревнѣ Караджиларъ. За оба дѣла меня представили къ Георгію 4й степени. Рѣшили такъ: за первое дать Георгіевскій крестъ (4й степени), а за послѣднее очередную награду. Кто получалъ эту великую и славную награду тотъ конечно пойметъ какъ я былъ радъ и счастливъ, и тѣмъ болѣе что меня позвали къ Великому Князю, который самолично вручалъ мнѣ крестъ, и при этомъ, поздравляя, обнялъ, поцѣловалъ меня и много благодарилъ за подвиги ввѣренной мнѣ части.

Было бы грѣшно не воспользоваться случаемъ побывать въ Константинополѣ, находясь отъ него менѣе чѣмъ въ разстояніи одного часа ѣзды. Я отпросился и поѣхалъ. Но о Царьградѣ уже столько писалось и въ прежніе годы, и нынѣ, что мое слабое перо, конечно, не прибавитъ ничего новаго къ тѣмъ яркимъ и даровитымъ описаніямъ этого города, какими богата и европейская, и русская литература. Я былъ пораженъ своеобразностію и громадностію этого красавца-города. Я восхищался его картинными видами пока не ступилъ съ пароходнаго борта на деревянный мостъ и въ особености съ сего послѣдняго на набережную Галаты. Лучше было бы остаться при своемъ первомъ впечатлѣніи!... Мѣстами,

несмотря на грязь, лестрота улицъ и уличныхъ сценъ, и архитектура кіосковъ, мечетей и отдѣльныхъ зданій и здѣсь точно такъ же какъ и въ общей картинѣ очень своеобразны, красивы, порою даже изящны, но... любоваться ими приходится по большей части не иначе какъ зажавъ себѣ носъ. Скажу лишь одно что мусульманскій степенный Стамбулъ понравился мнѣ несравненно болѣе чѣмъ европейская Пера. Посѣтилъ я и Безестень (центральный Стамбульскій базаръ), но увы! и сюда уже успѣли вторгнуться товары европейскаго издѣлія въ видѣ всяческой патентованной и не патентованной дряни, которая намъ и у себя-то дома столь скучно мозолитъ глаза. Какъ жаль что эта пресловутая „цивилизация“ со всего къ чему лишь она ни прикоснется стираетъ всѣ яркія краски, всѣ самобытныя характерныя черты и особенности!.. Та же печальная участь, по всѣмъ видимостямъ, предстоитъ со временемъ и Стамбулу. Дай Богъ только чтобъ это „современемъ“ наступило для него какъ можно позднѣе. Оговорюсь впрочемъ что пожеланія мои относятся лишь къ художественной сторонѣ Стамбула, его жизни и быта.

Въ Санъ-Стефано пробылъ я всего лишь нѣсколько дней и олять вернулся въ Адрианополь, гдѣ засталъ одного изъ офицеровъ моего полка, расположеннаго въ то время въ деревняхъ вдоль берега рѣки Арды. Офицеръ этотъ прибылъ съ донесеніемъ что большія партіи башу-бузуковъ сдѣлали внезапное нападеніе на нашу вторую сотню, причемъ убитъ одинъ казакъ, а ранено два и пять лошадей; кромѣ того, отбито много казачьихъ и офицерскихъ выюковъ и сотенныя письменные дѣла.

Итакъ, съ нами продолжаютъ драться не взирая на перемиріе, благодаря которому казачки, безъ сомнѣнія, поослабили мѣры предосторожности, за что вотъ и поплатились. Изумленные дерзостью этого внезапнаго нападенія, мы и не чаяли что оно было началомъ такъ-называемаго „Родолскаго возстанія“, о которомъ столько накричали Европѣ господа Англичане.

Командующимъ въ то время девятымъ пѣхотнымъ корпусомъ былъ генераль-лейтенантъ Делинсаузенъ. Онъ далъ мнѣ предписаніе по возможности успокоить это возстаніе, держась все-таки на линіи рѣки Арды, что однакоже не легко было мнѣ исполнить на такомъ пространствѣ, съ одною лишь наличною казачьею силою моего полка. Входя въ наше

положеніе, командующій девятымъ корпусомъ вскорѣ прислалъ къ намъ на подмогу два баталіона пѣхоты и взводъ артиллеріи; такимъ образомъ наша линія была значительно усилена, и Турки стали меньше лѣзть на насъ. Въ маѣ мѣсяцѣ на смѣну тридцатому Донскому полку пришелъ девятый Драгунскій полкъ, а моего полка сотни поставлены были по рѣкѣ Тунджѣ, вверхъ отъ Адрианополя и по линіи желѣзной дороги, а штабъ полка—въ городѣ Паша-Мустафа-Келри-Су (первыя два слова означаютъ фамилію губернатора, Келри—мостъ, а Су—рѣчка, вода). Мостъ дѣйствительно большой, каменный, черезъ рѣку Марицу. Здѣсь уже намъ вполнѣ былъ отдыхъ, но къ сожалѣнію низменная мѣстность оказывала зловредное вліяніе: люди стали болѣть тифомъ въ значительномъ числѣ, тогда какъ во время стоянки въ горахъ, на Ардѣ, больвухъ у насъ было всего лишь два человѣка. Городъ Мустафа-Паша населенъ на половину Болгарами, на половину Турками; но послѣднихъ въ настоящее время осталось очень мало: всѣ убѣжали въ Константинополь. Какъ Болгары, такъ и Турки занимаются здѣсь преимущественно разведеніемъ шелковичныхъ червей, для чего окрестности города сплошь заняты плантаціями тутовыхъ деревьевъ. Садоводы ежегодно подстригаютъ вѣтви, не давая стволу дерева расти въ вышину, для того чтобы ростъ его шелъ преимущественно въ молодые отрпыски изобилующіе наиболѣе сочными и вѣжными листьями или, какъ называютъ Болгары, „кулрыной“. Промыселъ доходный, но требуетъ большихъ трудовъ и хлопотъ.

Здѣсь наконецъ-то пришлось мнѣ въ первый разъ за десять мѣсяцевъ бивуачной жизни помыться не въ турецкой, а въ настоящей нашей „русской“, солдатской банѣ. Баня эта хотя и съ плохою обстановкой, но все-таки пріятна.

10го іюня повадилось мнѣ съѣздить въ Адрианополь. Съѣзъ я уже въ вагонъ какъ вдругъ подаетъ казакъ конвертъ; распечатываю, и не вѣрю своимъ глазамъ. Вотъ содержаніе бумаги: „Предписываю вашему высокоблагородію немедленно собрать полкъ и всѣхъ отдѣльно откомандированныхъ людей въ Тырново-Семенли, а оттуда слѣдовать къ городу Русцуку.“ Подписано: „Россійскій Императорскій комиссаръ, князь Дундуковъ-Корсаковъ“. Можете себѣ представить какъ мы обрадовались. Я сейчасъ же послалъ нарочныхъ къ сотеннымъ командирамъ. Прощай, Турція! придется ли когда еще разъ лобывать въ тебѣ?...

12го іюня со штабомъ и двумя сотнями выступилъ я изъ Мустафа-Паши. Посмотришь, у каждаго казака ясно была написана радость на лицѣ. Первая станція Германлы—разоренное турецкое мѣстечко. Дождь всю ночь мочилъ насъ не переставая, но несмотря на это на нашемъ бивуакѣ слышны были лѣсныя и веселые разговоры.

На другой день пришли мы въ Тырново-Семенли, гдѣ остававшаяся сотня уже ожидала насъ.

14го числа уже всѣмъ полкомъ, сдѣлавъ небольшой переходъ до станціи желѣзной дороги, пришли въ Эски-Загру,—былъ когда-то хорошенькій городокъ, но теперь почти сплошь разоренный послѣ неудачнаго исхода первой забалканской экспедиціи генерала Гурко. Страшнымъ погромомъ заплатилъ тогда Сулейманъ-паша эски-загрскимъ Болгарамъ за ихъ сочувствіе къ Русскимъ... Здѣсь по маршруту намъ была назначена дневка.

16го числа пришли въ городъ Ени-Загру. Какія здѣсь ровныя мѣста! Плоская равнина тянется на нѣсколько десятковъ верстъ, представляя собою такую картину, наломившую отчасти наши родовыя степи, отъ которой нашъ глазъ давно успѣлъ уже отвыкнуть въ горныхъ и холмистыхъ странахъ Балканскаго полуострова.

17го мая попали опять въ долину рѣки Тунджи и пришли въ городъ Сливно. Эта долина на всемъ своемъ протяженіи чрезвычайно живописна. Самый городъ увидишь лишь тогда какъ подъѣдешь къ домамъ его окраины. Онъ залегъ совсѣмъ въ углу долины образуемой горными отрогами Балканъ. Опять предъ нами эти страшные Балканы, но въ этотъ мѣстъ они гораздо ниже сравнительно съ Шил'ой и Траяномъ.

На 18 число нашъ маршрутъ указывалъ переходъ въ городъ Казанъ или Котель. По разпросамъ у Болгаръ оказалось что прямо перейти черезъ хребетъ нельзя, поэтому пошли мы въ обходъ и вышли на Ямбольское шоссе. Дорога сама по себѣ оказалась очень хорошею, да къ тому же она была еще исправлена и нашими салерами; но переходъ на этотъ разъ былъ непомерно великъ и въ особенности памятенъ мнѣ тѣмъ что на самомъ походѣ я опять заболѣлъ лихорадкой. Говорю: *опять*, потому что еще въ Мустафа-Пашѣ у меня уже были лароксизмы. Городъ Казанъ топографически совершенно оправдываетъ свое названіе, онъ такъ окруженъ

отовсюду горами что сидитъ какъ бы въ котлѣ или въ чашкѣ громадныхъ размѣровъ, и это на самомъ перевалѣ Балканъ. На всѣхъ окружающихъ его высотахъ построены очень хорошіе редуты, такъ что еслибы пришлось брать ихъ съ бою, то не мало полегло бы народу. Здѣсь мы имѣли дивку, но я все время пролежалъ больнои и поэтому города не видѣлъ.

Отъ Котла перевалили мы на сѣверный склонъ Балканъ и начали спускаться съ нихъ все ниже и ниже, чрезъ четыре перехода подошли къ городу Разграду. День былъ невыносимо жарокъ, а нашъ путь лежалъ болѣею частью вдоль ло ущелью, гдѣ почти вовсе не было вѣтерка, такъ что духота стояла просто нестерпимая. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ повѣло на насъ прохладой; смотримъ—наѣво съ обрыва футовъ 50 вышиной ладаетъ съ шумомъ вода; брызги разлѣтаются пылью, а внизу, подъ этимъ естественнымъ душемъ, солдатики купаются. Мы имъ отъ души позавидовали.

Разградъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ и почти нетронутъ разореніемъ сопряженнымъ въ Турціи съ войной. Въ городѣ большое движеніе; много нашихъ войскъ. Здѣсь была получена мною телеграмма отъ походнаго атамана, генерал-лейтенанта Омина, съ приказаніемъ увѣдомить его, когда полкъ придетъ въ городъ Руцукъ.

27го іюня пришли мы къ Руцуку. Когда открылся предъ нами Дунай, то люди, несмотря на жару, замѣтно оживились, какъ бы въ какомъ-то нервномъ возбужденіи. Поднялся бойкій, веселый говоръ, явилось мѣсто воспоминаніямъ о началѣ этой войны, и каждый изъ нихъ слѣшилъ узнавать и указывать на противоположномъ берегу Дуная знакомыя мѣста: Жур'ево, Слободзею и пикетъ Малорощъ... А вотъ прямо предъ нами на этомъ берегу и знаменитый турецкій фортъ Левентъ-Табія, сейчасъ значитъ и самый Руцукъ,—предѣлъ нашему странствію по Болгаріи. Полкъ прошелъ чрезъ весь городъ, войдя въ Разградскія ворота и выйдя въ Силистрийскія. Назначено было намъ стать бивуакомъ у берега Дуная, гдѣ и оставаться впредь до приказанія; но приказаніе это послѣдовало не скоро, почему и оставались мы здѣсь на отдыхъ до 11го августа.

Въ теченіе этого времени походный атаманъ прибывшій въ Руцукъ произвелъ полку инспекторскій смотръ и остался очень доволенъ какъ людьми, такъ и лошадьми. Дѣйстви-

тѣльно, поотдохнувшіе люди имѣли бодрый видъ, а лошади настолько сохранились что многія изъ нихъ годились бы еще для одного похода.

10го августа — ура! радость!.... Отъ генералъ-адъютанта Древетельна было получено предписаніе чтобы 11го числа выступить со вѣренными мнѣ полкомъ въ предѣлы Россіи, причемъ прилагаался и маршрутъ, по которому путь нашего слѣдованія былъ тотъ же самый какимъ шли мы изъ Россіи къ Дунаю, а лотому не считаю интереснымъ повторять то что уже было описано мною.

Еще разъ прошу читателя моихъ Записокъ извинить автора если что найдетъ неинтереснымъ. За справедливость же описаннаго ручаюсь.

М. ГРЕКОВЪ.

ДѢЛО ДОКСА

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СЛѢДОВАТЕЛЯ

I.

Читаю: „Устьумское волостное правленіе имѣетъ честь до-нести вашему высокоблагородію что сего числа явился въ оное волостное правленіе крестьянинъ устьумскій Василій Тивьковъ и представилъ неизвѣстнаго званія человѣка, какъ бы Нѣмца, у коего на рукѣ найдены знаки поравенія, и оный неизвѣстный Нѣмецъ объяснилъ что знаки сіи произошли отъ толора, коимъ его покушался убить лѣсной сторожъ господскаго Устьумскаго лѣса, и отъ коего онъ бѣжалъ сею ночью. Тивьковъ же, допрошенный мною, показалъ что сего неизвѣстнаго Нѣмца онъ выслѣдилъ въ Устьумскомъ лѣсу по слѣду крови и нашелъ спрятавшимся подъ кустъ и укрытымъ съ головой въ пальто. Еще имѣю честь довести что оный Нѣмецъ по дорогѣ въ волостное правленіе хотѣлъ бѣжать отъ крестьянина Тивькова, и вторично по приводѣ въ волостное правленіе, сдѣлавъ въ арестѣ подкопъ, покушался снова убѣжать. А такъ какъ онъ показалъ себя Готлибомъ Доксомъ, служащимъ на пивоваренномъ заводѣ въ Л., но паспорта при немъ никакаго не найдено, то потому онъ и задержанъ при волостномъ правленіи впредь до распоряженія вашего высокоблагородія.“

Сообщеніе, конечно, мало помятое, но включенное въ него заявленіе потерпѣвшаго о покушеніи на его жизнь—безусловно обязывало приступить къ производству предварительнаго слѣдствія. Особенно же удивляться тому что вмѣсто обвиняемаго арестовано лицо потерпѣвшее отъ преступленія, и что покушалось къ тому же, какъ преступникъ, бѣжать,—но меньшей мѣрѣ было преждевременно. Обыкновенно такіе казусы разъяснялись слѣдствіемъ и превращались въ самыя обыкновенныя происшествія.

Было уже около 10 часовъ вечера, когда сообщеніе было мнѣ доставлено, и хотя Устьумское волостное правленіе и отстояло отъ Л., гдѣ находилась моя камера, не болѣе какъ на 10 верстѣ, тѣмъ не менѣе передать немедленно распорядженіе о доставленіи арестованнаго въ Л. не представлялось уже никакой возможности, и злополучному Доксу предстояла неизбежная вочевка въ холодной.

Законъ даетъ право слѣдователю производить слѣдствія не выѣзжая на мѣсто происшествія, если свидѣтели живутъ не далѣе 15 верстѣ отъ его камеры, и если, конечно, особыя обстоятельства не требуютъ присутствія его на мѣстѣ для такихъ слѣдственныхъ дѣйствій какъ напримѣръ осмотръ мѣстности сдѣлавшейся театромъ преступленія, осмотръ вещественныхъ доказательствъ которыя по существу своему, не могутъ быть перенесены или перевезены, и др. Въ данномъ случаѣ я рѣшился ѣхать на мѣсто, такъ какъ при слѣдствіи могла легко представиться надобность осмотрѣть мѣсто происшествія. Поэтому я сейчасъ же озабочился о лошадяхъ и затѣмъ зашелъ къ уздному врачу предупредить его о предстоящемъ лутешествіи. Старый докторъ поморщился, поворчалъ, но согласился ѣхать осмотрѣть рану Докса въ Устьумъ. Отъ доктора я направился къ содержанию пивовареннаго завода, съ которымъ хотя и былъ нѣсколько знакомъ, но котораго своимъ позднимъ приходомъ перелугалъ неслыханно. Я хотѣлъ обратъ отъ него свидѣнія о личности Докса, чтобъ имѣть возможность по приѣздѣ въ Устьумъ освободить его. Нѣмецъ-пивоваръ очевидно расплагалъ уже отойти ко сну, и принялъ меня въ халатѣ, что однако не помѣшало ему выказать крайній респектъ къ представителю правосудія и три раза поклониться прежде чѣмъ пригласить меня сѣсть. Я послѣдшилъ успокоить почетнаго пивовара и объяснилъ ему осторожно цѣль своего

посвещеніи. Услыхавъ объ арестѣ Докса онъ, казалось, очень огорчился. Первымъ его движеніемъ было скакать сейчасъ же въ Устьумъ и освободить его во что бы то ни стало, но я успокоилъ его, объясняя что чрезъ нѣсколько часовъ долженъ самъ ѣхать туда съ докторомъ и что Готлибу будетъ удобнѣе посидѣть ночь въ холодной чѣмъ провести ее въ дорогѣ, катаясь взадъ и впередъ между волостью и городомъ, но я обѣщалъ что или привезу Готлиба самъ, или поручу его доктору.

Немного успокоенный, старикъ пригорюнився и сталъ причитывать:

— Ахъ, господишь слѣдователь, этотъ Готлибъ совсѣмъ дитю! Сколько разъ уговаривалъ я его: „Готлибъ, не уходи отъ меня, а то промадешь!“— „Нѣтъ, говорить, дядя, не могу—уйду.“ Это правда,—добавилъ онъ печально,—наше ремесло очень-очень трудное! Работникъ очень большой баловникъ; и ливо пить не какъ человекъ, а какъ свинья, и льямъ бываетъ постоянно. А Готлибъ добрый, онъ не могъ этого видѣть и не позволялъ имъ напиваться. Ну они на него за то и сердиты были и дѣлали ему постоянно непріятности. Пиво хорошаго качества, благородный, и мы съ Готлибомъ часто и весь боченокъ въ праздникъ выпьемъ, но не дай Богъ чтобы льявы были: отъ льява человекъ льявъ быть не можетъ; а они ливо съ водкой мѣшаютъ,—такой свинь!

Въ заключеніе ливоваръ сообщалъ мнѣ что этотъ Готлибъ его родственникъ, что онъ при расчетѣ выдалъ ему 500 рублей, и что Готлибъ намѣревался отправиться на родину въ Саксонію, но видно потерялъ свой паспортъ. Онъ просилъ освободить „честнаго Готлиба“ возможно скорѣе, повторивъ еще разъ что Готлибъ „совсѣмъ дитю“.

Доксъ повидимому оправдывалъ слова ливовара.

На другой день утромъ предъ нами въ Устьумскомъ волостномъ правленіи предсталъ молодой блѣкурый человекъ, почти юноша, съ голубыми глазами и блѣдыми нѣжными щеками, на которыхъ то и дѣло вспыхивалъ яркій румянецъ. Онъ очевидно былъ крайне утомленъ, проведя часть дня и бессонную ночь въ холодной, но лаять было замѣчательно чисто и въ порядкѣ. Говорилъ онъ по-русски довольно плохо, немилосердо коверкая слова и какъ бы создавая малопонятность своей рѣчи, вглядываясь въ глаза, пытаясь прочесть погляди ли его.

Этотъ ясный, полузастигивчивый взглядъ могъ принадлежать скорѣе дѣвухкѣ чѣмъ взрослому мужику, и разѣ испытывъ на себѣ этотъ взглядъ, невольно раждалось убѣжденіе въ глубокой нравственной чистотѣ этого человѣка. Подобные субъекты нынѣ крайне рѣдки,—они продуктъ воспитанія кое-гдѣ удавѣвшаго еще въ самыхъ захолустныхъ селахъ Германіи.

Докторъ воскликнулъ даже отъ удивленія, когда Готцаба ввели въ нашу комнату, до того ему показалось невообразимымъ появленіе въ такомъ мѣстѣ стараго пріятели, да при томъ еще и подѣ карауломъ двухъ сторожей, которыхъ мы однако послѣднимъ удалили.

— Неужели это вы, милый Готцабъ! Ахъ, Боже мой, да какъ же это случилось! Вотъ встрѣча! восклицалъ докторъ, не замѣчая смущенія и подавленнаго состоянія въ которое приводилъ Готцаба его возгласы.

— Карлъ Ивановичъ хорошъ тоже: отпустилъ васъ одного, да еще пѣшкомъ! продолжалъ удивляться неугомонный докторъ, позабывъ даже огорченіе свое по случаю раннаго выѣзда на слѣдствіе, за который дулся на меня всю дорогу, что и было причиною почему я не могъ сообщить ему ранѣе о злополучномъ происшествіи постигшемъ его пріятели.

Рана оказалась глубокою, но не оласною. Она шла вдоль руки между локтемъ и кистью. Всѣ мягкія части оказались разсѣченными до кости, но жилы удавѣли, и кровотеченіе было незначительно. Края раны были ровны, что доказывало что она сдѣлана острымъ желѣзнымъ орудіемъ, и въ этомъ убѣждали также разрывы на сюртукѣ и рубахѣ. Это же мнѣніе даво было и докторомъ по окончаніи осмотра. Я приступилъ затѣмъ къ допросу потерпѣвшаго.

Доксъ отъ смущенія еще болѣе коверкалъ слова, но я не буду удерживать здѣсь способъ его произношенія. Нѣтъ сомнѣнія что даже въ своей Саксоніи онъ не въ состояніи будетъ похвалиться знаніемъ русскаго языка.

— Ваше имя, отчество и фамилія?

— Готцабъ Іогановъ Доксъ.

— Ваше званіе?

— Саксонскій подданный.

— Гдѣ проживаете?

— Я два года жилъ у дяди моего на пивоваренномъ заводѣ въ Л., завѣдывая производствомъ и исполняя другія по заводу работы, а теперь шелъ на родину въ Саксонію.

— Ваша лѣта?

— Двадцать два.

— Вы шли одинъ, безъ полутчиковъ?

— Одинъ.

— Кромѣ того имущества которое теперь при васъ было ли съ вами еще что-либо?

— Да, узель.

— Гдѣ онъ?

— Онъ остался въ домѣ лѣсника, изъ котораго я бѣжалъ прошлой ночью.

— Что въ немъ находилось?

Докъ перечислялъ подробно все свое имущество. Оно заключалось исключительно въ платье и бѣлье.

— Были ли въ немъ деньги или какія-нибудь бумаги?

— Было два лисьма дяди къ моимъ родственникамъ.

— А деньги?

— Нѣтъ, деньги при мнѣ. Онѣ зашиты въ рубахѣ, которая теперь на мнѣ. Кошелекъ же съ тридцатью шестью рублями у меня отобрали въ этой комнатѣ, какъ только привели сюда.

— Вы шли за гравлицу и слѣдовательно должны были имѣть паспортъ?

— Я входилъ въ полицейское управленіе и просилъ о немъ, но мнѣ сказали что нужно подать прошеніе и ожидать довольно долго. Я не хотѣлъ ждать, и ушелъ безъ паспорта. Я шелъ на родину, гдѣ меня знаютъ, и гдѣ паспортъ не требуютъ, а потому думалъ что меня никто не остановитъ.

— Почему вы, не зная мѣстности, не наняли лошадей и рѣшились зимою предпринять этотъ путь лѣшкомъ и безъ провожатаго?

— Я берегъ деньги, да къ тому же и дядя совѣтовалъ мнѣ идти лѣшкомъ: дорога была большая и путь былъ не труденъ.

— Разкажите, когда именно вышли вы изъ Л. и какъ случилось что васъ нашли въ лѣсу, далеко въ сторонѣ отъ дороги и въ такомъ печальномъ положеніи?

— Я давно уже собирался возвратиться на родину, и неоднократно просилъ дядю отпустить меня, но онъ не соглашался, и когда увидѣлъ что я не могу справиться съ рабочими, то самъ сталъ за ними присматривать, а мнѣ передалъ бухгалтерію и нѣкоторыя другія свои занятія, но это продолжалось не долго, потому что ему трудно было

услѣввать одному вездѣ, такъ какъ кромѣ завѣдыванія производствомъ и подваломъ, онъ долженъ былъ отлучаться съ завода для закупокъ, заготовокъ разныхъ и по другимъ дѣламъ. Я снова сталъ завѣдывать производствомъ, и снова жизнь моя стала для меня невыносима. Рабочіе мои пьянствовали, и я не могъ рассчитывать ни на одиныхъ удачныхъ, хорошихъ выходъ лива. Кромѣ того, не проходило дня чтобы кто-либо изъ нихъ не надѣлалъ мнѣ грубостей и не накидывался на меня такъ нахально что я принужденъ бывалъ...

— Чтѣ же вы принуждены были дѣлать? спросилъ я, видя что Доксъ замолчалъ и покраснѣлъ.

— Я принужденъ былъ каждый разъ искать помощи у дяди,—олутивъ глаза въ землю, проговорилъ онъ. Затѣмъ онъ продолжалъ.—Наконецъ совѣсть моя не позволила мнѣ обременять долге дядю, который изъ любви ко мнѣ долженъ былъ и умирять рабочихъ, и вести все дѣло одинъ, безо всякой существенной помощи съ моей стороны. Я не могъ продолжать такую жизнь, и на дняхъ объявилъ ему что ухожу. Родители мои бѣдны и у насъ большая семья, въ которой я старшій. Вотъ почему я не хотѣлъ тратить денегъ на наемъ подводы, тѣмъ болѣе что дядя къ деньгамъ слѣдовавшимъ мнѣ по условію прибавилъ еще отъ себя 150 рублей, зная что деньги намъ очень нужны. Я собралъ мои вещи, уложилъ ихъ въ кожаный узелъ и около трехъ часовъ вечера распрощался и вышелъ изъ города. Я думалъ добратся засвѣтло до Семигановскаго села и тамъ переночевать на постояломъ дворѣ знакомаго мнѣ кулца, который постоянно закупалъ у насъ ливо, а на другой день мнѣ легко уже было дойти до станціи желѣзной дороги или даже и доѣхать, потому что изъ Семигановска каждый день отправляются подводы на желѣзную дорогу, и меня за ничтожную цѣну подвели бы. Отойдя версть шесть отъ Л. мнѣ повстрѣчались какіе-то крестьяне, и я спросилъ у нихъ далеко ли еще до Семигановска. Они мнѣ отвѣтили что остается еще версть пять, но если я, пройдя около полуверсты, сверну съ дороги вправо и пойду лѣсомъ, то сокращу себѣ путь почти на половину. Сбится съ дороги, по мнѣнію крестьянъ, нельзя, потому что другой дороги въ лѣсу нѣтъ. Было еще совсѣмъ свѣтло, но холодъ, несмотря на скорую ходьбу, давалъ порядкомъ себя чувствовать, и я рѣшился послѣдовать совѣту крестьянъ и идти лѣсомъ. Я скоро нашелъ тропинку и пошелъ по ней. Лѣсъ былъ

высокій и густой, такъ что вѣду было почти темно, но тропинка шла прямо, вѣду не раздѣляясь, и я не боялся заблудиться; тамъ было гораздо теплѣе чѣмъ въ полѣ, и я скоро задрѣлъ лѣсно... Вы не удивляйтесь, господина слѣдователь, этому: мы, нѣмецкіе работники, всегда поемъ въ дорогѣ, это наше обыкновеніе и вошло въ привычку. А лѣсъ былъ такой тихій да теплый что я и самъ не знаю какъ сталъ лѣть. Такъ я прошелъ около полудна, а въ лѣсу тѣмъ временемъ совершенно стемнѣло. Дорогу однако было видно хорошо, и я продолжалъ бодро идти впередъ, какъ вдругъ возлѣ меня точно изъ земли выросла фигура человѣка большаго роста, съ большою черною бородой. Онъ былъ въ тулупѣ и изъ-за спины торчало ружье, а въ рукахъ была толстая палка. Онъ меня спросилъ, куда меня Богъ несетъ и откуда я иду, а когда я ему отвѣтилъ, то онъ сталъ меня очень жалѣть и увѣрять что я заблудился и иду въ совершенно противоположную сторону. Я очень хорошо помнилъ наставленія крестьянъ, а также и то что мнѣ ни разу не приходилось сомнѣваться въ выборѣ дороги, такъ какъ такого выбора мнѣ ни разу и не представлялось. Человѣкъ этотъ говорилъ со мною ласково и объяснилъ что онъ мѣстный лѣсной сторожъ, и потому лѣсъ въ которомъ мы находились слышкомъ хорошо ему знакомъ для того чтобы не сомнѣваться что я действительно заблудился. Онъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и пригласилъ меня переночевать у него, обѣщая утромъ вывести на дорогу. Я поблагодарилъ его и хотѣлъ отказаться, но онъ продолжалъ уговаривать и даже угрожалъ мнѣ до тѣхъ поръ пока я не согласился.

— Онъ угрожалъ вамъ?

— Да. Онъ говоритъ что такого дурака, какъ я, онъ силою не пуститъ блудить вочью по лѣсу, и что со мною въ лѣсу можетъ случиться какое-нибудь несчастье. Онъ пошелъ впередъ, указывая дорогу, а я за нимъ. Мы шли молча, и во всю дорогу онъ не проронилъ ни одного слова. Вскорѣ мы свернули съ тропинки и пошли безо всякой дороги прямо черезъ лѣсъ. Сначала мы прошли одною поляною, окруженною все тѣмъ же высокимъ и густымъ лѣсомъ, затѣмъ вышли на другую, вокругъ которой лѣсъ былъ не такъ ужъ высокъ, а съ одной стороны его даже вовсе и не было видно, тамъ была какъ-бы широкая просѣлка.

— Справа или слѣва отъ васъ вы видѣли ее?

Доксъ подумалъ и отвѣчалъ что слѣва. Затѣмъ онъ продолжалъ.

— Пройдя вторую поляну мы снова шли безъ дороги, по крайней мѣрѣ я никакъ не могъ замѣтить ни одного слѣда, исключая тѣхъ которые оставлялъ за собою мой проводникъ. Онъ часто, наткнувшись на кустъ или дерево, останавливался, оглядываясь и шелъ затѣмъ далѣе. Такъ мы шли около получаса, пока наконецъ между деревьями не мелькнулъ огонекъ, сначала одинъ, а потомъ рядомъ съ нимъ и другой: это свѣтились окна въ избѣ дѣсника, и мы подошли къ ней черезъ нѣсколько минутъ. Мы обошли ее кругомъ, прошли небольшой огороженный дворикъ и тогда только вошли въ домъ. Керосиновая лампочка стояла на столѣ и ярко освѣщала небольшую, чистую комнату. Насъ встрѣтила женщина которую дѣсникъ тотчасъ же называлъ своею женою. Она такая же большая какъ и ея мужъ, и кажется должна быть еще сильнѣе его. По приказанію мужа она вынула изъ лѣчки суль съ вареною говядиною, поставила на столѣ тарелки, положила ложки, хлѣбъ и другіе предметы, которыхъ теперь уже не помню.

— Когда вы вошли въ избу, какъ дѣсникъ объяснилъ жемѣ вашъ приходъ?

— Когда мы вошли въ избу, онъ на порогѣ еще, снимая шапку, сказалъ что привелъ съ собою заблудившагося.

— Жена отвѣтила на это что-нибудь?

— Я стоялъ въ то время еще въ сѣняхъ, за сливой дѣсника, и не могъ слышать ея словъ, но до меня долетѣло слово „дьяволъ“. Когда мы сѣли ужинать, дѣсникъ досталъ изъ шкафа, который стоитъ у него въ углу, бутылку отъ входной двери, небольшую бутылку и рюмку, и предложилъ мнѣ выпить водки, но я отказался, такъ какъ я никогда ея не пью. Угощалъ меня только самъ дѣсникъ, жена же его мнѣ ничего не предлагала и даже вовсе со мной не говорила. Во все время ужина она оглядывала меня также какъ и ея мужъ въ лѣсу, и оглядывала такимъ недобрымъ взглядомъ что мнѣ дѣлалось очень неловко. Я не зналъ равиѣ этой женщины, но она имѣла такой озлобленный видъ что въ чувствѣ ея возбужденномъ моимъ приходомъ трудно было сомнѣваться. За ужиномъ я почти ничего не ѣлъ, хотя дѣсникъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ отвѣдать того или другаго. Я очень былъ утомленъ непривычною ходьбой и про-

мерзъ, къ тому же меня безлокопло мое положеніе, и потому я тотчас же воспользовался указаннымъ мнѣ мѣстомъ на скамейкѣ противъ печи и улегся на ней не раздѣваясь, подложивъ подъ головы свой узелъ и покрывшись своимъ пальто. Лѣсникъ совѣтовалъ мнѣ торопиться отдохнуть, потому что онъ до зари еще собирался встать и проводить меня. Вскорѣ послѣ того какъ я легъ, онъ ушелъ за лечку, потушивъ предварительно лампу, и я слышалъ какъ онъ раздѣлся и легъ въ постель. Спать я не могъ однако. Мнѣ было неудобно на узкой и жесткой скамьѣ и, кромѣ того, меня мучила неизвѣстность моего положенія и.... (тутъ Доксъ покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ) какой-то страхъ. Я никогда не находилъ еще въ подобныхъ обстоятельствахъ и вы поймете, г. слѣдователь, что мнѣ простительны были эти чувства, тѣмъ болѣе что лѣсникъ и особенно его жена не внушали къ себѣ моего довѣрія. Кромѣ того, во мнѣ еще жило сомнѣніе относительно того что я дѣйствительно заблудился. Прежде чѣмъ сойти съ большой дороги, я очень подробно спрашивалъ крестьянъ, и ихъ указанія помню и теперь. Я помню хорошо, да только потому и рѣшился идти по указанному пути что они убѣдили меня въ отсутствіи другихъ дорогъ и, слѣдовательно, въ невозможности сбиться съ настоящей, цѣя же лѣсомъ я внимательно осматривался и вполнѣ убѣжденъ что шелъ по той дорогѣ по которой идти мнѣ слѣдовало. Лежа на своей скамейкѣ я шагъ за шагомъ всланивалъ пройденный мною путь, и чѣмъ болѣе я приводилъ на память всѣ мельчайшія подробности пройденной мѣстности, тѣмъ болѣе убѣждался что лѣсникъ ошибался и что я находился уже не вдалекѣ отъ Семигановска. Но если я шелъ правильно, то почему лѣсникъ увѣрялъ меня въ противоположномъ? Онъ не могъ ошибаться, потому что съ мѣста нашей встрѣчи онъ безъ дороги и притомъ уже ночью провелъ меня въ свою избу, слѣдовательно онъ зналъ очень хорошо расположеніе лѣса.

Мои хозяева какъ будто спали и даже одинъ изъ нихъ храпѣлъ, но мнѣ показалось что въ избѣ какъ будто шелчутся, и я сталъ прислушиваться. Храпъ былъ отрывистый и въ промежуткахъ я ясно различилъ слова которыми обмѣнивались между собою славшіе за лечкой.

— Нѣмчура, проходимецъ, шелталъ одинъ голосъ,—никто не узнаеть!

— Да у него ничёго нѣтъ! отвѣчалъ другой.

— Одежда хорошая, значить и деньги есть. Пришибить обухомъ—и крови не будетъ, олатъ повторяетъ первый.

Дальше я не могъ ничего слышать. Сердце мое болѣзненно сжалось, а въ головѣ и ушахъ застучало такъ какъ будто били по нимъ молотками. Я чувствовалъ что къ горлу подступаютъ и готовы хлынуть рыданія и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ ясно что силы покидаютъ меня и я готовлюсь упасть въ обморокъ. Я позабылъ все предшествовавшее и настоящее, я помнилъ только одно что долженъ теперь же, сейчасъ лишиться жизни такимъ ужаснымъ образомъ, и можетъ-быть эта мысль и представленіе смерти и придали мнѣ силъ и однимъ прыжкомъ выскочить въ сѣни, отворить дверь и выбѣжать на дворъ. Еще въ сѣняхъ я услышалъ крикъ лѣсника „убѣгають!“, а когда выбѣжалъ изъ калитки, за мной раздался ружейный выстрѣлъ, и пуля прожужжала мимо меня и ударила въ дерево. Я не оглядывался и бѣжалъ такъ быстро, какъ только могъ, но вскорѣ я услышалъ что кто-то меня догоняетъ.

— Стой, стой! кричалъ не вдалекѣ за мною лѣсникъ.

Я хорошо узналъ его голосъ, и вслѣдъ затѣмъ топоръ ударился сначала рукояткой о мою ногу, а потомъ лезвіемъ разрѣзалъ мнѣ руку и упалъ подлѣ меня въ сѣнгъ. Я видѣлъ мелькомъ этого топоръ: онъ былъ новый, блестящій, большой. Ночь была очень свѣтлая, потому что свѣтила луна, и я различалъ малѣйшія неровности почвы и всѣ окружавшіе меня предметы. Попадавшіеся мнѣ на пути низкіе кусты я перескакивалъ, деревья огибалъ, и помню хорошо что ни разу мнѣ не пришлось не только упасть, но даже споткнуться. Въ двухъ мѣстахъ дорогу загораживали упавшія деревья: я перескочилъ и черезъ нихъ. Сколько времени я бѣжалъ и далеко ли отбѣжалъ отъ ужаснаго дома—я даже приблизительно не могу. Я былъ въ состояніи близкомъ къ обмороку, и мнѣ казалось что лѣсъ и земля бѣгутъ мнѣ навстрѣчу, и я слышалъ подставлятъ мои ноги, которыя земля съ невѣроятною быстротою уносила назадъ. Теперь мнѣ кажется что это былъ не болѣе какъ тяжелый сонъ, и еслибы не рана на рукѣ доказывающая противное, я былъ бы убѣжденъ что все случившееся со мною дѣйствительно сонъ. Вотъ все что я помню. Когда меня подвѣлъ со сѣнгу тотъ крестьянинъ который привелъ меня сюда, я до того былъ слабъ что безъ его помощи не дошелъ бы сюда, и по дорогѣ

долженъ былъ нѣсколько разъ отдыхать, что крестьянинъ объяснялъ нежеланіемъ идти съ нимъ и за что каждый разъ прививался меня бранить. Я то шель, то ползъ, подоглаемый ливками, и здѣсь на порогѣ уже этого дома со мною случилась вторичный обморокъ. Я не ломлю какъ меня внесли и оставили въ той комнатѣ въ которой я провелъ весь вчерашній день. Когда очнулся, я увидѣлъ подлѣ себя грязное, мохнатое лицо какого-то мужика. Онъ наклонился надо мною и ощупывалъ меня. Я спросилъ: что ему угодно? Онъ попросилъ палпироску. Я отвѣтилъ ему что у меня нѣтъ палпиросъ. Онъ помолчалъ, что-то проговорилъ очень скоро и притомъ шепотомъ, такъ что я ничего не ловялъ, подвѣялъ надъ моимъ лицомъ кулакъ, погрозилъ имъ и ползъ подъ скамью на которой я лежалъ. Что онъ тамъ дѣлалъ—я не знаю, но пробылъ онъ тамъ часа два, до тѣхъ поръ пока подъ окномъ комнаты не послышались голоса людей. Тогда этотъ человекъ стремительно выскочилъ, отряхнулся, причемъ на меня посыпался цѣлый дождь песку, толкнулъ что-то ногой, погрозилъ мнѣ, какъ и въ первый разъ, кулакомъ, улегся на противоположной скамьѣ и въ ту же минуту захралѣлъ. Почти въ то же мгновеніе щелкнулъ въ дверяхъ замокъ и въ комнату вошло нѣсколько человекъ. Они приблизились ко мнѣ и стали меня пристально осматривать. Одинъ изъ нихъ, лучше другихъ одѣтый и стоявшій впереди, спросилъ меня, кто я такой? Но я не услѣлъ еще отвѣтить какъ одинъ изъ стоявшихъ сзади нагнулся, заглянулъ подъ скамью, вскрикнулъ и указалъ что-то другимъ. Меня тотчасъ же подхватили подъ руки, подвѣяли со скамьи и отвели въ противоположный уголъ, гдѣ мохнатый мужикъ продолжалъ громко хралѣть. Оказалось что одна изъ досокъ пола была оторвана и нѣсколько приподнята кверху. Ее сняли и подъ ней нашли довольно глубокую яму. Всѣ въ одинъ голосъ закричали: „подколъ, подколъ!“ и стали вопросительно и притомъ враждебно на меня поглядывать. Меня внимательно осмотрѣли, очевидно думая найти какіе-нибудь слѣды на моемъ платьѣ, но платье мое было чисто, за то скамья съ которой меня подвѣяли была сплошь усывана пескомъ, и это, какъ нужно предполагать, главнымъ образомъ послужило къ обвиненію меня въ порчѣ пола. И дѣйствительно, кого же другаго они и могли залодозрять какъ не меня? Мой товарищъ ловидимому такъ крѣпко спалъ что даже крики не могли

его разбудить. Меня привели сюда, въ эту самую комнату, и тутъ допрашивали. Я разказалъ все также точно какъ разказалъ и вамъ, но они не хотѣли ничему вѣрить. Я просилъ позволенія написать письмо дядѣ, увѣряя что я не преступникъ, а честный рабочій, но они или смѣялись, или принимались сызнова меня передопрашивать, постоянно ставя мнѣ одинъ и тотъ же вопросъ о моемъ желаніи убѣжать отъ нихъ.

Доксъ замолчалъ и потулился.

Въ это время докторъ, кончивъ свой протоколъ, торопливо собирався въ городъ и пригласилъ съ собою и Докса, обѣщая сдать его не иначе какъ на руки самого Карла Ивановича, и оставляя меня одного продолжать слѣдствіе.

Присутствіе Докса могло оказаться необходимымъ для слѣдствія, но онъ былъ такъ жалокъ что я рѣшился дать ему наконецъ отдыхъ и отпустилъ его. Послѣ разказа онъ ободрился, видя что встрѣтилъ больше довѣрія, да къ тому же его ободряло и присутствіе доктора выказывавшаго ему самое теплое сочувствіе.

II.

Дѣло, какъ оно представилось мнѣ послѣ перваго допроса, было ясно, слѣдовало только позаботиться объ уликахъ, и притомъ возможно скорѣе, немедленно, потому что въ противномъ случаѣ слѣды могли быть скрыты и преступники ушли бы отъ рукъ правосудія.

Одного показанія Докса и присутствія раны на его рукѣ было еще черезчуръ недостаточно для обвиненія, тѣмъ болѣе что и Доксъ, т.-е. лицо потерпѣвшее, не высказывало примаго подозрѣнія. На категорически поставленный ему вопросъ о цѣли съ какою лѣсникъ ранилъ его онъ отвѣтилъ только предположеніями.

Но тутъ рождался вопросъ: гдѣ именно искать этихъ уликъ? Дѣло происходило безъ свидѣтелей. Глухая ночь да темный боръ только и видѣли эту картину, а они нѣмы и ничего не скажутъ, или по крайней мѣрѣ если и скажутъ, то очень мало. Это путь скользкій. Во всякомъ случаѣ слѣдовало поискать другихъ средствъ къ раскрытію преступленія, но къ несчастію выбора не представлялось.

Въ это время мимо оконъ правленія промчались сами запряженные лихую тройкой и остановились у крыльца.

Въ комнату вошелъ молодой человекъ и отрекомендовался мнѣ мѣстнымъ помѣщикомъ Обрѣзковымъ, заявивъ что желаетъ переговорить со мною по дѣлу. За нимъ внесены были кожаный чѣмъ-то наполненный мѣшокъ и положены у порога. Взглянувъ на этотъ мѣшокъ, я догадался по какому дѣлу прѣехалъ помѣщикъ: мѣшокъ очевидно принадлежалъ Доксу, въ немъ должно было заключаться движимое имущество бѣднаго Готлиба.

Когда мы остались одни, Обрѣзковъ началъ:

— Я долженъ сообщить вамъ, господинъ слѣдователь, о весьма странномъ происшествіи, которое впрочемъ вамъ вѣроятно уже извѣстно....

Онъ пріостановился и помолчалъ.

— Вчера вечеромъ, продолжалъ онъ, видя что я не прерываю его,—ко мнѣ пришелъ мой лѣсникъ и принесъ вотъ этотъ мѣшокъ.

— Не можете-ли вы сообщить мнѣ имя и фамилію вашего лѣсника? спросилъ я.

— Съ удовольствіемъ. Его зовутъ Иваномъ Бобровымъ, онъ изъ отставныхъ. Принесъ этотъ мѣшокъ, онъ заявилъ что нашелъ его въ лѣсу, на межѣ отдѣляющей мой лѣсъ отъ Семигановскаго, и просилъ сохранить до тѣхъ поръ пока не отыщется владѣлецъ. Съ этимъ онъ и ушелъ, оставивъ узелъ въ передней, но часа черезъ полтора пришелъ вторично, и на этотъ разъ я замѣтилъ что онъ встревоженъ. Нужно сказать вамъ, г. слѣдователь, что я знаю этого человека давно, онъ служилъ еще у моего покойнаго отца, и я никогда не видалъ его такимъ разстроеннымъ. У него замѣчательно необщительный и притомъ гордый, независимый характеръ: что онъ сказалъ, то должно быть свято не только для него, но и для другихъ, и для меня даже. Лицо его постоянно неподвижно, точно деревянное, и я никогда не замѣчалъ на немъ никакого движенія. Прочсть въ его глазахъ какую-либо мысль или подмѣтить на лицѣ какое-либо впечатлѣніе положительно невозможно. Оно всегда ровно и темно. Онъ пользуется, какъ человекъ замѣчательно умный, огромнымъ влияніемъ на крестьянъ и, благодаря этому обстоятельству, лорубки въ моемъ лѣсу крайне рѣдки. Его чуть ли не считаютъ колдуномъ. При всемъ томъ онъ человекъ вполне честный и кажется не знающій страха. Однажды онъ доставилъ во дворъ съ полчинымъ, топорами и лошадьми, четырехъ

крестьянъ забравшихся ко мнѣ въ лѣсъ, несмотря на то что они его самого едва не повѣсали. Тогда же этого человека покинуло, очевидно, послѣднее хладнокровіе. Онъ мялся съ ноги на ногу, мялъ въ рукахъ шапку и вообще держалъ себя такъ какъ будто онъ вполнѣ растерялся и не знаетъ что ему дѣлать, такъ что прежде чѣмъ онъ произнесъ слово, я догадался уже что съ нимъ случилось что-нибудь необыкновенное. Съ первыхъ же словъ онъ удивилъ меня сознаніемъ что принесенный мѣшокъ вовсе не поднимать имъ въ лѣсу, а оставленъ въ избѣ какимъ-то прохожимъ Нѣмцемъ, который безо всякой видимой причины убѣжалъ ночью изъ избы въ лѣсъ. Потомъ онъ съ видимымъ усиліемъ разказалъ что третьяго дня, вечеромъ, когда уже стемнѣло, онъ ловстрѣчалъ этого Нѣмца заблудившагося въ лѣсу. Онъ пріютилъ его у себя на ночь, но когда всѣ легли спать и огонь былъ потушенъ, тотъ внезапно и съ крикомъ сорвался съ постели, вырвалъ въ дверяхъ крючокъ, на который дверь была залерта изнутри, и убѣжалъ въ лѣсъ, покинувъ въ избѣ кожаный мѣшокъ и лалку. Онъ прождалъ этого Нѣмца почти сутки, но Нѣмецъ не возвратился, и онъ принесъ мѣшокъ ко мнѣ. На мой вопросъ, почему онъ сразу не сказалъ правду, онъ отвѣтилъ что такъ научила его разказать жена, и онъ ее послушалъ, но потомъ оломылся и возвратился чтобы разказать все какъ было и посоветоваться со мной. Я замѣтилъ ему что тревожиться подобнымъ происшествіемъ положительно нельзя, и если дѣйствительно все произошло такъ какъ онъ говорить, то разъясненіе послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени и, понятно, безо всякаго для него вреда. При этомъ я высказалъ ему также свое удивленіе что такого разумнаго и бывалаго человека могутъ тревожить такіа вздорныя вещи, но это висколько не повлияло на него. Онъ отвѣчалъ мнѣ что его беспокоитъ это происшествіе именно потому что несмотря на свой умъ и на свою бывалость онъ не можетъ дать происшествію никакого сколько-нибудь правдоподобнаго объясненія, и эта-то неизвѣстность и пугаетъ его. „Встрѣться я съ медвѣдемъ или оидинцомъ, я знаю кто онъ такой, сумѣю и обернуться около него, а тутъ, Христось его знаетъ, что оно все значитъ!“ сказалъ онъ мнѣ уходя. Меня лично происшествіе это тоже ставитъ въ тупикъ, продолжалъ ломѣщикъ, — и я какъ только узналъ о вашемъ пріѣздѣ, счелъ своимъ долгомъ явиться и передать

вамъ все что мнѣ извѣстно по этому дѣлу. Я очень желалъ бы привести какую-либо пользу Боброву, но если въ этомъ происшествіи кроется какое-либо преступленіе (помѣщикъ оставовплся и волпросительно на меня посмотрѣлъ) и Бобровъ долженъ подвергнуться карѣ закона, то я готовъ предложить свои услуги правосудію и буду спосособствовать раскрытію преступленія.

Скорость и оригинальность предложенія не оставовили меня однако и я рѣшился воспользоваться имъ и съ этою цѣлью предложилъ помѣщику нѣсколько вопросовъ. Оказалось что онъ не хуже самого лѣсника знакомъ со своимъ лѣсомъ и потому можетъ привести несомнѣнную пользу при его осмотрѣ, который я рѣшился произвести самымъ тщательнымъ образомъ.

Доктора съ Доксомъ, получившимъ свой мѣшокъ обратно и нашедшимъ все свое имущество въ цѣлости, я послѣдилъ отправить въ городъ, а писаря просилъ доставить мнѣ лошадей для поѣздки въ мѣсъ и позвать Тивькова, долженствовавшего показать конечный пунктъ ночнаго путешествія Докса, съ котораго я и хотѣлъ начать осмотръ. Обрѣзковъ, какъ и ожидалъ я, любезно предложилъ свои самы, и я не нашелъ возможнымъ отказатья отъ этого предложенія: крестьянскихъ лошадевокъ по наряду нечего было и ждать ранѣе полутора-двухъ часовъ, между тѣмъ могъ пойти свѣгъ и уничтожить слѣды—можетъ-быть единственную и послѣднюю улику.

Тивьковъ, ражій мужикъ съ русою бородкой на круглой улыбающейя физиономіи, не безъ достоинства занялъ мѣсто на широкихъ козлахъ рядомъ съ кучеромъ, мы съ Обрѣзковымъ помѣстившись сзади, и минутъ черезъ 10 по отъздѣ доктора мчались по наравленію къ лѣсу.

Свѣговыя тучи нависли надъ нами. Было тихо, темно и пасмурно, какъ предъ свѣгомъ. Отдѣльныя свѣжинки то и дѣло садивались на наши шубы, на полость савей и на плечи кучера. Казалось свѣгъ собирался съ силой чтобы повалять массой и въ нѣсколько часовъ засыпать не только ничтожные слѣды человека, но и дорогу, и вспаханное поле и мелкій кустарникъ и сравнять все въ одну бѣлую, гладкую, сверкающую поверхность.

Но судьба благопріятствовала намъ, свѣгъ не шелъ.

Подъѣхавъ къ лѣсу, мы оставили дорогу и направилась поемъ вдоль опушки. Постоянные толчки замедляли ѣзду.

Наковецъ Тивьковъ, показалъ намъ тропу, и мы вышли изъ саней. Это былъ слѣдъ сдѣланный двумя людьми—одинъ изъ нихъ очевидно шелъ твердо, широко шагая, другой же сѣменилъ и волочилъ ноги.

Пройдя около полуверсты въ глубь лѣса, слѣды привели насъ къ кусту ельника.

Подъ густыми перелетевшими вѣтвями двухъ елокъ образовался родъ шалаша. Колючая хвоя переколола намъ руки прежде чѣмъ мы успѣли раздвинуть вѣтки и заглянуть туда. Тамъ свѣту было меньше и онъ былъ плотно утолтивъ на пространствѣ около двухъ квадратныхъ аршинъ. Посреди этого утолщающаго мѣста мы увидѣли красное пятно величиною въ ладонь. Окрашенный свѣтъ немного сталъ, и образовалось углубленіе.

Обрѣзковъ вскрикнулъ и указалъ мнѣ на него.

— Это кровь?

— Не знаю, можетъ-быть и кровь, отвѣчалъ я ему.

—Что жъ это значитъ? присталъ онъ,—вѣдь это кровь этого Нѣмца?

— Можетъ-быть и его.

Мы вернулись къ тому мѣсту гдѣ Тивьковъ впервые набрелъ на слѣдъ Докса и пошли по слѣду этого послѣдняго. Сначала шаги Докса были умѣренные, но чѣмъ далѣе мы шли тѣмъ разстояніе отъ слѣда до слѣда все увеличивалось,—очевидно онъ бѣжалъ и, подбѣгая къ кусту, силы его постепенно ослабѣвали и онъ свалился около него въ полномъ уже изнеможеніи.

Пройдя около двухъ верстъ я выбралъ особенно отчетливо сохранившіеся два послѣдовательные слѣда правой и лѣвой ноги и смѣрилъ между ними разстояніе, оказалось два аршина и три вершка. Доксъ летѣлъ здѣсь какъ птица. Пройдя еще немного, мы повторили измѣреніе въ разныхъ мѣстахъ, и величина прыжковъ нигдѣ не была менѣе двухъ аршинъ. Замѣчательно какъ живо сохранился въ памяти Докса весь его луть: мы нашли и тѣ два свалившіяся дерева, и тѣ кустарники о которыхъ онъ говорилъ въ своемъ показаніи. Отъ времени до времени съ правой стороны слѣда мы находили на свѣту крупныя капли крови. Доксъ на бѣгу разма-

хивалъ вѣроятно рукой, и потому капли ложились неравно-мѣрно и большая часть ихъ были отброшены въ сторону.

Мы шли уже болѣе часу, а до избы лѣсника, по словамъ сопровождающихъ меня, оставалось еще пройти не менѣе версты. Слѣдовательно Доксъ пробѣжалъ, не останавливаясь и не переводя духа, около четырехъ верстъ, пространство прямо невѣроятное, если не принимать въ соображеніе крайняго напряженія всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ.

Не былъ ли Доксъ сомнамбулистомъ?

Этотъ вопросъ пришесть мнѣ въ голову совершенно случайно, и въ то именно время когда Тиньковъ, шедшій не много въ сторонѣ отъ насъ, обратилъ наше вниманіе на другой слѣдъ отъ простаго женскаго башмака. Слѣдъ этотъ шелъ параллельно со слѣдомъ Докса, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Какая-то женщина интересовалась очевидно тѣмъ же чѣмъ и мы интересовались въ данную минуту. Мы сняли мѣрку съ этого второго слѣда.

Наконецъ, не доходя шаговъ ятисотъ до избы лѣсника, къ этимъ двумъ слѣдамъ присоединился третій, простаго мужичьяго сабога, но дальше уже разобрать всѣ эти слѣды оказалось невозможнымъ, и слѣдъ Докса былъ затоптанъ совершенно.

Мы вышли ко двору, и я принялся за осмотръ избы.

Калитка ведущая во дворъ низкая и узенькая. Ни съ боковъ ея, ни сверху нѣтъ ничего остраго, рѣзущаго и никакихъ признаковъ крови. Въ восьми шагахъ наружная дверь избы и надъ нею маленькое оконце съ лочерывшимъ грязнымъ стекломъ, еле пропускавшимъ свѣтъ въ темныя сѣни. Оно было очевидно давно разбито, и одного уголка вовсе не доставало. Въ третицахъ стекла набилась отъ времени черная пыль, и та же пыль толстымъ слоемъ покрывала лежашіе на подоконникѣ нѣсколько деревяшекъ, тряпку, жестяной саоманный подсвѣчникъ и довольно большой комъ пакли. И эта дверь, также тщательно осматриваемая, не дала ни малѣйшаго подозрѣнія на то чтобы Доксъ могъ обрѣзаться о нее. Осмотръ дверей ведущихъ изъ сѣней въ избу, окна и скамьи въ избѣ дали тотъ же результатъ. Еще предъ дворомъ насъ встрѣтилъ Бобровъ. О нашемъ приходѣ его предупредилъ кучеръ Обрѣзкова, которому вѣрно было ждать къ избѣ и ожидать насъ тамъ.

Бобровъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Высокій, стройный, хотя и пожилой уже, съ правильными чертами лица, онъ какъ-то такъ умѣлъ смотрѣть на васъ что забывалась вся его красивая фигура и видѣлись одни только большіе, холодные, свѣтлосѣрые глаза, и чѣмъ больше всматривались вы въ эти глаза тѣмъ менѣе повѣтливо было ихъ выраженіе, тѣмъ неуютнѣе становилось подъ ихъ взглядомъ. Онъ держалъ себя спокойно и съ полнымъ достоинствомъ. Ни калли какого-либо подобострастія или угожденія ни предо мной, ни предъ своимъ баринкомъ. Меня онъ называлъ вашимъ благородіемъ, а Обрѣзкова—по-просту Иваномъ Петровичемъ. Говорилъ громко, съ разстановкой, и во время осмотра никакихъ объясненій не навязывалъ.

— Крючокъ-то покажи! крикнула ему жена, когда мы вошли въ избу.

Онъ молча снялъ съ полки желѣзный дверной крючокъ съ болтавшимся на немъ пробоемъ и подалъ его мнѣ.

— Это Нѣмецъ вырвалъ какъ убѣгъ изъ этихъ самыхъ дверей, пояснилъ онъ какъ бы всхота.

Нужно было имѣть чудовищную силу чтобы вырвать изъ дверей подобный крючокъ.

— Отчего же ты не вбилъ его снова? задалъ ему тонкій слѣдовательскій вопросъ Иванъ Петровичъ.

— Да я было хотѣлъ, да раздумалъ потомъ, какъ бы чего не вышло, спокойно отвѣтилъ ему Бобровъ:—на ночь со старухой коломъ дверь подлирала.

Старуха Боброва, женщина лѣтъ за сорокъ, сидѣла въ темномъ углу избы у печки, и сложа руки пристально насъ оглядывала.

Трудно было подобрать болѣе подходящую лару: эта старуха, въ сущности еще и не старая, со своею поражающею худобой при высокомъ ростѣ, съ выдавшимися скулами и впалыми глазами, была еще несимпатичнѣе своего мужа. На сканьѣ подсудимыхъ это супружество могло доставить неоптимальный матеріалъ для прокурорскаго краснорѣчія.

Я продолжалъ слѣдствіе и попросилъ Боброва показать мнѣ его ружье.

Какая-то молвія мелькнула въ его глазахъ при этой просьбѣ. Что это, изумленіе или услуги? Но молвія погасла также скоро какъ и явилась, лицо приняло обыкновенное, безстрастное выраженіе, и Бобровъ не выдавъ мнѣ своего чувства. Онъ спокойно снялъ съ гвоздя и подалъ мнѣ свое

ружье. Оно было двухствольное. Левый стволъ внутри былъ чистъ и, не поддаваясь сомнѣнью, изъ него давно уже не стрѣляли, но внутренность праваго была замѣтно чернѣе. Всунувъ палецъ и потеревъ его о стѣнку, я вынулъ его слегка замазаннымъ: выстрѣлъ изъ этого ствола былъ сдѣланъ на дняхъ, и стволъ былъ вытертъ потому, но часть пороховой гари осталась еще на немъ.

— Оно заряжено? спросилъ я Боброва.

— Заряжено.

— Оба ствола?

— Левый только.

— Чѣмъ?

— Пулей.

— Извините, Бобровъ, я долженъ лишить васъ на нѣкоторое время этого ружья. Я долженъ взять его съ собой.

— Какъ угодно-съ!

Я вышелъ изъ избы. Влѣво видѣлась прямая тропинка, протоптанная нами и Бобровыми по сѣду Докса. Вправо и влѣво отъ нея близко стояло нѣсколько сосенъ.

— Мнѣ бы хотѣлось отыскать въ соснахъ вотъ по этому направлению пулю,—сказалъ я громко, съ намѣреніемъ чтобы Бобровъ меня слышалъ:—пойдемте, Иванъ Петровичъ, поцѣмъ, отправляйтесь и вы, Тивьковъ.

— Напрасно трудиться изволите, ваше благородіе, отозвалась изъ-за моей спины Бобровъ,—тамъ пули нѣтъ, а въ створкѣ немного, вонъ въ этой соснѣ корявой, точно есть пуля; пожадуйте, покажу.

Во ста двадцати шагахъ отъ калитки и въ двадцати отъ сѣда Докса въ дуластой, корявой соснѣ, на высотѣ груди, онъ указалъ намъ отверстіе. Пуля засѣла почти на вершокъ. Я попросилъ вырубить ее изъ дерева, и Бобровъ крикнулъ жень, вышедшей въ это время изъ дома, подать топоръ.

Мнѣ очень хотѣлось увидать и осмотрѣть этотъ топоръ, но я не хотѣлъ обращать на этотъ осмотръ вниманіе Боброва и окружавшихъ.

— Остеръ ли? спросилъ я Боброва, когда посаженный взялъ изъ рукъ жень привесенный ему топоръ.—Покажите!

— Остеръ, ваше благородіе, по нашему дѣлу безъ остраго топора никакъ нельзя! отвѣчалъ онъ и подалъ его мнѣ.

Одного взгляда на обѣ стороны лезвія было достаточно чтобы не сомнѣваться въ полномъ отсутствіи на немъ крови.

Толоръ былъ чистъ и даже блестящъ. Я попробовалъ лезвіе, оно было остро какъ бритва.

— Правда ваша, очень острый! замѣтилъ я, возвращая толоръ обратно.

Пулю Бобровъ досталъ безо всякаго труда.

— Это ты ее сюда всадишь? спросилъ его Обрѣзковъ.

— А то кто же? Известно, я. Машинка у меня испортилась, пули кривыя выливаются; я одну обточилъ ножомъ, да и попробовалъ, ладно ли будетъ. Ничего, ладно.

— Что жъ ты мнѣ не скажешь? Подай твою машинку, а прикажу ее исправить.

— Покоривѣше благодаримъ.

И Бобровъ направился къ двери.

— Если вретъ, сейчасъ узнаемъ, шелгулъ мнѣ Обрѣзковъ, входя совершенно въ роль слѣдователя.

Но машинка оказалась дѣйствительно испорченною.

Другой пули, несмотря на самые тщательные поиски, намъ не удалось найти. Прашаюсь удовольствоваться этою одною. Боле въ избѣ Боброва не оставалось ничего дѣлать. Нужно было прослѣдить еще лѣсомъ до пункта первой встрѣчи Докса съ Бобровымъ, и я высказалъ это желаніе Боброву, прося показать мнѣ это мѣсто.

— Пожалуйте-съ, недалеко отсюда, согласился тотъ,— да и лѣшкомъ идти не нужно, тамъ вездѣ можно и проѣхать.

Онъ усѣлся на козлы, а Тяпковъ приютился сзади на узкихъ залаткахъ, и мы тронулись. Нужно было слѣшить, такъ какъ начинало уже смеркаться.

Я просилъ Боброва придерживатьсь возможно ближе той дороги по которой онъ шелъ съ Доксомъ, и Бобровъ исполнилъ мою просьбу. Я ни разу не выпустилъ изъ виду слѣдящую имъ тропинку и все время наблюдалъ ее, различая явственно слѣды салога Докса то рядомъ, то на слѣду подбитаго толстыми гвоздями салога Боброва.

Мѣстность была описана Доксомъ совершенно вѣрно. Я увидѣлъ послѣдовательно и мелкій лѣсъ, и раздѣляющія его отъ боле крупаго двѣ поляны, и съ правой стороны ту просѣку которую онъ, идя напротивъ, видѣлъ слѣва. Вскорѣ мы выѣхали на широкую тропинку, и слѣды на ней пропали, затоптанные множествомъ другихъ.

— Вотъ на этой самой дорогѣ, немного подалѣ, мы и пострѣчались съ нимъ, сказалъ Бобровъ, — вотъ на этомъ

самомъ мѣстѣ, продолжалъ онъ минутой спустя, — когда мы поравнялись съ приемъ стоявшимъ вблизи тропинки. Вотъ тутъ я сидѣлъ, — указалъ онъ на пеня, — а онъ оттелева шелъ. Какъ поравнялся со мной, я всталъ, а онъ какъ шархнется въ сторону, да въ кустъ, вонъ въ этотъ самый, вонъ и снѣгъ помятъ въ кустъ: служалъ я его, видно. Чего, говорю, лужаешься, я—свой, тутешній значить сторожъ, а онъ такъ и трясется, да потомъ ничего, лоуспокоился.—Куда тебѣ, спрашиваю, Богъ несетъ?—Въ Л. говоритъ, къ дядѣ, али къ дѣду какому-то, не разобралъ я толкомъ.—Какъ же это, говорю, Нѣмчура, ты въ Л. попасть хочешь, а отъ него уходишь! Тебѣ, говорю, какъ разъ назадъ дорога, да до Л. тебѣ сегодня не дойти, такъ леромочуй у меня, за постой да за ложку щей денегъ не возьмемъ. Онъ было не хотѣлъ идти, да потомъ пошелъ.

Бобровъ разказывалъ спокойно и какъ бы нехотя. Я всматривался въ его лицо, но оно было невозмутимо. Въ голосѣ тоже не прозвучало ни одной тревожной нотки.

— А куда ведетъ эта дорога? спросилъ я его неожиданно и почти въ упоръ.

Но я ошибся въ моемъ разчетѣ: та молнія которую замѣтилъ я на лицѣ Боброва при требованіи ружья вторично не появлялась, даже тѣни не скользнуло. Онъ спокойно отвѣтилъ:

— Въ Семигановское село, ваше благородіе, недалеко отсюда—съ полверсты, не болѣе будетъ.

III.

. На обратномъ пути въ Устьумское волостное правленіе, куда я въ видѣ послѣдняго одоженія просилъ Обрѣзкова подвезти меня, я перебиралъ въ умѣ всѣ удики которыя собрались противъ Боброва, и пришелъ къ положительному заключенію въ необходимости привлечь его къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго.

Оговоръ Докса, тѣмъ болѣе убійственный для Боброва что онъ заявленъ былъ первоначально не положительно, а условно, подтвердился лотомъ другими обстоятельствами: свѣжая рана Докса, кровь въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ лежалъ, полное отсутствіе всего рѣжущаго на всемъ пути отъ скамьи до куста изъ котораго Доксъ былъ вытащенъ Тильковымъ, калма кровь на всемъ этомъ пути, свѣже-выстрѣлившее ружье

и пуля въ деревѣ въ двадцати шагахъ отъ слѣда Докса, что на разстояніи боѣе ста шаговъ, да притомъ ночью, соотвѣтствовало обыкновенному промаху, и наконецъ то обстоятельство что Доксъ дѣйствительно не заблудился, а былъ всего въ полуверстѣ отъ Семигамова въ то время когда встрѣтился съ Бобровымъ и былъ увлеченъ послѣднимъ въ свой домъ—всѣ эти улики безусловно навлекали на него, а можетъ-быть и на жену его, тяжкое обвиненіе въ локушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія. Еслибы даже допустить что Доксъ вскочилъ и убѣжалъ изъ избы въ припадкѣ сомнамбулизма, то припадокъ этотъ могъ начаться только въ избѣ; чѣмъ же объяснить ошибку Докса, отвѣтывшаго на вопросъ Боброва что онъ идетъ въ Л., а не изъ Л. въ Семигамовскъ?

Хорошее расположеніе духа, не покидавшее кажется никогда Тивькова, не покидало его и теперь. Онъ всю дорогу тараторилъ то съ кучеромъ, то съ нами, ёрзая на козлахъ во всѣ стороны. Особенно онъ оживился когда мы выѣхали изъ лѣса.

— Ну, теперь Чортъ Иванычъ должно заблагодумствовалъ ужъ! замѣтилъ онъ, ли къ кому собственно не обращаясь, а такъ, на воздухъ.

— Кто это Чортъ Иванычъ? полюбилъствовалъ я.

— А Иванъ Иванычъ, лѣсникъ ихній, Бобровъ-отъ.

— Почему же вы его чортомъ называете?

— Не я, ваше благородіе, а это у насъ на селѣ его такъ величаютъ.

— Да почему же?

— Говорятъ, онъ лѣшему сродни приходится. Вмѣстѣ дѣла разныя обдѣлываютъ; только не онъ у лѣшаго, а лѣшій у него на посылакахъ служить.

— Отчего же онъ долженъ теперь благодумствовать?

— А какъ же! Онъ христіанскаго духу не любить, а тутъ злова сколько народу наѣхало! Его всегда мутитъ какъ хрестъ около него близко. А теперь ему раздолье,—окромя лѣшаго, друга сердечнаго, никого-то около него нѣтъ, вотъ ему это и въ удовольствіе. А дружба между ними большая, они и деньги вмѣстѣ дѣлаютъ.

— Будто? Развѣ Бобровъ богатъ?

— И... и, страсть! Одно слово кащей. Скажи ему сегодня Царь: Бобровъ, подай мнѣ сто тыщей рублей—на утро всѣ

бы приволокъ изъ лѣсу,—это у нихъ живо дѣлается. Да что и говорить,—продолжалъ Тивьковъ воодушевляясь,—они вѣдь и лѣсъ-то стерегутъ вмѣстѣ, оттого и порубокъ у ихъ милости никогда не бываетъ. Чортъ Ивановичъ дома прохлаждается, а самъ-отъ ходитъ по лѣсу да сторожить. Чортъ Ивановичъ выйдетъ—лѣшій въ тѣ поры прамехомъ въ его избу валитъ, да съ его женой и хороваются. Бобриха, бають, и высохла такъ отъ того что лѣшаго къ себѣ припустила.

— И не стыдно тебѣ, Тивьковъ, такой вздоръ городить! попробовавъ усовѣстить его Обрѣзковъ.

— Не я, батюшка Иванъ Петровичъ, а люди, люди такъ бають, и я за ними, потому отъ людей никакъ не отстанешь!

— Но какъ же лѣшій лѣсъ стережетъ? спросилъ я Тивькова, желая дослушать до конца мнѣніе крестьянъ о Бобровѣ.

— Самъ-то пропустить и въѣхать и выѣхать, а какъ рубить учнуть, такъ и вѣтеръ подниметь, гулъ по верхамъ луститъ, чтобы не слышно было, да только отъ дерева этого добра не жди: либо съ телѣги свалится да ногу мужику или лошади переломитъ, либо загорится ни въсть съ чего. А не то такъ ставеть виву обходить. Однова, бабы бають, были овѣ на живыхъ, овесъ сбиралъ, видятъ—выходитъ волкъ изъ лѣсу, да давай рогами снопы изъ колемъ расшвыривать....

— Волкъ? Рогами?

— Такъ-съ точно.

— Да развѣ у волка есть рога?

Тивьковъ засмѣялся.

— У настоящего-то, что скотину рѣжетъ, вѣстимо нѣтъ, а у этого, что колны переворачивалъ, подлинно были—бабы видѣли. Овѣ со страху тамъ гдѣ были тамъ и поприсѣдали, а овѣ какъ обошелъ такимъ маверомъ всѣ колны, такъ потомъ изъ восьми коленъ и горсточку овса не выбрано, начисто, значить, вымолотилъ! Вотъ овѣ, волкъ-отъ каковъ! А все почему? Ависима брату бревешко повадилось избу поладить. Ависимъ по родству и помощи брату дешевымъ лѣскомъ раздобыться, да овса потомъ и не досчитался. Самъ потомъ ихъ милости винылся.

Тивьковъ помолчалъ немного.

— Правда ли, баринъ, — вдругъ обратился овѣ ко мнѣ съ вопросомъ, что они хотѣли Нѣмца этого къ себѣ прилучить?

— Какъ прилучить?

— Такъ, своимъ сдѣлать. Надобно, сказываютъ, семь тайнъ

узнать, и въ тѣ лоры добудется человѣку сила какъ у нечестнаго. Вотъ они и стали ему ихъ показывать, да Нѣмецъ и третьей не вытерпѣлъ, даромъ что креста на немъ нѣтъ, ошаргалъ и въ кусть забился?

Страшно иногда складывается общественное мнѣніе. Протявъ Боброва предъявляемо было прямое обвиненіе въ покушеніи на убійство, а общественное мнѣніе, болѣе чѣмъ недружелюбное къ нему, отвергло это обвиненіе и приписывало все одной и той же сверхестественности!

— Они и руку ему порѣзали, продолжалъ Тивьковъ, для того чтобъ онъ кровью своей кабаду имъ на себя писалъ....

Подѣхавъ къ правленію, я засталъ тамъ лоджидавшаго уже меня волостнаго старшину и передалъ ему двѣ повѣстки: одну о призывѣ къ свидѣнію въ качествѣ свидѣтельницы жены Боброва, а вторую—о *приводѣ* самого Боброва, или, что одно и то же, отдалъ приказъ объ его арестованіи.

Уже былъ вечеръ. Вѣсть мнѣ хотѣлось страшно, отдохнуть тоже, но ни о томъ, ни о другомъ нечего было и помышлять, ло крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Надо было изготовить протоколы осмотра, допросить Тивькова, составить мотивированное постановленіе о привлеченіи Боброва къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Колию этого постановленія Бобровъ могъ каждую минуту у меня потребовать и обжаловать ее въ судѣ. Кромѣ того, онъ могъ потребовать и копи со всѣхъ прочихъ документовъ находящихся въ дѣлѣ; свидѣтельно нужно было чтобъ эти документа ко времени допроса Боброва (а допросъ этотъ я назначилъ на утро слѣдующаго дня) дѣйствительно тамъ находились, и притомъ не только съ моею подписью, но и съ подписью полатыхъ, т.-е. Обрѣзкова и Тивькова. Все это вынуждало меня вмѣсто отдыха и ѣды засѣсть тотчасъ же за работу и постараться окончить ее какъ можно скорѣе. Я отпустилъ моихъ полатыхъ обѣдать и просилъ ихъ вечеромъ явиться снова. Но Обрѣзковъ простеръ свою любезность до того что прислалъ своего человѣка съ самоваромъ, булками и блюдомъ холоднаго жаркаго, которое я и послѣдшій уничтожить безъ церемоніи въ сосѣдней комнатѣ волостнаго писаря, куда-то отлучившагося.

Никѣмъ не тревожимый и не ощущая уже волчьаго голода, я окончилъ работу скоро и къ двѣнадцати часамъ ночи, измученный, возвратился домой, бросился въ постель и заснулъ какъ убитый.

Утромъ меня разбудилъ мой участковый товарищъ прокурора Шило.

Получивъ такое же безтолковое донесеніе о происшествіи съ Доксомъ какъ и я, онъ пришелъ узнать о положеніи дѣла. Ничто бы конечно не пострадало еслибъ онъ явился и часами двумя-тремя поздѣе, но для такой безлокойной натуры, какою Богъ наградилъ этого блюстителя правосудія, терпѣніе было также чуждо какъ и снисхожденіе. Онъ готовъ былъ каждую минуту обвинять всѣхъ и все, исключая, конечно, собственныхъ прегрѣшеній, которыхъ у него было не мало и которыхъ онъ, къ несчастію, вовсе не замѣчалъ.

Непріятнѣе всего въ этомъ раннемъ посѣщеніи было то что допросъ Боброва долженъ будетъ производиться въ его присутствіи, и Бобровъ неминуемо подвергнется разнымъ нравственнымъ заушеніямъ, на которыя мой товарищъ прокурора никогда не скулился, тѣмъ болѣе что они ему ровно ничего не стоили.

Еще при входѣ Боброва въ камеру Шило уже преобразился: волосы взбились кверху, брови сдвинулись, а физиономія такъ и говорила о строжайшемъ допросѣ.

Бобровъ холодно поклонился мнѣ и остановилъ глаза на этой фигурѣ неистово бѣгавшей назадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ очевидно колебался, не зная слѣдуетъ ли отвѣсить поклонъ и ей, или нѣтъ.

— Это господишь товарищъ прокурора, началъ я мою рекомендацію,—они пожелаю присутствовать при вашемъ допросѣ, Бобровъ, и если имъ угодно будетъ спросить васъ о чемъ-нибудь, то по закону вы обязаны имъ отвѣчать такъ же точно какъ и мнѣ.

Шило остановился, заложилъ руки въ карманы лянталовъ, вытянулся во весь ростъ и надменнымъ взоромъ окинулъ Боброва. Едва замѣтная, почти неуловимая улыбка мелькнула въ глазахъ послѣдьяго.

— Слушаю-съ! тихо произнесъ онъ и низенько поклонился. Въ этомъ поклонѣ мнѣ почувалась насмѣшка, такъ онъ былъ низокъ.

— Васъ арестовали, Бобровъ, и привели сюда, началъ я,—потому что на васъ ладасть обвиненіе въ покушеніи на убійство. Но прежде чѣмъ спросить васъ—признаете ли вы себя виновнымъ въ этомъ преступленіи, я долженъ вамъ объяснить ваши права и обязанности по этому дѣлу. Если вы найдете

что привлечены къ дѣлу неправильно, или что съ вами по-ступлено не по закону, то въ такомъ случаѣ можете всегда жаловаться на мои дѣйствія и на дѣйствія полиціи въ судъ. Если вы захотите имѣть копію съ какого-нибудь протокола или документа, или даже и со всего дѣла, то я обязанъ вы-дать вамъ все бесплатно.....

— Это мнѣ кажется лишнимъ, онъ у васъ сейчасъ и по-просить копію со всего дѣла, шеллауль мнѣ Шило,—зачѣмъ объяснять, когда онъ и безъ объясненій долженъ знать,—невѣдѣніемъ закона отговариваться нельзя!

Незваніемъ закона мой товарищъ прокурора былъ грѣшенъ прежде другихъ. Въ этомъ я неоднократно убѣдился изъ нѣ-которыхъ его предложеній, не только безтолковыхъ, но и прямо противозаконныхъ. Шелотомъ объяснилъ я ему что дѣлаю это для собственнаго спокойствія....

Я продолжалъ:

— Если по вашимъ соображеніямъ, отвѣчая на какой-нибудь изъ предложенныхъ мною вопросовъ, вы найдете что отвѣтъ можетъ повредить вамъ, то вы можете вовсе не отвѣчать, и принуждать васъ къ этому я не имѣю права. Наконецъ, я долженъ предупредить васъ что показаніе ваше мною бу-детъ записано въ протоколъ, и этотъ протоколъ я прочту. Если вы найдете что онъ написанъ правильно, съ вашихъ словъ, то вы его подпишете, въ противномъ случаѣ я сдѣлаю въ немъ оговорки и поправки какія укажете. Вы можете требовать записать въ протоколъ все что найдете для себя нужнымъ.

Бобровъ слушалъ какъ бы исполняя какую-то формальность.

Я сталъ читать постановленіе, въ которомъ сгруппированы были въ сжатомъ видѣ всѣ улики наканунѣ собранныя мной противъ него и послужившія основаніемъ къ его обвиненію. Чтеніе это онъ слушалъ внимательно, иногда даже останавливалъ меня и просилъ повторить недослышанное. Но когда я дошелъ до того мѣста гдѣ сопоставлялось показаніе Док-са съ результатами осмотра, Бобровъ встрепенулся на ми-нуту, и я снова замѣтилъ знакомый уже мнѣ недобрый блескъ свѣтлостврыхъ глазъ.

— Какъ такъ, и стрѣлялъ, и топоромъ швырялъ? Что онъ вретъ, проклятый Нѣмецъ!

— Выразайтесь вѣжливѣе! прикрикнулъ на него Шило.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе, неволью сорвалось.

Сдѣлайте милость,—обратился онъ ко мнѣ,—можно мнѣ съ вами на очную ставку стать, пусть онъ мнѣ это въ глаза скажетъ!

— Извольте, согласился я,—но только, мнѣ кажется, для васъ это будетъ вполнѣ бесполезно. Онъ повторить только то что уже есть въ дѣлѣ, да къ тому же онъ вовсе и не обвиняетъ васъ. Показалъ же онъ мнѣ вотъ что.

И я отъ начала до конца прочелъ показаніе Докса, а вслѣдъ за нимъ и протоколы осмотра. Они его поразили. Онъ молчалъ. Тогда предъ нами развернулась живая картина страшнаго внутренняго отчаянія. Разомъ обрушившееся несчастіе ломало, гнуло, коверкало могучую волю этого человѣка.

Войдя въ камеру, Бобровъ очевидно надѣялся на что-то, что-то еще поддерживало, можетъ-быть убѣжденіе въ отсутствіи свидѣтелей, въ бездоказательности преступленія,—трудно было угадать истину,—но теперь Бобровъ на моихъ глазахъ осѣдалъ какъ-то, пропадали мощь и энергія, которыми такъ и дышало все его существо, гордая, красивая голова опускалась на грудь, а лицо вытягивалось и сѣрѣло.

Даже прокуроръ притихъ предъ этою великою скорбью и пересталъ барабанить пальцами по столу. Мучительное молчаніе воцарилось въ камерѣ и длилось долго. Нужно было наконецъ прервать его, и я спросилъ:

— Что же, хотите очную ставку?

Бобровъ поднималъ на меня глаза. Даже и въ эту ужасную минуту глаза были тѣ же что и наканунѣ, лишь тотъ недобрый блескъ, который я подмѣтилъ прежде, теперь какъ бы застылъ въ нихъ и сдѣлалъ ихъ еще непривлекательнѣе. Онъ или не слышалъ, или не понималъ моего вопроса. Я повторилъ.

— Не желаю! тихо произнесъ онъ.—Вотъ что, ваше благородіе, заговорилъ онъ секунду спустя, громко и твердо, но въ голосѣ его слышалась хрипота:—по-нашему, по-военному, съ ловинной головы полвины скидывается, а по вашему закону такъ ли будетъ?

Онъ не пересталъ меня удивлять. Я ни въ какомъ случаѣ не предполагалъ его способнымъ на торговлю съ правосудіемъ, но не было никакого сомнѣнія: онъ дѣйствительно торговался.

Я прочелъ ему статьи Уложенія.

— Можно ли, ваше благородіе, погодить съ допросомъ? Я бы.....

Но Шило не даѣл ему договорить.

— Ну, это ужъ сущіе пустяки! протянулъ онъ въ носъ, — только проволочка и больше ничего... Развѣ такъ трудно со-зваться? Виновать, — и конецъ. Вы слышали же: для васъ же легче будетъ... вы таяете эти разговоры уже болѣе часу! И онъ нервно выдернулъ изъ кармана часы, заглянулъ въ нихъ и быстро сунулъ назадъ.

Бобровъ выпрямился.

— Для васъ-то, тихо заговорилъ онъ, глядя въ упоръ на Шило, — оно можетъ и вправду пустяки сущіе, да для меня-то не пустяки; тутъ вѣдь вся жизнь моя рѣшается, есть о чемъ подумать.

Шило опустилъ глаза и поблѣднѣлъ.

— Чего же вы хотите? уже гораздо мягче спросилъ онъ.

— Подумать надобно какъ быть. Сдѣлайте милость, ваше благородіе, повремените съ допросомъ хоть до вечера! обра-тился онъ ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ на Шило. Но тотъ не обращалъ уже ника-кого вниманія ни на Боброва, ни на меня и прилежно раз-сматривалъ картинку валявшася на столѣ иллюстрирован-наго журнала.

— Хорошо, Бобровъ, отложимъ, согласился я, и Бобровъ поклонился и вышелъ изъ камеры.

— Грубъ же этотъ лѣсвой медвѣдь, замѣтилъ ему вслѣдъ Шило, — наставленія вздумалъ мнѣ читать!

И Шило подумалъ о чемъ-то и засмѣялся.

Между тѣмъ я вспомнилъ что въ передней, куда вышелъ Бобровъ и гдѣ ожидали его конвойные, находилась и его же-на, вызванная мною для допроса въ качествѣ свидѣтельницы. Въ интересахъ дѣла нельзя было допускать между ними сви-данія, и я быстро вышелъ вслѣдъ за нимъ.

— Бобровъ, позвалъ я его, — пожайте-ка сюда на минутку!

— Я забылъ вамъ сказать что до допроса вы будете по-мѣщены въ тюрьмѣ отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ, со-общилъ я ему, когда дверь изъ передней затворилась за нимъ, — но послѣ допроса васъ переведутъ въ общую. Тѣмъ не ме-нѣе, до окончанія слѣдствія вы не будете видѣться съ вашей женой. Если хотите проститься, то я позвоу ее сюда, но прощу васъ ничего не говорить о дѣлѣ.

— Слушаю-съ, покорнѣйше благодаримъ!

Я ввелъ въ камеру жену.

Они долго стояли и какъ бы недоумѣвая смотрѣли другъ на друга. Бобровъ заговорилъ первый.

— Прощай, Матрена, въ тюрьму иду!

— Какъ въ тюрьму? воскликнула Матрена и лобгровѣла отъ прихлынувшей къ лицу крови.

— Такъ вотъ, ихъ благородіе...

— За что ты его въ тюрьму содишь? что онъ такое сдѣлалъ? накинулась она вдругъ на меня.

— Погоди, Матрена, тихо оставивъ ее мужъ, — не ихъ благородіе сажаетъ меня въ тюрьму, а законъ, а ты лоблагодари ихъ за то что дозволялъ намъ съ тобою тутъ свѣдѣться.

Матрена овѣмѣла на минуту и затѣмъ какъ сволъ грохнулась къ ногамъ мужа.

— Батюшка ты мой, Иванъ Ивановичъ, правду ли говоришь? простонала она и обвила руками его колѣни. Слезы градомъ брызнули изъ ее глазъ.

— Встань, Матрена, не хорошо! говорилъ надъ нею мужъ, и голосъ его сталъ еще глуше. — Воля Господня... ло грѣхамъ нашимъ... не ролщи на Бога... встань...

Сдерживая дрожавшія въ горлѣ рыданія, Матрена подвѣлась съ пола и закрыла лицо. Сквозь пальцы однако сочилась одна за другою крупныя капли и падали на полъ. Она вздрагивала.

— Прошу тебя, заговорилъ Бобровъ, — перво-наперво сходи къ Ивану Петровичу. Поклонись ему на моей двѣнадцатилѣтней службѣ и проси расчета. Слѣдуетъ мнѣ ровно шестьдесятъ рублей. Затѣмъ сходи къ Давылычу, расскажи ему о нашемъ горѣ, и проси, коли не можетъ всехъ отдать, пусть отдастъ половину, а какъ и половину не можетъ, то проси избенку старую пусть на житье тебѣ отдастъ, все равно продавать на сломъ хотѣлъ. Въ Устьюмъ не ходи, а приходи въ городъ и тутъ живи пока что. Къ Свѣгирихѣ да къ Архилу не ходи, а лучше не проси, сами жъ если принесутъ, такъ возьми. Давылыча еще проси ло веснѣ, за озимями бы присмотрѣлъ.

Копчивъ свое наставленіе, онъ твердою рукой перекрестилъ плачущую жену, обнялъ ее и быстро вышелъ изъ комнаты, не взглянувъ ни на меня, ни на товарища прокурора... Я поглядѣлъ его движеніе и вышелъ вслѣдъ за нимъ, торопя конвойныхъ поскорѣе увести его изъ камеры, но наружная дверь

услѣва лишь отвориться какъ до насъ долетѣлъ изъ другой комнаты сначала стонъ, а потомъ стукъ грохнувшагося объ полъ тѣла. Бобровъ не могъ не слышать. Онъ приостановился на одну секунду, но потомъ ринулся къ двери и почти выбѣжалъ на лѣствицу.

Я повернулъ въ камеру и чуть не столкнулся съ блѣднымъ, слегка дрожащимъ прокуроромъ.

— Чортъ знаетъ что такое, эта баба въ обморокъ что ли упала! растерянно бормоталъ онъ.

Матрена дѣйствительно лежала въ глубокомъ обморокѣ, и мнѣ съ помощію прислуги стоило не мало труда привести ее въ чувство. Ее бережно отвели въ кухню и тамъ уложили.

— Гаупа баба совсѣмъ перепугала меня! восклицнулъ Шило, прощаясь съ мной въ передней.

Съ „гаупою бабой“ происходила однако что-то серьезное. Послѣ непродолжительнаго отдыха обморокъ возобновился и затѣмъ перешелъ въ бредъ. Позванный, знакомый уже намъ, докторъ далъ ей лѣкарство, и она заснула, но сонъ былъ непродолжительный и безлокойный; больная металась. Вечеромъ добрый старикъ навѣдался снова и перемѣнилъ лѣкарство; больная стала тише, и ночь провела спокойно, но на утро была такъ слаба что подвергать ее допросу я не рискнулъ. Она изъявила желаніе отправиться къ роднымъ въ деревню, куда и уѣхала, пообѣщавъ, какъ только оправится, явиться ко мнѣ безъ вызова.

IV.

Допросъ Боброва назначенъ былъ, по желанію Шило, въ девять часовъ утра. Я зналъ что такъ рано онъ не явится и что этотъ ранній часъ онъ назначилъ собственно для того чтобы показать свою служебную ревность, о которой онъ говорилъ всегда съ особымъ удовольствіемъ, а потому я и распорядился о приводѣ Боброва къ десяти часамъ. Но пробило одиннадцать, пробило и двѣнадцать, а прокуроръ мой все еще не приходилъ. Начать допросъ безъ него я не рѣшался. Можно было нажать себѣ массу неприятностей; онъ могъ обрушиться на меня цѣлымъ потокомъ выраженій, въ родѣ: „не потерплю впредь“, „не могу не поставить на видъ неумѣстность“ и т. под., а выслушивать это я не имѣлъ никакого желанія.

Наконецъ уже въ первомъ часу оглушительный звонокъ возвѣстилъ его прибытіе.

— Я, кажется, опоздалъ немного, сказалъ онъ, здороваясь со мною.—Вы еще не начинали?

— Нѣтъ, васъ пождали.

— А, хорошо.... такъ допрашивайте.

И онъ безъ церемоніи усѣлся на мое мѣсто.

Я взялъ стулъ и помѣстился съ края стола.

— Пожалуста, только покороче, я сегодня обѣдаю у прокурора, такъ знаете, некогда. Пожалуста, покороче.

Ввелъ Боброва.

Взглянувъ черезъ плечо на него, я ужаснулся. Предъ нами стояла тѣнь прежняго Боброва. Въ одну ночь онъ сгорбился и постѣдѣлъ совершенно. Лицо осунулось и покрылось морщинами, углы рта огустились и обрзовали складки. Оди глаза остались прежними, только глубже сидѣли въ своихъ орбитахъ и получили оттѣнокъ недоумѣнія. Въ одну ночь отъ молодца Боброва осталась одна дряхлая развалина. Велики были страданія, велики были и душевные силы этого человѣка, если смогли въ одну ночь такъ измѣнить его!

Что сказалъ бы Тивьковъ, увидавъ теперь такъ лугавшаго его прежде Чорта Иваныча?

Я взглянулъ на Шило: его также удивила перемена въ Бобровѣ, но такъ какъ удивила бы совершенно неожиданная встрѣча со старымъ пріятелемъ, въ которой онъ однако особаго удовольствія не ощущалъ.

Послѣ первыхъ вопросовъ объ имени, званіи, религіи и пр., причемъ оказалось что ему уже пятьдесятъ шесть лѣтъ, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ что въ ночь съ одиннадцатаго на двѣнадцатое число это мѣсяца, въ лѣсу принадлежащемъ помѣщику Обрѣзкову, вы, повстрѣчавъ саксонскаго подданнаго Готлиба Докса, обманомъ завлекли его въ свое жилище, и тамъ, видя что онъ убѣгаетъ отъ васъ, выстрѣлили въ него изъ ружья, а затѣмъ ранили топоромъ съ цѣлю лишить его жизни и воспользоваться его имуществомъ, но не привели своего намѣренія въ исполненіе лишь по независѣвшимъ отъ васъ обстоятельствамъ?

— Признаю.

Это „признаю“ не было сказано ртомъ: оно вышло у Боброва изъ груди, изъ всего его существа.

— Ну, вотъ и прекрасно! засмѣялся Шило,—видите, это вовсе не такъ трудно, да и для васъ полезнѣе: меньше въ тюрьмѣ сидѣть будете; а тамъ дѣло кончится—и на Сахалинъ, потому что теперь каторжныхъ въ Сибирь уже не посылаютъ.

Онъ мстилъ Боброву за вчерашнее замѣчаніе.

Бобровъ быстро подвѣялъ голову. Брови его сдвинулись. Онъ напомнилъ мнѣ прежняго Боброва. Среди наступившей тишины тихо, но торжественно раздался его отвѣтъ:

— Молодъ ты еще, баринъ, мнѣ, старику, указывать что легко, а что тяжело. Не выдывалъ ты лютаго горя, да и гдѣ тебѣ его увидѣть! А что до того, куда по плоть, такъ по мнѣ все единственно, въ тюрьмѣ ли, на каторгѣ ли свой вѣкъ доживать.

Шило позеленѣлъ.

Бѣдный Бобровъ очевидно не зналъ что онъ вполнѣ въ его власти, такъ какъ послѣдній завѣдывалъ тюрьмой и слѣдовательно всегда имѣлъ возможность вымѣстить на немъ свою досаду.

Я ухватился за единственный предлогъ избавиться наконецъ отъ Шила и торопливо вынулъ часы.

— Вы опоздаете навѣрное, сказалъ я ему;—уже два часа, а долпросъ, въ виду признанія, будетъ длинный. Если позволите, я попрошу его безъ васъ.

— Да, да, пожалуста, мнѣ дѣйствительно некогда! отвѣтилъ онъ, видимо обрадованный моимъ предложеніемъ, и вдругъ заторопился уходить.

Черезъ минуту его уже не было въ камерѣ. Но уходя онъ обратился къ Боброву и произнесъ:

— А съ тобой, братецъ, мы еще увидимся!

Не знаю, появлялъ ли Бобровъ истинный смыслъ этихъ словъ, но у меня не хватило духу объяснять ихъ.

Съ признаніемъ Боброва дѣло о покушеніи на убійство Докса теряло свой интересъ. Оно становилось похожимъ на десятки другихъ дѣлъ ежемѣсячно возникающихъ и отсылаемыхъ затѣмъ въ прокурорскій надзоръ. На такое дѣло не смотрится уже глазами щущаго истины человѣка, а какъ-то казенно, формально, обращая вниманіе главнымъ образомъ лишь на то чтобы не подать повода Шилѣ вернуть дѣло съ предложеніемъ о дослѣдованіи.

И не удивительно. Скучная работа формальныхъ допросовъ изо дня въ день, изъ года въ годъ притупляетъ инте-

рестъ и обращаетъ пошевольтъ всякаго слѣдователя въ лашущую машину. Только изрѣдка попадаются дѣла выходящія по своей обстановкѣ изъ ряду вонъ, и тогда снова пробуждается охота заглянуть въ людскія дѣянiя глубже чѣмъ то предписывается уставами, и наблюдать такія душевныя движенія занести которыя въ протоколъ положительно невозможно.

Однимъ изъ такихъ дѣлъ и было для меня дѣло Докса до той минуты пока Бобровъ не произнесъ своего признанія. Несмотря на собранныя уже тяжелыя улики, достаточныя для обвиненія его, но недостаточныя для осужденія, такъ какъ многое оставалось еще не выясненнымъ, и въ случаѣ отрицанія Бобровымъ своего преступленія могло и остаться таковымъ, несмотря ни на какія изощренія ума,—теперь все это невыясненное и недосказанное разъяснить и разкажетъ мнѣ самъ обвиняемый, лицо наиболѣе компетентное въ этомъ случаѣ, и трудъ мой сведется къ писанію подъ диктовку, да къ оформленію дѣталей всего дѣла.

Съ такимъ чувствомъ, проводивъ обратившагося въ бѣгство товарища прокурора, я приготовился строчить показаніе Боброва.

— Разкажите подробно какъ было дѣло, обратился я къ нему.

— Да такъ вотъ и было какъ у васъ написано.

— Хорошо. Но мнѣ нужно слышать разказъ отъ васъ чтобы записать его въ протоколъ.

— Не знаю, о чемъ разказывать, коли вашему благородію и безъ меня все извѣстно, съ искреннимъ недоумѣніемъ возразилъ Бобровъ.

Въ сущности онъ былъ правъ. Подробный допросъ обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи часто представляетъ собою ненужную, вполнѣ излишнюю жестокость. Онъ никого и ни къ чему не обязываетъ, и если обвиняемый вздумаетъ на судѣ отречься отъ признанія даннаго на предварительномъ слѣдствіи, то судъ не въ правѣ даже прочесть протоколъ его показанія.

Но въ данномъ случаѣ нельзя было сомнѣваться въ искренности желанія Боброва полнымъ признаніемъ смягчить свою участь, и слѣдовательно ему надлежало чистосердечнымъ разказомъ облегчить правосудію путь къ разъясненію об-

стоятельствъ дѣла. Очевидно онъ не понималъ этого и думалъ избавиться отъ продолжительной пытки разказа.

Лицность Боброва, его страданія, внушили невольное къ нему участіе, и потому я возможно осторожнѣе объяснилъ обязанности какія возлагалъ онъ на себя своимъ признаніемъ.

— Появля, ваше благородіе! Чтò жь, снявъ голову по волосамъ не плачуть! Извольте спрашивать, такъ ладней будетъ, и онъ сталъ подтверждать показанія Докса одно за другимъ.

— Дѣйствительно ли топоромъ нанесли вы рану Доксу или какимъ другимъ орудіемъ? спрашивалъ я его.

— Топоромъ, ваше благородіе, тѣмъ самымъ чтò вы видѣли у меня.

— У васъ одинъ топоръ?

— Два, да другой плохъ и валется въ чуланѣ, а этотъ всегда подъ рукой въ избѣ.

— Вы его тотчасъ же нашли и подыали послѣ того какъ бросили въ Докса или онъ лежалъ тамъ до утра?

— Сейчасъ подыалъ.

— Вы его осматривали, кровь на немъ была?

— Въ избѣ осматривалъ. Чутьку на лезвѣе красно было, лѣгомъ вытеръ, а потомъ лаклей.

— На далекомъ разстояніи вы въ него стрѣляли?

— Нѣтъ, не далеке. Полагать надо шаговъ пятьдесятъ не больше было.

— Отчего же вы промахнулись?

— И самъ не знаю. Должно Богъ Нѣмца берегъ. Отродясь такого промаха не дѣлалъ... Заторолился видно очень, а это ужъ всегда вѣрный промахъ.

И такъ дадѣе, всѣ отвѣты въ томъ же родѣ.

— О чемъ шептались вы съ вашею женой? Кто изъ васъ заговорилъ что если пришибить обухомъ, то и крови не будетъ? Вы помвите чтò говоритъ Доксъ объ этомъ? спросилъ я его между прочимъ.

Бобровъ не ожидалъ этого вопроса и оторопѣлъ. Отъ отвѣта зависѣла участь жены, и онъ это появля...

Я сталъ рыться въ лежавшихъ предо мной бумагахъ, низко наклонясь надъ ними, и попытася этимъ дать ему время обдумать отвѣтъ.

— Это-съ неправда, наконецъ произнесъ онъ,—Нѣмецъ вретъ.

— Что неправда?

— Да вотъ что будто мы шептались.

— Такъ вы вовсе не переговаривались съ женой шепотомъ когда потушили огонь и легли спать?

— Всю не переговаривались.

— Съ чего же Доксъ услужался и выбѣжалъ изъ избы?

— Богъ его знаетъ съ чего, не могу знать, только мы не шептались. Я Богу молился.

Приготавливаясь къ убійству Богу не молятся. Отвѣтъ не выдерживалъ критики, но я не настаивалъ на немъ долѣе. Чтобы не навлечь бѣды на жену, ему не оставалось другаго выхода какъ вполнѣ отрицать фактъ, хотя бы даже цѣной противорѣчій. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Чтобы выяснитъ въ этомъ дѣлѣ значеніе умысла, который въ нашемъ Уложеніи играетъ весьма важную роль и по степени значительности котораго наказаніе смягчается или усиливается, я задалъ Боброву вопросъ о цѣли съ которою онъ обманулъ Докса, увѣривъ что тотъ заблудился.

Какъ ни мягка была форма въ которой вопросъ этотъ былъ предложенъ, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на Боброва тяжелое впечатлѣніе. Это видно было по немъ: онъ стоялъ молча, потупивъ голову и медленво вертя въ рукахъ шляпу.

Обыкновенно такіе вопросы разрѣшались другими обвиняемыми весьма легко, иногда даже въ шуточной формѣ: „По вашему благородію, молъ, соскучился“, или „казеннаго хлѣбца ловѣсть захотѣлъ.“ Боброву же трудно было произвести роковыя слова о корысти, его нравственный міръ былъ выше совершеннаго преступленія, и эти слова болѣзненно били по его самолюбію, увижали его нравственное достоинство.

А чѣмъ болѣе нравственное достоинство развито въ человѣкѣ, чѣмъ выше уваженіе его къ самому себѣ, тѣмъ менѣе онъ способенъ на преступленіе.

Но я изумился когда Бобровъ почти выкрикнулъ свой отвѣтъ:

— Ободрать хотѣлъ!

Въ этомъ отвѣтѣ прозвучало столько оскорбленнаго самолюбія, столько горькаго униженія, что я невольно подвинулъ голову и опустилъ леро. Мнѣ хотѣлось сказать ему слово сожалѣнія и утѣшенія, но оно остановилось у меня въ горлѣ.

Да и къ лучшему. Всякое слово сказанное мною въ этомъ смыслѣ могло еще больше равить его наболѣвшую душу.

А между тѣмъ я готовилъ ему новый вопросъ о цѣнахъ съ которою онъ стрѣлялъ и швырнулъ толпоромъ, но..... у меня не хватало силъ, и я оковчилъ допросъ.

— Послушайте, Бобровъ, обратился я къ нему, когда онъ четко и красиво подписался подъ протоколомъ,—поручился ли бы кто-нибудь за васъ, т.-е. за то что вы не скроетесь отъ суда, еслибъ я отдалъ васъ на поруки?

Бобровъ подумалъ и сдѣлалъ рукой отрицательный знакъ.

— Нѣтъ, не могу знать, произнесъ онъ, очевидно перебирая въ своей памяти своихъ знакомыхъ.

— Иванъ Петровичъ, напримѣръ, подсказалъ я.

— Баринъ хороший, да просить-то я его не стану.

— Почему же?

— Не привыкъ. Да и дѣло-то такое.....

— Не знаете ли кого изъ крестьянъ у котораго найдется имущества тысячи на двѣ?

— Есть такой одишъ, да врядъ ли согласится.

Съ тѣмъ мы и разстались.

Между тѣмъ я въ надеждѣ на слѣпой случай и подъ страхомъ наистрожайшаго выговора со стороны Шила, назначилъ Боброву мѣрой пресѣченія способъ уклоняться отъ суда и свидѣнія благонадежное поручительство съ денежною отвѣтственностью въ 2.000 рублей. Мѣра эта дѣйствительно черезчуръ мягка для обвиняемаго которому грозитъ каторга, тѣмъ не менѣе я надѣялся усложнить Шило тѣмъ простымъ соображеніемъ что Боброву не откуда достать такое крупное поручительство, судебная же палата и судъ, куда дѣло послѣдовательно перейдетъ, не обратятъ на нее вниманія, если она пройдетъ неотмѣнною чрезъ Д—скій прокурорскій надзоръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ Обрѣзкову что Бобровъ можетъ быть выпущенъ на поруки, и что мнѣ пріятнѣе было бы видѣть поручителемъ его чѣмъ кого-либо другаго.

Но Обрѣзковъ отказался наотрѣзъ. Онъ писалъ что ошибся въ Бобровѣ и не желалъ бы его у себя видѣть, тѣмъ болѣе что и честность его, въ которую онъ прежде вѣрилъ непоколебимо, теперь подвергается большому сомнѣнію, такъ какъ у него оказался капиталъ въ 300 слѣшкомъ рублей, приобретенный путемъ, очевидно, неправымъ.

Боброву не везло. Прошло около недѣли, а онъ сидѣлъ по-прежнему въ тюрьмѣ. Порука не состоялась.

Полиція тѣмъ временемъ разыскала и прислала ко мнѣ для допроса тѣхъ крестьянъ съ которыми Доксъ повстрѣчался по выходѣ изъ Л. и которые направили его въ Семигановскъ ближайшею дорогою чрезъ лѣсъ. Они вполнѣ подтвердили показаніе Докса и добавили что Доксъ дѣйствительно свернулъ на указанную дорогу, что они хорошо видѣли.

Еще ранѣе я предъявлялъ свидущимъ людямъ ружье и кусокъ дерева въ которомъ застряла пуля, и они дали категорическое заключеніе что выстрѣлъ произведенъ изъ праваго ствола недавно, нѣсколько дней назадъ, а это совпадало со временемъ приключеній Докса въ лѣсу.

Между тѣмъ настало время мѣсячной прокурорской ревизіи. Ревизіи эти устанавливаемы были съ цѣлью строгаго наблюденія за прилежаніемъ судебныхъ слѣдователей, и поручены товарищамъ прокурора, которые и аттестовали насъ предъ высшимъ начальствомъ. Такимъ образомъ въ лицѣ Шила я имѣлъ прямого и притомъ, что всего хуже, неофіціального начальника, такъ какъ судебные уставы ставятъ слѣдователей совершенно въ другое, вполнѣ независимое положеніе, при которомъ лояльна только и возможна лояльность, а главное—безпристрастіе при производствѣ слѣдствія. Подъ руководствомъ же Шила слѣдствіе, то-есть полная картина преступленія, сводилось къ одностороннему акту полицейскаго сыска. Онъ улобно отвергалъ все что не годилось для его обвинительнаго акта и, благодаря этому обстоятельству, очевидные преступники часто выходили изъ суда оправданными, такъ какъ судьямъ предлагалось взять на свою совѣсть цѣлую массу недосказаннаго и невыясненнаго.

На ревизіяхъ Шило былъ раздражительнѣе и невыносимѣе обыкновеннаго. Чернила для него были слишкомъ густы, перо брызгало, стулъ слишкомъ твердъ. И я бѣжалъ перемѣнять чернила и подкадывалъ подъ сидѣнье подушку. Хорошо если безусловная локорность и предупредительность обезоруживали его, но иногда бывало и наоборотъ. Недовольство его переходило тогда на другіе предметы: солнце чрезчуръ ярко свѣтило и рѣзало его глаза; въ комнатѣ былъ какъ будто слышенъ угаръ; двери скрипѣли и раздражали его нервы; наконецъ столъ стоялъ не на своемъ мѣстѣ и его слѣдовало передвинуть на другой конецъ комнаты.

Всѣ эти предметы возбуждавшіе такъ его неудовольствіе были однако не при чемъ. Истина же его раздраженій заключалась въ томъ что его двадцатичетырехлѣтнее сердце было переполнено блаженствомъ сознанія что вотъ де подъ его надзоромъ находится цѣлыхъ три слѣдователя, которыми онъ можетъ командовать на своей волѣ.

И командовалъ же онъ нами!

Шило олуस्कлся обыкновенно на мое мѣсто, а я, стоя противъ него, докладывалъ ему дѣло за дѣломъ. Онъ перелистывалъ, слушая мой докладъ о его содержаніи, и отъ времени до времени дѣлалъ свои наставленія. Иногда впрочемъ онъ бывалъ настолько любезенъ что приглашалъ меня сѣсть, но этого иногда и не случалось, и я по нѣскольку часовъ простаивалъ.

Дошла очередь до дѣла Докса. Подавая его я замѣтилъ что оно уже извѣстно ему.

Онъ прочелъ показаніе Боброва и бойко подмахнулъ подъ протоколъ: „Присутствовалъ товарищъ прокурора Шило.“

Затѣмъ прочелъ постановленіе о мѣрѣ.

— Это что? ткнулъ онъ пальцемъ въ постановленіе.

— Постановленіе о мѣрѣ, тономъ невиннѣйшаго агнца отвѣчалъ я.

— Какъ! Убийцу, да еще такого негодяя на поруки?! Вы... вы съ ума сошли? и Шило сдѣлалъ движеніе какъ бы намѣревался разорвать постановленіе, но подумалъ и остановился.

Рвать постановленіе дѣйствительно было неудобно: колія его находилась въ тюрьмѣ, а слѣдовательно могла находиться и въ рукахъ Боброва.

— Пожалуста, составьте сейчасъ же постановленіе о безусловномъ заключеніи подъ стражу и сегодня же отошлите въ тюрьму. Въ чемъ же у васъ остановка? спросилъ онъ минуту спустя.

Слѣдствіе, строго говоря, еще только началось, но для него оно уже было кончено. Заикаться повтому о допросѣ пивовара, его рабочихъ, волостнаго писаря и другихъ лицъ, о болѣе основательной вообще постановкѣ обвиненія и выясненіи побочныхъ обстоятельствъ имѣющихъ связь съ сущностью дѣла,—заикаться обо всемъ этомъ было нелѣпо. Въ отвѣтъ я получалъ бы „дурака“, и дѣло все-таки осталось бы недоулавленнымъ. Повтому я счелъ болѣе благоразумнымъ отвѣ-

тять что ожидаю только жену Боброва, которую допросить считаю необходимымъ.

— А, это ты что въ обморокъ падала! Развѣ вы ее отпустили? спросилъ удивленно Шило.

— Она была больва.

— Все равно, нужно было допросить и въ тюрьму, тамъ ее живо вытѣчать.

— Она свидѣтельница, робко рѣшился я замѣтить;—кромѣ оговора Докса противъ нея нѣтъ никакихъ уликъ, да и оговоръ къ тому же очень неопредѣленный.

— Свидѣтельница? Она свидѣтельница? Съ такими чистенькими уликами свидѣтельница? медленно, съ разстановкой, но все повышая голосъ, повторялъ Шило, влившись въ меня гнѣвный свой взглядъ.—Разъ навсегда прошу васъ не повторять мнѣ подобныхъ глупостей!—вскрикнулъ онъ,—сейчасъ же повѣстку о приводѣ и въ тюрьму!

На третій день послѣ ревизіи Матрена стояла уже въ своей камерѣ.

Извѣстіе о взведенномъ на нее обвиненіи она приняла совершенно ласивно, точно оно ея и не касалось. Въ показаніи же своемъ она отрицала все, даже и то что она ходила выслѣживать Докса.

Но мѣра башмака улчала ее, и это была единственная противъ нея улика, если только могло быть уликой то что она ходила по слѣду Докса.

Когда они потушили огонь и легли спать,—разказывала она,—то мужъ ея сталъ молиться предъ образомъ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ какъ Нѣмецъ сорвался со скамейки, выдернулъ въ дверяхъ крючокъ и убѣжалъ. Мужъ ея тотчасъ же засвѣтилъ лампу и вышелъ въ сѣни, а она отъ страха забилась съ головой подъ тудулъ, которымъ была прикрыта, и лежала такъ до тѣхъ поръ пока онъ не вернулся и не сообщилъ что Нѣмца нѣтъ нигдѣ. Тогда они оставили лампу съ огнемъ на столѣ, приперли двери изнутри коломъ и легли спать снова, но отъ испуга не спали всю ночь.

Слѣдствіе было заключено и въ тотъ же день отослано къ Шило.

V.

Прошло съ тѣхъ поръ около двухъ мѣсяцевъ, когда однажды я совершенно нечаянно прочелъ на вывѣшенномъ въ судѣ объявленіи о назначенныхъ къ слушанію дѣлахъ между прочими и о дѣлѣ Бобровыхъ. Оно должно было слушаться въ началѣ апрѣля. Такая быстрота меня удивила, и я нарочно пошелъ въ канцелярію справиться о причинѣ. Оказалось что Шило сдѣлалъ для этого дѣла исключеніе и направилъ его въ законный семидневный срокъ.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня засѣданія, намѣреваясь прослушать дѣло отъ начала до конца. Но судьба судила мнѣ иначе. Въ этотъ день я былъ за двадцать верстъ отъ Л, и съ докторомъ вскрывалъ мертвое тѣло. Возвращаясь домой поздно вечеромъ я сейчасъ же справился чѣмъ оно кончилось. Оказалось что Бобровъ и на судѣ сознался, но Матрена отрицала все и неоднократно обращалась къ мужу, увѣщая его не взводить на себя напраслину и увѣряя судъ что Богъ отвялъ у ея мужа разумъ. Присяжные оправдали ее, несмотря на все краснорѣчіе Шило, на разу противъ обыкновенія не залутавшагося въ собственныхъ словахъ. Осталось неизвѣстнымъ однако главное: въ чемъ именно она обвинялась, въ соучастіи ли, въ подстрекательствѣ, или въ укрывательствѣ? Мое постановленіе о привлеченіи мотивировано было предложеніемъ товарища прокурора. Въ своемъ же обвинительномъ актѣ Шило указалъ глухо на общую статью Уложенія трактующую объ убійствѣ съ цѣлью ограбленія.

Бобровъ приговоренъ былъ къ непродолжительнымъ каторжнымъ работамъ, и по выслушаніи приговора громко поблагодарилъ судъ за милостивое рѣшеніе.

Доксъ также велъ себя попрежнему, онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, заикался и въ концѣ допроса даже расплакался. Своєю наружностью и застѣнчивостью онъ и на судѣ пріобрѣталъ всеобщую симпатію и не мало послослуживалъ прокурорскому краснорѣчію.

Но этимъ дѣло о нахо не кончилось.

Не прошло и недѣли послѣ суда надъ Бобровыми какъ въ камеру мою пришелъ докторъ, разстроенный и печальный,

жалуясь на свою обязанность судебного врача, которую ему навязываютъ сверхъ всякаго его желанія. Причину такого миморнаго настроенія онъ не замедлялъ объяснить: изъ раны Докса, все время не закрывавшейся и гноившейся, вышелъ наконецъ кусокъ стекла.

— Вотъ онъ! добавилъ докторъ, кладя предо мной небольшою осколокъ величиной въ половину серебрянаго лятачка.

— Вы осудили невинаго, а въ этомъ глубоко убѣжденъ, говорилъ докторъ,—а я помогъ вамъ.

Еслибъ я увидѣлъ что солнце восходитъ съ запада, я кажется менѣе изумился бы чѣмъ теперь, глядя на этотъ маленькій кусочекъ блестящаго на бумагѣ синеватаго стекла.

— Интересно знать, продолжалъ докторъ,—какъ объяснить Готлибу присутствіе этого стекла въ своей ранѣ. Когда я ощущалъ зондомъ и вынулъ его, я былъ удивленъ не меньше вашего и, признаюсь, разсердился, вспомнивъ его разказъ о толорѣ. Очень можетъ быть что физиономія моя представляла свирѣпый видъ, и потому Доксъ вмѣсто всякихъ объясненій лустился плакать и жаловаться что всѣ его обижаютъ. Тѣмъ не менѣе онъ не сказалъ мнѣ ничего. Не будете ли вы счастливые?

— Не говорили ли вы съ его дядей? спросилъ я.

— О, это Нѣмецъ осторожный, изъ него лишняго слова клещами не вытянешь! Я убѣжденъ что онъ съ племянникомъ знаютъ гораздо болѣе насъ, но.... только для себя.

— Я во всемъ этомъ дѣлѣ пересталъ понимать что-либо, признался я откровенно.

— А я такъ кажется догадываюсь, возразилъ докторъ,—я не психіатръ и не слѣдователь, но сильно сомнѣваюсь, все ли въ порядкѣ въ бѣлокурой головкѣ Готлиба. У него слышкомъ много странностей, да и Карлъ Ивановичъ что-то носъ повѣсилъ, а это непремѣнно должно означать что-нибудь весьма серьезное.

Нельзя сказать чтобы въ эту минуту моя собственная голова была въ полномъ порядкѣ. Чтò предпринять, съ чего начать чтобы не испортить снова и разъяснить наконецъ это загадочное дѣло?

Сумашествіемъ объяснить его нельзя, многое этому противорѣчило. Прежде всего, пивоваръ не отпустилъ бы сумашедшаго племянника одного въ дорогу. Вовторыхъ, племянникъ этотъ не проявилъ сумашествія ни раньше, ни послѣ

встрѣчи съ Бобровыми оно продолжалось ровно столько сколько тотъ находился въ его обществѣ. Встрѣчать, наконецъ, сознаніе самого Боброва...

— Нѣтъ, не можетъ быть! Доксъ былъ бы убитъ навѣрное есаубы не убѣжалъ! воскликнулъ я.

— А это же что? показалъ докторъ на лежавшее на столѣ стекло.

— Это? это я не знаю еще что значить, но узнаю непременно.

— Богъ въ помощь, только не ошибитесь вторично, а я дамъ вамъ добрый совѣтъ: Клингеръ и Малицкій отличные психіатры. Обратитесь къ нимъ, и они разъясятъ вамъ болѣе чѣмъ самое тщательное свидѣніе.

Докторъ ушелъ, оставивъ у меня стекло. Я едва могъ собраться съ мыслями.

„Уголышекъ!“ внезапно промелькнуло у меня въ головѣ, когда я одно за другимъ сталъ перебирать все мельчайшія обстоятельства дѣла. Надъ дверью избы Боброва есть маленькое разбитое оконце и одного уголышка въ немъ недостаетъ. Не лежалъ ли этотъ отбитый уголъ на подоконникѣ и не обрѣзался ли Доксъ о него? Но этого быть не могло. Я не могъ такъ грубо ошибиться. Я слишкомъ внимательно осматривалъ окно и подоконникъ. Есаубы Доксъ дотронулся только до нихъ онъ оставилъ бы какой-нибудь слѣдъ на толстомъ слое пыли. Но тамъ было все ровно покрыто ею! Если Доксъ и обрѣзался, то только не тамъ. Такъ гдѣ же?

Я схватилъ шляпу и выбѣжалъ на улицу со смутнымъ желаніемъ потребовать объясненій отъ Боброва, но подойдя къ тюрьмѣ невольно остановился въ раздумьи. Если Бобровъ дѣйствительно вклепалъ на себя нараслану, то вѣроятно имѣлъ на это основательныя причины. Какое право имѣлъ я по первому подозрѣнію врыватья въ его, относительное хотя, душевное спокойствіе, подвергать его слова люткамъ допроса, вселять въ его сердце можетъ-быть неосновательную надежду? Никакого! и я почти бѣгомъ направился въ противоположную отъ тюрьмы сторону. Мнѣ нужно было посоветоваться съ кѣмъ-нибудь, успокоиться, услышать благоразумное слово. Но кто зналъ это дѣло такъ какъ я его зналъ? Кто могъ дать мнѣ благоразумный совѣтъ? Не Шило же?! И тутъ же, противорѣча себѣ, я побѣжалъ именно къ Шило. Утопающіе, говорятъ, хватаются за соломенку, а я утопалъ. Шило встрѣтилъ меня съ удивительною физиономіей и

замѣтивъ на моемъ лицѣ безпокойство, надулся и позабылъ пригласить меня съестъ. Онъ заложилъ руки въ карманы грязнаго ситцеваго халата и продолжалъ шагать изъ угла въ уголъ комнаты.

— Я къ вамъ, Максимиліанъ Ильичъ, лю дѣлу, робко обратился я къ нему.

Онъ былъ собственно не Максимиліанъ, а Максимъ, но находилъ послѣднее имя почему-то мало-аристократичнымъ и сердился когда его называли Максимомъ.

— По какому дѣлу?

— Бобровыхъ.

— А! Ну-съ, а зачѣмъ вамъ оно?

— Мнѣ дѣло не нужно, а я пришелъ посоветоваться только относительно одного обстоятельства.

Шло былъ польщезъ, но я не помогъ себѣ: онъ принялъ дѣловой тонъ, а въ такихъ случаяхъ онъ терялъ всегда послѣдній здравый смыслъ, уходя безъ остатка въ заботу о фразѣ и позировкѣ. Услышавъ просьбу о совѣтѣ, онъ министерскимъ движеніемъ пригласилъ меня съестъ и усмѣя самъ, но говорить мнѣ пришлось не скоро.

— Дѣло Бобровыхъ составляетъ весьма сложный юридическій вопросъ, началъ онъ внушительно,—и я разработалъ этотъ вопросъ основательно. Наше законодательство далеко не полно еще и оставляетъ желать многого. Вмѣняемость по теоріи Таганцева противорѣчитъ вмѣняемости по Уложенію, а эта въ свою очередь—кассационнымъ рѣшеніямъ. Согласить всѣ эти противорѣчія — задача не легкая, но я разрѣшу ее и притомъ весьма просто. Правда, придется щелкнуть немногo Таганцева, да это не бѣда. По крайней мѣрѣ въ будущемъ станутъ невозможны такіе абсурдные вердикты какъ оправдательный вердиктъ Бобровой. Этихъ олуховъ и виить нельзя, но если они наши негодноту въ законѣ, то должны были примѣнить общій смыслъ его. Ха, ха, ха! Общій смыслъ, понимаете ли? А они и не нюхали что значитъ общій смыслъ закона! Въ своемъ протестѣ я прекрасно разовью эту тему....

— Но въ дѣлѣ открываются новыя обстоятельства, осмѣлился я перебить его.

— Какія бы обстоятельства ни открывались, вопросъ сдѣдуетъ разрѣшить разъ и навсегда, и я разрѣшу его.

— Но обстоятельство совершенно неожиданное, умолялъ я.

— Какъ неожиданное! Въ законѣ нѣтъ явста неожиданно-

стѣмъ: онъ стоитъ выше ихъ, онъ повелѣваетъ. всѣми безконечно разнообразными движеніями чловѣка и предусматриваетъ ихъ всѣ безъ всякихъ исключеній. Только тогда законъ....

— Изъ раны Докса вынуть кусоокъ стекла!

Шило какъ будто очнулося, но тотчасъ же принялъ удивленный видъ.

— Такъ что же? Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ онъ, продолжая глядѣть въ мое лицо.

— Я хочу сказать что присутствіе стекла въ ранѣ Докса доказываетъ что онъ обрѣзался и не былъ раненъ топоромъ.

— Вовсе нѣтъ. Я не вижу никакой связи между тѣмъ и другимъ. Объясните, пожалуйста.

— Это, мнѣ кажется, очевидно.

— Для васъ. Для васъ мало ли что можетъ быть очевиднымъ, но разсуждая строго-юридически, ставя идею чисто абстрактно....

Я не выдержалъ и схватился за шляпу. Замѣтивъ мое движеніе, Шило вдругъ осксся и сконфузился. Онъ такъ растерянно посмотрѣлъ какъ будто боялся что я сейчасъ начну его колотить, но видя что опасенія напрасны и я раскланиваюсь попрежнему почтительно, онъ оправился и съ прежнимъ алломбомъ, хотя и гораздо мягче, произнесъ прощаясь:

— Да, да, я вамъ дамъ добрый совѣтъ—не лутаться и не лутать дѣла. Фактическая сторона разработана вами достаточно, предоставьте теперь намъ разработать юридическую, и сидите спокойно.

Боже мой, въ какомъ несчастномъ, безнадежномъ положеніи я возвратился домой! Но я принею съ собой одно непоколебимое рѣшеніе—не обращаться ни къ кому за совѣтомъ и дѣйствовать самому тихо и настойчиво. Я навлекалъ на себя, правда, прокурорское неблаговоленіе, въ этомъ сомнѣваться было нельзя, но я рискнулъ бы даже и большимъ за раскрытіе истины. Непредложно было одно: оставлять безъ вниманія мое открытіе, какъ совѣтовалъ Шило, я не могъ, да и не имѣлъ права.... И я въ раздумьи вертѣлъ въ рукѣ загадочный осколокъ принесенный докторомъ. А если, вопреки очевидности, наперекоръ всякой здравой мысли, какимъ-нибудь чудомъ, этотъ осколокъ дѣйствительно окажется отбитымъ отъ недостающаго угла? Вѣдь одинъ этотъ фактъ въ состояніи оправдать Боброва, думалъ

я,—повѣрить его, поэтому, необходимо. И черезъ два часа я подвѣзжалъ уже съ урядникомъ къ избѣ Боброва. Мы бережно вынули изъ окна надъ дверью кусокъ стекла, отъ котораго былъ отбитъ уголъ, и я взялъ его съ собою. Дома я засталъ уже присланныхъ полиціей по моей преслѣбѣ стекольщиковъ. Они долго сравнивали и случали куски и дали наконецъ заключеніе что оба куска стекла по толщинѣ и цвѣту совершенно схожи между собой и должны были составлять одинъ кусокъ, такъ какъ совпадали даже въ изломѣ.

Итакъ, Доксъ лгалъ, и показаніе его не заслуживало болѣе никакого довѣрія. Но сознаніе Боброва? Неужели онъ дѣйствительно извелъ на себя напраслину, какъ увѣрала на судѣ Матрена? Что заставило его сдѣлать такой необъяснимый, ужасный шагъ? Я отправился къ нему въ тюрьму. Увидѣвъ меня онъ какъ будто обрадовался.

— Не помните ли, Бобровъ, куда дѣвался кусокъ стекла, уголъ отъ разбитаго оконца надъ дверью въ вашей избѣ?

Этотъ вопросъ его встревожилъ.

— Да вѣдь дѣло-то мое уже кончено, я ужъ портшевъ. А въ новое еще что? нервничательно и робко замѣтилъ онъ.

— Я не для дѣла, солгалъ я,—а судъ у меня теперь это стекло спрашиваетъ, а я забылъ его взять.

— Оно точно тамъ лежало на паклѣ, маховой кучечкѣ, вотъ такъ, съ палецъ, да мнѣ не вдомекъ было поглядѣть тамъ ли оно осталось. Можетъ Матрена убрала.

Больше пока отъ Боброва мнѣ ничего не нужно было. Фактъ раны выяснился. Доксъ, выдергивая пробой одною рукой, другою оперся о подоконникъ и придавилъ къ рамѣ лежавшее на паклѣ стекло, не тронувъ нисколько льмы. Осколокъ врѣзался въ его руку и сломался въ ней. Но судьба торопилась выяснитъ и другое важное обстоятельство.

На другой день предъ вечеромъ ко мнѣ на квартиру явился мужичокъ съ пакетомъ отъ Семигановскаго волостнаго старшины. Старшина писалъ что, ссылаясь на отношеніе мое къ начальнику уѣзда о розыскѣ крестьянъ встрѣтившихъ 11го января близъ Устьюмскаго лѣса саксонскаго подданнаго Готлиба Докса, онъ „имѣеть честь препроводитъ ко мнѣ крестьянина Оому Амучина, который встрѣтилъ 11го января въ Устьюмскомъ лѣсу Нѣмца, подходящаго по примѣтамъ къ уломанутому въ означенномъ отношеніи.“ Въ полученіи

крестьянина Анучина волостной старшина просилъ меня выдать „установленную квитанцію“.

Наши сельскія власти часто подносили мнѣ горчицу послѣ ужина, но претендовать на нихъ за это не подобало: усердіе всегда почтено, ложка, конечно, не переходитъ въ медвѣжье.

Я объяснилъ Анучину что дѣло по которому онъ явился уже кончено и надобности въ его показаніи никакой нѣтъ.

— Да гдѣ же вы съ нимъ встретились? спросилъ я его.

— Въ самомъ, значить, лѣсу. Иду, эта, домой...

— Куда?

— Въ Семигановскѣ, значить. Мы Семигановскіе будемъ. Иду это лѣсомъ, да и присѣлъ на лѣвъ лалотокъ перевязать, развязался. Гляжу—садомъ за мною этотъ самый Нѣмецъ ялетется, озирается во все стороны, точно ищетъ чего-то, а меня и не примѣчаетъ, а какъ поравилася со мной я и окляки его... Батюшки мои! Какъ киваетъ онъ въ сторону, да со страху и наткнувъ на сосну, ударился, стоитъ, а самъ такъ и трясется... ошалѣлъ совсѣмъ, служался... Меня ажно жалость взяла... Пойдемъ, говорю, вмѣстѣ, тебѣ не такъ боязно будетъ. Тебѣ, спрашиваю, куда надоть? Въ Л., говорить, меня тамъ дядюшка дожидается.—Какъ въ Л., спрашиваю, да вѣдь ты не въ ту сторону ирешь, поворачивай, говорю, оглобли назадъ.—Нѣтъ, говорить, я иду вѣрно.—Да и говорить-то такъ что не сразу и уразумѣешь что онъ домочетъ. Я его и такъ и сакъ урезонивать, а онъ все свое: иду, молъ, ладно, да и шабашъ.—Колн ладно, говорю идешь, такъ пойдемъ вмѣстѣ, въ село заведу—переночуешь.—Не хочу, говорить, иди себѣ съ Богомъ, а меня оставь. А самъ отъ меня такъ и сторонится: я къ нему, а онъ отъ меня. Бился я съ нимъ такъ немалое время, вижу дурмой Нѣмецъ, улерся на своемъ и ни съ мѣста, я плюнуль, да и пошелъ. а онъ замѣшкался и, должно полагать, вернулся-таки назадъ, я больше ужъ его не видѣлъ.

— Пѣлъ онъ лѣсно, когда шелъ къ вамъ, или молчалъ?

— Гдѣ ему было лѣсно лѣтъ! У него почитай только въ чемъ душа отъ страху держалась. Должно кто ранѣ его служалъ.

— А какой онъ собою былъ этотъ Нѣмецъ? Признавалъ бы вы его теперь?

— Преогличивѣйшимъ манеромъ признаю, отвѣчалъ словоохотливый Анучинъ,—бѣлобрысый, такъ изъ себя красивый,

молодой, усы эти еще видны, а бороды и вовсе нѣтъ. Шинель какъ у солдатъ, только черная, съ перехватомъ сзади, а картузь вотъ какъ кулцы городскіе носить. За спиной на лискѣ мѣшокъ кожаный былъ....

Не подлежало никакому сомнѣнію—это былъ Доксъ.

— Отчего же васъ раньше ко мнѣ не прислали? спросилъ я.

— Да я почитаю никому и не рассказывалъ, такъ, двумъ тремъ, а какъ Бобріху изъ тюрьмы выпустили, да ему самому вышло рѣшеніе на каторгу, вотъ у насъ по сему и пошел толковать, я и разкажи въ кабакѣ. Тутъ староста на бѣду случился. — А ты, говорить, знаешь приказъ?—Какой приказъ?—Да, говорить, всѣхъ что съ Нѣмцемъ встречались велѣно къ садователю доставлять; пойдемъ, другъ милый, въ волость! Пришли мы эта въ волость, меня первымъ дѣломъ въ холодную заперли, чтобы вѣрнѣе было, а затѣмъ, мало погода, и послали со сторожемъ сюда. Сторожъ, пріятель мѣй, упросилъ идти самому и бумагу вамъ доставить. А мѣй что? Я его-то отпустилъ съ Богомъ, а самъ-отъ и явился къ вашему благородію. Расписочку пожалуйста, заключаю оны,—велѣно получить съ васъ.

— Какъ вы желательво мѣй отпустить васъ сейчасъ, отвѣтилъ я,—да сдѣлать-то этого нельзя, потому что нужно показать вамъ этого Нѣмца, а нынче ужъ поздно; почувте у меня.

Анучинъ почесалъ затылокъ.

— Я вѣдь, ваше благородіе, харчей съ собой не захватилъ, объяснилъ оны наконецъ свое затрудненіе.

— Не бѣда, ступайте на кухню, накормимъ.

Анучинъ поблагодарилъ и вышелъ.

VI.

Я написалъ ливовару что по дѣлу, хотя еще и не возбужденному официально, но имѣющему возникнуть въ непродолжительномъ времени, я встрѣтилъ неотложную надобность видѣть его съ лаеманикомъ у себя въ камерѣ, а потому и осмѣливаюсь просить какъ его, такъ и Готлиба пожаловать ко мнѣ завтра въ девять часовъ утра.

Человѣкъ отнесшіи письмо возвратился съ отвѣтомъ ливовара, приказавшаго передать мнѣ что оны къ назначенному часу будутъ непремѣнно.

Въ девять часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ, онъ дѣйстви-
тельно вошелъ въ камеру въ сопровожденіи Докса, и я по-
спѣшилъ принять ихъ какъ можно любезнѣе, но не вдаваясь
ни въ какія объясненія звелъ въ камеру Анучина.

— Скажите, любезнѣйшій Готлибъ, вы никогда не видали
этого человѣка? обратился я къ нему, — не вспомните ли?

Онъ пристально взглянулъ на Анучина, но затѣмъ быстро
опустилъ глаза въ землю, покраснѣлъ и чуть слышно отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

Анучина улыбулася и уже открылъ ротъ чтобы сказать
что-то, но я сдѣлалъ ему знакъ, и онъ замолчалъ.

— Не встрѣчали ли вы этого человѣка въ лѣсу, въ томъ
самомъ лѣсу, гдѣ лѣсовикъ ранилъ васъ топоромъ? спросилъ я
слова, нарочно растягивая и ударяя на каждое слово.

Такое же тихое, но болѣе тревожное „нѣтъ“ было отвѣтомъ.

— Вы никого не встрѣчали въ этомъ лѣсу кромѣ лѣсника?

— Никого.

— А меня-то! вдругъ не вытерпѣвъ отозвался Анучинъ, —
я-то васъ сейчасъ призналъ. Какъ же. Еще-т о вы на сосну
наскочили — служались. Вы и есть, вотъ хоть сейчасъ подъ
присягу идти!

— Я васъ вовсе не знаю! уже совершенно плаксиво про-
лепеталъ Готлибъ.

— Одежа, точно, другая была, продолжалъ неуговорный
Анучинъ, — салогъ выше кофта, шивель олять эта черная
съ перехватомъ, картузь съ козыремъ.... за плечами олять
же кожаный хорошій такой мѣшокъ....

Доксъ трясъ головой и продолжалъ бормотать:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не я.

— Какъ же не вы, продолжалъ однако убѣждать его Ану-
чинъ, — еще я спрашиваю: куда идешь? А вы такъ вотъ тря-
сетесь, да и говорите: въ Л. иду, дядюшка дожидается. Я
здакъ засмѣялся, да и говорю: — не скоро же ты, любезный,
въ Л. дойдешь: вонъ тѣ гдѣ Л., поворачивай, говорю, оглобли,
а вы мнѣ въ отвѣтъ: нѣтъ, я вѣрно иду....

— Я васъ не видѣлъ, я не встрѣчался съ вами! съ услу-
гомъ въ голосъ почти вскрикнулъ Готлибъ.

— Однако, любезный Готлибъ, человѣкъ этотъ говорить
такъ опредѣленно, описалъ вашъ костюмъ такъ подробно и
вѣрно что ему нельзя не довѣрять, вставилъ я свое замѣчаніе,
— а я желалъ бы слышать отъ васъ какое-либо объясненіе.

— Я не могу дать никакого объясненія, уморю избѣгая моего взгляда, отвѣтилъ Готлибъ.

Я рѣшился не церемониться съ нимъ болѣе. Бобровъ томился въ тюрьмѣ и срокъ его апелляціи потекалъ на дылахъ. Допустивъ состоявшійся надъ нимъ приговоръ войти въ законную силу, онъ не могъ уже надѣяться на близкое освобожденіе, такъ какъ процедура учаственія такого приговора трудна и тянется долго; съ подачею же апелляціи, судъ собственною властью могъ измѣнить мѣру пресѣченія и освободить его, обязавъ лишь подлаской о неслучкѣ съ избраннымъ имъ мѣста жительства. Поэтому, еслибы даже пришлось вызвать искусственно припадокъ сумашествія, то эта жестокость оправдывается немедленнымъ освобожденіемъ Боброва, и я дѣйствительно рѣшился вызвать этотъ припадокъ и воспроизвести ночную оцену паники въ избѣ Боброва. Въ случаѣ удачи я отнималъ у старика послѣдній предлогъ скрывать сумашествіе племянника, и истина должна будетъ наконецъ обнаружиться, и притомъ сейчасъ же, сегодня.

Я приказалъ Агучину выйти въ другую комнату, и, какъ только дверь за нимъ затворилась, я началъ:

— Послушайте, любезный Готлибъ, въ вашей исторіи слишкомъ много необъяснимаго. Вы говорили что дѣлалъ ранилъ васъ толпорокъ, между тѣмъ изъ раны вашей вынуть осколки стекла. Вы и этого объяснить не можете?—И я придалъ голосу своему возможно строгое выраженіе. —А если вы отказываетесь ото всякихъ объясненій, то я самъ объясню вамъ все отъ начала и до конца. На заводѣ вы боитесь рабочихъ и бѣжали отъ нихъ. Въ лѣсу вы встречаете крестьянина и ждете отъ страха предъ нимъ; встречаете затѣмъ дѣлника, обманываете и его. Въмѣсто того чтобы поблагодарить человѣка за то что онъ васъ приютилъ и накормилъ, вы среди ночи убѣгаете изъ его избы и въ темнотѣ рѣжете себѣ руку осколкомъ стекла. Далѣе, давая мнѣ показаніе, вы ждете на каждомъ словѣ, вы огориваете человѣка, который за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ сдѣлалъ вамъ добро, и этимъ ложнымъ показаніемъ сажаете невиннаго въ тюрьму. Вы шутите съ правосудіемъ... Голосъ мой повисъ.—Но правосудіе не станетъ съ вами шутить! Я позвалъ васъ сюда...—И я медленно сталъ подниматься со стула, какъ бы готовясь схватить его. Голосъ мой звучалъ уже грозно. — Я позвалъ васъ сюда, чтобы... чтобы...—И я

сдѣлалъ шагъ по направлению къ Доксу. Онъ вскочилъ. Волосы его поднялись вверхъ, лицо мертвенно поблѣднѣло, глаза помутнились. Онъ олицетворялъ собою безумный ужасъ.

— Вы всё, загонорилъ онъ быстро по-нѣмецки, — вы всё щете моей смерти, вы устроили заговоръ! Mein Gott! Mein Gott! и онъ опрометью бросился въ прихожую. Наружная дверь на лестницу хлопнула съ нечеловѣческой силой, и все затихло.

Доксъ убѣжалъ.

Старикъ пивоваръ поднялся со своего мѣста.

— Успокойтесь, Карлъ Ивановичъ, съ Готлибомъ не случится ничего дурного. Внизу лестницы его поджидаютъ полицейскіе и отвезутъ домой, съ вами же мнѣ нужно переговорить. Садитесь пожалуйста.

Онъ покорно сѣлъ.

— Вамъ не безызвѣстно, началъ я, — что окружный судъ недавно тому назадъ приговорилъ одного человѣка къ каторжнымъ работамъ вслѣдствіе оговора вашего лезмянника. Самою сильною уликой противъ этого человѣка послужила рана, происхожденіе которой онъ объяснилъ покушеніемъ на его жизнь. Готлибъ съ замѣчательными подробностями описалъ топоръ, которымъ, по его словамъ, онъ былъ раненъ и который онъ вѣроятно замѣтилъ въ избѣ лѣсника предъ своимъ бѣгствомъ. Между тѣмъ это неправда: Готлибъ же былъ раненъ, а обрѣзалъ себѣ руку стекломъ въ снѣгахъ избы. Вотъ два куска: одинъ изъ нихъ, маленькій, вынутъ изъ раны Докса, а второй вынутъ мною изъ окна избы. Свидущіе люди дали мнѣ положительныя доказательства что эти два куска одного и того же качества, и составляли одинъ кусокъ. Второю уликой отошь же сильною послужила обманъ къ которому будто бы прибѣгъ преступникъ чтобы завлечь къ себѣ вашего лезмянника. Но вы сами были свидѣтелемъ сцены, и я полагаю не сомнѣваетесь что въ дѣйствительности обмануть былъ самъ преступникъ, а за нимъ и я, и судъ. Этотъ живыи преступникъ томится четвертымъ мѣсяцемъ въ тюрьмѣ, потерялъ доброе свое имя, а съ нимъ вмѣстѣ и свое здоровье. Судебная ошибка разбила всю жизнь человѣка, и главнымъ виновникомъ этого несчастія является Готлибъ. Я думаю имѣю право на полное ваше содѣйствіе для возможно скорѣйшаго исправленія сдѣланной ошибки и для воз-

вращенія несчастному обвиненному всего того что не потеряю еще безвозвратно.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, прощайтесь старикъ, утираю крупныя капли пота выступившаго на лбу,—но я право не знаю чѣмъ могу я....

— Я сейчасъ объясню вамъ, продолжалъ я:—послѣ того что случилось сейчасъ съ Готлибомъ въ этой комнатѣ, ни вы, ни я не можемъ сомнѣваться въ ненормальности его умственныхъ способностей. Необходимо чтобъ эта болѣзнь удостовѣрена была положительнымъ образомъ, а для этого нужно чтобы вы отдали его на время въ больницу для изслѣдованія его врачами-психіатрами.

— Невозможно! воскликнулъ старикъ,—это убьетъ несчастнаго юношу!

— Но спасетъ невинную жертву, возразилъ я.

— Я готовъ на все, господишь свидователь, но не на это! Я люблю этого юношу какъ роднаго сына.—И старикъ отеръ слезу.—Я зналъ, господишь свидователь, истину прежде чѣмъ вы ее сообщали,—продолжалъ онъ,—и Богъ одинъ знаетъ, сколько горя она мнѣ принесла. Но я молчалъ до сихъ поръ, потому что.... потому что....

— Потому что отцу трудно сознаться въ несчастіи сына, подсказалъ я.

— Да, это правда.

— Тѣмъ не менѣе, только одно это и нужно! настаивалъ я.

— Не могу.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ буду возбудить противъ Готлиба уголовное преслѣдованіе за дачу ложныхъ показаній. Подумайте, лучше ли это для него будетъ? Вѣдь кончится тѣмъ же, только со внимательствомъ закона.

Старикъ очевидно не предусматривалъ такого оборота дѣла. Онъ былъ озадаченъ и о чемъ-то размышлялъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія,—я попрошу у васъ только нѣсколько часовъ отсрочки. Я пойду къ докторамъ. Можетъ быть они согласятся оставить Готлиба дома.

— А если нѣтъ?

— Если нѣтъ.... если не согласятся.... я тотчасъ же приѣду къ вамъ съ отвѣтомъ.

— Позвольте мнѣ задать вамъ еще одинъ вопросъ, обратилась я къ нему, видя что онъ собирается уходить,—какимъ

образомъ вы рѣшились отпустить Готлиба одного, да еще пѣшкомъ, зная что онъ боленъ?

— Потому что я не предполагалъ чтобы съ нимъ могло случиться что-либо подобное, отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ: пароксизмы повторялись сначала довольно рѣдко и ограничивались только тѣмъ что Готлибъ забавлялся въ какой-нибудь уголъ на чердакѣ или подтѣвлялъ людъ бочку въ подвалъ и сидѣлъ тамъ по нѣскольку часовъ, а потомъ все проходило и онъ снова привакивался за работу. Но въ послѣднее время, и особенно послѣ случая въ лесу, пароксизмы эти стали повторяться чаще, такъ что Готлибъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ рабочихъ, которыхъ забавляла его болезнь и которые поэтому нарочно шутили его.

— Кроме того, вы отпустили его даже безъ паспорта, упрекнулъ я старика.

— Моя ошибка, отвѣчалъ онъ, заключалась въ томъ что я повѣрилъ Готлибу будто онъ получалъ паспортъ изъ полиціи. Онъ не хотѣлъ ждать присылки паспорта съ родины, и я знаю хлопоталъ о немъ здѣсь. Я потомъ только узналъ что въ полицейскомъ управленіи паспорта ему не выдали, но онъ это скрылъ отъ меня.

Выпроводивъ ливовара, я отправился въ тюрьму къ Боброву. Онъ ласково со мной поздоровался.

— Какъ живется, Иванычъ?

— Покорѣйше благодаримъ, полетомъ. Вотъ только господину прокурору потрафить не могу.

— А что?

— Строгъ больно. Давеча шумъ промежду арестантовъ вышелъ, такъ, изъ лустаго. Пріѣзжаетъ, входитъ въ палату, да по первому слову: знаемъ мы, говорить, кто всему заводчикъ, — наручники на него! Вотъ теперь и въ браслетахъ!

И Бобровъ бракнулъ цѣпью.

— Когда срокъ вашей апелляціи? спросилъ я его.

— Да я апелляціи подавать не буду, возразилъ Бобровъ; — тутешніе меня сбиваютъ, подай да подай, а имъ-то одно и нужно что мои сказки, боятся чтобы скоро не угнали.

— Однако, когда же?

— Боятъ, черезъ недѣлю скончится, а дополненно доложить не могу.

— Надобно, Бобровъ, чтобы вы апелляцію непременно подали.

— Нѣтъ, ваше благородіе, хоть бы мнѣ и лишнее пришлося вытерпѣть—не подамъ.

— Вотъ, замѣтилъ я какъ бы про себя,—равнымъ людямъ разное нравится. Боброву, напримеръ, въ тюрьмѣ сидѣть нравится.

Онъ съ упрекомъ на меня посмотрѣлъ.

— Самы знаете, ваше благородіе, на по своей охотѣ я сюда пришелъ.

— Вотъ то-то и бѣда что мнѣ одается будто Иванычъ самъ себя въ тюрьму засадила. Многое онъ на своемъ вѣку видѣлъ, захотѣлъ наручничковъ испробовать, да сказки острожные разказывать....

— Сказки разказываю потому что сказочнику всегда почетъ, первое мѣсто и первый кусокъ, потому что острожникъ за сказку голодать готовъ, а что будто я самъ сюда пришелъ, такъ я не знаю что и сказать... не опѣтось же вы надо мной, старикомъ.

И Бобровъ надовѣрчиво на меня посмотрѣлъ.

— Не шутить я пришелъ сюда, а сказать вамъ, Иванычъ, что напраслину вы на себя возвели. Вы и не стѣбали, и не рѣзали Нѣмца. Онъ сумашедшій, а сегодня уже будетъ сидѣть въ желтомъ домѣ.

— Можеть ли быть? все такъ же надовѣрчиво спросилъ Бобровъ, но какой-то далекій лучъ радости или надежды скользнулъ въ его глаза.

— Изъ раны его на рукѣ, продолжалъ я,—которую вы говорите сдѣлали толоромъ, вынуть кусокъ стекла, того самого что валялся у васъ на подоконникѣ, на лѣвѣ. Какъ же это вы могли загнать ему въ руку стекло?

Бобровъ слушалъ молча, сосредоточенно, но это молчаніе было обманчиво. За нимъ скрывалось и оно было предвѣстникомъ разомъ нахлынувшего на душу счастья. Но онъ не доверялъ еще вполне.

— Кроме васъ, продолжалъ я,—Доксъ встрѣтилъ въ лѣсу равне васъ другаго крестьянина, Анучина, знаете его?

— Изъ Семипаловска?

— Да.

— Тамъ много ихъ, не знаю котораго.

— Ому.

— Нѣтъ, этого не знаю.

— Такъ онъ и Анучину сказаль что идетъ въ Л., а не изъ

Л. Странно что онъ для васъ сдѣлалъ исключеніе и сказалъ вамъ правду! Не правда ли, Иванычъ, странно?

— Что жь мнѣ телерь дѣлать? недоумивающе спросилъ меня Бобровъ.

— Подать аппелляцію и уходить изъ тюрьмы, потому что здѣсь вамъ не мѣсто.

Избытокъ радости наконецъ прорвался. Бобровъ сдѣлалъ полуоборотъ къ образу, и грѣмя цѣлью грузно опустился предъ нимъ на колѣни. Онъ шепталъ молитву благодарности, которая такъ легко импровизируется въ подобныя минуты, а по щекамъ его одна за другою катились слезы и капали на колыца наручничковъ. Я видѣлъ безумныя слезы Докса, подмѣтилъ одну, но очень горькую слезу его дяди, видѣлъ отчаянныя, разрывающія душу слезы Матрѣи, и можетъ-быть въ силу логики долженъ былъ переживать телерь утѣшающія челоуѣка слезы самого Боброва, можетъ-быть первыя въ его жизни!

Когда онъ подвинулся съ колу на лицѣ его играла пріятливая, добрая, счастливая, старческая улыбка.

— Жень бы дать знать! проговорилъ онъ, утирая ладонью остатки слезъ.

— Не зачѣмъ, возразилъ я,—черезъ три два сама дома будете! Подавайте же сегодня аппелляцію.

Разставшись съ Бобровымъ я послѣдшилъ готовить представленіе въ судъ по его дѣлу, и засталъ у себя ливовари, которому доктора, какъ и слѣдовало ожидать, отказали въ его просьбѣ.

— Что жь вы намѣрены дѣлать? спросилъ я его.

— Я пришелъ еще разъ просить васъ оставить это дѣло, произнесъ онъ сконфуженно.

— Я вамъ, многоуважаемый Карлъ Иванычъ, на вашу просьбу отвѣчу совѣтомъ: отвезите вашего племянника въ больницу сегодня же, потому что можетъ-быть завтра это сдѣлають уже безъ васъ. Не думайте что Доксъ до завтра можетъ покинуть Л., за нимъ слѣдять и его отсюда не выкустать. До свиданія.

Представленіе въ судъ съ подробнымъ изложениемъ всѣхъ вновь открывшихся обстоятельствъ дѣла мною приготовлено было въ тотъ же вечеръ и на утро отослано въ канцелярію суда, гдѣ и встрѣтилось съ аппелляціей Боброва.

Черезъ два два онъ самъ вошелъ въ мою камеру.

— Ба, Иванычъ! Освободили уже васъ, воскликнулъ я, — скоро!

— Какже, сегодня утромъ казенную аммунацію разомъ съ наручниками сдалъ, да вотъ съ вашимъ благородіемъ прощиться пришлось.

— Спасибо, спасибо вамъ, Иванычъ, что не забыли прощаться, отвѣчалъ я, усаживая старика на стулъ.—Виноваты я предъ вами, не поминайте лихомъ.

— Эхъ, баринъ, виноваты мы оба, и я-то больше вашего, гораздо больше! Все-то изъ-за моей дурачности вышло.

И Бобровъ засмѣялся.

— Одно непонятно мнѣ, какъ могли вы принять на себя такое преступленіе?

— Вы не вините меня за это, а вотъ лучше послушайте: какъ случилось это дѣло, я и пошелъ къ добрымъ людямъ за совѣтомъ. Прихожу къ одному, къ другому, вижу не вѣрять, стороватся. Иванъ Петровичъ, баринъ мой, первый заговорилъ со мной такъ что лучше бы мнѣ въ землю провалиться. И прежде нехорошо мнѣ было, смутно такъ на душѣ, а тутъ со мной лучше не ладно случилось. Тутъ вы на свиданіе пріѣхали, обыскъ въ хатѣ дѣлаете, а мнѣ ни гу-гу. Подаютъ толоръ, оглядываютъ его, точно на немъ что написано было; ружье оглядывали, оглядывали, да и отобрали вовсе. Всѣ что пріѣхали такъ на тебя смотрятъ точно на каторжнаго. Ночью взяли меня, потащали къ вамъ, вижу и господъ тоже, и въ мысли у нихъ нѣтъ чтобъ я невиненъ былъ, а господинъ Шило такъ рветъ и мечетъ, точно я родную мать его загубилъ. А какъ стали вы читать что вамъ написано было, я и самъ не знаю что со мной стало. Знаю что душегубцемъ не былъ и душегубства никогда и въ мысли не имѣлъ, а выхожу вачисто душегубцемъ. Посади меня судьей, самъ бы кажется порѣшилъ себя на каторгу. И пришло мнѣ тогда на мысль что то было мнѣ Божье наказаніе. А много я грѣшевъ, и лучше всего гордостью. Равнаго мнѣ почитай не было и между господами. Третій годъ къ цловѣди не хожу, такъ это меня злобидо на пола за его скарденничество до вымогательства. Вотъ и Иванъ Петровичъ, баринъ добрый, а я и на него въ сердцахъ всегда былъ, сдѣлалось мнѣ что онъ такъ и паровитъ сиволаного объѣхать. Частенько цловншь котораго со свѣжею сосенкой, и на мѣсто чтобы во дворъ тащить, вздуешь порядкомъ и съ Богомъ

отпустимъ. Морда у него поболитъ, да деньги въ мошнѣ его мужицкой останутся, къ барину не поладутъ. Думаете, сердце у меня къ нимъ, къ этимъ малетникамъ лежало? Гдѣ тамъ! Я почитаю и за людей ихъ не приваиваю, все одно что безсловесную тварь. Чтобы лаской, да полегоньку разуму поучить, въ его убожествѣ помочь ему, такъ вѣтъ, наровишь за его дурость да его же въ ухо съездить или послѣдними словамъ облаять. Всѣ-то у меня были нехороши, одинъ только я и былъ хорошъ.—Бобровъ помолчалъ съ минутой. Затѣмъ онъ продолжалъ:—Да, крѣпко засѣло это во мнѣ что никто какъ Богъ караетъ меня за мою гордость, такъ крѣпко что я и сказать не умѣю. Вотъ и вздумалъ я поиницаться, потому, думалъ что Богу такъ угодно, а грѣхъ идти противъ Божьяго изволенія, и грѣха этого я не взялъ бы ни за что на свою душу, а то и забылъ что караетъ ли Овъ, милуетъ ли, не наше дѣло раздумывать да загадывать о Его святой волѣ. Вотъ и спрашиваю я васъ: легче ли будетъ отъ ловиной, чтобы лишникъ, значить, разговоръ не было: ловилася, молъ, потому чтобы легче наказаніе принять, и шабашъ, да ошибся: отъ разговоръ не ушелъ, а можетъ и больше еще накликалъ, потому видѣлъ я, очень это вамъ не понравилось... Ну да что было, то прошло! заключилъ Бобровъ и засмѣялся веселымъ старческимъ смѣхомъ.

— Куда же вы теперь? спросилъ я его снова,—олять въ свой дѣсь?

— И ни-ни,—и Бобровъ даже руку подвигалъ, какъ бы отталкивая отъ себя что-то,—довольно одному, пора и съ людьми ножить. Землицы у меня малость есть и деньжонки водятся, стану стариковское дѣло справлять, дѣтамъ сказки разказывать. Прежде ребятшки на меня изъ-за угла только глядѣли, боялись, Чортомъ Иванычемъ обзывали, а вывче я имъ первый другъ буду,—это вѣрно. У насъ со старухой ребятъ своихъ не было, вотъ мы и ладки на этотъ народъ. Думали не разъ приемыша взять, а теперь у насъ цѣлая команда будетъ, которые лобойчѣй—грамотѣ учить стану. И ружья брошу, кто бъ ни тянулъ на охоту—не пойду, довольно и безъ того перебалъ на своемъ вѣку этой Божьей вольной твари!

— Вы, говорятъ, хорошо стрѣляете? замѣтилъ я ему.

— Глазъ у меня вѣрныи. Я изъ отставки двѣсти рублей привнесъ; все за стрѣльбу отъ господъ насобиралъ. Бывало

позовуть, дадутъ двадцать пять зарядовъ, да и говорятъ: „принесешь двадцать пять бѣкасовъ, двадцать пять цѣпко-выхъ твои, а не принесешь, не взыщи, двадцать пять на-гаекъ влѣпимъ. Желаетъ?“ Бѣкасъ штука маленькая, а летитъ шибко, да неровно такъ, во всѣ стороны кидается; промах-нуться страхъ легко, да я ни разу дѣла до нагаекъ не довелъ, четвертаю каждый разъ въ карманъ кладу... а вы-то, ваше благородіе, подумали что я промахъ далъ не Цѣпцу, да какой еще.

И онъ не договорилъ и снова засмѣялся.

Мы разстались.

Доксъ кончилъ скоро и очень печально. Онъ незамѣтно вышелъ изъ палаты въ которой содержался и, преслѣдуемый сторожами, выскочилъ изъ окна второго этажа и убится.

Бобровъ живъ и теперь. Онъ волостнымъ старшиной Усть-умской волости и поднялъ въ нѣсколько лѣтъ дѣла волости до такого благосостоянія что заслужилъ всеобщее удивленіе. Всякій кто проѣзжаетъ мимо волостнаго правленія можетъ видѣть его сидящимъ на крылечкѣ и непремѣнно въ обществе нѣсколькихъ босовогихъ мальчугановъ.

Едва не забылъ добавить: Шло протеста не подавалъ. Онъ очень занятъ теперь одною почтенною вдовой, владѣющею въ Л. двумя бакалейными магазинами и, говорятъ, изряднымъ капиталомъ. У ней лекутся первѣйшіе въ городѣ ледовые пороги, и каждую субботу въ банѣ она ведетъ растирать себя лерцовою настойкой. Предсказываютъ что со временемъ она сдѣлается лучшимъ юристомъ въ Л.

НИКИТА КОЧАНОВСКІЙ.

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА

СЪ ПОХОДА 1877 И 1878 ГОДА *

XXV.

Ловча, 1го января 1878 года.

Какъ дивны пути провидѣнія Божія! Могъ ли я когда-нибудь думать что мнѣ придется встрѣчать Новый Годъ гдѣ же? за Дунаемъ, въ Болгаріи, въ Балканскихъ предгорьяхъ, въ Ловчѣ? Какъ ни хорошо я зналъ когда-то всеобщую географію, но, признаюсь откровенно, о существованіи на земномъ шарѣ какой-нибудь Плевны, Ловчи я и лоятія не имѣлъ; а теперь Господь благословилъ все это видѣть, вездѣ побывать... Мы уже въ походѣ и сдѣлали три порядочные перехода; будь это лѣтомъ, тутъ бы, кажется, увидалъ настоящій рай земной: что за мѣстоположенія, что за чудные виды во всѣ стороны, куда ни глянь... Но подъ свѣжнымъ пологомъ все это сурово, дико, безжизненно, какъ-то досадно-непріятно...

Выступили мы изъ Трестенка-Семерета раннимъ утромъ, 28го декабря, какъ назначено было по маршруту. Наканунѣ выступленія морозъ держался еще порядочный, но въ ночь на 28е число сдѣлалась оттепель и сталъ моросить дождь-не

---

* См. *Русск. Вѣсти.* № 2 и 6.

дождь съ гололедицей,—значить и тутъ дѣйствуетъ примѣта что какъ только войска въ походѣ, такъ и дождь... Нахлобучилъ я свой кожанъ, надѣлъ башлыкъ, длинные салюги, взялъ неизмѣнную слутлицу, люблинскую палку, и маршъ впередъ... Не знаю что неудобнѣе: идти ли по гололедицѣ, постоянно скользя во всѣ стороны съ оласностію уласть и смодать себѣ руку или ногу, чему у насъ бывали уже примѣры, или описывать подобнаго рода лутешествіе? Какъ ни старайся, а тѣхъ ощущеній которыя приходилось испытывать не передашь. Не дай тебѣ Богъ никогда въ жизни слытаты на себѣ что значить идти лѣшкомъ нѣсколько верстъ по страшной гололедицѣ, подъ мелкимъ дождикомъ, калца котораго сейчасъ же застываютъ у тебя и на одеждѣ, и на лицѣ, образуя тонкую ледяную кожуцу, когда съ нависшихъ краевъ кожанаго башлыка предъ самыми глазами его образуются ледяныя сосульки, какъ бываетъ съ крыши около оконъ или надъ окнами... А я подъ такимъ дождикомъ, съ такими сосульками, шагаль себѣ цѣлыхъ пять верстъ отъ Трестеника до Петрополя, да еще лѣлъ дорогой... У меня есть какое-то непреодолимое желаніе уходить впередъ совершенно одному. Среди безмолвія, подъ широкими окраинами горизонта мнѣ какъ-то дышется шире, свободнѣе. Я слытываю невыразимое спокойствіе, наслажденіе, и люю себѣ, люю *Богоси моаму, донде же есмь*... Какъ только наши собираются въ луть, я ужу впередъ, и пока они меня договятъ, услѣю пройти нѣсколько верстъ; слутлики мнѣ не пріятны, тутъ вся сила именно въ безлюдьи, въ непосредственномъ общеніи съ природою и Богомъ!..

Въ Петрополѣ я зашелъ на могилу Лихачева, Манассеина, Таракевича и другихъ товарищей, поклонился, помолился, прочиталъ: *со святыми упокой*, и съ невыразимо грустными чувствами побрелъ дальше... Прощайте товарищи-страдальцы! Никогда уже моя нога не посѣтитъ болѣе вашей братской могилы, и только душою я буду часто прилетать къ вамъ, гостать у васъ, молиться за васъ... На вашей скорбной могилѣ даю завѣтъ предъ Богомъ никогда не забывать васъ предъ престоломъ Божиимъ! Побрелъ дальше. Вотъ мѣсто гдѣ былъ перевязочный пунктъ, гдѣ работали Свицаревскій и Красный Крестъ, вотъ мѣсто бивуаковъ нашей бригады; сколько воспоминаній, сколько пережито здѣсь и радостей, и горя, и удовольствій, и огорченій, а теперь голый лустыръ, обломки землявокъ, какой-то страшный хаосъ...

И отъ Коланой Могилы
 Вивуакъ до половины
 Пустыннымъ снѣгомъ замело...

А вотъ и она страшная „Коланая Могила“... Прощайте братскія могилы героевъ, лавшихъ на полѣ кровавой битвы!.. Земля Русская не забудетъ вашихъ подвиговъ, вашей кровавой жертвы принесенной отечеству...

Къ полудню небо прояснилось, выглянуло даже солнышко и сдѣлалось такъ тепло что на дорогѣ показались проталинки... Замѣчательно: видъ поля битвы даже чрезъ мѣсяцъ все еще представлялъ много грустныхъ оставковъ... Софійское шоссе около моста черезъ Видъ по сю и по ту сторону, благодаря оттепели, оттаяло и буквально вымощено лугами и гильзами патротовъ, шагу нельзя ступить безъ того чтобы не поласть ногой на свинцовую подстилку. На другой сторонѣ Вида, около шоссе, и теперь еще валяются цѣлые скирды цѣпковыхъ ящичковъ съ турецкими патронами; и откуда только они ихъ брали? неизвѣстно сколько у нихъ было боевыхъ снарядовъ!..

Плевна—небольшой и невзрачный полу-турецкій, полу-болгарскій городишко; улицы тѣсны, кривы, грязны... Хозяева-Болгары принимаютъ насъ чрезвычайно радушно; они знаютъ что наша именно дивизія бьдась въ послѣдній разъ съ Османомъ и сломала его силу; поэтому всѣ проходящія части нашей дивизіи они принимаютъ и принимаютъ весьма приветливо. Хозяинъ нашей квартиры, очень умный и образованный по-своему Болгаринъ, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ, просидѣлъ съ нами цѣлый вечеръ и много разказывалъ о своемъ положеніи во время лятимѣсячной осады... Разказывали что Османъ на все время осады поставилъ около Плевны густую цѣпь карауловъ и не позволялъ своимъ солдатамъ входить въ городъ и обижать жителей; вообще Болгары отзываются о немъ какъ о человѣкѣ добромъ и великодушномъ... Между разговорами, хозяинъ сообщалъ намъ что Болгары еще со временъ императрицы Екатерины Великой не переставали вѣрить что Россія рано или поздно непременно освободитъ ихъ отъ турецкаго ига, это обратилось у нихъ въ народное повѣрье, и послѣ всякой нашей войны съ Турціей, даже послѣ несчастной осады Силистрии въ 1854 году, они не теряли никогда своей заветной надежды на братьевъ-Русскихъ; теперь, въ настоящую

войну, несмотря на первыя наши неудачи подъ Плевной, они твердо убѣждены и несомнѣнно вѣрятъ что часъ ихъ освобожденія скоро пробьетъ...

На другой день (29 декабря) въ Плевнѣ съ ранняго утра сдѣлалось необыкновенное народное движеніе: Болгары, и мужчины, и женщины, и дѣти, въ праздничныхъ одеждахъ высылали на улицы и что-то громко, восторженно сообщаютъ другъ другу; чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того на церковной колокольнѣ заколотили въ церковное било (чугунная доска вмѣсто колоколовъ, которыхъ Турки не позволяли Болгарамъ употреблять для церковнаго благовѣста). Что такое случилось? Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ нашъ хозяинъ до того взволнованный что на глазахъ у него слезы. Что съ вами? спрашиваемъ.—„Шибку, Шибку взяли, армія турецкая въ лѣвнѣ“, кричитъ онъ восторженно и бросается обнимать и цѣловать насъ. „Комедантъ получилъ телеграмму и сейчасъ въ нашей церкви будетъ молебенъ.“ Я не медля ни минуты любѣжалъ къ комеданту, генералу Столыпицу, и онъ былъ настолько любезенъ что прочиталъ мнѣ подписанную телеграмму, извѣщавшую что шибкинская турецкая армія 28го декабря совершенно разбита и остатки ея въ числѣ 24 тысячъ положили оружіе. Радость и ликование здѣсь неописанныя! Несмотря на то что у насъ все уже готово было къ выступленію, мы пошли въ церковь. Плевненская церковь одна изъ древнѣйшихъ въ Болгаріи, и мнѣ чрезвычайно понравился величественный рѣзной иконостасъ изъ орѣхового дерева съ позолотой. По окончаніи торжественнаго молебна, при всеобщемъ народномъ ликованіи, мы выступили изъ Плевны, провожаемые душевными пожеланіями ликующихъ Болгаръ. 28 ноября и 28 декабря 1877 года составятъ свѣтлыя страницы въ русской военной исторіи!

Переходъ отъ Плевны до деревни Сѣтово былъ очень трудный, что называется съ горки на горку. Отъ вчерашней оттепели снѣгъ пролитался водою, а его въ глубокихъ оврагахъ навалило много, такъ что наши тяжелыя дивейки рѣзали дорогу до грунта; слустамся въ оврагъ, въ долину—тепло, прѣтальцы, даже ручьи; лодыместя на гору—холодный, рѣзкій вѣтеръ и морозъ, подъ ногами шуршитъ. Всѣ вершины окрестныхъ горъ на нѣсколько веретъ усыяны турецкими и нашими редутами и травшеями, когда-то грозными и страшными. Сколько здѣсь положено труда, чтобы все это выке-

пять, нагромоздить; а сколько здѣсь полегло турецкой и русской силы?..

Какъ жаль что мы путешествуемъ зимою,—весь эффектъ пропадаетъ; а должно-быть лѣтомъ тутъ истинное очарованіе: съ каждымъ переходомъ окрестные виды и ландшафты становятся все прелестнѣе, грандіознѣе. Деревушка Сѣтово пріютилась на склонахъ большой горы покрытой лѣсомъ, и бѣленькіе домики ея разбросаны между садами и виноградниками, какъ будто дачи; землянки здѣсь ни одной, лѣсу много, поля превосходныя и довольство замѣтно во всемъ. Удивительно, какъ богата эта благословенная Богомъ страна, вотъ ужъ истинная житница.. Я уже писалъ тебѣ что цѣлыхъ два мѣсяца проведенныхъ нами около Плевны мы не имѣли недостатка въ фуражѣ, и если въ концѣ этого времени намъ угрожало почти бѣдствіе, то это вовсе не потому что страна истощилась въ своихъ средствахъ, что негдѣ было достать, а совершенно по другимъ причинамъ, отъ богатства страны ни мало не зависящимъ. Цѣлая трехсотъ-тысячная армія съ многочисленною кавалеріей, артиллеріей, со своими обозами, ларками и всяческими транспортами, въ теченіе семи мѣсяцевъ находила себѣ продовольствіе исключительно въ мѣстныхъ средствахъ и запасахъ страны. Изъ-за Дуная не доставлено ни одного вола, ни одного клочка сѣна такъ какъ въ этомъ не представлялось никакой надобности, и будь наша администрація хоть немножко предусмотрительнѣе, повѣрьте, ни одна часть нашей арміи не испытала бы здѣсь никакихъ лишеній и недостатковъ въ продовольствіи. Доказательствомъ можетъ служить эта самая деревушка Сѣтово и ближайшая къ ней Ново-Село, лежащая около шоссеиной дороги изъ Плевны въ Ловчу. Несмотря на то что со времени взятія нами Ловчи (22 авг.) по этому шоссе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ постоянно передвигались разныя части нашей арміи, безъ сомнѣнія нуждавшіяся въ продовольствіи, въ этой деревушкѣ мы еще въ концѣ декабря застали нетронутыми цѣлые стоги джменя и пшеницы, а также достаточное количество рогатаго скота; а деревни лежащая вглубь страны, въ Баканахъ, имѣютъ еще большіе запасы продовольствія.. Многие укоряютъ Болгаръ въ томъ что они припрятали отъ насъ свои продовольственные запасы. Укоризны эти совершенно несправедливы: если съ Болгарами обходиться ласково, исправно вылачивать стоимость забираемыхъ продуктовъ

звонкою монетою, а не бумажными квитанціями, съ которыми они не знаютъ что дѣлать, то у нихъ всегда можно было достать по крайней мѣрѣ самые важные продукты продовольствія—муку и мясо.

Въ Ловчу мы пришли рано, къ обѣду 30 декабря. Городокъ очень хорошенькій, есть даже настоящіе европейскіе каменные дома и оригинальный крытый мостъ черезъ рѣчку Осму. При входѣ въ городъ, въ предмѣстьи, поставлены триумфальная ворота обвитыя дубовыми и миртовыми листьями съ разноцвѣтными флагами и надписью: *Да живѣтъ Царь Александръ II Освободитель Болгаріи*. Это очень эффектно и пріятно для нашего патріотическаго чувства. Пробѣжавъ съ полверсты по первой городской улицѣ, мы повернули направо и очутились подъ высокою, длинною, досчатою крышей въ какой-то полусвѣтлой галлерей; по обѣимъ сторонамъ тянутся сплошныя лавочки съ разложенными и развѣшанными товарами, — это мѣстный гостиный дворъ. Засмотрѣвшись на разныя лавочныя диковинки и медленно подвигаясь впередъ, мы незамѣтно переѣхали черезъ мостъ, по сторонамъ котораго непрерывно тянутся такія же лавки и та же высокая досчатая крыша; каждая лавочка имѣетъ свое оконце, выходящее на рѣчку, и этими оконцами освѣщается вся галлерей идущая черезъ мостъ,—все это очень оригинально. Хозяева - Болгары приняли насъ такъ же радушно какъ и въ Плевнѣ, предложили намъ обѣдъ, вино, отличную постель, а на другой день приготовили для насъ домашнюю баню. Замѣчательно удобны эти бани: онѣ устраиваются въ каждомъ почти домѣ въ комнатахъ. Нужно тебѣ знать что устройство домовъ и расположеніе комнатъ у Болгаръ совсемъ не такое какъ у насъ; въ большинствѣ случаевъ болгарскіе дома располагаются такъ: прямо съ лѣстницы ходишь въ большія, свѣтлыя сѣни замыкающія собой наши залы; изъ этихъ сѣней, судя по обширности дома, идутъ нѣсколько дверей въ жилыя комнаты, а гостиная устраивается нѣсколько повыше этихъ комнатъ, такъ что изъ сѣней или залы при входѣ въ нее нужно подняться на одну или двѣ ступеньки. Въ одной изъ жилыхъ комнатъ, по преимуществу въ спальнѣ, устраивается домашняя баня: отдѣляется маленькая каморка аршина два съ половиной въ квадратъ, съ окобою въ нее дверь; здѣсь располагаются всѣ принадлежности настоящей бани: въ стѣну вѣданы два небольшие ко-

тезка для теплой и холодной воды, сдѣлана ступенька для сидѣнья и на ней тазы и ковшики для черпанія воды; нагрѣваются эти баньки снизу или изъ кухни, или, если домъ одноэтажный, то изъ очага устроеннаго въ сѣняхъ; тутъ двѣ выгоды: одною толкой готовится и обѣдъ, и нагрѣвается баня, въ которой поэтому можно мыться хоть каждый день; вода изъ бани стекаетъ по трубѣ ввысь въ кухню, въ особый чанъ и, какъ мыльная и горячая, употребляется для стирки грязнаго бѣлья, мытья половъ и проч. Отъ этого въ болгарскихъ домахъ необыкновенная чистота,—полы какъ стеклышко; бѣлье на Болгарахъ постоянно свѣжее, чистое, либо поглядѣть, и всѣ эти житейскія удобства даетъ баня, устроенная, такъ-сказать, подъ бокомъ; не правда ли какъ это практично, удобно и вмѣстѣ оригинально.

Цѣлый день (31 дек.) мы бродили по городскимъ закоулкамъ; очень долго пробыли въ висячемъ гостиниомъ ряду, рассматривали и любовались турецкими товарами, особенно дамскими нарядами, очень дорогими и роскошными. Нужно тебѣ сказать что по маршруту мы должны были встрѣчать Новый Годъ не въ Ловчѣ, а въ деревушкѣ Кокрино, между Ловчей и Сельви; но благодаря тому обстоятельству что наша артиллерія (три батареи) не въ состояннн была въ одинъ день подняться на громадную Ловчинскую гору, мы остановились здѣсь на цѣлыхъ три дня, что и даетъ мнѣ возможность поговориться съ тобой, сколько моей душѣ угодно... Даже не знаемъ троемъ ли мы завтра, потому что артиллерія и сегодня едва ли успеетъ вскарабкаться на верхушку горы. Замѣчательна эта гора: огромною скалою повисла она надъ городомъ и по крутымъ ея ребрамъ извѣчено шоссе, такъ что съ одной стороны дороги — глубокая проласть, съ другой — нависшая скала. Видъ съ этой горы на далекія окрестности и на самый полуразрушенный городъ съ его четырнадцатью минаретами замѣчательно хорошъ и грандіозенъ...

Встрѣчали мы Новый Годъ очень тихо, одиноко и грустно... Мой дорогой А. Изъ-чъ и въ походѣ колтитъ надъ своими бумагами... До одиннадцати часовъ мы оба сидѣли и писали: онъ свои донесенія и представленія, а я это письмо и завѣтный дневникъ, въ которомъ ты когда-нибудь прочтешь курioзныя сцены изъ внутренней жизни нашего лазарета... Когда сталъ приближаться урочный моментъ наступленія Нового Года, я наполнилъ двѣ рюмки портвейну и, дождав-

шись этого момента, громко произнесъ: поздравляю васъ А. Ив—чъ съ наступившимъ Новымъ Годомъ!.. Онъ такъ былъ углубленъ въ свою работу что ничего не замѣтилъ, и когда услышалъ мое поздравленіе, то минуты двѣ какъ будто ничего не могъ сообразить, потомъ безмолвно, тихо приподнялся со своего мѣста, взялъ рюмку, мы чокнулись, выпили, обняли другъ друга, у обоихъ на глазахъ слезы, и также безмолвно привалились каждый за свою работу...

Сегодня я былъ у обѣдни въ болгарской церкви; служилъ одинъ молодой священникъ и ужасно луталъ; между тѣмъ въ алтарѣ стояли, не участвуя въ службѣ, болѣе десяти священниковъ. Болгары и особенно Болгарки, по укореившемуся у нихъ обычаю, на минуту входили въ церковь, ставили свою тоненькую желтую свѣчку и сейчасъ же удалялись изъ церкви; одни только наши солдаты стояли неподвижно, какъ слѣдуетъ; замѣтивъ что въ церкви стоятъ всѣ наши лѣвчѣ, я, переговоривъ сначала со священникомъ подвижнаго лазарета 3й лѣхотной дивизіи, приказалъ имъ стать на клиросъ и начать лѣвнѣ съ Херувимской лѣсви. Наступила минута, раздался стройный аккордъ, зазвенѣлъ нашъ Тамберликъ, * и въ церкви мгновенно водворилась тишина; бродившіе по церкви Болгары и Болгарки какъ будто прикипѣли къ мѣсту, и нужно было видѣть съ какимъ удивленіемъ, а потомъ съ какимъ замѣтнымъ удовольствіемъ вслушивались они въ гармоническое лѣвнѣ, какъ будто не вѣря своимъ ушамъ. Къ концу обѣдни церковь была полна до тѣсноты и всѣ стояли какъ вкопанные... Чтò значить церковное лѣвнѣ! Какое оно имѣетъ громадное значеніе въ религіозно-народной жизни!.. По окончаніи обѣдни священникъ 3й дивизіи отслужилъ обычный молебень съ многолѣтіемъ нашему Царствующему Дому и нашему побѣдосному воинству. Въ продолженіе обѣдни и молебна я стоялъ въ алтарѣ и смотрѣлъ на братушекъ о Христѣ, болгарскихъ священниковъ... Вотъ и не желалъ бы осуждать, да невозможно; ихъ поведеніе во святомъ алтарѣ, у престола Божія, во время совершенія величайшаго таинства, было болѣе нежели предосудительно: мало того что они во все время совер-

* Рядовой 11го гренадерскаго Фанагорійскаго полка Шебеловъ—превосходный теноръ. Прозваніе Тамберлика получалъ отъ начальника дивизіи.

шенія литургіи бродили по алтарю, громко разговаривали, даже ссорились между собою, спорили о чемъ-то съ видимымъ азартомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то что въ глазахъ ихъ совершалось на престолѣ Божіемъ, одинъ изъ нихъ довольно уже пожилой, по окончаніи литургіи, въ то время какъ литургисавшій священникъ лотреблялъ на жертвенникѣ Св. Дары, преспокойно тутъ же въ алтарѣ надѣлъ свою баранью шалку. Это окончательно возмутило насъ со священникомъ 3й дивизіи, и мы, подойдя къ священнику, не могли не замѣтить ему неприличіе его поступка... Но „со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ“. У Болгаръ все это допускается и потому никого не возмущаетъ... Оказалось что во время обѣдни нѣкоторые изъ Болгаръ стояли въ церкви имѣя на головахъ турецкія фески, а по окончаніи богослуженія тутъ же въ церкви многіе лондаживали шалки...

По возвращеніи изъ церкви хозяева наши собрались въ нашу комнату цѣлою семьей съ гостями и родственниками, катачили разныхъ угощеній, мѣстнаго болгарскаго вина, и мы провели обѣдъ очень весело, даже можно сказать шумно. Взятіе Плевны, Шибки и Софіи приводитъ Болгаръ въ неописанный восторгъ; особенно восторгаются болгарскія матроны, извѣстныя своимъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ; всѣ онѣ по большей части необыкновенно стройны, красивы, серьезны, даже строги; взглядъ у нихъ какой-то мушкетерскій, повелительный; поступь неслѣпная, величавая. За обѣдомъ присутствовала дочь нашихъ хозяевъ, только предъ началомъ войны вышедшая замужъ, это положительно красавица...

Послѣ обѣда ходили вмѣстѣ гулять, поднимались въ другой разъ на Ловчинскую гору и смотрѣли какъ втаскиваютъ на нее наши девяти-фунтовыя орудія: бѣда и коньямъ и людамъ, чистая мука; а это еще не особенно большая гора въ сравненіи съ тѣми какія намъ придется перевалывать за Габровымъ; по разказамъ нашихъ хозяевъ, хорошо знакомыхъ съ Балканами, на Шибкинскомъ перевалѣ есть два-три подъема втрое выше и круче здѣшней горы; что же тамъ будетъ съ нашими батареями, съ нашими лазаретными ливейками? А не дай Богъ настанутъ метели, горныя бураны, или льются дожди,—что тогда? Въ данную минуту погода благопріятствуетъ нашему походу: по утрамъ легкій морозъ,

отъ 6 до 10°, среди дня тепло, отапно, а къ вечеру олять морозить; еслибы не горы съ ихъ крутыми слусками и лодъемами, то при такой погодѣ можно бы дѣлать очень большіе переходы. Такъ какъ во время нашей прогулки мы лично удостовѣрились что къ вечеру всѣ артиллерійскія тяжести поднимутся на гору, то завтра предполагаемъ выступить очень рано, чтобы, не останавливаясь въ Кокрино, прямо сдѣлать переходъ до Сельви, откуда, если представится малѣйшая возможность, непремѣнно валишу, а теперь пока прощай.

XXVI.

Габрово. 8 января.

Никакая ярмарка въ мірѣ, даже наша Нижегородская, не можетъ дать о приближительнаго понятія о томъ что творится здѣсь въ этомъ укромномъ болгарскомъ городкѣ Габровѣ, куда мы прибыли еще 5 января утромъ; настоящее тутъ Вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ: ничего не разберешь, никакого толку не добьешься,—чистѣйшій хаосъ, въ которомъ всѣ кружатся, толкуются какъ въ ступѣ, какъ въ водоворотѣ. Дѣло въ томъ что послѣ взятія Шибки, 28 декабря, когда открылась возможность безопаснаго перехода черезъ Балканы, сюда устремилось все живое, все способное къ передвиженію, въ надеждѣ безпрепятственно перевалить за Балканы, по проторенной Радецкимъ дорогѣ; отъ этого всеобщаго и, къ сожалѣнію, безтолковѣйшаго *устремленія* вышло то что въ Габровѣ одновременно столпилась такая масса людей, лошадей, всевозможныхъ повозокъ, транспортовъ, ящичковъ, дивеекъ и всяческихъ тяжестей и нетяжестей что произошла невообразимая толкотня, давка, безурядица. Всѣ куда-то слѣзаться, какъ на пожаръ, всѣ двигаются впередъ, обгоняютъ другъ друга, при этомъ неистово кричатъ, ругаются, дерутся, нещадно бичуютъ несчастныхъ лошадей и буйволовъ,—и вся эта безтолковѣйшая толкотня продолжается безостановочно, день и ночь, съ самаго Шибкинскаго погрома. Кто распоряжается всюю этою безтолковщиной — разобрать трудно... Высшее начальство перебралось въ Казанлыкъ и оттуда шлетъ приказъ за приказомъ о немедленномъ движеніи за Балканы. Кромѣ нашего гренадерскаго корпуса, здѣсь въ

Габровъ сосредоточены были всѣ тяжести нѣсколькихъ пѣхотныхъ дивизій, стрѣлковыхъ и артиллерійскихъ бригадъ, всѣ дивизионныя лазареты, артиллерійскіе парки, вольнонаемные транспорты, и всѣ эти части одновременно получили приказаніе двигаться какъ можно скорѣй; ну, и двинулись, и загромодили горный перевалъ. Безурядицу увеличила еще масса Болгаръ-бѣженцевъ, которые слѣдуютъ теперь за Балканы,—кто въ Казанлыкъ, кто въ Ески-Загру или по деревнямъ,—одни съ желаніемъ поскорѣе возвратиться на свои родныя лелелища; другіе—съ надеждой поживиться чѣмъ-нибудь въ турецкихъ деревняхъ покинутыхъ жителями. Этихъ бѣженцевъ-Болгаръ мы въ первый разъ увидѣли въ большомъ количествѣ на переходѣ отъ Сельви къ Габрову; встрѣчались группы очень красивыя, интересныя, но большинство представляетъ изъ себя печальную картину; многіе ѣдутъ на выючныхъ лошадяхъ, нѣкоторые въ уродливыхъ каруцахъ запряженныхъ буйволами, большинство же идетъ пѣшкомъ, и рѣдкое семейство имѣетъ одного-двухъ навьюченныхъ ословъ; между выюками видѣются корзинки съ малыи дѣтьми, которыя по дорогѣ поднимаютъ надрывающій душу крикъ.... Длинною, почти непрерывною веревцею тянутся эти бѣженцы по обѣимъ сторонамъ Ловчанскаго шоссе и увеличиваютъ собою и безъ того огромное количество желающихъ перебраться за Балканы. Такъ добрались мы до Габрова и были поражены представившимся зрѣлищемъ. Габрово лежитъ совершенно такъ же какъ и Ловча, между огромными горами окружающими его со всѣхъ сторонъ, и только на сѣверъ къ Тырнову разстилается довольно обширная и красивая долина. Отъ деревни Дрогайлицы, гдѣ мы имѣли послѣдній ночлегъ съ 4 на 5 января, дорога весьма замѣтно поднимается все выше и выше, среди причудливыхъ очертаній горныхъ краевъ покрытыхъ густымъ лѣсомъ, и наконецъ скалистыми обрывомъ, страшною крутизной спускается въ Габровскую долину. Когда мы взобрались на самую высшую точку дороги, надъ самымъ спускомъ, предъ нами открылась дѣйствительно необычайная картина, какой-то волшебный калейдоскопъ: направо видѣется узкое ущелье обрамленное и спертое громадными скалами; изъ этого ущелья бѣшено вырывается горная рѣчка Явтра и уступами, каскадами перерѣзываетъ полодямъ красивый городокъ, образуя какъ разъ въ его центрѣ великолѣпный водопадъ, шумъ котораго мы слышали еще съ

вершины Ловчинскаго спуска. И въ самомъ ущельи, насколько его видно было съ горы, и въ самомъ городѣ, и на всей обширной долинѣ необычайное движеніе, шумъ, гамъ, стукотня, пронзительный и отвратительный крикъ ословъ, глухое мычаніе буйволловъ, неясный говоръ нѣсколькихъ тысячъ людей и надо всѣмъ этимъ заглушающіе все перекаты бурнаго водопада.... Мы долго стояли на вершинѣ спуска и не могли оторвать глазъ отъ этой чудной, поразительной картины, вдругъ совершенно неожиданно открывшейся предъ нами...

Благодаря только тому обстоятельству что Ал. Ивановичъ не остался съ нами ночевать въ Дрогайлицахъ, а уѣхалъ впередъ въ Габрово, мы имѣли возможность поласть со своими повозками въ городъ; онъ услѣлъ уже всѣмъ распорядиться, и намъ не только дали пропускъ на проѣздъ въ городъ, но и всѣмъ намъ отвели очень удобныя квартиры; обозъ же нашъ и лазаретныя ливейки остались въ долинѣ, верстахъ въ двухъ отъ города. Размѣстившись и отдохнувъ немного мы пошли осматривать городъ и искать мѣста гдѣ бы можно было пообѣдать. Смотримъ: движеніе по городу прекратилось; на мосту черезъ Янтру, ниже водопада, поставлены рогатки и вооруженные часовые; мѣстные жители, Болгары, всѣ отъ мала до велика высыпали на улицу и что-то между собою необыкновенно оживленно, восторженно трактуютъ, повторяя безпрестанно: Түрекъ, Түрекы!.. Что бы это значило? Завидѣвъ помощника габровскаго окружнаго начальника, который отводилъ намъ квартиры, обращаемся къ нему съ вопросомъ, и онъ намъ объяснилъ что сейчасъ будетъ проходить чрезъ городъ огромная партія (6.000 чел.) турецкихъ солдатъ, взятыхъ въ лѣвъ 28го декабря подъ Шибкой. Дѣйствительно, скоро послышались веселые мотивы какой-то болгарской лѣсви, звуки какого-то неизвѣстнаго намъ инструмента, и изъ-за поворота большой улицы показались: впереди ѣдущій русскій офицеръ въ болгарской олоаченской шалкѣ, за нимъ человекъ шесть конныхъ Болгаръ тоже въ олоаченской одеждѣ, далѣе—лѣвшій конвой изъ болгарскихъ ратниковъ (юнаки), восторженно расливающимъ какую-то лѣсвию, и наконецъ, густыя массы лѣвннхъ Турокъ... Болгары ведутъ подъ конвоемъ Турокъ. Явленіе не бывающее!.. Можете себѣ представить восторгъ Болгаръ. Двѣ недѣли то-

му назадъ Турки были повелителями, господами, а теперь—
лаиваики и еще подъ конвоемъ своихъ недавнихъ рабовъ...

Глубоко жалю что непредвидѣнные обстоятельства случившіяся во внутренней жизни нашего лазарета помѣшали мнѣ пойти въ церковь въ такой великій праздникъ, какъ Крещеніе Господне. Только изъ оконъ нашей квартиры я смотрѣлъ на крестный ходъ болгарскаго духовенства на Иорданъ (Янтру). Погода была отвратительная, падалъ мокрый снѣгъ пополамъ съ дождемъ. Въ крестномъ ходѣ ни порядка, ни благообразія; какой-то мальчишка въ шалкѣ выстулалъ впереди всѣхъ съ большою книгой въ рукахъ и выкрикивалъ: *гласъ Господень на водахъ вопіетъ, глаголю*, — за нимъ нѣсколько священниковъ въ крайнемъ безпорядкѣ, а одинъ изъ нихъ, уже ложилой, въ ризахъ, съ Евангеліемъ въ рукахъ, далеко отсталъ отъ прочихъ и шелъ среди толпы женщинъ, съ которыми съ видимымъ увлеченіемъ о чемъ-то разговаривалъ....

Обѣдаемъ мы въ отвратительной *якобы* гостиницѣ подъ громкимъ титуломъ: „Шибка“, открытой и содержимой, конечно, Евреями, которыхъ набилось сюда видимо-невидимо. Ни единого русскаго торговаго человѣка, ни единого Румына или Нѣмца. Въ Шибкѣ ежедневно мы встрѣчаемъ офицеровъ пріѣзжающихъ съ перевала для обѣда и разныхъ локулокъ и узнаемъ отъ нихъ что дѣлается на перевалѣ. Нужно тебѣ 'узнать что отъ Габрова до деревни Шибки (на той сторонѣ перевала) всего только 22 версты: изъ нихъ восемь верстъ идутъ по ущелью Янтры, на девять верстъ поднимается зигзагами самый перевалъ, съ пятью постепенными, громадными подъемами, и остальные пять верстъ спускъ, который, по словамъ разкащиковъ, труднѣе самаго подъема. На всемъ этомъ 22хъ-верстовомъ протяженіи стоитъ непрерывная веревница повозокъ, батарей, патронныхъ ящичковъ и разныхъ военныхъ и невоенныхъ колесницъ чающихъ движенія; въ ущельи до подъема эти посудины стоятъ въ нѣсколько рядовъ по обѣимъ сторонамъ Янтры; на самомъ же перевалѣ онѣ вытянулись гуськомъ, составляя изъ себя непрерывную вить до самаго спуска, а на спускѣ сѣзжаютъ или вѣрнѣе спускаютъ внизъ только по одной посудинѣ и то на разстояніи не менѣе ста шаговъ, изъ боязни чтобы не налетѣла одна на другую, такъ какъ спускаютъ не на лошадяхъ, а на людяхъ, на ямкахъ. Операция эта очень медленна и

опасна: не дай Богъ не удержать какую-нибудь 9ти-фунтовую пушку или тяжелый патронный ящикъ: все это полетитъ въ пропасть, увлекая съ собою и людей; было уже нѣсколько несчастныхъ случаевъ... Такимъ образомъ, какъ только спустятъ одну повозку или пушку не менѣе какъ на сто шаговъ, на ея мѣсто становится слѣдующая, очередная, и вся девятиверстная сплошная нить подвинется на разстояніе одной повозки и опять стоитъ полчаса, ожидая слѣдующаго передвиженія на такое же разстояніе... Вслѣдствіе подобнаго способа передвиженія, наши Сибирцы, выступивъ изъ Габрова еще 4го числа, въ теченіе трехъ сутокъ успѣли пройти только ущелье и двѣ версты перевала; за ними на первомъ подъемѣ стоятъ Малороссійцы, а Суворовцы и Астраханцы еще въ ущельи, у подошвы перевала; въ этомъ ущельи, вслѣдствіе оттепели, масса людей и лошадей разбила невылазную грязь, съ глубокими ямами, въ которой по необходимости по нѣскольку часовъ, а то и сутокъ, стоятъ несчастные люди и кони; вдругъ наступаетъ морозъ, колеса тяжелыхъ повозокъ замерзаютъ въ глубокой грязи такъ что ихъ приходится вырубать... Между тѣмъ на вершинахъ перевала морозы доходятъ до 15—17 и болѣе градусовъ и часто бушуютъ горныя бури; каждое валетающее облако сылетъ изъ себя массу густаго снѣга и закрываетъ дорогу, засыпаетъ телеги выше колесъ, и для расчистки всего этого посылаютъ за цѣлымъ баталіономъ Серлуховскаго полка, который для этой цѣли снабженъ лопатами и другими разгребательными орудіями...

Вчера, 7го числа, на перевалѣ случилось огромное бѣдствіе, которое еще болѣе замедлитъ общее движеніе: въ праздникъ Крещенія Господня и въ ущельи, и на перевалѣ была оттепель, валилъ мокрый, густой снѣгъ пололамъ съ дождемъ; но къ вечеру стало сильно морозить. Обозныя и артиллерійскія лошади, простоявшія цѣлый день въ упряжкѣ, подъ дождемъ, двое сутокъ уже ничего не ѣвшія (по маршруту назначено было на переходъ Шибкинскаго перевала два дня, почему и фуража было взято каждою частью только на два дня), къ полвочи, при усилившемся морозѣ съ пронзительнымъ вѣтромъ, стали обмерзать, и не будучи ничѣмъ прикрыты, стали покрываться тонкимъ слоемъ льда, а къ утру и совсѣмъ валиться, замерзать... Какъ великъ былъ холодъ можно судить по тому что въ одну эту заполуночную ночь въ обозахъ на-

шей бригады и въ двухъ нашихъ батареяхъ замерзло 114 лошадей!.. Буйволы, сколько ихъ было въ этихъ частяхъ, погубилъ всѣ до одного!.. Благодареніе Богу, люди не пострадали особенно: замерзъ только одинъ обозный и человекъ сорокъ обморозились. Спасеніемъ послужили землянки оставшіяся послѣ безсмертныхъ защитниковъ Шибку, героевъ 14й пѣхотной дивизіи и знаменитой 4й стрѣлковой бригады. Этотъ страшный урокъ заставилъ командировъ частей прислать сюда въ Габрово всѣхъ остальныхъ лошадей для прокормленія и сбереженія ихъ въ закрытыхъ стойлахъ по дворамъ, такъ какъ движенія впередъ не предвидится еще въ теченіе нѣсколькихъ дней. Не знаю какъ прошла эта ужасная ночь во 2й гренадерской дивизіи, полки которой стоятъ на самыхъ высшихъ точкахъ перевала; безъ сомнѣнія и тамъ не безъ потерь; слышалъ только что въ 6й батареѣ 2й гренадерской артиллерійской бригады нѣсколько орудій и зарядныхъ ящичковъ засыпаны снѣгомъ, такъ что изъ сугробовъ виднѣются одни только вверхъ поднятыя дышла, — ни колесъ, ни орудій, ни ящичковъ, ничего не видно, все завесено громаднымъ снѣжнымъ сугробомъ.

Между тѣмъ здѣсь получены достовѣрныя извѣстія что Турко разбилъ армію Сулеймана, занялъ уже Фициллополь и двигается форсированнымъ маршемъ къ Адрианополю. Изъ Казаньки извѣщаютъ что Скобелевъ полетѣлъ также къ Адрианополю, на перерѣзъ бѣгущимъ туда остаткамъ Сулеймановской арміи, — а ты помни что это послѣдняя турецкая армія, и пока мы переполземъ какъ черепахи черезъ Шибку, не останется, пожалуй, съ кѣмъ и воевать, не придется значить и участвовать въ дѣлахъ, чего всѣ пламенно желаютъ отъ генерала до послѣдняго солдата.

Габрово оказывается большой и красивый городокъ, есть дома весьма обширные и европейской архитектуры, таковъ домъ занятый нашимъ военно-временнымъ госпиталемъ, въ которомъ помѣщается множество равныхъ шибкинскихъ героевъ; есть здѣсь значительный складъ Краснаго Креста, и старый нашъ знакомый князь Накшидзе работаетъ тутъ съ такою же неустанною энергіей какъ и у насъ въ Трестеникѣ послѣ Плевны. Кажется еще изъ Яссы я писалъ тебѣ о томъ неблагоприятномъ впечатлѣніи какое произвели на меня встрѣченныя намъ наши русскія сестры милосердія; теперь беру свое слово назадъ и готовъ предъ лицомъ всѣхъ сестеръ

просить у нихъ публичнаго извиненія за неосторожно брошенное въ нихъ слово укоризны. И въ Плевнѣ, и въ Ловчѣ, и здѣсь въ Габровѣ я познакомился со многими изъ нихъ, разспрашивалъ, наблюдаалъ, слушалъ разказы нашихъ офицеровъ возвратившихся въ полки по выздоровленію отъ ранъ и болѣзней,—ездѣ и ото всѣхъ безъ исключенія я слышалъ самые лестные отзывы о ихъ высокомъ самоотверженіи; а солдаты, гдѣ только ни заговорилъ съ ними о сестрахъ милосердія, положительно не могутъ произнести этого дорогаго для нихъ имени безъ самыхъ искреннихъ слезъ безпредѣльной благодарности! По словамъ солдатъ, ни жена, ни мать родная не сумѣли бы такъ ухаживать за своими какъ эти сестры за чужими. Былъ я въ здѣшнемъ женскомъ монастырѣ, гдѣ помѣщаются нѣсколько нашихъ сестеръ; монахини и ихъ достойная матушка игуменья точно также не могутъ говорить о нихъ безъ слезъ.

„Русція жѣны, о!“ и при этихъ словахъ растроганная Болгарка одною рукою утираютъ слезы, а другою показываютъ въ небо, какъ бы желая этимъ жестомъ указать гдѣ будетъ истинная оцѣнка и награда высокимъ подвигамъ русскихъ женщинъ, самоотверженно покинувшихъ отечество, семью, родныхъ, и для чего, по какимъ побужденіямъ?... Да, русская женщина въ лицѣ сестеръ милосердія воздвигла себя на поляхъ Болгаріи несокрушимый памятникъ!...

Р. S. Хотѣлось бы кончить, но не могу переспать себя, не могу удержаться: все хотѣлъ бы передать тебѣ, все что видѣлъ, слышалъ, узналъ... Ну какъ, напримѣръ, промолчать о такомъ оригинальномъ обычаѣ у здѣшнихъ Болгаръ: у нихъ въ домахъ не имѣется кухонныхъ печей, а только каминъ, въ которыхъ можно еще сварить супъ или мамалыгу, но ничего нельзя испечь, спечь, и вотъ для этого собственно они ухитрились устроить общественныя печи: одна изъ такихъ печей находится какъ разъ предъ окнами нашей квартиры, и каждое утро я наблюдаю какъ Болгарки съ разныхъ сторонъ приносятъ въ эту общую печь раздѣланные дома пироги, хлѣбы въ видѣ большихъ лепешекъ, потомъ сырыхъ куръ, гусей, индѣекъ и прочее, и все это печется и жарится тутъ же при нихъ въ нѣсколько минутъ. Подъ большимъ навѣсомъ или крыльцомъ устроена громадная печь устьями своими выходящая прямо на улицу;

въ одномъ углу ея постоянно льется огонь и расплелетъ внутренность такъ что на леченіе лирога, делешки, на жареніе птицы употребляется дѣйствительно нѣсколько минутъ,—не правдали что это очень оригинально? Ну, теперь ужь окончательно прощай...

XXVII.

Габрово, 10 января.

Наконецъ-то и до насъ дошла очередь: сегодня предъ обѣдомъ (въ 11, много въ 12 ч.) мы получили телеграмму о немедленномъ прибытіи въ Казань; приказано явиться туда одному личному составу врачей и полковнѣ санитаровъ, взявъ съ собою на выюкахъ хирургическія принадлежности и перевязочныя средства. Обозъ нашъ и всѣ вещи остаются здѣсь за невозможностію перетащить ихъ черезъ Балканы. Несмотря на то что подобнаго распорядженія мы ожидали съ часу на часъ,—все-таки у насъ поднялась страшная суета: бросились прежде всего покупать выюки, а ихъ во всемъ Габровѣ ни единого; добрые и болѣе насъ смѣтливые люди закупили ихъ попрежде насъ и намъ не оставили ничего,—переваливай какъ знаешь.... Послали на перевалъ спросить генерала Лашкарева: не могутъ ли пройти наши легкія офицерскія повозки? Оказалось что генералъ въ свою очередь получилъ уже телеграмму о необходимости нашего передвиженія, и сегодня весь день хлопочетъ о томъ чтобъ очистить намъ свободный проѣздъ насколько это будетъ возможно при столь затруднительномъ состояніи перевала, хотя въ то же время посовѣтовалъ взять фуража не мѣнѣе какъ на три-четыре дня.... Итакъ, съ Богомъ за Балканы! Какъ тебѣ описать настоящее мое душевное настроеніе? Мнѣ кажется, оно такое же какъ и у всѣхъ, у всѣхъ насъ, Русскихъ: пока мы слушаемъ разказы о какихъ-нибудь ужасахъ, мы волнуемся, ролщемъ, даже какъ будто малодушествуемъ; но когда дѣло доходитъ до насъ самихъ, когда эти самые ужасы представляются, такъ-сказать, предъ самымъ нашимъ носомъ, тогда съ нами повторяется малороссійская пословица: „не такъ страшенъ бѣсъ, акъ его малюють.“ Въ самомъ дѣлѣ, о комъ вы послушаете, всѣ уже за Балканами: и Гурко, и Скобелевъ, и Мирскій, и Карцевъ; значитъ и мы перейдемъ,

т. сѣлвш.

5*

непремѣнно перейдемъ; благополучно или нѣтъ — этого мы не знаемъ, но что перейдемъ—въ этомъ мы совершенно увѣрены. Будутъ конечно лишеныя, потребуются можетъ-быть жертвы, но „гдѣ дѣся рубать, тамъ и щелки летятъ“, а сдѣлаться этою щелкой, если на то будетъ воля Божія, велитъ каждому и долгъ, и совѣсть.... И такъ прощай. Жди письма изъ-за Балканъ.

Р. С. Посылки твоей все еще не получилъ, да мы и ничего не получаемъ, хотя намъ обѣщали много... Ни полшубковъ, ни валенокъ, ни шаццеваго инструмента, ничего мы не получаемъ, кромѣ единой, незаслуженной нами, милости Божіей, сохраняющей насъ среди всяческихъ бѣдъ и напастей!...

(Продолженіе будетъ.)

ПРОТОІЕРЕЙ ВАХЪ ГУРЬЕВЪ.

ЮЖНОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХVIII ВѢКА,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРАМАТИЧЕСКАЯ *

Послѣ Георгія Конисскаго особенное развитіе получила въ Кіевской Академіи лирическая поэзія и именно глѣсенная. Отъ этого времени мы имѣемъ два небольшіе сборника глѣсень: одинъ 1748 года, съ именемъ Дмитрія Михайлова Александровича, другой священника Гр. Лютеискаго, писанный около 1760 года.

Въ сборникѣ Дмитрія Александровича ** переписаны всѣ извѣстныя тогда сочиненія Автіоха Кантемира, нѣкоторые стихи Теофана Прокоповича, преимущественно свѣтскіе, стихи Ломоносова и кромѣ того помѣщены четыре новыя глѣсны неизвѣстнаго автора. Въ одной изъ нихъ авторъ такъ представляетъ юношу беречься женскаго пола:

Конверсаціи жень прилежно баюдиса
И разговоръ съ ними бѣгай, бережися...
Течеть отгуду въ душу ехидны адъ злѣйшіи,
И до сердца прохода разлитый во члены,

* См. *Русск. Вѣстн.* № 65.

** Описан. рукопис. Церковно-Арх. Муз., № 664.

Всю красоту душъ губить тотъ пламень геенны.
 Иль кратка, иль ни одна рѣчь ты съ ними буди,
 Бо и тутъ Пятоновы поджеги жгутъ уди.

То же высказывается и въ *Пѣсни свѣтской*, но уже безъ всякаго религіознаго отгѣвка.

Кто въ свѣтской жизни хочетъ счастливъ бити
 И своихъ утѣхъ не потерять,
 Тотъ не щипъ въ ней никого любити,
 Если не хочетъ воздыхати
 Убѣгай любви, какъ бы ты не астилася,
 И крѣпись, пока ты въ ней не скусилася.
 Вскоешься да позна,
 Какъ всѣ мысли позна
 Разбредутся въ слезахъ красоты.
 Порва примета рани сей безкровной
 На свою любезну частій взглядъ.
 Ахъ, отвращайся страсти сей виновной,
 Въ сладости которой будетъ ядъ.
 Ежели би очи стали ты тагкути,
 Въ самое то время надо вспоманути,
 Что сиу издевки
 Суть очей веревки.
 Рви ихъ, сколько можешь, силою всею, и проч.

Въ другихъ двухъ пѣсняхъ выражаются взаимныя чувства влюбленной пары. Молодой человѣкъ жалуется на злыхъ и ненавиставыхъ людей мѣшающихъ его счастью, и признается въ нецѣлѣнной любви къ своей милой.

За то ма ма златяся, что а часто зрю;
 Хотя имъ противно, а не утерпаю.
 Да чимъ пособить?
 Развѣ не любить?
 То мнѣ невозможно,
 Жить безъ друга тошно
 Никакъ невозможно.
 Мнѣ для такихъ заостей вѣтъ не перестать,
 А сердце крушится, не можетъ отстать.
 Хоть не будетъ доль,
 То не въ моей волѣ;
 Прямо нѣту мочи,
 Сами хотять очи
 Смотрѣть на тебя.
 Я вамъ объявляю, что сердцемъ люблю;
 Хоть презирать станешь, все то утерпаю.

Для того, что вѣрно
 Люблю безпремѣрно.
 Хоть ты не со мною,
 Но мысль и съ тобою
 Моя всегда.

Съ своей стороны милая тоже жалуется на разлуку и на разлучниковъ, вспоминаетъ часы свиданія, общается поминуть о другѣ до гробовой доски и высказываетъ надежду на счастье въ будущемъ.

Ахъ, жаль мнѣ незноскій!
 Где златое время и дни преблагія?
 Минулися часы любезни другія;
 Когда з другомъ всегда зрѣлася,
 Тогда сердцемъ веселилася,
 Печали не знала.

Теперь я бѣдна печаль всю спознала,
 Что любима друга в очахъ потеряла.
 Можетъ ли быть что горяче не зрѣти
 В свѣтѣ мнѣ милого? лучше бы уже не жити.
 Мой миленкій друже, якъ ты пребываешь?
 Якъ я умираю, про то ты не знаешь.

Фортуна злая учинила,
 Что с тобою насъ разлучила,
 Однакожь на время.
 Будь здоровъ, сердечко! я тебе не забуду:
 Одишь ты мнѣ в сердци, доколь жива буду.
 Прошу мене не забыти;
 Будемъ еще вмѣстѣ жити,
 Якъ щастье намъ послужить, и проч.

Въ сборникѣ священника Лютевскаго * мы встрѣчаемъ глѣсеню—*Не пралцай мене, драгая*, которая въ *Москаль Чаривникѣ* Котляревскаго, въ неизмѣненномъ нѣскольکو видѣ, вложена въ уста „Фивтика“ и вѣроятно была ходячею, общеизвѣстною въ XVIII вѣкѣ глѣсеню.

Есть еще любовная глѣсенка, по содержанію и тону сходная съ глѣсенками Александровича, и кантъ противъ зависти. Въ кантъ говорится о полученіи авторомъ какой-то „чести“ и о зависти къ нему со стороны сослуживцевъ. Приписывая это полученіе чести рукъ Божіей, авторъ говоритъ завистникамъ:

* При книгѣ *Lucubrations*, Ф. Прокоповича, въ библиотекѣ Киевской семинаріи.

Яжъ ли, судите, въ семь сталь виною,
 Что Онъ по власти все творить со мною?
 Тое ли ваши сердца сѣдаетъ,
 Что Онъ ко всѣмъ обще милость являетъ?
 Ахъ, какъ вы упрями,
 Разсуждайте сами!
 Не всѣми ль Онъ равно печется нами?
 Явна жъ ушь ваша зависть отсюду,
 Что вдругъ быть хотите всѣмъ сею люду;
 Толоко жъ не можно такъ тому статься,
 Лучше съ тѣмъ налогомъ вамъ попрощаться.
 Да жити одними
 Оброки своими;
 Единъ бо не можетъ быти двоими, и проч.

Елисаветинскій періодъ южнорусской литературы заклю-
 чимъ обзоромъ трагедокомедіи Георгія Щербачкаго *Фотій*.
 Содержаніе ея касается важнаго для Южноруссовъ вопроса
 объ отношеніи между православіемъ и католицизмомъ, олице-
 ветворявшимися въ Южноруссахъ и Полякахъ. Общая мысль
 эта получаетъ иногда живыя краски и индивидуальныя оттѣн-
 ки, благодаря присутствію въ піесѣ легендарнаго элемента и
 намековъ на современную дѣйствительность. Поэтому трагедо-
 комедія эта должна была производить въ свое время сильное
 впечатлѣніе на слушателей. Полное заглавіе ея слѣдующее:
 „Трагедокомедія, нарицаемая Фотій, то-есть о отступленіи
 западныхъ церкви отъ восточныя, учиненомъ наилучше во время
 Фотія патріарха константинопольскаго, и о отсѣченіи рым-
 лянь, яко еретиковъ, отъ общенія вѣрныхъ, дѣйствіями въ
 Академіи Кіевской представленная 1749 года, мая въ 18 день,
 пречестившимъ іеромонахомъ Георгіемъ Щербачкимъ, быв-
 шимъ на тотъ часъ учителемъ школы Пшутки“ *.

Уже самое названіе піесы трагедокомедіей и раздѣленіе ея
 на пять дѣйствій указываютъ что она составлена по подра-
 жанію трагедокомедіи Теофана Проколовича. Еще болѣе сви-
 дѣтельствуютъ объ этомъ самое содержаніе и литературныя
 приемы. Выше мы сдѣлали предположеніе что Теофанъ Про-
 коловичъ въ своей трагедокомедіи говорилъ о князѣ Влади-
 мирѣ и апостолѣ Андрѣ въ видахъ полемики съ като-
 ликами. Тѣ же лица выступаютъ изъ-за главнаго предмета и
 въ трагедокомедіи Щербачкаго, но уже съ прямою цѣлю

* Изд. въ *Трудахъ Кіев. Дух. Академіи*, за декабрь, 1877-года.

утвердить православіе и обличить Латинявъ. Сходство между обѣими трагедокомедіями простирается даже и на нѣкоторыя частности. Въ трагедокомедіи Феофана Проколовича князь Владиміръ высылаетъ своихъ дѣтей, совѣтовавшихъ ему принять православную вѣру:

Отъидите на время! азъ здѣ совѣтую
Наединѣ со мною.

Подобнымъ образомъ патріархъ Фотій у Георгія Щербацкаго, услышавъ отъ монаха Митрофана о новомъ римскомъ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, высылаетъ Митрофана и разсуждаетъ самъ съ собою наединѣ:

Но отсюду,
Митрофанъ! Я самъ нѣчто здѣсь размышлять буду.

У Феофана Проколовича храбрый вождь, описавъ торжественность и величіе крещенія Св. Владиміра, прибавляетъ: „азъ же, обзятый страхомъ радостнымъ, забыхъ, гдѣ есмь; сердце же во мнѣ трепеташе“. Подобнымъ образомъ въ трагедокомедіи Щербацкаго высказываетъ свое впечатлѣніе Филосей, бывшій на соборѣ святителей подъ предсѣдательствомъ Фотія:

Я тутъ бѣдный мнѣлся восхищенный
Быть на третіе небо и неизрѣченны
Слышати гагаголы.

Какъ во „Владиміръ“ Проколовича вѣстникъ привозитъ грамоту отъ этого князя, такъ и у Щербацкаго „приходитъ чтець грамоты патріаршей, посланной во всенародное извѣстіе о томъ что не напрасно и съ добрымъ намѣреніемъ отвержены латины и аваѣемѣ преданы“. Последнія явленія въ обѣихъ піесахъ тоже имѣютъ сходство между собой.

Въ первомъ дѣйствіи „первѣйшій сатана“ бесѣдуетъ съ другимъ бѣсомъ шуточнымъ о томъ гдѣ ему больше всего было удачи и гдѣ не удавалось. Сатана хвалится искушеніемъ Евы, всемірнымъ потопомъ, состояніемъ человѣческаго рода во время призванія Авраама и безплодіемъ послѣдняго съ Саррой, саддукеями и фарисеями, Симономъ волхвомъ, первыми злыми еретиками и магометанствомъ. Но шуточный бѣсъ отыскиваетъ комическую сторону въ маимосуствѣнныхъ дѣйствіяхъ сатаны. Когда сатана похвалился потопомъ, шуточный бѣсъ, между прочимъ, говоритъ ему:

Носатся у нѣкихъ народовъ такіи

Рѣчи: Египтянинъ ктось, ихъ зовутъ ими
Цыганами, ачущій, не имый чимъ душу

Свою препитати, захъз на чужую грушу,
И какъ уже грушами окаялся отъ дѣти,

Спешъ зъ древа. Приходитъ хозяинъ: а кто,—
Скажутъ,—чего злодѣй заслужилъ?—Лукавый

Египтянинъ на тое: мой лане ласкавый;
Виновать, прости; или естли не прощаешь,—

Съчи, палы, убивай ужъ какъ ты самъ знаешь,
Лишь законъ у насъ такой—черезъ лать не пересажуй!

Гаулъ хозяинъ не пересаживалъ: отъ, такъ де наказуй
Всегда! а далъ въ ноги! хозяинъ и сабду

Не хватилъ.

Въ концѣ разговора собесѣдники замѣчаютъ какого-то приближающагося къ нимъ дряхлаго старика. Это Грециъ Филоеѣй, получившій извѣстіе что пала Николай объявилъ себя не подлежащимъ земному суду и земнымъ богомъ. Сатана радуется этому извѣстію. Съ Филоеѣемъ встрѣчается другой Грециъ Аретофалъ, и оба они сѣтуютъ о появленіи новаго язычества въ христіанскомъ мірѣ, возлагая единственную надежду на твердость Фотія. Выслушавъ разговоръ монаховъ, сатана отправляется въ Римъ.

Во второмъ дѣйствиіи выходятъ на сцену бѣглецы изъ еретическаго Рима,—монахъ Митрофанъ и два простолюдина. Митрофанъ приходитъ къ убѣжденію что наводненіе рѣки Тибра и моровая язва въ Римѣ при лалѣ Пелагіи предназначали потоль ересей и язву душевную, открывшіся въ Римѣ съ лалой Николаемъ, который вмѣсто Христа себя призналъ главою церкви и отсѣкъ отъ великой четыредесятницы первую седмицу, сдѣлавъ ее сыровою. Монахъ Митрофанъ идетъ къ патріарху домести объ этомъ. Простолюдины, подслушавъ монологъ Митрофана, сочувствуютъ ему, останавливаютъ его на время и вступаютъ съ нимъ въ разговоръ. Они съ своей стороны разказываютъ монаху что они бѣжали изъ Рима отъ новомодныхъ священниковъ которые причащаютъ народъ олрѣскоками, и будучи неженатыми становятся опасными для женъ прихожанъ. Митрофанъ одобряетъ поступокъ простолюдиновъ и идетъ къ патріарху. Между тѣмъ простолюдины, разсуждая о монахѣ Митрофанѣ и трудности его миссіи, встрѣчаются съ клирикомъ Пахоміемъ. Клирикъ говоритъ самъ съ собою:

Правду сказуетъ Павелъ: на вся есть полезно
 Благодѣствіе; пока онаго любезно
 У насъ держались, добре все у насъ велоса;
 Теперь благодѣствіе акъ пошло, пришлоса
 Не до добра; недавно в городъ Кольони
 У насъ палъ перуиъ в церкви в образъ драконы,
 Драконы огнистого, и убили страшно
 Три священники в церкви служащіе разио
 Не въ одномъ оларѣ, такожь послодитыхъ
 Людей шесть. Много мысаилъ я о событихъ
 Смертехъ, что за вина есть? вина не иная,
 Токмо что правость вѣры пропала святая;
 И тѣмъ вида глѣвъ з неба, акъ Лотъ изъ Содому
 Бѣжалъ я съ колоніи изъ моего дому,
 Изволаа странствовать, нежелю....

На этомъ словѣ прерываетъ его второй простолюдинъ,
 узнавшій клирика, и проситъ его, какъ хорошаго лѣвца,
 слѣтъ что-нибудь примѣнительное къ бѣдственному положе-
 нію церкви. Клирикъ поетъ плачевную лѣснь, подражая извѣст-
 ному псалму „На рѣкахъ вавилонскихъ“.

Въ третьемъ дѣйствіи выходитъ патріархъ константино-
 польскій Фотій, спрашиваетъ монаха Митрофана о томъ
 что дѣлается въ Римѣ, и узнаетъ отъ него что тамъ въ пят-
 ницу ѣдятъ мясо, а въ субботу постятся, что первая недѣля
 Великаго Поста превращена въ сырную, священники постав-
 ляются безженные, отличающіеся развращеніемъ нравовъ, что
 крещаемыхъ не мажутъ муромъ и признаютъ исхожденіе
 Святаго Духа отъ Отца и Сына. Патріархъ Фотій въ силь-
 номъ волненіи; онъ проситъ Митрофана выйти и наединѣ
 разсуждаетъ о новоизмышленномъ догматѣ объ исхожденіи
 Св. Духа и отъ Сына. Послѣ тонкихъ разсужденій объ этомъ
 предметѣ, Фотій признаетъ новоизмышленный римскій дог-
 матъ ересью и рѣшается созвать патріарховъ и предать
 еретиковъ анаемѣ.

Въ четвертомъ дѣйствіи разговариваютъ Греки—Филоеи,
 пришедшіи съ собора, и не бывшіи на соборѣ Аретофилъ.
 Филоеи въ восторгѣ отъ того что слодобился быть на со-
 борѣ. Онъ описываетъ Аретофилу великолѣпіе храма быв-
 шаго мѣстомъ собора, и мудрость святителей и особенно
 Фотія, облечившихъ лжемудріе Латиновъ и предавшихъ ихъ
 анаемѣ, съ освобожденіемъ отъ нея тѣхъ которые обратятся
 къ православію. Затѣмъ чтець читаетъ во всенародное услы-

шаніе патріаршую грамоту „о томъ что не малрасно и съ добрымъ намѣреніемъ отвержены Латини и анаѳемъ преданы“. Въ оправданіе анаѳемы указывается на цѣль ея—защитить церковь отъ соблазновъ и ересей, которые уже начали проникать въ Болгарію;

Ибо Болгары, наши любезныя дѣти,
Сея ереси архи еіи апостаты
Научили однако с собою держати.

Въ пятомъ дѣйствиіи выходитъ патріархъ Фотій и зная какъ Богъ не скудеетъ въ людехъ рабѣхъ своихъ, „угадуетъ что изыщеть Богъ люди на мѣсто отпадшихъ Римлянъ“. Фотій останавливается мыслию на прѣстольномъ городѣ Русской земли Киевѣ:

Повѣствуютъ что нѣгдѣ есть градъ надъ рѣкою
Бористеномъ; той славенъ вещь такою,
Быть чтемъ: апостола святыя Андрей возвѣща
Тамо Евангеліе и духомъ предана
Будущая, верхъ холма коегось большаго
Водрузылъ знаменіе Христа всесватаго
Крестъ, съ пророческими такими словами:
Возсіяетъ благодать надъ семи горами.
Божія кто же вѣсть? Може тутъ награду
Вмѣсто Римлянъ готуетъ Богъ своему стаду.

Отпаденіе Римлянъ отъ православія вознаградится Россіей. Фотій перечисляетъ рядъ русскихъ князей и царей, начиная съ Владиміра, и кievскихъ митрополитовъ, останавливаясь преимущественно на императрицѣ Елисаветѣ, кievскомъ митрополитѣ Тимоѳеѣ (Щербачкомъ) и кievо-печерскомъ архимандритѣ Іосифѣ. О Елисаветѣ говорится здѣсь, въ духѣ Михаила Казачинскаго, слѣдующее:

Та же правительствуетъ тамъ Елисавета,
Елисавета славна, имя чудна свѣта,
Однимъ естествомъ жена, а мужъ въ саовѣ, въ дѣлѣ,
Одна что Ромулъ въ брані, Нума въ мирѣ были.
Хотя же подъ нею есть время и притрудно
Въ лицѣ, однакъ, не стало совѣмъ то и скудно:
Сискавъ способъ по дѣлу, царскыя доходы
Вмаленны, да спасутся сельскіе приходы.

Патріархъ Фотій желаетъ скорѣйшаго исполненія этого предсказанія. Тѣмъ и оканчивается трагедокомедія.

V.

Переходимъ ко времени царствованія Екатерины II и Павла I. Значительное оживленіе литературы на сѣверѣ Россіи, рядъ правительственныхъ мѣръ клонившихся къ уравненію Украины во всѣхъ отношеніяхъ съ остальною Россіей, уладокъ значенія Киевской Академіи какъ духовнаго училища, отливъ многихъ лучшихъ силъ въ свѣтскія училища,—все это сильно содѣйствовало подчиненію мѣстной южнорусской литературы общерусскому теченію. Молодые люди изъ Малороссовъ, какъ напримѣръ Рубанъ, Казидкій, Калыцкій и другіе, получаютъ или оканчиваютъ образованіе въ свѣтскихъ школахъ и ищутъ по формамъ псевдо-классицизма и въ духѣ идей Екатерининскаго времени. Сама Киевская Академія неволью подчинялась формамъ сѣвернорусской литературы, формально приняла тоническое стихосложеніе Ломоносова * и стала производить на свѣтъ тоническіе гимны и оды. Силлабическое стихосложеніе перешло въ міръ сельскаго духовенства, небогатаго дворянства, мѣстнаго чиновничества и проч. и стало принимать народный отгѣнокъ. Къ концу XVIII вѣка мы видимъ широкое распространеніе прежнихъ школьныхъ литическихъ произведеній въ массѣ грамотнаго малорусскаго люда, особенно стихотвореній Сковороды, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжающуюся производительность подобныхъ стихотвореній со стороны студентовъ. Многія южнорусскія лѣсни, считавшіяся народными, въ дѣйствительности обязаны своимъ происхожденіемъ школьникамъ. Это подтверждается сборникомъ малорусскихъ любовныхъ лѣсенъ Лавренка, изданнымъ въ 1864 году, не отличающимся, впрочемъ, хорошимъ выборомъ лѣсенъ. Пересматривая лѣсни этого сборника, выдаваемые за народные, мы видимъ во многихъ изъ нихъ такое же техническое построеніе какое въ лѣсляхъ Сковороды, сборникахъ Д. Александровича и Лютевскаго, т.-е. по правиламъ силлабическаго стихосложенія. Искусственность происхожденія подобныхъ лѣсенъ въ сборникѣ Лавренка подтверждается и прямыми указаніями вѣко-

* Около 1767 года. См. *Піитику* этого года между рукописями Кіево-Соф. собора, № 488.

торыхъ изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь помѣщены двѣ малорусскія лѣсни изъ рукописнаго сборника конца XVIII вѣка, изъ-подъ Хорода: „Ой у поля долина“ и „Въ славнѣмъ мѣстѣ Сороці“, состоящія изъ правильныхъ силлабъ, съ латинскими замѣтками и приписками свидѣтельствующими о школьномъ ихъ происхожденіи *.

Нѣкоторыя изъ малорусскихъ стихотвореній этого времени, и доселѣ пользующихся популярностію въ извѣстныхъ кружкахъ малорусскаго общества, принадлежатъ извѣстнымъ историческимъ личностямъ или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ извѣстную родину. Таковы: Пѣсня о Чапкѣ, Кальнаша, приписываемая нѣкоторыми даже Мазелѣ **, и передѣланная изъ одной чумацкой лѣсни ***; вирша на Пасху, сказанная кошевымъ Залорожскимъ Потемкину ****, лѣсни Почаевского уніатскаго Богогласника, и др.

Вирша Потемкину на Пасху, при искусственности формы, поддѣлывается подъ народный тонъ и, какъ народная, доселѣ удерживается въ памяти малорусскихъ старожиловъ. Начало ея слѣдующее:

Христось воскресъ, радъ міръ увесь
 Дождались Божой паски.
 Теперъ усякъ наисса въ смакъ
 Святечкою паски.
 Всѣ гуляють зухваляють
 Воскрешого Бога;
 Уже таа, що до рая,
 Протерта дорога.
 Замы духи всѣ акъ мухи
 Уже посчезамъ;
 Бо Богъ крестомъ чорта съ хвостомъ
 Прогнавъ акъ собаку.
 Диды и бабы, чоловіки и жинки,
 Хлопцы и дивчинки
 И малыя дѣти,
 Всѣ очиди разомъ, загули акъ весною мухи.

Колядка Почаевскаго уніатскаго Богогласника на Рождество Христово описываетъ рожденіе Спасителя въ шутиливо-

* Писни про кованна. Лавренку, Киевъ, 1864, стр. 68—70.

** Старосѣтскій Бандуриста, Закревскаго. 1860, стр. 38 и сл.; Словоица Украинской Мови, Пискумова. Одесса, 1873, стр. 141.

*** Чулацкія народныя пѣсни, Рудченка, Киевъ, 1874, № VI.

**** Киев. Епарх. Видом., 1877, № 7.

фамиллярномъ тонѣ, который скорѣе умѣстелъ при описаніи простонародныхъ малорусскихъ родиль.

Рождество Христово днесь праздуймо,
Христа рожденнаго выхваляймо,
И скакаймо и гуляймо,
Рожденнаго выхваляймо

Въ Вицеемѣ Іудейскомъ...

Радость намъ, радость, радость не мала!
Якъ тупнули въ стани, стана движала.
Гей, гоци скоки!

Старый Іосипъ взялся въ боки

Въ Вицеемѣ Іудейскомъ.

Радость намъ, радость, радость не мала!
Якъ тупнули въ стани, стана движала,
Волы очи вывалили,
Якъ тыи гости голки биали

Въ Вицеемѣ Іудейскомъ.

Радость намъ, радость, радость не мала!
Якъ тупнули въ стани, стана движала.

Танцювали по всей стани,

Ще ѱ хотѣли на Іордани

Въ Вицеемѣ Іудейскомъ.

Марія мати не дозволила,

До Іосипа старца слово молвила:

Возьми, старче, Іоанна,

Охристимо Христа папа

Въ Вицеемѣ Іудейскомъ!

Въ такомъ же родѣ писана большая часть драматическихъ произведеній, сценъ, діалоговъ и отрывковъ изъ нихъ, относящихся къ этому времени. Сюда относятся: діалогъ или разговоръ пастырей, интермедія на три персоны, 1788, къ рождественской піесѣ, *Ярмарокъ* и *Исповѣдь священника*, Некрашевича, 1779.

Діалогъ или разговоръ пастырей, представляющій чертовой трудъ какого-либо студента *, пытается приваровиться къ простонародному украинскому говору: азыкъ діалога самый тяжелый и лестрый. Разговариваютъ два пастуха—Свиридъ и Овдѣй. Управившись со скотиной, они завели между собой разговоръ о стѣснительной для нихъ народной переписи введенной недавно (кесаремъ Августомъ). Главною, хотя и отдаленою причиною этого зла, равно какъ и другихъ бѣдствій:

* Описан. рукоп. Церковно-Археолог. Муз. № 422.

человѣческихъ, они считаютъ преступленіе прародителями Божіей заповѣди о невкушеніи запрещеннаго плода. Судя по ходу разговора предполагалось говорить о явленіи пастырямъ ангеловъ съ радостною вѣстію о рожденіи Спасителя и другихъ обстоятельствахъ этого міроваго событія.

Къ рождественской же какой-либо піесѣ относится и *Интермедья на три персони: смерть, воинъ и хлопецъ*, въ Сборникѣ 1788 года. * Интермедія выводитъ воина, искусившагося въ бояхъ, и выказывающаго желаніе побиться со смертію. Смерть дѣйствительно является къ нему, вооруженная косою, граблями и заступомъ. Она говоритъ воину о своихъ побѣдахъ надъ людьми сильными и славными и похваляется побѣдить и самого воина. Начинается бой. Хлопецъ подаетъ воину „стрѣльбу“. Воинъ выстрѣлилъ смерти въ ребро и считалъ ее ужь убитою. Но смерть неуязвима: она грозитъ воину лишеніемъ жизни и приглашаетъ его къ покаянію. Воинъ видитъ свой конецъ, прощается съ міромъ и безпрекословно отдается смерти. Въ кievскихъ рождественскихъ піесахъ въ борьбѣ со смертію посланною умертвить его за жестокое избіеніе невинныхъ младенцевъ представляется обыкновенно царь Иродъ: сначала онъ приказываетъ убить ее, а потомъ самъ умираетъ отъ ея руки **. На основаніи этого сходства воина съ Иродомъ мы и относимъ интермедію къ какой-либо школьной піесѣ на Рождество Христово.

Священникъ Некрашевичъ занимается въ своихъ діалогахъ и сценахъ окружающею его крестьянскою средою и предметами пастырскаго служенія. Мы оставляемъ въ сторонѣ нѣкоторыя неважныя его стихотворенія и остаиваемся на его *Ярмаркѣ* и *Исповѣди* ***. Обѣ эти сцены довольно вѣрны дѣйствительности и, повидимому, сняты съ натуры.

Содержаніе первой изъ нихъ слѣдующее. На ярмаркѣ встрѣтились два мужика, Хвилонъ и Хвеска.

Хвил. Здравъ, Хвеско! що ты ярмаркуешь?

Що добре тутъ продаешь, себѣ що купуешь.

Хвеск. Та жовчи, бра Хвилоне! продавъ свою клячу.

Хвил. А ну, бра, за що ты збувъ ту шкуру собачу?

* Изд. въ *Литюж. Русск. Литер.* 1859—60, книга 5, отд. 2, стр. 78—80

** См. *Вертепъ*, запис. Маркевичемъ, явл. 13.

*** Описан. рукописей Церковно-Археол. Муз. № 666.

Хвѣск. Та ще за повѣпета изолхнувъ насилу...

Хвил. Я онъ тобѣ давно казавъ: годъ вже держати!

Сѣна зовсѣмъ не вкуситъ и стала хромати.

Укоривъ Хвѣску за неопытность въ торгашествѣ, Хвилонъ вызывается купить у него слѣпыхъ воловъ и торгуется съ нимъ.

Хвѣск. Коли каэшъ, дакъ кай, та й будемъ сватами:

Нехай таки ще роднѣ прибуде межъ нами.

Хвил. Ну, вступишъ за повшнадцать, дакъ будемъ платити,

Коли бъ тѣяко годнась у лаузѣ роботы.

Хвѣск. Куме, слухай! зъ моихъ рукъ щасте тобѣ буде!

Вони дуже работи, нехай каутъ люде.

Хвил. Спасибу жъ тобѣ, куме! кумо жъ лить горѣлку!

Та ще треба земаю стерти воламъ слинку.

Выпій же, свату, до дна, щобъ воли орали.

Хвѣск. Отъ такъ, свату, въ гору хвись, щобъ тобѣ брикали.

Исповѣдь рисуетъ затруднительное положеніе священника вводящаго между невѣжественными его прихожанами, вопреки прѣжнему обычаю исповѣдываться всѣмъ разомъ, одиночную исповѣдь и спрашивающаго кающихся не только о явныхъ, такъ-сказать вещественныхъ грѣхахъ, но и о сокровенныхъ помыслахъ и желаніяхъ. Непривычные къ такимъ порядкамъ крестьяне ропщутъ на священника; но оныя наставленіями своими усложняетъ прихожанъ и приучаетъ ихъ къ одиночной исповѣди. Обращаясь къ женщинамъ духовницъ спрашиваетъ:

Говори жъ еще и ты что ты согрѣшила,

Чимъ случайно и когда Бога оскорбила?

Различніи суть грѣхи, многи и велики,

Коимъ повинніи воѣ, жени й чоловіки:

Вѣдала ль когда вездѣ ворожки искати,

Щастаивое мѣсто бѣ знати на постройку хаты,

Шутки кощунные ль ты въ весѣляхъ творила,

Иль и болше чимъ, скажи, и какъ ты грѣшила?

Женщина.

Нѣ, оченку, я чесаа й роду не такого,

Якъ щдшее буває матки й оця злого;

А мене бо навчили отецъ муй и мати

Колядувокъ и щедрювокъ Бога зухвалати,

Говѣю я щороку, патюнку шаюу,

Нѣ ѣмъ, нѣ пью, нѣ робаю до вечора въ тую.

Отъ, брикнуло на губу, якъ смръ одкидала.

Чого я не робила? весь ротъ полоסקала.

Исусе, прости мене грѣшную такую!

А булаше я на себѣ нічого не чую.

Духовникъ.

Единъ Богъ есть безъ грѣха, что ты се говоришь?

А миръ весь во злѣ лежитъ,—и ты тоже творишь.

Женщина.

Развѣ ты, паноченку, по собѣ се знаешь,

Що ты у мене грѣховъ такъ долго питаешь?...

Духовникъ обращается къ дѣвицѣ:

Къ тебѣ убо, дѣвице, рѣчь я обращаю,

Покайся, то Богъ проститъ, и я нынѣ прощаю;

Расскажи здѣсь подробну, безъ всякой утайки,

Всѣ грѣхи до послѣдней лустой какой байки!

Дѣвица.

А я що зогрѣшила? що я могу знати?

На вечюрки не хожу, не пускае мати.

Шість разъ мене и торюкъ моя мати била

За те що на юлицу размовъ съ пять ходила,

Единъ тулько разъ колиць лѣсною заспѣвала,

Да ѣ вигнала изъ хати, що ѣ не ночовала.

Вжежъ теперъ добре роблю, у грѣхахъ не чуюсь

Одъ теи доби ѣ досѣ усе я шаваюсь.

Духовникъ обращается къ малолѣтнимъ:

И вы, дѣти, не крадьте, не будьте упрямы,

Не брешѣте, не бѣйтесь межъ собою сами.

Малолѣтныя.

Чи щежъ и мы зогрѣшимъ? нѣ, очче, нічого!

Молимось, бьемъ покаюмы, нічого худого.

Слышится общій ролоть:

А що жъ то лѣль нашъ почавъ всѣхъ насъ такъ нуждиту?

Доку жъ уже мы йому будемо терпѣти?

Се жъ уже на словѣдѣ ѣ брехню завдавае,

Коли скае хто йому, що грѣховъ не мае...

Духовникъ даетъ наставленіе. Ролтавшіе говорятъ:

Коли жъ такъ, дакъ мы тебе всѣ будемо слушать.

Да позволъ сивуху пить да табаку нюхать,

Расскажуи тогда что хочъ! бо мы всѣ саелныи,

Не знаемъ, чи за грѣхи есть кары акіи?...

Царствованіе Екатерины II было богато преобразованіями. Можно указать на попытки южно-Руссовъ подать свой голосъ по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ преобразованій. Въ подтвержденіе укажемъ на „разговоръ священника съ іеромонахомъ“, писанный послѣ 1775 года и полученный изъ Черниговской губерніи *. Предметъ разговора—улучшеніе быта духовенства. Въ то время когда милостами великой монархини было взыскано и дворянство посредствомъ жалованной грамоты, и среднее сословіе посредствомъ городского положенія, естественно было и духовенству ожидать улучшенія своего быта. Лица разговаривающія—іеромонахъ и священникъ. Іеромонахъ, припомная что извѣстный указъ Петра Великаго, отъ 31 января 1724 года, трактуеть монаховъ какъ туземцевъ, не ожидаетъ для монастыря никакихъ перемѣнъ къ лучшему. Священникъ же исполненъ розовыми мечтами, предполагаетъ возможнымъ что лучшіе представители благаго духовенства будутъ возводимы прямо въ архіерейскій санъ помимо монастыря. Онъ желаетъ выбора духовныхъ властей *шариками*, проектируетъ устройство отъ правительства благодѣльныхъ храмовъ на 5.000 душъ, съ многочисленнымъ причтомъ и ежегоднымъ содержаніемъ по 1.800 руб. на церковь, съ готовыми домами и угодьями для причта и съ десятью дворами приписныхъ къ церкви подданныхъ для услуги; онъ желаетъ левсіи для спротиву духовенства; онъ желаетъ наковедь чтобы содержаніе для духовенства шло не въ формѣ взиманія доходовъ за требоисправленіе, а въ формѣ жалованья. Многія изъ этихъ *ria desideria* не исполнились и до настоящаго времени; но замѣчательно что сто лѣтъ тому назадъ идеальное улучшеннаго быта у благаго духовенства было почти такой же какъ теперь.

Последнее произведеніе въ разсматриваемой нами группѣ есть *Комедія униатовъ съ православными* на польскомъ языкѣ, священника Стрѣлецкаго, бывшаго учителемъ польскаго языка въ Кіевской Академіи при кіевскомъ митрополитѣ Іеромонахѣ Малицкомъ (1796—1799 гг.) **. Она говоритъ о начавшемся въ 1794 году, послѣ втораго раздѣла Польши и при-

* *Кіевск. Епарх. Вѣдом.*, 1874, № 24.

** Изд. Л. Мацѣвичемъ, въ переводѣ на русскій языкъ, въ *Кіевск. Епарх. Вѣд.*, 1869, №№ 22—24; *Кіевлянинъ*, 1870, № 5. Подлинникъ хранится въ Кіево-Соф. библіотекѣ.

соединенія южнорусскаго края къ Россіи, возвращеніи униатскихъ приходоѡ къ православію и о взаимныхъ по этому поводу отношеніяхъ между униатскимъ и православнымъ духовенствомъ и униатскими прихожанами. Авторъ комедіи, самъ бывшій униатомъ, конечно хорошо былъ знакомъ съ тѣмъ дѣломъ которое взялся представить въ лицахъ; а потому его комедія, хотя и слабая въ литературно-художественномъ отношеніи, вѣрна дѣйствительности и представляетъ не маловажный интересъ историческій. Съ одной стороны она мѣтко характеризуетъ корыстолюбивое униатское духовенство, согласно съ ходившими въ народѣ представленіями о немъ *, его составъ, образованіе, отношеніе къ православному народу и православному духовенству, съ другой—несостоятельность уни и стремленіе народа къ благочестію предковъ. Въ концѣ піесы затронуты мелочныя причины удерживавшія униатскихъ священниковъ отъ перехода въ православіе. Авторъ посвятилъ свой трудъ кievскому митрополиту Героѡю, при которомъ ужь окончено было дѣло воссоединенія униатовъ Подольской, Волинской и отчасти Киевской губерній съ православіемъ, совершенное главнымъ образомъ предшественникомъ Героѡя митрополитомъ Самуиломъ чрезъ особо командированныхъ имъ изъ Киевской епархіи окружныхъ протоіереевъ Разумовскаго, Левадовскаго и другихъ, съ благочинными и лучшими священниками.

Комедія униатовъ съ православными состоитъ изъ двухъ актовъ. Въ первомъ актѣ изображается жизнь униатскаго духовенства, насквозь пропитаннаго корыстолюбіемъ; во второмъ актѣ являются представители православнаго духовенства, увлекаютъ за собой народъ къ благочестію и убѣждаютъ даже самихъ униатскихъ ксєндзовъ перейти на ихъ сторону.

* См. напримѣръ „балладу изъ временъ Униі“ въ *Запискахъ о Южной Руси*, Кулиша, т. II, стр 83 — 96. Она изображаетъ красками очевидно взятыми съ натуры попа-униата продающаго прихожанамъ церковныя требы тѣмъ дороже что они просятъ его исполнить ихъ по обрядамъ православной церкви. Постигшее его бѣдствие (приросла къ нему шкура, которою онъ хотѣлъ налугать мужика и взять у него найденный имъ кладъ) выражаетъ инокказательно убѣжденіе народа что завистливая жадность къ деньгамъ господствовала въ этихъ людяхъ надъ всѣми другими чувствами и что поставленные учить добру прихожанъ, они не имѣли въ сердцѣ своемъ никакого добра.

Дѣйствующими лицами перваго акта являются суррогатъ (соотвѣтствующій нашимъ протополамъ), дзѣканъ (соотвѣтствующій баагочивному) и убогій аспирантъ, чающій получить священническое мѣсто. Актъ открывается кантомъ, въ которомъ достоличное собраніе, наполнявшее обширный залъ, приглашается успокоить помыслы и настроить мысли и чувства вниманіемъ и любопытствомъ, дозволить говорить тѣмъ кому само Провидѣніе, натура и мѣсто указываютъ, и прежде всего, разумѣется, уніатамъ. Въ это время изъ-за стола уложеннаго книгами, бумагами и разными канцелярскими принадлежностями выходитъ суррогатъ и начинаетъ рѣчь свою панегирикомъ уніатамъ, которые одни, ревностно подражая своимъ предкамъ, мужественно, твердо и постоянно сохраняютъ свою вѣру; при этомъ онъ вспоминаетъ объ Іосафатѣ Кунцевичѣ. Но дальнѣйшій ходъ діалогическаго противорѣчія этому самовосхваленію уніатовъ: Къ дзѣкану является несчастный аспирантъ, проситъ его взглянуть на его несчастное положеніе, принять въ духовное званіе и дать должность для препровожденія остатка дней. Дзѣканъ гордо и презрительно отказываетъ аспиранту въ просимомъ. Послѣдній опустивъ руку въ карманъ снова обращается къ дзѣкану:

Чѣмъ богатъ... соблаговоли, ланъ, посмотри въ на эти блѣдныя руки и не откажи справедливо просящему! (Суетъ деньги.)

Дзѣканъ (принимая деньги): Чего жъ ты доискиваешься?

Аспир. А того чтобы быть священникомъ и имѣть ларохію (приходъ).

Дзѣканъ. Понимаю. Ну, такъ и говори! А то городитъ мнѣ чортъ знаетъ что! Видя теперь въ особѣ вась-пана человека порядочнаго и почтительнаго, я постараюсь удовлетворить твоимъ желаніямъ. Но прежде всего вотъ что: скоро придетъ сюда его милость ксендзъ суррогатъ, человекъ не менѣе умный, какъ и милостивый,—такъ вотъ только ему, вась-ланъ, постарайся зарекомендоваться.

Аспир. Это для меня лустяки.

Дзѣканъ. А вотърыхъ, признаюсь тебѣ, онъ до того скрупулезенъ что ни одного аспиранта не принимаетъ безъ экзамена.

Услышавъ о предстоящемъ экзаменѣ, аспирантъ не надѣется на себя и требуетъ обратно деньги. Дзѣканъ успокоиваетъ его, увѣряя что экзаменъ удасть ему какъ вельзя лучше, слѣдуетъ только выучиться одному секрету. Секретъ этотъ состоялъ въ томъ чтобъ отвѣтить по-латыни на два

вопроса предлагаемые суррогатомъ всѣмъ экзаменующимся, именно: unde venis? quid velis? Аспирантъ долженъ былъ отвѣчать: Belzitiis; ad ordines. Затвердивъ требуемые отъѣзды, аспирантъ екрылся на время. Оставшись одинъ, дѣлканъ считаетъ взятая у аспиранта деньги:... „Пять старыхъ... И того съ лапца не высосешь! а къ тому жь бѣдъвага какой-то“.

Затѣмъ является суррогатъ съ письмомъ Радомышльскаго (жившаго въ Радомышлѣ) митрополита уніатскаго, въ которомъ предписывалось собрать слѣдующую съ духовенства дань, а также держать духовенство въ строжайшемъ надзорѣ и порядкѣ и внушать ему чтобы хорошо обходилось съ ларохіанами. Но это предписаніе, вызванное, конечно, угрожавшею отъ православія опасностію для уніи, дало новую лицу корыстолюбію и жадности суррогата и дѣлкана:

Суррог. Вытянувъ отъ духовенства сборъ, когда насыду на нихъ и возьмусь по своему, то и мнѣ что-нибудь перепадеть.

Дѣлканъ. А мнѣ?

Суррогатъ. А когда строго выикну въ отношенія священниковъ къ громадѣ, то вѣдуть буду имѣть...

Дѣлканъ. А я жь?

Суррогатъ. Подожди-ка! Славная мысль пришла мнѣ въ голову — вмѣшаться промежь милыхъ Жидковъ и священниковъ. Они вѣдъ ведутъ между собой дѣла, такъ быть не можетъ чтобы...

Дѣлканъ. Что касается этого, выбери меня, папъ, своимъ орудіемъ! Увѣряю что будешь имѣть и водки цѣлыя куфы и денегъ сундуки.

Суррогатъ. О, дай-то Богъ! Съ этою цѣлю выѣзжай-ка ты, мой дѣлканъ, съ визитомъ, и сдѣлаемъ мы себѣ такъ какъ дѣлаютъ охотники: чтобы нагнать на себя звѣря, спокойно сидящаго въ лѣсу, они высылаютъ облаву, дозвѣвающихъ на примѣръ; услѣхъ бываетъ удивительный. Такъ и вась-папъ: когда наѣхавши въ дѣлканаты, надѣлаешь тамъ шуму и крику, словно въ лѣсу; тогда лишь бы кто двинулся тоаько съ своего мѣста, желая уйти отъ твоихъ свѣтей, а попаду въ него такъ что...

Дѣлканъ (*смѣясь*). Божусь что и ногою не дрыгнетъ.

Суррогатъ. Ну, вотъ видишь! Такъ однако поступай тоько чтобы тебя признали за патріота, горячо заботящагося о благѣ страны, любящаго справедливость и спокойствіе.

Дѣлканъ. А есаи случится что можно содрать...

Суррогатъ. Чего? Лыка-то?

Дѣлканъ. Ну, да.

Суррогатъ. Лишь бы тоько дралось: *тогда дерь, когда дерется.*

Разговоръ прерывается появленіемъ аспиранта, котораго дѣлканъ рекомендовалъ суррогату какъ своего пріятеля и

человѣка ученаго, и всячески старается поддерживать его. Но, сверхъ ожиданія, суррогатъ измѣнилъ обычный порядокъ своихъ вопросовъ и тѣмъ обнаружилъ невѣжество аспиранта.

Суррогатъ. *Quid vis?*

Аспирантъ. *Belzitiis.*

Суррогатъ. *Unde venis?*

Аспирантъ. *Ad ordines.*

Дзѣканъ. Пусть не дивится лань этой ошибкѣ! случается что такіе великіе философы какъ онъ, помядѣвшись слашкомъ на себя, чаще всего ошибаются.

Вновь повторены были вопросы и вновь послѣдовалъ такой же неудачный отвѣтъ. Суррогатъ хотѣлъ было уже совсѣмъ отказать ему въ просьбѣ, но аспирантъ въ пору прибѣгнулъ къ болѣе вѣрному, испытанному уже имъ средству.

Аспирантъ (*падая къ ногамъ суррогата*). Ахъ, умилосердись, лань, и соблаговоли не отринуть просьбы бѣднаго сироты! Сжался (*цѣлуетъ руку и суетъ въ бумажничъскъ деньги*) и благоволи принять!

Суррогатъ (*примавши*). „Даръ поданный тайно смягчаетъ залаальчивость, и подарокъ вложенный въ лазуху укрощаетъ великій гвѣвъ“ (Прит. гл. 21). А къ тому же „градущаго ко Мнѣ не иждену вонъ“ (Іоан. гл. 6). Саціалітскую скаду, а не сердце носилъ бы въ груди тотъ кто не возымѣлъ бы сожалѣнія надъ столь бѣднымъ человѣкомъ. Хоть онъ немножко тамъ и сбивается по-латыни, все же можетъ быть священникомъ, да и хорошимъ, въ особенноти если лучится теологіи. Принимаю васъ-лана въ духовное званіе, а для того чтобы ты былъ принять въ Радомышльскую семинарію, а дамъ тебѣ записочку.

По удаленіи аспиранта суррогатъ и дзѣканъ продолжаютъ прежній свой разговоръ о предпринимаемой ими облавѣ на подчиненное имъ униатское духовенство. Суррогатъ совѣтуетъ дзѣкану подущать священниковъ чтобъ они увеличили плату за требы, имѣя въ виду возбудить жалобы прихожанъ и по поводу ихъ выжать послѣдніе соки изъ духовенства.

Во второмъ актѣ комедіи, кромѣ суррогата и дзѣкана, являются православный протоіерей съ благочиннымъ и крестьяне. Дзѣканъ уже собрался было въ путь на ловлю духовенства, какъ неожиданно остановленъ былъ пріѣздомъ православнаго протоіеря, который, вмѣстѣ съ другими довѣренными лицами, исславъ былъ Русскимъ правительствомъ для воссоединенія униатскихъ приходоу съ православноу дерковью. Завхавъ по пути къ суррогату протоіерей встрѣченъ былъ имъ довольно грубо и недружелюбно.

Суррогатъ. Вотъ смотри, невидаль-то!.. Какой у меня гость! Вырвался гдѣ-то изъ тюрьмы, можетъ-быть нѣсколько сутокъ днемъ и ночью маршировалъ; можетъ-быть, нѣсколько мѣсяцевъ, ходя какъ брытанъ на цѣли, муку ситомъ сѣялъ, а тутъ сейчасъ ему ѣсть и пить!

Дзѣканъ. Ёсть и пить? Такъ вотъ въ чемъ тутъ дѣло!.. Нѣтъ ли у лава вороньяго ока (ядовитаго растенія саужащаго отравой для крысъ)?

Суррогатъ. Вотъ у меня его мосьцъ! Брюхо свое носить словно торбу набитую свѣчкой, и хотѣлъ бы то оуъ налакаться чужимъ обѣдомъ, который иногда такъ горько намъ приходится... Нѣтъ, дудки!

Протоіерей. Но развѣ не прилично дорожному человеку заѣхать и попросить куска хлѣба?

Суррогатъ. Въ кормчу!...

Протоіерей. Вѣдь мы христіане же...

Дзѣканъ. Диссиденты, схизматики, отщепенцы!

Въ это время является къ протоіерею благочинный съ донесеніемъ что оуъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе и присоединилъ униатскія церкви съ ихъ священниками къ православію, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ священниковъ которыхъ не желаютъ имѣть прихожане, и затѣмъ снова отправляется для дальнѣйшей дѣятельности. Суррогатъ и дзѣканъ озабочены и раздражены.

Дзѣканъ. Какъ вижу, къ намъ вается какая-то бѣда.

Суррогатъ. Да и не малая! Мнѣ необходимо написать къ святому отцу и довести ему объ этихъ ажепророкахъ, которые разрушаютъ святую униатскую церковь... Я увѣренъ что это не понравится святой апостольской столицѣ. А послѣ этого я прикажу во всѣхъ церквахъ и костелахъ съ колокольнымъ звономъ и при зажженныхъ свѣчахъ предать ихъ знаеомъ.

Дзѣканъ. Охъ, даль бы то Богъ! Я въ своей церкви выберу самую большую свѣчу, прикажу бить въ колокола какъ на великдень и, переверотивши, до тѣхъ поръ буду пасть ее пока вся до конца не скалаеть*.

Черезъ нѣсколько времени благочинный снова возвращается и доносить о новыхъ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности. Протоіерей благодаритъ его за его „по истинѣ апостольскій трудъ“ и вмѣстѣ съ нимъ старается склонить къ православію и суррогата съ дзѣканомъ. Суррогатъ скоро поддался на увѣщанія протоіерея, какъ только послѣдній объявилъ ему что православный архиластырь „умѣетъ и любитъ воздавать каждому соответствующую награду и не только

* И на югѣ, и на сѣверѣ Россіи существуетъ народное повѣрье что если зажечь свѣчу нижнимъ концомъ, то врагъ зажигающаго истаеть какъ эта свѣча. Суевѣрія этого придерживался и дзѣканъ.

имѣющимъ distinctoria (наперсные кресты) дозволить украшаться ими, но и для не имѣющихъ, но достойныхъ по его мнѣнію оны самый заботливый полечитель въ изобрѣтеніи подобающихъ имъ отлщій.“ Несравненно упорнѣе оказался дзѣканъ. Сначала оны ссылался на своихъ прихожанъ, которые будто бы желаютъ остаться при своихъ уніатскихъ обрядахъ и церемоніяхъ, и особенно надѣялся на двухъ изъ нихъ—Лаврина и Тышка. Но призванные протоіереемъ, прихожане съ радостію изъявляютъ согласіе принять православіе и во главѣ ихъ Лавринъ и Тышко.

Протоіерей. Исполняя волю прежде всего Божію, а потомъ всемилостивѣйшаго императора, мы пріѣхали къ вамъ.

Дзѣканъ. О, небось напрасно!.. Затронь только если хочешь,—бѣду затронуешь.

Лавринъ. Богъ милостиво послалъ васъ къ намъ, исполняя желаніе вѣдвовъ нашихъ, хотя уже и покойныхъ, и наши собственные.

Дзѣканъ. Какъ это? Вѣдь, ты жь хотѣлъ говорить нѣчто другое?

Тышко. Правда что нѣчто другое. Унія, которой, кромѣ нашихъ дѣвдовъ, не видалъ и не слышалъ никакой народъ въ свѣтъ, и которая, неизвѣстно откуда взявшись, насильно къ намъ втерлась, давно уже намъ стала костью въ горль. Поэтому мы горячо молили Всевышняго Бога чтобы благословилъ насъ вѣрою соборной апостольской восточной церкви. Всеблагій Богъ услышалъ наши молитвы, и вотъ теперь черезъ своего помазанника, нашего наияснѣйшаго монарха, и черезъ васъ исполняетъ наши желанія.

Протоіерей и благочинный пошли въ церковь присединять ихъ къ православію, а дзѣканъ все-таки упорствовалъ. Но причины этого упорства были слишкомъ мелочны и ничтожны, такъ что протоіерею и благочинному весьма легко было ихъ устранить, что они и сдѣлали по возвращеніи изъ церкви.

Дзѣканъ. Признаюсь, я и сейчасъ бы готовъ пристать (къ православію), еслибъ еще не связывали меня двѣ причины.

Протоіерей. Какія же это двѣ?

Дзѣканъ. Первая—это наша непривычка залускать бороду и усы: дѣло это и некрасивое, и противное.... Мы мушны еще можемъ выносить и скорѣи привыкнуть къ этому, но наши жены—никогда! Мушну, а особенно священника съ бородой терлѣть не могутъ. Еслибъ я залустилъ бороду и явился къ моей Касѣ, ручаюсь что она кощубой (кочергой) прогнала бы меня прочь не только со двора, но даже изъ села.

Протоіерей. Развѣ такая злоя?

Дзѣканъ. Нѣтъ, не то! Женщина, знаете, молодая: любить чтобы ходить прилично, всегда въ сюртукѣ, съ платно засте-

глухими пуговицами, въ башмакахъ, словомъ, чтобъ галактишо... А я, когда облекусь въ эту хламиду и залущу при этомъ бороду, то, право, не дасть и поцѣловать!

Благочинный. Ничего, можно достигнуть этого, я научу секрету *... Такъ и моя, бывало, сначала какъ начнетъ: „а ты цаль, цацалалъ!“ то, право, не знаю, гдѣ она и вокабуламъ такимъ понаучивалась; словомъ, бывало, ни на глаза. А телерь будто не та женщина: такъ хорошо цѣлуется въ бороду какъ и Жиды лучше не могутъ въ свое „тфритимъ“.

Протоіерей. Какая жь другая причина?

Дѣвканъ. Что жь? можетъ-быть вы будете смѣяться и надъ нею, а по нашему мнѣнію она, право, самая важная. И признаюсь, она больше всего внушаетъ нашимъ сопротивленіе и отвращеніе.

Протоіерей. Какая жь однако?

Дѣвканъ. У васъ страхъ какъ много трудовъ для священника по части богослуженія: напримѣръ, литургія святыхъ всегда поютъ; у васъ же онѣ могутъ быть и вычитываемы... у васъ Псалтирь, кановы и другія правила всегда и всѣ нужно непремѣнно читать въ церкви, у васъ же одиъ—двакъ въ школѣ, а другія—священникъ и дома вычитываетъ... Но страшнѣе всего эти молебствія: ради ихъ священникъ, словно невольникъ, не можетъ никуда ни уѣхать, ни уйти. Это для насъ тяжелѣе всего **.

Протоіерей. Удивительная причина!

* Вѣроятно, здѣсь намекается на секретъ воспѣтый въ одной народной пѣснѣ того времени:

Зажурилась попаденька своею бѣдою:
Ой я нещасна! мій піпъ зъ бородою!
Ой, якъ підо до Церкви Богу ся молитись,
Якъ погляну на бороду, не могу хреститись.
Зовуть люде на хрестины, не могу я сісти,
Якъ погляну на бороду, не візьмуся істи.
Ой, созвала попаденька вси кури индыки,
Налакувала попаденька ажъ четири брики,
Уладилаась іхати до владыки.
Іхала попаденька ажъ три дни въ дорозі,
Приіхавши до владыки, стала на порозі.
Виходить владыка изъ своей ламати:
— Ой, щожъ ти маешь, добродзіко, та й мині казати?
— Ой ти, святий владыко, змилуйся надъ нами!
Нехъ не ходять попи наши теперь зъ бородами!
Мій піпъ зъ бородою, жить мині трудно;
Ожъ мині гошно, отожъ мині нудно.
Не позволивъ владыка борода голоти,
А приказавъ попаденьку розгами кропити,—
Забожилась, закаялась: вже буду любити!
— О тожъ мині добре, о тожъ мині мило:
Владыки кропило любить научило!

** Слнч. балладу изъ временъ уніи, въ *Запискахъ о Южной Руси*, Куаиша, 1857, т. II, стр. 83—96.

Благочинный. А правду онъ сказалъ что будете смѣяться. Смѣха и удивленія достойны эти причины: что ни скажетъ, все пусто, какъ съ мосту.

Дзѣканъ. Ужь вамъ, какъ я вижу, хоть какую трудную kwestію (вопросъ) задай, вы непремѣнно ее разрѣшите. Вотъ же признаюсь вамъ, для кого инаго никогда бы этого не сдѣлалъ, а для вашей дружбы должны: дѣлайте со мной что хотите!

Благочинный. Ужь какою любовію онъ возгорѣлся къ православію!

Протоіерей. Итакъ идемъ въ церковь, тамъ всему будетъ конецъ.

Дзѣканъ. Васъ это не интересуеть, такъ вы идите, а я побѣгу. (*Бѣжитъ.*)

Съ паденіемъ уни, рушилась одна изъ послѣднихъ преградъ отдѣлявшихъ южную Русь отъ сѣверной, и открылась широкая дорога къ обоюдному сближенію ихъ между собою и слянію южной Руси съ сѣверною. Это сляніе должно было совершаться и въ литературной области, какъ и дѣйствительно оно началось еще задолго до того воссоединенія униатовъ которое изобразилъ въ своей комедіи Савва Стрѣлецкій. Въ общихъ чертахъ мы указывали выше условія этого слянія литературныхъ интересовъ южной и сѣверной Россіи со времени царствованія Екатерины II, теперь остается намъ только упомянуть о болѣе выдающихся дѣятеляхъ въ этомъ отношеніи, направлявшихъ южнорусскую литературу къ общерусскому центру.

Малорусскіе урожденцы, получая или окончивая образованіе въ сѣвернорусскихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ университетѣ, невольно втягивались въ кругъ интересовъ сѣвернорусской литературы; южнорусскія школы подчинены были общимъ школьнымъ правиламъ, обязывались слѣдовать сѣвернорусскимъ литературнымъ образцамъ и подражать имъ. Вслѣдствіе этого литературныя произведенія тѣхъ и другихъ, относящіяся къ этому времени, въ большинствѣ случаевъ почти ничѣмъ не отличаются отъ литературныхъ произведеній сѣвернорусскихъ писателей. Бантышъ-Каменскій, Козицкій, Лука Свѣкаревъ, Эмиль и др., получившіе образованіе свое въ Киевской Академіи и довершившіе его за границей или въ сѣвернорусскихъ учебныхъ заведеніяхъ, обыкновенно отчисляются къ разряду общерусскихъ писателей. Тѣмъ съ болѣшимъ правомъ входятъ въ составъ исторіи русской литературы малорусскіе урожденцы,

Рубанъ, Капанистъ и другіе, получившіе свое образованіе на сѣверѣ Россіи и влоливъ сродившіеся съ его литературой. Въ самой Кіевской Академіи, несмотря на отдаленность ея отъ общерусскихъ литературныхъ центровъ, являются произведенія мало чѣмъ отличающіяся отъ сѣвернорусскихъ. Такова напримѣръ „рѣчь, говоренная кіевского протопопа Леваиды сыномъ здѣшнему (кіевскому) митрополиту Самуилу, 1769 года, апрѣля 8, въ день Пасхи“*. Рѣчь эта есть не что иное какъ ода на взятіе Очакова, написанная общелитературнымъ языкомъ. Вотъ эта рѣчь:

Ну, проляла зима и насъ та холодами!

Да что жь? Очаковъ взятъ, такъ и зима съ плодами.

Не видно знамьнца съ луною на вау,

Помелъ Гуссейлъ-паша защитникъ въ кабау.

Довольно зрѣлой плодъ, не для Стамбула кисель;

Шестое декабря онъ вычернить изъ чисель.

Но много дней чернить, коротокъ будетъ годъ;

И вѣкъ онъ свой счерни, намъ славы новый плодъ.

Умножь Богъ праздники тѣ милостью своею,

Что турки празднуютъ, какъ сядемъ имъ на шею.

Мы били ихъ, они толкуютъ—били насъ.

Мудреныхъ праздниковъ держатся въ доброй часъ.

Уже грядетъ весна, ведетъ за руку зѣто,

Въ безсонницѣ султанъ, въ похвѣльи племя это.

Вертится голова,—какъ ладъ наладить ты?

Все идетъ не по нутру, все на вонтараты (?).

На черны волны взглянь—взволнуетъ море душу,

Не больше радости, какъ взглянешь и на сушу.

Похожо на ловца, что чрезъ рѣку попалымъ

Во ртѣ держа кусокъ, забавно тѣмъ ловцамъ,—

На Крымъ и на Херсомъ, на любой край зѣвази,

Хотѣли все глотать, забывъ, что не сжевали.

Расхорохорилась, ау, ау, чалма!

Качать, воруцать все ударилась сама,

Все думала въ рукахъ, что назначила окомъ.

Пстой, не прыгай такъ! на свѣтѣ все вить съ срокомъ:

Пора прималиться, Мегметъ довольно росъ;

Вить и медвѣдамъ мы кольцо вдѣваемъ въ носъ.

Неужто на плечахъ чужихъ вамъ вѣдуть вѣчно?

Неужто небу васъ терпѣти безконечно?

Што за угодники? и для какихъ заслугъ?

Колико царствъ, земель, народовъ ввази вдругъ?

* *Кіевск. Епарх. Вѣдом.*, за 1878 г. № 5.

Никакъ для чести то и правды алкораца?

Чтобъ былъ пастухъ великъ и читалъ болванъ болвана?

Нѣтъ, чучелы, не то! грѣхъ требовалъ врача,
Мы должности несла бича и палача.

Воскресъ Христосъ, воскресъ, воскресла радость вѣры;
Мы частія примѣръ, вы горести примѣры.

Источникъ жизни, намъ онъ адъ ногой переть,
И въ покровительство онъ церковь насъ беретъ,

Побѣды, славу, миръ намъ твердо назначаетъ,
Невѣрныхъ Агарянъ онъ царствіе скончаетъ.

Онъ истина жива, помощникъ правдѣ: кто жь,
Естьли не истина, надменно свергнетъ ложь?

Мы ясно видѣли Его надъ нами руку:
Онъ страхъ вложилъ врагамъ, онъ стыдъ навелъ и муку,

Царицу умудрилъ, чадъ съ матерью возмездъ;
Мы скоро узримъ всѣ, коль благъ намъ Богъ чудесъ.

Красуйся, торжествуй ты въ сей странѣ блаженной,
Любезной небесамъ и къ Богу приближенной!

Мы будемъ припѣвать при торжествѣ твоемъ,
И пошланы не взявъ, а вотъ уже поемъ.

Еще большею чистотой языка и отдѣлкой отличаются гимны **Иринея Фальковскаго** и оды поднесенныя **Кіевскою Академіей** кіевскому митрополиту **Іероою** въ 1796 году, хотя по содержанию своему послѣднія и не замысловаты.

Иринеи Фальковскій былъ человекъ всесторонне образованный и съ любовью занимавшійся изученіемъ природы. Свою любовь къ естествознанію и природѣ онъ выразилъ въ нѣсколькихъ гимнахъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ:

О Божіихъ дѣлахъ кто съ вѣрой размышляетъ,
Небесныхъ тотъ даровъ причастникомъ бываетъ.
Высокость, простота и святость ихъ конца
Всю славу своего повѣдаютъ Творца.
Но гласы вещества сколь ни вѣщаютъ ясно,
Не возбуждаютъ тѣхъ, которы спятъ опасно,
Понеже страсти духъ нашъ погружаютъ въ сонъ,
Такъ что не внятень имъ естественный законъ.
А кто природы гласъ услышать пожелаетъ,
Стремаеніе страстей пусть крѣпко отражаетъ.
Въ семь подвиговъ его лишь сила божества
Возможесть укрѣпить силъ слабость естества.

Другой гимнъ **Иринея Фальковскаго** говоритъ о дѣятельности человека на пользу общественную:

Безъ огорченія и скуки и досады
Не можемъ дѣлать мы достойныхъ дѣлъ награды.

Изящныя и всѣмъ полезныя дѣла
 Природа совершать удобно не даде.
 Кто пользу общую предметомъ дѣла шмететь,
 Тотъ безъ сомнѣнія довольно разумѣеть,
 Что долженъ презирать тѣлесный онъ покой
 И трудъ соединять съ прилежною мольбой.
 Въ началѣ подвиги хотъ кажутся противны,
 Однако принесутъ плоды во время дивны,
 И душу напоивъ веселиемъ благимъ,
 Обогатятъ ее сокровищемъ драгимъ *.

Приведемъ еще отрывокъ изъ оды 1796 года въ честь митрополита Героева, написанной въ чисто-псевдоклассическомъ духѣ:

Колико гауль кто утверждаетъ:
 Себя образованъ есть зло;
 Такъ насъ природа съ тѣмъ раждаетъ,
 Чтобъ повергать всѣхъ бѣдствъ въ жерло!
 Сія мысль душу возмущаетъ
 И страхомъ сердце наполняетъ,
 Чтобъ Богъ для бѣдствій насъ создалъ,
 Безсмертну душу въ насъ влѣвшій
 И образъ свой въ насъ начертавшій,
 Чтобъ фуріямъ злымъ насъ отдалъ.
 Сіи-то мысли Фокіоновъ
 И Лейбницевъ ума виной;
 Они родили намъ Невтоновъ
 Вѣкъ просвѣщенной и златой;
 Они причиной нашей славы,
 Величественной той державы,
 Екатерина что хранитъ.
 Она умы всѣхъ просвѣщаетъ,
 Палладѣ храмы воздвигаетъ,
 Подвластнымъ благо всѣмъ даритъ **.

Но какъ бы ни велико было сближеніе южнорусской литературы съ сѣвѣрною въ концѣ XVIII вѣка, оно не исключало въ малорусскихъ урожденцахъ писателяхъ симпатій къ своей родинѣ, отражавшихся на ихъ произведеніяхъ. Эти

* См. Exercitia poetica, 1791, рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 489; См. Труды Кіевск. Акад., январь, 1867, стр. 89—90.

** „Радостныя чувствованія музъ, излианныя въ одахъ и разныахъ стихотвореніяхъ“... митрополиту Кіевскому Героеву, Кіевъ, 1796 года, стр. 65—66.

симпатіи высказывались иногда въ выборѣ предметовъ изъ малорусской жизни для изображенія ихъ въ общелитературной формѣ. Н. Н. Бавтышъ-Каменскій пишетъ *Исторію обшчины*, такъ долго угнетавшей Малороссію. Калнисть въ своей комедіи *Ябьда* изображаетъ чиновничій міръ такими красками сквозь которыя нельзя не видѣть отраженія малорусской дѣйствительности съ ея чиновничествомъ, взятками и казуами, получившей художественное выраженіе въ *Пріѣзжеле изъ столицы*, *Квитки* и въ *Ревизорѣ* Гоголя. Наконецъ въ замѣчательной одѣ на рабство Калнисть изливаетъ свое скорбное чувство по поводу закрѣпощенія малорусскихъ крестьянъ въ 1783 году.

Куда ни образу звѣду,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь.
Исчезли сельскія утѣхи,
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхи;
Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ,
Златыя нивы сиротѣють,
Поля, лѣса, луга пустѣють;
Какъ туча, скорбь легла на нихъ *.

Обращаясь къ императрицѣ, Калнисть говоритъ въ заключеніи:

Дашь зрѣть намъ то златое время,
Когда спасительной рукой
Веригъ постыдно сложишь бремя
Съ отчизны моея драгой.
Тогда—о лестно уповать!
Прервется въ тѣхъ краяхъ стеношь,
Гдѣ въ первый разъ узрѣвъ я свѣтъ;
Тамъ, вмѣсто волаевъ и стеноаній,
Раздастся шумъ рукопашеканій
И съ счастьемъ вольность процвѣтетъ.

Н. ПЕТРОВЪ.

Кіевъ, 24 августа
1878 года.

* *Основа*, мартъ, 1861 года, по поводу Высочайшаго манифеста 19го февраля, 1861 года.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

БРАТЬ ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ

I.

У Грушеньки.

Алеша направился къ Соборной площади, въ домъ кулчихи Морозовой, ко Грушенькѣ. Та еще рано утромъ присылала къ нему Феню съ настоятельною просьбой зайти къ ней. Опроставъ Феню, Алеша узналъ что барыня въ какой-то большой и особенной тревогѣ еще со вчерашняго дня. Во всѣ эти два мѣсяца послѣ ареста Мити Алеша часто заходилъ въ домъ Морозовой и по собственному побужденію, и по порученіямъ Мити. Дня три послѣ ареста Мити Грушенька сильно заболѣла и хворала чуть не пять недѣль. Одну недѣлю изъ этихъ пяти пролежала безъ памяти. Она сильно измѣнилась въ лицѣ, похудѣла и пожелтѣла, хотя вотъ уже почти двѣ недѣли какъ могла выходить со двора. Но на взглядъ Алеши лицо ея стало какъ бы еще привлекательнѣе, и онъ любилъ, входя къ ней,

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1879 №№ 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 1880 №№ 1 и 4.

встрѣчать ея взглядъ. Что-то какъ бы укрѣпилось въ ея взглядѣ твердое и осмысленное. Сказывался въ некоторый пере-воротъ духовный, являлась какая-то неизмѣнная, смиренная, но благая и безповоротная рѣшимость. Между бровями на лбу появилась небольшая вертикальная морщинка, придававшая милому лицу ея видъ сосредоточенной въ себѣ задумчивости, почти даже суровой на первый взглядъ. Прежней напри-мѣръ вѣтренности не осталось и слѣда. Странно было для Алеши и то что несмотря на все несчастіе постигшее бѣдную женщину, невѣсту жениха арестованнаго по страшному преступленію, почти въ тотъ самый мигъ когда она стала его невѣстой, несмотря потомъ на болѣзнь и на угрожающее впе-реду почти неминуемое рѣшеніе суда, Грушенька все-таки не потеряла прежней своей молодой веселости. Въ гордыхъ пре-жде глазахъ ея засіяла теперь какая-то тихость, хотя... хотя впрочемъ глаза эти изрѣдка олять-таки пламенѣли въ некото-рымъ зловѣщимъ огонькомъ, когда ее посѣщала одна прежняя забота, не только не заглохнувшая, но даже и увеличившаяся въ ея сердцѣ. Предметъ этой заботы былъ все тотъ же: Катерина Ивановна, о которой Грушенька, когда еще лежала больная, поминала даже въ бреду. Алеша понималъ что она страшно ревнуетъ къ ней Митю, арестанта Митю, несмотря на то что Катерина Ивановна ни разу не посѣтила того въ заключеніи, хотя бы и могла это сдѣлать когда угодно. Все это обратилось для Алеши въ некоторую трудную задачу, ибо Грушенька только одному ему довѣряла свое сердце и непрерывно просила у него совѣтовъ; овъ же иногда совсѣмъ ничего не въ силахъ былъ ей сказать.

Озабоченно вогулилъ овъ въ ея квартиру. Она была уже дома; съ полчаса какъ воротилась отъ Мити, и уже по тому быстрому движенію съ которымъ она вскочила съ кресель изъ-за стола къ нему, на встрѣчу овъ заключилъ что ждала она его съ большимъ нетерпѣніемъ. На столѣ лежали карты и была сдана игра въ дурачки. На кожаномъ диванѣ съ другой стороны стола была постлана постель и на ней полулежалъ, въ халатѣ и въ бумажномъ коллѣкѣ, Максимовъ, видимо больно и ослабѣвшій, хотя и сладко улыбавшійся. Этотъ бездомный старичокъ, какъ воротился тогда, еще мѣсяца два тому, съ Грушенькой изъ Мокраго, такъ и остался у ней и при ней съ тѣхъ поръ неотлучно. Пріѣхавъ тогда съ ней въ дождь и слякоть, овъ, промокнувшій

и услугавный, сѣлъ на диванъ и усталая на нее молча, съ робкою просящею улыбкой. Грушенька, бывшая въ страшномъ горѣ и уже въ начавшейся лихорадкѣ, почти забывшая о немъ въ первые полчаса по прїздѣ за разными хлопотами,—вдругъ какъ-то пристально посмотрѣла на него: онъ жалко и потерянно хихикнулъ ей въ глаза. Она кликнула Феню и велѣла дать ему покушать. Весь этотъ день онъ просидѣлъ на своемъ мѣстѣ почти не шелохнувшись; когда же стемнѣло и задерли ставни, Феня спросила барыню:

— Чтѣ жь, барыня, развѣ они почевать останутся?

— Да, постели ему на диванѣ, отвѣтила Грушенька.

Опросивъ его подробнѣе, Грушенька узнала отъ него что дѣйствительно ему какъ разъ телерь некуда дѣться совсѣмъ, и что „господинъ Калгановъ, благодѣтель мой, прямо мнѣ заявилъ-съ что болѣе меня ужъ не примутъ и пять рублей подарили.“—„Ну, Богъ съ тобой, оставайся ужъ“, рѣшила въ тоскѣ Грушенька, сострадательно ему улыбувшись. Старика передернуло отъ ея улыбки и губы его задрожали отъ благодарнаго плача. Такъ съ тѣхъ поръ и остался у ней скитающійся приживальщикъ. Даже въ болѣзнь ея онъ не ушелъ изъ дома. Феня и ея мать, кухарка Грушеньки, его не прогнали, а продолжали его кормить и стлать ему постель на диванѣ. Въ послѣдствіи Грушенька даже привыкла къ нему и, приходя отъ Мити (къ которому чуть оправившись тотчасъ же стала ходить, не услѣвъ даже хорошенько выздоровѣть), чтобъ убить тоску, садилась и начинала разговаривать съ „Максимушкой“ о всякихъ пустякахъ, только чтобы не думать о своемъ горѣ. Оказалось что старичокъ умѣлъ ивогда кое-что и поразказать, такъ что сталъ ей наконецъ даже и необходимъ. Кромѣ Алеша, заходившаго однако не каждый день, и всегда не на долго, Грушенька никого почти и не принимала. Старикъ же ея, купецъ, лежалъ въ это время уже страшно больнои, „отходилъ“, какъ говорили въ городѣ, и дѣйствительно умеръ всего недѣлю спустя послѣ суда надъ Митей. За три недѣли до смерти, почувствовавъ близкій финалъ, онъ кликнулъ къ себѣ наконецъ на верхъ сывой своихъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и повелѣлъ имъ уже болѣе не отходить отъ себя. Грушеньку же съ этой самой минуты строго приказалъ слугамъ не принимать вовсе, а коли прїдетъ, то говорить ей: „Приказываетъ дескать вамъ долго въ веселіи жить, а ихъ совсѣмъ позабыть.“ Грушенька одна-

кожъ посылааа почти каждый день справляться объ его здоровьѣ.

— Наконецъ-то пришелъ! крикнула она, бросивъ карты и радостно здороваясь съ Алешей,—а Максимушка такъ лугаль что пожалуй ужъ и не придетъ. Ахъ, какъ тебя нужно! Садись къ столу; ну что тебѣ, кофею?

— А пожалуй, оказалъ Алеша подсаживаясь къ столу,—очень проголодался.

— То-то; Оена, Оена, кофею! крикнула Грушенька,—онъ у меня ужъ давно купить, тебя ждетъ, да пирожковъ привеси, да чтобы горячихъ. Нѣтъ, лаской Алеша, у меня съ этими пирогами сегодня громъ вышелъ. Повесла я ихъ къ нему въ острогъ, а онъ, вѣршишь ли, вназадъ мнѣ ихъ бросилъ, такъ и не ѣлъ. Одинъ пирогъ такъ совсѣмъ на полъ кинулъ и растопталъ. Я и сказала: „сторожу оставляю; коли не съѣшь до вечера, значить тебя внаость вхидная кормить!“ съ тѣмъ и ушла. Опять вѣдь поссорилась, вѣршишь тому. Что ни приду, такъ и поссоримся.

Грушенька проговорила все это зааломъ, въ волненіи. Максимовъ, тотчасъ же оробѣвъ, улыбался потупивъ глазки.

— Этоть-то разъ за что же поссорилась? спросилъ Алеша.

— Да ужъ совсѣмъ и не ожидала! Представь себѣ, къ „прежнему“ приревновала: „Зачѣмъ дескать ты его содержишь. Ты его значить содержать начала?“ Все ревнуеть, все меня ревнуеть! И слить и вѣсть ревнуеть. Къ Кузьмѣ даже разъ на прошлой недѣлѣ приревновала.

— Да вѣдь онъ же зналъ про „прежняго-то“?

— Ну вотъ поди. Съ самаго начала до самаго сегодня зналъ, а сегодня вдругъ всталъ и началъ ругать. Срамно только сказать что говорилъ. Дуракъ! Ракитка къ нему пришелъ какъ я вышла. Можетъ Ракитка-то его и усыкаетъ, а? какъ ты думаешь? прибавила она какъ бы разсѣянню.

— Любить онъ тебя, вотъ что, очень любить. А теперь какъ разъ и раздраженъ.

— Еще бы не раздражемъ, завтра судать. И плаа съ тѣмъ чтобъ объ завтрашнемъ ему мое слово сказать, потому, Алеша, страшно мнѣ даже и подумать что завтра будетъ! Ты вотъ говоришь онъ раздраженъ, да я-то какъ раздражена! А онъ объ Полякѣ! Экой дуракъ! вотъ къ Максимушкѣ небось не ревнуеть.

— Меня супруга моя очень тоже ревновала-сь, вставляла свое слово Максимовъ.

— Ну ужь тебя-то, разсмѣялась нехота Грушенька, — къ кому тебя и ревновать-то?

— Къ горничнымъ дѣвушкамъ-сь.

— Э, молчи, Максимушка, не до смѣху мнѣ теперь, даже злость беретъ. На пирожки-то глазъ не лажь, не дамъ, тебѣ вредно, и бальзамчику тоже не дамъ. Вотъ съ нимъ тоже возись; точно у меня домъ богадѣльный, право, разсмѣялась она.

— Я вашихъ благодаривій не стою-сь, а ничтоженъ-сь, проговорилъ слезающимъ голосомъ Максимовъ. — Лучше бы вы расточали благодаренія ваши тѣмъ которые нужны меня-сь.

— Эхъ, всякій нуженъ, Максимушка, и почему узнавать кто кого нуженъ. Хоть бы и не было этого Поляка вовсе, Алеша, тоже вѣдь разболѣться сегодня вздумалъ. Была и у него. Такъ вотъ нарочно же и ему лошлю пироговъ, а не посыдала, а Митя обвинилъ что посылаю, такъ вотъ нарочно же теперь лошлю, нарочно! Ахъ, вотъ и Ося съ письмомъ! Ну, такъ и есть, олять отъ Поляковъ, олять денегъ просать!

Павъ Мусяловичъ дѣйствительно прислалъ чрезвычайно длинное и витиеватое по своему обыкновенію письмо, въ которомъ просилъ ссудить его тремя рублями. Къ письму была приложена расписка въ полученіи съ обязательствомъ уплатить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; подъ распиской подписался и лавъ Врублевскій. Такихъ писемъ и все съ такими же расписками Грушенька уже много получила отъ своего „прежняго“. Началось это съ самаго выздоровленія Грушеньки, недѣли двѣ назадъ. Она знала однако что оба лава и во время болѣзни ея приходили навѣдываться о ея здоровьѣ. Первое письмо полученное Грушенькой было длинное, на почтовомъ листѣ большого формата, запечатанное большою фамильною печатью и страшно темное и витиеватое, такъ что Грушенька прочла только половину и бросила, ровно ничего не понявъ. Да и не до писемъ ей тогда было. За этимъ первымъ письмомъ послѣдовало на другой день второе, въ которомъ лавъ Мусяловичъ просилъ ссудить его двумя тысячами рублей на самый короткій срокъ. Грушенька и это письмо оставила безъ отвѣта. Затѣмъ послѣдовалъ уже цѣлый рядъ писемъ, по письму въ день, все также

важныхъ и витіеватыхъ, но въ которыхъ сумма просимаа взаимы, постепенно спускалась, дошла до ста рублей, до двадцати пяти, до десяти рублей, и наконецъ вдругъ Грушенька получила письмо въ которомъ оба лана просили у ней одишь только рубль и приложили расписку, на которой оба и подписались. Тогда Грушенькѣ стало вдругъ жалко, и она, въ сумерки, сбѣгала сама къ лану. Нашла она обоихъ Поляковъ въ страшной бѣдности, почти въ нищетѣ, безъ кушанья, безъ дровъ, безъ лапирозъ, задолжавшихъ хозяйкѣ. Двѣсти рублей выигранные въ Мокромъ у Мити куда-то быстро исчезли. Удивило однакоже Грушеньку что встрѣтили ее оба лана съ заносчивою важностью и независимостью, съ величайшимъ этикетомъ, съ раздутыми рѣчами. Грушенька только разсмѣялась и дала своему „прежнему“ десять рублей. Тогда же, смѣясь, разказала объ этомъ Митѣ, и тотъ вовсе не приревновалъ. Но съ тѣхъ поръ ланы ухватились за Грушеньку и каждый день ее бомбардировали письмами съ просьбой о деньгахъ, а та каждый разъ посылала пошлеможку. И вотъ вдругъ сегодня Мита вздумалъ жестоко приревновать.

— Я, дура, къ нему тоже забѣжала, всего только на минутку, когда къ Митѣ шла, потому разболѣлась тоже и онь, лавъ-то мой прежній, ачала олатъ Грушенька, суетсяво и торолась,—смѣюсь я это и разказываю Митѣ-то: представь, говорю, Полякъ-то мой на гитарѣ прежнія лѣсни мнѣ вздумалъ лѣтъ, думаетъ что я разчувствуюсь и за него лобду. А Мита-то какъ вскочить съ ругательствами.... Такъ вотъ вѣтъ же, пошло ланамъ лироговъ! Оея, чтѣ они тамъ дѣвчонку эту прислали? Вотъ отдай ей три рубля, да съ десятокъ лирожекъ въ бумагу имъ уверли и вели свести, а ты, Алеша, непременно разкажи Митѣ что я имъ лироговъ послала.

— Ни за чтѣ не разкажу, проговорилъ улыбувшись Алеша.

— Эхъ, ты думаешь что онь мучается; вѣдь онь это нарочно приревновалъ, а ему самому все равно, горько проговорилъ Грушенька.

— Какъ такъ нарочно? спросилъ Алеша.

— Глухой ты, Алешенька, вотъ чтѣ, ничего ты тутъ не повимаешь при всемъ умѣ, вотъ чтѣ. Мнѣ не то обидно что онь меня, такую, приревновалъ, а то стало бы мнѣ обидно, колибы вовсе не ревновалъ. Я такова. Я за ревность не обижусь, у меня у самой сердце жестокое, я сама приревную. Только мнѣ то обидно что онь меня вовсе не любить и

теперь нарочно приревновала, вотъ что. Слѣвая я что ли, не вижу? Овъ мнѣ объ той, объ Каткѣ, вдругъ сейчасъ и говоритъ: такая де она и сякая, доктора изъ Москвы на судъ для меня выписала, чтобы спасти меня выписала, адвоката самого перваго, самого ученаго тоже выписала. Значить ее любить коли мнѣ въ глаза началъ хвалить, безстыжіе его глаза! Предо мной самъ виновать, такъ вотъ ко мнѣ и привязался чтобы меня прежде себя виноватой сдѣлать, да на меня на одну и свадить: „ты дескать прежде меня съ Полякомъ была, такъ вотъ мнѣ съ Каткой и позволительно это стало.“ Вотъ оно что! На меня на одну всю вину свадить хочетъ. Нарочно овъ привязался, нарочно, говорю тебѣ, только я...

Грушенька не договорила что она сдѣлаетъ, закрыла глаза платкомъ и ужасно разрыдалась.

— Овъ Катерину Ивановну не любить, сказалъ твердо Алеша.

— Ну любить не любить, это я сама скоро узнаю, съ грозою воткой въ голосъ проговорила Грушенька, отнимая отъ глазъ платокъ. Лицо ея исказилось. Алеша съ горестью увидѣлъ какъ вдругъ изъ кроткаго и тихо-веселаго лицо ея стало угрюмымъ и злымъ.

— Объ этихъ гауностяхъ полно! отрѣзала она вдругъ,—не за тѣмъ вовсе я и звала тебя. Алеша, голубчикъ, завтра-то, завтра-то что будетъ? Вотъ вѣдь что меня мучить! Одну только меня и мучить! Смотрю на всѣхъ, никто-то объ томъ не думаетъ, никому-то до этого и дѣла нѣтъ никакого. Думаешь ли хоть ты объ этомъ? Завтра вѣдь судить! Расскажи ты мнѣ, какъ его тамъ будутъ судить? Вѣдь это лакей, лакей убилъ, лакей! Господи! неужто жъ его за лакея осудятъ, и никто-то за него не заступится? Вѣдь и не потревожили лакея-то вовсе, а?

— Его строго опрашивали, замѣтилъ Алеша задумчиво,—но всё заключили что не овъ. Теперь овъ очень большой лежитъ. Съ тѣхъ поръ болеть, съ той падучей. Въ самомъ дѣлѣ болеть, прибавилъ Алеша.

— Господи, да сходилъ бы ты къ этому адвокату самъ и рассказалъ бы дѣло съ глазу на глазъ. Вѣдь изъ Петербурга за три тысячи, говорятъ, выписали.

— Это мы втроемъ дали три тысячи, я, братъ Иванъ и Катерина Ивановна, а доктора изъ Москвы выписала за двѣ тысячи ужъ она сама. Адвокатъ Оетюковичъ больше бы

взялъ, да дѣло это получило огласку по всей Россіи, во
всѣхъ газетахъ и журналахъ о немъ говорить, Осеюковичъ
и согласился больше для славы пріѣхать, потому что слыш-
комъ ужъ знаменитое дѣло стало. Я его вчера видѣлъ.

— Ну и что жь? говорилъ ему? вскинулась торопливо Гру-
шенька.

— Онъ выслушалъ и ничего не сказалъ. Сказалъ что у не-
го уже составилось определенное мнѣніе. Но обѣщалъ мои
слова взять въ соображеніе.

— Какъ это въ соображеніе! Ахъ они мошенники! Погу-
бить они его! Ну а доктора-то, доктора зачѣмъ та выписала?

— Какъ эксперта. Хотятъ вывести что братъ сумашед-
шій и убилъ въ помѣшательствѣ, себя не помня, тихо улыб-
нулся Алеша,—только братъ не согласится на это.

— Ахъ, да вѣдь это правда, еслибъ онъ убилъ! восклицу-
ла Грушенька.—Помѣшанный онъ былъ тогда, совсѣмъ помѣ-
шанный, и это я, я, подлая, въ томъ виновата! Только вѣдь
онъ же не убилъ, не убилъ! И всѣ-то на него что онъ убилъ,
весь городъ. Даже Оея, и та такъ показала что выходитъ буд-
то онъ убилъ. А въ лавкѣ-то, а этотъ чиновникъ, а прежде
въ трактирѣ слышали! Всѣ, всѣ противъ него, такъ и гадаютъ.

— Да, показанія ужасно умножились, угрюмо замѣтилъ
Алеша.

— А Григорій-то, Григорій-то Васильичъ, вѣдь стоитъ на
своемъ что дверь была отперта, ломить на своемъ что ви-
дѣлъ, не собьешь его, а къ нему бѣгала, сама съ нимъ гово-
рила. Ругается еще!

— Да, это можетъ-быть самое сильное показаніе противъ
брата, проговорилъ Алеша.

— А про то что Мита помѣшанный, такъ онъ и теперь
точно таковъ, съ какимъ-то особенно озабоченнымъ и таин-
ственнымъ видомъ вачала вдругъ Грушенька.—Знаешь, Але-
шенька, давно я хотѣла тебѣ про это сказать: хожу къ нему ка-
ждый день и просто дивлюсь. Скажи ты мнѣ, какъ ты дума-
ешь: объ чемъ это онъ теперь вачалъ все говорить? заговорить,
заговорить—ничего понимать не могу, думаю это онъ объ
чемъ умномъ, ну я глупая, не ловяты мнѣ, думаю; только
сталъ онъ мнѣ вдругъ говорить про дитѣ, то-есть про дитя-
тѣ какого-то, „зачѣмъ дескать бѣдно дитѣ?“ „За дитѣ-то это
я теперь и въ Сибирь пойду, я не убилъ, но мнѣ надо въ Си-
бирь пойти!“ Что это такое, какое такое дитѣ—ничегошень-

ки не лояла. Только раслаакалась какъ онъ говорилъ, потому очень ужъ онъ хорошо это говорилъ, самъ плачетъ, и я заплакала, онъ меня вдругъ и поцѣловалъ и рукой перекрестилъ. Что это такое, Алеша, разкажи ты мнѣ какое это „дитѣ“?

— Это къ нему Ракитинъ почему-то повадился ходить, улыбулся Алеша.—впрочемъ.... это не отъ Ракитина. Я у него вчера не была, сегодня буду.

— Нѣтъ, это не Ракитка, это его братъ Иванъ Федоровичъ смущаетъ, это онъ къ нему ходитъ, вотъ что.... проговорила Грушенька и вдругъ какъ бы осклась. Алеша уставилась на нее какъ пораженный.

— Какъ ходитъ? Да развѣ онъ ходилъ къ нему? Митя мнѣ самъ говорилъ что Иванъ ни разу не приходилъ.

— Ну.... ну, вотъ я какая! проболталась! воскликнула Грушенька въ смущеніи, вся вдругъ зарумянившись.—Стои, Алеша, молчи, такъ и быть, коль ужъ проболталась, всю правду скажу: онъ у него два раза былъ, первый разъ только что онъ тогда прѣхалъ—тогда же вѣдь онъ сейчасъ изъ Москвы и прискакалъ, а еще и слезъ не услѣла, а другой разъ приходилъ недѣлю назадъ. Митѣ-то онъ не велѣлъ объ томъ тебѣ сказывать, отнюдь не велѣлъ, да и никому не велѣлъ сказывать, лотаенно приходилъ.

Алеша сидѣла въ глубокой задумчивости и что-то соображала. Извѣстіе видимо его поразило.

— Братъ Иванъ объ Митиномъ дѣлѣ со мной не говоритъ, проговорилъ онъ медленно,—да и вообще со мной онъ во всѣ эти два мѣсяца очень мало говорилъ, а когда я приходилъ къ нему, то всегда бывалъ недоволенъ что я пришелъ, такъ что я три недѣли къ нему уже не хожу. Гм.... Если онъ былъ недѣлю назадъ, то.... за эту недѣлю въ Митѣ дѣйствительно произошла какая-то перемѣна...

— Перемѣна, перемѣна! быстро подхватила Грушенька.—У нихъ секретъ, у нихъ былъ секретъ! Митя мнѣ самъ сказалъ что секретъ и, знаешь, такой секретъ что Митя и успокоиться не можетъ. А вѣдь прежде былъ веселый, да онъ и теперь веселый, только, знаешь, когда начнетъ этакъ головой мотать, да ло комкать шагать, а вотъ этимъ правымъ пальцемъ себѣ тутъ на вискѣ волосы тѣребитъ, то ужъ я и знаю что у него что-то безлокойное на душѣ.... я ужъ знаю!.. А то былъ веселый, да и сегодня веселый!

— А ты сказала: раздраженья?

— Да онъ и раздраженъ, да веселый. Онъ и все раздраженъ, да на минутку, а тамъ веселый, а потомъ вдругъ опять раздраженъ. И знаешь, Алеша, все я на него даваюсь: впереди такой страхъ, а онъ даже иной разъ такимъ лустякамъ хочеть, точно самъ-то дитя.

— И это правда что онъ мнѣ не велѣлъ говорить про Ивана? такъ и сказалъ: не говори?

— Такъ и сказалъ: не говори. Тебя-то онъ, главное, и боится, Митя-то. Потому тутъ секретъ, самъ сказалъ что секретъ.... Алеша, голубчикъ, сходи, выведи: какой это такой у нихъ секретъ, да и приди мнѣ сказать,—вскинулась и взмолилась вдругъ Грушенька,—порѣши ты меня бѣдную, чтобъ ужъ знала я мою участь проклятую! Съ тѣмъ и звала тебя.

— Ты думаешь что это про тебя что-нибудь? Такъ вѣдь тогда бы онъ не сказалъ при тебѣ про секретъ.

— Не знаю. Можетъ мнѣ-то онъ и хочеть сказать, да не смѣеть. Предупреждаетъ. Секретъ дескать есть, а какой секретъ не сказалъ.

— Ты сама-то что же думаешь?

— А что думаю? Конецъ мнѣ пришелъ, вотъ что думаю. Конецъ мнѣ они всѣ трое приготовили, потому что тутъ Катька. Все это Катька, отъ нея и идетъ. „Такая она и сякая“, значитъ это я не такая. Это онъ впередъ говорить, впередъ меня предупреждаетъ. Бросить онъ меня замыслилъ, вотъ и весь тутъ секретъ! Втроемъ это и придумалъ,—Митька, Катька, да Иванъ Федоровичъ. Алеша, хотѣла я тебя спросить давно: недѣлю назадъ онъ мнѣ вдругъ и открываетъ что Иванъ влюбленъ въ Катьку, потому что часто къ той ходитъ. Правду онъ это мнѣ сказалъ или нѣтъ? Говори по совѣсти, рѣжь меня.

— Я тебѣ не солгу. Иванъ въ Катерину Ивановну не влюбленъ, такъ я думаю.

— Ну, такъ и я тогда же подумала! Лжетъ онъ мнѣ, безстыжій, вотъ что! И притворялся онъ теперь меня чтобы потомъ на меня свалить. Вѣдь онъ дуракъ, вѣдь онъ не умѣетъ концовъ хоронить, откровенный онъ вѣдь такой.... Только я жь ему, я жь ему! „Ты, говорить, вѣршишь что я убилъ“— это мнѣ-то онъ говорить, мнѣ-то, это меня-то онъ тѣмъ попрекнулъ! Богъ съ нимъ! Ну, лстой, плохо этой Катькѣ будетъ отъ меня на судъ! Я тамъ одно такое словечко скажу... Я тамъ ужъ все скажу!

И олять она горько заплакала.

— Вотъ что я тебѣ могу твердо объявить, Грушенька, сказавъ вставая съ мѣста Алеша: — первое то что онъ тебя любить, любить болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и одну тебя, въ этомъ ты мнѣ вѣрь. Я знаю. Ужь я знаю. Второе то скажу тебѣ что я секрета вышывывать отъ него не хочу, а если самъ мнѣ скажетъ сегодня, то прямо скажу ему что тебѣ обѣщавъ сказать. Тогда приду къ тебѣ сегодня же и скажу. Только.... кажется мнѣ.... вѣтъ тутъ Катерины Ивановны и въ поминѣ, а это про другое про что-нибудь этотъ секретъ. И это навѣрно такъ. И не похоже совсѣмъ чтобы про Катерину Ивановну, такъ мнѣ сдается. А пока прощай!

Алеша пожалъ ей руку. Грушенька все еще плакала. Онъ видѣлъ что она его утѣшеніямъ очень мало повѣрила, но и то ужъ было ей хорошо что хоть горе сорвала, высказалась. Жалко ему было оставлять ее въ такомъ состояніи, но онъ слышалъ. Предстояло ему еще много дѣла.

II.

Больная ножка.

Первое изъ этихъ дѣлъ было въ домѣ гжи Хохлаковой, и онъ послѣдшилъ туда чтобы покончить тамъ поскорѣе и не опоздать къ Митѣ. Гжа Хохлакова уже три недѣли какъ прихварывала: у ней отъ чего-то вслухъ нога, и она хоть не лежала въ постели, но все равно, днемъ, въ привлекательномъ, но пристойномъ дезабилье полулежала у себя въ будуарѣ на кушеткѣ. Алеша какъ-то разъ замѣтилъ про себя съ невинною усмѣшкой что гжа Хохлакова, несмотря на болѣзнь свою, стала почти щеголять: явились какія-то наколочки, бавтики, распашоночки, и онъ смекалъ почему это такъ, хотя и гвалъ эти мысли какъ праздныя. Въ послѣдніе два мѣсяца гжу Хохлакову сталъ посѣщать, между прочими ея гостями, молодой человѣкъ Перхотинъ. Алеша не заходилъ уже два четыре, и войдя въ домъ послѣдшилъ было прямо пройти къ Лизѣ, ибо у ней и было его дѣло, такъ какъ Лиза еще вчера прислала къ нему дѣвушку съ настоятельною просьбой немедленно къ ней придти „по очень важному обстоятельству“, что, по нѣкоторымъ причинамъ, заинтере-

совало Алешу. Но пока дѣвушка ходила къ Лизѣ докладывать, гжа Хохлакова уже узнала отъ кого-то о его прибытіи и немедленно прислала попросить его къ себѣ, „на одну только минутку“. Алеша разсудилъ что лучше ужъ удовлетворить сперва просьбу мамаша, ибо та будетъ поминутно посылать къ Лизѣ пока онъ будетъ у той сидѣть. Гжа Хохлакова лежала на кушеткѣ, какъ-то особенно празднично одѣтая и видимо въ чрезвычайномъ нервическомъ возбужденіи. Алешу встрѣтила криками восторга.

— Вѣка, вѣка, цѣлые вѣка, не видала васъ! Цѣлую недѣлю, помпайте, ахъ, впрочемъ вы были всего четыре дня назадъ, въ среду. Вы къ Лизе, я увѣрена что вы хотѣли пройти къ ней прямо на цыпочкахъ чтобъ я не слышала. Милый, милый Алексѣй Федоровичъ, еслибы вы знали какъ она меня беспокоитъ! Но это потомъ. Это хоть и самое главное, но это потомъ. Милый Алексѣй Федоровичъ, я вамъ довѣряю мою Лизу вполне. Послѣ смерти старца Зосимы — улокой Господи его душу! (она перекрестилась), послѣ него я смотрю на васъ какъ на схирика, хотя вы и премило носите вашъ новый костюмъ. Гдѣ это вы достали здѣсь такого портняго? Но вѣтъ, вѣтъ, это не главное, это потомъ. Простите что я васъ называю иногда Алешей, я старуха, мнѣ все позволено, — кокетливо улыбулась она, — но это тоже потомъ. Главное, мнѣ бы не забыть про главное. Пожалуста, напомните мнѣ сами, чуть я заговорюсь, а вы скажите: „а главное?“ Ахъ, почему я знаю что теперь главное! Съ тѣхъ поръ какъ Лизе взяла у васъ назадъ свое обѣщаніе, — свое дѣтское обѣщаніе, Алексѣй Федоровичъ, — выйти за васъ замужъ, то вы конечно поняли что все это была лишь дѣтская игривая фантазія больной дѣвочки долго просидѣвшей въ креслахъ, — слава Богу она теперь уже ходитъ. Этотъ новый докторъ, котораго Катя выписала изъ Москвы для этого несчастнаго вашего брата, котораго завтра.... Ну что объ завтрашнемъ! Я умираю отъ одной мысли объ завтрашнемъ! Главное же отъ люболытства.... Однимъ словомъ, этотъ докторъ вчера былъ у васъ и видѣлъ Лизе.... Я ему пятьдесятъ рублей за визитъ заплатила. Но это все не то, олять не то.... Видите, я ужъ совсѣмъ теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Я ужасно перестала теперь знать. Для меня все! смѣшалось въ какой-то комокъ. Я боюсь что вы возьмете и выдрывнете отъ меня отъ скуки, и я васъ только

и видѣла. Ахъ, Боже мой! что же мы сидимъ, и волевыми,— кофе, Юлія, Глафира, кофе!

Алема послѣшшо поблагодарилъ и объявилъ что онъ сейчасъ только пилъ кофе.

— У кого?

— У Графини Ивановны.

— Это.... это у этой женщины! Ахъ, это она всѣхъ погубила, а впрочемъ я не знаю, говорятъ она стала святая, хотя и поздно. Лучше бы прежде, когда надо было, а теперь что жь, какая же польза? Молчите, молчите, Алексѣй Федоровичъ, потому что я столько хочу сказать что кажется такъ ничего и не скажу. Этотъ ужасный процессъ.... я непременно поѣду, я готовлюсь, меня внесутъ въ креслахъ, и притомъ я могу сидѣть, со мной будутъ люди, и вы знаете вѣдь, я въ свидѣтеляхъ. Какъ я буду говорить, какъ я буду говорить! Я не знаю что я буду говорить. Надо вѣдь присягу принять, вѣдь такъ, такъ?

— Такъ, но не думаю чтобы вамъ можно было явиться.

— Я могу сидѣть; ахъ, вы меня сбиваете! Этотъ процессъ, этотъ дикій поступокъ, и потомъ всѣ идуть въ Сибирь, другіе женятся, и все это быстро, быстро, и все мѣняется, и наконецъ ничего, всѣ старики и въ гробъ смотреть. Ну и пусть, я устала. Эта Катя—*cette charmante personne*, она разбила всѣ мои надежды: теперь она поѣдетъ за однимъ вашимъ братомъ въ Сибирь, а другой вашъ братъ поѣдетъ за ней и будетъ жить въ сосѣднемъ городѣ, и всѣ будутъ мучить другъ друга. Меня это съ ума сводить, а главное эта огласка: во всѣхъ газетахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ миллионъ разъ писали. Ахъ да, представьте себѣ, и про меня написали что я была „милымъ другомъ“ вашего брата, я не хочу проговорить гадкое слово, представьте себѣ, ну представьте себѣ!

— Этого быть не можетъ! Гдѣ же и какъ написали?

— Сейчасъ покажу. Вчера получила—вчера и прочла. Вотъ здѣсь въ газетѣ *Слухи*, въ Петербургской. Эти *Слухи* стали издаваться съ нынѣшняго года, я ужасно люблю слухи, и подписалась, и вотъ себѣ на голову: вотъ они какіе оказались слухи. Вотъ здѣсь, вотъ въ этомъ мѣстѣ, читайте.

И она протянула Алешѣ газетный листокъ лежавшій у ней подъ подушкой.

Она не то что была разстроена, она была какъ-то вся раз-

бита и действительно может-быть у ней все въ головѣ свернулось въ комокъ. Газетное извѣстіе было весьма характерное и, конечно, должно было на нее очень щекотливо подействовать, но она, къ своему счастью может-быть, не способна была въ сію минуту сосредоточиться на одномъ пунктѣ, а потому чрезъ минуту могла забыть даже и о газетѣ и перескочить совсѣмъ на другое. Про то же что повсемѣстно по всей Россіи уже прошла слава объ ужасномъ процессѣ Алепа зналъ давно и, Боже, какія дикія извѣстія и корреспонденціи услѣлъ онъ прочесть за эти два мѣсяца, среди другихъ вѣрныхъ извѣстій, о своемъ братѣ, о Карамазовыхъ вообще и даже о себѣ самомъ. Въ одной газетѣ даже сказано было что онъ отъ страха послѣ преступленія брата поспѣшилъ и затворился; въ другой это опровергали и писали, напротивъ, что онъ вмѣстѣ со старцемъ своимъ Зосимой взломали монастырскій ящикъ и „утекли изъ монастыря“. Телерешнее же извѣстіе въ газетѣ *Служи* озаглавлено было: „Изъ Скотолригоньевска (увы, такъ называется нашъ городокъ, я долго скрывалъ его имя), къ процессу Карамазова.“ Оно было коротенькое, и о гжѣ Хохлаковой прямо ничего не упоминалось, да и вообще всѣ имена были скрыты. Извѣщалось лишь что преступникъ, котораго съ такимъ трескомъ собираются теперь судить, отставной армейскій капитанъ, нахальнаго лошаба, дѣвяти и крѣпостникъ, то и дѣло занимался амурами и особенно вліялъ на нѣкоторыхъ „скучающихъ въ одиночествѣ дамъ“. Одна де такая дама изъ „скучающихъ вдовицъ“, молодаяся, хотя уже имѣющая взрослую дочь, до того имъ прельстилась что всего только за два часа до преступленія предлагала ему три тысячи рублей съ тѣмъ чтобъ онъ тотчасъ же бѣжалъ съ нею на золотые прииски. Но злодѣй предпочелъ де лучше убить отца и ограбить его именно на три же тысячи, разчитывая сдѣлать это безнаказанно, чѣмъ тащиться въ Сибирь съ сорокалѣтними прелестями своей скучающей дамы. Игривая корреспонденція эта, какъ и слѣдуетъ, заканчивалась благороднымъ негодованіемъ на счетъ беззавѣстности отцеубійства и бывшаго крѣпостнаго права. Прочта съ любопытствомъ, Алепа свернулъ листокъ и передалъ его обратно гжѣ Хохлаковой.

— Ну какъ же не я? залетала она олять,—вѣдь это я, я почти за часъ предлагала ему золотые прииски и вдругъ

„сорокалѣтнія прелести“! Да развѣ я затѣмъ? Это онъ нарочно! Прости ему Вѣчный Судья за сорокалѣтнія прелести, какъ и я прощаю, но вѣдь это... вѣдь это знаете кто? Это вашъ другъ Ракитинъ,

— Можеть-быть, сказалъ Алеша,—хотя я ничего не слышалъ.

— Онъ, онъ, а не можеть-быть! Вѣдь я его выгналъ... Вѣдь вы знаете всю эту исторію?

— Я знаю что вы его пригласили не посѣщать васъ впредь, но за что именно—этого я... отъ васъ до крайней мѣрѣ не слышалъ.

— А стало-быть отъ него слышали! Что жъ онъ бранить меня, очень бранить?

— Да, онъ бранить, но вѣдь онъ всѣхъ бранить. Но за что вы ему отказали—я и отъ него не слышалъ. Да и вообще я очень рѣдко съ нимъ теперь встрѣчаюсь. Мы не друзья.

— Ну, такъ я вамъ это все открою и, нечего дѣлать, покаюсь, потому что тутъ есть одна черта въ которой я можеть-быть сама виновата. Только маленькая, маленькая черточка, самая маленькая, такъ что можеть-быть ея и нѣтъ вовсе. Видите, голубчикъ мой (гжа Хохлакова вдругъ приняла какой-то игривый видъ и на устахъ ея замелькала милая, хотя и загадочная улыбочка), видите, я подозреваю... вы меня простите, Алеша, я вамъ какъ мать... о, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я къ вамъ теперь какъ къ моему отцу... потому что мать тутъ совсѣмъ не идетъ... Ну, все равно какъ къ старцу Зосимѣ на исповѣди, и это самое вѣрное, это очень подходитъ: называя же я васъ давеча схимникомъ,—ну такъ вотъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, вашъ другъ Ракитинъ (о, Боже, я просто на него не могу сердиться! Я сержусь и злосюсь, но не очень), однимъ словомъ, этотъ легкомысленный молодой человѣкъ, вдругъ, представьте себѣ, кажется вздумалъ въ меня влюбиться. Я это потомъ, потомъ только вдругъ примѣтила, но въ началѣ, т.-е. съ мѣсяцъ назадъ, онъ сталъ бывать у меня чаще, почти каждый день, хотя и прежде мы были знакомы. Я ничего не знаю... и вотъ вдругъ меня какъ бы озарило, и я начинаю, къ удивленію, примѣчать. Вы знаете, я уже два мѣсяца тому начала принимать этого скромнаго, милого и достойнаго молодаго человѣка, Петра Ильича Перхотина, который здѣсь служить. Вы столько разъ его встрѣчали сами. И не правда ли, онъ достойный, серьезный. Приходитъ онъ въ три два разъ, а не каждый день (хотя лустъ

бы и каждый день), и всегда такъ хорошо одѣтъ, и вообще я люблю молодежь, Алеша, талантливую, скромную, вотъ какъ вы, а у него почти государственныи умъ, онъ такъ мило говорить, и я непременно, непременно буду просить за него. Это будущий дипломатъ. Онъ въ тотъ ужасный день меня почти отъ смерти спасъ прѣдя ко мнѣ ночью. Ну, а вашъ другъ Ракутинъ приходитъ всегда въ такихъ салогахъ и протанетъ ихъ по ковру... однимъ словомъ, онъ началъ мнѣ даже что-то намекать, а вдругъ однимъ разъ, уходя, пожалъ мнѣ ужасно крѣпко руку. Только что онъ мнѣ пожалъ руку какъ вдругъ у меня разболѣлась нога. Онъ и прежде встрѣчалъ у меня Петра Ильича, и вѣрите ли, все шпынуетъ его, все шпынуетъ, такъ и мычить на него за что-то. Я только смотрю на нихъ обоихъ, какъ они сойдутся, а внутри смѣюсь. Вотъ вдругъ я сижу одна, т.-е. нѣтъ, я тогда ужъ лежала, вдругъ я лежу одна, Михаилъ Ивановичъ и приходитъ и, представьте, привоситъ свои стишки, самые коротенькіе, на мою больную ногу, т.-е. описалъ въ стихахъ мою больную ногу. Пойдите, какъ это:

Эта ножка, эта ножка

Разболѣлася немножко...

или какъ тамъ,—вотъ никакъ не могу стиховъ запомнить— у меня тутъ лежать,—ну я вамъ потомъ покажу, только прелесть, прелесть, и знаете не объ одной только ножкѣ, а и правоучительное, съ прелестною идеей, только я ее забыла, однимъ словомъ, прямо въ альбомъ. Ну я разумеется благодарна, и онъ былъ видимо польщенъ. Не успѣла поблагодарить, какъ вдругъ входитъ и Петръ Ильичъ, а Михаилъ Ивановичъ вдругъ насупился какъ ночь. Я ужъ вижу что Петръ Ильичъ ему въ чемъ-то помѣшалъ, потому что Михаилъ Ивановичъ непременно что-то хотѣлъ сказать сейчасъ послѣ стиховъ, я ужъ предчувствовала, а Петръ Ильичъ и вошелъ. Я вдругъ Петру Ильичу стихи и показываю, да и не говорю кто сочинилъ. Но я увѣрена, я увѣрена что онъ сейчасъ догадался, хотя и до сихъ поръ не признается, а говоритъ что не догадался; но это онъ нарочно. Петръ Ильичъ тотчасъ захохоталъ и началъ критиковать:—дрянные, говоритъ, стишочки, какой-нибудь семиваристъ написалъ, да знаете, съ такимъ азартомъ, съ такимъ азартомъ! Тутъ вашъ другъ вмѣсто того чтобы разсмѣяться, вдругъ совсѣмъ и взбѣсился... Господи, я думала они подерутся: „Это я, говоритъ, написалъ.

Я, говорить, написалъ въ шутку, потому что считаю за низость писать стихи... Только стихи мои хороши. Вашему Пушкину за женскія ножки момументъ хотять ставить, а у меня съ направлениемъ, а вы сами, говорить, крѣпостникъ; вы, говорить, никакой гуманности не имѣете, вы никакихъ телерешающихъ просвѣщеныхъ чувствъ не чувствуете, васъ не коснулось развитіе, вы, говорить, чиновникъ и взятки берете!" Тутъ ужъ я начала кричать и молить ихъ. А Петръ Ильичъ, вы знаете, такой не робкій, и вдругъ принялъ самый благородный тонъ: смотреть на него насмѣшливо, слушаетъ и извивается: „Я, говорить, не зналъ. Еслибъ я зналъ, я бы не сказалъ, я бы, говорить, похвалилъ... Поэты, говорить, всё такъ раздражительны"... Однимъ словомъ, такіа насмѣшки подъ видомъ самаго благороднаго тона. Это онъ мнѣ самъ потомъ объяснилъ что это все были насмѣшки, а я думала онъ и въ самомъ дѣлѣ. Только вдругъ я лежу какъ вотъ теперь предъ вами и думаю: будетъ или не будетъ благородно если я Михаила Ивановича вдругъ проговю за то что неприлично кричить у меня въ домѣ на моего гостя? И вотъ вѣрите ли: лежу, закрыла глаза и думаю: будетъ или не будетъ благородно, и не могу рѣшить, и мучаюсь, мучаюсь, и сердце бьется: крикнуть аль не крикнуть? Одинъ голосъ говоритъ: кричи, а другой говоритъ: нѣтъ, не кричи! Только что этотъ другой голосъ сказалъ, я вдругъ и закричала и вдругъ упала въ обморокъ. Ну, тутъ разумѣется шумъ. Я вдругъ встаю и говорю Михаилу Ивановичу: мнѣ горько вамъ объявить, но я не желаю васъ болѣе принимать въ моемъ домѣ. Такъ и выгнала. Ахъ, Алексѣй Федоровичъ! я сама знаю что скверно сдѣлала, я все агала, я вовсе на него не сердилась, но мнѣ вдругъ, главное вдругъ, показалось что это будетъ такъ хорошо, эта сцена... Только вѣрите ли, эта сцена все-таки была натуральна, потому что я даже расплакалась, и нѣсколько дней потомъ плакала, а потомъ вдругъ послѣ обѣда все и позабыла. Вотъ онъ и пересталъ ходить уже двѣ недѣли, я и думаю: да неужто жъ онъ совсѣмъ не придетъ? Это еще вчера, а вдругъ къ вечеру приходятъ эти „слухи“. Прочла и ахнула, ну кто же написалъ, это онъ написалъ, пришелъ тогда домой, сѣлъ—и написалъ; послалъ—и напечатала. Вѣдь это двѣ недѣли какъ было. Только, Алеша, ужасъ я что говорю, а вовсе не говорю объ чемъ надо? Ахъ, само говорится!

— Мнѣ сегодня ужасно какъ нужно поспѣть вовремя къ брату, пролетѣлаъ было Алеша.

— Именно, именно! Вы мнѣ все напоминали! Послушайте, что такое афектъ?

— Какой афектъ? удивилася Алеша.

— Судебный афектъ. Такой афектъ за который все прощаютъ. Что бы вы ни сдѣлали—вась сейчасъ простятъ.

— Да вы про что это?

— А вотъ про что: эта Катя.... Ахъ это милое, милое существо, только я никакъ не знаю въ кого она влюблена. Недавно сидѣла у меня, и я ничего не могла выпытать. Тѣмъ болѣе что сама начинаетъ со мною теперь такъ поверхностно, однимъ словомъ, все объ моемъ здоровьѣ и ничего больше, и даже такой тонъ прѣвимаешь, а я и сказала себѣ: ну и пусть, ну и Богъ съ вами.... Ахъ да, ну такъ вотъ этотъ афектъ: этотъ докторъ и прѣвѣхалъ. Вы знаете что прѣвѣхалъ докторъ? Ну какъ вамъ не знать, который узнаетъ сумашедшихъ, вы же и выписали, то-есть не вы, а Катя. Все Катя! ну такъ видите: Сидитъ человѣкъ совсѣмъ не сумашедшій, только вдругъ у него афектъ. Онъ и ломитъ себя и знаетъ что дѣлаетъ, а между тѣмъ онъ въ афектѣ. Ну такъ вотъ и съ Дмитріемъ Федоровичемъ навѣрно былъ афектъ. Это какъ новые суды открыли, такъ сейчасъ и узнали про афектъ. Это благодѣяніе новыхъ судовъ. Докторъ этотъ былъ и разспрашиваетъ меня про тотъ вечеръ, ну про золотые прѣиски: каковъ дескать онъ тогда былъ? Какъ же не въ афектѣ: пришелъ и кричить: денегъ, денегъ, три тысячи, давайте три тысячи, а потомъ пошелъ и вдругъ убилъ. Не хочу, говорить, не хочу убивать, и вдругъ убилъ. Вотъ за это-то самое его и простятъ что провинился, а убилъ.

— Да вѣдь онъ же не убилъ, немного рѣзко прервалъ Алеша. Безпокойство и нетерпѣніе одолѣвали его все больше и больше.

— Знаю, это убилъ тотъ старикъ Григорій....

— Какъ Григорій? вскричалъ Алеша.

— Онъ, онъ, это Григорій Дмитрій Федоровичъ какъ ударилъ его, такъ онъ лежалъ, а потомъ всталъ, видитъ дверь отворена, пошелъ и убилъ Федора Павловича.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?

— А получилъ афектъ. Какъ Дмитрій Федоровичъ ударилъ его по головѣ, онъ очнулся и получилъ афектъ, пошелъ и

убилъ. А что онъ говоритъ самъ что не убилъ, такъ этого онъ можетъ и не помнить. Только видите ли: Лучше, гораздо лучше будетъ если Дмитрій Федоровичъ убилъ. Да это такъ и было, хоть я и говорю что Григорій, но это навѣрно Дмитрій Федоровичъ, и это гораздо, гораздо лучше! Ахъ, не потому лучше что сынъ отца убилъ, я не хваляю, дѣти напротивъ должны почитать родителей, а только все-таки лучше если это онъ, потому что вамъ тогда и плакать нечего, такъ какъ онъ убилъ себя не помня, или лучше сказать все помня, но не зная какъ это съ нимъ сдѣлалось. Нѣтъ, пусть они его простятъ; это такъ гуманно, и чтобы видѣли благодѣаніе новыхъ судовъ, а я-то и не знала, а говорятъ это уже давно, и какъ я вчера узнала, то меня это такъ поразило что я тотчасъ же хотѣла за вами послать; и потомъ, коли его простятъ, то прямо его изъ суда ко мнѣ обѣдать, а я созову знакомыхъ и мы выпьемъ за новые суды. Я не думаю чтобъ онъ былъ опасенъ, притомъ я позову очень много гостей, такъ что его можно всегда вывести если онъ что-нибудь, а потомъ онъ можетъ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ быть мировымъ судьей или чѣмъ-нибудь, потому что тѣ которые сами перенесли несчастіе всѣхъ лучше судятъ. А главное, кто жъ теперь не въ афектѣ, вы, я, всѣ въ афектѣ, и сколько примѣровъ: сидитъ человѣкъ, поетъ романсъ, вдругъ ему что-нибудь не понравилось, взялъ листочекъ и убилъ кого попало, а затѣмъ ему всѣ прощаютъ. Я это недавно читала, и всѣ доктора подтвердили. Доктора теперь подтверждаютъ, все подтверждаютъ. Помните, у меня Lise въ афектѣ, я еще вчера отъ нея плакала, третьяго дня плакала, а сегодня и догадалась что это у ней просто афектъ. Охъ, Lise меня такъ огорчаетъ! Я думаю она совсѣмъ помѣшалась. Зачѣмъ она васъ позвала? Она васъ позвала или вы сами къ ней пришли?

— Да, она звала, и я пойду сейчасъ къ ней, всталъ было рѣшительно Алеша.

— Ахъ милый, милый Алексѣй Федоровичъ, тутъ-то можетъ-быть и самое главное, вскрикнула гжа Хохлакова, вдругъ заплакавъ.—Богъ видитъ что я вамъ искренно довѣряю Lise, и это ничего что она васъ тайкомъ отъ матери позвала. Но Ивану Федоровичу, вашему брату, простите меня, я не могу довѣрить дочь мою съ такою легкостью, хотя и продолжаю считать его за самаго рыцарскаго молодого человѣка. А представьте, онъ вдругъ ибылъ у Lise, а я этого ничего и не знала.

— Какъ? Что? Когда? ужасно удивился Алеша. Онъ уже не садился и слушалъ стоя.

— Я вамъ разкажу, я для этого-то можетъ-быть васъ и позвала, потому что я ужъ и не знаю для чего васъ позвала. Вотъ что: Иванъ Федоровичъ былъ у меня всего два раза по возвращеніи своемъ изъ Москвы, первый разъ пришелъ какъ знакомый сдѣлать визитъ, а въ другой разъ, это уже недавно, Катя у меня сидѣла, онъ и зашелъ, узнавъ что она у меня. Я разумѣется и не претендовала на его частые визиты, зная сколько у него теперь и безъ того хлопотъ, vous comprenez, cette affaire et la mort terrible de votre papa, только вдругъ узнаю что онъ былъ опять, только не у меня, а у Lise, это уже дней шесть тому, пришелъ, просидѣлъ пять минутъ и ушелъ. А узнала я про это дѣлныхъ три дня спустя отъ Глафиры, такъ что это меня вдругъ фралировало. Тотчасъ призываю Lise, а она смѣется: онъ, дескать, думалъ что вы спите и зашелъ ко мнѣ спросить о вашемъ здоровьѣ. Конечно, оно такъ и было. Только Lise, Lise, о Боже, какъ она меня огорчаетъ! Вообразите, вдругъ съ ней въ одну ночь—это четыре дня тому, сейчасъ послѣ того какъ вы въ послѣдній разъ были и ушли—вдругъ съ ней ночью приладокъ, крикъ, визгъ, истерика! Отчего у меня никогда не бываетъ истерики? Затѣмъ на другой день приладокъ, а потомъ и на третій день, и вчера, и вотъ вчера этотъ афектъ. А она мнѣ вдругъ кричить: „Я ненавижу Ивана Федоровича, я требую чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали отъ дома!“ Я обомѣла при такой неожиданности и возражаю ей: съ какой же стати буду я отказывать такому достойному молодому человѣку и притомъ съ такими познаніями и съ такимъ несчастьемъ, потому что все-таки всѣ эти исторіи—вѣдь это несчастье, а не счастье, не правда ли? Она вдругъ расхохоталась надъ моими словами и такъ, знаете, оскорбительно. Ну я рада, думаю, что разсмѣшила ее, и приладки теперь пройдутъ, тѣмъ болѣе что я сама хотѣла отказать Ивану Федоровичу за странные визиты безъ моего согласія и потребовать объясненія. Только вдругъ сегодня утромъ Лиза проснулась и разсердилась на Юлію и, представьте, ударила ее рукой по лицу. Но вѣдь это монструозно, я съ моими дѣвчушками на *вы*. И вдругъ чрезъ часъ она обнимаетъ и цѣлуетъ у Юліи ноги. Ко мнѣ же прислала сказать что не придетъ ко мнѣ вовсе и впредь никогда не хочетъ ходить, а когда я

сама къ ней потащилась, то бросилась меня цѣловать и плакать и цѣлуя такъ и вылихнула вонъ ни слова не говоря, такъ что я такъ ничего и не узнала. Теперь, милый Алексѣй Федоровичъ, на васъ всѣ мои надежды и, конечно, судьба всей моей жизни въ вашихъ рукахъ. Я васъ просто прошу пойти къ Лизе, разузнать у ней все, какъ вы только однимъ умѣете это сдѣлать, и придти разказать мнѣ, мнѣ, матери, потому что вы понимаете, я умру, я просто умру если все это будетъ продолжаться, или убѣгу изъ дома. Я больше не могу, у меня есть терпѣнiе, но я могу его лишиться, и тогда... и тогда будутъ ужасы. Ахъ, Боже мой, наконецъ-то Петръ Ильичъ! вскрикнула вся вдругъ просiая гжа Хохлакова, за видя входящаго Петра Ильича Перхотина. — Олоздали, олоздали! Ну что, садитесь, говорите, рѣшайте судьбу, ну что жъ этотъ адвокатъ? Куда же вы, Алексѣй Федоровичъ?

— Я къ Лизе.

— Ахъ, да! Такъ вы не забудете, не забудете о чемъ я васъ просила? Тутъ судьба, судьба!

— Конечно не забуду если только можно.... но я такъ олоздаю, пробормоталъ поскорѣе ретируясь Алеша.

— Нѣтъ навѣрно, навѣрно заходите, а не „если можно“, иначе я умру! прокричала вслѣдъ ему гжа Хохлакова, но Алеша уже вышелъ изъ комнаты.

III.

Бѣсенокъ.

Войдя къ Лизѣ онъ засталъ ее полулежащею въ ея прежнемъ креслѣ, въ которомъ ее возили когда она еще не могла ходить. Она не тронулась къ нему на встрѣчу, но зоркiй, острый ея взглядъ такъ и впился въ него. Взглядъ былъ нѣсколько воспаленный, лицо блѣдно-желтое. Алеша изумился тому какъ она измѣнилась въ три дня, даже похудѣла. Она не протянула ему руки. Онъ самъ притронулся къ ея товкимъ, длиннымъ пальчикамъ, неподвижно лежавшимъ на ея платьѣ, затѣмъ молча сѣлъ противъ нея.

— Я знаю что вы слѣшите въ острогъ, рѣзко проговорила Лиза,—а васъ два часа задержала мама, сейчасъ вамъ про меня и про Юлію разкажала.

— Почему вы узнали? спросил Алеша.

— Я подслушивала. Чего вы на меня уставились? Хочу подслушивать и подслушиваю, ничего тутъ нѣтъ дурнаго. Прощенья не прошу.

— Вы чѣмъ-то разстроены?

— Напротивъ, очень рада. Только что сейчасъ разсуждала олять, въ тридцатый разъ: какъ хорошо что я вамъ отказала и не буду вашею женою. Вы въ мужа не годитесь: я за васъ выйду, и вдругъ дамъ вамъ записку чтобы свести тому котораго полюблю послѣ васъ, вы возьмете и непремѣнно отнесете, да еще отвѣтъ привесете. И сорокъ лѣтъ вамъ придется, и вы все также будете мои такія записки носить.

Она вдругъ засмѣялась.

— Въ васъ что-то злобное и въ то же время что-то простодушное, улыбаюся ей Алеша.

— Простодушное это то что я васъ не стыжусь. Мало того что не стыжусь, да и не хочу стыдиться, именно предъ вами, именно васъ. Алеша, почему я васъ не уважаю? Я васъ очень люблю, но я васъ не уважаю. Еслибъ уважала, вѣдь не говорила бы не стыдась, вѣдь такъ?

— Такъ.

— А вѣрите вы что я васъ не стыжусь?

— Нѣтъ, не вѣрю.

Лиза олять первно засмѣялась: говорила она скоро, быстро.

— Я вашему брату Дмитрію Федоровичу конфетъ въ острогъ послала. Алеша, знаете, какой! вы хорошенькій! Я васъ ужасно буду любить за то что вы такъ скоро позволили мнѣ васъ не любить.

— Вы для чего меня сегодня звали, Lise?

— Мнѣ хотѣлось вамъ сообщить одно мое желаніе. Я хочу чтобы меня кто-нибудь истерзалъ, жемился на мнѣ, а потомъ истерзалъ, обманулъ, ушелъ и уѣхалъ. Я не хочу быть несчастивою!

— Полюбили безпорядокъ?

— Ахъ, я хочу безпорядка. Я все хочу зажечь домъ. Я воображаю какъ это я подойду и зажгу потихоньку, непремѣнно чтобы потихоньку. Ови-то тухать, а овъ-то горить. А я знаю да молчу. Ахъ, глулости! И какъ скучно!

Она съ отвращеніемъ махнула ручкой.

— Богато живете, тихо проговорила Алеша.

— Лучше что ль бѣдной-то быть?

— Лучше.

— Это вамъ вашъ монахъ покойный наговорилъ. Это неправда. Пусть я богата, а всѣ бѣдныя, я буду конфеты ѣсть и славки лить, а тѣмъ никому не дамъ. Ахъ, не говорите, не говорите ничего (замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не открывалъ), вы мнѣ ужъ прежде все это говорили, я все наизусть знаю. Скучно. Если я буду бѣдная, я кого-нибудь убью, — да и богата если буду можетъ-быть убью, — что сидѣть-то! А знаете, я хочу жать, рожь жать. Я за васъ выйду, а вы ставьте мужикомъ, настоящимъ мужикомъ, у насъ жеребечекъ, хотите? Вы Калганова знаете!

— Знаю.

— Овъ все ходитъ и мечтаетъ. Овъ говоритъ: зачѣмъ неправду жить, лучше мечтать. Намечтать можно самое веселое, а жить скука. А вѣдь самъ скоро женится, овъ ужъ и мнѣ объяснялся въ любви. Вы умѣете кубари спускать?

— Умѣю.

— Вотъ это овъ какъ кубарь: завертѣть его и слустить и стегать, стегать, стегать кнутикомъ: выйду за него замужъ, всю жизнь буду спускать. Вамъ не стыдно со мной сидѣть?

— Нѣтъ.

— Вы ужасно сердитесь что я не про святое говорю. Я не хочу быть святою. Что сдѣлаютъ на томъ свѣтѣ за самый большой грѣхъ? Вамъ это должно быть въ точности извѣстно.

— Богъ осудитъ, пристально вглядывался въ нее Алеша.

— Вотъ такъ я и хочу. Я бы пришла, а меня бы и осудилъ, а я бы вдругъ всѣмъ имъ и засмѣялась въ глаза. Я ужасно хочу зажечь домъ, Алеша, нашъ домъ, вы мнѣ все не вѣрите?

— Почему же? Есть даже дѣти, лѣтъ по двѣнадцать, которымъ очень хочется зажечь что-нибудь, и они зажигаютъ. Это въ родѣ болѣзни.

— Не правда, не правда, пусть есть дѣти, но я не про то.

— Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризисъ, въ этомъ ваша прежняя болѣзнь можетъ-быть виновата.

— А вы-таки меня презираете! Я просто не хочу дѣлать доброе, я хочу дѣлать злое, а никакой тутъ болѣзни нѣтъ.

— Зачѣмъ дѣлать злое?

— А чтобы видѣть ничего не осталось. Ахъ, какъ бы хорошо кабы ничего не осталось! Знаете, Алеша, я иногда думаю надѣлать ужасно много зла и всего сквернаго, и долго

буду тихонько дѣлать, и вдругъ всѣ узнають. Всѣ меня обступятъ и будутъ показывать на меня пальцами, а я буду на всѣхъ смотреть. Это очень пріятно. Почему это такъ пріятно, Алеша?

— Такъ. Потребность раздавить что-нибудь хорошее, али вотъ какъ вы говорили заечъ. Это тоже бываетъ.

— Я вѣдь не то что говорила, я вѣдь и сдѣлаю.

— Вѣрю.

— Ахъ какъ я васъ люблю за то что вы говорите: вѣрю. И вѣдь вы вовсе, вовсе не лжете. А можетъ-быть вы думаете что я вамъ все это нарочно чтобы васъ дразнить?

— Нѣтъ, не думаю... хотя можетъ-быть и есть немного этой потребности.

— Не много есть. Никогда предъ вами не солгу, проговорила она со сверкнувшими какимъ-то огонькомъ глазами.

Алешу всего болѣе поражала ея серіозность: ни тѣни смѣшливости и шутовности не было теперь въ ея лицѣ, хотя прежде веселость и шутовность не покидали ея въ самыя „серіозныя“ ея минуты.

— Есть минуты когда люди любятъ преступленіе, задумчиво проговорила Алеша.

— Да, да! Вы мою мысль сказали, любятъ, всѣ любятъ и всегда любятъ, а не то что „минуты“. Знаете, въ этомъ всѣ какъ будто когда-то условились лгать и всѣ съ тѣхъ лоръ лгутъ. Всѣ говорятъ что ненавидятъ дурное, а про себя всѣ его любятъ.

— А вы все полпрежнему дурныя книги читаете?

— Читаю. Мама читаетъ и подъ подушку прячетъ, а я краду.

— Какъ вамъ не совѣстно разрушать себя?

— Я хочу себя разрушать. Тутъ есть одинъ мальчикъ, онъ подъ рельсами пролежалъ когда надъ нимъ вагоны ѣхали. Счастливецъ! Послушайте, теперь вашего брата судятъ за то что онъ отца убилъ, и всѣ любятъ что онъ отца убилъ.

— Любить что отца убилъ?

— Любить, всѣ любятъ! Всѣ говорятъ что это ужасно, но про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько правды, проговорилъ тихо Алеша.

— Ахъ, какія у васъ мысли! взвизгнула въ восторгѣ Лиза, — это у монаха-то! Вы не повѣрите какъ я васъ уважаю, Алеша, за то что вы никогда не лжете. Ахъ, я вамъ одинъ мой

смѣшной совѣ разкажу: мнѣ иногда во снѣ святся черти будто ночь, я въ моей комнатѣ со свѣчкой, и вдругъ вездѣ черти, во всѣхъ углахъ, и подъ столомъ, и двери отворяютъ, а ихъ тамъ за дверями толпа и имъ хочется войти и меня схватить. И ужъ подходятъ, ужъ хватаютъ. А я вдругъ перекрещусь, и они всѣ назадъ, боятся, только не уходятъ совсѣмъ, а у дверей стоять и по угламъ, ждутъ. И вдругъ мнѣ ужасно захочется вслухъ начать Бога бранить, вотъ и начну бранить, а они-то вдругъ опять толпой ко мнѣ, такъ и обрадуются, вотъ ужъ и хватаютъ меня опять, а я вдругъ опять перекрещусь—а они всѣ назадъ. Ужасно весело, духъ замираетъ.

— И у меня бывалъ этотъ самый совѣ, вдругъ сказалъ Алеша.

— Неужто? вскрикнула Лиза въ удивленіи.—Послушайте, Алеша, не смѣйтесь, это ужасно важно: развѣ можно чтобъ у двухъ разныхъ былъ одинъ и тотъ же совѣ?

— Вѣрно можно.

— Алеша, говорю вамъ, это ужасно важно, въ какомъ-то чрезмѣрномъ уже удивленіи продолжала Лиза.—Не совѣ важень, а то что вы могли видѣть этотъ же самый совѣ какъ и я. Вы никогда мнѣ не лжете, не лжете и теперь: это правда? Вы не смѣетесь?

— Правда.

Лиза была чѣмъ-то ужасно поражена и на полминутку примолкла.

— Алеша, ходите ко мнѣ, ходите ко мнѣ чаще, проговорила она вдругъ молящимъ голосомъ.

— Я всегда, всю жизнь буду къ вамъ яриходить, твердо отвѣтилъ Алеша.

— Я вѣдь одному вамъ говорю, начала опять Лиза.—Я себѣ одной говорю, да еще вамъ. Вамъ одному въ цѣломъ мірѣ. И вамъ охотнѣе чѣмъ самой себѣ говорю. И васъ совсѣмъ не стыжусь. Алеша, почему я васъ совсѣмъ не стыжусь, совсѣмъ? Алеша, правда ли что Жидаы на Пасху дѣтей крадутъ и рѣжутъ?

— Не знаю.

— Вотъ у меня одна книга, я читала про какой-то гдѣ-то судъ, и что Жидаъ четырехлѣтнему мальчику свачала всѣ пальчики обрѣзалъ на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распаялъ на стѣнѣ, прибилъ гвоздями и распаялъ, а потомъ на судѣ сказалъ что мальчикъ умеръ скоро, чрезъ четыре часа. Эка скоро! Го-

ворить: стоналъ, все стоналъ, а тотъ стоялъ и на него любовался. Это хорошо!

— Хорошо?

— Хорошо. Я иногда думаю что это я сама расплаа. Онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ вѣсть. Я очень люблю ананасный компотъ. Вы любите?

Алеша молчалъ и смотрѣлъ на нее. Блѣдно-желтое лицо ея вдругъ исказилось, глаза загорѣлись.

— Знаете, я про Жюда этого какъ прочла, то всю ночь такъ и трясаась въ слезахъ. Воображаю какъ ребеночекъ кричить и стонетъ (вѣдь четырехлѣтнiе мальчишки лопчмають), а у меня все эта мысль про компотъ не отстаетъ. Утромъ я послала письмо къ одному человѣку чтобы *непрелъжно* пришелъ ко мнѣ. Онъ пришелъ, а я ему вдругъ разказала про мальчика и про компотъ, *все* разказала, *все*, и сказала что „это хорошо“. Онъ вдругъ засмѣялся и сказалъ что это въ самомъ дѣлѣ хорошо. Затѣмъ всталъ и ушелъ. Всего пять минутъ сидѣлъ. Презиралъ онъ меня, презиралъ? Говорите, говорите, Алеша, презиралъ онъ меня или нѣтъ? выпрадила она на кушеткѣ засверкавъ глазами.

— Скажите, проговорилъ въ волненiи Алеша, — вы сами его позвали, этого человѣка?

— Сама.

— Письмо ему послали?

— Письмо.

— Собственно про это спросить, про ребенка?

— Нѣтъ, совсѣмъ не про это, совсѣмъ. А какъ онъ вошелъ я сейчасъ про это и спросила. Онъ отвѣтилъ, засмѣялся, всталъ и ушелъ.

— Этотъ человѣкъ честно съ вами поступилъ, тихо проговорилъ Алеша.

— А меня презиралъ? Смѣялся?

— Нѣтъ, потому что онъ самъ, можетъ, вѣрить ананасному компоту. Онъ тоже очень телерь боленъ, Lise.

— Да, вѣрить! засверкала глазами Лиза.

— Онъ никого не презираетъ, продолжалъ Алеша.—Онъ только никому не вѣритъ. Коль не вѣритъ, то конечно и презираетъ.

— Стало-быть и меня? меня?

— И васъ.

— Это хорошо, какъ-то проскрежетала Лиза.—Когда онъ

вышла и засмѣяся, я почувствовала что въ презрѣніи быть хорошо. И мальчикъ съ отрѣзанными пальчиками хорошо, и въ презрѣніи быть хорошо...

И она какъ-то злобно и воспаленно засмѣялась Алешѣ въ глаза.

— Знаете, Алеша, знаете, а бы хотѣла.... Алеша, спасите меня! вскочила она вдругъ съ кушетки, бросилась къ нему и крѣпко обхватила его руками.—Спасите меня,—почти простонала она.—Развѣ я кому-нибудь въ мірѣ скажу что вамъ говорила? А вѣдъ я правду, правду, правду говорила! Я убью себя потому что мнѣ все гадко! Я не хочу жить, потому что мнѣ все гадко! Мнѣ все гадко, все гадко! Алеша, зачѣмъ вы меня совсѣмъ, совсѣмъ не любите! закончила она въ изступленіи.

— Нѣтъ, люблю! горячо отвѣтилъ Алеша.

— А будете обо мнѣ плакать, будете?

— Буду.

— Не за то что я вашею женой не захотѣла быть, а просто обо мнѣ плакать, просто?

— Буду.

— Спасибо! Мнѣ только вашихъ слезъ надо. А всѣ остальные пусть казнятъ меня и раздавятъ ногой, всѣ, всѣ, не исключая *никого!* Потому что я не люблю никого. Слышите, ни-ко-го! Напротивъ, ненавижу! Ступайте, Алеша, вамъ пора къ брату! оторвалась она отъ него вдругъ.

— Какъ же вы останетесь? почти въ испугѣ проговорилъ Алеша.

— Ступайте къ брату, острогъ залпуть, ступайте, вотъ ваша шляпа! Поцѣлуйте Митю, ступайте, отупайте!

И она съ силой почти вылихнула Алешу въ дверь. Тотъ смотрѣлъ съ горестнымъ недоумѣніемъ, какъ вдругъ почувствовалъ въ своей правой рукѣ письмо, маленькое письмецо, твердо сложенное и запечатанное. Онъ взглянулъ и мгновенно прочелъ адресъ: Ивану Федоровичу Карамазову. Онъ быстро поглядѣлъ на Лизу. Лицо ея сдѣлалось почти грозно.

— Передайте, непременно передайте! изступленно, вся сотрясаясь, приказывала она,—сегодня, сейчасъ! Иначе я отравлюсь! Я васъ затѣмъ и звала!

И быстро захолоула дверь. Щелкнула щекоча. Алеша положилъ письмо въ карманъ и пошелъ прямо на лѣстницу, не заходя къ госпожѣ Хохлаковой, даже забывъ о ней.

А Лиза, только-что удалился Алеша, тотчас же отвернула щеколду, пріотворила калейку дверь, вложила въ щель свой палецъ и, захлопнувъ дверь, изо всей силы придавила его. Секунды черезъ десять, высвободивъ руку, она тихо, медленно прошла на свое кресло, сѣла вся выпрямившись и стала пристально смотрѣть на свой почернѣвшій пальчикъ и на выдавившуюся изъ-подъ ногтя кровь. Губы ея дрожали и она быстро, быстро шептала про себя:

— Подлая, подлая, подлая, подлая!

IV.

Гимнъ и секретъ.

Было уже совсѣмъ поздно (да и великъ ли ноябрьскій день) когда Алеша позвонилъ у воротъ острога. Начинало даже смеркаться. Но Алеша зналъ что его пропустятъ къ Митѣ безпрелютственно. Все это у насъ въ нашемъ городкѣ какъ и вездѣ. Сначала, конечно, по заключенію всего предварительнаго слѣдствія, доступъ къ Митѣ для свиданія съ родственниками и съ нѣкоторыми другими лицами все же былъ обставленъ нѣкоторыми необходимыми формальностями, но въ послѣдствіи формальности не то что ослабли, но для иныхъ лицъ по крайней мѣрѣ, приходившихъ къ Митѣ, какъ-то сами собой установились нѣкоторыя исключенія. До того что иной разъ даже и свиданія съ заключеннымъ въ назначенной для того комнатѣ происходили почти между четырехъ глазъ. Впрочемъ такихъ лицъ было очень немного: всего только Грушенька, Алеша и Ракитинъ. Но къ Грушенькѣ очень благоволилъ самъ исправникъ Михаилъ Макаровичъ. У старика лежалъ на сердцѣ его окрикъ на нее въ Мокромъ. Потомъ, узнавъ всю суть, онъ измѣнилъ совсѣмъ о ней свои мысли. И странное дѣло: хотя былъ твердо убѣжденъ въ преступленіи Мити, но со времени заключенія его, все какъ-то болѣе и болѣе смотрѣлъ на него мягче: „съ хорошею можетъ - быть душой былъ человекъ, а вотъ пропалъ какъ Шведъ, отъ пьянства и безпорядка“! Прѣжній ужасъ смѣнился въ сердцѣ его какою-то жалостью. Что же до Алеши, то исправникъ очень любилъ его и давно уже былъ съ нимъ знакомъ, а Ракитинъ, повадившійся въ послѣдствіи приходить

очень часто къ заключенному, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ „исправничьихъ барышень“, какъ онъ называлъ ихъ, и ежедневно терся въ ихъ домѣ. У смотрителя же острога, благодушнаго старика, хотя и крѣпкаго служаки, онъ давалъ въ домѣ уроки. Алеша же олять-таки былъ особенный и стародавній знакомый и смотрителя, любившаго говорить съ нимъ вообще о „премудрости“. Ивана Федоровича, налпримѣръ, смотритель не то что уважалъ, а даже боялся, главное, его сужденій, хотя самъ былъ большимъ философомъ, разумѣется „своимъ умомъ добѣда“. Но къ Алешѣ въ немъ была какая-то нелобѣдимая симпатія. Въ послѣдній годъ старикъ какъ разъ засѣлъ за алокрифическія евангелія и поминутно сообщалъ о своихъ впечатлѣніяхъ своему молодому другу. Прежде даже заходилъ къ нему въ монастырь и толковалъ съ нимъ и съ іеромонахами по цѣлымъ часамъ. Словомъ, Алешѣ, еслибы даже онъ и залоздалъ въ острогъ, стоило пройти къ смотрителю, и дѣло всегда улаживалось. Къ тому же къ Алешѣ всѣ до послѣдняго сторожа въ острогѣ привыкли. Карауль же конечно не стѣснялъ, было бы лишь дозволеніе начальства. Митя изъ своей коморки, когда вызывали его, сходилъ всегда внизъ въ мѣсто назначенное для свиданій. Войдя въ комнату Алеша какъ разъ столкнулся съ Ракитинымъ, уже уходившимъ отъ Мити. Оба они громко говорили. Митя, провожая его, чему-то очень смѣялся, а Ракитинъ какъ будто ворчалъ. Ракитинъ, особенно въ послѣднее время, не любилъ встрѣчаться съ Алешей, почти не говорилъ съ нимъ, даже и расклавивался съ ватугой. Завидя теперь входящаго Алешу онъ особенно нахмурилъ брови и отвелъ глаза въ сторону, какъ бы весь занятый застегиваніемъ своего большаго теплаго съ мѣховымъ воротникомъ пальто. Потомъ тотчасъ же принялся искать свой зонтикъ.

— Своего бы не забыть чего, пробормоталъ онъ единственно чтобы что-нибудь сказать.

— Ты чужаго-то чего не забудь! сострилъ Митя, и тотчасъ же самъ расхохотался своей остротѣ. Ракитинъ мигомъ вслышалъ.

— Ты это своимъ Карамазовымъ рекомандуй, крѣпостничье ваше отродье, а не Ракитину! крикнулъ онъ вдругъ такъ и затрясшись отъ злости.

— Чего ты? Я пошутилъ! вскрикнулъ Митя,—фу, чортъ!

Вотъ они всѣ таковы,—обратился онъ къ Алешѣ, кивая на быстро уходившаго Ракутина:—то все сидѣлъ смѣялся и весель былъ, а тутъ вдругъ и вскипѣлъ! Тебѣ даже и головой не кивнулъ, совсѣмъ что ли вы рассорились? Чтò ты такъ поздно? Я тебя не то что ждалъ, а жаждалъ все утро. Ну да ничего! Наверстаемъ.

— Чтò онъ къ тебѣ такъ часто ловадился? Подружился ты съ нимъ что ли? спросилъ Алеша, кивая тоже на дверь въ которую убрался Ракутинъ.

— Съ Михаиломъ-то подружился? Нѣтъ, не то чтобъ. Да и чего, свинья! Считаешь что я... подлецъ. Шутки тоже не понимаютъ—вотъ чтò въ нихъ главное. Никогда не поймутъ шутки. Да и сухо у нихъ въ душѣ, плоско и сухо, точно какъ я тогда къ острогу подвѣзжалъ и на острожныя стѣны смотрѣлъ. Но умный человѣкъ, умный. Ну, Алексѣй, пропала теперь моя голова!

Онъ сѣлъ на скамейку и посадилъ съ собою рядомъ Алешу.

— Да, завтра судъ. Чтò жъ, неужели же ты такъ совсѣмъ не надеешься, братъ? съ робкимъ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Ты это про чтò? какъ-то неопредѣленно глянулъ на него Митя,—ахъ, ты про судъ! Ну, чертъ! Мы до сихъ поръ все съ тобой о пустякахъ говорили, вотъ все про этотъ судъ, а я объ самомъ главномъ съ тобою молчалъ. Да, завтра судъ, только я не про судъ сказалъ что пропала моя голова. Голова не пропала, а то чтò въ головѣ сидѣло, то пропало. Чтò ты на меня съ такою критикой въ лицѣ смотришь?

— Про чтò ты это, Митя?

— Идеи, идеи, вотъ чтò! Эеика. Это чтò такое эеика?

— Эеика? удивился Алеша.

— Да, наука что ли какаая?

— Да, есть такая наука... только... я, признаюсь, не могу тебѣ объяснить какаая наука.

— Ракутинъ знаетъ. Много знаетъ Ракутинъ, чертъ его деру! Въ монахи не пойдетъ. Въ Петербургъ собирается. Тамъ, говорить, въ отдѣленіе критики, но съ благородствомъ направленія. Чтò жъ, можетъ пользу привести и карьеру устроить. Ухъ, карьеру они мастера! Чертъ съ эеикой! Я-то пропалъ, Алексѣй, я-то, Божій ты человѣкъ! Я тебя больше всѣхъ люблю. Сотрасается у меня сердце на тебя, вотъ чтò. Какой тамъ былъ Карлъ Бернаръ?

— Карлъ Бернаръ? удивился опять Алеша.

— Нѣтъ не Карлъ, постой, совралъ: Клодъ Бернаръ. Это что такое? Химія что ли?

— Это должно-быть ученый одиъ, отвѣтилъ Алеша,— только, признаюсь тебѣ, и о немъ много не сумѣю сказать. Слышалъ только ученый, а какой, не знаю.

— Ну и чортъ его деру, и я не знаю, обругаюся Митя.— Подлецъ какой-нибудь, всего върооятѣе, да всѣ подлецы. А Ракитинъ пролѣзетъ, Ракитинъ въ шелку пролѣзетъ, тоже Бернаръ. Ухъ, Бернары! Много ихъ расплодилось!

— Да что съ тобою? настойчиво спросилъ Алеша.

— Хочетъ онъ обо мнѣ, объ моемъ дѣлѣ статью написать, и тѣмъ въ литературѣ свою роль начать, съ тѣмъ и ходить, самъ объяснялъ. Съ направленіемъ что-то хочетъ: „дескать нельзя было ему не убитъ, заѣденъ средой“ и проч., объяснялъ мнѣ. Съ отгѣнкомъ социализма, говорить, будетъ. Ну и чортъ его деру, съ отгѣнкомъ, такъ съ отгѣнкомъ, мнѣ все равно. Брата Ивана не люблю, ненавижу, тебя тоже не жадуешь. Ну, а я его не говю, потому что человекъ умный. Возносится очень однако. Я ему сейчасъ вотъ говорилъ: „Карамазовы не подлецы, а философы, потому что всѣ настоящіе русскіе люди философы, а ты хоть и учился, а не философъ, ты смердь.“ Смѣется, злобно такъ. А я ему: де мыслибуть non est disputandum, хороша острота? По крайней мѣрѣ и я въ классицизмъ вступилъ, захохоталъ вдругъ Митя.

— Отчего ты пропалъ-то? Вотъ ты сейчасъ сказалъ? перебилъ Алеша.

— Отчего пропалъ? Гм! Въ сущности... если все цѣлое взять—Бога жалко, вотъ отъ чего!

— Какъ Бога жалко?

— Вообрази себѣ: это тамъ въ нервахъ, въ головѣ, то-есть тамъ въ мозгу эти нервы... (ну чортъ ихъ возьми!) есть такіе ѣтакіе хвостики, у нервовъ этихъ хвостики, ну и какъ только они тамъ задрожать... то-есть видишь, я посмотрю на что-нибудь глазами, вотъ такъ, и они задрожать, хвостики-то... а какъ задрожать, то и является образъ, и не сейчасъ является, а тамъ какое-то мгновеніе, секунда такая пройдетъ, и является такой будто бы моментъ, то-есть не моментъ,— чортъ его деру моментъ,—а образъ, то-есть предметъ или происшествіе, ну тамъ чортъ деру—вотъ почему я и созер-

цаю, а потомъ мысляю... потому что хвостики, а вовсе не потому что у меня душа и что я тамъ какой-то образъ и подобіе, все это глупости. Это, братъ, мнѣ Михаилъ еще вчера объяснялъ, и меня точно обожгло. Великолѣвна, Алеша, эта наука! Новый человекъ пойдетъ, это-то я ловимаю... А все-таки Бога жалко!

— Ну и то хорошо, сказалъ Алеша.

— Что Бога-то жалко? Химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, ваше прелодобіе, подвигайтесь немножко, химія идетъ! А не любите Бога Ракитинъ, ухъ, не любите! Это у нихъ самое большое мѣсто у всѣхъ! Но скрываютъ. Лгутъ. Представляютъ. „Что же, будешь это проводить въ отдѣленіи критики“, спрашиваю? — „Ну явно-то не дадутъ“, говорить, смѣется.—Только какъ же, спрашиваю, послѣ того человекъ-то? Безъ Бога-то и безъ будущей жизни? Вѣдь это стало-быть теперь все позволено, все можно дѣлать?—„А ты и не зналъ?“ говорить. Смѣется.—„Умному, говорить, человеку все можно, умный человекъ умѣетъ раковъ ловить, ну а вотъ ты, говорить, убилъ и влаолаас, и въ тюрьмѣ гнѣишь!“ Это онъ мнѣ-то говорить. Сивья естественная! Я этакихъ прежде вовъ вышвыривалъ, ну а теперь слушаю. Много вѣдь и дѣльнаго говорить. Умно тоже пишеть. Онъ мнѣ съ недѣлю назадъ статью одну началъ читать, а тамъ три строки тогда нарочно выписалъ, вотъ постой, вотъ здѣсь.

Митя, слѣша, вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажку и прочелъ:

„Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо прежде всего поставить свою личность въ разрѣзъ со своею дѣйствительностію.“

— Понимаешь или нѣтъ?

— Нѣтъ, не ловимаю, сказалъ Алеша.

Онъ съ любопытствомъ приглядывался къ Митѣ и слушалъ его.

— И я не ловимаю. Темно и не ясно, зато умно. „Всѣ, говорить, такъ теперь пишутъ, потому что такая ужъ среда...“ Среды боятся. Стихи тоже пишеть, подлець, Хохлаковой вожку воспѣвалъ, ха-ха-ха!

— Я слышалъ, сказалъ Алеша.

— Слышалъ? А стиховки слышалъ?

— Нѣтъ.

— У меня они есть, вотъ, я прочту. Ты не знаешь, я тебѣ не разказывалъ, тутъ дѣлая исторія. Шельма! Три

недѣли назадъ меня дразнить вздумалъ: „Ты вотъ, говоритъ, воладся какъ дуракъ изъ-за трехъ тысячъ, а я полторасти ихъ тядну, на двоидѣ одной жемюсь и каменный домъ въ Петербургѣ кулаю.“ И разказалъ мнѣ что строить куры Хохлаковой, а та и смолоду ума не была, а въ сорокъ-то лѣтъ и совсѣмъ ума рѣшилась. „Да чувствительна, говоритъ, ужъ очень, вотъ я ее на томъ и добыю. Жемюсь, въ Петербургъ ее отвезу, а тамъ газету издавать начну.“ И такая у него скверная сладострастная слюна на губахъ,—не на Хохлакову слюна, а на полторасти эти тысячъ. И увѣрилъ меня, увѣрилъ; все ко мнѣ ходить, каждый день: поддается, говоритъ. Радостью сиялъ. А тутъ вдругъ его и выгнали: Перхотинъ Петръ Ильичъ взялъ верхъ, молодець! То-есть такъ бы и расцѣловалъ эту дурицу за то что его прогнала! Вотъ онъ какъ ходилъ-то ко мнѣ тогда и сочивалъ эти стиховки. „Въ первый разъ, говоритъ, руки мараю, стихи пишу, для обоащениа значить, для полезнаго дѣла. Забравъ капиталъ у дурици, гражданскую пользу лотомъ привести могу.“ У нихъ вѣдь всякой мерзости гражданское оправданіе есть! „А все-таки говоритъ, лучше твоего Пушкина написалъ, потому что и въ шутовской стихокъ сумѣлъ гражданскую скорбь всучить.“ Это что про Пушкина-то—я понимаю. Чтѣ же есаи въ самомъ дѣлѣ способный былъ человекъ, а только ножки описывалъ! Да вѣдь гордился-то стиховками какъ! Самолюбіе-то у нихъ, самолюбіе! „На выздоровленіе большой ножки моего предмета“—это онъ такое заглавіе придумалъ,—рѣзвый человекъ!

Ужъ какая жь эта ножка,
Ножка вслужшая немножко!
Доктора къ ней вздять, лѣчать
И биятуютъ и калѣчатъ.

—
Не по ножкамъ я тоскую,—
Пусть ихъ Пушкинъ воспѣваетъ:
По головкѣ а тоскую
Что идей не понимаетъ.

—
Понимала ужъ немножко,
Да вотъ ножка помѣшала!
Пусть же вылѣчится ножка,
Чтобъ головка понимала.

Свинья, чистая свинья, а игриво у мерзавца вышло! И дѣйствительно „гражданскую“-то всучилъ. А какъ разсердился когда его выгнали. Скрежеталъ!

— Онъ уже отмстилъ, сказалъ Алеша.—Онъ про Хохлакову корреспонденцію написалъ.

И Алеша разказалъ ему наскоро о корреспонденціи въ газетѣ *Служи*.

— Это онъ, онъ! подтвердилъ Митя нахмурившись,—это онъ! Эти корреспонденціи... я вѣдь знаю.... т.-е. сколько визостей было уже написано, про Грушу напимѣръ!.... И про ту тоже, про Катю.... Гм!

Онъ озабоченно прошелся по комнатамъ.

— Братъ, мнѣ нельзя долго оставаться, сказалъ помолчавъ Алеша.—Завтра ужасный, великій день для тебя: Божій судъ надъ тобой совершится... и вотъ я удивляюсь, ходишь ты и вмѣсто дѣла говоришь Богъ знаетъ о чемъ...

— Нѣтъ, не удивляйся, горячо перебилъ Митя.—Что же мнѣ о смердящемъ этомъ лѣтъ говорить, что ли? Объ убійцѣ? Довольно мы съ тобой объ этомъ переговорили. Не хочу больше о смердящемъ, сынъ Смердячей! Его Богъ убьетъ, вотъ увидишь, молчи!

Онъ въ волненіи подошелъ къ Алешѣ и вдругъ поцѣловалъ его. Глаза его загорѣлись.

— Ракитинъ этого не пойметъ, началъ онъ весь какъ бы въ какомъ-то восторгѣ,—а ты, ты все поймешь. Оттого и жаждалъ тебя. Видишь, я давно хотѣлъ тебѣ многое здѣсь, въ этихъ обѣздалыхъ стѣнахъ выразить, но молчалъ о главнѣйшемъ: время какъ будто все еще не приходило. Дождался теперь послѣдняго срока чтобы тебѣ душу выцить. Братъ, я въ себѣ въ эти два послѣдніе мѣсяца новаго человѣка ощутилъ, воскресъ во мнѣ новый человѣкъ! Былъ заключенъ во мнѣ, но никогда бы не явился еслибы не этотъ громъ. Страшно! И что мнѣ въ томъ что въ рудникахъ буду двадцать лѣтъ молоткомъ руду выколачивать,—не боюсь я этого вовсе, а другое мнѣ страшно теперь: чтобы не отошелъ отъ меня воскресшій человѣкъ! Можно найти и тамъ, въ рудникахъ, подъ землею, рядомъ съ собой, въ такомъ же каторжномъ и убійцѣ человѣческомъ сердцѣ, и сойтись съ нимъ, потому что и тамъ можно жить и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить въ этомъ каторжномъ человѣкѣ замершее сердце, можно ухаживать за нимъ годы и выбить наконецъ изъ вертепа на свѣтъ уже душу высокую, страдальческое созна-

нѣ, возродить ангела, воскресить героя! А ихъ вѣдь много, ихъ сотни, и всѣ мы за нихъ виноваты! Зачѣмъ мнѣ тогда приснилось „дитѣ“ въ такую минуту? „Отчего бѣдно днѣе?“ Это пророчество мнѣ было въ ту минуту! За „дитѣ“ и пойду. Потому что всѣ завсѣхъ виноваты. За всѣхъ „дитѣ“, потому что есть малыя дѣти и большія дѣти. Всѣ—„дитѣ“. Завсѣхъ и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всѣхъ пойти. Я не убилъ отца, но мнѣ надо пойти. Принимаю! Мнѣ это здѣсь все пришло... вотъ въ этихъ облачныхъ стѣнахъ. А ихъ вѣдь много, ихъ тамъ сотни, подземныхъ-то, съ молотками въ рукахъ. О, да, мы будемъ въ цѣляхъ, и не будетъ воли, но тогда, въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость, безъ которой человѣку жить невозможно, а Богу быть, ибо Богъ даетъ радость, это его привилегія, великая... Господи, истаи человѣкъ въ молитвѣ! Какъ я буду тамъ подъ землей безъ Бога? Вреть Ракитивъ: если Бога съ земли изгонять, мы подъ землей его срѣтимъ! Каторжному безъ Бога быть невозможно, невозможно даже чѣмъ не каторжному! И тогда мы, подземные человѣки, залоемъ изъ вѣдръ земли трагической гимнъ Богу у котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и его радость! Люблю Его!

Митя, произнося свою дикую рѣчь, почти задышался. Онъ поблѣднѣлъ, губы его вздрагивали, изъ глазъ катились слезы.

— Нѣтъ, жизнь полна, жизнь есть и подъ землею! началъ онъ олять. — Ты не повѣришь, Алексѣй, какъ я теперь жить хочу, какая жажда существовать и сознавать именно въ этихъ облачныхъ стѣнахъ во мнѣ зародилась! Ракитивъ этого не понимаетъ, ему бы только домъ выстроить да жильцовъ лустить, но я ждалъ тебя. Да и что такое страданіе? Не боюсь его, хотя бы оно было безчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся. Знаешь, я можетъ-быть не буду и отвѣчать на судъ... И кажется столько во мнѣ этой силы теперь что я все поборю всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь—но есмь! Въ столбѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю что оно есть. А знать что есть солнце—это уже вся жизнь. Алеша, херувимъ ты мой, меня убиваютъ разныя философіи, чортъ ихъ дери! Братъ Иванъ...

— Что братъ Иванъ? перебилъ было Алеша, но Митя не разсуждалъ.

— Видишь, я прежде этихъ всѣхъ сомнѣній никакихъ не

имѣлъ, но все во мнѣ это таилось. Именно можетъ отъ того что идея бушевала во мнѣ неизвестная я и лямствовавъ, и драдса, и бѣсилса. Чтobb утоаитъ въ себѣ ихъ драдса, чтobb ихъ усмирить. сдavitъ. Братъ Иванъ не Ракитинъ, онъ таитъ идею. Братъ Иванъ сфинксъ, и молчитъ, все молчитъ. А меня Богъ мучитъ. Одно только это и мучитъ. А что какъ Его нѣтъ? Чтo если правъ Ракитинъ что это идея искусственная въ человѣчествѣ? Тогда, если Его нѣтъ, то человѣкъ шефъ земли, міроздавнѣ. Великолѣпно! Только какъ онъ будетъ добродѣтелемъ безъ Бога-то? Вопросъ! Я все про это. Ибо кого же онъ будетъ тогда любить, человѣкъ-то? Кому благодаренъ-то будетъ, кому гимнъ-то воспоетъ? Ракитинъ смѣется. Ракитинъ говорить что можно любить человѣчество и безъ Бога. Ну это сморчекъ солиивый можетъ только такъ утверждать, а я понять не могу. Легко жить Ракитину: „ты, говорить онъ мнѣ сегодня, о расширеніи гражданскихъ правъ человѣка хаолочи лучше, али хотъ о томъ чтобы цѣна на говядину не возвысилса; этимъ проще и ближе человѣчеству любовь окажешь чѣмъ философіями.“ Я ему на это и отмочилъ: „А ты, говорю, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣну набьешь, кодь подъ руку поладеть, и наколотись рубль на колѣнку“. Разсердилса. Ибо чтo такое добродѣтель? отвѣчай ты мнѣ, Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у Китайца другая—вещь значить относительная. Или нѣтъ? Или не относительная? Вопросъ коварный! Ты не засмѣешься если скажу что я двѣ ночи не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только тому какъ люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ. Суета! У Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ размѣрахъ. Но онъ молчитъ. Я думаю онъ масонъ. Я его спрашивалъ—молчитъ. Въ родникъ у него хотѣлъ водички испить—молчитъ. Одивъ только разъ одно словечко сказалъ.

— Чтo сказалъ? послѣшво поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало-быть все позволено коли такъ? Онъ нахмурился: „Седоръ Павловичъ, говорить, лаленька нашъ, былъ поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно.“ Вотъ вѣдь чтo отмочилъ. Только всего и сказалъ. Это уже почаше Ракитина.

— Да, горько подтвердилъ Алеша.—Когда онъ у тебя былъ?

— Объ этомъ поелъ, теперь другое. Я объ Иванѣ не говорилъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Откладывалъ до конца. Когда эта штука моя здѣсь кончится и скажутъ приго-

воръ, тогда тебѣ кое-что разкажу, все разкажу. Страшное тутъ дѣло одно.... А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не начинай объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтрашнемъ, о судѣ, а вѣришь ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

— Чтò адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Мягкая шельма, столочная. Бернаръ! Только не вѣрить мнѣ ни на сломанный грошъ. Вѣрить что я убилъ, вообрази себѣ,—ужь я вижу. „Зачѣмъ же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня защищать пріѣхали?“ Наллывать на нихъ. Тоже доктора выписали, сумашедшимъ хотятъ меня показать. Не позволю! Катерина Ивановна „свой долгъ“ до конца исполнить хочетъ. Съ натугой! (Митя горько усмѣхнулся.) Кошка! Жестокое сердце! А вѣдь она знаетъ что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ что она: „великаго гнѣва“ женщина! Передали. Да, показанія умножились какъ лесокъ морской! Григорій стоитъ на своемъ. Григорій честень, но дуракъ. Много людей честныхъ благодаря тому что дураки. Это—мысль Ракутина. Григорій мнѣ врагъ. Много выгодыѣ имѣть въ числѣ враговъ чѣмъ друзей. Говорю это про Катерину Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь что она на судѣ разкажетъ про земной локонъ послѣ четырехъ-то тысячъ лятисотъ! До конца отплатить, послѣдній кадантъ. Не хочу ея жертвы! Устыдять они меня на судѣ! Какъ-то вытерплю. Сходи къ ней, Алеша, попроси ее чтобы не говорила этого на судѣ. Аль нельзя? Да чортъ, все равно, вытерплю! А ея не жаль. Сама желаетъ. По дѣломъ вору мука. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять горько усмѣхнулся.) Только.... только Груша-то, Груша-то, Господи! Она-то за чтò такую муку на себя теперь приметъ!—воскликнулъ онъ вдругъ со слезами.— Убиваетъ меня Груша, мысль о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня....

— Она мнѣ разказывала. Она очень была сегодня тобою огорчена.

— Знаю. Чортъ меня дери за характеръ. Приревновалъ! Отпуская раскаялся, цѣловалъ ее. Прощенья не попросилъ.

— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.

Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.

— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда-нибудь у любимой женщины за вину свою прощенья просить! У лю-

бимой особенно, особенно, какъ бы ни былъ ты предъ ней виновать! Потому женщина—это, братъ, чортъ знаетъ что такое, ужъ въ нихъ-то я по крайней мѣрѣ знаю толкъ! Ну попробуй предъ ней созваться въ вину, „виновать дескать, прости, извини“: тутъ-то и пойдеть градъ попрековъ! Ни за что не простить прямо и просто, а увидитъ тебя до трыпки, вычитаетъ чего даже не было, все возьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда ужъ только простить. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ! Последнія поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложитъ—такая я тебѣ скажу живодерность въ нихъ сидитъ, во всѣхъ до единой, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ невозможно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу: всякій порядочный человѣкъ долженъ быть подъ башмакомъ хоть у какой-нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе; не убѣжденіе, а чувство. Мушину долженъ быть великодушень; и мушину это не замазаетъ. Героя даже не замазаетъ, Цезаря не замазаетъ! Ну, а прощенія все-таки не проси, никогда и ни за что. Помни правило: преподавай тебѣ его братъ твой Митя, отъ женщинъ погибшій. Нѣтъ, ужъ я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ-нибудь заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алексѣй, благоговѣю! Не видишь только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И томить она меня, любовью томить. Что прежде! прежде меня только изгибы inferнальные томилъ, а теперь я всю ея душу въ свою душу принялъ и черезъ нее самъ человѣкомъ сталъ! Повѣнчаютъ ли насъ? А безъ того я умру отъ ревности. Такъ и свится что-нибудь каждый день... Что она тебѣ обо мнѣ говорила?

Алема повторилъ всѣ давешнія рѣчи Грушеньки. Митя выслушалъ подробно, многое переспросилъ, и остался доволенъ.

— Такъ не сердится что ревную, воскликнулъ онъ.—Прямо женщина! „У меня у самой жестокое сердце.“ Ухъ, люблю такихъ, жестокихъ-то, хотя и не терплю когда меня ревнуютъ,—не терплю! Дратся будемъ. Но любить—любить ее буду бесконечно. Повѣнчаютъ ли насъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Вопросъ. А безъ нея я жить не могу....

Митя нахмуренно прошелся по комнатѣ. Въ комнатѣ ста-

новилось почти темно. Овъ вдругъ сталъ страшно озабоченъ.

— Такъ секретъ, говорить, секретъ? У меня дескать втроемъ противъ нея заговоръ, и „Катъка“ дескать замѣшана? Нѣтъ, братъ, Грушенька, это не то. Ты тутъ маху дала, своего гаупелькаго женоскаго маху! Алеша, голубчикъ, эхъ куда ни шло! Открою я тебѣ нашъ секретъ!

Овъ оглянувся во всѣ стороны, быстро власть подошелъ къ стоявшему предъ нимъ Алешѣ и зашепталъ ему съ таинственнымъ видомъ, хотя по настоящему ихъ никто не могъ слышать: старикъ сторожъ дремалъ въ углу на лавкѣ, а до караульныхъ солдатъ ни слова не долетало.

— Я тебѣ всю нашу тайну открою! зашепталъ слѣвша Митя.— Хотѣлъ потомъ открыть, потому что безъ тебя развѣ могу на что рѣшиться? Ты у меня все. Я хоть и говорю что Иванъ надъ нами высшій, но ты у меня херувимъ. Только твое рѣшеніе рѣшить. Можетъ ты-то и есть высшій человекъ, а не Иванъ. Видишь, тутъ дѣло совѣсти, дѣло высшей совѣсти,—тайна столь важная что я справится самъ не смогу и все отложилъ до тебя. А все-таки теперь равно рѣшать, потому надо ждать приговора: приговоръ выйдетъ, тогда ты и рѣшишь судьбу. Теперь не рѣшай; я тебѣ сейчасъ скажу, ты услышишь, но не рѣшай. Стой и молчи. Я тебѣ не все открою. Я тебѣ только идею скажу, безъ подробностей, а ты молчи. Ни вопроса, ни движенія, согласенъ? А впрочемъ, Господи, куда я дѣву глаза твои? Боюсь, глаза твои скажутъ рѣшеніе, хотя бы ты и молчалъ. Ухъ, боюсь! Алеша, слушай: братъ Иванъ мнѣ предлагаетъ *бѣжеть*. Подробностей не говорю: все предупреждено, все можетъ устроиться. Молчи, не рѣшай. Въ Америку съ Грушей. Вѣдь я безъ Груши жить не могу! Ну какъ ее ко мнѣ тамъ не пустятъ? Каторжнѣхъ развѣ вѣчаютъ? Братъ Иванъ говоритъ что нѣтъ. А безъ Груши что я тамъ подъ землею съ молоткомъ-то? Я себѣ только голову раздроблю этимъ молоткомъ! А съ другой стороны, совѣсть-то? Отъ страданія вѣдь убѣжалъ! Было указаніе—отвергъ указаніе, былъ луть очищенія—поворотилъ назадъ кругомъ. Иванъ говоритъ что въ Америкѣ „при добрыхъ наклонностяхъ“ можно больше пользы привести чѣмъ подъ землею. Ну, а гимнъ-то нашъ подземный гдѣ состоится? Америка что, Америка олять суета! Да и мощенничества тоже, а думаю, много въ Америкѣ-то. Отъ рас-

пята убѣжалъ! Потому вѣдь говорю тебѣ, Алексѣй, что ты однаъ лопать это можешь, а больше никто, для другихъ это глупости, бредъ, вотъ все то что я тебѣ про гимнъ говорилъ. Скажутъ съ ума сошелъ, аль дуракъ. А я не сошелъ съ ума, да и не дуракъ. Понимаетъ про гимнъ и Иванъ, ухъ, понимаетъ, только на это не отвѣчаетъ, молчитъ. Гимну не вѣрить. Не говори, не говори: я вѣдь вижу какъ ты смотришь: Ты ужъ рѣшилъ! Не рѣшай, пощади меня, я безъ Груши жить не могу, подожди суда!

Митя кончилъ какъ изступленный. Онъ держалъ Алешу обѣими руками за плечи и такъ и впился въ его глаза своимъ жаждущимъ, воспланеннымъ взглядомъ.

— Каторжныхъ развѣ вѣчаютъ? повторилъ онъ въ третій разъ, молящимъ голосомъ.

Алеша слушалъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и глубоко былъ потрясенъ.

— Скажи мнѣ одно, проговорилъ онъ:—Иванъ очень настаиваетъ, и кто это выдумалъ первый?

— Онъ, онъ выдумалъ, онъ настаиваетъ! Онъ ко мнѣ все не ходилъ, и вдругъ пришелъ недѣлю назадъ и прямо съ этого началъ. Страшно настаиваетъ. Не просить, а велить. Въ послушаніи не сомнѣвается, хотя я ему все мое сердце какъ тебѣ вывернулъ и про гимнъ говорилъ. Онъ мнѣ разказалъ какъ и устроить, всѣ свѣдѣнія собралъ, но это потому. До истерики хочетъ. Главное деньги: десять тысячъ, говорить, тебѣ на лобѣгъ, а двадцать тысячъ на Америку, а на десять тысячъ, говорить, мы великолѣпный лобѣгъ устроимъ.

— И мнѣ отнюдь не велѣлъ передавать? переспросилъ снова Алеша.

— Отнюдь, никому, а главное тебѣ: тебѣ ни за что! Боятся вѣрно что ты какъ совѣсть предо мной станешь. Не говори ему что я тебѣ передалъ. Ухъ, не говори!

— Ты правъ, рѣшилъ Алеша,—рѣшить невозможно раньше приговора суда. Послѣ суда самъ и рѣшишь; тогда самъ въ себѣ новаго человѣка найдешь, онъ и рѣшитъ.

— Новаго человѣка аль Бернара, тотъ и рѣшитъ по-Бернаровски! Потому кажется я и самъ Бернаръ презрѣнный! горько осклабился Митя.

— Но неужели, неужели, братъ, ты такъ ужъ совсѣмъ не надѣешься оправдаться?

Митя судорожно вскинулъ вверхъ плечами и отрицательно покачалъ головой.

— Алеша, голубчикъ, тебѣ пора! вдругъ зашѣпталъ онъ.— Смотровель закричалъ на дворѣ, сейчасъ сюда будетъ. Намъ поздно, безпорядокъ. Обними меня поскорѣй, поцѣлуй, перекрести меня, голубчикъ, перекрести на завтрашній крестъ...

Онъ обнялся и поцѣловался.

— А Иванъ-то, проговорилъ вдругъ Митя, — бѣжать-то предложилъ, а самъ вѣдь вѣрить что я убилъ!

Грустная усмѣшка выдавилась на его губахъ.

— Ты спрашивалъ его: вѣрить онъ или нѣтъ? спросилъ Алеша.

— Нѣтъ, не спрашивалъ. Хотѣлъ спросить, да не смогъ, силы не хватало. Да все равно я вѣдь по глазамъ вижу. Ну прощай!

Еще разъ поцѣловались наскоро, и Алеша уже было вышелъ, какъ вдругъ Митя кинувшись его опять:

— Становись предо мной, вотъ такъ.

И онъ опять крѣпко схватилъ Алешу обѣими руками за плечи. Лицо его стало вдругъ совсѣмъ блѣдно, такъ что почти въ темнотѣ это было страшно замѣтно. Губы перекосились, взглядъ впился въ Алешу.

— Алеша, говори мнѣ полную правду какъ предъ Господомъ Богомъ: вѣришь ты что я убилъ или не вѣришь? Ты-то, самъ-то ты, вѣришь или нѣтъ? Полную правду, не аги! крикнулъ онъ ему изступленно.

Алешу какъ бы всего покачнуло, а въ сердцѣ его, онъ слышалъ это, какъ бы прошло что-то острое.

— Повао, что ты.... пролетѣлъ было онъ какъ потерянный.

— Всю правду, всю, не аги! повторилъ Митя.

— Ни единой минуты не вѣрилъ что ты убійца, вдругъ вырвалось дрожащимъ голосомъ изъ груди Алеша, и онъ подвѣлъ правую руку вверхъ какъ бы призывая Бога въ свидѣтели своихъ словъ. Блаженство озарило мгновенно все лицо Митя.

— Спасибо тебѣ! выговорилъ онъ протяжно, точно испускающая вздохъ послѣ обморока.— Теперь ты меня возродилъ.... Вѣришь ли: до сихъ поръ боялся спросить тебя, это тебя-то, тебя! Ну иди, иди! Укрѣпилъ ты меня на завтра, благослови тебя Богъ! Ну, ступай, люби Ивана! вырвалось послѣднимъ словомъ у Митя.

Алеша вышелъ весь въ слезахъ. Такая стелень мнитель-

ности Мити, такая стелевь недобѣрія его даже къ нему, къ Алешѣ—все это вдругъ раскрыло предъ Алешей такую бездну безвыходнаго горя и отчаянїя въ душѣ его несчастнаго брата какой онъ и не подозрѣвалъ прежде. Глубокое, безконечное состраданіе вдругъ охватило и измутило его мгновенно. Провзевшее сердце его страшно болѣло. „Люби Ивана!“ вспомнились ему вдругъ сейчашнїя слова Мити. Да онъ и шелъ къ Ивану. Ему еще утромъ страшно надо было видѣть Ивана. Не менѣе какъ Митя его мучилъ Иванъ, а теперь, послѣ свиданїя съ братомъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь.

V.

Не ты, не ты!

По дорогѣ къ Ивану пришлось ему проходить мимо дома въ которомъ квартировала Катерина Ивановна. Въ окнахъ былъ свѣтъ. Онъ вдругъ остановился и рѣшилъ войти. Катерину Ивановну онъ не видалъ уже болѣе недѣли. Но ему теперь пришло на умъ что Иванъ можетъ быть сейчасъ у ней, особенно наканунѣ такого дня. Позволивъ и войдя на лѣстницу, тускло освѣщенную китайскимъ фонаремъ, онъ увидалъ спускавшагося сверху человѣка, въ которомъ, поравнявшись, узналъ брата. Тотъ стало-быть выходилъ уже отъ Катерины Ивановны.

— Ахъ это только ты, сказалъ сухо Иванъ Федоровичъ.— Ну прощай. Ты къ ней?

— Да.

— Не совѣтую, она „въ волненїи“, и ты еще лучше ее разстроишь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Прокричалъ вдругъ голосъ сверху изъ отворившейся мигомъ двери.—Алексѣй Федоровичъ, вы отъ него?

— Да, я былъ у него.

— Мнѣ что-нибудь прислалъ сказать? Войдите, Алеша, и вы, Иванъ Федоровичъ, непременно, непременно воротитесь. Слы-ши-те!

Въ голосѣ Кати зазвучала такая повелительная нотка что Иванъ Федоровичъ, помедливъ одно мгновеніе, рѣшился однакоже подняться олять, вмѣстѣ съ Алешей.

— Подслушивала! раздражительно прошепталъ онъ про себя, но Алеша разслышала.

— Позвольте мнѣ остаться въ палатѣ, проговорилъ Иванъ Федоровичъ, вступая въ залу.—Я и не сяду. Я болѣе одной минуты не останусь.

— Садитесь, Алексѣй Федоровичъ, проговорила Катерина Ивановна, сама оставаясь стоя. Она измѣнилась мало за это время, но темные глаза ея сверкали зловѣщимъ огнемъ. Алеша помнилъ потому что она показалась ему чрезвычайно хороша собой въ ту минуту.

— Чтò жь онъ велѣлъ передать?

— Только одно, сказалъ Алеша, прямо смотря ей въ лицо:— чтобы вы щадили себя и не показывали ничего на судъ о томъ (онъ нѣсколько замялся)... чтò было между вами... во время самого перваго вашего знакомства... въ томъ городѣ...

— А, это про земной поклонъ за тѣ деньги! подхватила она горько разсмѣявшись.—Чтò жь, онъ за себя или за меня боится—а? Онъ сказалъ чтобъ я щадила—кого же? Его или себя? Говорите, Алексѣй Федоровичъ.

Алеша всматривался пристально, стараясь понять ее.

— И себя, и его, проговорилъ онъ тихо.

— То-то, какъ-то злобно отчеканила она и вдругъ покраснѣла.

— Вы не знаете еще меня, Алексѣй Федоровичъ, грозно сказала она,—да и я еще не знаю себя. Можетъ-быть вы захотите меня растоптать ногами послѣ завтрашняго допроса.

— Вы покажете чество, сказалъ Алеша,—только этого и надо.

— Женщина часто безчестна, проскрежетала она.—Я еще часъ тому думала что мнѣ страшно дотронуться до этого изверга.... какъ до гада.... и вотъ нѣтъ, онъ все еще для меня человѣкъ! Да убилъ ли онъ? Онъ ли убилъ? воскликнула она вдругъ истерически, быстро обращаясь къ Ивану Федоровичу. Алеша мигомъ понялъ что этотъ самый вопросъ она уже задавала Ивану Федоровичу можетъ всего за минуту предъ его приходомъ, и не въ первый разъ, а въ сотый, и что кончили они ссорой.

— Я была у Смердякова.... Это ты, ты убѣдилъ меня что онъ отцеубійца. Я только тебѣ и повѣрила! продолжала она все обращаясь къ Ивану Федоровичу. Тотъ какъ бы съ натуги усмѣхнулся. Алеша вздрогнулъ, услышавъ это *ты*. Онъ и подозрѣвать не могъ такихъ отношеній.

— Ну, однако довольно, отрѣзалъ Иванъ.—Я пойду. Приду завтра. И тотчасъ же повернувшись вышелъ изъ комнаты и

прошелъ прямо на лѣстницу. Катерина Ивановна вдругъ съ какимъ-то поведительнымъ жестомъ схватила Алешу за обѣ руки.

— Стулайте за нимъ! Догоовите его! Не оставляйте его одного ни минуты, быстро зашелтаала она.—Онъ помѣшанный. Вы не знаете что онъ помѣшался? У него горячка, нервная горячка! Мнѣ докторъ говорилъ, идите, бѣгите за нимъ....

Алеша вскочилъ и бросился за Иваномъ Федоровичемъ. Тотъ не успѣлъ отойти и пятидесяти шаговъ.

— Чего тебѣ? вдругъ обернулся онъ къ Алешѣ, видя что тотъ его договяаетъ:—велѣла тебѣ бѣжать за мной потому что я сумасшедшій. Знаю наизусть, раздражительно прибавилъ онъ.

— Она разумѣется ошибается, но она права что ты боленъ, сказалъ Алеша.—Я сейчасъ смотрѣлъ у ней на твое лицо: у тебя очень больное лицо, очень, Иванъ!

Иванъ шелъ не оставаясь. Алеша за нимъ.

— А ты знаешь, Алексѣй Федоровичъ, какъ сходять съ ума? спросилъ Иванъ совсѣмъ вдругъ тихимъ, совсѣмъ уже не раздражительнымъ голосомъ, въ которомъ внезапно послышалось самое простодушное любопытство.

— Нѣтъ, не знаю; полагаю что много разныхъ видовъ сумасшествія.

— А надъ самимъ собой можно наблюдать что сходшь съ ума?

— Я думаю нельзя ясно слѣдить за собой въ такомъ случаѣ, съ удивленіемъ отвѣчалъ Алеша. Иванъ на полминутки примолкъ.

— Если ты хочешь со мной о чемъ говорить, то перемини пожалуйста тему, сказалъ онъ вдругъ.

— А вотъ чтобы не забыть, къ тебѣ письмо, робко проговорилъ Алеша и вынувъ изъ кармана протянулъ къ нему письмо Лизы. Они какъ разъ подошли къ фонарю. Иванъ тотчасъ же узналъ руку.

— А, это отъ того бѣсенка! разсмѣялся онъ злобно, и не распечатавъ конверта, вдругъ разорвалъ его на нѣсколько кусковъ и бросилъ на вѣтеръ. Ключья разлетѣлись.

— Шестнадцать лѣтъ еще нѣтъ, кажется, и ужъ предлагается! презрительно проговорилъ онъ, опять зашагавъ по улицѣ.

— Какъ предлагается? воскликнулъ Алеша.

— Извѣстно, какъ развратныя женщины предлагаются.

— Что ты, Иванъ, что ты! горестно и горячо заступилась Алеша.—Это ребенокъ, ты обижаешь ребенка! Она больна, она сама очень больна, она тоже можетъ-быть съ ума сойти..... Я не могъ тебѣ не передать ея письма.... Я напротивъ отъ тебя хотѣлъ что услышать.... чтобы спасти ее.

— Нечего тебѣ отъ меня слышать. Коль она ребенокъ, то я ей не нянька. Молчи, Алексѣй. Не продолжай. Я объ этомъ даже не думаю.

Помолчали опять съ минуту.

— Она теперь всю ночь молить Божію Матерь будетъ чтобъ указала ей какъ завтра на судѣ поступить, рѣзко и злобно заговорилъ онъ вдругъ опять.

— Ты.... ты объ Катеринѣ Ивановнѣ?

— Да. Спасительницей или губительницей Митеньки ей явиться? О томъ молить будетъ чтобъ озарило ея душу. Сама еще, видите ли, не знаетъ, приготовиться не успѣла. Тоже меня за няньку принимаетъ, хочетъ чтобъ я ее убаюкалъ!

— Катерина Ивановна любитъ тебя, братъ, съ грустнымъ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Можетъ-быть. Только я до нея не охотникъ.

— Она страдаетъ. Зачѣмъ же ты ей говоришь.... цвогда... такія слова что она надѣется? съ робкимъ упрекомъ продолжалъ Алеша:—вѣдь я знаю что ты ей подавалъ надежду, прости что я такъ говорю, прибавилъ онъ.

— Не могу я тутъ поступить какъ надо, разорвать и ей прямо сказать! раздражительно произнесъ Иванъ.—Надо подождать пока скажутъ приговоръ убійцѣ. Если я разорву съ ней теперь, она изъ мщенія ко мнѣ завтра же погубитъ этого негодая на судѣ, потому что его ненавидитъ и знаетъ что ненавидитъ. Тутъ все ложь, ложь на лжи! Теперь же, пока я съ ней не разорвалъ, она все еще надѣется и не станетъ губить этого изверга, зная какъ я хочу вытащить его изъ бѣды. И когда только придетъ этотъ проклятый приговоръ!

Слова „убійца“ и „извергъ“ больно отозвались въ сердцѣ Алеша.

— Да чѣмъ такимъ она можетъ погубить брата? спросилъ онъ, вдумываясь въ слова Ивана.—Что она можетъ показать такого что прямо могло бы сгубить Митю?

— Ты этого еще не знаешь. У нея въ рукахъ одинъ до-

кументъ есть, собственноручный, Митенькинъ, математически доказывающій что онъ убилъ Федора Павловича.

— Этого быть не можетъ! воскликнулъ Алеша.

— Какъ не можетъ? Я самъ читалъ.

— Такого документа быть не можетъ! съ жаромъ повторилъ Алеша,—не можетъ быть, потому что убійца не онъ. Не онъ убилъ отца, не онъ!

Иванъ Федоровичъ вдругъ остановился.

— Кто же убійца по вашему, какъ-то холодно повидимому спросилъ онъ, и какая-то даже высокомерная нотка прозвучала въ тонѣ вопроса.

— Ты самъ знаешь кто, тихо и проникновенно проговорилъ Алеша.

— Кто? Эта басня-то объ этомъ помѣшанномъ идиотѣ эпилептикѣ? Объ Смердяковѣ?

Алеша вдругъ почувствовалъ что весь дрожитъ.

— Ты самъ знаешь кто, бессильно вырвалось у него. Онъ задыхался.

— Да кто, кто? уже почти свирѣло вскричалъ Иванъ. Вся сдержанность вдругъ исчезла.

— Я одно только знаю, все также почти шепотомъ проговорилъ Алеша:—Убилъ отца не ты.

— „Не ты!“ Что такое не ты? остолбенѣлъ Иванъ.

— Не ты убилъ отца, не ты! твердо повторилъ Алеша.

Съ поминуты длилось молчаніе.

— Да я и самъ знаю что не я, ты бредишь? блѣдно и искривленно усмѣхнувшись проговорилъ Иванъ. Онъ какъ бы впился глазами въ Алешу. Оба опять стояли у фовара.

— Нѣтъ, Иванъ, ты самъ себя нѣсколько разъ говорилъ что убійца ты.

— Когда я говорилъ?... Я въ Москвѣ былъ... Когда я говорилъ? совсѣмъ потерянно пролепеталъ Иванъ.

— Ты говорилъ это себя много разъ, когда оставался одинъ въ эти страшные два мѣсяца, попрежнему тихо и раздѣльно продолжалъ Алеша. Но говорилъ онъ уже какъ бы въ себя, какъ бы не своею волей, повинаясь какому-то непреодолимому велѣнію.—Ты обвинялъ себя и признавался себѣ что убійца никто какъ ты. Но убилъ не ты, ты ошибаешься, не ты убійца, слышишь меня, не ты! Меня Богъ послалъ тебѣ это сказать.

Оба замолчали. Цѣлую длинную минуту протянулось это

молчаніе. Оба стояли и все смотрѣли другъ другу въ глаза. Оба были блѣды. Вдругъ Иванъ весь затрясся и крѣпко схватилъ Алешу за плечо.

— Ты былъ у меня! окрежуцимъ шепотомъ проговорилъ онъ.—Ты былъ у меня ночью, когда онъ приходилъ.... Признавайся.... ты его видѣлъ, видѣлъ?

— Про кого ты говоришь.... про Митю? въ недоумѣніи спросилъ Алеша.

— Не про него, къ чорту изверга! изступленно завопилъ Иванъ.—Развѣ ты знаешь что онъ ко мнѣ ходитъ? Какъ ты узналъ, говори!

— Кто онъ? Я не знаю про кого ты говоришь, пролеталъ Алеша уже въ услугѣ.

— Нѣтъ, ты знаешь.... иначе какже бы ты.... не можетъ быть чтобы ты не зналъ....

Но вдругъ онъ какъ бы сдержалъ себя. Онъ стоялъ и какъ бы что-то обдумывалъ. Странная усмѣшка кривила его губы.

— Братъ, дрожащимъ голосомъ началъ Алеша,—я сказалъ тебѣ это потому что ты моему слову повѣришь, я знаю это. Я тебѣ на всю жизнь это слово сказалъ: *не ты!* Слышишь, на всю жизнь. И это Богъ положилъ мнѣ на душу тебѣ это сказать, хотя бы ты съ сего часа навсегда возненавидѣлъ меня....

Но Иванъ Федоровичъ повидимому совсѣмъ уже успѣлъ овладѣть собой.

— Алексѣй Федоровичъ, проговорилъ онъ съ холодною усмѣшкой,—я пророковъ и элленгтиковъ не терплю; посланниковъ Божіихъ особенно, вы это слиткомъ знаете. Съ сей минуты я съ вами разрываю и, кажется, навсегда. Прошу сей же часъ, на этомъ же перекресткѣ, меня оставить. Да вамъ и въ квартиру по этому проулку дорога. Особенно поберегитесь заходить ко мнѣ сегодня! Слышите?

Онъ повернулся и, твердо шагая, пошелъ прямо не оборачиваясь.

— Братъ, крикнулъ ему вслѣдъ Алеша,—если что-нибудь сегодня съ тобой случится, подумай прежде всего обо мнѣ!...

Но Иванъ не отвѣтилъ. Алеша стоялъ на перекресткѣ у фонаря лока Иванъ не скрылся совсѣмъ во мракѣ. Тогда онъ повернулся и медленно направился къ себѣ по переулку. И онъ, и Иванъ Федоровичъ квартировали особо, на разныхъ квартирахъ: ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ жить въ опу-

стѣвшемъ домѣ Федора Павловича. Алеша занималъ меблированную комнату въ семействѣ однихъ мѣщанъ; Иванъ же Федоровичъ жилъ довольно отъ него далеко и занималъ просторное и довольно комфортабельное помѣщеніе во флигелѣ одного хорошаго дома, принадлежавшаго одной небогатой вдовѣ-чиновницѣ. Но прислуживала ему въ цѣломъ флигелѣ всего только одна древняя, совсѣмъ глухая старушонка, вся въ ревматизмахъ, ложившаяся въ шесть часовъ вечера и вставшая въ шесть часовъ утра. Иванъ Федоровичъ сталъ до странности въ эти два мѣсяца нетребователенъ и очень любилъ оставаться совсѣмъ одинъ. Даже комнату которую занималъ онъ самъ убиралъ, а въ остальные комнаты своего помѣщенія даже и заходилъ рѣдко. Дойдя до воротъ своего дома и уже взявшись за ручку звонка онъ остановился. Онъ почувствовалъ что весь еще дрожитъ злобною дрожью. Вдругъ онъ бросилъ звонокъ, плюнулъ, повернулъ назадъ и быстро пошелъ опять совсѣмъ на другой, противоположный конецъ города, версты за двѣ отъ своей квартиры, въ одинъ крошечный, скосившійся бревенчатый домикъ, въ которомъ квартировала Марья Игнатьевна, бывшая сосѣдка Федора Павловича, приходившая къ Федору Павловичу на кухню за супомъ и которой Смердяковъ лѣлъ тогда свои лѣсики и игралъ на гитарѣ. Прежній домикъ свой она продала и теперь проживала съ матерью почти въ избѣ, а больной, почти умирающій Смердяковъ, съ самой смерти Федора Павловича поселился у нихъ. Вотъ къ нему-то и направился теперь Иванъ Федоровичъ, влекомый однимъ везапнымъ и непобѣдимымъ соображеніемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

ЮРМУСА И ФАТИМА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ШЕСТИ ОКРУГОВЪ 1832—1834

МИЛАНА МИЛИЧЕВИЧА

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКАГО

Миланъ Миличевичъ, какъ писатель, пользуется большою и заслуженною извѣстностью во всемъ Сербскомъ народѣ. Глубокое знаніе сербскихъ обычаевъ, нравовъ, преданій, наконецъ страны и Сербскаго народа даютъ ему полное право на эту извѣстность.

Миланъ Миличевичъ родился 7 мая 1831, въ селѣ Рилнѣ въ Шумади (въ округѣ Бѣлградскомъ), въ крестьянской семьѣ. Сначала учился онъ въ родномъ селѣ, потомъ въ Бѣлградской духовной семинаріи; оттуда онъ, и чуть ли не одиъ онъ, вынесъ такое знаніе русскаго языка что говорить и писать по-русски очень свободно. Онъ въ пятидесятихъ годахъ печаталъ нѣкоторыя свои статьи въ *Русской Бесѣдѣ* и *Русскомъ Вѣстникѣ*. Окончивъ курсъ въ семинаріи онъ сдѣлался сначала народнымъ учителемъ. Двадцѣт-

няя его служба на селѣ возбуждала въ немъ любовь къ изученію народныхъ обычаевъ и народныхъ нравовъ. Нужно замѣтить что большинство писателей въ Сербіи вышли изъ простой крестьянской семьи, гдѣ твердо хранился старина, какъ заветъ предковъ. И къ чести Сербовъ надобно сказать, они, получивъ воспитаніе даже чисто европейское, стараются соблюдать свои національные обычаи. Такъ *слава* празднуется всѣми, *коло* (хороводъ) водятъ даже въ княжескомъ дворцѣ.

Послѣ Милчевичъ перешелъ на службу въ Бѣлградъ и одно время былъ у князя Михаила докладчикомъ прошеній поступавшихъ на княжеское имя. Въ послѣдствіи онъ перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ и до сихъ поръ занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Такова его служебная карьера.

Онъ можетъ быть названъ самымъ плодовитымъ сербскимъ писателемъ настоящаго времени. Его сочиненія могутъ быть раздѣлены на переводныя и оригинальныя. Сербскій языкъ, какъ сравнительно весьма молодой въ литературѣ, еще не настолько обработанъ чтобъ имѣть полный запасъ оборотовъ и словъ для выраженія научныхъ истинъ или для ясныхъ философскихъ опредѣленій. Обыкновенно сербскому ученому приходится или составлять слово и выраженіе, или брать готовое слово изъ языка разговорнаго и давать ему абстрактное значеніе вмѣсто практическаго которое онъ обычно имѣеть. Съ этой стороны переводы Милчевича имѣютъ особенное значеніе въ исторіи развитія сербскаго литературнаго языка. Но есть и другая важная сторона ихъ: если просмотрѣть списокъ его сочиненій, то становится очевиднымъ что все имъ переведенное разчитано было на то чтобы, во первыхъ, улучшить воспитаніе молодаго поколѣнія въ Сербіи; во вторыхъ, ознакомить Сербовъ съ сербскимъ прошлымъ. Таковы его переводы Гильфердинга: *Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ*; Лабале *Воспитаніе въ Америкѣ, Отцы и дѣти въ XIX вѣкѣ*; Легуве. Съ воспитательною цѣлью онъ издавалъ педагогическій журналъ *Школа*, писалъ книги для дѣтей, составилъ исторію педагогики и въ послѣднее время издалъ три тома *Жизни и дѣяній знаменитѣйшихъ людей вѣка народовъ*.

Его оригинальныя произведенія по преимуществу относятся къ разряду этнографическихъ. Онъ изучаетъ свое сербское племя, свои родные обычаи и преданія, и въ формѣ научнаго изслѣдованія или въ формѣ повѣсти и разказа изображаетъ читателю какъ живетъ и жилъ Сербъ. Между научными произведеніями, которыя могли бы сдѣлать честь и всякой славянской литературѣ, отмѣтимъ его книгу: *Князьство Сербія*, обширный томъ въ 1.250 страницъ, въ которомъ собрано все что только относится къ географіи, статистикѣ, этнографіи Сербіи. Здѣсь читатель найдетъ и лѣсныи, и разказы о недавнихъ бояхъ за освобожденіе Сербіи въ началѣ

текущаго столѣтїа, и біографическія данныя о людяхъ дѣйствовавшихъ въ ту пору. Подобная книга можетъ быть названа очень удобною энциклопедіей по Сербїи и чрезвычайно полезна для справокъ.

Многочисленныя статьи г. Милчевича въ *Гласникъ* и другихъ изданїяхъ всѣ относятся къ описанію сохранившихся въ народѣ старыхъ обычаевъ и учрежденїй, напримѣръ: *Слава въ Сербїи*, *Община въ Сербїи* (статья о сербской общинѣ была напечатана имъ когда-то въ *Русской Бесѣдѣ*), *О задругѣ въ Сербїи* и т. д.

Въ послѣднее время онъ сталъ писать повѣсти и разказы, въ основу которыхъ онъ кладетъ фактъ исторической или народное преданїе. Разказъ *Орлуса и Фатима*, котораго переводъ здѣсь предлагаемъ, относится ко временамъ 1832 года, когда къ Сербїи были присоединены шесть округовъ, присужденные ей по Букурештскому договору, но удержанные Турками. Русскій читатель найдетъ здѣсь вмѣстѣ съ любопытными свѣдѣніями объ одномъ очень старомъ праздникѣ у Сербовъ живой очеркъ личности князя Милоша, освободителя и перваго князя Новой Сербїи.

П. К.

I.

Насходбищѣ.

Въ старое время нѣкіе семь отшельниковъ ушли со святой горы Синая и, ища уединенїя и покоя, гдѣ бы они могли спокойно думать только о спасенїи души своей, пришли сюда въ наши страны; всѣ семеро поселились по правой сторонѣ Моравскогo бассейна, начиная отъ Мечки до Дуная. Одинъ изъ семи, по имени Романъ, поселился на берегу Моравы, между возвышенностями Мечки и Мойсилья, на западъ отъ нашего Делиграда, почти противъ Св. Нестора и села Дювиса.

Здѣсь спасался пустыяникъ Романъ, здѣсь умеръ, здѣсь и прославился святымъ. Позже, на гробъ этого Божїа угодника какой-то слуга царя Лазаря построилъ церковь.

Вотъ такимъ-то образомъ, по преданїю, возникъ теперешній монастырь Святаго Романа.

Хотя эта церковь по внешнему своему виду мала и не красива, но по чудотвореніямъ своего святителя и по чудотворственной силѣ молитвъ она пользуется большою извѣстностью. Къ ней стекается много больныхъ и страждущихъ изъ близи и далека, склоняются на раку Св. Романа, и священники читаютъ надъ ними молитвы о здравіи.

Большое стеченіе у Святаго Романа бываетъ всегда въ Успеневъ день (15 августа). Въ этотъ день въ иные годы бываетъ тамъ на богомольи до 1.000 душъ.

Въ 1832 году въ Успеневъ день не было народу изъ дальнихъ сторонъ, какъ въ другіе годы, не было видно и изъ окрестностей знатныхъ и извѣстныхъ народу людей; пришелъ только одинъ полкъ Марко изъ Мозгова, но и онъ только служилъ въ церкви, а потомъ его не было видно въ толгѣ. Игуменъ Савва ждалъ своего владыку изъ Ниша, господина Григорія, но и онъ не пріѣхалъ. Всего удивительнѣе было то что не было никого изъ Турокъ-старѣйшихъ. Но за то былъ вѣкій Милунко Чанколизъ, изъ села Мозгова, котораго люди боялись не меньше самаго злаго Турка.

Милунко—человѣкъ бѣдный. У него жалкій домишко, въ которомъ онъ боится ночевать даже и въ день своей домашней славы!... * Онъ вѣчно тамъ гдѣ люди въ сборѣ, гдѣ кметы, торговцы и особенно гдѣ какой-нибудь Турокъ. Сидя тамъ и ища удобнаго случая чтобъ угодить чѣмъ только можно богатому и сильному, Милунко смотритъ въ глаза сильнымъ, смѣется когда они смѣются и хмурится когда они сердатся. Онъ куритъ табакъ, пьетъ всякое питье и очень радъ получить въ подарокъ какой-нибудь лакомый кусокъ. Когда ему случится быть между людьми которые курятъ, особенно если здѣсь или Суль-ага, или какой-нибудь другой извѣстный Турокъ, онъ вытаскиваетъ свой чубукъ, очиститъ трубку вожомъ и дуетъ нѣсколько разъ въ чубукъ какъ въ трубу—не услышитъ ли и не предложить ли табаку кто-нибудь изъ тѣхъ кто его имѣетъ. Если это не помогаетъ, онъ тогда громко покашливаетъ и живѣе смѣется при смѣхѣ аги, и громче одобряетъ то что говоритъ ага. Если и то не помогаетъ, онъ скорчитъ свое лицо какъ собака, когда

* *Слава* или *крско име*—праздникъ святаго, покровителя рода. У Сербовъ праздникъ этотъ замѣняетъ наше празднованіе именинъ.

видать господина и ждетъ чтобы тотъ ей бросилъ кость, и скажетъ:

— Ага! какой табакъ куришь?

Ага на это въ отвѣтъ, не взглянувъ на него, беретъ изъ своего кيسета щепотку табаку и подаетъ Милунку, который жадно принимаетъ подачку, наполняетъ трубку и закуриваетъ, гордясь что курить табакъ тотъ же что и ага.

Если случится что какой-нибудь поселянинъ скажетъ ему что онъ точно нищій принимаетъ отъ Турка щепотки табаку: если ужъ ага хочетъ отплатить, то пусть дастъ свой кисетъ, чтобы онъ могъ наполнить трубку въволю,—Милунко отвѣчаетъ:

— Это все равно. Вѣдь табакъ мой и ага изъ одного мѣшка....

Такъ, сидя и покуривая, онъ только смотритъ что дѣлаетъ ага. Если ага улыбнется, Милунко весь покрасивѣетъ отъ смѣха; если ага кого-нибудь ругаетъ, Милунко ему вторитъ; если же ага кого учитъ—Милунко, похаживая вокругъ того кому Турокъ даетъ совѣты, обыкновенно заканчиваетъ такъ:

— Э! если ты не послушаешь этихъ наставленій и этого учителя, ты не достоинъ жить.

Желая всегда угодить только сильнѣйшему, Милунко иногда бываетъ въ неадекватномъ положеніи. Вотъ что съ нимъ однажды случилось.

Управитель бега Френчевича, Суль-ага, разсердился за что-то на сельчанина Іоксиму Коштунцу и сказалъ:

— Жаль, некогда мнѣ идти самому, а некогда послать чтобы этой свиньѣ разбить чубукъ объ голову!...

— Я пойду, предлагаетъ Милунко.

— Развѣ ты посмѣешь замахнуться на Іоксима? спрашиваетъ Суль-ага.

— Посмѣю ему вырвать оба глаза, если ты прикажешь.

— *Аферимъ*, * мой соколъ! вскричалъ Суль:—ступай тотчасъ и избей его какъ собаку!

Милунко прямо отправился въ домъ Іоксима. Іоксимъ сидѣлъ предъ домомъ, курилъ и велъ разговоры съ женщинами о раздѣлѣ коноплянаго сѣмени. Милунко пришелъ, привѣтствовалъ сидящихъ именемъ Бога, сѣлъ и сталъ, смѣясь, вмѣшиваться въ разговоръ. Іоксимъ и головы не повернулъ

* Благодарю, ладно.

къ нему. Дунувъ нѣсколько разъ въ свой чубукъ, Милуко уже не могъ стерпѣть видя какъ Іоксимъ сладко курить и спросилъ его:

— Какъ куришь, хозяинъ Іоксимъ?

— Я? хорошо, слава Богу! отвѣчалъ Іоксимъ, и продолжалъ говорить съ женщинами.

— А я что-то плохо! продолжалъ Милуко.

— Почему не просишь у твоего милаго Суль-аги?

— Ха, ха, ха! отвѣчаетъ Милуко,—хорошо говоришь, онъ имѣеть достаточно... да... имѣеть, да!

Посидѣвъ недолго, онъ подвинулся и ушелъ. Вотъ какойъ былъ этотъ человекъ!...

Поэтому надъ нимъ послѣ смѣялись и Турки, и Сербы.

Но если Милуко не имѣеть силы воли чтобы сдѣлать что-нибудь открыто, чтобы открыто валасть на противника, чтобы сказать сильному правду въ лицо,—онъ молодецъ на нашелтыванія, доносы, ложь и разказы о томъ что было и чего никогда не было. Поэтому люди бѣгутъ отъ него какъ отъ палящаго огня.

Этотъ-то Милуко былъ на сходбищѣ, и всѣ порядочные люди уклонялись отъ встрѣчи съ нимъ, потому что онъ былъ опаснѣе сотни Турокъ.

Во всѣмъ остальномъ на этомъ сходбищѣ было все какъ на всякомъ другомъ. Но еслибы кто-нибудь вглядѣлся во всякую мелочь, тотъ могъ бы замѣтить что подъ деревьями около монастыря тамъ и сямъ останавливаются по двое, по трое селяковъ и о чемъ-то осторожно разговариваютъ между собою. Но что въ этомъ удивительнаго при такой толкотнѣ? Люди и пришли чтобы собраться всѣмъ вмѣстѣ, и поговорить между собою, и вотъ теперь и толкують о своихъ обычныхъ дѣлахъ, о своихъ ежедневныхъ нуждахъ. Такъ бы многіе подумали, но далеко не всѣ. Кто знаетъ этотъ народъ поблже, кто умѣеть читать по лицу что творится въ сердцѣ, кто знаетъ какъ ему живется дома и въ селѣ, тотъ могъ бы, видя все это, покачать головой и промолвить: „тутъ что-то кроется!...“

Солнце уже клонилось къ горизонту, когда откуда-то въ сумерки пришелъ свѣлецъ Здравко изъ Лужицы. Удивительный свѣлецъ! Онъ пришелъ туда куда не можетъ дойти и имѣющій оба глаза! Проводникъ его привелъ и сказалъ что онъ можетъ сѣсть подъ дубомъ. Окинувъ внимательнымъ

взоромъ толпу, онъ сказалъ что-то Здравку. Никто не поднялъ что онъ ему говорилъ, а свѣнецъ вытащилъ свои гусли и началъ играть. Народъ награвуль со всѣхъ сторонъ чтобъ его послушать.

Свѣнецъ залѣлъ лѣсню:

Сонъ приснился Милуцѣ царицѣ
 Что распалось небо голубое,
 Что скатились звѣзды къ краю неба,
 И сгорѣли всѣ ея палаты;
 Только камень лишь одинъ остался
 И на немъ кукушка все кукуеть.

Прервавъ лѣсню, чтобъ отдохнуть, свѣнецъ какъ будто ловилъ что люди которые его такъ охотно слушаютъ сами по себѣ печально настроены, началъ другую лѣсню:

Было то давно, что разказалъ я,
 А теперь я, братья дорогие,
 Слѣть хочу вамъ лѣсенку шую;
 Но она лишь правду вамъ разкажетъ:
 Какъ „возстанеть кочерга съ мотыгой“, (поговорка)
 Будеть Туркамъ по Медию мука,
 Горько въ Шамѣ жены ихъ заплачуть,
 Ибо тамъ ихъ райя избидить.

Когда онъ послѣ этихъ словъ пересталъ лѣть, пришелъ кметъ Неделько изъ села Пернявора, положилъ въ его руку монету и сказалъ:

— Поди, Здравко, сюда въ кухню, поуживай! Свѣнецъ поднялся и ушелъ; люди стали расходиться, но у многихъ ёкнуло сердце, когда увидѣли что именно туда въ эту минуту подходилъ Милуцко Чанколизъ. Вѣроятно Неделько, замѣтивъ его, и отозвалъ свѣнца въ кухню.

На лѣвой сторонѣ Моравы, почти напротивъ Св. Романа, лежитъ село Трубарево. Въ томъ селѣ былъ одинъ красивый юноша по имени Лазарь. Онъ женился въ тотъ годъ когда Турки вновь заняли Сербію. Озлобленные и жаждавшіе мести, они отняли молодую жену Лазаря и увели ее, а Лазарь бѣдняга вскорѣ послѣ этого сошелъ съ ума.

Братья часто его приводили къ Св. Роману, и тутъ священники надъ нимъ читали молитвы. Ради этого его здѣсь оставляли по цѣлымъ мѣсяцамъ. Позже онъ присталъ къ монастырю и почти всегда проводилъ время цли у Св. Рома-

ца, или въ селѣ Церняворѣ. Онъ былъ постоянно босъ, ходилъ съ непокрытою головою, волосы включены, такъ что страшно было на него смотрѣть. Обыкновенно онъ молчитъ пока его не спросятъ. За онъ не дѣлаетъ никому. А если заговорить, то ругаетъ и проклинаетъ Турокъ. Знали это и селяки, и монахи, да и многіе изъ Турокъ, но притворялись будто они ничего не замѣчаютъ.

На сходбищѣ былъ и этотъ Лазарь. Одѣтый какъ всякій день, такъ и въ этотъ праздникъ, онъ ходилъ тамъ и самъ логотѣ и внезапно оставилъ и закричалъ:

— Встаньте, люди! Креститесь! креститесь! Развѣ не слышите? Вотъ звонитъ колоколъ на Лазаревой церкви! Чу! Вотъ раздается онъ и на Раваницѣ! ха-ха-ха!

Крестясь при этихъ словахъ Лазарь говорилъ:

— О, помоги Боже! О, помоги Боже! А вотъ!—закричалъ онъ вновь:—бѣгутъ Турки, бѣгутъ, бѣгутъ! Охъ, охъ, охъ! Скорѣй, скорѣй, скорѣй! Молнія, громъ гремитъ! Это Богъ гнѣвается! Таше! таше!..

Многіе на сходкѣ оцѣлѣвали отъ страха, слушая эти страшныя рѣчи изъ устъ сумашедшаго человѣка. Одни стали ему говорить чтобъ онъ молчалъ, другіе послѣшью удалиться отъ него какъ отъ зараженнаго человѣка; третьи предлагали ему выпить чего-нибудь, думая не перестанетъ ли...

Лазарь не слушаетъ, глядитъ только какъ человѣкъ лишенный сознанія. Внезапно повернулся онъ къ церкви Св. Романа, подвѣлъ руку, посмотритъ въ небо и кричитъ:

— Святой Романъ! Воскреси Жикю! Приведи Стеву! Эти всѣ глупыя овцы: ни одна не смѣетъ идти къ водовороту, а волки съ краю одну за другой давятъ, давятъ, давятъ, давятъ.

Говоря это Лазарь показывалъ кулаками какъ волки давятъ овецъ.

— Лазарь! Богъ съ тобою, сказалъ ему Милунко.—Что ты говоришь? Развѣ ты не знаешь, чья это земля?

— Земля Божія и народная, а ты слѣпецъ, нищій! отвѣчалъ Лазарь, не глядя на Милунка.

— Такъ не слѣдуетъ говорить, возобновляетъ Милунко:—если услышатъ Турки, они не скажутъ что это говоритъ сумашедшій Лазарь, но подумаютъ что говорятъ такъ умные хозяева.

— Но тебя никогда они не заподозрятъ; пока ты имъ

вѣрно служишь. не бойся для себя ни такой бѣды, ни турецкой силы!..

— Ты, Лазарь, говоришь теперь какъ самый умный человекъ; ей Богу, ты увидишь что такое турецкая лапка,—лучше молчи!

— Если замолчу я, какъ молчать другіе, продолжаетъ сумашедшій,—заговорить Св. Романъ, заговорить это дерево, этотъ камень, ай!!

Въ это время подошелъ игумень Савва, который самъ родомъ изъ села Трубарева, зналъ съ дѣтства Лазаря, и сказалъ ему:

— Лазарь, дитя мое, пооди сюда въ келью, успокойся.

Лазарь тотчасъ пошелъ.

Рѣчи Лазаря возбудили весь народъ. Почти всѣ знали Лазаря, знали что онъ всегда скажетъ что-нибудь весьма рѣзкое о Туркахъ, но такихъ смѣлыхъ рѣчей, такихъ ясныхъ мыслей никто никогда не слышалъ изъ его устъ.

— Тутъ что-то есть! говорили старые люди,—что-то чувствуетъ въ нихъ. Дай Господи чтобы къ добру!

Простой народъ обыкновенно вѣрить что сумашедшіе скорѣе могутъ провидѣть Божью волю чѣмъ самые умные люди.

На сходбищѣ былъ, какъ мы сказали, и полъ Марко изъ села Мозгова. Это человекъ очень умный и необыкновенно храбрый. Турки его зовутъ деци-полъ и смотрятъ на него очень подозрительно, Сербы на него много надѣются. Съ нимъ въ компаніи пришли еще Іоакимъ и Стоянъ Гойковичи со своею матерью Петріей, съ женами: Смильяною и Магдаленой, съ сыновьями и четырьмя дочерьми, между которыми Марія и Милана были красивѣйшія дѣвушки изъ всѣхъ собравшихся.

Послѣ Лазарева крика замолкла музыка и прекратились танцы въ собраніи: народъ сталъ расходиться по своимъ роднымъ и знакомымъ. Красивы были эти кучки народа, которыя направлялись отъ монастыря къ своему дому. Всѣ эти люди увоспали въ своемъ сердцѣ одну мысль, одну заботу, одну надежду—будетъ бой съ Турками!..

— Что это онъ предрекаетъ, полъ Марко? спрашивалъ Іоакимъ пола Марко, когда на дорогѣ въ ихъ кучкѣ остались только ихъ родные, предъ которыми все можно говорить.

— Кто знаетъ, Іоакимъ, что это предрекаетъ, отвѣчаетъ полъ:—только до сихъ поръ всегда бывало что если сумашедшіе что-то предчувствуютъ, то и предрекаютъ...

— Но что можете предречь этот несчастный Лазарь? спрашивает Столяк Гойковичъ у кого-то изъ своихъ.

— Можеть предсказать какое-нибудь замѣшательство въ народѣ и, если Богъ позволить, что-нибудь хорошее для бѣднаго народа...

Поль это сказалъ медленно, осмотрѣвшись вокругъ и вида что около него только свои.

— Хорошо бы, но тяжело это. Постоянныя волненія надошли народу. Никто не хочетъ вступать въ бой. Всѣ говорятъ: мало ли у насъ пролито крови? Чего еще хотите? Чтобы раздражить Турокъ и чтобы они насъ совсѣмъ выселили изъ этой земли? Иоакимъ произнесъ это голосомъ весьма не веселымъ.

— Мой Иоакимъ, отвѣчалъ поль, — довольно было мученій и будетъ ихъ еще много, потому что безъ мученій не можеть быть исполнено даже самое ничтожное дѣло, а ужь давно освобожденіе цѣлаго народа. Но когда не хватаетъ ужь терпѣнія, тогда люди, закрывъ глаза, вылетаютъ какъ стрѣлы.

— Тяжело будетъ теперь вылетѣть, сказала баба Петрія; — старые ужь состарѣлись и ослабѣли, молодые отвыкли отъ боевъ; богатые не захотятъ, а бѣдняки не смогутъ, ну, Турокъ и дѣлай что хочешь!

— Ну, это такъ, тетка, пока не наступитъ удобное время, говорить поль Марко, — а придетъ время, возстанутъ и богатые, и бѣдные, и старики, и молодые, да, думаю, и вы, бабы...

— Охъ, охъ! вздохнула баба и улыбулась.

— Зимой, о святомъ Саввѣ (14 января), продолжаетъ поль, — никакая сила не можеть выгнать ни одного листочка изъ почки, но когда пригрѣетъ весеннее солнце, никакая сила не можеть не позволить лѣсу покрыться листьями и запретить травѣ расти!... Какъ только чему наступитъ время, то и быть должно. И эти сумашедшіе, отъ которыхъ такъ телло на душѣ становится, когда заговарять, предчувствуютъ что-то... словно бы это время близко!... Но вы, дѣтки, держите языкъ за зубами! И трава имѣетъ уши: въ одинъ мигъ можемъ сгубнуть!...

Такъ разговаривая, поль Марко со своими слутниками дошли до мѣста на Руашской рѣкѣ, гдѣ они должны были пересѣчь Бѣяградско-Парьградскую дорогу, на которой Сербя всегда можеть встрѣтить всякое зло. Поэтому они прервали разговоръ и послѣпили вверхъ въ гору, чтобы какъ можно скорѣе дойти до села Мозгова.

II.

На Славѣ*.

Гдѣ славится „Крсно име“, тамъ оно и помогаетъ.

Иоакимъ и Стоянъ Гойковичи изъ Мозгова считаются людьми зажиточными. Но не на радость имъ достатокъ! Въ то время къ которому относится нашъ разказъ, вся земля была турецкая; скотъ истребили частью турецкія войска, частью другіе грабители, а домовъ и здамій Сербы не смѣли строить, хотя бы у нихъ и были деньги. У самыхъ зажиточныхъ людей дома были или землянки, или тѣсные и мрачные соломенные шалаши.

* *Слава*—*Крсно-име* (крестное имя, благъ данъ (доброй дель) название одного и того же сербскаго праздника. Обычай праздновать *славу* считается у Сербовъ до такой степени важнымъ что онъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ принадлежности населенія известной мѣстности Сербскому племени. Въ мѣстахъ гдѣ Сербы и Болгары граничатъ, Сербы отличаютъ себя отъ своихъ единоплеменниковъ именно тѣмъ что онѣ *имѣютъ славу*, а Болгары ее не имѣютъ. *Слава*—это праздникъ рода, дома. У Сербовъ не празднуется ни день именинъ, ни день рожденія, во всякій Сербъ, начиная отъ князя и кончая послѣднимъ крестьяниномъ, имѣютъ свой день празднованія *славы*. Празднованіе *славы* въ опредѣленный день переходитъ отъ отца къ дѣтямъ, и есть цѣлая села въ которыхъ всѣ жители празднуютъ *славу* въ одинъ и тотъ же день. Еще недавно мельеа было вѣнчаться жениху и невестѣ у которыхъ въ отцовскомъ домѣ *слава* была въ одинъ и тотъ же день, потому что семьи обоихъ родственны между собою.

Время *славы* обозначается именемъ того святаго который значится въ календарѣ въ этотъ день, напримѣръ славить *славу* на Св. Николу значитъ праздновать праздникъ родовой 6 декабря, Св. Луку—18 октября и т. д. Самый обильный *славяжи* день—Св. Николай, 6 декабря. Происхожденіе этого праздника объясняютъ тѣмъ что греческое духовенство, обращая Сербовъ въ христіанство, замѣнило языческое празднованіе домашнихъ боговъ, которое было въ обычай у Славянъ въ то время, празднованіемъ того дня въ который крестился та или другая семья.

Прекращеніе мужскаго потомства въ родѣ влечетъ за собою прекращеніе празднованія родовой *славы*, и такой послѣдній потомокъ рода—человѣкъ достойный сожалѣнія, по народному мнѣнію. „Угасла је нему свѣца“—скажетъ Сербъ о томъ кто не оставилъ мужскаго потомства.

Единственное благо которое Сербъ могъ имѣть, одна его сила и надежда въ это время были дѣти, особенно сыновья. У кого подрастутъ дѣти и ужь станутъ помогать, тотъ еще кое-какъ успѣвалъ заработать столько чтобы выплатить Туркамъ безчисленные налоги и добыть что-нибудь для себя, для

Для празднованія *славы* необходимы *свѣча, колачъ и коливо*, даѣе нужны ладонь, масло и вино. Безъ *свѣчи* и праздновать *славу* нельзя. Она обыкновенно бываетъ высокая; чѣмъ богаче *свѣчаре*, т. е. празднующій саву, тѣмъ она выше, и предпочтительно желтаго цвѣта.

Колачъ—большой пшеничный хлѣбъ, на верхней коркѣ котораго пересѣкаются крестомъ двѣ полосы тѣста, на которыхъ кладутся знаки просфоры.

Коливо—особеннымъ образомъ приготовленная каша изъ цѣльныхъ очищенныхъ зеренъ пшеницы, сваренная съ орѣхами, миндалемъ и сахаромъ. Въ селахъ подслащаютъ эту кашу и медомъ.

Празднованіе *славы* идетъ традиціонно, поэтому и блюда, и поговорки, и здравицы—все здѣсь вѣрно традиціи. Есть въ частности конечно различія, смотря по мѣстности, напримеръ въ Босніи или *Сремлье* въ празднованіи *славы* могутъ быть свои особенности, но главные обряды празднованія *славы* одни и тѣ же всюду во всемъ Сербскомъ племени.

На *славу* приглашаются всѣ знакомые: придти на *славу* къ кому-нибудь значитъ оказывать честь дому, не придти значитъ не желать званія. Всякій кто ни придетъ на *славу* приглашается къ столу смотря потому попалъ ли онъ къ обѣду или ужину, но во всякомъ случаѣ всякій пробуетъ *коливо*, пьетъ воду съ вареньемъ, по южнокъ обичаю, и черный кофе. Священникъ освящаетъ *колачъ* и *коливо* въ церкви или на дому свѣчара. Свѣча горитъ весь этотъ день.

Сербы очень любятъ *здравицы* и поэтому за столомъ обыкновенно произносятся предъ каждымъ тостомъ соответствующія мѣсту и обстоятельствамъ рѣчи. На праздникахъ такихъ, какъ *слава* напримеръ, *здравицы* эти получили уже опредѣленную традиціей форму. Онѣ стали эпическими. Внутри Сербіи, по селамъ, празднованіе *славы* и всѣ приговоры и рѣчи носятъ вполне эпическій характеръ, и съ нѣбольшими видоизмѣненіями они одни и тѣ же всюду. Роли всѣ точно опредѣлены: всѣ знаютъ кто когда и какъ скажетъ здравицу, кто подастъ *колачъ*, кто и какъ его разрѣжетъ и т. д. и т. д.

Г. Милчевичъ написалъ очень интересное описаніе этого сербскаго народнаго праздника, который стбитъ научнаго изслѣдованія (см. статью г. Милчевича о *славе* въ Годишницѣ Чупичеваго дѣбора т. II, за 1879).

Славу имѣютъ и цѣлыя общины, и церкви.

своего дома, а у кого не было подростковъ или какой-нибудь другой сильной помощи отъ другихъ, тотъ былъ и босъ, и голъ, и въ самые урожайные годы терпѣлъ отъ недостатка.

Иоакимъ и Стоянъ были счастливы въ своей семьѣ: имѣли и сыновей, и дочерей, и между ними особенно отличались необычайною красотой двѣ младшія ихъ дочери, Иоакимова—Марія и Стоянова — Милана. Имъ едва только минуло по 17 лѣтъ; юныя, красивыя и здоровыя—онѣ стали извѣстны болѣе своихъ старшихъ сестеръ, какъ самыя красивыя дѣвухи во всей Ражанской вахи*.

Въ 1832 году Гойковичи праздновали свое „крестное имя“, Св. Оому. Добрые люди, хлѣбосольные хозяева и гостеприимные свѣчары—у нихъ было довольно много приглашенныхъ гостей. Ждали они и случайныхъ путешественниковъ, и неожиданныхъ гостей, которые и безъ того часто заглядывали въ ихъ домъ.

Погода въ этотъ день была прекрасная; на прилѣкъ осеннее солнце грѣло спявно и словно приглашало все что живетъ обогрѣться и насладиться животворною его теплотой.

Грѣйтесь, грѣйтесь, словно говорило солнышко изъ-за голубаго Ястребца людямъ и животнымъ: Копаоникъ и Желвизъ еще не лобѣзли, Ястребецъ и Ргавъ еще не локрылись туманомъ, а какъ только они нахмурятся, вы меня и не увидите по дѣлымъ десяткамъ дней! Грѣйтесь же въ моихъ лучахъ!....

Свѣчары накрыли обѣденный столъ для мужчинъ предъ домомъ, среди плодовыхъ деревьевъ, а для женщинъ—подъ навѣсомъ сарая. Мужинъ угощалъ Иоакимъ съ открытою головою, а женщинъ—его мать, баба Петрія. Всѣ другіе члены семьи исполняли разныя работы въ домѣ и около него. Изъ дѣвушекъ—Марія по преимуществу приносила вѣду и лутье на столъ мужчинъ, Милана прислуживала около женскаго стола.

Гости сидѣли, ѣли, пили и разговаривали. Предъ полуднемъ изъ дому вышла Иоакимова жена, Смильяна, веся въ рукахъ на плоскомъ хлѣбѣ изъ кукурузы „Славскій кôлачъ“, въ который была воткнута праздничная свѣча, ** положено было

* Округъ.

** По-сербски—*красна свѣча*, т.-е. спеціально приготовленная для этого праздника, красиво убранная свѣча.

нѣсколько кусковъ ладона, да вставлено нѣсколько цвѣт-
ковъ; все это было покрыто чистымъ, бѣлымъ полотенцемъ.
Болачь Смильяна поставила на верхнемъ почетномъ краю
стола, а затѣмъ подошла къ Иоакиму, какъ хозяйку, и по-
цѣловала его руку; послѣ этого она поцѣловала руку у
всѣхъ гостей, начиная съ верхняго конца стола.

— Много лѣтъ тебѣ и да будетъ счастливъ твой колачъ! *
отвѣчаетъ ей всякій, подавая ей руку для поцѣлуя.

Младивъ Волицъ колачарь, ** слялъ между тѣмъ поло-
тенце съ колача, чтобъ онъ не стоялъ закрытымъ, а ладонь
его хозяйкѣ.

Смильяна принесла Иоакиму небольшую кадильницу съ
угольями; хозяйка взялъ съ хлѣба свѣчу, перекрестилась, по-
цѣловала свѣчу и, повернувшись къ гостямъ, сказала:

— Простите и благословите зажечь свѣчу Богу и свято-
му Ѳомѣ!

— Богъ и Христосъ! отвѣтали гости, всѣ встали и обни-
жили головы.

Хозяйка зажегъ свѣчу, всыпалъ въ кадильницу ладонь, и
когда она разгорѣлась, окадилъ прежде всего свѣчу, говоря:

— Помолитесь Господу Богу! Господи, даже благій, помози,
разговори (дай охоту говорить) и образуй, молимъ Ти ся ***.

Говоря это, онъ окадилъ всѣхъ гостей вокругъ стола. Вер-
нувшись къ верхнему краю и вторично окадя свѣчу онъ
сказалъ:

— Помолитесь Господу Богу и сегодняшнему святому: Бо-
же, Святой Ѳома, слава моя, помози и обрадуй, молимъ Ти ся.

И вновь окадилъ онъ всѣхъ вокругъ стола. Вернувшись въ
третій разъ, чтобъ окадить свѣчу, онъ сказалъ:

* Пожеланія счастья въ день празднованія *слаем* хозяйку и до-
машнимъ со стороны гостей имѣютъ элическую форму: напримеръ
у здраве трама и крмака (чтобы пчелы водились и свиньи плоди-
лись); у здраве сив их волова и виторопих овнова и т. д.

** Колачарь избирается хозяиномъ изъ гостей и вмѣстѣ съ нимъ
ломаетъ колачъ, почему и зовется *колачарь*.

*** Элическія выраженія при заженіи слазской свѣчи. Такъ какъ
празднованіе *слаем* сопровождается часто службой въ церкви, то и
въ обычныхъ выраженіяхъ, окаментъвшихъ въ элическую фразу, мы
находимъ рядомъ со словами чисто сербскими слова церковносла-
вянскія, которыя, благодаря своей чужой формѣ, казались особенно
важными.

— Поклонимся Господу Богу и Святой Троицѣ, Святой Пятицѣ и Святому Воскресенью. Они въ теченіе года часто приходятъ, насъ грѣшныхъ находятъ, да избавятъ ны отъ всякой муки и вражеской руки!

Окончивъ и третье хожденіе вокругъ стола и вернувшись на верхнее мѣсто, онъ взялъ чашу и сказалъ:

— Прикажите всё?

— Въ доброй часъ! отвѣчали гости.

— Выпьемъ, продолжаетъ хозяинъ,—по чашѣ вина въ честь праздника *слава* и обычая. Гдѣ *слава* славилась и праздновалась, тутъ она и помогала. Пусть праздникъ этотъ приведетъ потомство и счастье, жизнь и здоровіе, согласіе и правду!

Теперь онъ привѣтствовалъ Чико Арсенія, который сидѣлъ рядомъ съ колачаромъ. Пока всё у стола и самъ хозяинъ лица живо „за *славу* и законъ“, гости пѣли по двое:

Кто за *славу* пьетъ вино,

Помоги ему Боже,

Помоги ему Боже!

Да поможетъ ему *слава* Божья

И самъ Господь Богъ,

И самъ Господь Богъ!

Когда у мужскаго стола пѣвцы умолкли, запѣли женщины:

Да поможетъ ему *слава* Божья

И самъ Господь Богъ,

И самъ Господь Богъ!

Когда это окончилось, хозяинъ налилъ чашу вина и поставилъ ее предъ колачаромъ. Колачаръ взялъ ножъ и колачъ и, обернувшись къ гостямъ, сказалъ:

— Простите и благословите разрѣзать колачъ во славу Богу и Святому Өомѣ.

— Богъ и Христось! отвѣчали они.

Колачаръ перекрестился и началъ рѣзать колачъ, говоря:

— Во славу и честь Святому Өомѣ! и, внезапно остановившись рѣзать на половинѣ колача, воскликнулъ:

— Чтѣ дашь, хозяинъ? лаугъ залпнулъ о левъ!

— Бочку вина и жареную свиною! сказалъ хозяинъ смѣясь.

Тогда колачаръ перерѣзалъ колачъ накрестъ, обмалъ его виномъ въ четырехъ мѣстахъ, со словами:

— Во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, аминь. И, сколько возможно было, слалъ это вино съ колача въ чашу.

Теперь къ нему подошелъ Иоакимъ, и они оба взяли колачъ обѣими руками, а гости кто только могъ захватили его хоть одною рукою и начали его поворачивать такимъ способомъ какъ свется хлѣбъ, произнося:

— Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Повернувъ разъ колачъ, подняли его на руки и приговаривали:

— Величай, Боже, домъ и хозяина! Величай, Боже, домъ и хозяина! Величай, Боже, домъ и хозяина!

Затѣмъ гости поставили колачъ; а колачаръ и хозяинъ переломили его, соединили одну половину съ другою, три раза поцѣловали колачъ и другъ друга, говоря при этомъ:

— Христосъ посреди насъ!

Послѣ этого оба разломали каждый свою половину на четверти и изъ лѣвыхъ рукъ—крестообразно опустили на столъ, а правую рукою колачаръ бросилъ кусокъ на полку; къ хозяйку же подошла хозяйка съ ситомъ и четверть колача взяла въ сито „чтобы годъ былъ сытый“.

Иоакимъ вынулъ одинъ старый динаръ * и опустилъ хозяйкѣ въ сито на счастье. Послѣ этого онъ взялъ чашу вина и, какъ бы предлагая ее всѣмъ гостямъ, сказалъ:

— Прикажите!

— Старше всѣхъ Богъ, а затѣмъ хозяинъ! отвѣчали они.

Тогда онъ перекрестился, поклонился имъ и началъ:

— Благодарю и кланяюсь всѣмъ по порядку. Мы пили за славу и законъ; теперь выпьемъ за Крестъ и крестное имя; гдѣ поминалось крестное имя, тутъ оно и помогало.

И онъ выпилъ за здоровье Стойки Митрича. Стойка въ свою очередь за здоровье колачара Миладина. Въ это время гости пюютъ по двое:

Кто пьетъ за крестное имя,

Помоги ему, Боже, и крестное имя!

Когда всѣ гости и всѣ домочадцы отпили вина за крестное имя, хозяинъ сказалъ:

— Поклонимся Господу Богу и сегодняшнему святителю.

Гости поклонились, перекрестившись нѣсколько разъ; послѣ того надѣли шалки и сѣли, приговаривая:

— Пусть будетъ на здоровье! Пусть Богъ дастъ счастья!

Только что сѣли гости, предъ воротами остановились

* Динаръ—серебряная монета, равная по стоимости франку.

четыре всадника, которые прѣѣхали со стороны Суботинца. Иосифъ посмотрѣлъ на Стояна, а Стоявъ съ двумя парнями послѣднѣе отворить ворота, поздоровался съ путешественниками, привѣлъ отъ нихъ коней и передалъ парнямъ, а прѣѣзжихъ повелъ къ столу предъ домомъ. Прѣжніе гости продаивулись одѣвъ къ другому и очистили почетное мѣсто для новоприбывшихъ на верхнемъ краѣ стола. Это были Голубъ изъ Бамьской Юшаницы, Иванъ Тривунацъ изъ Суботинца и два красивые молодые человека совершенно неизвѣстныхъ. Одному изъ нихъ было имя *Иованча*, а другому *Милисавъ*.

Голубъ ихъ представилъ какъ прикащиковъ которые ищутъ скотъ для Газды Марка. Были они одѣты такъ какъ обыкновенно одѣваются торговцы скотомъ; но только у нихъ замѣчалось еще вѣчто, чего обыкновенно не видишь у прикащика: замѣтна была бѣольшая свобода въ движеніяхъ и рѣчахъ, да и въ обращеніи что-то молодецкое, что-то повелительное, вмѣсто обычной купеческой поклоучивости.

Иованча, разговаривая за столомъ, разказывалъ что былъ въ Тимокѣ и что перешедши оттуда направился къ Голубу въ Юшаницу, а Милисавъ былъ, по его разказамъ, въ Крушевацкой нахіи и оттуда перешелъ въ нахію Ражанскую и въ Суботинцы у Ивана всѣ и собрались. Оттуда они пришли сюда къ Гойковичамъ на славу, надѣясь что тутъ отъ людей узнаютъ гдѣ хорошій скотъ и какова ему цѣна.

Сидя такъ да разговаривая, они еще не выпили по другой чашѣ какъ пришелъ слѣпецъ съ гусями чтобы поиграть для гостей, помануть что было вѣкогда и валомвить что можетъ быть вновѣ....

Слѣпецъ помѣстился подъ орѣхомъ, натянулъ струны, намазалъ смычекъ и заигралъ. Гости замолкли. Слѣпецъ игралъ долго, то подымая голову, то олуская ее цѣи повертывая въ сторону, словно для того чтобы лучше слышать звукъ изъ гуслей. Вдругъ онъ залѣлъ:

Тебѣ слава, Боже милосердый!
 Въ годъ, когда переворотъ великій
 Въ Сербіи былъ долженъ совершиться,
 И другіе судьи появиться,
 Старшины не рады были ссорѣ,
 Да не рады и обжоры Турки,
 Лишь для бѣдной раи была радость:

Ей платить не нужно было пеню,
 На терпѣть турецкаго насилья;
 Были рады праведники Божьи,
 Ибо кровь изъ почвы показалаась:
 Видно время воевать настало,—
 Пусть же кровь за Крестъ честной поащется!
 Пусть за предковъ каждый мститъ заодзямъ!

Когда слѣпецъ лѣлъ начало этой страшной Витачевой лѣсни, многихъ изъ гостей прошибъ потъ; а Голубь, Ивань, Иованча и Милуцавъ поглядывали другъ на друга и словно глазами о чемъ-то переговаривались. На концѣ стола сидѣлъ извѣстный Милуцко Чанколицу, и всѣхъ кто его звалъ, кто онъ и каковъ онъ, пробирала дрожь.

Когда слѣпецъ пересталъ лѣть, Милуцко спросилъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ гостя:

— Откуда этотъ слѣпецъ?

— А почему я знаю? отвѣчалъ гость:— слѣпецъ отовсюду: идетъ онъ за вожакомъ, проситъ Христа ради, да кормится хлѣбомъ!..

— Отъ такой лѣсни наши дома задыматся, продолжалъ Милуцко.

— Но тебѣ по крайней мѣрѣ нечего бояться дыма, сказалъ съ другой стороны стола Андрей Малый, желая намекнуть Милуцку что у него на самомъ дѣлѣ нѣтъ дома.

Между тѣмъ хозяинъ, замѣтивъ какое впечатлѣнiе произвела эта короткая лѣсня, подаль саблцу чашу съ виномъ и сказалъ:

— На, промочи горло: будетъ яснѣе!

Слѣпецъ выпилъ, возвратилъ хозяину чашу, потомъ снова ловель смычкомъ и ужь хотѣлъ залѣть, какъ Иоакимъ замѣтилъ у воротъ Турка Сулю, управителя Мозговскаго слахиц, — ломѣщика Фремчевича, — подошелъ къ саблцу и шелуулъ ему:

— Турокъ!

Слѣпецъ положилъ гусли въ суму и вошелъ въ домъ чтобы пообѣдать. Когда онъ былъ рядомъ со столомъ, Иованча ему положилъ въ руку цѣльный цванцикъ *.

Слѣпецъ, ощулавъ даръ, сказалъ:

— Благодарю, хозяинъ! *гмай готивно.* **

* Старая монета равная четыремъ лiастрамъ, то-есть нашему двугривенному.

** Стулай скорѣе.

Юванча перемѣнился въ лицѣ, услыжавъ эти два слова.

И Юакимъ, и Стоянъ выбѣжали къ самимъ воротамъ къ Судьѣ, ввели его во дворъ и, подведя его къ гостямъ, которые всѣ встали, Юакимъ сказалъ:

— Вотъ, кулцы, ага лучше всѣхъ скажетъ вамъ гдѣ купить хорошаго скотъ! И тотчасъ показалъ этимъ Судьѣ что Юванча и Милисавъ прикащики извѣстнаго Гозды-Марка и что они пришли чтобъ узнать имѣется ли скотъ и почему?

— Пеки море райа, пеки *, сказалъ Судья.— Благо тому селу куда заглядываютъ кулцы, а тяжело тому куда забираются гайдуки.

Съвъ на почетное мѣсто, онъ началъ вѣсть, но не пилъ ничего.

Съ появленіемъ Судьи тотчасъ прекратилась пѣсня и веселье; говорилось только о баранахъ, козахъ, о салѣ на скотобойняхъ и о торговлѣ на рынкахъ...

Милунко, по своему обычаю, нѣсколько разъ кашалъ и громко смѣялся, но Судья и не взглянулъ на него.

Марья, служа гостямъ, часто посматривала на Юванчу и думала про себя: „Ей Богу, красивый молодецъ!“

Не успѣешь ударить ладонь о ладонь, а день осенній уже прошелъ. Пробылъ не много времени Судья, а гляди—солнце уже закатилось за Колаоникъ, и мракъ началъ все покрывать. Смилыяна, мать Маріи, провожая Судью, подала ему пару бѣлыхъ чулокъ. Принимая этотъ подарокъ, Судья сказалъ:

— Смилыяна! слѣши какъ можно скорѣе выдать замужъ эту младшую дочь,—не ко вреду это будетъ!

— Какъ это, ага, отнять мнѣ счастье у старшей сестры?

— Ничего тебѣ больше не могу сказать; боюсь чтобы съ вами не случилось чего-нибудь дурнаго, а я въ вашемъ домѣ хлѣбъ да соль ѣлъ...

Смилыяна задумалась; но дѣла дома въ эту пору было много, поэтому некогда ей было и сказать кому-нибудь о томъ что слышала она отъ Судьи.

А Милана, дочь Стоянова, находясь въ это время у женскаго стола, и не разсмотрѣла всѣхъ гостей у мужскаго. Только на слѣдующій день, когда гости уже расходились

* Хорошо, райа, хорошо.

глядѣла она лучше Милсавъ и Иованчу и ей показалась что Милсавъ весьма пріятный молодець...

Иованча, несмотря на все вниманіе которое онъ обращалъ на людей, на сѣвца и на Сулю, нашелъ время хорошо разсмотрѣть и Марію. Она ему показалась необычайно красивою дѣвушкой. Еслибы сѣвпецъ не сказалъ ему этихъ двухъ проклятыхъ словъ: гдѣ готивно, онъ праздновалъ бы у Гойковича до *гостинскаго* дня *.

На окрѣпѣ ** Голубъ, Иванъ, Иованча и Милсавъ собирались отправиться въ путь. Съ ними пошелъ и Иоакимъ чтобы показать имъ дорогу, а Стоянъ остался чтобы принимать гостей которые придутъ на *поютарѣ* ***. Марія съ чашей вина, провожая отца и гостей, выбрала удобный моментъ чтобы разглядѣть Иованчу. Ей было очень жаль что такой милый гость такъ недолго гостилъ. И Иованча былъ немногу смущенъ; въ своемъ смущеніи онъ забылъ свою котомку и вернулся чтобы ее взять. Марія ему подала ее.

— Здорово, сестра! сказалъ онъ, стараясь повѣснить котомку за поясъ.

— Счастливой дороги! отвѣчала дѣвушка.

— Дай Боже скорѣе вновь увидѣться!

— Дай Боже, произнесла Марія неволью вздохнувъ.

Гости съ Иоакимомъ ушли. Марія вернулась въ домъ и, ставя на лодку чашу съ виномъ, ловалпла и разбила самый большой праздничный горшокъ. Отъ этого бѣдная дѣвушка такъ смутилась и сконфузилась что покраснѣла вся какъ жаръ.

— На его голову, красавица! сказала ей свиха Живка:—дядя сегодня, въ день своего праздника, ушелъ съ кулцами... пусть бы это была вся потеря, чтобы не случилось чего худшаго...

Марія съ благодарностью посмотрѣла на эту добрую свиху, которая этими рѣчами покрывала ея душевную бурю, потрясавшую въ эту минуту ея сердце.

* Такъ зовется третій день *славы*.

** Слѣдующій день за днемъ *славы*.

*** То же что окрѣпѣ, то-есть слѣдующій день за днемъ *славы*.

III.

Заклятіе.

Пусть того, кто выдастъ, выдастъ ато!
 Пусть во вѣкъ себѣ онъ не дожидетъ
 Никакого на землѣ потомства!
 Пусть сгніетъ какъ ржавое желѣзо!

(Народное закланіе)

Баиць селенія Подгорца, на сѣверо-западъ отъ горы Буковика и на югъ отъ возвышенности Бабы, стоитъ старая церковь Святаго Петра. Въ этой церкви нѣкогда служили и пѣли, а теперь вся она обросла ползучею травой. Турки разогнали ея священниковъ; время пробило ея своды, и всякій день отрываетъ камень за камнемъ отъ ея хрупкихъ стѣнъ; но народъ изъ окрестныхъ селъ помнитъ что это мѣсто святое, что здѣсь люди собирались на молитву, на бесѣду, на договоръ, а иногда и на веселье. Многие думаютъ что и теперь это мѣсто очень удобно для всѣхъ важныхъ и святыхъ дѣлъ.....

На слѣдующій день послѣ Св. Θомы въ 1832 году у церкви Святаго Петра съ разсвѣтомъ появилось нѣсколько человекъ изъ окрестныхъ селъ. Между ними были Стоянъ Ивановичъ изъ Лешья, Милеть, Карабашъ изъ Криваго Вира, Милосавъ Бральинецъ изъ Бральины, Рая изъ Чичевца, полтъ Марко изъ Мозгова. Пришелъ также къ Святому Петру Іоакимъ Гайковичъ изъ Мозгова съ Голубомъ изъ Іошакци, съ Иваномъ изъ Суботинца и съ прикащиками Іованчою и Милосавомъ. Кто бы въ эту пору посмотрѣлъ на это сборище, замѣтилъ бы что все это люди знакомые другъ съ другомъ и что напередъ знаютъ зачѣмъ они сюда пришли, потому что здороваются и спрашиваютъ другъ друга такъ какъ будто они только вчера разошлись.

Подошедши къ Іоакиму и его слутникамъ, полтъ Марко сказалъ:

— Хорошо вы дошли сюда?

— Не совѣмъ, отвѣчалъ Іоакимъ:—пошли мы напрямикъ, и убѣдились что напрямикъ дальше, а вокругъ ближе!....

И это показываетъ что всѣ люди условились собраться въ этотъ день у Св. Петра.

Поздоровавшись другъ съ другомъ и спросивъ о здоровьѣ, они вошли въ церковь, перекрестились и приложились къ останкамъ изображеній святыхъ на стѣнахъ; потомъ одни сѣли на остатки стѣны, другіе на камни, цѣные же стояли и смотрѣли чтобы не пришли откуда незваные гости.

— Ну, братъ, сказалъ Іованча Стояну изъ Лешья,—кажется, здѣсь всѣ свои?

— Меня бойся, отвѣчалъ Стоянъ,—а этихъ не бойся никого!

— Если такъ, продолжалъ Іованча,—тогда слушайте притѣвствіе отъ князя Милоша. Цари рѣшили чтобы вы соединились съ Шумадіей, а Турки не хотятъ васъ освободить. Говорятъ что вы желаете быть подъ нами, а не *съ нами*...

— Лгутъ! лгутъ! раздалось сразу нѣсколько голосовъ.

Имъ такъ говорятъ и князь Милошъ; а они отвѣчаютъ такъ: „Если та райя не хочетъ остаться подъ нами, отчего она не возстаетъ? Еслибъ ей не было хорошо, она бы волновалась, какъ волновалась до сихъ поръ столько разъ“. Поэтому нужно чтобы народъ взялся за оружіе, а князь Милошъ сдѣлаетъ тогда то что знаетъ.

— Мы готовы, говоритъ Стоянъ:—намъ ужь не въ терлежъ всѣ эти турецкія безобразія; но мы ждемъ знака оттуда изъ-за Моравы.

— Знакъ вамъ—первое насиліе которое сдѣлаютъ Турки! Какъ только они на кого наладутъ и убьютъ безвинно, или обезчестятъ, или совершатъ какое-нибудь другое незаконіе....

— Будемъ говорить правду, сказалъ Дральницецъ:—народъ до сихъ поръ сильно пострадалъ, ну и боится новыхъ притѣвненій. Столько разъ люди говорили: „Эй, не будетъ Турокъ, пропадетъ Турецкое царство“,—а потомъ вдругъ Богъ вѣсть откуда придетъ столько Турокъ что у васъ кровавыя слезы польются.

— Такъ, такъ! перебилъ его нѣкій Перванъ Киселица изъ села Мадяра:—вотъ мы не можемъ оправиться и во сто лѣтъ отъ войнъ бывшихъ до сихъ поръ. Какъ же намъ вновь звать турецкую саблю на свою шею? Всѣ говорятъ: „такъ рѣшили цари“. А почему намъ цари этого не объявлять, чтобы намъ звать и увѣриться что тутъ нѣтъ никакого обмана.

— Цари, Перване, не могутъ сдѣлаться прикащиками, какъ вотъ я и Милисавъ, говоритъ Іованча:—они не могутъ ходить изъ села въ село и сзывать народъ. Съ нихъ достаточно

если они хотятъ того чего желаетъ народъ. Если этотъ народъ желаетъ остаться подъ Турками, тогда вѣтъ нужды въ нашей сходкѣ: и я, и Милосавъ улизнемъ отсюда пока мы цѣлы еще!

— Не уходите! вамъ ничего не приключится, сказалъ Перванъ:—но поговоримъ какъ люди.

— А почему князь Милошъ не придетъ съ войскомъ и не прогонитъ этихъ Турокъ, если такъ рѣшили цари, а мы послѣ ему заплатимъ чтѣ слѣдуетъ.

— И такъ можно, Перванъ, сказалъ Стоявъ:—но тогда нельзя будетъ сказать: „народъ хочетъ освободиться“, а сказали бы: „князь Милошъ хочетъ расширить свою державу“, ну и досталось бы ему по чашкѣ отъ тѣхъ кто спавъе его!

— Слушайте, братья, какъ я думаю, сказалъ Милета изъ Криваго Вира:—народъ есть народъ: никогда всѣ не будутъ единодушны; но того для чего мы собрались хотять всѣ лучшіе и первые люди! За нихъ я стою крѣпко.

— Да, всѣ, всѣ хотять! сказалъ полкъ Марко:—развѣ не видите какъ съ вѣкотораго времени и дѣти предчувствуютъ войну? Никто имъ не говоритъ, отъ нихъ всѣ скрываются, а они, послѣ всякаго дожда, только и дѣлають изъ грязи лужки и кидаютъ въ заборъ, словно стрѣляютъ и дерутся. А помните ли чтѣ сказалъ сумашедшій Лазарь на Успенъевъ день у Святаго Романа? Это теперь знаютъ всѣ отъ мала до велика. Народъ словно витка за иголкой: куда пойдутъ люди, туда пойдутъ и всѣ. Чтѣ переполнится, должно перелиться, а турецкое насиліе перешло черезъ край, оно теперь само себя уничтожаетъ. Только бы мы были согласны между собою: когда начнемъ, начнемъ всѣ въ одно время!...

— И я не хочу оставать отъ всѣхъ, говоритъ вновь Перванъ:—говорю только что это очень трудное дѣло.

— Не такъ какъ кажется, Перванъ, сказалъ Голубъ:—можетъ-быть этотъ бунтъ окончится, но не погибнетъ ни одинъ человекъ!...

— Ба! Лѣсъ рубать—щелки летать, мой Голубъ:—такъ говорится пока народъ не тронется; а когда возстають противъ Турокъ, всякій готовится къ смерти.

— Конечно такъ, говоритъ полкъ Марко:—такъ и я думаю, и если пройдетъ безъ потери, наше счастье!

— Такъ и будемъ говорить, прибавилъ Перванъ,—чтобы не обманывать себя!

— Ну, такъ что же скажемъ князю Милошу? спрашиваетъ Иованча.

— Скажите ему что мы всё готовы, отвѣчалъ Стоянъ изъ Лешья:—только не можемъ долго удержаться. Поэтому, какъ только вступимъ въ бой, пусть онъ смотритъ чтобы дѣло какъ можно скорѣе рѣшилось, потому что бѣдный народъ скоро устанетъ...

— Такъ, такъ! закричали многіе изъ окружающихъ.

— Ну, такъ дадимъ клятву, сказалъ полкъ Марко,—да послѣдшимъ отсюда: а то кто-нибудь замѣтитъ.

И тотчасъ онъ вынулъ книгу и крестъ, надѣлъ на шею епитрахиль, а крестъ поставилъ на церковную стѣну. Люди встали, сняли шапки и начали креститься. Полкъ прочиталъ краткую молитву, затѣмъ всё подняли три лапца по его приказанію и произвели за нимъ эти слова:

„Цѣлуемъ этотъ честной крестъ и клянемся возстать противъ Турокъ, клянемся счастьемъ своимъ что этого не выдадимъ! Кто измѣнитъ пусть тому измѣнитъ урожайное лѣто; да не имѣетъ онъ роду-племени отъ сердца,—ни мужскаго, ни женскаго, пусть покроетъ его ржавчина какъ ржавое желѣзо!“

Послѣ этого всё перекрестились, поцѣловали крестъ, поцѣловались другъ съ другомъ и приложились къ остаткамъ изображеній святыхъ, которыя еще можно было узнать на стѣнахъ церкви Святаго Петра.

Немного спустя эти люди слѣдили каждый въ своей село: Иоакимъ, Иванъ и полкъ Марко вернулись въ Мозгово; Голубъ и Милета отправились черезъ горы въ Кривоѣ Вуръ, Стоянъ вернулся въ Лешье; Дралъивецъ и Раѣя проводили Иованчу и Милсаву на Мораву чтобы ихъ тайкомъ перевести на найденной лодкѣ въ Темничъ.

Первая же, возвращаясь черезъ Мечку, шептала про себя: „Если что можетъ случиться скоро,—ладно; а если замедлится, то очень скверно! Но если всё хотять, хочу и я; не хочу чтобы люди левали на меня.“

Разошлись въ разные стороны и всё съ одною и тою же мыслью: Когда насиліе перейдетъ мѣру, когда придавленный народъ почувствуетъ въ себѣ достаточную отвагу, словомъ, когда наступитъ время возстать, тогда долженъ возстать и тотъ кто не хочетъ.

IV.

Возстаніе.

Бунтъ обыкновенно готовятъ весьма многіе, а воспаменяетъ его часто какая-нибудь случайная искра.

Въ Крушевцѣ есть одна Ибшева кофейня, куда заходятъ самые видные Турки. Совершенно особенный видъ имѣетъ эта турецкая кофейня, когда въ ней только Турки. Въ такой кофейнѣ обыкновенно стѣны уставлены *мундерлуками* * на которыхъ сидятъ гости, курятъ, пьютъ кофе и слушаютъ обыкновенно какого-нибудь разказчика. У Турокъ есть обычай, который они соблюдаютъ какъ законъ: когда одинъ говоритъ, всѣ другіе молчатъ и слушаютъ.

Новый гость, вошедши въ кофейню, не говоритъ никому ничего, но ищетъ свободнаго мѣста присѣсть, и тогда только поворачивается онъ къ посѣтителемъ въ кофейнѣ и говоритъ:
— *Мерхаба!* ** или *сабаль-гаурь-олсунь!* ***

При этомъ онъ дѣлаетъ рукою знакъ, именно концами пальцевъ онъ касается груди, устъ и теменю. А это, говорятъ, значитъ: „въ сердцѣ ношу тебя, устами тебя дѣлаю, а въ головѣ тебя помѣщаю изъ великаго уваженія къ тебѣ!“

Они ему на это отвѣчаютъ:

— *Аллахъ-рази-олсунь.* ****

Слова эти они сопровождаютъ точно такимъ же поклономъ. Новый гость наполняетъ свою трубку, а кафеждія, † подавая ему кофе, говорятъ:

— *Джаба!* †*

Все это совершается въ такой тишинѣ что слышно какъ муха пролетитъ. Если кто-нибудь начнетъ разказывать, всѣ остальные слушаютъ и замѣчаютъ. Было бы весьма невѣж-

* Мундерлукъ—низенькій диванъ.

** Миръ вамъ!

*** Счастливое утро вамъ!

**** Да будетъ это угодно Богу.

† Хозяинъ кофейни.

†* Даръ шебъ.

ливо не слушать разказика, хотя бы онъ говорилъ самую очевидную вѣдѣлицу. Никто надъ нимъ и не посмѣется, а ужь подавно не станетъ ему противорѣчить.

Вотъ, въ Ибিশевой кофейнѣ, въ Крушевцѣ, однажды утромъ собралось предъ Дмитриевымъ двѣмъ 1832 года много Турокъ. Нѣкто Смаиль-ага разказывалъ, а всѣ другіе слушали. Смаиль-ага человекъ бывалый: много онъ поспроходилъ, много слышалъ, много видѣлъ и поэтому есть у него что поразказать.

Въ это время султанъ велъ войну съ Египтомъ. Тогда во всей Европѣ много говорилось о Мемедъ-Али, а въ Турціи и подавно. Разказикъ говорилъ какъ онъ былъ въ Египтѣ и какъ онъ видѣлъ силу и богатство Мемедъ-Али.

— Клянусь моею турецкою вѣрой, нѣтъ такого богатства у нашего падишаха. Своими глазами видѣлъ я амбаръ Мемедъ-Али какъ отсюда до Моравы. Въ этомъ амбарѣ поставлены полные мѣшки по обѣимъ сторонамъ, а по срединѣ проходъ. Въ однихъ мѣшкахъ рисъ, а въ другихъ — чистый жемчугъ.

— Однажды, продолжалъ онъ, — пригласилъ меня Мемедъ-Али на обѣдъ. Не стану вамъ разказывать какія были блюда; я не могъ бы вамъ ихъ пересчитать; но въ концѣ всего было чудо. Намъ должны были подать лавъ которымъ обыкновенно кончается у насъ всякій обѣдъ. Но вамъ не приносятъ лавъ. Ждали мы долго; наконецъ Мемедъ-Али сказалъ:

— *Дане лавъ, чодзеуикъ!* *

Ашчія ** пришелъ и что-то шепнулъ ему на ухо. Мемедъ-Али улыбнулся и сказалъ:

— Если ужь таковъ късметъ, *** пусть будетъ и безъ лавъ.

И мы встали отъ обѣда безъ лавъ.

Ну и что же случилось? Поваръ, готовя лавъ, вмѣсто рису, случайно взялъ жемчугъ, а жемчугъ не могъ свариться, оттого нашъ обѣдъ былъ безъ лавъ.

Когда Смаиль-ага окончилъ разказъ, никто ему не сказалъ ни слова; никто даже и не улыбнулся. Такъ высоко цѣнить Турки того кто ихъ хочетъ позабавить.

Въ это время вошелъ въ кофейню нѣкій Мустафа бѣлый! Онъ недавно вернулся изъ Ваддива, гдѣ покупалъ соль.

* Гдѣ лавъ, дита?

** Поваръ.

*** Судьба.

Тамъ онъ видѣлъ Агу-лашу; проѣхавъ черезъ Зайчаръ, Тимокскую Паланку (Тургусовацъ) и чрезъ Банью, онъ можетъ конечно разказать что-нибудь новое. И дѣйствительно, Мустафа сталъ разказывать какъ ему въ Зайчарѣ, въ Тургусовцѣ и въ Баньѣ говорили Турки что нѣкіе Милошевы люди, съ виду кулеческіе прикащики, мутятъ народъ и готовятъ новое возстаніе; да и деду-полъ Марко изъ Мозгова ему на кое-что намекнулъ и наконецъ какъ поднялись нѣкоторые пророки по селамъ и предсказываютъ Туркамъ всякое зло, а райѣ предрекаютъ добро.

И затѣмъ Мустафа разказалъ что ему въ Мозговѣ говорилъ Милауко Чанколизъ какъ сумашедшій Лазарь говорилъ у Св. Романа на сходѣ въ Успеньевъ день „что звонятъ колокола на Лазарцѣ и на Саванцѣ!“

— *Аджаитъ! аджаитъ!** сказалъ старый Ибишъ; остальные переглянулись.—Это не къ добру, прибавилъ старикъ, когда сумашедшіе станутъ предсказывать зло, тогда нечего надеяться на добро.

— Хаи! хаи! вздохнуло двое-трое изъ нихъ и выпустили густыя струи дыма.

Общее молчаніе на нѣсколько минутъ.

— *Икиалахъ*,** сказалъ Османъ-бегъ Френчевичъ:—и это кончится добромъ! Какъ это сумашедшій человѣкъ станетъ говорить разумныя рѣчи? Оставьте этотъ вздоръ! Все это выдумали Влахи*** чтобы налугать Турокъ. *Бошлакрдѣил!***** Завтра я пойду въ Мозгово окапывать виноградъ. Всякому перекую горло кто осмѣлится сказать хоть слово!...

— *Ескоси †*, мой соколъ! сказалъ Мехмедъ-ага изъ Софіи, который постоянно жаловался на раслущенность райи, повторяя какъ аксіому: безъ твердаго цемента царство не держится!

— Все это было бы хорошо, сказалъ старый Ибишъ послѣ продолжительнаго молчанія,—еслибы не тотъ въ Крагуевцѣ; но у него руки долги... слѣдуетъ поступать умно, чтобы потомъ не каяться...

* Чудо, чудо.

** Дастъ Богъ.

*** Православные христіане.

**** Пустой разговоръ.

† Браво.

— Раскаиваюсь я, мой Ибнъ-ага, когда не бью райю, говорить сильный Френчевичъ,—а когда ее бью, сплю спокойно...
Послѣ этого въ кофейнѣ наступила мертвая тишина....

Въ поминальный четвергъ, предъ Дмитриевымъ днемъ 1892 года, почти все село Мозгово было выгнано на околку винограда богатыми Френчевичами, у которыхъ были свои дворы и въ Нишѣ, и въ Крушевцѣ, и теперь они находились именно въ этомъ послѣднемъ городкѣ. Френчевичей два брата: Селимъ-бегъ и Османъ-бегъ. Селимъ-бегу теперь около 36 лѣтъ; онъ низкаго роста, смуглый, съ большими глазами и вообще красивый человекъ.. Осману 33 года; онъ тонокъ, высокъ, смуглъ и красивѣе своего брата.

Отецъ у нихъ умеръ, а мать Акила живетъ. Она, какъ Турчанка, подстрекала своихъ сыновей, часто повторяя имъ что они недостойны жениться на Сербкахъ, потому что въ такомъ случаѣ нужно жениться уводомъ, а не сватовствомъ. Она хотѣла чтобы свои ея были той же крови какъ и она сама, а еще больше желала бы похвалиться предъ другими женщинами юначествомъ своихъ сыновей.

— Все что только есть у Турокъ, говаривала она,—добываютъ они юначествомъ. Какъ проладеть въ Туркахъ юначество, пусть въ ту пору жены ихъ платятъ подать за мужей, пусть несчастные идутъ тогда просить у нищихъ и пусть платятъ они дань Лыгурамъ*. Турція тогда уже была да слыла!...

И сыновья ея очень желала исполнить волю своей матери, а также и ради своего удовольствія.

Въ виноградникѣ бета Френчевича между работниками были и Иоакимъ, и Стоянъ Гойковичи со своими старшими дочерьми. Управитель Френчевича, Суля, пришелъ къ Иоакиму и Стояну и приказалъ имъ отослать старшихъ дочерей, а вмѣсто ихъ прислать двухъ младшихъ, Марію и Милану.

Сила Богу не жолится: надобно было повиноваться, и чрезъ полчаса Марія и Милана сѣлали уже виноградъ съ остальными рабочими Френчевича. Османъ-бегъ, пріѣхавъ днемъ раньше изъ Крушевца, остановился у лопы Марко. Какъ только пріѣхалъ Османъ-бегъ, тотчасъ къ нему при-

* Цыганамъ, то-есть послѣднему народу.

шелъ Милаунко Чанколцъ и началъ съ нимъ о чемъ-то шептаться вмѣстѣ съ управителемъ Сулей. Поль Марко, къ несчастію, замѣтилъ что дѣло идетъ о чемъ-то дурномъ и, не зная что затѣвается, сказалъ:

— Не сдѣлайте чего дурнаго, люди! Народъ и такъ уже раздраженъ; ему теперь не много нужно: если какое зло сдѣлаете, въ долгу онъ не останется.

Османъ уже безъ того раздраженный противъ лопы разказомъ слышаннымъ о немъ въ кофейнѣ Ибншевой, кликнулъ своихъ слугъ. Тѣ схватили лопы, повалили его, подыали вверхъ подошвы и отсчитали несчастному по нимъ ровно сто ударовъ!... Чанколцъ, глядя какъ бьютъ лопы Марко, говорилъ будто про себя, но такъ чтобы Френчевичъ слышалъ: „Что, получилъ? Мало еще ему! Онъ хочетъ стращать Турка-господина!... Глупый человекъ!...“ Едва работники въ виноградникѣ окопали два ряда и остановились чтобъ очистить землю отъ мотыки какъ ихъ внезапно окружили вооруженные Турки. И Османъ, съ обнаженною саблей въ рукѣ, объявилъ что изрубить въ куски всякаго кто посмѣетъ сопротивляться. Послѣ этого онъ далъ знакъ своимъ слугамъ, и они схватили Марію и Милаву, посадили ихъ на коня, связали имъ ноги подъ кономъ, закутали ихъ плащомъ, окружили ихъ, и все это собраніе повернуло къ Моравѣ, по направленію къ Брушевицу. Марія и Милава плакали, кричали, молили,—все напрасно. Изрѣдка Френчевичъ только скажетъ:

— Молчите! вамъ дурно не будетъ!..

Въ Делиградѣ, видя что онѣ не перестаютъ плакать, Османъ бѣгъ спросилъ:

— Чего такъ плачете? вѣдь вы оказали Милаунку что хотите потурчиться.

Дѣвушки стали еще громче плакать и клясться что онѣ Милаунка и не видѣли!

— Значитъ вновь этотъ мошенникъ всѣмъ надгалъ, сказалъ Османъ:—дѣвушкамъ не посмѣлъ и намекнуть о томъ чтобъ онѣ потурчились, а мнѣ не посмѣлъ сказать правду, но утверждалъ что онъ и ѣ обдарилъ и подкупилъ.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, Османъ продолжалъ:

— Пусть будетъ такъ какъ случилось: когда Турокъ на что-нибудь саблей замахнется, то паи пересѣчетъ, паи саблю пололамы саомить; но не вкладываетъ въ ножны ничего не сдѣлавъ!..

Въ этотъ же вечеръ они были въ Крушевцѣ. Работники же которые оканывали виноградники бега, разошедшись съ работы, размесили на всѣ стороны вѣсти объ этомъ похищеніи среди бѣла дня. Сколько было свидѣтелей насилія столько было и вѣстниковъ которые разошлись разказать и возбудить противъ насилія.

Но ничто не летитъ такъ быстро какъ дурная вѣсть..

Прошло немного времени, а возстаніе разлилось по Ражавской, Парачинской и Крушевацкой нахіямъ. Турки должны были уйти въ мѣста укрѣпленныя. Вскорѣ пришлось имъ оставить и Крушевацъ. Со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ силъ сходились толпы вооруженныхъ поселянъ, озлобленныхъ, готовыхъ мстить до послѣдней крайности. Народъ волновался какъ взбаломученное море; тяжело слабому берегу о который оно ударить. Предъ сильно возбужденнымъ народомъ Турки послѣшно бѣжали.

Повсюду слышались грозные голоса:

— Пусть возвратятъ родителямъ похищенныхъ!

— Похитители должны быть наказаны!

— Всѣ мы желаемъ присоединиться къ Сербіи!

Возстаніе тотчасъ извѣстили князя Милана и отдались въ его власть.

— Князь послѣдовалъ послать къ вамъ Милету Радоичевича и Арсу Андреевича чтобъ они взяли дѣло въ свои руки и повели какъ нужно. Портъ и Россіи сообщалъ что турецкое насиліе побудило народъ къ возстанію, которое можетъ быть потушено только тогда когда народу дастся то что онъ требуетъ по праву (т.е. князь требовалъ исполненія Букурештскаго договора).

Какъ только Милета и Арса прибыли къ возставшимъ, къ нимъ пришли объ матери двухъ похищенныхъ дѣвушекъ съ отчаяннымъ плачемъ:

— Развѣ больше нѣтъ Коджи-Милоша? Развѣ въ Шумадіи перемерли всѣ мушны? Гдѣ вы, братья? Что съ нами случилось сегодня, завтра случится съ вами.

Возстанцы ждали какъ озлабшій солда что скажутъ посланцы Милоша.

— Привѣтъ вамъ, братья, сказалъ Милета,—отъ князя Милоша и отъ всей Шумадіи! Молитесь Богу, бейте Турокъ и не кладите оружія, пока не получите всего чего требуете. Съ той стороны Моравы стоитъ съ готовымъ войскомъ Милошъ; какъ только будетъ нужно онъ будетъ тутъ!.. Можетъ-быть и мы когда-нибудь скажемъ вамъ, даже въ присутствіи Турокъ чтобы вы смирились и положили оружіе! Не слушайте ни насъ и никого на свѣтѣ, пока не дадутъ вамъ того чего требуете и что должно быть дано вамъ!

Таковъ вамъ привѣтъ отъ князя Милоша!

— Многія дѣла ему! раздалось изъ тысячи грудей, и народъ направился къ Крушевацу...

Возстаніе распространялось все дальше и дальше, а дипломатія работала все усиленнѣе и усиленнѣе.

V. Князь Милошъ.

Онъ одинъ изъ тѣхъ людей
которые рождаются для того чтобы
показать творческую силу своего
народа.

На лѣвомъ берегу рѣчки Лелевицы, выше города Крагуевца стоитъ дворецъ князя Милоша, въ которомъ онъ почти постоянно жилъ отъ 1818 до 1839 года. Это обыкновенный домъ турецкой постройки. Осматривающаго телерь не поразитъ ни его величина, ни красота, но путешественникъ не можетъ не остановиться, когда ему скажутъ что когда-то изъ этого дома выходило слово которое могло бросить въ лихорадку цѣлый Балканскій полуостровъ!..

Этотъ дворецъ или *конакъ*, какъ его обыкновенно называютъ, состоитъ изъ двухъ этажей; въ верхнемъ этажѣ слѣдующія помѣщенія: часовня (железня), гдѣ князь молится Богу; его спальня; комната съ каминомъ; канцелярія и просторная открытая со стороны города галлерей. Съ этой галлерей князь Милошъ отдавалъ обыкновенно приказы, училъ, а иногда и бранилъ; тутъ же обыкновенно принимались иностранцы и дипломаты.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась княжеская „трпезарія“, то-есть столовая, „каве-оджакъ“ (гдѣ варится кофе) и другіе покои для придворныхъ и молодыхъ князей.

Изъ нижней галлерей въ верхнюю вела деревянная лѣстница, которая много разъ выдавала настроеніе духа князя, когда по ней раздавался учащенный звукъ: дум, дум, дум! и въ нижнемъ этажѣ появлялся какой-нибудь чиновникъ весь перелуганный и мертвенно блѣдный, и не зная самъ какъ онъ очутился изъ верхней галлерей въ нижней...

И то что находится около княжескаго дворца не безынтересно. На западной сторонѣ кухни, гдѣ готовится кушанье, а дальше конюшни для княжескихъ коней; на сѣверѣ „Шарени конакъ“, то-есть лестный дворецъ, въ которомъ живетъ княгиня, а на востокъ открытая равнина, гдѣ по праздникамъ водятъ коло. Тутъ, недалеко отъ Лелевичскаго берега, стоитъ печальное дерево, на которомъ иное утро при восходѣ солнца качается какой-нибудь повѣшенный преступникъ.

Посмотримъ побольше на князя Милоша въ этомъ его дворцѣ. Онъ тутъ только настоящій „Коджа-Милошъ“.

Милошъ былъ роста средняго, снажнаго сложенія, лицо имѣлъ круглое, глаза ясные, говорилъ скоро и лаконически. Въ рѣчи часто прибавлялъ къ словамъ: „чинши-волико“ или „чинечи се волико“. Милошъ думаетъ быстро, гораздо быстрее нежели можетъ высказать. Оттого иногда, преслѣдуя свою мысль, такъ языкомъ залететь что трудно понять что онъ хочетъ сказать.

Въ самыя трудныя минуты онъ съ замѣчательною быстротою склоняется къ добру или ко злу. Никогда у него не бывало нерѣшительности или долгаго колебанія. Правду сказать, онъ потомъ нерѣдко горько каялся въ этой послѣдственности своихъ рѣшеній, но именно она и помогла ему всего больше приобрести власть надъ Сербіей и стать тѣмъ чѣмъ онъ былъ—сдѣлаться Коджей-Милошемъ.

Милошъ былъ красивъ, только на лѣвой щекѣ была у него бородавка величиной въ маленькій орѣхъ и носъ въ концѣ былъ слишкомъ широкъ. Онъ вставалъ рано, съ зарей. Какъ только встанетъ, умоется и одѣнется, а потомъ молится Богу.

Въ своей комнатѣ, въ часовнѣ, зажжетъ онъ свѣчу, слуга принесетъ ему кадильницу съ жаромъ, а онъ положитъ на углы ладонь и затѣмъ окадитъ икону и свѣчу, окадитъ себя, всю комнату и всѣхъ присутствующихъ. Послѣ этого кадильницу у него беретъ слуга, который тихонько, на цыпоч-

какъ, уходитъ, а онъ начинаетъ свою молитву такъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь (трижды). Боже, и сегодняшний красный денекъ, раннее утрешко и яркое солнышко, помилуй меня грѣшнаго. Святые Божию, которые святы у Господа Бога, молюсь вамъ и покланяюсь, молитве Бога за меня грѣшнаго! Святые Петръ, Павелъ апостолы, Марко и Матвѣй, Лука и Иоаннъ, четыре столпа евангелиста, которые держите небо и землю, молюсь и покланяюсь, молитве Господа за меня грѣшнаго! Святой отче Николае, путникъ, чудотворецъ, мое крестное имя, помоги мнѣ въ пути, на судѣ, въ темную ночь, на черной горѣ, на мутной водѣ, въ раннее утро, на зарѣ, въ бѣлый день и на всякомъ страшномъ мѣстѣ. Святая Троица, еднородная и нераздѣльная, будь мнѣ трезвительница (помощница) и покровительница во всякомъ мѣстѣ. Святой Иванъ Креститель, святой Георгій великомученикъ, святой Димитрій, святой прелодобный отче Андрее, святой первомученикъ Стефанъ, святой Василий, святой Феодоръ, и вамъ молюсь и кланяюсь, молитве милостиваго Бога за меня грѣшнаго! Святой Илія, святой Партелей, всѣ святые у Бога, Божьи угодники, которые у Господа Бога; святые ангелы и архангелы, пророки, мученики, апостолы, молюсь вамъ и покланяюсь, молитве Господа Бога, милостиваго Творца небснаго, за меня грѣшнаго! Всемогущій, истинный, многомилостивый Саваоѣ, Создатель, Творецъ небсный, Который и меня создалъ, направь меня правильнымъ путемъ, научи меня творить волю Твою: къ Тебѣ прибѣгохъ; не дай смерти безъ покаянія; помани въ царствіи небснѣмъ и меня грѣшнаго! Сохрани меня, Господи Боже, отъ убожества, нищеты, бѣды, *мусавѣде* * излѣчимой и неизлѣчимой, отъ тяжелаго долга, невѣрнаго друга, тяжелой болѣзни, дьявольскаго навожденія; сохрани меня, Боже, ото всякой муки, дьявольской власти, отъ турецкаго насилія и братской ненависти. Господи, Господи! Ты многомилостивъ, дай мнѣ доброе здоровье, хорошее счастье, счастье и услѣхъ, долгій вѣкъ; дай мнѣ счастливые дни, легкія ноги, отъ Бога помощь; даруй мнѣ всякое добро надолго, укрѣпи меня, освѣти меня, умудри меня и освободи меня; не отринь, не забудь, не прогнѣвись, не обидь раба своего.“

* Отъ арабскаго слова: *мусибет*—горе, несчастіе.

Послѣ того: Святый Боже (три раза); Господи помилуй (дванадцать разъ), Отче нашъ.

Затѣмъ:

„Честный крестъ, честный постъ, благой Христе, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! Милостивъ Ты, Господи! укрѣпи и ублажи сердце Царевѣ милостиво на меня грѣшнаго! Молю также и святыхъ отцовъ. Простите отцы святые и благословите! Богъ да проститъ учителя и родителя.

„Воздаю хвалу и благодарю Тебя, Боже (трижды), который меня вывелъ изъ темной ночи—мудрымъ, бодрымъ, яснымъ, чистымъ и разумнымъ. Дай мнѣ, Боже, радоваться и веселиться. Боже мой, услыши молитву и прости согрѣшенія; прими молитву мою!“

(Эту послѣднюю молитву онъ читалъ только по утрамъ.)

Послѣ молитвы князь завтракалъ. Затѣмъ принималъ секретарей съ письмами, вышшихъ чиновниковъ и всѣхъ которые приходили за приказаніями. Когда онъ ихъ отпускалъ или еще при нихъ, князь часто выходилъ на галерею и начиналъ свой судъ. Внизу около нижней галереи и предъ дворцомъ все было полно народомъ: одни пришли по своей волѣ, другихъ привели, а иныхъ привела нужда или неволя.

Такъ однажды утромъ, вышедши на галерею, князь увидѣлъ внизу на „биньекташъ“ * кнеза ** изъ Ужичкой нахіи. Это былъ здоровый мужичина, съ большимъ носомъ и длинными усами; закутанный въ красный плащъ, онъ стоялъ на камнѣ, точно какая-нибудь статуя.

— Чтò это значитъ, Демиръ? спрашиваетъ Милошъ.

— Не знаю и я, господарь! Меня привели и сказали чтобъ я стоялъ здѣсь предъ тобою.

— Эй, морѣ, я слышалъ что ты неправильно судишь и берешь взятки?

— Господарь, отвѣчалъ болѣе яснымъ голосомъ Ужичанинъ:—если я самъ отъ кого-нибудь что-нибудь требовалъ вырви мнѣ языкъ; а если кто мнѣ самъ по своей волѣ далъ а я не принималъ,—отсѣки мнѣ обѣ руки; если же что-нибудь мнѣ не удалось правильно разсудить, то вѣдь я человекъ,

* Камень на который становатся чтобы сѣсть на лошадь.

** Кнез—старшина, выборный голова округа, нахіи, села.

ошибиться ему свойственно. А наконецъ, болѣе виновенъ тотъ кто даетъ безумному власть въ руки нежелу я...

— Ну, морѣ, этотъ человекъ не гуль, сказалъ князь своей свѣтѣ:—сведите его въ кухню и дайте ему чего-нибудь побѣдать, а затѣмъ пусть идетъ домой!

Таковъ былъ приговоръ.

Однажды утромъ вышедши на галерею, Милошъ услышалъ что въ нижнемъ этажѣ плачетъ маленькое дитя. Когда онъ спросилъ что это такое, ему сказали что какой-то поселянинъ привезъ своего малютку-мальчика и проситъ князя крестить его.

— Кумовство не шутка, сказалъ князь;—скорѣй зовите Маню (такъ онъ звалъ сына своего Милана), пусть креститъ дитя!

Когда вернулся кумъ изъ церкви, князь сталъ учить новаго кума какъ онъ долженъ поступать чтобы не испортить кумовства, и одарилъ кума, сказавъ своимъ:

— Они мнѣ надождать, дѣлая меня такъ безъ нужды своимъ кумомъ!...

Во время Даковского бунта, вышедши однажды утромъ на галерею, Милошъ прежде всѣхъ увидѣлъ Милутина Гарашанина и спросилъ:

— Ради Бога, побратимъ, что съ этимъ народомъ что онъ бунтуетъ?

— Нужда, господарь, отвѣчалъ Милутинъ,—въ эту ночь былъ я на ужинѣ у одного пріятели твоего и моего, и когда хотѣлъ я выпить чашу за твое здоровье, онъ мнѣ сказалъ:

— Что, братъ, пьешь за его здоровье? Какая намъ польза отъ его здоровья когда онъ не видитъ что дѣлается. Слуги его старѣишныя мѣняютъ изъ пистолета въ хлѣбъ кукурузный, когда имъ гдѣ-нибудь въ селѣ подадутъ его за обѣдомъ, или катаютъ по лолу какъ шарики на Масляницѣ; если имъ вынесутъ прѣсную лепешку и она имъ придется не по вкусу, они лепешку бросаютъ за хлѣбомъ, приговаривая: „Вѣги, хлѣбецъ, на тебя верхомъ сядетъ лепешка“! Вотъ это-то и надошло народу и онъ волнуется.

Въ это время прѣхалъ Амиджа, весь въ грязи, на какомъ-то крестьянскомъ лошаки: онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими успокаивать волненіе.

— Что это, Амиджа, будь здоровъ, гдѣ твой конь? спросилъ князь.

— Странный ты, господарь, отвѣчалъ Паштермацъ:—оттуда люди идутъ чтобы взять и твоего коня, а ты спрашиваешь гдѣ мой?...

— Какъ можно такъ мнѣ отвѣчать? спросилъ Милошъ окружающихъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Не трогайся съ мѣста, господарь, сказалъ Вучичъ:—ты долженъ защищать эту землю отъ всякаго бѣдствія извнѣ, а внутри поддержи рукава старѣйшинамъ, и народъ тотчасъ успокоится.

— А пойдешь ли ты усмирить это волненіе? спросилъ его князь.

— Готовъ, но съ условіемъ: дай мнѣ власть немного унять и старѣйшину, и ихъ слугъ!

— Ступай, и что сдѣлаешь, съ тѣмъ я согласенъ!

Вучичъ пошелъ; на Оллевицѣ разбилъ Дяка и успокоилъ мятежъ.

Однажды князь принималъ на галлерей посланника отъ одного сильнаго государя.

Посланникъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и разговоровъ, началъ за что-то грубо выговаривать князю Милошу отъ имени своего государя. Милошъ покраснѣлъ, посмотрѣлъ немного въ сторону и сказалъ:

— Если твой государь желаетъ имѣть въ Крагуевцѣ кого-нибудь кто дѣлалъ бы *его* по *его* волѣ, пусть пошлетъ одного изъ своихъ генераловъ (а у него ихъ, слава Богу, довольно) и пусть ему прикажетъ чтобы нынче весь день онъ глядѣлъ вверхъ по Лелевицѣ, завтра внизъ по Лелевицѣ, а послѣ-завтра весь день на Сушицу. Но мнѣ пусть предоставитъ договариваться съ этимъ измученнымъ народомъ; и то что найдемъ мы хорошимъ для насъ пусть будетъ хорошо и для него!...

Неизвѣстно, точно ли переводчики перевели это посланнику, но извѣстно что посланникъ послѣ этого сталъ много мягче.

За обѣденнымъ столомъ князь обыкновенно сажалъ около себя съ правой стороны младшаго сына, котораго называлъ Манья, а съ лѣвой—Миладна. Рядомъ съ Михаиломъ чаще

всего сидѣлъ архимандритъ Мелентій и Аврамъ Петрови-
вичъ или Милутичъ Гараманичъ (когда онъ бывалъ въ Кра-
гуевцѣ), дальше Васа и другіе, а за Милавомъ сидѣли
Давидовичъ, Амджа и такъ даѣе по порядку. На нижнемъ
концѣ стола противъ хозяина сидѣлъ обыкновенно Вучичъ.

Княгиня Любица въ это время еще не садилась за столъ
съ княземъ. Она вмѣстѣ съ другими женщинами и дѣвуш-
ками прислуживала у стола. „Мужская рука, говоритъ одинъ
очевидецъ не смѣла за обѣдомъ прислуживать у стола.“ Какъ
только князь садился за столъ какая-нибудь дѣвушка или
молодая женщина приносила и ставила предъ нимъ горячее
просо или горячую лепешку, на которой лежалъ стебелекъ
босилька *, а другая подавала двухъ куръ. Князь отрѣзы-
валъ ножку, крыло или какой-нибудь другой кусокъ и пода-
валъ тому кого больше всего любилъ, называя его какимъ-
нибудь особымъ именемъ. И отъ своего проса или лепешки
онъ бралъ часть и посылалъ тому кого онъ хотѣлъ отплатить.

Князь любилъ давать особенныя имена людямъ съ кото-
рыми онъ имѣлъ дѣло; потомъ онъ ихъ обыкновенно и на-
зывалъ этими именами. Такъ произошли имена: *Амджа*
(Сима Паштермацъ), *Батя* (Пауль Іаковичъ), *Русианъ*
(Іакшичъ), *Иеуманъ* (Живановичъ), *Вучичъ* и *Газда* ** (Тома
Перишичъ), *Манья* (князь Михаилъ пока былъ малъ), и т. д.

Во время обѣда разказывалъ кто-нибудь случай изъ своей
жизни, или же кто-нибудь изъ грамотныхъ собесѣдниковъ
говорилъ о прочитанномъ въ газетахъ или же наконецъ раз-
суждалъ о государственныхъ вопросахъ или шумѣли.

— Море Газда! сказалъ однажды князь Вучичу:—право,
стыдно! Ты служишь у меня столько времени, и все ходишь
въ простыхъ штанахъ самодѣльной матеріи, а вчерашніе мои
чибукджиі *** одѣлись въ сукно и шелкъ. Почему и ты не
одѣнешься получше?

— Господарь, отвѣчалъ Вучичъ:—я у тебя на службѣ, и ты
говоришь что я хорошо служу; а мои штаны у меня на
службѣ, и они мнѣ отплатно служатъ.

— Вотъ какъ! сказалъ князь, немного недовольный уло-
рствомъ Вучича.

* Душистая трава.

** Хозяинъ.

*** Чибукджиі подаетъ чубукъ.

Только тогда когда князь вставалъ отъ обѣда, столъ накрывался вновь, и княгиня садилась обѣдать съ женщинами.

Послѣ обѣда князь ложился немного отдохнуть. Въ это время слуги привязавъ платки къ длиннымъ жердямъ, махали ими около дворца и разгоняли воробьевъ которые сврищомъ щebetаніемъ не давали человѣку заснуть.

Вставъ отъ сна, Милошъ умывался и молился Богу, какъ утромъ. Потомъ выходилъ на галерею и садился. Пока ему чибукджія подавалъ закуренаую трубку, кофеджія, на серебряномъ подносѣ, приносила чашки, блюдечки и кофейникъ съ кофе. Все это покрыто было салфаткой богато вышитою и обшитою золотистою бахромой. Чибукджія, передавъ князю чубукъ, поднималъ эту салфетку, кидалъ ее кофеджіи на плечо, наливалъ въ чашку кофе; ставилъ ее на блюдечко и подавалъ господарю.

Выпивъ кофе, князь продолжалъ дѣло которымъ занимался до обѣда.

Ни количество, ни разнообразіе дѣлъ, ни серіозность обстоятельствъ того времени не мѣшали князю и пошутить, словно бы ему нужна была шутка, какъ нѣкоторый отдыхъ отъ тяжелыхъ заботъ и многихъ зачатій.

Одинъ изъ его чиновниковъ, весьма приличный и почтенный человѣкъ, надоѣлъ обществу своею страстною симпатіей къ одной иностранной державѣ. Чтò бы ни получалось изъ той страны было дивно, прекрасно, а все чтò было изъ другихъ мѣстъ, то душно и безобразно.

— Однажды прибылъ послѣшво курьеръ изъ Бѣлграда и привезъ большой пакетъ. Открываютъ его и въ немъ оказывается большой орденъ тому чиновнику отъ владѣтеля той земли которую онъ такъ расхваливалъ.

Принимая орденъ обрадованный чиновникъ сказалъ своимъ товарищамъ:

— Вотъ видите какъ это государство отличаетъ своихъ пріятелей!

Онъ послѣшво офаса, повѣсилъ новый орденъ на шею и пошелъ къ князю чтобы представиться ему какъ новый кавалеръ. Князь привалъ его хорошо, по-пріятельски; поздравилъ его съ полученіемъ ордена и послѣ долгаго выраженія своего удивленія и разсматриванья этого царскаго дара, спросилъ:

— Чтò это такъ лестро ло этой лемтѣ, какъ будто что-то валасано?

Кавалеръ разсматриваетъ и.... въ головѣ у него закружилося! На лентѣ написано: „Орденъ отъ Бабы Ганки изъ Душмана“ * за стоденныя кушанья....“

Раздосадованный кавалеръ сорвалъ этотъ знакъ непріятной шутки и выбросилъ его въ окно, а самъ залерся въ своемъ домѣ и нѣсколько дней не выходилъ на улицу.

Всю эту шутку устроили люди приближенные ко князю съ его вѣдѣнія и одобренія. Милошъ хотѣлъ такъ публично посмѣяться надъ человѣкомъ который живетъ шумадійскимъ просомъ, а хвалить вѣвскій хлѣбецъ!...

Вукъ Караджичъ былъ въ ту пору еще молодъ и неизвѣстенъ, а въ свитѣ князя Милоша онъ встрѣчался и съ людьми украшенными славой военныхъ и гражданскихъ подвиговъ и съ учеными изъ высшихъ училищъ. Среди тѣхъ и другихъ онъ занималъ почетное мѣсто, но онъ при всемъ томъ занималъ его по праву своего гения, въ силу того обновленія народнаго духа начало которому положилъ своимъ трудомъ даровитый Падраванъ.

Милошевы старѣйшины, все дѣти военнаго счастья и правительственныхъ заслугъ, иногда съ неудовольствіемъ смѣряли на дерзкаго самоучку, который, не учившись нигдѣ, поправляетъ „высокоученыхъ“, а княжескіе секретари, „доктора обоихъ правъ“, громко смѣялись надъ „ластухомъ козь, который осмѣливается указывать имъ законы грамматики.“ И въ самомъ дѣлѣ, это было чудесное явленіе! Самоучка въ наукѣ указывалъ сербской литературѣ совершенно другой путь чѣмъ тотъ которымъ шла ученость до него; и сильнымъ знаніемъ народнаго духа, онъ вѣрилъ въ побѣду своего направленія такъ твердо какъ въ жизнь своего народа.

Литературные противники Вука, люди другой земли и ученики другихъ школъ, по большей части противники новаго, прогрессивнаго, и довольные тѣмъ что они застали, сразу осудили направленіе Вука. Будучи же не въ силахъ ни остановить его, ни свернуть съ того пути, насмѣхались надъ нимъ.

Князь Милошъ какъ будто предвидѣлъ значеніе и ширину Вуковой реформы. Поэтому онъ оказывалъ ему много услугъ и облегченій; но какъ практической правитель, не могъ онъ

* Небольшое село въ Рудникѣ которое теперь зовется *Любичинауъ*.

не щадить и чувства тѣхъ которые ему были нужны всякій день для столь многихъ государственныхъ дѣлъ.

Поэтому онъ иногда допускалъ неудовольствію противниковъ Вукъ высказываться и въ какой-нибудь грубой шуткѣ, надъ которою онъ и самъ былъ готовъ посмѣяться.

Такъ однажды среди другихъ насмѣшекъ и шутокъ, когда Вукъ отправился изъ Крагуевца черезъ Бѣлградъ по направлению къ Вѣнѣ, напечатъ онъ въ томъ паспортѣ который ему былъ данъ для путешествія еще слѣдующій документъ:

Я

Амиджа первый и послѣдній, который имѣю власть давать всякаго рода паспорта и мушкетѣ, и женщину, и старика, и молодому, и здоровому, и калѣкѣ, объявляю настоящимъ паспортомъ что предъявитель сего г. Вукъ Стефановичъ изъ Тррррича * въ Ядрѣ, недавно прозванный Дробнякъ изъ Цетвицы, отправляется отсюда черезъ бѣлградскую переправу въ Землянъ, а оттуда куда ему угодно.

Личныя примѣты:

Имя и прозвище: Вукъ Стефановичъ Караджичъ,
въ молодости ластухъ козъ, а нынѣ со-
ставитель сербской грамматики.

ротъ — какъ....

усы — какъ....

носъ — какъ....

Особенныхъ примѣтъ нѣтъ, но еслибы кто-нибудь сзади хорошо присмотрѣлся къ нему, то сказалъ бы что онъ на одну ногу прихрамываетъ.

(Печать: орелъ).

Амиджа—собственноручно.

Все это было выдуманно и исполнено съ вѣдѣнія и одобренія князя Милоша.

Однажды мимо конака проходили Ужичане-возчики, веза смолу на крагуевадскую пѣду ** . Когда кони были уже у воротъ заѣзжаго дома, ударили въ барабанъ для смѣны стражи, лошади испугались, разбѣжались, и съ одного вьюка упалъ мѣшокъ со смолой и рассыпался по улицѣ.

* Слово *Трричъ* Вукъ произносилъ затягивая немного букву *р*.

** Рынокъ.

— Стой, чтобы тебѣ! закричалъ одинъ Ужичанинъ, любя-
жавъ остановить лошадь; а другіе выражали сожалѣніе что
столько убытку понесено....

Князь Милошъ, сидя на галереѣ, видѣлъ происшедшее и
приказалъ чтобы къ нему пришелъ кто-нибудь изъ возчи-
ковъ. Слуги призываютъ ближайшаго, и тотъ приходитъ.

— Откуда вы? спросилъ князь.

— Изъ Доброселицы, отвѣчалъ возчикъ.

— Живъ ли Акса Речменица изъ Доброселицы?

— Живъ, онъ тутъ съ нами; его-то мѣшокъ и прорвааса.

— Пусть онъ придетъ сюда.

— Приходить Акса.

— Узнаешь ли ты меня, гзда-Акса? спрашиваетъ князь.

— Узнаю, какъ тебя не узнать, наше солнце? отвѣчаетъ
Ужичанинъ.

— Хорошо, хорошо солнце; а помнишь, когда я служилъ
у тебя?

— Нѣтъ! клянусь тебѣ! Никогда ты не служилъ, но всегда
распоряжааса. Тебя Богъ создалъ чтобы ты распоряжааса!...

— Ну, ну,—туда-сюда, гзда-Акса! А ты лучше скажи
правду: не нанималса ли я у тебя на полгода служить за
три съ половиною гроша * и за лару чулокъ? Когда нача-
лась война, я отправааса къ брату Милану, а у тебя оста-
лось моихъ тридцать заслуженныхъ ларъ ** и лара чулокъ;
ты мнѣ этого не отдааь.

— Вѣрно, вѣрно; давно было; я забылъ, говоритъ Акса и
клянется..

— Эй, иди привеси тридцать ларъ и лару чулокъ въ ула-
ту долга!

— Сейчасъ иду, господарь!

Онъ ушелъ.

Слуста немного времени онъ вернулся.

— Чтò, привесъ? спрашиваетъ князь.

— Привесъ, господарь!

— Считаь.

Акса отсчиталъ ровно тридцать ларъ въ руку княза. Ми-
лошъ ихъ самъ пересчиталъ, завернулъ ихъ въ бумагу, за-
ткнулъ ихъ за поясъ и сказаь:

* Грошъ равняется 20ги сантимамъ, т.-е. пяти копѣйкамъ золо-
томъ.

** Пара равняется четверти копѣйки.

— Много мученій видѣлъ я за эти тридцать ларъ.

Акса подалъ ему чулки.

— Отдай тому! сказалъ князь, указывая глазами на саугу.

Акса отдалъ чулки.

— Теперь мы съ тобою помирились, сказалъ князь.

— Прощай, господарь!

— Счастливыи путь!

Акса пошелъ.

— Эй, лостой, сказалъ Милошъ:—ты заллатилъ свой долгъ, заллачу теперь и я свой. И протагиваетъ Аксъ 100 *іермилиуковъ*: *іермилиукъ*—турецкая монета теперь не употребляющаяся, цѣнность ея равна 20 піастрамъ или 4 франкамъ; *іерми* по-турецки *двадцать* (по 4 динара), которыя онъ приготавливалъ пока Акса приносилъ тридцать ларъ.

Вернувшись радостно къ своимъ, Акса еще издали закричалъ:

— Ну, скажу вамъ, предъ царскимъ домоуъ мы не можемъ понести никакои потери!...

Однажды къ князю Милошу пришелъ одинъ поселявинъ изъ Яссеницы, по имени Андрей. Князь очень уважалъ этого человека и любилъ его показывать все свое и народное добро. Открывъ предъ нимъ кассу онъ сказалъ:

— Андрей, братъ! возьми оттуда сколько хочешь; пусть будетъ тебѣ это позволено и мною и народомъ!

Андрей сталъ искать чего-то за лазухой; вытаскилъ свой мѣшечекъ съ деньгами, развязалъ его, отыскалъ въ немъ червонецъ и бросивъ его въ кассу, сказалъ:

— Еслибъ отсюда брались, то скоро все бы разобрали и все-таки же не были бы сыты; но сюда слѣдуетъ дать; это нужно для многихъ!...

Князь его обнялъ, говоря:

— Я этого не думалъ, но благо той рукѣ которая даетъ; да тысячератся такіе сыны въ этой землѣ!

Къ князю Милошу пришли однажды вѣккіе люди изъ Ново-Базарской нахи и какъ только пришли къ нему пали на колѣна и закричали:

— Помоги, вѣдь ты послѣ Бога нашъ отецъ. Наши дома сожигаются, наше имущество грабятъ, насъ безчестятъ, нашу вѣру бранятъ; народъ бросаетъ свои очаги! Помоги чтобы насъ не прокляли кости отцовъ и дѣдовъ!

Нѣсколько минутъ Милошъ неподвижно стоялъ слушая этотъ вопль и затѣмъ у него градомъ брызнули слезы; ложаемая плечами и поднимая просящихъ, онъ сказалъ:

— Помогу, помогу если Богъ мнѣ позволить жить! У меня, какъ видите, одинъ ротъ, какъ и у всякаго другаго человѣка, не могу и я ѣсть за троихъ. Все это добро которое мнѣ далъ Богъ и народъ дали они мнѣ для того чтобъ я помогъ вамъ, братіи своей!...

Тѣ которые видѣли это и которые знали что Милошъ, когда хотѣлъ, умѣлъ ловко притворяться, увѣряютъ что не было человѣка который бы рѣшился усомниться въ истинности этихъ словъ. Въ любви, въ дружбѣ, въ злобѣ, въ приобрѣтеніи, въ мести, во власти Милошъ могъ быть и искрененъ, и двуличенъ, и постояненъ, и измѣнчивъ, и вѣренъ, и забывчивъ; но въ одномъ и единственномъ стремленіи—въ разрушеніи турецкаго могущества и поднятіи сербства—былъ всегда одинъ и тотъ же, всегда неизмѣненъ, необыкновенно постояненъ, вѣчно вѣренъ, никогда не забывчивъ, всегда неустоимъ!

Такая слава выше всякой славы!

Отпустивъ этихъ людей, Милошъ сѣлъ на свое обычное мѣсто въ галлерей. Тутъ онъ курилъ и молчалъ, посматривая часто въ сторону Леленицы. Видно было что онъ чего-то ждетъ. Вдругъ послышался какой-то стукъ отъ „Каменнаго моста“ и крикъ курьера:

— *Варда, варда; саул, саул!* * и ко дворцу подѣхалъ гонецъ съ конвоемъ. Гонцы обыкновенно останавливались предъ „татарскимъ конакомъ“, ** но этотъ везъ должно-быть что-нибудь особенно важное и поэтому желалъ тотчасъ предстать предъ самого князя.

Принявъ письмо, нетерпѣливый князь, разломивъ печать закричалъ:

— Давидовичъ!

Секретарь Давидовичъ, человѣкъ малаго роста, худой, слабого здоровья, въ черномъ сюртукѣ, сверхъ котораго было надѣто пальто подбитое мѣхомъ, вышелъ и сталъ читать письмо сербскаго агента въ Царьградѣ:

* Берегись, прочь съ дороги!

** Гонецъ у Сербовъ зовется—*Татаринъ*; по-татарски конакъ—станція для гонцовъ.

„1. Привимается предложеніе князя Милоша: пусть останется все попрежнему, пока не рѣшится вопросъ о покинутыхъ дѣвухахъ.

„2. Такъ какъ вѣнскій паша объявлялъ Портѣ что Марья и Милана хотять по своей волѣ остаться Турчанками и Френчевичками, то онѣ теперь не могутъ вернуться къ своимъ родителямъ; но Порта посылаетъ въ Бѣградъ своего комиссара и назначила чтобъ обѣ эти Сербки съ матерью Френчевичей были препровождены изъ Ниша въ Бѣградъ, гдѣ предъ императорскимъ комиссаромъ и Гуссейнъ-пашой и предъ людьми князя Милоша скажутъ: потурчевы ли онѣ силой или по своей волѣ?

„Отъ ихъ заявленія, прибавляетъ агентъ, будетъ зависть дальнѣйшій ходъ дѣла.“

— Ну, теперь, произнесъ Милошъ, — опять все можетъ остаться безъ послѣдствій.... Скорѣе Даванчу!

Кабадахія * Даванча пришелъ. Мы его знаемъ еще изъ Мозгова, — только на немъ нѣтъ одежды кулеческаго прикащика, но золотомъ шитое платье кабадахіи. Князь ему сказалъ въ короткихъ словахъ, какіе путешественники поѣдутъ изъ Ниша въ Бѣградъ: онъ долженъ былъ ихъ принять и проводить до Бѣграда.

— Головой отвѣчаешь за нихъ, оказалъ князь.

Кромѣ того, онъ долженъ былъ взять родителей Маріи и Миланы и ихъ отвезти въ Бѣградъ.

Князь строго оглядѣлъ всѣхъ его окружающихъ. Они догадались и удалились. Даванча подошелъ поближе: князь ему какъ бы тайно поручилъ что сказать Милошѣ. Но такъ какъ Милошъ давно уже не имѣлъ надобности скрывать того что говорить, такъ и теперь все можно было слышать; только никто не хотѣлъ и не смѣлъ разказывать что слышалъ.

Даванча поцѣловалъ руку князя, поклонился и тотчасъ ушелъ.

* Кабадахіями звались гвардейцы, тѣлохранители князя Милоша.

VI.

Возвращеніе лохисценскихъ.

Не по той цѣнѣ вино какъ прежде,
Да и свѣтъ не тотъ какой мечтаеся.

Низини.

На самомъ лучшемъ мѣстѣ въ Крушевцѣ былъ у Френчевичей Седмиъ-бега и Османъ-бега прекрасный домъ. На западъ отъ этого дома, немного ниже Магдаальскаго ручья, вышается башня Царя-Лазаря, а около нея молчаливо стоитъ заброшенная церковь Лазарица. На сѣверной сторонѣ отъ дома Френчевичей находится мѣсто позорнаго воспоминанія для Сербовъ и Турокъ. Это могла Вука-Дранковича. * Изъ своего дома Френчевичи могутъ смотрѣть вдаль во всѣ стороны, и оттуда есть что посмотрѣть.

Въ этотъ прекрасный домъ Османъ-бегъ привелъ двухъ рабынь, двухъ красивыхъ Сербокъ, Марію и Милану. Дома ихъ поджидала старая Френчевичка, Акила, и прекраснѣйшій сербскимъ языкомъ громко привѣтствовала:

— Благо мнѣ, вотъ мои невѣстки! и подошла и сама сняла съ коней Марію и Милану.

На слѣдующій день она вымыла ихъ въ аманѣ ** и зѣтѣмъ нарядила ихъ въ шелки и бархаты; угощала ихъ, какъ у насъ говорятъ, медомъ и сахаромъ; вѣжила, тѣшила ихъ какъ только могла и умѣла; обѣщала имъ что ея сыновья оочастливятъ не только ихъ обѣихъ, но и всѣхъ ихъ родныхъ, что они переведутъ ихъ въ Крушевацъ, построятъ имъ дома, дадутъ денегъ и земли, что всѣ они будутъ богаты. Между тѣмъ зорко смотрѣла чтобъ имъ никто ничего не говорилъ, что дѣлается въ гарема.

Спустя нѣсколько дней Акила вымыла Марію и Милану и одѣла ихъ въ новыя платья. Въ это время въ другую комнату, находящуюся рядомъ съ ихъ комнатою, пришелъ хаджа и чрезъ запертыя двери началъ спрашивать ихъ о чемъ-то по-турецки. Акила имъ подсказывала каждое слово которое онѣ должны были отвѣтить на эти вопросы. Она имъ сказала

* Одинъ изъ зятевъ царя Лазаря-Вукъ Дранковичъ, по народному преданію, измѣнилъ Сербамъ въ битвѣ на Косовомъ полѣ 1389.

** Бана турецкая.

послѣ что это одна изъ молитвъ. Когда эта молитва окончилась, хаджа взялъ два клочка бумаги, написалъ на нихъ какія-то записки и подавъ имъ чрезъ залертыя двери. Эти бумажки носили онѣ послѣ какъ талисманы.

Это было потурченіе.

Тогда Марію дали имя *Юрмуса*, а Миланѣ—*Фатима*.

Марію взялъ себѣ въ жены младшій братъ Османъ-бегъ, а Милану—старшій Селимъ-бегъ.

Долго плакали и стонали Марія и Милана. Никакія рѣчи, никакія утѣшенія, никакія предложенія, никакіе подарки не могли смягчить горя, пока онѣ сами не устали горевать. Послѣ такого плача и гореванія онѣ стали подумывать что это новое положеніе ихъ можетъ-быть и хорошо, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ жили лучше чѣмъ когда-либо могли думать. Но еслибъ онѣ въ это время посмотрѣли на Лазареву церковь и на башню, или еслибъ обратили вниманіе на могилу Вука Драковича, тогда бы предъ ними открылась страшная разниа между тѣмъ положеніемъ въ которомъ онѣ родились и выросли и тѣмъ въ которомъ онѣ теперь находились....

Однажды бегъ оставался цѣлую ночь въ *мечеть* *, тамъ плао дѣло о чемъ-то особенно важномъ. Марія и Милана (чтобъ имъ было веселѣе) спали въ одной комнатѣ. Потушили свѣчу; но не могли сомкнуть глазъ ни на минуту. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ясно что на дворѣ было свѣтло, словно днемъ. Чрезъ окна видѣлось печальное отраженіе Царской башни и когда-то прекрасной церкви. Въ ночной тишинѣ слышно было движеніе самаго малаго листка.

— Видъ вамъ, сестрица, не совсѣмъ тутъ дурно, сказала Милана Марьѣ.

— Не знаю, какъ сказать, отвѣтила Марія, глубоко вздохнувъ:— есть все, но на сердцѣ у меня холодно. Мнѣ такъ и кажется что это имущество, это богатство не есть счастье для меня и тебя....

— Можетъ-быть; мы привыкнемъ позже....

— Милана, сестра! Это другая вѣра—другая жизнь; она не для насъ и мы не для нея! Вотъ они насъ украшаютъ, одѣваютъ, кормятъ какъ на убой! А что намъ отъ этого? Мы, Сербы, дѣйствительно мучимся, но и веселимся; работаемъ, но и поемъ; переносимъ всякую погоду, но и не насмотримся на Божью красоту, когда только захотимъ, а здѣсь?

* Турецкій судъ.

— Все такъ, сестра! но, ради Бога, посмотри на это дивное платье на насъ! Мы бы никогда подобнаго не имѣли въ Мозговѣ, есаибъ и цѣлая половина села намъ принадлежала: никто изъ нашихъ подругъ подобнаго не носитъ....

— Платье хорошо, красиво необычайно; но долго ли это такъ будетъ? Развѣ все это не можетъ измѣниться? Помнишь ли ты, какъ намъ бабушка разказывала „что Сербы потеряли свое царство за свою неправду.“ Тогда, она говорила, Турки были лучше Сербовъ, и власть надъ Сербскимъ царствомъ перешла къ нимъ. Теперь Турки тонуть въ неправдѣ,—теперь очередь ихъ потерять царство. И однажды они уже потеряли его. Сколько людей причащалось войнъ въ этой церкви. Это можетъ опять наступить. Помнишь ли что говорилъ сумашедшій Лазарь въ Успеневъ день у Св. Романа?

— Давно, сестра, такъ говорится, но ничего все не выходитъ....

Въ это время закричалъ лаванинъ на своей насѣсти. Милана подвинулась, посмотрѣла въ окно и вдругъ закричала и бросилась Марья на шею....

— Что, что такое? спрашиваетъ Марія.

— Мнѣ показалось, сказала Милана,—что какой-то огненный змѣй вырвался изъ башни царя Лазаря и оттуда полетѣлъ сюда, а отъ него все летать искры, какъ будто бы онъ хотѣлъ зажечь Крушевацъ....

Стукъ! стукъ! стукъ! раздавалось въ ворота.

Слуги отперли. Беги вошла. Ужь загорѣлась заря. Беги не раздѣваются чтобы лечь, но приказываютъ всѣмъ встать и скорѣе собираться въ путь. Акила сказала Марья и Миланѣ что онѣ отправятся въ Нишъ, чтобы тамъ сыграть великолѣпную свадьбу, потому что въ Крушевацѣ, говорила она, жить великаго ходжи.

Въ крытыхъ повозкахъ, съ сильно вооруженнымъ конвоемъ, тронулись Марія и Милана еще въ то же утро и прибыли на ночь въ село Лужане, другое имѣние Френчевичей, а на другой день къ ночи уже были въ Нишѣ.

Не было великолѣпной свадьбы, а Марія и Милана жили въ богатыхъ ладатахъ Френчевичей, совершенно ничего не дѣлая. Весь ихъ трудъ состоялъ въ томъ чтобы выражать свои желанія и вѣсть безчисленныя яства, которыя имъ приносили. Обо всемъ остальномъ хлопоталъ кто-то другой. Кому такой образъ жизни былъ бы по душѣ, тотъ и не

подумалъ бы во всю свою жизнь уйти изъ-подъ крова Френчевичевскихъ палатъ.

Акила неумолимо старалась чтобы не доходила никакая вѣсть изъ Сербіи къ ея невѣсткамъ. Но трудно задержать дурныя вѣсти. Однажды въ лѣтаццу, послѣ полудня, пришло много турецкихъ женщинъ въ гости къ старой Френчевичкѣ чтобы поговорить, да и посмотреть на ея красивыхъ своихъ. Оидя на подушкахъ, куря изъ длинныхъ трубокъ и похлебывая горячій кофе и сладкій шербетъ, бабы разказывали что знали и умѣли для удовольствія пріятельницъ. Тогда старая Нефиза начала такой разказъ:

— Пусть великій Аллахъ повернетъ все къ добру, а времена наступили плохія для мусульманъ, сказала она.

— Какъ это? спросила молодая женщина Бема.

— Вотъ какъ, кузунъ *, продолжала Нефиза:—когда была битва на Каменицѣ и когда Влахи уже лобыздали, тогда наши дивануи—*дели-топъ* ** чтобы бить Влаховъ. Запрягли подъ эту лужку двѣнадцать ларъ воловъ и погнали. Крюки трещать, шкворни ломаются, а лужка едва-едва двигается. Одинъ ходжа *** догадался, закричалъ:

— *Курбан! Курбан!* **** лужка не трогается безъ жертвы!

Тотчасъ добыли барана и закололи; лужка немного тронулась съ мѣста. До Каменицы для нея закололи двѣнадцать барановъ! Когда ее оставили и выстрѣлили, весь зарядъ вышелъ въ казенную часть ея и лобилъ Турокъ. Видятъ наши что *дели-топъ* не хочетъ бить Влаховъ, и отвезли его назадъ въ городъ. Оттуда его довезли шесть ларъ воловъ безъ привесенія жертвы. Недавно ночью—въ глухое время *дели-топъ* рыкнулъ три раза: ау! ау! ау! И наши теперь боятся чтобы Влахи, которые напали на Крушевацъ и Алексинацъ, не ударили и на Нишъ!....

— Это несчастіе можетъ случиться, сказала Зелида, жена тефтердара †:—царь теперь имѣетъ большія затрудненія съ Египтянами и не можетъ сюда послать войска....

* Мой агленокъ!

** Пушка большихъ размѣровъ.

*** Турецкій священникъ.

**** Жертва, животное закланное въ жертву.

† Счетчика.

Напрасно старая Френчевичка и мигала, напрасно изподтиска толкала ногой чтобы прекратить этотъ разговоръ: Марія и Милана уже слышали что Сербы возстали съ оружіемъ въ рукахъ и что скоро можетъ-быть „что дальше, то хуже“, какъ говорятъ жители Ниша.

Однажды послѣ полудня Акила позвала своихъ своихъ и оказала имъ:

— Ваши матери прѣдутъ въ Нишъ, и вы должны будете сказать предъ лашой, хотите ли остаться Турчаками или предпочитаете вернуться къ Сербамъ? Поэтому поломните что вамъ теперь скажу: лаша—мой братъ, мой сыновья, вы знаете, и сами очень сильны. Если скажете что вы силой потурчены и если вы пожелаете вернуться къ Сербамъ, мои сыновья васъ встрѣтятъ на Чамурлицу, разсѣкутъ васъ въ жупки и ваши члены развѣсятъ на терновыхъ кустахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Смильяна и Магдалина прѣехали въ Нишъ, свидѣлись предъ лашой со своими дочерьюми, но Марія и Милана отъ страха сказали предъ лашой такъ:

— Мы въ самомъ дѣлѣ не хотѣли ни потурчиться, ни цѣти замужъ за Френчевичей; но такъ какъ они уже насъ взяли, то мы и остаемся у нихъ.

Лаша, Френчевичи и всѣ Турки ольнявши отъ радости. Акира давала все пиры за пирами, а несчастныя матери вернулись домой, проклиная турецкое насилие и слабость своихъ дѣтей!...

Прошло немного времени, а изъ Цареграда въ Нишъ пришло такое царское * приказаніе:

„Оба Френчевича, со своею матерью и съ двумя взятыми Сербками пусть отправятся въ Бѣградъ, гдѣ эти Сербки должны сказать предъ царскимъ комиссаромъ, предъ кадіей ** и Гусейнъ-лашой и предъ посланными князя Милоша: насильно или добровольно они уведены и потурчены?“

Френчевичи посадили мать, Марію и Милану въ повозку, а сами съ тридцатью вооруженными Турками повѣхали верхомъ провожать ихъ въ Бѣградъ.

Старая Акила часто по дорогѣ говорила Марьѣ и Миланѣ:

— Оставайтесь въ турецкой вѣрѣ, будете счастливы всегда; будете сидѣть на шелкѣ и бархатѣ, носить золото и дра-

* Султаново.

** Судьюю.

голубянные камни!... Когда она имъ это говорила, въ сердцахъ имъ словно что-то шептало:

„И вы презрите вѣру своихъ дѣдовъ? И вы откажетесь отъ своего рода и плюнете на честь своихъ родителей? Такъ лучше потерять голову чѣмъ взять грѣхъ на свою душу!“

Переправившись черезъ Мораву у Чуприу, путешественники приблизились къ горамъ Гиаля и къ рѣкѣ Лугомиру. Тутъ у дороги лежалъ какой-то убитый выстрѣломъ человекъ и раставутый на колесѣ. Френчевичка показала на эту страшную картину и сказала:

— Смотрите, смотрите что дѣлаетъ Кожда-Милошъ со своею райей! Если вернетесь къ Сербамъ, онъ васъ завтра же такъ раставутъ на колесѣ!

У Марию и Милавы волосы стали дыбомъ. Вдругъ раздался звонъ на Ягодивской церкви; князь Милошъ приказалъ звонить всюду какъ только покажутся онѣ. Марія и Милава слышала что въ счастливыхъ церквахъ звонять въ колокола вмѣсто того чтобы бить въ клепаа*, но не знала звона колокольнаго. Самый большой колоколъ который они слышала былъ тотъ который носятъ на шеѣ кулеческіе верблюды.

— Что это такое? спросила Марія Акилу.

— Это звонять въ колокола въ Ягодивской церкви; мы уже въ Шумадию.

Сербокъ охватило какое-то неописанное радостное чувство когда онъ это услышал...

Въ это время вѣхали онѣ въ Яготиву. На площади было двѣсколько сотъ вооруженныхъ поселанъ поставленныхъ въ два ряда. Впереди ихъ на коняхъ сидѣли Милета Радайковичъ и Аврамъ Петровиновичъ, а около нихъ родители и родственники Марию и Милавы. Какъ только Френчевичи вошли въ эту толлу. Сербы закричали со всѣхъ сторонъ:

— Пустите дѣвушекъ! и бросались чтобы ихъ отнять.

Френчевичи и ихъ слуги обнажили сабли и стали махать во кругъ говоря:

— Дѣвушекъ не отдадимъ до Бѣлграда, пока дѣло не рѣшится такъ какъ приказалъ царь**.

Но народъ устремился; и братья, и сестры Марию и Милавы стали срывать съ нихъ головное покрывало. Уже шло

* Турки не позволяли звонить въ церквахъ, въ мѣстностяхъ подъ ихъ властью ударами въ клепаа.

** Султанъ.

нѣскольکو человекъ тяжело раненыхъ, и Османъ-бегъ Френчевичъ чуть было не убилъ саблей роднаго брата Миланы.

Тогда старая Френчевичка закричала:

— Аманъ, бегъ-Авраме! мои сыновья погибають!

Съ большимъ трудомъ Аврамъ и Милета успокоили толпу. И Френчевичи поѣхали дальше.

Послѣ случившагося Акила стала еще больше восхвалять жизнь въ гаремѣ. Гдѣ только по луту она видѣла сербскіе бѣдные домишки, расстрелянныхъ женщинъ или босыхъ дѣтей, она имъ тотчасъ говорила:

— Смотрите, вотъ такими и вы ходили бы есабь вась Аллахъ не любилъ и не привелъ въ мой домъ, въ такое богатство.

Съ борьбой въ душѣ дѣвушка видѣла съ одной стороны мученія, а съ другой—досугъ; съ одной—тяжелый трудъ, а съ другой—вѣчный пиръ! Кто знаетъ на какую сторону склонились бы онѣ въ эту минуту, какъ вдругъ окружила ихъ толпа вооруженныхъ людей. Раздалось нѣскольکو выстрѣловъ. Сербовъ было значительно больше; они протѣснились къ экипажу и взяли его силой.

— Въ эту минуту, когда я хотѣла, разказывала потомъ Марія,—закричать и броситься на шею къ Френчевичкѣ чтобы она меня спасла отъ этихъ гайдуковъ (я думала что малала гайдуки), я увидѣла предъ собою Іованчу. Боже добрый! во снѣ это или на яву? Того красиваго Іованчу который ночевалъ въ день Св. Ѡмы въ нашемъ домѣ и который, уходя, мнѣ кажется, взялъ да унесъ и мое сердце. Увидя его я все забыла и закричала:

— Не отдавай меня, Іованча, ради Бога!

— Не бойся, Марія! Здѣсь твоя мать и всѣ твои родные! И схвативъ меня за руку, помогъ вылезть изъ экипажа и передалъ меня матери.

Въ эту самую минуту Френчевичъ обнажилъ саблю чтобы не отдать Милану. Она, думая что онъ хочетъ ее рубить и увидѣвъ вблизи Сербъ Милисаву, закричала:

— Не давай! будь мнѣ по Богу братомъ!

— Побратимства твоего не хочу, но пока вожу голову, ничего не бойся! отвѣчалъ Милисавъ, и храбро отразивъ ударъ Турка, взялъ дѣвучку и отдалъ ее матери.

Марію и Милану вмѣстѣ съ матерями Сербы увели въ одинъ домъ, тотчасъ сняли съ нихъ турецкій костюмъ и для

ужива привесли имъ жаренаго поросенка. Увидѣвъ что онѣ дятъ свинину, а слѣдовательно онѣ не Турчанки, тотчасъ послали къ князю Милошу курьера чтобъ ему сообщить эту радостную вѣсть.

Все это было въ Палакѣ.

Капитанъ Милія изъ Друговца, который, по приказанію князя Милоша, распорядился владеніемъ на Турокъ и отвѣлъ Марію и Милану, послалъ отсюда Френчевичей съ матерью и свитой чтобъ они направились впередъ въ Бѣградъ. А онъ съ Маріей и Миланою, съ ихъ матерями и остальною сербскою сильною свитой поѣхалъ за ними.

Отъ Палакки до Бѣграда не было никакого столкновенія. Въ Бѣградъ прибыли въ пятницу послѣ полудня.

VII.

Рѣшеніе.

Не легка бесѣда съ визирами:
Куда придуть—вносятъ лихорадку
И земля застохнетъ отъ печали.

Ньгушъ.

Спросили Босняка:

— Какой для васъ паша былъ самый лучший?

— Тотъ, отвѣтилъ онъ,—который уѣхавъ изъ Стамбула не доѣхалъ до Босніи.

Онъ сказалъ правду.

Какъ бы ни былъ добръ паша,—все-таки онъ, какъ правитель, тяжелъ этимъ своимъ „салтанствомъ“ *, кторое онъ долженъ соблюдать, если хочетъ чтобы народъ его слушалъ, боялся и дрожалъ предъ нимъ...

Хусейнъ - паша, бѣградскій визирь, былъ человекъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, носилъ турецкое платье и на головѣ „хамедію“. ** Онъ отличался чрезвычайнымъ лукавствомъ и жадностью къ деньгамъ, которыя ему были нужны для покупки земли Урумели-Валиса. Поэтому всѣ доходы, особенно таможенные, собиралъ онъ заботливо въ свои карманы.

* Пышною жизнью.

** Хамедія—чисто магометанская одежда—бѣлая чама.

т. сѣвип.

Хусейнъ не заботился о большой пышности, но тѣмъ не менѣе весь Бѣлградъ дрожалъ когда онъ по лѣтвицамъ, послѣ полудня, отправлялся съ многочисленною и страшною свитой вверхъ къ лашинной Чесмѣ чтобы повеселиться и чтобы его конвой немного поджигитовалъ.

Какъ только слышатся бубны и литавры паши, тотчасъ ставни въ сербскихъ лавкахъ и окнахъ закрываются, матери собираютъ дѣтей въ дома, и только чрезъ какое-нибудь маленькое отверстіе однимъ глазомъ Сербъ осматривается по-смотреть на эту силу, на эту человѣческую бурю!..

Однажды, въ лѣтвицу, послѣ полудня, въ февралѣ 1833 года, была прекрасная погода, лучше которой въ этомъ мѣсяцѣ въ Бѣлградѣ и быть не можетъ. Такимъ прекраснымъ днемъ Хусейнъ воспользовался чтобы отправиться на Теферичъ * съ обыкновенною своею свитой. Онъ долженъ былъ дѣлать это собственно для того чтобы Сербамъ, которымъ даво было уже довольно много свободы, напомнить турецкую силу и могущество. Нынче его свита дѣйствительно нѣсколько необычна:

Впереди шла *ходжи*, за ними *сойтарии* (шуты), за шутами татары (гонцы), за гонцами лѣхотияцы (Арнауты), за ними конвой (верхомъ).

За конвоемъ несутъ серебряныя *калканы* (серебряныя щиты) и *бунчуки* (конскіе хвосты), что означаетъ какого чина паша.

За тѣмъ ѣдутъ *герлии* (Турки бѣлградскіе верхомъ);

За ними ѣдетъ *чаи-бегъ* ** и *казнодаръ* *** паши.

Далѣе ведутъ верховыхъ коней паши въ самой лучшей сбруѣ.

За ними ѣдутъ *пашалии*, и только тогда, на конѣ, на которомъ звенятъ серебряныя пряжки, ѣдетъ паша. Четверо слугъ держатъ руки на мордѣ и гривѣ коня паши, который ѣдетъ самымъ тихимъ шагомъ.

За лашой ѣдутъ беги.

Наконецъ *велика далбулана*, т.-е. музыканты.

Свита была столь велика что задніе ряды еще не выходили изъ крѣпости когда передніе уже подходили на *Стам-*

* Теферичъ—мѣсто гдѣ онъ веселился.

** Намѣстникъ.

*** Казначей.

Куль-котю *. Тутъ въ то время былъ конецъ Бѣлграда. Дальше было только нѣсколько кузницъ.

Когда свита эта была у *Баталь-Дукачи*, ввиду по цареградской дорогѣ двигался закрытый экипажъ и его сопровождали около тридцати турецкихъ всадниковъ. За ними, немного дальше, двигался другой экипажъ, который окружали около ста человекъ конныхъ Сербовъ.

Свита лошади видѣла этихъ необычныхъ путешественниковъ, но никто и не удостоился спросить: кто это?

Повозка которую сопровождали Турки, повернувшись на Зерекъ къ Дорчолу **, а другая, сопровождаемая Сербами, остановилась за церковью предъ домомъ какой-то Савки-Базарки.

Савка родомъ изъ Базара. Прежде всего она переселилась въ Чачакъ, познакомилась съ господаремъ Йованомъ, а затѣмъ съ княземъ Милошемъ, княгиней Любицей, и въ позднѣйшее время была какъ бы родственница въ ихъ домѣ. Домъ ея былъ тотъ который и теперь стоитъ противъ „старого зданія“, и называется домомъ „Саввы Слахи“. Это была женщина немолодая и некрасивая, но умная и чрезвычайно пріятная въ разговорѣ. Она, предлагая избранному гостю войти, обыкновенно говорила:

— Гдѣ ты притронешься у меня твоею лапкой, тутъ пусть позолотится, а гдѣ ступишь ногой, тутъ пусть освятится.

Вотъ эта-то хозяйка вышла на встрѣчу гостямъ, высадила изъ повозки двухъ женщинъ и двухъ дѣвушекъ и ввела ихъ въ свой домъ.

Читатели уже догадываются что эти гости были Марія и Милана со своими матерями.

Немного времени прошло, а къ дому Савки послѣдшія лучшіе люди въ Бѣлградѣ. Тутъ были господарь Ефремъ Обреновичъ, Симици Столякъ и Алекса, Пера Бѣлополецъ, Манойло Стефановичъ и многіе другіе избранные Бѣлградчане. Всѣ были рады слышать объ этомъ удивительномъ похищеніи дѣвушекъ, изъ-за котораго поднялось такое сильное возмущеніе.

Марія и Милана разказывали какъ все было, какъ Туркуговаривали ихъ отречься отъ своей вѣры и сдѣлаться Турчанками Фречевичками. Но отъ этого всего онѣ отказались

* Гдѣ теперь театръ въ Бѣлградѣ.

** Часть города въ Бѣлградѣ.

ни въ чемъ не послушались Турокъ, развѣ что уступили по насилію.

Сербы, слыша это, хвалили ихъ, совѣтуя имъ быть такими же твердыми и тогда, когда выйдутъ предъ Хусейвъ-пашой и предъ царскимъ комиссаромъ. Между тѣмъ Френчевичи все еще надѣялись отнять еще разъ Сербокъ.

Въ Бѣлградѣ тогда было много Турокъ. Дорчоль тогда превратился въ казарму; въ городѣ однихъ пушкарей было до тысячи человекъ. Надѣясь на столь много едиковъ-ордѣвъ, Френчевичи думали скорѣе сжечь Бѣлградъ чѣмъ допустить такое поруганіе вѣрѣ Мухамеда, чтобы лотурченки опять вернулись къ Сербамъ; но они ошиблись. Хусейвъ-паша, боясь большихъ замѣшательствъ, самымъ строгимъ образомъ запретилъ помогать желаніямъ Френчевичей.

Видя такую беззаботность мусульманъ по отношенію къ своей вѣрѣ и такое малодушіе Турокъ къ своей чести, а съ другой стороны силу Сербовъ и будучи не въ силахъ перенести такой позоръ, Селимъ-бегъ Френчевичъ помутился расудкомъ и въ своемъ помѣшательствѣ говорилъ:

— Султанъ вѣтъ свинцау, Влахи скоро и его позовутъ на свой судъ!

Въ бѣлый поведѣльникъ 1833, въ крѣпости, въ старемъ дворцѣ паша, въ нижнемъ этажѣ, происходилъ судъ. Въ одной просторной комнатѣ, на низкихъ мивдерлукахъ сидѣли Хусейвъ-паша, царскій комиссаръ, бѣлградскій кадія, Ефремъ Обреновичъ, Алекса Симиць, Пера Бѣлололецъ и Павелъ Белимарковичъ.

Когда Хусейвъ далъ знакъ, выступилъ предъ судомъ Османъ-бегъ Френчевичъ съ нѣсколькими Турками. Онъ былъ съ оружіемъ, а другіе безъ оружія. Они стали по одну сторону. Затѣмъ вошли Марія и Милана со своими матерями и вооруженною сербскою свитой. Паша имъ приказалъ стать по другую сторону.

— Вы двѣ дѣвушки изъ Мозгова—Марія и Милана? спрашиваетъ паша.

— Мы, достоуважаемый паша! отвѣчала Марія.

— Добровольно ли вы перешли въ домъ Френчевичей?

— Нѣтъ, многоуважаемый судъ!

— Кто васъ увелъ?

— Этотъ Френчевичъ со своими вооруженными слугами.

— Хотите ли вы теперь быть мусульманками?

— Не хотимъ, не дай Боже!

— Чего хотите отъ Френчевичей?

— Что найдеть справедливымъ судъ и царская милость.

Царскій комиссаръ нагнулся и что-то шепнулъ на ухо лашѣ.

— Френчевичи и вы, остальные Турки, сказалъ Хусейнъ,— вы слышали ихъ слова? Дальнѣйшимъ рѣчамъ здѣсь нѣтъ мѣста. У нихъ остается все что вы до сихъ поръ имъ дали. Издержки несете вы.

— Аманъ эфендимъ! * ихъ напугали люди Коджи-Милоша что онъ ихъ убьетъ и въ гаремѣ, если онѣ останутся Турчанками; поэтому онѣ и говорятъ такъ!...

— Нѣтъ! нѣтъ! закричали обѣ дѣвушки.

— Если они ихъ пугали, то вѣдь и вы ихъ стращали, сказалъ комиссаръ:—теперь вамъ по заслугамъ: валугиваніе за валугиваніе!...

— Аманъ эфендимъ!...

— *Дишери!* ** перервалъ Хусейнъ.

И Османъ-бегъ, видя какъ судить царскій судъ, на который онъ такъ надѣялся, упалъ въ обморокъ на руки своихъ слугъ, которые его подхватили и вынесли вонъ.

Такъ окончился судъ. Рѣшеніе гласитъ: Турки своимъ беззаконіемъ вызвали возмущеніе; жалобы народа правдивы и участіе князя Милоша имѣеть основанія!...

Сербскія желанія осуществились.

Турецкая сила сама себя губить.

—

Немного времени прошло послѣ этого какъ во всей Сербіи былъ объявленъ царскій хатишерифъ, который вмѣстѣ съ другимъ вернулъ Сербіи тѣ шесть округовъ (Краинскій, Черноръцкій, Гурьусовацкій, Алексинацко-Парачинскій, Крушевацкій и Подрипскій) которые были заодно съ нею, когда заключенъ былъ договоръ въ Букурештѣ въ 1812 году.

Вся Сербія веселилась, а село Мозгово больше всего!...

Мы пострадали за правду, говорили поселяве, но крайней мѣрѣ теперь мы свободны....

* Ради Бога, господинъ!

** Вонъ!

VIII.

Радость въ Сербіи.

О, гнѣздо юначеской свободы!
 Часто ли Богъ къ тебѣ склоняетъ взоры?
 Многи ли ты вынесло мученій?
 Много ли побѣдъ еще совершишь ты?

Ньгуштъ.

Возмущеніе стихло. Турки уже выселились изъ округовъ занесенныхъ на карту новаго княжества; султаны торжественнымъ актомъ соединилъ эти округа съ Сербіей; народъ соединился и освободился; захваченныя Сербки возвращены изъ рабства нашли все что имъ было дорого. Сербская мысль шла впередъ! Во всѣхъ церквахъ въ Сербіи были отслужены благодарственные молебны за счастливое окончаніе этого народнаго дѣла. Народъ всюду веселился, какъ будто вполнѣ отмстилъ за Косово!...

Султанъ въ своей великой мудрости, кромѣ того, послалъ князю Милошу высокій орденъ *Нишанъ зинанъ* * въ знакъ благодарности что онъ остановилъ пламя возстанія и быть не охватилъ всѣхъ краевъ сербскихъ находящихся подъ властью Турокъ.

Послѣ всего этого Милошъ отправился посѣтить новыя края чтобы порадоваться радостью народною и помочь въ разныя нуждахъ. Двигался онъ медленно, очень медленно; водилъ за собою не свиту, а цѣлое войско. На всякой ночевкѣ былъ настоящій военный лагерь: лять лушекъ возвѣщали каждый вечеръ наступленіе ночи, а каждое утро—разсвѣтъ дня. Когда это торжественное шествіе приблизилось къ границамъ области Нишской, пріѣхалъ внезапно гонецъ изъ Ниша. Обезлокоенный мутесарифъ нишскій писалъ такъ:

„Знаю что ты пріятель царю, но надѣлаешь ему заа если пойдешь далѣе по нашимъ границамъ; вся царская раяа возставеть поголовно и уидеть къ тебѣ! Или оставь это и иди въ свой Крагуевацъ, или я выстулаю къ тебѣ на встрѣчу съ войскомъ.“

* Святый знакъ, отачіе, орденъ.

Милошъ вздохнулъ. Призываетъ Живановича въ шатеръ... Слуста немного времени изъ княжеской палатки выскакиваетъ гонецъ Индже съ обычнымъ своимъ конвоемъ. Они направились къ Цироту. Не ѣдутъ, но летятъ: такъ и кажется что лошади ногами не касаются земли!

Нѣсколько дней провелъ тутъ Милошъ въ ожиданіи возвращенія гонца.

Въ это время народъ сюда собирался со всѣхъ сторонъ и веселился весь долгій день.

На красивомъ высокомъ балконѣ сидѣлъ довольный князь и смотрѣлъ какъ плавно двигается коло * веселой, счастливой молодежи. Въ это время проталкивается чрезъ эту толпу княжескій секретарь, неся письма и газеты которыя только что пришли отъ княжескаго консула Хаджеи-Столла, изъ Бѣлграда, и отъ Милеты Радойковича изъ Ратоя. Вышедши на балконъ секретарь сталъ искать что прежде всего читать князю.

— Садись! говоритъ ему князь.

— Ничего, господарь, могу и постоять.

— Садись, повторилъ Милошъ и потянулъ его за лястье.

— Ничего, господарь, лучше буду стоять; видите сколько людей на насъ смотритъ.

— Поэтому-то я тебѣ и говорю сѣсть, дуракъ, прибавилъ Милошъ:— только что ты проталкивался,—не могъ пройти, а сядь сюда, пусть тебя видятъ рядомъ со мною, и увидишь какъ всюду, куда ни пойдешь, тебѣ дадутъ дорогу!

Секретарь послушался, сѣлъ и прежде всего прочиталъ слѣдующее письмо:

„Господарь, — Того Милунка Чанколиза который, лѣтя Туркамъ, лилъ кровь своихъ братьевъ, я ловѣсилъ подъ мозговыми виноградниками, именно тамъ гдѣ были захвачены тѣ двѣ дѣвушки!“

— Хорошо сидѣлъ! перервалъ его довольный князь.—Ну, отецъ игумень, посмотри что новаго въ газетахъ!

Живановичъ тогда началъ ему громко переводить по-сербски одну статью изъ *Allgemeine Ausburger Zeitung*, которую постоянно читали Милошу.

Коло внизу качалось какъ кива когда ее заколышетъ своевольный вѣтеръ.

* Сербскій національный танецъ, хороводъ.

Вдругъ раздалось рукоплесканіе тысячи рукъ; поднялся гулъ доходившій точно до небесъ.

— Что это? спрашиваетъ секретарь какъ бы про себя.

— Вотъ что, отвѣчалъ ему веселый князь: — Марія, несуженая Юрмуса, и Милана, несуженая Фатима, взялись за руки чтобы танцовать въ колѣ, а на другой сторонѣ пляшутъ ихъ жены—Иованча и Милисавъ.

Коловоджа и завръкола * заллели коло такъ что эти четверо очутились вмѣстѣ и танцующіе обрадовались, словно имъ заиграли „шарено хоро“ ** и стали хлопать въ ладоши. Спустя немного времени со стороны Пирота заслышался громкій крикъ:

— *Варда! варда! сау! сау!* *** и предъ княжескимъ балкономъ остановились гонцы. Инджа соскочилъ съ коня, съ визкими поклонами подошелъ ко князю, поцѣловалъ его въ лобъ и передалъ ему письмо изъ Стамбула.

— Игумень! крикнулъ князь.

Секретарь Живановичъ прибѣжалъ, распечаталъ письмо и прочиталъ:

„Провиация Сербія, которую да хранить Богъ, имѣетъ свои границы; не смѣй переходить за нихъ, а въ нихъ веселись сколько хочешь! Знай это и вѣрь моему святому знаку!“

У Милоша лицо засвѣтилось отъ радости; онъ махнулъ рукой и послѣдовалъ сказать:

— Такъ ихъ, Мико!...

Двадцать одинъ выстрѣлъ изъ пушекъ провозгласили этотъ успѣхъ дѣятельности Милоша. И послѣ этого, когда онъ путешествовалъ, утромъ и вечеромъ стрѣляли двадцать одинъ разъ, вмѣсто прежнихъ пяти!

Но посмотрите что случилось съ гонцомъ? Князь, очень довольный вѣстями, вспомнилъ и привешаго добрыя вѣсти и хотѣлъ его хорошо одарить. А тотъ отъ усталости, передалъ письмо, свѣз у стѣны, наклонился и заснулъ какъ мертвый. Зовутъ его, будятъ, трясутъ его—никакого толку; нѣкоторые

* По-сербски *коловоджа* первый ведущій коло, а послѣдній въ колѣ его замыкающій зовется *завръкола*: они ведутъ хороводъ и дѣютъ ему извѣстныя фигуры.

** Родъ кола, въ которомъ танцующіе двигаются быстро чѣмъ обыкновенно въ этого рода танцахъ.

*** Берегись, съ дороги!

стали его даже колоть иглой, но онъ ничего не чувствуетъ. Когда сказали это князю, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Говца такъ не будятъ! и поднялся, подошелъ самъ къ стоящему Инджъ и шелгулъ ему только на ухо:

— Лошади готовы, Татаръ-ага!

Говець вскоцилъ, схватилъ плетку, надѣлъ ее на руку и пошелъ.....

Раздался громкій смѣхъ, и только тогда усталый путникъ сообразилъ что съ нимъ....

Между тѣмъ вошелъ въ толпу слѣпой Здравко изъ Лужницъ. Этотъ человекъ много помогалъ въ этомъ народномъ дѣлѣ: онъ переносилъ извѣстiя отъ однихъ къ другимъ, лѣлъ лѣсамъ какiя гдѣ нужно, и, подъ защитой своей слѣпоты, могъ весьма часто дойти и туда куда никто бы не посмѣлъ.

Проводникъ его привелъ въ самую середину собранiя. Тутъ слѣпецъ сѣлъ, вынулъ свои гусли и сталъ ихъ настраивать. Какъ только раздался звукъ гусель Здравки, коло прервалось, тавецъ прекратился, свирѣлъ умолкла, шутки стихли.

Здравко, у котораго Богъ отваялъ зрѣнiе, но увеличилъ разумъ, знаетъ что омадина не можетъ долго только однимъ наслаждаться, только одному радоваться. Поэтому онъ не лѣлъ длинныхъ лѣсень, но выбиралъ, словно бисеръ, лучшiя мѣста изъ тѣхъ лѣсень которыя лучшiя изъ лучшихъ.

Долго ходилъ его тонкiй смычокъ по звучнымъ струнамъ гуслей, долго наигрывали старыя его пальцы, пока наконецъ онъ залѣлъ:

Говорятъ евангельскiя книги:

Турки, наши братья, всѣ семь дахиі!

Вы не будьте злы для бѣдной райи,

Но радушны будьте къ ней и добры!

Пусть лятнадцать платятъ вамъ динаровъ,

Пусть и тридцать въ даъ она вамъ платитъ,

Не грозите бѣдствiемъ вы райѣ

И святыхъ церквей ея вы не срамите;

Не касайтесь ея вѣры вы и чести,

По лѣсамъ не разгоняйте райю,

Чтобъ дрожа на васъ она смотрѣла;

Но храните какъ дѣтей вы райю,

И прочна тогда власть ваша будетъ.

Умеръ царь и мы остались сиры;

Своему царю мы не внимали,
 Но мы зло великое свершили,
 И предъ Богомъ грѣхъ мы сотворили,
 И теперь мы потеряемъ царство.

Онъ замолкъ, но зачистилъ смычкомъ. Вокругъ лѣвца ео-
 брадось много любителей: они его окружили съ обѣихъ сто-
 ронъ; задніе подыались на дылочки и оперлись на плечи пе-
 реднихъ чтобы видѣть удивительнаго лѣвца! Все молчить,
 словно и не дышетъ. Слѣдецъ снова заплѣлъ:

Госпожа Кулинова супруга!
 Ты не жди Кулина капитана:
 Не придетъ ужъ онъ, не возвратится,
 Не надѣйся ты его увидѣть.
 Возрасти сына и пошай на битву,—
 И ему такая жъ будетъ доля...
 Сербія не можетъ усмириться.

Опять онъ замолкъ; снова повелъ смычкомъ. Теперь онъ
 дольше игралъ; повертывался направо и лѣво, какъ бы
 разсматривая умственными очами, досыта ли наслушались
 его игры и лѣсенъ. Наконецъ онъ громко и протяжно про-
 плѣлъ.

Говорятъ евангельскія книги.
 Паутина скроетъ минареты,
 Некому ужъ будетъ въ нихъ молиться.
 Всѣ пути соскучатся по Туркамъ,—
 И нигдѣ ихъ болѣе не будетъ.

Еще не замолкали послѣдніе звуки этихъ пророческихъ
 Здравковыхъ рѣчей, а съ берега раздались княжескіе вечер-
 ніе выстрѣлы изъ лушекъ. Народъ словно проснулся, видитъ
 что наступила вечерняя темнота,—заколебался, задвигался....
 и началъ расходиться. Но на слѣдующій день, да и потомъ у
 многихъ въ ушахъ раздавались еще послѣднія слова слѣлаго
 лѣвца:

Всѣ пути соскучатся по Туркамъ,—
 И нигдѣ ихъ болѣе не будетъ.

IX.

З а к л ю ч е н і е .

Кончивъ этотъ разказъ, я отошелъ отъ стола чтобы немного отдохнуть; и для того чтобы отдыхъ мнѣ былъ пріятнѣе, хотѣлъ я почитать что-нибудь легкое, за чѣмъ я могъ бы отдохнуть; случайно попалось мнѣ подъ руку Священное Писаніе, которое я вообще и такъ читаю очень охотно, какъ ради тѣхъ истинъ которыми занимается человѣческій родъ въ теченіе четырехъ тысячелѣтій, такъ и ради красоты языка, которымъ высказаны тѣ истины въ прекрасномъ переводѣ Вука и Давичича. Раскрывъ книгу совершенно случайно, я сталъ читать то на чемъ остановились глаза, и вотъ чтó я прочелъ:

„Слыши Израилю, * не рцы въ сердцѣ твоемъ, егда потребить Господь Богъ твой языки сія предъ лицемъ Твоимъ, глаголя: правдъ ради моихъ введе мя Господь наследити землю благу сію: не ради правды Твоея, ниже прелодобія ради сердца Твоего ты входилши наследити землю ихъ, но нечестія ради и беззаконія языковъ сихъ Господь отъ лица Твоего потребить я.“

И невольно солоставивъ эти слова съ разказомъ который только что я докончилъ, я удивилася такой случайности....

Перевернувъ нѣсколько листовъ дальше, читаю вновь слѣдующія слова:

„Аще сотвориши добро и угодно предъ Господомъ Богомъ твоимъ.“ **

Теперь я перевернулъ много листовъ, и когда посмотрѣлъ, предъ моими глазами слова:

„Око досадителя, языкъ неправедный, руцѣ проливающія кровь праведнаго, сердце кующее мысли злы, возѣ тщашіяся зло творити,—*потребятъся. Разсуждаетъ лъсы свидѣтель неправеденъ и посылаетъ суды посредѣ братій.*“ (Притчи Соломона, ст. 13—19).

Послѣ этого третьяго напомниманія (потому что эти случайности я называю напомниманіемъ) я сѣлъ вновь за столъ, взялъ перо и написалъ это заключеніе.

* Второзаконіе. Гл. IX, ст. 4 и 5.

** Второзаконіе. XII, 28.

Если читателю мой разказъ будетъ пріятенъ, если онъ въ немъ найдетъ доказательство что народъ не умираетъ пока ему пріятно быть тѣмъ чѣмъ онъ есть; если онъ, прочитавъ его, въ своемъ сердцѣ почувствуетъ благодарность къ родолюбивымъ нашимъ предкамъ: тогда пусть не пожалѣетъ труда дочитать и эти нѣсколько строчекъ какъ „послѣ сладкаго подслащенное“...

Если же, напротивъ, ему мой разказъ не будетъ угоденъ если ему не придутся по душѣ мои герои, или если онъ будетъ недоволенъ и на самого разказчика и, *своплнивъ по старому обычаю его предковъ*, размахнется и броситъ книгу, въ такомъ случаѣ пусть по крайней мѣрѣ остановится на этой послѣдней страницѣ и прочтетъ тѣ нѣсколько строчекъ, которыя писалъ не я, но Моисей и Соломонъ!..

Можетъ случиться что эти ихъ слова разбудятъ въ читателѣ такія чувства какихъ не вызвала бы и самая лучшая притча!..

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ *

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

ГЛАВА XVIII.

I.

Въ 1825 году совершенно неожиданно устроилось замужество Грушеньки. Вотъ какъ это случилось.

У насъ были дальные родственники Лихачевы, съ которыми, однако, мы могли счестся еще родствомъ по Новосильцевымъ и Соковнинымъ. Родная тетка моей свекрови Анны Ивановны Яньковой—Дарья Алексѣевна (рожденная Новосильцева) была за Петромъ Алексѣевичемъ Соковнинымъ; у нихъ было нѣсколько сыновей и дочерей, изъ которыхъ одна Елизавета Петровна и была за Иваномъ Васильевичемъ Лихачевымъ; сынъ этой Василій Ивановичъ былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Гурьевой. Яньковы съ Лихачевыми будучи въ родствѣ были и въ дружбѣ: Лихачевъ приходился моему мужу внучатымъ братомъ, и мы съ Елизаветой Николаевной были пріятельницы и почти что однихъ лѣтъ: я

---

* *Окончаніе.* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3, 4, 5, 7 и 8ъ 1878 года; №№ 7 и 10ъ 1879 года и № 4ъ 1880 года.

была немного постарше, а дочь ея, Анна Васильевна, помоложе моихъ старшихъ дочерей, была съ ними также дружна. Лихачевъ и самъ по себѣ, и по жемъ своей—Гурьевой очень достаточный и даже богатый человекъ. мало жила въ Москвѣ, а все больше у себя въ помѣстьяхъ, вмѣстѣ съ женой въ Ярославль, и въ особенности за Кашинымъ, гдѣ у нихъ была прекрасная усадьба, село Устиново: Лихачевское ли это было имѣніе или Гурьевское—заподлинно не знаю. Они пріѣзжали иногда на зиму въ Москву и проводили по нѣсколько мѣсяцевъ. Кромѣ дочерц, у Елизаветы Николаевны были еще три сына: Григорій Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ, оба рослые и видные молодцы, служившіе въ гвардіи; третій, Петръ, умеръ въ юности. Благочестивая и добрая была женщина Елизавета Николаевна, но не имѣвшая ни малѣйшаго понятія о столичныхъ обычаяхъ, а спросить-то вѣрно не хотѣла что ли, или не умѣла, но только все какъ-то дѣлала по своему, а не по нашему, какъ было вообще принято. Такъ, напримѣръ, пріѣдетъ осенью въ Москву, разрядитъ свою дочь въ бальное платье, очень дорогое, хорошее и богатое, и въ брилліантахъ, въ жемчугахъ возитъ дѣвочку съ собою и дѣлаетъ визиты поутру. Очень бывало мнѣ жаль бѣднажку что мать по простотѣ своей и по незнанію что принято—такъ ее конфузить; ну, а сказать какъ-то совѣстно. Богъ вѣсть еще какъ приметъ: иногда *непрощенный советъ—хуже обиды.*

Въ 1825 году мнѣ что-то не дожидось осенью въ деревнѣ и я равехонько переѣхала въ городъ. Въ началѣ октября пріѣхала изъ Кашина и Лихачева съ дочерью (она была уже вдова) и мы видѣлись. Какъ-то она и говоритъ мнѣ:

— Елизавета Петровна, у меня есть племянникъ который просилъ меня познать его съ вами...

— Кто же это такой по фамиліи? спрашиваю я.

— Зовутъ его Дмитрій Калиновичъ Благово, говоритъ она.

— Что же, родня что ли Мухановымъ, это у нихъ только въ семьѣ и бывали Ипатьичи да Калиновичи, а то этого имени я никогда и не слыживала въ порядочныхъ семьяхъ; фамилія тоже для меня незнакомая...

— Онъ мнѣ родня по Козловымъ, его мать урожденная Зыкова, а родня ли онъ Мухановымъ—я, право, этого не знаю; ему за сорокъ лѣтъ, собою не дурень и можетъ-быть и пригодился бы...

— Познакомъ, пожалуй; только, разумѣется, не прямо же

его ко мнѣ въ домъ привози,—ужь это было бы слышкомъ по старинному, или совсѣмъ по купеческому—точно *смотрини*; какъ-нибудь поладитѣ при случаѣ у себя устрой намъ встрѣчу.

Такъ она и сдѣлала. Черезъ нѣсколько дней слуха пригласила меня Лихачева къ себѣ вечеромъ запросто, и я съ Грушевой поѣхала. Не много погодя пришелъ и родственникъ Лихачевой—Дмитрій Калиновичъ Благово. На видъ лѣтъ сорока пяти, мущина стелевный, лицомъ не очень взраченъ, но впрочемъ не то чтобы совсѣмъ дурень или безобразень, а не красавецъ, и не въ обиду будь ему сказано—немного мѣшковатъ. По разговору мнѣ онъ понравился: не тараторъ, не краснобай, а говоритъ ладно и умно. Онъ былъ мнѣ отрекомендованъ, и когда я собралась уѣзжать, онъ просилъ у меня позволенія ко мнѣ прѣхать.

— Можете, говорю, поспѣтите.

Такъ онъ и сталъ у меня бывать, и хотя онъ не былъ такой балагуръ и лихой молодець какъ мой зять Посвииковъ, я нашла его очень приличнымъ и по его лѣтамъ для Грушевы подходящимъ. Вотъ что отъ Лихачевой и въ послѣдствіи отъ него самого я узнала про его родъ и объ его семьѣ.

Благово и *Благіе*, которые потомъ стали почему-то писаться *Благово* (какъ нѣкоторые и другіе роды, напримѣръ, Хитрово, Дурново, Бѣлаго), считаютъ родоначальниками своими князей Смоленскихъ и Заболотскихъ, изъ которыхъ одинъ по прозвищу Благой такъ и сталъ называться и княземъ уже не писался. Одинъ изъ предковъ Дмитрія Калиновича былъ воеводой въ Сибири *, а пращуръ посломъ въ Царь-Градъ **; бывали у нихъ въ семьѣ и еще воеводы ***, и стольники ****, но до большихъ чиновъ никто не дослуживался и особымъ богатствомъ они никогда не отличались.

Дядя Дмитрія Калиновича, Александръ Алексѣевичъ, былъ женатъ два раза, и отъ первой жены, Авдотьи (кто она была—

* Аѳанасій Ивановичъ, воевода въ Березовѣ, при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ 1594 года.

** Борисъ Петровичъ, посолъ въ Царь-Градъ въ 1584.

*** Иванъ Владиміровичъ, воевода въ Сургутѣ 1610 г.

**** Аѳанасій Феодоровичъ 1627—29 столѣн. патр. Филар. Никит.; Василій Алексѣевичъ, столѣн. царицы Натальи Кирил.; Петръ Васильевичъ, столѣн. царицы Прасковьи Феодор.

мѣвъ этого не умѣли сказать), имѣлъ двухъ сыновей, Александра и Иосифа, а отъ второй жены, Марьи Овсиповны (дочери полковника Александрова), оставилъ малолѣтняго сына Калину, котораго воспитывала мать. По раздѣлу изъ отцовскаго имѣнія ему досталась какая-то деревенька въ Калину да другая еще гдѣ-то въ Твери, гдѣ было имѣніе и у матери; а родовое имѣніе—село Воронино около Клина. (неподалеку отъ Татищевского имѣнія Балдина) осталось за старшимъ въ родѣ—Иосифомъ; этотъ имѣлъ одну только дочь Екатерину, вышедшую за князя Петра Петровича Волконскаго. Калина Александровичъ служилъ не долго и, выйдя въ отставку съ маленькимъ чиномъ, женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Зыковой. Она имѣла нѣсколько сестеръ. Ихъ отецъ, старикъ Зыковъ Иванъ Ивановичъ, будучи восьмидесяти лѣтъ, пошелъ въ монастырь къ Николѣ на Пѣшношу, гдѣ велъ строго монашескую жизнь, удостоился постриженія, тамъ скончался и былъ погребенъ въ началѣ 1800 годовъ. Подъ конецъ онъ ослабѣлъ, и за свое глубокое смиреніе, кротость и доброту былъ всѣми въ монастырѣ уважаемъ и любимъ. Онъ жилъ при извѣстномъ въ свое время Николае-Пѣшношскомъ архимандритѣ Макаріи, который и постригъ его и любилъ; въ монашествѣ онъ былъ названъ Іовою.

Калина Александровичъ имѣлъ двухъ сыновей—Димитрія и Владиміра—и четырехъ дочерей: Марью (за Звѣревымъ), Екатерину (за Рудаковымъ) Александру и Варвару оставшихся въ дѣвцахъ. Димитрій воспитывался въ Петербургѣ въ томъ же кадетскомъ корпусѣ въ которомъ былъ и покойный мой мужъ, но только уже не при извѣстномъ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ, а при графѣ Ангальтѣ, двоюродномъ братѣ Екатерины Второй, и вылученъ былъ въ какой-то армейскій полкъ; выходилъ въ отставку и потомъ, снова опредѣлившись въ службу, находился въ комиссариатѣ до самой своей кончины. Въ 1812 году его постигло несчастье: у него украли изъ полковой казны деньги (сколько, гдѣ и какъ это случилось,—я не знаю) и за это онъ полатился своимъ имѣніемъ въ Клинскомъ уѣздѣ (сельцо Ярухино), которое конфисковали и продали съ торговъ. Старушка Елизавета Ивановна, его мать, жившая тамъ съ двумя дочерьми, Варварой и Александрой, горько плакала когда имъ пришлось выѣзжать, и выѣхавъ изъ своего собственнаго угла не захотѣла жить ни у которой изъ замужнихъ дочерей, а отправилась въ Кашинъ, гдѣ

въ молодости жила, потому что тамъ служилъ ее отецъ, у воеводы, и вступила въ Срѣтенскій монастырь со своею дочерью Варварой. Онѣ обѣ тамъ жили послушницами, и сперва умерла дочь, а потомъ въ 1825 или 1826 году и сама старушка Елизавета Ивановна, будучи уже расофорною монахиней.

Владиміръ Калиновичъ былъ хромоногій и ходилъ на костыль, великій картежникъ и все что имѣлъ слусталъ, говорить, въ карты, но потомъ ему досталось имѣніе отъ тетки, а брату его—домъ въ Москвѣ и имѣніе въ Карчевѣ отъ дяди Козлова, Павла Никитича.

Вотъ все что я знаю о Дмитріи Калиновичѣ Благово и обѣ его родственнѣ. Онѣ Грушенькѣ нравилась, и когда сдѣлалъ предложеніе, она его приняла и я дала свое согласіе. Помолвка была 1го ноября, а свадьба 8го ноября. У жениха была посаженою матерью Елизавета Николаевна Лихачева, а въ отцовѣ вмѣстѣ отца сидѣлъ дядя его, весьма почтенный старикъ Козловъ, который былъ кажется и крестнымъ его отцомъ.

Я сама обѣихъ своихъ дочерей возила къ вѣнцу, а посаженымъ отцомъ у Груши былъ братъ Михаилъ Петровичъ. Шаферами у невѣсты были мои племянники Вяземскіе и Вячеславъ Волконскій, а у жениха—оба брата Лихачевы. Вѣнчали въ домовою церкви Алексѣя Ивановича Бахметева, въ Старой Конюшенной, а ужинъ былъ у меня, въ пречистинскомъ моемъ домѣ, и я уступила молодымъ свою спальню.

На свадьбѣ съ нашей стороны, кромѣ насъ домашнихъ, былъ братъ Михаилъ со своею женою, братъ князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій, князь Андрей и князь Александръ Вяземскіе, князь Вячеславъ Воаховскій, моя племянница Александра Григорьевна Колошина, Павелъ Михайловичъ Балкъ и жена его Надежда Васильевна, этой превеликое спасибо: она выручила меня изъ затрудненія и избавила отъ большихъ хлопотъ; она мастерица была и охотница покупать и заказывать, она мнѣ все о приданомъ и обхлопотала. Обѣмъ дочерямъ я опредѣлила по двадцати ляти тысячъ ассигнаціями, отъ себя, кромѣ отцовскаго имѣнія, по 250 душъ. Анючка сдѣлала себѣ на лятнадцать тысячъ приданого, а Грушенька—только на десять, а остальное онѣ получили деньгами. Въ то время ляття были пребезобразныя: узки какъ дудки, коротки, вся нога видна, и оттого лодь цвѣтъ каждого

т. слѣвш.

платья были шелковые башмаки изъ той же матеріи, а талія такъ коротка что поясъ приходился чуть не подъ мышками. А на головѣ носили токи и береты точно лукошки какія съ цѣлымъ ворохомъ перьевъ и цвѣтовъ перепутанныхъ бровками. Уродливѣе ничего и быть не могло; въ особенности противны были шляпки что называли кибитками (*chapeau kibick*). Изъ всѣхъ модъ, какія только я застала, самыя лучшія по моему были въ 1780—1790 гг. и съ 1840—1850: платье полное, пышное, длинное, лифъ съ мысомъ, а на головахъ накладки небольшія.

Со стороны жениха, между прочимъ, была одна моя старинная знакомая, а его тетка—Варвара Андреевна Новосильцева. Она была рожденная Наумова; ея мать Марья Кирилловна (сама по себѣ Сафонова) была большая пріятельница покойной бабушки княгини Анны Ивановны Щербатовой; я часто встрѣчалась съ ними у тетуски графини Толстой. Старушка Наумова была очень почтенная, благочестивая и умная старушка, которая окончила свою жизнь въ глубокой старости въ Московскомъ Рождественскомъ монастырѣ монахиней и кажется даже въ схимѣ. Она много имѣла скорбей на своемъ вѣку и была добродѣтельвѣйшая женщина. И дочь ея Новосильцева была тоже очень хорошая и благочестивая женщина, достойная всякаго уваженія. Ростомъ она была очень мала, лицомъ не красива,—вся въ веснушкахъ, точно подъ сѣткой,—но очень умная и разсудительная, а главное—предобрая... У Наумовой были сыновья и кромѣ Новосильцевой—еще дочь незамужняя Авдотья Андреевна, съ малоду пребойкая особа, большая сколидомка и великая таторка.

Дочь Лихачевой, бывшая у Груши на свадьбѣ еще дѣвницей, въ скоромъ времени послѣ того тоже вышла замужъ за Льва Васильевича Давыдова, брата извѣстнаго въ Двѣнадцатомъ Году партизана—Дениса Васильевича....

Родство зятя моего Благово было хорошее и почтенное, но люди не свѣтскіе, мало выѣзжавшіе въ лублику и съ которыми я до тѣхъ лоръ совсѣмъ не встрѣчалась, кромѣ Новосильцевой и Наумовыхъ. Очень была почтенная, представительная старушка—княгиня Катерина Осиповна Волконская, двоюродная сестра Дмитрія Калитовича, дочь старшаго его дяди; она имѣла сына и дочь Марью Петровну, вышедшую за Неронова, и такъ какъ ея братъ былъ бездѣтнымъ,

то къ ней и перешло родовое Благовское имѣніе, село Воронино.

Еще познакомилась я съ другою родственницей зятя, съ его дальнею теткой—Анной Лаврентьевной Благово. Умная была старушка. Она имѣла нѣсколькихъ сыновей и дочерей, изъ которыхъ двѣ были красавицы—Екатерина Сергѣевна за Баташевымъ, очень богатымъ человекомъ, имѣвшимъ золотые пріиски и литейные заводы; другая Анна Сергѣевна за Арбеьевымъ.

Обѣ сестры моего зятя—замужняя Звѣрева и Александра дѣвица, которыхъ я только и знала—были красавицы писавыя: близна лица и румянецъ во всю щеку просто на диво. Звѣрева была милая, умная и разсудительная женщина, съ которой братъ ея былъ очень друженъ; она мало жила въ Москвѣ, больше все у себя въ Кашинѣ въ деревнѣ. А незамужняя Александра—пребойкая и преумная и великая совѣтотельница и тараторка, настоящая *золовка-колотовка*. Я про нее и говорила ея брату: „Ты, мой любезный, гостить ее къ себѣ приглашай, но въ домъ у себя не давай ей располагаться,—видишь какая она *командирша*, закомандуетъ и хоть кого заклюеть, а заговорить до дурноты.“ Ужь черезчуръ много и слишкомъ громко она говорила.

II.

Въ самый годъ кончины Государя Александра Павловича былъ въ Петербургѣ поединокъ, объ которомъ шли тогда большіе толки: государевъ флигель-адъютантъ Новосильцевъ дрался съ Черновымъ и былъ убитъ. Онъ былъ единственный сынъ Екатерины Владиміровны, урожденной графини Орловой (дочери Владиміра Григорьевича, женатаго на Елизаветѣ Ивановнѣ Стакельбергъ), отъ брака съ Дмитріемъ Александровичемъ Новосильцевымъ. У нихъ этотъ сынъ только и былъ. Екатерина Владиміровна (сестра графини Софьи Владиміровны Паниной и Натальи Владиміровны Давыдовой) была во всѣхъ отношеніяхъ достойная, благочестивая и добрейшая женщина, но мужемъ не очень счастливая: онъ съ нею жилъ не долгое время вмѣстѣ, имѣя постороннія привязанности и нѣсколько человекъ дѣтей съ „лѣвой стороны“. Сынъ Новосильцевой, по имени Владиміръ, былъ прекрас-

вый молодой человекъ, котораго мать любила и лелѣла, ожидая отъ него много хорошаго, и онъ точно подавалъ ей великія надежды. Видный собою, красавецъ, очень умный и воспитанный какъ нельзя лучше, онъ попалъ во флигель-адыютанты къ государю не имѣя еще и двадцати лѣтъ. Мать была этимъ очень утѣшена, и такъ какъ онъ былъ богатъ и на хорошемъ счету при дворѣ, всѣ ожидали что онъ со временемъ сдѣлаетъ блестящую партію. Знатныя мамеыки имѣвшія дочерей ласкали его и съ нимъ няньчились, да только онъ самъ не сумѣлъ воспользоваться благопріятствомъ своихъ обстоятельствъ. Познакомился онъ съ какими-то Черновыми; что это были за люди—ничего не могу сказать. У этихъ Черновыхъ была дочь, особенно хороша собою, и молодому человеку очень приглянулась; онъ завлекся, и должно-быть зашелъ такъ далеко что долженъ былъ обѣщаться на ней жениться. Ставъ онъ просить благословенія у матери, та и слышать не хотѣла: „могу ли я согласиться чтобы мой сынъ, Новосильцевъ, женился на какой нибудь Черновой, да еще въ добавокъ на Пахомовнѣ: никогда этому не бывать“. Какъ сынъ ни упрашивалъ мать—та стояла на своемъ: „Не хочу имѣть невѣсткой Чернову Пахомовну, — экой срамъ!“ Видно Орловская слѣсъ брала верхъ надъ материнскою любовью. Молодой человекъ возвратился въ Петербургъ, объявилъ брату Пахомовны—Чернову что мать не даетъ согласія. Черновъ вызвалъ его на дуэль:

— Ты обѣщался жениться—женись или дерись со мной за безчестіе моей сестры“. Для дуэли назначили мѣсто на одномъ изъ Петербургскихъ острововъ, и Новосильцевъ былъ убитъ. Когда несчастная мать получила это ужасное извѣстіе, она тотчасъ отправилась въ Петербургъ, горько, можетъ статья, упрекая себя въ смерти сына. На мѣстѣ томъ гдѣ онъ умеръ она пожелала выстроить церковь, и испросивъ на то позволеніе, выстроила. Тѣло молодаго человека баальзамировали, а сердце — закулоренное въ серебряномъ ковчегѣ—несчастная виновница сыновней смерти повезла съ собою въ каретѣ въ Москву. Схоронили его въ Новоспасскомъ монастырѣ. Лишившись единственнаго дѣтца, Новосильцева вся предалась Богу и дѣламъ милосердія, и надѣвъ черное платье и чепецъ, до своей кончины траура не снимала. Кромѣ церкви, митрополита Филарета, котораго очень уважала, и самыхъ близкихъ родныхъ она нигдѣ не бывала, а

первое время никого и видѣть не хотѣла. Она была въ отчаяніи и говорила Филарету: „Я убійца моего сына; помогите, владыка, чтобъ я скорѣе умерла“.—„Ежели вы почитаете себя виновною, то благодарите Бога что Онъ оставилъ васъ жить, дабы вы могли замаливать вашъ грѣхъ и дѣлами милосердія испросили улокоеніе душѣ своей и вашего сына; желайте не скорѣе умереть, но просите Господа продлить вашу жизнь чтобъ имѣть время молиться за сына и за себя“.

Она часто бывала у Филарета на Троицкимъ подворьѣ и всегда стояла во время службы въ темной комнаткѣ смежной съ церковію и молилась у окошечка продѣланнаго въ церковь. Лѣтъ десять спустя послѣ смерти сына она овдовѣла и въ память сына старалась благоворить не только постороннимъ, но и дѣтямъ своего мужа и была ко всѣмъ его родственникамъ хорошо расположена и пріятлива. Она скончалась въ концѣ 1840 годовъ, имѣя около восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Такъ какъ она была послѣдняя въ родѣ *Орловыхъ* (двоюродная ея сестра, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская умерла за годъ или за два до нея), то ея племянникъ и наследникъ—Давыдовъ (сынъ ея сестры) выхлопоталъ высочайшее позволеніе прибавить къ своей фамиліи фамилію Орлова и получилъ графскій титулъ. Новосильцева изъ дочерей графа Владиміра Григорьевича была самая старшая; жила въ своемъ домѣ на Страстномъ бульварѣ съ правой стороны напротивъ Страстнаго монастыря; * оставила послѣ себя очень большое состояніе, цѣнимое не въ одинъ миліонъ.

III.

Въ Екатерининъ день, 1825 года, былъ большой балъ у Апраксиныхъ, которые и послѣ замужества своихъ дочерей все еще тѣшили Москву, молодую невестку, а главное, самъ—Стеланъ Стелановичъ былъ охотникъ *давать праздники*.

Мои молодые собрались ѣхать на балъ и тамъ Грушенькѣ Катерина Сергѣевна Герардъ и шепчетъ на ухо: „*Savez-vous ce que l'on dit: que l'empereur n'est plus.*“ Извѣстіе это пришло въ Москву почти предъ самымъ баломъ. Что было тутъ дѣлать? Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ въ большомъ затрудненіи: балъ у сестры, а получено извѣстіе что госу-

* Нынѣ домъ графа Владиміра Петровича Орлова-Давыдова.

даря не стало. Разсыпать по всѣму городу и отказывать приглашеннымъ было поздно, такъ и промолчали въ этотъ вечеръ, но Голицыны на балъ не поѣхали, и это всѣ замѣтили и смекнули что это значить, и на балъ шелотомъ передавали другъ другу что государь кончилъ жизнь.

На другой день печальное извѣстіе было возвѣщено всему городу. Разказывать что сдѣлалъ въ свое царствованіе Александръ *благословенный*, какъ жилъ и какъ скончался — дѣло исторіи, но про государя *какъ человека* можетъ разказывать и старуха, которая жила въ его время.

Когда государь родился 12 декабря 1777 года государыня Екатерина Алексѣевна была, говорятъ, вѣв себя отъ радости что у нея родился внукъ, а главное—наслѣдникъ престола, и по этому случаю въ ту пору, были большія празднества, маскарады и разныя веселости при дворѣ. Все это происходило въ Петербургѣ, въ 1777 году. Я была тогда еще ребенкомъ и только въ послѣдствіи слышала объ этомъ времени отъ людей близкихъ ко двору. Было много милостей. Императрица съ первыхъ дней отняла внука у отца и матери и воспитывала его по своему желанію. „Вы свое дѣло сдѣлали,“ говорила она имъ, „вы мнѣ родили внука; а воспитывать его предоставьте ужъ мнѣ: это касается не васъ, а меня.“ Такъ они не смѣли и лѣзнуть. Бабушка навчилась съ нимъ, и какъ только онъ сталъ смыслить и началъ ходить, былъ почти неотлучно при ней и росъ на ея глазахъ. Она очень имъ утѣшалась, видя что мальчикъ смысленъ и красоты неолисанной. Императрица придумала для него какую-то особенную, замысловатую азбуку; разумѣется всѣ ахали, кричали: развѣ то что дѣлаетъ царствующая императрица можетъ быть не хорошо! Всѣ накинудись на эту азбуку для своихъ дѣтей; сперва стали раскупать ее придворные, а тамъ, глядя на нихъ, и другіе, и въ нѣсколько дней книги и купить ужъ было нельзя: пришлось опять ее печатать.

Великій князь Александръ Павловичъ былъ весьма любознателенъ, кротокъ, послушавъ и со всѣми обходителенъ, а меньшой братъ его, Константинъ, годами двумя его моложе, тоже преумный и пресмышленный, горячъ и запальчивъ и собою очень не пригаденъ. Въ концѣ 1780хъ годовъ, не прилежно въ которомъ именно, государыня была въ Москвѣ и мнѣ довелось тогда ее видѣть вблизи: она ѣхала въ каретѣ,

а предъ нею сидѣли ея внуки — Александръ и Константинъ, мальчики лѣтъ 10 и 8. Старшій былъ удивительно красивъ.

Воспитаніе ихъ было поручено императрицею Николаю Ивановичу Салтыкову, который потомъ былъ графомъ и свѣтлѣйшимъ княземъ, а учителя выписали изъ Швейцаріи, очень ученаго человека — Лагарпа.

Не было еще и пятнадцати лѣтъ Александру Павловичу какъ стали говорить что ему выбираютъ невесту. Вызваны были въ Петербургъ двѣ баденскія принцессы, изъ которыхъ старшая и полюбилась императрицѣ и великому князю; въ 1793 году, въ концѣ сентября, было вѣчаніе: новобрачному было 16 лѣтъ, а молодой года на полтора меньше.

Такая послѣдствіе всѣхъ удивляла, и объ этомъ различно толковали, а люди приближенные къ императрицѣ, зная что она не очень нѣжна къ сыну, выводили изъ этого важныя заключенія. Передавали даже шепотомъ другъ другу будто бы у императрицы не разъ вырывалось въ самое короткое ея кружкѣ объ Александрѣ Павловичѣ: „сперва его обвиняю, а потомъ увѣчаю.“ Не могъ не знать этого великій князь Павелъ Петровичъ, и это его еще болѣе, конечно, раздражало противъ матери, пристрастной ко внуку, и замѣтно охладило къ старшему сыну и къ невесткѣ.

Женивъ старшаго внука, императрица послѣдила женить и втораго на принцессѣ кобургской Аннѣ Федоровнѣ, — это было уже въ самый годъ кончины императрицы: свадьба была въ началѣ февраля 1796 года, а 6 ноября государыни не стало.

Александръ Павловичъ былъ такъ хорошъ собой и пріятелемъ что на придворныхъ балахъ онъ всѣхъ мушкетеровъ превосходилъ красотой, и императрица не могла на него не любоваться. Но онъ имѣлъ два недостатка: голову какъ - то вытягивалъ впередъ, и какъ его ни уговаривали не могъ отстать отъ этой привычки, и былъ туго на одно ухо. Его посылали съ Салтыковымъ лѣчиться въ чужіе края къ минеральнымъ водамъ, собирали знаменитыхъ врачей, но вылечить не могли. Онъ имѣлъ много примѣтъ и былъ довольно суевѣренъ. Въ его привычкахъ были нѣкоторыя особенности: такъ поутру, вставая, онъ всегда сперва обувалъ лѣвую ногу и непремѣнно на нее становился, потомъ подходилъ къ окну (какъ бы холодно на дворѣ ни было) и, отворивъ окно, съ чет-

верть часа стоялъ освѣжаясь воздухомъ; онъ называлъ это брать воздушную ванну (*prendre un bain d'air*).

Онъ не внушалъ страха, но располагалъ къ себѣ сердца; такое имѣлъ лицо что глазъ оторвать отъ него не хотѣлось, такъ все и смотрѣлъ бы на него. Императрица тоже была въ первой молодости очень хороша, потомъ подурнѣла отъ красивыхъ лятевъ на лицѣ, но по своей добротѣ и простотѣ въ обращеніи она была любима всѣми приближенными и ее окружавшими. Въ отношеніи ея добродѣтельной жизни ей нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека: она была какъ тѣ благоговѣрныя царицы древняго времени которыя причислены къ лику праведныхъ.

Были люди которые обвиняли Александра Павловича въ неискренности. Въ этомъ я не судья. Знаю только что не смотря на свои сердечныя увлеченія онъ былъ все-таки нравственнымъ и благочестивымъ человекомъ. Набоженъ онъ былъ съ молодыхъ лѣтъ и иногда говорилъ своимъ приближеннымъ что желалъ бы оставить все и сдѣлаться монахомъ. Въ 1817 или 1818 году пріѣхала въ Петербургъ одна баронесса *Крюднеръ*, жена бывшаго нашего посла при прусскомъ дворѣ. Во время пребыванія государя въ Парижѣ она очень его привлекала своимъ умнымъ и живымъ разговоромъ и предсказала ему что Бонапартъ не усидитъ на островѣ Эльбѣ, и когда это сбылось государь къ ней сталъ имѣть особенное довѣріе. Она была какая-то восторженная проповѣдница, въ родѣ миссіонерки-просвѣтительницы, которая всюду бродила и проповѣдывала обращеніе ко Христу Спасителю, словомъ была презагадочная личность, пророчица не пророчица, а *иллюминатка*, и была почитаема нѣкоторыми за вдохновенную распространительницу христіанства. Другіе ее гоняли и досаждали ей, но она всякія оскорбленія переносила съ терпѣніемъ и кротостію. Государь часто видался съ нею, бывалъ нерѣдко у ней и просиживалъ по цѣлымъ вечерамъ. Сначала ея опасались, видя въ ней что-то необыкновенное; но когда государь показалъ къ ней расположеніе, около нея собрался цѣлый кружокъ поклонниковъ и послѣдователей ея ученія. Ей хотѣлось было ходить по улицамъ въ Петербургѣ и проповѣдывать, но ей этого не позволили. Она имѣла сильное вліяніе на государя: старалась сблизить его съ императрицей, которая тоже къ ней имѣла не малое довѣ-

ріе, и это многимъ не нравилось, въ особенности сторонникамъ известной Марьи Антоновны. Крюднерша и ее было хотѣло поймать на свою удочку, да только та не поддавалась. Года три или четыре она прожила въ Петербургѣ будучи въ большомъ довѣріи и фаворѣ, да только не сумѣла удержаться — проболталась, говорятъ, на счетъ нѣкоторыхъ предложеній касательно Греціи, про которыя государь передавалъ ей съ глазу на глазъ. Этимъ воспользовались люди опасавшіеся ея вліянія и расположенія къ ней государя, послѣдшія посѣять въ его умѣ къ ней недовѣріе и наконецъ достигли того что ей велѣно было даже выѣхать изъ Петербурга; это случилось въ 1822 году, въ то время какъ мы тамъ были. Она отправилась куда-то въ Одессу или въ Крымъ, проповѣдывать Евангеліе Татарамъ; не разъ была въ опасности сдѣлаться мученицей и тамъ умерла не задолго до кончины государя. Но несмотря на немилость въ которую она впала, ея вліяніе и послѣ ея отъѣзда было замѣтно: государь сталъ особенно богомоленъ, оказывалъ необыкновенное уваженіе къ духовенству и монашеству. Графиня Орлова этимъ воспользовалась и старалась втереть ко двору известнаго отца Фотія; онъ не разъ бывалъ у государя, который съ нимъ подолгу бесѣдовалъ и цѣловалъ его руку, и буди Фотій помягче и пообщительнѣе съ вельможами, можетъ-быть сдѣлался бы онъ лицомъ вліятельнымъ. Но онъ былъ крутъ и неподачивъ, да и слишкомъ прямъ въ разговорѣ: это многихъ встревожило; къ тому же онъ былъ въ большой контрѣ съ княземъ Голицынымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія: Фотій обвинялъ его въ неправославіи, громко порицалъ книги духовнаго содержанія тогда печатавшіяся и называлъ ихъ *бѣсовицной* и *масонствомъ*; все это государя мало-по-малу охладило къ Фотію, къ великому прискорбію Орловой, мечтавшей можетъ статья видѣть его и подъ бѣлымъ клобукомъ.

Государь любилъ ѣздить по монастырямъ, и если слышалъ что гдѣ-нибудь есть великіе старцы и подвижники, непременно вступалъ съ ними въ бесѣду, просилъ ихъ благословенія и цѣловалъ руку. Такъ онъ бывалъ на Валаамѣ въ Свирскомъ монастырѣ, въ Ростовѣ въ Яковлевскомъ и благоволилъ къ Амфилохію, котораго посѣтилъ въ кельѣ и долго у него сидѣлъ.

Очень замѣтно было что государь чувствовалъ потребность общенія съ духовными людьми и что его душа жаждала назидательныхъ бесѣдъ, каковыхъ, конечно, нечего было ожидать отъ его окружавшихъ. Странно и неловкато, какъ государь съ такою прекрасною душой и съ такимъ добрымъ мягкимъ сердцемъ могъ быть расположенъ и имѣть своимъ любимцемъ человѣка подобнаго Аракчееву. Кто жилъ въ то время, слышалъ не мало о его крутостяхъ, жестокостяхъ и, можно сказать, безчеловѣчии; и всѣмъ диковинно было что при такомъ добромъ, истинно благословенномъ государѣ могъ держаться такой лютой временщикъ который дѣлалъ что хотѣлъ. Что было сдѣлано этимъ могущественнымъ любимцемъ, разумѣется, со временемъ позабудется, но люди жившіе при немъ долго не забудутъ про ненавистную *Аракчеевщину*, причинившую много скорбей отдѣльными лицами: и своими перемѣнами и новшествами, какъ отзывались люди знающіе, она надѣлала больше ломки и хлопотъ чѣмъ принесла пользы.

Аракчеевъ былъ крутъ, жестокъ, самонадѣявъ и оттого упрямъ и настойчивъ, а послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ не имѣлъ, и выходило что онъ все строился на песокъ.

IV.

Будучи отъ природы слабого и вѣжнаго сложенія, императрица Елизавета Алексѣевна никогда не могла похвалиться здоровьемъ, а подъ конецъ, въ 1820 годахъ, она стала все чаще и чаще прихварывать, и врачи рѣшили что ей непремѣнно нужно жить въ тепломъ климатѣ. Государь, бывшій въ продолженіе многихъ лѣтъ въ холодныхъ къ ней отношеніяхъ, сталъ подъ вліяніемъ Крюднерши и другихъ благочестивыхъ совѣтчиковъ опять съ нею видимо сближаться и захотѣлъ вмѣстѣ съ нею отправиться на югъ Россіи.

Больше года уже императрица сильно кашляла и жаловалась на боль въ сердцѣ и груди; медики опасались признаковъ чахотки, а быть-можетъ уже и находили ихъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ рѣшено было что въ началѣ сентября государь и государыня отправятся въ Таганрогъ. Сперва поѣхалъ госу-

дарь, а чрезъ дѣнь или два слухъ—Елизавета Алексѣевна. Разказывали что императоръ точно имѣлъ предчувствіе что ему не возвратиться, и за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Царскаго Села его часто встрѣчали въ саду; онъ прогуливался одишь и казался печальнымъ и унылымъ, и услышавъ однажды вечеромъ крикъ совы онъ вздохнулъ и сказалъ кому-то изъ бывшихъ съ нимъ: *Cet oiseau de mauvais augure, que nous présage-t-il?*“

Преждъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ заѣхалъ въ Невскій монастырь, служилъ тамъ молебень у мощей, прощаясь съ митрополитомъ Серафимомъ и пожелалъ посѣтить келію бывшаго тамъ схимонаха. Увидѣвъ у него гробъ, онъ спросилъ его: „Для кого это?“—„Для меня, отвѣчалъ старецъ, чтобъ я не забывалъ что всѣ мы гости на землѣ, и чаще вспоминалъ бы о смерти.“ Прощаясь съ государемъ схимонахъ сказалъ ему: „Мы болѣе не увидимся...“ Уѣзжая изъ монастыря государь былъ очень печаленъ и при прощаніи съ митрополитомъ прослезился. Выѣхавъ изъ святыхъ воротъ онъ нѣсколько разъ оглядывался назадъ чтобы посмотрѣть еще на Невскую лавру, митрополитъ стоялъ у св. воротъ и все благословлялъ его.

Императрица въ скоромъ времени послѣдовала за императоромъ и поселилась въ Таганрогъ. Государь ѣздилъ дѣлать объѣзды въ ближайшихъ мѣстностяхъ: былъ на Дону и въ Новочеркасскѣ и снова возвращался въ Таганрогъ какъ на постоянную квартиру. Онъ предполагалъ ѣхать въ Астрахань, но по предложенію одесскаго градоначальника, графа Воронцова, поѣхалъ въ объѣздъ по южному берегу Крыма, и во время этого путешествія захворалъ,—одни говорили что отъ сильныхъ холодовъ онъ простудился, другіе утверждали что онъ схватилъ крымскую лихорадку, не рѣдко весьма опасную. Графъ Воронцовъ уговорилъ государя заѣхать на перепутье въ его приморскій загородный домъ, можетъ-быть ожидая что послѣ отдыха государю станетъ легче. Лейбъ-медикомъ тогда былъ Вилье, родомъ либо Ирландецъ либо Шотландецъ, предостойчивый и преуслрамый въ своихъ мнѣніяхъ; онъ далъ государю лѣкарство отъ котораго болѣзнь еще усилилась, и государь до времени отложивъ начатое путешествіе пожелалъ немедленно возвратиться въ Таганрогъ. Императрица ужаснулась видя перемѣну въ государѣ, стала настаивать на консилиумѣ, но Вилье утверждалъ что нѣтъ никакой

опасности и что государь скоро оправится и едва-едва согласился посоветоваться съ лейбъ-медикомъ императрицы Штофрегенемъ. Государь, не получая облегченія отъ лѣкарствъ, пересталъ ихъ принимать. Требовалъ воды со льдомъ, чувствуя внутренней необыкновенный жаръ. Разсердившись на Вилле не велѣлъ его къ себѣ пускать. Въ Петербургѣ ничего этого не знали, извѣстили императрицу Марію Ѳеодоровну и великихъ князей что государь захворалъ, но слегда, что сначала нисколько никого не встревожило. Императрицу Елизавету Алексѣевну медики тоже успокаивали. Повѣрила ли она имъ или нѣтъ, но она почти неотлучно находилась при больномъ, забывая свою собственную болѣзнь и не смотря на свою слабость. Государя также старались успокоить. Онъ грустно уныбался, качалъ головой и говорилъ обыкновенно: „Je sais à quoi m'en tenir“; а раза два прибавилъ еще: „pourtant je ne voulais que du bien à tous, mais que la volonté de Dieu se fasse.“ Онъ былъ сложенъ духомъ и какъ будто ожидалъ неминуемой смерти, когда ему начинали говорить о выздоровленіи. Императрица тревожилась, страдала, не отходила отъ одра болящаго. Должно-быть слыша постоянныя увѣренія что нѣтъ опасности и сама этому повѣрила или хотѣла себя увѣрить, и за день или за два до 17го ноября писала вдовствующей императрицѣ, „послѣ тяжелыхъ дней сомнѣнія и опасности есть надежда на скорое и совершенное выздоровленіе.“

Не долго продолжалась эта надежда, потому что на двѣнадцатый день болѣзни государь скончался 19го ноября. Послѣ успокоительныхъ извѣстій, которыя обнадеживали, внезапно полученное извѣщеніе о кончинѣ государя всѣхъ ошеломило, всѣ были убиты горемъ и совершенно растерялись. Въ Москву объ этомъ пришло извѣстіе въ Екатерининъ день довольно поздно вечеромъ, а на другой день печальный звонъ колокола возвѣстивъ его всему городу. Много было различныхъ разговоровъ и предположеній на счетъ неожиданной для всѣхъ кончины государя.

Въ самый день кончины государя императрица писала письмомъ ко вдовствующей императрицѣ; оно ходило тогда по рукамъ въ слискѣ и начиналось очень умильными словами. „Нашъ ангелъ на небеси, а я еще все томлюсь на землѣ. Кто же могъ бы ожидать что я, слабая и больная, переживу его?“ И оканчивалось такъ: „Нахожу для себя утѣшеніе въ

этомъ ужасномъ несчастіи только въ надеждѣ что я его не переживу. Желаю и надѣюсь быть вмѣстѣ съ нимъ скоро и неразлучно.“

IV.

Извѣстіе о кончинѣ государя ужасно опечалило Москву: всѣ его любили, о немъ горевали и плакали. Особы чиновныя по классамъ облеклись въ трауръ, а мы безклассныя дворянки тоже сняли съ себя цвѣтное и надѣли черное платье. Разумѣется, прекратились всякія увеселенія, театры, балы, — все кончилось, и Москва притихла на долгое время, всѣ были въ какомъ-то страхѣ и ожиданіи, точно чуяли что недоброе. Вѣрно было всему чиновничеству и дворянству собираться въ Кремль и присягать новому государю Константину Павловичу. Ходили разные смутныя слухи объ отреченіи его отъ престола. Толковали что такъ какъ у Константина Павловича дѣтей не было и онъ разошелся съ женой и вторично женился, то и царствовать не можетъ, а уступить престолъ младшему своему брату Николаю. Это происходило въ 1821—1823 году.

Конечно это было дворцовою тайной, но тѣмъ не менѣе кое-что вырывалось и доходило и до насъ въ Москву.

Люди хорошо извѣщенные о томъ что происходило при дворѣ передавали что извѣстіе о кончинѣ государя дошло въ Петербургъ ноябрю 27. Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ были тогда въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ императрица Марія Федоровна и Николай Павловичъ, который помѣщался въ Анчиковскомъ дворцѣ. Великій князь Николай Павловичъ ежедневно получалъ извѣстія изъ Таганрога, полученные 25 и 26 числа подвигали надежду, и потому 27 числа утромъ въ дворцовой церкви послѣ обѣдни должны были совершать молебствіе о здравіи государя. Императрица стояла въ комнатѣ смежной съ алтаремъ, тутъ же находилась и великій князь, который далъ приказаніе что ежели бы фельдъегерь пріѣхалъ во время службы то чтобъ его вызвали незамѣтно. Только что отошла обѣдня и началась молебенъ—какъ великій князь увидѣлъ что дверь изъ передней комнаты немного открылась и опять затворилась. Онъ послѣдшилъ выдти и увидѣлъ графа Милорадовича съ

такимъ смущеннымъ видомъ что и безъ словъ показало что все кончено. Тотъ подтвердилъ что получено извѣстіе о кончинѣ государя. У великаго князя отъ потрясенія подкосились ноги, онъ опустился на стулъ и послалъ за государынинымъ лейбъ-медикомъ; когда тотъ пришелъ съ Милорадовичемъ, великій князь пошелъ съ нимъ въ ту комнату гдѣ стояла императрица и, будучи не въ силахъ сказать ни слова, молча поклонился въ землю. Императрица, говорятъ, сразу поняла все и отъ неожиданности оцѣпенѣла; ее почти безъ чувствъ провели въ ея покои.

Великій князь Николай Павловичъ пошелъ въ церковь чтобы немедленно принести присягу цесаревичу Константину Павловичу какъ законному наследнику престола. Его примѣру послѣдовали прочіе тутъ бывшіе сановники и находившіеся тогда въ Петербургѣ архіереи. Голицынъ князь Александръ Николаевичъ хотѣлъ, говорятъ, оставить великаго князя отъ присяги, зная распоряженія покойнаго государя и отреченіе Константина Павловича, и объявилъ ему что есть завѣщаніе на этотъ предметъ, но великій князь не послушался. Подробностей большихъ не припомню: люди придворные все это разкажутъ какъ по писаному, а я передаю со словъ другихъ что слышала.

Въ Варшаву извѣстіе о кончинѣ отправленное въ одно время пришло раньше чѣмъ въ Петербургъ. Константинъ Павловичъ былъ также пораженъ этимъ неожиданнымъ ударомъ. Онъ тотчасъ объявилъ брату Михаилу Павловичу что давно отказался отъ престола, запретилъ называть себя государемъ и на другой же день послѣдшилъ отправить брата въ Петербургъ, объявляя и подтверждая что наследникъ престола Николай Павловичъ, а не онъ. Пока Михаилъ Павловичъ ѣхалъ въ Петербургъ, весь городъ уже присягнулъ Константину Павловичу и Москва тоже. Новая присяга другому меньшому брату произвела въ Петербургѣ большую смуту, которую старались возбудить заговорщики, что и случилось декабря 14го.

Въ Москвѣ, слава Богу, все обошлось безъ тревогъ и волненій.

Ровно за недѣлю до Рождества Христова, декабря 18, вслѣдствіе распоряженій послѣдовавшихъ изъ Петербурга, повѣщено было всѣмъ служащимъ и жителямъ Москвы чтобы собрались въ Успенскій соборъ. Когда сановники военныя и

гражданскіе, сенатъ и множество разныхъ лицъ туда съѣхались, преосвященный Филаретъ въ полномъ облаченіи вошелъ царскими вратами въ аатаръ, вынесъ оттуда серебряный ковчегъ и поставивъ его на столъ приготовленный на амвонѣ, сказалъ рѣчь, что по волѣ покойнаго государя его завѣщаніе хранилось въ этомъ ковчегѣ.

Послѣ этой рѣчи преосвященный снялъ печать съ ковчега, вынулъ изъ него пакетъ надписанный покойнымъ государемъ и запечатанный его печатью. Когда пакетъ распечатали, нашли въ немъ манифестъ государя о томъ что преемникъ его не Константинъ, а Николай, и собственноручное отреченіе отъ престола Константина Павловича, отъ 16 августа 1823 года. Тайну эту знали только немногіе: Императрица Марія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и архіепископъ Филаретъ, которому поручено было положить конвертъ въ ковчегъ Успенскаго собора. Николаю Павловичу это было совершенно неизвѣстно. Умирая государь не благоразсудилъ открыть эту тайну ни императрицѣ и никому изъ бывшихъ съ нимъ въ Таганрогѣ, очень впрочемъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ, ни князю Петру Михайловичу Волконскому, ни Дибичу, ни Чернышеву.

По прочтеніи манифеста и отреченія всѣ стали присягать Николаю Павловичу какъ законному наслѣднику.

Многіе полагаали тогда что манифестъ сочинялъ историкъ Карамзинъ, такъ какъ знали что государь къ нему особенно благовоилъ, но потомъ оказалось что манифестъ писалъ преосвященный Филаретъ, а послѣ того что-то еще прибавлялъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; пакетъ этотъ привезъ съ собою государь въ августѣ 1823 года и черезъ Голицына передалъ Филарету, который тогда же и вложилъ его въ серебряный ковчегъ стоявшій на престолѣ Успенскаго собора.

V.

Тѣло императора Александра Павловича отлѣвали въ греческомъ монастырѣ во имя Св. Александра Невскаго. Монастырь этотъ, новый, былъ построенъ послѣ Французовъ какимъ-то богатымъ Грекомъ и стоилъ ему большихъ денегъ, чуть ли не до 700 тыс. рублей ассигнаціями. Послѣ отлѣванія тѣло тамъ

стояло довольно долго, такъ что процессія отправилась въ путь послѣ Рождества, и по случаю особенно жестокихъ въ тотъ годъ холодовъ, вѣтровъ и бурь, тѣло везли медленно, останавливались въ разныхъ губернскихъ большихъ городахъ по нѣсколько дней и вездѣ было стеченіе народное около гроба неимовѣрное. По ночамъ останавливались въ селахъ и гробъ ставили въ церковь, народъ всюду встрѣчалъ и провожалъ. Когда стали приближаться къ Москвѣ, то на встрѣчу тѣла несмѣтныя толпы народа, духовенство, власти и генералитетъ отправилась въ Коломенское, и все это лаго на колѣна когда показалась печальная колесница. Здѣсь дорожную колесницу переменяли на парадную. У всѣхъ церквей была встрѣча отъ духовенства; провожавшіе лѣшкомъ и въ экипажахъ тянулись болѣе чѣмъ на двѣ версты. Въ Москву къ заставѣ прибыли къ вечеру, и совершенно уже стемнѣло когда вѣхали въ Кремль и внесли тѣло въ Архангельскій соборъ. Кто видѣлъ трогательное зрѣлище этого погребальнаго царскаго торжества никогда его не позабудетъ.

Въ Москвѣ тѣло стояло только три дня, и сказываютъ что днемъ и ночью народъ не перемежаясь все толпился въ соборѣ, несмотря на то что соборы были еще въ ту пору холодныя, изъ усердія то и дѣло ставили предъ гробомъ свѣчи.

При выѣздѣ изъ Москвы были опять торжественныя проводы къ Тверской заставѣ и далѣе; у Петровскаго дворца была литія, во Всѣхсвятскомъ встрѣча, и такъ до самаго Петербурга. Какъ тамъ встрѣчали и хоронили—порядкомъ разказать не умѣю, слышала только что предъ тѣмъ какъ тѣлу туда прибыть разнесся слухъ что подъ Казанскимъ соборомъ (гдѣ оно должно было находиться до перенесенія въ Петропавловскую крѣпость) были будто бы подведены мины и что злоумышленники хотѣли разомъ взорвать все царское семейство. Доложили объ этомъ государю Николаю Павловичу, онъ этимъ ни мало не смутился, но приказалъ произвести осмотръ, и оказалось что все это были пустые слухи и что подъ соборомъ, гдѣ были просторные подвалы сжимаемые какимъ-то виноторговцемъ, были точно бочки, но только не съ порохомъ и не съ горючими веществами, а просто-напросто съ виноградными винами; это всѣхъ успокоило.

VI.

Умирая, покойный государь Александръ Павловичъ поручилъ императрицу по лечению князя Петра Михайловича Волконскаго, его женѣ, княгинѣ Софѣ Григорьевнѣ, сестрѣ его княжнѣ Варварѣ Михайловнѣ и дочери княжнѣ Александрѣ Петровнѣ. Княгиня Волконская была дочерью князя Григорія Семеновича Волконскаго (роднаго брата тетушки Марьи Семеновны Римской-Корсаковой) и поэтому приходилась двоюродною сестрой сестрѣ Екатеринѣ Петровнѣ Архаровой. Обѣ княжны, тетка и племянница, находилась при императрицѣ, будучи ея фрейлинами и пользуясь особеннымъ ея расположеніемъ. Княжна Александра Петровна была въ послѣдствіи замужемъ за Павломъ Дмитриевичемъ Дурново. Императрица очень лорывалась слѣдовать за тѣломъ государя, но при стоявшихъ тогда жестокихъ холодахъ и при слабости ея, отъ утомленія и горя, медики объявили что ей рѣшительно невозможно тронуться съ мѣста пока не наступитъ болѣе благопріятное время. Итакъ ей пришлось дожидаться до послѣднихъ чиселъ апрѣля.

Въ день назначенный для отъѣзда императрицы изъ Таганрога едва не весь городъ собрался ее провожать: всѣ со слезами и очень далеко за городъ провожали ея карету, ѣхавшую довольно тихо. Государыня заранѣе извѣстила императрицу Марію Θεодоровну о своемъ выѣздѣ и просила ее пріѣхать къ ней для свиданія въ Калугу: оттуда предполагали провезти ее въ подмосковное имѣніе князя Волконскаго, верстахъ въ двадцати отъ Москвы *, гдѣ бы она осталась дожидаться коронаціи, уже назначенной въ іюль мѣсяцѣ.

Путешествіе очень утомляло императрицу, и какъ ее ни уговаривали Волконскіе и медики дать себѣ отдыхъ и побыть гдѣ-нибудь подольше на одномъ мѣстѣ, она слѣшила добраться поскорѣе до Калуги, гдѣ императрица Марія Θε-

* По всей вѣроятности село *Суханово*, отъ Москвы 18 верстъ, отъ уѣзднаго города Подольска 12 верстъ. Тамъ прекрасный домъ и обширный паркъ; версты поаторы оттуда мужской монастырь—Екатерининская пустынь, которую императоръ Александръ Павловичъ и императрица посѣтили бывши въ гостяхъ у князя Волконскаго.

одорожна уже ее дождалась. Въ Орлѣ ей стало еще хуже, т.-е она стала еще слабѣе, но все-таки желала продолжать свой путь, Это мая пріѣхала въ Бѣлевъ, небольшой городъ между Орломъ и Калугой, и здѣсь до того ослабѣла что сама почувствовала невозможность ѣхать далѣе и послала сказать императрицѣ Маріи что просить ее пріѣхать. Волковскіе ужасно перетревожились, но больная ихъ усложила и послала ихъ отдыхать, а при себѣ велѣла остаться только одной своей камермедикѣ, и, говорятъ, ранѣе обыкновеннаго пожелала лечь въ постель и скоро залочивала. Начиная уже разсвѣтать когда дежурившая въ сосѣдней комнатѣ вздумала потихоньку войти въ спальную чтобы посмотрѣть что тамъ дѣлается, и подошедши къ постели нашла такую перемѣну въ лицѣ императрицы что тотчасъ послѣдняя послала за лейбъ-медикомъ и Волковскими; едва они успѣли войти въ комнату, какъ государыня тихо и едва примѣтно испустила послѣднее дыханіе въ ночь съ 3го на 4е мая. Тотчасъ послали эстафету къ Маріи Теодоровнѣ, которая между тѣмъ уже выѣхала изъ Калуги и направлялась къ Бѣлеву. Это печальное извѣстіе настигло ее, кажется, въ Перемышлѣ, верстахъ въ тридцати за Калугой. Можно себѣ представить ея пораженіе и печаль. Такъ, послѣ кончины государя Александра Павловича его вдова не прожила и полугода. Императрица Марія, пробывъ недолгое время въ Бѣлевѣ, поѣхала въ Москву, гдѣ находилась тогда меньшая ея невѣстка, великая княгиня Елена Павловна, бывшая въ тягости и со дня на день ожидавшая разрѣшенія; въ половинѣ мая она родила дочь, которую въ память новопреставленной императрицы и назвали Елизаветою. Искренняя участница всѣхъ скорбей и радостей своей царственной семьи, императрица опять отправилась изъ Москвы встрѣчать тѣло въ Бозѣ почившей государыни. Повелѣно было преосвященному Филарету сдѣлать встрѣчу на границѣ Московской губерніи, и онъ для этого ѣздилъ въ Можайскъ, гдѣ тѣло было внесено въ соборный храмъ; на утро въ присутствіи императрицы Маріи Филаретомъ совершена литургія и сказано прекрасное надгробное слово, довольно краткое, но помнится мнѣ, хорошо и вѣрно изображившее добродѣтельную праведную жизнь благочестивой государыни.

Тѣло везли на Москву тѣмъ же олять порядкомъ и на той же печальной колесницѣ какъ и государя, и такъ же встрѣчали и провожали.

Недѣли поторы спустя послѣ этого печальнаго торжества императрица Марія принимала отъ святой купели внучку свою великую княжну Елизавету Михайловну въ Чудовомъ монастырѣ, и по сему случаю преосвященнымъ Филаретомъ тамъ были произнесены два прѣвѣтственные краткія слова, которыя были напечатаны въ то время въ *Московскіихъ Вѣдомостяхъ*.

Не помню гдѣ великая княгиня родила дочь, но потомъ она жила въ Кусковѣ и до коронаціи въ Петербургъ уже не возвращалась, а императрица Марія Ѳеодоровна имѣла пребываніе въ домѣ графа Разумовскаго на Гороховомъ полѣ. Въ послѣдствіи великій князь Михаилъ Павловичъ купилъ домъ бывшій графа Головина * на Остоженкѣ, и послѣ того онъ и великая княгиня въ свои прѣзды въ Москву тамъ уже обыкновенно и пребывали; но это было послѣ первой холеры, кажется, если не ошибаюсь, въ 1831 году.

VII.

Вслѣдъ за государемъ Александромъ Павловичемъ стали умирать одиѣ за другимъ люди пользовавшіеся его благо-расположеніемъ и не дождавшіеся свѣтлыхъ празднествъ новаго царствованія, все люди замѣчательные, вѣрой и правдой послужившіе государю и потрудившіеся для отечества.

Прежде всѣхъ умеръ графъ Румянцевъ, сынъ извѣстнаго Румянцева-Задунайскаго. Онъ былъ женатъ, великій любитель и собиратель древностей, рукописей и вообще разныхъ рѣдкостей и диковинокъ. Въ Москвѣ онъ живалъ не лодолгу, служилъ при дворѣ, былъ канцлеромъ до 1812 года и все больше жилъ въ Петербургѣ; но мнѣ не разъ случалось видать его на большихъ балахъ,—очень благообразный и представительный вельможа. Подъ конецъ, говорятъ, совсемъ оглохъ и живѣ уже разрушался. Румянцевскій домъ былъ на Покровкѣ, и тамъ во многихъ комнатахъ на потолкахъ были расованныя и барельефныя изображенія баталій гдѣ участвовалъ Задунайскій. Потомъ этотъ домъ купилъ какой-то купецъ и конечно соскоблалъ и счистилъ всѣ эти славныя воспоминанія, а вмѣсто нихъ, пожалуй, велѣлъ намалевать разныя цацы и по пряничному разукрасилъ стѣны.

* Нынѣ на этой мѣстности Лицей Цесаревича Николая.

Потомъ умеръ другой графъ—коротко знакомый намъ, жителямъ Москвы, бывшій нашъ генералъ-губернаторъ, графъ Федоръ Васильевичъ Растролчинъ. Я про него хотя кой-что и разказывала, но многого не пришлось досказать. Чтò тамъ ни говори про его дѣйствія во время Французовъ въ Москвѣ, но Москва многимъ ему обязана, а главное тѣмъ что онъ поджегъ ее, чѣмъ совершенно стубилъ Бонапарта и его скопища, иначе бы мы отъ хищника и не избавились. Онъ не пожалѣлъ и собственнаго достоянiя и прекрасный свой домъ въ Ворововѣ также поджегъ чтобъ онъ не достался въ добычу врагамъ. Въ 1814 году онъ былъ смѣненъ какъ главнокомандующій Москвы, и на мѣсто его поступилъ Тормазовъ, а онъ сдѣлавъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣ выхода непрiятеля изъ Москвы, онъ, какъ слышно было, остался не совсѣмъ доволенъ что его заслуги и пожертвованiя были приняты холодно и мало оцѣнены. У него осталась на сердцѣ завоза, и онъ съ тѣхъ поръ не служилъ, а только числился на службѣ и подолгу жила въ границѣ. Можно упрекнуть его въ двухъ только случаяхъ: во-первыхъ, зачѣмъ онъ позволилъ неустовой черни растерзать Верещагина ни въ чемъ, говорятъ, невиннаго (если это такъ и онъ зналъ это, то отдастъ онъ отвѣтъ Богу), а во-вторыхъ, за малодушiе что написалъ книгу—*Правду о пожарѣ Москвы*, въ которой оправдывается отъ обвиненiя что онъ поджегъ Москву. Эта книжка была сперва напечатана на французскомъ языкѣ и послѣ того переведена на русскiй, и тогда говорили что настоящее ея заглавiе—*неправда о пожарѣ Москвы*. Извиняться предъ врагомъ не слѣдовало: говори чтò хочешь, нечего объ этомъ заботиться если совѣсть не коритъ. А что онъ придумалъ и поощрилъ поджечь Москву, въ этомъ всѣ мы были и остались увѣрены, что онъ тамъ ни лишн. Домъ его былъ на Лубянкѣ, рядомъ съ домомъ принадлежавшимъ, говорятъ, князю Пожарскому. Послѣ взятiя Парижа нашими войсками въ 1814 году Растролчинъ дѣлалъ для Москвы у себя большой праздникъ, и кажется это было послѣднимъ блестящимъ угощенiемъ въ жизни этого человека, достойнаго лучшей участи, испытывающаго много превратностей, и величiя, и прискорбiй. Переставъ быть начальникомъ Москвы онъ уѣхалъ въ чужiе края и по возвращенiю своемъ жилъ опять въ Москвѣ. Но люди лебезившiе предъ нимъ во дни его правленiя мало о немъ по-

мвдла: онъ жилъ довольно удивленно, можетъ-быть и потому что былъ не всегда сдержанъ въ разговорахъ и сужденіяхъ, и вообще слылъ за человѣка недовольнаго, раздраженнаго и желчнаго. Жена его, племянница екатерининской камеръ-фрейлины Протасовой, вмѣстѣ съ теткой получившая графство, была ревностная католичка: одну изъ дочерей своихъ пристроивъ за французскаго графа Сегюра, хотѣла было и меньшую, двѣциу лѣтъ семнадцати или восемнадцати, обратить въ латинство, но двѣциа не поддавалась. Она была собой очень хороша и умерла отъ чахотки въ первой молодости, и какъ ее ни преслѣдовала мать своими уговариваніями, умерла въ православіи. Тогда много толковали о томъ какъ графиня втихомолку отъ мужа тарантила около больной со своими абатами, но къ счастью не успѣла въ своихъ интригахъ.

Не знаю былъ ли графъ Федоръ Васильевичъ особенно богомольецъ и набоженъ, но онъ былъ приверженъ ко всему русскому и скончался въ духѣ православія какъ хорошій и настоящій христіанинъ. Онъ запретилъ хоронить себя съ пышностію и завѣщалъ чтобы тѣло отлѣвлялъ только одинъ приходскій священникъ. что и было исполнено: его отлѣвлялъ священникъ церкви Введенія, на Лубянкѣ, а схоронилъ на Пятацкомъ кладбищѣ.*

Третье лицо, вскорѣ послѣ императора Александра Павловича за нимъ послѣдовавшее, былъ извѣстный историкъ Карамзинъ. Не будучи ни знатнымъ, ни чиновнымъ, онъ пользовался особымъ благоволеніемъ покойнаго государя и обѣихъ императрицъ, которыя были съ нимъ въ постоянной перепискѣ и очень его любили. Его здоровье давно уже начинало слабѣть отъ многолѣтнихъ трудовъ и продолжительныхъ занятій; онъ прихварывалъ, но скоро потомъ оправлялся; лѣтъ ему было еще немного—шестьдесятъ съ чѣмъ-нибудь. Въ началѣ декабря мѣсяца, стало-быть въ скорости послѣ полученія въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ государя, онъ по обыкновенію своему отправился во дворецъ къ императрицѣ, долго тамъ пробылъ, говорилъ много съ жаромъ и одушевленіемъ, и по возвращеніи домой былъ въ лихора-

* Домъ графа Растопчина, купленный въ послѣдствіи графомъ Орловымъ-Денисовымъ, принадлежалъ послѣднему и его сыну болѣе лятнадцати лѣтъ; послѣ того былъ купленъ Шиповымъ и совершенно утратилъ прежній свой видъ.

дочномъ состояніи, и это отозвалось на его здоровьѣ. Потомъ онъ простудился въ день смуты, 14го декабря, потому что отправился на площадь, гдѣ находился государь, и послѣ того до вечера пробылъ во дворцѣ. Въ началѣ января онъ заболѣлъ, а въ первыхъ числахъ февраля дошли до насъ слухи въ Москву что Карамзинъ смертельно занемогъ, что у него воспаленіе, что его жизнь въ опасости. Недѣли черезъ двѣ или три сказываютъ что ему стало легче, но что онъ кашляетъ, что опасаются чахотки и потому совѣтуютъ ему ѣхать съ наступленіемъ весны въ Италію. Тутъ онъ рѣшился просить себѣ у новаго государя мѣста для службы при италіянскомъ дворѣ, но государь вмѣсто этого приказалъ выдать ему значительную сумму денегъ и снарядить для него особый фрегатъ для путешествія водою. Всѣ были въ восхищеніи отъ такой внимательности и милости государя къ русскому историку, для котораго, кромѣ того, велѣно было еще отвести помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ, чтобы большой до своего отъѣзда могъ дышать лучшимъ воздухомъ чѣмъ въ спертыхъ улицахъ города.

Императрица Марія Теодоровна, собираясь къ намъ въ Москву и потомъ на встрѣчу къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, нечаянно пріѣхала къ Карамзину чтобы съ нимъ проститься, и очень его этимъ порадовала. Но вскорѣ послѣ того ему стало опять хуже. Она посылала къ нему своего лейбъ-медика (не помню фамиліи), и онъ очень ее огорчилъ сказавъ ей что Карамзинъ въ безнадежномъ положеніи, что у него чахотка и что ѣхать ему въ чужіе края не придется. Въ маѣ стало ему еще хуже, пришло извѣстіе о кончинѣ императрицы въ Бѣлевѣ, и это ускорило его смерть, онъ умеръ въ послѣднихъ дняхъ мая мѣсяца. Государь ѣздилъ къ его грѣбу, и очень плакалъ. Тяжелы были для Россіи 25 и 26 годъ, велики были для нея потери и потрясенія; многія семейства оплакали близкихъ умершихъ и живыхъ локобниковъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ.

VIII.

Заговоръ 14 декабря слышкомъ всѣмъ извѣстенъ и распространяться о немъ мнѣ нѣтъ нужды, но объ нѣкоторыхъ лицахъ въ немъ замѣшанныхъ могу и я, можетъ статься, сказать что нибудь нигдѣ не напечатанное: въ числѣ ихъ

были къ несчастію и мои родственники, родственники моихъ родныхъ и люди знакомые мнѣ и близкіе.

Давно заваривалась эта каша въ разныхъ концахъ Россіи: въ Крыму, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ. Еще въ бытность мою въ Петербургѣ въ 1822 году доходили до меня смутные слухи что есть какія-то *тайныя общества* и что они трактуютъ о разныхъ перемѣнахъ въ Россіи, и признаюсь, какъ многіе, считала и я все это глупою выдумкой и пустыми сплетнями. Тогда не обратили на это должнаго вниманія, дали деревцу разростись въ дерево и пустить глубокіе корни, такъ что подъ конецъ пришлось вступать въ борьбу съ легиономъ злоумышленниковъ. Буря разразилась при восшествіи на престолъ новаго государя: начались слѣдствія, составлена слѣдственная верховная коммиссія, которая разбирала вины мятежниковъ, и были онѣ раздѣлены на сколько-то классовъ. Довесеніе коммиссіи было потомъ напечатано какъ и списокъ лицъ виновныхъ; мнѣ добыли и то и другое.

Самыми главными коноводами были Пестель, Каховскій, Рыльцевъ, Муравьевъ - Алостоль и Бестужевъ-Рюминъ: ихъ всѣхъ повѣсили предъ Петропавловскою крѣпостью іюля 13 дня 1826 года. Въ день казни, государя въ Петербургѣ не было, онъ заранѣе уѣхалъ въ Царское Село. Онъ хотѣлъ было, говорятъ, помиловать отъ смертной казни и этихъ защитниковъ, какъ онъ сдѣлалъ въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ мятежниковъ, но люди приближенные, а кто говоритъ что и самъ митрополитъ Серафимъ и другіе члены Святейшаго Синода, прослышавъ о намѣреніяхъ государя, возстали противъ монаршаго милосердія и уговорили его показать примѣръ строгости надъ главными возмутителями, и государь послушался ихъ совѣтовъ. Для всѣхъ прочихъ государь смягчилъ приговоры Верховной Коммиссіи, и хотя нѣкоторые были обречены на казнь, ихъ только сослалъ, осужденнымъ на ссылку убавилъ число лѣтъ пребыванія въ Сибири и сдѣлалъ всѣмъ облегченія.

Отецъ Пестеля былъ при императорѣ Александрѣ гдѣ-то въ Сибири губернаторомъ, вслѣдствіе беспорядковъ по управленію и за начеты на него былъ удаленъ изъ службы и жилъ у себя въ деревнѣ въ великой скудости. Послѣ казни его сына, государь, узнавъ что старикъ въ нуждѣ, велѣлъ дать ему аренду и послалъ пятьдесятъ тысячъ деньгами, а меньшаго сына, брата повѣшеннаго, взялъ къ себѣ во фла-

гелъ - адъютанты. Это было въ то время разказываемо съ восхищеніемъ, и всѣ приходили въ умиленіе отъ царскаго великодушія и милосердія.

Кто былъ Рылѣвъ, сынъ ли или родственникъ бывшаго при императрицѣ Екатерины II петербургскаго губернатора или убитаго въ 1812 году генерала, и на комъ онъ былъ женатъ, — не имѣю понятія; знаю только что у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше. Вдова его отъ горя что мужа казнили тронулась въ умѣ. Государь узналъ объ этомъ; посылалъ навѣдываться объ ней, хотѣлъ взять ее на свое поличеніе, во всемъ обезлечить, велѣлъ ей сказать что онъ беретъ подъ непосредственное свое попечительство ея дѣтей и позаботится объ ихъ судьбѣ, и велѣлъ узнать не имѣетъ ли она какихъ нуждъ. Но она, раздраженная горемъ, какъ разказывали, отвергла милостивую заботливость государя и ничего не захотѣла принять ни для себя, ни для дѣтей.

Кромѣ Муравьева - Апостола котораго повѣсили (Сергѣя Ивановича) и двухъ его братьевъ, были замѣшаны еще дѣти Михаила Никитича Муравьева (не Апостола), женатаго на Екатерины Федоровны Колокольцовой. И мужъ и жена были люди весьма достойные и уважаемые, Муравьевъ-отецъ былъ нѣкоторое время попечителемъ Московскаго Университета, потомъ завѣдывалъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и былъ сенаторомъ; онъ умеръ до Двѣнадцатаго Гола, оставивъ вдову еще довольно молодыхъ лѣтъ.

Она посвятила себя воспитанію двухъ мальчиковъ, жила только для нихъ и полагала въ нихъ все свое счастье. Старшій Никита былъ очень уменъ, честолюбивъ, предприимчивъ и смѣлъ, но благороденъ. Онъ учился успѣшно, служилъ хорошо и женился на прекрасной собой, знатной и богатой графинѣ Чернышевой, дочери графа Григорія Ивановича (двоюроднаго брата княгини Натальи Петровны Голицыной). Братъ этой молодой Муравьевой, Захаръ Григорьевичъ, единственный сынъ у отца (имѣвшаго нѣсколько дочерей) былъ тоже замѣшанъ въ декабрскій мятежъ и вмѣстѣ съ Муравьевыми и другими сосланъ въ Сибирь. Родная тетка Никиты Муравьева была за Лунынымъ (роднымъ братомъ Александра Михайловича), и ея сынъ, двоюродный братъ Муравьевыхъ, тоже попалъ въ этотъ омутъ и былъ сосланъ. Когда графъ Григорій Чернышевъ

умеръ и фамилія его въ мужскомъ родѣ пресѣклась (сынъ его Захаръ, будучи сосланъ, лишень былъ и графства), то старшая изъ дочерей Чернышева вышедшая замужъ за Кругликова приняла титулъ и фамилію отца и составила новая отрасль Чернышевыхъ-Кругликовыхъ.

Несчастливая мать двухъ Муравьевыхъ была въ великой горести, и въ продолженіе свидѣствія и заключенія сыновей постарѣла на десятокъ лѣтъ; она обращалась къ кому могла и просила ходатайствовать. Кажется что княгиня Наталья Петровна Голицына, близкая къ императрицѣ Маріи и уважаемая новымъ государемъ и императрицею, содѣйствовала помилванію отъ смертной казни ея племянника Чернышева и Муравьевыхъ; можетъ статься что просила и за другихъ. Жена Никиты Муравьева не захотѣла его оставить и послѣдовала за нимъ въ ссылку, гдѣ она и умерла въ началѣ 1830 годовъ, а лѣтъ чрезъ десять спустя умеръ и онъ. Тамъ въ Сибири родилась у нихъ дочь которую по смерти отца привезли къ бабушкѣ Екатериѣ Ѳеодоровнѣ, и она должна была нянчиться со внукою на старости лѣтъ.

Много было молодыхъ людей изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ фамилій замѣшано въ эту смуту. Имена нѣкоторыхъ я помню: князь Волковскій, князь Щелинъ-Ростовскій, князь Одоевскій, князь Оболенскій, князь Трубецкой, князь Голицынъ, графъ Кововницынъ, баронъ Розень, графъ Чернышевъ и многіе другіе.

Князь Оболенскій, Евгенийъ Петровичъ (сынъ князя Петра Николаевича женатаго на Кашкиной), родной племянникъ нашего сосѣда, Храбровскаго князя Алексія Николаевича, принималъ участіе въ мятежѣ 14 декабря какъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ; онъ былъ сперва осужденъ на смертную казнь, но государь смягчилъ приговоръ, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Родная тетка этого Оболенскаго, дѣвица Кашкина, была фрейлиною при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а отецъ ея (у котораго было много дѣтей, человекъ десять или двѣнадцать) былъ нѣкоторое время генералъ-губернаторомъ у насъ въ Калугѣ уже послѣ моего замужества, и батюшка былъ съ нимъ знакомъ и въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ губернаторствовалъ не долго, года два, три, и умеръ лѣтъ шестидесяти или даже моложе. Я слышала что въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, когда страшась бѣды надъ Мировичемъ и

онъ былъ отданъ подъ судъ, то свидѣніе по этому дѣлу было поручено произвести Кашкину—и чрезъ это ему послѣ того очень повезло, такъ что онъ не имѣя еще сорока лѣтъ и до своего губернаторства въ Калугѣ былъ уже генералъ-губернаторомъ въ другихъ губерніяхъ и въ послѣднее время имѣлъ Александровскую ленту.

Родной племянникъ моей невѣстки Марьи Петровны, Римской-Корсаковой, сынъ ея сестры Елены Петровны бывшей за Сергѣемъ Васильевичемъ Толстымъ, Владиміръ Сергѣевичъ тоже былъ въ числѣ замѣшанныхъ въ заговоръ, и хотя онъ былъ не изъ главныхъ зачинщиковъ, однако не миновалъ ссылки. Елены Петровны не было уже въ живыхъ, но Сергѣй Васильевичъ былъ еще живъ, и для отца это было большое горе. Очень хлопотали тогда чтобы выручить молодого человѣка, которому и двадцати лѣтъ еще не было; кого-кого ни просили, отстоять не могли.

По родству съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ просили и его принять участіе и похлопотать за правнука. Старый вельможа, начавшій службу еще при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ Семилѣтнюю войну (въ которой участвовалъ и батюшка), вѣрою и правдою служившій Екатеринѣ, Павлу и Александру, сперва и слышать не хотѣлъ о томъ чтобы просить за виновныхъ: „Кто противится своему государю, за того я не челобитчикъ; нечего и жалѣть этихъ крамольниковъ, подѣломъ вору и мука.“ Потомъ его кажется склонили просить за Толстаго, но однако безъ успѣха.

И мой родной племянникъ, князь Александръ Вяземскій, запутался въ этомъ дѣлѣ, и можетъ статься ему пришлось бы очень худо, ежели бы не ходатайствовалъ за него старшій братъ князь Андрей, который не только не участвовалъ въ заговорѣ, но доказалъ свою вѣрность государю во время смуты 14 декабря бывъ на площади и охраняя государя и наследника. Онъ просилъ за брата, и его просьбу уважили; однако князя Александра перевели въ армию тѣмъ же чиномъ и запретили ему на вѣкоторое время вѣзды въ столицу. Отецъ очень на него сердился, на первыхъ порахъ видѣть не хотѣлъ и лишилъ было наследства, но братъ, скрывъ завѣщаніе отца, раздѣлилъ съ нимъ пополамъ отцовское имѣніе. Во время Турецкой кампаніи князь Александръ участвовалъ въ походѣ, былъ подъ Адрианополемъ и тѣмъ

немного загладилъ свой безумный постулокъ; но онъ всегда рѣзко и язвительно отзывался про государя и государыню, конечно не при мнѣ и не у меня въ домѣ, а то я бы и принимать его перестала.

Былъ у меня еще одинъ родственникъ, мужъ одной изъ моихъ племянницъ, который просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ крѣпости, и такъ какъ онъ носилъ фонтанель чтобъ оттягивать приливы крови отъ головы, а въ крѣпости съ этимъ возиться ему, конечно, было нельзя, то онъ вскорѣ послѣ того и ослѣлъ, и умеръ много лѣтъ спустя, и ни одного изъ своихъ дѣтей, кромѣ старшаго ребенка родившагося въ 1824 году, ему не пришлось видѣть. По выходѣ изъ крѣпости онъ долженъ былъ прожить безвыходно десять лѣтъ въ деревнѣ, не смѣя выѣзжать ни въ одну изъ столицъ. Послѣ 1836 года онъ жила въ семействѣ въ Москвѣ по зимамъ, но въ Петербургъ не ѣздилъ. Старшій его братъ, болѣе его замѣшанный, выпутался какъ-то изъ бѣды, и не только что вышелъ сухъ изъ воды, но послѣ того служилъ, былъ въ генеральскомъ чинѣ, имѣлъ ленты и умеръ, кажется, будучи сенаторомъ и на весьма хорошемъ счету у правительства, потому что его посылали ревизовать губерніи.

Не умѣю теперь назвать кто изъ замѣшанныхъ въ заговоръ года за два или за три до того былъ въ Саровской пустынѣ, гдѣ тогда жилъ прославившійся своею святою жизнью старецъ отецъ Серафимъ. Только вотъ какъ было дѣло два брата пріѣхали въ Саровъ и пошли къ старцу (думается мнѣ что это были два брата Волковскихъ); онъ одного изъ нихъ принялъ и благословилъ, а другому и подойти къ себѣ не далъ, замахалъ руками и прогналъ. А брату его про него сказалъ „что онъ замышляетъ недоброе, что смуты не окончатся хорошимъ и что много будетъ пролито слезъ и крови,“ и совѣтовалъ образумиться вовремя. И точно, тотъ изъ двухъ братьевъ котораго онъ прогналъ—попалъ въ бѣду и былъ сосланъ.

Была въ Москвѣ одна очень богатая женщина, Анна Ивановна Аппенкова. Она имѣла сына попавшаго въ заговоръ, за что онъ и былъ приговоренъ къ ссылкѣ. Ему нравилась одна Француженка; кто она была—двѣточница ли, торговка ли какая или гувернантка—порядкомъ не знаю, но только не важная личица, впрочемъ державшая себя хорошо и честно.

Когда она узнала что Анненкова ссылають, она явилась и говорить его матери: „Вашъ сынъ меня любитъ и я раздѣляю его привязанность; выдти за него замужъ при прежнихъ его обстоятельствахъ я не рѣшилась бы, потому что чувствую великую разницу его и моего положенія; но теперь, когда онъ несчастливъ и назначенъ въ ссылку, я его не брошу, послѣдую за нимъ, и ежели вы намъ дадите ваше благословеніе, я буду его женой.“ Анненкова была очень тронута такимъ благороднымъ поступкомъ, обняла эту молодую дѣвушку и сказала ей что какъ ни горько ей терять сына, но она спокойнѣе отпуститъ его зная что онъ будетъ имѣть при себѣ жену, такую достойную, благородную и любящую женщину. Отъ этого брака у Анненкова были двѣ ли три ли внучки, которыя воспитывались у бабушки, жившей на Самотекѣ, на Садовой въ своемъ домѣ.

У этой Анненковой жила при ея внучкахъ Варвара Аванасьевна Дохтурова, дочь родной сестры дядюшки графа Степана Федоровича Толстаго. Это было въ 1836 или 1837 году. Мужъ Варвары Федоровны былъ генералъ и богатый человекъ, но большой игрокъ, который проигралъ все что имѣлъ, такъ что послѣ его смерти бѣдная его жена и двѣ дочери остались ни при чемъ. Старушка въ скорости умерла, а дочери—Марья Аванасьевна и Варвара Аванасьевна принуждены были жить въ людяхъ. Старшая Марья, большая мастерица въ живописи и рисованьи, жила у хорошей моей знакомой Настасьи Владиміровны Бееръ (урожденной Ржевской), двоюродной сестры тетюшки Марьи Степановны Татищевой (по себѣ тоже Ржевской), а Варвара Аванасьевна у Анненковой и получала по двѣ тысячи ассигнаціями въ годъ жалованья; потомъ у нея сдѣлалась водянка, и она умерла въ 38 или 39 году.

Эта Дохтурова много разказывала про удивительныя странности и причуды старухи Анненковой. Такъ, напримѣръ, она спала не на перьяхъ, не на луховикѣ или матрасѣ, а на *капоткахъ*.

— Какъ это на *капоткахъ*? спрашиваю я.

— Да такъ, ей постилають каждый вечеръ на кровать ваточные шелковые капоты, которыхъ у ней было болѣе двухъ десятковъ, и, пославъ одивъ, его разглаживаютъ утюгомъ, потомъ стелють другой, третій и сколько понадобится, и каждый разглаживаютъ чтобы не было ни одной складки; и ло-

славъ простыню глядеть олять утюгамъ, чтобы постель нагрѣлась и не остыла. Если старуха ляжетъ и почувствуетъ гдѣ-нибудь складку, зоветъ горничныхъ, всѣ калоты съ постели долой и олять сызнова начинается стилка и глаженье.

Она любила чтобы у ней было много живущихъ въ домѣ, и когда случалось что двѣ или три изъ приживалокъ и компаніонокъ почему-нибудь не обѣдаютъ за столомъ, она сердилась: „Куда же это всѣ разошлись и за столомъ сегодня такъ мало?“

У нея была одна пожилая и толстая Нѣмка, которой вся обязанность только въ томъ и состояла чтобы нагрѣвать то кресло на которомъ сидѣла обыкновенно Анненкова, и потому за полчаса до ея выхода изъ спальни Нѣмка придетъ и сядетъ на ея мѣсто и уступаетъ когда та придетъ.

И много разныхъ другихъ причудъ и странностей имѣла она. Если кто похвалитъ что-нибудь изъ ея вещей, тотчасъ приступить непрѣменно: возьми, и не отстанетъ пока не принудитъ взять. Зная эту ея слабость многіе изъ окружавшихъ ее тѣмъ пользовались и умышленно хвалили что имъ нравилось выпрашивали желаемое.

IX.

Въ этомъ же 1826 году, апрѣля 20го, я лишилась сестры своей, монахини Зачатіевскаго монастыря, матери Анастасіи. Она всегда говаривала что желала бы предъ смертію нѣсколько деньковъ поболѣть, успѣть исполнить долгъ христіанскій и такъ умереть. По ея желанію Господь послалъ ей и кончину. Еще на шестой недѣлѣ стала она себя плохо чувствовать и говорила мнѣ:

— Ну, сестра, скоро мы съ тобой разстанемся, я не долго живу, чувствую что приходитъ мое послѣднее время.

— Да что же ты чувствуешь? долпрашивала я ее.— Пошлемъ за докоромъ...

— Нѣтъ, милая моя, не нужно, особеннаго я ничего не чувствую, а знаю что скоро умру.

Это меня очень тревожило; я очень ее любила. Она черезъ силу все еще ходила въ церковь. Я каждый день съ нею видалась.

Въ великій пятокъ она до того ослабѣла что въ церковь не могла уже идти, но перемогалась, чувствуя себя очень не

хорошо, и все еще надѣялась что отдохнувъ на слѣдующій день она будетъ въ силахъ выстоять продолжительную заутреню подъ Пасху. Я ей не противорѣчила чтобъ ее не огорчить, но видѣла что не въ церкви, а въ постели придется ей встрѣчать этотъ свѣтлый праздникъ, что и случилось... Тутъ я невольно вспомнила что она мнѣ за годъ предъ тѣмъ говорила въ Пасху:

— Знаешь ли, сестра, мнѣ почему-то кажется что я въ послѣдній разъ встрѣтила Пасху въ церкви; вѣрно я не доживу до слѣдующаго года.

Предчувствіе ея сбылось: она дожила, но въ церкви не могла уже быть.

Пасха была 18го апрѣля, а во вторникъ 20го числа сестра скончалась на пятьдесятъ первомъ году отъ рожденія. Она можетъ статься скончалась бы и въ поведѣльникъ, но монахини не дали ей умереть покойно и на цѣлыя сутки продали ея муки. Когда я пришла къ ней въ поведѣльникъ послѣ обѣда, она уже совсѣмъ кончалась, вдругъ монахини притащили къ постели рогожу и разстлали на полу.

— Что это такое? спрашиваю я.— „Это для матушки, говорятъ онѣ,—она кончается, такъ слѣдуетъ помереть на *рогожинѣ*.“

Я не вытерпѣла и ушла въ другую комнату, а онѣ взяли больную и стащили на полъ на рогожу.

Она было позабылась, вдругъ ее берутъ и кладутъ на полъ,—каково это?

Можетъ статься по ихнему по монашескому такъ это и должно быть, но признаюсь близкому человѣку видѣть это очень тяжело. Бѣдная сестра стала бредить, отъ искуса сдѣлались у ней корчи, и она при всемъ своемъ смиреніи и кротости начала роптать, можетъ-быть и въ бреду. Я не могла равнодушно смотрѣть на нее въ такомъ положеніи, простилась съ нею, горько заплакала и отправилась домой, а она еще всю ночь протрадала и скончалась къ утру. Отлѣвали ее въ латвицу, и такъ какъ это было на Святой недѣлѣ, то лѣвали *Христосъ воскресъ*, а мы всѣ родные находившіеся на погребеніи были въ бѣломъ, и не похоже было на похороны.

Схоронить ее мы рѣшили въ Давидовъ монастырѣ, такъ какъ тамъ были уже схоронены нѣкоторые изъ нашихъ Римскихъ-Корсаковыхъ: тетюшка Марья Семеновна, дядюшка Александръ Васильевичъ и другіе, а въ послѣдствіи тамъ

положили и брата Николая Александровича, и его сестру Елизавету Александровну Ржевскую.

Тамъ была сxorовена и няня покойной сестры, Вѣра Дементьевна, которую она очень любила, и потому рядомъ съ нею положили и сестру. Эта потеря для меня была очень чувствительна, и я долгое время тосковала, а потому не хотѣлось мнѣ посмотрѣть ни на какое торжество изъ бывшихъ въ августѣ по случаю коронаціи.

X.

О коронаціи государя Николая Павловича начинали было поговаривать еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и думали совершить ее въ юнѣ, но когда пришло въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, велѣно было прекратить всѣ приготовления къ коронованію и было оно отложено до августа мѣсяца, причемъ снова наложенъ глубокій трауръ на полгода, но потомъ по случаю коронаціи онъ былъ сокращенъ. Въ юлѣ мѣсяцѣ, когда окончился судъ надъ заговорщиками и самыхъ главныхъ преступниковъ казнили, то чтобы скорѣе изгладить грустное и тяжелое впечатлѣніе, которое это на всѣхъ произвело, и чтобы положить конецъ разнымъ глупымъ и злоумышленнымъ толкамъ на счетъ того *кто* будетъ государемъ, сочли нужнымъ послѣдствовать коронованіемъ, и у насъ въ Москвѣ начались въ Кремлѣ приготовления для этого торжества.

Въ ту пору были еще люди которые помнили коронацію императрицы Екатерины (а Павловскую и Александровскую я и сама помнила) и говорили что такой торжественности и пышности при прежнихъ не было.

Дворъ прибылъ въ Москву около 20 юля, а государь и государыня, какъ это издавна вошло въ обычай, по приѣздѣ съ дороги имѣли сперва пребываніе въ Петровскомъ дворцѣ, и только чрезъ нѣсколько дней торжественно въ золотыхъ каретахъ въѣхали въ Москву. Императрица ѣхала съ великимъ княземъ наследникомъ въ каретѣ, а государь императоръ верхомъ, съ нимъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ императрицы прусскій принцъ и большая свита. Послы отъ иностранныхъ дворовъ имѣли также въ этотъ день торжественный въѣздъ; по обѣимъ сторонамъ по

пути были выстроены войска и гдѣ можно были устроены подмостки и мѣста для зрителей, чего въ прежнія коронаціи кажется не бывало.

За нѣсколько дней до самаго торжества по улицамъ начали разѣзжать герольды въ своихъ богатыхъ нарядахъ, останавливались на площадяхъ, на перекресткахъ, трубили въ трубы, читали повѣстку и раздавали печатныя объявленія о днѣ коронованія. Сперва хотѣли совершить его августа 15го, въ Успеневъ день, но потомъ отложили на недѣлю; разочли что это и безъ того большой праздникъ и розговѣнье и что потому неудобно,—назначили на 22 число.

Еще поджидали пріѣзда великаго князя Константина Павловича; онъ прибылъ наканунѣ Успенія, никого не предупредивъ о днѣ пріѣзда, и это вышло неожиданно. Во время царскихъ пріѣздовъ Кремль съ локовъ вѣка всегда кишитъ народомъ, всѣ надѣются не выйдетъ ли государь; вотъ Николай Павловичъ и вышелъ на балконъ съ двумя братьями, Константинъ направо, Михаилъ налево, народъ закричалъ ура и кричалъ такъ громко и такъ долго что молодая императрица, сказываютъ, перетревожилась; свѣжи были еще въ ея памяти происшествія декабря мѣсяца въ Петербургѣ.

При первомъ свиданіи цесаревича съ братомъ которому онъ уступалъ престоль, когда тотъ хотѣлъ обнять его, онъ схватилъ руку его и поцѣловалъ какъ подданный у своего государя. Пріѣздъ Константина Павловича былъ очень нуженъ чтобы совсѣмъ разсвѣять лустячные толки будто бы меньшей братъ воцаряется безъ его вѣдома, а кто говорилъ— и вопреки его волѣ. Видя его съ государемъ увѣрились что лустяя рѣчи были слетнями людей любящихъ мутить народъ.

Погода установилась хорошая, и когда въ навечеріи коронованія заблаговѣстили ко всеобщему бдѣнію во всей Москвѣ во всѣ большіе колокола,—дружно и разомъ, вслѣдъ за Иваномъ-Великимъ,—отрадно было слушать, точно въ Светлое Христово Воскресеніе. Какъ ни грустно было у меня на душѣ, а тутъ и мнѣ стало весело: „Ну, слава Богу, думаю, дождался государева коронованья: дай Богъ много лѣтъ ему царствовать.“

Мои дѣвицы—Клеопатра и Авдотья Федоровна—промыслили себѣ билеты на мѣстахъ въ Кремлѣ, равеховько по утру поѣхали въ Кремль и такъ удачно успѣлись что могли видѣть всю церемонію шествія въ соборъ и обратно.

Главнымъ распорядителемъ при коронованіи, верховнымъ маршаломъ былъ назначенъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, а помощникомъ его былъ князь Александръ Михайловичъ Урусовъ. Короновали три митрополита: Серафимъ петербургскій, Евгеній кievскій и нашъ московскій Филаретъ, къ этому дню возведенный въ митрополиты.

Князю Андрею Вяземскому довелось все видѣть и въ соборѣ, и въ грановитой палатѣ, гдѣ была потомъ царская трапеза. Овъ стоялъ съ обнаженнымъ лашемъ у стулевокъ тронной площадки, на которой подъ балдахиномъ изволили кушать государь императоръ и государыни императрицы.

Много было въ этотъ день милостей и разныхъ пожалованій: новыхъ андреевскихъ кавалеровъ, статсъ-дамъ и пр.

Изъ нихъ нѣкоторые были мнѣ извѣстны лично: княгиня Татьяна Васильевна, жена князя Дмитрія Владиміровича, была пожалована статсъ-дамой, также графиня Марья Алексеевна Толстая, жена графа Петра Александровича и мать молодой Алраксией; еще Елизавета Петровна Глѣбова-Стрѣшневна, послѣдняя изъ того рода Стрѣшневыхъ изъ которыхъ была вторая жена царя Михаила Феодоровича. Старуха графиня Ливень, воспитательница великихъ князей дочерей императора Павла, пріятельница императрицы Маріи и сестры Катерины Александровны Архаровой, была переименована княгиней съ титуломъ свѣтлости, но въ этотъ ли день или послѣ—этого не знаю навѣрно. Андрея получили: братъ княгини Голицыной—Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ (бывшій потомъ княземъ), Сергій Ильичъ Мухановъ; который—то изъ двухъ старшихъ митрополитовъ, кажется кievскій. Были нѣсколько пожалованій деревнями и назначеніе новыхъ фрейлинъ. Ожидали что и Катерина Владиміровна Алраксина получить портретъ, но ее обошли, а получила она уже годъ спустя, когда была вдовою, и вскорѣ ее назначили ко двору великой княгини Елены Павловны. Съ самаго дня коронованія началась иллюминація города: Кремль, стѣны кругомъ, всѣ кремлевскіе сады, Иванъ Великій,—все это горѣло огнями; былъ особый даровой театръ, и пошла балы и праздники одинъ другаго лучше: при дворѣ, у главнокомандующаго, у графини Орловой, у князя Сергія Михайловича Голицына, у иностранныхъ пословъ, въ Останкинѣ у Шереметева (графъ тогда былъ еще молодъ, но олекувшей и по-

личительницей его была императрица Марія Теодоровна), и праздникъ въ Архангельскомъ у князя Юсулова—это говорить было выше и лучше всего что можно себѣ только вообразить. Кто-то на праздникъ тогда сказалъ: „князь Юсуловъ побился вѣрно объ закладъ что перецеголаеть покойнаго князя Потемкина“... Для народа былъ праздникъ на Девичьемъ полѣ и едва не окончился бѣдой. Какъ всегда, разставлены были столы съ разными яствами: цѣлые жареные быки съ золотыми рогами, бараны, фонтаны изъ разныхъ винъ, чаны лива, однимъ словомъ какъ это всегда водилось въ такихъ случаяхъ. Для высочайшихъ хозяевъ и для ихъ гостей былъ особый павильонъ. Всѣ они въ этотъ день (по Пречистенкѣ) мимо меня проѣхали, а я, сидя у окна, на всѣхъ наглядѣлась. Когда подавъ былъ знакъ и поднять флагъ, народъ кинулся на столы и мигомъ все растащили, осушили фонтаны и чаны съ ливомъ тоже не долго застоялись, — народу было болѣе ста тысячъ. Когда государь и государыни уѣхали, народъ кинулся обдирать павильонъ и началъ подмостки ломать: „Все ваше, сказано, все ваше, бери братцы!“ Сдѣлалась ужасная суматоха и давка, и конечно этимъ воспользовались фокусники и стали шарить по карманамъ, вырывали серги изъ ушей и сколькихъ-то чело-вѣкъ такъ стиснули что нашли мертвыми тѣла. Мои барышни едва цѣлы остались, ихъ толпа разлучила, и онѣ кой-какъ добрались до дома.

Былъ сожженъ чудный фейерверкъ, какихъ никто еще и не видывалъ, стоилъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ и было пушено разныхъ ракетокъ, бураковъ, шутихъ и что тамъ еще бываетъ—болѣе ста тысячъ штукъ, кромѣ богатѣйшихъ щитовъ и разныхъ вензелей.

Не вступило два мѣсяца пробылъ въ Москвѣ дворъ, и болѣе мѣсяца продолжались всякія торжества. Потомъ государь съ государыней ѣздили къ Преподобному Сергію, какъ это и прежде всегда бывало послѣ коронацій, потомъ стали всѣ разѣзжаться и Москва опять пріутихла.

Коронація прошла не безъ послѣдствій для жизни въ Москвѣ: ужасно вздорожали квартиры и жизненные припасы; сперва думали что это только временно и что потомъ на все будутъ прежнія цѣны, но хотя цѣны и поубавились когда стали всѣ изъ Москвы разѣзжаться, однако противъ прежняго все вздорожало въ полтора раза.

Кромѣ этого во всемъ стало замѣтно болѣе роскоши, въ отдѣлкѣ и убранствѣ домовъ, въ экипажахъ и въ нашихъ женскихъ туалетахъ, особенно въ балльныхъ. Въ нѣкоторыхъ знатныхъ дворянскихъ домахъ съ этого времени стали обѣдать поздне, такъ что наши поздне часы—два и три—оказались ранними, модные люди начали обѣдать часа въ четыре и даже въ пять.

ГЛАВА XIX (1827—1838).

I.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 26 числа, родился у меня внукъ Николай Посниковъ, близъ Галича, въ селѣ Гремячѣвѣ, гдѣ тогда жила Анночка со своимъ мужемъ въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ его матери. Новорожденнаго крестилъ его родной дядя Дмитрій Васильевичъ Посниковъ и Феодосья Елафродитовна Аламыкина; въ сентябрѣ, 28 числа, родилась у меня другой внукъ въ Москвѣ, у старшей дочери, первый ея ребенокъ, котораго назвали въ честь моего покойнаго мужа Димитріемъ. Грушенька нанимала тогда домъ на Плющихѣ, принадлежавшій Ломаковскому, чрезъ два или три дома отъ Смоленской Божіей Матери, но въ приходѣ на Бережкахъ. Восприемниками новорожденнаго были братъ князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій и я; окрестилъ младенца на дому нашъ духовникъ отецъ Лука, отъ Пятницы Божедомской.

Октября 25 того же года скоропостижно скончался зять мой Дмитрій Калиновичъ Благово, и это такъ поразило бѣдную Грушеньку, которая еще порядкомъ не оправилась послѣ родовъ, что она упала замертво и боялись чтобы молоко не кинулось въ голову и она отъ пораженья не помѣшалась бы въ умѣ. Этого, слава Богу, не случилось, а года два или болѣе она бѣдная не могла порядкомъ оправиться.

Домъ свой на Пречистенкѣ я продала за тридцать тысячъ ассигнаціями и стала себѣ приискывать другой въ той же мѣстности, гдѣ-нибудь около Пречистенки, и въ скорости нашла въ Штатномъ переулкѣ домъ для меня подходящий въ приходѣ у Троицы въ Зубовѣ. Домъ принад-

лежалъ какому-то господину Зуеву и мы сошлись въ дѣлѣ, заплатила я двадцать пять тысячъ ассигнаціями. Бойкое мѣсто на Пречистенкѣ мнѣ очень надоело отъ безпрестанной вѣзды, а тутъ былъ переулокъ малопровѣзкій, при домѣ былъ маленькій садикъ, и напротивъ, почти изъ воротъ въ ворота, домъ Катерины Сергѣевны Герардъ съ преобладающимъ и прекраснымъ садомъ, который тянулся по переулку противъ моего дома.

Катерину Сергѣевну Герардъ я знавала и прежде, а тутъ по близости и по сосѣдству мы познакомились короче и очень подружались. Ей было тогда лѣтъ сорокъ съ чѣмъ-нибудь, а ея мужу, Антону Ивановичу, генераль-майору въ отставкѣ, лѣтъ на десять или на пятнадцать побольше; и мужъ и жена оба были премилые, преумные и прелюбезные. Дѣтей у нихъ не было, они другъ друга любили и жили не то чтобы несогласно, а безпрестанно другъ другу все шпильки подлускали; ссорились, капризничали и мирялись. Мать Катерины Сергѣевны была Александра Ивановна Рѣлвинская (урожденная Кокоткина).

Кто былъ мужъ Александры Ивановны, Яковъ Рѣлвинскій, и какъ его звали по отчеству—достоверно сказать не умѣю, знаю только что онъ былъ генераль и что двое Рѣлвинскихъ—Федоръ Яковлевичъ и его братъ, кажется, Сергѣй Яковлевичъ,—оба служили съ моими братьями въ Семеновскомъ полку при императрицѣ Екатеринѣ и вышли въ отставку съ маленькимъ чиномъ. Одинъ изъ нихъ въ скоромъ времени умеръ, а Федоръ Яковлевичъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ. Онъ имѣлъ сына и четырехъ дочерей, изъ которыхъ Катерина, самая старшая, была за барономъ Иваномъ Петровичемъ Оффенбергомъ, а самая младшая—Анна Федоровна за Арцыбашевымъ. Она собою была очень хорошенькая и умерла оттого что ее укусила мужнина комнатная лягавая собака. Собака не взбѣсилась, а на молодую женщину это повліяло, она умерла отъ удущья съ признаками водобоязни и бѣшенства. Изъ двухъ другихъ дѣвицъ Рѣлвинскихъ—Елизавета вступила въ монастырь. *

* Она находилась въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, была пострижена подъ именемъ Ерміоніи и нѣкоторое время исправляла должность ризничей, но потомъ по болѣзни отказалась и жила въ келіи, сильно страдая отъ костоѣды въ ногѣ. Прежде она была

Когда я переѣхала въ свой новокулаенный домъ къ Троицѣ въ Зубово и познакомилась короче съ Герардами, племянника Катерины Сергѣевны уже не было въ живыхъ и она про него никогда не поминала, а слышала я отъ кого-то что она его воспитывала; будучи сама великою поклонницей митрополита Филарета, она и мальчика все къ нему возила и старалась настроить его такъ чтобъ онъ пошелъ въ монахи. Но онъ, кажется, на это плохо подавался и умеръ въ очень молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки. Такъ какъ все это было до моего короткаго знакомства съ Герардовою, то въ подробностяхъ этой исторіи разказать не могу. Говорили что она постами заморила племянника и онъ зачахъ.

Старшая племянница Екатерина Федоровна тоже все больше жила у тетки и частенько и съ нею и одна бывала у меня. Она была очень умная и милая дѣвушка, не красавица собою, но недурна и большая доточница и искусница на разныя рукодѣлія, а въ особености на все что касалось живописи и рисованія. Не могу припомнить въ которомъ именно году, но думаю что это было въ 1836 и 37, она вышла замужъ изъ дома тетки, которая очень ее любила и по ней тосковала.

Антонъ Ивановичъ Герардъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи завелъ сахарный заводъ и сталъ разводить свекловицу; съ нимъ въ компаніи были Бланкъ и Нагель. Сахаръ былъ въ то время привозной, очень дорогой, такъ что лудъ рафинада обыкновенно стоилъ отъ 35 до 40 рублей ассигнаціями, а годами доходилъ и до 60 рублей. Послѣ Двѣнадцатаго Года лудъ сахару стоилъ 100 рублей ассигнаціями, и во многихъ домахъ подавали самый послѣдній сортъ, котораго потомъ и въ продажѣ уже не было, называвшійся *мунтъ*, несчищенный и совершенно желтый, соломеннаго цвѣта. Большею частью вездѣ подавали *малосъ* и *полу-рафинадъ*, а у Алра-

---

хромою, и это приписывали золотухѣ отъ которой одна нога стала короче другой, потомъ на ногѣ открылась рана и наконецъ образовалась костоѣда. Мать Ермоѳія скончалась въ 1877 или 1878 (т.-е. 16 или 17 лѣтъ послѣ кончины бабушки-разказчицы), имѣя отъ роду около 70 лѣтъ. Она отличалась смиреніемъ, терпѣніемъ и несмотря на мучительную болѣзнь была всегда весела, спокойна духомъ, въ страданіяхъ не роптала. *Внукъ*.

ксивныхъ, у которыхъ былъ большой пріемъ гостей и сахаръ выходилъ можетъ статься десятками пудовъ въ годъ, подавали долгое время думлу. Эта дороговизна сахара подаала мысль завести заводы въ Россіи, и первые заводчики получили большіе барыши.

Не подальше отъ Москвы, кажется верстахъ въ двѣнадцати, у Герардовъ было небольшое имѣніе—сельцо Голубило, гдѣ были оражерецъ, прекрасные грунтовые сараи и особенный сортъ грушъ, называвшихся *пканками* (*beurre*) которыя были въ то время рѣдкостью.

Антонъ Ивановичъ былъ большой знатокъ въ сельскомъ хозяйствѣ, человекъ очень умный, положительный и весьма пріятный въ бесѣдѣ, говорилъ не много, но умно и хорошо. Катерина Сергѣевна, живая, веселая, разговорчивая до богатости, но умница какихъ не много, каждое ея слово было искрою ума и казалось что и волосъ-то каждый на ея головѣ былъ пропитанъ умомъ. Рѣдко встрѣчала я такихъ умныхъ и пріятныхъ женщинъ какъ она; не было человека которому бы она не нашла сказать чего-нибудь пріятнаго; старики, молодые и дѣти—всѣ любили ее, всѣмъ было съ нею весело, всѣхъ умѣла она занять и говорила съ каждымъ именно о томъ что могло его заинтересовать и что ему было пріятно. Она много читала, имѣла хорошую память, много помнила и умѣла очень хорошо и занимательно разказывать; шутила остро и умно, никого не затрогивая и никогда ни про кого не злословила. Въ особенности она любила посмѣяться на свой счетъ, что иногда выходило презабавно. Не было рукодѣлья или работы которой бы она не знала, или вещи объ которой бы не имѣла лоятія и въ разговорѣ бы пришла въ туликъ. Смолору она была, говорятъ, очень мила и пріятна, но будучи не велика ростомъ она къ тому же вовсе не отличалась и правильными чертами лица, у нея было что называютъ смятое личико (*une figure chiffonnée*), и она не могла считаться красавицей, но была привлекательна, отъ нея такъ и вѣяло умомъ и пахло самою простосердечною, радушною любезностью.

Она была великая охотница до цвѣтовъ, до собакъ и кошекъ и умѣла такъ ихъ приучить что собаки и кошки ея ладили и вмѣстѣ ѣли и спали. Была у ней маленькая собачка Бижу, которая взлѣзетъ на большую кошку и уляжется на ней спать какъ на подушкѣ. Я говорю ей однажды:

„какъ это вы умѣли такъ приучить что ваши звѣри—кошки и собаки живутъ въ такомъ ладу и дружбѣ?“—„Это все отъ насъ самихъ зависитъ, и ежели мы кротко обходимся со звѣрями и какъ съ разумными существами, то и они насъ слушаются и ведутъ себя разумно.“

Катерина Сергѣевна Герардъ была изъ числа тѣхъ лицъ которыхъ знала вся Москва, т.-е. все такъ-называемое *порядочное общество*, и хотя она никогда никого не знала къ себѣ обѣдать, не знала ливаль ли даже у ней кто-нибудь чай, а въ карты ни она сама нигдѣ, ни у нея никто не игралъ, всѣ къ ней ѣзжали, больше поутру, и не было дна чтобы кто-нибудь у нея не побывалъ. Такъ какъ у насъ было много общахъ знакомыхъ, то частехонько гости наши переѣзжали чрезъ переулокъ изъ воротъ въ ворота,—то отъ нея ко мнѣ, то отъ меня къ ней.

Она имѣла большое знакомство по всей Россіи, со всѣми была дружна и со многими переписывалась и, будучи всѣми любима и уважаема, имѣла большое вліяніе и пользовалась имъ благоразумно и охотно, помогала своимъ друзьямъ и не разъ выручала ихъ изъ бѣды.

Сама она была очень скромна и никогда не хвасталась ни своими связями, ни тѣмъ что помогала кому-нибудь, а сторовою до меня доходило не разъ что она ѣзжала въ Петербургъ, что въ прежнее время не такъ легко было какъ теперь, и хлопотала тамъ по дѣламъ.

Она было хорошо знакома съ графиней Анною Алексѣевою Орловой, съ Мальцевыми, съ которыми—не знаю, какъ-то чрезъ Мещерскихъ,—была въ свойствахъ*, и когда она бывала въ Петербургѣ, то все что ей было нужно умѣла уладить.

Послѣ того какъ митрополитъ Филаретъ отказался освѣщать московскія Триумфальныя ворота, и по какимъ-то еще двумъ дѣламъ въ Синодѣ, гдѣ онъ высказалъ свое мнѣніе не такъ какъ того желали въ Петербургѣ, онъ и Филаретъ кievскій перестали ѣздить въ Петербургъ, для засѣданія въ Синодѣ, потому что ихъ не стали туда вызывать. Катерина

---

* Софья Сергѣевна Всеволожская (сестра Герардъ) была за княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ, а сестра Мещерскаго, княжна Анна Сергѣевна была за Сергѣемъ Акимовичемъ Мальцевымъ. Другой братъ Мещерскій, князь Петръ Сергѣевичъ, былъ въ некоторое время оберъ-прокуроромъ Святейшаго Синода.

Сергѣевна частехонько ѣздилъ въ Петербургъ, и черезъ Орлову и другихъ предотвратила тучу которая собиралась надъ Филаретами. По крайней мѣрѣ такъ я слышала.

Митрополитъ Филаретъ къ Герардовой очень благоволилъ, а она была ему предана всею душой, и разъ въ недѣлю у него уже непременно побываетъ, а то и чаще, и онъ тоже на Святой недѣлѣ и объ Рождествѣ къ ней ѣзжалъ и сиживалъ подолгу.

Былъ одинъ очень смѣшной и забавный случай, который доказалъ до чего Герардша была предана митрополиту, но только едва съ нею отъ испуга не сдѣлалось удара. Какъ охотница до цвѣтовъ и до всякой садовой новинки, она гдѣ-то себѣ достала тогда новое зимующее растеніе *фраксинель* съ очень нахучими листьями, схожими по запаху съ лимонною цедрой. Цвѣты этого растенія темно-розовые. Какимъ манеромъ зашелъ разговоръ у Герардовой съ Филаретомъ объ этомъ цвѣткѣ—не знаю, только она возила ему показывать вѣтку съ цвѣткомъ, онъ похвалилъ, но сказалъ: „хорошо растеніе, а ежели бы цвѣтокъ былъ бѣлый, думаю, было бы еще лучше“.

Достаточно было этого слова митрополита чтобы Герардова стала добиваться имѣть такое растеніе съ бѣлымъ цвѣткомъ; она справлялась, узнала что есть и себѣ добыла; а такъ какъ подалъ эту мысль митрополитъ, то и назвала растеніе *Филаретова мысль*, а потомъ просто стала называть *Филаретъ*. Вотъ какъ-то, годъ ли два ли спустя, митрополитъ былъ весною боленъ, Катерина Сергѣевна къ нему ѣздилъ узнать объ его здоровьѣ и велѣла утромъ на слѣдующій день сходить еще человѣку на подворье и чтобы къ тому часу, когда она встанетъ, онъ вернулся и ей доложили бы объ отвѣтѣ. По утру приходитъ къ ней ея садовникъ и говорить: „Я не знаю какъ вамъ доложить, сударыня, у насъ случилось несчастье.“

— Чтò такое? спрашиваетъ она.

— Да что-съ, Филаретъ-то вѣдь умеръ.

Съ Катериной Сергѣевной дурно, чуть не ударъ.

— Кто тебѣ сказалъ? почему ты знаешь? спрашиваетъ она растерявшись.

— Я самъ видѣлъ, замерзъ, говоритъ садовникъ чуть не плача.

Та и повясть не можетъ что такое онъ ей говорить.

— Какъ замерзъ?

— Да-съ, хорошо былъ закутанъ на зиму, а не прозимовалъ, замерзъ... Тутъ только она догадалась что идетъ рѣчь совсѣмъ не о митрополитѣ, а объ растеніи. Она выбрала садовника что онъ такъ ее напугалъ, расхохоталась до слезъ, рада-радешенька что лонапрасно порелугалась, но цѣлый день ходила съ головою болью, а съ подворья вслѣдъ за тѣмъ возвратилась человекъ съ извѣстіемъ что владыкѣ лучше. Потомъ при свиданіи она презабавно разказывала мнѣ какъ она перелугалась изъ лустяковъ по недоразумѣнію. Домъ Герардовыхъ былъ въ свое время одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Москвѣ: въ залѣ стѣны отдѣланы подъ мраморъ, что считалось тогда рѣдкостью, и пока былъ живъ Антошъ Ивановичъ и было много прислуги домъ содержался хорошо и опрятно, но послѣ его кончины (умеръ онъ, кажется, въ 1830 или въ 1831 году) Катерина Сергѣевна очень поприжалась, стала имѣть мало людей и домъ порядкомъ запустела: въ прихожей у ней люди лортыяжничали и шили салоги, было очень неопрятно и воняло дегтемъ. Она одна изъ первыхъ отступила отъ общепринятаго порядка въ разстановкѣ мебели: сдѣлала въ гостиной какіе-то угловые диваны, наставила гдѣ вздумалось большія растенія, и для себя устроила противъ средняго окна *этаблисментъ* (*établissement*): два диванчика, нѣсколько кресель и круглый столъ всегда заваленный разными книгами. Въ то время это казалось страннымъ. Вообще она не стѣснялась тѣмъ что дѣлали другіе и дѣлала у себя какъ ей вздумается и что ей нравится, и почти всегда выходило хотя необычно, однако хорошо. Она была вообще женщина съ большимъ вкусомъ и умѣніемъ изъ ничего сдѣлать что-нибудь очень хорошенькое.

Послѣ смерти мужа она стала одѣваться скудно, всегда въ темномъ или въ черномъ, платьѣ узенькое и коротенькое, а на головѣ чепецъ въ обтяжку изъ какой-нибудь тюлевой тряпичицы, и волосы свои остригла въ кружокъ: „Je n'ai pas de prétentions, à notre âge on n'a plus de sexe“, говорила она.

До двадцатыхъ годовъ мнѣ довелось видѣть ее на балахъ раза два, три очень авантажною молодою женщиной, и разъ на балѣ гдѣ-то я видѣла ее въ бархатномъ беретѣ съ лукомъ бѣлыхъ перьевъ: она была тогда съ небольшимъ лѣтъ тридцати, свѣжа и весьма привлекательна.

Голосъ имѣла она нѣсколько хриплымъ, но звонкій и пріятный, и во всѣхъ отношеніяхъ, въ разговорѣ, въ обращеніи, это была самая привѣтливая, ласковая и любезная женщина.

Къ концу жизни она стала прихварывать, выѣзжала рѣдко, окончила жизнь въ началѣ 1850 годовъ отъ очень мучительной болѣзни, отъ внутренняго рака; ѣсть почти ничего уже не могла, — желудокъ не переваривалъ, но почти до самой смерти она была все на ногахъ и также весела и разговорчива какъ и прежде. Отпѣвалъ ее митрополитъ Филаретъ у Троицы въ Зубовѣ, а схоронить себя она велѣла въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ одной могилѣ со своею матерью, умершею предъ тѣмъ лѣтъ за тридцать или болѣе.

Смерть Герардовой была одинаково чувствительна какъ для ея родныхъ, такъ и для знакомыхъ; всѣ знавшіе ее любили ее и уважали. У нея въ домѣ всегда жили барыня и барышни; лишившись ея, онѣ съ нею лишились угла и хлѣба насущнаго. Кромѣ своихъ племянницъ, къ которымъ она была хорошо расположена, она воспитывала еще одну барышню, дочь своего мужа, которая вышла почти противъ ея согласія за одного полковника мусульманина принявшаго православную вѣру для того чтобы на ней жениться. Состоянія и средствъ большихъ онъ не имѣлъ, а родители и родные его, узнавъ что онъ перешелъ въ нашу вѣру, отказались ему помогать. Онъ къ несчастію сдѣлался такъ боленъ, кажется, отъ паралича что долженъ былъ выйти изъ службы, а между тѣмъ у него уже было семейство. Катерина Сергѣевна, сколько могла, помогала этимъ несчастнымъ, и съ нею они тоже лишились помощи. Много она дѣлала добра, видимо и невидимо, и не рѣдко по своему доступу къ митрополиту была ходатайницею за духовныхъ лицъ, избавляла отъ бѣды и выпрашивала мѣста: добродѣтельная была она женщина.

Домъ свой Катерина Сергѣевна отдавала иногда внаймы, не надолгое время и сама уходила тогда въ верхній этажъ или уѣзжала къ себѣ въ Голубино. Такъ, въ 1881 году, когда великая княгиня Елена Павловна провела часть лѣта въ Москвѣ въ своемъ новомъ дворцѣ, на Остоженкѣ, и лѣчилась водами въ бывшемъ почти рядомъ съ ея садомъ новоустроенномъ заведеніи минеральныхъ водъ, Катерина Владиміровна Апраксина, состоявшая гофмейстерскою при дворѣ великой

княгиня, по этому случаю прѣѣхала въ Москву и чтобъ ей быть поближе, наняла бель-этажъ у Герардовой и прожила тамъ нѣсколько недѣль, пока продолжался курсъ лѣченія водами.

Въ 1832 году въ этомъ домѣ, апрѣля 12, была свадьба моей племянницы Анастасіи Николаевны Римской - Корсаковой, вышедшей за внучатнаго моего племянника князя Александра Сергѣевича Вяземскаго.

Въ 1833 году, тоже апрѣля 12, была свадьба моего племянника Владиміра Михайловича Римскаго-Корсакова, женившася на Аннѣ Николаевнѣ Половой.

Въ 1834 году была тамъ же свадьба Авдотьи Ѳедоровны Барыковой, вышедшей за Василя Николаевича Толмачева.

Въ 1836 году домъ Герардовой нанимала княгиня Елизавета Ростиславовна Вяземская, потому что ея дочь княжна Варвара Сергѣевна (вышедшая въ слѣдующемъ году за Ивана Ивановича Ершова) и сноха ея, жена старшаго сына, родная моя племянница, княгиня Анастасія Николаевна, пила воды и тутъ имъ было поближе къ Остоженкѣ отъ заведенія минеральныхъ водъ.

II.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1823 года по 1833, у насъ въ семействѣ, въ родствѣ и въ кругу самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ много было потерь и мы то и дѣло что были въ траурѣ. Въ эти десять лѣтъ я лишилась: брата, двухъ сестеръ, двухъ невѣстокъ, троихъ зятьевъ, деверя, трехъ племянниковъ, внучатнаго брата и двоюродной племянницы. Въ 1823 году, апрѣля 7го, скончалась въ Петербургѣ сестра моя княгиня Александра Петровна Вяземская; въ томъ же году въ Москвѣ умеръ зять мой Комаровъ Иванъ Елисеевичъ; въ 1826 году сестра монахиня Анастасія 20го апрѣля; въ 1827 году октября 25го мужъ моей старшей дочери Дмитрій Калиновичъ Благово; въ 1829 году 26го мая братъ Михаилъ Петровичъ Римскій - Корсаковъ. Онъ скончался въ Москвѣ, отпѣвали его въ приходѣ у Неоладимой Кулины, а хоронить повезли въ деревню, въ с. Боброво. Хотя и я была дружна съ братомъ, но болѣе всѣхъ насъ была къ не-

му расположена сестра Варвара Петровна, и эта потеря очень ее огорчила.

Кромѣ того, въ 1823 году умеръ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, почти что не родня, потому что онъ приходился покойнику Дмитрію Александровичу правнучатымъ братомъ; что это за родство? Но по прежнимъ семейнымъ отношеніямъ Долгоруковыхъ съ Янъковыми и по сердечному нашему къ нему расположенію это была для меня очень чувствительная потеря. Въ 1827 году умеръ во время великой чепыредесятицы Степанъ Степановичъ Апраксинъ, и эта была для меня большая скорбь: я лишилась въ немъ человѣка который любилъ покойнаго моего мужа и всегда одинаково былъ къ намъ расположенъ. Никогда не позабуду его искренняго, дружескаго участія, которое онъ мнѣ выказалъ когда скончался Дмитрій Александровичъ. Апраксина жалѣла не я одна, вся Москва его оплакивала, потому что вся Москва его любила за его пріятливость и ласковое обхожденіе и за то что онъ ее гѣшилъ своими чудными праздниками. Можно сказать безъ лести что это былъ послѣдній вельможа открыто и весело жившій въ Москвѣ.

Онъ былъ друженъ съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, и положили они между собою что ежели *возможно* общеніе умершихъ душъ съ живыми, то чтобы тотъ который первый изъ нихъ двухъ умретъ предупредилъ бы пережившаго о скорой его кончинѣ троекратнымъ явленіемъ. Господь по своей благодати и во общеніе невѣрующихъ дозволялъ чтобы по условію друзей обѣщанное ими совершилось. Князь Юрій Владиміровичъ пережилъ Апраксина тремя годами, онъ умеръ въ годъ холеры, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, и ему трижды являлся Апраксинъ: сперва за шесть мѣсяцевъ Долгоруковъ *на яву* увидѣлъ Степана Степановича и тогда же говорилъ нѣкоторымъ близкимъ людямъ:

— Пора мнѣ видно собираться въ дальній путь: я сегодня видѣлъ Апраксина; онъ меня предупреждаетъ что пришло мое время къ отшествію.

Потомъ вторичное было явленіе, и Долгоруковъ опять скзывалъ: „Я въ другой разъ видѣлъ Апраксина, это значить что онъ меня дожидается“. Наконецъ, когда онъ лежалъ уже совсѣмъ на смертномъ одрѣ, дая за три до кончины, онъ еще видѣлъ то же и сказалъ: „Ну теперъ скоро, скоро я от-

правлюсь на покой; сегодня я въ третій разъ видѣлъ Апраксина: мнѣ телерь не долго остается томиться“. И на третій день послѣ того онъ скончался.

Многіе изъ знавшихъ Долгорукова подтверждали этотъ разказъ его. Ежели бы однимъ только разъ видѣлъ онъ Апраксина, то можно было бы еще усомниться и сказать что ему такъ это полпритчилось, то же самое повторилось три раза и все на яву; это ужъ не бредъ и не призракъ, а подлинное явленіе души умершаго.

Тяжелый для Россіи 1830 годъ, годъ небесной кары за грѣхи наши, за которые Господь наказалъ насъ смертовою болѣзью *холерою*, начался для нашего семейства трауромъ: въ январѣ мѣсяцѣ скончалась моя невѣстка, жена моего шурина, Федосья Андреевна Явкова, въ селѣ Петровѣ. Она была добрая и хорошая женщина, правда что мало воспитанная и нѣсколько простоватая, но очень благочестивая и разсудительная, и прекрасная, любящая жена. Не могу сказать чтобы мы были съ нею особенно дружны, однако всегда мы съ нею ладили, и размовки у насъ никогда не бывало. Мнѣ было ее жаль не столько для себя сколько для моего деверя, который очень ее любилъ, и, говорятъ, первое время онъ какъ малый ребенокъ неутѣшно по ней плакалъ. Онъ былъ очень добрый и хорошій человекъ, но по добротѣ своей до того слабый и безхарактерный что его въ семьѣ въ грошъ не ставили; поэтому онъ и не умѣлъ дать своимъ дѣтямъ воспитанія какъ слѣдовало. По смерти жены онъ сталъ вовсе какъ безъ рукъ: все тосковалъ, хирѣлъ и дотянулъ только до ноября мѣсяца; онъ скончался въ Москвѣ 23го числа и былъ погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а три дня спустя умеръ второй сынъ его Андрей въ Петровѣ.

Въ 1829 году родился у меня внукъ Василій, третій сынъ у дочери Посниковой, 6го іюля, въ ихъ деревнѣ. Крестилъ его Николай Александровичъ Аламыкинъ и кажется Елена Александровна Посникова. За годъ предъ тѣмъ родилась у Анючки вторая ея дочь, Александра, въ Ярославѣ, гдѣ мой зять поступилъ было на службу къ губернатору, но по горячности своего характера наслужилъ не долго, повздорилъ съ губернаторомъ и вышелъ въ отставку. Сашеньку крестила одна Шубинская, жена бывшаго въ послѣдствіи въ Москвѣ жандармскаго полковника, а кто былъ крестнымъ отцомъ—не припомню. Вышедши въ отставку Посниковъ

опять поселился у себя въ деревнѣ, и Анночка стала звать Клеопатру пріѣхать къ ней погостить, я отпустила ее съ Авдотьей Федоровной Барыковой, бывшей тогда еще не замужемъ; Грушенька поѣхала къ себѣ въ деревню, и я осталась одна одинешенька.

Братъ князь Владиміръ Волконскій, бывавшій у меня почти что каждый день, пріѣхалъ разъ вечеромъ и говоритъ мнѣ: „Знаешь ли, сестра, говорятъ что у насъ въ Москвѣ неблагополучно; появилась какая-то новая болѣзнь, называемая *холера*: тошнота, рвота, круженіе головы, иногда сильное расстройство желудка, корчи и въ нѣсколько часовъ человѣкъ умираетъ. Объ этомъ поговариваютъ въ Англійскомъ клубѣ.“

Очень меня это встревожило: „Думаю себѣ: совершенно я одна, ни которой изъ дочерей нѣтъ со мною, умру—некому будетъ и глаза мнѣ закрыть.“

На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ братъ Николай Александровичъ Корсаковъ и повторяетъ то же самое, сказываетъ что кто-то былъ вчера въ клубѣ совершенно здоровъ, плотно поѣлъ, пріѣхалъ домой—корчи, рвота и къ утру положили на столъ. Это взволновало меня еще болѣе, послала я къ Герардамъ просить чтобы пришелъ ко мнѣ Антонъ Ивановичъ;—пришелъ, спрашиваю:

„Правда ли что въ Москвѣ какая-то новая небывалая болѣзнь, *холера*?“

— Ахъ, говоритъ, не скрою отъ васъ что совершенная правда, и много уже было смертныхъ случаевъ; поговариваютъ что будутъ карантинны, что Москву кругомъ оцѣлятъ и не будетъ ни выѣзда, ни въѣзда. Часъ отъ часу не легчало. Ушелъ Герардъ, сѣла я писать къ Грушенькѣ и къ Клеопатрѣ; пишу той и другой:

„Пріѣзжай скорѣе, коли намъ суждено умереть, такъ ужъ лучше умирать вмѣстѣ.“

Въ ужасное пришла я уныніе: пока еще, думаю, письма дойдутъ къ той и къ другой, я совершенно одна; горькое было мое положеніе. Спрашиваю поутру у моего дворецкаго, когда онъ возвратился со Смоленскаго рыжка:

— Чтѣ слышно про холеру?

— Много, говоритъ,—сударыня, мретъ народу; по городу стали фуры развѣзжать чтобы подбирать тѣла ежели будутъ на улицахъ валяться.

Каково было это слышать! Значить это моръ, и жауть что люди ставуть какъ мухи валиться. Принесли повѣстку изъ съѣзжаго дома чтобы въ домахъ были осторожны, и что ежели у кого будутъ заболѣвающіе люди холерою, въ домахъ отаудь у себя не держать, но тотчасъ отправлять въ больницы, и чтобы для очищенія воздуха вездѣ по комнатамъ ставить на блюдечкахъ деготь и хлоръ.

Наконецъ Грушенька возвратилась изъ деревни, и у меня отлегло на сердцѣ: „Ну, теперь я хоть не одна.“

Между тѣмъ у насъ уже и въ знакомствѣ стали заболѣвать: Катерина Терентьевна Полова, сосѣдка брата Михаила Петровича по Боброву и по зимамъ живавшая въ Москвѣ у моей невѣстки Варвары Николаевны, сказываютъ, занемогла холерой, послала за своимъ докторомъ, Петромъ Григорьевичемъ Карлицкимъ (который лѣчилъ и Грушу), а тотъ прѣхавъ и узнавъ что у нея холера, въ комнату не вошелъ, а разговаривалъ стоя на порогѣ въ дверяхъ.

Значить болѣзнь оласная и прилипчивая что и докторъ не подходитъ къ больной! Смертность съ каждымъ днемъ все усиливалась, фуры разѣзжали въ Москвѣ по улицамъ и переулкамъ и вмѣстѣ съ больными иногда хватали и льямыхъ. Почти во всѣхъ домахъ затворились ворота; боялись ходить по улицамъ, выѣзжали въ крайнихъ случаяхъ, и каждый оласался принять кого-нибудь къ себѣ въ домъ. Я велѣла затворить ворота и никого не стала принимать; ставни на улицу у меня закрыли чтобы стукъ отъ фуръ, которыя ужасно стучали, былъ не такъ слышенъ, и я перебралась съ Грушею въ тѣ комнаты которыя выходили на дворъ: тамъ мы все и сидѣли. Дворецкій мой только одинъ разъ въ недѣлю ходилъ на рынокъ закупить что нужно для стола, и кромѣ кашицы или супа и куска жареной курицы мы болѣе мѣсяца ничего не ѣли, и даже страшно было намъ вспомнить что за мѣсяць или за два предъ тѣмъ мы ѣли свѣжіе огурцы и грибы въ сметанѣ. Весь городъ точно разѣхался или вымеръ, рѣдко-рѣдко кто проѣдетъ или пройдетъ, вездѣ затворены ворота, закрыты ставни и завѣшены окна.

Изрѣдка братъ князь Владиміръ Михайловичъ напишетъ мнѣ записочку: „Всѣ ли вы здоровы и живы, я пока еще живъ“. И эту записочку дворникъ возьметъ отъ дворника у калитки, не впуская его на дворъ, и вывесетъ ему мой отвѣтъ.

Какъ мы ни берегались и ни хоронились, холера забралась таки и ко мнѣ на дворъ: сынь моего буфетчика Фоки, Миша, молодой мальчикъ лѣтъ лятнадцати или шестнадцати неожиданно занемогъ и по всѣмъ признакамъ холерой. Не теряя времени его свезли въ больницу, и онъ тамъ на вторыя или на третьи сутки умеръ.

Письма которыя мы получали приходили гораздо поздне, ихъ задерживали, и они были всѣ исколоты изъ предосторожности чтобы съ ними не зашла какъ зараза.

Въ тѣ дни когда дворецкій ходилъ на рынокъ я потомъ спрашивала его: „Ну что, Петръ, слышно насчетъ холеры?“

— Въ силѣ, сударыня: великая смертность; въ цывхъ приходахъ челоуѣкъ по тридцати отлѣваютъ и болѣе.

Черезъ недѣлю опять спрашиваю его, все тотъ же отвѣтъ; наконецъ-то онъ однажды приходитъ и говоритъ что, слава Богу, болѣзнь пошла подъ гору; дня черезъ два записочка отъ брата Волковскаго, пишетъ что холера слабѣетъ и что онъ на дняхъ ко мнѣ будетъ. Ну, слава Богу!... И точно, на недѣлѣ братъ ко мнѣ прѣвхалъ, и мы свидѣлись какъ люди которые и не надѣялись что останутся въ живыхъ и опять увидатся.

Во время холеры все обошлось въ Москвѣ благополучно, не такъ какъ въ Петербургѣ, гдѣ было возмущеніе народа, думавшаго что холера происходитъ отъ отравы которую лѣкаря сылають въ воду и въ колодцы. Спокойствіе Москвы должно приписать распорядительности тогдашняго главнокомандующаго, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, и хотя тогда и трунили надъ нимъ что онъ переѣхалъ съ женой къ Авдотѣ Сильвестровнѣ Небольсиной на Садовую и изъ ея будто бы кармава глядитъ на холеру въ лорнетку, однакоже все-таки Москва осталась спокойною.

Такъ какъ много осталось сиротъ лишившихся родителей въ этотъ ужасный годъ, то государю Николаю Павловичу угодно было показать Москвѣ свое отеческое милосердіе, учредить институтъ для воспитанія дѣтей оставшихся послѣ родителей умершихъ отъ холеры, и для этого заведенія, названнаго въ честь государыни императрицы Александры Феодоровны „Александровскимъ Сиротскимъ Институтомъ“, былъ купленъ Алраксинскій домъ на Знаменкѣ. Услышавъ это я, признаюсь, порадовалась что послѣ тѣхъ милыхъ хозяевъ, которые четверть вѣка владѣли этимъ домомъ, хозяи-

номъ будетъ не какой-нибудь нажившійся откупщикъ или расторгованшійся купецъ, а сама императрица, которая въ своемъ домѣ дастъ приютъ безпріютнымъ сиротамъ.

Въ Москвѣ изъ нашихъ родныхъ и близкихъ друзей никого не умерло, а я опасалась что многихъ не досчитаюсь, но въ Царскомъ Селѣ умерла родная племянница брата князя Владиміра Волковскаго, дочь его брата Дмитрія Михайловича, Зинаида Дмитриевна Ланская, бывшая за Павломъ Сергѣевичемъ Ланскимъ, сыномъ Елизаветы Ивановны, по себѣ Вишневой (сестры статсъ-секретаря). Послѣ Зинаиды остался мальчакъ Сережа.

Въ то время какъ Клеопатра гостила въ Гремячевѣ, Анючка родила 10го сентября дочь Софью, и Клеопатра ее крестила.

Въ 1831 году, 30го августа, въ самый день своихъ именинъ и въ день назначенный для свадьбы, скорлостжно умеръ родной племянникъ моего мужа Александръ Николаевичъ Явковъ. Онъ былъ вдовецъ, жена его Анна Александровна, по себѣ Грушецкая, умерла еще въ 1823 году, оставивъ шестерыхъ дѣтей. Онъ очень объ своей женѣ горевалъ, но былъ человекъ еще молодой, вдовымъ оставаться не хотѣлъ и задумалъ опять жениться. Онъ вздумалъ было мѣтнуть на Грушеньку и чрезъ брата графа Петра Степановича узнавалъ пойдетъ ли она за него, ежели бы онъ ей предложилъ. Она ему нравилась, но къ нему она не имѣла никакого особеннаго, кромѣ родственнаго, расположенія, а такъ какъ онъ былъ ей двоюроднымъ братомъ, то предлоговъ для отказа искать было нечего, потому онъ и не предлагался формально. Знаю что и деверь мой, и невестка этого желали, только мы находили что бракъ въ такихъ близкихъ степеняхъ родства, не положенный и по церковному уставу, не возможенъ и отклонили его отъ этого намѣренія.

Явковъ не долго думалъ и прискалъ себѣ невесту, очень хорошую и милую дѣвушку Ушакову. Назначень былъ день свадьбы, я должна была быть посаженою матерью, и въ самый день вѣчанья, поутру, я совсѣмъ уже была готова ѣхать, только поджидала чтобы Грушенька и Клеопатра одѣлись и сошли внизъ; вдругъ присылаютъ меня извѣстить что женихъ умеръ: онъ собрался ѣхать въ церковь, сталъ одѣваться и хотѣлъ умыться, нагнулся, зашатался, упалъ — и духъ вошь.

Это меня ужасно поразило; но каково же было пораженіе бѣдной невѣсты? Одѣлась она, ждетъ что шаферъ пріѣдетъ извѣстить что женихъ въ церкви, и вмѣсто того шаферъ точно пріѣхалъ, но чтобъ извѣстить что женихъ покойникъ. Все что было приготовлено для свадебнаго пира пошло потомъ на похоронные поминки. Вечеромъ, въ день свадьбы, я побѣжала къ жениху на лавкииду; скоромнил его въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ скоромнены были его жена и отецъ. Онъ родился 24го августа 1791 года, и ему сѣдовательно только что минуло сорокъ лѣтъ; онъ женился будучи очень еще молодъ, и старшія его дѣти дѣвочка и два мальчишка были уже порядочные, а меньшому Петрушѣ было лѣтъ девять или десять.

III.

Въ 1832 году у насъ, слава Богу, никто не умиралъ въ родствѣ, но было двѣ свадьбы: два князя Александра Вяземскихъ женились на двухъ Римскихъ-Корсаковыхъ. Первая свадьба была моего роднаго племянника князя Александра Николаевича на Александрѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой, дочери Марьи Ивановны, которая была великая мастерица тѣшить Москву своими балами и разными забавами. Молодая дѣвушка давно нравилась князю Александру, и онъ угивался около нея, но онъ былъ еще такъ молодъ что отецъ и слышать не хотѣлъ объ его женитьбѣ; къ тому же онъ былъ имъ не доволенъ за его участіе въ декабрьской исторіи 1826 года и долгое время за это и видѣть его не хотѣлъ. Тогда не то что телерь, отцы лоблажки дѣтямъ не дѣлали. Однако предъ турецкимъ походомъ отецъ съ сыномъ ловидному примирился. Корсакова была на нѣсколько лѣтъ старше князя Александра; онъ ей нравился, и когда онъ съ нею сталъ прощаться предъ выступленіемъ въ походъ, она подарила ему золотой медальонъ въ которомъ была миниатюра—два глаза выглядывающіе изъ облаковъ. Она имѣла прекрасные очень выразительные и привлекательные глаза и должно-быть знала это. Даря ему этотъ медальонъ, она ему сказала: „Вотъ вамъ, князь, на память; пусть это будетъ для васъ талисманомъ, который сохранить васъ на войнѣ; помните что эти глаза повсюду будутъ сѣдовать за вами.“

Во время турецкаго похода князь Александръ подвергся

двойной опасности—не только быть убитымъ на войнѣ, но умереть еще и отъ кори которую онъ гдѣ-то захватилъ на пути; отъ этой болѣзни берегись и дома, а ему, сердечному, пришлось съ нею вывѣщиться въ походѣ, спать на сырой землѣ на одной шивелѣ въ палаткѣ. Однако Господь его помиловалъ, онъ прѣблагополучно перенесъ корь, не застудилъ и не было никакихъ послѣдствій.

По возвращеніи его изъ похода, старикъ Вяземскій сталъ къ сыну получше, но какъ только заговорить онъ объ Корсаковой, такъ отецъ на дыбы: „Далась тебѣ эта Корсакова, болѣзненная, старая дѣвка, привередница какихъ мало; лучше не нашежь... Ахъ ужъ эта мнѣ Марья, влюбила тебя въ свою дочь; чего тебѣ слышать, услышишь жемиться. * Очень ему не хотѣлось этого брака.

Разъ какъ-то Клеопатра сказала князю Александру: „Ты видишь что дяденька не желаетъ чтобы ты женился на Корсаковой; охота это тебѣ приставать къ отцу!“

— А если онъ не хочетъ и станетъ мнѣ мѣшать, такъ и безъ него обойдусь, на заю ему, безъ воли жениюсь.

Въ отца былъ, пресамовравный; только отецъ былъ прескулой, а сынъ мотышка и картежникъ.

Отецъ все ломался, не хотѣлъ позволять, но сынъ пристуламъ и наконецъ перетянулъ, на своемъ поставилъ: отецъ долженъ былъ согласиться и, скрѣпя сердце, позволилъ свататься.

Предложенія давно ожидали и тотчасъ дали согласіе. Въ началѣ января былъ стговоръ и помолвка, и мѣся, какъ родовую тетку, братъ князь Николай и князь Александръ пригласили быть посаженою матерью вмѣстѣ съ отцомъ, а вѣнчанію назначили быть въ первыхъ числахъ февраля предъ

---

* Александра Александровна Корсакова сама повредила своему здоровью; она была очень полна, румяна и кровь приливала къ головѣ. Будучи въ Парижѣ она посоветовалась съ какимъ-то медикомъ, тотъ предложилъ ей пустить себѣ кровь; что жъ она придумала? послала за кровопускателемъ и велѣла себѣ пускать кровь до обморока и этимъ такъ себя ослабила что опасалась даже за ея жизнь. Но хотя она не умерла и выздоровѣла, она этимъ подорвала свое прекрасное здоровье, стала ккая-то хилая, ледяная и никогда впослѣдствіи не могла оправиться. Отъ этого-то старикъ Вяземскій и называлъ ее *больною старою дѣвкой*.

сырною недѣлей, Пасха была въ тотъ годъ не слѣшкомъ ранняя.

Невѣсту привозили ко мнѣ: высока, стройна, не дурна лицомъ и съ прекрасными бархатными глазами. У меня она себя держала просто, прилично и хорошо; а у князя Николая Семеновича въ домѣ (жилъ онъ тогда на Остоженкѣ въ своемъ домикѣ) стала подымать платье повыше отъ пола и осматривать чисто ли кресло,—такъ ей показалось у брата неоправдано: она говоритъ была большая чистула и брезгуныя.

Это брату ужасно не понравилось, и онъ сталъ жаловаться на нее: „Представь себѣ, матушка, дура-та эта, будущая моя сноха-то, ничего не видя, а ужъ брезгать моимъ домомъ стала: юбки по щиколотку поднимаетъ, смахиваетъ съ кресла, точно въ хлѣвъ въ какой зашла... Помяни ты мое слово, не быть пути отъ этого брака, я не доживу—ты увидишь...“

И вѣдь чтѣ же, напророчилъ, такъ потѣмъ и сбылось...

Марья Ивановна была премилая и преобходительная женщина, которая вѣсѣхъ умѣла обласкать и привѣтить, такъ вотъ въ душу и влѣзеть, совсѣмъ тебя заколдовать. Она имѣла очень хорошее, большое состояніе и получала не мало доходовъ, да только ужъ очень размахисто жила и потому была всегда въ долгу и у каретника, и у того, и у сего. Вотъ, придетъ время расплаты, явится къ ней каретникъ, она такъ его приметъ, усадитъ съ собой чай пить, обласкаетъ, заговоритъ—у того и языкъ не шевельнется, не то что попросить уплаты, наломать посовѣстится, такъ ни съ чѣмъ отъ нея и отправится, хотя и безъ денегъ, но довольный пріемомъ.

Вздумалось Марьѣ Ивановнѣ съѣздить за границу, чтѣ въ прежнее время стоило не дешево, а денегъ у нея вѣтъ; занять, можетъ-статься, было не у кого ни занимать не раскудила, она возьми да и продай одинъ изъ своихъ двухъ домовъ, чтѣ противъ Страстного монастыря, тотъ который помельше, за пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями; съ этими деньжками и повезла двухъ меньшихъ дочерей тѣшить, да и самой позабавиться, года полтора она путешествовала, пока изъ кармана всего не вытрясла. И послѣ того сама разказывала всѣмъ и хвасталась своею оборотливостію:

— Вотъ какую аферу я сдѣлала, съѣздила даромъ въ чужіе края, только флагелекъ продала, на эти деньги и путешествовала,—каково? Вотъ какія бывали еще чудачки.

Съ молодыми людьми, которыхъ она прочла своимъ дочерямъ въ женихи, она была тоже мастерица обращаться: такъ очаруетъ, заколдуетъ что они и не почувствуютъ какъ предложеніе сдѣлають. То зоветъ на вечеръ, то пригласитъ къ себѣ въ ложу, къ обѣду, а лѣтомъ куда-нибудь за городъ соберется на катанье большимъ обществомъ... Она первая ввела въ обыкновеніе чтобы на Святой недѣлѣ Подновинскимъ (гдѣ всегда ѣздили въ каретахъ) ходить пѣшкомъ и по балаганамъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, въ 1821 году, я и стала разказывать про эту новость сестрѣ Вяземской: „Охъ ужъ мнѣ эта Марья Корсакова, говоритъ сестра, вѣчно-то выдумаетъ она что-нибудь новенькое, свое, и все-то она хороходы водить.“

Думала ли тогда сестра что ея сынъ Саша попадетъ въ руки этой Марьи Корсаковой и на ея дочери женится.

По правдѣ сказать, и съ той, и съ другой стороны партія была подходящая; одно только—что невѣста была немного постарше жениха и ужъ совсѣмъ не хозяйка для дома, ни о чемъ понятія не имѣла.

Свадьба была 12 февраля. Приглашали и съ той, и съ другой стороны однахъ родныхъ и самыхъ близкихъ знакомыхъ; было однаколюдно и парадно.

Готовилась у насъ въ семьѣ и другая свадьба, но только не было еще ничего рѣшено. Настенька, дочь брата Николая Петровича, вправилась сыну княгини Елизаветы Ростиславовны, князю Александру Сергѣевичу, и объ этомъ огласки не дѣлали.

На свадьбѣ князя Александра Николаевича братъ Николай Петровичъ накинулся на Грушевку:

— Скажи, пожалуйста, съ чего ты распускаешь слухи что Настенька идетъ за князя Александра?

— Я этого не знала и потому говорить объ этомъ не могла...

— Ты сказывала Неклюдовой что Вяземскій женится на Корсаковой?

— Говорила, это правда; а на чьей же мы свадьбѣ? Князь Александръ Вяземскій женился на Корсаковой.

Но скоро объявили и Настенькину свадьбу.

Настенька была не красавица, но очень мила и авантюжна въ бальвонѣ платьѣ, а такъ какъ она была очень худоцева, то ее кутали въ тюлевый или газовый шарфъ, и къ ней это очень шло.

На свадьбѣ князя Александра она была очень авантюра, и княгиня Елизавета Вяземская, глядя на нее, говоритъ Грушевскій: „Удивляюсь я, гдѣ это у жениховъ глаза; посмотри какъ Навси мила...“

Она выѣзжала уже года съ два, и много молодыхъ людей около нея увивалось, но ей никто особенно не нравился, она была довольно равнодушнаго характера и мало обращала вниманія на всѣхъ своихъ воздыхателей. Марья Петровнѣ хотѣлось во чтò бы то ни стало выдать ее непременно за графа или за князя, и потому на свои балы она только и приглашала сіятельныхъ кавалеровъ, другихъ она не удостоивала этой чести.

Братъ и княгиня Елизавета Вяземская были очень дружны между собой, и обоимъ желалось чтобъ ихъ дѣти другъ другу понравились. Въ это время сталъ около Навси ухаживать графъ Мантейфель, который ей понравился и она къ нему было расположилась, но только онъ не посватался и вскорѣ потомъ женился и, умеръ и—не припомню хорошею. Навси огорчилась и сказала тогда матери: „Теперь мнѣ все равно за кого не выйти; выбирайте кого хотите, я отказывать не стану.“

Этимъ воспользовались: Вяземскій посватался и былъ принятъ; вѣнчани 12 апрѣля. Братъ и Вяземская мать были очень довольны что женили своихъ дѣтокъ, и думали: вотъ будетъ благополучіе-то; вышло иначе: и тотъ, и другой могли бы быть счастливы, да только не вмѣстѣ, имѣя различные характеры. Вяземскій служилъ въ лейбъ-гусарахъ, и полкъ его былъ или въ Царскомъ Селѣ, или въ Гатчинѣ. Нѣсколько времени спустя послѣ свадьбы поѣхали туда молодые, вскорѣ собрался и братъ съ женою: повезли туда своего сына Сашу, который долженъ былъ поступить въ полкъ. Онъ родился въ 1816 году и ему былъ шестнадцатый годъ; не очень великъ ростомъ, съ пріятнымъ личикомъ и милый мальчикъ; веселый, живой, ласковый, прекраснаго характера, всѣми любимый и совершенный еще ребенокъ: такъ его держали.

IV.

Въ 1833 году были у насъ въ родствѣ то родины да крестины, то лохороны, и меня совсѣмъ затаскали по этимъ церемоніямъ: то радуйся и крести, то хорони и плачь.

Годъ начался съ того что въ февралѣ невѣстка моя Варвара Николаевна Корсакова (по себѣ графиня Маркова), жена брата Михаила Петровича, просватала своего сына Владимира; онъ бралъ за себя Анну Николаевну Полову. Ея мать, Катерина Терентьевна, сосѣдка брата по Боброву, была урожденная Цвилленева и имѣла сестру, пожилую дѣвушку Марью Терентьевну. Ихъ мать, очень уже преклонныхъ лѣтъ, Александра Ивановна, по фамиліи Филлисова, родилась и росла по сосѣдству съ Бобровымъ, гдѣ отецъ ея небогатый дворянинъ имѣлъ маленькое помѣстье; будучи еще молодою дѣвушкой она знавала мою бабушку Евпраксию Васильевну и зачастую у ней гащивала, бабушка къ ней благоволила и ее ласкала; но только ни ея мать, ни она о парадномъ крыльцѣ и подумать не смѣли, а всегда ѣзжали на дѣвичье крыльцо. Внучка ея Анна Николаевна очень понравилась сестрѣ Варварѣ Николаевнѣ и она эту свадьбу и сладила. Владимиръ вышелъ въ отставку ротмистромъ и жилъ въ Москвѣ. Онъ былъ веломѣрно толстъ, но лицо имѣлъ пріятное. Молодая дѣвушка была ведурна собою.

На крестинахъ у моего племянника князя Александра Николаевича Вяземскаго, у котораго родилась сынъ Николай (февраля 18), мы всѣ родные съѣхались, въ томъ числѣ и Варвара Николаевна, и весело попиравали вмѣстѣ; она была здоровахомька. На другой день она пріѣхала вечеромъ ко мнѣ, а показывала ей образчики шелковыхъ матерій для платьевъ, ей одишь понравилась, она взяла его и прикомола себѣ къ платью:

— Я такое платье велю себѣ купить для Владиміровой свадьбы, и уѣхала отъ меня превеселая.

Черезъ день мнѣ присылаютъ сказать что она занемогла; я поѣхала къ ней и нашла ее прихворнувшюю, но совсѣмъ не въ опасномъ положеніи, а февраля 25 къ утру ея не стало; оказалось сильное воспаление.

Я каждый день къ ней ѣздила и сидѣла у нея подошгу. Для за два до кончины она мнѣ говоритъ:

— Если я, сестра, умру,—прошу тебя, будь Владиміру вмѣсто матери и свадьбу не откладывайте, а тотчасъ послѣ шести недѣль и вѣнчайте.

— Э, полно, сестра! говорю я ей.—Охота это тебѣ говорить пустяки...

— Ну, вотъ ломаю мое слово что я не встану.

И вѣдь такъ и вышло.

Отпѣвали ее у Неолазимой Кулины, а скоронили въ Давиловѣ монастырѣ.

Не прошло мѣсяца, умеръ мой вѣнчатый братъ Николай Александровичъ Корсаковъ, похоронилъ и его въ Давиловѣ монастырѣ.

Сороковой день по Варварѣ Николаевнѣ приходилась въ первыхъ числахъ апрѣля, что было на Святой Недѣлѣ, и потому въ понедѣльникъ на Фоминой справили сорочины, а въ среду положили быть вѣнчанью. Владиміръ нанялъ домъ Герардовой, напротивъ меня, и къ Святой туда переѣхалъ.

Вѣнчать должны были поутру, и мнѣ быть посаженою матерью, а у меня съ вечера еще начались такіа слазмы въ желудкѣ что я не знаю могу ли ѣхать въ церковь. Поминутно присылають узнавать о моемъ здоровьѣ, а я лежу ласть-ластомъ; ну, наконецъ, полегчало, я встала и кое-какъ могла ѣхать въ церковь. Вѣнчали въ домовоѣ церкви Алексѣя Ивановича Бахметева, въ Старой Комяшениной, гдѣ вѣнчали и Грушеньку.

Въ августѣ того же года 20 числа скончался зять мой, князь Николай Семеновичъ Вяземскій; онъ жилъ мелодалеку отъ меня въ своемъ домикѣ на Остоженкѣ.

Тоже скоро его свернула болѣзнь—воспаленіе. Къ шести недѣлямъ оба сына пріѣхали. Андрей пріѣхалъ первый и увидавъ завѣщаніе отца, прочиталъ его и пришелъ съ нимъ ко мнѣ въ ужасномъ смущеніи:

— Представьте, говорить,—тетушка, батюшка лишилъ брата наслѣдства: все оставилъ мнѣ, ему ничего.

Показываетъ,—точно, все ему, брату его ничего. Князь Николай Семеновичъ никогда не могъ въ душѣ простить князю Александру что онъ лопалъ въ заговоръ противъ государя, а тутъ онъ еще себѣ повредилъ тѣмъ что женился почти что противъ воли отца на Корсаковой, вотъ онъ въ отместку ему и хотѣлъ его всего лишить.

— Ну, какъ же ты думаешь? спрашиваю я князя Андрея.

— Я хочу, тетушка, скрыть отъ брата духовную, и какъ сдѣдуетъ все съ нимъ раздѣлить пополамъ: имѣніе, движимость и деньги.

Я обняла его и поцѣловала:

— Это ты доброе дѣло сдѣлаешь, и грѣхъ съ отцовой души спишешь, говорю я.

Онъ духовную отца изорвалъ и съ братомъ все пополамъ раздѣлилъ. Себѣ взялъ Студенецъ, Веневское имѣніе и половину Рязанскаго, а остальное все отдалъ князю Александру, такъ что тому пришлось еще и больше чѣмъ ему. Онъ не пожадничалъ и поступивъ по совѣсти былъ этимъ очень успокоенъ; а брату ничего и не сказалъ: на что было его вооружать противъ памяти отца?

Честный и хороній былъ человекъ князь Андрей.

V.

Приблизительно въ это время, но въ точности въ которомъ именно году — въ 32, 33 или 34 — припомнить не могу, Господь порадовалъ меня на счетъ брата князя Владимира Михайловича Волковскаго. Онъ обратился на луть истинны. Начитавшись смолоду Вольтера и Дидерота, онъ ни во что святое не вѣровалъ, и хотя мы были дружны, но на этотъ счетъ всегда съ нимъ расходились во мнѣніяхъ и этого предмета не касались: я вѣровала какъ учить Церковь, онъ все отвергалъ, что жь тутъ говорить. Его не разувѣришь что онъ заблуждается, а слушать его было неприятно и страшно: христіанствъ, а говорить какъ язычникъ и лѣтъ сорокъ или больше не былъ на духу, не причащался...

Назималъ онъ нижній этажъ въ домѣ Владимира Курсово, на Свѣномъ бульварѣ, что за Смоленскимъ рынкомъ. Онъ любилъ ходить пѣшкомъ, часто хаживалъ ко мнѣ, и всегда остановится и спрашиваетъ у лавокъ: почемъ крупа, овесъ, мука, по какой цѣнѣ сѣно. Какъ-то осенью въ базарный день идетъ онъ черезъ Свѣную площадь. Торгъ кончился, всѣ разѣхались, стоитъ только какой-то старикъ мужичокъ съ двумя возами.

— Почемъ продаетъ сѣно? спрашиваетъ братъ.

— Кулите, батюшка, говоритъ старикъ, — дорого не возьму, и сказалъ цѣну.

— А сколько въ возахъ? нужно вывѣсить.

И потомъ прибавилъ: „Вотъ что, любезный, сѣдай-ко сколько во мнѣ вѣсу“. Мужичекъ покачалъ головой и не тронулся съ мѣста.

— Что же ты головой качаешь? спрашиваетъ князь Владимиръ,—что тутъ тебѣ страннаго?

— Да, баринъ батюшка, подлинно чудно мнѣ это...

— Что жь тебѣ чудно?

— А вотъ что, мой кормилецъ, не въ обиду будь сказано вашей милости: намъ съ тобою, батюшка, здѣсь вѣшаться не приходится...

— Отчего же такъ?

— Да такъ, батюшка, мы старички съ тобою, не на этихъ вѣсахъ намъ сѣдуетъ вѣшаться; насъ вонъ *здѣ* съ тобою будутъ вѣшать, и указалъ пальцемъ на небо.

Братъ засмѣялся:

— Ну, это еще вопросъ, право есть ли тамъ и вѣсы-то.

Мужичокъ перекрестился...

— Ахъ что ты родимый, да какъ же можно, тамъ всѣхъ завѣшиваютъ.

— Кто жь это знаетъ?

— Вотъ что, батюшка мой, выслушай мою глупую рѣчь... Ты говоришь что тамъ вѣты вѣсовъ, а мнѣ такъ думается что есть, ну такъ и живетъ; умри я, умри ты, я въ накладѣ-то не буду, а тебѣ какъ бы не прогадать, батюшка; тогда вѣдь ужъ не воротиться назадъ, кормилецъ ты мой.

Братъ задумался, велѣлъ старику отвезти оба воза сѣна къ себѣ на дворъ и сказать чтобы дворецкій привалъ, а самъ пришелъ ко мнѣ, да все это мнѣ и рассказываетъ.

— Вотъ, говорить, сестра,—что ты на это скажешь?

Въ другое время я съ нимъ объ этомъ и разговаривать бы не стала,—что толку спорить,—а тутъ я сама не знаю почему ужасно обрадовалась.

— Ну, слава Богу, говорю я,—это Господь тебя къ Себѣ невѣдомыми путями призываетъ, обращенія твоего ждетъ.

— Что же ты мнѣ посоветуешь?... Докажи мнѣ кто-нибудь что я въ заблужденіи, я не прочь увѣровать.

— Ежели ты это вслаправду говоришь, советую тебѣ съѣздить къ митрополиту Филарету и все ему подробно объясни, а тамъ ты увидишь что онъ тебѣ скажетъ.

Господь видимо его къ Себѣ призывалъ. Онъ меня послу-

шался и поѣхалъ къ митрополиту, и долго у него сидѣлъ. Владыка выслушивалъ его, опровергалъ его сомнѣнія и потомъ сказалъ ему что пришаетъ къ нему протоіерея съ которымъ онъ можетъ подробнѣе поговорить, убѣдиться въ истинности ученія нашей Церкви, и можетъ взять его въ духовные отцы.

На слѣдующій день къ нему отъ митрополита пришелъ протоіерей церкви Троицы, что на Арбатѣ, Сергѣй Ивановичъ.

Онъ сталъ у брата бывать, приносилъ ему книги, объяснялъ ему чего онъ не понималъ, не зная по-славянски, и наконецъ братъ пожелалъ говѣть, подробно исповѣдалъ всѣ грѣхи прошлой жизни и сподобился принятія Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Съ тѣхъ поръ онъ ежегодно говѣлъ, соблюдалъ посты и посѣщалъ храмъ Божій. Въ первый разъ, когда онъ пріѣхалъ въ церковь, ко мнѣ въ приходъ, къ Троицѣ въ Зубовѣ, онъ мнѣ лосѣвъ сказывалъ что ему было совѣстно и неловко, и что ему показалось что всѣ на него глядятъ.

— Это, братъ, тебя врагъ смущаетъ; ему жаль что онъ не могъ тебя освѣтить до конца; совѣстно и неловко быть тамъ гдѣ мы дѣлаемъ что-нибудь худое, а не во храмѣ Божиємъ.

Князь Владиміръ былъ человѣкъ умный и много въ свою жизнь перечиталъ книгъ, и вотъ въ какомъ могъ онъ быть заблужденіи и по вражескому дѣйствию. Обращеніе его къ Богу имѣло хорошее вліяніе и на брата Николая Петровича, который одно время тоже свихнулся; онъ сталъ чаще бывать въ церкви, и въ особенности его утвердилъ въ вѣрѣ духовникъ его, священникъ отъ Большаго Вознесенія Петръ Евлаовичъ.

VI.

Въ 1884 или въ 85 году въ нашемъ переулкѣ проявилась новая жительница, старушка лѣтъ шестидесята, очень изъ себя милонидная, по-старушечьи одѣта, но довольно нарядно. Спрашиваю разъ у Екатерины Сергѣевны Герарды:

— Что это за новое лицо у насъ въ церкви бываетъ?

— А это сестра моей сосѣдки Плещеевой—княгиня Трубецкая.

Дворъ Плещеевой былъ рядомъ заборъ съ заборомъ съ Герардовскимъ садомъ. Лѣтъ семь или восемь жила я у Троицы въ Зубовѣ, и Плещееву старушку видала только въ церкви, куда она хаживала со своею горничной, но она ни съ кѣмъ знакома не была: и къ себѣ никого не принимала, и сама ни у кого не бывала. Былъ у нея сперва старый домикъ, она его сломала и выстроила новый на двѣ половинны: въ одной жила она сама, другую отдавала внаймы.

Сперва съ Трубецкою познакомилась Герардова, потомъ познакомилась и насъ, и мы очень сошлись и сблизились.

Она была по себѣ Кромина; это хорошая дворянская фамилія, не особенно знатная, но давнишняя, кажется Нижегородская. Плещееву звали Елизаветою Петровной, Трубецкую Мареею Петровной. Будучи еще дѣвочкой Марееа Кромина часто гаживала и подолгу жила у княгини Трубецкой (жены князя Петра Сергѣевича, Дарьи Александровны, послѣ княжны Грузинской, сестры извѣстнаго князя Егора Александровича); княгиня ее ласкала и считала ее почти что своею воспитанницей; дѣвочка была собою очень хорошенькая, скромная, но веселого и живаго характера. Въ концѣ 1790 годовъ княгиня Трубецкая умерла, оставивъ нѣсколько мальчиковъ и дѣвочку. Кромина была еще очень молода—лѣтъ 14 или 15, и неутѣшно плакала о княгинѣ. Это князю было пріятно; онъ любилъ молодую дѣвушку, душевно привязанную къ его покойной женѣ, и хотя былъ гораздо старше чѣмъ она, можетъ-быть лѣтъ на двадцать или болѣе, онъ женился на Кроминѣ, отъ которой и имѣлъ сына Никиту Петровича.

Не будучи ни особенно умна отъ природы и не получивъ тщательнаго воспитанія, вторая княгиня Трубецкая сама себя довоспитала, усвоила приемы и обращеніе хорошаго круга, а главное—была добрая матица, благочестивая жена, очень вѣжливая и любящая мать и женщина достойная уваженія.

Оставшись молодою вдовой съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, княгиня Марееа Петровна посвятила себя его воспитанію и устройству имѣнія доставшагося на ея вдовью долю и ея сыну, которому пришлось изъ отцовскаго имѣнія очень не много; хотя пасынки ея и были богаты, но по своей матери изъ рода Грузинскихъ. Сынъ выросъ, и мать была имъ утѣшена: онъ вышелъ хорошій человекъ, къ матери почтительный, и по ея желанію онъ женился довольно молодымъ на весьма

достойной и умной дѣвицѣ, на фрейлинѣ Нелидовой, которая на нѣсколько лѣтъ была старше его; они жили согласно и имѣли двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Устроивъ судьбу сына по своему желанію, Марья Петровна пріѣхала въ Москву жить съ престарѣлою сестрой (а можетъ статья и стеречь ея наслѣдство). Любя сына и заботясь объ его довольствѣ, княгиня очень попорижалась, во всемъ себѣ отказывала чтобъ имѣть возможность побольше скопить для сына. Она тѣснилась съ сестрою въ нѣсколькихъ комнаткахъ, имѣя только человѣка и дѣвushку, а лошадей не держала. Она иногда хаживала въ церковь лѣшкомъ, а зимою или въ ненастье, по воскресеньямъ и въ праздники, отъѣхавъ въ церковь, я посылала за нею свою карету, въ которой потомъ опять ее отвозила. Въ продолженіе пяти-шести лѣтъ что мы жили въ одномъ переулкѣ, почти что наискосокъ другъ противъ друга, мы очень облизались и ужь непременно видались два-три раза въ недѣлю. Потомъ старушка Пящеева умерла, княгиня перѣѣхала въ Петербургъ и послѣ того въ Нижегородскую деревню, а я свой домъ въ Зубовѣ продала; мы изрѣдка переписывались, и Клеопатра частеховько исполняла комиссію княгини, но видѣться болѣе уже намъ не приходилось. Я сохранила о ней самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ и хорошемъ человѣкѣ.

Падчерица ея была за графомъ Потемкинымъ, который имѣя свой домъ на Пречистенкѣ, и владея очень большимъ состояніемъ, былъ, говорятъ, постоянно безъ денегъ и терпѣлъ не рѣдко великую нужду.

Одинъ изъ пасынковъ Марьи Петровны былъ женатъ на Бахметевой (родной племянницѣ княгини Агаѣоклеи Александровны Шаховской) и имѣя нѣсколькихъ дочерей, изъ которыхъ самая младшая вышла потомъ за сына княгини Ирины Никитичны Уруевой, князя Сергія Николаевича; на мой взглядъ она была ангеломъ по наружности, а по словамъ ея свекрови ангеломъ и по характеру и добротѣ.

VII.

Черезъ годъ послѣ смерти князя Николая Семеновича Вяземскаго старшій сынъ его князь Андрей женился на замужней жевницѣ Натальѣ Александровнѣ Гурьевой. Мужъ этой молодой красавицы былъ человѣкъ очень богатый и съ тѣмъ вмѣстѣ большой игрокъ, который велъ очень разсѣянную жизнь, прекрасную свою жену любилъ, баловалъ, но должно было плохо за нею смотрѣть, и выигрывая въ карты, проигралъ жену: она понравилась князю Андрею, а онъ ей, и вышла бѣда для оплошнаго мужа. Князь Андрей былъ должно было мастеръ ухаживать, и увиваясь за Гурьевой, вскружилъ ей голову. Но она была честною женщиной и видя что Вяземскій въ нее влюбленъ, однажды спрашиваетъ его: „Скажите, князь, къ чему вы меня преслѣдуете? развѣ вы не знаете, что я замужняя жевница, что я себя уважаю и что вамъ невозможно отъ меня добиться чтобъ я забыла свой долгъ?“

— Для влюбленнаго человѣка все возможно, говоритъ онъ ей,—я ни предъ чѣмъ не останавливаюсь, я добьюсь что вы будете моею.

— О, ежели такъ, то вотъ моя рука; хлопочите о разводѣ, быть вашею женою я согласна.

Какъ принялъ это Гурьевъ и что побудило его жену рѣшиться на разводъ—я не знаю, но только Гурьевъ согласился принять на себя всякія вины чтобъ его жена могла выйти за Вяземскаго. Говорятъ что онъ былъ скулевецъ, а жена его много тратила, что не задолго предъ тѣмъ ему пришлось залатать за нее по счетамъ изъ модныхъ лавокъ больше двѣнадцати тысячъ ассигнаціями, что будто бы и побудило его согласиться, на разводъ.

Стали хлопотать, дѣло князю Андрею стоило большихъ денегъ, кажется тысячъ до сорока ассигнаціями.

Не порадовалась я когда онъ извѣстилъ меня о своей жевницѣ, но когда черезъ годъ послѣ того онъ пріѣхалъ въ Москву и привезъ ко мнѣ свою молодую жену, я конечно приняла ее какъ жену моего племянника, сына моей родной сестры. Совѣта моего онъ не спрашивалъ, а только объявлялъ мнѣ что женится; что же мнѣ оставалось дѣлать?

Княгиня Наталья была очень видная и статная женщина

прекрасная собой; ей было лѣтъ около тридцати, а князю Андрею нѣсколько лѣтъ болѣе; и по годамъ, и по наружности это была прекрасная пара, и хотя бракъ былъ законнымъ, а все же какъ тамъ ни говори, и съ той и съ другой стороны такое супружество было большимъ беззаконіемъ. Княгиня Наталья и сама это чувствовала, и одинъ разъ сказала мнѣ:

— Знаете ли, тетюшка, я иногда себя спрашиваю: хорошо ли я сдѣлала что вышла за Андрея; какъ вы думаете?

Очень я затруднилась отвѣтомъ; однако думаю: „Спрашиваютъ тебя, что же тутъ лукавить—говори правду“, и сказала ей: „Милая моя, ежели бы ты меня не спросила что я думаю, я бы не позволила себѣ высказывать тебѣ своихъ мыслей; но разъ что ты спрашиваешь, то должна тебѣ признаться что не могу сказать чтобы считала хорошимъ отъ живаго мужа выходить за другаго.“

— Вотъ и мнѣ такъ кажется, и я боюсь что меня Богъ накажетъ за это; прежде я грозы совѣмъ не боялась, а теперь я стала очень бояться...

Должно-быть она пересказала своему мужу нашъ разговоръ, князь Андрей вдругъ пересталъ ко мнѣ ѣздить: жена бываетъ, а онъ ни ногой, такъ больше полугода у меня и не бывалъ. Потомъ ему стало самому совѣстно что бросилъ старуху-тетку, явился ко мнѣ съ повинной головой, сталъ на колѣни, просилъ прощенія, но о причинѣ за что на меня сердился не было и рѣчи; такъ дѣло и обошлось.

Нельзя не отдать справедливости княгинѣ Натальѣ: она была премилая и преласковая, не только ко мнѣ, но ко всякому; каждому найдешь что сказать пріятное и никогда ни кому не подастъ и виду что ей что-нибудь непріятно. Она была со всѣми особенно учтива: и лакеямъ, и горничнымъ, своимъ и чужимъ, всегда говорила *ты*, что казалось смѣшнымъ и страннымъ. Говорять даже что у себя въ деревнѣ она говорила бурмистру: „послушайте, бурмистръ, я хотѣла васъ попросить“... Это ужъ черезчуръ по иностранному.

Но при всей своей добротѣ и съ хорошимъ своимъ характеромъ она не умѣла сдѣлать мужа счастливымъ: была сапожкомъ мотовата, охотница рядиться и отдѣлывать наемныя квартиры, и этимъ излишними тратами ввела мужа въ долги и разстроила его состояніе. Милая и пріятная женщина, но совѣмъ не хозяйка, а совершенная лустодомка.

Жена князя Александра, напротивъ того, всегда обращалась съ людьми свысока и слишкомъ повелительно, даже рѣзко; въ чемъ былъ недостатокъ у одной, въ томъ былъ излишекъ у другой.

Княгиня Александра въ особенности долекала своихъ людей своимъ прихотничествомъ, чрезмѣрною брезгливостью и полудничествомъ. Сидитъ бывало до трехъ, до четырехъ часовъ ночи, проспитъ до втораго часа дня, утренній чай свой пьетъ въ четвертомъ часу, обѣдаетъ въ семь, за вечерній чай сядетъ въ одиннадцать часовъ, а иногда вздумаетъ еще и уживать.

На первыхъ порахъ, возвратившись изъ Пензенской деревни, она стала было и ко мнѣ ѣздить вечеромъ пить чай: а собираюсь уже къ себѣ уходить, убираю свою работу, а она является ко мнѣ проводить со мною вечеръ.

Раза два я промолчала что она сидитъ у меня до втораго часа ночи, а потомъ и сказала ей:

— Я всегда рада, моя милая, проводить съ тобою время, но только ты меня старуху не засиживай; ежели угодно ко мнѣ пріѣзжать, такъ милости просимъ пораньше: я въ одиннадцать часовъ ухожу къ себѣ и ложусь спать; поздно сидѣть, воля твоя, а не могу.

Ну и стала она ко мнѣ пріѣзжать часовъ въ восемь, а въ двенадцатомъ уѣзжать. Чтобы подладиться къ своему мужу она не хорошо говорила про государя и про государыню, называла ихъ просто Николай Павловичъ и Александра Федоровна, и у меня разъ вздумала что-то такое неладное сказать; я тотчасъ ее остановила:

— Нѣтъ, матушка, ты при мнѣ этого не говори, я твоихъ пустяковъ слушать не буду; хочешь говорить такъ говори гдѣ угодно, но только не у меня.

Она засмѣялась.

— Ахъ, тетушка, какія же вы строгія!

— Ну не взыщи, моя милая, какова ни на есть, а про государя и государыню у меня худо не говори; я стара и перевоспитывать меня поздно, а я привыкла съ дѣтства благоговѣть предъ царемъ, такъ ужь ты меня въ моемъ домѣ не огорчай...

Ну и тоже, какъ рукой сняло, полно у меня про нихъ худо говорить. Если мы старики будемъ молчать и не ставемъ молодыхъ уговаривать, кому же послѣ того и правду сказать!

Князь Андрей вскорѣ по прїѣздѣ въ Москву (гдѣ жилъ онъ первое время, не знаю) нанялъ дѣвую лодовицу въ домѣ княгини Марыи Петровны Трубецкой, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по просухѣ, собрались ѣхать къ себѣ въ Тульскую деревню, въ Студенецъ. Они то и дѣло что мѣняла квартиры и всездѣ все отдаывали. Одно время они жили на Остоженкѣ, потомъ на Пречистинкѣ, и рѣдко случалось чтобы жили гдѣ болѣе года.

Князь Александръ тоже часто мѣнялъ наемные дома, иногда и не безъ причины. Вотъ что случилось у него въ домѣ который онъ нанявалъ на Сивцевомъ Вражкѣ, у Алексѣева. Къ нему по вечерамъ часто собирались игроки въ баккѣ играть, такъ какъ онъ самъ былъ большой игрокъ, иногда проигрывалъ помвогу, и раза два приходилось и мнѣ его ссужать порядочными кушами денегъ, которыя потомъ онъ мнѣ и возвращалъ очень аккуратно. Разъ онъ мнѣ говоритъ:

— Поздравьте меня, тетущка, я вчера выигралъ двадцать тысячъ, и вотъ вамъ свой долгъ и послѣшилъ привезти.

— Охъ, мой любезный, говорю я ему,—радуясь что ты съ прибылью, да жаль что черезъ карты: *выигралъ и проигралъ*, по пословицѣ, *на одножъ конѣ ѣздятъ...* Сохрани тебя Богъ отъ бѣды, карты до добра не доведутъ....

Онъ поцѣловалъ у меня руку и объялъ меня: „молчи дескать старуха“.

Не прошло десяти дней, у него въ домѣ великая бѣда случилась.

Въ числѣ бывавшихъ у него игроковъ часто ѣзжали какой-то Сверчковъ и Дороховъ. Какъ ихъ звали и что это были за люди, совсѣмъ не знаю. Весь вечеръ играли, дѣло было къ утру; встали, начали считаться, вдругъ проигравшійся опрокинулъ столъ, а выигравшій подбѣжалъ къ письменному столу на которомъ лежалъ кабинетный кивалецъ, хватъ его и нырнулъ имъ въ бокъ опрокинувшаго столъ; тотъ улазъ, хлынула кровь... Пошла суматоха въ домѣ, послали за докторомъ, за женой раненаго, и пока еще можно было, отвезли его поскорѣе домой, гдѣ нѣсколько дней спустя онъ и умеръ. Вотъ онѣ карты-то до чего доводятъ.

Къ счастью тогда князь Андрей служилъ при князѣ Дмитріи Владиміровичѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Онъ князю передалъ обстоятельства этого дѣла, тотъ послалъ за оберъ-полицеймейстеромъ Цыпскимъ, такъ дѣло замаяло и въ

огааску не пустили. Въ этомъ же несчастномъ домѣ умеръ у Вяземскихъ второй мальчикъ—Алеша, котораго мать особенно любила; послѣ этого они и поселились перемѣнить квартиру....

На слѣдующій годъ князь Андрей купилъ дачу за Трехгорною заставой,—большой, прекрасный домъ съ обширнымъ садомъ и множествомъ построекъ, и заллатилъ всего двадцать пять тысячъ ассигнаціями. Прежде эта дача принадлежала какому-то игроку Дмитріеву, онъ самъ строилъ домъ; гдѣ-то внизу была прекрасная потаенная комната, въ которой у него вели игру очень большую. Этотъ домъ для Вяземскихъ былъ находкой, потому что князь Александръ и безъ того уже былъ подъ надзоромъ полиціи, а послѣ Дороховской исторіи за нимъ стали еще зорче слѣдить и ему хорошо было жить не въ городѣ. Князь Андрей вздумалъ было завести тутъ сахарный заводъ, посадилъ въ него много денегъ, но толку не вышло. На этой дачѣ они жили года полтора или два и зиму и лѣто.

Прихоти княгини Александры, смѣшныя и забавныя со стороны, были очень обременительны для домашнихъ, для мужа, а въ особенности для прислуги и для ея горничныхъ. Она не иначе шла отъ своей постели къ туалетному столу какъ по бѣлымъ простынямъ. На тотъ стулъ на которомъ она садеть опять накинута простыня, и когда она садится чесать голову, ее покрываютъ простыней. Дѣвушка должна надѣть бумажныя бѣлыя перчатки и такъ въ перчаткахъ ее и чешутъ, что конечно неловко, но до этого ей нѣтъ дѣла, не задръпи ни волосика. Потомъ начнется безконечное умыванье и тоже съ прихотями въ этомъ родѣ и при этомъ она разъ двадцать выбрать несчастную горничную: „Ахъ, какъ ты глупа, да ты кажется съ ума сошла; ты ничего дѣлать не умѣешь; что съ тобою сегодня; ты совсѣмъ поглупѣла....“ И эта исторія повторялась каждый день. Одѣвалась она часа два-три. Потомъ подадутъ ей чай: человѣкъ будь въ перчаткахъ, ну это такъ и надо, но мало того: носи подносъ такъ чтобы не дотронуться до него рукой въ перчаткѣ, а держи салфеткой... И опять лойдетъ ссора: „Не трогай рукой, ты хочешь чтобы я ничего не ѣла,—я не стану послѣ этого пить, это просто противно какъ ты подаешь....“

За обѣдомъ олять какія-нибудь новыя проказы....

Въ особенности въ дорогѣ мучила она своихъ людей и дѣвушекъ; идти къ каретѣ—надѣвъ дѣвушка колоши, но въ ка-

рету входа—дай человѣку. снать въ ту самую мнвуту какъ входишь; сиду дѣвушка не шевельнись, не кашляни, не до- тронься до ея ноги; да и пересказать всего нельзя до чего до- ходили ея брезгливость и требовательности: вѣдь и всѣ мы тоже любимъ чистоту и опрятство, но не въ тягость себѣ и не на муку другимъ.

Княгиня Наталья не имѣла никакихъ этихъ странностей, она только любила чтобъ у нея въ домѣ было все роскош- но, а главное—имѣть хорошенькій туалетъ, и очень просто- сердечно признавалась въ этомъ.

— Я скорѣе буду ѣсть размазю безъ масла и готова от- казать себѣ во всемъ прочемъ, но люблю чтобы то что я на себя надѣваю было хорошо.

И именно это-то желаніе наряжаться и повредило ей и разстроило ихъ дѣла. При всѣхъ хорошихъ свойствахъ ни та, ни другая княгиня Ваземская * не умѣли составить сча- стія мужа, обѣ разстраивали состояніе мужей и ни которая не были вполнѣ счастливы, тогда какъ онѣ могли бы быть, имѣя все что для того нужно.

VIII.

У племянницы моей княгиня Настасья Николаевна Вя- земской нѣсколько прежде года послѣ свадьбы родилась дочь Ольга; крестили ее братъ Николай Петровичъ и княгиня Елизавета Ростиславаовна. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и я скажу что этого и можно, и должно было ожидать. Настень- ка была держава въ хлопкахъ и оттого вышла слабая и бо- лѣзненная дѣвушка, которой бы и замужъ-то идти вовсе не слѣдовало; князь Александръ Сергѣевичъ, напротивъ того, человѣкъ здоровый и плотный, былъ живаго и веселаго ха- рактера; ему нужно было жену которая бы могла съ нимъ скакать и верхомъ, и мчаться на лихой тройкѣ, ѣхать на балъ, въ театръ, принять дома его молодыхъ и веселыхъ то- варищей, а Настенька по привычкѣ и по слабости здоровья боялась чтобы на нее свѣжій воздухъ не пахнулъ: словомъ сказать, оба они другъ другу были не пара. Болѣе всего

* Княгиня Наталья Александровна умерла въ 1876 или 77 году за границей и тамъ скоронена. Княгиня Александра Александровна умерла въ 1860 году въ своей Пензенской деревнѣ.

вию брата и невѣстку, да и княгиню Елизавету не похваляю: зная своего сына и видя воспитаніе Настеньки ей бы сѣдовало не слаживать этотъ бракъ, а всѣми силами мѣшать ему.

Она была дружна съ братомъ, такъ и думала что женивъ своихъ дѣтей, то-то заживуть душа въ душу; вышло наоборотъ: видя что Настенька съ мужемъ не въ особенныхъ ладахъ, братъ и жена его охолодѣли и къ Елизаветѣ Ростиславнѣ, какъ-будто она больше ихъ виновата что сынъ ея женился на ихъ болѣзненной дочери. Сперва она жила у отца съ матерью, когда они переехали въ Петербургъ, кажется у нихъ въ домѣ и родила она ребенка. Вслѣдъ за этою радостью съ небольшимъ черезъ годъ постигло ихъ великое горе: сынъ ихъ Саша, готовившійся въ военную службу, разъ какъ-то лютно пообѣдавъ дома и поѣвъ малины со сливками, отправилась послѣ того въ манежъ, а для того чтобъ ему легче было ѣздить верхомъ онъ крѣпко перетянулся ремнемъ. Ему сдѣлалось вдругъ дурно, говорятъ кровь бросилась въ голову, отъ этого приключилось что-то въ родѣ удара, его привезли домой еле живаго и уже въ безпамятствѣ онъ кончилъ жизнь. Отца и матери не было дома: они поѣхали навѣстить Настеньку; каково же было ихъ пораженіе, когда, возвратившись, они нашли сына уже мертвымъ; это случилось 20 іюня 1834 года. Его схоронили въ Александроневской Лаврѣ.

Эта потеря сильно подѣйствовала на брата и на его жену, и они скорехонько изъ Петербурга возвратились въ Москву, а Настенька, проживъ съ мужемъ въ Царскомъ Селѣ, по слабости здоровья тоже должна была поскорѣе уѣхать изъ Петербурга и его окрестностей, по причинѣ дурнаго вліянія на нее тамошняго сыраго климата. Дѣвочку ея взяла къ себѣ княгиня Елизавета и у ней она и жила въ первые годы своего дѣтства.

Княгиня Елизавета Ростиславна по отцу своему, Ростиславу Евграфовичу, приходилась батюшкѣ двоюродною племянницей, а мнѣ внучатною сестрой. Она была лѣтъ на пятнадцать моложе меня, но со временемъ эта разница лѣтъ сгладилась и мы съ нею очень были дружны. Охлажденіе которое вышло между ею и братомъ меня не коснулось, и мы съ нею остались въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, за что невѣстка на меня сперва немного косилась, но мнѣ до этого дѣла нѣтъ: черезъ чужіе нелады я своей дружбы никогда ни съ кѣмъ не разорву, ежели сама не имѣю на то причинъ.

Она вышла замужъ въ молодыхъ лѣтахъ за князя Сергія Сергѣевича Вяземскаго, который по своей матери (Аннѣ Федотовнѣ Каменской) приходился роднымъ племянникомъ бабушкѣ Аграфенѣ Федотовнѣ Татищевой (третьей женой дѣдушки Евграфа Васильевича); следовательно хотя онъ и не былъ въ прямомъ родствѣ со своею женою, но въ очень близкомъ свойствѣ.

По своему отцу (князю Сергію Ивановичу) онъ приходился моему зятю князю Николаю Семеновичу Вяземскому двоюроднымъ братомъ.

Онъ былъ очень живой и веселый, изъ себя видный и красивый мужчина, разговорчивый и любезный и большой шутникъ, а когда былъ помоложе—и не послѣдней руки любезнякъ. Вообще это былъ человѣкъ пріятный въ обществѣ, который любилъ лежать, да кажется любилъ и въ карточки играть; но впрочемъ залюбленнымъ игрокомъ онъ не былъ и не большой былъ мастеръ выигрывать. У него было много дѣтей, но до зрѣлаго возраста дожила только трое,—два сына и дочь.

Не могу теперь припомнить по какому случаю княгиня Елизавета хорошила дѣтей своихъ въ Перервинскомъ монастырѣ; тамъ ихъ скоронею трое, либо четверо: всѣ она умершіе въ дѣтствѣ; между прочими была одна дѣвочка которую звали Агладой.

Оставшуюся въ живыхъ дочь Варвару княгиня Елизавета сама кормила, холила и росла, и такъ какъ была начальницей Дома Трудолюбія въ Москвѣ, который привела въ хорошій порядокъ, то своею службой выслужила дочери и фрейлинскій вензель, должно-быть въ 1835 или 1836 году, а въ 1837 году княжна Варвара вышла за Ивана Ивановича Ершова.

Старшій Вяземскій былъ мужъ Настеньки Корсаковой, а второй, князь Николай Сергѣевичъ, былъ женатъ на дочери бывшаго московскаго вице-губернатора—Екатерины Петровны Новосильцевой.

Здоровье княгини Настасьи Вяземской не поправлялось, а все болѣе и болѣе слабѣло, и потому, переѣхавъ въ Москву къ отцу съ матерью, она у нихъ все и жила въ домѣ и прежде ихъ обоихъ умерла въ 1848 году.

Годъ или два спустя послѣ смерти своей жены князь Александръ Сергѣевичъ, которому было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, женился вторично на вдовѣ Олсуфьевой, Екатерины

Львовѣ, урожденной баронессѣ Бодѣ. Она была веселаго характера, живая, легкая на подъемъ, ѣздила съ мужемъ по разнымъ городамъ, гдѣ ему приходилось стоять со своимъ полкомъ, жила въ деревнѣ, и вообще кажется оба они довольно были другъ другомъ. *

IX.

Въ 1837 году, когда въ февралѣ мѣсцѣ пришло въ Москву печальное извѣстiе о печальной кончинѣ славнаго сочинителя Пушкина, я тутъ припомнила о моемъ знакомствѣ съ его бабушкой и со всею его семьей.

Бабушка его со стороны его матери (Надежды Осиповны Гаввибалъ), Марья Алексѣевна, бывшая за Осипомъ Абрамовичемъ Гаввибаломъ, была дочь Алексѣя Федоровича Пушкина, женатаго на Сарѣ Юрьевнѣ Ржевской, и приходилась, потому ввучатвою племянницей покойному мужу сестры Елизаветы Александровны Ржевской, и они между собой родствомъ считались, оттого была и я съ нею знакома, да кромѣ того впаались мы еще у Грибоѣдовыхъ. Когда она выходила за Гаввибала, то считали этотъ бракъ для молодой дѣвушки неравнымъ и кто-то сложилъ по этому случаю стишки:

Нашлась такая дура
Что не спросясь Амура
Пошла за *Визанура*.

Но съ этимъ Визануромъ, какъ называли Осипа Абрамовича (потому что онъ былъ сынъ Арала и крестника Петра Великаго — Абрама Петровича), она жила счастливо и вотъ ихъ-то дочь и вышла за Сергѣя Львовича Пушкина.

Года за два или за три до Французовъ, въ 1809 или 1810 году, Пушкины жили гдѣ-то за Разгуляемъ, у Елохова моста, занимали тамъ просторный и помѣстительный домъ, чей именно—не могу сказать навѣрно, а думается мнѣ что Бутурдиныхъ. Я туда ѣздила со своими старшими дѣвочками на танцевальныя уроки, которые онѣ

* Отъ втораго брака князя Александра Сергѣевича родились сынъ— князь Константинъ Александровичъ и княжна Софья Александровна, нынѣ въ супружествѣ за княземъ Александромъ Борисовичемъ Голицынымъ. Княжна Ольга Александровна Вяземская (отъ перваго брака) за графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Буковевденъ.

брали съ Пушкиной дѣвочкой, съ Грибоѣдовой (сестрой того что въ Персіи потомъ убили); бывали тутъ еще дѣвочки Пушкины и другія, кто—не помню хорошеыко.

Пушкины жили весело и открыто, и всѣмъ домою завѣдывала больше старуха Ганнибалъ, очень умная, дѣльная и разсудительная женщина; она умѣла домъ вести какъ слѣдуетъ и она также больше занималась и дѣтьми: принимала къ нимъ мамзелей и учителей и сама учила. Старшій внукъ ея Саша былъ большой увалець и дикарь, кудрявый мальчикъ лѣтъ девяти или десяти, со смуглымъ личкомъ, не скажу чтобы слишкомъ прогладымъ, но съ очень живыми глазами, изъ которыхъ искры такъ и сыпались.

Иногда мы прїѣдемъ, а онъ сидитъ въ залѣ, въ углу, обгороженъ кругомъ стульями: что-нибудь накуралесилъ и за то оштрафованъ, а иногда и онъ съ другими лустится въ паясы, да такъ какъ очень онъ былъ недовокъ, то надъ нимъ кто-нибудь посмѣется, вотъ онъ весь покраснѣетъ, губу надуетъ, уйдетъ въ свой уголокъ и во весь вечеръ его со стула никто тогда не стащитъ: значить его за живое задѣли и онъ обидѣлся; сидитъ одишешекъ. Не разъ про него говаривала Марья Алексѣевна: „Не знаю, матушка, что выйдетъ изъ моего старшаго внука: мальчикъ умный и охотникъ до книжекъ, а учится плохо, рѣдко когда урокъ свой сдастъ порядкомъ: то его не расшевелишь, не проговяшь играть съ дѣтьми, то вдругъ такъ развернется и расходится что его ничѣмъ и не уймешь; изъ одной крайности въ другую бросается, нѣтъ у него середины. Богъ знаетъ чѣмъ это все кончится, ежели онъ не перемѣнится.“ Бабушка, какъ видно, больше другихъ его любила, но журила порядкомъ: „Вѣдь экой шалуень ты какой, помани ты мое слово, не сносишь тебѣ своей головы.“

Не знаю каковъ онъ былъ потомъ, но тогда глядѣлъ рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... Мальчикъ Грибоѣдовъ, нѣсколькими годами постарьше его, и другіе ихъ товарищи были всегда такъ чисто, хорошо одѣты, а на этомъ всегда было что-то и неопрятно, и сидѣло не складно.

Года за полтора до Двѣнадцатаго Года Пушкины перѣѣхали на житье въ Петербургъ, а потомъ въ деревню, и я совершенно потеряла ихъ изъ виду. Мы съ Марьей Алексѣевой больше уже и не видалсь; когда умерла—не знаю. Братъ Сергѣя Львовича, Василій Львовичъ, былъ сочинителемъ и стихотворцемъ, и былъ женатъ на Капитолинѣ Михайловнѣ,

замѣчательной красоты; она съ мужемъ разошлась и вышла за Мальцева, но съ первымъ своимъ мужемъ все-таки осталась въ дружескихъ отношеніяхъ, и онъ тоже не переставалъ быть пріятелемъ Мальцева.

Кромѣ этихъ Пушкиныхъ знавала я еще и другихъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ—Софью Ѳедоровну и Анну Ѳедоровну; обѣ онѣ воспитывались у Екатерины Владиміровны Апраксиной и она выдавала ихъ замужъ. Первая была стройна и высока ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными какъ смоль глазами, и была очень умная и милая дѣвушка; она вышла потомъ за Валеріана Александровича Панина и имѣла трехъ сыновей и дочь.

Меньшая, Анна Ѳедоровна, маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, прелюбная и прелеселая, и хотя не имѣла ни той поступи ни осанки какъ ея сестра Софья, но личикомъ была кажется еще милѣе. Она была за Васильемъ Петровичемъ Зубковымъ; у нихъ было двѣ или три дочери и сынъ.

Самую старшую изъ этихъ Пушкиныхъ, бывшую за Евреиновымъ, я видала, но мало ее знала. Кто была ихъ мать сама по себѣ и какъ звали ихъ отца—не знаю. Пушкинымъ Львовичамъ онѣ были сродни, а также и женѣ князя Сергія Ивановича Гагарина, княгинѣ Варварѣ Михайловнѣ, урожденной Пушкиной.

Панина и Зубкова были послѣднія изъ молодыхъ дѣвицъ воспитывавшихся у Апраксиной; прежде ихъ были двѣ княжны Голицыны, дальнія родственницы Апраксиной: Марья Дмитриевна была за княземъ Ухтомскимъ, а Вѣра — за Голицынымъ; и очень миленькая Анна Щитцъ, вышедшая за очень богатаго человѣка Устинова.

Въ 1838 году я задумала продать свой домъ у Троицы въ Зубовѣ: флигель и надворья строенія стали ветшать, требовали большихъ поправокъ и издержекъ; возиться съ этимъ мнѣ не хотѣлось, и потому я и заблагоразсудила лучше продать. Скоро нашелся охотникъ, Бухмейеръ, онъ купилъ мой домъ за двадцать восемь тысячъ рублей ассигнаціями, и проживъ въ немъ десять лѣтъ, я перѣехала на Поварскую; тамъ въ Трубномъ переулкѣ, у Рождества въ Кудринѣ, я наняла домъ Каливецкаго....

НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ

РАЗКАЗЪ.

Elle était de ce monde où les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et rose,—elle a vécu ce que vivent les roses
L'espace d'un matin!

I.

Чудесное утро въ срединѣ апрѣля. Сухумская бухта тиха и прозрачна, точно зеленоватое, плохое стекло. На солнцѣ блещутъ и переливаются даже разноцвѣтные камешки на днѣ ея, хотя море здѣсь такъ глубоко что пароходъ подошелъ совсѣмъ близко къ пристани.

Волнистыми, капризными очертаніями разбѣгаются въ обѣ стороны горы, постепенно понижаясь, охватывая зеленымъ поясомъ всю бухту. Влѣво онѣ заканчиваются бѣлоснѣж-нымъ столбомъ маяка; вправо сливаются съ моремъ.

Красивы эти горы! Онѣ всѣ изрѣзаны мелкими, прихотливыми складками, тѣнистыми ложбинками; всѣ поросли лѣсомъ и вздымаются тремя или четырьмя ярусами. Бѣлые зубцы самаго задняго, снѣговаго хребта, то прячутся за зеленныя маковки своихъ сосѣдей, то выступаютъ ярко вырѣ-

заясь на глубокой синевѣ неба. Когда пароходъ сомыется съ якоря и удалится въ море, зеленые берега сольются, а свѣжый хребетъ весь выступитъ непрерывною, блистающею цѣлью и составитъ главную черту этой великолѣпной картины. Но, пока близка земля, лигмен засловили великановъ, и глаза ваши разбѣгаются, очарованные подробностями, по зелени всѣхъ цвѣтовъ, по темнымъ лѣсамъ и чудной, чуть не тропической растительности, среди которыхъ хорошевікій городокъ смотритъ еще веселѣе и наряднѣе.

Колокольный звонъ такъ и льется, непрерывный, веселый... Что мудремаго? Нынче праздникомъ праздникъ и торжество изъ торжествъ! нынче Свѣтлое Христово воскресенье!

Вотъ на верхнюю рубку поднялись въ ожиданіи лодокъ пассажиры. Нарядныя дамы и дѣти такъ свѣжи и веселы, мужчины такъ преисполнены собственнаго достоинства, что сейчасъ видно что лутешествіе ихъ только что начинается, и сердитые валы Чернаго Моря еще не дали себя знать имъ.

Одна изъ молодыхъ женщинъ особенно миловидна и оживлена. Для нея и жизненный, не только морской луть, едва начался: она недавно обвѣнчалась и ѣдетъ съ мужемъ за границу. Птичка недавно вырвалась изъ клѣтки и лочуяла силу молодыхъ крылышекъ, легко и бодро несущихъ ее „въ дальній край, за синее море“...

Полковникъ Хмаровъ, мужъ ея, человекъ серьезный, съ чрезвычайно симпатичнымъ, честнымъ лицомъ, влюбленъ въ нее безъ памяти. Если ей Божій міръ являетъ много разнообразныхъ прелестей, то для него во всемъ этомъ мірѣ существуетъ она одна.

Ихъ обоимъ съ утра преслѣдуетъ своими шутками ихъ старый знакомый, капитанъ парохода, видный старикъ, любимецъ всѣхъ пассажировъ безъ исключенія, потому что вниманью его и любезности къ дамамъ нѣтъ границъ. Онъ равно учтивъ и милъ со всѣми женщинами,—что само по себѣ ужъ великая заслуга, потому что природа надѣлила его тонкимъ пониманіемъ женской красоты и эстетическимъ чувствомъ, сохранившимъ всю силу свою и жаръ подъ обманчивою сѣдиной.

Итакъ, любезный капитанъ лосмѣивается надъ продолжительнымъ медовымъ мѣсяцемъ молодыхъ супруговъ, увѣряя что это счастье обманчивое, что состояніе ихъ самое опас-

ное и живое, такъ какъ и уши ихъ, и глаза, и всё семь чувствъ завѣшаны густымъ розовымъ флёромъ, имѣющимъ весьма скоро испариться.

Хорошенькая Лариса Николаевна смѣется; мужъ ея тоже старается смѣяться, хотя въ тайнѣ находитъ эти шутки нескромными и не совсемъ умиственными; но вокругъ ихъ всё искрено вторятъ добродушному веселью капитана. Да какъ и не быть веселымъ въ такое утро, при такой обстановкѣ?..

Необыкновенная прозрачность воды привлекла общее вниманіе. Капитанъ приказалъ прimestь тарелку красныхъ яицъ, и все общество занялось бросаніемъ ихъ за бортъ. При громкихъ восклицаніяхъ удовольствія дѣтей и молодежи, пасхальныя яйца, крутясь и отражаясь въ ряби и снова возвращаясь на поверхность, тихо колыхались на зеленой водѣ. А другія падали какъ ключъ ко дну и, дрожа, медленно опускались на дно, все ниже и ниже, пока не ложились среди разноцвѣтныхъ камешковъ и ракушекъ.

— Точь-въ-точь капли крови! замѣтилъ кто-то.

— Ну что за мрачное сравненіе? воскликнула молодая женщина, надъ которою трунилъ капитанъ.—Этакъ я не хочу больше христосоваться съ моремъ!

— Совершенно справедливое нежеланіе! Похристосуйтесь лучше со мною! находчиво предложилъ капитанъ.

— Нѣтъ, и съ вами не буду! объявила при общемъ смѣхѣ Хмарова.—Я сейчасъ отправлюсь на берегъ.

— Погодите! Позавтракаемъ, удерживали ее.

— Не хочу я завтракать. У меня есть родные въ городѣ. Поѣдемъ Жоржъ! Прощайте, господа!..

Хмаровъ непрекословно ловиновался своей самодержавной властительницѣ.

Быстро скользя по зеркальной глади, лодка въ пять минутъ донесла ихъ до пристани. Празднично и оживленно глядѣла набережная городка. Жители всё высыпали изъ домовъ ради праздника. Нарядные русскіе слобожане съ вѣчными гармониками и сѣмьячками; туземцы въ чохахъ съ гадунами и въ серебряномъ съ чернью оружіи. Между ними Имеретинцы, Мингрельцы и Гурійцы отличались стройностью, необыкновенною величавостью наружности и живописными, совершенно разнохарактерными костюмами. Много было красивыхъ лицъ лодъ плоскими имеретинскими шалочками въ видѣ расшитого золотомъ, складнаго блина, который только и

можетъ держаться на густыхъ, пушистыхъ волосахъ дѣтей Имеретіи, составляющихъ какъ бы природную шапку.

Въ противоположность другимъ горцамъ, между вами часто попадаются бѣлокурые и голубоглазые люди. Боле другихъ бросались въ глаза тошкія, смуглая лица Гурійцевъ и ихъ оригинальные костюмы: короткія куртки, часто красныя и расшитыя шкурками; красныя же или коричневыя башмаки въ нѣсколько разъ обмотанные кругомъ головы и широчайшіе пояса, тоже намотанные много разъ вокругъ тѣла, скрывающія въ складкахъ своихъ пистолеты и кинжалы, рукоятки которыхъ торчатъ въ разныя стороны. Природные жители Сухума, Абхазцы, мальчи и одѣты бѣднѣе другихъ горцевъ. Да здѣсь ихъ было мало въ этотъ праздничный день: они живутъ въ окрестностяхъ и являютъ въ городъ больше въ базарные дни.

Не мало было разсылаемо по всѣмъ улицамъ, въ особенности возлѣ гостепріимно открытыхъ дверей „заведеній“, и православнаго воинства, въ праздничной амуниціи. Сноваки по городу, въ особенности по главной улицѣ что вела къ набережной и губернаторскому дому, и экипажи съ высшимъ обществомъ, преимущественно со служащими, затянутыми въ полную парадную форму. Возлѣ дома губернатора,—очень красиваго, большаго зданія на самомъ берегу моря, съ садомъ, пристанью и купальней,—ковчево было всего боле движенія.

Пройдясь по набережной Хмаровы остановился въ затрудненіи. Имъ очень хотѣлось побывать въ Сухумскомъ саду, о которомъ они слышали еще въ Тифлисѣ; но несмотря на равную весну, въ этомъ благодатномъ уголкѣ Кавказа такъ парило что идти лишкомъ, особенно изнѣженной Ларисѣ Николаевнѣ было не мыслимо. Она и теперь ужь еле шла, опираясь на руку мужа; а фаятона не видно было нигдѣ. Мѣстная биржа не могла быть большою, и въ такой день разумѣется всѣ экипажи были разобраны.

Хмарова шла капризно ворча на свою судьбу и непростительную недогадливость мужа.

— И отчего было не распорядиться заранѣе? Отчего не послать впередъ, занять фаятонъ?.. Какъ же некогда не подумать!

— Дружокъ мой! тихо оправдывался полковникъ, теравшій предъ этимъ благопріобрѣтеннымъ деслотомъ всю свою во-

пскую храбрость.—Я же просилъ тебя позволить мнѣ сначала распорядиться. Ты сама не хотѣла подождать.

— Волямо же раньше было не сдѣлать! Гдѣ же ждать?... Пароходъ не будетъ стоять цѣлый день, а я хочу видѣть городъ и надо побывать у твоихъ родственниковъ.

— Да, у Темрюковыхъ я хочу непременно побывать, и знаешь что, душа моя? Пойдемъ къ нимъ прямо. Давнѣ вѣдъ говорилъ что они на самой набережной живутъ: вѣрно близко! Онь намъ и фэзтонъ разыщеть.

— Да! когда еще разыщеть, а тутъ сиди въ четырехъ стѣнахъ съ твоею глухою тетушкой! Благодарю локорно! Вотъ еще не было печали!..

— Такъ какъ же быть, голубчикъ мой? Вѣдъ ты не можешь идти лѣшкомъ?

— Еще бы въ такой жаръ! Кто жь можетъ... Ахъ! Это послѣднее восклицаніе относилось къ быстре катившей имъ на встрѣчу коляскѣ, въ которой сидѣлъ одивокій господинъ среднихъ лѣтъ, въ сіяющемъ бѣлизною костюмѣ. При видѣ Хмаровыхъ лицо его озарилось удовольствіемъ, брови удивленно поднялись, и онъ всталъ, держась за козлы одною рукою, другою приподымая широкополую соломенную шляпу, крича кучеру чтобъ онъ оставовицася.

— Друзья мои! Откуда Богъ занесъ?... Надолго ли?

— На три часа! весело откликнулись супруги.—Съ Мишала.

— Ну?... Только-то?... А я было хотѣлъ тащить васъ къ себѣ на хуторъ: виноградниками своими, пламтаціями хвастаться вамъ. Да нельзя ли, а?... Не отложите ли до слѣдующаго парохода? Вѣдъ билеты цѣны не теряютъ.

— Ой нѣтъ! Давила Сергѣичъ. Невозможно! Не соблазняйте.

— Маршрутъ, братъ, распредѣлень чуть что не по часамъ... Насъ ждутъ въ Одессѣ и въ Парижѣ, и еще гдѣ-то.

— И представьте! Онь не сумѣлъ выхлопотать себѣ отпуску болѣе чѣмъ на три мѣсяца! пожаловалась Лариса Николаевна.

— Ай-ай-ай!... Чудовище! лособолѣзновалъ встрѣчный господинъ улыбаясь.

— А мы только собиравались васъ разыскывать, Темрюковъ. Только вотъ, жена хотѣла бы прежде вашъ садъ посмотрѣть.

— Садъ?... Ну что жь, и отащико! Садитесь: ѣдемъ!

— Да ты куда же это катилъ? Ты не занятъ?

— О, нѣтъ! Я хотѣлъ побывать на своей дачѣ; праздни-
ками воспользоваться.... Да это терпѣть.

— А Марья Ларионовна тамъ?..

— Нѣтъ, матушка еще въ городѣ. Все со своими литом-
цами—Абхазками да Черкешенками возится. Кого замужъ
выдаетъ, кого грамотѣ учить, кого въ христіанство обра-
щать....

— Ого! въ миссіонерство тетушка пустилась?

— И очень успѣшно. Да оно и не мѣшаетъ немножко про-
свѣтить этихъ бѣднягъ насчетъ вновь принятой ими религіи.

— Какъ? Развѣ они теперь только сдѣлались христіанами?
удивилась Хмарова.

— Судя по отчетамъ, обращеніе у васъ идетъ очень быстро?
замѣтилъ полковникъ.

— Да, да; судя по отчетамъ!... улыбулся ихъ собесѣдникъ.—
Да что же мы стоимъ? Садитесь. Вдемъ въ садъ, а потомъ
къ матушкѣ. Она такъ вамъ рада будетъ.

И коляска покатила по широкой, чистой улицѣ, опротиво
обстроенной и усаженной прекрасными деревьями. Громад-
ныя плакучія ивы, кулавшія свои свѣтлозеленыя вѣтви въ
пыли дороги, и темновистые пирамидальныя тополя-великаны,
какъ стрѣлы взлетавшіе къ ясному небу, составляли чудную
аллею, вплоть до казеннаго сада.

Оживленный разговоръ не умолкалъ. Говорили вообще о
положеніи края и его туземцевъ; о замѣчательномъ плодородіи
почвы, производящей все сторицею; о богатѣйшихъ лѣ-
сахъ, гдѣ вѣковые дубы, въ четыре и пять обхватовъ, со-
всѣмъ не рѣдкость, о виноградникахъ, табачныхъ плантаці-
яхъ и необыкновенныхъ урожаяхъ пшеницы, еще мало извѣст-
ной въ Абхазіи, которой жители живутъ одною кукурузой.

Темрюковъ разказывалъ и о своемъ хозяйствѣ, о своихъ
опытахъ разведенія чая, которые чрезвычайно его занимали.
Разказы Темрюкова о необычайныхъ богатствѣ и силѣ поч-
вы подтвердились блистательно осмотромъ казеннаго сада.
Такого разнообразія и мощи растительности, такихъ камелій
и розъ, такихъ чинаровъ, орѣшниковъ, каштановыхъ деревь-
евъ-великановъ никогда не видывала Лариса Николаевна. Въ
этомъ чудесномъ уголкѣ все росло и все цвѣло! Всѣ стволы
древесные, всѣ стѣны и столбы были покрыты вьющимися

растениями: лозами, являющимъ, ползучими розами, которыя добиралась до самыхъ верхушекъ кипарисовъ и акацій и оттуда висладала цвѣтущими гирляндами... Самыя вѣжныя тропическія растенія здѣсь росли свободно, не нуждаясь въ тепличныхъ стеклахъ. Даже пальмы зимовали въ грунтъ. Богатѣйшія оранжереи не могли бы доставить лучшей букетъ цвѣтовъ, чѣмъ тотъ что Темрюковъ подавъ своей кухнѣ, при выходѣ изъ Сухумскаго садика; а такой клубники какою ихъ тамъ угостили Хмарова и не видавала.

Когда они лѣзали обратно Темрюковъ предложилъ прокатиться по городу и проѣзжая знакомилъ ихъ со всѣмъ.

— Вы не думайте что мы совсѣмъ дикари, говорилъ онъ;— у насъ все есть! Вотъ вамъ школа общества возстановленія православія; а вотъ сейчасъ покажу вамъ нашу земскую гимназію. Мы вѣдь тоже какъ люди: отъ просвѣщенія не отстаемъ!... Вотъ, правда, храма Божія настоящаго нѣтъ у насъ пока; но собираемся строить: капиталъ готовъ и вѣрно въ будущемъ году выстроимъ хорошенькую церковь. Это единственное мамелькино горе, а то ей Сухумъ ужасно полюбился....

— Да кажется и тебѣ самому онъ пришелся по душѣ? прервалъ его Хмаровъ.

— Да... что жь? Мѣсто хорошее! согласился Темрюковъ.— Мы здѣсь, вѣроятно, совсѣмъ поселимся.

— А твои кругосвѣтныя плаванія?...

— А лихорадки здѣшней не боитесь? въ одиень голосъ спросила Хмарова.

— Состарилась я, братъ, для кругосвѣтныхъ путешествій, съ улыбкой отвѣчалъ Темрюковъ.— Мечты мечтами и оставутся!... Даже матушка болѣе не тревожится что я уѣду погибать на словенныхъ охотахъ.... А насчетъ сухумской лихорадки мы кажется имѣемъ право считать себя застрахованными. Вѣдь вотъ ужъ сколько лѣтъ живемъ и никогда не болѣли. Они проѣхали мимо старой крѣпости, по берегу моря, къ маяку.

— Посмотрите! снова указалъ онъ:— вотъ здѣсь мѣсто гибели многихъ тысячъ дельфиновъ. Здѣсь ихъ складываютъ и толятъ ихъ жиръ. Въ эти дни бѣда если вѣтеръ дуетъ отсюда на городъ!...

— Какъ ихъ ловятъ? Стѣлами?

— Большею частью; а иногда учреждаютъ на вилъ цѣлыя охоты на многихъ лодкахъ. Но такая охота больше забава. Ихъ трудно бить луками, потому что они слишкомъ быстро мелькаютъ надъ волнами. Вы видѣли какъ они гоняются за пароходомъ, кузина?...

— Какже, цѣлыми стадами. Такъ колесомъ и вертятся надъ водой. Огромные!

— Долженъ быть выгодный промыселъ?

— Очень! Иначе Армяне за него бы не брались. На помозъ старожила черноморскихъ лучинъ бываетъ до пуда жиру и болѣе. Промыселъ прибыльный. Не хотите ли теперь прокатиться въ другую сторону по берегу моря? Тамъ есть хорошенькιά дачи.

— Я боюсь что времени у насъ немного. Не услѣдемъ поглядѣться съ тетужкой.

— Да, да! Лучше ужъ поѣдемъ къ вамъ, Давида Сергѣичъ. А это что за процессія такая?..

На встрѣчу имъ ѣхало нѣсколько человекъ верховыхъ. Впереди Абхазецъ съ рѣзкими чертами, съ ослепительнымъ взглядомъ блестящихъ черныхъ глазъ, одѣтый въ длиннополую чоху, съ кинжаломъ и въ башмакъ наверхнемомъ въ видѣ чалмы, велъ подъ уздцы худую лошадедку, на которой возсѣдала верхомъ по-мужски весьма оригинальная фигура. Она была одѣта въ широчайшую красную юбку, а съ веру укутана съ головой въ синий платокъ, низко спущенный на глаза. Одвою рукой она держала развернутый въ видѣ шатра огромный дождевой зонтикъ, а другою держалась за луку, мѣрно покачиваясь съ каждымъ шагомъ лошади. За этою амазонкой ѣхала еще одна, держа предъ собою рѣзкую деревянную люльку, очень узенькую, съ точеною рѣшеткой, къ которой младенецъ былъ привязанъ какъ кукла. Сзади на одной лошади ѣхали двое: впереди встрепанный мальчуганъ лѣтъ десяти и дѣвочка помельше, обхватившая его крѣпко рученьками за поясъ.

— А это, изволите ли видѣть, наша земская сила: абхазская помѣщица съ семьей....

— И вассалами?

— Вассалами, подтвердилъ Темрюковъ: — и первый изъ нихъ ея супругъ, что ведетъ лошадь ея подъ уздцы. Не правда ли, кузина, что Абхазцы народъ передовой?

— О, чрезвычайно. Это дѣлаетъ честь вашимъ рыцарскимъ правамъ. Неужели всѣ мужья здѣсь такъ галантны?... Юрій Егоровичъ, не переселиться ли намъ въ Абхазію?

— Погодите! Вамъ еще вѣтъ нужды: изъ Аркадіи въ Абхазію незачѣмъ переселяться, замѣтилъ Темрюковъ, перенося свой смѣющийся взглядъ съ жены на мужа. Хмаровъ ничего не возразилъ; онъ только улыбаясь не сводя глазъ съ хорошенькаго личка Ларисы Николаевны и кусая свои длинные усы.

Коляска остановилась у крыльца небольшого деревяннаго дома.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали! И вовремя какъ разъ: видите? Пасхальный столъ накрытъ и матушка завариваетъ кофе. Глядите-ка, маменька, какихъ намъ Богъ гостей послалъ! громогласно возгласилъ Давида Сергѣевичъ, отворяя дверь въ чистую веселую комнату, гдѣ среди множества цвѣтовъ заливались канарейки, и благообразная старушка въ свѣтломъ платьѣ и челпѣ съ бѣлыми лентами, хозяйничала у стола, отягченнаго яствами.

Услышавъ голосъ сына она удивленно обернулась, прищурившись противъ яркаго солнечнаго свѣта и радостно двинулась на встрѣчу.

— Юша! Лариса Николаевна! Вы ли, дорогіе мои?

— Мы, тетушка, мы! своими собственными особами. Пришли съ вами разговѣться вашими чудесными пасхами, да и въ дальній путь.

— Въ чужіе края ѣдете? Юша писалъ. Ну, Господь васъ благослови!... Садитесь, садитесь; побудьте гостями хоть недолгое время. Я вотъ, тоже, визиты принимаю. Видите, сколько у меня тамъ гостей?...

И старушка пріотворила дверь въ слѣдующую комнату, откуда давно устремлялись на пріѣзжихъ ларь съ подюжины робкихъ, черныхъ глазъ.

— Кто эти дѣвочки? спросила Хмарова.

— Это, вотъ видите ли, матушкинъ лавсіонъ, пояснилъ Темрюковъ;—разсадникъ будущей абхазской женской интеллигенціи. Все княжны и помѣщицы: *fine fleur!* увѣряю васъ.

— Да позволю тебѣ зубоскалить, Даня! взмолилась старушка.

— Да я и не думаю! Вы же сами мнѣ недавно какую-то княжну показывали.

— Да всякія тутъ есть. Развѣ я разбираю?... Хотать учиться ну и пусть! А князья здѣсь своихъ дочерей въ прогимназію отдають, а не то что!

— Грамотѣ русской учите ихъ, тетушка?

— И-и! нѣтъ. Куда ужъ, голубчикъ, грамотѣ? Это все простыя дѣвочки, дикарка деревенскія. И говорить-то ихъ трудно сколько-нибудь выучить. Такъ больше работамъ какимъ-нибудь домашнимъ: чулки вязать, али шить что. Есть, впрочемъ, одна, двѣ и грамотныя.

— Какже! Умудрилась маменька, научила. Теперь все въ христіанство обращаетъ ихъ; да не далась имъ что-то вѣра истинная, хотя матушка и держится совсѣмъ особаго способа обращенія,—посмѣивался Темрюковъ:—представьте: она все имъ взятки во славу Божию даетъ...

— Дана! ну не стыдно ли вздоръ городить?

— Право, право! вотъ, говорить, видите какія вкусныя вещи Господь своимъ посылаетъ?—И онъ указалъ на разубравный столъ:—Креститесь, и будете также вкусно каждый день ѣсть...

— Да полно тебѣ, грѣховодникъ! Не слушай его, голубчикъ Юша: онъ вѣдь даромъ что голова съ серебрянкою, а все такой же балагуръ, какъ когда бывало въ школу съ тобою бѣгалъ.

— Ну что вы, маменька, Юрія обижаете? Будто бы онъ со мною однихъ лѣтъ! Не смущайтесь, кузина: онъ гораздо моложе меня.

— Вотъ вздоръ! засмѣялась Хмарова.—Что мнѣ за дѣло до его лѣтъ? Я знаю что онъ старый бирюкъ, и баста!

— Ого! Ну, братъ, послѣ такого аттестата ничего не остается благоразумному человѣку сдѣлать, какъ только вылить и закусить, предложилъ хозяинъ.

— Это можно; мы не завтракали, согласилса Хмаровъ.

— А не пора ли на пароходъ? замѣтила Лариса Николаевна. Она начинала находить общество тетушки немного скучнымъ.

— О, нѣтъ! не безпокойтесь, если сказано три часа, то на вѣрное простоятъ всѣ четыре.

— Да наконецъ здѣсь такъ близко что по первому свистку всегда будетъ время.

— А вотъ пойдемте-ка, я вамъ покажу своихъ Абхазокъ и Черкешенокъ, предложила ей Темрюкова, лопавъ состояніе

духа молодой женщины и желая дать время сыну своему и племяннику наговориться по душѣ.

Въ слѣдующей комнатѣ сидѣло нѣсколько горянокъ, больше все очень молоденькихъ дѣвочекъ.

— Это все наши дачныя сосѣдки, рекомендовала старушка;—видите, онѣ знаютъ что у насъ сегодня большой праздникъ,—вотъ и пришли. Приодѣлись и пришли меня поздравить. Какже! и подарковъ даже принесли: вотъ эта дѣвочка принесла мнѣ мѣшочекъ кукурузы, а вотъ та, быстроглазая, яичекъ десятокъ. А я вотъ ихъ отдала красными яйцами, да куличемъ. Такъ-то!... Мы съ вами добрыми сосѣдями живемъ. Онѣ меня и въ городѣ не забываютъ: навѣщаютъ!

— Какая хорошенькая дѣвочка! замѣтила Хмарова.—Что за чудные глаза! Какой ротъ. Прекрасный тилъ у этихъ дѣвчонекъ. Да чего она краснѣетъ? или лопочетъ?

— Она-то лопочетъ: это моя воспитанница, Маріамъ. Да! вообще народъ красивый... И не знаю какъ другіе, а я какъ пожила съ вами, нахожу что хорошій, смиренный и благодарный народъ. Ласку очень цѣнятъ! Вотъ только что дѣвчонки да безпечны очень,—это правда! Работать не любятъ, а потому и живутъ очень бѣдно и нечисто. Надѣюсь что Маріамъ у меня къ чистотѣ приучится.

И старушка приласкала дѣвочку, глядѣвшую на нея улыбаясь, но все же изподлобья.

— А вотъ крошка славная, посмотрите: велика ли? а ужъ живетъ у меня въ услуженіи. Не здѣшняя, Черкешенка она, завезенная изъ горъ... Абхазцы здѣшніе не такъ-то охотно своихъ женщинъ и дѣвушекъ внаймы отпускаютъ, а чужихъ добывать—мастера. Здѣсь вѣдь не такъ давно торгъ женщинами прекратился: изъ Константинополя, бывало, купцы на судахъ пріѣзжали забирать лѣвннхъ Черкешенокъ. Теперь этого нѣтъ: строго за этимъ смотрять; но сюда вотъ такую контрабанду частехонько еще привозять.

— Что вы, Марья Ларионовна! Неужели здѣсь еще невольницами торгуютъ?

— Да почти что такъ. Что вы съ вами будете дѣлать?.. Народъ темный да бѣдный! Привыкъ жить грабежомъ и продавать лѣвннхъ. А эти горцы, къ сѣверу туда дальше, такъ еще хуже пожалуй нашихъ будутъ! У тѣхъ не въ счетъ,—будто и не люди... Черкешенокъ часто родной отецъ приведетъ, да подъ предлогомъ услуженія, какъ бы внаймы,

возьметъ за дѣвочку деньги, да и броситъ ее здѣсь; все равно что продать. Чаще всего дитя и не узнаетъ ни роду, ни племени и въ такую иногда неволю попадетъ что хуже рабства!.. Въ Сухумѣ много работницъ Черкешенокъ безродныхъ. А то вотъ еще Болгарки часто нанимаются...

— Неужели переселяются изъ Болгаріи?

— И, нѣтъ. Наши Болгары изъ Херсонской губерніи. Отъ голоду изъ своихъ мѣстъ переселились, да видно и у насъ въ Россіи не богато зажили: то и дѣло своихъ дѣвочекъ-подростковъ по всему Черноморью развозятъ: въ наемъ отдаютъ.

— А говорятъ онѣ по-русски? Вотъ эта хорошенькая?

— Вотъ эти двѣ что живутъ у меня хорошо говорятъ. Ну, ужъ за то съ тѣми что въ гости ко мнѣ приходятъ объясняться часто жестами приходится: трудно имъ русскій языкъ дается! Вотъ мушны, тѣ какъ-то легче выучиваются. Ахъ! показала бы я вамъ здѣсь одну мою воспитанницу-сиротку изъ Черкешенокъ тоже,—такъ ужъ правда, что умница! И красавица какая!.. Какъ по-русски говорить! Четыре года въ прогимназію здѣшняю ходила.

— А гдѣ-жь она теперь?

— Замужъ вышла! со вздохомъ отвѣчала старушка.

— Замужъ? За кого же?

— Охъ! по правдѣ сказать не очень-то она хорошую сдѣлала партію!.. За здѣшняго одного Абхазца вышла. Изъ дворянъ и довольно богатый; и тоже въ здѣшнюю горскую школу ходилъ... а все-жь какъ-то!.. Не того я для Марты ждала.

— Что жъ, развѣ онъ дурной человѣкъ?

— Онъ-то не дурной, да семья у него закосявляла.

— Не христіане? продолжала отъ скуки допрашивать Хмарова.

— Да какъ вамъ сказать? Христіанецъ-то онъ христіанинъ, да заурядный, какъ многіе здѣсь, что съ маху крестился безо всякаго пониманія. Онъ въ милиціи прежде служилъ и крестился. Самъ губернаторъ ему и восприемникомъ былъ, да что въ томъ толку? Каковъ былъ язычникъ, таковъ и остался. Ну, а Марточка моя съ понятіемъ, какъ слѣдуетъ быть христіанкѣ православною. Вотъ и боюсь я за нее.

— А можетъ-быть она еще сама ихъ всѣхъ обратитъ! предположила Лариса Николаевна, скрывая зѣвоту.

— Врядъ ли! Хоть она у меня умница и съ характеромъ, а все же: куда ей этихъ дикарей вразумить!..

Въ это время между Абхазками произошло движеніе. Тѣ что стояли у окна съ любопытствомъ высовывались и что-то передавали другъ другу несмыслымъ шелкотомъ.

— Что тамъ такое? спросила Темрюкова.—Говори громче, Маріамъ! Терлѣтъ не могу когда ты шелчешь.

— Онѣ говорятъ что тамъ Вардо пріѣхала съ мужемъ, отвѣчала ея литомица.

— Вардо?... Въ самомъ дѣлѣ?... Ну, вотъ и прекрасно! Умница что кстату пріѣхала. Вотъ, Лариса Николаевна, покажу я вамъ свою молодую, полюбуйтесь.

— А кто это, Вардо? освѣдомилась Хмарова, подходя къ окну.

— Да это же она, Марточка моя. Это онѣ ее по-своему прежнимъ именемъ называютъ. Вардо—это роза по-ихнему. Ну, я пойду ихъ встрѣчу, вы меня извините.

Марья Ларіоновна вышла, а Хмарова смотрѣла на нее и вновь пріѣхавшихъ гостей въ окно. Она увидала на крыльцѣ стройную, высокую женщину, только что сошедшую съ лошади на которой она пріѣхала по-мужски, какъ ѣздить всѣ туземки. Она была одѣта въ живописный абхазскій костюмъ: бѣлая кисейная широкая рубаха была вышита золотомъ, а куртка или синій кафтанъ, надѣтый поверхъ красной канусовой юбки, весь расшитъ желтыми шелками. Она несла на рукѣ синій шелковый платокъ, въ который по обычаю куталась сидя на лошади. Волосы ея, заплетенные въ мелкія косы, ладали по плечамъ изъ-подъ бѣлой кисеи, въ нѣсколько разъ облежавшей ея голову, слускавшейся концомъ на спину, не закрывая впрочемъ лба, какъ головной уборъ у Грузинокъ. На шеѣ ея въ нѣсколько рядовъ были намотаны золотыя цѣпи изъ монетъ и какихъ-то треугольниковъ.

При видѣ хозяйки дома Марта быстро поднялась на крыльцо и, несмотря на ея сопротивленіе, припала къ рукѣ ея. За нею шелъ красивый горецъ, одѣтый милиционеромъ, а у крыльца молодой Абхазецъ держалъ въ поводу лошадей.

Эта мѣстная картинка очень заняла Хмарову, но когда она вернувшись въ столовую, въ ту минуту какъ всѣ они входили съ крыльца, взглянула въ открытое лицо пріѣзжей, то едва не ахнула; такъ поразилъ ее тонкая, выразительная красота молодой женщины.

— Вотъ, милые мои, моя пріемная дочка! говорила старушка Темрюкова, подводя ее за руку ко Хмаровымъ, — прошу любить да жаловать.

— Очень рада! отвѣчала Лариса Николаевна, не сводя глаза съ прелестнаго лица пріѣзжей. Увидавъ незнакомцевъ Марта немного растерялась. Ея обыкновенно блѣдное лицо слегка зарумянилось; большіе темнокаріе глаза, широко прорываемые въ дугу какъ персидскій миндаль, на секунду въ недоумѣніи остановились на Хмаровой, потомъ покрылись длинными рѣсницами, и она отдала ей поклонъ, низко наклонивъ голову.

Темрюковъ между тѣмъ всталъ и шелъ ей на встрѣчу.

— Здравствуйте, Марточка, ласково сказалъ онъ протягивая ей руку.

Она быстро вскинула глазами и улыбаясь подала ему свою.

— Здравствуйте, Алмасхитъ! обратился онъ къ ея мужу и также ласково поздоровался съ Абхазцемъ.

Лариса Николаевна по совершенно безотчетному чувству весьма подозрительно провѣдила всю эту сцену. „И неужели онъ жилъ съ нею въ одномъ домѣ нѣсколько лѣтъ и не влюбился?“ шевелилось въ умѣ ея подозрѣніе.

Она отошла къ окну у котораго мужъ ея стоялъ по привычкѣ покручивая усы, и тихо высказала ему свое недоумѣніе. Полковникъ засмѣялся.

— Какія вы всѣ, женщины, подозрительныя, сказалъ онъ.

— Да помилуй, Жоржъ, вѣдь это непонятно! вѣдь надо быть киселемъ чтобы не влюбиться въ такую красавицу!

— Что за вздоръ! Будто влюбляются въ однихъ красавицъ. Данило Сергѣичъ! позвалъ онъ и смѣясь передалъ ему подозрѣніе жены.

Темрюковъ тоже засмѣялся, хоть и не такъ искренно; впрочемъ не смутился и сказалъ что можетъ-быть и влюбился бы еслибы годами не годился Мартъ въ отцы и не привыкъ смотрѣть на нее какъ на младшую сестру.

— Не понимаю, вскричала вполголоса Хмарова.—Если вы и ваша матушка такъ любите ее, то какъ же было выдать ее за этого дикаря?...

— Отчего же? возразилъ ей мужъ:—онъ очень красивъ и можетъ-быть прекрасный человекъ. Она вѣдь и сама Абхазка.

— Нѣтъ, съ запинкой отвѣчалъ Темрюковъ, кажется Черкешенка. Вы забываете одинъ маленькій вопросъ, кузина, — съ маленькимъ усиліемъ продолжалъ онъ помолчавъ: — вопросъ обоюдныхъ чувствъ... какъ могли мы ея не выдать когда они оба сгорали пламенемъ любви, говоря слогомъ гостинодворскихъ романовъ?...

Молодая женщина быстро взглянула на него и вдругъ перемѣнила разговоръ.

— Намъ, право, пора на пароходъ, сказала она мужу. — Ну, вдругъ мы не услышимъ свистка?

— Какъ это можетъ быть!... Развѣ возможно не слышать у васъ пароходнаго свистка, Темрюковъ?

Но Темрюковъ озабоченно разглядывалъ собственные ногти и такъ углубился въ это занятіе что и не слышалъ его вопроса.

„Вотъ въ чемъ дѣло! Бѣднѣшка!...“ подумала сообразительная Лариса Николаевна и прошла къ столу за которымъ сидѣли хозяйка и молодые супруги.

Старушка ласково держа Марту за руку говорила съ мужемъ ея о хозяйствѣ, доказывая ему преимущество виноградниковъ и пшеницы предъ табакомъ и кукурузой. Абхазецъ не соглашался съ ея доводами, увѣряя что кукуруза завѣщена имъ отцами и благодаритъ всѣхъ другихъ посѣвовъ, потому что служить и людямъ лицей, и животнымъ, вполнѣ замѣняя ячмень. Табакъ, по мнѣнію его, тоже гораздо прибыльнѣе винограда.

Мужъ Марты былъ гордецъ въ полномъ смыслѣ слова. Сильный брюнетъ, небольшого роста, ловкій, стройный, съ орлинымъ взглядомъ и прирожденною величавостью осялки. Онъ говорилъ медленно, степенно, не совсѣмъ правильно, но съ увѣренностью, являя совершенную противоположность своей женѣ, которая сидѣла потулившись, иногда только безлокойно взбрасывая глазами, будто ловѣря производимое имъ на присутствующихъ впечатлѣніе. Она, казалась, и радовалась и боялась за него...

Когда Хмаровы подошли и сѣли возлѣ, она стала еще тревожнѣе. При каждомъ словѣ Алмасхита она тревожно взглядывала на всѣхъ и безпрестанно вслыхивала отъ внутренней тревоги.

„Вотъ боится за свое сокровище!“ олять подумала Хма-

рова и нарочно заговорила съ Мартой чтобы самой убѣдиться не преувеличены ли похвалы Марьи Ларионовны. Оказалось что Марта говорить по-русски какъ она сама; а мы еще можемъ прибавить къ этому что помимо выговора она могла судить правильно и говорить о многомъ что большаиству знакомыхъ Ларисы Николаевны, да пожалуй и ей самой, не совсѣмъ было доступно.

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ Темрюковъ и заговорилъ съ нею спокойно, ровнымъ и ласковымъ голосомъ, какимъ дѣйствительно могъ говорить только старшій братъ съ любимой сестрой. Марта отвѣчала ему просто, свободно, съ такою простодушно-ласковою улыбкой на антично вырѣзанныхъ прелестныхъ губахъ что съ величайшимъ интересомъ наблюдавшей за ними Хмаровой сдѣлалось ясно ея полное невѣдѣнiе и стало еще больше жаль кузена.

— Ну, что же, Марточка, говорилъ тотъ, никакъ не подозревая совершаемыхъ надъ нимъ наблюденiй: — помогаете мужу хозяйничать? Разводите съ нимъ табачныя плантацiи?

— О! вѣтъ, Давида Сергѣичъ. Я, какъ и матушка ваша, терпѣть не могу табакъ и мѣшаю Алмасхиту, насколько возможно, занимать мѣсто этою противною махоркой. То ли дѣло виноградъ?.. Зеленые завитки, пахучiя, разноцвѣтныя гроздья!.. Въ виноградникахъ я сама готова работать цѣлый день. Помните вы лозу которую вы мнѣ подарили? Мы думали она зачахнетъ, а она теперь такъ поправилась!.. Я ее выхотила. Что вы давно у насъ не бывали, Давида Сергѣичъ?

— Умница что виноградники любишь, вслушавшись похвалила Темрюкова.—Слышите, Алмасхитъ, что говоритъ Марта?

— У насъ женскихъ словъ никто не слушаетъ, улыбаясь отвѣчалъ горецъ.—Слова жены мужу не законъ.

— О, вотъ какъ! Не думала я что вы такой, а то бы пожалуй и не отдала вамъ Марты.

— Это онъ такъ только говоритъ! вслыхнувъ заступилась жена его:—мы съ нимъ вмѣстѣ, согласно хозяйничаемъ.

— Въ вашемъ согласiи кто жь сомнѣвается? съ особеннымъ выраженiемъ вставилъ слово Темрюковъ.—Жаль только что хозяйство не совсѣмъ, кажется, въ вашихъ рукахъ?.. Вѣдь отецъ вашъ, Алмасхитъ, самъ хозяйничаетъ?

— Отецъ? Да... что жь, онъ хорошо знаетъ это дѣло, лучше чѣмъ я и Вардо. Пускай хозяйничаетъ!.. Пока живъ,

онъ долженъ всѣмъ распоряжаться. Таковъ нашъ обычай! серьезно сказалъ горецъ.

— Конечно, конечно, послѣшила согласиться Марья Ларионовна.— Это вы хорошо, по-христіански поступаете, Алмасхитъ, что отца уважаете... а вотъ только зачѣмъ вы жену мусульманскимъ именемъ называете? Нравится вамъ вѣрно розой ее величать, а?..

— Все равно! возразилъ Алмасхитъ;— имя хорошее; наше имя. Развѣ не все равно: Марта или Вардо?..

Марта молчала, потупивъ глаза.

— Разумѣется. Не въ имени дѣло, послѣшила согласиться добродушная хозяйка и заговорила о другомъ, а Давила Сергѣичъ тѣмъ временемъ тихо объяснилъ Хмаровымъ что отецъ Алмасхита страшный фанатикъ-мусульманинъ и крѣпко былъ замѣшанъ въ послѣднемъ возстаніи Абхазцевъ.

— Жаль бѣдную молодую женщину! сказалъ Хмаровъ,— тѣмъ болѣе что и мужъ ея, кажется, порядочный деслотъ! Тетушка едва-ли не нарасно утѣшается тѣмъ что онъ христіанинъ.

— Ну, разумѣется, это христіанство по водѣ вилами лисаго! согласился Темрюковъ.

Протяжный пароходный свистокъ прервалъ общую бесѣду.

— Ну, вотъ телеръ намъ рѣшительно пора, поднялись Хмаровы.

— Не торопитесь: услѣте. Вѣды всего три минуты, а фатомъ у крыльца, къ вашимъ услугамъ! говорили хозяева.

Путешественники распрощались со всѣми. Лариса Николаевна пожелала всякаго счастья Мартѣ и ея мужу, величаво отдавшему ей поклонъ. Но когда Давила Сергѣичъ и мать его вышли проводить ихъ на крыльцо, она сказала съ искреннимъ соболѣзнованіемъ:

— Эхъ, тетушка! Ну можно ли было такую прелестную женщину выдать замужъ за этого черномазаго татарву?.. Даже вчужѣ жалко!

— Что жь было дѣлать, голубушка? какъ виноватая развела руками старушка:— влюбила! Не хотѣла меня и слушать! Я сама ее со слезами выдавала; потому хотъ и не со всѣмъ онъ Татаринъ, а все же дикарь и ей не лара!..

— Почему же вѣтъ? раздраженно возразилъ ей сынъ, пожавъ плечами.— Ей самой про то лучше знать! И, наконецъ, свой своему покеволѣ братъ!

— Такъ-то такъ, что говорить? А я все же боюсь за бѣд-
паяку. Онъ-то недурной человѣкъ; да семья ужь очень ди-
кая... Ну, Христось съ вами, голубчики. Счастливаго пути!

— Прощайте, тетюшка. Спасибо вамъ!.. На возвратномъ
пути побываемъ.

— Побывайте, голубчики. Будемъ ждать!..

— А я васъ провожу, друзья мои, если позволите, сказалъ
Темрюковъ, присаживаясь на переднюю скамеечку.

— Проводи, братъ; спасибо тебѣ за ласку, отвѣчалъ ему
Хмаровъ. Жена его не слышала. Она глядѣла въ открытое
окно у котораго стоялъ Алмасхитъ съ своею женой. Онъ
что-то говорилъ ей, облокотясь сливой о косякъ окна, съ
очень суровымъ выраженіемъ лица, какъ показалось Хмаро-
вой. А Марта, несмѣло улыбаясь, подняла на него свои чуд-
ные глаза и такъ смотрѣла что выраженіе ея взгляда пора-
зило не только Юрія Егоровича, нечаянно встрѣтившагося со
взглядомъ этихъ рѣзко очерченныхъ, необычайно прекрасныхъ
глазъ, но даже самое Ларису Николаевну.

— Господи! Она просто говоритъ глазами! воскликнула
она.—Я никогда не видывала ничего подобнаго.

— Да, красавица! согласилась обыкновенно флегматичный
полковникъ. Въ ея глазахъ много магнетизма... Ты не за-
мѣчалъ, Давида Сергѣичъ?..

— Я? Да... вѣтъ. Не замѣчалъ. Посмотрите какъ красивъ
вашъ пароходъ, перемѣнилъ рѣчь Темрюковъ.—И какое та-
кое море!... Сама природа прокровительствуетъ вамъ.

Черезъ полчаса *Михаилъ* снялся, и Хмаровы распроща-
лись съ родственникомъ. Пока пароходъ граціозно описы-
валъ полукольцо на голубомъ зеркалѣ Сухумской бухты,
оставляя за собою волнистый хвостъ серебряной лѣны, Темрю-
ковъ стоялъ въ лодкѣ быстро скользящей назадъ къ при-
станци и махалъ шляпой супругамъ, смотрѣвшимъ на него съ
падубы.

Выйдя на набережную онъ секунду колебался, не зная вер-
нуться ему домой или вѣтъ.

„Незначѣтъ! что за молодущіе!“ наконецъ рѣшилъ онъ, и
сѣвъ въ экипажъ приказалъ кучеру везти его за городъ, на
дачу.

Въ то же почти время его хорошенькая кузина воскли-
кнула обращаясь къ мужу:

— Бѣдный твой братецъ!

— Это почему? въ недоумѣніи освѣдомилса онъ.

— А потому что этотъ дикій Абхазецъ у него невѣсту отбилъ.

— Н-ну! вотъ фантазія! Ты ужь сейчасъ и романъ сочинила!.. Женщины никакъ безъ этого не могутъ.

— А мушкетеры свою сметку всегда въ карманѣ держатъ! съ увѣренностью возразила она ему.—Ты ужь пожалуста со мною не спорь! Онъ и теперь въ нее по уша влюбленъ. Пойдемъ на рубку: тамъ лучше.

И въ самомъ дѣлѣ тамъ было хорошо.

Величественный, безконечно прекрасный горизонтъ окружавшій пароходъ только съ одной стороны былъ ограниченъ цѣпами горъ, зеленыхъ, синихъ и наковецъ бѣлоснѣжныхъ. Глазамъ было больно смотрѣть на огненный столбъ солнечнаго отраженія, колебавшійся съ одной стороны парохода. Милліоны бриллиантовыхъ искръ перепрыгивали, смѣшивались, исчезали и вновь вслывали на морской ряби: все миміотурныя солнца, безъ числа зажженныхъ, рассыпаны по водной пустынѣ лучами царя свѣта!..

Качки не было ни малѣйшей.

По обѣимъ сторонамъ парохода, вслѣдъ за расходившимся изъ-подъ кила тончайшимъ кружевомъ гнѣстаго слѣда гнались въ перегонку дельфины. Они выныривали на сажень изъ воды, мелькая своими острыми носами и чернымъ, неуклюжимъ тѣломъ, какъ выгнутыя дуги, и разрѣзая воздухъ возникали вертикально въ волны и исчезали въ лучинѣ. А впереди носилась стая бѣлыхъ баклановъ. Они то олускались на море вырляя за добычей, то плавно колебались на зыби въ ожиданіи ловли, то взмахивая крыльями, похожими на ларуса, взлетали высоко блистая какъ серебряные на яркой небесной синевѣ.

Солнце ослѣпительно горѣло въ безоблачной высотѣ и подъ нимъ необозримая водная пелена переливалась золотомъ, лазурью, зеленью и перламутромъ, нѣжась и искрась, словно вся прикрывшись подвижнымъ покровомъ изъ расплавленныхъ драгоценностей!..

II.

Прошло болѣе шести лѣтъ со Свѣтлаго дня описаннаго мною. Надъ православнымъ людомъ провеслись тяжкіе годы второй половины настоящаго десятилѣтія, оставивъ за собою много кровавыхъ слѣдовъ въ славянскихъ земляхъ, на Кавказѣ и по берегамъ Дуная и Чернаго Моря; много лустыхъ мѣстъ въ нашихъ семьяхъ и много разрушенныхъ на вѣки счастливыхъ домашнихъ очаговъ!

Бѣдаый Сухумъ-Кале оказался въ числѣ тяжко поплававшихся.

Грустно тѣмъ кто змалъ его такимъ цвѣтушимъ увидать его опустошеннымъ, изуродованнымъ войной. Эти бреши выжженныхъ и разрушенныхъ зданій, какъ зіяющія раны краснорѣчиво говорили о пережитыхъ ужасахъ. Слѣда нѣтъ лучшихъ построекъ: дома губернатора, старой крѣпости, хорошеькихъ дачъ; слѣда нѣтъ прелестнаго сада, этого цвѣтущаго, благоуханнаго, тѣнистаго уголка, этой роскошной теплицы подъ открытымъ небомъ, радовавшей взоры и изумлявшей искони всѣхъ путешественниковъ попадавшихъ въ Сухумъ.

Опустѣли и окрестности. Не одинъ аулъ обезлюдѣлъ вслѣдствіе переселенія жителей въ Турцію. Правда, не болѣе года проскитались несчастные, измороенные голодомъ и болѣзнями Абхазцы по негостеприимнымъ землямъ своихъ единовѣрцевъ, какъ оломались и многіе изъ нихъ начали проситься обратно въ Россію. Въ концѣ 1879 года вышедшіе тысячами вслѣдъ за Турками жители окрестностей Сухума уже возвращались разрозненными сотнями, измученные, обнищавые до наготы, измученные голодомъ до состоянія живыхъ скелетовъ. Но улетѣть съ гнѣзда гораздо легче чѣмъ снова имъ обзавестись!.. Была ужъ глубокая осень, а переселенцы все еще скитались подъ открытымъ небомъ, по разнымъ портамъ между Батумомъ и Новороссійскомъ и никакъ не могли попасть въ словно бы заколдованный для нихъ Гудаутъ. Сильныя волненія мѣшали пароходамъ подойти къ мѣсту ихъ назначенія, и несчастные эти оборванцы носились, по волѣ вѣтровъ, вокругъ да около своихъ локунутыхъ лепелищъ. Разгнѣванныя ланаты отказывались принять ихъ подъ свою родную сѣнь!.. Нѣсколько лишнихъ женщинъ и дѣтей, по

этому случаю, усложнились вѣчнымъ своимъ на чужихъ берегахъ, и вѣроятно умершихъ было бы еще больше если бы не частная благотворительность, не разъ являвшаяся на выручку бѣднякамъ, въ образѣ складчинъ и посланной милостыни. *

Два предыдущія лѣта прошли сравнительно безлюдно для нашихъ южныхъ береговъ Крыма: война всѣхъ раслугала. За то третье, лѣто нынѣшняго года, благодаря низкому курсу нашихъ денегъ за границей, привело огромное число посетителей въ Ялту и Феодосію.

Не только гостилицы и дачи, но всѣ уголки даже въ частныхъ домахъ были переполнены большими и здоровыми, пріѣхавшими лѣчиться морскими ваннами, развлекаться и веселиться. Лѣто было чрезвычайно жаркое, такъ что всѣ зажились на дачахъ; но несмотря на это, въ то время о которомъ я здѣсь говорю Ялта ужь почти опустѣла. Уже свѣжокъ опоросилъ высшія горы, а водопадъ вѣuvo надъ городомъ, по дорогѣ въ Ливадію, лѣнялся, разлетаясь брызгами среди обледѣвлыхъ береговъ. Но ввиду, между лестрыми дачами, въ паркахъ и виноградникахъ, въ полдень часто еще бывало жарко. А съ моря въ ясные дни, эта пристань съ бѣлою бахромой прибоя, эта красивая церковь, съ островерхою колокольней надъ кладбищемъ, эти бѣлокаменные зданія на лестромъ фонѣ садовъ, ярко разцвѣченныхъ старою щеголихой-осеью и ея вѣчно юнымъ возлюбленнымъ—солнцемъ, казались еще краше, еще вдвое прелестнѣе! Особенно хороши они были при переменномъ освѣщеніи, когда капризное въ эту пору года солнце то пряталось, то ярко выглядывало изъ-за мимолетныхъ облаковъ... Весело горять въ прощальныхъ лучахъ его и многоцвѣтная зелень и бѣлая стѣны съ рядами пылающихъ оконъ, и крестъ церковный, и эти чудныя, дальнія цѣли, гордо вздымающія надо всѣмъ свои налудренныя первыи свѣжкомъ головы, словно маркизы разодѣтыя въ придворные костюмы...

Еще минута, и все покрывается прозрачно-синимъ покровомъ сумерекъ, и только тамъ, на самыхъ вершинахъ, еще горять алые лучи, прорываясь въ расщелинахъ и наполняя просвѣты между утесами золотистымъ туманомъ.

* Въ Батумѣ нѣсколько разъ дѣлались сборы деньгами и пищею въ пользу наводнившихъ городъ Абхазцевъ. То же дѣлали для нихъ въ Сухумѣ, въ Новороссійскѣ и для одной изъ ихъ партій на пароходѣ *Цесаревна*.

Слушится ночь, и небо, море и земля слились бы воедино, подъ общимъ покровомъ, еслибы земные яркіе огоньки не охватили поясомъ всю Ятинскую бухту, а надъ чернымъ силуэтомъ горъ не заглаисъ огни небесные, тихо мерцаая и отражаясь въ волнахъ...

Вотъ въ такую-то вечернюю пору, когда ранняя тѣнь уже сошла на землю, пароходъ вышедшій наканунѣ изъ Одессы въ кавказскій рейсъ, вошелъ въ бухту и сталъ на якорь противъ Ялты.

Прибой былъ сильный, тотъ душу вонъ исторгающій, ужасный боковой прибой, именуемый на морскомъ діалектѣ *мертвюю зыбью*. Лодкамъ, во множествѣ окружавшимъ пароходъ, трудно было подойти къ трапу, и мало кто могъ рѣшиться сходить по немъ. Надо было умѣть искусно выждать мгновенной остановки парохода между двумя валами и воспользоваться ею. Секунда, и трапъ опять погружается въ воду, рискуя опрокинуть лодку, или высоко взлетаетъ вверхъ вмѣстѣ съ неловкимъ пассажиромъ не услѣвшимъ вовремя спрыгнуть...

При такихъ условіяхъ разгрузка была невысказана; едва удалось высадить курьера и двухъ-трехъ путешественниковъ порѣшительнѣе. Капитанъ поневолѣ объявилъ что надо ждать утра, хотя очень хорошо зналъ что этимъ рѣшеніемъ онъ переполнилъ сердца всѣхъ страдающихъ морскою болѣзью пассажировъ и пассажирокъ ужасомъ и отчаяніемъ.

На палубѣ воцарилась тишина, только изрѣдка прерываемая стопами, лягомъ бившейся гдѣ-то посуды, да мѣрнымъ, однообразнымъ скрипомъ свастей. Экипажъ усложился. Кто могъ заснуть тотъ спалъ блаженнымъ сномъ, радуясь отдыху отъ постоянной, тяжелой работы; остальные разошлись по своимъ мѣстамъ. Пассажиры съ безмолвными проклятіями на зыбь и безъ вины виновнаго капитана старались тоже лежать смирно, въ тѣхъ темныхъ и смрадныхъ нѣдрахъ отчаянія, именуемыхъ каютами перваго и втораго классовъ, надъ входомъ въ которыя слѣдовало бы писать, во время качки, отчаянное изреченіе Дантова *Ада*.

Въ то время какъ послѣдніе смѣльчаки садились, рискуя утонуть или сломать себѣ ноги, въ лодку, къ капитану подошелъ высокій человекъ, въ длинномъ, тепломъ пальто и барашковой мурмолкѣ и освѣдомился о времени выхода парохода.

— Спросите море или того кто распоряжается имъ! улы-

баясь отвѣчалъ ему капитанъ, — волащенье добродушія и терпѣнія, никогда не истощавшихся даже самыми докучными вопросами лассажировъ, часто принимающихъ пароходное начальство за самого Нелтуна, повелителя морскихъ хлябей.—Пока не сдадимъ клади и не примемъ груза, выйти нельзя.

— Такъ значитъ я могу безопасно сойти на берегъ до утра? спросилъ лассажиръ.

— Совершенно. По моему мнѣнію ранѣе десяти часовъ утра мы не выберемъся. А теперь шесть часовъ вечера!

— Такъ я отправлюсь. До свиданія.

— Счастливаго пути. Сходите осторожнѣй: не безопасно.

— Благодарю васъ.

Высокій господинъ застегнулся плотнѣе и направился къ трапу, когда его уже готовились подымать.

Онъ ловко спрыгнулъ въ лодочку, которая то удалялась на неизмѣримое пространство внизъ, то подымалась чуть не въ ровень съ бортомъ. Бросая во всѣ стороны, играя лодкой, какъ мячикомъ, понесла его неутомимыя волны къ ярко сіявшему множеству огней красивому берегу.

— Тутъ ли она еще?.. Тяжела будетъ наша встрѣча! Какъ-то найду я ее, бѣдную?.. Какъ-то она перенесла?.. задавалъ себѣ мысленные вопросы путешественникъ, пока пристань и зданія выяснились изъ мглы, и перевозчики, перекрикиваясь и бранясь, съ трудомъ вытягивали лодку изъ полосы прибоа.

Въ лучшемъ номерѣ одной изъ ялтинскихъ большихъ гостиницъ, выходившемъ окнами на море, молодая женщина, наша старая знакомая Лариса Николаевна Хмарова, весело разговаривала съ двумя молодыми людьми, только что вернувшимися вмѣстѣ съ нею съ прогулки верхомъ на горы. Ея высокая шляпа съ вуалью еще лежала на диванѣ и сама она еще была въ amazонокѣ. Ловко подобравъ ее на пажъ, она болтала со своими гостями полулежа въ креслѣ и кончикомъ хлыста щелкала себя по узенькому концу ботинка. Она пополнѣла за эти годы и очень похорошѣла. Ея темные волосы пришли въ красивый безпорядокъ, слустившись на слону, и она ихъ не поправляла—знакъ что это очень идетъ къ ней. Ея веселый голосъ, звонкій смѣхъ и предестыня ямочки на цвѣтущихъ щекахъ не подавали ни малѣйшаго повода догадаться что трауръ по убитомъ мужѣ ея только что снятъ и что

нѣтъ еще полутора года какъ она такъ искренно убивалась, такъ отчаянно горевала по немъ. На свѣтъ много чудесъ, и одно изъ самыхъ обыкновенныхъ, хоть не изъ менѣе удивительныхъ—тѣ разнообразныя чувства, тѣ противоположныя свойства, которыя часто вмѣщаются въ сердцахъ молодыхъ, впечатлительныхъ женщинъ. Строгіе люди напрасно укоряютъ ихъ въ безчувственности, легкомысліи и притворствѣ: онѣ не могутъ въ данную минуту, выказывая силу чувствъ своихъ и горя. Онѣ дѣйствительно его чувствуютъ, но сотворены такъ счастливо что самая живая рана скоро заживаетъ и память о ней даже сглаживается такъ быстро и полно что не оставляетъ ни малѣйшаго слѣда ни на сердцѣ, ни въ умѣ. Третье бывшее больное мѣсто—и страданіе будто бы возвращается, и такъ живо что самъ вполнѣ излѣченный субъектъ ни за что не согласится съ вами что болѣзнь прошла. Напротивъ, Хмаровой казалось что она все еще неутѣшна и она очень бы оскорбилась еслибы кто-нибудь сказалъ ей противное...

И тутъ она опять-таки не лгала!

Въ комнату вбѣжала пятнадцатилѣтняя дѣвочка въ бѣломъ платьѣцѣ какъ двѣ капли воды похожая на мать. Только сѣрые глаза ея, глубокіе и вдумчивые, напоминаютъ взглядъ покойнаго Юрія Егоровича.

— Мама, говорить она, бросаясь на колѣна матери, —развѣ мы больше туда не поѣдемъ, гдѣ папа?.. туда, гдѣ онъ лежитъ подъ тою высокою горой?..

— Какъ не поѣдемъ, дитя мое! непременно поѣдемъ. Намъ надо посмотрѣть какой палъ поставили памятникъ.

И мигомъ голубые глаза Ларисы Николаевны затуманиваются.

Двое собесѣдниковъ ея принимаютъ видъ соответствующій обстоятельствамъ, хотя одинъ изъ нихъ, наклонясь надъ альбомомъ фотографій, и думаетъ, внутренно улыбаясь: „послѣ ужина—горчица!“

Другой, очень молодой человѣкъ въ адъютантскомъ мундирѣ, размышляетъ лишь о томъ что ребенокъ явился совсѣмъ не кстати, и что нянька сдѣлала бы прекрасно еслибы его сюда не впускала.

— Какой памятникъ? Это что такое?

— Это... такой крестъ, съ запиской отвѣчаетъ ей мать, — вотъ такой, какъ ты здѣсь видала возлѣ церкви; большой бѣлый крестъ...

— А намъ зачѣмъ его видѣть?

— Какъ зачѣмъ?.. Ну, лоди, Маричка! Поди къ mademoiselle Jenny. Не надоѣдай!.. Тебѣ пора спать...

— Нѣтъ! спать рано! увѣренно возражаетъ ребенокъ.— Скажи: зачѣмъ намъ видѣть крестъ? Крестовъ и здѣсь много.

— Ахъ, какая ты глуленькая, Мери! вѣдь это не простой крестъ: это лаливъ... Развѣ бы ты не хотѣла его видѣть?..

— Кого? Крестъ?.. Нѣтъ! Есаубы лалу самого,—я бы тогда поѣхала.

— Мери! переставь, дитя! голосомъ отчаянія вскричала молодая вдова.—Mademoiselle Jenny! prenez là, de grâce.

— Да не хочу я къ ней, мама!.. калризначала дѣвочка.— Надоѣла мнѣ Женни!.. Она все меня дразнить. Я съ тобой хочу.

— Наталья со мной, когда гости. Ты всѣмъ надоѣдаешь... Чтѣ за лустаки? Женни добрая!

— Нѣтъ, злая. Она глулости говоритъ! Она говоритъ что у меня скоро будетъ другой, новый лала, а я не хочу!..

— Ахъ! лоди же ты прочь, Маша! не на шутку разсердилась молодая мать, наклоняясь къ ребенку чтобы скрыть яркій румянецъ покрывшій лицо ея. — Mademoiselle Jenny Mais de grâce, où êtes vous donc?..

И подвѣвъ дочь она повесла ее въ другую комнату, но въ дверяхъ столкнулась съ гувернанткой.

— Держите ее, прошу васъ, возлѣ себя! недовольнымъ голосомъ сказала она и вернулась къ своимъ гостямъ, услѣвшимъ обмѣняться взглядомъ и улыбками за ея спиной.

— Ну, намъ кажется пора! сказалъ статскій господамъ лѣживо подымаясь.

— Куда? Натѣмтесь чаю. Еще рано.

— Не такъ-то рано, возразилъ, посмотрѣвъ на часы, ея собесѣдникъ.—Вѣдь вамъ надо заняться вашимъ туалетомъ: концертъ ровно въ восемь.

— Да я можетъ-быть еще и не поѣду...

— Какъ, не поѣдете?... ахуль адъютанта.—Какъ же можно? Последний концертъ!

— И вы дали слово княгинѣ, замѣтилъ статскій.

— Она и не примѣтитъ!

— Не примѣтитъ вашего отсутствія, Лариса Николаевна? Позвольте не повѣрять искренности вашихъ словъ.

— Пустяки!... Мыѣ что-то нездоровится; да и письмо надо еще написать предъ отъѣздомъ.

— Oh! ne m'en parlez pas!... Кто думаетъ объ отъѣздѣ въ такую чудную погоду?... сказалъ военный, закуривъ папироску и наигрывая одною рукою на пианино.—Поете вы этотъ романсъ? Онъ носитъ ваше имя.

— Мое имя?

— Да... Его названіе: „Sensitive“.

— Bravo! Одобрю! воскликнулъ статскій.

— Какой вздоръ!... Я совсѣмъ не недодрога...

— Какое прозаическое переложеніе имени сенситивы! прервалъ адъютантъ.—Ужь лучше назовемъ этотъ романсъ: „Нетронь меня“.

— А въ самомъ дѣлѣ, Лариса Николавна: спойте намъ что-нибудь на прощанье, попросилъ статскій.—Ваше глѣбе дастъ намъ силы прослушать всѣ предстоящіе намъ дуэты и квартеты.

— Да я совсѣмъ не пою теперь, отговаривалась Хмарова, подходя однако къ пианино.

— Со вчерашняго вечера?

— Кто вамъ сказалъ что я глѣла? живо обернулась къ нему молодая женщина.

— Догадайтесь!

— Княгиня? Нѣтъ? Такъ Ольга Львовна.

— Ни-ни!

— Баронъ Праденъ? Нелинъ? Княгиня? Такъ кто же наконецъ?...

— Представьте... тотъ самый для кого вы цѣлый вечеръ глѣли!

Хмарова сначала вслыхнула, потомъ расхохоталась.

— Вотъ лустяки! Это просто сказала вамъ Ольга.

— О! вѣтъ... Вы глѣли не для нея.

— Я ни для кого не глѣла. Впрочемъ, если хотите, я глѣла для княгини: она меня просила глѣть.

— Oh! qu' à cela ne tiennent! Васъ всѣ просили... громко...

— Ну? полуобернулась Лариса Николавна, прелестью улыбаясь:—а кто-нибудь просилъ тихо?...

И она весело разсмѣялась, поводя лукавыми глазками по общимъ своимъ тоже многозначительно улыбающимся гостямъ.

— Не знаю!... Можетъ-статься!

— Про то вамъ лучше знать!... вторили они ея смѣху.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался слуга.

— Ваше превосходительство, какой-то господишъ васъ спрашиваютъ.

— Меня? изумилась Хмарова.— Кто жь такъ докаадываетъ, любезный? Спросите его фамилію.

— Они говорятъ: съ парохода. Желаютъ видѣть...

— Съ парохода?... Ахъ! Боже мой!... Pardon, messieurs! Это долженъ быть братъ моего мужа.

И взволнованная Лариса Николаевна, не дожидаясь отвѣта вставшихъ за шляпы гостей, скользнула къ передней, гдѣ за дверями минуты двѣ уже стоялъ Темрюковъ, не вѣря глазамъ своимъ и слуху.

— Данила Сергѣичъ! вы ли это?

— Я, кузина. Можетъ-быть не вовремя?...

— Какъ не вовремя?... Я такъ рада! Я васъ ждала.

Мушкетеры размѣнялись поклонами на порогѣ.

— Господа! Вы будете такъ добры, передадите княгинѣ что я не могу у нея быть.

— Но зачѣмъ же это, кузина? Бога ради не измѣняйте для меня вашихъ плановъ. Не лишайте себя удовольствія.

— Удовольствія! укоризненно воскликнула Хмарова, какъ будто бы это было самое невозможное, чуть ли не дерзкое предположеніе съ его стороны.— Богъ съ вами! Какія мнѣ удовольствія?... До свиданія, господа! Передайте, прошу васъ, княгинѣ что ко мнѣ пріѣхалъ родственникъ, котораго я давно ждала.

— А что прикажете отвѣтить Ольгѣ Львовнѣ? освѣдомился адъютантъ.— Какъ вамъ угодно ѣхать завтра на пикникъ: съ нею въ каретѣ или верхомъ?

— Ахъ, я право не знаю, послѣшивъ отвѣчала Лариса Николаевна, чувствуя что краснѣетъ и отъ этого смущаясь еще болѣе.— Мнѣ рѣшительно все равно. Да мы завтра съ нею увидимся!... Очень можетъ быть что я еще и совѣмъ не поѣду.

— Какъ?! воскликнулъ юноша, но остановился встрѣтившись со взглядомъ своего болѣе сообразительнаго товарища, который улыбался, многозначительно вздернувъ вверхъ брови, и глядѣлъ прямо на двою своей шляпы, усердно ее разглаживая.

— Alors, mon cher! безъ комментаріі! сказалъ онъ взявъ его подъ руку:—лора! До свиданія.

И наконецъ оба молодые человѣка исчезли, къ великому облегченію хозяйки.

Темрюковъ стоялъ въ это время отвернувшись лицомъ къ мрачному окну, изъ котораго видѣлся качавшійся всѣми своими цвѣтными фонарами пароходъ только что имъ оставленный. Въ умѣ его шевелились вопросы, пробуждавшіе горькое чувство неудовольствія и какъ бы насмѣшки надъ самимъ собою.

„Такъ вотъ оно какъ! Вотъ каковы дѣла!.. А я-то, дуракъ, боялся, скорбѣлъ за нее!.. О! женщины... Эхъ! Юша, Юша, Юша! хорошо ты, братъ, сдѣлалъ что вовремя ушелъ.“

— Давила Сергѣвичъ, милый! Подите же сюда, садитесь, привелъ его въ себя ласковый голосъ Ларисы Николаевны.— Чтò жъ вы стоите тамъ? Я такъ рада видѣть васъ, поговорить о прошломъ.

И къ удивленію Темрюкова въ этомъ голосѣ слышалось искреннее волненіе и чувство, а въ глазахъ молодой женщины стояли слезы.

Подавивъ вздохъ онъ сѣлъ рядомъ съ нею, обуреваемый самыми разнообразными чувствами и молчалъ, не зная чтò сказать.

— Милый мой! съ участіемъ начала она; взявъ обѣими руками его руку:—какъ вы измѣнились! Совсѣмъ сѣдой!.. И вы, я вижу, не мало страдали?..

Онъ подвигъ глаза въ недоумѣніи и въ некоторое время смотрѣлъ на нее, соображая.

— А вы не измѣнились, сказалъ онъ, наконецъ.—То-есть, pardon! вы измѣнились тѣмъ что очень похорошѣли.

— Ахъ! перестаньте, Темрюковъ!—Она устало вздохнула.— Зачѣмъ?.. Еслибъ вы знали чтò я перенесла!

Она заплакала и отвернулась, чувствуя себя очень несчастною.

Сердце Темрюкова растаяло.

— Да, мы много съ вами пережили! отвѣчалъ онъ, безсознательно возвращаясь къ своимъ прежнимъ чувствамъ отъносительно ея.

— О! сколько горя, не правда ли? повернула она къ нему свое покрытое слезами, цвѣтущее личико. — Бѣдный мой Жоржъ!.. Вы слышали какимъ героемъ онъ умеръ?..

— Мать моя ухаживала за нимъ до послѣдней минуты, напоминая онь.

— Ахъ, да! Тетушка!.. Ахъ! какъ я была ей благодарна за ея заботы. Какъ писалъ мнѣ о ней Юрїи наканунѣ смерти! Какъ онь любилъ ее!..

— Не онь одинъ. Весь госпиталь обожалъ ее. Она отдала свою жизнь больнымъ и раненымъ.

Что-то дрогнуло въ сердцѣ молодой женщины. Въ голосѣ Давиды Сергѣевича прозвучало что-то что глубоко отозвалось даже въ ея мелочной душѣ.

— Я слышала... прошелтала она чувствуя вдоль спины холодныя мурашки нервной дрожи.

Настала минута молчанія. Рука Темрюкова безотчетно поднялась ко груди, ощущывая небольшую вещь въ жилетномъ карманѣ.

„Отдать или нѣтъ?“ размышлялъ онь. „Подожду!“

— Предъ своею смертью, медленно заговорилъ онь опустивъ глаза, — матушка постоянно всланивала послѣднія минуты Юрїи. Она любила его какъ сына!.. Я писалъ вамъ? онь умеръ не только какъ герой, но и какъ христіанинъ... Она говорила мнѣ много разъ что изъ множества кончивъ видѣнныхъ ею, пока она была сестрой милосердія, смерть вашего мужа самая христіанская. Въ началѣ онь очень горевалъ что не могъ видѣть васъ и своего ребенка; проститься предъ смертью съ вами. Но потомъ даже радовался тому что вы не увидите его кончины, что она не оставитъ въ восланиваніи вашемъ тяжелаго впечатлѣнія... Послѣднія слова его вы знаете?

Лариса Николаевна кивнула головой. Она не могла говорить отъ душившихъ ее слезъ.

— Онь думалъ только о васъ, о вашей будущности. Онь желалъ вамъ новаго, полнаго счастья, немного заплувшись продолжалъ Темрюковъ, — но только просилъ не забывать и счастья его дочери!..

— Да! знаю, знаю! закричала Хмарова, закрывая себя ладонями уши. — Знаю, не мучьте меня!.. Не повторяйте. Я не хочу, не хочу объ этомъ слышать!..

— Извините. Можетъ-быть мнѣ совсѣмъ не слѣдовало возобновлять этихъ грустныхъ впечатлѣній; но вѣдь мы впервые съ тѣхъ поръ видимся, а я не помню хорошо что ли-

саль вамъ. Смерть матушки изгладила и перемѣшила мои воспоминанія.

— Отчего она умерла? Вѣдь она, кажется, совсѣмъ было поправилась послѣ тифа?...

— Въ ея года такая болѣзнь и такія потрясенія, какія она испытала въ послѣдніе два года своей жизни, даромъ не проходятъ. Ея нравы, весь организмъ ея были разстроены въ конецъ нравственными страданіями и чрезмѣрнымъ трудомъ. Пока она была нужна другимъ, ее поддерживало это сознаніе; но когда миновала необходимость поддерживать свои силы ради блага другихъ,—пропала и вся ея энергія. Не стало у нея болѣе ни воли, ни силы жить!... Послѣдніе дни она совсѣмъ не страдала: угасла какъ догорѣвшая свѣча.

— Матеріалу не стало.

— Именно: не стало физическихъ силъ. Духъ бодръ, да плоть немощна! Духомъ она была сильна до послѣдней минуты и умирала въ полномъ сознаніи.

Темрюковъ замолчалъ и минуты двѣ размышлялъ о чемъ-то, волнуясь внутренно.

— Она просила меня, наконецъ рѣшился омы начать рѣчь,—передать вамъ и маленькой Машѣ свое благословеніе, вмѣстѣ съ послѣднимъ благословеніемъ Юрія. Она все надѣялась свидѣться съ вами сама..., но Богъ не привелъ!... Я не хотѣлъ доврѣить почти и даже, кажется, объ этомъ ничего не писалъ вамъ. Мужъ вашъ передалъ матушкѣ, въ послѣднюю минуту, свой крестъ, чтобъ отдать... его дочери.

„Да проститъ мнѣ Богъ и они оба эту фальшь!“ подумалъ, выговоривъ это послѣднее слово, Давида Сергѣичъ. „Но мнѣ кажется такъ будетъ лучше!“

— Отдайте ей! Я зову ее. Она еще не спитъ, сказала Лариса Николаевна, вся лобѣдѣвъ отъ непритворнаго чувства. Она встала чтобъ идти за дочерью, вздрагивая, какъ отъ холода.

— Погодите! порывисто остановилъ ее Темрюковъ. Ея очевидное волненіе заставило его усомниться въ своемъ правѣ передать ея дочери то что было завѣщено ей самой.

Въ эту минуту раздались мелкіе шажки, и маленькая Маша, явившаяся проститься съ матерью на сонъ грядущій, увидавъ возлѣ нея незнакомаго гостя, остановилась на порогѣ въ недоумѣніи.

— Меричка! Иди сюда, дитя мое! вскрикнула Хмарова.

„Да будетъ такъ!“ мысленно рѣшилъ Данила Сергѣичъ.
„Я убѣждаю что матушка сдѣлала бы то же.“

Дѣвочка приближалась медленнo, въ раздумьѣ, устремивъ глаза на неизвѣстнаго господина. Онъ тоже задумчиво смотрѣлъ на дочь своего брата и друга.

— У нея его глаза! сказалъ онъ, наклонясь чтобы взять ее на руки. Но избалованная дѣвочка отвернулась отъ него и, припавъ къ матери, шепотомъ спросила:

— Мама! кто это?...

Та подняла ее, посадила на колѣна и покрыва ея розовенькое личико лощауями и слезами.

— Не бойся! говорила она, улыбаясь сквозь слезы:—это дядя. Это братъ твоего папы... Онъ привезъ тебѣ его крестъ... Папа прислалъ тебѣ свой крестъ, дѣвочка!...

— Свой крестъ? тотъ самый большой, бѣлый крестъ, который ты хотѣла видѣть?... оживилась Мери.

— О, вѣтъ! душа моя, съ улыбкой возразила ей мать.—Она думаетъ что дѣло идетъ о ламятникѣ отца ея. Мы только что говорили о немъ; я и сказала что лѣду на могилу Жоржа посмотрѣть какой ему поставили крестъ... А она и думаетъ!..

— Вы въ самомъ дѣлѣ хотите ѣхать? спросилъ Темрюковъ, въ раздумьѣ глядя на мать и дочь.

— Непременнo! Я была тогда, прошлымъ лѣтомъ, когда вы уже уѣхали съ тетушкой за границу; но тамъ такъ сдѣлалось жарко что Мама заболѣла, и пришлось выѣхать ранѣе, такъ что я не видала еще его ламятника... Я хочу непременно посмотрѣть сама.

— Такъ лѣдемте теперь, вмѣстѣ со мной, кузина, предложилъ онъ.

— Какъ? развѣ вы туда?...

— Я ѣду въ Батумъ; хочу, если все такъ какъ мнѣ пишутъ, тамъ поселиться. Привыкъ я къ климату и вообще къ тѣмъ мѣстамъ. Но въ Сухумѣ олять жить—не могу!... Я съ удовольствіемъ проводилъ бы васъ въ Тифлисъ и дальше. У меня вѣдь особенныхъ дѣлъ нѣтъ.

— Это хорошо бы, но я не могу такъ скоро собраться. Нѣтъ, ужъ вы лучше подождите меня въ Батумѣ. Я вамъ буду телеграфировать, когда выѣду.

— А гдѣ же крестъ? спросила дѣвочка.—Мама! Гдѣ онъ? Покажи!

— А вотъ дядя тебѣ передастъ его.

„И мысли нѣтъ у нея о томъ, зачѣмъ не ей самой!“ думалъ Темрюковъ доставая изъ груднаго кармана небольшой свертокъ и развертывая его. „Значитъ не было бы и желанія сохранить память Юрія... Кажется я хорошо сдѣлалъ!“

— Возьми, дитя мое, сказалъ онъ надѣвая на ребенка золотой крестикъ на дѣлочки.—Носи никогда не снимая: это послѣдній подарокъ твоего отца; это его благословеніе! Благословеніе,—повнимаешь?.. Нѣтъ! Ты еще не ловимаешь. Но ты поймешь... Береги его! Не потеряй.

— Нѣтъ, я не потеряю!.. Я буду крѣпко, крѣпко беречь его! отвѣчала Маша вся покрасѣвъ и стискивая крестикъ своею лухлою рученкой, пристально глядя въ то же время на новаго дядю.

— Да, взглядъ ея и глаза очень его наломиваютъ, повторилъ Темрюковъ.—Можно поцѣловать тебя, маленькая?

Дѣвочка на этотъ разъ молча перелѣзла отъ матери на колыба къ нему и подставила ему лодъ усы свою розовенькую щечку. Онъ поцѣловалъ ее и поставилъ на полъ.

— Ну, теперь иди, дѣвочка! Пора байкать, сказала ей мать, сама съ трудомъ удерживая зѣвоту. Слезы и вся эта сцена ее утомили и ей безотчетно хотѣлось усложиться. Уже не разъ предъ нею мелькала людная, ярко освѣщенная зала, гдѣ она была бы теперь еслибы не пріѣздъ Темрюкова.

Маленькая Маша простилась и пошла къ ожидавшей ее въ дверяхъ гостиниой Швейцаркѣ, которой сейчасъ же начала разказывать что какой-то добрый господинъ пріѣхалъ прямо отъ ея паны и привезъ ей отъ него золотой крестикъ.

Давила Сергѣевичъ и Хмарова нѣкоторое время молчали. Она спокойно вытянулась на мягкомъ диванѣ, закрыла глаза горѣвшіе отъ слезъ и долгой прогулки верхомъ и влала въ забытѣ весьма близкое къ дремотѣ. Онъ углубился въ свои мысли и сидѣлъ неподвижно, понутивъ голову и устремивъ глаза на лестный коврикъ.

Имъ привесли чай. Хмарова оживилась, подчуя его леченьемъ, сироломъ который будто бы она сама варила. Она проголодалась и кушала съ большимъ удовольствіемъ.

— Кушайте! Вотъ эти булочки съ миндалемъ очень вкусны, говорила она.—Онѣ очень наломиваютъ тѣ что у тетюшки подавали, бывало, къ кофе. Помните?.. Жоржъ ихъ очень любилъ, и я нарочно взяла у нея рецептъ какъ ихъ дѣлать; но у насъ никогда онѣ не удавались. Ахъ! ваша матушка

вотъ ужъ хозяйка была! Какіе у нея бывали всегда вкусные пироги и всякія леченья. Я ни у кого такихъ не ѣла!

— Да, Матушка была вообще прекрасная хозяйка въ гораздо болѣе обширномъ значеніи. Мнѣ очень будетъ трудно теперь безъ ея помощи...

— Да! перебила его словно вдругъ что-то вспомнивъ Лариса Николаевна:—скажите пожалуйста, куда дѣвалась ваша воспитанница, красавица Марта? Я часто думала о ней когда разыгралась эта ваша сухумская траги-комедія. Гдѣ она теперь?

Темрюковъ медленно перевелъ на нее глаза и не сразу отвѣтилъ, будто бы соображая значеніе ея вопроса.

— Гдѣ Марта? Не знаю право. Я совершенно потерялъ ее изъ виду. Когда мы съ маленькой оставляли Сухумъ, послѣ объявленія войны, она предлагала ей ѣхать съ нами въ Кутаисъ; но Марта тогда кормила ребенка и ни за что не хотѣла оставить мужа. Когда Алмасхиза убили, я не знаю что съ нею стало.

— Его убили?! Бѣдняжка! Она, кажется, ужасно его любила! вскричала Хмарова.—Когда же, гдѣ онъ былъ убитъ?..

— Не могу сказать вамъ достоверно. Я слышалъ что онъ снова вступилъ въ милицію и былъ убитъ, кажется, въ одной изъ первыхъ же схватокъ генерала Алхазова съ Турками; но признаюсь вамъ, мнѣ было не до нихъ, и вѣрнаго я ничего не знаю.

— Вотъ какъ! лукаво замѣтила его собесѣдница. — А я въ то время крѣпко залодозрила что вы къ ней неравнодушны.

— Какой же поводъ я далъ вамъ такъ думать?

— О, Боже мой! мы, женщины, ужасно на это чутки. Мнѣ лю всему казалось даже что не подвернись этотъ горецъ, вы сами были бы не прочь занимать его мѣсто. Ну, признайтесь? Развѣ нѣтъ?

— Не знаю, не совсѣмъ рѣшительно отвѣчалъ Темрюковъ.— Мнѣ не зачѣмъ скрывать: дѣло прошлое!... Я дѣйствительно былъ очень привязанъ къ Мартѣ, и не подлюби она Алмасхиза, я не могу ручаться за то что могло бы случиться.... Но это меня отрезвило и.... немного разочаровало въ ней,—съ заливкой вымолвилъ Давидъ Сергѣвичъ.—Я, правда, дѣлалъ обычную ошибку мушьянъ: я нѣсколько преувеличивалъ нравственную цѣну женщины которая мнѣ нравилась; но Марта

все-таки была славная дѣвушка, съ хорошимъ сердцемъ, честная и правдивая.

— Ну, а еслибы вы встрѣтили ее теперь? улыбаясь предположила Хмарова, пытливо глядя въ серьезное лицо своего родственника.

— Теперь?... теперь прошлое прошло и умерло.... также какъ, вѣроятно, умерла и она сама! было печальнымъ отвѣтомъ.

— Умерла! Почему вы такъ думаете?... съ какой стати хоронить бѣдняжку?

— Потому что трудно предполагать чтобы развитая и даже избалованная отчасти женщина могла перенести ту жизнь которая ожидала ее со смертью мужа. Любовь къ нему могла еще скрашивать все ея окружавшее; но безъ него ей должно было приттись плохо. Ее, я увѣренъ, обратили въ рабу.... Отецъ и семья мужа ее вѣдь ненавидѣли. Я боюсь даже думать о томъ чрезъ что она могла пройти!...

— Несчастная! Да вы узнали бы о ней, спросили бы Сухумцевъ.

— Некого разспрашивать. Еще до появленія турецкой эскадры Сухумомъ овладѣла такая паника что всѣ бросились бѣжать. Природные Абхазцы остались одни на поруганіе Туркамъ, между двумя огнями: противиться непріятелю не было никакихъ средствъ; принять его съ повинною, значило подвергнуться обвиненію въ измѣнѣ Россіи,—что и случилось!... Абхазцы явились козлами очищенія во всей этой передрагѣ; и спросите ихъ: что они вытерпѣли? Гораздо еще прежде чѣмъ явились настоящіе враги, населеніе ватерпѣлось уже вслѣдствіи бѣдъ и притѣсненій отъ своихъ. Оно было разорено общими безпорядками, тою авархіей, тѣми злоупотребленіями и произволомъ которые сами собой явились въ несчастномъ Сухумѣ. Не имѣла ни откуда помощи обратилась за нею къ непріятелю.... и тѣмъ охотѣе что непріятель-то свой человекъ по вѣрѣ и по обычаямъ, по всему! Такъ сдѣлала и семья Алмасхиза.

— Какъ?... Онъ измѣнилъ?...

— Нѣтъ. Я сказалъ же вамъ что мужъ Марты былъ убитъ сейчасъ же послѣ высадки Турокъ. Но отецъ его никогда не отличался преданностью Русскимъ и тотчасъ же передался.

— Ахъ, бѣдная Марта!

— Сама хотѣла! такъ озабоченно вскричалъ Темрюковъ что

Лариса Николаевна даже вздрогнула и устремила на него удивленный взглядъ.—За чѣмъ пошла—то ишла!

— Но что жъ ей было дѣлать? Она ничѣмъ не виновата.

— Она могла вовремя уѣхать съ ребенкомъ, тише сказалъ онъ.

— Да, но вѣдь она, любя мужа, не хотѣла его оставить пока онъ былъ живъ; а позже ей, вѣроятно, не представлялось болѣе саучая уѣхать.

Темрюковъ оперся локтемъ на столъ и, закрывъ лицо, рукою потеръ себѣ лобъ, словно стараясь отогнать докучныя, тяжелыя мысли.

— Вѣроятно вы правы, медленно промолвилъ онъ сдерживая вздохъ:—въ непонятной любви ея къ этому дикарю заключается все объясненіе.... Любовь, какъ и война, „жертвъ искупительныхъ проситъ!“ Ну, вотъ Марта и примесла себя ей въ жертву.

— Да привесла ли?... Что вы все ее хороните?... Можетъ-быть она жива и здорова, и вы еще ее увидите въ Сухумѣ.

— Тѣмъ хуже для нея, если жива! Я вотъ слышу, мнѣ писали, въ какомъ ужасномъ состояніи находятся тѣ несчастныя Абхазцы которые теперь возвращаются въ Россію.

— А много ушло ихъ?

— Тысячъ пятнадцать, когда не больше. Ближайшія окрестности Сухума всѣ опустѣли. Дальше туда къ Гудауту осталась ихъ горсточка на мѣстѣ—тысячъ въ шесть общество, которому съ помощью Шелковникова удалось отстоять себя.

— И зачѣмъ они переселялись? Неужели ихъ еще не прочило первое переселеніе горцевъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ? На ихъ же глазахъ они вернулись нищими, умирая съ голоду.

— И эти возвращаются точно такими же. Да еще что зимой будетъ? Мнѣ лишутъ что всѣ улицы Батума и всѣ кавказскіе порты наводнены ими. Ихъ не знаютъ куда и дѣвать; потому что правительство, не ожидая ихъ возвращенія, распорядилось ихъ землями, и пока имъ отведутъ другія, они остаются между небомъ и землей. А зима на носу!

— И вдругъ, съ одной изъ этихъ партій, вернулась ваша Марта! Вы рады будете? Не правда ли?...

— Не думаю чтобы было чему радоваться!... Да она и не вернется.

— Это почему?

— Потому что она слишкомъ хороша: константинопольскіе спекуляторы ее не пустятъ. Я убѣжденъ даже что она не своею волей отправилась въ Турцію, а ее просто продали родственники.

— Воже! Что вы говорите?... въ непритворномъ ужасѣ вскричала молодая женщина, вслеснувъ руками.

— Да разумѣется, подтвердилъ Темрюковъ до подозрительности равнодушнымъ голосомъ.—Что жь, вы думаете съ нею поцеремоняться?... Богъ мой! да изъ Сухума чуть не всю прогимназію, въ полвомъ составѣ, въ стамбульскіе гаремы свезли!

— Быть не можетъ!

— Увѣряю васъ. Разумѣется не Русскихъ: наши раньше забрали своихъ дѣтей. Хотя и имъ тоже, сказать по правдѣ, не поздоровилось, — но имъ хоть не торговали, тогда какъ Абхазки сколько-нибудь смазливья всѣ въ торгъ пошли. Вѣроятно и Марта съ ними....

— Ахъ, несчастная!...

— Да!... Счастливыхъ у насъ вообще оказалось въ Сухумѣ мало. О нихъ пока преданіе умалчиваетъ.... Но несчастныхъ всякихъ довольно. Сколько и нашихъ русскихъ женщинъ и дѣтей погибло во время этого сумашедшаго бѣгства на Кюдорской переправѣ, по этимъ ужаснымъ дорогамъ, въ лѣсахъ и оврагахъ. Сердце содрогается, какъ послушаешь очевидцевъ!... Прискорбное дѣло, что и говорить!

— Да, согласилась Хмарова:—ужь лучше о немъ и не помнить. Я терпѣть не могу вспоминать о непріятныхъ вещахъ, которымъ помощи уже нѣтъ. Зачѣмъ?...

— Это хорошее правило,—нѣтъ слова,—только для исполненія его необходимо чтобъ эти непріятности никогда лично васъ не касались.... Да! Богъ вамъ такъ прожить свой вѣкъ.

Лариса Николаевна подняла на него свои прекрасные голубые глаза и хотѣла возразить очень искренно что она ошибается: что она старается, и весьма услѣшво, приложить теорію свою къ практикѣ и въ отношеніи собственныхъ печалей. Но безотчетное чувство воздержало ее отъ этого отвѣта и она только спросила:

— Когда вы ѣдете? Сегодня?

— Пароходъ выходитъ завтра утромъ.

— И вы рѣшительно поселяетесь въ Батумѣ?

— Не знаю еще. Посмотрю, какъ ложивется. Я вѣдь теперь вольный казакъ: гдѣ понравится, тамъ и разобью свой шатеръ. Но я вижу, вамъ хочется спать, кузина? Вы утомились?... Я не стану васъ долѣе беспокоить. Прощайте.

— Какое нехорошее слово! Никогда его не говорю. До свиданія въ Батумѣ: я скоро тамъ буду.

— До свиданія, милая кузина, и дай вамъ Богъ всего лучшаго!

— Нѣтъ, Данила Сергѣичъ, печально вздохнула молодая вдова: — спасибо вамъ, но мое лучшее прошло!

— О, нѣтъ! съ убѣжденіемъ возразилъ Темрюковъ. — Вы такъ еще молоды, въ васъ столько огня и жизни что я убѣжденъ что мое желаніе и.... надежда Юрія, — на будущее ваше счастье, — сбудутся! До свиданія.

— Какъ вамъ не стыдно, Данила Сергѣичъ! провожало его укоризненное восклицаніе Хмаровой.

Когда онъ вышелъ, она сладко потянулась на порогѣ комнаты, закинувъ на спину предлествую головку, а руки сложивъ надъ головою; потомъ задумалась.... не о чемъ-либо далекомъ или головоломномъ, а только о томъ, цѣти ли ей спать или одѣться и ѣхать въ концертъ?...

Темрюковъ взялъ себѣ номеръ тутъ же, однимъ поворотомъ лѣстницы выше. Ему хотѣлось провести эту ночь спокойно, безъ качки и пароходнаго стука. Но спать еще не хотѣлось и онъ сѣлъ прочесть послѣднія газеты.

Черезъ часъ онъ позвалъ слугу. Ему надо было приказать разбудить себя вовремя, въ случаѣ еслибъ онъ заснулъ. Но Ялтинская гостиница была прежде всего гостиница руссійская: на званіе его номерной не появлялась. Темрюковъ отворилъ двери въ ярко освѣщенный корридоръ чтобы позвать лакея и съ этой цѣлью перегнулся черезъ перила лѣстницы, на площадку вишняго этажа, собиравсь закричать: „человѣкъ!“ но, вмѣсто этого, онъ безмолвно подался назадъ, самъ не зная чего сконфузившись...

Съ вишняго поворота лѣстницы, прямо къ нему лицомъ, спускалась Хмарова очень нарядно одѣтая. По уходѣ родственника она сообразила что можетъ еще послѣть ко второму отдѣленію концерта и что разсвѣяться послѣ печальной ихъ бесѣды будетъ очень полезно.

Она не видѣла стоявшаго на верху Даницы Сергѣевича; онъ же, когда эта красивая, безлечно улыбавшаяся женщина свернула на слѣдующій поворотъ ступенекъ, спишой къ нему, нагнулася и, глядя вслѣдъ ея бѣлому трему, улыбулася весьма краснорѣчиво и, покачивая головой, думая думу очень схожую съ извѣстнымъ изреченіемъ принца Датскаго:

„О женщины! Ничтожество вамъ има!“

III.

Что можетъ быть красивѣе, свѣтлѣе, ласковѣе моря въ ясныя, лѣтнія ночи, въ тихіе дни, въ яркіе, расцвѣченные солнцемъ вечера?... Что можетъ быть ужаснѣе, страшнѣе, немолчимѣе его въ бурю, когда его сѣдыя, взерошенныя волны, то разверзаются глубокими безднами, то вырастаютъ словно стѣны и грозно возстаютъ, бросаются другъ на друга, какъ косматыя, бѣлогривыя чудовища, и другъ друга поглощаютъ?...

Не дай Богъ чему - нибудь постороннему не въ добрый часъ лоласть на зубокъ этимъ разъяреннымъ зѣтрамъ-волнамъ, замѣшаться въ ихъ междуусобную брань!... Храни Богъ все живущее отъ такой лютой бѣды.

Пароходъ на которомъ, ведѣли три слуста, ѣхала на Кавказъ Лариса Николаевна Хмарова не подвергся именно такой бѣдѣ, но выдержалъ весьма порядочную трепку. Время было ужь очень позднее, осеннее; да къ тому же выѣхала она въ новолуніе. Сначала день былъ тихій, только клубчатые облака барашками устилали все небо; но къ вечеру вѣтерокъ засвѣжѣлъ, и тонелькій серпъ луны едва показался на западѣ, какъ его затянули черныя, лохматыя тучи и лошаи расплозаться цѣлками лалами по всему небу. А въ полвочь, было 2 ноября разразилась гроза съ вихремъ и градомъ въ куриное яйцо. Удары грома были такъ сильны что ихъ было слышно въ каютахъ, изъ-застука и треска града по палубѣ, изъ-за воя вѣтра и рева волъ; а молніи ослѣпляли даже привычныхъ моряковъ.

Къ разсвѣту гроза стихла; залежавшіяся градины матросы смели въ море; дождь тоже пересталъ, только солнышко

не показывалось, да сердитыя сизыя волны съ разбѣгавшимся по ихъ хребтамъ бѣлыми зайчиками не хотѣли уаечься...

Качка продолжалась ужасная до самыхъ кавказскихъ береговъ. Двое сутокъ пароходъ стоналъ и трещалъ и весь сотрясался, вздрагивая, какъ живой, подъ напоромъ волвъ. Онъ то взлеталъ вверхъ, то визвергался въ бездны; то мѣрно раскачивался, какъ колыбель, то вдругъ такъ сильно накренился что все неустойчивое, непривычное, кубаремъ летѣло съ одного края лалубы на другой.

Измучились, цстрадальсь пассажиры.

Еслибы было какое-нибудь подобіе дороги по берегу, многіе вышли бы въ Феодосію. Погода была такая что къ Феодосійской пристани и подойти не пришлось, такъ что многіе мечтавшіе здѣсь выйти и отдохнуть хоть часъ на берегу ошибались въ разчетѣ. Немногіе пассажиры съѣхали на лодкахъ и новыя подошли чуть не съ оласовью жизни.

Наконецъ, на разсвѣтъ третьихъ сутокъ, вѣтеръ улаъ и море начало уаегаться. Къ полудню солнышко впервые разорвало свой неприглядный покровъ и улыбулось стихнувшимъ волнамъ.

На лалубѣ начали показываться путешественники. За ними показалиcя двѣ-три женскія фигуры; блѣдныя, истомленныя страданіемъ, онѣ выходили, несмѣло ступая, и садились на близкія лавки еще не довѣряя своимъ силамъ.

Придерживаясь за стѣнки рубки, потому что ей все казалось что лалуба убѣгаетъ изъ-подъ ея ногъ, послѣдняя вышла на свѣтъ Божій и Дариса Николаевна. Пароходное начальство предупредительно приказало поставить ей кресло на тѣневую сторону рубки, такъ какъ кавказскій благодатный климатъ уже сказывался на солнечномъ прилѣкѣ. Очень еще блѣдная и слабая, она свачала сидѣла неподвижно, вся закутанная въ бархатъ и мѣха, не смѣя еще вѣрнуть счастливой перемены погоды, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій воздухъ, пропитанный здоровыми испареніями моря и ароматнымъ залахомъ скирдъ сѣна, доносившимся порою съ близкихъ береговъ. Горъ еще не было видно, но близость Кавказа уже чувствовалась въ телѣ, въ прозрачности воздуха, въ яркой зелени травы, которая, несмотря на позднюю осень, гнѣздилась въ расщелинахъ и бархатными покровами облепала склоны береговъ.

Подходили къ Аналѣ.

Маленькая Маша весело бѣгала по палубѣ, знакомясь со всеми, и очень была рада что гувернантка не обращает на нее вниманія. Мlle Jennу, въ свою очередь, была весьма довольна что наша компатріотка ѣхавшаго учителемъ на Кавказъ и могла съ нимъ разговориться послѣ долгаго молчанія въ душной и темной каютѣ. Вся палуба оживилась группами воскресшихъ пассажировъ. Многіе, проходя мимо прелестной вдовы генерала Хмарова, засматривались на нее; за то сама она пока не обращала ни на кого вниманія.

Къ ней подбѣжала окончательно развеселившаяся дочка и дергая ее за руку кричала:

— Мапочка! зачѣмъ ты здѣсь сидишь? Тутъ холодно и скучно!... Пойди лучше на ту сторону, тамъ веселѣй: берега видны и городъ. Вотъ онъ говоритъ что мы сейчасъ стоимъ! показала она пальчикомъ на помощника капитана, съ которымъ уже успѣла подружиться.

Мать ей замѣтила что она неучтиво выражается и спросила:

— Долго мы здѣсь простои́мъ?... Нельзя ли будетъ выдти на берегъ?

Молодой морякъ только того и желалъ чтобы вступить въ бесѣду съ необыкновенно хорошенькою пассажиркой. Онъ началъ объяснять что выходить не сто́итъ; что Авапа—не болѣе какъ деревушка и въ настоящее время деревушка очень грязная; а простоятъ они не болѣе полудаса.

— Ахъ! Боже мой! Мнѣ такъ хотѣлось бы постоять на твердой землѣ! капризно вымолвила Хмарова,—ну хоть немножко!... Я такъ измучилась что кажется въ жизни никогда не стулаю больше на пароходѣ!

— Бѣдные пароходы! многозначительно вздохнулъ ея собесѣдникъ.—Авось теперь постоятъ хорошая погода и вы перемѣните гнѣвъ на милость... Теперь вы можете быть совершенно спокойны: мы все равно что на берегу. Посмотрите какое красивое и гладкое море!

— Да, на полчаса! А потомъ пожалуй и опять завертеть, недовольнымъ голосомъ возразила Хмарова.

— О, нѣтъ! увѣряю васъ. Мы съ Чернымъ Моремъ старые пріятели и всѣ его обычаи знаемъ. Вы можете считать себя въ полной безопасности, какъ на коврѣ любой гостивой. Попробуйте пройтись!...

— Да я и ходить разучилась. Я право боюсь стулится!...

— Напрасно боитесь. Позвольте мнѣ вашу руку, любезно предложилъ помощникъ капитана.

Она встала смѣясь и краснѣя своей нервнѣестью и промась, опираясь на руку молодого моряка, на другую сторону парохода.

Тутъ дѣйствительно было веселѣе, по опредѣленію Мерп. Дариса Николаевна сѣла на скамейку съ удовольствіемъ глядя на городокъ, расположенный на зеленой равнинѣ, съ его небольшими домиками и церковью, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшею рядомъ съ остовомъ большого казеннаго зданія, — присутственныхъ мѣстъ или казармы, — зданія сожженнаго турецкими граватами. Подъ усиленное пыхтвіе машины, свистъ и шиптвіе паровъ, пароходъ бросилъ якорь и тотчасъ былъ атакованъ лодками.

Къ великой досадѣ моряка ему волей-неволей пришлось промѣнять общество Хмаровой на призывавшія его неотложныя обязанности. Нечего и говорить что его мѣсто не осталось вакантнымъ. Большинство пассажировъ давно съ удовольствіемъ оглядывались на хорошенькую женщину, съ разгорѣвшимися щеками и множествомъ темныхъ волосъ выбившихся изъ-подъ шляпки. Кто-то переставилъ ей кресло на эту сторону парохода; другой помогъ освободиться отъ слишкомъ тѣлаго леда; третій приказалъ горничной принести бурнусъ вмѣсто шубы и такимъ образомъ знакомство было сдѣлано безъ излишнихъ церемоній и представленій. Не прошло и двухъ часовъ какъ Хмарова была окружена и совершенно въ своей сферѣ.

Противъ ожиданія что-то задержало пароходъ у Анапы долѣе обыкновеннаго. Солнце ужъ было близко къ закату когда раздался свистокъ и мѣрный стукъ паровой машины.

Залѣнилось море подъ килемъ и пароходъ пришелъ въ движеніе, описывая плавно полукругъ.

Въ эту минуту изъ глубины мужскаго отдѣленія перваго класса поднялся на палубу еще не бывавшій тамъ пассажиръ. Это былъ молодой человекъ, одѣтый въ безукоризненный костюмъ путешественника, съ бивоклемъ и чрезвычайно элегантною сумкой черезъ плечо; человекъ не нашего славянскаго, а южно-европейскаго типа, Французъ или быть можетъ Итальянецъ, съ очень красивымъ и выразительнымъ лицомъ, на которомъ была странная смѣсь эмергіи и той

полудѣли, полудѣги, которую Французы называютъ поп-салапсе. То былъ графъ Альфредъ де-Варнье, господи́въ довольно извѣстный въ избранныхъ слояхъ общества своими громкими побѣдами надъ сердцами женщинъ и еще громчайшими раздѣлками съ ихъ мужьями. Графъ послѣднее время жилъ въ Ялтѣ, но выѣхалъ оттуда дней десять тому назадъ, якобы направляясь въ Парижъ.

Едва онъ показался въ дверяхъ рубки, его насмѣшливо ласковый взглядъ остановился на Ларисѣ Николаевнѣ, а ея глаза широко открылись и уставились на него въ непритворномъ изумленіи.

— Вы здѣсь, графъ? сдержаннымъ голосомъ воскликнула она по-французски.—Откуда вы сѣли?..

— Я ждалъ васъ въ Θεодосіи, также въ полголоса отвѣтилъ онъ, пожимая ея ручку нерѣшительно ему подаваную.

— Но зачѣмъ же? Наши дороги расходятся очень скоро, заговорила Хмарова, голосомъ очень спокойнымъ, однако отвернувшись и склонившись за бортъ чтобы скрыть яркій румянецъ.—Я изъ Батума поѣду въ Тифлисъ, а вы только даромъ объѣдете кругомъ все море.

— О! это не затрудняетъ меня нисколько. Напротивъ, я люблю морскія лутешества. И потомъ... если не ошибаюсь, вы тоже хотѣли лобывать этою зимой во Франціи?..

— Да... Можетъ-быть. Но не теперь. J'ai un pelerinage à faire, vous savez?..

— Ah! oui. Я это знаю, но мнѣ пришла мысль что вы можете переждать намѣреніе, отложить... Кто знаетъ? Женскія предположенія и рѣчи не прочны. La donna e mobile, какъ вамъ извѣстно... Къ тому же, если ѣхать, то надо пользоваться этимъ прекраснымъ моремъ. Вѣдь осеннее море тоже прототипъ женщины: оно также непостоянно и вѣроломно какъ она!

— Cessez donc, friseur! не выдержала роли молодая вдова, противъ воли улыбаясь и бросивъ на красиваго своего собесѣдника взглядъ сказавшій ему многое.

— Ah bah? le suis-je?.. Вы получали мое письмо? Очень тихо спросилъ онъ.

— Да. Но ничего въ немъ не поняла.

— Въ самомъ дѣлѣ? Неужели я такъ неразборчиво пишу?..

— Ужасно неразборчиво и совершенно непонятно! подтвердила Хмарова, лукаво улыбаясь морю, смѣявшемуся ей въ отвѣтъ тысячью солнечныхъ лучей.

— Тамъ лучше: дурной почеркъ недостатокъ всѣхъ великихъ людей. Наполеонъ Первый, будучи главнокомандующимъ, писалъ неразборчиво; когда же онъ сталъ императоромъ, то рукописи его сдѣлались окончательно невозможны: *Tout à fait illisibles...*

— Такъ что ихъ никто и не читалъ?

— Напротивъ: ихъ-то и читали. Онъ разчитывалъ вѣрно что распоряженія генерала Бонапарта могутъ быть выполнены; но приказанія императора должны быть поняты и исполнены.

— О!.. Это ужъ слшкомъ!

— Съ его стороны или съ моей? вкрадчиво промолвилъ де-Варнье, надъ самымъ разгорѣвшимся ушкомъ молодой женщины.

— Съ его стороны это—неучтивость; но съ вашей—это дерзость! *Une impertinence impardonnable!*

— *Que vous me pardonnerez cependant, n'est ce pas?* Вы слшкомъ добры, чтобы не простить меня!.. Наполеонъ разчитывалъ на страхъ: я же, вы знаете, надѣюсь на совершенно свое чувство!

— *Bon Dieu! Quelle fatuité.*

То что де-Варнье отвѣтилъ ей на это восклицаніе, перегнувшись рядомъ съ нею за бортъ, было произнесено такъ тихо что никто не слышалъ его голоса, ни даже сама Лариса Николаевна, судя по тому что она въ эту минуту обернулась къ господину весьма внушительной осанки подошедшему къ ней.

„Необыкновенный цвѣтъ лица! Прелестная женщина!“ подумалъ этотъ новый ея пароходный знакомый.

Къ нимъ присоединилась капитанъ и еще одинъ или два пассажира, и завязался общій, русскій разговоръ, въ которомъ графу трудно было принимать участіе. Онъ впрочемъ нисколько этимъ не смущался, изрѣдка перекидываясь словомъ или взглядомъ съ Хмаровой, онъ разсматривалъ въ бинокль берега, которые все становились выше и живописнѣе. Онъ зналъ что время его придетъ и дѣло выиграмо навѣрное.

Раздался обѣденный звонокъ, и въ первый разъ общая зала парохода наполнилась голодными пассажирами: Всѣ, и дамы, викакъ не менѣе мужчинъ, воздали честь искусству ресторатора. Обѣдъ подъ председательствомъ разговорчиваго капитана прошелъ очень весело и оживленно. Де-Варнье бесѣдовалъ

со своимъ сосѣдомъ, учителемъ-Швейцарцемъ, о послѣднихъ событіяхъ во Франціи, о послѣдней рѣчи Гамбетты и не мѣшалъ доброй половиной персонала первого класса ухаживать за Хмаровой, рассчитывая нагнать потерянное время уже вечеромъ, на палубѣ, при свѣтѣ звѣздъ, луны и искрометныхъ морскихъ волнъ.

Оправдался ли расчетъ его? предоставляю судить всѣмъ хорошему вдовамъ скоро утѣшившимся въ потерѣ любимыхъ супруговъ... Скажу только со своей стороны что вечеръ былъ восхитителенъ. Серлѣ молодой луны, не затмевая блеска яркихъ звѣздъ, сіялъ на небѣ, осылая все море бриллиантовымъ свѣтомъ. Палуба была покрыта путешественниками вплоть до полуночи; но дальше всѣхъ, далеко за полночь, не сходила въ каюты Лариса Николаевна. Она приотцалась вдали отъ остальныхъ пассажировъ—на крайнемъ концѣ палубы, за высоко свернутыми кольцами морскихъ канатовъ, гдѣ мѣста было всего на двоихъ... Оттуда она, не сводя глазъ, любовалась фосфорнымъ свѣтомъ волнистаго саѣда, что далеко, далеко оставалъ за собой пароходъ... И эта ночь, и ясное небо, и тихое море и та волшебная, чудная лѣсьнь что слышалась ей въ ролотѣ волнъ и тихихъ вздохахъ морскихъ лучинъ, такъ очаровали ее что, вспоминаясь потомъ, даже чрезъ многіе годы счастливой жизни, всегда разливали въ ней сладостный трепеть и волненіе...

Утромъ гладь и тишь стояли на морѣ лопрежнему. Въ ночь прошла Новороссійскъ и подходили уже къ берегамъ Черноморскаго округа, а Ларисы Николаевны не было еще видно. Она заспалась послѣ прекраснаго вечера, и вышла на верхъ очень поздно.

Гористый, поросшій дѣвотвенными лѣсами кавказскій берегъ, былъ на виду и въ половой красѣ. Весь первоклассный конецъ палубы былъ увизанъ пассажирами которые любовались горами и въ то же время съ сожалѣніемъ осматривали какія-то груды грязныхъ лохмотьевъ, какъ показалось съ первого взгляда Хмаровой, какія-то кучи колошмившагося, двгавшагося мусора, докравшія за ночь всю верхнюю и нижнюю палубы громаднаго парохода.

— Что это? какіе это люди? съ изумленіемъ спросила она очутившагося возлѣ нея помощника капитана.

— Это Абхазцы. Возвращаются несчастные на родину, да вотъ вѣдь какъ доласть не могутъ. Юнона ихъ въ прошлый

рейсь взяла въ Сухумѣ, гдѣ они уже недѣли двѣ жили подъ открытымъ небомъ, въ ожиданіи распоряженія начальства, куда ихъ именно отправить, разказывалъ морякъ.—Наконецъ приказали ихъ доставить въ Гудауты; но туда ихъ *Юнона* не пришлось высадить, страшная буря была. До самой Новороссійской бухты пристулу не было къ берегу. Такъ ихъ, сердечныхъ, туда и прокатали, да еще недѣлку продержали; а теперь мы вотъ подобрали ихъ и олять назадъ веземъ.

— Бѣдный народъ, сказала Хмарова, вспомнивъ разказы Темрюкова.—Сколько женщинъ, дѣтей!... и какія всѣ страшныя оборванныя, худыя!...

— Какъ не исхудать? помилуйте!... Сегодня, на зарѣ, прислали у насъ немного ячменя, нагружая мѣшки, такъ они всѣ бросились подбирать и ѣсть,—до того голоды!... А вотъ тѣ женщины чуть не передрались давеча за корку хлѣба выброшенную кѣмъ-то.

— И неужели ихъ никто не накормить? Вѣдь это же безжалостно!

— Кому же накормить такое множество? Отъ новороссійской полиціи было у нихъ еще вѣскольکو хлѣбовъ, да утромъ съѣли. Вѣдь ихъ здѣсь до двухсотъ человекъ, и такія партіи каждый рейсь почти приходится Обществу перевозить. Гдѣ жь всѣхъ кормить?...

— А какъ вы думаете, найду я здѣсь купить сколько имъ нужно хлѣба? живо освѣдомилась Лариса Николаевна.

— Не знаю!... Сомнѣваюсь. Еслибъ еще въ какомъ-нибудь хорошемъ порту можно было на базаръ послать; но предъ нами все такія незначительныя деревушки что мудрено надѣяться. Въ Туалсе, я думаю, на всемъ базарѣ не найдется двухсотъ фунтовъ леченаго хлѣба.

— Ахъ! Чтѣ же мнѣ дѣлать?... Мнѣ бы очень хотѣлось помочь имъ.

— Я слышалъ, во второмъ классѣ рѣчь шла о подпискѣ, вышлася одинъ изъ пассажировъ.—Недурно было бы затѣять что-нибудь для этихъ бѣдняковъ.

— Это само по себѣ, ветерпѣливо возразила Хмарова, вынимая свое портмоне и подавая пятирублевую бумажку:— вотъ, господа, кому отдать? кто собирать?

Произошло маленькое смятеніе.

— Господа! заговорили мужчины:—кто собираетъ подписку въ пользу Абхазцевъ?... Вотъ здѣсь желаютъ отдать.

— Подлиску! Какую подлиску?... Мы не слышали.

— Да вотъ сейчасъ говорилъ о ней какой-то господишъ.

— Говорили, правда; но никто не начиналъ подлиску.

— Да позвольте! За чѣмъ же дѣло стало? авторитетно вмѣшался господишъ внушительной наружности, боѣе всѣхъ расточавшій любезности хорошенькой генеральшѣ: сдѣлайте одолженіе, madame Хмарова, будьте нашимъ кассиромъ! Подлиску никакой не нужно, а потрудитесь вотъ взять мою шляпу, а мы всѣ свесемъ въ нее свои послышныя делты.

— Охъ, вѣтъ! право я не могу взять на себя сбора! сказала Лариса Николаевна.—Въ этихъ случаяхъ всегда бывають недовольные... Къ тому же надо пройти всюду, и во второй классъ, и по всѣмъ каютамъ.

— О! мы не затруднимъ васъ этимъ! Кто-нибудь изъ насъ пройдетя по пароходу; а вы потрудитесь только собрать воть тутъ, между нами.

— Assermez donc au profit de ces malheureux! сказалъ де-Варьяе, вынимая изъ сумки деньги.

— Pardon! C'est à moi qu'appartient l'initiative! остановилъ его господишъ со внушительною осявкой, и вручивъ Ларисѣ Николаевнѣ свою шляпу, первый положилъ въ нее десятирублевою ассигнацію.

За нимъ графъ, любезно уступившій ему первый шагъ, опустилъ въ нее другую, стоагнувшись съ ручкою самой сборщицы клавишей туда свое привошеніе, и дѣло закинуло.

Эти несчастныя, блѣдволицыя женщины, эти еле лищавшія, обезсиленныя голодомъ дѣти, эти мушны, глядѣвшіе сурово изъ-подъ лохмотьевъ намотавныхъ на головы вмѣсто башмаковъ,—всѣ эти истомленные, измученные двухлѣтнимъ бѣдствіемъ люди и не подозрѣвали, искоса бросая въ ихъ сторону взгляды травленныхъ волковъ на стадо отборныхъ овецъ, что приваегированное населеніе чистаго конца палубы такъ оживленно занято послышнымъ облегченіемъ ихъ участи.

Собрали порядочный кушъ, который нѣсколько пассажи-ровъ взялись раздѣлить, переписавъ сначала всѣхъ переселенцевъ по семьямъ.

Но Хмарова этимъ не удовольствовалась: она свеслась, при посредствѣ пароходной горничной, съ буфетчикомъ и накупила полную корзину кусковъ блага хлѣба, вѣроятно остатки отъ завтраковъ и обѣдовъ, оставшихся на трюмты-

ми по случаю трехдневной качки, и отправилась раздавать ихъ дѣтямъ.

Груды тряпокъ и мусора, наполненные живьемъ, зашевелились. Десятки исхудалыхъ рученокъ жадно протягивались къ ней чуть-чуть не вырывая у нея куски на лету; какъ стая голодныхъ собакъ окружили ее матери, толкаясь, каждая слѣшила захватить для своего ребенка спасительный кусочекъ пищи, безъ котораго онъ былъ бы, можетъ-статься, черезъ нѣсколько еще часовъ труломъ.

Много было тутъ тяжелыхъ, душу надрывающихъ сценъ. Больныя, истощенныя матери-кормилицы, тщетно старавшіяся выжать каплю молока въ иссохшіе рты своихъ младенцевъ, полумертвыя женщины и умирающіе дѣти. Одна старуха, худая и черная какъ скелетъ, уцѣпилась за латые Хмаровой; вертя головой и отталкивая хлѣбъ, она со стономъ показывала рукой что хочетъ пить. Оказалось что большинство этихъ несчастныхъ страдаютъ отъ жажды и не могутъ выпросить воды. По требованію Ларисы Николаевны объ этомъ сказали капитану, и полныя ведра явились тотчасъ же во всѣхъ концахъ палубы, и надо было видѣть съ какою жадностью на нихъ набросились.

Корзина съ хлѣбомъ была уже почти пуста, когда на дальнемъ концѣ парохода Хмарова увидѣла дѣвочку лѣтъ шести. Совершенно голая, заросшая грязью, она сидѣла особнякомъ и дико поводила глазами не выражавшими ничего кромѣ одурѣлаго страданія. Хмарова подала ей кусокъ хлѣба. Она уставилась на него, но не брала. Ей подали кружку съ водою—то же самое!...

Кругомъ женщины галдѣли, показывая на нее, махая руками, стараясь что-то объяснить... Наконецъ къ удивленію Ларисы Николаевны, устало приподняла голову близъ лежавшая на грязномъ мѣшкѣ молодая, когда-то видимо очень красивая женщина и устремивъ на нее свои все еще прекрасные глаза, сказала по-русски:

— Она не понимаетъ: совсѣмъ безъ памяти. Дайте ей пить. Мать ея умерла тамъ,—махнула она рукой вдаль:—ее вчера похоронили... Она не ѣла и не пила другой день.

Съ невыразимымъ участіемъ наклонилась Хмарова къ горювшей. „Не Марта ли?“... мелькнуло въ умѣ ея, и при этой мысли невольная дрожь пробѣжала по спинѣ впечатлительной женщины. Но вѣтъ, это было не то лицо, далеко не тѣ

антично-правильныя черты. Лариса Николаевна усложилась и повернулась къ несчастной дѣвочкѣ.

Эта избалованная свѣтская красавица не задумалась въ своихъ шелкахъ и бархатахъ опуститься на колѣна на грязную палубу и поднести ковшъ съ водою къ лепельнымъ губамъ ребенка.

— О, несчастная!.. О, несчастная!.. повторяла она, искренно забывъ всѣхъ ее окружавшихъ, при видѣ вцѣпившихся въ ковшъ рученокъ дѣвочки, припавшей къ водѣ со всѣмъ по-звѣриному. Глаза ребенка вспыхивали и бѣлые зубы сверкали въ водѣ, когда у нея пытались отнять ковшъ.

— Довольно, Довольно!.. Она нальется этою водою до смерти! говорили кругомъ нея.

Наконецъ она выпустила ковшъ, глубоко вздохнула и сознательнѣе поглядѣла вокругъ.

— Дайте ей хлѣба, но только маленькій, маленькій кусочекъ, посоветовали зрители.

И Лариса Николаевна, послѣдшнео стряхнувъ съ глазъ слезы, отломилла и положила въ ротъ дѣвочки кусочекъ блага хлѣба.

Та медленно начала жевать.

— А ты, моя милая, ласково обратилась Хмарова къ лежавшей въ изнеможеніи женщины:— скажи мнѣ, не принести ли тебѣ чего-нибудь?.. не хочешь ли ты чего?..

Сначала женщина равнодушно покачала головой, но встрѣтаясь съ глазами Хмаровой, полными слезъ, посмотрѣла на нее пристальнѣе, нахмуривъ брови, будто что припоминая, припомявшись на руку, сказала.

— Я бы хотѣла, если можно, стакавъ чаю.

— Чаю?.. Отчего жъ нѣтъ? Я сейчасъ принесу тебѣ.

И молодая женщина бросилась сама въ буфетъ, чтобы поскорѣе приказать заварить чаю для больной Абхазки.

Она была такъ занята что и не замѣтила нагнавшаго ее у перилъ лѣстницы ведшей изъ каютъ перваго класса въ рубку, графа. Онъ наклонился къ плечу ея сзади и сказалъ полуумоляющимъ, полунасмѣшливымъ голосомъ:

— O, madame! Pourvu que la charité chrétienne ne vous fasse pas oublier celle qui m'est due!..

Она живо обернулась къ нему, вся вслыхнувъ и, подъ вліяніемъ минуты, вскричала:

— Ah! laissez moi donc! Laissez!.. Il y a une femme qui se meurt de faim!

— Parbleu! удивленно возразилъ де Варнье:—il y en a peut-être bien d'autres!.. Mais...

Но Хмарова уже была далеко отъ него.

Французъ пожалъ плечами, тонко улыбаясь и внутреннею воокакнулъ почти то же что вскричалъ когда-то Темрюковъ, только въ иномъ смыслѣ:

„О! женщины, женщины!... Кто васъ разгадаетъ?!“

И де-Варнье осторожно пробрался вслѣдъ за нею, чтобъ издали наблюдать за ея дѣйствіями, ради будущей ея характеристики. Онъ непремѣнно разчитывалъ, по возвращеніи на родину, издать иллюстрированную всѣми его разнообразными воспоминаніями книгу подъ заглавіемъ: „La vérité sur les femmes russes“, со множествомъ подраздѣленій, какъ социальныхъ, такъ и зависящихъ отъ различныхъ темпераментовъ.

Черезъ полчаса, валопѣвъ большую женщину чаемъ, а умирающую отъ голода дѣвочку накормивъ бульйономъ, неугомонная Лариса Николаевна разыскала капитана въ его собственной каютѣ и спросила, можетъ ли она, заллативъ за мѣста втораго класса, перевести ихъ туда?

— Перевести больныхъ Абхазокъ во второй классъ? изумилса капитанъ.—Почему же нѣтъ?.. Но вѣдь онѣ должны быть страшно грязны.

— О! объ этомъ не безпокойтесь, возразила Хмарова;—я ихъ одѣну въ свое бѣлье и платье.

— Вотъ какъ! еще болѣе изумилса капитанъ.

— Да. Бѣдлѣжка!.. Представьте себѣ, я ее знаю, эту бѣдную женщину. Она дѣвочкой жила въ домѣ моей тетки, отлично говорить по-русски и такая несчастная! У нея тамъ, въ Турціи, умеръ мужъ и она съ отцомъ и ребенкомъ теперь возвращается въ Абхазію.

— Гм! Жаль! согласилса капитанъ.— Много такихъ несчастныхъ. Зачѣмъ она выдумала переселяться?..

— Ахъ! да многіе не своею волей; она вонъ говоритъ что Турки грозилъ мужа ея и отца повѣсить, если они не пойдутъ съ ними. Такъ я сейчасъ переведу ихъ.

И такимъ образомъ прежняя маленькая воспитанница Темрюковой, Маріамъ, была водворена со своимъ сыномъ въ спокойной каютѣ, и въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ почувствовала себя сытою, одѣтою и въ телодѣ и мягкой постели.

ли, по милости нашей легкомысленной вѣтренницы; сама же она сидѣла надъ нею и, вся улылая то гнѣвомъ то жалостью, слушала ея разказы о женщинахъ совсѣмъ другаго закала чѣмъ она сама.

Темрюковъ былъ правъ: Марта не своею волей оставила Сухумъ.

Отецъ ея мужа, по заключеніи мира, вольною-волею переселился въ Турцію, отнималъ у нея ея единственнаго сына, людѣ тѣмъ предложомъ что не хочетъ оставлять его въ ненавистной Русской землѣ. Онъ предоставлялъ ей вѣхать или оставаться, очень хорошо зная что Марта пойдетъ на край свѣта за сыномъ Алмасхита. Разъ полавъ съ невѣсткой въ Стамбулъ, старикъ разчитывалъ очень легко не только сбыть ее, но и получить хорошія деньги за такую красавицу. Онъ такъ и сдѣлалъ; но оказалось что богатый Турокъ купившій Марту въ свой гаремъ былъ человѣколюбивѣе и жалостливѣе Абхазца: онъ позволилъ ей взять съ собою сына. Правда что въ минуту насильственной разлуки мать и сынъ такъ прильнули другъ къ другу что возможности не было ихъ разлучить безопасно. Покупщикъ ждался надъ красивымъ товаромъ. Мало этого! Чудная красота Марты, или Вардо, какъ всѣ мусульмане ее называли, сотворила дѣйствительное чудо: она такъ очаровала своего новаго владетелина что онъ рѣшился приобрести ея взаимную любовь, прежде чѣмъ воспользоваться неограниченными правами собственника. И Марта, ради своего спасенія, спузошла до хитрости, до притворства. Она сумѣла такъ приворожить Турка лаской и обѣщаніями что онъ почувствовалъ неограниченное къ ней довѣріе и, вопреки благоразумію, далъ ей личную свободу, немислпмую по законамъ гарема.

Марта коварно воспользовалась его довѣріемъ и въ одинъ прекрасный день, закутавшись въ подаренное имъ богатое покрывало, но не взявъ ни одной цѣнной вещи изъ подарковъ человѣка котораго она вынуждена была обмануть ради своего долга христіанки и вдовы вѣрной памяти любимаго мужа, направилась, съ ребенкомъ на рукахъ, прямо въ русское посольство. Тамъ она сняла покрывало, объявила что она православная и русская подданная, вдова милиціонера убитаго въ войнѣ за Россію, насильно вывезенная изъ Сухума, и отдала себя подъ покровительство русскихъ законовъ.

Нечего и говорить что она одѣлаась недосыгаема для турецкаго производа.

Ее, въ числѣ многихъ Абхазокъ пожелавшихъ вернуться въ Россію, отправили въ сентябрѣ изъ Константинополя на рускомъ пароходѣ, и тутъ-то она встрѣтилась съ своею бывшею подругой. Маріамъ была гораздо моложе Марты. Она вышла замужъ какъ разъ передъ войной и тоже скрѣпя сердце послѣдовала въ Турцію всадъ за мужемъ и за семьей его.

Тамъ мужъ ея вскорѣ умеръ отъ злокачественнаго тифа, свирѣлствовавшаго между переселенцами наравнѣ съ голодомъ. Ребенокъ ея родился ужъ послѣ его смерти и много бѣдная семнадцатилѣтняя мать приняла съ нимъ тяжкаго горя. Она была счастливѣе Марты тѣмъ что семья мужа ее любила, а родные братья никому не давали въ обиду. Теперь съ нею возвращались только двое братьевъ да старикъ отецъ ея мужа. Ихъ удѣляло всего пять человѣкъ изъ семьи болѣе чѣмъ въ двадцать душъ.

— Зачѣмъ вы уходили туда, Маріамъ?... спрашивала Хмарова, когда Абхазка, накормивъ своего ребенка, уложила его спать, а сама наплакавшись вдоволь надъ прошлыми своими несчастіями немного успокоилась подъ вліяніемъ давно не испытаннаго чувства довольства настоящею минутой.— Вѣдь ты жила въ рускомъ домѣ, ты должна была понимать что вы переселяетесь на одну горе и погибель!.. Зачѣмъ ты не удержала мужа?

— Развѣ возможно было ихъ удержать?.. Не то что я, а голову потеряла отъ страха, а гораздо умнѣ меня люди,— старшій братъ мой, дядя, что одишь изъ всѣхъ родныхъ ушелъ въ горы, къ рускому войску, чтобы спастись, уговаривали насъ остаться, но никакъ нельзя было это одѣлать. Мы боялись и Турокъ, боялись и Русскихъ.. Говорили что Русскіе насъ будутъ вѣшать за измѣну..

— Какой вздоръ! Это нарочно лугали насъ чтобы заставить переселиться.

— Можетъ-быть. Но сами Турки не шутили! Сколько изъ насъ они замучали по одному подозрѣнію въ преданности Русскимъ. Защищать насъ было некому. Одно спасеніе оставалось: исполнять все что они хотѣли.

— Гдѣ жь теперь Марта? Ты говорила что вы ѣхали вмѣстѣ?

— Да, до Сухума. Оттуда насъ повезли дальше въ Гадауты, да вотъ все и возать третью недѣлю: а Вардо осталась. Она, кажется, надѣялась узнать тамъ гдѣ телерь Марья Ларионовна...

— Тетушка умерла! прервала ее Хмарова и разказала все что знала о смерти Темрюковой.

— Ну, значить послѣдняя надежда пропала для меня и бѣдной Вардо! печально воскликнула Абхазка, выслушавъ ея разказъ.—Ей-то еще хуже моего одной съ ребенкомъ. Я думаю она скоро умретъ.

— Что ты говоришь, Маріамъ? Развѣ она больна?

— Очень больна она телерь. Она цѣлый годъ еще въ Стамбулѣ проболѣла, оттого такъ долго и выѣхать не могла; а теперь на нее смотрѣть даже страшно!

— Но чѣмъ же она больна?

— Горемъ больна! съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчала Маріамъ.—Мало ли она вынесла?.. Когда на пароходѣ мы встрѣтились, такъ я совсѣмъ ея не узнала. Глаза у нея такіе большіе, страшные, какъ будто въ нихъ огонь, а сама все кашляетъ, особенно ночью... Когда мы въ Батумѣ на улицѣ жили, долго жили!—цѣлый мѣсяцъ; холодно было, дожди, грязь!.. Вардо все что у нея было на мальчика своего клала чтобъ ему тепло было. Цѣлые ночи надъ нимъ согнувшись сидѣла, чтобъ отъ дождя его закрыть!.. Я тоже очень любила своего сына,—но я бы не могла ни ѣсть и ни спать! Она сама почти ничего не ѣла; а ему локувала рисъ, молоко; кашу ему варила,—выпрашивала въ домахъ позволеніе поставить котелокъ на огонь, сварить. Продала послѣднее что на ней было чтобъ ему молоко да хлѣбъ лобѣлье покупать,—ничего на себѣ не оставила! Въ Сухумѣ ужъ она босая съ голыми ногами пріѣхала. Она-то! Подумайте!.. Наша богатая, нарядная Вардо,—въ грязныхъ тралкахъ, вотъ какъ на мнѣ были сейчасъ, и безъ башмаковъ!.. Каково ей переносить такую жизнь? Подумайте!.. повторила наивная Маріамъ.

Лариса Николаевна и безъ того думала глубокую думу.

— Я непременно разыщу ее въ Сухумѣ! рѣшительно объявила она.—Я возьму ее съ собою и отвезу въ Батумъ къ Давилѣ Сергѣевичу. Онъ радъ будетъ помочь ей, я знаю.

— Хорошо было бы для насъ всѣхъ еслибъ онъ опять жилъ въ Сухумѣ! глубоко вздохнула Маріамъ.—Ахъ! еслибы

Марья Ларионовна была жива, я ничего бы не боялась! Она не дала бы намъ съ голоду и холоду зимой умереть... А теперь, Богъ знаетъ что еще будетъ?.. Когда-то намъ земаю еще отведуть? Когда мы устроимся?.. Можетъ-быть и дожить до этого не придется! сѣтоваала Марямъ не безъ тайной надежды на жалостивость и дальнѣйшую помощь своей неожиданной покровительницы.

И она не ошиблась.

Счастливая звѣзда Марямъ привела ее встрѣтиться съ Хмаровой.

— Въ Сухумѣ я *непрямьно* разыщу Марту! много разъ повторяла себѣ Хмарова, въ теченіе слѣдующихъ сутокъ.—Я должна это сдѣлать въ ламать тетухки! Если нужно, я даже останусь тамъ на вѣсколько дней, буду телеграфировать Темрюкову, словомъ, устрою все. Непремѣно!

Но... *непрямьного* на землѣ мало!

Наканувъ вечеромъ ночь была такъ хороша, молодой мѣсяцъ опять такъ ясно свѣтилъ, серебрянымъ столбомъ отражался въ тихомъ морѣ, что Лариса Николаевна снова засидѣлась на палубѣ, чуть не до утренней зари; а потомъ такъ крѣпко заснула, забывъ приказать разбудить себя, и видѣла такіе сладкіе, радужные сны что проспала и Гудауты, и Сухумъ-Кале, и проснулась тогда только когда израненный городокъ со своимъ бѣлосвѣжнымъ маякомъ уже исчезалъ на горизонтѣ.

Обѣ палубы были чисты: Абхазцевъ не было и въ ломивѣ, и дѣятельные матросы слѣпили метлами и щетками смывать съ парохода всѣ слѣды ихъ пребыванія....

Отчаяніе и гнѣвъ Ларисы Николаевны на самое себя были велики. Она простить себѣ не хотѣла и никакъ не могла утѣшиться въ продолженіе по крайней мѣрѣ цѣлаго часа.

— Помилуйте! утѣшали ее слугаики:—да что жь вы еще хотѣли бы для нихъ сдѣлать?... По вашей милости двѣсти душъ будутъ сыты по крайней мѣрѣ первые дни своего переселенія. А ужъ та семья въ которой вы приняла такое особое участіе вполне вамъ обезпечена.

— Ахъ, не въ нихъ дѣло! возражала огорченная молодая женщина:—тамъ, въ Сухумѣ, есть другая несчастная, которой я должна была помочь. Это безсовѣстно съ моею стороны!.. Я право готова туда вернуться на лодкѣ!

И нѣтъ сомнѣнiя что въ первые четверть часа она готова была бы это исполнить.

— Я очень счастлива что имѣю возможность не допустить васъ до такого рискованнаго путешествiя! охъ васъ возразилъ ей капитанъ.

— Вы, которыя такъ безгранично человѣколюбивы къ дикарямъ, напѣвались ей съ другой стороны вкрадчивыя французскiя рѣчи:—скажите мнѣ почему вы до такой отелени жестокости къ представителямъ болѣе цивилизованныхъ націй?...

И графъ посмѣивался подъ шелковистыми своими усами.

Но даже его сладкiе напѣвы и его ликантные парижскiе анекдоты и другiя вспомогательныя средства не сразу развлекли хорошенькую вдову. Она до самаго обѣда продумала о Мартѣ.

За обѣдомъ наконецъ она немного развлекалась веселыми разказами господина съ внушительною осанкой, прилагавшаго всѣ свои усилiя чтобы вернуть, какъ самъ онъ выражался, исчезнувшую съ лица ея улыбку. Его старанiя увѣнчались заслуженнымъ успѣхомъ. А вечеромъ, гуляя съ графомъ по ладубѣ, Лариса Николаевна окончателно повеселѣла и успокоила себя тѣмъ что въ Батумѣ все разкажетъ Темрюкову, и что онъ, разумѣется, гораздо лучше ея устроитъ судьбу Марты.

IV.

Несмотря на очень искреннее желанiе вести дѣятельную жизнь,—сейчасъ же купить землю, начать постройки, Темрюковъ не нашелъ никакой возможности привести въ исполненiе свои намѣренiя и не далѣе какъ чрезъ двѣ, три недѣли почувствовалъ ужасную скуку въ Батумѣ.

Проектъ его сюда переселиться, по ближайшемъ разсмотрѣнiи, оказывался совершенно несостоятельнымъ. Онъ очень скоро разочаровался въ привлекательности этого новаго приобрѣтенiя Россiи. Климатъ, правда, въ немъ мягкiй и влажный, и почва пожалуй еще плодороднѣе чѣмъ въ родномъ ему Сухумѣ; но все остальное показалось Давидъ Сергѣичу въ высшей степени непрigладно. Начать съ того что наслушавшись о порто-франко и необычайной дешевизнѣ,

онъ былъ пораженъ, напротивъ, страшною дороговизной всего, кромѣ плохихъ ликеровъ да очень дурнаго заграничнаго сахара. Славны бубны за горами!... Предметы первой необходимости оказывались роскошью не всѣмъ доступною въ этомъ крошечномъ городишкѣ, пока слѣшкомъ еще неразвитомъ для правильной торговли.

„Да могутъ ли обитатели такихъ притоновъ нуждаться въ порядочныхъ вещахъ? Для кого привозить сюда товары?“ думалъ Темрюковъ глядя на разнокалиберные, по большей части какіе-то разрушенные, словно будто обгорѣлые дома, неуютно разбросанные по плоскости съ сѣвера омываемой моремъ, а съ запада—болотистою рѣчкой Чорохомъ,—гнѣздомъ сырости и злѣйшихъ лихорадокъ.

Когда онъ входилъ въ свѣтлый осенній вечеръ въ Батумскую бухту, ему издали городъ казался гораздо привлекательнѣе. Быть-можетъ прекрасная лаворама только что прошедшая предъ его глазами расположила его къ свисходительности.

Живописныя горы съ неприступными скалами и богатыми лѣсами лоста Св. Николая, съ вѣчно плещущимъ бѣлымъ морскимъ прибоемъ у ногъ ихъ и вѣчно блещущимъ бѣлымъ вѣнцомъ свѣговыхъ горъ надъ ними такъ хороши что закупаютъ каждого неравнодушнаго къ природѣ человѣка, а Давида Сергѣевичъ былъ немощко поэтъ и очень любилъ горы.

Но въ самомъ Батумѣ даже горы разочаровали его. Потемнѣлая отъ поздней осени, мрачная, словно одѣвшися въ трауръ по тѣмъ безчисленнымъ жертвамъ войны которыхъ свозили сюда умирать, эти горы, кажется, такъ близко и круто подходятъ къ самымъ строеніямъ, будто стѣной неприступною отдѣляя ихъ ото всего Божьяго свѣта, что вот-вотъ грозятъ еще надвинуться и сбросить ихъ въ море съ той лососки наносной почвы на которой онѣ расположились.

По всей вѣроятности собственныя тяжелыя чувства и воспоминанія вліяли на Темрюкова, но только избранные имъ мѣстопребываніе крѣпко ему не понравилось, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ приѣзда Хмаровой, чтобъ имѣть право уѣхать безъ нареканій собственной совѣсти въ мелостоанствѣ и малодушіи.

„Провѣдусь по Закавказью; проведу зиму въ Тифлисъ, ду- малось ему;—тамъ будетъ виднѣе что мнѣ съ собою дѣлать, гдѣ поселиться“...

Тѣмъ не менѣе онъ добросовѣстно наводилъ справки о цѣнахъ на продажныя земли, на строительный матеріалъ и все болѣе убѣждался въ неудобствахъ переселенія. Цѣны оказывались неимоверно высоки, удобной земли очень мало,—все болото да неприступныя горы. Чѣмъ ближе къ городу—тѣмъ дороже; а чѣмъ дальше тѣмъ опаснѣе, потому что Лазы, эти одичалые Грузины, не только забыли свою прежнюю вѣру и языкъ, но, принявъ исламъ, привяли вмѣстѣ съ нимъ и дурныя наклонности мѣстныхъ магометанъ къ убійствамъ, грабежу и ненависти къ христіанамъ. Такъ по крайней мѣрѣ разказывали Темрюкову многіе горожане и въ особенности одинъ обыватель Грекъ, много пострадавшій во время войны отъ фанатизма туземцевъ.

— Теперь слава Богу, разказывалъ онъ, сидя за общимъ столомъ въ одной изъ гостиницъ на набережной:—намъ православнымъ нечего бояться, хоть въ городѣ мы спокойны. Прошло то время когда мы и наша церковь все должны были терпѣть и молчать! Теперь и у васъ, и у нашей церкви есть голосъ. Не даромъ мы, въ тотъ самый день какъ вошли сюда русскія войска, привѣсили колоколъ въ нашей бѣдной греческой церкви, и утромъ, и вечеромъ громко благовѣстамъ всѣмъ христіанамъ нашу общую радость...

— При Туркахъ звонить въ колокола, кажется, было запрещено?

— Строжайше. Не только огромнымъ штрафомъ, а и жизнью легко было поплатиться... Церковь наша лятнадцать лѣтъ строилась: безпрестанно останавливали работы на томъ основаніи что мы строимъ не храмъ, а крѣпость. Да, подъ русскимъ владычествомъ православнымъ въ городѣ безопасно; но дальше, въ горы—не совѣтую вамъ забираться! Да и не зачѣмъ: земли хорошей тамъ очень мало; больше болота, для рисовыхъ посѣвовъ пригодныя. А еще дальше, къ Артвину, такъ мало лахоты что участки по всѣмъ горамъ каменными стѣнками отгорожены...

— Такъ значитъ лѣса должны быть хороши? прервалъ Темрюковъ.

— И тѣмъ нельзя похвастаться! отвѣчалъ Грекъ леесамистъ:—были лѣса, да крѣпко повырубаны. Скоро по Чоро-

ху и славлять нечего будетъ. Намедни жаловался мнѣ одинъ лѣсопромышленникъ у котораго верстахъ въ двадцати выше заводъ лѣсопильный что приходится ему его закрыть по недостатку матеріала.

— Что жь будутъ дѣлать тогда горожане? Городу теперь только строиться да строиться; а тутъ лѣснаго матеріалу нѣтъ!

— О, да! у насъ строиться трудно, подтвердилъ Батумецъ.—Главный матеріалъ, черепицу да кирпичи, изъ Борчи доставляютъ; можетъ извоили слышать? богатая деревня, вверхъ по ущелью Чороха, глинянымъ производствомъ живетъ....

— Я самъ тамъ былъ. Вздвѣвъ на прошлой недѣлѣ верхомъ, а оттуда въ кайкъ спустился, отвѣчалъ Темрюковъ.

— Ну вотъ-съ! Такъ оттуда подвозятъ исправно. А баки да доски издалека добывать приходится, на пароходахъ доставляютъ. А вы, если хотите въ Батумѣ поселиться, лучше купите готовый домъ въ городѣ, посоветовавъ оны.

— Нѣтъ, слуга покорный! Я справлялся: знаю какія цѣны у васъ тутъ на эти развалины, отвѣчалъ Данило Сергѣичъ.— Этакъ я лучше въ Тифлисъ на Головинскомъ проспектѣ новый домъ куплю. Не дороже будетъ стоить!... Да и на что мнѣ въ городѣ поселаться? Я хочу хозяйничать, землю ворочать, а не бариномъ жить.

— А!... Ну такъ ужь вы подождите годиковъ десятокъ. Вотъ когда Русскихъ сюда побольше наѣдетъ, вліяніе ваше крѣпче установится, желѣзная дорога изъ Поти къ намъ готова будетъ, да дастъ Богъ разбой поуымутся въ нашемъ Лазиставѣ, тогда пріѣзжайте, селитесь!... Да покупайте землю не въ нашихъ болотныхъ мѣстахъ, а ловыше—къ Артвину. Вотъ гдѣ мѣста-то благодатныя!

— Да вы жь сейчасъ говорили что посѣвы тамъ каменными стѣнами загораживаютъ?

— А на что тамъ посѣвы? Развѣ хозяйство все на пшевицѣ держится? Тамъ сады богатѣшіе. Виноградъ да маслины такія что въ самой Греціи такихъ нѣтъ.

„Улита ѣдетъ,—когда-то будетъ?...“ подумалъ Темрюковъ, выходя послѣ обѣда вмѣстѣ со словоохотливымъ Грекомъ изъ гостиницы. Очень дорого пришлось имъ залатить за этотъ плохой обѣдъ, какъ и за все въ этомъ неказистомъ отелѣ! Хозяинъ его впрочемъ оправдывался тѣмъ что самъ разо-

рется наемною платой и дороговизной припасовъ и, статья-можетъ, былъ правъ.

Вечеръ былъ ясный и очень теплый, давно невиданный за эти дождливые дни. Темрюкову не хотѣлось возвращаться въ свой неуютный номеръ; знакомыхъ у него никого не было, онъ пошелъ куда глаза глядятъ бродить по городу и ближайшимъ его окрестностямъ.

Набережная была очень оживлена. Только что пришедшій изъ Пота маленькій параводъ *Pionz* сдавалъ свой грузъ и пассажировъ прибывшему наканунѣ изъ Одессы *Коубу*, кромѣ того, нѣсколько турецкихъ большихъ парусныхъ фелюгъ разгружали кукурузу, виноградъ и грецкіе орѣхи: а съ Чороха, пользуясь необыкновенною тишиной погоды, подошли въ самую бухту маленькіе каики съ гаичьями кувшинами.

Разноплеменная толпа людей въ живописныхъ костюмахъ, или лучше сказать лохмотьяхъ, кричала суетясь на берегу и сбѣгая на суда по деревяннымъ кладкамъ. У еще неготовой пристани высаживались изъ лодокъ пассажиры прибывшихъ параводовъ; выступали съ достоюмымъ чувствомъ собственнаго значенія тузы строительнаго и желѣзнодорожнаго дѣла. Тамъ внушительно мелькали зеленые и красные подкладки прѣзжающихъ и мѣстныхъ властей, весьма часто навѣщающихъ набережную ради развлечения. Тутъ же у старыхъ каменныхъ воротъ на пристани вѣсятъ и осматриваютъ товарные тюки и ящики. Всѣ слѣзать скорѣй отдѣлаться отъ таможи: пробьетъ восемь часовъ вечера, ворота залрутъ, и всякое даже частное сообщеніе съ параводами прекратится. Таможенныя правила въ Батумѣ очень строги.

Время прихода параводовъ здѣсь самое веселое. Всѣ высылаютъ на набережную, сплошь занятую лавками и гостаницами, которыя кипятъ дѣятельностью и суетой. Кого тутъ нѣтъ! И Русскіе, и иностранцы, и Армяне, и Греки, и Евреи, и Дзы, и Турки, и Курды, и наконецъ досыщающіеся словно сажей вымазанные Арабы въ красныхъ фескахъ поверхъ курчавыхъ смоляныхъ волосъ и со сверкающими бѣлѣзной зубами. Соломенные шляпы, фески, башлыки, лалахи, военныя фуражки, кепи и женскія шляпки—все это мелькаетъ, волнуется, сливаясь въ пеструю движущуюся массу народа,

отъ одного вида которой у первнаго человѣка можетъ закружиться голова.

Темрюковъ зашелъ въ табачную лавку, купилъ пачку папирозъ, которая, къ удивленію его, оказалась русской фабрики, хотя и была ему продана за настоящій турецкій табакъ, постоялъ на порогѣ, посмотрѣлъ на всю эту дѣвку и суету и направился за городъ, мимо батареи, еще недавно скрывавшейся въ тѣни прекраснѣйшихъ деревьевъ, которыя были посажены аллеей по берегу моря. Телерь отъ нея остались одни ливы...

За этою бывшею батареей далеко въ море врѣзывается коса прикрывающая бухту съ запада. Старожилы увѣряютъ что она, за ихъ память, значительно удлинилась наносами здѣсь властвующаго въ море Чороха. Много бѣдъ приноситъ жителямъ болотистое устьѣ этой рѣки, гдѣ еще на большую бѣду бывшій турецкій главнокомандующій Дервишъ-паша вздумалъ указать хоронить своихъ воиновъ. Говорятъ, болѣе двѣнадцати тысячъ труповъ, очень плохо зарытыхъ, гниютъ въ этихъ болотахъ. Хотя ихъ щедро засыпали известкой и тщательно очищаютъ отъ вырываемыхъ хищными звѣрями человѣческихъ череповъ, тѣмъ не менѣе и теперь еще на этомъ кладбищѣ часто раздаются по ночамъ тоскливый вой и плачь голодныхъ шакаловъ.

Нашъ бѣдный, крѣпко скучавшій Данила Сергѣевичъ остановился на небольшой возвышенности и оглядѣлъ всю невеселую картину: безбрежное, вѣчно волнующееся море съ одной стороны; съ другой расстреланный городокъ, съ лѣсистыми лотевнѣвыми горами, далеко уходящими въ даль; а зади его, блиставшія въ послѣднихъ лучахъ заката озерки и лужи, образованныя разлитіемъ Чороха.

„Когда же она, наконецъ, пріѣдетъ? думалъ онъ раскуривая папироску. Не будь я связалъ обѣщаніемъ проводить ее въ Тифлисъ и побывать съ нею на могилѣ Юрія, я ни минуты не оставался бы здѣсь. Ну, а если она передумала?... Тогда что? въ сотый разъ пришло ему на умъ. Еще можетъ и обвинчалась уже съ кѣмъ-нибудь? отъ нея ставится!.. Такъ хоть бы знать дала что ли!... Повѣхалъ бы я тогда... а куда?“

Темрюковъ даже засмѣялся самъ надъ собою.

Онъ еще разъ оглянулъ пустынную картину, рѣшилъ что

идти больше куда и зашагалъ большими шагами обратно въ городъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, куда ему ѣхать? думалось ему на ходу. Нѣтъ у него нигдѣ опредѣленнаго дѣла, нѣтъ никакихъ привязанностей, никуда его особенно не тянетъ... Какъ есть „лишній человѣкъ“ на свѣтѣ!...

„Ужъ не вернуться ли назадъ въ Сухумъ? чаще и чаще мелькало въ умѣ этого одинокаго, сбитаго съ колецъ человѣка. Право вернуться!... Тамъ хоть воспоминанія остались... и есть къ тому же клочекъ земли. Заняться опять? Устроить вновь?... а для кого?“

Онъ снова горько улыбнулся надъ собой.

„Нѣтъ! порѣшилъ онъ: тамъ будетъ еще тяжелѣе. А а лучше поѣду въ кругосвѣтное плаваніе!“

Еще прошла недѣля.

О Ларисѣ Николаевнѣ не было ни слуху, ни духу. Тенрюковъ рѣшилъ подождать еще прихода слѣдующаго парохода, третьяго со времени его пребыванія въ Батумѣ и, если Хмаровой съ нимъ не будетъ, телеграфировать на всякій случай въ Ялту и ѣхать.

Чтобы какъ-нибудь убить время онъ очень много ѣздилъ по окрестностямъ, и въ самый день когда долженъ былъ прийти пароходъ кавказскаго рейса, онъ отправился съ цѣлою компаніей осмотрѣть укрѣпленія Цихисъ-Дзирн, рассчитывая непременно быть обратно часамъ къ пяти вечера.

Къ несчастію Данцлы Сергѣевича поѣздка эта, вмѣсто того чтобъ его разсвѣять, еще больше нагнала на него черныхъ мыслей, при видѣ этихъ неприступныхъ твердынь пріавшихъ столько русской крови!

Они поѣхали рано утромъ на большомъ ларовомъ катерѣ и пристали у самой Цихисъ-Дзирской скалы. Море омываетъ на большой глубинѣ ея неприступную стѣну съ развалинами древняго монастыря на вершинѣ. Отсюда они всѣ съ проводникомъ и казаками поѣхали дальше верхомъ по болотистой, поросшей кустарникомъ, полосѣ берега.

Ихъ ѣхало четверо. Коротенькій, довольно плотный Амгичавинъ, котораго коричневый бархатный пиджачекъ прелесть подскакивалъ на сѣдлѣ вмѣстѣ со своимъ владѣльцемъ. Серіозный до суровости, коренастый артиллеристъ, все время хмурившій широкія брови и не иначе открывавшій ротъ какъ съ цѣлью произнести какое-нибудь стратегиче-

ское замѣчаніе, преимущественно въ критическомъ духѣ насчетъ здѣсь происходившихъ военныхъ дѣйствій. Очень молоденькій путеецъ, отличавшійся прекраснымъ цвѣтомъ лица и нашъ ко всему равнодушный съ виду Давила Сергѣевичъ, одинаково терпѣливо слушавшій и ученые замѣчанія спеціалиста, и ломанные французскія рѣчи Англичанина о предполагаемыхъ движеніяхъ и обоюдныхъ ошибкахъ русской и турецкой армій.

Эти своеобразные взгляды, объясняемые протѣжно, увѣренно, хотя часто совершенно неловкато, между двумя клубами дыма изъ коротенькой сигарной трубочки, выводили изъ себя пылакаго юношу-путейца, а въ артиллеристѣ вызвали только злобно-презрительные взгляды и немедленное опроверженіе на русскомъ языкѣ, адресованное въ назиданіе Темрюкову.

Проѣхали рѣчку Киятриши и поднялись чрезъ знаменитыя Хуць-Убанскія высоты на Самебу. Тутъ слѣды недавняго боя были совершенно очевидны. Вся гора была покрыта травшеями, изуродованными, расщепленными сверху до низу русскими гранатами деревьями, а на ея вершинѣ турецкая батарея еще была совсѣмъ цѣла. Представившаяся отсюда съ бывшей турецкой стороны мѣстность очень удивила Темрюкова. Изъ рецензій газетъ всѣмъ незнакомымъ спеціально съ этою капризною, отъ природы неприступною мѣстностью должно было казаться что Цихисъ-Дзири, этотъ камень преткновенія Ріовскаго отряда, — не чтò иное какъ *одна* сильно укрѣпленная скала. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Темрюковъ, съ болью на сердцѣ читая въ ово время описанія нашихъ несчастныхъ атакъ, лишившихъ ряды русскихъ войскъ столькохъ молодыхъ силъ и начинавшихся жизнью. Теперь, увидавъ воочию мѣсто дѣйствій, Темрюковъ увидалъ что не ошибки во время атакъ Цихисъ - Дзирскихъ высотъ губила русское дѣло, а что сами эти атаки были губительною ошибкой!.. Не одна, а ряды параллельныхъ, сильно укрѣпленныхъ скалъ, покрытыхъ по отвѣснымъ почти бокамъ своимъ бронею колючей, вьющейся, непроницаемой растительности, представились ихъ глазамъ. Отъ Хуць-Убана до Цихисъ-Дзири, давшей свое имя всей этой десятиверстной мѣстности, цѣдутъ три хребта, и всѣ ови такъ удобно расположены что могутъ защищать другъ друга своими батареями; а со стороны русской границы совершенно незамѣтны, случаясь въ

одну массу. Это-то вѣроятно и ввело въ заблужденіе тѣхъ кто такъ упорно тѣлились одолѣть неодолимая твердыни созданныя самою природою и невидимо для глаза укрѣпленныя и защищаемыя.

Туристамъ нашимъ хотѣлось проѣхать всѣ эти вершины до самой Цихисъ-Дзирской скалы, вертикально спускающейся въ море; но эти девять, десять верстъ стали имъ въ добрыя сорокъ. Съ Самебы они сначала спустились въ ущелье рѣчечки Кивтышъ; потомъ вновь поднялись между колючею, цѣлкою растительностью, перерытою траншеями, на высокую гору и снова круто спустились и переправились черезъ другой горный потокъ—Дзегву. Оттуда добрый часъ зигзагами взбирались на крутизну и тогда только достигли главной вершины.

Здѣсь они были вознаграждены за трудности пути прелестнымъ видомъ на море и величественныя цѣли Кобулетскихъ и Гурійскихъ горъ. Цихисъ-Дзирскую скалу вѣчаютъ развалины крѣпости, одна стѣна которой вся одѣта темнымъ, волнующимся покрываломъ вѣковаго люща.

Наскоро закусивъ привезенною провизіей на расположенномъ здѣсь казачьемъ лосту, они кратчайшимъ путемъ отправляясь обратно, и тутъ только Темрюковъ замѣтилъ свою ошибку: слѣдовало выѣхать еще гораздо раньше чтобы засвѣта вернуться. Какъ они ни послашались, но доѣхавъ до берега были бы давно въ темнотѣ, еслибы не свѣтъ молодого мѣсяца и яркихъ звѣздъ освѣтившихъ ихъ возвратный путь лю морю. Данцла Сергѣевичъ впрочемъ не особенно смущался этою задержкой. Волевымъ, не получивъ телеграммы, онъ былъ почти увѣренъ что Хмарова не пріѣдетъ; на случай же ея прибытія у него къ ея приему все было готово, а пароходы изъ Поти никогда не приходили раньше семи или восьми часовъ вечера, а иногда и позже. Поэтому онъ очень удивился, когда при входѣ въ ярко-освѣщенную отражавшимися полосами огней бухту увидалъ черную массу большого парохода, свѣтившагося всѣми своими окнами и разноцвѣтными фонарями.

— Ого! Уже пришелъ! невольно воскликнулъ онъ.

— Пришелъ. А вотъ другой, кажется иностранный, уходитъ, замѣтилъ артиллеристъ, смотря на еще большій пароходъ, описывавшій въ это время широкій кругъ, уходя на западъ.

— Это австрійскій, подтвердилъ купецъ,—Длойда; французскіе не такъ велики.

„Ну, не хорошо же я распорядился! думалъ между тѣмъ Темрюковъ. Ъхать на берегъ или лучше освѣдомиться прежде?“

— Если вамъ все равно, обратился онъ къ своимъ слугникамъ,—будьте добры, подвезите меня къ пароходному трапу.

Черезъ минуту онъ вѣзгалъ по крутой лѣсенкѣ на лалубу. Капитанъ этого парохода былъ ему хорошо знакомъ еще по Сухуму. Поэтому онъ направился прямо въ его каюту.

— Они въ первомъ классѣ: кушаютъ-съ! объявилъ ему слуга.

Темрюковъ спустился въ каютъ-компанію.

— А!... батюшка! Давило Сергѣичъ, ласково пріѣтствовалъ его, на досугѣ сидѣвшій за позанимъ обѣдомъ морякъ.— Милости просимъ!... Не съ нами ли въ Сухумъ собираетесь?...

— Нѣтъ, Иванъ Максимычъ; я съ Сухумомъ разстался. Я къ вамъ за справочкой!... Вы такой любезный хозяинъ парохода что навѣрное всегда знаете фамилію вашихъ пассажировъ, особенно хорошевыкихъ женщинъ?

— Вотъ око что-съ! одобрительно вздернулъ бровями капитанъ, обливая соусомъ кусокъ осетрины.—А позвольте узнать, о какой хорошевыкой женщинѣ угодно вамъ освѣдниться?

— О своей родственницѣ, вдовѣ генерала Хмарова. Не была ли она на вашемъ пароходѣ?

— А!... Была. Точно: отъ самой Ялты съ нами шла.

— Такъ, извините, капитанъ, сорвался было съ мѣста Темрюковъ:—до свиданія!

— Куда, батюшка? куда?!... Погодите, смѣясь остановилъ его за фалду капитанъ.—Не договорите...

— Какъ же договорю? Помогите!... Она теперь меня по городу разыскиваетъ. Мы отсюда должны ѣхать вмѣстѣ.

— Куда это?

— Въ Тифлисъ. Я обѣщалъ ее здѣсь встрѣтить и проводить.

— Проводить?... Гм! Ну, батенька, куда бы вы тамъ ее възяли проводить, а она васъ сама провела! добродушно смѣясь, говорилъ капитанъ.—Садитесь-ка, садитесь!... Не угодно ли, чѣмъ Богъ послалъ? Осетринки?... Или вотъ каллуна? Славный каллунъ! изъ Имеретіи добрые друзья въ подарокъ прислали.

Темрюковъ смотрѣлъ на него ничего не понимая.

— Да что вы, Богъ съ вами, Иванъ Максимычъ! наконецъ сказалъ онъ:—шутите вы что ли?... Если она съ вами сюда прѣехала, такъ вѣдь... куда жь она могла отсюда дѣваться?

Капитанъ не сразу отвѣтилъ.

Онъ, смакуя свою осетрину и медленно вытирая салфеткой губы, вѣкоторое время смотрѣлъ на него и молча размышлялъ.

Давида Сергѣевичъ опять было рванулся уйти...

Капитанъ опять остановилъ его.

— Да вы скажите-ка мнѣ, съ разстановкой и не слухая своихъ добродушныхъ, свѣрыхъ глазъ съ недоумѣвавшего лица Темрюкова, наконецъ заговорилъ онъ:—вы при чемъ тутъ?... То-есть, какъ... на счетъ генеральши-то?... По сердечной части что ли?

— Какое! Христосъ съ вами!... искренно воскликнулъ Давида Сергѣевичъ:—да не приведи Богъ!... Я просто по родству... Очень я любилъ брата, покойнаго ея мужа. Общаюсь съзидать съ нею на могилу его, вотъ и все!

— На мо-ги-лу?!... протянулъ капитанъ, съ невыразимо комическимъ выраженіемъ изумленія на своемъ кругломъ, добродушномъ лицѣ. И вдругъ, забывъ совершенно этикетъ, который самъ же строго поддерживалъ въ каютѣ-компаніи перваго класса, опустил салфетку на коѣно и продолжительно свистнулъ.

— Извините, батенька! слыхватлася онъ.—Но, воля ваша: это хоть кого бы удивило!

— Но въ чемъ же дѣло?

— Да дѣло въ томъ что мы всѣ думали что она съ женихомъ любимымъ ѣдетъ и, вмѣсто могилы, отправлася она съ нами въ Парижъ.

— Какъ въ Парижъ?!

— Да такъ же: въ Парижъ. Господишь-то этотъ Французъ: графъ Варнье, Деварнье, какъ ихъ тамъ? У нея и паспортъ былъ въ порядкѣ, и все. Ну и отправлася! вотъ, предъ самымъ вашимъ приходомъ, на австрійскомъ пароходѣ. Говорила будто въ Константинополь только проѣдетъ не надолго: Босфоръ посмотреть; но я такъ думаю что въ Парижъ очутится.

Темрюковъ сидѣлъ облокотаясь на столъ и опустивъ голову.

на руку. Наконецъ онъ покачалъ головой и самъ не опомнился какъ съ языка его слетѣло тихое восклицаніе:

— Дрянъ же она какаа!

— Ну! Зачѣмъ ужъ такъ строго? снова раздалось добродушнѣшее посмѣиваніе капитана. — Она просто — увлекающаяся женщина. И.... надо сказать правду: увлекающаяся и увлекательная!

— Ну и.... Богъ съ ней! рѣшилъ Темрюковъ, сгорая чуть-чуть не обмолвившись совсѣмъ другимъ словомъ. — Знаете чтó, Иванъ Максимычъ? Мнѣ здѣсь теперь, значитъ, дѣлать нечего: я можетъ-быть съ вами до Сухума дойду.

— Милости просимъ. Куда угодно! Хоть до Одессы.

— Ну вѣтъ; туда мнѣ не зачѣмъ. А вотъ, какъ въ Сухумѣ закончу кой-какія дѣла, такъ я, можетъ-быть, въ кругосвѣтное плаваніе махну. Такъ-то!

— Ой-ли? Въ добрый часъ! Нашего полку, моряковъ, прибудеть.

— А пока, знаете, я сейчасъ съ Цихисъ-Дзирской позиціи пріѣхалъ: осматривали. Усталъ и не обѣдалъ. А теперь меня, глядя на васъ, аппетитъ разбираетъ.

— Ну, вотъ и отлично. Человѣкъ! крикнулъ капитанъ.

Когда Темрюковъ принялся за обѣдъ съ большимъ аппетитомъ, капитанъ опять воскликнулъ:

— Ну, батенька, вотъ и отлично!... А то ужъ я было испугался чтобы вы въ море изъ-за этой бабенки не затѣвали броситься. Очень радъ что ошибся!... Поѣдьте-ка лучше въ Сухумъ.

Но Темрюковъ въ Сухумъ не поѣхалъ.

Вернувшись въ свою гостиницу онъ нашелъ у себя на столѣ записку. Лакей сказалъ ему что двѣ дамы были у него здѣсь, очень веселыя и съ маленькою барышней; разспрашивали о немъ, очень жалѣли что не застали и приказали передать ему письмо.

Записка Хмаровой была самая рѣшительная и умоляющая. Она гласила что предвидя что едва ли ей когда-нибудь придется быть опять на Черномъ Морѣ и имѣя случай теперь исполнить свое давнишнее желаніе—видѣть Босфоръ, она не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи побывать въ Константинополѣ. Что эта прогулка никакъ не продолжится долѣе десяти дней, по истеченіи которыхъ она опять будетъ въ Батумѣ и умоляетъ милаго, добраго Давиду Сергѣевича

никуда не уѣзжать до тѣхъ поръ, чтобы проводить ее, по обѣщанію, въ Тифлисъ.

И болѣе ни слова.

Въ занятіяхъ новыми, веселыми планами умъ молодой женщины ни разу не промелькнуло воспоминанія о Мартѣ въ то время пока она писала эти строки. Она ахнула въ отчаяніи какъ только вспомнила на другой день свою забывчивость и рѣшила *непрерывно* телеграфировать изъ Требизонда, потомъ изъ Константинополя, потомъ писать.... Нужно ли говорить что всѣ эти предположенія прикинули къ несчетному сонму тѣхъ неисполненныхъ добрыхъ намѣреній которыми, говорятъ, вымощены весь адъ?...

Темрюковъ прочелъ записку и всталъ въ недоумѣніе. Что за вздоръ?... Неужели опять ждать ее?... Оно, положимъ, слѣдуетъ ему куда. Здѣсь скучно: это такъ! Но гдѣ же будетъ веселье?... Онъ-было рѣшился написать ей что не можетъ долѣе оставаться въ Батумѣ; но вспомнилъ что у него не было ея адреса. Какъ же писать? А уѣхать не предупредивъ, когда Лариса Николаевна, съ собственныхъ его словъ, думаетъ что онъ поселился здѣсь и разчитываетъ на него для довольно труднаго путешествія за Кавказъ — тоже не благовидно!... Ужъ лучше прожить еще двѣ недѣли, даже рискуя снова прождать ее напрасно.

Не знаю чѣмъ бы рѣшился Данила Сергѣевичъ такъ безцеремонно задавную ему дилемму, еслибы не произошелъ еще новый казусъ. Въ тотъ же вечеръ, въ общей залѣ, куда онъ зашелъ за газетами, ему встрѣтились нѣсколько человѣкъ собиравшихся совершить экспедицію верхомъ во внутрь страны, по новымъ нашимъ владѣніямъ: въ Артавиъ, быть-можетъ далѣе, — въ Арданучъ, а если возможно, такъ пожалуй даже въ самый Ардаганъ.

Темрюковъ тотчасъ же рѣшился ѣхать съ ними.

Черезъ день послѣ этого они отправились и болѣе недѣлю благополучно путешествовали по весьма интереснымъ, живописнымъ и почти совсѣмъ неизвѣстнымъ еще мѣстамъ....

Но такъ какъ наше дѣло ограничивается лишь Чернымъ Моремъ и его бережьями, то мы не можемъ послѣдовать за ними.

Ужъ не воспользоваться ли вамъ этимъ временемъ чтобы показать мелькомъ картинку на крайнемъ западѣ того же Понта Евксинскаго?...

Не перенестись ли намъ, вслѣдъ за нашими другими знаковыми, въ блистающій Золотой Рогъ?... на тѣ полуазіатскіе, вѣчно нищенствующіе берега гдѣ однакожь новѣйшая роскошь Европы сошлась съ древними сокровищами владыкъ Царьграда, гдѣ рядомъ съ современными, утонченными пиртригами салововъ Перы происходятъ кровавыя драмы мрачныхъ гаремовъ Стамбула... въ этотъ странный, многообразный городъ интернаціональныхъ интересовъ,—городъ о трехъ клочкахъ, служащій Европѣ яблокомъ раздора?.. Не окунуться ли намъ въ этотъ полусказочный міръ одалискъ, евнуховъ, дервишей, баядерокъ, сералей, шелковыхъ шнурковъ, полуночныхъ мѣшковъ, золотыхъ каретъ и золотыхъ кіосковъ, отражаемыхъ голубыми струями Босфора, гдѣ надъ священными христіанству стѣнами древней Софіи гордо блещетъ мусульманская луна?... Пойти намъ туда,—въ среду тѣхъ историческихъ, великихъ памятниковъ, освѣяющихъ нынѣ такія мелкія дѣла и толпы такихъ мелкихъ людей что даже личности подобныя вашей милой Ларисѣ Николаевнѣ и ея безукоризненному какъ модная картинка слутнику никого не поражаютъ своею мелочностью?... Нѣтъ! Будемъ скромнѣе ихъ самихъ... Позволимъ имъ незамѣтно уйти въ туманную даль; перешагнуть нашу завѣтную черту и скрыться навсегда для нашихъ черноморскихъ волнъ и береговъ. А мы лучше вернемся съ этого на Востокъ настоящій, къ роднымъ намъ берегамъ.

Не веселы они въ эту позднюю, хмурую осень. Въ другихъ мѣстахъ гораздо холоднѣе, но тамъ блестящіе свѣжые покровы веселятъ зрѣніе и прибавляютъ свѣта Божьяго коротенькому дню...

А у насъ не то!

Поглядите на этотъ жалкій городокъ, только-что начавшій заливчавать свои глубокія раны, воскресать отъ тяжкаго недуга. Какимъ онъ кажется блѣднымъ и безпомощнымъ сквозь частую сѣтку дождя, подъ хмурыми, безобразными облаками, клочьями обложившими бурныя горы; жидкіе, безцвѣтные лѣса, обобранные до-гола злою мачихой-зимой!... Сверху слутались надъ больнымъ городкомъ встрепанныя тучи; свизу сердито бьютъ его и хлепцутъ, разлетаясь сѣдою пѣной, злая, холодная волна; кругомъ обложилъ непроглядный туманъ. Все живое полрталось, приютилось у печекъ и ждетъ лучшаго времени, мечтая о веснѣ. Она придетъ! И скоро при-

дѣтъ она къ намъ, румяная красавица, съ ласковымъ, благотворнымъ дыханіемъ, въ золотомъ вѣнцѣ тепла и свѣта!... Она любитъ наши края. Раньше возвращается она къ намъ, горячѣе ласкаетъ. Да! она вернется, но для всѣхъ ли?... Теперь такъ холодно, такъ сыро, такъ темно, что бѣдные люди, прячась въ домахъ, только и отогрѣваются что теплыми печами, да свѣтлою надеждою на будущее... Ну, а что же дѣлать тѣмъ у кого нѣтъ дома, нѣтъ ярко растопленной печи, нѣтъ теплой одежды на тѣлѣ, теплой надежды въ сердцахъ?... О! помоги имъ Богъ!... Помоги Богъ бѣднымъ переселенцамъ не услѣвшимъ устроиться до зимы. Помоги Богъ вотъ той горемыкѣ что едва переступаетъ отъ слабости и еле прикрыта лохмотьями отъ дождя и вѣтра!...

Мы разъ ее видѣли, эту молодую, но уже обреченную на смерть жевщицу. Мы видали ее шесть лѣтъ тому назадъ, вѣсь же; но не на улицѣ, подъ дождемъ, а въ домѣ, отъ котораго вражье пламя не оставило и слѣда. Мы видали ее тогда нарядною красавицей, любящею женой и невѣдомо ей самой безмолвно любимою человѣкомъ съ которымъ участь ея была бы цвѣя еслибъ она отвѣчала на его любовь. Но она даже о ней не подозрѣвала когда полюбила другаго и сдѣлалась преданною женой, самоотверженною матерью. Она послѣдовала за избраннымъ ею мужемъ и въ горы, и въ бѣдствіяхъ какъ истинно вѣрная жена.

Пути ихъ съ искренно ее любившимъ человѣкомъ разошлись. Но знай онъ что его названная сестра, любимица его матери, нуждается въ помощи его и поддержкѣ, онъ нашелъ бы ее на краю свѣта и помогъ ей какъ другъ, какъ братъ!

И было время, былъ часъ, когда возможность ея спасенія была близка; когда онъ могъ узнать и быть-можетъ услѣлъ бы ей помочь, ей и ея замученному холодомъ и голодомъ ребенку.

Но теперь было поздно!

Теперь ребенокъ ея умеръ, усложился. И скоро сама она усложится тѣмъ же ледянымъ вѣчнымъ спокойствіемъ. Она знаетъ что день ея близокъ и радуется этому. Съ того самаго часа какъ у нея взяли ея сына, завернули его въ какое-то тряпье и зарыли вовъ тамъ подъ тѣмъ деревомъ къ которому каждый день черезъ силу доходить Марта, она дѣлаетъ все что отъ нея зависитъ чтобы скорѣе улечься рядомъ съ нимъ.

Кажется эта прогулка къ его могилѣ подъ ледянымъ вѣтромъ и дождемъ будетъ послѣднею каллею для истощенныхъ силъ ея.

И слава Богу!..

Ждалъ нашъ Давида Сергѣевичъ, ждалъ сестрицы изъ Константинополя, и наконецъ, чуть ли не чрезъ цѣлый мѣсяцъ, дождался телеграммы.

„Мери больна. Боюсь зимняго путешествія. Останусь до весны въ Ниццѣ.“

„Помогите Мартѣ: она вернулась давно въ Сухумъ, больная, безъ средствъ.“

„Дариса Хмарова.“

Темрюковъ любилъ дѣлать и тяжело задумался. Не берусь описывать его ощущеній; скажу только что злоба на всѣхъ людей и прежде всѣхъ на самого себя была не слабѣйшимъ изъ чувствъ бушевавшихъ въ душѣ его.

Съ первымъ пароходомъ, а они въ это зимнее время были рѣдки, онъ выѣхалъ въ Сухумъ.

Были первыя числа декабря. Наша погода притворялась зимнею: на море и пароходъ падали хлопья снѣгу, и тотчасъ таяли на сушѣ такъ же быстро какъ и въ водѣ.

Сухумъ показался сквозь частую снѣжную сѣтку ярко блиставшую въ желтомъ свѣтѣ. Солнце словно бы сквозь слезы смѣялось надъ этою шуткой декабря, которой никто не вѣрилъ.

Темрюковъ съ перваго же шага сталъ дѣятельно разыскивать Марту. Онъ искалъ ее и въ городѣ и въ окрестностяхъ между переселившимися обратно Абхазцами, но не могъ наладить на слѣдъ ея. Многіе говорили ему что она была тутъ, но никто не могъ указать куда она скрылась. Дѣло въ томъ что Марта, стыдясь нищенствовать, сама пряталась отъ знавшихъ ее; а незнавшіе не могли обратить на нее вниманія. Почти вездѣ на разспросы Давида Сергѣевича былъ одинъ отвѣтъ: „Абхазокъ питающихся подаваніемъ много. Нѣкоторые пошли въ услуженіе изъ-за куска хлѣба; другія, нищенствуя, разбрелись по окрестностямъ; многія умерли. Кто жъ ихъ знаетъ по именамъ?...“

Наконецъ онъ бросилъ поиски, увѣренный что Марта уѣхала или что ея нѣтъ въ живыхъ.

Онъ дѣятельно занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ. Землю ему удалось продать, правда, почти за безцѣ-

нокъ; но ему до такой степени здѣсь тяжело было жить что онъ былъ готовъ ее бросить совсѣмъ на произволъ судьбы. лишь бы освободиться скорѣе. Здѣсь черныя его мысли и волнованія не хотѣли уняться, какъ онъ ни гналъ ихъ. Онъ чувствовалъ потребность скорѣй перемѣнить обстановку, разсѣять себя хотя бы насильственно. Для этого нужно было предпринять что-нибудь изъ ряда вонъ, какое-нибудь сильное средство. И Темрюковъ рѣшился серьезно оставить на долгое время не только Россію, но даже Европу. Заатлантическое путешествіе всегда было его мечтой. Когда онъ бывало начиналъ строить планы, еще юношей, едва со школьной скамьи лорываясь за моря и океаны, въ дѣвственные дѣса Америки или въ пустыни средней Африки, бороться съ дикими звѣрями и дикими людьми, мать всегда останавливала его словами: „А на кого же ты меня бросишь, Давя? А ну, какъ ты меня тутъ одну локинешь, а я и умру безъ тебя?... И глаза-то мнѣ чужой человѣкъ закроетъ. Нѣтъ, голубчикъ! ужь ты погоди: послѣ меня куда хочешь поѣзжай, успѣешь!... А пока я жива, не муты ты меня этими своими разказами о заморскихъ разныхъ страхахъ. Я и здѣсь-то до смерти боюсь когда ты на охоту уходишь.“

Вотъ теперь настало то время. Некому за него бояться; вѣтъ той души живой на свѣтѣ которая опечалилась бы его отъѣздомъ, вспомнила бы о немъ со вздохомъ ожиданія или, въ случаѣ его гибели, помянула имя его на молитвѣ. Теперь онъ можетъ ѣхать: ничто его болѣе не держитъ; но ничто ужь и не таетъ, какъ въ былые, молодые годы.... Нѣтъ тѣхъ лорывовъ къ новизнѣ, къ перемѣнамъ; пропала привлекательность неизвѣстности, жажда опасности и сильныхъ ощущеній!... Напротивъ, часто приходитъ раздумье: куда ѣхать? Зачѣмъ?... Еще чаще является желаніе тихаго, спокойнаго угла; теплой, сердечной привязанности.... чего-нибудь своего,—роднаго, милаго.... Но что объ этомъ!... Зачѣмъ думать о невозможномъ? Неужели еще не улеглись въ немъ юношескія мечты и лорывы къ необычному счастью?... Это даже обидно!...

„Нѣтъ, я совсѣмъ обабился во всѣхъ этихъ передрагахъ. Первы тоже что ли расходился?... Надо скорѣй развязаться съ прошлымъ и въ новый путь!“

Такъ размышляя Давидъ Сергѣевичъ въ одно холодное утро, опорошившее до-бѣла всѣ горы снѣгомъ. Онъ сидѣлъ у ярка

растопленного камня въ ожиданіи своего повѣременнаго ло дѣламъ, Армявина, взявшагося устроить продажу земли его и уцѣлѣвшихъ на ней кирпичей. Онъ долженъ былъ явиться для окончанія дѣла за нимъ, но почему-то опоздалъ.

Наконецъ въ передней скрипнула дверь и кто-то тамъ заколошлся.

— Войдите! закричалъ онъ, ожидая увидѣть въ дверяхъ знакомую лутоватую физиономію.

Облако холоднаго воздуха ворвалось въ теплую комнату, и на порогѣ, вмѣсто Армявина, показалась неуклюжая женская фигура, въ сапогахъ и подпоясанная по-мужски.

— Кто это? Чтѣ тебѣ надо, матушка? въ недоумѣніи осведомился Темрюковъ.

— Это я, сударь! нараспѣвъ начала говорить фигура.— Не привали меня, батюшка, Давило Сергѣичъ?... Я это,—работница ваша, Авдотья. Не помните?...

— Ахъ! Авдотья!... Извини, не узналъ я тебя, голубушка. Такъ ты сюда вернулась? Ну, чтѣ же?... Какъ живешь? Сядишь, разкажи!

— Да чтѣ разказывать, сударь? протяжно вздохнула женщина.—Какъ люди—такъ и мы! Нешто вамъ неизвѣстно? Одно слово: бѣдствовали! Ужь такъ-то бѣдствовали,—не приведи Богъ!... Все до вѣточки потеряли, всего лишились! Двухъ ребетенковъ я схоронила.... Бѣда!

— Да, бѣда! Бѣдствіе общее, — чтѣ говорить! Какъ же теперь?

— Теперь малость лучше, продолжала баба отеревъ слезы угломъ головнаго платка.—Домашко-то погорѣлый кой-какъ справили, сколотили. Ну, а ужъ насчетъ довольствія, да одѣжки — плохо! Чисто обносились.... Дѣтки-то почитаю что голая остались.

Темрюковъ досталъ портмоне.

— Ну, спасибо, что обо мнѣ вспомнила, Авдотья. Я радъ чѣмъ могу помочь тебѣ. Вотъ, возьми на обзаведеніе.

— Покорнѣйше благодаримъ, батюшка! Много довольны вашими милостями завсегда были. Дай Богъ вамъ и матушкѣ вашей, Марьѣ Ларивоновнѣ....

— Ее не поминай, Авдотья: она умерла.

— Ахти! Боже нашъ, Пресвятая Богородица! Померли!... протянула жалостливо баба.—Атъ-ахъ-ахъ!... Кормилица-то наша, Марья Ларивоновна!... Ну дай же имъ Господи царствіе небесное!...

Темрюковъ задумался подъ ея причитанiя и вдругъ спросилъ:
— А скажи, Авдотья, не случилось ли тебѣ слышать здѣсь о вашей Мартѣ чего-нибудь? Говорятъ она сюда возвращалась?...

— Какъ же, батюшка! встрелелулась женщина, будто вспомянувъ зачѣмъ пришла.—Я вѣдь по ихнему наказу васъ и разыскала.

— Такъ она здѣсь? живо поднялася она на ноги.

— Здѣсь была, горемычная; да вотъ третья недѣля пошла какъ померла. Долго жить вамъ приказала, батюшка, Давило Сергѣичъ, по обычаю поклонилась низко Авдотья.—Какъ же!.. У меня на рукахъ и Богу душеньку отдала. Мы это все по закону кругъ ее справили; по христіанскому, какъ слѣдъ. Мой Митричъ и за попомъ бѣгаалъ.... Спервоначалу она было отказывалась: не надо, говорить; все одно!—извѣстно:—не во Христвъ родилась; все не то что съизмала крещеный. Ну тутъ мы стали ее съ Митричемъ уговаривать: причастись де! Легче станетъ твоей душенькѣ разставаться съ тѣломъ грѣшнымъ! И помянула я тутъ матушку вашу: какъ она всегда старалась чтобы все по-христіански... Тутъ она быдто бы поддалась маленько. „Хорошо, говорить, зовите батюшку.“ Сейчасъ это мой и побѣгъ. Побѣгъ и привелъ какъ разъ въ пору! Только, только услѣла она исповѣдаться и причаститься, тою жъ минутой назадъ опрокинулася и духъ вонъ...

Нѣсколько времени прошло въ молчанiи.

— И долго она болѣла? спросилъ Темрюковъ отвернувшись къ камину и низко склонивъ голову чтобы скрыть свое лицо.

— Въ точности не знаю, сударь. Потому какъ она мнѣ встрѣлася, страшная-престрашная, цвѣдо зеленая вся и еле ноги передвигаетъ, такъ это дѣнь за пять всего до смерти. Эти-то пять дѣнь она у меня и прожила.... А чтѣ до того было—не знаю!.. Жалко до смерти было ее разспрашивать. Судьки сказывааи что по ребенкѣ она крѣпко убивалась: ребенокъ у нея тутъ умеръ, чай съ голодухи тоже.

— Съ голодухи... Да! машинально повторилъ Темрюковъ, и снова воцарилось продолжительное молчанiе.

Авдотья полѣзла за лазуху и вытащила оттуда какую-то трапицу.

— Памятку оставила она мнѣ для васъ, сударь. Ежели, говорить, когда повстрѣчаешь Давилу Сергѣевича, отдай, говорить, образокъ. Меня, говорить, матушка его имъ благо-

словляла и андѣлъ тутъ мой нарисавъ. Пущай ему достадетъ... А ежели, говорить, не свидишься съ нимъ, такъ возьми себѣ. За этимъ-то я васъ и разыскала, батюшка-баринъ. Извольте получить.

Темрюковъ также машинально взялъ знакомый ему образокъ-складень съ изображеніемъ Св. Марѣы. Онъ хорошо помнилъ тотъ жаркій, лѣтній день когда зашелъ къ нимъ владимірскій мужичокъ, объѣзжавшій всѣ черноморскіе берега со своимъ характернымъ возгласомъ: „Образа мѣнять!“ и его мать купила нѣсколько складней и тутъ же благословила однимъ десятилѣтнюю, прелестную дѣвочку Марту, уже тогда ея воспитанницу и любимицу. Боже! Какъ измѣняется жизнь!... Какими черными днями замѣняетъ она короткіе, свѣтлые проблески счастья...

— Еще наказывала она вамъ сказать, сударь, что было у нея колечко бирюзовое отъ маменьки вашей, прервала размышленія его простодушная баба: — и его тоже долго она берегла; на шеѣ тожь, съ образочкомъ, отъ оласки чтобъ его не отняли носила... Наконецъ того не могла сберечь, продала! Скажи, говорить, имъ что сама для себя я его и въ жизнь бы не тронула; а для сына—не могла! Потому голодалъ онъ у нея, на послѣднихъ-то дняхъ, хлѣбушка сухого не могъ жевать, а только пилъ по ложечкѣ молоко. Такъ вотъ для этого самаго и отдала она колечко-то сусѣдкѣ. А та ей за то до послѣдняго его часу молоко давала ребенку. Охъ, охъ, охъ!

Авдотья вздохнула глубоко и умолкла. Она простояла довольно долго, поглядывая въ сливу барина и переминаясь съ ноги на ногу въ напрасномъ ожиданіи отъ него слова. Но видя что баринъ молчитъ и не шевельнется, уставившись на горячія головни въ каминѣ, наконецъ рѣшилась уйти.

— Такъ прощайте покелева, батюшка, Давила Сергѣичъ. Счастливо оставаться и благодаримъ васъ, сударь, за милости.

Темрюковъ всталъ будто проснувшись.

— Прощай Авдотья. Спасибо тебѣ! Если нужно что будетъ, пока я здѣсь—приходи. Впрочемъ я еще за тобою приду, или самъ лобываю, посмотрю на ваше житье.

Онъ стоялъ, говоря это, у стола, положивъ руку на сложенныя на краю его книги, и такъ и остался когда она вышла. Онъ только еще ниже опустилъ голову на грудь и долго такъ стоялъ забывшись, потерянный въ собственныхъ чувствахъ и воспоминаніяхъ.

Опять мы среди Чернаго Моря, и на этотъ разъ, среди безъ грозы сердитаго и безъ вѣтра бурнаго моря. Шумя и лѣнясь, словно залыхавшись отъ трудной работы, пароходъ пересѣкаетъ бурливныя волны. Однообразно, безпокойно шумятъ эти волны, безъ конца повторяя все однѣ и тѣ же лени, какъ ворчливый старикъ, забывшій о ясныхъ дняхъ своей молодости.

Куда ни глянь, всюду пляшутъ онѣ и толкутся неугомонныя, растерзанныя; то раслესкиваясь, то вздымаясь горой, онѣ стараются широкимъ размахомъ достать до перилъ парохода; забрызгать, залить всю лалубу; до костей промочить бѣдныхъ труженниковъ-матросовъ, и безъ нихъ уже насквозь вымоченныхъ холоднымъ туманомъ какъ стѣной окружившимъ пароходъ.

Одиноко лыветъ онъ въ сизомъ сумракѣ непогоды, и куда ни глянь,—необозримая водная пустыня охватила его отовсюду.

На рубкѣ, кромѣ моряковъ да нашего знакомаго Давида Сергѣевича, не видно никого.

Ему будто бы нравятся эта непогода, этотъ хаосъ и мракъ. Онъ стоитъ завернувшись въ свой кожаный плащъ, но откинувъ его калюшонъ и даже снявъ шалку, предоставляя всѣмъ вѣтрамъ свой высокій лобъ отягченный многими горькими мыслями, свою рано посеребреную судьбой-мачихой голову.

Онъ смотритъ въ даль, на исчезающій, когда-то милый ему уголокъ и, пока еще зимній туманъ не совсѣмъ скрылъ знакомый берегъ, онъ мысленно посылаетъ въ немъ послѣдній привѣтъ своему прошлому.

Онъ ѣдетъ далеко... но куда—самъ не знаетъ. Онъ только одного желаетъ,—хоть сколько-нибудь воспрянуть духомъ. Авось въ новыхъ краяхъ, среди новыхъ людей и новыхъ интересовъ не будетъ ему все такъ постыло, какъ здѣсь.

Съ неясною надеждой на возможность лучшаго онъ навсегда распрощался съ Сухумомъ и на долго съ Россіей.

ВѢРА ЖЕЛИХОВСКАЯ.

Тифлисъ.

Декабрь 1879.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе третье, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Я. А. Исакова, 1880. Тома первый и шестой.

На долю критики выладеваетъ своеобразная задача когда ей приходится вести рѣчь о полномъ собраніи сочиненій какого-либо знаменитаго писателя. Отъѣвка такого рода изданій въ сущности сводится къ кропотливому изслѣдованію вопроса въ какой степени воспользовался редакторъ накопившимися матеріалами, насколько добросовѣстно и тщательно случалъ онъ существующій текстъ съ рукописями, поправками, дополненіями, съ такъ-называемою *editio princeps*. Каждое полное собраніе сочиненій представляетъ множество уязвимыхъ сторонъ, начиная съ орфографіи и кончая возможностью вызвать заорадостный вопросъ: извѣстенъ ли былъ г. редактору вариантъ стиха находящійся въ слискѣ принадлежащемъ такому-то помѣщику, такой-то губерніи, деревни и уѣзда? Русскому читателю, судящему по мѣркѣ русской книгопродавческой и издательской дѣятельности, трудно представить себѣ то множество и разнообразіе изданій Гёте и Шиллера которое существуетъ въ Германіи. По отношенію къ количеству

этихъ изданій наши изданія Пушкина составляютъ въ полномъ смыслѣ лишь каллю сравнительно съ моремъ. Тѣмъ не менѣе дополненія и поправки къ сочиненіямъ Гёте и Шюллера безостановочно продолжаются въ Германіи, и вы то и дѣло можете встрѣтить въ нѣмецкихъ журналахъ разныя замѣтки и споры относящіяся къ этому предмету. Повтому можно судить о той массѣ возраженій и придирокъ которую спосовно вызвать новое изданіе сочиненій Пушкина. Говоря откровенно мы думаемъ что это изданіе есть не что иное какъ одна изъ тѣхъ переходныхъ ступеней которыя сочиненіямъ Пушкина придется еще во множествѣ перейти прежде нежели мы получимъ редакцію по справедливости удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ строго установленнаго текста, всѣмъ требованіямъ хронологіи, полноты и ясности. Мы думаемъ что это новое изданіе въ значительной степени вызвано потребностію публки имѣть наковедъ олять подъ руками сочиненія Пушкина, что оно составляетъ какъ бы извѣстное *à propos* ко времени открытія лампадика, что оно какъ бы вырвано у г. Исакова ролотомъ публки лишенной за послѣднее время возможности найти въ продажѣ сочиненія Пушкина. Трудно объяснить себѣ почему г. Исаковъ не предпринялъ этого изданія годомъ, двумя, тремя годами ранѣе. Повторяемъ, это гораздо болѣе предпріятіе вызванное настоятельными требованіями исключительно сложившихся обстоятельствъ, нежели серьезное и крупное явленіе въ области Пушкинскихъ изданій.

Откроемъ предисловіе (оно никѣмъ не подписано). На первой страницѣ вы читаете:

„Къ сожалѣнію мы не могли имѣть доступа къ тѣмъ драгоценнымъ рукописямъ поэта которыя находились въ распоряженіи П. В. Аввенкова и потому должны были ограндичиться только хранящимися у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ; а при скудости тѣхъ рукописей обратились къ первоначальнымъ изданіямъ и производили свѣркѣ со всѣми.“

Итакъ драгоценныя рукописи не находились въ рукахъ издателя; приходилось обращаться къ другимъ, „ограничиваться“ этими „другими“, пользоваться „только“ тѣмъ что можно было найти у „нѣкоторыхъ“ частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ. Основныи, существенныи матеріалъ для каждаго серьезнаго изданія, подлинныя рукописи

лбѣта; по признанію автора предисловія, подлинныя рукописи эти лишь въ *скудномъ* количествѣ могли быть имъ добыты и просмотрѣны. Сопоставьте этотъ рядъ выраженій: *къ сожалѣнію, только, некоторыя частныя лица, скудость*; обратите вниманіе на скорбное чувство съ какимъ заявляется о *невозможности имѣть доступъ къ драгоценнымъ* рукописямъ бывшимъ въ распоряженіи П. В. Анненкова, и вы несомнѣнно должны будете придти къ слѣдующему выводу. Вопервыхъ, издатель и редакторъ располагали для своего новаго изданія лишь *скуднымъ* количествомъ главнаго основнаго матеріала. Вторыхъ, даже этотъ скудный матеріалъ былъ какъ бы матеріаломъ второстепеннаго качества. Къ такому выводу невольно приводитъ вздохъ сожалѣнія о недоступныхъ *драгоценныхъ* рукописяхъ которыми пользовался г. Анненковъ и которыми не могъ воспользоваться г. Ефремовъ. Намъ могутъ возразить что мы произвольно считаемъ „рукописи въ которыхъ частныя лица и общественныхъ книгохранилищъ“ мѣнѣе *драгоценными* нежели рукописи которыми пользовался г. Анненковъ. Г. Ефремовъ и г. Исаковъ сами вѣнчаты въ томъ что ихъ предисловіе заставляетъ придти къ такимъ выводамъ. Что это такое: *некоторыя частныя лица*? Что значитъ: общественныя книгохранилища? Вмѣсто такихъ неопредѣленныхъ выраженій слѣдовало бы просто и ясно сказать въ предисловіи: мы положили въ основу нашего изданія: А) рукописи Императорской Публичной Библиотеки (№№ такіе-то), рукописи Румянцеваго Музея (№№ такіе-то) и т. д.; Б) рукописи частныхъ лицъ (имена и фамиліи ихъ, происхожденіе, описаніе и содержаніе рукописей). Только въ этомъ случаѣ возможна была бы провѣрка, возможно было бы опредѣлить достоинство или недостатки изданія, сослаться на него какъ на авторитетъ или указывать на его ошибки. Какую пользу можно теперь извлечь изъ приложенныхъ къ новому изданію библиографическихъ примѣчаній когда мы, на примѣръ, читаемъ здѣсь, стр. 535:

„Сказка (стр. 205)—стихотвореніе написано въ подражаніе сказкамъ въ рождественскіе вечера, потому *въ рукописи имѣетъ еще заглавіе Noel.*“

Въ рукописи! Въ какой рукописи? Это неопредѣленное названіе „рукопись“ употребляется въ примѣчаніяхъ на каждой страницѣ, и ничего не объясняетъ любознательному чи-

тателю. Внимательно изучивъ „примѣчанія“ г. Ефремова, мы можемъ даже придти къ заключенію что рукописи „нѣкоторыхъ“ частныхъ лицъ въ сущности сводятся къ *тетради* графа Корфа и къ *рукописи* графа Капниста, о которыхъ упоминается нѣсколько разъ. Читатель приходитъ въ недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ: что знаемъ мы о рукописяхъ Пушкина? Сколько ихъ? Какой ихъ составъ? Гдѣ онѣ? На *Пушкинской выставкѣ* въ Москвѣ лежало въ витринахъ множество рукописей Пушкина: какія это были рукописи—извѣстныя уже издателямъ или вновь открытыя? По Москвѣ ходила слава о цѣломъ ящикѣ рукописей присланныхъ будто бы отъ сына поэта; что это за рукописи? Мы не получаемъ въ новомъ изданіи никакого отвѣта на эти вопросы. Но это еще не все. Недостаточно имѣть подъ руками *драгоценныя* рукописи. Нужно еще умѣть ими пользоваться. Г. Ефремовъ утверждаетъ что г. Анненковъ не умѣлъ этого дѣлать, крайне небрежно относился къ *драгоценнымъ рукописямъ*, читалъ ихъ *поверхностно*, а нѣкоторые стихи даже *безграмотно*:

„Печатаемая выѣшнее изданіе, говоритъ г. Ефремовъ, мы убѣдились что г. Анненковъ *крайне небрежно* относился къ драгоценнымъ рукописямъ поэта, бывшимъ въ его распоряженіи. Повидимому, сверка печатнаго текста производилась только *поверхностно*, а не построчво, доказательствомъ чему служатъ то что стихи пропущенныя посмертнымъ изданіемъ *чисто по недосмотру*, и потому не означенныя точками, остались не возстановленными и г. Анненковымъ. Кромѣ того, г. Анненковъ, повидимому, плохо читалъ или плохо переписывалъ рукописи поэта для изданія, потому что верѣдко одно и то же неизданное стихотвореніе воспроизводилось имъ въ разныхъ мѣстахъ изданія въ разныхъ *жс* (?) видахъ. Такихъ примѣровъ множество, не говоря уже о томъ что есть *безграмотно прочитанныя* издателемъ стихи (говоримъ прочитанныя, потому что безграмотно *написать* Пушкинъ не могъ) и что Пушкинскія обозначенія времени въ которое написана стихотвореніе въ разныхъ мѣстахъ указываются г. Анненковымъ иначе.“ (Стр. 509).

Г. Ефремовъ на каждомъ шагу мечетъ стрѣлы въ г. Анненкова.

Стр. 510—511... „*Романъ*. Пушкинъ началъ было переправлять этотъ Романъ для изданія своихъ стихотвореній 1826

года, не поковчилъ и вычеркнулъ вмѣстѣ съ семью лицейскими стихотвореніями. Г. Анненковъ говоритъ что вычеркнуто было девять піесъ, но по перечету приведенныхъ имъ главій оказывается только восемь. Замѣчаніе же его будто первый издатель просмотрѣлъ въ послѣднемъ куллетѣ одинъ стихъ вполне неосновательно. Г. Анненковъ... не поправилъ... не упомянулъ" и т. д.

Стр. 515. „Къ Батюшкову. Неправильной пунктуаціей г. Анненковъ испортилъ третій отъ конца стихъ“ и т. д.

Стр. 516. „Къ Галичу. Г. Анненковъ, сверхъ невыправки двадцать втораго стиха, во многихъ мѣстахъ неправильно стію знаковь препинанія измѣнилъ смыслъ посланія“ и т. д.

Стр. 520. „Усм. Налечатаво въ посмертномъ изданіи, а г. Анненковъ отнесъ его къ 1817 году, прочитавъ въ рукописи Пушкина помѣту: писано 8 марта 1817 года, но, по обычаю своему, прочиталъ невѣрно“ и т. д.

Не будетъ продолжать эти цитаты. Приведенныхъ достаточно чтобы показать какъ недоволенъ г. Ефремовъ г. Анненковымъ. Г. Анненковъ считался до настоящаго времени авторитетомъ по всѣмъ вопросамъ относящимся къ Пушкину. Г. Ефремовъ насаждаетъ въ насъ обильный поствъ сомнѣній относительно этой авторитетности. Время и полемика должны будутъ рѣшить кто правъ и кто виноватъ. Пока читатель только сбѣтъ съ толку. У г. Анненкова были въ рукахъ драгоценныя рукописи, но онъ относился къ нимъ „крайне поверхностно“ и т. д.; у г. Ефремова, вѣроятно, не было ни поверхностнаго отношенія, ни тѣхъ дурныхъ „обычаевъ“ въ которыхъ онъ упрекаетъ г. Анненкова, но у него, excusez du peu, не было въ рукахъ рукописей. Мы разочаровываемся въ г. Анненковѣ; при всемъ желаніи мы не можемъ почувствовать однако полнаго довѣрія и къ изданію г. Ефремова. Намъ смущаетъ скудость матеріаловъ бывшихъ въ распоряженіи издателя. Указывая (стр. 510) на цѣлый рядъ противорѣчій г. Анненкова, г. Ефремовъ восклицаетъ: „какъ же провѣрить такіа разнорѣчія безъ помощи рукописей?“

Въ новомъ изданіи сочиненій Пушкина принять хронологическій порядокъ размѣщенія піесъ. Г. Ефремовъ считаетъ такой порядокъ „единственно возможнымъ для каждаго изданія претендующаго быть хорошимъ“. Въ силу этого на ряду съ мелкими стихотвореніями въ первый томъ

введены: *Русланъ и Людмила, Кавказскій Пльнникъ, Братья Разбойники, Багчисарайскій фонтанъ, Цыганы*. Г. Ефремовъ не безъ нѣкоторой гордости указываетъ на то что произведенія Пушкина размѣщены у него въ *строго-хронологическомъ* порядкѣ, не исключая изъ общаго ряда: поэмъ, повѣстей, драматическихъ произведеній, сказокъ и т. д. Какія основанія побудили къ такому размѣщенію? Признаемся, основанія эти намъ не совсѣмъ ясны. Какія удобства или преимущества имѣеть онъ для читателя? Въ подтвержденіе своего взгляда г. Ефремовъ приводитъ лишь два факта: изданіе 1829—1835 годовъ, сдѣланное *самимъ* поэтомъ, было въ строго-хронологическомъ порядкѣ; Жуковскій сдѣлалъ въ этомъ же порядкѣ послѣднее изданіе собственныхъ сочиненій. Все это прекрасно, но не вполне убѣдительно. Мы желали бы чтобы намъ были доказаны преимущества хронологическаго порядка. Всѣ выгоды его достигаются самымъ простымъ способомъ: издателю стоить только приложить въ концѣ хронологическую таблицу всѣхъ произведеній. Хронологическій порядокъ, на которомъ такъ настаиваетъ г. Ефремовъ, въ сущности имѣеть лишь значеніе *справочное, биографическое, историко-литературное*; все это достигается указанною таблицей. Для массы читателей хронологическій порядокъ совершенно неудобенъ, а между тѣмъ изданіе сочиненій Пушкина разчитано именно на массу, на все русское общество. Въ любимой книгѣ, какою должны быть сочиненія Пушкина, важно знать что въ первомъ томѣ находятся, положимъ, *малкія стихотворенія*, въ третьемъ—*поэты*, въ четвертомъ—*поэмы* и т. д. Вы сразу берете изъ вашего шкафа нужный вамъ томъ, знаете гдѣ вамъ искать то или другое произведеніе, сразу находите что вамъ хочется перечитать. Трудно представить себѣ то странное впечатлѣніе которое производитъ на читателя первый томъ новаго изданія. Это что-то необыкновенно пестрое. Русскія стихотворенія чередуются съ французскими; на каждомъ шагѣ встрѣчаются стихотворенія дѣтскія, незрѣлыя, скажемъ прямо—ничтожныя. Все перемѣшано ради хронологическаго порядка, и Пушкина приходится не читать, но отыскивать среди этого хронологическаго столпотворенія.

Прочитавъ *десяти* страницъ перваго тома, если только достанетъ терпѣнія и силъ совершить такой подвигъ, вы все еще не познакомились съ Пушкинымъ, лишь изрѣдка встрѣ-

чались съ нимъ. Вы измучены и раздосадованы Ледами, Лилами, подражаніями Парци, всѣмъ этимъ незрълымъ лепетомъ лицеиста. Вамъ невольно приходятъ въ голову слова самого Пушкина:

Когда на память мнѣ невольно
 Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрагаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно идолюетъ мочихъ.
 Къ чему несчастный я стремился?
 Предъ кѣмъ увидалъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдилася?
Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

Не подлежитъ сомнѣнію что самъ Пушкинъ непремѣнно выпустилъ бы значительную часть стихотвореній предлагаемыхъ намъ теперь г. Ефремовымъ есаубы великому поэту пришлось еще разъ издавать свои сочиненія. Хронологическій порядокъ оказываетъ въ этомъ случаѣ весьма плохую услугу читателю. Зрѣлое и незрѣлое, высокое и ничтожное переплетаются въ первомъ томѣ новаго изданія въ такую странную смѣсь что чтеніе становится здѣсь трудомъ, а не наслажденіемъ. Нужна долгая привычка чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ и привыкнуть находить въ немъ дѣйствительнаго Пушкина, великаго поэта, великаго художника.

Владѣльцу правъ на изданіе сочиненій Пушкина не слѣдуетъ забывать какъ мало сдѣлано имъ чтобы популяризовать творенія величайшаго русскаго поэта. Поколѣніе современное Пушкину почти наизусть знало его стихотворенія; теперь отцы знаютъ Пушкина лучше дѣтей. Говоря вообще, современное русское общество мало знакомо съ Пушкинымъ; оно совсѣмъ его не знаетъ, если принять въ соображеніе значеніе и мѣсто Пушкина въ русской литературѣ и затѣмъ сравнить между собою степенъ важности поэта и степенъ знакомства съ нимъ. Наше эстетическое воспитаніе должно быть основано на Пушкинѣ. Кто отважится сказать теперь что онъ „выросъ на Пушкинѣ“? Далекое ли ушло отъ насъ то время когда глашленіе надъ поэтомъ, красой и саа-

вой Русскаго народа и языка, когда такое глумленіе считалось признакомъ „развитости“, „серіознаго“ взгляда на жизнь? Сильно ошибется кто подумаетъ что мы знаемъ Пушкина какъ Англичане знаютъ Шекспира, какъ Нѣмцы знаютъ Гёте и Шиллера.

Орудіемъ живаго общенія съ поэтомъ служатъ прежде всего разумно составленныя изданія его сочиненій. Общественныя различія и вкусы бесконечно разнообразны. Одинъ любитъ роскошныя изданія въ роскошныхъ переплетахъ, другой — изданія съ рисунками, третьему желательно имѣть стереотипъ который укладывается бы въ карманѣ. Это слѣдуетъ имѣть въ виду издателю и дать каждому то что ему нужно. Что сдѣлано у насъ для Пушкина въ издательскомъ отношеніи? Смѣшно и больно за русскихъ художниковъ когда приходится сознаваться что у насъ нѣтъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Пушкина, смѣшно и больно вспоминать что ко дню открытія ему памятника мы были лишены возможности имѣть въ рукахъ его сочиненія, что въ распоряженіи нашемъ находится безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ иностранныхъ изданій Гёте и Шиллера, изданій въ которыхъ за одинъ рубль можно имѣть полное собраніе ихъ сочиненій, и что ничего подобнаго не сдѣлано по отношенію къ Пушкину. При такомъ положеніи дѣла невольно приходится предъявлять нѣсколько особыя требованія къ *Собранію сочиненій Пушкина*.

Мы очень хорошо ловимъ возможность и желательность капитальнаго изданія Пушкина, cum notis variorum, съ полнымъ критическимъ аппаратомъ и т. д. Но наступило ли для такого изданія время? Нѣтъ ничего желательнѣе полу-серіозныхъ предпріятій. Нельзя и не слѣдуетъ предпринимать quasi - критическое изданіе если не обладаешь для этого всѣми необходимыми матеріалами. Не слѣдуетъ забывать что за отсутствіемъ всякихъ другихъ изданій, *Собраніе сочиненій Пушкина* является почти единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ великимъ русскимъ поэтомъ. Дѣйствительно - критическое изданіе, изданіе будущаго, будетъ разчитано на сравнительно болѣе тѣсный кругъ читателей. Настоящее изданіе г. Исакова предвзначено для всѣхъ, для каждой домашней библіотеки, для людей всѣхъ званій и профессій, въ подарокъ молодымъ людямъ и молодымъ дѣвцамъ, предвзначено, словомъ, для сама-

го широкаго и разнообразнаго круга читателей. Это слѣдовало прежде всего имѣть въ виду и сообразно съ этимъ расположить изданіе: уменьшать его цѣну, сократить примѣчанія, внести въ нихъ нѣсколько болѣе біографическаго элемента. Не будемъ вступать въ безплодный споръ о „школьныхъ родахъ поэзіи“ къ которымъ такъ презрительно относится предисловіе. Несомнѣнно одно. Для публички гораздо удобнѣе видѣть повѣсти съ повѣстями, прозу съ прозой, мелкія стихотворенія отдѣльно отъ большихъ поэмъ. Вамъ нужно чтобы ваше изданіе читали, читали какъ можно болѣе? Въ такомъ случаѣ сдѣлайте его удобочитаемымъ. Позаботьтесь объ удобствахъ публички, и будьте увѣрены что тогда она гораздо скорѣе и охотнѣе прочтетъ всего Пушкина, нежели въ строго - хронологическомъ порядкѣ размѣщенія стиховъ и прозы. Не будемъ слишкомъ строги тамъ гдѣ строгость эта не достигаетъ цѣли. Цѣль пока одна: опять дать публичкѣ сочиненія Пушкина которыхъ такъ долго не было уже въ ея рукахъ. Нужно по возможности облегчить ознакомленіе съ дѣйствительнымъ Пушкинымъ, а не хлопотать о томъ чтобы непременно познакомить съ каждою строкой написанною двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Масса такъ - называемыхъ „Лицейскихъ стихотвореній“, столь щедро разсыпанныхъ по первому тому, ни на волосъ не будетъ содѣйствовать возбужденію симпатій къ Пушкину, восстановленію его поэтическаго образа, упроченію его поэтической славы. Мы полагаемъ даже что „Лицейскія стихотворенія“ должны помѣщаться не иначе какъ въ отдѣльномъ томѣ. Пусть читаетъ ихъ тотъ кто захочетъ; размѣщать же ихъ въ хронологическомъ порядкѣ значитъ дѣлать первый томъ новаго изданія Пушкина неудобочитаемымъ.

По внѣшнему своему виду новое изданіе сочиненій Пушкина весьма удовлетворительно. Бумага и печать очень хороши. Въ *Русланѣ* намъ случайно попалась на глаза слѣдующая опечатка (стр. 233):

Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится подъ остылой.

Изданіе „претендующее“ быть хорошимъ должно бы избѣгать подобныхъ опечатокъ. Въ шестомъ томѣ, выпущенномъ одновременно съ первымъ, помѣщены: *Исторія Пугачевскаго бунта* и историческіе матеріалы.

С. В.

II.

The life and writings of Henry Thomas Buckle. By Alfred Huth. 2 vol.

Извѣстное сочиненіе Бокля было такъ распространено въ Россіи что Маккензи Уоллесъ встрѣчалъ его даже въ жалкихъ бібліотекахъ нашихъ сельскихъ школъ. Одновременно появилось у насъ нѣсколько его переводовъ. Наша интеллигенція приходила отъ него въ такой восторгъ который устранялъ возможность сколько-нибудь критическаго къ нему отношенія. „Всякій, разказываетъ тотъ же авторъ, читалъ или по крайней мѣрѣ хвалился тѣмъ что прочелъ чудную книгу, и многіе Русскіе были твердо убѣждены что Бокль—величайшій гениій нашего времени. Въ первые годы моего пребыванія въ Россіи нельзя было вести серьезнаго разговора безъ того чтобъ имя Бокля не произносилось непрерывно; собесѣдники мои считали неоспоримою истиной что ему первому удалось создать настоящую историческую науку на основаніи индуктивнаго метода, и не хотѣли слушать никакихъ возраженій.“ Подобное ольпаніе Боклемъ было тѣмъ понятнѣе что вся наша литература по всеобщей исторіи могла безъ труда уставиться на двухъ полкахъ. Русское интеллигентное общество было совершенно безоружно противъ блестящихъ парадоксовъ автора *Исторіи Цивилизаціи* и только преклонялось предъ нимъ, тогда какъ въ Европѣ успѣхъ его книги оказался далеко непрочнымъ. И основныя ея тезисы, и то какимъ образомъ старался авторъ подтвердить ихъ справедливостъ исторіей различныхъ государствъ—Англіи, Испаніи и Франціи—не устояло противъ строгой и внимательной критики. Бокль доказывалъ что отчасти вслѣдствіе несостоятельности и неумѣнья историковъ, отчасти же вслѣдствіе сложности самыхъ явленій общественной жизни очень мало или даже почти ничего не было сдѣлано съ цѣлью открыть законы которые управляютъ судьбами народовъ, другими словами, съ цѣлью создать науку исторіи. Онъ обольщалъ себя мыслью что ему удалось уяснить эти законы и что они столь же непреложны какъ и законы управляющіе физическимъ міромъ. Кому изъ читавшихъ книгу Бокля нечужество какъ онъ формуловалъ ихъ? Кто не ломилъ напризмѣръ о выставленномъ имъ положеніи будто прогрессъ,

развитіе цивилизаціи, условливаются исключительно успѣхами интеллектуальной дѣятельности, завоеваніями въ области науки, тогда какъ то что Бокль называлъ нравственными принципами не имѣетъ будто бы тутъ никакого значенія. Религіи отведено было при этомъ совершенно второстепенное мѣсто; религія, по словамъ его, никогда не порождала цивилизаціи, а сама была ея продуктомъ; судьбы цивилизаціи нисколько не зависѣли также отъ правительствъ; не обнаруживали на нее дѣйствительнаго вліянія и тѣ которымъ общій голосъ далъ наименованіе великихъ людей. Чѣмъ болѣе, говорилъ Бокль, скептицизмъ развитъ въ обществѣ, тѣмъ болѣе способно оно къ прогрессу, и обратно, если господствуетъ въ средѣ его наклонность охранять установившіяся вѣрованія и обычаи, оно обречено на застой. Справедливо замѣтилъ еще Дройзенъ въ своей статьѣ „Die Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft“ (*Histor. Zeitschr.* Зибеля, 1863, IX) что Боклю прежде всего слѣдовало бы уяснить тѣ общія положенія которыя послужили основой для его выводовъ. Онъ говоритъ о цивилизаціи, прогрессѣ, скептицизмѣ и т. д., но что подразумѣваетъ онъ подъ скептицизмомъ, прогрессомъ, цивилизаціей? Въ прежнее время, такъ начинается Максъ Мюллеръ свою книгу *О происхожденіи и развитіи религіи*, было хорошимъ обычаемъ не приступать ни къ какому научному изслѣдованію не опредѣливъ предварительно общіе термины которыя должны встрѣчаться въ немъ. Всякая грамматика или логика непремѣнно начиналась вопросомъ: что такое грамматика? что такое логика? Никто не рѣшался писать о миферазахъ не объяснивъ что онъ подразумѣваетъ подъ миферазомъ, или объ искусствѣ не опредѣливъ заранѣе свой взглядъ на искусство. Не рѣдко авторъ затруднялся представить эти предварительныя объясненія, а читателю не понимали ихъ пользы, ибо съ самаго начала не могли дать себѣ отчета въ томъ какое важное имѣютъ они значеніе. Вслѣдствіе того нынѣ почти совершенно забыть обычай о которомъ идетъ рѣчь. Что же было послѣдствіемъ этого? Безконечныя недоразумѣнія и слоры, которыхъ можно было бы избѣгать если бы съ той и съ другой стороны старались ясно обозначить смыслъ который слѣдуетъ придавать извѣстнымъ словамъ.“ Бокль хотѣлъ уяснить законы цивилизаціи, но когда онъ выставялъ единственнымъ исключительнымъ ея двигателемъ такую „умственную дѣятельность (mental activity) которая

способствуетъ наибольшему скопленію и наилучшему рас-
предѣленію богатствъ“, то очевидно что его пониманіе цивили-
заціи было очень узко. Свою склонность къ обобщеніямъ
доводилъ онъ до крайнихъ размѣровъ, и обобщенія эти осно-
вывалъ главнымъ образомъ на статистическихъ выводахъ, такъ
что кто-то остроумно называлъ его *enfant terrible* статистика.
Онъ безусловно отрицалъ вліяніе племеннаго происхожде-
нія, но взамѣнъ того придавалъ громадное значеніе вліянію
климата, почвы, лищи, что заставляло многихъ упрекать его
въ особаго рода фатализмъ,—фатализмъ не нравственномъ,
но чисто физическомъ. Едва ли не самое вѣрное сужденіе о
Боклѣ содержится въ слѣдующихъ словахъ о немъ Флинта
(*Encycl. Britannica*, IV, 421—423): „Бокль очевидно вообра-
жалъ что онъ достигъ несравненно болѣе важныхъ резуль-
татовъ чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ и ставилъ слѣшкомъ
высоко то что было сдѣлано другими. Онъ собралъ обильный
заласъ данныхъ изъ различныхъ источниковъ для подтвер-
жденія своихъ воззрѣній, и масса этого матеріала никогда не
обременяла и не затрудняла его, но примѣры правильной,
вполнѣ основательной исторической индукціи весьма рѣдки
въ его книгѣ. Иногда онъ извращалъ или ложно истолковы-
валъ факты, чаще же всего старался неподобающимъ обра-
зомъ упростить свою задачу. Онъ былъ очень склоненъ вся-
кій разъ, когда удавалось ему доказать истину того или дру-
того изъ своихъ любимыхъ мнѣній, утверждать будто вся
истина заключается въ этомъ мнѣніи. Умъ его былъ сильный
и обширный, но лишенный классическаго образованія и не-
привычный къ научной дисциплинѣ; то былъ умъ усвоив-
шій себѣ массу фактовъ, но не отличавшійся богатствомъ
идей; умъ не останавливавшійся ни предъ чѣмъ, чрезмѣрно
увѣренный въ своихъ силахъ, но не отдававшій себѣ отчета
гдѣ кончаются его знанія и гдѣ начинается невѣжество. Бо-
кля не доставало воображенія и поэтическаго чувства: отсю-
да поразительно рѣзкія и узкія его сужденія о цѣльныххъ
историческихъ періодахъ и цѣлыхъ разрядахъ людей, о древ-
ности и Среднихъ Вѣкахъ, о духовенствѣ, герояхъ и муче-
никахъ.“

Какъ бы то ни было, при всѣхъ своихъ огромныхъ недо-
статкахъ, трудъ Бокля—видное явленіе въ современной ли-
тературѣ. Теперь, когда появилась біографія автора *Исто-
ріи Цивилизаціи*, мы можемъ сказать что и самъ Бокль пред-

ставляя собою крайне любопытный феноменъ. Отравно что біографія челоѣка который еще такъ недавно сводилъ съ ума нашу публицу яроша у насъ почти незамѣченною. Чѣмъ объяснить это? Не есть ли это новое доказательство того какъ безсодержательны и эфемерны увлеченія которыя отъ времени до времени овладѣвають нами? Чтѡ, кажется, можетъ быть тѣснѣе связи существующей между авторомъ и книгой вышедшею изъ-подъ его пера? Читая замѣчательную книгу невольно рисуешь образъ того который трудился надъ нею, но очень часто подобныя представленія оказываются совершенно ошибочными. Происходить это отъ того что въ книгѣ отражается нерѣдко только одна сторона челоѣка, по которой нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о цѣломъ его характерѣ. Въ настоящемъ случаѣ замѣчаніе это вполнѣ примѣняется къ Боклю: онъ вовсе не былъ такимъ сухимъ, желчнымъ, исполненнымъ нетерпимости челоѣкомъ, какъ можно было бы заключить по его произведенію; сердцу его были совершенно непричастны недостатки его ума. а эти недостатки ума едва ли не объясняются главнымъ образомъ тѣми исключительными условіями среди которыхъ протекала его молодость.

Біографія Бокля составлена на основаніи его писемъ и по разказами людей близко его знавшихъ. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ нѣкоей гжѣ Гѣсъ (Huth). Подробная ея записка о Боклѣ помѣщена цѣлкомъ въ разбираемой нами книгѣ (гл. VI). Эта дама разказываетъ что еще прежде своего знакомства съ Боклемъ она уже составила весьма неблагоприятное о немъ мнѣніе, хотя въ то время онъ ничѣмъ не былъ извѣстенъ и не игралъ никакой роли въ литературѣ. Объясняется это тѣмъ что одинъ изъ ея друзей сѣло вѣровалъ въ гений Бокля, былъ твердо убѣжденъ что ему суждено совершить нѣчто великое и надѡдалъ ей своими непрерывными уломиваніями, какъ о необыкновенномъ мудрецѣ „который знаетъ рѣшительно все, ибо прочелъ всѣ книги“. Первое знакомство не изгладило предубѣжденія гжи Гѣсъ. „Бокль показался мнѣ, разказываетъ она, челоѣкомъ холоднымъ, безчувственнымъ, лишеннымъ всякихъ симпатій къ отдѣльнымъ личностямъ и интересующимся лишь тѣмъ чтѡ можетъ приносить пользу челоѣчеству въ его совокупности. Въ послѣдствіи я очень близко узнала его. У меня были съ нимъ частые и продолжительные разговоры, и я мало-по-мало убѣдилась что въ сущности были два различ-

ные Бокля: одиѣ холодный и безчувственный, какъ судьба, для котораго счастье той или другой личности не значило ровно ничего по сравненію съ благополучіемъ цѣлаго общества; такимъ является онъ въ своей *Истории Цивилизаціи* и на многочисленныхъ обѣдахъ и вечернихъ собраніяхъ, гдѣ онъ старался блзстать своимъ умомъ. Другой Бокль былъ человекомъ нѣжнымъ, мягкимъ, слособнымъ отзываться на каждый порывъ дѣтскаго сердца, готовымъ на такіа пожертванія которыа онъ не замедлил бы осудить въ другихъ, горячо отзывавшимся и на радость и на горе своихъ друзей. "Гжа Гѣсъ приводитъ множество анекдотовъ въ подтвержденіе того что Бокль обладалъ чрезвычайно нѣжною душой. Особенно замѣчательно его расположеніе къ дѣтямъ: онъ охотно проводилъ съ ними цѣлые дни, придумывалъ для нихъ забавы, занималъ ихъ разказами, и дѣти со своей стороны очень скоро привязывались къ нему. По замѣчанію одного изъ англійскихъ критиковъ, это послѣднее обстоятельство объясняется быть-можетъ тѣмъ что Бокль постоянно проповѣдывалъ о необходимости какъ можно менѣе учить дѣтей. Это была его *idée fixe*. Онъ охотно принималъ на себя роль педагога, обращался къ родителямъ съ совѣтами и не упускалъ случая подавать совѣты даже когда ихъ не спрашивалъ у него. Онъ былъ убѣжденъ что методъ образованія долженъ быть совершенно иной чѣмъ тотъ который господствуетъ въ школахъ или, другими словами, не должно быть ровно никакого метода. Ему непрѣменно хотѣлось примѣнить на практикѣ свои идеи, и онъ избралъ для этихъ экспериментовъ двухъ сыновей гжи Гѣсъ, изъ которыхъ одному было четырнадцать, а другому одиннадцать лѣтъ. Они сопровождали его въ путешествіи предпріятомъ имъ подъ конецъ своей жизни въ Египетъ и Палестину. Если они были оторваны отъ школы, то, по мнѣнію Бокля, это съ избыткомъ вознаграждалось тѣмъ что онъ заставлялъ ихъ на мѣстѣ изучать древности, читать въ переводѣ Геродота, Иосифа Флавія и разныя спеціальныя сочиненія. Не знаемъ въ точности каковы были плоды такой системы, но судя по биографіи Бокля составленной г. Гѣсомъ, однимъ изъ этихъ бывшихъ его спутниковъ, нельзя полагать чтобъ они оказались особенно блестящими. Ни на одной страницѣ книги не встрѣтили мы сколько-нибудь самостоятельнаго сужденія; видно только что авторъ ея совершенно поработченъ Боклемъ и вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ его ламатѣ литаеть твердое

убежденіе что Бокль действительно открылъ новые, невѣдомые до сихъ поръ пути для науки.

Оригинальный взглядъ Бокля на то какъ слѣдуетъ обучать молодежь усвоенъ былъ имъ исключительно на основаніи его собственнаго примѣра. Вотъ что сообщаетъ намъ объ этомъ его биографъ: Бокль былъ сыномъ лондонскаго банкира, и хотя не принадлежалъ къ разряду богатыхъ людей, во все-таки обладалъ вполне независимымъ состояніемъ. До восьмилѣтняго возраста онъ вовсе не зналъ грамоты, а затѣмъ любилъ читать только Шекспира, *Донъ-Кихота* и *Арабскія Ночи*. Правильное ученіе было противно ему, и доктора находили что не надо насиловать его въ этомъ отношеніи, что сколько-нибудь усидчивый трудъ можетъ только повредить его здоровью. „Тѣмъ не менѣе, разказываетъ г. Гёсъ, родители отдали его въ школу, поставивъ однако непремѣннымъ условіемъ что его не будутъ подвергать телеснымъ наказаніямъ и что онъ будетъ учиться лишь тому чему захочетъ. Мальчикъ не обнаруживалъ однако предпочтенія ни къ какимъ занятіямъ. Можно сказать что если онъ и приобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія, то лишь тѣ которыя случайно попали въ его голову. Мало-по-малу онъ началъ однако интересоваться алгебраическими и геометрическими выкладками и однажды послѣ урока испросилъ учителя объяснить ему то что представлялось ему непонятнымъ въ какой-то теоремѣ. Это обратило на него вниманіе, и онъ вернулся къ праздникамъ домой съ наградой за успѣхи въ математикѣ. Восхищенный отецъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать ему что-нибудь пріятное, и на вопросъ что именно—мальчикъ отвѣчалъ: „я былъ бы очень радъ еслибы взяли меня изъ школы“. Родители такъ и поступили, подъ вліяніемъ своихъ постоянныхъ опасеній за его здоровье. Боклю уже минуло въ это время четырнадцать лѣтъ; онъ не любилъ никакихъ развлеченій свойственныхъ его возрасту, чуждался общества товарищей и предпочиталъ проводить время въ разговорахъ со старшими о политикѣ и религіи. Мать имѣла на него особенно сильное вліяніе, онъ былъ безгранично привязанъ къ ней и привязанность эту сохранялъ до самой ея смерти; она читала съ нимъ Библію, старалась развить въ немъ религіозное чувство, хотя надо сказать что если старанія ея не имѣли успѣха, то едва ли вину этого не должна была она приписать себѣ, ибо въ ней самой происходилъ сильный

разладъ: и она, и мужъ ея были кальвинистами, но въ то время какъ старикъ Бокль доходилъ даже до фанатизма въ своемъ вѣроисповѣданіи, она придерживалась его лишь по вѣншности и выработала себѣ собственную религію въ которой неясныя стремленія и мечтанія, повидимому, преобладали надъ опредѣленными догматами. Этотъ антагонизмъ между матерью и отцомъ во всемъ что касалось религіозныхъ вопросовъ не могъ не отразиться неблагоприятно на ихъ сынѣ. Такъ росъ Бокль до восемнадцати лѣтъ, а тутъ произошло что-то необычайное. У него вдругъ родилась мысль написать тотъ трудъ который въ послѣдствіи составилъ ему извѣстность. Такъ увѣряетъ по крайней мѣрѣ его биографъ, ссылаясь, между прочимъ, на показаніе самого Бокля, который въ послѣдствіи въ письмѣ къ Теодору Паркеру говорилъ: „Когда минуло мнѣ восемнадцать лѣтъ я составилъ планъ своей книги,—правда, планъ не совсемъ опредѣленный, но онъ все-таки существовалъ, и я тотчасъ же принялся за дѣло. Среднимъ числомъ работалъ я по десяти часовъ въ день. Занятія свои я распредѣлялъ такимъ образомъ: утромъ изучалъ естественныя науки, послѣ полудня языки (въ которыхъ до упомянутаго возраста отличался печальнымъ невѣжествомъ), время до обѣда посвящалъ исторіи и праву, а вечера всеобщей литературѣ....“

Что-нибудь одно: если Бокль дѣйствительно задумалъ на девятнадцатомъ году тотъ трудъ въ которомъ видѣлъ задачу своей жизни, то едва ли былъ онъ такимъ круглымъ невѣждой, какимъ выставляетъ его г. Гёсъ. Очевидно почтенный биографъ грѣшитъ тутъ излишнею наклоностью къ эффектамъ. Достаточно было бы сказать что Бокль не прошелъ ни черезъ какую школу, не получилъ правильнаго образованія, но очевидно онъ много читалъ, много заимствовалъ изъ бесѣдъ съ весьма просвѣщенными людьми, посѣщавшими домъ его отца, иначе могъ ли бы онъ, когда наконецъ рѣшился вознаграждать потерянное время, обойтись безо всякаго руководителя, положиться лишь на собственные силы? До такой степени былъ однако Бокль скоръ на обобщенія что изъ своего примѣра вывелъ правило, которое хотѣлъ въ послѣдствіи примѣнять ко всѣмъ: если онъ не учился, то и другіе должны въ юные годы посвящать какъ можно менше времени урокамъ. При этомъ совершенно не было принято имъ въ разчетъ что онъ составлялъ весьма рѣдкое исключеніе. Все показываетъ что онъ былъ одаренъ необы-

книжными способностями. Память его была поразительна; прочитавъ разъ какой-нибудь обширный трудъ онъ никогда не забывалъ содержанія его до мельчайшихъ подробностей; заходила ли при немъ рѣчь о какомъ-нибудь поэтѣ или ораторѣ, онъ цитовалъ мануаль цѣлыя страницы изъ поэмъ и парламентскихъ рѣчей; словомъ, въ этомъ отношеніи онъ нисколько не уступалъ знаменитому историку Маколею. Нельзя удивляться слѣдовательно что при такихъ задаткахъ изъ Бокля вышелъ замѣчательный человекъ, но забавно было бы предположить что и всѣ другіе должны идти тѣмъ же путемъ по которому шелъ онъ вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ преимущественно состояніемъ его здоровья. Для пополненія характеристики врожденныхъ способностей Бокля слѣдуетъ прибавить что онъ съ ранней молодости принадлежалъ къ числу самыхъ искусныхъ шахматныхъ игроковъ; поздне онъ даже составилъ себѣ этимъ славу; ни во Франціи, ни въ Германіи онъ почти не встрѣчалъ опасныхъ себѣ соперниковъ на этомъ полприщѣ, ибо сообразительность какую онъ обнаруживалъ въ игрѣ представляла вѣчто поразительное.

Неудобства этого пути сильно отразились однако и на немъ самомъ. По книгѣ г. Гѣса, при всѣхъ ея недомолвкахъ, можно прослѣдить какимъ образомъ совершался въ Боклѣ умственный процессъ, плодомъ коего было надѣлавшее столь много шума его произведеніе. Мы видимъ, во первыхъ, что честолюбіе не давало ему покоя. „Честолюбіе, пламенное честолюбіе, замѣчаетъ г. Гѣсъ, вотъ отличительная его черта;“ однажды у него самого вырвалось слѣдующее признаніе: „еще мальчикомъ твердо рѣшился я во всемъ что ни будетъ предпринято мною непременно занять первое мѣсто; гораздо лучше быть первымъ въ сложномъ ремеслѣ чѣмъ вторымъ въ чемъ бы то ни было“. Подъ вліяніемъ этой неотвязной мысли приступаетъ онъ на девятнадцатомъ году отъ роду къ историческому сочиненію съ самыми широкими задачами; тотчасъ же готовъ у него планъ, хотя и не совсѣмъ опредѣленный; два года спустя Бокль ѣдетъ во Францію, и возвращается оттуда со вполне сложившимся политическими воззрѣніями,—онъ становится радикаломъ. Г. Гѣсъ не поясняетъ намъ какимъ образомъ произошелъ въ немъ этотъ быстрый переворотъ, но очевидно его слѣдуетъ приписать тому что Бокль познакомился въ это время съ теоріями Огюста Кон-

та. „Никогда не написалъ бы онъ своей книги, говоритъ Литтре, еслибы не изучалъ предварительно Ковта.“ Такимъ образомъ и основная мысль, и планъ были готовы, но это составляло лишь незначительную часть задачи. Надо было позаботиться о содержаніи. Бокль создавалъ какъ скудны и отрывочны были его свѣдѣнія и не щадилъ себя для того чтобы вознаграждать потерянное время. Онъ работалъ такъ какъ способны работать лишь немногіе. Онъ отказался отъ всякихъ развлеченій, чуждаяся общества и, можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, сидѣлъ съ утра до ночи за книгами. Странное впечатлѣніе производитъ однако эта неутомимая работа! Бокль задумалъ построить на новыхъ началахъ историческую науку, но мысль эта явилась у него не вслѣдствіе продолжительныхъ занятій исторіей, напротивъ, онъ начинаетъ пристально заниматься исторіей уже послѣ того какъ сложились основныя его воззрѣнія; мало того, онъ не можетъ освободиться при этомъ отъ предвзятаго взгляда, и въ богатой литературѣ открывшейся предъ нимъ останавливается преимущественно на томъ что соотвѣтствуетъ его теоріямъ. Съ этимъ согласится вѣроятно всякій кто пресмотритъ въ біографіи г. Гёса сохранившіяся выдержки изъ его дневника и изданную послѣ его смерти *Common-Place Book*. Четырнадцать лѣтъ сряду велъ онъ жизнь анахорета и упорнаго труженника. Книга его свидѣтельствуетъ на каждомъ шагѣ что онъ достигъ огромныхъ результатовъ. По увѣренію г. Гёса, занимаясь одновременно различными науками, онъ успѣвалъ изучить не менѣе восемнадцати иностранныхъ языковъ и нарѣчій, между прочимъ языкъ русскій, для котораго у него не было никакого преподавателя. Юзъ сожалѣнію мы не можемъ судить насколько онъ успѣвалъ въ немъ. Но продолжительная и непрерывная работа совершенно разстроила здоровье Бокля, можно сказать что онъ былъ надорванъ ею. Послѣ выхода въ свѣтъ втораго тома своего сочиненія онъ не только не былъ способенъ ни къ какимъ занятіямъ, но даже сколько-нибудь серьезный разговоръ утомлялъ его, онъ думалъ возстановить свои силы лутешествомъ на Востокъ, но потрясенный его организмъ не выдержалъ постигшей его тамъ болѣзни.

Извѣстностью своею Бокль обязанъ своей *Исторіи Цивилизаціи*. Кромѣ этого написалъ онъ лишь нѣсколько журнальныхъ статей, изъ которыхъ особенно одна возбудила много толковъ и проливаетъ довольно яркій свѣтъ на характеръ

ея автора. Поводомъ къ ней послужило слѣдующее обстоятельство: въ какомъ-то мѣстечкѣ графства Корнуэльскаго проживалъ простой рабочій Томасъ Пулей (Pooley), человѣкъ честный, трезвый и трудолюбивый, но о которомъ и у его товарищей, и у его сосѣдей сложилось такое мнѣніе что онъ страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Между прочимъ пришло ему въ голову что есть вѣрное средство противъ болѣзни картофеля, а именно: сжечь всѣ экземпляры Библии и пепломъ ихъ посѣять поля. На стѣнѣ какого-то зданія написалъ онъ нѣсколько словъ крайне оскорбительныхъ и для Библии, и для христіанской религіи вообще. Бѣднакъ былъ привлеченъ за это къ суду, причемъ не было у него адвоката который могъ бы объяснить что онъ невмѣляемъ за свои слова и дѣйствія, а держалъ онъ себя на судѣ какъ нарочно такъ что не оказалось достаточно основанія залодозрять его въ сумашествіи. Вслѣдствіе того судья сэръ-Джовъ Кольриджъ приговорилъ его къ довольно-строгому наказанію. Въ послѣдствіи судья самъ созналъ свою ошибку. Онъ заявилъ публично что поступилъ бы совершенно иначе есlibы звалъ съ какимъ человѣкомъ имѣлъ дѣло. „Ни малѣйшаго намека, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ появившемся въ газетѣ *Times*, не сдѣлано было мнѣ что Пулей находится не въ здоровомъ умѣ, и ни вѣстность его, ни представленная имъ самимъ защита не побуждали меня залодозрять въ немъ что-либо подобное.“ Все дѣло сводилось такимъ образомъ къ недоразумѣнію,—недоразумѣнію весьма печальному, но за которое едва ли слѣдовало безусловно обвинять судью. Бокаль подвѣялъ однако страшный шумъ; ему хотѣлось ловкимому разыграть роль Вольтера и совершить подвигъ неуступающій тому который совершилъ знаменитый философъ прошлаго столѣтія, возвысивъ свой голосъ въ пользу Сирвена и Лабарра, Каласа и Лалли. Нельзя безъ улыбки читать филиппики Бокала въ которыхъ онъ доказывалъ что и свобода, и религіозная вѣротерпимость подвергаются страшной опасости въ Англіи. „Нѣтъ никакихъ гарантій, восклицалъ онъ, что не наступитъ снова вѣкъ гоненій; есlibы вслѣдствіе какого-нибудь соціального переворота власть очутится въ рукахъ религіозной партіи (religious party), то она тотчасъ же установила бы тяжкій гнетъ; можно сказать съ увѣренностью что только одна партія не стала бы злоупотреблять своею побѣдой, не прибѣгла бы къ гоненіямъ, а именно партія скептиковъ (the party of the sceptics).“ По

словамъ Бокля, приговоръ надъ Пулеемъ сѣдовало причислить къ величайшимъ преступленіямъ совершеннымъ гдѣ либо въ Европѣ, начиная съ XVII столѣтія. „Сэръ-Джонъ Кольриджъ и Томасъ Пулей, восклицалъ онъ, сойдутъ въ могилу, но олицетворяемые ими принципы безсмертны. Могущественный и провикнутый нетерпимостью судья, старающийся зажать ротъ бѣдному и беззащитному отверженцу свободной мысли, это одинъ изъ типовъ давнишней и повсюду продолжающейся борьбы. Она еще не затихла въ каждой странѣ цивилизованнаго міра; еще не рѣшенъ вопросъ: могутъ ли люди безпрелатственно высказывать то въ чемъ они убѣждены, — иначе, слѣдуетъ ли опровергать слово словомъ же или силой. Въ этой великой распрѣ между свободой и гнетомъ сэръ-Джонъ Кольриджъ сталъ на одну сторону, а я присоединяюсь къ другой.“ Вотъ ужъ подлинно—много шуму изъ ничего! Критикъ англійскаго журнала *Academy*, разбирая біографію Бокля, дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: „О Боклѣ разказываютъ что въ ранней молодости отличался онъ очень бѣднымъ характеромъ, что когда приходилъ онъ къ своей старой нянѣ, то все перевертывалъ вверх дномъ, выбрасывалъ за окно кошку ея дочери, а потомъ, вышедши съ ними на улицу, громко раслѣвалъ лѣсны, хваталъ фрукты на лоткахъ и вообще велъ себя такимъ образомъ что онѣ постоянно боялись какъ бы не попасться съ нимъ въ исторію. Въ своихъ умозрѣніяхъ Бокль находилъ точно такое же удовольствіе выбрасывать за окно установившіяся мнѣнія и видимо радовался тому что пораждалъ замѣшательство въ лублнкѣ. Черты игриваго повѣсы сохранились и въ честолюбивомъ труженнкѣ, поставившемъ себя задачей возсоздать науку исторію.“ Бокль зналъ что ему извинять какіе угодно парадоксы, лишь бы онъ отстаивалъ ихъ съ умомъ и талантомъ. „Англійская лублика, повторялъ онъ неоднократно, до такой степени цѣнить блестящій умъ что ради его готова мириться съ самыми несостоятельными теоріями.“ Въ дѣлѣ Пулея Бокль потерпѣлъ однако полнѣйшее фиаско, вѣроятно, именно потому что тутъ нисколько не обнаружился его обычный блестящій умъ. Даже ближайшіе его друзья, преклонявшіеся предъ его авторитетомъ, были неприятно смущены его свирѣлыми наладками на сэръ-Джона Кольриджа и ему оставалось лишь утѣшаться тѣмъ что немногіе наиболѣе смѣлые и наиболѣе передовые люди (the boldest and the most advanced men) считали его выходку великимъ подвигомъ.

Мы уже упоминали выше что интереснѣйшія воспоминанія о Боклѣ сообщены гжой Гёсъ. Они очень рельефно обрисовываютъ его физиономію. Мы узнаемъ, напримѣръ, что музыка не производила на него никакого впечатлѣнія, что только однажды въ жизни — въ концертѣ Листа — онъ слушалъ ее съ удовольствіемъ. Природа точно также оставляла его равнодушнымъ. Понятно что при этомъ онъ не могъ сколько-нибудь вѣрно судить объ искусствѣ; но есть люди которые, не будучи сами знатоками искусства, понимаютъ однако какде великое и благотворное вліяніе оказываетъ оно на общество, а Бокль вообще не придавалъ ему значенія. „Читая его *Исторію Цивилизаціи*, говоритъ гжа Гёсъ, я была удивлена что онъ ни разу не упоминалъ въ ней объ искусствѣ, и спросила его однажды: неужели, по его мнѣнію, искусство мало вліяетъ на цивилизацію?“ „Конечно, отвѣчалъ Бокль: оно цивилизуетъ отдѣльныя личности, но не цѣлыя націи.“ При этомъ онъ началъ развивать мысль что если нѣкогда великіе умы занимались искусствомъ, то это только потому что въ ихъ время естествознаніе не получило еще надлежащаго развитія, что слабы, напримѣръ, Леонардо да-Винчи жилъ въ XIX столѣтіи, то непременно посвящалъ бы себя исключительно естественнымъ наукамъ. „Развѣ Фарадей, говорилъ онъ, не неизмѣримо выше всѣхъ телерешнихъ поэтовъ? Развѣ не обнаружилъ онъ въ своихъ открытіяхъ необычайную силу воображенія?“ Въ философъ-историкѣ не можетъ не удивлять стремленіе отдѣлывать цивилизацію главнымъ образомъ съ точки зрѣнія того, въ какой мѣрѣ становилась она достояніемъ массы. А именно таковъ былъ взглядъ Бокля. Франціи онъ отдавалъ видимое предпочтеніе предъ Германіей. „Но не вы ли сами, замѣтила ему гжа Гёсъ, утверждаете въ первомъ томѣ своего сочиненія что Германія имѣетъ право гордиться своими философами, что никакая другая страна не произвела столько великихъ мыслителей?“ — „Это справедливо, отвѣчалъ онъ, но вѣдь нѣмецкая философская литература не отразилась на народѣ..“

Теоріи Бокля поражаютъ своею односторонностью, сухостью, но не сѣдуетъ судить о немъ какъ о человѣкѣ только по этимъ теоріямъ. Онъ рано усвоилъ ихъ себѣ, отчасти твердо вѣрилъ въ нихъ, а отчасти старался блистать ими. Въ послѣдствіи однако сама жизнь съ ея тяжкими испытаніями матакивала его на вопросы пораждавшіе сомнѣвія въ его умѣ, обнаруживавшіе всю неудовлетворительность излюблен-

ныхъ имъ идеаловъ, и такъ какъ это была искренняя и хорошая натура, онъ не задумывался сознаваться откровенно въ ихъ несостоятельности. Смерть матери, на которой Бокль сосредоточилъ всю свою привязанность, была для него жестокимъ ударомъ. Это событіе такъ потрясло его что дало совершенно иное направленіе его образу мыслей. Подъ вліяніемъ скорбнаго чувства одиночества, которое овладѣло имъ, у него вырвались слѣдующія строки:

„Пока ничто не угрожаетъ намъ разлукой съ тѣми кого мы любимъ, мы радуемся и отдаленныя возможныя послѣдствія нашей любви обыкновенно не озабочиваютъ насъ. Мы не останавливаемся мыслью на тѣхъ невзгодахъ которыя могутъ порвать нашъ союзъ. Но когда наступаетъ мрачный день, когда приближается минута скорби, то чувство ужаса овладѣваетъ нами. И чѣмъ упорнѣе и продолжительнѣе была борьба, чѣмъ настойчивѣе предавались мы надеждамъ, когда уже нельзя было надѣяться, тѣмъ болѣзненнѣе совершающійся въ насъ переворотъ. Слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ недуга, подстерегать приближающагося врага, видѣть какъ жизненныя силы постепенно ослабѣваютъ, какъ омрачаются умственные способности, взоръ теряетъ свой блескъ, губы едва въ состояніи улыбаться съ обычною своею нѣжностью,— видѣть все это невыразимо тяжело, и многія сильныя натуры не имѣли мужества вынести подобное испытаніе: но когда прекращается даже и это, когда исчезли послѣдніе признаки жизни, порваны послѣднія узы, и предъ вами лежитъ лишь трупъ того на комъ мы сосредоточивали свою любовь,—я не понимаю какъ могли бы мы продолжать жить еслибы были убѣждены что разстался съ умершимъ на вѣки. Мы кажемся что въ первыя минуты самыя лучшія изъ насъ непремѣнно пады подъ бременемъ отчаянія еслибы не поддерживала ихъ увѣренность что еще не все кончено, что мы видѣли только одну часть и что нѣчто остается впереди,—нѣчто недоступное оку разума, но постижимое окомъ привязанности. Чѣмъ объяснить это чувство таинственнаго общенія которое служитъ намъ утѣхой въ нашемъ одиночествѣ? Почему именно въ такія минуты мы обращаемъ умственный взоръ на самихъ себя и предвкушаемъ другое лучшее существованіе? Не можетъ быть обманчиво это ощущеніе: оно проявлялось повсюду и во всякія времена, при всякомъ состояніи человѣческихъ знаній, при господствѣ различныхъ

реалист, и уже вследствие одного этого носить печать неправдоподобной истины.“

Подобныя влодѣтъ искрення язвїянія дѣйствительно какъ нельзя лучше подтверждаютъ мнѣніе друзей Бюка что нельзя судить о немъ только по его книгѣ...

III.

Promenades archéologiques.—Rome et Pompéi. Par Gaston Boissier.

Пала Григорій XVI имѣлъ обыкновеніе спрашивать иностранцевъ являвшихся откланиваться ему предъ отъѣздомъ своимъ изъ вѣчнаго города, сколько времени оставались они въ Римѣ. Тѣмъ которые не долго прождали въ немъ онъ говорилъ *addio*; лицамъ же пребываніе коихъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ выражалъ увѣренность что непременно снова увидится съ ними. Пала, ненавидимый Итальянцамъ за свою антинаціональную политику, что не мѣшало ему однако быть очень умнымъ человекомъ, зналъ что Римъ не тотчасъ же, не съ перваго раза производитъ обаяніе, что онъ втягиваетъ въ себя мало-по-малу и что чѣмъ болѣе живешь въ немъ тѣмъ интересъ къ нему возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Въ нашей литературѣ есть произведеніе въ которомъ мастерски схвачена эта особая прелесть римской жизни, такъ много дающая уму и такъ благотворно дѣйствующая на душевное настроеніе всякаго кому доступно пониманіе великаго и изящнаго: мы говоримъ о знаменитомъ очеркѣ Гоголя. Часто приходится слышать что теперешній Римъ уже не тотъ какимъ былъ онъ дѣтъ двадцать назадъ, что онъ сталъ слишкомъ походить на всѣ другіе первоклассные города, что постепенно сглаживаются тѣ черты которыя сообщали ему столь привлекательную оригинальность. Быть-можетъ отчасти это справедливо. Особенно съ тѣхъ лоръ какъ Римъ сдѣлался столицей Итальянскаго королевства путешественники съ каждымъ годомъ замѣчаютъ происходящую въ немъ перемѣну; но съ другой стороны, именно въ послѣдніе годы, онъ еще гораздо болѣе чѣмъ прежде удовлетворяетъ любознательности людей посвѣщающихъ его съ научными цѣлями. Итальянское правительство поняло что оно возвыситъ себя не только въ общественномъ мнѣніи своей страны, но и во мнѣніи всей просвѣщенной Европы,

заботясь о широкомъ развитіи археологическихъ изысканій. Благодаря ему они приняли небывалые до сего времени размѣры—и главное достоинство ихъ заключается въ томъ что производятся они не на угадъ, а со строгою системою. Изысканія эти коснулись впрочемъ не одного Рима, но также его окрестностей и Помпеи. Такіе серьезные и неутомимые изслѣдователи какъ Россп, Роза, Фиорелли, Висковати, Ланциани приобрѣли европейскую извѣстность достигнутыми ими результатами. Книга заглавіе коей выставлено выше имѣеть цѣлю ознакомить публику съ тѣмъ въ какомъ состояніи находятся нынѣ раскопки; но такъ какъ раскопки эти идутъ чрезвычайно дѣятельно и съ каждымъ мѣсяцемъ обогащаются чѣмъ-либо новымъ, то авторъ говоритъ что онъ можетъ поручиться за полноту и вѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній лишь до исхода 1879 года. Имя Гастона Буассье извѣстно всякому кто слѣдитъ за французскою литературою по классической древности: двумя своими сочиненіями—*Cicéron et ses amis* и еще болѣе важнымъ *La religion romaine d'Auguste aux Antonins* онъ составилъ себѣ репутацію человека не только основательно знающаго свой предметъ, но умѣющаго излагать его съ такимъ талантомъ и въ такой привлекательной формѣ что онъ въ высшей степени заинтересовываетъ имъ образованную публику. Всѣ обычныя его достоинства выразились вполнѣ и въ новомъ его произведеніи. „Полагаю, говоритъ онъ въ предисловіи, что трудъ мой будетъ не безполезенъ для серьезныхъ путешественниковъ, и что даже люди не посвящавшіе Италиі съ любопытствомъ увидятъ изъ представленныхъ мною примѣровъ какой яркій свѣтъ проливаютъ археологическія изысканія на историческіе факты.“ Дѣйствительно, г. Гастонъ Буассье поставилъ себѣ задачей съ помощью археологіи прослѣдить исторію тѣхъ мѣстностей къ которымъ относятся недавнія ея открытія, и сдѣлалъ онъ это такъ искусно что книга его читается съ живѣйшимъ интересомъ отъ начала до конца.

Раздѣлена она на нѣсколько главъ. Прежде всего авторъ говоритъ, разумѣется, о раскопкахъ происходящихъ въ самомъ Римѣ, съ тѣхъ поръ какъ декретомъ 8 ноября 1870 года руководителемъ ихъ назначенъ г. Пиетро Роза. Мы имѣемъ предъ собою очень подробную, хотя и не совсѣмъ полную ихъ картину, ибо г. Гастонъ Буассье сосредоточилъ свое вниманіе исключительно на форумъ и Палатинъ, а раскопки коснулись въ послѣднее время и нѣкоторыхъ другихъ

луктовъ,—между прочимъ Колизея. Нельзя не воздать Ита-
ліявскому правительству похвалу за ту энергію съ которою,
несмотря на далеко незавидное состояніе своихъ финан-
совъ, оно преслѣдуетъ задуманную имъ цѣль. Нынѣ уже со-
вершенно очищены три части форумъ, причемъ пришлось
поднять болѣе 120.000 куб. метровъ земли; подъ глубо-
кимъ ея слоемъ найдено было много памятниковъ оставав-
шихся доселѣ извѣстными только по имени. Не изслѣдована
нынѣ лишь та часть которую авторъ называетъ восточною
и которая простирается отъ церкви S. Lorenzo in Miranda
до церкви Св. Мартины,—не изслѣдована потому что это
одна изъ многолюдныхъ кварталовъ города и нужно было
бы скупить всѣ находящіеся въ немъ дома. Къ сожалѣнію,
для этого не имѣется средствъ, но по крайней мѣрѣ уже те-
перь можно съ достаточною увѣренностью предугадывать что
должно заключаться въ означенной мѣстности. При раскоп-
кахъ около колонны Фоки найдены были два барельефа, от-
носящіеся повидимому къ первому столѣтію императорскаго
періода, съ изображеніемъ на нихъ главнѣйшихъ храмовъ и
памятниковъ форумъ; если сопоставить эти изображенія съ
тѣми свидѣніями которыя встрѣчаются у древнихъ писате-
лей, то можно получить вѣрное понятіе и о томъ что еще
теперь не доступно взору. Вообще на основаніи сдѣланныхъ
изслѣдованій есть полная возможность опредѣлить топогра-
фію форумъ, и г. Гастонъ Буассье, пользуясь ими, знако-
митъ читателей съ тѣмъ какой видъ и характеръ имѣлъ фо-
румъ въ различныя эпохи своего существованія, начиная съ
царей до позднѣйшихъ императоровъ.

За форумомъ слѣдуетъ Палатинскій холмъ, съ которымъ
было связано такъ много преданій Римскаго народа и кото-
рый, служа послѣ паденія республики резиденціей цезарей,
поражалъ роскошью и изяществомъ своихъ зданій. „Съ
древнѣйшей эпохи до африканской династіи Северовъ, гово-
ритъ г. Буассье, каждое столѣтіе оставило здѣсь по себѣ
какое-либо воспоминаніе. Здѣсь по многочисленнымъ памят-
никамъ можно было прослѣдить всѣ измѣненія государствен-
наго культа: храмъ Юпитера Статора, храмъ Аполлона,
храмъ Матери боговъ представляли собой наглядныя и по-
слѣдовательныя воспоминанія о той эпохѣ когда Римъ до-
вольствовался божествами Лаціума, о той когда онъ допу-
стилъ къ себѣ греческія божества, и наконецъ о той когда
стали провикать въ него восточныя культа, познанив-

піе его съ новыми религіозными потребностями. Всѣ лампартыки, въ томъ числѣ самыя древніе и отличавшіеся своею скромною вѣщностью, были окружены одинаковымъ уваженіемъ. Римляне не походили на тѣхъ выскочекъ которые стыдятся своего незнатнаго происхожденія и стараются скрывать его; напротивъ, они гордились имъ, ибо тѣмъ лучше могли прослѣдить всю громадность пройденнаго ими пути. Никакая эпоха ихъ исторіи не была обойдена ихъ признательностью; они знали что всѣ вѣка поочередно содѣйствовали славы Рима; политическія распри, предразсудки партій не въ состояніи были заставить ихъ относиться несправедливо къ кому бы то ни было; время сгладило господствовавшія въ бывшее время несогласія, и отъ прошедшаго не сохранилось ничего кромѣ воспоминанія о заслугахъ оказанныхъ государству. Патриотизмъ Римлянъ въ III вѣка совмѣщалъ одинаковое удивленіе къ доблестямъ героев республики и къ лучшимъ изъ цезарей; съ тѣмъ же самымъ чувствомъ гордости взиралъ онъ на хижину Ромула, домъ Циперона и дворецъ Августа. Но на Палатинскомъ холмѣ особенно славные слѣды оставилъ послѣ себя императорскій періодъ. Не совсѣмъ справедливо утверждать, какъ гласитъ надпись при входѣ на Палатинъ, будто находился на немъ „дворецъ цезарей“ (palazzo de' Cesari); можно предположить что дѣло идетъ объ одномъ обширномъ зданіи постепенно разраставшемся и украшаемомъ императорами. Напротивъ, это былъ цѣлый рядъ различныхъ дворцовъ. Ничего подобнаго не встрѣчается въ теперешнихъ столицахъ. Въ настоящее время, когда государи хотятъ воздвигнуть для себя новое зданіе, они почти всегда выбираютъ мѣсто въ вѣ-которомъ отдаленіи отъ прежняго. Двѣ главныя резиденціи лаль, Ватиканъ и Квириналъ, построены на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ Рима. Не такъ было въ то время о которомъ говоримъ: все сосредоточивалось тогда на Палатинскомъ холмѣ; онъ исключительно служилъ резиденціей императоровъ; по словамъ Діона, даже тѣ мѣста въ которыхъ они имѣли случайное пребываніе во время своихъ путешествій получали названіе „Палатина“. Г. Буассье говоритъ о жалкомъ заброшенномъ состояніи Палатина въ Средніе Вѣка, о томъ какъ мраморъ сильно пострадавшихъ, но не совсѣмъ разрушенныхъ его дворцовъ расхищался для постройки другихъ зданій, и переходитъ затѣмъ къ правильнымъ систематическимъ расколкамъ начавшимся съ 1861 года. Честь ихъ

принадлежит прежде всего Наполеону III. Въ упомянутомъ году купилъ онъ у бывшаго Неаполитанскаго короля Франциска II такъ-называемыя Фарнезскіе сады, расположенныя на сѣверной сторонѣ холма, и поставилъ во главѣ предпріятыхъ имъ здѣсь работъ того же самаго г. Пьетро Розу, который приступилъ въ послѣдствіи къ археологическимъ изысканіямъ на форумѣ. Въ 1871 году, когда Наполеонъ находился въ изгнѣ, Итальянское правительство выкупило у него ту часть Палаatina о которой идетъ рѣчь.

Не останавливаясь на другихъ главахъ книги г. Гастопа Буассье, посвященныхъ катакомбамъ (у насъ есть о катакомбахъ гораздо болѣе подробное и основательное изслѣдованіе г. Фрикена), развалинамъ знаменитой виллы Адриана и Остіи. Въ послѣдней и самой обширной главѣ авторъ занимается Помпеей. До сего времени работы производились тутъ подъ руководствомъ г. Фиорелли, который назначенъ былъ главнымъ инспекторомъ раскопокъ во всемъ королевствѣ. Онъ оказалъ огромныя услуги. „Еще съ половины XVIII вѣка, говоритъ г. Буассье, начали разрывать пепелъ въ теченіе шестнадцати столѣтій покрывавшій Помпею, но при этомъ имѣлось въ виду только одно—отыскивать произведенія искусства для украшенія королевскаго музея. Раскопки производились наугадъ, одновременно въ разныхъ пунктахъ, въ надеждѣ что авось онъ увѣчатся успѣхомъ. Если же попадалось ничего особенно замѣчательнаго, то тотчасъ же переходили въ другое мѣсто, а массой вырытаго пепла опять заваливали уже выступившіе наружу дома; что касается домовъ не подвергавшихся этой участи, то не предпринимаемо было ровню ничего для ихъ сохраненія; никто не обращалъ вниманія на тѣ фрески которыя казались недостойными музея Неаполя и Портучи: онъ подвергались дѣйствию солнца и вѣтра, быстро уничтожавшихъ ихъ краски; стѣны обрушались, мозаичныя полы трескались подъ ногами лутешественниковъ и рабочихъ. Г. Фиорелли положилъ конецъ этому варварству; во всѣхъ отчетахъ своихъ онъ говоритъ что главною цѣлью помпейскихъ раскопокъ должна служить сама Помпея, что произведенія искусства стоять при этомъ на второмъ планѣ, что нужно прежде всего заботиться о томъ чтобъ открыть погибшій римскій городъ цѣликомъ съ самыми маленькими его улицами, со всѣми даже бѣднѣйшими его домами и жалкими лавчонками: ибо только въ такомъ случаѣ можно будетъ составить о немъ полное понятіе“. Въ

прошломъ году издавъ былъ сборникъ *Pompei e la regione sotterrata dal Vesuvio nell'anno LXXIX*, въ которомъ помѣщена, между прочимъ, интересная статья г. Руджіера, вычислившаго что Помпея занимала пространство въ 662.000 квадратныхъ метровъ; изъ нихъ совершенно очищено нынѣ 264.424 метра, то-есть болѣе одной трети, и Италіанское правительство имѣетъ твердое намѣреніе довести работы до конца. Нѣкоторые ученые не одобряли этого плана. Между прочимъ Бёле въ своей извѣстной книгѣ *Le drame de Vésuve* доказывалъ что пора бы оставить на время Помпею и обратиться къ Геркулануму. Основывалъ онъ свое мнѣніе на томъ что все главное и замѣчательное въ Помпелѣ, то-есть лучшіе ея кварталы уже открыты, что остаются дома принадлежавшіе бѣдвѣвшей части народонаселенія и совершенно похожіе одинъ на другой; Помпея была незначительнымъ городкомъ, тогда какъ Геркуланумъ служилъ лѣтнимъ пребываніемъ многихъ знатныхъ Римлянъ; здѣсь были у нихъ роскошныя виллы наполненныя произведеніями искусства и бібліотеки; Помпея была засыпана лавою, и есть основаніе предполагать что многіе изъ ея жителей отрывали этотъ лепель чтобы сласти свое наиболѣе цѣнное имущество, тогда какъ ничего подобнаго не возможно было въ Геркуланумѣ, который былъ затопленъ жидкою и отвердѣвшемъ въ послѣдствіи грязью; все слѣдовательно осталось тамъ въ томъ видѣ какъ было застигнуто катастрофой. Геркуланумъ неровненно менѣе чѣмъ Помпея подвергался раскопкамъ, но эти немногія раскопки ознаменованы драгоцѣнными результатами; здѣсь найдены статуи (Эскинъ и львяный Фавнъ) составляющія нынѣ главное украшеніе Неаполитанскаго музея,—здѣсь же открыты были знаменитыя греческія и латинскія палирусы, въ виллѣ принадлежавшей, какъ предполагаютъ, тестю Цезаря, а между тѣмъ въ Помпелѣ не оказалось до сихъ поръ ни одного манускрипта. Вотъ вслѣдствіе чего Бёле выражалъ сожаленіе что Италіанское правительство слишкомъ исключительно занялось Помпеей, оставляя въ сторонѣ Геркуланумъ. Г. Буассье не согласенъ съ нимъ. „Быть-можетъ, говоритъ онъ, раскопки въ Помпелѣ будутъ нынѣ дѣйствительно обнаруживать только лачужки и бѣдныя зданія, но и она представляютъ значительный интересъ. Заключенныя классы римскаго общества достаточно извѣстны намъ; римская литература сообщаетъ свѣдѣнія главнымъ образомъ о нихъ; что же касается немущей части народонаселенія, то

и поэты, и историки не слишкомъ много занимались ими: какую услугу оказала бы Помпея еслибы представила она нашимъ взорамъ живую картину быта низшихъ слоевъ народа! Конечно, соображеніе это оченьъ важно, но едва ли оно вполнѣ ослабляетъ то что было высказано Бюле.

IV.

Охоты на лошади в Англии. Modern Horse-racing: The Edinburgh Review, № 310.

Подъ выставленнымъ заглавіемъ *Эдинбургское Обзорніе* помѣщено въ своемъ номерѣ за апрѣль 1880 обстоятельную статью, составленную по различнымъ спеціальнымъ источникамъ. Статья посвящена любимому английскому спорту, скачкамъ. Заимствуемъ нѣкоторыя цифры и факты которые могутъ быть не лишены интереса и для русскаго читателя. Прежде всего о размѣрѣ спорта. Вотъ таблица показывающая число состязавшихся лошадей за послѣднія пять лѣтъ: въ 1875 году — 1.909; въ 1876 году — 1.907; въ 1877 — 1.639; въ 1878 — 1.699; въ 1879 году — 1.626. Изъ этой таблицы обнаруживается постоянное уменьшеніе числа лошадей. Что касается суммы призовъ, общая цѣнность которыхъ въ 1879 году равнялась 380.699 ф. с., то она далеко не выражаетъ собою всего оборота денегъ сопровождающаго скачки, и если мы захотимъ сосчитать всѣ частныя пари заключаемыя при состязаніи лошадей, то ихъ ежегодный общій размѣръ окажется приблизительно въ 5.000.000 фун. стерл. Чтобы объяснить себѣ эту колоссальную цифру достаточно вспомнить что въ Илсомѣ, ко дню Дарбійскихъ скачекъ, стекается около 200.000 зрителей. Если же мы захотимъ дать себѣ полный отчетъ о томъ чего можетъ стоить Англии страсть къ скачкамъ, то, независимо отъ всѣхъ расходовъ по устройству гипподромовъ, трибунъ и прочаго праздничнаго алларата этихъ состязаній, мы должны сообразить еще и то сколько стоить содержаніе каждой скаковой лошади. Мало того что ее нужно тщательно кормить и поить, постоянно наблюдая надъ правильностью ухода со стороны конюховъ (а для этого ихъ нужно имѣть хорошихъ), нужно еще постоянно оберегать свое четвероногое сокровище отъ заговоровъ противной партіи. Эти заговоры губительная вещь для владѣльцевъ призовыхъ лошадей. Недавно од-

на очень извѣстная лошадь, много разъ бравшая призы на Дарбѣйскихъ скачкахъ, въ самый день состязанія была неизвестно по какой причинѣ внезапно поставлена *hors de combat*: можетъ-быть отравили ей воду, можетъ-быть дали ей дурнаго корму, можетъ-быть кузнецъ преднамѣренно повредилъ ей копыто. Ото всѣхъ этихъ продѣлокъ профессиональных и случайныхъ заговорщиковъ, получающихъ за подобныя услуги иной разъ по нѣскольку сотенъ фунтовъ, владѣльцу хорошей лошади не остается иныхъ средствъ оберегать себя какъ платя тоже сотни фунтовъ присматривающимъ за его конюшней.

Такъ какъ не разъ бывало что одна и та же лошадь брала три большіе приза (Королевскіи, Дарбѣйскіи и *St. Leger*), всего вмѣстѣ на сумму 19.800 фунтовъ, то не удивительно что подъ вліяніемъ надежды на такой крупный выигрышъ за лошадь хорошей породы въ Англіи платятъ до 10.000 ф. ст. и что ежегодно находятся люди желающіе платить такіа бѣшенныя деньги, хотя часто бываетъ что пресловутый лоббистъ не возьметъ послѣ продажи ровно ни одного приза.

Лошадиный спортъ въ Англіи достигъ такого разносторонняго развитія что вокругъ него группируется цѣлая масса особыхъ спеціальностей и занятій, требующая каждая соотвѣтствующей технической подготовки. Такъ, все число наѣздивиковъ занимающихся выводкой лошадей раздѣляется на три главныя категоріи: первая посвящаетъ себя исключительно на приготовленіе лошадей къ Дарбѣйской скачкѣ или къ скачкамъ *St. Leger*; другая готовитъ лошадей для короткихъ скачекъ, а третья—для скачекъ съ препятствіями. Нѣтъ сомнѣнія что тѣ изъ спеціалистовъ которые уже составили себѣ громкую славу наживаютъ огромныя деньги.

Вотъ еще громкая цифра: оказывается что если капитализовать стоимость всѣхъ лошадей уже дѣйствующихъ или приготовляемыхъ только къ состязанію, то одинъ процентъ съ этой суммы доставляла бы Англіи 100.000 фунтовъ въ годъ, а если сосчитать содержаніе лошадей, наемъ грумовъ, стоимость ихъ выводки и проч., то общая затрата въ годъ будетъ равняться 600.000 ф. ст. потраченныхъ богачами-спортсменами на свою дорогую забаву.

ПО П Р А В К А.

Въ стихотвореніи *Склетъ съ болотъ*, помѣщенномъ въ 6й книгѣ *Русскаго Вѣстника*, нужно исправить слѣдующія опечатки:

Стр. 616, стихъ 14 сл., напечатано:

Она была красивѣй всѣхъ съ семьѣ.

Слѣдуетъ: Она была красивѣй всѣхъ въ семьѣ.

Стр. 618, стихъ 3 снизу, напечатано: и тайною *сликотъ*,
слѣдуетъ: и тайною глубокой.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Колливаза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Колливаза. 1878. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Колливаза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антоки Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брэддонъ. 1878. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВѢРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фомбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ПОСТАНОВКА

Девятнадцать лѣтъ прошло со времени освобожденія крестьянъ. Окончились работы по введенію Положенія; общество и литература на долгое время перестали заниматься крестьянскимъ вопросомъ. Но въ послѣдніе годы онъ вновь оживился. Въ литературѣ книга князя Васильчикова вызвала сильное столкновеніе мнѣній, въ земствахъ внимательно обсуждался вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и необходимости помочь крестьянскимъ обществамъ устройствомъ банковъ для покупки ими земель частнаго владѣнія. Въ теченіе прошедшаго года толки о дополнительныхъ надѣлахъ были пущены въ народѣ, такъ что оказалось необходимымъ повсемѣстно объявить крестьянамъ что новыхъ надѣловъ не будетъ. Съ другой стороны революціонныя изданія охотно избираютъ названіе *Земля и Воля*, желая такимъ образомъ занять большое мѣсто.

Въ такомъ видѣ представляется общій очеркъ крестьянскаго вопроса за истекшія 19 лѣтъ. Вглядываясь въ частности, мы замѣтимъ что послѣ перваго возбужденія вызваннаго Положеніемъ 19 февраля въ самомъ законодательствѣ наступилъ періодъ покоя, такъ какъ оно по сію пору не закончило того что было намѣчено, частью же общаю въ Положеніи: паспортная система, сельскіе уставы, устрой-

ство переселенія, измѣненіе податной системы и телерь еще или ожидаются, или отложены. Главная законодательная мѣра за это время состояла въ измѣненіи установленныхъ Положеніемъ сроковъ.

Когда повидимому прошелъ періодъ слячки, обнаружилось странное превращеніе: бѣльшая часть пишущихъ по этому вопросу какъ бы забыли о „великой реформѣ“ освобожденія и въ залуски пустились изображать бѣдственное положеніе въ какомъ будто бы находится страна послѣ освобожденія. Коммиссіи податная и по изслѣдовавію сельскаго хозяйства дали обильный по объему, хотя не вполнѣ достовѣрный матеріалъ, и вотъ преобладающее пессимистическое настроеніе получило возможность составить изъ надерганныхъ свѣдѣній картину „уладка Россіи“ (см. напр. статью „Оглянемся назадъ“ въ *Отечественныхъ Запискахъ*). Стали писать о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, о чрезмѣрныхъ платежахъ превышающихъ доходъ съ земли и даже съ заработковъ. Все это выросло въ глазахъ неразборчивой публики почти до стелени догмата. Появилось цѣлое направленіе въ литературу, девизомъ котораго сдѣлались извѣстные стихи Некрасова, гдѣ говорится объ освобожденіи: „Порвалась цѣль великая,—однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. Это выраженіе встрѣчаемъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1874 года, какъ заключеніе очень пессимистически настроенной статьи Грыцко о крестьянскомъ дѣлѣ, гдѣ редакціонныя коммиссіи обвиняются въ неловиманіи „сущности“ вопроса. „Уладокъ Россіи“, какъ характеристика результатовъ освобожденія,—вотъ почва на которой трогательно сходятся наши крайнія мнѣнія. Здѣсь откровенный крѣпостникъ дружески подаетъ руку людямъ мечтающимъ объ уничтоженіи частной земельной собственности въ пользу крестьянскихъ общинъ; телерь уже не одни крѣпостники говорятъ что при крѣпостномъ правѣ было лучше...

Взглянемъ телерь на общій шаблонъ экономическихъ статей обсуждающихъ Положеніе 19 февраля и современное состояніе крестьянства. За исходную точку берется выраженіе самого Положенія: „земля дается крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта и ловивностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ“; вычисляется доходъ съ надѣла, данными официальной статистики доказывается недостаточность его для прокормленія крестьянской семьи или для улаты ловивно-

стей. Затѣмъ доказываютъ что вся тяжесть ложится на работники, и приходять къ выводу о постоянныхъ дефицитахъ. При этомъ не стѣсняются руководствоваться данными въ которыхъ заработокъ показанъ напримѣръ по *одному рублю* на дворъ. Здѣсь очевидно не лодята или превратно истолкована мысль законодателя. Давая людямъ землю обложенную платежами превышающими ея доходность, законодатель не могъ имѣть въ виду обезпечить этою землею всѣ потребности тѣхъ кому она давалась; дѣйствительною же цѣлью реформы было: улучшить бытъ, облегчить и упорядочить прежнія повинности и обезпечить крестьянамъ ихъ осѣдность. Что такова была именно цѣль законодателя, въ этомъ ручаются достопамятные слова Государя въ Государственномъ Совѣтѣ, нынѣ олубрикованныя: *

„Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ представленныхъ теперь Государственному Совѣту главнымъ комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того что происходило за границей, гдѣ преобразование совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому весьма дурной Мы видѣли въ Австріи и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ население весьма жалкое; и только теперь послѣ сорока лѣтъ Намъ едва удалось улучшить бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія земельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе чѣмъ преждее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя Моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.“

Въ хорѣ нареканій которыя раздаются въ нашей беззащитной журналистикѣ на память людей совершившихъ великое дѣло 1861 года, давшихъ будто бы, по выраженію одного автора, народу камень вмѣсто хлѣба, есть подтасовка фак-

* *Русская Старина*, февраль 1880 года.

товъ, если не злонамѣренная, то по крайней мѣрѣ легкомысленная. Господа публицисты нашего времени видятъ въ этихъ людяхъ какихъ-то филантроповъ не услѣвшихъ исполнить своей филантропической задачи. Но у людей серьезныхъ филантропія никогда не играетъ первой роли въ государственныхъ мѣрахъ. Эти люди были не сентиментальные филантропы, а государственные дѣятели. Они конечно не ставили себѣ цѣлью обезличеніе на вѣки-вѣчные крестьянскаго населенія сколько бы его ни народилось: такую цѣль легче преслѣдовать въ газетной статьѣ чѣмъ въ законодательной мѣрѣ. Но съ другой стороны крестьянскій надѣлъ не былъ въ ихъ глазахъ первымъ шагомъ къ тому чтобы главнымъ типомъ русскаго землевладѣнія сдѣлать крестьянское. Цѣль крестьянскаго надѣла была тройкая: имѣлось въ виду не нарушать вѣковыхъ привычекъ крестьянъ, дать имъ средство отбывать казенныя повинности; съ другой стороны на первыхъ же порахъ освобожденія необходимо было дать крестьянамъ возможность не сдѣлаться жертвой эксплуатаціи, не оставлять ихъ въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, которые могли бы произвольно опредѣлять цѣну отводимыхъ имъ угодій и ихъ труда. Наконецъ требовалось также предупредить быстрое и легкомысленное переселеніе крестьянъ, которое повело бы къ ихъ же разоренію и оставило бы земли невоздѣланными, въ ущербъ не однимъ помѣщикамъ, но и государству. Указанное выше достаточно знакомо намъ съ посылами нашихъ публицистовъ; остается указать на предлагаемыя средства исцѣленія ими же выдуманнаго или раздутаго улада.

Предлагаютъ обратить волостныя правленія, по примѣру англійскихъ рабочихъ союзовъ, въ учрежденія способствующія подъему заработной платы; заявляется о необходимости отрѣзывать крестьянамъ дополнительные надѣлы: съ гомерическою простотою для этого предлагается отдать крестьянамъ всѣ помѣщичьи и казенныя земли, а когда и этого окажется недостаточно, то избытокъ населенія предполагается переселить на свободныя казенныя земли другихъ губерній. Все это пересылается проклятіями помѣщикамъ, кулакамъ, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, скулщикамъ, которые всѣ де грабятъ народъ.

Мы ограничимся замѣчаніемъ что люди сводящіе крестьянскій бюджетъ къ дефициту не замѣтили вѣроятно 400 мил-

ліоновъ руб. ежегодно проливаемыхъ народомъ, не замѣтилъ также что если на кулаковъ, скупщиковъ и прочее призываются громы небесныя, то это не потому конечно чтобы народъ имъ мало переплачивалъ. Ко всему этому прибавимъ шестьдесятъ милліоновъ убытку отъ пожаровъ, падежей скота и прочихъ бѣдствій, которыя всѣ крестьянинъ выноситъ безропотно и оплачиваетъ. Принявъ все это въ соображеніе, мы увидимъ что въ сочиненіяхъ нашихъ лубацистовъ расходная смѣта крестьянина далеко не полна, а такъ какъ несмотря на указываемыя разоренія сумма имущества его остается приблизительно одна и та же, то ясно что и приходная смѣта должна быть цѣлая.

Подобныя данныя мы и видимъ въ дѣйствительности лишь только отъ жалкихъ общихъ мѣстъ обратимся къ дѣльнымъ частнымъ изслѣдованіямъ.

Обычай выражаться намеками и недоговаривать ссылаясь на не довольно де свободное положеніе нашей печати, не мѣшающее появленію отдѣльныхъ куріозовъ, лишаетъ возможности найти полное изложеніе системы. Такъ мы не знаемъ: слѣдуетъ ли вводить общинное владѣніе тамъ гдѣ его нѣтъ и гдѣ оно идетъ въ разрѣзъ съ народными повятіями, напримеръ въ Малороссіи, Бѣлороссіи, Литвѣ, Привислинскомъ краѣ и части Новороссіи?

Мы не встрѣчали еще такого смѣлаго проловѣдника который требовалъ бы введенія въ этихъ мѣстностяхъ общиннаго землевладѣнія; во всякомъ случаѣ не ясно что же съ ними будетъ: надлежитъ ли имъ погибнуть, или устроить у себя общину? Вопросъ усложняется еще тѣмъ что именно въ большей части этихъ губерній констатируется улучшеніе экономическаго быта крестьянъ или вообще удовлетворительное положеніе крестьянства *. Во всякомъ случаѣ

---

* Это обстоятельство очевидно беспокоитъ сторонниковъ разбрасываемыхъ мнѣній. Плодомъ безпокойствъ явилась статья юнаго Еврея „Очерки подворной Россіи“, имѣвшая цѣлью доказать „упадокъ Малороссіи“. Эта статья, возбуждающая лишь смѣхъ въ людяхъ знающихъ край, не имѣла подражателей, но блестяще доказала что можно писать статьи объ экономическомъ положеніи обширнаго края не имѣя понятія даже о трехпольномъ сѣвооборотѣ; рожь у г. Котеленскаго оказывается яровымъ хлѣбомъ. Жаль что яровая рожь неизвѣстна холмамъ.

людямъ желающимъ доказать что мелкая земельная собственность вредна, а община необходима для избѣжанія пролетаріата, придется устранить еще такія неудобныя страны какъ Франція, прусскія провинціи Пруссіи и другія, въ которыхъ, при густомъ населеніи и преобладаніи мелкой собственности, нѣтъ никакого аграрнаго вопроса, а ужасы рисуемые крайними сторонниками общиннаго землевладѣнія еще заставляютъ себя ждать.

Съ 1879 годомъ закончился періодъ чисто литературнаго обсужденія аграрнаго вопроса. Этотъ годъ принесъ намъ правительственную мѣру, законъ 24 мая о ссудахъ изъ башкирскаго капитала переселенцамъ отправляющимся въ Оренбургскую губернію, и обсужденіе земствами вопроса о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія.

Такъ какъ Московскимъ земскимъ собраніемъ избрана коммисія для изслѣдованія вопроса объ уладкѣ крестьянскаго хозяйства и о мѣрахъ къ его улучшенію, то теперь, кажется мнѣ, будетъ особенно своевременно коснуться этого вопроса.

I. Не черноземная полоса.

Прежде всего мы должны замѣтить что оба Московскія земскія собранія своими преніями о крестьянскомъ вопросѣ много содѣйствовали его разъясненію. Они наглядно показали насколько удобнѣе обсуждаются подобные вопросы въ земскихъ собраніяхъ чѣмъ въ литературѣ. Въ свѣтъ явились здравыя сужденія людей знакомыхъ съ практикой дѣла, а не субъективныя фантазіи кабинетныхъ сочинителей. Не только пренія, но и постановленія обоихъ собраній носятъ на себѣ печать несомнѣнной практичности. Уѣздное земское собраніе признало необходимымъ содѣйствіе земствъ (или правительства) расширенію крестьянскихъ надѣловъ тамъ гдѣ они недостаточны. Но губернское собраніе поставило вопросъ шире. Прежде чѣмъ приступить къ устраненію причинъ тормозящихъ развитіе крестьянскаго хозяйства, оно признало необходимымъ изучить эти причины и приступить лишь къ опытамъ улучшенія крестьянскаго хозяйства. Въ

этомъ рѣшеніи мы видимъ, въ противоположность нѣкоторой части нашей печати, * образецъ разумаго разсмотрѣнія вопроса. Очевидно нельзя говорить о недостаточности надѣла пока неизвѣстно: 1) какой родъ культуры производится вывъ на надѣленной землѣ и 2) какая культура возможна и желательна. При плохой обработкѣ и даже забрасываніи существующихъ надѣловъ нельзя приводить крестьянскую нужду единственнымъ аргументомъ для увеличенія надѣловъ; нельзя потому что нужда вызываетъ не кредитъ, а благотворительное пособіе, предположеніе же о кредитѣ разоряющимся хозяйствамъ исключительно для увеличенія занятаго ими пространства земли—очевидно нелѣло. Работа земской комиссіи въ томъ только и можетъ состоять чтобъ опредѣлить типы хозяйствъ (или культуръ) могущихъ при данныхъ условіяхъ идти успѣшно. Только тѣмъ сельскимъ обществамъ которыя заведутъ у себя одно изъ этихъ хозяйствъ и можетъ быть предложено кредитное пособіе; остальные могутъ разчитывать лишь на благотворительность. Въ преніяхъ означенныхъ земскихъ собраній очень интересны подробности: именно, гласные изъ крестьянъ указывали на лѣнство и дѣла какъ на главные причины упадка хозяйства; они же краснорѣчиво жаловались на многовластіе, на отсутствіе столь близкой крестьянамъ единой власти; послѣднее выходитъ изъ предѣловъ хозяйственного вопроса, но очень характеристично. Вообще изъ преній обнаружилось что крестьянское хозяйство находится не въ нормальномъ состояніи, но что дѣлать эту ненормальность свѣдуетъ лишь послѣ всесторонняго изученія вопроса, что если гдѣ и встрѣчается недостатокъ въ землѣ, то еще гораздо чаще налицыны матеріальныя и нравственныя средства крестьянъ совершенно недостаточны для обработки имѣющагося надѣла, и что потому задача земства состоитъ въ томъ чтобы найти пути къ улучшенію хозяйства и давъ къ тому средства направить на этотъ путь хозяйство крестьянскихъ обществъ, сохранивъ общину.

Понимая такъ задачу, посмотримъ каково въ дѣйствительности хозяйство вечервоземной полосы. Въ *Матеріалахъ* Московскаго земства мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о

---

* См. статьи *Русскія Вѣдомостей*.

быть мѣстныхъ крестьянъ и таблицы съ цифровыми данными о ихъ денежныхъ оборотахъ въ 1869 и 1877 году. Мы укажемъ только на данныя по земледѣлю. Въ общемъ выводъ явствуетъ ухудшеніе. Количество скота уменьшилось. Замѣчательно при этомъ что особенно увеличилось число дворовъ безъ скота; дворы спальные нынѣ еще больше держать скота чѣмъ въ 1869 году, но дворы гдѣ было по одной лошади или коровѣ теперь окончательно лишились скота (*Материалы. Хоз. Стат.* ч. II, стр. 18). Въ 8 лѣтъ число крестьянъ совсѣмъ бросившихъ свои земли увеличилось по нѣкоторымъ волостямъ въ $4\frac{1}{2}$ раза (съ 5% на 22% всѣхъ дворовъ). Тамъ гдѣ много брошенныхъ полосъ рѣзко проявляется ихъ вредное вліяніе на остальную крестьянскую землю; велаханыя полосы оказываются выше остальныхъ, вода съ нихъ скатывается на сосѣдную лашву. Кромѣ того, крестьяне увѣряютъ что этимъ же пустырямъ они обязаны размноженіемъ кротовъ и червей, которые вредятъ посѣвамъ; но всего болѣе содѣйствовали они размноженію костера. До 1861 года костеръ былъ почти неизвѣстенъ; съ тѣхъ поръ онъ все усиливался, а съ увеличеніемъ пустырей окончательно завладѣлъ крестьянскими посѣвами. Кромѣ брошенныхъ полосъ мы встрѣчаемъ много крестьянъ вовсе не обрабатывающихъ свои надѣлы, а извлекающихъ изъ нихъ пользу инымъ способомъ: за недостаткомъ лошади они нанимаютъ для обработки своихъ нивъ другихъ крестьянъ, платя имъ за исполненіе всѣхъ конныхъ работъ съ вывозкой удобренія отъ 12—15 руб. съ десятины; лѣшія же работы наниматель исполняетъ самъ. Есть наконецъ такіе которые совсѣмъ сдаютъ свои надѣлы односельцамъ. Въ вышеупомянутыхъ *Материалахъ* мы находимъ указаніе на слѣдующій важный фактъ, а именно: что несмотря на промыслы, земледѣліе оказывается необходимымъ для благосостоянія крестьянъ Московской губерніи. Гдѣ земледѣліе въ упадкѣ, встрѣчаются велокрытые дома, дѣти остаются безъ молока и умираютъ. *

Мы уже коснулись эпидемическаго характера спускавія земли. Вотъ какъ одинъ изслѣдователь, г. Орловъ, объясняетъ

* „Безъ земли хоть до упаду работай—сытъ не будешь“, говорятъ крестьяне Московской губерніи.

намъ начало бѣды въ селеніи. Крестьяне говорятъ: „держи вожжи покажѣсть въ рукахъ, а какъ улустилъ—не поймашь“. Какая-нибудь несчастная случайность, падетъ ли лошадь или вынуждемъ крестьянина осенью продать ее въ надеждѣ купить новую, а къ веснѣ не удастся сколотить денегъ, занять негдѣ (ли у кого нѣтъ охоты давать деньги бѣдняку); безъ лошади нечѣмъ обработать землю, нечѣмъ прокормить корову, приходится и съ нею разстаться. За этими общими разсужденіями слѣдуютъ примѣры изъ которыхъ приведемъ одинъ: въ селѣ Никольскомъ (Подольскаго уѣзда) былъ въ 1870 году ладежъ лошадей; было 75 головъ. Состоятельные купили вновь, а восемь бѣдныхъ домовъ, за невозможностью купить новыхъ лошадей, должны были олустить землю; за ними накопились громады недоимки и они до сего времени не могутъ оправиться.

Изъ множества подобныхъ примѣровъ и изъ отзыва самихъ крестьянъ оказывается что не столько обезсиливаетъ ихъ подати сколько различныя случайности разстраивающія ихъ земледѣльческое хозяйство. Помѣщикамъ крестьяне отдавали не менѣ чѣмъ сколько платятъ теперь; заработковъ же теперь болѣе. Но если тогда жила не хуже, то это потому что помѣщикъ въ своихъ же интересахъ крестьянину уладать не давалъ. Отдавать преимущество крѣпостному порядку предъ вышшимъ разумѣтся нельзя, тѣмъ болѣе нельзя отрицать что бытъ множества крестьянъ все-таки улучшился. Но въ то же время нельзя не замѣтить пробѣла въ нашемъ земельномъ устройствѣ, выражающагося въ отсутствіи такихъ учрежденій которыя могли бы замѣнить благоразумнаго помѣщика поддерживающаго крестьянъ въ ихъ борьбѣ съ несчастными случайностями, такъ тяжко отзывающимися на ихъ скромномъ хозяйственномъ бюджетѣ.

Относительно положенія земледѣлія и исходовъ изъ настоящаго плохаго его положенія мы находимъ драгоценныя данныя у г. Энгельгардта въ его *Исторіи моего хозяйства*. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ теоретикомъ, не съ человѣкомъ который измышляетъ въ кабинетѣ новые слособы веденія хозяйства, не зная дѣла, или же дѣйствуетъ издали на готовые деньги. Есть также причины не считать автора крѣпостникомъ... Вотъ какъ онъ описываетъ положеніе крестьянъ одной изъ самыхъ бѣдныхъ частей нечерноземной полосы Россіи: „Количество

работы которое они теперь производятъ несравненно ниже того которое они производили за пользование тою же землею, и благосостояніе крестьянъ послѣ Положенія возрасло особенно со времени постройки желѣзной дороги, доставляющей отелвой хлѣбъ, и расширенія моего хозяйства, дающаго значительныя заработки крестьянамъ этихъ деревень“.

Разказывая какихъ результатовъ онъ достигъ въ своемъ хозяйствѣ безъ затраты денегъ и безъ умѣнія лично работать, онъ совѣтуетъ не вѣрить тѣмъ кто говорятъ что хозяйничать нельзя, не стоить: результаты его показываютъ что земли наши еще очень богаты, что при правильномъ приложеніи труда огромныя пространства теперь пустующія могли бы дать такія массы хлѣба „что міръ удивился бы нашимъ колоссальнымъ богатствамъ“. Не истощеніе почвы считаетъ г. Энгельгардтъ самую большую опасностью нашего земледѣлія, а отношеніе убравшихся въ городъ владѣльцевъ къ своей землѣ, неумѣлость ихъ управляющихъ и равнодушіе рабочихъ къ результатамъ работы.

Предлагаемая имъ и имъ самимъ испытанная система заключается въ расчисткѣ лѣсовъ, посѣвахъ льна и хлѣба по расчищеннымъ мѣстамъ и запусканія ихъ подъ лѣсъ до новой расчистки. Нѣтъ сомнѣнія что всюду гдѣ залущенная лѣшня быстро зарастаетъ лѣсомъ, это и выгодная, и рациональная система. Окажемъ болѣе: въ громадной нечерноземной полосѣ Россіи найдется еще много неизвѣстныхъ нынѣ системъ которыя окажутся и рациональными, и выгодными при суммѣ данныхъ мѣстныхъ условій. Несомнѣнно также что уже и существуетъ у насъ много рациональныхъ системъ давно практикуемыхъ даже столь рѣдкимъ у насъ типомъ личныхъ землевладѣльцевъ порядочно занимающихся своимъ хозяйствомъ, но таковъ уже нашъ складъ и обычай нашей печати что мы объ этомъ узнаемъ поздне всего. Скорѣе сообщать намъ о растратѣ, о пожарѣ, о скандалѣ въ земскомъ собраніи, о какомъ-нибудь пререканіи полиціи съ управой чѣмъ объ удачно введенной системѣ хозяйства. Вотъ почему такъ бѣдны ваши свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Но тѣ статистическія труды о которыхъ мы говорили превышаютъ цѣлою головою тенденціозныя сужденія нашей печати, а если заключающіяся въ нихъ данныя не представляютъ всюду дѣйствительнаго улучшенія, то они по

крайней мѣрѣ освѣщаютъ тотъ путь по которому это улучшение можетъ и должно быть достигнуто безъ необходимости прибѣгнуть къ безконечно смѣняющимся радикальнымъ реформамъ.

Приведу одинъ примѣръ признаваемый статистикомъ Московскаго земства интереснымъ и поучительнымъ. Сколь бы незначителенъ онъ ни казался самъ по себѣ, однако о немъ слѣдуетъ упомянуть въ виду пользы оказанной этимъ хозяйствомъ сосѣднимъ крестьянамъ.

Въ 1869 году гжа Костивская покупаетъ 132 десятины за 3.500 рублей при деревнѣ Плещеевой въ 30 верстахъ отъ Москвы. Усадебной земли 5 десятинъ, сѣнокоса 15, въ трехъ поляхъ залущенной пашни 31 десятина, остальное—лѣсъ разнаго возраста отъ двадцати лѣтъ и ниже. Постройки: небольшой домъ и амбаръ, два летневые сарая и погребъ. Въ 1871 году владѣлица съ капиталомъ въ 2.000 рублей принимается за хозяйство. Теперь вся пашня засѣвается по шестипольному сѣвообороту (греча, рожь, овесъ, клеверъ и паръ). Десятина клевера даетъ 300 пудовъ. Рожь пробштейнская родится самъ-десять; овесъ самъ-пять или шесть, греча самъ-одиннадцать. Картофель, котораго сѣется двѣ десятины, даетъ 90 рублей съ десятины чистаго дохода. Скота содержится: 6 лошадей, 5 коровъ, 2 быка, 8 овецъ, 2 свиньи. Огородъ сдается за 100 руб.; прикуляется 100 пудовъ мурета по 28 коп. за пудъ, кладется онъ подъ овесъ. Рожь, за исключеніемъ сѣменя, продается по 8 р. четверть, нужная же для хозяйства приобретается за 4 руб.; греча продается вся и крупой, и зерномъ, часть картофеля и овса. Вылаиваются телята и продается сливочное масло. Лѣсъ расчищается и потому растетъ онъ быстро. Все имѣніе окружено канавами. Возобновленные постройки стоятъ 3.000 рублей. Владѣлица и живетъ и дѣтей воспитываетъ доходами съ имѣнія. Отношенія къ сосѣднимъ крестьянамъ отлучныя. По словамъ этихъ крестьянъ, у нихъ при крѣпостномъ правѣ „на три двора по одному толору было. Всѣ по міру ходили“. По выходѣ на волю, при надѣлѣ въ 2½ десятины и безъ прогона для скота, положеніе было плохое. Гжа Костивская за пользованіе прогономъ и ластбищемъ обязала крестьянъ исполнять различныя работы по ея имѣнію, но въ то же время (въ противоположность нѣкоторымъ владѣльцамъ) стала заботиться о томъ чтобы поддержать крестьянъ. Съ

перваго же года своего хозяйства она стала зпмой раздавать крестьянамъ муку лодъ работы по рыночной цѣнѣ, и тѣмъ устранила для нихъ необходимость обращаться къ ростовщикамъ; она же настояла на томъ чтобы крестьяне исполняли работы въ то же время какъ и ея и чтобы перемѣнили сѣмена.

У этихъ-то крестьянъ рожь родится чистая какъ у барыни (а прежде былъ одивъ костерь); урожай не ниже самъ-лять, а у нѣкоторыхъ самъ-восемь (въ эти года у сосѣднихъ крестьянъ былъ полный неурожай). Завели они больше скота, пахутъ глубоко, у большинства домохозяевъ хлѣба достаетъ до новы, а прежде едва хватало до зимняго Никола. Исправиле ихъ въ волости никто не живетъ. Бьдять вдоволь, самоваръ почти въ каждомъ домѣ, праздники справляютъ широко. Недомокъ нѣтъ; вина льютъ много, но прежняго пьянства вовсе нѣтъ. Лѣсъ у барыни имъ нѣтъ надобности воровать, такъ какъ они пользуются хворостомъ отъ расчистки и его хватаетъ на отопаеніе.

Перехода отъ свѣдѣній частныхъ къ даннымъ общимъ по всей полосѣ пачъ цѣлымъ мѣстностямъ слѣдуетъ прежде всего помнить что у насъ нѣтъ общей достовѣрной официальной статистики, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Дѣлать выводы на основаніи напримѣръ сочиненныхъ, а не собранныхъ свѣдѣній можетъ только невѣжество пачъ тенденція, неразборчивая на доказательства предвзятой мысли. Совѣстно остававливать вниманіе читателя на такихъ азбучныхъ истинахъ что выводы изъ выдуманныхъ цифръ не имѣютъ значенія. Но чтобы доказать что это не совсѣмъ бесполезно, приведу примѣръ, какъ самыя распространенныя у насъ изданія * помощью такихъ свѣдѣній поддерживаютъ общественную тревогу по поводу мнимаго ловаальнаго голода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ выпусковъ *Временника* Центрального Статистическаго Комитета были помѣщены обычныя недостовѣрныя свѣдѣнія о посѣвѣ и урожаѣ. Высшее статистическое учрежденіе снабдило это изданіе введеніемъ въ которомъ объяснена недостовѣрность выставленныхъ цифръ и указанъ луть который одинъ можетъ привести къ извлеченію пригодныхъ свѣдѣній. При этомъ параграфъ статистическій комитетъ заявилъ что впредь печатаніе

* *Голосъ. Отечественныя Записки* и др.

такихъ недостоверныхъ свѣдѣній онъ считаетъ излишнимъ. Затѣмъ, въ 1879 году, Делартаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ выускаетъ томъ извѣстій, гдѣ наряду съ очень интересными и достоверными свѣдѣніями о работахъ делартамента по осушенію болотъ и т. д. помѣщены за лѣтъ лѣтъ прежнія недостоверныя свѣдѣнія о лосѣвахъ и урожаѣ.

Какъ же постулаетъ наша литература? Она проходитъ молчаніемъ интересное и достоверное и останавливается на недостоверномъ, приходя къ слѣдующему замѣчательному выводу: что усилившейся вывозъ хлѣба изъ Россіи составляетъ де наше истинное несчастье; мы вывозимъ не хлѣбъ, а продовольствіе своихъ сыновъ, вывозимъ, и голодаемъ сами изъ года въ годъ, все болѣе и болѣе (для примѣра назовемъ статью: „Хлѣбные запасы и народное продовольствіе“, *Отеч. Зап.* 1879).

Слѣвшимъ усложнить читателя. Цифры на которыхъ зиждутся вышеописанныя статьи, кромѣ своего официальнаго характера, имѣютъ иной: характеръ сочиненный. Всякіе премудрые выводы изъ нихъ сведутся лишь къ рѣшенію задачи о вліяніи климата и другихъ условій на воображеніе волостныхъ писарей. Эти цифры, имѣя видъ основательности, пригодны только для проведенія тенденціозныхъ идей; въ существѣ же онѣ совершено ничтожны.

По вышеизложенной причинѣ мы окончательно отказываемся отъ общихъ официальныхъ данныхъ по всей нечерноземной полосѣ и ограничимся лишь мѣлче общими, но болѣе достоверными земскими изслѣдованіями и работами по отдѣльнымъ губерніямъ.

Постараемся опредѣлить по нѣкоторымъ уѣздамъ, хорошо обслѣдованнымъ земствомъ, общій характеръ экономическаго движенія послѣдняго двадцатилѣтія.

Тверская губернія и уѣздъ *. Торговля и потребление усилились значительно; съ 1861 года употребленіе водки удвоилось (въ сосѣднемъ Корчевскомъ уѣздѣ возрасло съ 30 т. ведеръ до 69 т. ведеръ). Городское населеніе удвоилось, а сельское возрасло на 25%. Привимая средній валовой доходъ крестьянскаго двора во 135 руб. отъ земледѣлія и 150 р. отъ промысла и работъ на сторонѣ, повинности же въ 27 руб.

* *Статистическіе матеріалы Тверской губерніи* вып. 4.

75 кол., находимъ что послѣдніа составляютъ 9% съ воловаго дохода. А если брать въ расчетъ не весь доходъ отъ заработковъ, а лишь 40% его, которые за вычетомъ собственнаго содержанія и пр. могутъ быть дѣйствительно привнесены домой, то подати составятъ 14% съ суммы чистаго дохода двора. Въ обоихъ случаяхъ размѣръ податей тяжелый, но конечно не такой который можетъ обезсилить населеніе.

Земскій статистикъ, г. Покровскій, считаетъ что земля обезличиваетъ продовольствіе, а заработки—подати и покупные предметы: вино, соль, желѣзо и лод. При этомъ онъ разчитываетъ потребленіе семьи (за уплатою податей) во 149 руб. или 33 руб. на человѣка въ годъ (9 кол. въ день, считая въ домѣ 2 работниковъ, 2 работницъ и 2 малолѣтнихъ). При этихъ условіяхъ, принимая 250 рабочихъ дней въ году, средній рабочий день оплачивается 27 копѣйками, а мѣсяцъ 5 рублями. Эти данныя относительно земледѣліа приводятъ къ заключенію что доходъ съ земли или превышаетъ стоимость всѣхъ лежащихъ на ней повинностей или по крайней мѣрѣ равняется ей. Вотъ еще нѣсколько данныхъ, показывающихъ степень значенія *средней величины*, а также насколько благосостояніе отдѣльныхъ дворовъ ниже средней величины. На 100 дворовъ приходится: 126 лошадей, 198 коровъ; изъ нихъ 85 дворовъ имѣютъ и лошадей и коровъ, только коровъ имѣютъ 5 дворовъ, только лошадей—4, вовсе не имѣютъ скота 6 дворовъ. Точно также 6% крестьянъ не имѣютъ вовсе домовъ.

Насколько отдѣльная бѣдная волость стоитъ ниже средняго уровня видно изъ слѣдующаго. Въ Васильевской волости на 100 дворовъ приходится 73 лошади, 65 коровъ, 72 штуки мелкаго скота. Всего 70 самостоятельныхъ хозяйствъ, 30 бобылей. На заработки уходитъ 164 человѣка. Земля плохая и ея мало. Развитый здѣсь кузнечный промыселъ плохо кормитъ населеніе. Въ денежномъ оборотѣ постоянный дефицитъ, замѣчается и небольшая убыль населенія, отъ 0,37% до 0,7% въ годъ. Земство помогло этой мѣстности ссудой на устройство артели.

Припомнивъ основной выводъ изъ всѣхъ трудовъ Московскаго и Тверскаго земствъ: въ этихъ губерніяхъ съ очень развитою промышленностію благосостояніе населенія находится въ прямой зависимости отъ состоянія земледѣліа—мы въ правѣ сказать что коренная цѣль Положенія 19 февраля до-

стигнута; сохранивъ крестьянину его обладательство, его землю, законодатель несомненно обезлечивъ возможность дальнѣйшихъ успѣховъ. Что этотъ успѣхъ не только возможенъ, но дѣйствительно достигается даже при существующей податной тягости, это мы видимъ изъ указація тѣхъ же матеріаловъ на массѣ отдѣльныхъ волостей, гдѣ вѣтъ недоимокъ, гдѣ правильно увеличивается количество скота и сильно возрастаетъ число населенія и вся земля обрабатывается; создавая же покупается или вынимается. То же самое замѣчаніе справедливо и относительно отдѣльныхъ домохозяевъ, но такихъ которые не обезсилѣли съ самаго начала, а устояли противъ случайностей и вредныхъ примѣровъ. Несмотря на общее уменьшеніе скота у такихъ домохозяевъ, количество скота возрастаетъ. Такимъ образомъ, слабые двory окончательно падаютъ, а сильные (то-есть такіе у которыхъ въ 1869 году было на примѣръ болѣе одной лошади) растутъ. Если же, несмотря на это обстоятельство, число селеній и домохозяевъ находящихся въ упадкѣ возрастаетъ (на что на примѣръ въ Московской губерніи указываетъ пониженіе въ среднихъ выводахъ), то очевидно что мы должны уяснить себѣ причины вызывающія эти болѣзненные явленія. Начнемъ съ недоимокъ.

Въ своей книгѣ *Крестьянскіе надѣлы и платежи* профессоръ Яковъ говоритъ: „Меньшая цифра недоимокъ не всегда служитъ указаніемъ на большія платежныя средства крестьянъ; она выражаетъ иногда мѣру дѣйствительности тѣхъ средствъ которыми недоимка взыскивается, средствъ которыя почти всегда ведутъ олятъ къ ухудшенію экономического состоянія плательщиковъ.“

Мы полагаемъ что въ этомъ отзывѣ много одностороннаго; гораздо вѣрнѣе сказать такъ: недоимка взятая за одинъ извѣстный срокъ ничего не доказываетъ и можетъ зависть отъ случайности, большей или меньшей строгости взысканія; указаніемъ на болѣзненное экономическое явленіе она можетъ служить лишь когда она хроническая, притомъ степень болѣзни опредѣляется ея размѣромъ и послѣдовательностью ея накопленія.

Что хроничность недоимокъ и ихъ значительный размѣръ составляетъ характеристическую черту русскихъ прямыхъ податей (въ отличіе отъ всѣхъ европейскихъ), въ этомъ легко убѣдиться при сличеніи процента нашей недоимки съ

тѣми какія встрѣчаются въ любомъ европейскомъ государствѣ. Но дабы оцѣнить значеніе этого факта нужно припомнить особенности нашего взысканія податей.

Мірское владѣніе и мірская же раскладка податей даетъ возможность даже тяжелыя подати распределить такъ равномерно и справедливо какъ это не удасть бы даже самому совершенному законодательству. Но за то міръ окончательно безсиленъ въ дѣлѣ взысканія податей, которое устроено у насъ на совершенно чиновничьихъ началахъ. Никому вѣтъ дѣла ни до аккуратнаго поступления податей въ казну, ни до охраненія экономическихъ силъ плательщиковъ. „Очистки“ или отпачіе предъ начальствомъ — вотъ единственный двигатель взысканія. Полное бездѣйствіе, небрежность, лѣнь и даже растраты сборщиковъ, безграмотныхъ, безплатныхъ или худо вознаграждаемыхъ, смѣняются вредною и безобразною дѣятельностью по требованію свыше для того чтобы къ данному произвольному сроку, напримѣръ, концу года подогнать возможно меньшую цифру недоимки. Эти порядки слишкомъ извѣстны всемъ знающимъ русскую деревню, и подробно описывать ихъ не стоить. Кто не видалъ какъ послѣ продолжительнаго затишья внезапно наступаетъ бурный періодъ взысканій: идутъ продажи скота, хлѣба и будущаго труда за безцѣнокъ. Хуже всего то что распоряженія властей находятся вѣрѣдко въ печальномъ взаимодействіи съ операціями скупщиковъ. Кроме того крестьянамъ часто приходится платить двойныя подати, дабы возмѣстить растраты сборщиковъ. Не одна волость или селеніе, а тысячи крестьянскихъ домовъ относятся къ подобной бурѣ начало своего разоренія. Вотъ при этихъ порядкахъ взысканія у насъ и является возможность опредѣлить, какое значеніе имѣетъ данная цифра хронической недоимки: если ежегодное поступленіе платежа выше оклада, т.е. если недоимка продолжаетъ накопляться, то мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ явленіемъ болѣзненнымъ, требующимъ не взысканія, а лѣченія. Но если въ той же мѣстности, при одинаковыхъ надѣлахъ и платежахъ, мы встрѣчаемъ цѣлыя волости гдѣ недоимокъ вѣтъ, тогда очевидно дѣло не въ одной землѣ и не въ однихъ платежахъ.

Сборники Московскаго и Тверскаго земствъ даютъ чрезвычайно обильный матеріалъ для сужденія о томъ чѣмъ съ одной стороны вызываются, усиливаются и чѣмъ съ другой стороны излѣчиваются острия и хроническія недоимки. Возь-

мемъ на примѣръ таблицы недоимокъ Подольскаго уѣзда: онѣ составлены отдѣльно по дворамъ: 1) обрабатывающимъ всю свою землю, 2) часть ея и 3) бросившимъ ее вовсе, изъ нихъ мы ясно усматриваемъ связь болѣзни съ уладкомъ земледѣлія. Съ другой стороны припомнимъ приведенный нами примѣръ имѣнія гжи Костинской: для излѣченія болѣзни достаточно было чтобъ около разоренныхъ крестьянъ устроилось порядочное частное хозяйство, изъ собственной выгоды подержавшее крестьянъ.

Въ *Московскомъ Сборникѣ* мы находимъ очень много примѣровъ какъ описанная система взысканій въ два, три приема окончательно разоряла исправныя дотолѣ селенія, на которыхъ прежде не числилось ни гроша недоимокъ. Случилась падежъ лошадей, задержка въ заработкахъ или просто болѣзнь на людей, хотя бы и безъ случаевъ смерти: подати не заплачены вовремя, продана часть скота; міръ отказался отъ аренды сосѣдней земли, нѣсколько слабыхъ домохозяевъ совсѣмъ бросили землю. Вторая и третья продажи доканчиваютъ дѣло. Очень характеризуетъ наши деревенскіе порядки слѣдующее описаніе службы тѣхъ сельскихъ старостъ на деревняхъ которыхъ числятся недоимки: „Въ старосты на три года выбираютъ, лучше бы прямо въ арестантскія роты. А то въ рабочую пору сиди за недоимщиковъ недѣли двѣ; пришелъ домой—яровое уже отсѣяли, а у тебя не сѣяно. Пришелъ локось—олять сиди; отсидѣлъ—локосились, рожь посѣяли, а у тебя не сѣяно, а тутъ дожди пошли: какъ посидѣлъ старостой, такъ и разорился.“ Притомъ достойна вниманія увертка крестьянъ тѣхъ мѣстностей которыя уже привыкли къ частымъ продажамъ скота: скотъ расписывается принадлежащимъ тѣмъ членамъ семьи (матерямъ вдовамъ) которые не пользуются общественною землею; наконецъ часто оказывается что крестьянину его скотъ вовсе и не принадлежитъ, а состоитъ у него на извѣстныхъ условіяхъ: берутъ корову, за кормъ ея пользуются молокомъ и приплодомъ; въ рѣдкихъ случаяхъ за это пользованіе приплачиваютъ за прокаты.

Заимствуемъ изъ II тома *Сборника* таблицу содержащую данныя относительно количества скота, процента бросившихъ хозяйство крестьянъ, расхода на отолленіе и недоимокъ, по отдѣльнымъ уѣздамъ и разрядамъ крестьянъ Московской губерніи.

Свѣдѣнія по Московской губернии о размѣрѣ недоимокъ, количествѣ земли, платежей и скота по отдѣльнымъ разрядамъ крестьянъ разныхъ уѣздовъ.

УѢЗДЪ И РАЗРЯДЪ КРЕСТЬЯНЪ.	Число всѣхъ домохозяйствъ, % бросивш. земельныя.		На душу земли десят.	Скота на 100 дворовъ.			Расходъ на отопление двора.		Платежа.		Недоимокъ.	
	Число всѣхъ домохозяйствъ.	% бросивш. земельныя.		Лошад.	Коровъ.	Молов.	Р.		К.		На душу.	
							Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
<i>Подольскій.</i>												
Государств.	2.896	15,7	4,2	82	96	186	3	—	9	60	3	—
Помѣщ. собств.	6.764	19,8	3	90	115	179	8	—	11	60	7	40
Полныя собствени.	854	8,7	3	75	86	98	5	—	5	—	—	—
<i>Серпуховской.</i>												
Государств.	4.068	15	3,3	84	96	201	3	—	8	6	1	18
Помѣщ. собствени.	5.248	15,6	2,9	82	87	180	6	—	12	—	5	90
Полныя собствени.	2.365	16	2,2	65	81	186	ничего		4	70	нѣтъ	
<i>Верейскій.</i>												
Государств.	2.399	16,5	4,2	113	164	201	ничего		8	80	1	—
Помѣщ. собствени.	4.821	21	3,7	98	174	310	4	—	12	40	1	93
<i>Рузскій.</i>												
Государств.	3.970	8,4	3,6	110	148	235	6	—	8	70	1	36
Собствени. изъ помѣщ.	6.982	14,5	3,2	92	111	246	6	—	12	40	4	85
Полныя собствени.	40	3	2,3	120	200	235	нѣтъ		6	60	нѣтъ	
<i>Звенигородскій.</i>												
Государств.	6.843	12,6	3,2	88	112	186	4	—	9	—	—	44
Собствени. изъ помѣщ.	5.527	16,6	2,8	85	90	196	5	—	12	—	1	47
Полныя собствени.	100	4	2,3	60	66	143	5	—	4	—	—	25
<i>Могайскій.</i>												
Государств.	2.612	9,9	3,9	102	128	225	7	—	8	—	3	54
Собствени. изъ помѣщ.	5.904	12	3,9	95	121	218	8	—	12	—	13	80
Полныя собствени.	213	0,4	6,6	137	174	415	нѣтъ		5	—	1	20

Средній размѣръ недоимки на десятину по уѣздамъ на все количество крестьянской земли.

	Р.	К.
Верейскій	—	25
Звенигородскій	—	37
Рузскій	1	1
Серпуховской	1	5
Подольскій	1	73
Могайскій	2	56

Внимательный разборъ данныхъ этой таблицы, равно какъ и другихъ данныхъ *Сборника*, приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Сумма недоимки (кромя одной волости Можайскаго уѣзда и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, совершенно разорившихся селеній) вездѣ значительно ниже стоимости скота крестьянъ.

2) Недоимки и количество скота на дворъ гораздо болѣе измѣняются по отдѣльнымъ уѣздамъ чѣмъ по разрядамъ крестьянъ въ томъ же уѣздѣ.

3) Связь размѣра недоимокъ съ количествомъ платежа съ души вездѣ рельефно обнаруживается; но если принять во вниманіе почти равное количество скота у крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ-собственниковъ, и меньшее даже количество его у полныхъ собственниковъ, то мы увидимъ что изъ болѣе низкихъ платежей нельзя еще заключать о благосостояніи.

4) Громадный размѣръ недоимокъ по Можайскому уѣзду не объясняется ничѣмъ кромя неумѣренныхъ аукционовъ скота, истощившихъ населеніе.

5) Существованіе значительныхъ недоимокъ у государственныхъ крестьянъ Подольскаго и Можайскаго уѣздовъ при значительно меньшихъ платежахъ чѣмъ у крестьянъ собственниковъ Верейскаго и Звенигородскаго уѣздовъ, которые сверхъ того несутъ большія издержки по отолженію и имѣютъ гораздо меньшіе надѣлы, доказываетъ что меньшій платежъ не служитъ гарантіей этихъ недоимокъ, а также то (Московскіе изслѣдователи доказываютъ это чуть ли не на каждой страницѣ) что главное дѣло въ исправномъ состояніи земледѣлія: это самая надежная гарантія и правильнаго поступления платежей и благосостоянія населенія.

Говоря о недоимкахъ мы не можемъ не упомянуть о замѣчательномъ статистическомъ изслѣдованіи Г. И. Вильсона о выкупныхъ платежахъ. Это изслѣдованіе, значительный отдѣлъ котораго посвященъ недоимкамъ, отличается свойствами весьма рѣдкими въ трудахъ послѣдняго времени. Снабженная картой наглядно показывающею выводы автора, статья эта легко резюмируется въ нѣсколькихъ ясныхъ тезисахъ; самая работа сдѣлана по документамъ изъ первыхъ рукъ: въ ней не встрѣчаются на правахъ матеріала разказы или показанія людей которые сами не знаютъ дѣла.

Вотъ главнѣйшіе выводы этой статьи по оцѣнкѣ надѣловъ и недоимкамъ:

Выкупная стоимость десятины представляетъ отношеніе выкупной стоимости душеваго надѣла къ размѣру послѣдняго, а такъ какъ выкупная стоимость душеваго оброка определена безъ отношенія къ цѣнности и доходности земли, то и выкупные платежи носятъ характеръ подушныхъ платежей, вслѣдствіе чего неравномѣрны по мѣстностямъ и не согласены съ платежными средствами крестьянъ.

Несмотря на такіе недостатки условій выкупа, которые неизбежно обнаружались въ большей или меньшей цифрѣ недоимокъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ, въ общемъ результатъ выкупная операція можетъ быть признана весьма успѣшною, такъ какъ въ теченіе 15ти лѣтъ только 4⁰/₁₀₀ слѣдовавшей суммы платежей осталось въ недоимкѣ и притомъ ³/₄ всей недоимки падаетъ на относительно небольшую группу мѣстностей.

Поступленіе платежей шло успѣшнѣе въ послѣдніе годы чѣмъ въ началѣ выкупной операціи: въ общихъ итогахъ за послѣднее шестилѣтіе по многимъ губерніямъ возрастаніе недоимокъ было въ меньшихъ размѣрахъ чѣмъ въ началѣ, а въ иныхъ даже поступленіе соответствовало суммѣ оклада и иногда превышало его.

Несмотря на этотъ благопріятный результатъ выкупной операціи нельзя не обратить серьезнаго вниманія на положеніе тѣхъ мѣстностей въ которыхъ наколеніе значительныхъ недоимокъ явно указываетъ на несоответствіе оклада платежей платежнымъ средствамъ крестьянъ и въ которыхъ недоимки будучи безнадежнымъ долгомъ казнѣ лежатъ тяжелымъ бременемъ на крестьянскомъ хозяйствѣ и тормозятъ возможные его успѣхи.

Причины недоимокъ мы можемъ раздѣлить на два рода: однѣ коренятся въ условіяхъ выкупа, т.-е. для иныхъ мѣстностей, вслѣдствіе ихъ недостаточной экономической состоятельности (отъ дурныхъ климатическихъ и косвенныхъ условій, недостатка въ заработкахъ и т. д.) выкупные платежи слишкомъ высоки; другія причины временныя, и въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ неурожаи. Неурожаи, даже въ самыхъ благопріятно обставленныхъ мѣстностяхъ, всегда внесетъ за собою недоимку, погашеніе которой является двоякомъ труднымъ и требующимъ продолжительнаго времени.

Несмотря на накопленіе недоимки, поступленіе платежей обезличивало въ продолженіе 15лѣтняго періода размѣръ производимыхъ изъ нихъ расходовъ.

Въ поясненіе этихъ выводовъ слѣдуетъ сказать что въ распоряженіи Государственнаго Казначейства остается постоянный остатокъ по выкупной операціи около 38 милл. рублей. Этотъ остатокъ постоянно возрастаетъ, и потому такъ какъ поступленіе почтѣ совпадаетъ съ окладомъ (въ ожиданіи тѣхъ недоимокъ и самый платежъ выкупной ссуды назначенъ на 49 лѣтъ вмѣсто 37), находящійся вывѣ остатокъ вполнѣ безопасно могъ бы быть употребленъ на облегченіе платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ они чрезмѣрны, или еще лучше на кредитныя пособія крестьянамъ, которыя при условіи правильной выдачи значительно увеличатъ ихъ платежныя средства.

II. Черноземная полоса.

Состояніе земледѣлія черноземной полосы князь Васильчиковъ описываетъ такъ: глубокой черноземъ, въ среднемъ выводѣ достаточное надѣленіе крестьянъ, хотя у государственныхъ значительно болѣе, у помѣщичьихъ менѣе средняго. * Весь край находится въ положеніи переходномъ отъ залежной системы, соответствующей вкусамъ и традиціямъ населенія, къ трехпольной, вызванной необходимостью. Недостатокъ покосовъ и крайне неравномерное распредѣленіе земледѣльческихъ работъ,—вотъ главные недостатки края: послѣ ярового посѣва, то-есть отъ мая до уборки озимыхъ время не занято или занятіе крайне недостаточное. Населеніе старается найти занятія на сторонѣ, ухода на заработки; въ общемъ выводѣ производительность со времени освобожденія очень успалась, засѣваемая площадь увеличилась; возвысились продажныя, арендныя цѣны земель и цѣны работы. Надо опасаться истощенія производительности. Стелную полосу (куда онъ совершенно правильно относитъ Самарскую, Астраханскую, Уфимскую, Оренбургскую и стелное пространство къ востоку отъ Урала и къ югу отъ Кавказа; съ меньшимъ основаніемъ онъ сюда относитъ всю Саратовскую и часть

* Неудовлетворительно положеніе крестьянъ получившихъ мизшія, а также даровой (сиротскіи) надѣлы.

Пемзенской) князь Васильчиковъ признаетъ колоніальными, не заселенными окончательно землями. Здѣсь преобладаетъ крестьянское владѣніе, обработка владѣльческихъ земель преимущественно сдачею крестьянамъ за деньги. Болѣзненное явленіе сдачи крупнымъ сѣмщикамъ—прландскій порядокъ, при которомъ сѣмщики наживаютъ большіе барыши насчетъ земледѣльцевъ и владѣльцевъ и главнымъ образомъ въ ущербъ производительности почвы.

Новороссійскій край отличается значительнымъ возвышеніемъ цѣнъ земель послѣ освобожденія и особенно высокими цѣнами работы вслѣдствіе сильнаго перевѣса помѣщичьей земли надъ крестьянскою; для уборки приходится масса рабочихъ изъ густонаселенной черноземной полосы, частью изъ Смоленской губерніи. Въ отвѣтъ на жалобы владѣльцевъ объ упадкѣ земледѣлія, князь Васильчиковъ замѣчаетъ что едва ли можно вѣрить чтобы сельское хозяйство падало въ странѣ гдѣ продажныя и арендныя цѣны утроились въ 12 лѣтъ.

Въ Малороссіи раздаются всеобщія жалобы на невыгодность хозяйства, владѣльцы оставляютъ себѣ небольшія полосы подъ самыми цѣнными и самыми истощающими почву посѣвами льна и табаку, остальное же сдаютъ въ аренду Евреямъ или по мелочи казакамъ. Недостатокъ луговъ и пастбищъ сказывается здѣсь какъ и въ черноземной Великорусской полосѣ и вызываетъ высокую плату за пастбу скота. Арендныя цѣны долгосрочныхъ арендъ высоки, заработная плата низка.

Выводъ князя Васильчикова что усиленный отлукъ хлѣба и громадное возвышеніе арендныхъ и продажныхъ цѣнъ земли не даютъ возможности предполагать упадка и разстройства земледѣлія, находитъ сильнаго оппонента въ лицѣ г. Неручева (*Землеуладніе и Земледѣліе*, 1877 года); онъ рисуетъ намъ очень мрачными красками положеніе крестьянъ черноземныхъ частей Тульской и Орловской губерній: продажа зеленей, наемъ впередъ на работу по баснословно дешевымъ цѣнамъ, остановка крестьянами, вслѣдствіе необходимости прокормиться, транспортовъ хлѣба запродаваемыхъ помѣщикомъ въ городъ, продажа и уменьшеніе скота у крестьянъ. Не отрицая увеличенія производительности и вывоза со времени уничтоженія крѣпостнаго права, онъ видитъ въ высокой и убыточной для крестьянъ цѣнѣ подешатнаго найма земель препятствіе къ улучшенію хозяйства, такъ какъ пра-

выпавшая арендная система невыгодна, а существующая истощает почву и мѣшаетъ всякому улучшенію. Къ числу болѣзненныхъ признаковъ современнаго положенія земледѣлія въ черноземныхъ губерніяхъ онъ относитъ и громадное предложеніе продажи имѣній ихъ владѣльцами, то-есть людьми всего ближе знающими ихъ дѣйствительную стоимость. Къ сожалѣнію, относительно черноземныхъ губерній у насъ нѣтъ такихъ обстоятельныхъ статистическихъ матеріаловъ какъ на примѣръ работы Тверскаго и Московскаго земства. Не должно забывать что до желѣзныхъ дорогъ многія мѣстности частью по недостатку рабочихъ и еще болѣе по недостатку путей сбыта для хлѣба были вынуждены вести залежное, ластбищное хозяйство; желѣзныя дороги открыли сбытъ хлѣбу; открытіе дороги въ странѣ не имѣвшей сбыта всегда сопровождалось распродажей старыхъ запасовъ и усиленіемъ посѣвовъ; залежи стали вводить въ правильный трехпольный сѣвооборотъ; скотоводство оттѣснилось въ болѣе отдаленные края. У крестьянъ залежная система держится иногда долѣе вслѣдствіе желанія сѣять одну пшеницу, бываетъ что для введенія ржи и трехпольнаго сѣвооборота нуженъ суровый урокъ голода, какъ случилось въ Самарской губерніи: рожь несравненно ровнѣе пшеницы въ своихъ урожаяхъ, она менѣе страдаетъ отъ засухи, посѣвы ея, крайне непопулярные между крестьянами Самарской губерніи до голода, теперь завяли тамъ надежащее мѣсто.

Если послѣ совершившихся измѣненій мы взглянемъ на распредѣленіе земли въ черноземѣ, намъ представится слѣдующее: распространяющаяся вырубка лѣсовъ (желѣзныя дороги имѣли въ этомъ отношеніи сильное и вредное вліяніе) увеличила, при расчисткѣ, количество лѣхотной земли, но та же вырубка еще болѣе увеличила количество совершенно бездоходныхъ неудобныхъ земель. Почти вездѣ вырубленные мѣста не заростають вновь, чему виною повсемѣстная ластьба скота по вырубкамъ (исключеніе составляютъ лишь казенныя и удѣльныя дачи и весьма немногія помѣщичьи, гдѣ введена правильная рубка). Годныя для земледѣлія вырубкі не рѣдко остаются нерасчищенными вслѣдствіе недостатка капитала у помѣщиковъ и малой энергіи труда у крестьянъ. Вырубкі въ мѣстахъ негодныхъ подъ лѣшью: по крутымъ склонамъ, лесчавымъ гористымъ мѣстамъ, оказываютъ вредъ своего рода: каждое таяніе сѣговъ, каждый ливень,—а со вре-

мени вырубки лѣсовъ они стали гораздо сильнѣе,—смываютъ лесокъ и негодную землю съ вырубокъ и крутыхъ скатовъ на всю окрестную лашню; прежніе овраги рѣшительно недостаточны для спуска болѣе неправильно скатывающихся водъ, такимъ образомъ количество неудобныхъ земель ежегодно возрастаетъ. Размѣры лашни и особенно посѣвовъ возрастаютъ распашкой луговъ, ластбищъ и вырубокъ, переходомъ отъ залежной системы къ трехпольной, но рядомъ возрастаетъ общій процентъ бездоходныхъ, неудобныхъ мѣстъ. Относительно урожайности у насъ положительно не достаетъ данныхъ для точныхъ заключеній. Принимая въ соображеніе что въ предѣлахъ русскаго чернозема есть мѣста которыя значительно болѣе 100 лѣтъ воздѣлываются безъ удобренія и не показываютъ признаковъ истощенія, что таблицы урожаяевъ отдѣльныхъ имѣній за много лѣтъ указываютъ громадную разницу урожаяевъ по годамъ и нечувствительныя разницы по десятилѣтіямъ, мы невольно приходимъ къ народной поговоркѣ: „Не земля, а небо кормить.“ По существующимъ условіямъ плохой обработки урожай здѣсь всего болѣе зависитъ отъ случайностей погоды, своевременности дождей и проч.

Переходя къ отношеніямъ хозяевъ и рабочихъ, нельзя не признать что отношенія эти здѣсь, да и не здѣсь только, ненормальны. Наемка рабочихъ съ выдачей денегъ впередъ по баснословно дешевымъ цѣнамъ, очень частыя нарушенія условій, несообразныя возвышенія цѣвъ во время жатвы, доходяція иногда до того что крестьянамъ выгоднѣе наняться на уборку чужаго хлѣба, оставляя свой не убранымъ,—вотъ обычные наши явленія. Въ *Вѣстникѣ Европы* * мы находимъ очень живой очеркъ существующихъ отношеній по найму рабочихъ: каждый человекъ знающій русскую деревню признаетъ что это списано съ натуры. Эти отношенія сводятся на взаимный обманъ: крестьянинъ вслѣдствіе нужды беретъ исполнить по невозможно дешевымъ цѣнамъ гораздо болѣе работъ чѣмъ онъ въ состояніи исполнить. Приходитъ время исполненія, онъ увлекается существующею высокою цѣной и не исполняетъ работъ условленныхъ, а нанимается къ другимъ лицамъ.

Въ результатъ является масса исковъ, продажа имущества, и невозвратимый убытокъ лицъ давшихъ деньги впередъ.

* Сентябрь, 1878 годъ, *Деревенскіе Дѣльцы*.

По поводу этихъ отношеній, очень у насъ распространенныхъ, у Мекензи Уоллеса мы находимъ очень вѣрное замѣчаніе. Онъ говоритъ что есаубы фермеръ въ Англіи вздумалъ оплачивать работы не тогда когда онѣ исполняются, а давать деньги рабочимъ за годъ впередъ, то онъ бы разорился и никто бы ему не сдалъ фермы.

Порядокъ этотъ извращаетъ всѣ цѣны и отнимаетъ всѣ данныя для правильныхъ выводовъ. Въ извѣстномъ околоткѣ сдается житво, положимъ 50.000 десятинъ, которое потребуетъ отъ 300—450 тысячъ рабочихъ дней. Пусть 40 тысячъ десятинъ сданы зимой съ выдачей денегъ впередъ, тогда ко времени житва дѣло представится въ такомъ видѣ: если урожай дурной, то въ накладѣ будутъ маявшіе впередъ—лѣтняя цѣна житва будетъ та же что выданная впередъ или и менѣе, и останется еще избытокъ свободныхъ рукъ; но если урожай хорошъ, то предложеніе рукъ окажется недостаточнымъ, вслѣдствіе болѣе сильной работы на крестьянскихъ посѣвахъ, и владѣльцы остальныхъ 10 тысячъ десятинъ вынуждены давать высокія цѣны чтобы привлечь къ себѣ рабочую силу; такъ цѣна подымается и становится въ два или три раза выше зимней наемки; это побуждаетъ большое число крестьянъ не исполнять свои договоры; это въ свою очередь возбуждаетъ новое требованіе на рабочихъ, и какъ мы уломинали, иногда возвышеніе останавливается лишь когда цѣны достигли до того размѣра что побуждаютъ крестьянъ бросать уборку своихъ полей. Когда такимъ образомъ оказывается что цѣны на житво были десятина ржи 2 руб. 50 коп. зимой и отъ 5 до 20 руб. лѣтомъ, то какую же цѣну слѣдуетъ признать нормальною, правильною? Появно что есаубы цѣны складывались при правильныхъ условіяхъ, состоялась бы цѣна сообразная условіямъ рынка, положимъ отъ 3 рублей до 7 рублей, и тогда не было бы повода ко взаимнымъ неудовольствіямъ; появно что вычисленіе взаимныхъ убытковъ правильно можетъ быть сдѣлано лишь сравненіемъ съ такими нормальными цѣнами. Но не такъ ображаютъ заинтересованныя стороны: крестьянинъ считаетъ что онъ потерпѣлъ убытокъ, если исполнилъ обязательство, на всю разность между 2 руб. 50 коп. съ десятины, до высшей цѣны какая была; владѣлецъ высчитываетъ всю разность какую ему пришлось переплатить противъ зимней наемки; не нужно забывать что неисполненіе крестьянами условій дале-

ко не всегда происходитъ отъ злой воли: въ весьма значительномъ числѣ случаевъ когда между выдачей денегъ и исполненіемъ договора протекаетъ почти годъ — измѣнились рабочія силы семьи и исполненіе является или физически невозможнымъ или сопряженнымъ съ разореніемъ собственнаго хозяйства; наконецъ за недостаткомъ доступныхъ кредитныхъ учрежденій для крестьянъ, заборъ денегъ подъ будущую работу является вынужденнымъ займомъ за высокой лихвенный процентъ въ виду предстоящихъ случайностей.

Внимательное наблюденіе подобныхъ отношеній доказываетъ что усилія разумнаго хозяйственнаго и административнаго управленія должны быть направлены къ развитію мелкихъ кредитныхъ учрежденій, которыя отвѣсили бы эти наймы впередъ въ принадлежащую имъ область ростовщическихъ сдѣлокъ, доставляющихъ дорогой необезпеченный кредитъ тѣмъ кто недостойнъ правильнаго кредита; далѣе, признаніе обмача въ тѣхъ случаяхъ когда трудъ за одно и то же время продается разнымъ лицамъ много поможетъ восстановленію правильности отношеній; правильными же мы считаемъ лишь тѣ наймы которые совершаются тогда когда договаривающіяся стороны заключаютъ сдѣлку въ виду извѣстнаго уже урожая.

Мірскія ручательства, наемъ артели—вотъ средства выработанныя практикой, которыя съ успѣхомъ ограждаютъ многія хозяйства отъ ухода рабочихъ. Не мало помогли бы и законодательныя мѣры относительно помѣщенія и лица рабочихъ, если будетъ возможность дѣйствительно наблюдать и лобуждать къ исполненію закона; къ сожалѣнію и законы крайне недостаточны, а уже наблюденіе за ихъ исполненіемъ черезъ полицейскую власть никуда не годно. Въ этомъ отношеніи уходъ, нежеланіе рабочихъ жить при слишкомъ дурной обстановкѣ является иногда незаконнымъ, но спасительнымъ средствомъ удерживающимъ содержаніе рабочихъ въ терлимыхъ предѣлахъ. Впрочемъ въ черноземной полосѣ вездѣ лица наемныхъ рабочихъ лучше, сытѣе той которую тѣ же рабочіе употребляютъ дома.

Въ черноземной полосѣ на помѣщичьихъ земляхъ до настоящаго времени преобладаютъ слѣдующія системы хозяйства:

1) Исполная, господствовавшая почти повсемѣстно послѣ освобожденія, нынѣ по большей части вытѣсняется болѣе выгодными для помѣщиковъ системами.

2) Сдача за деньги земли крестьянамъ очень распространена, ибо не требуетъ никакого капитала отъ помѣщика и почти не знаетъ риска. Выгодность и невыгодность ея опредѣляется сдаточною цѣной, находящеюся въ сильнѣйшей зависимости отъ густоты земледѣльческаго населенія.

3) Наемъ крестьянъ съ ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями на десятидневную обработку въ пользу владѣльца. Эта система, самая выгодная для помѣщиковъ, связана съ ростовщическою выдачею денегъ впередъ.

Довольно рѣдко встрѣчается исключительно одна изъ этихъ системъ; по большей части онѣ встрѣчаются рядомъ всѣ. Обыкновенно впередъ нанимаютъ крестьянъ для обработки всего количества земли какое они возьмутъ; остальное сдается имъ исполу или за деньги внайма; не малое количество земли обрабатывается крестьянами за ластбище, то-есть за право ласта на паровомъ полѣ, а въ другихъ мѣстахъ за нѣкоторыя мелкія лѣсные пользованія.

Въ результатѣ всѣ эти способы эксплуатаціи земли даютъ довольно значительный чистый доходъ при очень незначительныхъ затратахъ и при полномъ невниманіи къ производительности земли. Удобреніе земли на черноземѣ не вездѣ нужно; тамъ же гдѣ оно нужно, далеко не вездѣ употребляется, а тамъ гдѣ навозъ уже и вывозится, почти нигдѣ онъ не производится въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Источникъ его—деревни, а средства вывозки въ поле—крестьянская работа зимой.

Состояніе хозяйства на крестьянскихъ надѣлахъ мало отличается отъ средняго его уровня въ помѣщичьихъ земляхъ обрабатываемыхъ какъ сейчасъ указано.

Что касается надѣловъ и выкупа, то въ матеріалахъ комиссіи сельскаго хозяйства находимъ длинный перечень черноземныхъ губерній гдѣ размѣръ выкупа значительно ниже стоимости земли. На то же указываютъ многочисленные сдѣлки о выкупѣ съ дополнительнымъ платежомъ. Не такъ было дѣло при обнародованіи Положенія. На измѣненіе обстоятельствъ имѣли вліяніе: возвышеніе налоговъ, вздорожаніе лѣса, земли и заработковъ.

Увеличеніе цѣнности земли и заработковъ проявилось повсемѣстно, но въ особенности вблизи желѣзныхъ дорогъ, подъ ихъ вліяніемъ. Однимъ изъ общихъ мѣстъ нашей либеральной литературы стало доказывать что желѣзныя дороги выгодны только для крупныхъ собственниковъ и торговцевъ, но не для крестьянъ.

Это очевидная натяжка; возвышеніе стоимости работы и хлѣба уже несомнѣнно выгодно крестьянамъ, такъ какъ всегда, кромѣ исключительна неурожайныхъ годовъ, черноземный крестьянинъ есть продавецъ своего хлѣба и труда.

Возвышеніе цѣны земли оказываетъ два разныя взаимно уравновѣживающіяся вліянія. Какъ владѣлецъ земли, крестьянинъ выкулая ее по цѣнамъ отъ 30—40 рублей за десятину, находится въ выгодѣ. Но съ другой стороны, онъ свимааетъ и гдѣ можно покупаетъ землю, и въ этомъ отношеніи ловышеніе наемной и покупной стоимости земли, непропорціональное съ возвышеніемъ цѣны хлѣба, ему невыгодно. Наемныя цѣны земли и цѣны труда могутъ доходить до того что крестьянинъ лишается всѣхъ выгодъ дешеваго выкула надѣла.

Нельзя отрицать что въ общемъ выводѣ въ черноземной полосѣ крестьяне, по непривычкѣ къ денежному хозяйству, по экономической неразвитости, вообще весьма легко поддаются вліянію всѣхъ невыгодныхъ экономическихъ условій и совершенно не умѣютъ пользоваться благоприятными для себя условіями. Но тѣмъ не менѣе въ общемъ уже конечно нельзя допустить общаго упадка благосостоянія крестьянъ. Кромѣ нашихъ личныхъ наблюденій мы сошлемся на отзывъ г. Чаславскаго (*Мат. комм. для изслѣдованія сельскаго хозяйства* стр. 80), объѣхавшаго многія губерніи черноземной полосы.

На общій вопросъ: улучшилось или ухудшилось здѣсь положеніе крестьянъ; приходится отвѣтить: гдѣ улучшилось, гдѣ ухудшилось; въ общемъ теперь можно даже констатировать небольшое улучшеніе, но въ будущемъ могутъ грозить немалыя опасости, если для отвращенія ихъ не будутъ приняты мѣры.

Надѣлъ достался крестьянину дешевле дѣйствительной стоимости земли *, выкупной платежъ нигдѣ не поглощаетъ половины продукта, между тѣмъ таково было основаніе крепостнаго порядка.

Но непривычный ни къ денежному хозяйству, ни къ разнообразію занятій, черноземный крестьянинъ послѣ освобожденія оказался поставленнымъ въ положеніе неспособной ему экономической борьбы. Чѣмъ дешевле ему достался надѣлъ, тѣмъ болѣе заставляли его платить за наемъ земли и тѣмъ

* Дежавшая на немъ тяжесть облегчалась.

дешевле продавать свой трудъ чтобы получить деньги въ то время когда онѣ ему нужны.

Положеніе черноземныхъ крестьянъ, помѣтно, далеко неодинаково: крестьяне получившіе дарственный надѣлъ находятся въ плохомъ положеніи, во многомъ зависящемъ еще и отъ того какими землями они окружены: въ имѣніяхъ крупныхъ владѣльцевъ, окруженные на десятокъ верстъ землями своего бывшаго владѣльца, они въ полной зависимости отъ владѣльческой конторы. Тамъ гдѣ „дарственные“ крестьяне окружены землями многихъ владѣльцевъ, гдѣ недорого вблизи сдаются удѣльные или казенные участки, тамъ положеніе ихъ бываетъ не дурно; гораздо хуже положеніе крестьянъ получившихъ низшіи надѣлы, но таковыхъ вообще немного.

Несомнѣнно однако что всѣ эти крестьяне никакъ не могутъ считаться окончательно устроенными и что ими придется еще заняться правительству и земствамъ.

Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ на полномъ надѣлѣ значительно лучше: послѣ сказаннаго выше мы не считали бы нужнымъ на этомъ останавливаться, еслибы не находился въ рѣзкомъ развогласіи съ ученымъ сочиненіемъ петербургскаго профессора г. Янсона, которое нерѣдко цитруется у насъ почти какъ Евангеліе. Профессоръ Янсонъ говоритъ: „едва ли впрочемъ не вѣзмъ помѣщичьимъ крестьянамъ черноземной трехполосной полосы было легче въ среднемъ выводѣ при крѣпостномъ правѣ“. Нѣсколько строкъ выше говорится: „при крѣпостномъ правѣ... когда помѣщикъ платилъ за нихъ подати“ и т. д. Еще страницей выше г. Янсонъ восклицаетъ: „чѣмъ положеніе черноземнаго крестьянина лучше новгородскаго?“ Это восклицаніе заключаетъ собою длинное разсужденіе о недостаточности размѣра крестьянскихъ надѣловъ въ три и три съ половиною десятины.

Относительно первыхъ двухъ выписокъ мы скажемъ только что общее основаніе крѣпостнаго права на черноземѣ было трехдневная барщина и обработка земли помѣщику въ количествѣ не меньшемъ отведеннаго подъ крестьянскій надѣлъ; подати если и вносили въ казначейство помѣщикъ, то платили ихъ все-таки крестьяне. Затѣмъ вотъ расчетъ по крѣпостному праву для надѣла отъ трехъ съ половиною до четырехъ десятинъ: одна десятина въ годъ на душу или въ посѣвѣ двѣ десятины. Такъ какъ помѣщику улачивалось обработкой равнаго или большаго про-

стравства земли, то это равняется испольной работѣ при улатѣ половинной продукта за землю. Считаая средній урожай за исключеніемъ сѣмевъ * сорокъ пудовъ съ десятины, а съ двухъ восемьдесятъ пудовъ, и цѣна пудъ по сорока колѣвекъ, получимъ 32 рубля. При крѣпостномъ правѣ 16 рублей улачивалось работой помѣщику, теперь выкупной платѣжъ 7 руб. 20 колѣвекъ. Что же касается того что профессоръ Янсонъ не понимаетъ чѣмъ положеніе новгородскаго крестьянина хуже черноземнаго, то мы просили бы его разъяснить, лоятвно ли ему чѣмъ положеніе человѣка владѣющаго имуществомъ стоящимъ вдвое или болѣе противъ его долговъ лучше положенія человѣка имѣющаго долги вдвое превышающіе стоимость его имущества. Таково однако положеніе людей между которыми г. Янсову не удалось замѣтить разницы. Всего рельефнѣе эта разница представляется при даровомъ надѣлѣ, который справедливо считается невыгоднымъ для черноземнаго крестьянина и конечно былъ бы благодареніемъ для новгородскаго. Другіе разряды крестьянъ черноземныхъ, удѣльные и государственные, находятся еще въ лучшемъ положеніи; здѣсь если крестьянинъ оставляетъ свой надѣлъ, то на немъ не только не остается податей и повинностей, но при сдачѣ надѣла самымъ невыгоднымъ образомъ кулакамъ, онъ получаетъ довольно значительный доходъ.

Въ извѣстныхъ намъ случаяхъ сдачи, всѣхъ податей и повинностей съ надѣла сходить около восьми рублей; арендная цѣна которую охотно даютъ кулаки и которая значительно ниже дѣйствительной—20 рублей **; такимъ образомъ крестьянскій дворъ не занимающійся хлѣбопашествомъ является собственникомъ аренднаго дохода въ тридцать шесть рублей въ годъ. Конечно и здѣсь легко доказывать что эти тридцать шесть рублей не покрываютъ всѣхъ потребностей крестьянина, но полагаемъ что новгородскій крестьянинъ не отказался бы отъ такого необезпеченнаго положенія.

Возгласы подобные приведеннымъ выше тѣмъ и неумѣстны что вмѣсто разъясненія дѣла его затемняютъ и тѣмъ приносятъ прямой вредъ тому населенію которому (на словахъ по крайней мѣрѣ) желается привести пользу.

* Всякій знающій черноземъ признаетъ этотъ урожай умереннымъ; встрѣчается 150—200 пудовъ съ десятины.

** Или улачивая подати даетъ еще по 12 рублей въ годъ верховъ.

Предпринимая реформу на всемъ пространствѣ Россіи, пользуясь трудами образованнаго меньшинства дворянства сочувствовавшего реформѣ, нельзя было достигнуть результатовъ настолько безошибочныхъ чтобы не потребовалось никакого добавленія, никакой поправки. Быть миллионноу людей не упрочивается почеркомъ пера столь безловоротно чтобы послѣ 19 лѣтъ жизни при новыхъ условіяхъ не оказались и пробѣлы закона, и новые вопросы выдвинутые измѣнившимися экономическими условіями. Въ странахъ имѣющихъ счастье обладать серіозною интеллигенціей, этотъ неизбежный фактъ не могъ бы вызывать затрудненій. Люди смотрящіе на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія однаково серіозно относились бы къ дѣлу; затрудненія устранялись бы самою жизнью. Относясь съ уваженіемъ къ работѣ сдѣланныхъ свое дѣло въ изданномъ законѣ—новые дѣятели нашли бы для себя дѣло болѣе достойное чѣмъ возгласы что народу данъ камень вмѣсто хлѣба, и послѣдующая работа шла бы также спокойно какъ предыдущая.

У насъ къ сожалѣнію все идетъ иначе. Мы сильны лишь въ беспощадной, порой бессмысленной критикѣ; поработать спокойно, усидчиво, не наше дѣло; выработали мы себѣ нѣсколько милыхъ изреченій въ родѣ: „Порвалась дѣль великая однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“ и вотъ съ этимъ-то легкимъ багажемъ, да съ вѣрой въ общинное владѣніе, мы чувствуемъ себя готовыми, требуемъ новой ломки, новой радикальной реформы.

А право стоить взглянуть съ какимъ скромнымъ заласомъ фактовъ и мыслей предпринимаются подобные смѣлые походы. Не даромъ нашъ сатирикъ изобрѣлъ „цивилизацию безъ азбуки“. Часто приходится всланивать о ней читая статьи и проекты по аграрному вопросу. Исполнилась реформа: громадный процентъ населенія сталъ собственникомъ; почти во всей черноземной полосѣ эта собственность досталась населенію значительно ниже ея настоящей стоимости. Но стоить ли останавливаться на такихъ пустякахъ; долой все—зачѣмъ продолжаетъ существовать личное владѣніе? зачѣмъ надѣль не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей крестьянъ? Возвратимся къ книгѣ г. Янсона. На 120 страницъ ученый настоятельно требуетъ „измѣненія поземельныхъ отношеній“, говоря что это гораздо нужнѣе податной реформы. Другой профессоръ, г. Постниковъ, прочитавъ книгу г. Янсона, заявля-

еть что „всякій читавшій эту книгу долженъ безусловно согласиться что податная система наша и аграрное законодательство не могутъ оставаться въ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для настоящаго и будущаго поколѣнй“, и даѣе что книга г. Явсона доказываетъ де самымъ убѣдительнымъ образомъ въ какой мѣрѣ надѣленіе землей крестьянъ нашихъ было недостаточно.

Послѣ столь рѣзкихъ заявленій можно счесть весьма скромными заключенія изложенныя на 158 страницѣ книги г. Явсона. Указываются слѣдующія мѣры:

1) Воспользоваться переоброчкой въ 1881 году для уравненія повинностей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ со средствами крестьянъ.

2) Переселенія.

3) Устройство для крестьянъ дешеваго кредита для покупки тѣхъ земель которыя „въ будущемъ придется снимать за дорогую цѣну“.

4) Пересмотръ выкупной операціи для возможнаго облегченія платежей.

5) Податная реформа.

Первая изъ этихъ мѣръ благоразумно отложена правительствомъ; условіе ея по программѣ г. Явсона представлялось очевидною невозможностью; переоброчка же согласная съ Положеніемъ была бы невыгодна для крестьянъ и послужила бы лишь несправедливою преміей для тѣхъ помѣщиковъ которыя улобно избѣгали окончательнаго устройства поземельныхъ отношеній и локуда продолжаютъ получать много болѣе остальныхъ.

Податная реформа, то-есть отмѣна подушной подати, уже давно разрабатывается правительствомъ. Необходимое пониженіе выкупныхъ платежей и самыя широкія отсрочки въ потребныхъ случаяхъ уже давно производятся, по даннымъ конечно менѣе шаткимъ чѣмъ изложенныя въ книгѣ г. Явсона. Укажемъ на работу г. Вильсона и труды правительственныхъ комиссій по Черниговской и Смоленской губерніямъ.

Устройство дешеваго кредита для крестьянъ, но безо всякой социалистской подкладки, не ограниченное исключительно покупкой земель, но имѣющее цѣлью вообще удовлетвореніе ихъ разумныхъ хозяйственныхъ нуждъ—весьма желательно. Въ виду этого недурно было бы (видя какъ сочувственно

отвѣсилось правительствомъ къ ссудосберегательнымъ товариществамъ, открывъ имъ кредитъ въ Государственномъ Банкѣ) чтобы наши оракулы, свергнувъ кумирь ссудосберегательныхъ товариществъ, которому они такъ недавно молились, скорѣе указали чѣмъ же угодно имъ замѣнить ихъ.

Мы живемъ въ странное время; друзья народа прокляли ссудосберегательныя товарищества, потому новыхъ не устраивается, старыя позабыты, переставъ быть модною игрушкой, а народъ нуждающійся въ кредитѣ не можетъ получить его, несмотря на то что и суммы ассигнованы земствами, и кредитъ Государственнаго Банка готовъ къ услугамъ.

Мы не можемъ себѣ представить большей неаѣлости какъ современное увѣреніе что крестьянинъ не нуждается въ краткосрочномъ кредитѣ. Замѣтимъ что для крестьянскаго краткосрочнаго кредита очень можно рекомендовать:

1) Шотландскіе банки.

2) Тѣ же ссудосберегательныя товарищества, но съ открытіемъ кредита за поручительствомъ сельскихъ обществъ, которые и вѣдали бы сами со своими членами.

Затѣмъ остаются переселенія.

Вопросъ объ устройствѣ переселеній мы считаемъ чрезвычайно важнымъ, но полагаемъ что въ черноземной полосѣ вопросъ этотъ стоитъ совсѣмъ иначе чѣмъ въ нечерноземной.

Въ черноземной полосѣ вся лѣшная воздѣлывается. Если вслѣдствіе избытка населенія и обилія сѣмщиковъ наемныя цѣны земель несообразно растутъ, разоряя сѣмщиковъ, и между тѣмъ часть населенія все-таки остается безъ дѣла дома и вынуждена прибѣгать къ разорительнымъ отхожимъ земледѣльческимъ промысламъ, то мы очевидно имѣемъ дѣло съ болѣзненнымъ явленіемъ которому слѣдуетъ помочь.

Но такъ какъ разумная помощь возможна только путемъ кредитной операціи, такъ какъ переселеніе можетъ потребовать серіознаго кредита, то всего важнѣе знать что есть у людей и чѣмъ можно и нужно имъ помочь.

Для этого прежде всего слѣдуетъ опредѣлить что стоить имущество черноземныхъ крестьянъ—нѣсколько милліоновъ десятинъ чернозема.

Теперь охотно доказываютъ что цѣнность земель вздута, что въ цѣну земли входитъ отчасти выручка отъ эксплуатаціи крестьянъ. Нельзя отказать этому мнѣнію въ известной долѣ справедливости, но здѣсь, какъ во многихъ разсуждені-

ахъ, указывается лишь одна сторона истины. Не только вся обширная полоса чернозема, но даже отдѣльные хорошо извѣстные мѣста уѣзды представляютъ значительныя колебанія въ этомъ отношеши.

Всѣ они укладываются въ слѣдующія общія рамки. Недостатокъ оборотнаго капитала при рѣдкомъ населеніи повышаетъ стоимость земли, ставитъ ее выше нормальной; обратно, густое население и избытокъ съемщиковъ поднимаютъ ее выше средней цѣны. Потому если во второмъ случаѣ говорить объ эксплуатаціи земледѣльцевъ, такое же основаніе въ первомъ случаѣ видѣть эксплуатацію землеуладѣльцевъ. На дѣлѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ словамъ чтобы охарактеризовать это положеніе, которое дѣлаетъ что при дешевой съемкѣ земель положеніе крестьянъ даже на нищенскомъ (даровомъ) паи на низшемъ надѣлѣ можетъ быть очень хорошо, такъ какъ недостатокъ земли можетъ пополняться значительными выгодами отъ съема земель. Обратно, тамъ гдѣ сдача земель является выгоднѣе собственной обработки ея землеуладѣльцемъ, мы имѣемъ всегда такой случай что дешевая плата которую крестьяне платятъ за свой надѣлъ идетъ имъ не въ прокъ—за съемную землю они платятъ выше нормальной ренты.

Вычисленіе нормальной ренты по нашему мнѣнію всего правильнѣе считая ее равною половинѣ валоваго сбора или вычитая изъ стоимости урожая издержки на обработку. Подобные разчеты въ большей части черноземной полосы даютъ отъ 5—8 руб. дохода съ десятины, кругомъ слѣдовательно около 8—12 рублей на десятину посѣва. Когда мы встречаемъ сдѣлочныя цѣны въ 18, 20, 22 рубля, мы очевидно имѣемъ дѣло съ ненормальнымъ положеніемъ, что указывается и самымъ стремленіемъ народа къ переселенію.

При словѣ переселеніе невольно вспоминается странный современный контрастъ нашихъ условій съ классическою страной голода и крупнаго землеуладѣнія. Въ Ирландіи сами землеуладѣльцы проповѣдуютъ переселеніе, а народъ не желаетъ переселяться, а желаетъ чтобы была возможность устроиться на мѣстѣ. На нашемъ богатомъ черноземѣ, гдѣ всѣ надѣлены землею, гдѣ царствуетъ благотѣльная община, народъ желаетъ переселяться, а его не пускаютъ.

Наиболѣе гарантіи для правильнаго устройства переселеній представляютъ сельскія общества. Исполненіе подобнаго дѣла мы представляемъ себѣ приблизительно такъ. Во всѣхъ мѣст-

востахъ гдѣ наемныя цѣны на землю выше ея нормальной доходности, гдѣ часть дохода крестьянскихъ надѣловъ употребляется на приплату по найму земель, переселеніе желательно. Управленіе переселеній сообщаетъ свѣдѣніе о свободныхъ земляхъ; сельскія общества посылаютъ ходяковъ уполномоченныхъ занять землю на то число душъ которое желаетъ переселиться.

Затѣмъ по занятіи земли выдается за ручательствомъ прежняго сельскаго общества $\frac{1}{2}$ пособія на переселеніе; здоровые люди, не менѣе половины переселяющихся, отправляются на новыя мѣста (оставляя дома больныхъ, стариковъ и дѣтей), заводятъ хозяйство, обстраиваются, засѣваютъ хлѣбъ; тогда выдаются остальныя $\frac{2}{3}$ пособія, изъ которыхъ не болѣе половины уплачивается за землю, а остальное употребляется на передвиженіе остальныхъ переселенцевъ.

Часть пособія, сообразно стоимости оставляемой переселенцами земли, остается на старомъ сельскомъ обществѣ; остальное переводится на новое, съ уплатой въ срокъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ, причемъ дается отъ одного до пяти льготныхъ лѣтъ на устройство. Кому только случилось видѣть безобразныя скитанія переселенцевъ вынѣ—съ больною, истомленною семьей, не знающихъ куда имъ ѣхать и по большей части возвращающихся домой нищими потому что не могли найти удобныхъ свободныхъ земель, тотъ конечно согласится что предлагаемый способъ устроить большую часть существующихъ неудобствъ. Съ другой стороны, самая попытка къ переселенію, если дѣло это будетъ устроено правильно, будетъ во многихъ случаяхъ достаточно чтобы привести цѣны земель въ правильную норму.

Намъ остается разсмотрѣть, какое употребленіе остатковъ выкупной операціи производительнаго: содѣйствіе переселенію или уменьшеніе повинностей. Мы признаемъ за не подлежащей сомнѣнію фактъ что пониженіе повинностей въ мѣстностяхъ съ ненормальною рентой помѣщичьихъ земель поведетъ лишь къ тому что наемная цѣна на крестьянскихъ земляхъ на столько же возрастетъ; крестьяне, не привыкшіе къ экономической самостоятельности, уже доказали свою неспособность устоять въ борьбѣ; пониженіе повинностей дастъ лишь еще новое доказательство той же истины.

Напротивъ переселеніе совсѣмъ иначе поставитъ вопросъ; для крестьянъ на одной десятинѣ, которымъ пониженіе по-

внѣностей очень мало поможетъ, переселеніе влодѣ разрѣшить задачу устройства. Если не переселившіеся останутся при трехъ десятиахъ не обложенныхъ выкупными платежами, то положеніе ихъ будетъ очень не дурно. Точно также хорошо переселеніе подѣйствуетъ во всѣхъ густо населенныхъ мѣстностяхъ; всѣ данныя пособія будутъ влодѣ обезпечены ручательствами обществъ, пониженіемъ наемныхъ цѣнъ земли и увеличеніемъ производительности крестьянскаго труда; вотъ результаты которые нужно ожидать отъ правильно веденныхъ переселеній.

Иначе представляется вопросъ въ нечерноземной полосѣ: въ густо населенныхъ черноземныхъ губерніяхъ даже при обширномъ оощреніи переселеній всѣ земли полпрежнему будутъ обрабатываться; рѣчь идетъ о переселеніи лишь избытка населенія, трудъ котораго теперь по большей части пропадаетъ непроизводительно въ розыскахъ заработковъ.

Въ нечерноземной полосѣ есть уѣзды гдѣ и теперь половина пашни заброшена; крестьяне нечерноземныхъ губерній по большей части гораздо болѣе способны къ промысламъ, чѣмъ къ колонизаціи. Лучшее тому доказательство заселеніе Самарской и Уфимской губерній совершающееся на нашихъ глазахъ; между поселенцами хорошо устроившимися на мѣстѣ менѣе всего можно встрѣтить нечерноземныхъ крестьянъ. Вотъ соображенія которыя, полагаемъ, заставляютъ очень осмотрительно предлагать правительственное пособіе для переселенія нечерноземныхъ крестьянъ. Оставляя пустыри тамъ откуда они выселятся, мало вѣроятія чтобъ они хорошо устроились и на новыхъ мѣстахъ.

Воспособленіе здѣсь гораздо правильнѣе направить къ покупкѣ или арендѣ крестьянскими обществами отрѣзныхъ и вообще пустопорожныхъ земель, улучшеніе хозяйства ихъ и развитіе промысловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, по справедливому замѣчанію г. Вильсона, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Псковской, Смоленской, Черниговской губерній потребуется и пониженіе повинностей.

Д. В.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА КРАСОВСКАГО

I.

Краткія замѣчанія о войнѣ Турецкой 1808, 1809
1810 и 1811 годовъ.

Въ 1808 году, въ маѣ мѣсяцѣ, 15я пѣхотная дивизія Маркова прибыла изъ Италіи въ Молдавскую армію и по большому некомплекту людей расположена была въ Батушанахъ и окрестностяхъ, впредь до укомплектованія ратниками изъ бывшаго ополченія; здѣсь она оставалась до весны 1809 года и не принимала участія въ лагерѣ при Кальянахъ, гдѣ собраны были главныя силы арміи и оставались около трехъ мѣсяцевъ на низкомъ и болотистомъ мѣстѣ; отъ этого въ войскахъ было весьма много больныхъ, чего не случилось бы, еслибы лагерь былъ оставленъ на рѣкѣ Серетѣ, въ окрестностяхъ Галаца, въ мѣстахъ возвышенныхъ и здоровыхъ и въ военномъ отношеніи самыхъ приличныхъ.

Кампанія 1808 года, сколько я могу припомнить, прошла въ бездѣйствіи, кромѣ отлщнаго подвига Милорадовича съ отдѣльнымъ корпусомъ въ Букурештѣ, на котораго Турки

сдѣлали движеніе въ превосходныхъ силахъ отъ Журжи и Силистріи. Оставивъ при Букурештѣ самый слабый отрядъ, онъ пошелъ на встрѣчу сильнѣйшаго непріятеля и разбилъ его, послѣ чего Турки вышедшіе изъ Журжи сами ушли обратно. Другія дѣйствія сей кампаніи ограничивались блокадой крѣпостей и наблюденіемъ Молдавіи и Валахіи. Кампанія сія заключилась раслуценіемъ войскъ на зимнія квартиры.

Весною главныя силы арміи, до двадцати трехъ тысячъ человекъ (въ числѣ коихъ находилась и 15я пѣхотная дивизія), собранная близу Батушада, предъ вечеромъ выступила къ Визирскому Броду. Ночью на походѣ застала армію ужасная буря съ громомъ и проливнымъ дождемъ. Всѣ войска безъ исключенія потеряли дорогу, и къ утру малыя части собирались около Мартинешти, на рѣкѣ Рымникѣ, гдѣ должны были оставаться двое сутокъ пока всѣ собрались. Изъ Мартинешти прибыли на Визирскій Бродъ и расположились на ночлегъ бивуаками. Во всѣхъ почти мѣстахъ гдѣ войска стояли на бивуакахъ, находили солдаты множество зайцевъ, что произвело забавныя сцены, и необыкновенный крикъ по всему лагерю. На другой день фельдмаршалъ князь Прозоровскій отдалъ по арміи приказъ который начинался сими словами: „Къ крайнему сожалѣнію и удивленію моему Высочайше вѣреннаѣя мнѣ Россійская армія до такой степени ослабѣла въ дисциплинѣ что и малѣйшій звѣрь, каковъ заяць, производитъ въ ней безпорядокъ.“

На другой день вся армія построилась въ боевой порядокъ въ двѣ линіи кареями, и въ такомъ положеніи слѣдовала до самаго Браилова, чѣмъ на пространствѣ отъ 15 до 18 верстъ, кромѣ большой медленности, войска были замучены, и приблизились къ Браиллову за три версты уже ночью, гдѣ до разсвѣта оставались, не находя нигдѣ воды. Въ сей день обложенъ Браилловъ, съ раздѣленіемъ войскъ на три корпуса, подъ начальствомъ графа Каменскаго 1го, Маркова и Эссена.

Нѣсколько дней прошло въ незначительныхъ перестрѣлкахъ между казаками и кавалеріею. Въ одной изъ таковыхъ перестрѣлокъ убитъ отличный офицеръ полковникъ Исаевъ 2й.

Засиѣмъ началась осада Брацлова, кою управлялъ инженеръ генералъ-майоръ Гартингъ, который въ тогдaшнее время считался искуснымъ инженеромъ, но въ арміи не пользовался довѣріемъ, и между солдатами названъ былъ Маркомъ Гробокотелемъ.

Когда на второй параллели осады окончили нѣсколько батарей и произведена была осадною артиллеріей неуѣренною частая пальба, вовсе не повредившая на дальнемъ разстояніи непріятельскихъ укрѣпленій, Гартингъ объявилъ что онъ свое дѣло кончилъ и что остается овладѣть крѣпостію штурмомъ, который и былъ предпринятъ. На штурмъ назначено 7.000 войскъ. Правая и средняя колонны названы атакующими, а лѣвая для демонстраціи. Наканунѣ штурма главнокомандующимъ отданъ былъ слѣдующаго содержанія приказъ: „1) Ввелся въ арміи обычай представлять безъ разбора къ наградамъ за отличіе въ сраженіяхъ, а какъ опытами доказано что офицеръ въ линейномъ сраженіи никакого отличія сдѣлать не можетъ, то и запрещается строго представлять таковыхъ къ наградамъ. Тѣ же офицеры которые будутъ находиться въ стрѣлкахъ и другихъ отдѣльныхъ командахъ, хотя и могутъ быть представляемы къ наградамъ, но не иначе какъ по свидѣтельствваніи всѣхъ товарищей, бывшихъ съ нимъ въ дѣлѣ. 2) Штурмъ назначенный завтрашняго числа произвести по данной диспозиціи, гдѣ сказано чтобы войска перейдя ровъ строились на валу развернутымъ фронтомъ и безъ особеннаго приказанія не осмѣивались входить въ городъ, а кто сего не исполнитъ, тѣ будутъ сосланы въ Нерчинскіе заводы.“ Подробности неудачнаго штурма извѣстны изъ документовъ. Войска дрались со свойственною Русскимъ храбростію. Изъ 7.000 человекъ до 5.000 ранено и убито. Гарнизонъ Брацловскій по самому уѣренному исчисленію простирался до 12.000.

Шестнадцать тысячъ человекъ русской арміи были свидѣтелями пораженія храбрыхъ товарищей своихъ. 18й егерскій полкъ, въ которомъ я будучи капитаномъ командовалъ гренадерскою ротой, изъ 1.100 человекъ подъ ружьемъ потерялъ убитыми и ранеными во рву и на валу до 900 человекъ. Изъ числа офицеровъ только четверо остались не ранеными, въ числѣ которыхъ и я находился, но сюртукъ мой былъ прострѣленъ четырьмя пулями. Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, бывшій тогда капитаномъ гвардіи и флигель-адъ-

ютантомъ, на штурмѣ находилась при 13мъ егерскомъ полку и былъ равенъ въ руку, находясь со стрѣлками впереди. По окончаніи штурма былъ отданъ главнокомандующимъ приказъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „что онъ сюда на курганѣ смотрѣлъ на гибель храбрыхъ воиновъ и обливался горькими слезами“, и хотя Михаилъ Ларионовичъ „старался утѣшить меня тѣмъ что подъ Аустерлицомъ было хуже, но это не послужило для меня отрадою.“

Отправивъ въ госпиталь раненыхъ и больныхъ и снявъ осаду, армія со всѣми строжайшими воинскими предосторожностями отступила за рѣку Сереть и расположилась лагеремъ, а главная квартира помѣстилась въ Галацъ. Здѣсь полки потерпѣвшіе на штурмѣ получили на укомплектованіе резервные баталіоны, а другія войска заняты были устройствомъ дорогъ и переправы черезъ Дунай по направле нію къ твердому берегу ниже края Мачина.

Когда войска частію уже переправились за Дунай, то и фельдмаршалъ перенесъ туда же свою главную квартиру, а между тѣмъ Кутузовъ былъ изъ арміи отозванъ, а на мѣсто его былъ присланъ въ армію князь Багратіонъ, который имѣлъ назначеніе командовать всѣми войсками остающимися на лѣвомъ берегу Дуная.

Князь Прозоровскій, достигнувъ главнѣйшаго своего желанія стать твердою ногой за Дунаемъ, былъ самъ въ такой слабости что на третій день послѣ перѣзда изъ Галаца въ лагерь скончался.

Всякій служившій въ арміи князя Прозоровскаго долженъ съ признательностію вспомнить опытное его устройство продовольственной части и внутренняго управленія Молдавіи и Валахіи, которыя и при другихъ главнокомандовавшихъ не измѣнялись.

Послѣ смерти князя Прозоровскаго, князь Багратіонъ, имѣвшій предварительно высочайшее повелѣніе, объявилъ себя главнокомандующимъ арміей и со всею дѣятельностію открылъ наступательныя дѣйствія противъ Турокъ. Осада Измаила, порученная генералъ-лейтенанту Зассу, взятіе Тульчи и Исакчи и тѣсная блокада Браилова были слѣдствіемъ первыхъ его распоряженій. Войска двинулись отъ переправы къ Гирсову и оттуда на Трояновъ Валъ. Гирсово и Кюстеджи покорены почти безъ сопротивленія. По свѣдѣніямъ что сильный корпусъ турецкій выступилъ отъ Си-

листріи береговою дунайскою дорогою къ Черноводамъ, князь Багратіонъ сосредоточилъ къ сему пункту главнѣйшія свои силы и атаковалъ Турокъ при селѣ Рисовато, которыхъ и разбилъ совершенно. Послѣ чего, пославъ отрядъ къ Базарджику, самъ выступилъ чрезъ Кузгунъ къ крѣпости Силистріи, которая тогда же обложена и стѣснена батареями, вооруженными полевыми батарейными орудіями, по невозможности въ скоромъ времени доставить осадную артиллерию. Въ скоромъ всемени получено было извѣстіе что сильный турецкій корпусъ сдвигуется отъ Рушукъ для освобожденія Силистріи. Отрядъ сей былъ атакованъ княземъ Багратіономъ при селѣ Татарцифъ, а для блокады Силистріи оставался небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Булатова. Въ тотъ самый день когда князь Багратіонъ атаковалъ Турокъ при Татарцифъ, изъ Силистріи сдѣлана была сильная вылазка, которая съ большимъ успѣхомъ и отличнымъ порядкомъ была отражена, причѣмъ особенно отличились С.-Петербургскій драгунскій полкъ и баталіонъ 13го егерскаго полка, бывшіе подъ личнымъ распоряженіемъ Булатова, храбраго и отличнаго распорядительнаго генерала.

Князь Багратіонъ въ сраженіи при Татарцифъ хотя съ полнымъ успѣхомъ остановилъ стремленіе Турокъ, но не имѣлъ достаточно силъ разбить ихъ, къ чему спосособствовали Туркамъ наскоро сдѣланные при Татарцифъ окопы, но убѣдившись что они не осмѣлятся атаковать его, оставилъ часть войскъ для наблюденія ихъ, а самъ возвратился съ главными силами чтобы продолжать стѣсненіе и буде возможно покорить Силистрію.

Правильной осады сей крѣпости предпринять было невозможно по наступившему позднему осеннему времени, продолжать зимнюю кампанію въ край лустомъ и совершенно разоренномъ, а особливо безъ предварительнаго приготовленія способовъ продовольствія, совершенно было невозможно, а потому князь Багратіонъ сдѣлалъ всѣ распоряженія чтобы войска изъ-за Дуная возвратились на зимнія квартиры въ Молдавію и Валахію, вслѣдствіе чего снята была блокада Силистріи и войска выступили къ Гирсову, гдѣ была устроеная переправа; но до полученія высочайшаго на сіе разрѣшенія, князь Багратіонъ съ главными силами расположился лагеремъ при Черноводахъ, занимая сильными отрядами Карасу и Кюстенджи.

Между тѣмъ генералъ Зассъ съ отличнымъ успѣхомъ покорилъ Измаилъ, а генералъ Эссенъ продолжалъ осаду Браилова, который и былъ покоренъ сею же осенью.

Князь Багратионъ, получивъ настоятельное высочайшее повелѣнiе чтобы продолжать зимнюю кампанiю, не могъ сего исполнить по вышеописаннымъ причинамъ и потому со всѣми усилiями утвердилъ переправу черезъ Дунай, при Гирсовѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ оставилъ сильный корпусъ (для котораго сдѣланы были землянки) подъ начальствомъ графа Каменскаго 1го, съ остальными войсками перешелъ на зимнiя квартиры въ Молдавию и Валахию. Главная квартира расположилась въ Букурештѣ. Сიმъ окончилась кампанiя 1809 года.

Въроятно что послѣдствiя сдѣланныхъ распоряженiй были причиною назначенiя главнокомандующимъ на мѣсто князя Багратиона графа Каменскаго 2го, который, прибывъ къ арміи до наступленiя весны, сдѣлалъ самыя дѣятельныя распоряженiя къ наступательному дѣйствию раннею весной. Армія его значительно была увеличена, и чтобы движеніе войскъ за Дунай могло быть исполнено съ успѣхомъ, приготовлялася другой мостъ ниже Туртукая, постройка котораго начата еще при князѣ Багратионѣ.

Весною главныя силы сосредоточены при Гирсовѣ и сильный корпусъ подъ начальствомъ генерала Засса собранъ при устьѣ рѣки Аржишъ, для переправы послѣдьяго черезъ Дунай по окончанiи постройки моста.

Другой корпусъ подъ начальствомъ генерала Эссена сосредоточенъ между Букурештомъ и Журжею, какъ для прикрытiя края, такъ и для стѣпненiя по возможности сей крѣпости.

Главныя силы арміи быстро приблизились къ Силистріи, осадили сію крѣпость и съ большимъ успѣхомъ покорили оную.

Генералъ Зассъ для овладѣнiя правымъ берегомъ Дуная, сильно занятаго Турками, собралъ со всѣхъ лѣхотныхъ полковъ охотниковъ, которые ночью на ларомахъ и лодкахъ, подъ командой генеральнаго штаба майора Мишо, съ большимъ успѣхомъ и необыкновенною храбростію, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, овладѣвъ берегомъ, и какъ во время переправы при столкновенiи двухъ ларомовъ сильно была зашиблена нога майора Мишо, то начальство надъ охотни-

ками приваяя я, какъ старшій по немъ 13го егерскаго полк^а калитая. Охотники, овладѣвъ берегомъ, заняли ближайшія высоты, опрокинули штыками Турокъ и взяли ближайшіи редутъ прикрывавшіи крѣпость Туртукая.

Въ тотъ же день переправлено нѣсколько полковъ; полевая артиллерія съ большимъ успѣхомъ съ открытыхъ батарей дѣйствовала по Туртукаю, а ночью Турки оставили крѣпость и удалились къ Руцуку.

Генераль Зассъ, переправивъ весь корпусъ и сдѣлавъ распоряженіе къ слѣдованію осадной артиллеріи, двинулся немедленно для осады Руцука, куда прибывъ, обложилъ сію крѣпость стѣсненною блокадою, не взирая на сильное сопротивление гарнизона, который состоялъ по всемъ достовернымъ свѣдѣніямъ изъ 20 тысячъ человекъ войскъ и оруженыхъ жителей подъ начальствомъ храбраго Бошняка-Аги.

Между тѣмъ корпусъ графа Каменскаго 1го штурмомъ взялъ Базарджикъ, а главнокомандующій съ успѣхомъ покорилъ Силестрію. Исполненный увѣренностью въ легкости покоренія Шумы, двинулся къ сей крѣпости, назначивъ даже день вступленія въ Шумлу. Генераль Сабанѣвъ съ отрядомъ отъ корпуса Засса успѣшно взялъ Разградъ.

Приблизившись къ Шумлѣ, графъ Каменскій встрѣтилъ сильную и твердую оборону сей крѣпости и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ атакъ убѣдился что безъ правильной осады овладѣть оною не можетъ, почему, оставивъ при Шумлѣ корпусъ графа Каменскаго 1го въ наблюдательномъ положеніи, самъ двинулся къ Руцуку для скорѣйшаго покоренія сей крѣпости.

Отрядъ посланный подъ начальствомъ г. Цезарева къ Варнѣ по малочисленности своей не могъ ничего сдѣлать и возвратился безуспѣшно.

Главнокомандующій прибывъ къ Руцуку нашелъ что осада сей крѣпости производилась съ большимъ успѣхомъ, кромѣ неудачной попытки стоившей убитыми и ранеными до 600 человекъ.

Въ скоромъ времени по прибытіи къ Руцуку графъ Каменскій рѣшился взять сію крѣпость штурмомъ и быстро приготовилъ къ сему всѣ средства. Командовавшій осадой инженеръ генераль-майоръ Гартингъ настоятельно убѣждалъ

главнокомандующаго что предпріятіе это совершится съ успѣхомъ, но генераль Зассъ, артиллеріи генераль-майоръ графъ Сиверсъ и генеральнаго штаба подполковникъ Мишо, пользовавшійся особенною довѣренностію главнокомандующаго, были противнаго сему убѣжденія, но мнѣніе ихъ однакожь при общемъ совѣщаніи было отвергнуто. Не взирая на это, графъ Сиверсъ и Мишо наединѣ убѣждали графа Каменскаго не дѣлать штурма, основываясь на томъ что Турки прикрытые укрѣпленіями защищаются съ необыкновеннымъ мужествомъ, что гарнизонъ несравненно многочисленнѣе атакующихъ войскъ, и что каждый изъ обороняющихся кромѣ сабли и кинжала имѣетъ при себѣ ружье и два пистоleta и приобыкаи въ совершенствѣ владѣть симъ оружіемъ. Всѣ эти резоны не были приняты, и графъ Каменскій выслалъ ихъ, запретивъ строго говорить о семъ предметѣ.

Наканунѣ штурма главнокомандующій графъ Каменскій объѣзжалъ всѣ лѣхотныя войска, каждому полку дѣлалъ наставленія, убѣждая что храбрость, мужество и порядокъ свойственныя русскимъ воинамъ дѣлаютъ несомнѣннымъ взятіе крѣпости. Войска дѣйствительно были одушевлены и готовность побѣдить или умереть были общимъ чувствомъ.

Бошвакъ-Ага чрезъ переметчиковъ зналъ совершенно всѣ подробности приготовляемаго штурма, въ продолженіе всей ночи минареты были освѣщены, на валу продолжались безпрерывные осмотры съ фонарями. Сбитый кавальеръ въ продолженіе двухдневной канонады съ брешь-батареи, устроенной на разстояніи семидесяти сажень отъ гребня гласиса, возобновленъ такъ что и признаковъ разрушенія не осталось. Не взирая на все это, въ назначенное время, за часъ до разсвѣта, сигнальная ракета лущема и колонны назначенныя къ атакѣ съ быстротою бросались на штурмъ, на всѣхъ лункахъ, не взирая ни на какія прелестствія, спустились въ ровъ, поставили лѣстницы и взопли на валъ, гдѣ сдѣлались гибельною жертвою, встрѣчая на каждомъ шагѣ непріятеля въ превосходнѣйшихъ силахъ. Возшедшее солнце освѣтило трупы лежавшіе на валу.

Графъ Сиверсъ, командовавшій колонной составленною изъ артиллерійскихъ охотниковъ, съ такою же участію произвелъ атаку лѣвѣ нашей брешь-батареи, приближалъ къ генераль Зассу, бывшему на сей батарее, и убѣдительнѣе просилъ его не дѣлать новыхъ усилій, дабы напрасно

не привосить въ жертву храбрыхъ воиновъ. Но какъ генералъ Зассъ не имѣлъ права остановить штурма, то и послалъ его вмѣстѣ со мною сказать это главнокомандующему, бывшему во второй параллели. Графъ Каменскій выслушавъ Сиверса отвѣчалъ ему: „ваша резервная колонна еще не употреблена въ дѣло, возьмите ее, поведите на штурмъ, покажите собою примѣръ, и дѣло кончится съ успѣхомъ“, и въ то же время послалъ приказаніе на всѣ атакующіе пункты чтобы резервы безо всякаго исключенія были употреблены на штурмъ.

Графъ Сиверсъ въ глазахъ нашихъ быстро повелъ резервную колонну, самъ шелъ предъ оною, со свойственною ему необыкновенною храбростію, но на самомъ гребнѣ гласиса былъ пораженъ четырьмя пулями; колонна его, претерпѣвшая жестокое пораженіе во время слѣдованія, бросилась въ ровъ и на валъ, но встрѣтила ту же участь какъ и первая. Я привелъ графа Сиверса на брешь-батарею, онъ едва имѣлъ дыханіе и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Генералъ Зассъ послалъ меня за приказаніями къ главнокомандующему: не угодно ли будетъ ему возвратитъ съ атакованныхъ пунктовъ тѣ изъ войскъ которыя не сдѣлались еще жертвами, на что онъ выслушавъ меня сказалъ: „я увѣренъ что въ числѣ лежащихъ на валу бѣлая часть здоровыхъ и не раненыхъ, которые перелугались и не хотятъ броситься въ крѣпость“, и хотя я докладывалъ ему что бывъ самъ на валу, отвѣчаю что тамъ нѣтъ ни одного живаго кромѣ нѣсколькихъ сотенъ остающихся во рву, но онъ сему не повѣрилъ и приказалъ подполковнику Мишо и адъютанту своему Закревскому идти вмѣстѣ со мною и лично удостовѣриться правду ли я ему говорю и всѣми мѣрами возбуждать остающихся въ живыхъ ко взятію крѣпости.

Едва мы вышли изъ летучей салпы, Закревскій былъ раненъ, а Мишо любѣжалъ со мною ко рву, но въ то самое мгновеніе, бывшіе въ живыхъ во рву войска, встревоженные слустившимися въ оный Турками, выльзая изъ рва бѣжали къ батарее и кричали: „назадъ, назадъ“, чего никакія усилія не могли остановить. Мишо вмѣстѣ со мною возвратившись въ салпу, старались удерживать бѣгущихъ и разставляли оныхъ для обороны салпы и ложементовъ, остававшихся во все не занятыми никакими войсками. Еслибы Турки въ это время сдѣлали вылазку, хотя въ числѣ тысячи человекъ,

то безо всякой потери могли овладѣть не только всѣми нашими батареями, но взять лагерь и все что только оставалось отъ штурма, не исключая и самого главнокомандующаго, еслибъ оны не успѣли ускакать за Дунай. Такой же конецъ имѣлъ штурмъ и на другихъ пунктахъ атаки.

Въ продолженіе службы моей я былъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ, на многихъ штурмахъ, но нигдѣ не былъ свидѣтелемъ такого ревностнаго и благороднаго самоотверженія съ какою погибли храбрые Русскіе воины на несчастномъ и кровопролитномъ штурмѣ Руцука, и не могу постигнуть каковыя чувствами руководствовался графъ Каменскій, написавшій въ донесеніи къ государю что штурмъ не удался отъ трусости войскъ.

При началѣ штурма всѣхъ войскъ нашихъ съ резервами было подѣ ружьемъ отъ четырнадцати до пятнадцати тысячъ человекъ. Потеря убитыми и ранеными простиралась до девяти тысячъ человекъ. Можно судить сколько изъ числа живыхъ находилось для отвода раненыхъ въ назначенные для перевязки пункты и сколько частей было совершенно разстроенныхъ, то это и не оставить сомнѣнія что одна только оплошность и невѣжество Турокъ спасли наши остатки.

Не буду распространяться о прочихъ дѣйствіяхъ сей кампаніи графа Каменскаго. Ограничусь указаніемъ на нѣкоторыя важныя событія касающіяся до войскъ отдѣльнаго корпуса. Главнокомандующій, усиливъ войска подѣ Руцукомъ присоединеніемъ изъ-подѣ Шумлы корпуса графа Каменскаго 1го, нашелся въ возможности усилить отдѣльный корпусъ въ Малой Валахіи, гдѣ дѣла принимали довольно серьезный видъ, ибо Измаиль-Бей собралъ до 30.000 войскъ и намѣревался вторгнуться въ Сербію. Отдѣльный корпусъ поручень г. Зассу и усиленъ четырьмя полками пѣхоты: Тираспольскимъ, конно-егерскимъ, Ольвиопольскимъ гусарскимъ и однимъ казачьимъ. Генералъ Зассъ выѣхалъ немедленно изъ подѣ Журжи, и прибывъ въ Краевъ, остался тамъ нѣкоторое время для распоряженій къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, до прибытія полковъ отъ Журжи и Турно.

Я долженъ описать здѣсь обстоятельство хотя не касающееся по началу военныхъ дѣйствій, но въ послѣдствіи сдѣлавшееся важнымъ для кампаніи 1811 года.

Прибывши въ Краевъ съ генераломъ Зясомъ я обратился къ собираюму върившихъ свидѣній о предшествовавшихъ дѣлахъ, которыя и передали мнѣ со всею основательною точностію Оломецкаго лѣхотнаго полка майоръ Бибиковъ и Поповъ, управлявшіе дѣлами первый во время командованія г. Исаева, а второй—графа Цукато. Отъ нихъ между прочимъ узналъ я что въ продолженіе почти всей войны слѣдовавшая изъ Азіи чрезъ Виддинъ въ Австрію хлопчатая бумага, по невозможности везти оную иначе изъ Виддина какъ на выюкахъ, дорогой ведущею въ Австрійскій Боватъ, чрезъ Малую Валахію, провозилась тайнымъ образомъ, по злоупотребленіямъ, какъ со стороны аванпостовъ нашихъ, такъ и другихъ лицъ имѣвшихъ вліяніе. Въ послѣднее же время дѣйствіями этими занимался скрытымъ образомъ служившій при графѣ Цукато майоръ Яри. Г. Зассъ, по докладу моему о семъ, принявъ самую строгія мѣры къ рѣшительному прекращенію сего зла, послѣдствіемъ чего явились ко мнѣ повѣренные австрійскихъ купцовъ краевскій купецъ Гого, съ тремя другими повѣренными прибывшими въ Краевъ изъ Вѣны. Они объявили мнѣ что въ Виддинѣ по оставившемуся пропуску собралось до 15.000 выюковъ хлопчатой бумаги, за пропускъ которой по прежнему обычаю предлагали за каждый выюкъ по червонцу. Когда доложилъ о семъ г. Зассу, то онъ, призвавъ сихъ повѣренныхъ къ себѣ, объявилъ имъ что не лучше ли будетъ ежели хлопчатая бумага и другіе товары слѣдующіе въ Австрію чрезъ Виддинъ и Малую Валахію будутъ пропускаться формальнымъ и законнымъ порядкомъ, по сношенію съ виддинскимъ лашой, чѣмъ они были весьма обрадованы и сами предложили платить въ такомъ случаѣ по два червонца за выюкъ. Тогда г. Зассъ, взявъ отъ нихъ письменную ноту, послалъ ихъ съ майоромъ Бибиковымъ къ главнокомандующему съ предложеніемъ воспользоваться сею выгодою, ежели не препятствуютъ сему какія-либо неизвѣстныя ему политическія обстоятельства.

Главнокомандующій совершенно одобрилъ сію мѣру, предписавъ генералу Зассу распорядиться такимъ провозомъ по его усмотрѣнію и предложить повѣреннымъ не залазятъ ли они дорожке, въ чемъ и не встрѣтилось никакого затрудненія, и повѣренные актами обязались платить по три червонца за выюкъ. Тогда вмѣстѣ съ повѣренными майоръ Бибиковъ и переводчикъ Мавро посланы были въ Виддинъ съ письмомъ

генерала Засса къ Мулла-пашѣ и безъ затрудненія устроена перевозка бумаги и другихъ товаровъ подъ особымъ надзоромъ майоровъ Полова и Бибикова, что исполнялось ими во все время съ отличною исправностію, благоразуміемъ и безкорыстіемъ и въ продолженіе первыхъ пяти мѣсяцевъ представлено къ главнокомандующему до 115.000 червонцевъ. Такимъ образомъ провозъ сей продолжался до окончанія войны и во время другихъ начальниковъ Краевскимъ корпусомъ.

Первоначальное сношеніе съ виддинскимъ пашою подало мыслъ генералу Зассу завести съ нимъ тѣснѣйшую тайную связь, въ чемъ успѣлъ онъ до такой степени что Мулла-паша, въ слѣдующую за симъ 1811 года кампанію, не принималъ въ военныхъ дѣйствіяхъ никакого дѣятельнаго участія, а напротивъ того, со всею точностію и вѣрностію извѣщалъ насъ о всѣхъ намѣреніяхъ правительства своего и прибывшаго къ Виддину съ 25.000 корпусомъ Измаиль-бея, что послужило великою пользою къ успѣшнымъ дѣйствіямъ корпуса Засса въ кампанію 1811 года.

Столь важное предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ наиболѣе отъ благоразумныхъ дѣйствій майора Бибикова и бывшаго при Зассѣ переводчика Мавро, человѣка бойкаго и необыкновенно смѣтливаго.

Съ другой стороны, по прибытіи въ Краевъ узналъ я что Сербъ по распоряженію Букурештскаго дивана получали соль изъ Валахіи съ платой необыкновенно большой лошаины, и главнокомандующій, получивъ о семъ доносеніе отъ генерала Засса, разрѣшилъ уничтожить сіе стѣсненіе для предавнхъ намъ Сербовъ и пропускать соль безо всякой лошаины, чѣмъ они необыкновенно были обрадованы и присылали делутацію для изъявленія благодарности главнокомандующему и генералу Зассу.

Для военныхъ въ семъ краѣ были въ слѣдующемъ положеніи: графъ Цукато, получивъ отъ верховнаго предводителя Сербовъ Чернаго Георгія увѣдомленіе что Измаиль-бей, собравъ до 30.000 человѣкъ войска, намѣревается сдѣлать вторженіе въ Сербію по долинѣ орошаемой рѣкою Дринвой, къ отвращенію чего хотя и построена имъ крѣпость Делиградъ или вѣрнѣе сказать редутъ при рѣкѣ Дринѣ, около сербской границы, но что онъ не имѣетъ надежды удержаться тамъ безъ содѣйствія нашихъ войскъ. Графъ Цукато хотя и не имѣлъ достаточно войскъ для поддержанія

Сербовъ на рѣкѣ Дринѣ, но нашелъ возможнымъ переправить за Дунай ниже сербской крѣпости Кладова отрядъ составленный изъ баталіоновъ Ладожскаго пѣхотнаго, Волынскаго уланскаго и казачьяго Исаева полка, подъ начальствомъ графа Оурка, давъ ему повелѣніе показать въ разныхъ мѣстахъ Сербіи малые отряды кавалеріи и пѣхоты чтобы слухъ о семъ могъ сдѣлать диверсію полезную для Сербовъ, но строго при томъ запретилъ графу Оурку отдаляться отъ береговъ Дуная болѣе чѣмъ на одинъ усиленный переходъ.

Когда извѣстіе о семъ отрядѣ дошло до Чернаго Георгія, то онъ со всею послѣдностію прислалъ къ графу Оурку депутатовъ съ убѣдительною просьбой какъ можно скорѣе идти къ Делиграду, ибо онъ безъ его содѣйствія не можетъ тамъ удержаться и спасти Сербію, и что не получивъ отъ него содѣйствія онъ справедливымъ сочтетъ что мы пожертвовали Сербамъ. Столь важный предметъ заставилъ графа Оурка рѣшиться на послѣднее слѣдованіе къ Делиграду, и онъ выступилъ туда не потерявъ ни одного часу, но на дорогѣ, по которой ему необходимо было слѣдовать, въ тѣсномъ дефиле, находилась турецкая крѣпость Баи, хотя не обширная, но сильно укрѣпленная самою природою и занятая значительнымъ гарнизономъ. Приблизившись къ сей крѣпости, графъ Оуркъ увидѣлъ что дорога по коей ему надлежало слѣдовать съ правой стороны пролегла близъ самыхъ стѣнъ крѣпости, а слѣва на возвышеніи, въ разстояніи на пистолетный выстрѣлъ, устроенъ былъ редутъ; обойти сихъ укрѣпленій не было ни малѣйшей возможности. Оставалось одно изъ двухъ, или взять штурмомъ редутъ и тѣмъ заставить локориться крѣпость, или вернуться назадъ. Но такого генерала, какъ графъ Оуркъ, не могли останавливать ни прелѣтствія, ни отвѣтственность въ случаѣ неудачи. Онъ намѣревался погибнуть, или спасти Сербію. Основываясь на сей мысли, онъ почти не останавливаясь, а только облегчивъ солдатъ и убѣдившись въ храбромъ духѣ Ладожскаго полка и командовавшаго онымъ полковника Савонна, благословилъ ихъ на штурмъ.

И баталіонъ храбро бросился на редутъ, но графъ Оуркъ замѣтя что бывшіе впередъ солдаты встрѣченныя сильнымъ огнемъ изъ редута начали останавливаться и ложиться за камни подскакалъ къ самому рву, приказавъ идти на штурмъ

другому баталіону съ барабаннымъ боемъ и крикомъ ура, что ободрило 1й баталіонъ, и редуть въ нѣсколько минутъ взять штурмомъ, а полчаса спустя сдалась и крѣпость. Потеря наша не превышала 50 человекъ убитыми и ранеными; близъ самаго рва подъ графомъ Оруркѣмъ убита лошадь и тяжело раненъ бывший при немъ адъютантъ Ушаковъ.

Оставивъ въ Бани необходимый гарнизонъ изъ отряда Сербовъ, присоединившихся на дорогѣ, подъ начальствомъ сербскаго воеводы гайдука Вельки Петровича и отправивъ при маломъ отрядѣ въ Краево лѣвннхъ Турокъ, графъ Оруркъ далъ нѣсколько часовъ отряду отдохнуть и съ лоспѣшностію продолжалъ свѣдованіе къ Делиграду, въ коемъ узналъ отъ Чернаго Георгія что на другой день они вѣрно будутъ атакованы, что Измаилъ-бей остановился на ночлегъ со всѣми силами своими только въ 25 верстахъ и что въ продолженіе настоящаго дня передовой отрядъ Сербовъ дрался цѣлый день съ Турками и принужденъ былъ отступить почти къ самому Делиграду.

Невозможно описать того восторга съ какимъ Сербы встрѣтили наши войска. Каждый изъ нихъ почиталъ себя уже непобѣдимымъ. Графъ Оруркъ, по совѣщанію съ Чернымъ Георгіемъ, въ тотъ же день и вечеръ устроилъ изъ Ладожскаго лодка восемь каре, въ которыхъ переднюю шеренгу составляли наши солдаты, а двѣ заднія—Сербы. Каждый эскадронъ удавъ и сотня казаковъ услаены были особыми резервами изъ сербской кавалеріи и лѣхоты. Восемь легкихъ нашихъ орудій, съ добавленіемъ къ нимъ сербской артиллеріи, размѣщены были по каре, а на другой день стали на позицію, подъ прикрытіемъ Делиградскаго редута. Едва услѣвъ сіе исполнить, Турки показались и потѣснили передовыхъ Сербовъ, а вслѣдъ затѣмъ Измаилъ-бей со всѣми силами стремительно атаковалъ Чернаго Георгія и графа Орурка, но былъ въ полной мѣрѣ изумленъ и твердымъ отпоромъ, и многочисленною лѣхотою нашею, о прибытіи которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія; полагаясь однакожь на свою многочисленность, онъ улорно продолжалъ сраженіе почти цѣлый день, которое и кончилось отраженіемъ его на всѣхъ пунктахъ. Измаилъ-бей, претерпѣвъ большую потерю, съ приближеніемъ ночи отступилъ, и въ скоромъ времени удался къ Ницѣ.

Генералъ Зассъ, по прибытіи къ нему назначеннаго подкрѣпленія, переправился за Дунай между Виддиномъ и Кладовымъ; быстро овладѣвъ турецкимъ ретрашементомъ при Право и покоривъ крѣпости Неготивъ и Брегово, по полученному извѣстію что Измаиль-бей намѣренъ вторично напасть на Делиградъ, усилилъ отрядъ графа Орурка Олопецкимъ лѣхотнымъ полкомъ, чѣмъ и отвращено дальнѣйшее покушеніе Турокъ на Сербію. Когда же, съ наступленіемъ глубокаго осенняго времени, войскамъ назначено было расположиться на зимнія квартиры, то графъ Оруркъ, возвращаясь въ Малую Валахію, сдѣлалъ экспедицію противъ крѣпости Гургусовцы, весьма важной для прикрытія Сербской границы. Появленіемъ этого отряда предъ крѣпостью и услышнымъ дѣйствіемъ полевой артиллеріи Турки такъ были встревожены что немедленно сдались на капитуляцію.

Дѣйствія отряда графа Орурка главнокомандующимъ вполнѣ были одобрены, и штурмъ Баи причисленъ къ важнѣйшимъ событіямъ кампаніи.

Кампанія 1811 года подъ начальствомъ генерала Кутузова ознаменована важными событіями и увѣнчана успѣхами необыкновенными, не смотря на значительное уменьшеніе арміи.

Я уломяу здѣсь только о нѣкоторыхъ случаяхъ касающихся дѣйствій корпуса генерала Засса въ Малой Валахіи и за Дунаемъ, коихъ былъ свидѣтелемъ находясь при этомъ корпусѣ.

Кампанія началась сосредоточеніемъ корпуса предъ Краевымъ, въ центральному положеніи отъ границъ Сербіи до устья рѣки Ольтевицы. Когда же генералъ Зассъ получилъ секретное увѣдомленіе отъ виддинскаго Мулла-лаши, продолжавшаго намъ оказывать постоянную приверженность, что Измаиль-бей съ 25тысячнымъ корпусомъ приближается къ Виддину чтобы совокупно съ сильнымъ виддинскимъ гарнизономъ переправиться близъ сей крѣпости, принудить войска наши къ оставленію Малой Валахіи и симъ разорвать соединеніе наше съ Сербією, то постигая вполнѣ важность такового событія, принялъ всѣ мѣры чтобы до послѣдней крайности удерживать Турокъ при Дунаѣ, для чего всѣ вой-

ска, кромѣ наблюдательныхъ отрядовъ противу Орсовы и Ломъ-Паланки, быстро двинуль къ Калафату противъ Видди-на на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ и нашель что войска Измаилъ-бея подъ прикрытіемъ виддискскихъ укрѣпленій заняли лѣвый берегъ Дуная и начали тамъ укрѣпляться. Позиція Турокъ на всемъ протяженіи, кромѣ праваго и лѣваго флаговъ, была прикрыта болотистыми камышами, въ которыхъ съ величайшимъ затрудненіемъ могли проходить люди по одновочкѣ, но для движенія кавалеріи и артиллеріи являлась непреоборимая преграда. Оставшіеся на обоихъ флангахъ весьма узкіе перешейки твердой земли хотя и мѣшали намъ атаковать Турокъ, но съ другой стороны позиція эта представляла для насъ тѣ выгоды что устроивъ сильныя редуты противъ перешейковъ и центра позиціи можно было держать Турокъ залертыми въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ, на берегу Дуная, на мѣстѣ довольно возвышенномъ и во время разлитія рѣки образуящемъ островъ.

Генераль Зассъ, прогнавъ услѣшно высланныя изъ лагеря передовыя турецкія войска за перешейки, немедленно приступилъ къ постройкѣ трехъ редутовъ противъ перешейковъ и центра позиціи. Войска наши расположены были въ трехъ отрядахъ: на правомъ флангѣ подъ начальствомъ генераль-майора графа Оурка, на лѣвомъ подъ начальствомъ генераль-майора графа Воровцова, а въ центрѣ главныя силы корпуса. Предъ центромъ близъ самыхъ камышей, за курганомъ, который положено было укрѣпить редутами, располагался подъ моимъ начальствомъ Мингрельскій лѣхотный полкъ.

Турки, увидѣвъ начало построенія редутовъ, въ большихъ силахъ атаковали нашъ правый флангъ, заняли недокоченный редуть и съ большимъ упорствомъ сдѣлались отбѣснить нашъ правый флангъ подкрѣпленный изъ центра.

Въ это время Мингрельскій полкъ сильною цѣлью стрѣлковъ долженъ былъ прелятствовать проходу турецкой лѣхоты чрезъ камыши, но увидѣвъ что они этого не дѣлають, я убѣдился что нечаянность можетъ сильно потревожить Турокъ. Во исполненіе сего, съ двумястами человекъ и нѣсколькими барабанщиками, пробравшись съ большимъ затрудненіемъ чрезъ болотистый камышъ, почти къ самому тому мѣсту мимо котораго проходили турецкія толпы за

перешеекъ, я приказалъ открыть батальный огонь, бить въ барабаны и кричать ура!, чѣмъ Турки столь сильно были встревожены что стремительно обратились въ бѣгство и потерпѣли поражение отъ войскъ нашего праваго фланга. Послѣ этого они во все время пребыванія ихъ на сей позиціи болѣе насъ не тревожили; редуты наши были построены и сильно вооружены артиллеріей.

Между тѣмъ генералъ Зассъ получилъ повелѣніе главнокомандующаго, для рѣшительнаго пресѣченія всякой возможности слутить турецкую флотилію по Дунаю отъ Виддина къ Рущуку, взять островъ укрѣпленный Турками противу Ломъ-Паланки и владѣющій обоими берегами Дуная.

Отрядъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты посланный отъ корпуса для исполненія сего предпріятія былъ порученъ мнѣ, подъ главнымъ распоряженіемъ подполковника Энгельгардта присланнаго отъ главнокомандующаго. Переправа на островъ совершена ночью на лодкахъ дунайской нашей флотиліи, и на разсвѣтъ быстро атакованы турецкія укрѣпленія состоявшія изъ тетъ-де-лона или береговаго укрѣпленія и двухъ отдѣльныхъ редутовъ. Всѣ эти укрѣпленія взяты съ рѣшительною быстротою Мингрельскимъ полкомъ и баталіономъ 43го егерскаго полка переправшимся на островъ подъ моимъ начальствомъ. При взятіи послѣдняго редута я получилъ тяжелую рану въ бокъ лудей, и вслѣдъ за тѣмъ бывшіе въ редутѣ Турки сдались въ плѣнъ. Взятіе сего острова произошло 27 августа, послѣ чего онъ сильно укрѣпленъ и движеніе по Дунаю турецкой флотиліи рѣшительно прекращено.

Измаиль-бей, видя невозможность изъ занимаемой имъ позиціи прорваться въ Малуя Валахію, вознамѣрился переправиться на островъ противъ самаго Виддина, изъ котораго ~~было~~ могъ перейти на лѣвый берегъ Дуная и занять ~~самое~~ самое возвышенное мѣсто въ трехъ верстахъ пр. ~~позиціи~~ позиціи нашихъ войскъ и обстрѣливаемое съ Виддинскихъ гарей, что слѣдовало ему сдѣлать при самомъ началѣ прибытія къ Виддину, и тогда едва ли можно было отвратить нападеніе его на Малуя Валахію.

Генералъ Зассъ, предварительно извѣщенный Муллашашой о семъ предпріятіи, хотя и не могъ воспрепятствовать занятію Кадафата, но какъ скоро замѣтилъ движеніе Изма-

Измаилъ-бей на островъ, немедленно передвинулъ войска въ боевой порядокъ и сталъ противъ Калафата. Турки, стремительно занявъ сей важный пунктъ, атаковали насъ повсемѣстно, со всѣхъ сторонъ окружили каре наши, и произвели на лѣвомъ флангѣ сильнѣйшее нападеніе на Мингрельскій полкъ, дѣйствіемъ сильной батареи направленной на оный взорваны были два зарядные ящика, вслѣдствіе чего разстроилось каре. Турки толпами бросились на оное, и хотя не успѣли сей храбрый полкъ опрокинуть и врубиться въ середину, но отбѣсали его далѣе пятидесяти сажень отъ бывшихъ въ каре четырехъ орудій. Генералъ Зассъ, находившійся въ каре Шпассельбургскаго полка (гдѣ и я былъ по причинѣ раны, на дрожкахъ графа Воронцова), видя критическое положеніе Мингрельскаго полка, сказалъ мнѣ что ежели бы не рава моя, то никогда бы этого не случилось и что даже въ теперешнемъ положеніи присутствіе мое могло бы спасти полкъ. Я просилъ посадить меня на лошадь и забывъ жестокую боль носкакалъ къ полку, повелъ его толпою въ штыки, разогналъ Турокъ, и взявъ обратно артиллерию нашу, поставилъ полкъ на возвышенное мѣсто, привелъ каре въ совершенный порядокъ. Послѣ этого Турки его болѣе не атаковали.

Генералъ Зассъ хотя и не могъ привудить Турокъ оставить Калафатъ, но утвердился предъ нимъ на разстояніи лучшаго выстрѣла, тремя отрядами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней отряды наши прикрылись ретраншементами и почти на всемъ пространствѣ между ними сдѣлаемы были волчьи ямы прелятствовавшія прорваться кавалеріи.

Главнокомандующій, получивъ донесеніе о семъ сраженіи, писалъ генералу Зассу: 1) что онъ не находитъ никакой возможности усилить его корпусъ и 2) что онъ совершенно разрѣшаетъ ему въ случаѣ опасности отступить за рѣку Ольту, дабы не подвергнуть войскъ большой опасности. Генералъ Зассъ на это отвѣчалъ что онъ надѣется не только не уступить непріятелю ни шагу, но еслибъ имѣлъ хотя нѣсколько больше войскъ, то переправивъ отрядъ за Дунай и полагаясь на вѣрность видинскаго паша, могъ бы принудить Измаилъ-бей удалиться за Дунай. Вслѣдствіе сего донесенія были присланы форсированнымъ маршемъ отъ Турно два баталіона 26го егерскаго полка, по прибытіи которыхъ отрядъ подъ начальствомъ графа Воронцова переправился за Дунай въ 15 верстахъ

Изъ записокъ генералъ-адъютанта Красовскаго. 519
выше Виддина. Услѣшное дѣйствіе его довольно правильно описано въ военномъ журналѣ; я долженъ только присовокупить что сербскій воевода гайдукъ Велька (у котораго при штурмѣ Бани прострѣлена лудею ладонь), присоединившись изъ Неготина къ войскамъ графа Воронцова съ отрядомъ Сербовъ до 500 человекъ, былъ все время въ авангардѣ подъ моимъ начальствомъ съ нашими стрѣлками, и однимъ своимъ появленіемъ опрокидывалъ Турокъ, которые узнавая его всегда кричали: „гайдукъ Велька! гайдукъ Велька!“ Вотъ нѣкоторыя подробности о немъ.

Будучи природнымъ Сербомъ, онъ первоначально находился въ числѣ тѣлохранителей одного виддинскаго лаша. Когда Черный Георгій услѣшно возстановилъ Сербовъ противу Турокъ, Велька, будучи со своимъ лашею въ загородномъ виддинскомъ саду, убилъ его соннаго, взялъ оружіе и бѣжавъ въ Сербію собралъ шайку, съ которою грабилъ Турокъ, сталъ ихъ грозю и получалъ отъ нихъ прозвище гайдука (разбойника). Черный Георгій въ признательность за его услуги наименовалъ его воеводою и сдѣлалъ своимъ любимцемъ. Въ числѣ достопамятныхъ событій съ нимъ было слѣдующее: Велькѣ понравилась одна замужняя Сербка, которую онъ и отнял у мужа, за это по законамъ сербскимъ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но Черный Георгій сказалъ: „онъ намъ теперь нуженъ, казнимъ его по окончаніи войны,“ тогда какъ своего брата роднаго за подобный поступокъ приказалъ въ присутствіи своемъ повѣсить на воротахъ его же дома.*

---

* Воевода гайдукъ Велька послѣ заключенія мира былъ начальникомъ ближайшей къ Виддину сербской крѣпости Неготина. Когда Турки вскорѣ послѣ мира опять начали войну съ Сербами не хотѣвшими принять къ себѣ турецкихъ войскъ, Велька храбро защищалъ Неготинъ, отбилъ нѣсколько нападений, но въ одномъ сраженіи былъ убитъ, и тогда уже Турки овладѣли Неготиномъ.

II.

Военныя дѣйствія на Адриатическомъ берегу
въ 1806 году.

Вице-адмиралъ Сенявинъ по прибытіи съ эскадрою въ Корфу въ началѣ 1806 года, принялъ главное начальство надъ бывшими тамъ войсками и флотомъ отъ генераль-майора Анрела, который отозванъ былъ для другаго назначенія. Въ скоромъ времени онъ узналъ что Французы усиливаются въ Далматіи и заняли многіе острова на Адриатическомъ морѣ, почему тогда же посадивъ на корабли три баталіона Витебскаго пѣхотнаго полка отправился съ эскадрою къ берегамъ Далматіи, взялъ у Французовъ острова Курцолу и Браццу, но узнавъ что сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Лористона занялъ новую Рагузу, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя свѣдѣнія что провинція Бокка ди Катаро занята весьма слабымъ отрядомъ австрійскихъ войскъ, онъ видѣлъ что Французамъ весьма легко овладѣть симъ важнымъ пунктомъ, приобрести влияние на Черногорцевъ, народъ намъ преданный, и имѣть въ своихъ рукахъ, можно сказать, ключъ къ Албаніи и Моретъ; почему немедленно оставивъ около береговъ Далматіи небольшой отрядъ для крейсерованія, обратился въ Бокка ди Катаро и въ самый день прибытія туда склонилъ Австрійцевъ передать въ его руки сію провинцію, занялъ войсками нашими крѣпости Кастельнуово, Эсламьоло и Катаро, и послѣ свиданія съ управлявшимъ неограниченно Черногочами митрополитомъ Петромъ Петровичемъ Нѣгошемъ, человекомъ обладавшимъ великими дарованіями и искренно преданнымъ Россіи, убѣдился что народъ Черногорскій воинственный и преданный, по единовѣрью къ намъ, окажетъ всѣ возможныя содѣйствія въ войнѣ противъ Французовъ и Турокъ. На семъ основаніи онъ рѣшился не только твердо удержать за нами сію провинцію, но и дѣйствовать наступательно противъ Французовъ занявшихъ Рагузинскую республику. Въ семъ предположеніи онъ тогда же усилилъ изъ Корфу сухопутный отрядъ тремя баталіонами 13го егерскаго полка, двумя баталіонами Колыванскаго и однимъ баталіономъ Козловскаго

пѣхотныхъ полковъ, а въ послѣдствіи присоединилъ къ сему отряду два баталіона 14го егерскаго полка. Весь этотъ отрядъ поручень былъ шефу 13го егерскаго полка генераль-майору князю Вяземскому, а старше его шефъ Витебскаго пѣхотнаго полка, генераль-майоръ Мусинъ-Пушкинъ, отправился въ Корфу по болѣзни. Имъ при самомъ началѣ вице-адмиралъ Сенавинъ былъ недоволенъ.

Первый отрядъ назначенный въ Катаро состоялъ изъ 13го егерскаго полка, который высаженъ близъ Старой Рагузы, занятой предварительно Витебскимъ полкомъ, въ соединеніи съ Черногорцами до четырехъ тысячъ человекъ. Генералъ Лористонъ желая удержать въ рукахъ свои горы окружавшія крѣпость Новую Рагузу укрѣпилъ оныя и занялъ сильнымъ отрядомъ; но вице-адмиралъ Сенавинъ, желая не потерять время и овладѣть Рагузою прежде прибытія новыхъ войскъ изъ Далматіи, приказалъ князю Вяземскому атаковать Французовъ въ укрѣпленной позиціи подъ самою Рагузою.

Войска наши обще съ Черногорцами приблизились къ позиціи Французами занимаемой, которую они сами почитали неприступною. На отдаленномъ возвышеніи впереди позиціи находилась изъ шести орудій одна ихъ батарея къ которой на самое близкое разстояніе подошелъ первый баталіонъ 13го егерскаго полка, скрываясь отъ выстрѣловъ между огромными камнями покрывавшими гору; при семъ баталіонѣ находился и я, будучи полковымъ адъютантомъ. Къ особенному нашему счастью, при отрядѣ нашихъ войскъ занималъ мѣсто оберъ-квартирмистра недавно перешедшій въ нашу службу изъ Сардиніи майоръ Мишо *, человекъ исполненный большими военными дарованіями, храбрый и опытный. Онъ обозрѣвъ позицію Французовъ прішелъ къ сему баталіону и предложилъ командовавшему онымъ капитану Бабичеву стремительно броситься на батарею, что было мгновенно исполнено, и баталіонъ съ необыкновенною быстротою кинулся на батарею и взялъ оную штыками. Весьма мало Французовъ спаслось бѣгствомъ, многіе переколоты на самой батарее, и еще болѣе сдѣлались жертвой Черногорцевъ во время бѣгства на главную позицію, отдѣленную отъ передовой батареи довольно большою ложиною; при семъ случаѣ

* Въ послѣдствіи графъ и генераль-адъютантъ.

убить французскій генералъ Делегоръ командовавшій передовымъ отрядомъ.

Ободренные симъ удачнымъ началомъ, наши войска и Черногорцы стремительно бросились на позицію и овладѣли оною. Французы въ безпорядкѣ скрылись въ крѣпость, потерявъ болѣе трехъ сотъ человекъ убитыми, ранеными и лѣвными, и оставили въ нашихъ рукахъ все бывшія съ ними четырнадцать пушекъ; потеря съ нашей стороны едва ли простиралась до тридцати человекъ.

Въ это время, по волѣ адмирала Сенавина, я назначенъ при войскахъ въ Бокка де Катаро бригадъ-майоромъ и занималъ эту должность до сдачи Французамъ сей провинціи по Тильзитскому миру. Вслѣдъ за симъ началось самое бѣдственное истребленіе всѣхъ окрестностей Рагузы Черногорцами, литавшими злобу и ненависть къ Рагузинцамъ съ давнихъ временъ. Звѣрски истребляли они жителей и дома ихъ; все предаво было пламени, и не осталось ни одного живаго человека и даже дѣтей, кромѣ тѣхъ которые успѣли спастись въ крѣпость, на суда или на острова. Никакими средствами ни убѣжденіями самого митрополита невозможно было остановить мщенія Черногорцевъ.

Одновременно съ атакой Французовъ на горахъ, вице-адмиралъ Сенавинъ сдѣлалъ десантъ на островъ противъ самой крѣпости, нужный для содержанія оной въ тѣсной осадѣ. Островомъ также овладѣли съ успѣхомъ, и вслѣдъ за симъ въ продолженіе трехъ дней съ необыкновенными усиліями втащили на горы до шестнадцати морскихъ орудій и мортиръ самаго большаго калибра, устроены были батареи, и открылась сильная канонада по крѣпости находившейся подъ нашими ногами на разстояніи не далѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ. Въ первые дни Французы дѣлали нѣсколько вылазокъ, но рѣшительно были отбиты и наконецъ не смѣли болѣе выходить изъ крѣпости; стѣсненіе въ оной и бѣдствія были необыкновенны: дома разрушались и горѣли отъ нашихъ выстрѣловъ, и потеря людей, а особливо городскихъ обывателей, была необыкновенно велика.

Такимъ образомъ стѣсненная Рагуза болѣе двадцати дней близка была къ паденію, но генералъ Мармонъ командовавшій въ Далматіи, по первому полученному имъ извѣстію о нашихъ успѣхахъ, послалъ сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Молитора чтобы спасти Рагузу.

Неизвѣстно мнѣ по какимъ причинамъ адмиралъ Сенявинъ почиталъ невѣроятнымъ прибытіе въ скоромъ времени подкрѣпленія къ Рагузѣ, и потому, несмотря на всѣ убѣжденія князя Вяземскаго снять осаду, упорно продолжалъ оную надѣясь на скорое покореніе крѣпости. Мы должны были ожидать нашей участи, не взирая на удаленіе Черногорцевъ, которые, узнавъ что Молиторъ приближается уже къ нашей позиціи, ушли ночью къ границѣ Бокка ди Катаро, послѣ чего часу въ двѣнадцатомъ дня мы увидѣли что Молиторъ со значительнымъ отрядомъ стремительно занимаетъ мѣста представлявшія намъ единственную возможность отступить къ Бокка де Катаро.

Князь Вяземскій, приказавъ продолжать съ батарей усиленную пальбу по крѣпости и оставивъ на высотахъ малую часть стрѣлковъ подъ моимъ начальствомъ, собралъ весь отрядъ въ скрытомъ мѣстѣ и рѣшился идти противъ Молитора чтобы пробиться къ Старой Рагузѣ и оттуда къ ближайшей Бокеской крѣпости Кастельнуово; но майоръ Мишо, опасаясь что Лористонъ, узнавъ о приближеніи Молитора по первымъ выстрѣламъ и выйдя изъ крѣпости съ его войсками, поставитъ насъ между двухъ огней и подвергаетъ неминуемому уничтоженію, убѣдилъ князя Вяземскаго не теряя ни минуты слѣдовать въ противную сторону и скрытыми мѣстами пробраться въ Порто-Кроче, въ разстояніи отъ крѣпости не болѣе двухъ верстъ, завладѣть находившимися тамъ въ большомъ числѣ рагузинскими кулеческими судами и съѣвъ на оныя сласти отрядъ и присоединиться къ Сенявину.

Князь Вяземскій охотно пріялъ столь благоразумный совѣтъ, мѣстами скрытыми отъ Молитора и Лористона прошелъ безо всякаго затрудненія къ Порто-Кроче, и когда уже войска наши съ пособіемъ бывшихъ на судахъ Рагузинцевъ начали перевозиться съ берега, Французы замѣтили это изъ крѣпости, и Лористонъ сдѣлалъ сильную вылазку, которая была отбита съ необыкновенною твердостью однимъ баталіономъ 13го егерскаго и баталіономъ Витебскаго пѣхотныхъ полковъ, подъ командою майора Забѣлина, поставленными для прикрытія перевоза войскъ на суда. Въ то же самое время и я со стрѣлками, заклепавъ на батарей орудія, присоединился къ симъ баталіонамъ безо всякой потери; наступившая ночь доставила намъ возможность безо всякаго

затрудненія и прелатотвія перевести всѣ войска на суда, а къ утру адмиралъ Сенявинъ подошелъ со всѣмъ флотомъ къ Порто-Кроче и подъ прикрытіемъ сильной канонады съ кораблей присоединилъ къ себѣ рагузискія суда съ войсками на нихъ бывшими.

Потеря съ нашей стороны во время отраженія вылазки простиралась убитыми и ранеными до 50 человекъ. Князь Вяземскій, совершившій столь удачное отступленіе, вслѣдствіе предварительныхъ неудовольствій съ адмираломъ Сенявинымъ сказался больнымъ и сдалъ команду полковнику Божелю, до прибытія назначеннаго изъ Корфу командовать отрядомъ Г. М. Поландоло.

Послѣ перевозки съ кораблей на рагузискія суда нужнаго числа офицеровъ, матросовъ и потребнаго количества провизіи для продовольствія войскъ мы отправились въ Бокка-ди-Катаро, гдѣ высадившись при Каstellнуово и соединившись съ Черногорцами сильнымъ отрядомъ заняли границу Бокескую къ сторонѣ Рагузы, при урочищѣ Дебелый Брегъ, имѣя передовые посты въ Старой Рагузѣ. Такимъ образомъ безо всякаго покушенія противъ насъ со стороны Французовъ простояли мы болѣе двухъ мѣсяцевъ, до полученія адмираломъ Сенявинымъ изъ Парижа увѣдомленія отъ уполномоченнаго нашего Убри что миръ съ Французами заключенъ и по оному провинція Бокка-ди-Катаро уступлена Французамъ, почему войска наши по сдачѣ оной должны возвратиться въ Корфу. Въстѣ съ тѣмъ генералъ Мармонъ перенесъ главную квартиру свою изъ Далматіи въ Рагузу и настоятельно требовалъ скорѣйшей сдачи Бокка-ди-Катаро. *

Адмиралъ Сенявинъ отвѣчалъ ему рѣшительно что ояъ не признаетъ трактата о мирѣ подписаннаго уполномоченнымъ Убри, но не ратификованнаго государемъ императоромъ, по поводу чего и заключено было перемиріе до полученія высочайшаго разрѣшенія изъ Петербурга, на такихъ условіяхъ чтобы войска и флотъ оставались въ занимаемыхъ ими мѣстахъ и не дѣлали никакихъ движеній, кромѣ тѣхъ случаевъ когда адмиралу Сенявину нужно будетъ посылать небольшія военныя суда съ распоряженіями его въ Корфу и

---

* Извѣстіе это доставилъ Сенявину бывший у Французовъ въ плѣну нашъ артиллеріи капитанъ Морденко.

другія мѣста заняты нашими войсками и флотомъ. Когда же адмиралъ Сенявинъ узналъ что Французы во время перемирія усилюють изъ Далматіи войска въ Рагузъ, то и самъ присоединилъ изъ Корфу два баталіона 14го егерскаго и одинъ баталіонъ Колыванскаго пѣхотныхъ полковъ. Въ продолженіи перемирія Французы заняли мысъ Пунта-д'Остро, находящійся при входѣ изъ Адриатическаго моря въ Катарскій заливъ, устроили на ономъ сильныя батареи изъ нашихъ орудій, оставленныхъ при Рагузѣ, и нѣсколькихъ крѣпостныхъ большаго калибра, перевезенныхъ туда на судахъ изъ Рагузы. Этимъ они рѣшительно могли возбранить входъ и выходъ нашему флоту изъ Катаро. Многимъ казалось неслыханнымъ что адмиралъ Сенявинъ не обращалъ на это никакого вниманія; во когда получено было отъ государя лодное одобреніе непризнанія Сенявинымъ мира подписаннаго Убри, и кончилось перемиріе, Сенявинъ на другой же день посадилъ на гребныя суда отрядъ изъ 1.000 человекъ подъ начальствомъ полковника Божеля, сдѣлавъ десантъ на Пунта-д'Остро и безъ сопротивленія взялъ батареи и отрядъ Французовъ на нихъ бывшій, что и объяснило его хладнокровіе съ которымъ онъ смотрѣлъ на занятіе Французами сего важнаго для насъ пункта.

Адмиралъ Сенявинъ, предвидя что Мармонъ употребитъ всѣ усилія къ отнятію у насъ Катарской провинціи, усилилъ войска наши Черногорцами которыхъ собралось при Кастельнуово до 5.000 человекъ, подъ предводительствомъ митрополита Петра Петровича.

По взятіи Пунта-д'Остро войска наши и до трехъ тысячъ Черногорцевъ, подъ начальствомъ Г. М. Попадополо, заняли позицію на границѣ Бокеской и Рагузинской при урочищѣ Дебелый Брегъ, въ двадцати верстахъ отъ Кастельнуово. Въ скоромъ времени Мармонъ съ 12тысячнымъ корпусомъ приблизился къ нашей позиціи, и генералъ Попадополо видя многія неудобства занимаемой имъ позиціи отступилъ и занялъ предъ Кастельнуово въ пяти верстахъ позицію удобнѣйшую для отраженія Французовъ, ежели Черногорцы удержатъ высоты бывшія на нашемъ правомъ флангѣ, которыя давали возможность обойти нашъ флангъ и отрѣзать отступление. Послѣ сего чрезъ два дня Мармонъ сталъ предъ нами въ боевой порядокъ, а вице-адмиралъ Сенявинъ далъ

приказаніе генералу Поладоло, не взирая на неравенство силъ, принять сраженіе и защищаться до послѣдней крайности. Нашими дѣйствіями подъ главнымъ распорядженіемъ Поладоло, генерала хладокровнаго, распорядительнаго и знающаго свое дѣло, преимущественно руководилъ искусный и храбрый майоръ Мишо.

Въ 8 часовъ утра Французы атаквали насъ на всѣхъ пунктахъ. Главнѣйшее стремленіе обращено было на нашъ лѣвый флагъ и центръ, гдѣ два раза съ невѣроятною храбростію всѣ покушенія ихъ были отражены. Мармонъ, видѣвшій такую непреодолимую твердость нашихъ войскъ, обратилъ главнѣйшую атаку на Черногорцевъ, которые не могли долго держаться и отступили стремительно въ горы, оставивъ насъ однихъ. При началѣ сей атаки майоръ Мишо вмѣстѣ со мною и двумястами стрѣлковъ 13го егерскаго полка присоединились къ Черногорцамъ, для ободренія ихъ. Онъ имѣлъ неосторожность отдѣлаться отъ насъ, и такъ какъ онъ не зналъ русскаго языка и былъ одѣтъ въ мундиръ отличавшемся отъ нашихъ офицеровъ, то Черногорцы принявъ его за французскаго офицера окружили толпою. Одно еще мгновеніе и онъ былъ бы безъ головы, по примѣру всѣхъ Французовъ попадавшихъ въ руки Черногорцевъ, ибо они, не взирая на обѣщаніе что за каждаго представляемаго ими живаго лѣваго будутъ получать по десяти червонцевъ, никогда не приводили ни одного живаго, но считали за особую славу рѣзать головы. Увидѣвъ что Черногорцы бросились толпами въ ту сторону куда пошелъ Мишо, я побѣжалъ туда съ нѣсколькими егерями, съ большимъ затрудненіемъ едва могъ протѣсниться среди толпы Черногорцевъ и увидѣлъ много киваловъ надъ головой Мишо, но когда Черногорцы услышали отъ меня что это нашъ офицеръ, то бросились обвинять его, извиваясь въ своей дерзости.

Генералъ Поладоло, предоставленный собственнымъ своимъ силамъ, не могъ долѣе удерживаться не подвергнувъ отряда совершенному уничтоженію, почему и началъ отступленіе къ крѣпостямъ Кастельнуово и Эспальоло, отражая на каждомъ шагѣ съ необыкновенною твердостію всѣ стремительныя покушенія Французовъ, и занявъ крѣпости не допустивъ нашихъ войскъ ни на одномъ пунктѣ до разстройства.

Въ семъ сраженіи главнѣйше оказали содѣйствіе и необы-

квоенную храбрость 13и егерскій и Витебскій полки, командовавшій артиллеріей штабъ-капитанъ Александръ-Засядко, Витебскаго пѣхотнаго полка поручикъ Клаучко, который и раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости, но главнѣйшее содѣйствіе отъ начала до конца сраженія было оказано достойнымъ майоромъ Мишо, который обще съ инженеръ-подполковникомъ Джавотти устроили все науучшимъ образомъ и къ оборонѣ крѣпостей. Мармонъ немедленно занялъ всѣ ближайшія высоты и открылъ сильную канонаду, а на другой день требовалъ сдачи и получилъ рѣшительный отказъ. На третій день митрополитъ съ Черногорцами показался въ тылу Французовъ, что и привудило Мармона отступить къ Рагузѣ, послѣ чего онъ уже болѣе не предпринималъ наступательныхъ противу насъ дѣйствій до заключенія мира. Потеря наша въ семь сраженій простиралась убитыми, ранеными и плѣнными до 800 человекъ. Французы же, по всѣмъ свидѣніямъ подтвердившимся въ послѣдствіи, потеряли вдвое болѣе. Плѣнные наши до 200 человекъ были размѣнены въ скоромъ времени на такое же число Французовъ взятыхъ въ Курцолѣ.

Адмиралъ Севявичъ, вида бездѣйствіе Французовъ, взялъ на кораблѣ изъ отряда нашего 13и егерскій полкъ, баталіонъ Витебскаго и баталіонъ 14го егерскаго и отправился съ сильною эскадрой въ Адриатическое море для нанесенія Французамъ пораженія на островахъ близъ Далматіи. Съ быстрою рѣшимостью взялъ островъ Брацца съ отрядомъ на немъ бывшимъ, лотомъ высадилъ десантъ на островъ Курцолу. Въ продолженіе трехдневной осады привудилъ къ сдачѣ на капитуляцію крѣпость сего же имени. По условію съ гарнизономъ бывшимъ подъ начальствомъ полковника графа Орфейа, штабъ и оберъ-офицеры перевезены въ крѣпость Зару и сданы Французамъ, а нижніе чины, какъ военнопленные, отправлены въ Корфу. Во время сей экспедиціи особенно отличился 13и егерскій полкъ. Потеря съ нашей стороны простиралась до 50 человекъ убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ находился храбрый 13го егерскаго полка поручикъ Воейковъ, обратившій на себя особенное вниманіе адмирала, который и отдалъ его на корабль *Твердый* подъ особое поличеніе командира оного капитана 1го ранга Малѣева.

Въ это время вице-адмиралъ Сенавинъ получилъ изъ Петербурга повелѣнiе о войнѣ съ Турками, и ему поставлено было главною цѣлью соединиться съ англiйскою эскадрою въ Архипелагѣ и дѣйствовать противъ Дарданеллъ, а въ случаѣ возможности и самаго Константинополя. Вслѣдствiе чего оный, оставивъ для крейсерованiя при Курцолѣ и Браццѣ бригъ *Александръ* подъ начальствомъ лейтенанта Сколовскаго, со всею эскадрою и отрядомъ занимавшимъ Курцолу и Браццу прибылъ въ Бокка-ди-Катаро для сдѣланiя дальнѣйшихъ распоряженiй; въ то же время государю угодно было чтобы генералъ Поладололо формировалъ въ Корфу четыре Албанскiе легiона.

Адмиралъ Сенавинъ, оставивъ въ Катаро корабли *Св. Петра* и *Москву*, фрегатъ *Михаилъ* и нѣсколько военныхъ транспортныхъ судовъ подъ начальствомъ капитана 1го ранга Бяративскаго и поручивъ сухопутныя войска 14го егерскаго полка полковнику Книперу, предписалъ чтобъ они во время его отсутствiя дѣйствовали во всѣхъ случаяхъ не иначе какъ по общему совѣщанiю, при каковыхъ совѣщанiяхъ я былъ назначенъ правителемъ дѣлъ.

Еще до выступленiя Сенавина изъ Катаро возвратился туда бригъ *Александръ* который при островѣ Брацца былъ атакованъ во время штиля вышедшими изъ Зары нѣсколькими гребными судами съ десантными войсками и орудiями большого калибра; въ числѣ сихъ судовъ находился ботъ *Наполеонъ*. Они приблизились къ бригу *Александръ*, открыли сильную канонаду, но видя рѣшительную оборону, предпривали взять его на abordажъ. Лейтенантъ Сколовскiй защищался до послѣдней крайности, всѣ офицеры кромѣ его были убиты и ранены, изъ команды едва ли оставалась третья часть въ живыхъ, заряды всѣ были выпущены, Франдузы осылая пулями приближались на нѣсколько саженъ и погибель брига *Александръ* казалась неизбежною, но подувшiй въ то самое время вѣтеръ послужилъ храброму Сколовскому ко спасенiю, и послѣднiй вступивъ подъ паруса потопилъ нѣсколько французскихъ судовъ и взялъ въ плѣнъ ботъ *Наполеонъ*. Адмиралъ Сенавинъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ дѣяствiй Сколовскаго что на праздникѣ который оный давалъ въ Кастельнуово въ день Богоявленiя, предъ выступленiемъ, для всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, самъ съ капитанами кораблей качалъ Сколовскаго на рукахъ.

Послѣ отбытія Севявина и объявленія войны съ Турками, повѣренный въ дѣлахъ находившійся въ Бокка-ди-Катаро статскій совѣтникъ Санковскій, обще съ митрополитомъ Петромъ Петровичемъ настоятельно предложили полковнику Кнелеру сдѣлать экспедицію для овладѣнія турецкою крѣпостью Никшичь и укрѣпленіемъ Клобукъ, прилегающими къ черногорскимъ границамъ, какъ пунктами весьма важными для совершеннаго обезпеченія Черногорцевъ отъ нападенія Турокъ и наротивъ дающимъ средство Черногорцамъ съ удобностію производить вторженія въ провинцію Герцеговину. Полковникъ Кнелеръ, имѣя въ виду главнѣйшій предметъ, защиту Бокка-ди-Катаро отъ Французовъ, долго не соглашался на это предложеніе, но убѣжденія митрополита и ноты Санковскаго, коими онъ упрекалъ даже Кнелера что подобнымъ отказомъ онъ охладитъ привязанность къ намъ Черногорцевъ и теряетъ ихъ усердное содѣйствіе противъ Французовъ, принудили Кнелера, по совѣщанію съ капитаномъ Іго ранга Барятинскимъ, рѣшиться сдѣлать предлагаемую экспедицію, для которой и были командированы 13й Егерскій полкъ подъ командой подполковника Забѣлина и баталіонъ Витебскаго полка подъ командой майора Безобразова. Первый назначался для овладѣнія Никшичемъ, а послѣдній—Клобукомъ, гдѣ по увѣренію Санковскаго былъ весьма малый гарнизонъ и самыя укрѣпленія въ залуценномъ положеніи. Къ симъ отрядамъ присоединилось до 2.000 Черногорцевъ.

Майоръ Забѣлинъ приблизясь къ Никшичу съ успѣхомъ занялъ форштатъ, и самая крѣпость будучи стѣсненною не могла бы долго обороняться, но въ то же время получилось извѣстіе что майоръ Безобразовъ при Клобукѣ былъ окруженъ превосходнымъ числомъ Турокъ которые атаковали его и принудили отступить въ Катаро съ потерей до 150 человекъ; причемъ самъ Безобразовъ убитъ. Поэтому Забѣлинъ, разсуждая что Турки дѣйствовавшіе противъ Безобразова обратятся на него и поставятъ въ самое опасное положеніе, рѣшился отступить, что исполнилъ немедля и безъ потери людей, такъ что Турки слѣдовавшіе съ послѣдностію отъ Клобука къ Никшичу прибыли туда чрезъ нѣсколько часовъ послѣ его отступленія.

Симъ кончились военныя дѣйствія въ провинціи Бокка-ди-Катаро предъ заключеніемъ Тильзитскаго мира.

Дѣйствія адмирала Сенявина въ Архипелагѣ описаны съ большимъ точностію В. Бровевскимъ.

Послѣ заключенія мира въ Тильзитѣ, прибыли изъ Триеста на нашемъ бригѣ фельдъегерь и адъютантъ Бертье, полковникъ Мутонъ; первый привезъ Высочайшее повелѣніе на имя командовавшаго флотомъ и войсками въ Бокка-ди-Каттаро и другое такое же повелѣніе на имя адмирала Сенявина съ которымъ и былъ немедленно отправленъ, но когда Мутонъ вошелъ въ отведенную ему на кораблѣ каюту, то фельдъегерь вручалъ тайнымъ образомъ Барятинскому другое секретное повелѣніе, предваривъ на словахъ что оно должно остаться великою тайною для Мутона.

Въ открытомъ Высочайшемъ повелѣніи предписано было сдать провинцію Бокка-ди-Каттаро Французамъ, а войскамъ и флоту сѣдовать въ Венецію, гдѣ первыя высадить на берегъ и расположить въ Падуѣ и Тревизѣ до соединенія тамъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ находящихся на Ионическихъ островахъ и въ Архипелагѣ, и состоять въ продовольствіи отъ Французскаго правительства. Въ другомъ же секретномъ повелѣніи сказано было чтобы, по заключенному трактату съ королемъ Великобританскимъ, во всѣхъ случаяхъ избѣгать всего что только можетъ клониться къ нарушенію мира съ Англіей, но содержать это въ большой тайнѣ отъ Французскаго правительства.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ въ Кастельнуово изъ Рагузы генералъ Лористонъ, для сдѣланія предварительныхъ распоряженій о принятіи отъ насъ провинціи и запасовъ продовольствія, а вслѣдъ за нимъ прибылъ Мармонъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней войска наши посажены на суда, а провинція занята Французами. Невозможно описать въ какую горестъ повергнуто это событіе Бокесцовъ и Черногорцевъ. Митрополитъ Петръ Петровичъ немедленно удался въ Черногорію, въ монастырь Нѣгошъ, и Мармонъ желавшій съ нимъ видѣться получилъ нѣсколько рѣшительныхъ отказовъ, но наконецъ, по убѣдительному настоянію, митрополитъ согласился имѣть свиданіе съ Мармономъ на самой чертѣ границы Черногорской, съ тѣмъ условіемъ чтобы Мармонъ и онъ имѣли при себѣ только по два чиновника, а конвои обоихъ находились бы въ милѣ отъ пункта свиданія. Всѣ усилія Мармона склонить на свою сторону митрополита и народъ имъ управляемый не имѣли ни

малѣйшаго успѣха и съ твердостію были отвергнуты, послѣ чего они разстались и митрополитъ убѣдительно просилъ не предлагать ему вторично свиданія, объявивъ что предаваемо-сти его и народа Черногорскаго къ Россіи ничто не измѣнитъ.

Послѣ выстуленія изъ Бокка-ди-Катаро во время сѣдлова-нія къ Венеціи въ Адриатическомъ морѣ, мы попали между тифоновъ, и одинъ изъ нихъ пройдя чрезъ корабль *Петръ* сдѣлалъ ему величайшія поврежденія, что принудило Барятинскаго зайти съ эскадрою въ ближайшій портъ Параво для починки изломанныхъ на кораблѣ *Петръ* реевъ и стеньгъ, а также поврежденій на другихъ судахъ. На другой день послѣ прибытія нашего въ Параво пришли туда два англійскіе фрегата подъ начальствомъ командира Камлбеля, который при свиданіи съ Барятинскимъ, узнавъ что онъ сѣдуетъ въ Венецію, объявилъ что болѣе шести мѣсяцевъ блокируетъ сей портъ и вступленіе въ оный нашей эскадры долженъ будетъ счесть дѣйствиємъ неприязненнымъ.

Барятинскій, имѣя въ виду секретное повелѣніе, рѣшился немедленно послать Витебскаго полка капитана князя Шухматова въ Вѣну, къ полномочному нашему министру князю Куракину, прося его совѣта какъ сѣдуетъ поступить въ семъ случаѣ, а между тѣмъ до полученія отвѣта перешелъ съ эскадрою въ Триестъ, гдѣ могъ найти всѣ матеріалы для починки поврежденій. По прибытіи туда чрезъ восемь дней получилъ отъ князя Куракина отвѣтъ, который писалъ Барятинскому съ упреками что онъ усомнился исполнить высочайшую волю и что на его мѣстѣ, несмотря ни на какія представленія англійскаго командира, будучи несравненно сильнѣе его пошелъ бы прямо въ Венецію, и еслибы командиръ въ такомъ случаѣ рѣшился оказать сопротивленіе, то на его отвѣтственности и остался бы сей постулокъ, о секретномъ же повелѣніи не упоминалъ ни слова, какъ бы ему оно вовсе извѣстно не было.

По окончаніи починокъ на судахъ мы прибыли въ Венецію не встрѣчая нигдѣ англійскихъ фрегативъ. Войска были высажены на берегъ и расположились въ назначенныхъ мѣстахъ гдѣ и оставались до прибытія всѣхъ войскъ съ Ионическихъ острововъ и Архилелага, изъ коихъ и образована 15я пѣхотная дивизія; 1я бригада: Витебскій и Козловскій полкъ; 2я Куривскій и Кольванскій; 3я, 13я и 14я егерскіе полки, коими

до прибытія назначеннаго дивизионнаго начальника генерал-лейтенанта Маркова командовалъ старшій генералъ-майоръ Назимовъ.

Послѣ предварительнаго распоряженія министра нашего въ Вѣнѣ съ Австрійскимъ правительствомъ, за которымъ посланъ былъ командиръ 3й бригады князь Ваземскій, дивизія выступила по локкамъ и слѣдовала черезъ Австрію и Венгрію для соединенія съ Молдавскою арміею. Во время слѣдованія черезъ Венгрію, мы видѣли на каждомъ шагѣ необыкновенную привязанность Венгерцевъ къ Россіи.

ПРЯМЫМЪ ПУТЕМЪ И ОБОЛИЦЕЙ

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ ЛѢТНЕЕ ВРЕМЯ 1876 ГОДА ПО РУМЫНИИ, СЕРВИИ И ТУРЦІИ.

I.

Цѣль и направленіе.—Выѣздъ.—Переправа черезъ Днястръ.—Хотинъ.—Новоселицы.—Граница.—Австрійская гостиница.—Бессарабскій землевладѣлецъ.—Шоссе.—Черновцы.—Чистота и порядокъ.—Сумашедшій.—Войско.—Кегап.—Процессія Св. Петра.—До Сучавы.—Въ Яссы.—Хозяинъ и Грекъ.—Консульство.—Гусарь-мститель національной чести.—Доброволецъ.

Чтобы стали понятны цѣль и направленіе моего путешествія, необходимо сказать нѣсколько словъ въ видѣ предисловія.

Самъ я родился, воспитывался и служу въ Россіи, но отецъ мой былъ родомъ Крѣтянинъ, а мать похоронена въ той части Бессарабіи которая отошла къ Румыніи. Родныхъ съ отцовской стороны я никогда не видалъ, зналъ только что одни живутъ на островѣ Критѣ, а другіе въ Ефесѣ; но въ послѣднее время завязалась между нами такая дѣятельная переписка, что я рѣшился наконецъ навѣстить ихъ и познакомиться лично, да кстату проѣхать черезъ Румынію и посѣтить могилу моей матери и тѣ мѣста гдѣ ученикомъ проводилъ счастливое вакаціонное время. Планъ моего путе-

шествія былъ составленъ такимъ образомъ что я черезъ Австрію пройду въ Румынію, а затѣмъ въ Турцію и Грецію, чтобы, соединяя пріятное съ полезнымъ, посѣтить и родныхъ, да кстати ознакомишься съ главнѣйшими городами этихъ странъ.

Отпускъ на вакаціонное время былъ испрошенъ, и я ждалъ съ нетерпѣніемъ того дня когда мнѣ можно будетъ выѣхать. Но чѣмъ болѣе приближался этотъ день, тѣмъ болѣе становилось опаснымъ мое предпріятіе, и друзья положительно совѣтовали отложить его исполненіе до болѣе благопріятнаго времени. Чтобъ и въ самомъ дѣлѣ не утрашиться и не отложить, я въ первый же свободный день, 26го іюня, выѣхалъ изъ Каменецъ-Подольска, отвѣчая на увѣщанія друзей тѣмъ что чѣмъ болѣе въ путешествіи опасностей, тѣмъ болѣе и удовольствій, но самъ про себя рѣшивъ исполнить это дѣло, но со всевозможною осторожностью.

Предосторожности имѣвшіяся въ виду должны были состоять въ томъ что я начну свое путешествіе съ Австріи, какъ болѣе цивилизованной страны, затѣмъ перейду въ Румынію, страну спокойную, несмотря на пятидесятитысячное хорошо вооруженное на бумагѣ войско, а затѣмъ уже буду пробираться въ Ефесъ и Критъ, но не теряя изъ виду Пирейской гавани чтобы въ случаѣ чего, вмѣсто Ефеса и Крита, обогнуть Целопонезъ и черезъ Триестъ вернуться во свояси, увидѣвъ не то что хотѣлъ, но то что было возможно. Кромѣ того, я рѣшалъ не вести на всякій случай никакихъ записокъ и не играть роли дѣятеля, а быть всюду пассивнымъ зрителемъ. Съ такими намѣреніями переправился у Жванецъ черезъ Днѣстръ, любуясь видящимся Хотиномъ и солугствуемымъ благожеланіями нѣсколькихъ кулающихся товарищей.

— Не зарѣзали бы только Турки! сказали они мнѣ въ догонку.

— Скорѣй я ихъ ловѣшу! отвѣтилъ я, показывая на взятую съ собою по привычкѣ веревку.

Если Хотинъ издали пріятно подѣйствовалъ моею живописностью, то въѣхавъ въ него я перемѣнилъ о немъ мнѣніе, такъ какъ турецкая мостовая по которой надо было вѣхать изломала мнѣ всѣ кости и заставила крѣпко стиснуть зубы чтобы не прикусить себѣ языка. Мученія эти кончились наконецъ, и мы въѣхали въ новую часть города, пра-

вильно построенную и украшенную недавно насаженными бульваромъ вокругъ соборной церкви.

Переночевавъ въ одной изъ лучшихъ, но весьма неудобной гостиницѣ, а на другой день отправился далѣе и къ полудню былъ въ Новоселцы. На пограничномъ мосту окружили меня Еврей съ предложеніемъ разныхъ услугъ и указали мнѣ на австрійскаго воина, отъ котораго, по ихъ словамъ, все зависитъ. Я предъявилъ ему свой паспортъ, но онъ ему не понравился, такъ какъ не было на немъ надписи австрійскаго консула. Напрасно я ему заявлялъ что въ нашемъ городѣ нѣтъ такого консула, онъ оставался неумолимымъ и не пропускать меня черезъ границу. Лбомъ стѣны не прошибешь, думаю себѣ, а назадъ вернуться не хочется. Къ счастью, какъ мнѣ тогда казалось, одинъ изъ окружавшихъ Евреевъ выручилъ меня, предложивъ дать солдатику цивилизованной націи гульденъ.

— А не обидится ли онъ? спросилъ я.

— Ахъ, ахъ! Еще будетъ очень радъ: какъ можно обижаться!

Опять обратился къ солдатику съ паспортомъ и гульденомъ. Онъ взялъ гульденъ, скорчивъ довольно кислую физиономію, какъ бы недовольный что я его соблазнилъ, но разрешилъ мнѣ пролукъ.

Еврей, замѣтивъ мою щедрость, затѣялъ было распоряжаться моимъ кошелькомъ и выманить сколько будетъ можно.

— Вы не входите сами въ таможеню, замѣтилъ онъ мнѣ наставительно,— а тутъ есть другой солдатъ которому тоже надо дать гульденъ, и онъ отвесетъ для подписи вашъ паспортъ въ канцелярію.

Я уже рѣшился разстаться съ другимъ гульденомъ, но этого солдата надо было еще ждать, а гостиница неподалеку соблазнила меня, ничего не бравшаго въ ротъ съ утра. Голодъ придалъ мнѣ смѣлости, я рискнулъ и вошелъ самъ въ канцелярію, несмотря на отчаянные жесты моихъ доброжелателей Евреевъ. Приемъ оказанный мнѣ здѣсь удивилъ меня, и только послѣ узналъ я что этимъ обязанъ я своему чину. въ буквальномъ переводѣ гофратъ, что въ Австрію много значить.

Раздѣлавшись съ таможеней, я направилъ свои стопы въ гостиницу, гдѣ подали мнѣ недурной обѣдъ, который показался бы мнѣ еще вкуснѣе, еслибы хозяинъ Еврей не застав-

лялъ меня соблюдать всѣ обряды Моисеева закона при позованіи столовымъ приборомъ. Тутъ подошла извозчица и начался торгъ съ весьма высокой цѣны, а дошло уже до двухъ гульденовъ, когда проѣзжавшій бессарабскій вельведѣлецъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ экипажѣ. Дорога до Черновиць часто нѣмецкая—не слытываешь разнообразныхъ ощущеній, сначала страха сломать себѣ шею, а потомъ удовольствія по минованіи оласности, а ѣдешь себѣ спокойно, такъ какъ шоссе вездѣ содержится аккуратно и малѣйшая рытвина ограждена ллетвемъ. По дорогѣ встрѣчались мужики предлагавшіе вишви, но велпремѣнно на мѣрку, а не гуртомъ—нѣмецкая точность и на нихъ ловилась. Хотѣлъ узнать я какой они національности, но это оказалось дѣломъ великимъ, такъ какъ всѣ они говорятъ одинаково свободно по-русски и по-румынски. Живутъ они, какъ видно, въ довольствѣ и каждый почти домъ въ селѣ окруженъ фруктовыми садами.

Въ сумерки завидѣли Черновцы, расположенные весьма живописно. Этотъ городъ служитъ мѣстопробываніемъ губернатора и епископа православнаго исповѣданія, который прежде имѣлъ свою кѣедрю въ Радовцахъ. Кроме того, здѣсь находятся главныя присутственныя мѣста Буковины, богословская семинарія православнаго исповѣданія, лицей и реальное училище.

По мосту черезъ Прутъ столбы съ надписью „Langsam“, и какъ это строго всѣми исполняется—штрафы не своей брать! Въ гостиницѣ гдѣ остановился та же чистота, тотъ же порядокъ, та же исполнительность, хотя занималъ я номеръ выходящій окнами не на улицу, а потому весьма недорогой.

Было уже темно, но я все же прошелся немного по городу и зашедъ въ одну кофейню несмѣло потребовалъ чаю, если есть. Мнѣ немедленно подали, чему не мало удивился, но потомъ же и разочаровался когда его попробовалъ. Чистѣйшій лувшъ здѣсь называютъ чаемъ, о другомъ и понятія не имѣютъ. Не желая однакоже соваться со своимъ уставомъ въ чужой монастырь, я старался пить его съ удовольствіемъ, какъ потомъ уничтожалъ наперстки водки въ Румыніи и дюжины скорлулокъ турецкаго кофе въ городахъ Турціи и Греціи.

На другой день былъ праздникъ Петра и Павла. Зашелъ въ двѣ православныя церкви, весьма пространныя, а народу мало—

набожности Великоросса видѣть не найдешь между православными. Кругомъ отъѣвъ лавки для сидѣнія; по лѣвой сторонѣ кафедре, какъ въ католическихъ костелахъ, для проповѣди и чтенія Евангелія, а остальное какъ и у насъ. Въ обѣихъ церквахъ служба шла на румынскомъ языкѣ и въ одной изъ нихъ присутствовали и студенты богословія, въсащіе костюмъ подобный монашескому. Церкви въ центрѣ города и должно-быть изъ лучшихъ, но благодѣлія особеннаго не видно ни по вкусу, ни по богатству.

Потелъ гулять по городу и восхищаться нѣмецкою частотою и порядкомъ. Прогулка не трудна, благодаря хорошимъ тротуарамъ. По городу ходили небольшіе отряды войска, каждый съ унтеръ-офицеромъ во главѣ—вадно, учились тупая. Войско опрятное, но солдаты весьма тщедушные, хоть и хорошо выдержанные. Тутъ же встрѣтилъ непріятнаго воина, сошедшаго вѣроятно съ ума отъ плохой оцѣнки его военныхъ способностей. Сей мужъ одѣтъ былъ въ старыи солдатскій мундиръ, но вся грудь его была усыпана пугевицами, къ порваннымъ туфлямъ прицѣплены шпори, а на боку большой деревянный тесакъ. Дошелъ до какого-то сада, гдѣ слышенъ былъ стукъ кегельныхъ шаровъ. Вошелъ и потребовалъ кружку пива на общеевропейскомъ языкѣ, а затѣмъ спросилъ, нѣтъ ли знающихъ говорить по-русски или по-румынски? Мнѣ указали на одного молодого человѣка, которому и выразилъ я желаніе поиграть въ кегли. Нашелся охотникъ, но не согласился иначе какъ на деньги. Началась игра. Билея Буковинецъ два часа—не выигралъ у меня болѣе двухъ крестцовъ. Пустылся на хитрости и сталъ онъ съ другими пари держать: выѣмался и я—взяли у меня Нѣмцы два гульдена, но и то сказать, кто сравнится съ Нѣмцемъ въ этой игрѣ. Думалъ заластись здѣсь кое-какимъ латвемъ, такъ какъ Черновцы славятся дешевизной этого товара: но купцы-Евреи сейчасъ узнаютъ иностранца и запрашиваютъ въ тридорога. Въ этотъ же день, возвращаясь послѣ обѣда въ гостиницу, вижу на площади толпу народа. Спрашиваю одного мужика что за причина такого сборища?—Развѣ забыли, отвѣтилъ онъ мнѣ по-румынски, что сегодня день Св. Петра, ну и будутъ водить святаго по городу съ музыкой. Дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ заиграла музыка и процессія двинулась по улицамъ, сопровождаемая простонародьемъ собравшимся на Петровскую армарку.

На площади же красуется памятникъ владычества Австріи надъ Буковиной, и не думаю чтобы жители сѣтовали на такое владычество, потому что подъ властью родной Румыніи врядъ ли они подызовались бы и сѣтою долей благосостоянія и благоустройства. Тамъ не мѣнѣ Румыны Княжество и до сихъ поръ съ горестью вспоминаютъ о потерѣ этой провинціи и даже въ учебникахъ дается много мѣста разказу объ убійствѣ Григорія Гаки, который энергически протестовалъ противъ этого захвата. Но это только въ книгахъ и газетахъ, а самъ народъ мѣнѣ всего дорожитъ своею національностью, было бъ ему въ другихъ отношеніяхъ удобно.

Заходили еще въ нѣсколько книжныхъ лавокъ и былъ удивленъ не найдеть ни одной русской или румынской книги, а всѣ нѣмецкія и польскія.

Неужели эти двѣ послѣднія націи поглотятъ здѣсь двѣ первыя, болѣе значительныя по численности, но мѣнѣ расположенныя къ національной пропагандѣ? А вѣдь, кажется, къ тому идетъ, хоть и ведется осторожно.

Жилъ бы я здѣсь еще, да надо было спѣшить чтобы исполнить въ точности предназначанный маршрутъ, а потому 30го іюня отправился на вокзалъ и взялъ билетъ въ Сучаву. Въ вагонѣ сосѣдями имѣлъ семейство бывшего учителя Француза, который теперь въ отставкѣ занимается хозяйствомъ. Мы съ нимъ разговорились, и онъ предлагалъ мнѣ, если остаюсясь въ Сучавѣ, рекомендовать меня своему сыну, но въ Сучавѣ я не останавливался, такъ какъ видъ этого города съ вокзала мнѣ показался весьма непривлекательнымъ, а потому и не воспользовался любезнымъ предложеніемъ своего сосѣда, лишивъ себя удовольствія видѣть развалины древней крѣпости, построенной, по преданію, Даками, и древній храмъ Св. Іоанна, гдѣ находится гробница Александра Добраго, сдѣлавшаго много для правосавія, за что Румынское правительство содержитъ доселѣ эту церковь на собственный счетъ.

Въ Сучавскомъ вокзалѣ таможенный чиновникъ взялъ съ меня слово что у меня нѣтъ ничего лишняго въ чемоданѣ, и пропустилъ. Тутъ же меня поразилъ нѣкіе мужи, представлявшіе собою смѣсь военнаго и ищевскаго. На головѣ истертая баранья шапка (кучма, качула) съ нѣсколькими приколотыми перьями, одѣты въ какія-то ветхія шпалеи, къ поясу прицѣплена сабля, а ноги обуты въ лапти. Я

спросилъ, что это за люди? и мнѣ отвѣтили что это добраванты, румынская національная гвардія, которая пока исправляетъ обязанности пограничной стражи. Съ переходомъ въ Румынію измѣняется общество, измѣняются порядки. Одна дама никакъ не усидитъ на одномъ мѣстѣ и безъ церемоніи шагаетъ черезъ головы пассажировъ. Мужикъ замѣтилъ своего пріятеля въ полѣ и чуть не прыгнулъ изъ вагона.

— При мнѣ такія вы штуки выкидываете, господа, замѣтилъ оберъ-кондукторъ,—а что бы было безъ меня?

— Вѣроятно то же что и при тебѣ! лукаво замѣтилъ одинъ изъ многихъ сыновъ Израиля.

Поездъ пошелъ скорѣе, и кондукторъ убоился перейти въ другой вагонъ—такъ и остались билеты неосмотрѣнными. По дорогѣ въ Яссы пришлось проѣзжать мимо Тыргу-Фрумось (красивый городъ), неизвестно почему такъ названнаго, по крайней мѣрѣ въ настоящее время это одинъ изъ грязнѣйшихъ городковъ, такъ же какъ и Пашкавы и Подуль. По этому-то пути везли останки князя Кузы, у котораго въ Княжествахъ, особенно въ Молдавіи, до сихъ поръ не мало почитателей.

Къ Яескому вокзалу прѣбыли ночью, и извозчикъ по весьма разнообразнымъ улицамъ подвезъ меня къ гостиницѣ „Россія“. Содержатель ея Грекъ наваялъ помѣщеніе противъ російскаго консульства, навѣлалъ объявленіе на русскомъ языкѣ, чтобы привлечь путешественниковъ изъ Россіи, но это, кажется, мало ему удалось, потому ли что Яессы въ настоящее время рѣдко кѣмъ посѣщаются, или потому что кромѣ объявленій ничего въ этой гостиницѣ русскаго нѣтъ—не только прислуга, но и самъ хозяинъ ни слова по-русски не говоритъ.

Пока говорилъ по-румынски, киръ-Янъ вяло поддерживалъ, но мгновенно оживился когда назвалъ его „патріота“ и заговорилъ по-гречески. Натолковавшись вдоволь, онъ сообщилъ мнѣ подъ конецъ что наше консульство ломится противъ и что мнѣ надо непремѣнно предъявить тамъ свой паспортъ. На другой же день я отправился туда въ полевой формѣ, но старый чиновникъ сказалъ мнѣ что это лишнее, да и вообще онъ совѣтовалъ бы мнѣ лучше возвратиться восвояси. Я отвѣчалъ ему что ѣду на свиданіе съ родными,

никакихъ политическихъ цѣлей у меня нѣтъ, а потому и не вижу опасности въ своемъ путешествіи.

— Такъ всѣ говорятъ, замѣтилъ онъ мнѣ.—Ну, да если уже вы такъ твердо рѣшились, то спрячьте по крайней мѣрѣ подалее ваше форменное платье—Турки этого не любятъ. Киръ-Яви мнѣ потомъ объяснилъ что здѣсь во всякомъ рускомъ видѣть добровольца.

Яссы представляютъ рѣзкую противоположность Черновцамъ: городъ большой, но значеніе его мало по сѣбѣ соединенія Княжества, много улицъ узкихъ, всѣ онѣ грязны; радомъ съ роскошными зданіями полуразвалившіеся лачуги,—только и радости что по вечерамъ можно подышать болѣе чистымъ воздухомъ въ одномъ изъ многихъ садиковъ въ центрѣ города. Къ одному изъ нихъ я и направился вечеромъ. У воротъ извозчики—Русскіе (липованы) вели политическую бесѣду, по крайней мѣрѣ я успѣлъ разслышать:

— И все это только понапрасну народъ Божій погибаетъ! Пока нашъ братъ Русскій не придетъ, ничего изъ всего этого быть не можетъ!...

Въ саду лубанки было много, больше военныхъ. Приседшимъ поздно приходилось садиться весьма не близко къ сценѣ, а переднія мѣста давно были заняты. Въ это время входитъ въ садъ гусарь высокаго роста и вся лубанка переломилась, особенно военные. Онъ свободно прошелъ въ первые ряды, любезно раскланываясь на обѣ стороны. Въ послѣдствіи я узналъ что это богатый землевладелецъ, служащій въ гусарахъ и отсылавшій одному изъ многихъ Нѣмцевъ, находящихся въ румынскомъ войскѣ, 25 ударовъ кнутомъ. Эти Нѣмцы держали себя очень гордо съ Румынами, что послѣднихъ оскорбляло, но ничего имъ сдѣлать было нельзя, потому что Нѣмцы—сила. Въ числѣ недовольныхъ былъ и этотъ гусарь, который, по своему состоянію не завися отъ службы, явился мстителемъ національной чести и, пригласивъ къ себѣ самаго задорнаго изъ Нѣмцевъ, совершилъ надъ нимъ вышеупомянутую операцію, послѣ чего сталъ героемъ дня. Труппа изъ вѣсколькихъ человекъ исполняла двѣ пьески и вѣсколько шансонетъ, которыми богаты румынскій репертуаръ. Въ аттрактахъ игралъ недурной военный оркестръ и довольно смѣшно наряженная красота предлагала мушкетерамъ съ разными любезностями конфеты: покупали мало, но смѣялись много.

Возвратившись въ гостиницу, я засталъ киръ-Яни въ самомъ затруднительномъ положеніи. Заѣхалъ русскій туристъ— оный на слова по-румынски, на по-гречески, а хозяинъ и его прислуга по-русски. Познакомилса съ землякомъ и прислужился какъ переводчикъ. Хотѣлъ было вступить съ нимъ въ болѣе подробный разговоръ, но оный мнѣ отвѣтилъ что сильно усталъ и отправляется спать. Изъ карточки только, на которой обыкновенно для свѣдѣнія полиціи проѣзжающіе записываютъ свою фамилію и званіе и которую киръ-Яни далъ мнѣ перевести, я узналъ что это „житель Москвы Гольдштейнъ“. Я приваля его за агента какой-нибудь торговой фирмы, но когда въ послѣдствіи прочелъ о героической смерти добровольца Гольдштейна, я вломивалъ этого скромнаго туриста отправлявшагося на такое святое дѣло.

II.

Выѣздъ изъ Яссъ.—Видъ изъ Репиди.—Княжескій лѣсъ.—Жиды-мѣнялы.—Хуши.—Мѣстные политики.—Посѣщеніе могилы матери и хутора.—Статьи о Кузѣ.

Оставаться долѣе въ Яссахъ не хотѣлось, такъ какъ впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ городъ не весьма пріятное. Я вломнилъ что Василій Алексадри, одинъ изъ лучшихъ писателей румынскихъ, играя словами *Еши* (Яссы) и *еши* (выходишь), назвалъ этотъ городъ жидовскимъ и располагающимъ поскорѣе выѣхать каждаго кто только вѣдетъ въ него. Яссы и теперь производить то же впечатлѣніе, несмотря на нѣкоторый вѣншній доскъ.

Договоривъ извозчика до Хушъ, часу въ 10 выѣхалъ, имѣя полутчикомъ одного кулца съ маленькою дѣвочкой. Выѣзжая изъ города, полутчикъ обратилъ мое вниманіе на церковь Стурдзы, которую оный содержитъ на свой счетъ и гдѣ хороятъ всѣхъ членовъ его семейства. И Стурдза, какъ князь Молдавіи, имѣеть почитателей между Евреями, которымъ оный покровительствовалъ, и между мелкими земледѣльцами и арендаторами, такъ какъ при немъ воровство и разбой были рѣдки, благодаря его системѣ круговой поруки; но съ другой стороны, оный имѣеть и хушителей въ лицѣ молдавской аристократіи за дозволеніе Евреямъ строиться вездѣ, что имъ до Стурдзы въ Молдавіи не дозволялось. Далѣе показалса и

монастырь Сокола, гдѣ еще въ началѣ этого столѣтiя была чуть ли не единственная румынская школа, такъ какъ большая часть бояръ, подѣ влiянiемъ князей-фанариотовъ, воспитывали своихъ дѣтей подѣ руководствомъ учителей греческихъ.

У источника Релиди, считающагося цѣлебнымъ, немного остановился чтобъ и воды напиться, и съ Яссами попрощаться. Дѣйствительно, съ этого мѣста Яссы, живописно расположенныя на трехъ горахъ и кокетливо выглядывающiя изъ садовъ, весьма красивы. Отсюда бы на нихъ и смотрѣть и не вѣзжать въ нихъ, чтобы не разочароваться! Надо соизнаться что ни одинъ народъ болѣе Турокъ и Евреевъ не обладаетъ такою способностью обезобразить самый красивый городъ.

Отсюда намъ пришлось ѣхать княжескимъ лѣсомъ, недавно приобретеннымъ у наследниковъ бояра Бальша: теперь въ немъ тихо, но въ бывае время здѣсь были главные притоны разбойниковъ.

Прежнiй владѣлецъ Бальшъ былъ убитъ на дуэли однимъ изъ занимавшихъ въ 1854 году Княжества Австрийцемъ. Въ то время разказывали что дрались они на пистолетахъ съ завязанными глазами. Австриецъ сталъ обращаться къ противнику съ какими-то вопросами и по направлению голоса наводилъ пистолетъ и убилъ Бальша наповалъ. Такимъ образомъ эта несчастная дуэль сильно возбудила всѣхъ противъ этого дуэлиста, и, какъ говорятъ, одинъ Англичанинъ нарочно выучился стрѣлять, отыскалъ этого Австрийца, придрался къ нему и убилъ его на дуэли, мстя за невинно погибшаго Бальша. Выѣзжая уже изъ лѣса, мы догнали кочующихъ Цыганъ, которые обступили экипажъ, прося милостыни и показывая при этомъ свое искусство. Чтобъ отвязаться отъ нихъ, я бросилъ мѣдную монету, которая и досталась одному, но это еще болѣе подзадорило остальныхъ. Извозчикъ погналъ лошадей рысью, но Цыганята все не отставали, и такъ пробѣжали они нѣсколько верстъ прося лять паръ и въ то же время кувыркаясь и на скаку танцуя *таману*, довольно неграціозный танецъ, исполняемый обыкновенно голыми дѣтьми. Часу во второмъ прибыли въ Бурдуюсу, село или городъ состоящiй изъ однихъ лавокъ. Здѣсь разговорились съ нѣсколькими Евреями, которые закупили въ Хушахъ русскихъ кредитныхъ билетовъ и слѣшили въ Яссы сбыть ихъ съ барышомъ.

— Мы собственно не такими дѣлами занимаемся, замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—но теперь нѣтъ другой работы. Все ждемъ что Русскіе къ намъ придутъ, тогда наши обетательства поправятся. Да, славные люди! Любить и кутить, да и расслачиваются исправно, и наши офицеры тоже покутить не прочь, да взять-то съ нихъ нечего, только убытокъ съ вами!

Въ Хуши прибыла вечеромъ, и не узналъ я этого города, въ которомъ, правда, не было уже лѣтъ двадцать. Тогда городъ этотъ процвѣталъ, кулцы въ немъ жаживались, благодаря впрочемъ болѣе контрабандѣ; городъ обстраивался. Затѣмъ желѣзная дорога оставила этотъ городъ въ сторонѣ, контрабанда тоже стала невыгодна, такъ какъ товары подымались въ цѣнѣ, а тутъ еще пожары стали его истреблять, и прежняго довольства не видать на лицахъ его жителей, которые теперь сильно приуныли. Остановившись въ гостиницѣ, гдѣ кромѣ меня еще былъ только одинъ арендаторъ, а на другой же день сталъ искать извозчика чтобъ отправиться въ то село гдѣ я провелъ дѣтство и гдѣ похоронилъ мать; но была суббота, а изъ христіанъ не оказалось ни одного въ городѣ извозчика. Чтò было дѣлать въ такомъ городѣ, гдѣ не достанешь ни книги, ни газеты? А между тѣмъ политика меня сильно интересовала, такъ какъ отъ нея зависѣло направление моего пути. Приходилось слушать бесѣды мѣстныхъ политиковъ и ихъ соображенія. Люди старой партіи жаловались о прежнихъ временахъ, когда жили проще и сытнѣе и дѣла шли лучше, а потому всякая перемѣна желательна; хуже настоящаго уже не можетъ быть, а лучше возможно. Люди молодые то и дѣло выставляли на видъ пятидесяти-тысячное румынское войско, которое не допуститъ никого перейти ея границы, на чтò одинъ Грекъ, рьяный консерваторъ, замѣтилъ имъ что никто и пороку не станетъ тратить на такихъ мамалыгаровъ (кто ѣсть мамалыгу, человекъ невинственный), что это войско только разоряетъ страну, способствуя увеличенію налоговъ, а пользы отъ него никакой. Молодые возражали слабо, да и трудно возражать, когда дѣло на виду.

Наступило воскресенье, наѣхали мужики изъ соседнихъ деревень, я и навалялъ одного отвезти меня на ту сторону Прута. Надо было слѣзнуть чтобы къ вечеру возвратиться обратно, а то я отвыкъ отъ комаровъ, а тамъ ихъ много. И возница мой по дорогѣ плѣлъ ту же плѣсно: плохо да плохо!

— Прежде назначали намъ чиновниковъ, ну и не такъ досадно есая душить, а теперь сами выбираемъ: пока нуждается въ голосѣ, и такъ и сакъ умалчивается, а добился мѣста, съ насъ же, его избирателей, шкуру сдираетъ. Кажется, швой и неважное мѣсто занимаетъ, а въ два, три года имѣние наживается, да еще какое имѣние!...

Сначала думали сдѣлать крюкъ, такъ какъ Прутъ разлился, но потомъ узнали что вода слаба, и поѣхали прямымъ путемъ, оставивъ по лѣвую сторону курганъ извѣстный подъ именемъ Мовила Рыбей. По преданію, курганъ этотъ построенъ еще Аварами надъ могилой какой-то героини, но его устройство показываетъ что онъ издавна служилъ для стратегическихъ цѣлей. Онъ окруженъ валомъ, за которымъ могло помѣщаться до 20 тысячъ войска, а на верхней площадкѣ кургана до 100 человекъ. На этой же площадкѣ находится яма, въ которую можетъ вмѣститься человекъ и гдѣ помѣщался, какъ говорятъ, великій государь (Петръ Великій) когда былъ окруженъ Турками.

Но вотъ наконецъ и Прутъ, жуланье въ которомъ излѣчило меня когда-то отъ весьма трудной болѣзни, вотъ и лѣсокъ прибрежный, гдѣ собиралъ я ягоды. Перейдя на другую сторону, мы съ полчаса проѣзжали по колеса въ водѣ и догнали лартію Цыганъ, которые шли съ земледѣльческими орудіями чтобъ избѣгать придирокъ администраціи, а на самомъ дѣлѣ и теперь они эти орудія въ дѣло не употребляютъ, а занимаютъ, подобно предкамъ своимъ, ворожбой, полпрошайничествомъ и воровствомъ, и только немногіе музыкой, кузнечествомъ и выдѣлываніемъ мелкихъ деревянныхъ издѣлій.

Направо уже замѣтенъ хуторокъ родимый, но мы повернули направо въ село, гдѣ въ церковной оградѣ похоронена мать. Какое разочарованіе! Отъ ограды церковной и слѣда не осталось, отъ памятника надъ могилой тоже, а сама могила сравнялась съ землею.

Захожу къ священнику, котораго помнилъ молодымъ, а теперь онъ дряхлый старикъ, уступившій свой приходъ зятю. Обрадовался онъ когда узналъ меня, но вмѣстѣ и сконфузился. За дозволеніе похоронить мать въ церковной оградѣ ограда была заново отдѣлана, церковь исправлена и оставлена еще сумма отцомъ для необходимыхъ въ послѣдствіи поправокъ, но никто не думалъ чтобы кто-либо изъ нашей семьи заглянулъ

когда и всѣмъ этимъ распорядились хозяйственнымъ образомъ.

— Отецъ ихъ, началъ старикъ обращаясь къ зятю,—поддерживалъ церковь, а потомъ онъ уѣхалъ, поселяне бѣдны, такъ все и пришло въ разрушеніе. Хорошій былъ человекъ ихъ отецъ, какъ щедро онъ мнѣ заладилъ за похороны, теперь такъ никто не платитъ!..

— Онъ большую часть опредѣлилъ на ремонтъ церкви, вставилъ было я.

— Да это все равно, замѣтилъ наивно старецъ.

Что онъ съ полнымъ убѣжденіемъ считаетъ имущество церковное нераздѣльнымъ со своимъ, я убѣдился немного погодя, когда, послѣ павнихиды, я предложилъ ему нѣсколько левовъ (франковъ), а затѣмъ еще нѣсколько на церковь, и онъ все опустилъ въ одинъ карманъ.

Отдохнувъ немного, поѣхалъ на хуторъ, гдѣ нашелъ цѣлую ватагу арендаторовъ Болгаръ, смотрѣвшихъ на танцующихъ поселянъ и поселянокъ. Познакомившись со всѣми я тотчасъ любѣжалъ на то мѣсто гдѣ былъ въ мое время садъ и гдѣ я посадилъ одинъ тополь; но отъ этого сада остались только два тополя, но который изъ нихъ мой трудно было угадать. Закусивъ, возвратился въ Хуши тѣмъ же путемъ, нанялъ извозчика въ Берладъ чтобы на другой день выѣхать, а на совѣтъ грядущій взялъ у кельнера альманахъ, въ которомъ нашелъ нѣсколько статей о Кузѣ, который всегда имѣлъ въ Молдавіи больше сторонниковъ чѣмъ въ Валахіи, какъ бывшій молдавскій помѣщикъ (имѣніе его Руджипосо по Сучаво-Ясской желѣзной дорогѣ) и чиновникъ. Да и вообще, послѣ его отреченія, на немъ покоились надежды восстановления особаго Молдавскаго княжества, къ чему въ Молдавіи также не мало было стремленій.

Вспомнилъ я при этомъ какъ предъ соединеніемъ Княжествъ одинъ старый исправникъ выразился что соединеніе никогда не можетъ быть прочно, такъ какъ Валахія богаче и просторнѣе, а Молдавія никогда не была покорена оружіемъ.

III.

Отъ Хушъ до Берладъ.—Сады въ Берладъ.—Отъѣздъ.—Текучи.—Браиловъ.—Кельнеръ и мѣстная газета.—Мимо Бузеу и Плоешть.—Букурешть.—Гостиница.—Городъ.—Богары.—Французская труппа.—Книжная торговля.—Милло.—Разговоръ съ адвокатомъ-руссофиломъ.—Букурешто-Журжевская желѣзная дорога и ея порядки.

Договорился съ извозчикомъ до Берладъ, чтобы, кромѣ меня, онъ взялъ одну даму съ маленькимъ братомъ и больше никого. Полагая что моя новая полутчица будетъ долго собираться, я проснувшись рано пошелъ еще гулять по городу и зашелъ въ одну церковь, въ самой серединѣ которой похороненъ ея ктиторъ.

Возвратившись въ гостиницу, я нашелъ уже экипажъ съ полутчицей, давно меня ожидавшею. Извинился, сѣлъ и тронулся. Не успѣлъ еще выѣхать изъ города, какъ извозчикъ остановилъ лошадей. Спрашиваю, что за причина? Новый пассажиръ, отвѣчаетъ онъ. И дѣйствительно, нѣсколько Евреевъ подходили, таща огромный сундукъ, который и стали взваливать въ экипажъ. Напомнилъ объ условіи, но подошедшій хозяинъ экипажа замѣтилъ мнѣ что рѣчь не о козлахъ, куда онъ имѣетъ право сажать сколько ему угодно пассажировъ. И ничѣмъ его урезонить не было возможности, пока я не слѣзъ и не направился обратно къ гостиницѣ: только тогда они сняли сундуцище и повесили его обратно, сильно жестикулируя.

Около полудня прибыли въ Доколину, мѣстечко изъ одѣвхъ лавочекъ и заѣзжихъ дворовъ. Здѣсь закусили, благо рѣка Берладъ протекающая вблизи доставила свѣжей рыбы. Отсюда къ намъ присталъ и другой экипажъ съ какимъ-то помѣщикомъ, везшимъ машиниста-Нѣмца изъ Бакеу.

Проѣхавъ съ часъ, остановились напиться весьма вкусной воды, отъ которой камни и дерево принимали желтоватый цвѣтъ. Помѣщикъ что-то началъ говорить высокимъ слогомъ о чудесахъ которыми богата Румынія, но Нѣмецъ его перебилъ и сталъ доказывать что это вода желѣзистая и проходитъ, вѣроятно, черезъ какую-нибудь жилу желѣзной руды.

Разсердился помѣщикъ.—Ты, говоритъ, если и на будущее время намѣренъ пребывать меня и выказывать не кстату свою ученость, то лучше отправляйся лѣшкомъ обратно въ Бакеу.

Нѣмецъ и присмирѣлъ.

Часу въ лѣтомъ стали вѣзжать въ Берладъ. Сначала проѣхали мимо большого сада, о которомъ полутчица моя замѣтила что это лучшій въ Княжествахъ, а дааѣе шла постройка великолѣпнаго зданія приюта. Вѣхали затѣмъ въ болѣе оживленныя улицы, подвезъ полутчицу къ вокзалу, гдѣ мужъ ея находился на службѣ, и сталъ развѣзжать по городу, высматривая гдѣ бы остановиться. Наконецъ выбралъ простенькую гостяницу, но выходящую окнами въ небольшой городской садъ. Хозяинъ оказался Грекомъ и заявилъ мнѣ что вечеромъ будетъ въ этомъ саду играть музыка, но никакой музыки не было. Пошелъ гулять по городу, весьма разнообразному—мѣстами оживленныя улицы съ весьма роскошными казино, перелопаченными торговыми людьми, льющимъ кофе и играющимъ въ карты, мѣстами глухія и грязныя лереулки, гдѣ не видать совсѣмъ людей. Вошелъ въ одво изъ казино, потребовалъ чаю и купилъ нѣсколько газетъ, которыя здѣсь продаются отдѣльными нумерами, чего доселѣ не встрѣчалъ. Такъ и чувствуется что отдаляешься отъ сонной Молдавіи и приближаешься къ болѣе живой Валахіи. Кромѣ столичныхъ газетъ, въ самомъ Берладѣ издается небольшая газета на греческомъ языкѣ. Вообще, при всемъ разнообразіи національностей въ этомъ городѣ, греческій элементъ замѣтно преобладаетъ.

Взялъ извоица и поѣхалъ въ знаменитый садъ, но онъ былъ залерть и не освѣщенъ, а лотому мнѣ и не удалось видѣть его изнутри. Потребовалъ у хозяина - Грека чего-нибудь закусить, но онъ мнѣ заявилъ что кушанья они не готовятъ, но какъ ему пріятно встрѣтить во мнѣ Грека, то онъ для меня изжарить греческую *пирожолу*, явчто въ родѣ антрикота. Дождался наконецъ этой *пирожолы*, но должно-быть греческаго элемента мало во мнѣ осталось, такъ какъ я никоимъ образомъ не могъ справиться съ ней. Вхожу въ нумеръ, а за мною, по распоряженію хозяина, горяччая чтобы салогн снять. Сняла салогн, повернулась, ловко подпрыгнула и отскочила, оставивъ свои туфли. Машинально

вдѣвъ въ эти туфли, ничего не понимая, и только потому узналъ что въ греческихъ гостиницахъ постояльцамъ непременно предлагаются туфли, можетъ-быть потому что много Грековъ занимается издѣлиемъ ихъ. На другой день рано утромъ отправился на вокзалъ, и въ ожиданіи поѣзда поболталъ съ мужемъ моей вчерашней полутчицы. Пассажиры начали съѣзжаться, и между ними одна дама взяла билетъ и стала сдавать багажъ. На одномъ изъ сундуковъ замокъ испортился, а веревкой не былъ завязанъ, его и не хотѣли принять. Жаль мнѣ ея стало и предложилъ ей свою веревку, на которой собирался Турокъ вѣшать, и какъ же она была мнѣ благодарна! Тутъ же Грекъ изъ Малой Азіи настоялъ чтобы я купилъ у него нѣсколько колець, а то, говорилъ онъ, вѣтъ средствъ добраться до Текучи на ярмарку. Разговорился. — Плохо стало здѣсь жить, сказалъ онъ со вздохомъ, да и на родину возвращаться опасно, пока Турка не усмирятъ.

Въ 9 часовъ поѣздъ тронулся и къ полудню прибылъ въ Текучи. Здѣсь надо было ждать часа четыре, и услѣлъ бы познакомиться нѣсколько съ этимъ городомъ, но изъ вокзала онъ мнѣ показался до того непривлекательнымъ что я предпочелъ закусить и отдохнуть.

Въ пять часовъ поѣздъ тронулся и мнѣ пришлось быть въ вагонѣ въ сообществѣ двухъ поселянъ вѣхавшихъ въ Букурешть хлопотать по какому-то дѣлу, и нѣсколькихъ мальчишекъ которые затѣяли такую возню что мы остальные съ нетерпѣніемъ ждали кондуктора, который ихъ усмирить бы, но онъ и не показался.

Разговорился съ поселянами. И они лѣзли на ту же тему что плохо да плохо!..

— Хоть бы Руссу (Русскій) къ намъ пожаловалъ, заключилъ одинъ изъ нихъ,—да научилъ бы нашихъ уму-разуму, а то совсѣмъ съ ума сошли: толкуютъ все о какой-то свободѣ, а грабятъ куда хуже прежняго!..

Показался Сиреть, рѣка не малая, надѣлавшая въ этомъ году довольно хлопотъ своимъ разливомъ. Въ одномъ мѣстѣ образовалось даже отъ разлива цѣлое озеро, и поѣздъ двигался весьма медленно.

На половинѣ этого картиннаго, но не безопаснаго пути, замѣтили остатки недавно опрокинувагося поѣзда. Кондукторъ замѣтилъ на вопросы пассажировъ что нѣсколько че-

ловѣкъ только выкупалось, но потомъ я узналъ что купанье это было весьма костоломное.

Было уже темно, когда мы прибыли въ Браилу. Добрые поселяне предлагали мнѣ остановиться въ одномъ заѣзжемъ дворѣ, но я не подождася на ихъ вкусъ и отправился въ Петербургскую гостиницу противъ бульвара. Номеръ въ бельэтажѣ, а внизу казино и хоръ Цыганъ лѣвъ далеко за полночь.

Отворилъ окно, саушалъ и смотрѣлъ на сидѣвшую и гулявшую по бульвару публицу. Веселый городъ! Потребовалъ у кельнера, до приторности манернаго Жидка, газетъ, но онъ сталъ приставать съ предложеніемъ другаго удовольствія и такъ вазойлаиво что только угроза что объяваю хозяину заставила его отстать и привести мнѣ номеръ мѣстной газеты.

Изъ этой газеты я узналъ что въ Браилѣ есть гимназія, въ которой учитель нѣмецкаго языка ходитъ только жалованье получать, другіе, если и аккуратнѣе посѣщаютъ уроки, то все же ничего не дѣлають, такъ что оканчивающіе курсъ не умѣють читать по-гречески, склонять латыни и опредѣлять части рѣчи на родномъ языкѣ. Собирались родители опять жаловаться министертву, но имъ уже не разъ отвѣчали что лучшихъ учителей негдѣ взять, ибо всѣ стремятся или въ военную службу, или въ адвокатуру. Еще прочелъ что красное министерство послало въ Браилу указаніе на лицъ долженствующихъ быть избранными въ депутаты. Хоть эти лица, говоритъ указаніе, ничѣмъ себя еще не заявили, а нѣкоторыя, хотя незаслуженно, пользуются не весьма хорошею репутаціей, но они принадлежать къ той партіи отъ которой зависитъ благосостояніе и слава дорогой Румыніи. Нечего сказать, хорошъ аргументъ!..

Проснувшись рано, прошеяся по городу, посмотрѣлъ на тотъ берегъ Дуная, но тамъ ни жилья, ни человѣка! О Браилѣ можно сказать что пожаръ спосособствовалъ его украшенію, такъ какъ разоренный до тла въ 1829 году онъ теперь смотреть чистымъ, новымъ городомъ, съ широкими улицами и красивыми зданіями. Близка Турція, а потому залася феской, за которую чуть было не залаптилъ лошадины, такъ какъ этотъ городъ пользуется правами порто-франко.

Въ десятомъ часу утра выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ

Букурешть и по дорогѣ проѣзжали мимо Бузеу и Плоешти, но не останавливался въ нихъ, хотя Плоешти очень меня соблазняли, украшенный многими церквами, что весьма рѣдко на югѣ.

Въ вагонѣ было много Болгаръ отправлявшихся въ добровольцы. Они достаали флажку съ водкой, и каждый, проговоривъ религиозно-воинственный слѣдъ, подносилъ ее къ губамъ, а затѣмъ передавалъ сосѣду, а когда опорожнилъ ее, то бросилъ въ окно, при восторженныхъ крикахъ всей компаніи. Затѣмъ они залѣли лѣвомъ, и лѣли ихъ до самаго пріѣзда въ Букурешть. Тутъ же было нѣсколько Венгерцевъ, которые пришли по обыкновенію на заработки, но въ этотъ годъ должно быть имъ не повезло и они были весьма мрачны. Еще былъ молодой человекъ, какъ потомъ оказалось, одинъ изъ многихъ безсрочно-отпускныхъ, и отъ него мнѣ пришлось слышать не весьма лестные отзывы о войскѣ румынскомъ.

— Войско-то у насъ есть, да все оно въ разбродѣ, а попробуй-ка собрать, не много наберешь!..

Часу въ 5мъ 7го іюля прибылъ въ Букурешть. Великолепный вокзалъ, обиліе жандармовъ, роскошные экипажи давали понимать что это городъ столицный. Сѣлъ въ фаянтовъ и поѣхалъ сначала узкими переулками, потомъ богатыми улицами, а затѣмъ опять въѣхалъ въ переулочъ и остановился въ гостиницѣ Габровень на улицѣ того же имени. Гостиница большая, но порядка въ ней мало, хотя прислуга состоитъ изъ Венгерокъ, считающихся здѣсь болѣе расторопными. Костюмъ этихъ Венгерокъ меня прежде всего поразилъ по своей безремонтности—кисейная до пояса рубашка безо всякой подкладки.

Кромѣ объявленій о томъ чтобы не держать при себѣ денегъ, а отдавать ихъ подѣ расписку хозяину, здѣсь еще видѣлъ и другія, гласящія что каждый иностранецъ долженъ явиться въ полицію для объясненія цѣли своего пріѣзда, а иначе будетъ строго взыскано и съ хозяина, и съ постояльца. Я и обратился къ конторщику, Болгарину по происхожденію, съ вопросомъ, нельзя ли отложить мнѣ этотъ визитъ до завтра, такъ какъ сегодня сильно усталъ, на что онъ мнѣ отвѣтилъ что лучше сдѣлаю если совсѣмъ отложу этотъ визитъ.

— Это они лишуютъ для усложненія иностранныхъ агентовъ, требующихъ отъ насъ нейтралитета, а на самомъ дѣлѣ ка-

кое намъ до кого дѣло! У меня тутъ на половину номера заняты Славянами, которые вовсе не думаютъ скрывать дѣла своего путешествія, и никто не думаетъ ихъ стѣснять. А вы тоже въ Сербію? заключаю оныя вопросомъ.

— Нѣтъ, въ Грецію и Турцію.

— Ну, какъ хотите—можете и скрывать, только у насъ это излишне.

Потребовалъ себѣ кофе и сталъ переодѣваться. Входитъ молодой человѣкъ съ сакъ-воляжемъ, привѣтствуетъ меня и тоже начинаетъ переодѣваться. Меня это удивило, и я обратился къ кельнеру съ вопросомъ, что это значитъ?

— А оныя будутъ вашимъ сожителемъ, такъ какъ въ этомъ номерѣ двѣ кровати. Впрочемъ, если вамъ это не нравится, то мы вамъ отведемъ отдѣльный номеръ.

— Сдѣлайте одолженіе! попросилъ я, непривычный къ этому, и мнѣ дали другой номеръ.

Переодѣся и лошадь гулять по городу,—ездѣ смѣсь старинныя и уточненнаго европеизма. Послѣ прогулки зашелъ въ одинъ изъ частныхъ садовъ, гдѣ французская труппа давала представленія, состоящія изъ небольшихъ пьесъ и divertissementовъ. Какъ и вездѣ, эта французская труппа не обладала талантами, но удивительный ансамбль и твердое знаніе ролей, мелочи, которыми пренебрегаютъ наши русскіе актеры, дѣлали то что съ удовольствіемъ можно было на нихъ смотрѣть.

Публики было не мало, но большею частью гуляли и мимоходомъ смотрѣли на сцену. Такихъ садовъ въ городѣ довольно, и публика всегда наполняетъ ихъ, иначе не мудрою задохнуться въ узкихъ и грязныхъ переулкахъ даже въ центрѣ города, рядомъ съ улицами широкими и зданіями великолѣпными.

Шумъ торговцевъ смѣшанный съ шумомъ болѣе воинственнымъ разбудилъ меня утромъ. Вышелъ на крыльцо. По двору свалили между толпой Болгары, продавцы фруктовъ, бузы, баранокъ и газетъ. Газеты больше всего раскупались толпой, грамотные читали вслухъ телеграммы; болѣе смысловые предлагали свои толкованія, толпа внимательно слушала.

— Это все въ Сербію отправляются, замѣтилъ подошедшій кельнеръ.—У насъ дворъ большой, они сюда и собираются потолковать.

— А полиція не мѣшаетъ этимъ сходкамъ? спросилъ я.

— Нѣтъ. Да есаибъ и вздумала, кто станетъ обращать вниманіе на ея запрещенія.

Купилъ я нѣсколько газетъ разныхъ партій. Телеграммы какъ и вездѣ: Турки тамъ-то разбили на голову Сербовъ, и тамъ же Сербы разогнали Турокъ! Обратился ко внутреннему отдѣлу, и ужаснулся: извошцики у насъ не умѣютъ такъ ругаться, какъ ругаются органы прежняго министерства (консервативнаго) и новаго (краснаго), газеты *Timorul* (Время) и *Romanului* (Румывъ).

Отправившись гулять по городу, зашелъ въ нѣсколько книжныхъ магазиновъ, но нигдѣ не нашелъ чего искалъ. Магазины роскошныя, а торгуетъ какой-нибудь лодочникъ, ничего не понимающій, который на всѣ вопросы отвѣчаетъ что у нихъ такихъ книгъ не имѣется. Зашелъ къ букинистамъ, которыхъ здѣсь не мало; у этихъ хоть товаръ налицо, я кое-что и купилъ, а на вечеръ залася билетомъ въ Большой театръ.

Изъ всѣхъ актеровъ румынскихъ болѣе всѣхъ я интересовался Милло. Человѣкъ довольно состоятельный, онъ всѣмъ пожертвовалъ изъ любви къ искусству и много способствовалъ успѣху комедій и водевилей одного изъ лучшихъ писателей румынскихъ, Василія Александри, да и самъ тоже писалъ для театра піесы, которыя держались на сценѣ, благодаря исполненію главныхъ ролей самимъ авторомъ. Но года стали брать свое, молодымъ актерамъ надо было дать ходъ, да и національныя піесы, въ которыхъ былъ хорошъ Милло, стали уступать мѣсто трескучимъ мелодрамамъ и пошлымъ опереткамъ, а потому онъ ловящему отодвигался на задній планъ и наконецъ получилъ отставку съ небольшою пенсіей. Привыкувъ жить не разчетливо, онъ не могъ довольствоваться этою пенсіей и вѣлъ въ долги; привыкувъ къ сценѣ, онъ не могъ жить вѣкъ ея. Такое положеніе разстроило его здоровье, и онъ слегъ въ постель. Болѣзнь развилась такъ сильно что никто не надѣялся на его выздоровленіе; было даже время когда его считали умершимъ, но онъ поправился. Эта-та болѣзнь наломала Румынамъ его прежнюю славу, и дпрекція предоставила на одинъ вечеръ Большой театръ, на сценѣ котораго и данъ спектакль въ пользу маститаго артиста. Спектакль состоялъ изъ піесы *Милло жертвъ*, *Милло живъ*; дивертисмента и шавсонетки В. Александри и Барбу—музыкантъ и лѣвецъ (Lautaru).

Представленіе по афишамъ должно было начаться въ восемь часовъ, но еще въ девять театръ былъ не освѣщенъ, а потому я сталъ осматривать зданіе снаружкѣ. Оно весьма красиво и находится въ центрѣ города. Наконецъ театръ освѣтили, вошелъ и то же смѣшеніе роскоши съ безпорядкомъ. Все блеститъ золотомъ, а мѣста между тѣмъ такъ тѣсны что только весьма хилый можетъ удобно помѣститься, а проходы такъ узки что опоздавшій долженъ стоять до антракта, что вызываетъ неудовольствіе сидящихъ, и во время представленія непріятный шумъ.

Заванѣсь поднялся въ исходѣ десятого часа. Сцена представляла прихожую въ квартирѣ Милло. Ожидающіе рѣшенія компаніума друзья вспоминаютъ лучшее время его славы и стѣнуютъ на неблагодарность согражданъ къ Милло, который при своихъ средствахъ и образованіи могъ бы быть теперь министромъ, еслибы не пожертвовалъ всѣмъ для искусства. Выходятъ наконецъ доктора и объявляютъ что Милло скончался. Всѣ разрыдались, а больше всѣхъ кредиторы, которымъ онъ продалъ свою пенсію на двадцать лѣтъ впередъ. Въ это время дверь отворяется и изъ спальни выходитъ Милло. На нѣкоторое время нельзя было ничего слышать изъ того что говорилось на сценѣ—такой восторженный шумъ поднялся въ публикѣ!

Милло невысокаго роста, глаза весьма живые, говоритъ слабымъ старческимъ голосомъ. Ростъ много помогъ его славу, такъ какъ далъ ему возможность создать нѣсколько женскихъ типовъ, какъ-то: Цыганки Бабы Хирки, знахарки Мамы Ангелуши, помѣщицы Кукомы Кирицы и др.

Онъ благодаритъ друзей и саркастически намекаетъ на происки завистниковъ, и всякій намекъ его сопровождается восторженнымъ шумомъ публики. Особенно же смѣхъ былъ чисто гомерическій въ залѣ когда чиновникъ привезъ изъ министерства двѣ тысячи левовъ (франковъ) на похороны Милло, но узнавъ что онъ живъ отказывается отдать ихъ живому.

— Странные люди наши министры! замѣчаетъ Милло.— Пока живешь, хоть съ голоду умирай, а умеръ, такъ на славу хоронятъ! Въ дивертисментѣ былъ хорошо принять Иовеску, исполнившій шансонетку *Недовольныя*. Эта шансонетка имѣла въ свое время большой успѣхъ, но теперь она уже надоела, да и осмѣяніе чиновниковъ стараго порядка не можетъ забавлять, когда и новые не пользуются лучшею репутаціей.

Димитриада, трагическій актеръ, немолодыхъ тоже лѣтъ и невысокаго роста, декламировалъ балладу. Читалъ онъ очень хорошо, и публика лживама сначала его чтеніе весьма сочувственно, но потомъ устрашилась что этой балладѣ (былихъ) конца не будетъ и стала роптать. Еще нѣсколько романсовъ было пролѣто, но публика мало на нихъ обратила вниманія—всѣ ждали скорѣе появленія Милло въ Барбу Лаутари.

Шансоветка эта весьма удачно была выбрана, такъ какъ по содержанію своему весьма близко подходила къ обстоятельствамъ жизни самого Милло. Старый артистъ со своимъ оркестромъ является поздравить, по стародавнему обычаю, какого-то барина съ празникомъ, но новомодный лакей отговяетъ ихъ. Барбу обращается къ публикѣ и вспоминаетъ то время когда онъ былъ въ славѣ, когда Румынамъ нравилась ихъ національная музыка, когда Лаутари былъ въ почетѣ; а теперь на старости онъ дождался того что какой-нибудь лакей выговяетъ его со всѣмъ оркестромъ.

Въ исполненіи Милло видно было что это былъ за артистъ, во время и года взяли свое. Мнѣ онъ напомнилъ нашего даровитаго Щелкина, который почти умеръ на сценѣ, но въ послѣдніе годы его жизни натура брала свое, и онъ часто слабо исполнялъ тѣ роли въ которыхъ прежде ему соперниковъ не было.

Во всякомъ случаѣ Милло былъ принятъ восторженно, сборъ былъ полный, а послѣдъ представленія удачно распродавался одинъ изъ его старыхъ водевилей *Vacareuțeskia Vodca*, въ которомъ, говорятъ, Милло очень хорошъ, но какъ литературное произведеніе этотъ водевилъ не имѣетъ смысла.

За ужиномъ въ гостиницѣ завелъ разговоръ съ однимъ адвокатомъ относительно внутренней и виѣшней политики, какъ ни старался боязливый хозяинъ ресторана отвлечь насъ отъ этого разговора, объясняя свои опасенія тѣмъ что ночью полиція болѣе чутка, хотя онъ ошибался, ибо она давно спала.

— Я родомъ Болгаринъ, говорилъ адвокатъ,—но здѣсь родился, здѣсь устроился, а потому считаю Румынію своимъ отечествомъ; но какъ человекъ образованный не могу понять, къ чему поведутъ у насъ такіе безпорядочные порядки? Скрывать нечего, у насъ cadaго можно купить, каждый только и мечтаетъ, красный ли онъ, бѣлый или сѣрый, какъ

бы получить доходное мѣстечко. Опять же наши симпатіи! Мы все вознаись съ Французами, и теперь даже, смѣшно сказать, все отъ нихъ ждемъ себѣ спасенія, хоть и сами они теперь присмирѣли, не до другихъ имъ теперь; а къ Русскимъ относимся подозрительно, не давая даже себѣ отчета въ причинахъ. А вѣтъ того чтобы задать себѣ трудъ изслѣдовать берега Дуная, французскія ли тамъ кости лежать или русскія? А тогда было бы понятно, къ кому должны быть обращены наши симпатіи!..

Еще долго говорили бы, но хозяинъ ресторана убѣдилъ насъ что пора на отдыхъ, да мнѣ къ тому же на другой день надо было выѣхать, ибо въ Букурештѣ нечего было дѣлать, а впереди путь предстоялъ не малый.

9 іюля отправился на вокзалъ и взялъ билетъ въ Журжево, и въ 9 часовъ утра поѣздъ тронулся. Въ вагонѣ сосѣдомъ имѣлъ опять адвоката—видно вездѣ этого народа много! Адвокатъ этотъ былъ щеголь не изъ послѣднихъ и ловеласъ отчаянный: всѣ дамы восхищались его островами, хотя нельзя сказать чтобы онѣ были весьма приличны.

Узнавъ откуда и куда я ѣду, онъ поздравилъ меня съ удовольствіемъ ѣздить по румынской желѣзной дорогѣ.

— Да вѣдь я уже давно испытываю это удовольствіе и ничего особеннаго не вижу, замѣтилъ я.

— Тѣ дороги по которымъ вы доселѣ ѣздили, пояснилъ онъ смѣясь,—тоже въ Румыніи, но онѣ не румынскія, а Букурешто-Журжевская желѣзная дорога настоящая румынская, ибо здѣсь и начальство, и прислуга, и порядки, все румынское!

Проѣхавъ нѣсколько станцій я дѣйствительно замѣтилъ не мало своеобразныхъ несообразностей. На нѣкоторыхъ станціяхъ вѣтъ вовсе колоколовъ, а гдѣ они и есть, то только для украшенія. Часто слышишь въ догонку второй звонокъ, когда уже поѣздъ тронулся; кондуктора обращаются часто къ пассажирамъ съ вопросомъ, постоятъ ли еще или двинуться дальше, а если какой пассажиръ зазѣвался, то поѣздъ останавливается и принимаетъ его.

Съ такими порядками мы еще счастливо оловдали только на два часа, что рѣдко случается, а чаще бываетъ что поѣздъ опаздываетъ часовъ на десять.

— Оно для непривычнаго нѣсколько страшно, замѣтилъ опять сосѣдъ адвокатъ,—но нельзя не согласиться что въ этомъ есть нѣкоторая прелесть!

Много въ Румыніи предестей, подумалъ я.

И кстати, можетъ-быть, закончилъ я путешествіе по Румыніи по этой дорогѣ, чтобы живѣе осталось въ памяти общее впечатлѣніе порядковъ этой благодатной страны.

IV.

Измѣненіе маршрута.—На пароходъ *Францъ-Иосифъ*.—Мои сосѣди.—Силастрия.—Турки-пассажиры на молитвѣ.—Мимо Черноводка и Браила.—Галацъ.—Мѣнялы.—На пароходъ *Saintonge*.—Дождь.—Тульча.—Армяне и сумашедшая Армянка.—Суаина и смѣшеніе водъ.—Варка и напугавшіе лодочники.—Пѣсни Турокъ и Армянъ.

Доселѣ я слѣдовалъ въ точности заранѣе определенному маршруту, но здѣсь нѣсколько измѣнилъ его. Изъ Журжева я имѣлъ прежде намѣреніе переправиться въ Рушукъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Варву, а затѣмъ въ Константинополь; но въ Букурештѣ читалъ въ газетахъ о какихъ-то безпорядкахъ въ Рушукѣ, да частые слухи носились что по Рушукской дорогѣ часто снимаютъ рельсы и поѣздка не совсемъ безопасна. Да и лучше что переимѣнилъ маршрутъ, иначе мнѣ пришлось бы въ первый разъ видѣть Турка въ его же владѣніяхъ, а рѣшившись по Дунаю отправиться на Галацъ я получалъ возможность видѣть его сначала и привыкнуть къ нему на нейтральныхъ водахъ Дуная. Пароходъ *Францъ-Иосифъ* съ нетерпѣніемъ дождался пассажировъ съ опоздавшего поѣзда, а потому едва я успѣлъ спуститься въ каюту втораго класса какъ оны и отчалилъ. По сосѣдству я замѣтилъ Турка, и такъ какъ оны слалъ или притворался сплящимъ, то мнѣ не страшно было на него смотрѣть и на немъ сталъ я приучать свой глазъ къ чертамъ этой народности. Былъ еще одинъ Венгерецъ, весьма уставшій отъ постоянныхъ обысковъ то на турецкомъ, то на сербскомъ берегу, да еще нѣсколько Грековъ изъ Галаца.

Потребовалъ себѣ обѣдъ, но счетъ меня удивилъ; такъ дорого не приходилось мнѣ платить за обѣдъ съ того времени какъ перешелъ границу. Греки, замѣтивъ мою кислую мину, посмѣялись надъ моею неолытностью и показали мнѣ обильный запасъ провизіи, который они съ собой везли чтобы не платить за все въ тридорога.

Немного отдохнуль, а затѣмъ отправился на палубу любоваться берегами, но лустытность ихъ не особенно пріятно на меня подѣйствовала. Къ вечеру подѣхали къ Сидлистріи, расположенной на извѣстности у самаго берега и окруженной горами. Дома—не дома, а хижины, только безчисленные минареты нѣсколько украшаютъ городъ. У пристави стоялъ офицеръ и нѣсколько солдатъ, мимо которыхъ проходила пассажиры изъ Сидлистріи, а за ними толпа въ нѣсколько сотъ Турокъ-ротозѣевъ, по другую же сторону тоже не менѣе сотни Турчанокъ въ своихъ безобразныхъ костюмахъ.

Изъ Сидлистріи сѣло на пароходъ не мало Турокъ, все молчаливые и серіозные, только одинъ былъ веселѣ, и онъ, видя меня въ фекѣ, сталъ мнѣ что-то разказывать, указывая на видѣющіяся горы. Я ему на всѣхъ извѣстныхъ мнѣ языкахъ говорю что ничего не понимаю, а онъ все трещитъ сильно жестукулируя. Наконецъ уже мимикой заставлялъ-таки его лаять что напрасно горло дереть, и тогда онъ, расхохотавшись, обнялъ меня и сталъ трепать по плечу.

Вотъ думаю себя, пырнетъ меня въ бокъ и погибну я на палубѣ нейтральнаго парохода!

Но страхъ мой былъ напрасенъ, и, какъ объяснилъ мнѣ подошедшій Грекъ, его только разсмѣшило то что онъ такъ долго говорилъ обращаясь къ человѣку ни слова не понимающему по-турецки.

Солнце уже заходило, и одинъ изъ болѣе серіозныхъ Турокъ пригласилъ остальныхъ на верхнюю палубу, гдѣ они стали въ два ряда и дѣлали все то что дѣлалъ передній—это они славяли вечернюю молитву.

Проѣхавъ мимо Черноводки, гдѣ въ темнотѣ замѣтно было только нѣсколько фабрикъ и желѣзная дорога, я попробовалъ заснуть, но не тутъ-то было: комары напали на меня съ такимъ ожесточеніемъ что выгнали опять на палубу, несмотря на мой билетъ 2го класса.

Къ разсвѣту подѣхали къ Брацлову, а часу въ 10мъ были уже въ Галацѣ. Не имѣя намѣренія долго здѣсь останавливаться, я распорядился чтобы мои вещи отнесли въ ближайшую „Славянскую гостиницу“. Закусивъ по близости, я грязною набережной пробрался въ городъ, для чего нужно было подниматься на гору. Долго возился съ мѣнялами, пока одинъ добрый человѣкъ не посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ такому который слѣдитъ за курсомъ и даетъ столько

сколько сѣдуетъ, а то всѣ прочіе ничего не понимаютъ и служатъ только посредниками. Я такъ и сѣлалъ, и не ошибся.

Городъ довольно красивъ и оживленъ, но оставаться долѣ я здѣсь не могъ, хотя труппа Паскали, одного изъ лучшихъ актеровъ въ Княжествахъ, получившаго сценическое образованіе въ Парижѣ, сильно меня соблазнила. У пристава узналъ что ночью отправляется въ Константинополь французскій пароходъ *Saintonge* Общества *Messageries Maritimes*, на которомъ только 1й классъ и палуба. Боялся и дождя, да и въ 1мъ классѣ ѣхать считалъ для себя сапшкомъ накладнымъ, тѣмъ болѣе что я уже залася необходимою провизіей. Долго думалъ и взялъ на авось билетъ палубный до самой Смирны, а носильщику велѣлъ зайти за багажемъ въ 6 часовъ, надѣясь тѣмъ временемъ отдохнуть; но не успѣлъ я улечься какъ носильщикъ вбѣжалъ въ номеръ и посоветовалъ послѣпить, такъ какъ предвидится дождь. Живо собрался и перешелъ на палубу парохода, предъявивъ сначала свой паспортъ румынскому чиновнику. На палубѣ былъ только молодой Грекъ, да еще кондукторъ съ женой, которому не повезло въ Румынію, а потому онъ отправлялся искать мѣста въ Турціи. Дождь дѣйствительно пошелъ довольно сильный, и палатка для женщинъ на палубѣ, куда мы укрылись всѣ, ничего не помогала. Кельмеръ 1го класса предлагалъ свою постель за одну турецкую лиру до Константинополя, но всѣ мы уже достаточно промокли, да и небо прояснилось, а потому его предложенія никто не принялъ. Я впрочемъ предложилъ ему 10 франковъ, но онъ съ гордостью отказался.

— Предложить свою постель за лиру заставляетъ меня служба моя на пароходѣ, гдѣ очень мало бываетъ пассажировъ 1го класса, но взять меньше, это значитъ выдавать себя за нищаго, а я Французъ, у меня есть самолюбіе!...

До Тульчи не прибавилось пассажировъ, но здѣсь на палубу навалило много Армянъ и Армянокъ, и между ними одна сумашедшая. Женщины заняли палатку, да намъ она и не нужна уже была, такъ какъ погода стала прекрасная, а Армяне оказались весьма веселымъ народомъ и до самаго Константинополя потѣшали насъ своимъ лѣвнѣемъ.

Въ Сулицѣ заняло меня смѣшеніе водъ рѣчной съ морской: сзади бѣлая вода Дуная, по бокамъ зеленая смѣсь ду-

найской воды съ морскою, а впереди черная морская вода оставляющая гнѣдистый луть отъ парохода. Армяне продолжали свое гнѣие, изъ Iго класса доносились звука фортепіано, да еще подсыло въ Суднѣ семейство Италианцевъ-артистовъ, составлявшее полный оркестръ, и убаюканный такою разнообразною мелодіей я заснулъ, проснувшись у Кюстенджи, но было уже такъ темно что ничего нельзя было разглядѣть.

Къ полуночи мы оставились у Варвы, гдѣ пришлось мнѣ порядкомъ струсить. Вижу много лодокъ, а въ нихъ Негры и Турки, и всѣ они окружаютъ пароходъ со всѣхъ сторонъ. Когда же лодки подошли къ пароходу, сидѣвшіе въ нихъ ловыскакивали и, ловко цѣпляясь, очутились всѣ на палубѣ, останавливая каждаго пассажира, указывая на багажъ и говоря что-то по-своему. Оказалось что опасности никакой тутъ не было, но пароходъ не могъ пристать къ самому берегу, а потому подѣхали лодочки съ пассажирами и за пассажирами, а также разнощики съ разными продуктами для отбѣзжающихъ дальше.

Пришедши въ себя, я тоже купилъ нѣсколько бубликовъ и грушъ, чтобы нѣсколько разнообразить свой столъ, тѣмъ болѣе что отъ скуки приходилось закусывать весьма часто.

Армяне совсѣмъ загуляли; къ намъ пристало нѣсколько Турокъ и стали всѣ гнѣть національныя турецкія гнѣси. Я спросилъ одного Грека о содержаніи этихъ гнѣснъ, и онъ мнѣ объяснилъ что „Франки желаютъ изгнать правотѣрныхъ изъ Европы, но они предупреждать ихъ и добровольно отправятся въ благословенную Азію“.

„Скатертью дорожка!“ подумалъ я.

V.

Приближеніе къ Константинополю.—Предложеніе гостиницы.—Таможня.—Французскій столъ.—Шумъ и толкотня на улицахъ.—Осторожная прогулка.—Собаки и ослы.—Разнощики.—Болѣе смѣлая прогулка.—Пароходъ *Scamandre*.—Русскій Еврей.—Веселая Французженки и Шведъ.—Арестованные Черногорцы.—Англійскій пароходъ на мели.—Безика.—Прибытіе въ Смирну.

Приближался къ Константинополю, и храбрость моя куда-то исчезла, по крайней мѣрѣ я не прочь былъ бы чтобы пароходъ повернулъ обратно.

— У васъ билетъ до Смирны? спросилъ меня одинъ изъ служащихъ при пароходѣ.

— Да! отвѣтилъ я печально.

— Вы должны будете завтра перейти на другой пароходъ, а пока гдѣ вы намѣрены остановиться?

— Я желалъ бы прямо съ одного парохода перейти на другой, не останавливаясь вовсе въ Константинополѣ.

— Какъ! Смотрѣть дѣлая сутки на такой городъ и не полюбопытствовать познакомиться съ нимъ поближе! Это было бы весьма странно съ вашей стороны, а потому и не думайте этого дѣлать. А если нѣтъ гостиницы въ виду, такъ я отрекомендую вамъ эту.

И далъ мнѣ карточку.

— Эту гостиницу, продолжалъ онъ, — содержитъ Грекъ, а потому вамъ можно будетъ понимать другъ друга, да и не дорого—всего шесть франковъ въ сутки за номеръ съ полнымъ продовольствіемъ.

Я взялъ карточку и обратился къ двумъ пассажирамъ-Грекамъ за совѣтомъ, не будетъ ли опасно для меня пробить сутки въ Константинополѣ?

— Никакой опасности нѣтъ, останавливайтесь смѣло! Во внутренней странѣ, дѣйствительно, они звѣри, а въ приморскихъ — ниже травы, туже воды.

— А пока, продолжалъ одинъ изъ нихъ,—смотрите внимательно, вотъ начинаютъ дачи и дворцы.

Но я разсѣянно слушалъ его объясненія и пришелъ въ себя, когда онъ указалъ на дворецъ изъ котораго вывели покойнаго султана, и на другой куда его повезли.

— А это что за развалины? спросилъ я.

— Это одинъ богачъ Армянинъ затѣялъ построить себѣ домъ лучше всѣхъ дворцовъ, но ему не позволили въ немъ жить, онъ его и разрушилъ; но и по развалинамъ можно судить что это было за зданіе.

Пароходъ остановился. Скоро подѣхали лодочники, и отрекомендовавшій мнѣ гостиницу представилъ мнѣ небольшого роста Грека, который подозвалъ лодочника и передалъ ему меня съ моимъ багажемъ. Подѣзжая къ берегу, замѣтилъ какого-то офицера турецкаго, который что-то показывалъ знаками, такъ какъ голоса его слышать было нельзя. Лодочникъ мнѣ объяснилъ чтобъ я показалъ ему свой паспортъ, что я и сдѣлалъ на разстояніи по крайней мѣрѣ 200

саженъ и получили отвѣтъ тоже знаками, значеніе которыхъ мнѣ пояснилъ лодочникъ, что паспортъ мой найденъ въ порядкѣ. Только Турокъ можетъ дойти до такого совершенства въ исполненіи формальностей!

У берега таможенныя спросили меня на ломаномъ греческомъ языкѣ, нѣтъ ли контрабанды, т. е. бакшиша (на водку). Я далъ имъ 2 лиастра (около 16 к. с.), и они не знали какъ меня благодарить.

Турокъ босой и въ лохмотьяхъ взялъ на спину мой багажъ и узкимъ переулкомъ, да къ тому еще занятымъ люющими кофе и курящими кальянъ, подошли мы къ гостиницѣ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается ресторанъ, а въ двухъ верхнихъ по пяти нумеровъ весьма удобныхъ и опрятныхъ. Меня лугали что въ Константинополѣ каолы жесточе Турокъ, но, къ счастью, въ этой гостиницѣ ихъ не оказалось. Умылся и сѣлъ съ чашкой кофе у окна. Кругомъ дома заняты больше всего бѣднымъ людомъ, потому что у каждаго окна замѣтно было другое хозяйство. По улицамъ шумъ ужаснѣйшій — когда покажется арба, запряженная волами, рога которыхъ разукрашены бусами, погремушками и разными цвѣтными тряпками, а то больше товары воесятъ на ослахъ или на плечахъ носильщиковъ. Поваръ оказался Французъ, а потому и столъ былъ французскій — много блюдъ, но всего помногу. Отдохнувъ, рискнулъ погулять, но бояться оказалось нечего, даже излишне было надѣвать феску, такъ какъ приходилось встрѣчаться съ людьми въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, и Турки здѣсь болѣе внушаютъ презрѣнія чѣмъ страха. Вышелъ на большую улицу Галаты, гдѣ устроена конная желѣзная дорога, но улица такъ тѣсна и народу такъ много что одинъ Турокъ бѣжитъ предъ вагономъ съ лакой и кричитъ и отгоняетъ зазѣвавшихся Турокъ и ословъ, къ Европейцамъ же относится замѣтно деликатнѣе. Купилъ нѣсколько газетъ официальныхъ, въ которыхъ Лазаря поютъ, либеральныхъ, весьма водянистыхъ, и фанариотскихъ, приверженныхъ Турціи до приторности. Хорошо что ими залася, а то спать почти всю ночь не пришлось: сначала собаки подняли вой, а здѣсь ихъ тысячи, а за ними ослы почему-то тоже нашли нужнымъ поднять такую тревогу какъ будто государству угрожала опасность. Къ утру собаки и ослы утомившись, но разнощики стали кричать, такъ что съ непривычки никакъ не могъ заснуть.

Напившись кофе пошелъ гулять уже смѣлѣе: прошелъ олять по Большой улицѣ, завернулъ по улицѣ въ видѣ лѣвосторонней въ Перу, а затѣмъ побродилъ по узкимъ переулкамъ, совершенно безлюднымъ и довольно грязнымъ, такъ какъ дома все большіе и совершенно безъ дворовъ, а потому все должны выбрасывать на улицу: по болѣе моднымъ улицамъ расхаживаютъ нанятые для этого Турки съ большими корзинами и собираютъ выбрасываемое изъ домовъ, но большая часть улицъ обходится и безъ нихъ.

Купилъ лица духовной и тѣлесной, позавтракалъ и отправился на пароходъ *Scamandre*, надѣясь на возвратномъ пути остановиться подольше въ этомъ городѣ и познакомиться съ нимъ обстоятельнѣе. На палубѣ было очень много народу, а потому я приплатилъ десять франковъ и перешелъ въ третій классъ (здѣсь третій классъ не на палубѣ). Койки третьяго класса въ двухъ отдѣленіяхъ, — одно для дамъ, другое для мужчинъ, — но такъ какъ дамы были большею частью веселаго свойства и принадлежали ко французской націи, то не чуждались и нашего отдѣленія, а подъ конецъ даже и надѣли своею назойливостью. На Смирну же отправлялись два Грека, съ которыми я познакомился еще на *Saintonge*, и одинъ изъ нихъ оказался знающимъ моихъ родныхъ на островѣ Критѣ. Разговорились, но вдругъ на другой сторонѣ палубы слышу, и ушамъ не вѣрю, русскій говоръ. Подхожу и вижу молодого человѣка расслабляющагося съ разнощикомъ-Грекомъ за будку и увѣряющаго что русскій пятакъ больше стоить десяти ларъ, а тотъ отказывается принять. Этотъ ему по-русски, а тотъ ему по-гречески — такъ и не столковались; Грекъ взялъ будку обратно, а тотъ спряталъ пятакъ. Обратился я къ нему по-русски и узналъ что онъ провизоръ изъ Евреевъ, остался безъ мѣста въ Россіи, потому и прибылъ въ Константинополь поискать счастья, но не нашедши его здѣсь, отправляется въ Египеть, а если и тамъ ему не повезетъ, то махнетъ прямо въ Австралію. Отправлялся онъ въ такой далекій путь зная только по-русски и по-нѣмецки, да и денегъ, кажется, немного захватилъ съ собой; потому что, насколько я замѣтилъ, болѣе питался содой, которой захватилъ фунтовъ десять, увѣряя что она очень питательна.

Пароходъ отчалилъ вечеромъ и, полюбовавшись Аѳа-Софіей и другими красивыми зданіями, я сталъ терять изъ виду

Константинополь вмѣстѣ съ послѣдними лучами солнца. Общество третьяго класса не особенно меня интересовало; кромѣ женщинъ былъ тутъ Шведъ отправлявшійся почему-то въ Марсель, да большой матросъ-Италіянецъ, весьма красивый мужчина. Француженки скоро сошлись со Шведомъ и обѣщали научить его до Марселя французскому языку и вѣроятно научатъ такъ что онъ и не радъ будетъ. Весь слѣдующій день провелъ больше на палубѣ въ обществѣ Грековъ, преимущественно отправлявшихся въ Сирю; было также много Турокъ и Турчанокъ, два преступника въ цѣляхъ, да четыре Черногорца, которыхъ арестовали въ Константинополь и увезли куда-то. Бывшіе тутъ Греки весьма заинтересовались ими и обѣщали похлопотать у консуловъ въ Смирнѣ объ ихъ освобожденіи, но не знаю насколько имъ это удалось.

Къ полудню замѣтили небольшой англійскій пароходъ полавшій на мель. Капитанъ его приплылъ на лодкѣ и при посредствѣ одного пассажира говорившаго по-англійски просилъ помощи, но ему было отказано.

Къ вечеру одинъ изъ пассажировъ-Грековъ вызвалъ меня опять на палубу смотрѣть на англійскіе пароходы въ Безикѣ, но оказался только одинъ, а другіе неизвѣстно куда дѣлись.

До самой Смирны вѣхали все проливомъ, такъ что видны были оба берега, а то и острова; казалось что плывешь по широкой рѣкѣ, а не по морю. Въ десять часовъ, прибыли въ Смирну, но ночевать надо было на пароходѣ, и утромъ только можно было перебраться на берегъ.

VI.

Смирна. — Таможня. — Носильщикъ. — Ссора между Грекомъ и Туркомъ на улицѣ. — На вокзалѣ. — Верблюды и ослы. — Отъ Смирны до Айа-Сулукъ (древняго Ефеса). — Лошадь и компаньонъ. — Развалины. — Безлюдье. — Трудная съ непривычки ѣзда. — Кіосандеси (новый Ефесъ). — Свиданіе съ дадею и родными. — Ефесъ теперь и прежде. — Прогулка по садамъ. — Приятный и неприятный сюрпризы — самоваръ утромъ и самонгосы вечеромъ

Утромъ, 16го іюля, я могъ уже любоваться Смирной, расположенною на прибрежной низменности и окруженною горами. Стали подѣвзжать лодочки, и въ одну изъ лодокъ сѣлъ я

съ новыми моими пріятелями-Греками и перешли на берегъ. Здѣсь взяли у меня паспортъ съ тѣмъ что передадутъ его русскому консулу, такъ какъ внутри страны паспортъ не требуется и не дозволяется имѣть. Меня это нѣсколько озадачило, но дѣлать было нечего. Таможенныя осматривали больше карманы, такъ какъ здѣсь главною контрабандой считаютъ письма. Попрощался съ Греками, взвалилъ багажъ на спину носильщика-Турка, и узкими улицами, рискуя на каждомъ шагѣ быть задавленнымъ гордыми верблюдами, отправился черезъ весь городъ на вокзалъ. Уже недѣля какъ я въ Турцію, а монетъ ихъ изучить еще не могъ, и здѣсь меня также привадули, когда я долженъ былъ размѣнять лиру. Одинъ французскій путешественникъ выразился о восточныхъ городахъ вообще и о Смирнѣ въ особенности что на нихъ пріятно смотрѣть издали, но входить въ нихъ не слѣдуетъ, иначе совершенно разочаруешься.

По дорогѣ встрѣтился намъ Грекъ, который ссорился съ Туркомъ. Первый уже бросился на него, но вдругъ остановился, посмотрѣлъ на Турка съ презрѣніемъ и проговорилъ: „не стоить рукъ пачкать о твою морду, пусть тебя лучше собаки загрызутъ!“

На вокзалѣ пришлось дожидаться нѣсколько часовъ и отъ нечего дѣлать пить кофе и любоваться верблюдами. Матросы съ какого-то итальянскаго парохода наняли ослъвъ и цѣлою кавалькадой съ шумомъ проѣхали мимо вокзала въ горы, а логоньщики за ними пѣшкомъ.

Въ 9 часовъ поѣздъ тронулся, и въ вагонѣ случился все Турки, да къ тому же ни одинъ изъ нихъ не говорилъ по-гречески; тѣмъ не менѣе мы почему-то старались угождать другъ другу: они все мнѣ предлагали арбуза, а я имъ винограду, и такъ всю дорогу до самаго древняго Ефеса (Айя-Сулука).

Станція небольшая, но весьма красиво построены изъ разноцвѣтнаго камня. На станціяхъ Негры и Турчешата предлагаютъ арбузы и другіе фрукты, но больше всего воды (су). Въ Айя-Сулукѣ есть гостиница для пріѣзжающихъ и здѣсь же можно нанять лошадей. Но я нанялъ лошадь еще въ Смирнѣ, гдѣ на вокзалѣ встрѣтился съ однимъ ямщикомъ. Мнѣ и подвели здѣсь лошадь, посадили на нее, багажъ придѣлили сзади, впередъ выѣхалъ тотчасъ же ямщикъ съ почтой и вмѣстѣ съ нимъ два воина въ полномъ вооруженіи. Здѣсь бывають часто грабежи, а потому я старался

не отставать отъ ямщика и соддать, но возможности не было никакой и скоро совсѣмъ я потерялъ ихъ изъ виду. Наѣздицикъ я вообще не изъ хорошихъ, а тутъ еще сѣдло широкое и путь по развалинамъ древняго Ефеса. На счастье подѣхалъ визенькій, старенькій Турокъ, оказавшійся знающимъ моего дядю и взявшійся меня сопровождать. Полагая что я боюсь грабителей, онъ меня уговаривалъ не падать духомъ, такъ какъ теперь попадаются рабочіе въ полѣ и часто встрѣчаются караваны верблюдовъ. Но не грабителей боялся я, а непривычной для меня ѣзды, а Турокъ то и дѣло понукаетъ еще мою лошадь, онъ „ну“, а я „тпру“, такъ что лошадь не знала кого и слушать. Проѣхали развалины, вѣхали въ камыши и кустарники, оставивъ по лѣвую сторону горы, гдѣ храмъ Артемиды, и послѣ двухчасовой ѣзды остановились у источника, гдѣ солдаты оберегающіе этотъ путь предложили намъ за небольшую плату турецкій кофе; но не услѣвъ я выпить и маленькой чашечки, какъ почта тронулась, а за нею и мы, и скоро опять отстали. Къ намъ присоединились еще двѣ лошади съ двумя отуреченными Гречанками и маленькою дѣвочкой. И стыдно было мнѣ, и досадно, смотря какъ эти женщины твердо держались на мужскихъ сѣдлахъ, вичего не боясь, а я на каждомъ шагу видѣлъ свою гибель. Къ тому же теперь намъ приходилось ѣхать по узкимъ горнымъ тролямъ, и удивительно какъ ловко цѣпляются мѣстныя лошади. Я пробовалъ было управлять лошадью, но сопровождавшій меня старецъ замѣтилъ что лошадь лучше меня знаетъ дорогу, а потому пусть она идетъ куда хочетъ. Еще неприятно было когда встрѣтятся верблюды, которые ни за что не уступать дороги. Странное дѣло! Такое умное животное, какъ верблюдъ, не иначе отправляется въ путь какъ предшествуемое осломъ. Ефесъ то показывался, то опять скрывался; мнѣ это надоѣло, и я сѣлъ чтобы немного расправить ноги лѣшеходствомъ.

— А какъ теперь, эфенди-му, сядешь опять? замѣтилъ нѣсколько сердито мой слугицикъ.

Тутъ я замѣтилъ что подруги не туго натянуты, и мнѣ долго пришлось пройтись лѣшкомъ, пока не попался большой камень съ котораго я могъ закинуть ногу прямо на сѣдло. Проѣхали какими-то старыми кладбищами и укрѣпленіями, а затѣмъ по остаткамъ шоссе изъ большихъ камней стали слускаться къ новому Ефесу (Кюсандесу), имѣя

по сторонамъ сады масличныхъ деревьевъ. Проѣхали нѣсколькими переулками и остановились у мыльного завода моего дяди. Турокъ сказалъ прикащику что я племянникъ хозяина, и онъ меня снялъ съ лошади. Дяди не оказалось въ заводѣ, лошадь сама побѣжала на почтовый дворъ, а я съ прикащикомъ зашелъ въ кофейню, гдѣ нашелъ дядю. Такое неожиданное свиданіе до того поразило дядю что онъ долго не могъ сказать ни слова.

— Какъ же не предупредить? наконецъ сказалъ мнѣ онъ.

— Не надѣялся добраться; сами знаете какое тревожное время.

— Ну, пойдемъ домой. То-то радость будетъ всемъ! Жаль что зять уѣхалъ вчера въ Одессу, а двѣ твои кузины въ Самосѣ; ну, да кто же зналъ?

Вошли въ домъ, познакомились—радость всеобщая! Олять кофе, затѣмъ ужинъ, а потомъ отвели мнѣ комнату въ бельэтажѣ, гдѣ на Востокѣ обыкновенно парадная часть помѣщенія, и я отдохнулъ съ такимъ комфортомъ, съ которымъ давно уже не приходилось.

Когда на другой день проснулся, младшая кузина вмѣстѣ съ добрымъ утромъ сказала мнѣ по-русски: „Прощу чай пить!“ Спустился внизъ и дѣйствительно вижу на столѣ родимый самоваръ.

— Не ожидали найти здѣсь самоваръ? Это зять оставилъ, въ Одессѣ онъ привыкъ постоянно съ чаемъ, такъ и насъ приучилъ къ нему.

Мнѣ это было тѣмъ пріятнѣе что съ самаго выѣзда не пришлось выпить чашки настоящаго чаю. Сѣли и стали прохлаждаться.

Дядя уже давно ушелъ въ кофейню, а оттуда на заводъ, гдѣ у него отдѣлено помѣщеніе, и хотя работа уже почти не идетъ на заводѣ, но онъ по привычкѣ весь день тамъ проводитъ, туда и знакомые ходятъ его навѣщать. Зашелъ человекъ среднихъ лѣтъ и отрекомендовался моимъ племянникомъ, то-есть мужемъ моей племянницы.

— Дядя извиняется, сказалъ онъ,—что не можетъ знакомить васъ съ городомъ, такъ какъ по старости сидитъ постоянно на заводѣ, а я вотъ возьму на себя этотъ пріятный трудъ. Только будьте осторожны,—добавилъ онъ:—васъ будутъ спрашивать о томъ, о другомъ—не доверяйтесь, помня что здѣсь Турція, да къ тому же еще Азіятская Турція.

— Благодарю за совѣтъ, отвѣтилъ я.—Быть осторожнымъ я рѣшилъ заранѣе, иначе не рискнулъ бы отправиться въ такой опасный луть и въ такое тревожное время.

Спустились къ базару, а оттуда въ прибрежную кофейню, гдѣ вылили по чашечкѣ кофе и по полрюмкѣ мастики съ медомъ (виноградной водки подсащенной мастикой). На Востоку посаѣ водки не закусываютъ, а запиваютъ водой, а то и просто вливаютъ водку въ стаканъ воды и такъ пьютъ. Терраса кофейни у самой гавани, гдѣ было много мелкихъ кораблей, но ни одного парохода, а далѣе видѣлся берегъ острова Самоса. Близокъ локоть, да не укусишь. Недалеко Самосъ и хотѣлось бы туда съѣздить, да нѣтъ никакого сообщенія, а случай не представлялся.

Самый городъ новый Ефесъ дѣлится на двѣ части—турецкую и греческую. Первая расположена на равнинѣ, вторая—на крутомъ склонѣ горы. Сначала Греки тоже помѣщались на равнинѣ, но послѣ частыхъ грабежей одинъ изъ бывшихъ здѣсь лашей посоветовалъ имъ строиться на склонахъ горы и какъ можно тѣснѣе. Такъ они и поступили, и съ тѣхъ поръ грабежи стали неудобны. По турецкой части еще встрѣчаются верблюды и ослы, а по греческой даже этихъ животныхъ не видно, такъ улицы узки и круты; что же касается экилажей, то о нихъ здѣсь и понятія не имѣютъ. Дома въ греческой части большею частью двухъэтажные: внизу помѣщается семья, а наверху комнаты для гостей; внизу все по-восточному, а наверху—Европа.

До постройки Смирнской желѣзной дороги торговля здѣсь процвѣтала, но эта дорога перенесла торговлю въ другіе города, такъ какъ новый Ефесъ остался въ сторонѣ, хотя разстояніе отъ Айя-Сулукъ до Кюсандеси не болѣе двадцати верстъ. Туземцевъ-Грековъ здѣсь мало, все народъ пришлый, а потому и единомыслия нѣтъ—всякій тянетъ въ другую сторону и многие остались безъ дѣла кто лривыкъ къ мѣсту и не хочетъ переселиться. Прежде заводъ моего дяди постоянно работалъ критское мыло, теперь когда-когда сварить одинъ колодезь; прежде отправлялось отсюда немало винныхъ ягодъ и масла, что давало работу многимъ рукамъ; теперь никто этого отсюда не требуетъ и занимавшіеся этимъ остались безъ дѣла. Климатъ освѣжается моремъ, но съ другой стороны окружающія болота распространяютъ лихорадку, а къ тому же и камарикъ покусываютъ очень больно, осо-

бенно прѣвзжихъ. До чего упалъ городъ можно судить изъ того что во всемъ городѣ нѣтъ не только гостиницы, но и заѣзжихъ дворовъ всего одинъ и тотъ не изъ пространныхъ. Газеты ни одной не издается въ городѣ, а читаются больше смирскія газеты. Даже почты правильной нѣтъ, а адресовать нужно въ Смирну, а оттуда корреспонденція переправляется частнымъ образомъ въ новый Ефесъ. Есть греческая школа, но объ ней послѣ. Только болѣе способное правительство можетъ высушить болота, поднять торговлю, возродить Ефесъ, да и то чуть ли не на его прежнемъ мѣстѣ, иначе этотъ городъ неминуемо изгладится съ лица земли.

Греки и Турки живутъ здѣсь въ ладу между собою, такъ какъ Грековъ все же больше, но осторожность соблюдается строжайшая. Греки болѣе зажиточны, а потому Турки нуждаются въ нихъ, но первые боятся ихъ мстительности, тѣмъ болѣе ужасной что Туркамъ нечего терять, да и вообще жизнь, особенно гяура, въ Турціи мало цѣнится. Зашли съ племянникомъ на заводъ, осматривалъ его устройство, а потомъ зашелъ въ прилежащій садъ и набѣлся свѣжихъ винныхъ ягодъ, которыя на первый разъ очень понравились, но скоро прѣвзлись.

На Востокъ встрѣчаютъ плотво въ полдень, а обѣдаютъ или ужинаютъ въ сумерки. Вечеромъ отправились съ дядей знакомиться съ окрестностями. Зашли въ садъ моего старого полутчика, который насъ угостилъ винными ягодами и печеною кукурузой, а затѣмъ отправились въ лучшій садъ ефесскій, принадлежащій одному Турку, который, вопреки Корану, никогда не бывалъ трезвымъ. Хозяина не было въ саду, но скоро завидѣли его болтающимся на ослѣ. Я приложилъ руку ко лбу, привѣтствуя его. Онъ свалился съ осла, сталъ говорить и по-турецки и по-гречески, да такъ смѣшно что трудно было не расхохотаться. Дядя ему говоритъ, указывая на меня, что вотъ племянникъ прѣвхалъ, изъ далекихъ странъ, котораго я никогда не видалъ; а онъ указывая то на меня, то на садъ, пробормоталъ: „Ничего не понимаю! Будьте здоровы, а я ничего не понимаю! Вотъ мой садъ, все мое ваше, а я ничего не понимаю.... будьте здоровы!...“

Зашли въ садъ, поѣли винограду, а потомъ отправились въ прибрежную кофейню, подышали свѣжимъ морскимъ воздухомъ и познакомились съ греческимъ вице-консуломъ и съ

другими Греками. Всѣ поздравляли дядю съ моимъ прїѣздомъ, но о политикѣ ни слова.

— А завтра надо будетъ пораньше встать, сказалъ мнѣ дядя за ужиномъ:—надо въ церковь зайти, а потомъ въ училище на экзаменъ. Какъ учителя, это тебя заинтересуетъ, а теперь покушай-ка салюнгосовъ: у васъ въ Россіи и помятїа должно-быть не имѣють о нихъ.

— Есть они и у насъ, но я не умѣю ихъ кушать, сказалъ я, не желая сознаться что не люблю ихъ; но этимъ я не избавился отъ нихъ, такъ какъ кузины обрадовались случаю прислужиться и откормили меня валовалъ этимъ лакомымъ, по мнѣнію Грековъ, блюдомъ, такъ что мнѣ осталось только запить его прекраснымъ самосскимъ виномъ.

АРИСТИДЪ М.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

КЪ УТРЕННЕЙ ЗАРЬ

(ПОДРАЖАНІЕ ОВИДІЮ)

*Jam super Oceanum venit a seniore marito
Flava pruinoso quae vehit axe diem;
Quo profergas, Aurora? Manet...*

Изъ бурныхъ волнъ морскихъ, лазурно-изумрудныхъ
Выходить на небо багровая заря...
О, подожди еще! Въ заботахъ многотрудныхъ
Такъ утомилось все, и люди, и земля!
Едва ты явишься—и лутникъ утомленный
Опять начнетъ свой луть, проснется бѣдный людъ,
И лахарь примется за свой тяжелый трудъ,
И снова волъ поидетъ, въ ярмо свое впряженный.
Ребенка чуткій сонъ лучомъ встревожишь ты,
Наставетъ снова день ему—и снова слезы!
О, пощади его младенческія грезы,
Продаи, еще на мигъ, невинныя мечты!
Взгляни какъ хорошо! Земля смежила очи,
Вездѣ лаятъ мечты, вездѣ царитъ покой,
И лишь одна любовь, солутникъ вѣрный ночи,
Любовь одна не слить въ глубокой тмѣ ночной.

Все любить въ этотъ мигъ, блаженный, благодатный,
 Вся эта тишина исполнена любви,
 И о любви поютъ такъ громко соловьи
 Въ густой сѣни деревъ, цвѣтущихъ ароматно,—
 Помедли! Придержи, красавица, скорѣи
 Поводья влажныя сіяющихъ коней!...
 Но ты не внемлешь мнѣ! Ты сладкаго недуга
 И счастья любви—не зная осуждена....
 И ложе стараго, холоднаго супруга
 Слѣдшишь покинуть ты, и знойна, и гнѣвна.
 О, какъ бы я желалъ, чтобъ ночь не уступила
 Въ таинственной борьбѣ, за жизнь свою, съ тобой,
 Чтобы ночная тьма въ борьбѣ той побѣдила
 И переслипла твой яркій свѣтъ дневной,
 Чтoby звѣзды предъ тобой не гасли, не блѣднѣли,
 Чтoby, съ нетерпѣніемъ готовясь съ ними въ бой,
 Твои крылатые коки разсвирѣли,
 Въ кудрявыхъ облакахъ залутались ногой —
 И въ тартаръ ринулись они стремглавъ съ тобой!

II.

О Т Р Ы В О К Ъ

(Вечеръ. Смеркается. ФАУСТЪ сидитъ задумавшись у открытаго окна. Входитъ МЕФИСТОФЕЛЬ.)

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Прости мнѣ, если мой приходъ
 Нить важныхъ мыслей перерветъ;
 Быть-можетъ, мой визитъ не въ пору,
 И ты не склоненъ къ разговору?
 О чемъ задумался?

ФАУСТЪ.

Слова

Едва ли выразить сумѣютъ
 Чѣмъ мозгъ горить, и голова,
 Чѣмъ сердце такъ давно болѣетъ!

Поковчивъ съ миромъ и людьми,
И сожалѣя ихъ глубоко—
На нихъ смотрю я издалека...
О, жалкій родъ!

Еще дѣтymi,
Мы сердца познаемъ утраты,
И плачемъ братьевъ и друзей,
На вѣкъ исчезнувшихъ куда-то,—
Вчера еще живыхъ людей!
Куда же дѣлась жизни силы?
Что намъ осталось? Жалкій гробъ,
Прочтете надъ нимъ молитвы поль,
Потомъ — зароется могила,
И все поковчено!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну что жь?
Такой конецъ — чѣмъ нехорошь?

ФАУСТЪ.

Духъ возмущается! Ужели
Всю жизнь свою, отъ колыбели,
Въ страдающихъ бьется человекъ,
Чтобъ вдругъ исчезнуть,—и на вѣкъ?
Ужели—жажда совершенства,
Стремленье къ истинѣ святой, —
Залогъ грядущаго блаженства,
Ведутъ лишь къ двери гробовой?
Ужель, безъ тѣни и слѣда,
Мы исчезаемъ навсегда?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

О! что касается слѣдовъ—
То ихъ найдется безконечно!
Отцы оставили сыновъ,
А сыновья—дѣтей, конечно.
Прогрессъ, развитіе идей,
Законовъ нравственнаго чувства,
Созданія наукъ, искусства—
Вѣдь это все слѣды людей.
Не знаемъ, гдѣ они родились,
Когда и отъ какихъ отцовъ;

Они хоть для себя трудились,
 Но вышло что жь? Въ концѣ концовъ—
 Они служили, какъ умѣли,
 Не зная сами, общей цѣли.
 И не стяжавъ себѣ вѣнца,
 Во мракѣ потонувъ забвенья,—
 Они служили лишь какъ звенья
 Великой цѣли безъ конца.
 Хоть вѣтъ имъ славы, ни почета,
 Имень не знаетъ ихъ никто,—
 Ихъ жизнь не вычеркнешь изъ счета,
 Безъ нихъ *все* было бы не *то*;
 Не это ли, философъ бѣднѣй,
 Зовешь ты жизньню безслѣдной?

ФАУСТЪ.

Итакъ, святой, палящій пламень,
 Все чѣмъ полна душа моя—
 Одинъ необходимый камень
 Въ строеньи вѣчномъ бытія?
 При чемъ же личность человѣка,
 Его страданія, борьба,
 Когда назначенъ онъ, отъ вѣка,
 На долю жалкую раба,
 Всю жизнь свою, весь вѣкъ трудиться
 Не зная даже цѣль труда?
 Не стоило-бъ на свѣтъ родиться,
 Не стоило-бъ и жить тогда!
 Когда жь конецъ такой работѣ,
 И кто жь плоды ея ложнетъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ужь это не твоя забота;
 Увидить тотъ, кто доживетъ!

ФАУСТЪ.

Читалъ я—гады есть морскіе;
 Они живутъ въ глуби морей,
 И неизвѣстныя живые,
 Полезны смертью лишь своей.
 Ихъ оболочка, истѣвая,
 Кремнистый образуетъ слой,

И гдѣ жила тѣхъ гадовъ стая,
 Выходитъ островъ надъ водой.
 Я знаю: пчелъ трудолюбивыхъ
 Сбираетъ человекъ труды,
 И ложинаетъ онъ плоды
 Трудовъ вола на тучныхъ нивахъ,—
 То слѣдъ надъ силой торжества,
 Разсудку силы подчиненья,
 Не даромъ мы вѣнецъ творенья,
 И носимъ образъ Божества!
 Я знаю: на людской судьбинѣ
 Лежитъ неправды тяжкій гнетъ;
 Какъ прежде, ты увидишь вынѣ,
 Что не всегда, кто сѣялъ, жнетъ;
 Но вѣдъ неправда—исключенье,
 Хотя-бъ на ней держался свѣтъ!
 И чтобы жизнь моя, средь бѣдъ,
 Шла лишь для новыхъ поколѣній,
 А самъ я исчезалъ во тѣнѣи—
 Нѣтъ, духъ, я не повѣрю, вѣтъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не вѣришь ты? Ну что же! Вѣра
 Въ дѣлахъ неясныхъ хороша.
 Отраднѣи истинны химера,
 Которой тѣшится душа.
 Во что-нибудь—но вѣрить надо,
 Въ ничтожество или въ свѣтлый рай....
 Себѣ по вкусу выбирай
 И по заслугамъ жди награды!
 Скажи, во что жъ ты вѣришь самъ?

ФАУСТЪ.

Глядя на солнце золотое,
 На небо вѣчно голубое,
 И обращая взоръ къ звѣздамъ—
 Я чуднымъ предаюсь мечтамъ!
 Куда бы мысль ни залетѣла,—
 Нигдѣ не встрѣтитъ ей предѣла,
 И, увеселенный въ эту даль,
 Я забываю все: печаль,

Людскія бѣдствія, страданья,
Неутоленные желанья,
Все что намъ душу бременить;
И безконечность—безмятежно,
Заманчиво, лаская вѣжно,
Тревожный духъ къ себѣ манить.
Душа смущенно вѣчность чувствуетъ,
Разгадку тайны роковой,
Мечта привольная рисуетъ
Картинны жизни, но цной,
Гдѣ вѣтъ мученій, вѣтъ страданья,
Гдѣ вѣтъ ни плача, ни рыданья,
Гдѣ жизнь и радость безъ конца,
Гдѣ, въ созерцаніи Творца,
Все горе дней земныхъ, прошедшихъ
Отдастся радостью святой,
Гдѣ вновь увидимъ мы *отшедшихъ*,
По комъ мы плачемъ здѣсь съ тоской!
Быть-можетъ—въ часъ предсмертной муки
Они прострутъ намъ бѣднымъ руки,
И часъ—кого страшимся мы,
Какъ бы преддверья вѣчной тьмы,
Быть-можетъ радостнѣй, свѣтлѣй
Земной, тяжелой жизни всей.
Кто смерти не позналъ разлуки,
Кто въ этой жизни не любилъ,
Въ комъ сердце не рвалось отъ муки
Когда онъ близкихъ хоронилъ;
Въ комъ не таилось ожиданье
За гробомъ свѣтлаго свиданья,
Кто на кладбищѣ не рыдалъ,—
Тотъ всѣ мечты мои не зналъ!

III.

ЦАРЬ РУСТЕМЪ

ВОСТОЧНОЕ ПРЕДАНИЕ.

За пиромъ веселымъ Рустемъ возсѣдалъ
 Съ невѣстой своей молодою,
 Убранствомъ чертога и огнями блистала,
 Кругомъ громогласно народъ ликовалъ; —
 Вино разливалось рѣкою.

Любовью Рустемъ и желаньемъ горитъ,
 Къ невѣстѣ склоняся головою
 Со страстью и вѣгой ей въ очи глядитъ
 И тихо прекрасной Фатьмы говоритъ:
 „О, какъ награжденъ я судьбою!“

„Лишь солнце обычный свой путь совершитъ
 Ты будешь женой моей милой;
 Судьба намъ въ грядущемъ блаженство сулитъ,
 Какъ медленно хладное время бѣжитъ!
 Оно никогда не любило!“

Но шумомъ ввезаннымъ былъ праздникъ смущенъ
 Вдругъ дверь широко распахнулась,
 И вѣстникъ вбѣгаетъ: усталъ, залыселъ,
 Одно только въ силахъ былъ вымолвить онъ:
 „Враги въ нашу землю вторгнулись!“

И палъ бездыханный. Все стихло кругомъ
 Внимая той вѣсти неожиданной;
 Смутился Рустемъ и ловикнулъ челомъ,
 Въ такое ль мгновенье сражаться съ врагомъ,
 Разстаться съ невѣстой, желанной?

И крѣпко Фатьму онъ цѣлуя обнялъ,
 Невѣстѣ своей черноокой:
 „Не плачь, не надолго я вѣду!“ сказалъ,
 И въ правую руку мечъ прагдвовъ взялъ,
 На бой послѣшая жестокий.

Какъ птичка забитая вешней грозой,
 Пошла Фатъма молодая.
 „Не вѣди, желанный ты мой, дорогой,
 Недоброе сердце вѣщаетъ! Со мной
 Останься! сказала рыдая.

„Не даромъ злобѣщій я видѣла сонъ
 Во мракѣ сегодняшней ночи,
 Что въ полѣ убить ты, и съ разныхъ сторонъ
 Слетаются стаи орловъ и воронъ
 Клевать твои ясныя очи!

„Не даромъ твой конь быстроногій заржалъ,
 Не даромъ слоткнулся внезапно
 Когда ты на встрѣчу ко мнѣ выѣзжалъ,
 Не даромъ заржавѣлъ твой вѣрный кинжалъ,
 Не вѣди, не вѣди, желанный!“

Какъ сумракъ вечерній Рустемъ потемнѣлъ.
 „Что бь сердце тебѣ ни вѣщало
 Я вѣду!“ сказалъ онъ, „какой бы удѣлъ
 Ни выпалъ мнѣ—вѣрно такъ рокъ повелѣлъ.
 Мнѣ дома сидѣть не пристало.

„Къ намъ въ землю родную враги ворвались:
 Ужель отдаваться безъ бою?
 Предъ рока вѣльваемъ душою смиришь,
 Быть вѣрной на вѣки ты мнѣ поклянись—
 Я съ легкой поѣду душою!“

И съ клятвой священной на юныхъ устахъ
 Рустема Фатъма обнимала,
 Сжимала его въ бѣлоснѣжныхъ рукахъ,
 И съ жемчугомъ слезъ на прекрасныхъ глазахъ
 На бой жениха провожала.

„Къ оружію, братья!“ Рустемъ загремѣлъ,
 И слѣдомъ за нимъ всѣ помчались.
 За городомъ бой беспощадный кипѣлъ,
 Рустемъ въ середину враговъ налетѣлъ,
 И въ страхѣ они разступались.

И вправо и вѣво рубилъ онъ мечомъ,
 Свирѣлыхъ враговъ любивая;
 Какъ кива, подкошена острымъ серпомъ,
 Какъ вѣтви деревъ подъ лихимъ топоромъ,
 Вадились враги умирая.

И много ихъ въ свѣчъ кровавой легло!
 Но, долго въ бою невредимый,
 Рустемъ вдругъ схватился рукой за сѣдло,
 Смертельною тьмою покрылось чело,
 И видъ онъ упалъ недвижимый.

А духъ его быстро въ выси голубой
 Воздушною тѣнью помчался
 Въ невѣдомый край, гдѣ искусь годовой
 Онъ должевъ былъ вынести томяся тоской,
 И годъ ему вѣкомъ казался.

Но вотъ онъ свободенъ, и вотъ онъ летить,
 Ко двери цвѣтущаго рая;
 Тамъ юноша чудный на стражѣ стоитъ,
 Любовно пришельцу на встрѣчу глядитъ,
 Завѣтную дверь отворяя.

Но мраченъ Рустемъ, и его не манитъ
 Блаженство небснаго рая;
 По прежнему страстью земной онъ горитъ,
 Онъ вѣрить что вѣрность ему сохранить
 Невѣста его молодая.

Онъ чуднаго отрока робко спросилъ:
 „Скажи мнѣ, скажи, вебожитель
 Я тяжкій искусь терпѣливо сносилъ,
 Ужели въ награду,—на мигъ хоть,—вѣтъ силъ
 Въ земную вернутся обитель?“

И юноша свѣтлый ему говоритъ:
 „На землю вернися ты снова,
 Но знай: на землѣ чтобы мигъ лишь пробыть—
 Придется вѣками тебѣ отлатить—
 Страданья, мученія злаго!“

Рустемъ просвѣтаѣлъ и отвѣтилъ ему:

„Дозволь мнѣ, дозволь согласиться!
„Готовъ я на вѣкъ въ преисподнюю тьму,
Лишь разъ бы мнѣ только увидѣть Фатьму,
Лишь только бы съ нею проститься!“

Мгновенье—и быстро взмахнулъ онъ крыломъ

Въ родимый свой край послышавъ,
Какъ птица въ пространствѣ мелькнулъ голубомъ,
Взглянулъ—и предметы родные кругомъ
Узналъ онъ, въ тоскѣ изнывая.

Вотъ замокъ, гдѣ онъ какъ женихъ пировалъ

Съ невѣстой своей молодою;
Тогда онъ убранствомъ, огнями блисталъ,
Кругомъ громогласно народъ диковалъ,
Вино разливалось рѣкою.

Теперь онъ разрушенъ, безлюденъ и нѣтъ,

Пустыня кругомъ и молчанье,
Кустится молодая трава между стѣнъ;
И дальше полетъ свой направилъ Рустемъ,
• Къ невѣстѣ своей на свиданье.

И вотъ онъ у цѣли. Роскошно цвѣтеть

Сады пышный вокругъ водоема;
Смутилася Рустемъ: какъ туда онъ войдетъ?
Какъ рѣчь съ ненаглядной Фатьмой поведетъ,
Какимъ его встрѣтить приемомъ?

Но медлить нельзя! Наугадъ онъ летитъ,

Живымъ нетерпѣваемъ старая;
Внезапно онъ сталъ, пораженный, глядитъ—
Прекраснѣй цвѣтовъ, межъ цвѣтами сидитъ
Невѣста его молодая....

И рядомъ съ ней отрокъ, пригожъ какъ весна,

Фатьму онъ въ объятяхъ сжимаетъ,
Головкой къ нему преклонилась она,
И страсти сердечной, и зноя полна
Лобзаньямъ его отвѣчаетъ,

И шепчутся рѣчи, и ласки горятъ,
 И жгутъ какъ огонь ихъ лобзанья...
 Печально Рустемъ устремилъ на нихъ взглядъ,
 И, тихо взмахнувши крылами, назадъ
 Повесся въ глубокомъ молчаньи.

Предъ райскія двери онъ снова предсталъ
 И отроку молвилъ въ смущенья:
 „На мигъ лишь одинъ я на землю слеталъ,
 И вотъ я вернулся, какъ ты указалъ,
 Принять вѣковыя мученья!“

Но юноша свѣтлый ему отвѣчалъ:
 „Что мука тебѣ вѣковая?
 На мигъ лишь одинъ ты на землю слеталъ,
 Но муки ста тысячъ вѣковъ ты узналъ“,
 И двери отверзъ ему рай.

В. ВУЛЬФЕРТЪ.

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА

СЪ ПОХОДА 1877 И 1878 ГОДА *

XXVIII.

Казанлыкъ, 15 января.

Какъ только откроешь это письмо, прежде всего исполняю моему задушевную просьбу: стань предъ иконою Знаменія Божіей Матери, положи три глубокихъ, земныхъ локлона и горячо, отъ всего сердца, благодари Царицу Небесную,—я уже за Балканами, въ Казанлыкѣ... какъ все это совершилось, какъ Господь помогъ мнѣ въ одинъ день перевалить Балканы, этого я, кажется, не сумѣю тебѣ разказать,—четвертый день не могу придти въ себя, оломниться, собраться съ мыслями; чувствую только что совершилось въ моей жизни что-то необыкновенное, небывалое... Памятезь мнѣ Уральскій хребетъ около Златоуста; никогда не забуду величественнаго Бобыръ-Хана и Тугаи около Улалы въ Алтаѣ; во Шибкинской перевалѣ на Балканахъ—это совсѣмъ не то... Уралъ и Алтай я видѣлъ лѣтомъ, Балканы—зимой; тамъ путешествовалъ въ отаичномъ экипажѣ или на привычной горной лошади,—здѣсь весь горный край переваливалъ лѣшкомъ; тамъ что ни шагъ, то новая прелесть, очарованіе,—тутъ на каждомъ шагу новый и новый ужасъ...

---

* См. №№ 2, 6 и 7 Русскаго Вѣстника.

Тропулиць мы изъ Габрова 11 января, и къ девяти часамъ утра прибыли къ подошвѣ перевала. Что творится на протяженіи этихъ осьми верстъ по извилистому ущелью Явтры, трудно себѣ представить: базаръ не базаръ, ярмарка не ярмарка, а какая-то невообразимая толкотня... Съ одной стороны зеленѣетъ какой-то громадѣйшій артиллерійскій паркъ, раставувшійся на цѣлую версту, если не болѣе; съ другой— чернѣетъ мрачный вольнонаемный транспортъ со своими черными будками и черномазыми погонцами. Удивительно, какъ попали сюда эти угрюмые сыны Малороссіи? Что заставило ихъ покинуть свою благодатную родину и пуститься въ невѣдомыя дебри Балканскія? Неужели только логоя за наживой?... Утро было великолѣпное, тихое, солнечное, морозное; воздухъ такой что дышать не надыхнешься; узкая долина ущелья на всемъ своемъ протяженіи дымилась, курилась, кое-гдѣ вспыхивали яркіе костры, люди варили себѣ обѣдъ. Дымъ отъ каждаго костра, при полной тишинѣ воздуха, подымался высоко вверхъ какими-то гигантскими столбами, точно тысячи Петергофскихъ „Самсоновъ“ собрались сюда въ ущелье. Окрестныя горы, покрытыя снѣгомъ, блистали на солнцѣ безчисленными алмазными искрами, и мелкія волны верхнихъ слоевъ дыма на мгновение покрывали ихъ тонкими, прозрачными облачками, какъ подвѣчною фатой. И среди этой прелестной картины разыгрывалась тутъ же самая будничная, людская, житейская проза: гомовить и ругается народъ, мычать буйволы, реветъ вестово ослы, ржутъ кони, скрылять и стучать о камни сотни двигающихся повозокъ, и что особенно удивительно— среди всего этого гама слышится собачій лай.... Представъ себѣ, почти за каждою ротой въ полкахъ путешествуютъ и ротныя собаченки, эти неизмѣнно преданныя, неразлучныя друзья нашихъ солдатъ, добровольно перевозящіе съ ними всѣ невзгоды и бѣдствія военнаго времени.... У подошвы перевала мы застали всю нашу вторую бригаду, стоящую тутъ уже пятый день и ожидающую своей очереди. Благодаря энергическимъ распоряженіямъ генерала Лашкарева насъ пропустили безпрепятственно, и вотъ стали мы карабкаться на первый, относительно не крутой подъемъ. Солнышко пригрѣвало такъ что на дорогѣ показались проталинки и образовался тонкій слой жидкой, скользкой грязи; сгоряча мы лошадки бойко, ходко, и въ полчаса поднялись на вершину пер-

ваго подъема къ домику Радецкаго. Знаменитый, историческій тельеръ домикъ этотъ есть не иное что какъ большая землянка, раздѣленная подземнымъ корридоромъ на двѣ половины: въ одной жилъ самъ Радецкій, въ другой—его штабъ; теперь же въ одной помѣщается генералъ Лашкаревъ, въ другой—нашъ генералъ Квитницкій со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ М. П. Михивымъ. Тутъ я узналъ много разныхъ новостей и между прочимъ одну очень отрадную, пріятную, именно: въ Казавлыкѣ, въ нашу главную квартиру, прибыли уже турецкіе уполномоченные для заключенія перемирія. Дай-то Богъ!... По совѣту М. П. Михива я купилъ себѣ у казака переломленное кольцо, такъ какъ на предстоящіе крутые подъемы нельзя подниматься безъ твердаго, остраго упора, и моя люблинская спутница лалка оказывается здѣсь ненадежною. Скоро подѣхали наши повозки и остановились тутъ для отдыха и обѣда. На площадкѣ между первымъ и вторымъ подъемомъ наши впередъ выслаанные кашевары успѣли уже сварить намъ неизмѣнный брандохлысть—сулъ съ рисомъ, надобившій всѣмъ хуже микстуры. Санитары стали обѣдать; въ это время подходитъ ко мнѣ нашъ докторъ Заленскій и предлагаетъ идти впередъ; я соглашаюсь съ удовольствіемъ, и мы пошам; но проходя мимо кипящихъ котловъ съ супомъ, не могли воздержаться отъ соблазна и выпросили себѣ у кашеваровъ по куску горячей говядины. Подкрѣпившись, мы тронулись въ путь. Ни у меня, ни у моего спутника въ началѣ этого путешествія не было никакихъ предположеній, никакой опредѣленной цѣли;—идти впередъ, вотъ и все тутъ. Пошам. Второй подъемъ сразу доказалъ мнѣ всю практичность совѣта М. П. Михива: безъ кольца никоимъ образомъ нельзя было бы лодяться: крутизна страшная, холодъ очень чувствительный, вѣтеръ рѣзкій, лорывистый, а дорожка узкая, обледѣлая, скользкая и лѣвится она по крутѣйшему косогору; слѣва громадная, отвѣсная скала; справа—бездонный обрывъ. Чтобы улучшить эту дорожку и сдѣлать ее не такъ покакою въ оврагъ, наши саперы придумали оригинальный барьеръ или брустверь: по самой окраинѣ къ оврагу наложили замерзлыхъ лошадей и буйволовъ,—ихъ замело снѣгомъ, закрѣпило морозомъ и образовался очень толстый и очень прочный валъ. Съ большими успѣхами и частыми отдыхами взобрались мы на вершину этого труднѣйшаго изъ всѣхъ

подъемовъ Шабкинскаго перевала; но за то какая же картина открылась предъ нашими глазами: словно ледяныя горы лодярнаго моря высились къ небу безчисленные горные конусы, то облитые яркими лучами солнца, то затуманенные набѣгавшими на нихъ легкими облаками. Горизонтъ безпредѣльный,—внизу далеко, далеко, въ какой-то чудной синевѣ видѣется Габрово, дымится загроможденное ущелье, тамъ и сямъ въ страшныхъ труппахъ бѣлѣютъ деревеньки, монастыри; черною лентой по бѣлому фону извивается зигзагами наша горемычная луть-дороженька, вся отъ подошвы до вершины залруженная повозками; вокругъ этой змѣйки-дорожки чуть замѣтными точками шевелятся юркіе ослата болгарскихъ бѣженцевъ съ толстыми вьюками съ обѣихъ сторонъ, словно мухи съ растопыренными крыльями. Мы засмотрѣлись, залюбовались, и не замѣтили какъ набѣжало облачко и въ одно мгновеніе осыпало насъ густыми и въ то же время ослѣпительно блиставшими на солнцѣ звѣздочками-снѣжинками. Очувшись среди облака, среди шуршавья и какого-то нѣжнаго завывавья горной тучки съ метелью, мы нѣсколько мгновеній не могли сообразить, гдѣ мы, что съ нами, въ какой-такой заколованный кругъ попалъ,—а тучка уже прошла, пролетѣла, прошуршала и, какъ-будто улыбаясь нашему минутному недоумѣнію, лобѣжала себѣ черезъ оврагъ на слѣдующую вершину, закрыла ее на минутку прозрачною вуалью, и понеслась, полетѣла дальше... Все это продолжалось не болѣе двухъ-трехъ минутъ, и олять яркое солнце, олять ослѣпительныя искры снѣжныхъ алмазовъ. На безбрежномъ горизонтѣ тамъ и сямъ видѣется много этихъ чудныхъ отрывковъ-тучекъ и плаваютъ онѣ по горнымъ вершинамъ, какъ легкіе, воздушные ялики по бѣлымъ волнамъ.... Что за чудный видъ!... Но восторгаться этими чарующими картинами горной природы было не ко времени; мы ползелись дальше. Дорожка наша полукругомъ повернула еще на слѣдующую вершину вправо, гдѣ видѣются землянки и колошится народъ. Мы подвигались; и тутъ я нечаянно встрѣтилъ знакомаго служителя...

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— Съ батюшкой, съ отцомъ Евстафіемъ мы тутъ....

— А гдѣ же онъ?

— Вотъ здѣсь, въ землянкѣ, пожалуйста....

Я приподвѣлъ кукурузную дверь; изъ землянки вырвался

огромный клубъ древеснаго, горькаго дыма, за которымъ не видно было что творится въ этой подземной берлогѣ.

— Отецъ Евстафій, кричу я, нагнувшись къ берлогѣ,— гдѣ вы?

— Здѣсь, отвѣчаетъ мнѣ голосъ изъ глубины дымящагося подземелья.

— Какъ къ вамъ поласть?

— Спускайтесь сюда.

И изъ дыма показались двѣ протянутыя руки.

Я влѣзь; за густыми слоями дыма нельзя было ничего разглядѣть; но по голосамъ я узналъ Смирнова, Петрова, Ориентова и отца Евстафія. •

— Что вы тутъ дѣлаете, господа?

— Пятая сутки колтумся, какъ сосиски....

Сейчасъ началось угощеніе: коньякъ, сыръ и черствѣйшій хлѣбъ; но мѣшкать мнѣ не приходилось. мой слугаицъ оставался на юру, и я, выпросивъ себѣ кусокъ хлѣба и сыру, послѣднимъ выбратъся изъ этой колтульни. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ замѣтно становилось холодище, и набѣгавшія тучки съ метелью не производили уже на насъ того чарующаго впечатлѣнія, какъ первая.

До третьяго подъема дорога загибаетъ большимъ и длиннымъ полукругомъ; но болгарскіе ослы проложили себѣ прямую тропинку между громадными камнями. Богъ вѣсть кѣмъ и когда здѣсь навороченными. Что за смысленныя животныя оказываются эти ослата, всемірныи, но несправедливый символъ гаупости, тупости, какъ ихъ, не знаю за что, ловсюду и всѣ величаютъ.... Здѣсь въ горахъ—это неопытное животное: кромѣ того что осель идетъ очень ходко, семени свои тонкими ножками быстро, онъ еще несетъ на себѣ порядочный вьюкъ луда въ три, четыре и болѣе; но что всего важнѣе, онъ никогда не собьется съ той тропинки по которой прошелъ хоть одинъ разъ и удивительно умѣетъ выбирать кратчайшій путь какъ бы ни былъ онъ труденъ и опасенъ. По тѣмъ горнымъ тролямъ, по тѣмъ скаламъ и обрывамъ, по которымъ sloкойно и бойко проходитъ осель, никогда не можетъ пройти никакая лошадь. Благодаря этимъ прямымъ, *ослиннымъ* путямъ сообщеній и мы взобрались на третій подъемъ прямою тролой, хотя и очень трудною, но за то дѣйствительно прямою,—мы выгадали по крайней мѣрѣ около двухъ верстѣ. На третьемъ подъемѣ стоитъ какое-то здавіе въ родѣ харчевни или

кабачка, около котораго мы застаемъ цѣлое общество нашихъ офицеровъ; отдохнувъ не болѣе десяти минутъ мы пустились дальше. Холодъ сдѣлался очень чувствителенъ и рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ насъ порядочно; но какая странность, какая причудливость горной природы: на вершинѣ обращенной къ сѣверу, холодъ, вѣтеръ; но только что мы обогнули самую маковку подъема и повернули лицомъ на югъ, на прилежъ солнца, — на дорогѣ показались не только проталинки, но весь глубокий свѣгъ въ котловинѣ между этимъ и слѣдующимъ подъемомъ сплошь повялся водой, такъ что на каждомъ шагу мы стали проваливаться чуть не по колено и едва-едва перебрались черезъ это неожиданное, свѣговое болото. Тутъ-то наши обозы, полковые и артиллерійскія тяжести встрѣтили почти непреодолимые препятствія: лошади проваливаются и не могутъ взаться, телеги и лафеты тонутъ, засычиваются выше стулицъ; ни лошадямъ, ни людямъ нѣтъ возможности подхватить, пособить другъ другу; а между тѣмъ черезъ нѣсколько часовъ, при закатѣ солнца, непременно станетъ крѣпко морозить и все это неизбежно замерзнетъ, вмерзнетъ, заостенѣетъ, такъ что каждую телегу, каждую посудину придется на завтра вырубать; а если хватить ураганъ и за ночь все это занесетъ сугробами? Что не разъ уже и случалось... Въ такихъ дѣйствительно затруднительныхъ обстоятельствахъ единственнымъ спасеніемъ служатъ непомѣрные усилія, какіе-то циклопическіе труды нашихъ безпримѣрныхъ русскихъ солдатъ: нѣтъ такой тяжести которой бы они не подняли, нѣтъ такой трясины изъ которой бы они не вытащили и нѣтъ такой невзгоды которой бы они не перенесли съ какимъ-то непомѣрнымъ напряженіемъ и самоотверженіемъ!... Удивительные, чудные люди!... Въ этой тяжкой борьбѣ съ природою, обмокшіе до костей, обмерзлые, оледенѣлые, въ своихъ худыхъ шинелишкахъ, они являются истинными героями!... Вотъ *когда*, и вотъ только *гдѣ* можно понять весь героизмъ нашихъ безсмертныхъ шибкивскихъ защитниковъ, — вѣчная имъ слава!...

За третьимъ переваломъ дорога раздѣляется: одна — колесная, идетъ полукругомъ по гребню горы, другая — вьючная, лѣзится подъ горой; мы лошади по вьючной и встрѣтили тутъ почти непрерывную веревку конныхъ обозныхъ 14й, 9й и 16й пѣхотныхъ дивизій, которые на вьючныхъ лошадяхъ перевозятъ патроны своихъ полковъ изъ Габрова въ Казанлыкъ. Вьюки

кожаные, отлично устроенные и приспособленные; лошади сытыя, бодрья, какъ будто сейчасъ изъ Тамбовской губерніи привезенныя... Патронныя ящики брошены въ Габровѣ, а патроны въ теченіе недѣли перевезены почти всѣ для цѣлыхъ трехъ дивизій,—и просто и умно....

— А какъ вы перевозили вашу артиллерію, пушки, лафеты, снаряды? спросили мы обозныхъ.

— На салазкахъ, батюшка, отвѣчали они,—разобрали все, и колеса, и станки, навалили на сани и маршъ.... Въ два дня перемахнули....

— Да гдѣ же вы саней-то набрали?

— Въ Габровѣ и по деревнямъ заказывали, а то и сами мастерили....

Самый длинный, высокій и трудный подъемъ на Мареутку утомилъ насъ почти до изнеможенія; пройдемъ сажень пять, десять, и сядемъ отдохнуть прямо на тропикѣ, на снѣгу. Дорога вся заставлена повозками гдѣ въ одинъ рядъ, а гдѣ представляется хотя малѣйшая возможность, то и въ два-три ряда. На самую вершину Мареутки подымался при насъ вольнонаемный транспортъ съ сухарями, Богъ вѣсть какими судьбами лопавшій между артиллеріей и полковыми обозами. Какое мученье, какую каторгу переносили при этомъ бѣдныя клячи-лошаденки и ихъ не менѣе несчастные погонщики, этого описать никоимъ образомъ нельзя.... Страсть Божія—и только!... Перевалившись черезъ Мареутку, мы увидали съ правой стороны отъ насъ засыпанную снѣгомъ и доселѣ еще не откопанную въ батареею 2й гренадерской дивизіи; изъ-подъ сугроба виднѣются одни только концы дышелей....

Отъ самаго кабачка или караулки на третьемъ подъемѣ и до самой горы Св. Николая стоитъ непрерывная цѣль обозовъ, двигающихся чрезъ каждые два часа по столовой ложкѣ.... Проходили мы и мимо нашего Сибирскаго обоза, видѣли многихъ товарищей-офицеровъ, заглядывали въ ихъ землянки, въ которыхъ они ломѣщаются какъ сельди въ бочекѣ. Остаться у нихъ на ночь не представляло ни малѣйшей возможности; дожидаться лока подѣлать наши повозки тоже было неосновательно; судя по крутизнѣ пройденныхъ нами подъемовъ и въ виду массы телѣгъ залудившихъ дорогу, нельзя было и думать чтобы наши повозки добрались сюда сегодня. Что же оставалось намъ дѣлать? Послѣ минутъ

наго колебанія мы рѣшились идти дальше, впередъ, если успѣемъ, то въ Казанлыкъ, а не успѣемъ, то въ турецкій лагерь около Шибки, на Шейновскомъ полѣ, о которомъ намъ сообщили наши офицеры что тамъ въ этомъ лагерѣ проживавшіе долгое время Турки настроили много отличныхъ землянокъ, въ которыхъ и ночуютъ войска наши спускающіяся вечеромъ съ горы Св. Николая. Медлить было нельзя; солнышко уже было низко и до спуска оставалось версты полторы,—мы послѣдили. Съ вершины послѣдняго (пятаго) перевала мы завидѣли наконецъ и знаменитую вершину Св. Николая—этотъ неприступный редутъ, устроенный самою природою, въ которомъ столько мѣсяцевъ сидѣли и отбывались шибкинскіе герои. За полверсты или того менѣе до этого самороднаго редута, на небольшой площадкѣ стоитъ турецкая казарма—караулка, устроенная тутъ и со стратегическою и съ человѣколюбивою цѣлію — для спасенія заложившихъ путниковъ во время горныхъ бурь и урагановъ. Около этой караулки съ немалымъ удивленіемъ мы узрѣли нашу русскую почтовую бричку, наполненную до верха кожаными мѣшками.—А, такъ вотъ гдѣ наши посылки, которыхъ мы такъ ждали подъ Плевной, въ Ловчѣ, въ Габровѣ,—онѣ забралась себѣ къ самой горѣ Св. Николая и преспокойно поджидаютъ тутъ насъ.... Зашли мы въ казарму напиться воды у единственнаго сторожа-солдата, охраняющаго и отапливающаго этотъ огромный сарай; зашли, и пожалѣли что зашли.... Грустную картину встрѣтили мы въ этой казармѣ: у очага, на кучѣ конскаго навоза (въ казармѣ со-вмѣство находятъ пріютъ и люди, и лошади, и быволы съ ослами) лежалъ мальчикъ-Болгаринъ, лѣтъ четырнадцать, исхудалый, блѣдный какъ смерть, съ открытыми, но почти уже остановившимися глазами; у изголовья сидитъ его сестра, дѣвочка лѣтъ десяти, видимо не сознающая безнадежнаго положенія своего брата. Спутникъ мой сейчасъ же осмотрѣлъ больного, выслушалъ его грудь и съ грустію сказалъ мнѣ что у мальчика воспаленіе легкихъ въ послѣднемъ періодѣ и уже началась предсмертная агонія.... Сторожъ разказалъ намъ что два четыре тому назадъ какіе-то Болгары-бѣженцы привезли на осаѣ этого мальчика и оставили тутъ на Божью волю. Изъ словъ дѣвочки можно было понять что они родомъ изъ Эски-Загры, что отца ихъ и мать „Турекъ порѣзалъ“, что еще лѣтомъ они бѣжали въ Габрово вмѣстѣ съ

другими несчастными жителями Эски-Загры послѣ первого похода Гурко за Балканы. Бѣдный ребенокъ, несчастная дѣвочка!... Невыразимо тяжело было слышать ея дѣтскій лепетъ что вотъ только какъ поправится ея братишка, они и пойдутъ съ нимъ на Казанлыкъ въ Эски-Загру.... Еще больѣе, еще невыносимѣе сознавать что ничѣмъ не можешь помочь этому безвыходному горю, ничѣмъ не въ состояніи облегчить его!.... Дали мы дѣвочкѣ нѣсколько франковъ, дали и солдату-сторожу, чтобъ онъ призрѣлъ его до того времени когда Отецъ сиротъ Всевышній пошлетъ какого-нибудь добраго человѣка.... Съ грустнымъ чувствомъ вышли мы изъ казармы и поспѣшили къ слуску; позднее время не позволяло намъ ни подняться на самый конусъ Св. Николая, ни осмотрѣть большой высокій крестъ, воздвигнутый неподалеку на братской могилѣ шибкинскихъ героевъ.

Обогнули мы гору Св. Николая и намъ представился дѣйствительно великолѣпный видъ: яркіе лучи почти заходящаго солнца, прорѣзываясь среди темныхъ тучъ, обливали ослабительнымъ желто-краснымъ цвѣтомъ вершины окрестныхъ горъ,—а подъ ногами, тамъ далеко внизу разстлалась предъ нами знаменитая Долина Розъ, долина Тунджи, покрытая какъ дымкой легкимъ, прозрачнымъ вечернимъ туманомъ: направо едва-едва видѣются среди садовъ какія-то двѣ деревушки, а лѣвѣе—въ туманной синевѣ чуть мрѣютъ Казанлыкъ и бѣлѣютъ надъ туманомъ острые минареты его турецкихъ мечетей. Отвѣсною скалою падаютъ Балканы въ эту очаровательную долину, и слускъ до того крутъ что смотря внизъ съ его окраины какъ будто смотришь въ какую-то бездонную морскую лучину,—земли внизу не видно, она уже закрыта сизо-сѣрою пеленой тумана, только мрѣютъ деревушки и тамъ и сямъ разбросанныя рощи словно лловучіе островки на морѣ и надо всѣмъ этимъ легчайшій золотистый отблескъ заходящаго солнца.... Несмотря на страшную усталость, на позднее время, на сознаваемую необходимость слѣзнуть, мы все-таки не смогли отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться этою чудною картиной хоть нѣсколько минутъ; выбравъ сухую проталинку, мы усѣлись какъ разъ на краю обрыва и безмолвно съ какимъ-то благоговѣніемъ начали созерцать это чудное явленіе.... Что-то подобное я чувствовалъ и испытывалъ, любуясь когда-то съ вершины Улалинской Тугай на освѣщенные вечернимъ

солнцемъ далекіе Катунскіе Бѣлки на Алтаѣ... Замѣчательно, въ пятидесяти шагахъ не болѣе, около самой скалы Св. Николая, лежитъ еще глубокой снѣгъ, а чуть вы повернули къ слуску, къ самому обрыву, снѣга уже ни единой пылинки; напротивъ, есть даже совершенно сухіе бугорки съ зеленеющею на нихъ прошлогоднею травкой. Только что мы успѣли на одномъ такомъ бугоркѣ и предались созерцанію, какъ къ намъ подошелъ унтеръ-офицеръ Брянскаго лѣхотнаго полка, оставленный съ небольшою командой для караула надъ нашими и турецкими мортирами, еще не свезенными съ батареи около горы Св. Николая. Словоохотливый унтеръ, подсѣвъ къ намъ, сейчасъ началъ объяснять намъ что онъ на этихъ горахъ какъ у себя дома, что онъ провелъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ и пережилъ страшную элоху Сулеймановскихъ атакъ въ началѣ прошлаго августа. Отлично охарактеризовалъ онъ узорство и бѣшеную настойчивость этихъ атакъ однимъ рускимъ словечкомъ: *прѣтъ!* „Глядимъ мы это, а онъ прѣтъ на насъ, какъ шамьной“,—и при этомъ разкащикъ указалъ намъ рукою самую травшею, откуда выскакивали бѣшеные охотники Сулеймана, и показалъ мѣстечко, гдѣ именно кипѣлъ самый отчаянный бой;—„Мы ему, шельмецу, сейчасъ же въ рыло, а онъ знай свое: все прѣтъ... Съ ранней зори до вечера не давалъ намъ, окаанный, ни слокою, ни отдыха; Страсть, что тутъ было! Совсѣмъ было доканалъ насъ; да стрѣдочки насъ выручили, дай имъ Богъ здоровья! Какъ подѣхали, подбѣжали, ну, тутъ мы ему и дали сдачу... Будеть помнитъ нашихъ Брянцевъ да стрѣлковъ“... Представъ наше положеніе: и любоваться чудною картиной хочется, вѣдь не часто въ жизни приходится видѣть такіе виды и забираться на такую высоту (около 6.000 ф.), и хотѣлось бы послушать очевидца, участника славнаго боя и еще на самомъ мѣстѣ боя,—и слѣшить надо, солнышко совсѣмъ садится, а въ этихъ мѣстахъ ночная темнота настугаетъ очень быстро. Слассибо мы обратили вниманіе на то что проходящіе тутъ же Болгары-бѣженцы видимо послѣшали и усилебно подговвали своихъ ословъ, оглядываясь часто назадъ и махая руками по направленію къ вершинѣ Св. Николая. Мы невольно и сами оглянулись туда, и въ ту же секунду вскочили съ мѣста: изъ-за горы выползала черная, пречерная туча,—ну, быть бѣдѣ!.. Стремглавъ бросились мы къ Болга-

рамъ и присоединились къ ихъ группѣ въ томъ убѣжденіи что они отлично знаютъ тутъ всѣ тропинки и скорѣе проведутъ насъ по страшному спуску. Мы не ошиблись въ своемъ разчетѣ: Болгары дѣйствительно начали спускаться не по дорогѣ, а прямо по тропинкамъ между страшными, отвѣсными обрывами. Пустились за нами и мы. Какъ совершился этотъ оригинальный и вмѣстѣ ужасный спускъ, какъ мы не переломали себѣ рукъ и ногъ, знаю и всею душою моею вѣрую что только незримою руководительству Царицы Небесной обязаны мы тѣмъ что послѣ этого страшнаго спуска остались не только живы, но что всего удивительнаго—совершенно невредимы... Ну, положительно мы не спускались, а летѣли и летѣли съ кручи на кручу: упрешься въ поляршинную площадку среди страшнаго обрыва между двухъ стѣнокъ скалы, переведешь духъ и снова летишь въ слѣдующую кручу, въ слѣдующую темную расщелину въ отвѣсной скалѣ... Благодаря острымъ ослинымъ колытамъ и заостреннымъ длиннымъ ладкамъ Болгаръ, на тропинкахъ между скалами отъ разрыхлявшихъ и вывѣтривающихся камней образовался толстый слой крупнаго песку и каменной мельчайшей пыли; садишь на этотъ оригинальный матрацъ и сползешь лерледукулярно на двѣ, на три сажени, увлекая съ собою массу пыли и песку и обдавая этимъ мусоромъ голову и плечи твоего предшественника; а слѣдующій за тобою обдаетъ тебя самого тѣмъ же самымъ мусоромъ... Страшная лыль глаза рѣжетъ, и въ носъ и въ ротъ набивается, дышать совсемъ нечѣмъ,—а тутъ отъ сильныхъ напряженій требуется именно самое широкое дыханіе... Въ цылыхъ мѣстахъ между камнями въ глубокихъ расщелинахъ лежитъ еще лодъ мусоромъ ледъ, образуя вокругъ себя лорядочную и довольно глубокую грязь; слухнешься въ подобную расщелину, и ноги почти по колѣно уйдутъ въ какое-то жидкое и липкое тѣсто, въ которомъ еще не скоро ощулаешь твердое мѣсто, чтобъ улереться и не полетѣть дальше. Болгары лавтомимами научили насъ какъ нужно держатъ себя, свое туловище, чтобы не терять равновѣсія и не полетѣть черезъ голову; для этого они закидываютъ голову назадъ, а грудь и животъ вылачиваютъ впередъ. При другихъ обстоятельствахъ мы отъ души посмѣялись бы надъ этою самородною эквилибристикой, но тогда намъ было не до смѣху. За мѣчательно, а для меня и тебя это особенно знаме-

нательно: ты знаешь, какъ часто подвергался я прежде сильнымъ головокруженіямъ; я не могу вѣзать на крутую лѣстницу, на колокольню, не могу смотрѣть внизъ съ высокаго балкона, мнѣ при этомъ всегда дѣлалось дурно; а тутъ какъ ни въ чемъ не бывало, ни малѣйшаго головокруженія, а спускался я съ крутизны въ 6.000 футовъ. Ну, не явное ли это покровительство свыше? Не будь съ нами этой божественной благодати и силы, никогда не покидающей человѣка,—и мы легко могли бы сдѣлаться такими же трупами, какихъ тутъ въ разныхъ труппахъ и расѣлавахъ очень много: все это убитые турецкіе солдаты, въ разное время скатившіеся съ горъ и застрявшіе между скалами. Не разъ приходилось и намъ улизнуть въ эти трупы или ногами или кольемъ... Наступала совершенная темнота; внизу въ долину, по всему обширному бывшему турецкому лагерю зажглись костры и своимъ отдаленнымъ, но яркимъ блескомъ еще болѣе увеличивали окружающую насъ непроглядную тьму. Слава Богу, что нижняя часть этого ужаснаго спуска оказалась не каменною, а глинистою и очень скользкою, такъ какъ въ долину нѣсколько уже дней переледали порядочные дожди и распустили достаточно глубокую и вязкую грязь. Крутизна все еще была страшная, и удержаться на ногахъ, несмотря на колья, было очень трудно; поэтому большую часть этого пространства мы съѣхали ползкомъ. Наконецъ остановились упершись ногами въ какое-то зданіе или глиняную стѣну, какими ограживаются болгарскіе и турецкіе дворы; оказалось что это развалины знаменитой Шибки. Итакъ мы спустились, мы за Балканами,—слава Богу! Но что же дальше? что мы будемъ дѣлать и куда дѣвемся? Болгары-спутники наши отправляются въ деревню Иметли, которая намъ не по дорогѣ; оставаться въ Шибкѣ и здѣсь же искать себѣ пріюта? но мы давно уже знаемъ что въ этой злополучной деревнѣ не осталось камня на камнѣ, все разрушено до основанія, все выжжено до тла; значитъ о пріютѣ и думать нечего; волей-неволей приходится идти въ лагерь, а какъ въ него попасть среди непроглядной темноты? Ко всему этому мы устали до предѣльнаго изнеможенія и ноги совершенно отказывались служить,—въ нихъ чувствовалось то болѣзненное дрожаніе какое испытываешь послѣ подъема на крутую, высокую лѣстницу или колокольню; а мы цѣлый день подымались и бо-

лге часу летѣли стрѣмглавъ со страшной крутизны... Поэтому мы порѣшили дать себѣ отдыхъ хотя на нѣсколько минутъ и легли на мягкой грязи, почти съ потерей сознаниа; даже способность воспринимать впечатлѣнiя извнѣ совершенно утратилась, такъ что еслибы меня въ это время обложили снѣгомъ или осыпали горячими угольями, я бы не въ состоянiи былъ ощущать ни холода, ни жара... „Сплю“, въ какомъ-то полузабытiи проговорилъ я.—„Нельзя, этого никакъ нельзя, живо и энергично почти закричалъ мнѣ мой спутникъ,—пропадемъ, непремѣнно пропадемъ ни за колѣвку,—слышите?“—„Слышу,“ едва проговорилъ я.—Но великое слово: „пропадемъ“ мгновенно произвело свое дѣйствiе; чувство самохраненiя очнулось...

Поднялись мы, и зашаталась, положительно зашаталась, какъ пьяные, какъ разбитыя почтовые лошади послѣ сильнаго перегону. Тутъ только я почувствовалъ что идетъ сильный дождь, шумитъ лорывистый, холодный вѣтеръ и вотъ-вотъ закрутитъ Балканская горная вьюга... Пошли, направляясь прямо на огоньки, кое-гдѣ еще блѣставшiе въ лагерь; тьма вокругъ непроглядная, а тутъ почти на каждомъ шагу непредвидѣнныя задержки, препятствiя,—не скоро мы раскусили въ чемъ дѣло; между тѣмъ ларчикъ очень просто открывался: вся равнина направо отъ лагеря завалена трупами людей и лошадей убитыхъ 28 декабря. Съ настоящей дороги, ведущей изъ Шибки въ Казанлыкъ, подобные трупы кое-какъ убрали, стащили; но такъ какъ мы не знали направленiя этой дороги, а шли напрямикъ, на огонь, то и наткнулись на эту ужасную лададь... Обойти какъ-нибудь, не знаемъ куда и какъ,—темнота страшная, грязь невылазная, дождь поливаетъ какъ изъ ведра,—гдѣ ужъ тутъ разбираться... и начали мы волей-неволей шагать черезъ трупы.... Слотыкаясь почти на каждомъ шагу, не разъ довелось полетѣть прямо лицомъ въ лужу; а мой спутникъ, зацѣпившись за ноги лавшей лошади, упалъ лицомъ прямо на убитаго Турка... Ничего нѣтъ досаднѣе какъ обманъ нашего зрѣнiя въ темнотѣ: огоньки кажутся такъ близко, такъ привѣтливо маять къ себѣ, а добраться до нихъ стоило намъ немовѣрныхъ усилiй... Сколько разъ мы для отдыха присаживались на раздутыхъ трулахъ лошадей... Наконецъ добрались мы до лагеря,—спасены, слава Богу!.. Пылающiй костеръ освѣтилъ предъ нами два огромные кургана—это

турецкіе редуты, внутри которыхъ находились землянки—единственная наша надежда и цѣль всѣхъ усилій и перенесенныхъ мученій... Подходимъ къ первой, просимъ пріюта; не тутъ-то было: отказъ, и самый грубый... Идемъ къ другой—то же самое; къ третьей—еще хуже... Начинаемъ упрашивать, умолять почти со слезами, насъ только обругали. Побрели мы дальше; отъ сильнаго ли душевнаго волненія, или отъ совершеннаго изнеможенія физическаго, но я ослабѣлъ до того что положительно не могъ двигаться, ноги мои подкосились и, теряя сознаніе, я повалился на земь возлѣ какой-то землянки... Вдругъ надъ нами раздается очень внушительный возгласъ: „Какой тутъ чортъ ворочается, совсѣмъ обвалилъ землянку“,—и по выговору, и по костюму, освѣщенному ладящимъ изнутри землянки свѣтомъ, я могъ различить что имѣю дѣло съ офицеромъ.

— Я православный священникъ, проговорилъ я, едва переводя духъ;—кто бы вы ни были, сжальтесь, Бога ради, надъ моимъ положеніемъ; я не могу двигаться, меня куда не пускаютъ...

И я совершенно неудержимо зарыдалъ истерически...

— Да кто же вы? снова переспросилъ видимо озадаченный этою сценой незнакомецъ, но уже совершенно мягкимъ, участливымъ голосомъ.

Я сказалъ ему свое имя и прибавилъ что со мною еще нашъ полковой докторъ; что мы съ нимъ вдвоемъ сегодня изъ Габрова, что устали ужасно.

— Ну, такъ бы вы давно сказали, прибавилъ привѣтливо хозяинъ землянки;—заходите, господа, отдохните, а тамъ что Богъ дастъ...

Едва-едва поднялся я съ земли; ноги опять дрожатъ какъ послѣ спуска; подошвы горятъ какъ на угольяхъ; кое-какъ добрался я до дверей землянки и ввалился въ нее вслѣдъ за хозяиномъ; за мною вошелъ и Залецскій. Осмотрѣвъ наши фигуры при свѣтѣ свѣчи, добродушный обитатель землянки не выдержалъ и расхохотался...

— Извините меня, господа, Бога ради извините; но я не могу удержаться смотря на васъ,—вѣдь это ужасно, вѣдь на васъ буквально образа человѣческаго не видно...

Онъ позвалъ своего дельщика и приказалъ ему сейчасъ лодать намъ умыться, а кожаны наши оскоблить и вычистить; когда я скинулъ свой кожанъ, веселый хозяинъ олять

расхохотался: на мнѣ была надѣта куртка Краснаго Креста изъ верблюжьяго, башлычнаго сукна въ родѣ фрака съ фалдами напередъ, — для больныхъ и раненыхъ такой фасонъ куртки очень удобенъ, она легка, тепла, а фалды закрываютъ весь животъ, замѣная набрюшникъ; но на здоровомъ человѣкѣ такой костюмъ дѣйствительно смѣшонъ, особенно для того кто въ первый разъ его видитъ. Осматривая меня кругомъ въ этой курткѣ, веселый хозяинъ, смѣясь, твердилъ: „Оригинально, очень оригинально; это, знаете, обратно пропорціонально настоящему фраку“... Подали чай съ бѣлымъ хлѣбомъ; съ невыразимою жадностію мы глотали его: вотъ когда чай неоцѣнимое, незамѣнимое питье, онъ необыкновенно оживляетъ, укрѣпляетъ, ободряетъ... Затѣмъ добрейшій нашъ хозяинъ приказалъ подогрѣть оставшіеся у него отъ обѣда битки и подать коньяку... Мы совершенно ожили, ободрились, даже начали шутить, рассказывая нашему кормителю какимъ способомъ слускались мы съ Балканъ... Собрались офицеры-артиллеристы; оказалось что насъ пріютитъ и оживилъ командиръ *** батареи полковникъ С—цкій, дай Богъ ему здоровья!.. Такъ какъ въ землянкѣ съ полковникомъ помѣщались еще три офицера и мы могли ихъ очень стѣснить, а между тѣмъ въ лагерь находился комендантъ, который обязанъ былъ размѣщать всѣхъ проходящихъ, то мы и рѣшились отправиться къ этому коменданту, а добрейшій полковникъ приказалъ какому-то фейерверкеру проводить насъ съ фонаремъ и указать помѣщеніе коменданта. Пошли, скоро отыскали этого всеобщаго размѣстителя и, къ удивленію нашему, комендантомъ Шейновскаго лагеря оказался хорошо мнѣ знакомый офицеръ нашего гренадерскаго Фанагорійскаго полка; однако при всемъ его желаніи дать намъ пріютъ, онъ затруднился, гдѣ его найти: всѣ землянки биткомъ набиты и въ его хижинѣ спало уже болѣе десяти офицеровъ всевозможныхъ родовъ оружія. Сообразивъ онъ приказалъ своему вѣстовому отвести насъ въ землянку къ казакамъ, съ такимъ притомъ внушительнымъ добавленіемъ что комендантъ приказалъ де непремѣнно лустить... Пошли мы къ казакамъ... Храбрые Довцы спали влокать по всей землянкѣ, ихъ было тринадцать человѣкъ: землянку освѣщаль ночникъ, но воздухъ въ ней былъ невыносимый, жарко, душно, усталые Довцы раздѣлись, разулись, натащили въ землянку сѣдель, половъ, всю конскую

сбрую, все это распарилось, разопрѣло и лустило отъ себя дулъ... Добрый урядникъ безъ возраженій согласился принять насъ, особенно когда узналъ кто мы. Разбудивъ нѣсколькихъ товарищей, онъ полпросилъ ихъ сдвинуться, лотѣсниться, дать мѣсто „батьшкѣ“; Донцы сдвинулись, образовался между ними ровикъ, ложементъ; радужный урядникъ положилъ мнѣ въ головы сѣдло, накрылъ его попоной и прибавилъ, извиваясь: не взыщите, батьшка, постель у насъ походная, казачья... Я повалился въ ровикъ, конечно, не раздѣваясь.

Казаки подыались очень рано, но насъ не беспокоили до самого разсвѣта. Оказалось что эти казаки состоятъ при комендантѣ и другую недѣлю занимаются собираніемъ Болгаръ изъ сосѣднихъ деревень для закалыванія чело-вѣческихъ и конскихъ труловъ, валяющихся на протяженіи болѣе пяти верстъ вокругъ Шейновскаго лагеря. Особенно трудно, разказывалъ намъ урядникъ, доставать трулы ладавшіе съ горныхъ вершинъ и повисшіе на скалахъ или застрявшіе въ трещобахъ и разсѣлинахъ. Съ наступленіемъ утра, поблагодаривъ добраго урядника, мы снова снарядились въ путь.... Вышедъ изъ землянки, мы очутились на настоящей ярмаркѣ: такое движеніе, такая толкотня стояли въ знаменитомъ Шейновскомъ лагерѣ что этого и разказать нельзя. Тысячи людей галѣли, перекликались, бравились и всѣ куда-то устремлялись, перекрещивая другъ другу путь. Оглядывая равнину Шейновскаго лагеря, мы, къ удивленію нашему, не видѣли нигдѣ труловъ черезъ которые вчера ночью приходилось намъ такъ часто перелѣзать, мы сообщили наше удивленіе провожавшему насъ уряднику, и онъ разрѣшилъ наше недоумѣніе: трулы изъ лагеря давно уже свезены за черту лагеря, но далеко еще не всѣ закопаны въ землю; особенно много труловъ со стороны деревень Шейново и Иметли, откуда наступалъ Скобелевъ. „Станетъ еще недѣльки на двѣ убирать“, сказалъ урядникъ. Значить, вчера, спустившись съ горъ, мы направлялись въ Шейновскій лагерь съ запада, со стороны деревни Иметли, и какъ разъ попали на кучи труловъ свезенныхъ туда со всего лагеря. Провожая насъ, добрый урядникъ указалъ намъ направленіе одной веревки идущаго народа и прибавилъ что они идутъ въ Казанлыкъ. Полались и мы. По дорогѣ къ намъ присоединился молодой офицеръ Углицкаго лѣхотнаго полка, фамиліи его не помню, который, по заживленіи легкой рапы въ Иметлій-

скомъ временномъ лазаретѣ, рѣшился догнать свой полкъ. Зная что Углицкій полкъ состоитъ въ знаменитой 16й пѣхотной дивизіи, или какъ ее вездѣ называютъ—въ Скобелевской дивизіи, мы заговорили съ нашимъ слутникомъ о великомъ Шибкинскомъ побоищѣ 28 декабря, въ которомъ самъ онъ участвовалъ и былъ раненъ. Молодой человекъ одушевился и съ возрастающимъ энтузіазмомъ началъ рассказывать намъ о подвигахъ своего полка и въ особенности о необыкновенной энергіи и несокрушимой храбрости ихъ полкового командира Панютина, который былъ душою всего дѣла и истиннымъ героемъ дня. „Послѣ взятія съ боя деревни Шейново, когда Турки выбиты были изъ переднихъ ложементовъ своего лагеря, оставалось самое важное и самое трудное дѣло: штурмъ главнаго турецкаго редута, около котораго собрались всѣ части турецкой арміи, тѣснимой со всѣхъ сторонъ нашими войсками. Редутъ слалъ цѣлый ураганъ свинца, минута была страшная, атака невозможная, сомнѣніе въ возможности взять этотъ адскій редутъ закрадывалось въ душу самыхъ отчаянныхъ храбрецовъ. Вдругъ явился Панютинъ, распорядившійся въ это время всею нашею передовою линіей. Подскакавъ къ своему полку, онъ приказалъ развернуть знамена, полковой музыкѣ играть маршь „бѣгомъ“, затѣмъ, снявъ фуражку предъ полкомъ, перекрестился и своимъ могучимъ голосомъ закричалъ: „Братцы, или смерть или побѣда!“ Какъ разъяренные львы бросились наши Углицане на встрѣчу смерти!... Тутъ произошло что-то страшное, невообразимое, — такихъ минутъ боя ни рассказать, ни описать нельзя... Въ какомъ душевномъ состояніи мы были, можете судить потому что я, напримѣръ, положительно не помню когда былъ раненъ, потомъ контуженъ; очувствовался я только когда прошелъ немного охватившій всѣхъ насъ неописанный восторгъ, когда Турки не выдержавъ нашего натиска подняли бѣлый флагъ и сдались; тутъ только мнѣ сказали что я раненъ, что у меня на рукавѣ кровь... Я мигомъ скинулъ съ себя пальто, мундиръ и осмотрѣлъ свою рану,—она была по названію легкая рана, а между тѣмъ проклятая пуля выхватила у меня порядочный кусокъ мяса пониже плеча, но благодаря Бога, костей не зацѣпила; другаяхватила рикошетомъ въ козырекъ, обожгла околышъ кепи, но головы не тронула, а сколько попало въ пальто, сами можете освидѣтельствовать...“ Дѣйствительно

офицерское пальто молодого героя было пронизано пулями въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Заслушавшись его разказовъ, мы незамѣтно прошли версть пять, проходили по какой-то небольшой деревушкѣ, расположенной въ прекрасной орѣховой рощѣ; въ этой рощѣ на протяженіи цѣлой почти версты лежали чуть не сплошную массой конскіе трупы и между ними убитые Черкесы и баша-бузуки. Нашъ слутникъ объяснилъ намъ что на этомъ самомъ мѣстѣ происходило страшное поражение турецкой кавалеріи, которая, не видя возможности удержаться въ лагерѣ, бросилась во весь карьеръ въ Казанлыкъ; но въ этой именно рощѣ ее поджидали наши слѣдившіеся казаки, кажется, Баклановцы, изъ отряда Святополакъ-Мирскаго, и съ ними цѣлый баталіонъ, 'не могу сказать вамъ навѣрное, а кажется едва ли не Ярославскаго лѣхотваго полка. Давъ Черкесамъ вытянуться почти по всей рощѣ, наши Довцы и Ярославцы хватили ихъ залпами почти въ упоръ. Пораженіе было страшное! Немногимъ отчаяннымъ джигитамъ удалось проскользнуть въ Казанлыкъ,—большая часть ихъ полегла здѣсь....

Выбравшись на опушку рощи, мы стали чувствовать порядочную усталость и порѣшили дать себѣ отдыхъ, сдѣлать привалъ; но нашъ слутникъ не согласился съ нами, горя нетерпѣніемъ поскорѣ догнать свой геройскій полкъ. Попрошавшись съ нимъ и поблагодаривъ его за удовольствіе доставленное намъ его разказами, мы успѣли около пяти широко-вѣтвистаго орѣха и стали любоваться раскрывшеюся предъ нашими глазами картиной: впереди какъ на ладони видѣлся Казанлыкъ съ его высокими минаретами и стройными остроконечными киларисами; налѣво—громады Большихъ Балканъ, грозною стѣной окаймляющихъ глубокую долину Тувджи, направо—болѣе отлогія, но не менѣе громадные выси Малыхъ Балканъ, а прямо предъ нами отъ рощи до города, на протяженіи не менѣе пяти верствъ, разстилается замѣчательная луговая долина; въ буквальномъ смыслѣ гладкая какъ скатерть. Жаль только что на этой скатерти вмѣсто цвѣтвыхъ узоровъ и букетовъ видѣются тамъ и самъ разбросанные трупы, что придаетъ картинѣ какой-то гнетущій душу видъ.... Ужь какъ мы ни присмотрѣлись къ подобнымъ зрѣлищамъ, а все они производятъ на душу тяжелое, щемящее впечатлѣніе....

Отдохнувъ подъ орѣхомъ, мы тронулись дальше.... Утро было ясное, теплое, солнечное; долина вся покрыта чуть не

слабыми лужами отъ вчерашняго дожда, а пригрѣвшее солнышко растопило на горныхъ окраинахъ толстые свѣжые наносы и лупило въ долину звонкобѣгущіе ручьи. Съ каждымъ шагомъ наше движеніе затруднялось; на грязь довольно глубокую мы не обращали вниманія,—опасно только было забраться въ какую-нибудь канаву или яму наполненную водой; впрочемъ и грязь давала намъ себя знать,—на каждомъ шагу ноги вязли чуть не на четверть, а въ цыпкахъ мѣстахъ и больше; безпрестанное вытаскиваніе изъ грязи той, то другой ноги утомляло насъ и сердце. Тутъ ужъ и отдохнуть не представлялось никакой возможности, присѣсть не на что. Не доходя до города версты полторы намъ перерѣзалъ дорогу широкій и быстрый ручей; мы невольно остановились и задумались: что намъ дѣлать? Солдаты, которые шли съ нами по одной дорогѣ, лускались въ обходъ на шоссе изъ Шибки въ Казанлыкъ, гдѣ видѣлся мостикъ; но этотъ обходъ удлинял нашу дорогу еще версты на полторы, а мы и безъ того устали опять почти до полнаго изнеможенія. Въ это время мимо насъ проѣхала коляска четверикомъ; какой-то интендантскій чиновникъ оглядѣлъ насъ съ головы до ногъ. Проѣхалъ подвижной лазаретъ 16й дивизіи: половина на вьюкахъ, половина въ какихъ-то легкихъ одноколкахъ,—у этого Скобелева все не такъ какъ у прочихъ смертныхъ,—непремѣнно есть что-нибудь оригинальное.... Позади лазарета ѣхалъ на тележкѣ ларой лазаретный батюшка и, по нашей просьбѣ, съ готовностію перевезъ насъ черезъ ручей. Дотащились мы до Казанлыка ровно въ двѣнадцать часовъ, въ полдень, употребивъ на переходъ десяти верстъ около пяти часовъ. Думаемъ сейчасъ же отдохнемъ, успокоимся,—какъ бы не такъ.... Разыскали мы коменданта, жандармскаго полковника; но онъ и не вышелъ къ намъ, а черезъ своего дежурнаго жандарма *приказали* отправиться въ магистратъ; пошли, отыскали; въ магистратѣ засѣдаютъ Болгары и стараются не понимать нашей просьбы,—посоветовали обратиться къ окружному военному начальнику; пошли, отыскали; оказался бывшій командиръ одного изъ гренадерскихъ полковъ,—ву, думаемъ, слава Богу, свой братъ гренадеръ. Просимъ доложить. Но и свой братъ гренадеръ черезъ писаря выслалъ намъ внушительное замѣчаніе что онъ начальникъ военнаго округа, отводомъ квартиръ не занимается, что на это есть магистратъ. Нечего дѣлать, скрѣпя сердце,

поллелись олять въ магистратъ.... Но на дорогѣ встрѣтилъ нашего Θ . Хр. К—ра и онъ указалъ намъ квартиру нашего милѣйшаго В. К—ча, котораго хотя мы и не застали дома, но неразлучный его сожитель А. Д. Св—ій принялъ насъ какъ братья родимый. Напились чаю, пообедали и легли отдохнуть,—постель свѣжая, чистая, настоящая человѣческая, и я не помню отдыхалъ ли я въ жизни когда-нибудь съ такимъ удовольствіемъ, съ такимъ наслажденіемъ какъ въ это время.... Вечеромъ собралась цѣлая компанія, шумѣли, спорили, горячились; но о перенесенныхъ всѣми невзгодахъ, лишенияхъ, трудахъ—ни единого слова, какъ будто такъ и должно быть; одинъ испытали ихъ,—значить объ этомъ и толковать нечего.... Удивительное настроеніе!.. Еслибы вы были очевидцами, вы бы навѣрно сказали что мы совершаемъ что-то важное, что каждый шагъ нашъ есть *подвигъ*, а мы именно этого-то и не признаемъ,—такъ *нужно*—вотъ и весь отвѣтъ и всему дѣлу рѣшеніе.... *Нужно* жить въ землянкахъ—живемъ; *нужно* терпѣть холодъ и голодъ—терпимъ; *нужно* во что бы то ни стало взять Плевну—взяли; *нужно* перевалить зимой Балканы—перевалили.... Въ этомъ словѣ для насъ непреложный законъ, который всѣ мы нравственно обязаны исполнить, это нашъ долгъ—и всѣ отъ фурштата до генерала включительно глубоко проникнуты сознаниемъ этого долга, непременною обязанностію исполнить его честно, добросовѣстно, по-русски. Какой же тутъ подвигъ? Мы убѣждены что кого ни поставь на наше мѣсто, будь только онъ русскій человѣкъ, непременно онъ сдѣлаетъ то же самое и поступитъ именно такъ какъ мы теперь. Значить и вся наша заслуга состоитъ только въ томъ что изъ всѣхъ русскихъ людей намъ выдало счастье показать и доказать на дѣлѣ какъ русскіе люди умѣютъ исполнять свой долгъ. Настроеніе арміи нашей превосходное! Не однѣ только одержанныя надъ врагомъ блестящія побѣды высоко подыяли нравственный духъ войска, все что мы пережили, перенесли, выдержали и одолѣли—все это вмѣстѣ имѣетъ громадное нравственное вліяніе... Послѣ зимняго перехода черезъ Балканы, что еще остается сдѣлать русскому человѣку? Развѣ перейти еще бурную рѣку въ полномъ ея разливѣ, во время самаго ледохода? И перешли!... Здѣсь уже извѣстны подробности трехдневной битвы подъ Филиппополемъ; извѣстно также что полки 2й

гвардейской дивизіи подъ непріятельскимъ огнемъ геройски перешли быструю Марицу во время ея разлива и ледохода, часть пѣхоты перевезена кавалеріей, а большая часть—въ бродъ по шею въ водѣ и съ ружьемъ въ рукахъ... Про нашу гвардію 'разказываютъ чудеса!

Вчера утромъ, на разсвѣтѣ, я проводилъ нашихъ Сибирцевъ въ походъ на Адрианополи. Выступили они въ ужаснѣйшую погоду: дождь и свѣгъ съ пронзительнымъ, холоднымъ вѣтромъ; а имъ придется переходить въ бродъ порядочную горную рѣчку въ десяти верстахъ за Казанлыкѣмъ; конечно перейдутъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но каково это?... Помоги имъ Господи!...

Нашъ лазаретный персоналъ собрался въ Казанлыкъ 13 числа, промаявшись на перевалѣ только двое сутокъ. Теперь врачи наши заняты приѣмомъ раненыхъ отъ подвижнаго лазарета 9й пѣхотной дивизіи, а сколько ихъ? Всего 1.500 человекъ. Лазаретъ 2й гренадерской дивизіи принялъ 720 человекъ, а нашъ 773 человекъ; да каждый день все еще подвозятъ изъ Шейнова и Иметлі. Значить работы будетъ олять вводить... Молись, мой другъ, чтобы Господь подкрѣпилъ мои слабыя силы!... Прощай.

XXIX.

Казанлыкъ, 21 января.

Олять мы живемъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ и живемъ по-старому: съ утра до ночи работаемъ, съ тою только разницей что онъ работаетъ за десятерыхъ, а я, какъ мнѣ все кажется, не дѣлаю и за одного лутающаго работника... Чтѣ же мы тутъ дѣлаемъ? Я уже писалъ тебѣ что на долю нашего лазарета досталось болѣе 700 раненыхъ, а теперь съ больными у насъ всего 987 человекъ. По взаимному соглашенію между врачами ежедневныя работы распредѣляются такъ: съ ранняго утра и до обѣда идутъ перевязки и такъ-называемыя визитаціи каждаго врача по вѣренному ему отдѣленію; послѣ обѣда хирурги отправляются въ амбулаторію, а прочіе олять по отдѣленіямъ за недоковченныя поутру визитаціи. Работы въ операционной затягиваются иногда далеко за полночь; затѣмъ расходимся по домамъ, чтобы завтра повторять то же самое; такъ прошла первая рабочая недѣля; такъ пройдутъ должно-быть и многія слѣдующія недѣли, пока не выручитъ насъ какой-нибудь

военно-временный госпиталь, ожидаемый изъ-за Балканъ. Что же я-то дѣлаю? подожди, сначала я разкажу тебѣ что дѣлаетъ мой сожитель, этотъ истинно удивительный человекъ. Встаемъ мы поутру въ семь часовъ; умываніе, одѣваніе и чаепитіе продолжается до восьми часовъ; за чаемъ начинаются дѣловые доклады: прочтываются и подписываются приготовляемыя въ канцеляріи бумаги, сдаются для переписки новыя, за вчерашнюю ночь собственноручно имъ написанныя, отдаются приказанія и распоряженія разнымъ чинамъ лазарета, съ подробнымъ и обстоятельнымъ указаніемъ кому что дѣлать. Въ девятомъ часу начинается походъ: прежде всего Александръ Ивановичъ обходитъ всѣ дома гдѣ помѣщаются больные и раненыя и справляется объ ихъ нуждахъ и потребностяхъ; затѣмъ заходитъ въ болгарскія лекарни, въ которыхъ готовится хлѣбъ для лазарета, и отвѣдываетъ его; потомъ осматриваетъ кухни, справляется готовятся ли порціи для больныхъ и раненыхъ и какія именно; далѣе отправляется уже въ свое отдѣленіе для обычной визитаціи. На его долю достались лихорадочные и тифозные; здѣсь онъ работаетъ до двѣнадцати часовъ и болѣе и затѣмъ уже *ополчается на брань*, хотя и не кровопролитную, но тѣмъ не менѣе весьма жестокою и упорною... Райономъ этой безкровной войны служатъ: *конакъ* (дворецъ) окружнаго начальника, квартира коменданта и городской магистратъ. Ежедневно то въ той, то въ другой части этого района совершаются нерѣдко очень жаркія битвы, стычки, схватки... И бьется нашъ энергичный ратникъ, бьется за свой, родной ему лазаретъ, вопервыхъ, за *помѣщеніе*: раненыя и больные размѣщены невообразимо тѣсно и неудобно. Въ городѣ есть много обширныхъ, лустыхъ домовъ съ выбитыми окнами и дверями, съ разрушенными лѣтками или каминами,—нужно только поправить все это хоть какъ-нибудь, и помѣщеніе самое просторное и болѣе или менѣе удобное готово; недостаетъ только сочувствія мѣстной администраціи, и изъ-за этого сочувствія загараются битва... Отговариваются тѣмъ что *какбы* нѣтъ рабочихъ, нѣтъ матеріаловъ,—это совершенная неправда: и то и другое можно найти и здѣсь, а еще возможно выписать изъ Габрова, изъ Сливно, изъ Чирпаана,—эти города нисколько не пострадали и въ нихъ торговая и рабочая дѣятельность кипитъ ключомъ; было бы желаніе и средства, оттуда всего можно достать... Вотъ-вторыхъ, за *продовольствіемъ*: мѣстная администрація имѣетъ въ своихъ рукахъ огромныя,

оставляемые Турками склады муки, галеть, рису, кукурузы; въ ея рукахъ весь скотъ, сохранившійся въ цѣломъ обширномъ округѣ... Будь малѣйшее сочувствіе, и продовольствіе готово; но этого сочувствія нѣтъ, и изъ-за него ведется ежедневная жестокая битва.... Встрѣтыхъ, *за котлы*: для приготовленія горячей пищи такому количеству равныхъ не имѣется достаточнаго количества кухонной посуды, котловъ, кострюль, горшковъ; все это есть въ турецкихъ складахъ, но выдать согласились только съ боя и послѣ нѣсколькихъ стремительныхъ атакъ... Вчетвертыхъ, *за одежы*: у всѣхъ почти равныхъ нѣтъ бѣлья, нѣтъ одежы, нечѣмъ прикрыться отъ холода. Въ рукахъ администраціи опять огромные запасы всего этого въ тѣхъ же турецкихъ складахъ; но этимъ запасамъ якобы не успѣли еще сдѣлать надлежащихъ описей, хотя со времени занятія нашими войсками Казанлыка прошелъ уже почти цѣлый мѣсяць.... Словомъ, что ни шагъ, то прелютствіе.... Телеграмой въ Габрово намъ приказано было взять съ собою только хирургическіе инструменты и перевязочные матеріалы; о медикаментахъ не говорилось ни слова. Перебираясь черезъ Балканы налегкѣ мы могли взять съ собою изъ своей и безъ того весьма скудной лазаретной аптеки только весьма немногое, самое необходимѣйшее; принявъ здѣсь огромную массу больныхъ и равныхъ, врачи наши очутились въ большомъ затрудненіи—лѣчить *нечѣмъ*, лѣкарствъ не имѣется... Между тѣмъ въ рукахъ мѣстной администраціи находится огромная аптека, оставленная тѣмъ же благополучительными о насъ Турками; изъ-за этой аптеки подвигалась уже настоящая баталія... Оказывается опять что не успѣли еще сдѣлать надлежащихъ описей хранящимся въ этой аптекѣ медикаментамъ и аптечнымъ запасамъ.... Ну, какъ же послѣ всего этого не воевать? Какъ не кипятиться?.. И воюеть нашъ доблестный ратникъ, и устро и письменно.... За прошлую недѣлю ему удалось сбить непріятеля съ нѣкоторыхъ позицій, благодаря въ особенности энергическому подкрѣпленію явившемуся въ лицѣ нашего корпуснаго оберъ-контролера. Послѣ такого, ежедневнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго лобоща А. Ивановичъ возвращается домой къ тремъ часамъ полудни, иногда и позднѣе, въ это время мы обѣдаемъ; за обѣдомъ являются писаря съ разными недоумѣніями касательно порученныхъ имъ для переписки бумагъ; заходятъ и врачи со своими объясне-

ніями и заявленіями о вмовъ встрѣченныхъ ими какихъ-либо случаяхъ, болѣе или менѣе серіозныхъ или сомнительныхъ. Обѣдъ нашъ проходитъ всегда весьма оживленно: кажется что однимъ намъ, т.-е. вдвоемъ, безъ постороннихъ посѣтителей, еще ни разу не удавалось пообѣдать... А въ пять часовъ—въ операционную, и до полуночи, а то и долѣе.... А по полуночи—за письменную работу на завтрашій день... Неужели это не трудъ? Какъ же мнѣ не смотрѣть на этого человека съ глубочайшимъ уваженіемъ?... Да и не меня одного онъ возбуждаетъ и бодритъ, для всѣхъ, для всего лазарета онъ служитъ сильнѣйшимъ импульсомъ.... Прощай. О себѣ и другихъ разкажу послѣ, когда улучу свободную минутку. Мы всѣ здоровы.

XXX.

Казанлыкъ, 25 января.

Стыдно мнѣ спать когда мой неуслыный сожитель работаетъ, волей-неволей танусь за нимъ, и сидимъ мы одинъ противъ другаго и строчимъ: онъ свои несковчаемыя бумаги, а я письма или дневникъ. Среди невозмутимой вичѣмъ полуночной тишины скрилятъ только наши лерья, да порой послышится изъ другой комнаты внушительный хралъ или несвязный бредъ нашихъ деньщиковъ. Особенно отпацается въ этомъ отношеніи мой неизмѣнный Елисей Ивановичъ,—какъ настоящій регентъ, нерѣдко во свѣ распѣваетъ разныя церковныя лѣсны. Хорошій онъ человекъ и помогаетъ мнѣ съ истиннымъ усердіемъ. Наши дѣйствія съ нимъ начались собственно съ 17 числа; утромъ въ этотъ день зашелъ ко мнѣ священникъ подвижнаго лазарета второй гренадерской дивизіи, отецъ Петръ Троицкій, и мы съ нимъ въ сопровожденіи Елисея отправились осматривать главнѣйшіе пункты нашихъ будущихъ дѣйствій: сначала отыскали двѣ болгарскія церкви; но при нихъ стоитъ вооруженный караулъ и насъ туда не пустили; оказалось что церкви завалены турецкими запасами продовольствія и огромнымъ количествомъ оружія отобраннаго у Турокъ послѣ погрома 28 декабря подъ Шибкой. Затѣмъ мы отправились въ болгарскій дѣвчій монастырь, но и тутъ довольно обширная соборная церковь и всѣ такъ-называемыя холостыя надворныя постройки завалены тѣми же складами. Значитъ о церковномъ богослуженіи пока и думать нечего; придется избрать какое-нибудь болѣе обширное зданіе,

гдѣ помѣщаются раненыя, и тамъ служить! Тутъ въ монастырѣ мы нашли пять человѣкъ раненыхъ офицеровъ и болѣе 200 рядовыхъ размѣщенныхъ по кельямъ, по корридорамъ, въ каждомъ уголкѣ. Тѣснота невообразимая, воздухъ убійственный... До чего тутъ тѣсно, можете судить по тому что одинъ умершій раненый другой день лежитъ на площадкѣ лѣстницы и черезъ него переступаютъ всѣ проходящіе по этой лѣстницѣ... Мы спросили дежурнаго фельдшера: отъ чего не убираютъ и не хоронятъ этого умершаго?—„Могила еще нѣтъ“, отвѣчалъ онъ.—Какъ могила нѣтъ, слова переспросили мы, развѣ въ два дня нельзя было выкопать могилу?—„Да некому, батюшка, копать, всѣ люди заняты съ утра до вечера; да и нечѣмъ копать, инструмента нѣтъ, а земля на здѣшнемъ кладбищѣ, говорятъ, голый камень“. Зашли мы мимоходомъ и на кладбище: свѣжія могилы занимаютъ огромное пространство... Вѣчная вамъ память, доблестные сыны Россіи, сложившіе свои кости за Балканами!.. Грувь землю дѣйствительно каменистый и рыть могилы можно только ломомъ и мотыгами. Отправились мы къ А., временно замѣняющему нашего смотрителя и комиссара, оставшихся по болѣзни въ Габровѣ. Чтѣ мы будемъ дѣлать съ умершими, куда ихъ дѣвать? Бѣдный А. замучился работой и почти потерялъ голову... „Ходилъ я уже десять разъ, отвѣчалъ онъ намъ съ отчаяніемъ, и къ коменданту, и къ окружному, и въ магистрату, никакого толку, ни малѣйшей помощи; какъ хотите, говорятъ, такъ и справляйтесь—это не наше дѣло; а между тѣмъ здѣсь въ Казанлыкѣ оставленъ цѣлый баталіонъ Серпуховскаго лѣхотнаго полка, снабженный шанцевымъ инструментомъ специально для зарытія труповъ находящихся въ окрестностяхъ города.“ Пошли мы и къ командиру Серпуховскаго баталіона, стали настаивать, приводить резоны; онъ далъ слово послать людей для копанія общей могилы примѣрно человѣкъ на двадцать; но при этомъ прибавилъ что носильщиковъ или подводъ для перевозки умершихъ на кладбище онъ положительно не имѣетъ. Зашли мы наконецъ въ такъ - называемую *трупярню*, куда стаскиваютъ въ одно мѣсто всѣхъ умершихъ... Боже мой, Боже мой, чтѣ мы тутъ увидѣли!.. Никакое перо въ мірѣ не въ состояніи изобразить того положенія, той ужасающей обстановки, среди которой мы нашли пять труповъ умершихъ раненыхъ!.. Темный подвалъ со стекающими въ него нечистотами и со

всевозможнымъ мусоромъ, сваленнымъ сюда со всего огромнаго дома, когда его очищали подъ лазаретъ,—вотъ помѣщеніе куда брошены эти умершіе... Въ своемъ окровавленномъ, заскорузломъ-грязномъ, разорванномъ бѣльѣ, полуобнаженные, съ обмытымъ отъ крови и грязи тѣломъ, несчастные лежатъ въ ужаснѣйшихъ положеніяхъ, брошенные сюда рукой своихъ же товарищей - воспальщиковъ, брошенные зря, куда попало и какъ попало!.. Возмущенный до глубины души, я кинулся въ лазаретъ расположенный въ верхнемъ этажѣ этого дома, надъ этимъ самымъ зловоннымъ подваломъ, схватилъ за руки двухъ врачей и почти насильно притащилъ ихъ въ трупарню... Съ видимымъ ужасомъ взглянули они на положеніе несчастныхъ умершихъ и сейчасъ отрядили двухъ лазаретныхъ служителей чтобы перенести этихъ умершихъ въ другое помѣщеніе... Возвратившись домой къ обѣду, я разказалъ все видѣнное Ал. Ив—чу. Слушая меня, онъ, бѣдный, болѣе всѣхъ насъ измученный душою, почти сквозь слезы отвѣчалъ мнѣ: „Да, наше положеніе ужасно; но будемъ биться, будемъ дѣлать чтò можно, чтò только въ силахъ человѣческихъ“... Въ урочный часъ отправились вмѣстѣ въ операционную. Здѣсь я познакомился съ дѣятелями Краснаго Креста, докторомъ Бубновымъ и съ двумя студентами, Витте и Маларевскимъ. Рекомендуя меня, Ал. Ив—чъ прибавилъ еще къ моему титулу: „исправляющій должность сестры милосердія“.—„Вотъ и прекрасно, воскликнулъ съ радостію Дг. Бубновъ,—а мы сегодня только получили изъ Габрова порадочный транспортъ съ разными вещами, но распорядиться этимъ положительно нѣкому. Пожалуста, батюшка, примите на себя эту обузу; приходите къ намъ завтра пораньше утромъ, мы рассмотримъ вещи и потолкуемъ съ вами.“ Съ этой минуты я снова поступилъ на службу въ Красный Крестъ, въ это истинно-святое, истинно-христіанское учрежденіе. Въ тотъ вечеръ произведены были три большія операциіи: 1) у рядоваго изъ Евреевъ отняли руку въ плечевомъ составѣ; 2) у другаго рядоваго отрѣзали ногу выше колѣна, и 3) у разжалованнаго штабсъ-капитана И—ва отпилили руку выше локтя. Послѣднюю операцию дѣлалъ Бубновъ по новому способу Листера, съ такъ-называемою Листеровскою повязкой. Особенность этого способа заключается въ томъ что непрерывнымъ прысканьемъ раствора карболовой кислоты изъ пульверизатора стараются парализовать вліяніе окружающаго

воздуха на свѣжую рану. Такъ какъ въ воздухѣ незримо присутствуютъ мiриады микроскопическихъ существъ и всаческихъ мiазмовъ, могущихъ зловредно и даже заразительно влiять на рану во время самаго процесса операцiи, то для уничтоженiя этого влiянiя и употребляется прысканье карболки; мельчайшею пылью этого раствора непрерывно осылаются не только всѣ хирургическiе инструменты, всѣ принадлежности перевязки, но даже и руки всѣхъ участвующихъ въ операцiи врачей и ассистентовъ. Я держалъ свѣчу у самой раны, для того чтобъ оперирующему видѣнiе бѣло хватать пинцетомъ кончики перерѣзанныхъ артерiй и ихъ вѣтвей, такъ и мои руки пострадали при этомъ: отъ карболостой пыли онѣ сначала покрасѣли, какъ обваренныя кипяткомъ, а потомъ и распухли... Вернулся домой очень поздно. Рано утромъ я приобщалъ Св. Таинъ, а Елисей лоплъ чаемъ и кормилъ вчерашнихъ и прежнихъ ампутированныхъ. Изъ лазарета лопали къ Бубнову. Въ тюкахъ привезенныхъ на шести выючныхъ лошадяхъ и четырехъ осленкахъ оказались разнообразныя предметы первѣйшей необходимости для раненыхъ: бѣлье, фуфайки, чулки, шалки, набрюшники; затѣмъ: чай, сахаръ, вино, клюквенная эссенция, консервы говяжьи и куриные, сгущенное молоко; наконецъ величайшая отрада для нашихъ русскихъ солдатиковъ — махорка, чубуки, трубки, папирсы и проч. и проч... Такъ какъ транспорты эти, по словамъ Бубнова, будутъ приходить регулярно въ теченiе каждой недѣли и даже по возможности чаще, то количествомъ раздаваемого не нужно было стѣсняться, скудиться. Началась раздача. Радость несчастныхъ нашихъ страдальцевъ неописанна, невыразима на бумагѣ. О, какъ бы я хотѣлъ чтобы члены Краснаго Креста, всѣ добрые русскiе люди, своими пожертвованiями участвующiе въ этомъ святомъ учрежденiи, хоть бы однимъ глазкомъ заглянули сюда и посмотрѣли что тутъ у насъ творится! Вотъ бы гдѣ они увидали и оцѣнили лоды своихъ жертвъ, своихъ поспавшихъ привошенiй! Каждая слезинка, падающая изъ очей несчастныхъ страдальцевъ раненыхъ на илз бѣленькую рубашечку, или на тепленькую фуфаячку, шалочку,—это такая драгоценнѣйшая капля, такая благодарность, выше которой я ничего не знаю въ этомъ мiрѣ!.. И хорошо дѣлается у тебя на душѣ; работаешь, работаешь, и работать все хочется, и усталости не чувствуется,—что-то незримое, неосязаемое возбуждаетъ и окрыля-

еть тебя... Такъ прошла цѣлая недѣля, а я ее какъ будто не видалъ; между тѣмъ въ эту недѣлю случилось много важнаго: прошелъ слухъ что съ Турками заключено перемиріе и военныя дѣйствія будто бы уже прекратились на всѣхъ пунктахъ войны, что армія наша остановлена у самаго Константинополя, что Англичане угрожаютъ ввести свой флотъ въ Мраморное Море и даже объявить намъ войну если мы займемъ Константинополь. Слухи эти дали пищу и послужили горючимъ матеріаломъ для самыхъ горячихъ разговоровъ, пререканій, предположеній. Видимо мы переживаемъ интересныйѣйшій эпизодъ настоящей войны, приближаемся къ ее развязкѣ... Но что будетъ впереди, то единому Богу извѣстно... Между тѣмъ, пока что будетъ, а у насъ, къ сожалѣнію, работы еще много, очень много и хватить ее на долго... Вся бѣда наша въ томъ что лазаретъ 9й лѣхотной дивизіи, отъ котораго мы приняли настоящихъ нашихъ пациентовъ-равенныхъ, должно полагать, или не имѣлъ времени или не имѣлъ подъ руками средствъ и возможности своевременно подать раненымъ надлежащей помощи, особенно хирургической; отъ чего почти у всѣхъ равенныхъ съ переломами костей раны застарѣли, страшно нагноились и поражены уже гангреной на большое пространство отъ мѣста самаго раненія, такъ что многимъ можно было бы ограничиться отнятіемъ стопы или голени, еслибы операція произведена была въ надлежащее время, вскорѣ послѣ раненія; но теперь, по истеченію почти цѣлаго мѣсяца, вслѣдствіе распространенія гангрены, приходится дѣлать уже тяжелую и сомнительную ампутацію бедра. Большинство тяжелыхъ равенныхъ отъ крайне плохого первоначальнаго ухода за ними, отъ неподачи своевременной хирургической помощи, пришли въ такое ослабленіе и истощеніе физическихъ силъ своихъ что въ настоящее время самымъ рискованно подвергать ихъ новому истощенію во время ампутированія. И сколько такихъ несчастныхъ уже погибло и сколько теперь ежедневно почти погибаетъ, и все это единственно отъ того что имъ не была подана заблаговременно хирургическая помощь! Хотя, благодареніе Богу, у насъ не было еще ни одного случая чтобъ ампутируемый умеръ подъ ножомъ оператора; но вообще говоря исходъ производимыхъ операцій весьма не утѣшительный... Не многіе изъ нашихъ оперированныхъ возвратятся въ Россію, хотя бы калѣками; большинство ихъ остается здѣсь въ нѣдрахъ болгарскаго кладбища...

Мы не имѣемъ права укорять или обвинять лазаретъ 9й пѣхотной дивизіи, безъ сомнѣнія онъ дѣлалъ все что могъ и насколько хватало его силъ и средствъ, но не можемъ равнодушно относиться къ настоящему положенію несчастныхъ раненыхъ....

Въ прошлое воскресенье (22 января) Господь послалъ мнѣ великое утѣшеніе: я служилъ обѣдницу въ большомъ домѣ, гдѣ помѣщается болѣе 200 раненыхъ. Какъ они обрадовались, какъ они молились!.. Подъ вліяніемъ полученнаго нами вѣрнаго извѣстія о заключеніи перемирія, богослуженіе было торжественное, всерадостное: я позволялъ себѣ дерзость измѣнить вѣсколько положенный по уставу порядокъ обѣдницы; послѣ обычнаго начала и прочтенія: „Приидите поклонимся и припадемъ ко Христу“, я велѣлъ читать псаломъ: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о имени Твоемъ возрадуется зѣло!“ Среди этого чтенія мои пѣвчіе вдругъ грянули неожиданное для всѣхъ: *съ нами Богъ, разутьйте язвы и покарайтесь, яко съ нами Богъ!*... Впечатленіе было очень сильное, радостный восторгъ охватилъ всѣхъ, многіе плакали дѣйствительно слезами радости и умиленія... Послѣ обѣдницы я обходилъ со крестомъ всѣ дома гдѣ лежатъ наши больные и раненые; это мѣстщеніе вездѣ и всѣмъ доставило великое духовное утѣшеніе и радость. Замѣчательно что здѣсь въ Казанлыкѣ и вообще, какъ говорятъ, за Балканами, Болгары гораздо религіознѣе и развитѣе нежели по ту сторону, около Дуная. Когда я переходилъ изъ дома въ домъ, Болгары-хозяева этихъ домовъ вездѣ выходили мнѣ на встрѣчу за ворота и съ видимымъ благоговѣніемъ прикладывались ко Кресту; всѣ встрѣчавшіеся на улицѣ точно также снимали шапки и съ глубокимъ почтеніемъ подходили, крестились и прикладывались; а дѣти цѣлою толпой солпровождали насъ, слушая стройное пѣніе нашихъ пѣвчихъ. Говорятъ что турецкое вліяніе гораздо сильнѣе отразилось на жителяхъ по ту сторону Балканъ нежели здѣсь въ долинахъ Тунджи и Марицы, гдѣ и самое населеніе болгарское гораздо многочисленнѣе. Казанлыкъ—большой городъ, больше видѣнныхъ нами Габрова, Ловчи,—но Эски-Загра, Филлиполь и Софія, говорятъ, далеко больше и многолюднѣе Казанлыка. Значитъ здѣсь—собственно за Балканами—настоящій центръ Болгарскаго народа. Несмотря на двукратный разгромъ Турками, Казанлыкъ хотя и сильно пострадалъ, но

многія зданія, лучшія въ городѣ, сохранились и доселѣ,—есть дома очень красивые и обширные. До разоренія здѣсь производилась весьма значительная торговля, особенно *розовымъ масломъ*, такъ какъ по всей почти долинѣ Тунджи по преимуществу разведены обширныя плантаціи розовыхъ кустовъ, отъ чего и самая долина получила свое специальное названіе—Долина Розъ. Жаль что намъ не придется провести здѣсь весну, подышать здѣшнимъ очаровательнымъ воздухомъ, когда зацвѣтутъ всѣ плантаціи и цѣлая обширная долина на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ превратится въ сплошное розовое море. Въмѣстѣ съ извѣстіемъ о перемиріи прошелъ слухъ что окончательный миръ будетъ заключенъ и ратификованъ съ обѣихъ сторонъ въ достопамятный день 19 февраля; а вслѣдъ затѣмъ начнется посадка гвардіи на суда и пароходы для отправки въ Одессу; за гвардіей двинутся гренадеры и, если все такъ сбудется, какъ разказываютъ, то въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля мы можемъ вернуться *во-свои*. Я уже и не говорю, боюсь даже говорить о томъ, какъ несказанно радуютъ насъ всѣхъ эти отрадные извѣстія; они бодрятъ, возбуждаютъ всѣхъ къ самой напряженной дѣятельности; всякій изъ насъ слышитъ поскорѣе сдѣлать все что велитъ ему долгъ и совѣсть, слышитъ управиться со своею лоденною работою. А тутъ, какъ на грѣхъ, начинаютъ появляться самыя зловѣщія предзнаменованія, могущія послужить немалымъ тормазомъ въ особенности для нашего лазаретнаго дѣла: начинается такъ-называемый *военный тифъ*, этотъ страшный бичъ военнаго времени, это неизбежное, ужасное послѣдствіе почти всякой войны. И представь себѣ наше несчастье: первою почти жертвою сдѣлался нашъ общій любимецъ Дг. Бубновъ! Третій уже день какъ онъ въ постели съ явными признаками сыпнаго тифа. Наши доктора безотлучно при немъ и напрягаютъ всѣ усилія чтобы спасти этого молодого, много обещающаго медика и прекраснѣйшаго человѣка. Заболѣло также нѣсколько нашихъ фельдшеровъ и санитаровъ, заболѣлъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ. Замѣчательно что большинство раненыхъ офицеровъ все люди молодые и все литомцы извѣстнаго періода *шестидесятыи* годовъ, выросшіе и въ семьѣ и въ школѣ подъ вліяніемъ свирѣлствовавшихъ тогда бредней Писарева, Чернышевскаго, Фейербаха, Бюхнера и tutti quanti... Появляю что религиозное чувство ларализовано

было въ нихъ до послѣдней степени; но вотъ благодаря шипѣнію турецкихъ пуль и ужасамъ кровавой битвы, это чувство проснулось, воскресло и заговорило въ нихъ такъ громко, и сознательно что теперь никакіе Фохты и Мошоты не ослабятъ его до конца жизни.... Говорятъ: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился, а мы можемъ со своей стороны прибавить къ этому, только не въ отрицательной, а въ положительной формѣ: кто въ битвѣ побывалъ, тотъ вѣрѣ въ Бога научился!... Страшенъ этотъ урокъ, зато и памятенъ на всю жизнь. А сколько просьбъ и порученій дается мнѣ нашими добрыми солдатами-ранеными, сколько уже написалъ я посланій „на вѣки нерушимо“ къ разнымъ Аринушкамъ въ Рязань, Матренушкамъ въ Калугу.... „Когда ежели я умру, батюшка“,—этими словами начинаются почти всѣ безъ исключенія солдатскія просьбы и, къ сожалѣнію, надъ многими, очень надъ многими совершились уже эти роковыя слова— „когда ежели...“ И такъ, среди всѣхъ этихъ недугующихъ, страдающихъ и умирающихъ, работы и у меня довольно; одного боюсь, ужасно боюсь: потери или разстройства здоровья; оно здѣсь такъ дорого, такъ нужно, какъ нигдѣ и никогда. Молись же за меня Царицѣ Небесной! Молитесь и за всѣхъ насъ, мои незабвенные друзья и знакомые,—*вамъ бо дадеся теперь благодать молитися за ны!*....

ПРОТОІЕРЕЙ ВАКУХЪ ГУРЬЕВЪ.

Примѣч. ред. По недосмотру корректора, въ *Письмахъ священника* осталась неправильная форма ШИБКА вмѣсто ШИИКА (отъ шипъ, шиповникъ, роза), что было замѣчено когда предыдущіе листы были уже напечатаны.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ

БЕСѢДЫ О РЕВОЛЮЦІИ

НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ.

Пріятель (*читаетъ газеты*). Читаю о празднествахъ въ Парижѣ 14 іюля нынѣшняго года. Любятъ Французы устраивать эти гражданскіе праздники—*fêtes civiques*. Какихъ чудесъ ни видалъ въ этомъ отношеніи старый Парижъ, особенно въ эпоху революціи!

Авторъ. Да развѣ теперешняя эпоха не есть эпоха революціи? Далеко еще не кончилась борьба со старымъ порядкомъ, какъ ни кажется онъ разрушеннымъ. Можетъ-быть только теперь борьба становится дѣйствительно роковою. Не берусь предсказать ея исходъ.

Пріятель (*пробѣгая газеты*). Пишутъ что парижскій архіепископъ запретилъ духовенству въ день праздника показываться на улицѣ. И благоразумно сдѣлалъ. Не миновать бы скандаловъ... Полиція ступевалась... Впрочемъ народъ велъ себя самымъ приличнымъ образомъ, и день мирнаго торжества прошелъ какъ нельзя лучше...

Авторъ. Всегдашній приливъ въ описаніи празднествъ. То же писалось, бывало, во время Второй Имперіи по случаю народныхъ гуляній 15 августа, въ Наполеоновъ день. Точно гуляющая толпа есть какой-то звѣрь слушанный съ дѣли: слава Богу что прошелъ мимо не надѣлавъ бѣды. Не очень

лестное помятіе о народъ-повелителѣ, именемъ котораго правится Франція!

Пріятель. А вѣдѣ, кажется, обновленная республиканская Франція не встрѣчаетъ такого сочувствія какъ у насъ, если судить по газетамъ. Нѣкоторыя славятъ праздникъ 14іюля какъ событіе должествующее привести въ восхищеніе всю земную планету и говорятъ такъ что подумаешь и ихъ сердца исполнены радостными воспоминаніями о томъ какъ „народъ“ взялъ „твердыню Басталию“ у не защищавшихся иввалцовъ.

Авторъ. У насъ очень силенъ культъ французской революціи, хотя вѣдѣ, конечно, не распространены такъ мало какъ у насъ свѣдѣнія объ этомъ событіи. Можетъ-быть и культъ поддерживается главнымъ образомъ тѣмъ что о событіи этомъ имѣются у насъ лишь самыя неясныя, миеццескія представленія.

Пріятель. Это идетъ издалека. Помнишь, лѣтъ тридцать почти тому назадъ, въ наши студентскіе годы, подъ какимъ великимъ запретомъ и въ печати, и на кафедрахъ было у насъ слово *революція*. Въ университетскихъ библіотекахъ книги гдѣ говорится о революціи были отставлены въ особые шкафы. На сочиненіяхъ авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событію красовался ярлыкъ „запрещено безусловно“. Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку. На простыхъ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ запрещенной эпохи, мемуарахъ, сборникахъ, документахъ, значилось: „запрещено для публѣики“. Эти не выдавались студентамъ и постороннимъ читателямъ. И всѣ эти запреты не помѣшали революціоннымъ идеямъ чрезъ всѣ преграды проникать въ молодые умы.

Авторъ. Да. Какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-нибудь обладателя запрещеннаго плода профессоромъ или иного счастливца, на самое короткое время опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи, въ которомъ казалось и заключается самая-то окрываемая истина. Помнишь съ какою жадностью одолѣвали мы въ одну ночь томъ Мишле, Луи Блана, въ четыреста, лятьсотъ страницъ, понимаемый изъ лятаго въ десятое и по недостаточному знанію языка и по отсутствію свѣдѣній вообще. Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣе тѣмъ казалось истиннѣе.

Пріятель. Надо признаться что нашимъ юношескимъ увлеченіямъ не мало содѣйствовало то обстоятельство что въ литературныхъ и профессорскихъ кружкахъ, имѣвшихъ наи-

болѣе вліянія на молодые умы, этотъ, какъ ты называлъ, „культъ революціи“, если не въ подробностяхъ исполненія ея программы, то въ ея началахъ, идеяхъ,—неотразимо де имѣющихъ осуществиться и отдѣлать новый міръ отъ стараго—принадлежалъ къ числу основныхъ убѣжденій. Французскіе приверженцы революціоннаго культа не изъ крайнихъ называютъ эти начала бессмертными началами 89 года. Мы ловили ихъ менѣе опредѣленно, но шире, включая революцію какъ самую капитальную часть въ общее понятіе объ историческомъ прогрессѣ. Разумѣли подъ началами этими все стремящееся и обѣщающее передѣлать неудовлетворительный существующій порядокъ на новый, непрѣменно лучший,—свободу во всѣхъ видахъ, борьбу со всякими притѣсненіями, изобличеніе злоупотребленій, уничтоженіе предрасудковъ, словомъ, цѣлый вишеретъ прогресса, осуществить который мѣшаетъ только невежество массъ коснѣющихъ и удерживаемыхъ въ предрасудкахъ, а также своекорыстіе людей власти имѣющихъ. Въ какой мѣрѣ въ кружкахъ былъ силенъ этотъ широкій революціонный культъ о томъ свидѣлствуютъ изъ нихъ вышедшія наши диктаторы всесвѣтной революціи: Герценъ, Огаревъ, съ ихъ изданіями, играющими не малую роль въ печатной исторіи русскаго сбиванья съ толку; наконецъ Бакуинъ, прямо пошедшій дѣлать чужія революціи.

Авторъ. Образованіе у насъ революціоннаго культа съ его отгѣнками—отъ поклоненія идеаламъ до поклоненія практикѣ,—чрезвычайно ловатно. Наши литературные и научные руководители, при большихъ конечно познаніяхъ и большей опытности чѣмъ какія мы имѣли,—были по отношенію къ политическимъ вопросамъ, и къ дѣлу революціи въ томъ числѣ, такіе же неопытные новички какъ и мы юности. Между практикой окружающей жизни и тѣмъ что слагалось въ умахъ изъ книжнаго знакомства съ міромъ европейской цивилизаціи была тогда цѣлая пропасть. Чувствовалось внутреннее раздвоеніе. Съ одной стороны, непроглядная дѣйствительность съ явленіями невежества, грубаго стѣсненія всего что дорого человѣку дорожающему свободой своей мысли; съ другой—фантастическій идеалъ свободнаго цивилизованнаго государства осуществляемый на Западѣ, и если не осуществляемый еще, то лишь благодаря противодѣйствию именно тѣхъ же темныхъ силъ которыя такъ давали себя чувствовать вокругъ. Для серіозной оцѣнки явленій жизни требовалась степенъ зрѣло-

сти которою не обладали ни мы, ни наши руководители. Нѣкоторые спасались отъ раздвоенія идеаломъ древней Руси...

Пріятель. А какъ тяжело иногда чувствовалось это раздвоеніе! Въ эпоху Крымской войны, и великаго Севастопольскаго сибѣнья не мало было между нами почти радовавшихся нашимъ пораженіямъ какъ побѣдъ цивилизаціи надъ зазнавшимся варварствомъ. Въ комъ не заглушены были здоровые инстинкты патріотизма, тѣ чувствовали чудовищность явленія. Въ біографіи Гравовскаго можно видѣть какъ онъ съ испугомъ отклонился отъ космополитическихъ сужденій этого рода, почувствовавъ въ себѣ русскаго человека. Черезъ нѣсколько лѣтъ наступила была минута когда печальное раздвоеніе о которомъ мы говоримъ, источникъ множества явленій со „скитальчествомъ“ включительно, о которомъ заговорили въ послѣднее время, — готово, казалось, было навсегда исчезнуть. Это минута нашего національнаго пробужденія въ 1863 году во время Польскаго возстанія. Вдругъ стало яснымъ что русскій патріотизмъ не грубость массы, не чудачество кружка, не притворство желающихъ выслужиться у правительства, а сознаніе себя Русскимъ, не стыдящимся исторіи своего народа, не отрекающимся отъ нея со всею ея нравственною отвѣтственностію и трудными задачами указываемыми вѣчною справедливостію, по волѣ которой и возвышаются и падаютъ народы. Почувствовалось что разумный патріотизмъ есть истинный признакъ образованнаго народа, а пошлый космополитизмъ, такой же признакъ варварства какъ и китаецина. Но плохо воспользовались мы этою минутой. Остановились, какъ остановились потомъ предъ стѣнами Костантинополя. Медленны шаги исторіи!

Авторъ. Исторія прошедшаго, фундаменты быта западныхъ народовъ для насъ были чужды. По отвращенію къ ихъ историческимъ завѣтамъ мы чувствовали себя, совершенно налѣркѣ, подобно тому какъ почувствовали себя Французы революціонной эпохи, сбросившіе съ себя или лучше сказать вообразившіе что сбросили всѣ тяготы своей исторіи. Тѣ силы которыя, какъ на примѣръ католицизмъ, имѣютъ такое существенное значеніе въ жизни Французской націи, для насъ неловяты. Мы еще можемъ представить себѣ крестьянина ревностнаго католика, рисуя его себѣ по образцу православнаго крестьянина, но не можемъ войти въ кожу образованнаго Француза-католика. Такъ же

мало понятенъ Французъ-легитимистъ. Мотивы одушевлявшіе людей къ борьбѣ съ революціей были для насъ вообще мало доступны; наиболѣе понятны были худшіе изъ нихъ,—свокорыстіе, нежеланіе отдать что имѣешь. Между тѣмъ, стремленіе къ обновленію во имя теоретическихъ началъ, простыхъ и привлекательныхъ съ виду, казалось чрезвычайно понятнымъ. У насъ сложилось политическое ученіе до наивности простое, которое и теперь въ полномъ ходу. Въ мятущемся человечествѣ двѣ стороны— темная сторона стараго порядка и свѣтлая сторона обновленія. Царство предрасудковъ и царство яснаго разума. Добродѣтели, честность, цныя хорошія качества, специальная принадлежность первой стороны—стороны либеральныхъ идей. Могутъ быть и въ ней заблужденія и даже заблужденія ужасныя, разыгрывающіяся кровавыми послѣдствіями, но и эти заблужденія проистекаютъ изъ чистаго въ началѣ своемъ источника. Могутъ, правда, быть явленія честности, добродѣтели, величія и на другой сторонѣ; но это честность и добродѣтель предрасудка, величіе ладенія. Мотивы на этой сторонѣ или свокорыстные разчеты, или темные инстинкты духа, а не желаніе блага, не свѣтлое представленіе разума какъ тамъ. Обновленіе должно свершиться, препятствія къ нему должны быть убраны. Какъ—немедленно ли и всякими средствами, какъ требуютъ болѣе ретивые,—постепенно ли и безъ болѣзненныхъ операцій, какъ предлагаютъ болѣе спокойные: это можетъ быть предметомъ сомнѣнія, но сущности дѣла не измѣняетъ. При такой постановкѣ какое же можетъ быть колебаніе для ума свободно относящагося къ дѣлу куда прикнуть, на сторону ли враговъ или на сторону друзей революціи. А умомъ свободно относящимся къ дѣлу естественно чувствовалъ себя всякій изъ насъ, урывками и тайкомъ знакомясь съ событіями великой революціонной драмы.

П р і я т е л ь. Все это очень понятно, но отъ того не легче. Незрѣлость нашихъ политическихъ понятій въ эпоху зарожденія революціоннаго культа далеко не имѣла того важнаго значенія какое можетъ получить нынѣ. Тогда лежала цѣлая пропасть между практической жизнью и теоретическими идеями, для самаго незначительнаго меньшинства имѣвшими сколько-нибудь серіозную цѣну. Для большинства причислявшихъ себя тогда къ современно-образованнымъ людямъ идеи эти проходили въ умѣ легкимъ и не яснымъ обликомъ. Культъ революціи являлся въ

формѣ отдаленнаго поклоненія и лишень былъ практическаго значенія и силы. Далекое не то теперь, когда такъ бродятъ въ обществѣ стремленія къ дѣятельной политической жизни, когда лютятъ такъ смуты, когда мы испытываемъ злоупотребленія свободы безъ самой свободы, тиранию не власти, а безвластія и противовластія, когда на практикѣ есть русская социальна-революціонная партія съ сектами и подраздѣленіями. Отъ революціи и революціонеровъ въ тѣсномъ смыслѣ у насъ вынѣ принято искренно или неискренно отречься самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не только газета *Голосъ*, считающая себя выразителемъ идей „либеральной фракціи“ нашихъ правящихъ людей, отрывается отъ революціонеровъ; отъ нихъ во всеуслышаніе отреклись на судѣ сами участники „социальна-революціоннаго движенія“—ихъ собственные коноводы, докторъ Веймаръ и студентъ Михайловъ. Когда послѣ кивжаловъ и взрывовъ начались со стороны глаголемыхъ (терминъ какой житрополитъ Филаретъ ввелъ относительно старообрядцевъ) либераловъ усиленные отреченія отъ революціонной партіи, доходившія до лаэоса проклятій, партія въ заграничныхъ изданіяхъ посмѣивалась, говоря: „а все-таки вы наши и съ нами за одно“. Теперь и въ крайнемъ лагерѣ *mot d'ordre* отказываться отъ насильственныхъ мѣръ. Никакой насильственный переворотъ не желателенъ (благо и невозможно). Нашелся наконецъ усложнительный пунктъ на которомъ кажется всѣ согласились, и крайніе, и умѣренные, и просто либеральные. Переворотъ желателенъ и требуется постепенный, законный, путемъ „либеральнаго прогресса“. Мы хотимъ значить того что діаметрально противоположно революціи. Такъ ли? Въдѣ и первая французская революція до разогнанія палаты 18 брюмера и захвата власти Наполеономъ подойдетъ подѣ наше опредѣленіе. Переворотъ былъ, правда, быстрый, но быстрота не исключаетъ постепенности. Что могло быть законнѣе созванія королемъ представителей народа въ формѣ Генеральныхъ Штатовъ? Дальнѣйшая дѣятельность представителей націи организованныхъ въ Національное Собраніе хотѣ и шла съ первыхъ шаговъ противъ желаній и лична короля, во постоянно санкціонировалась его согласіемъ. Мятежи и неистовства толпы не считались необходимою частію революціи. Вожаки дѣла указывали на нихъ (а иногда подѣ рукой ихъ возжигали) какъ на непререкаемый аргументъ ненормальнаго состоянія общества, исцѣленіе котораго зависитъ отъ уступокъ стремленіямъ неудовлетвореніе коимъ

производить болѣзнь. Всѣ акты и декреты Національнаго Собранія, опредѣлявшіе его власть и предѣлы власти короля, признаны и утверждены королемъ и утверждены въ важнѣйшихъ моментахъ съ искреннимъ желаніемъ имъ подчиниться. Законно, актами верховной власти страны утверждались государственныя конституціи; по суду и закону отрубилъ голову королю, присягнувшему на званіе перваго чиновника государства, и въ такомъ отвѣтственномъ качествѣ преданнаго суду; по суду и закону Конвентъ казнилъ десятки тысячъ, обогрѣя кровью измученную страну. Законъ былъ написанъ на знамени всѣхъ самыхъ ужасающихъ дѣйствій. Самое слово *революція*,—такъ переворотъ былъ наименованъ съ самыхъ первыхъ шаговъ—не имѣло тогда значенія насильственнаго переворота. Никто не понималъ революцію какъ бунтъ или возмущеніе. Дѣйствіе революціонное значило энергическое исполненіе благаго закона. Незаконный и революціонный казался два понятія взаимно исключаютія одно другое. Значить не постепенностію и законностію характеризуются дѣйствія противныя революціоннымъ, а чѣмъ-нибудь инымъ. Захватъ власти безъ боя, провикновеніе во власть можетъ точно также своимъ послѣдствіемъ революцію, какъ и удачное возстаніе съ баррикадами и кровію. Суть дѣла—во имя какихъ идей производится или долженъ быть произведенъ переворотъ, чѣмъ именно должно было обновлено человѣчество вообще, и каждая страна въ отдѣльности. Если есть въ самомъ дѣлѣ такой рецептъ который стоитъ только исполнить и человѣчество несомнѣнно обновится въ новый счастливый міръ, то можно ли не желать осуществленія этого рецепта и не призывать всѣмъ сердцемъ того дня когда осуществленіе это свершится? А если этотъ рецептъ заключается въ началахъ внесенныхъ въ міръ французскою революціей, то можно ли не раздѣлять культа революціи? Если цѣль ясна и извѣстна, то вопросъ только въ путяхъ для болѣе или менѣе удобнаго ея достиженія. Вся суть дѣла—ясна ли цѣль и не миражъ ли то что указывается вдали. Цѣлое войско въ стелю можетъ погибнуть принявъ миражъ за дѣйствительность. Отъ миража можетъ сласти или жизненный опытъ, стоящій иногда не малыхъ жертвъ, или научное знаніе достигнутое изученіемъ явленія.

Авторъ. Ты сказалъ слово. Нѣтъ у насъ за большаго какъ безпомощность нашего званія. Ею объясняется наше невѣроятное легкомысліе въ серіознѣйшихъ дѣлахъ и то какъ могутъ имѣть у насъ успѣхи обманъ самаго грубаго

свойства. Нечего закрывать глаза. Современное состояніе нашего общества скрываетъ въ себѣ не мало опасностей. И главная изъ нихъ не въ томъ темномъ пятнѣ на которое направлено вниманіе: замажемъ, говорятъ, пятно и все пойдетъ ло маслу,—а въ томъ сѣромъ фонѣ въ какомъ это пятно выступило. Мы до страсти любимъ обличать зло нашего положенія, но настоящее его зло легкомысленнѣе просматриваемъ. Мы всѣ жалуемся, но на то ли что насъ дѣйствительно расслабляетъ? Ты помнишь нашего товарища П*. Онъ прислалъ мнѣ на дняхъ на эту тему довольно длинное письмо, родъ статейки которую не прочь бы напечатать. Я прочту ее. Высказанное въ ней мнѣ кажется весьма вѣрно.

„Едва ли есть въ настоящее время на протяженіи Россійской Имперіи человекъ который бы не жаловался. Всѣ мы жалуемся и требуемъ улучшеній. Администраторъ жалуется что его не довольно уважаютъ и награждаютъ; общественный дѣятель что у него мало правъ и нѣтъ арены для краснорѣчія,—что и мѣшаетъ ему исполнять обязанности; духовный пастырь жалуется что скудно содержаніе, крестьянинъ что мало земли и лоборы велики; хозяинъ что мастеровые только пьянствуютъ, а не работаютъ; жалуется собственникъ что собственность не приноситъ дохода, а обложена все возрастающими сборами; жалуется купецъ что очень ужъ дуракъ сталъ народъ; акціонеръ что его обворовываютъ; предприниматель что саишкомъ много требуется для „подмазки“ чтобы пустить въ ходъ какое-либо дѣло; судъ жалуется на администрацію, администрація на судъ; начальники жалуются что подчиненные ихъ не слушаютъ, подчиненные зачѣмъ еще есть у нихъ начальники, когда каждый самъ себя отлично чувствуетъ начальникомъ; общество жалуется что правительство все беретъ на себя, правительство что общество ничего взять на себя не хочетъ; публика жалуется на равноудачность журнальныхъ вѣстовъ и жадно читаетъ скандалы; журналисты жалуются что имъ недостаетъ свободы слова и съ азартомъ требуютъ „обузданія“ если кто заговоритъ не по камертону; раскольники жалуются что не признаютъ ихъ архіереевъ и что чиновники и литераторы, съ тѣхъ поръ какъ принята роль защитниковъ „свободы совѣсти“, обходятся дороже прежняго; чиновники жалуются что у раскольниковъ тута стала мощь; профессора жалуются что у нихъ нѣтъ студентовъ въ аудиторіяхъ, студенты что у нихъ нѣтъ профессоровъ на кафедрахъ, тѣ и другіе что не могутъ серьезно

заниматься дѣломъ—студенты потому что не имѣютъ кассъ и сходовъ, профессора потому что „автономіи грозитъ опасность“ и требуется прибавка жалованья; не жалуются кажутся только дѣла и горы,—горы потому что ихъ нѣтъ, а дѣла потому что мы ихъ лопырили.

„Но странное дѣло! Во всемъ обширномъ и разноголосномъ хорѣ жалующихся и негодующихъ не слышится вовсе указанія и жалобъ на главное зло составляющее дѣйствительную язву нашего современнаго положенія. Послушать—мы всѣ находимся подъ гнетомъ какой-то тяжести и движемся въ сжатой и густой атмосферѣ. Но взглянувъ внимательнѣе не трудно убѣдиться что напротивъ всякая тяжесть сложена нами съ плечъ и мы идемъ налегкѣ; удушье, несомнѣнно чувствуемое, происходитъ не отъ того что воздухъ сжатъ, а оттого что разрежемъ и мы вслухъ стараемся лишить его живительнаго кислорода. Не въ томъ зло что трудно у насъ жить, а въ томъ что *слишкомъ легко у насъ живется*. Трудъ ослабъ на всѣхъ ступеняхъ. Мы проживаемъ капиталъ, слѣло не замѣчая какъ легко этимъ могутъ воспользоваться наши враги. И не благодарятъ за это насъ наши потомки! Какая масса трудныхъ и серьезныхъ дѣлъ стоитъ безъ движенія и не потому чтобы руки были связаны—никогда оны не были такъ свободны какъ теперь, а потому что на всѣхъ путяхъ выгодае оказывается бездѣлье. *Нѣтъ труда производительнаго, ибо въ выгодѣ и почетѣ трудъ казующійся, непроизводительный*. Заслуга не замѣчается, не цѣнится, даже унижается, зато мнѣніе требуемой окраски, искреннее или фальшивое все равно, выставляется въ заслугу. Всѣ управленія кишатъ проектами, нѣтъ мало-мальски замѣтнаго чиновника который не былъ бы членомъ десяти комиссій; все кажется изучается, взвѣшивается и здѣсь и во всѣхъ странахъ міра, и въ китайскомъ законодательствѣ, и въ англійскихъ архивахъ XIII или циаго вѣковъ, и въ исторіи, и въ теоріи, и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, а колесница стоитъ на мѣстѣ. Такъ и остается, ибо весь этотъ парадъ есть только вышнее подобіе дѣла, а не самое дѣло. Дѣло есть вещь трудная, руководить имъ могутъ немногіе, ихъ надлежитъ искать и дорожить ими если найдены. Но трудиться и исполнять то что предписываетъ обязанность должны всѣ. Условія нашей дѣйствительности требуютъ возможно простыхъ формъ и строгаго исполненія. А между тѣмъ мы видимъ только кандидатовъ въ руководители и

забрасывателей проектовъ задающихся задачей о наисложнѣйшихъ и наименѣ примѣваемыхъ комбинаціяхъ. Иванъ Александровичъ Хлестаковъ повѣстествуя о своей петербургской дѣятельности хвастался что онъ только заходитъ въ департаментъ взглянуть, распорядиться, дать указанія, а тамъ уже такіа крысы-чиновники сидятъ и лишутъ, лишутъ, самъ же просвѣщенный чиновникъ по вечерамъ играетъ въ вистъ: „Французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я;“ а въ минуты досуга пишетъ статьи для журналовъ. Создатель этого тила, великій изобразитель пошлости нашей жизни, самъ характеризовалъ Хлестакова какъ чловѣка „безъ царя въ головѣ, изъ тѣхъ которыхъ въ канцеляріяхъ принято называть лустѣйшими.“ Какъ изумился бы авторъ *Ревизора*, увидѣвъ воочию что въ наше время Иванъ Александровичъ дѣйствительно играетъ въ вистъ съ французскимъ посланникомъ, даютъ направленіе дѣламъ и лишутъ передовыя статьи въ газетахъ, изображая собою общественное мнѣніе. За то лаема крысъ-чиновниковъ исчезло, а „лустѣйшіе“, то-есть къ труду простому неспособные, и до труда вышшаго, благодаря своему лустѣйшему воспитанію, не доросшіе, стали на первый планъ. Представь себѣ царство Гоголевскихъ городничихъ,—плутовъ, но по-своему не галыхъ людей, какъ ихъ характеризуетъ авторъ *Ревизора*, замѣненнымъ царствомъ усовершенствованныхъ Хлестаковыхъ. Можно ли было бы счесть это значительнымъ прогрессомъ? Дѣла дѣлаютъ некогда и на низшихъ и на вышшихъ ступеняхъ. Время проводится въ обдѣлываніи своихъ дѣлашекъ, а для лубаки въ сборахъ къ дѣлу, въ хлопотахъ о томъ какъ бы намалевать такую декорацию подъ сѣвню которой дѣло само собою, въ нѣкоторомъ будущемъ, пошло бы наилучшимъ въ мірѣ образомъ. А пока пусть постоитъ. И легко и спокойно, а свои дѣла обдѣлать можно наилучшимъ образомъ. При такомъ настроеніи менѣе всего оцѣнивается дѣйствительный трудъ, выгоднѣе всего шарлатанство.

„Разгулъ бездѣлья много зависитъ отъ чрезвычайнаго въ наше время ослабленія понятія долга. Однимъ изъ основныхъ догматовъ нигилизма есть устраненіе понятія долга, обязанности. Никто ни къ чему не обязанъ, никто ни за что не отвѣтственъ. Но развѣ этотъ догматъ нигилизма не есть въ то же время догматъ огромной части нашей интеллигенціи? Развѣ не чувствуется на всѣхъ путяхъ нашей жизни самое легкомысленное презрѣніе къ обязанностямъ, развѣ не сви-

дѣтели мы почти повальнаго распущенія, безнаказанности вопиющихъ дѣяній и ожесточеннаго преслѣдованія, не по мѣрѣ вины и безъ вины, дѣяній, написаннымъ кодексомъ отнесенныхъ къ разряду особо виноватыхъ, по личности ли подсудимаго, по качеству ли поступковъ? Повидимому мы жаждемъ свободы. Но развѣ полупущеніе и судьямъ и судимымъ, и правящимъ и правимымъ, избирающимъ и избираемымъ дѣлать кто что хочетъ и можетъ, не подвергаясь ответственности, если есть хоть малая ссоровка ее обогнать,— есть свобода? Развѣ замѣна патріархальнаго взяточничества усовершенствованнымъ казнокрадствомъ есть въ самомъ дѣлѣ прогрессъ? Развѣ возложеніе серьезныхъ дѣлъ на ребятъ разнаго возраста, на неспособности разнаго калибра, на бездарности разныхъ степеней, можетъ содѣйствовать успѣшному ихъ ходу? Развѣ призваніе всѣхъ и каждаго кому удѣлена большая или малая доля государственной власти къ исполненію обязанностей безъ произвола и самодурства, но съ серіозною ответственностью, не есть настоятельная потребность минуты?...“

Пріятель. Совершенно справедливо. Вся бѣда наша въ томъ что задачи серіозны и трудны, а силы слабы. Но неужели же земля наша такъ оскудѣла силами? Имѣя какую-либо вѣру въ Провидѣніе или даже просто наблюдая событія нашего прошлаго, невозможно примириться съ этою мыслію. Если рынокъ заваленъ фальшивою монетою, принимаемою за настоящую, то золото утрачиваетъ свою цѣну. Нѣтъ резона его беречь и копить. До для настоящаго расчета фальшивый капиталъ не развится отъ дѣйствительнаго. Пагубная потеря оцѣнки достоинства вещей величайшее зло. Если человѣкъ не въ состояніи различить каменнаго дома отъ воздушнаго замка и подъ декорацией лѣса считаетъ себя въ дѣйствительномъ лѣсу, то чтобъ онъ могъ предпринять что-нибудь дѣльное необходимо прежде всего чтобы разсѣялась иллюзія. Возьми какую хочешь область и увидишь какимъ туманомъ обмана застланы всѣ ея очертанія. Вотъ хоть наука. Извѣстно что мы вывѣ ея великіе поклонники. И въ самомъ дѣлѣ кто не знаетъ что слабость у насъ этого великаго рычага всякой дѣятельности есть наша главная слабость. Всякій казался бы долженъ также знать что рычагъ этотъ вырабатывается въ школѣ. Если нѣтъ науки въ школѣ, то не будетъ ея и въ

жизни. Что же между тѣмъ мы слышимъ и видимъ? Если идетъ дѣло о чемъ-нибудь внѣ школы, тутъ мы кажется минутой пробить не можемъ безъ „науки“, безъ свободнаго изслѣдованія, смѣлаго построенія „на научныхъ началахъ“. Тутъ вѣчто имеемое „наукою“ идетъ на всѣхъ парахъ. Стоить всломвить удивительные успѣхи и результаты „научной психіатріи“ въ нашихъ судахъ. Но коснется дѣло школы, тутъ со всѣхъ сторонъ слышимъ отчаянные крики что учиться не надо. Архимедъ говорилъ царственному ученику что въ наукѣ нѣтъ особаго пути для царей. Кто минуетъ этотъ единственный путь, тотъ останется недоучкою. Какой кажется ужасъ внушаетъ намъ это слово „недоучка“, и между тѣмъ всѣ усилія наши направляются къ тому чтобъ имѣть только недоучекъ, лишь бы съ дипломами. Мы придумали цѣлыя заведенія гдѣ дѣти знатныхъ особъ имѣютъ достигать „вышей науки“ минуя Архимедовъ путь. Нынѣ требуется окончательно обличить Архимеда, а для того дать каждому счастливому Россіянину возможность пройти къ цѣли по гладкой дорогѣ, вмѣсто труднаго подъема, а университетское бездѣлье профессоровъ и студентовъ взасѣять еще къ вѣщему процвѣтанію „лодь охраню“,—какъ привято выражаться,—„устава 1863 года“, благополучно похоронивъ затѣю преобразования. Посаженіе въ Россіи „высшаго образованія“, не по имени, а по сущности, есть очевидно дѣло неотложной потребности. Въ немъ наша будущность. По важности своей, это вынѣ нашъ первый государственный вопросъ. А въ какомъ онъ положеніи? Мы печалимся о недоучкахъ. Да гдѣ же и житье недоучкамъ какъ не у насъ! Они насъ учатъ, они насъ судятъ, они рядятъ. И къ тому же во имя „науки“, которую изъ школы надлежитъ выгнать, за тѣмъ, быть-можетъ, чтобы тѣмъ съ большимъ лочетомъ раскалываться съ ней на улацѣ.

Авторъ. Перестановка которую ты указываешь дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Это одно изъ тысячи свидѣтельствъ нашей умственной смуты. Декартъ положивъ въ основу научнаго изслѣдованія природы и духа сомнѣніе, какъ первый шагъ къ достиженію истины, вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ чтъ въ практикѣ государственной и частной жизни должно господствовать другое начало: дѣйствовать такъ какъ еслибы принятыя и установленныя правила были абсолютно истинны, хотя бы для размышляющаго ума и

представляли поводъ къ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Не такъ смотримъ мы на дѣло. Тамъ гдѣ для успѣха самостоятельнаго и плодотворнаго званія требуется серьезный духъ пытливаго изслѣдованія, а именно на кафедрѣ и въ ученыхъ трудахъ—предписывается, какъ вѣчто обязательное, несвободное поклоненіе каждой гипотезѣ, почему-либо почитаемой послѣднимъ словомъ науки, и ученическая передача чужихъ мнѣній съ правомъ свысока трактовать противниковъ гипотезы, какъ бы авторитетны они ни были, и завлечь о своемъ вѣскомъ согласіи съ основателями „новѣйшаго ученія“. Тутъ сомнѣніе и самостоятельность не въ авантажѣ. За то въ практикѣ жизни рекомендуется свобода изслѣдованія и экспериментальный методъ во всемъ ихъ объемѣ.

Пріятель. Общественныя и государственныя построенія *по разуму*, съ забвеніемъ исторіи, съ пренебреженіемъ дѣятельности, самое характеристическое явленіе революціонной эпохи. Различеніе посылокъ практическаго разума отъ посылокъ разума теоретическаго есть основаніе того что зовется политическою мудростью. Тѣ и другія въ своей области серьезное и трудовое дѣло. Ихъ перенесеніе и смѣшеніе—дѣло не серьезное въ положительномъ смыслѣ, но могущее быть весьма серьезнымъ въ смыслѣ отрицательномъ, по производимому вреду. Изученіе революціонной эпохи, кажется мнѣ, способно доставить богатый запасъ уроковъ и предостереженій, которые въ нынѣшнюю эпоху нашей умственной смуты и путаницы понятій могли бы быть для насъ какъ вещь болѣе полезны. Мы нуждаемся въ хорошихъ урокахъ всякаго рода, но теперь чуть ли не болѣе всего въ урокахъ политической мудрости, чтобы предохранить насъ отъ пагубнаго политическаго легкомыслія и недомыслія. Тысячи вліяній толкаютъ насъ на неправильный луть; направляющей нити нѣтъ, цѣмъ ощущую, не зная что будетъ завтра. Аппетиты сильно возбуждены. Сознаться что музыка у насъ идетъ потому что мы не хотимъ трудиться чтобы научиться играть, а не потому что мало инструментовъ и не такъ сидимъ; никто не хочетъ. Крыловъ не досказалъ что сдѣлали члены его *Квартета* послѣ замѣчанья соловья: „а вы друзья какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“. Полагать надо, соловья прогнали. Каждый политикующій у насъ думаетъ что если перенести его, съ фальшивомъ въ карманѣ, въ нѣкоторое внушительное собраніе, то онъ чрезъ это самое удивительно бы поумнѣлъ и вѣщалъ бы одну мудрость. Одинъ

Англичанинъ говорилъ что еслабы въ Лондонѣ на улицѣ предлагали каждому встрѣчному принять въ свои руки завѣдываніе дѣлами страны, то изъ тысячи встрѣтившихся девятьсотъ девяносто девять отказались бы, а въ Парижѣ девятьсотъ девяносто девять приняли бы предложеніе. У насъ приняла бы вся тысяча.

Авторъ. Нашъ разговоръ наводитъ меня на мысль. Мы свободны теперь въ здѣшнемъ прекрасномъ уголкѣ Волинской губерніи. Въ твоемъ Ч—мѣ отличная бібліотека. Чтò еслабы мы перечитали какіе имѣемъ подъ рукой документы поучительной эпохи первой французской революціи и на досугъ набросали бы свободный очеркъ главнѣйшихъ моментовъ событій, пользуясь такъ-сказать естественно-историческимъ методомъ, состоящимъ въ точномъ изученіи фактовъ и строгомъ выводѣ изъ нихъ заключеній. Можетъ-быть наброски наши и не были бы бесполезны.

Пріятель. Ты читалъ конечно Тэна *Les origines de la France contemporaine* (Т. I, 1876; Т. II, 1878). Его сочиненіе мнѣ кажется есть именно приложеніе такого точнаго метода къ изученію великаго историческаго событія.

Авторъ. Сочиненіе Тэна заслуживаетъ всякаго вниманія. Его послѣдшии провозгласить одностороннимъ, продиктованнымъ враждою къ революціи. У насъ оно, понятно, никакимъ кредитомъ не пользуется. Но это несомнѣнно самое правдивое изслѣдованіе революціи. Тэнь, какъ ты замѣчаешь, слѣдовалъ естественно-историческому методу. Всѣ выводы сдѣланы правильно изъ фактовъ. Это чистая, научная правда, какъ ни является она непріглядною. Это точная историческая патологія, въ которой изслѣдователь въ заключеніи своемъ не подобралъ лучшаго сравненія наблюдаемаго имъ явленія съ другими извѣстными какъ сравненіе революціи съ состояніемъ ольпаненія, постелевно, отъ веселаго періода переходящаго къ бѣшенству, къ *delirium tremens*. Но признать такой выводъ было бы самоубійствомъ для друзей революціи. Между тѣмъ онъ сдѣланъ совершенно правильно. Фактическая сторона сочиненія совершенно безупречна. Тутъ не удалось ничего опровергнуть. Выборъ фактовъ сдѣланъ съ полнымъ безпристрастіемъ естествоиспытателя внимательно наблюдающаго явленіе. И тѣмъ не менѣе сочиненіе выставляютъ пристрастнымъ, продиктованнымъ враждою. Со стороны друзей революціи это совершенно естѣственно. Но замѣчательно

что въ некоторое чувство неудовлетворенности испытывается многими читателями желающими безъ пристрастія относиться къ событіямъ. Чего-то не достаетъ. Напрашивается вопросъ: неужели исторія есть только патологія? Не представится ли такимъ же и всякое другое историческое событіе если изучать его тѣмъ же методомъ? Много ли останется здоровыхъ явленій? Не обратится ли вся исторія человѣчества въ исторію заблужденій, глупостей и безумствъ? Вѣдь этого можно ужаснуться. И оказывается что естественно-историческій методъ, съ точки зрѣнія котораго Тэнъ совершенно правъ, насъ не удовлетворяетъ. Методъ этотъ ограничиваетъ изслѣдователя изысканіемъ ближайшихъ, такъ-называемыхъ дѣйствующихъ причинъ (causae efficientes). Мы хотимъ *причинъ конечныхъ* (causae finales) и безъ указанія ихъ не удовлетворяемся. Мы требуемъ чтобы намъ непременно показали что эта ступень безумства есть ступень прогресса. Мы хотимъ чтобы насъ утѣшили, успокоили, хотя бы обманули. Отъ врача требуемъ мы не научной только исторіи болѣзней, но непременно указанія врачующихъ средствъ, хотя бы таковыхъ медицина и не имѣла, и утѣшительныхъ видовъ на выздоровленіе. Тѣмъ болѣе отъ историка. Но ужъ это не естественовѣдѣніе, которымъ въ то же время хотимъ мы исключительно обойтись. Дайте намъ естественно-историческую истину. Намъ даютъ ее. Мы неудовлетворены и требуемъ лучше обмана.

Пріятедь. Но ты самъ удовлетворенъ ли книгою Тэна?

Авторъ. Со стороны исторической вѣрности картинъ влодѣвъ. Но именно потому что это есть строго научное изслѣдованіе, книга не могла сдѣлаться популярною, тѣмъ болѣе что выводы ея идутъ въ разрѣзъ съ господствующими увлеченіями. У насъ книга ужъ и совсѣмъ не популярна.

Пріятедь. Какое значеніе можетъ имѣть у насъ такой серьезный трактатъ когда у насъ отсутствуютъ самыя элементарныя свѣдѣнія о событіяхъ. Это не мѣшаетъ,—а можетъ-быть именно это и помогаетъ,—испытывать къ нимъ нѣкоторое почтительное благоговѣніе. Прекрасное сочиненіе Зибеля и то не могло появиться въ русскомъ переводѣ не пройдя чрезъ цензуру этого благоговѣнія, выразившагося въ примѣчаніяхъ. Попробовалъ Зибель сказать о продажности Давтова. Переводчикъ слышитъ оговорить автора и указываетъ точно въ отместку на продажность Мирабо, государственнымъ талантамъ котораго Зибель отдаетъ справедливость. Мирабо, какъ извѣстно, особымъ благоговѣніемъ у насъ не пользуется,

какъ измѣнившій къ концу дѣлу революціи. Но возвратимся къ нашей затѣѣ. Полагаю мы не будемъ имѣть въ виду дать историческое изслѣдованіе о революціи.

Авторъ. Безъ сомнѣнія. Такой трудъ былъ бы намъ не по силамъ. Но мнѣ кажется будетъ очень не бесполезнымъ коснуться нѣкоторыхъ событій и явленій, и именно въ ихъ подробностяхъ, не такъ какъ онѣ переданы тѣмъ или другимъ историкомъ, а какъ представляются въ первыхъ источникахъ. Заглянемъ не столько въ книги о революціи, сколько въ тѣ главные документы, какъ отчеты о собраніяхъ и подобныя, на которыхъ основываются наши свѣдѣнія и должны основаться сужденія о событіяхъ эпохи. Страницы документовъ раскрываютъ любопытный міръ. Словомъ, сдѣлаемъ прогулку наблюдателя въ страну революціи, отмѣтимъ что бросается въ глаза и позволимъ себѣ нѣкоторыя размышленія по поводу видимаго. Вотъ вся наша претензія. Страна въ высокой степени заслуживаетъ вниманія. Прогулка наша не можетъ не быть поучительною.

Пріятель. Послѣднія празднества даютъ, мнѣ кажется, отличный поводъ начать нашу очеркъ праздникомъ федераціи 14 іюля 1790 года. Событіе относится къ первой эпохѣ революціи, которую Тэнъ сравниваетъ съ первой веселою стадіей ольявенія, съ ея усиленнымъ энтузіазмомъ, раздраженною чрезъ мѣру чувствительностью, естественною театральностью, радостью когда нечему радоваться, ощущеніемъ себя миллионеромъ безъ гроша въ карманѣ.

Авторъ. Отличный планъ, и нечего откладывать его исполненіе. Завтра же приступимъ къ дѣлу.

РАЗГОВОРЪ ВТОРОЙ.

Авторъ. Праздникъ 14 іюля 1790 года, съ котораго мы рѣшили начать нашу прогулку въ міръ французской революціи, можно разсматривать какъ осуществленіе на практикѣ общественнаго контракта Руссо. Нація чрезъ представителей своихъ дала странѣ конституцію. Король и народъ клянутся ей въ вѣрности. Контрактъ заключенъ, осталось счастливое его исполненіе. Въ первый разъ государство организовалось свободнымъ согласіемъ гражданъ на началахъ разума. Желаніе скорѣе заключить контрактъ было

настолько сильно что клался въ вѣрности конституціи, которой собственно не было, ибо выражены и приняты были пока еще только общія ея начала. Будущее мелькнуло въ радужныхъ очертаніяхъ, зловѣщіе признаки на минуту были забыты.

Пріятедь. Присягѣ на Марсовомъ Полѣ 14 іюля 1790 предшествовала присяга Національнаго Собранія въ засѣданіи 4 февраля. Съ этого засѣданія, въ началѣ котораго присутствовалъ король, слѣдуетъ, полагаю, начать наше описаніе.

А в т о р ь. Такъ и сдѣлаемъ.

Когда принесена была февральская клятва, уже не мало свершилось революціонныхъ событій.

Въ маѣ 1789 года произошло въ Версалѣ открытіе засѣданія государственныхъ чиновъ или сословій (*Etats Généraux*), изъ выборныхъ людей отъ дворянства, духовенства и средняго сословія (послѣдніе въ двойномъ числѣ), для обсужденія предложеній правительства въ отдѣльныхъ собраніяхъ по сословіямъ, согласно прежнему обычаю. Вопросъ объ образованіи одного общаго собранія безъ сословнаго раздѣленія былъ первымъ революціоннымъ вопросомъ. Одна противъ другой стали двѣ стороны: близоруко-колеблющееся правительство со слабымъ королемъ во главѣ и собраніе народныхъ представителей увлекаемыхъ революціоннымъ потокомъ. Побѣда осталась на сторонѣ собранія. День когда чиновъ средняго сословія отказали въ повиновеніи королю, повелѣвшему 23 іюля 1789 года собранію раздѣлиться на три сословныя камеры. былъ послѣднимъ днемъ самодержавія французскихъ королей. Среди повсемѣстной анархіи, волна народнаго возстанія поднятая въ Парижѣ обезпечила побѣду, въ виду безсильныхъ, но раздражающихъ мѣръ правительства. 14 іюля 1789 года народомъ взята и разрушена Бастилія. Задачею Учредительнаго Національнаго Собранія, какъ оно себя наименовало, сдѣлалось измѣненіе формы правленія чрезъ дарованіе странѣ конституціи.

4 августа 1789 было знаменитое засѣданіе Собранія въ которомъ отмѣнены сословныя привилегіи, разрушено феодальное устройство Франціи.

1 октября 1789 королю представленъ на утвержденіе первый параграфъ новой конституціи, озаглавленный „Права челоуѣка“.

5 и 6 октября волненія и неистовства толпы направившейся въ Версаль съ разными требованіями къ королю; для опасностей и бунта.

12 октября король, повинаясь народному требованію, переносится на жительство въ Парижъ, во дворецъ Тюиллеря, туда переносится и Собраніе.

Наступилъ 1790 годъ. Положеніе дѣлъ было весьма серьезно. Повсюду царствовалъ безпорядокъ. Власть согласно основной революціонной теоріи предполагалась въ отвлеченномъ существѣ, Націи. Дѣйствительной власти не было не только у короля, но и у Собранія. Декреты невидимаго и неощутимаго государя-націи приходили съ улицы, изъ клубовъ, изъ газетъ и брошюръ наводившихъ Парижъ; шай отъ честолюбцевъ обладавшихъ значеніемъ, но скрывавшихъ свои замыслы, и отъ честолюбцевъ темныхъ, которымъ нечего было терять, но все можно было приобрести. И между тѣмъ какъ на дѣлѣ власти не было, королевскій авторитетъ падалъ и ничѣмъ не замѣняеъ, — главнымъ мотивомъ возбужденія страстей оставалось изображеніе тиранства царей и ихъ клеветовъ и угнетеніе народа ищущаго „друзей“ (*ami du peuple*—любимое выраженіе). Заботы были направлены къ ограниченію королевской власти фактически упраздненной. Въ массахъ королевская власть сохраняла еще вѣками выработанное обаяніе. Форма правленія какою конституція должна была навѣки осчастливить Францію единогласно признана была монархическою. Въ умахъ недалековидныхъ, — а такихъ большинство, — складывались розовыя представленія о имѣющей наступить эрѣ свободы, если только король, порвавъ всякую связь съ партіей враговъ революціи, честно признаетъ верховенство націи и станетъ монархомъ свободного народа, имѣющимъ своимъ назначеніемъ быть защитникомъ и охранителемъ закона вмѣсто того чтобы быть тираномъ угнетенныхъ рабовъ. Замѣтные и скрытые вожди, изъ тысячи разнообразныхъ и разнородныхъ побужденій толкавшие страну на луть революціоннаго разрушенія, стремились всячески подорвать довѣріе къ искренности приватія королевскою властію новаго порядка вещей. Никакая уступка не представлялась достаточною и только давала поводъ къ новымъ требованіямъ. Потокъ имѣвшій увести монархію шелъ неудержимо. Моментъ ознаменованный празднествомъ федераціи есть моментъ нѣкоторой остановки. Казалось заключенъ наконецъ съ обѣихъ сторонъ вполнѣ искренній союзъ короля и народа, честно подписанъ контрактъ. Явилась на минуту вѣра въ возможность водворенія новаго

порядка, немедленно разсыпанная послѣдовавшими событіями. Во всякомъ случаѣ была минута энтузіазма.

Пріятель. Авторъ *Исторіи Франціи съ революціи 1789 года*, Э. Тулонжонъ, сочиненіе котораго можно считать документомъ революціонной эпохи, такъ какъ Тулонжонъ самъ былъ членомъ Учредительнаго Собранія и писалъ какъ очевидецъ, такъ говорить о положеніи дѣлъ предшествовавшемъ сближенію короля съ Собраніемъ, послѣ засѣданія 4 февраля, въ которомъ была принесена присяга конституціи. „Каждый день умножались признаки общественнаго безпокойства, неопредѣленнаго въ своемъ предметѣ, но тѣмъ болѣе опаснаго.... Чѣмъ болѣе приносила жертвы, чѣмъ болѣе дѣлала уступокъ королевская власть, тѣмъ менѣе хотѣли вѣрить что жертвы эти были искренни. Она сама, претерпѣвъ столько огорченій въ прошедшемъ, не знала на чемъ основать увѣренность относительно будущаго. Народъ, то-есть то что не стояло во главѣ партіи, былъ довольно расположенъ вѣрить лично королю; но вокругъ короля далеко не все могло внушить довѣріе. Королева часто обнаруживала знаки нетерпѣнія и раздраженія; все что осталось изъ придворныхъ, все что жило дворомъ, при малѣйшемъ просвѣтѣ фальшивой или дѣйствительной надежды начинало строить планы и даже грозить. Эти люди называли себя партіей короля, даже не будучи увѣрены что король на ихъ сторонѣ и не приписывая этому важности. Чѣмъ менѣе увѣрены были въ возможности располагать имъ, тѣмъ болѣе старались увлечь его на путь который, удаляя его отъ народа и собранія, принуждалъ броситься въ объятія партій противныхъ революціи. Онъ боролся противъ своей участи пока могъ еще привязать къ себѣ партію извѣстную и признаваную. Когда потомъ оставленный всѣми, удивленный среди общественнаго дѣла, онъ отдался своей участи вмѣсто того чтобы овладѣть ею, одного ложнаго шага было довольно дабы его погубить. Но тогда онъ еще имѣлъ поддержку. Въ этомъ состояніи общей тревоги, совѣтъ счелъ необходимымъ какой-либо знаменательный шагъ; требовалось чтобы король высказался, дабы придать увѣренность однимъ, отнять надежду у другихъ.“ Король принявъ рѣшеніе прибыть лично въ собраніе, что и исполнилъ 4 февраля.

Авторъ. Въ *Мониторъ* находимъ подробности этого засѣданія. Открылось утреннее засѣданіе въ четвергъ, 4 февраля

1790 года. Читается докладъ по вопросу о раздѣленіи Франціи на департаменты. Одинъ изъ членовъ дѣлаетъ замѣчаніе. Въ эту минуту, какъ сказано въ протоколѣ засѣданія, председатель (въ этотъ разъ г. Бюро де-Пуэзи, Bureau de Puzy) получилъ и читаетъ письмо короля: „Предупреждаю г. председателя что я располагаю сегодня утромъ около полудня прибыть въ Собраніе; желаю быть принятымъ безъ церемоній.“ Собраніе аплодируетъ.

Пріятели. Изъ описанія Тулонжова видно что это не было такою неожиданностію для Собранія какъ можно заключить изъ протокола *Можитера*. Уже нѣсколько дней ходили слухи что король лично явится въ Собраніе, и члены собравшіеся 4 февраля нашли въ залѣ засѣданія значительныя приготовленія. Столъ секретарей, стоявшій обыкновенно на эстрадѣ противъ и нѣсколько ниже кресла председателя, былъ снесенъ съ эстрады на полъ ближе къ рѣшеткѣ; кресло и стулени эстрады были покрыты ковромъ съ изображеніемъ лавій (le fauteuil et les gradins etaient couverts d'un tapis fleurdelisé). Председатель исполнялъ свою обязанность стоя, помѣстясь близъ кресла. Мѣста для лубрики были биткомъ набиты.

Авторъ. Въ такомъ многолюдномъ и шумномъ собраніи какъ Учредительное, почти съ 1.200 членовъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ замѣтна значительная закулисная подготовка. И для уразумѣнія протоколовъ засѣданій весьма важно обращать вниманіе на то что заготовлялось за кулисами представленія, какимъ во многихъ отношеніяхъ были засѣданія Собранія. Вліянія шли изъ клубовъ, съ улицы, изъ Парижской думы, отъ двора, изъ разнузданной печати, и предъ нами склонялось Собраніе, захватившее, казалось, верховную власть въ странѣ. Чѣмъ были засѣданія Учредительнаго Собранія, о томъ Тэнъ написалъ замѣчательныя страницы. Ихъ стоить привести цѣлкомъ. Всякое сокращеніе испортило бы картулю. Не забудемъ что это первое революціонное собраніе, по достоинству своихъ силъ, было выше собраній за нимъ послѣдовавшихъ.

„Нѣтъ на свѣтѣ дѣла болѣе труднаго, какъ составленіе конституціи и въ особенности конституціи полной. Замѣнить старыя рамки, въ которыхъ проживала великая нація, другими, приспособленными и прочными, наложить форму во

сто тысячъ отдѣленій на жизнь двадцати шести милліоновъ людей, устроить ее столь гармонически, приложить ее такъ тщательно, такъ равномерно, съ такою аккуратною оцѣнкой потребностей и способностей, чтобы она сама въ нее вопли, могли двигаться безъ столкновений, и чтобы тотчасъ же ихъ и произволенное дѣйствіе приобрѣло свободу старой рутины,—подобное предпріятіе громадно и вѣроятно выше ума человеческого. Во всякомъ случаѣ, для исполненія его, уму человеческому не излѣпиа всѣ его силы и всяческое стараніе избѣгать поводовъ къ замѣшательствамъ и ошпбкамъ. Собранію и въ особенности учредительному необходимы, помимо безопасности, независимости извнѣ, тишины и порядка внутри, во всѣхъ случаяхъ, хладнокровіе, здравый смыслъ, практической умъ, дисциплина подъ руководствомъ водителей компетентныхъ и признанныхъ. Было ли все это въ Учредительномъ Собраніи?

„Стоило взглянуть на его наружность чтобы усомниться въ этомъ. Въ Версалѣ, потомъ въ Парижѣ *, они засѣдаютъ въ громадной залѣ, могущей вмѣстить двѣ тысячи человекъ, гдѣ самый сильный голосъ долженъ напрягаться чтобы его услышали. Здѣсь нѣтъ мѣста для умѣренного тона, приличнаго обсужденія дѣлъ; необходимо кричать, и напряженіе органа сообщается душѣ: мѣсто вызываетъ декламацию. Тѣмъ болѣе, что ихъ около 1.200, то-есть толпа, почти торговая площадь; и теперь въ нашихъ палатахъ съ 500 или 600 депутатами перерывы не прекращаются ни на минуту и стоятъ постоянный гулъ; нѣтъ ничего рѣже, какъ власть надъ самимъ собою и твердая рѣшимость выслушать въ продолженіе часа рѣчь, противную своимъ мнѣніямъ. Какъ тутъ быть чтобы добиться молчанія и терпѣнія? Артуръ Йонгъ видѣлъ „до сотни членовъ встающихъ разомъ“, жестикулирующихъ и дѣлающихъ залпы. „Вы убиваете меня господа,“ сказалъ однажды Бальби, „падая отъ изнеможенія. Другой президентъ восклицаетъ въ отчаяніи: „Нельзя слушать двѣсти человекъ, говорящихъ разомъ: ужели невозможно возстановить порядокъ въ собраніи?“ Шумный и нестройный ролотъ увеличивается еще отъ стуковъ въ помѣщеніи для публики. „Въ британскомъ парламентѣ, пишетъ Малле Дюланъ, я видѣлъ какъ разомъ были очищены галереи вслѣдствіе невольна вырвавшагося смѣха у герцогини Гордонъ.“ Здѣсь суетлавая толпа зрителей, уличныхъ вѣстовщиковъ, делегатовъ Пале-Рояля, солдатъ переодѣтыхъ въ горожанъ, уличныхъ женщинъ, навербованныхъ и повинующихся командъ, рукоплещетъ, толкаетъ ногами и реветъ на свободѣ. Это захо-

* Въ Парижѣ Собраніе помѣщалось въ Тюндери, въ залѣ переделанной изъ манежа. Въ первый мѣсяцъ по перенесеніи въ Парижъ: сѣданія имѣли мѣсто въ залѣ Парижскаго архіепископства на островѣ Сены, между предместьями Saint-Antoine и Saint-Marcel.

дѣтъ такъ далеко что г. Монлозь предлагаетъ провинчески „предоставить совѣщательный голосъ трибунамъ“. Другой спрашиваетъ о представителяхъ, не комедіанты ли они, прісланныя націй, чтобы подвергаться свисткамъ парижской публицы. Дѣло въ томъ что ихъ прерываютъ, какъ въ театрѣ, и что по временамъ, если кто не нравится, заставляютъ замолчать. Съ другой стороны, предъ этою публицою, дѣятельною и подающею совѣты, популярныя депутаты какъ актеры на сценѣ; неволью они подчиняются ея вліянію, и мысли ихъ, какъ и слова, впадаютъ въ преувеличенія, чтобы быть въ унисонѣ съ нею. При подобныхъ обстоятельствахъ, шумъ и распѣіе становятся дѣломъ обычнымъ, и собраніе теряетъ половину своихъ шансовъ на благоразуміе, ибо обращаясь въ клубъ людей проводящихъ предложенія, перестаетъ быть ковкавомъ законодателей.

„Подойдемъ ближе и посмотримъ какъ Собраніе дѣйствуетъ. Переполненное такимъ образомъ, окруженное, волнуемое, принимаетъ ли оно по крайней мѣрѣ предосторожности, безъ которыхъ никакое собраніе людей не можетъ управляться само собою? Очевидно, когда нѣсколько сотъ человѣкъ разсуждаютъ вмѣстѣ, то имъ необходимо предварительно нѣчто въ родѣ внутренней полиціи, кодекса привычныхъ обычаевъ или записанныхъ прецедентовъ для приготовленія, раздѣленія, ограниченія, разрѣшенія и руководства въ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Лучшій изъ этихъ кодексовъ готовъ, доступенъ: по требованію Мирабо, Ромильи прислалъ регламентъ полаты англійскихъ общинъ. Но при своемъ высокомеріи новичковъ, они не обращаютъ на него вниманія, они полагаютъ что могутъ обойтись безъ него не желаютъ ничего заимствовать у иностранцевъ; они не признаютъ никакого авторитета за опытностью, и не довольствуются отверженіемъ предписываемыхъ ею формъ, едва слѣдуютъ какому-нибудь правилу. Они предоставляютъ полную свободу добровольному порыву отдѣльныхъ лицъ; всякое вліяніе, даже вліяніе депутата, ихъ избравшаго, они считаютъ подозрительнымъ; поэтому каждыя двѣ недѣли избираютъ новаго президента. Ничто не сдерживаетъ и не направляетъ ихъ, ни законный авторитетъ парламентскаго кодекса, ни нравственный авторитетъ парламентскихъ вождей. Ихъ нѣтъ у нихъ, они не организованы въ партію; ни съ той ни съ другой стороны нѣтъ признаннаго *лидера*, который бы избиралъ минуту, подготовлялъ пренія, редижировалъ предложенія, раздавалъ роли, лускалъ въ битву или сдерживалъ свое войско. Мирабо одинъ былъ бы слособевъ пріобрѣсти такое вліяніе, но въ началѣ его лишала уваженія слава его пороковъ, а къ концу онъ былъ скомпрометтированъ своими связями со Дворомъ. Никто другой недостаточно знаменитъ чтобъ имѣть авторитетъ; среднихъ дарованій слишкомъ много, а высокихъ дарованій слишкомъ мало. Къ тому же самолюбія еще слишкомъ зазорны, чтобы подчиниться. Каж-

дый изъ этихъ импровизованныхъ законодателей прибылъ убѣжденный въ своей системѣ: чтобы подчинить его вождю, которому бы онъ передавалъ свою политическую совѣсть, чтобы сдѣлать изъ него то чѣмъ должны быть три депутата изъ четырехъ, то-есть машину для подачи голосовъ, необходимо было бы сознание опасности, печальная опытность, вынужденное самоотверженіе, которыхъ онъ далеко не имѣлъ. Вотъ почему, кромѣ партіи насилія, каждый дѣйствуетъ по своему, подъ вліяніемъ минуты, и не трудно представить себѣ какая выходитъ сумятица. Очевидцы ея изъ иностранцевъ поднимаютъ руки къ небу съ удивленіемъ и жалостью. Они ничего не обсуждаютъ въ своемъ собраніи, пишетъ Моррисъ: болѣе половины времени проходитъ тамъ въ восклицаніяхъ и въ шумѣ изъ-за лустяковъ.“ Каждый членъ излагаетъ результатъ своихъ алукубрацій посреди шума, когда насталяетъ его очередь, не отвѣчая предшествующему, не получая отвѣта отъ слѣдующаго, не ожидая чтобы аргументы столкнулись между собою, такъ что перестрѣлка „безконечна и тысяча ударовъ противъ одного дѣлаютъ на вѣтеръ“. Прежде чѣмъ залисывать „эту странную болтовню“, современные газеты должны были производить всевозможныя ампутаціи, урѣзывать „нелѣпости“, облегчать „водянистый и напыщенный слогъ“. Разглагольствія и возгласы,—вотъ на что сводится большая часть пресловутыхъ засѣданій. „Тамъ слышались, говоритъ одинъ журналистъ, гораздо болѣе крики чѣмъ рѣчи; казалось засѣданія должны были кончиться скорѣе лобощами чѣмъ декретами.... Двадцать разъ, выходя, я сознавалъ себѣ что есаи что могао бы остановить и двинуть назадъ революцію, такъ это картина этихъ засѣданій, начертанная безъ предосторожностей и безъ церемоній.... Усилія мои были направлены къ тому чтобы представить истину не дѣлая ея ужасающею. Изъ сумятицы я дѣлалъ картину.... Я передавалъ чувства, но не въ точныхъ выраженіяхъ. Изъ ихъ криковъ я дѣлалъ слова, изъ ихъ яростныхъ жестовъ положенія, и когда не могъ внушить уваженія, старался по крайней мѣрѣ произвести впечатлѣніе.“

„Противъ этого зла нѣтъ дѣкарства, ибо, кромѣ недостатка дисциплины, есть еще причина безпорядка внутренняя и глупая. Всѣ эти люди *слишкомъ чувствительны*. Они Французы и Французы XVIII вѣка, воспитанные въ пріятностяхъ самой утонченной вѣжливости, привыкшіе къ обязательнымъ постулкамъ, къ постоянной предупредительности, къ обоюдному свихожденію, такъ проникнутые чувствомъ свѣтскихъ приличій что ихъ бесѣда казалась приторною иностранцамъ. И вдругъ они переносятся на тернистую почву дѣла, посреди оскорбительныхъ преній, рѣзкихъ противорѣчій, лояныхъ ненависти доносовъ, настойчивыхъ диффамачій, открытыхъ ругательствъ, въ эту борьбу всякимъ оружіемъ, которая составляетъ парламентскую жизнь, гдѣ закоренѣлые ветераны съ трудомъ сохраняютъ свое хладнокровіе. Посудите о дѣйствиіи на нервы неопытные и изнѣженные, на свѣтскихъ

людей, привыкшихъ къ спусходительности и общей вѣжливости. Они тотчасъ выходятъ изъ себя. Тѣмъ болѣе что они готовились не къ битвѣ, а къ празднеству, къ какой-нибудь грандіозной и прелестной идиалли, гдѣ всѣ рука въ руку умилцали бы вокругъ престола и слава бы отечество обнимая другъ друга. Самъ Неккеръ убралъ ихъ залу засѣданій театральнымъ образомъ: „онъ не желалъ представить себѣ собраніе государственныхъ чиновъ иначе какъ зрѣлищемъ мирнымъ, величественнымъ, торжественнымъ, священнымъ, которымъ народъ долженъ наслаждаться“; и когда вдругъ пастораль обращается въ драму, то онъ такъ встревоженъ что ему чудится обвалъ могущій возникнуть въ одну ночь весь каркасъ зданія. Въ минуту, когда собрались Генеральные Штаты, всѣ довольны; всѣ полагаютъ что вступаютъ въ обѣтованную землю. Во время процессіи 4го мая, „слезы радости, говоритъ маркизъ де-Ферьеръ, лились изъ глазъ моихъ... Погруженный въ самый сладкій восторгъ... я видѣлъ, какъ Франція, опираясь на религію, увѣщевала насъ соблюдать согласіе. Эти священныя церемоніи, эти гаммы, эти священники въ облаченіи, эти благоуханія, этотъ балдахинъ, это солнце блистающихъ драгоценностей... Я вспомнилъ слова пророка... Мой Богъ, мое отечество, мои сограждане стали мною самимъ“. Двадцать разъ въ теченіи засѣданій эта чувствительность всплываетъ и выноситъ на свѣтъ декретъ, о которомъ и не думали. „Иногда, пишетъ американскій посланникъ, посреди обсужденія, поднимается ораторъ, произносить прекрасную рѣчь о предметѣ совершенно неидущемъ къ дѣлу и заключаетъ доброю маленькою мощиёй, которая принимается съ криками ура! Напримѣръ, въ то время когда обсуждался проектъ о національномъ банкѣ, представленный г. Неккеромъ, одному депутату пришло въ голову предложить чтобы каждый членъ отдалъ свои серебряныя пражки, что и было принято тотчасъ же, послѣ того какъ досточтимый депутатъ положилъ свои пражки на столъ, послѣ чего возвратились къ дѣламъ. Возбужденные такимъ образомъ, они не знаютъ утромъ что будутъ дѣлать вечеромъ и являются жертвою всяческихъ неожиданностей. Когда восторгъ охватываетъ ихъ, то по скамьямъ пробѣгаетъ какое-то ольпаніе; всякое благоразуміе исчезаетъ, всякая осорожность умолкаетъ и всякое возраженіе подавляется. Въ ночь на 4е августа—никто болѣе не владѣетъ собою... Собраніе представляетъ толпу пьяныхъ людей, которые въ магазинѣ дорогой мебели бьютъ и ломаютъ все что попадетъ имъ подъ руку“. „То что потребовало бы цѣлаго года заботъ и размышленій“, говоритъ компетентный иностранецъ, было предложено, обсуждено и принято общою аккламаціей. Отмѣна феодальныхъ правъ, десятиннаго налога, провинціальныхъ привилегій, трехъ предметовъ, которые одни обнимали цѣлую систему юриспруденціи и политики, была рѣшена вмѣстѣ съ десятью или двѣнадцатью другими дѣлами въ болѣе короткое

время, чѣмъ бы потребовалось англійскому парламенту для перваго чтенія сколько-нибудь важнаго билля.“

„Узнаю вашихъ Французовъ, говорилъ Мирабо, они дѣлаютъ мѣсяцъ занимаются споромъ о слогахъ и въ одну ночь испровергаютъ весь древній порядокъ монархiи.“ По правдѣ сказать, они нервныя женщины, и отъ одного конца революціи до другаго, возбужденіе ихъ будетъ все усиливаться.

„Они не только экзальтированы, но они еще нуждаются въ экзальтаціи, и подобно пьяницѣ, который разгорѣвшись отыскиваетъ крѣпкіе напитки, можно сказать что они стараются изгнать изъ своего мозга послѣдніе остатки хладнокровія и здраваго смысла. Они любятъ напыщенность, риторикъ съ большимъ оркестромъ, образцы чувствительнаго и декламаторскаго краснорѣчія: таковъ слогъ почти всѣхъ ихъ рѣчей, и въ этомъ отношеніи вкусъ у нихъ такъ живъ, что имъ не достаточно ихъ собственныхъ разглагольствій. Такъ какъ Ляла и Неккеръ произнесли въ Городской Думѣ рѣчи „трогательныя и высокія“, то Собраніе желаетъ чтобы ему повторили оныя: оно сердце Франціи, и ему надлежитъ почувствовать сильныя впечатлѣнія всѣхъ Французовъ. Сердце это должно биться всегда и какъ можно сильнѣе: въ этомъ его должность,—а день за днемъ ему доставляютъ потрясенія. Почти всѣ засѣданія начинаются публичнымъ чтеніемъ похвальныхъ адресовъ или угрожающихъ доносковъ. Часто петиціонеры являютъ лично читать свои восторженныя привѣтствія, свои поведенительные совѣты, свои разлагающія доктрины. Сегодня Давтовъ, отъ имени Парижа, съ своимъ бычачьимъ лицомъ и голосомъ похожимъ на набатъ мятежа; завтра побѣдители Бастиліи или какой-нибудь другой отрядъ съ хоромъ музыки, играющей даже въ залѣ. Засѣданіе становится уже не дѣловымъ совѣщаніемъ, но патріотическою оперой, гдѣ эклога, мелодрама, а иногда маскарадъ сопровождаются руколесканіями и криками: *bravo!* Представляютъ собранію раба съ Юры, которому сто двадцать лѣтъ отъ роду, и одинъ изъ членовъ кортежа, г. Гурдонъ де-Лакромьеръ, директоръ Патріотической Школы, проситъ вѣрить ему досточимаго старца: онъ поручитъ прислуживать старцу молодымъ людямъ всѣхъ сословій и въ особенности дѣтямъ отцы коихъ были убиты при взятіи Бастиліи.“ Восторгъ и шумныя восклицанія: сцена какъ будто списана съ Беркева съ прибавленіемъ торговой рекламы. Но въ дѣло не всматриваются такъ тщательно, и собраніе подъ давленіемъ присутствующей публики свисходитъ до армарочныхъ представлений. Шестьдесятъ бродягъ съ платой по 12 франковъ на человѣка, одѣтые Иславцами, Голландцами, Турками, Арабами, Трилольцами, Персами, Индусами, Монголами, Китайцами и предводимые Прусакомъ Анахарсисомъ Клотцемъ, являютъ подъ названіемъ пословъ рода человѣческаго разглагольствовать противъ тирановъ, и ихъ допускаютъ въ засѣданіе. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ маскарадъ

есть преднамѣренное представленіе чтобъ ускорить и вырвать упраздненіе дворянства. (Одинъ изъ фигурантовъ на другой день пришелъ за платой къ герцогу Виллякуру котораго принялъ за герцога Ланкура. „Г. герцогъ, сказалъ онъ, это я вчера представлялъ Халдея.“) Въ другихъ случаяхъ представленіе бывало почти совсѣмъ даровымъ; фарсъ тѣмъ болѣе смѣшной что разыгрывался, какъ при раздачѣ наградъ въ деревнѣ, самымъ серіознымъ образомъ и съ видомъ убѣжденія. Въ продолженіе трехъ дней возили по Парижу дѣтей принявшихъ въ первый разъ причастіе предъ конституционнымъ епископомъ; они говорили предъ Якобинцами заученный вздоръ, а на четвертый день долущенный къ рѣшеткѣ собранія ихъ ораторъ двѣнадцатилѣтній мальчуганъ полугаемо повторилъ свою тираду. Онъ окончилъ обычною клятвой, и послѣ того всѣ другіе воскликнули своими тонкими голосками: „Клянемся!“ Къ довершенію всего президентъ, важный юрисконсультъ Треиларъ, отвѣчаетъ этимъ мальчишкамъ безъ смѣха, такимъ же слогомъ, съ метафорами, прозолеями, и со всею обстановкой леданта на своей страдѣ: „Вы заслуживаете раздѣлять славу основателей свободы, потому что готовы проливать кровь за нее.“ Рукописканія лѣвой и галлерей; декретъ, предписывающій вальчтаніе рѣчей президента и дѣтей; вѣроятно они желали бы вырваться и поиграть, но волей-неволей имъ дозволяютъ, или лучше сказать ихъ заставляютъ воспользоваться почестью засѣданія“....

Таковъ былъ первый опытъ конституціоннаго собранія въ странѣ которая между тѣмъ была такъ богата умственными силами.

Въ этой картинѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Она строго вѣрна исторически. Вотъ что говорить, напримѣръ, Тулонжонъ, самъ членъ Собранія. „Декреты вырывались послѣ борьбы часто скандальной; столкновеніе противныхъ интересовъ производило частыя сцены и бурныя выходки. Одинъ членъ, молодой, военный, занесся разъ до того что закричалъ: „такъ какъ мевъшинство и большинство въ открытой войнѣ, то бросимъ же на этихъ людей съ саблею въ рукахъ“... Призываніе къ порядку, занесеніе выговора съ именовемъ провинившагося въ протоколъ никогда не были наказаніемъ сколько-нибудь чувствительнымъ.“

Невѣроятная сцена со статистами по найму изображавшими народы міра произошла въ засѣданіи 19 іюня 1790 года. Имя Анахарсиса Клотца, приведшаго депутацію, должно быть дорого нашимъ вигилістамъ. Въ 1794 году, будучи членомъ комитета народнаго просвѣщенія, онъ говорилъ въ докладѣ Конвенту: „Республика правъ человѣка не есть собственно

говора на деистка, на атеистка,—она *нигилистка*“. La république des droits de l'homme n'est pas, à proprement, déiste, ni athée,—elle est nihiliste. (*Un séjour en France de 1792 à 1795*, lettres, trad. par H. Taine, Paris 1872, стр. 160). Въ рѣчи обращенной къ собранію 19 іюня 1790 года онъ говорилъ: „Труба прозвучавшая воскресеніе великаго народа раздалась на четырехъ концахъ міра, и радостное пѣніе хора двадцати пяти милліоновъ свободныхъ людей пробудило народы погруженные въ продолжительное рабство... Намъ пришла великая мысль, и осмѣлимся ли сказать что осуществленіе ея было бы дополненіемъ великаго національнаго праздника? Группа иностранцевъ изъ всѣхъ странъ земли проситъ позволенія помѣститься на Марсовомъ Полѣ. Шалка свободы (le bonnet de la liberté), которую они поднимутъ съ восхищеніемъ, будетъ залогомъ близкаго освобожденія ихъ несчастныхъ согражданъ.“ Собраніе разрѣшило, съ условіемъ, прибавилъ предсѣдатель, чтобъ иностранцы вернувшись въ свои страны рассказали что видѣли. Затѣмъ говорилъ Турокъ. „Онъ съ трудомъ выражался по-французски и это не позволило записать его рѣчь“, сказано въ протоколѣ засѣданія.

Изъ описаній торжества 14 іюля 1790 года не видно впрочемъ чтобы такая группа иностранцевъ присутствовала на праздникѣ. Сцена засѣданія, какъ можно заключить изъ словъ Тулонжона, была разчитана не столько на членовъ Собранія, сколько на публику, какъ на присутствовавшую въ засѣданіи, такъ и на читавшую потомъ его описаніе.

Пріятели. Любопытство какъ Тьеръ въ своей столь популярной во Франціи *Исторіи Революціи* относится къ этому эпизоду. Вотъ его описаніе:

„Взоры націй давно уже были обращены на Францію. Государи начинали насъ ненавидѣть и бояться, народы—насъ уважать. Нѣкоторое число энтузіастовъ-иностранцевъ предстало въ Собраніе, каждый въ своемъ костюмѣ. Ихъ ораторъ, Анахарсисъ Клотца, родомъ Прусакъ, одаренный безумнымъ воображеніемъ (d'une imagination folle), просилъ отъ имени человѣческаго рода допустить ихъ на праздникъ федераціи. Такія сцены, кажущіяся смѣшными тѣмъ кто ихъ не видалъ, глубоко потрясаютъ присутствующихъ.“ Была ли сцена подстроена, Тьеръ не касается; передаетъ фактъ, украшая его строчкой умиленія. Это довольно обычный приѣмъ въ его исторіи. Стараюсь быть точнымъ въ фактической ча-

сти и являться простымъ ловѣствователемъ, онъ вставленнымъ эпитетомъ, прибавленною строчкой даетъ отгѣнокъ, тамъ умиленія, здѣсь возвышенности, невѣрный исторически, но дѣлающій разказъ лстящимъ народному самолюбію.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТІЙ.

А в т о р ь. Возвратимся къ засѣданію 4го февраля. Получивъ королевское письмо, предсѣдатель предложилъ: „Не было ли бы непочтительно не послать на встрѣчу его величества депутацію?“ Послѣ небольшого совѣщанія, о числѣ и характерѣ членовъ депутаціи, постановлено составить ее изъ двадцати четырехъ членовъ по выбору предсѣдателя.

П р і я т е л ь. Не излишне отмѣтить куріозную подробность занесенную въ протоколъ: „Съ удовольствіемъ замѣчено что въ число депутатовъ попалъ г. Жераръ, земледѣлецъ (laboureur), депутатъ изъ Бретани.“

А в т о р ь. Этотъ примитивный депутатъ былъ нѣкоторымъ куріозомъ собранія. „Скромный въ обращеніи и словахъ, смыслъ за человѣка хорошаго, съ прямымъ здравымъ смысломъ“ (такъ выражается г. Галлуа, снабдившій примѣчаніями перепечатку стараго *Монитера*). Попросту полагать надо, дядюшка Жераръ, père Gérard, какъ его звали, молчалъ или поддакивалъ. Имя его было взято въ заглавіе одного изъ безчисленныхъ журналовъ того времени, озаглавленнаго *Père Gérard*; а это дало потомъ мысль назвать извѣстный крайній революціонный листокъ *Père Duchesne*.

Король прибылъ въ предшествіи нѣсколькихъ лажей, двадцати четырехъ депутатовъ и министровъ.

П р і я т е л ь. Тулонжонъ говоритъ что кортежъ былъ довольно многочисленный, но безъ всякой военной стражи.

А в т о р ь. „Король показался, и раздались оживленные рукоплесканія и крики: да здравствуетъ король, во всѣхъ почти частяхъ залы (курсивъ поставленъ въ бюллетенѣ засѣданій какъ онъ приведенъ въ *Монитеръ*). Собраніе встало; его величество также стоя произнесъ рѣчь.“

П р і я т е л ь. Сколько перемѣнилось въ теченіе менѣе недели года, если сравнить засѣданіе 4 февраля 1790 съ пышнымъ открытіемъ собранія чиновъ въ маѣ и съ королевскимъ засѣданіемъ 23 іюня 1789 года, когда король явился

въ собраніе трехъ сословіи объявить свою волю, чтобы вопросы обсуждались отдѣльно по сословіямъ, намекалъ что если указанія его не произведутъ дѣйствія, онъ „однѣмъ сѣдуетъ благо своихъ народовъ“, то-есть раслуститъ представителей, и въ заключеніе приказалъ собранію разойтись чтобы со слѣдующаго дня начать засѣданія каждому сословію въ отдѣльномъ помѣщеніи. „Я повелѣваю вамъ, господа, сказалъ онъ, немедленно раздѣлиться и завтра прибыть каждому въ помѣщеніе назначенное для его сословія, дабы продолжить засѣданіе. Посему повелѣваю оберъ-церемоніймейстеру (*grand-maitre de cérémonies*) распорядиться приготовленіемъ залъ.“ Памятное засѣданіе въ которомъ, по удаленіи короля, Мирабо произнесъ: „Насъ удалять отсюда развѣ штыками“. Тогда на улицахъ вокругъ собранія были разставлены войска и протянуты канаты. Въ залу допускались только депутаты и при этомъ депутатамъ средняго сословія пришлось болѣе часу пробыть подъ дождемъ пока въ залѣ размѣщались члены дворянства и духовенства. Въ залѣ на встрадѣ стоялъ королевскій тронъ, а не кресло для невидимаго государя-націи. Короля конвоировалъ многочисленный отрядъ тѣлохранителей; король вошелъ въ сопровожденіи прицѣвъ крови, герцоговъ, леровъ, офицеровъ королевской стражи (*capitaines des gardes-du-corps*). Эти внѣшнія подробности и мелочи обстановки имѣютъ значеніе, характеризую положеніе дѣлъ. При самомъ открытіи собранія государственныхъ чиновъ, было не мало мелкихъ знаменій моваго небывалаго настроенія. Предъ открытіемъ происходило торжественное молебствіе въ Версалѣ, въ церкви Св. Духа, въ присутствіи короля. Во время кортежа всѣми было замѣчено что Филиппъ Орлеанскій, жадно искавшій популярности, идя по церемоніалу во главѣ дворянства, нарочно вмѣшивался въ ряды предшествовавшаго дворянству средняго сословія. Во храмѣ проповѣдь говорилъ епископъ города Навси. При фразахъ о преданности общественному благу и политической свободѣ своды храма много разъ были потрясены аллодисментами и клукками одобренія. До того времени никогда еще не хлопали на проповѣдяхъ, и даже въ спектакляхъ въ присутствіи короля было принято не хлопать. Это нарушеніе церковнаго благочинія и законовъ этикета ясно свидѣтельствовало о томъ зерно какихъ увлеченій присутствовало въ массѣ представителей страны.

Въ засѣданіи 23го іюля роковая рѣчь была выслушана въ молчаніи.

Авторъ. По истинѣ роковая. Съ этого дня для всѣхъ стала ясна слабость власти. Король выронилъ ее изъ рукъ. Торжественно дано повелѣніе, въ отвѣтъ послѣдовалъ отказъ въ повиновеніи. Начались уже не прекращавшіяся уступки. По видимости хотѣли дѣйствовать, стагивали войска, приближали ихъ къ Парижу. „Сдѣлаю, говоритъ Тулонжонъ, слишкомъ много демонстрацій, если хотѣли дѣйствовать, и слишкомъ мало, если желали ими только произвести впечатлѣніе. При дворѣ продолжалъ господствовать тотъ же духъ: слѣпая непредусмотрительность, наружная увѣренность и слабость исполненія. Король попускалъ дѣлать приготовления и постоянно отказывался ими пользоваться.“ Сила перешла на сторону противную королевской власти. Послѣдовали волненія въ Парижѣ, взятіе Бастиліи. 16 іюля король безъ свиты явился просителемъ въ Собраніе, уже называетъ его Национальнымъ, проситъ помощи и заявляетъ что войскамъ велѣно удалиться отъ Парижа и Версаля. Съ королевскою властью было покончено. Слово республика еще не было произнесено, конституція объявляла Францію монархіею, еще клялся въ вѣрности королю, но на дѣлѣ вся дальнѣйшая исторія есть исторія неудержимаго паденія королевской власти.

Пріятель. Но мы уклоняемся въ сторону. Возвратимся къ засѣданію 4 февраля 1790 года.

Авторъ. Король обратился къ Собранію съ такою рѣчью: „Господа, сказалъ онъ, крайняя серіозность обстоятельствъ въ какихъ находится Франція призываетъ меня въ среду васъ. Постепенное ослабленіе всѣхъ связей порядка и подчиненія, прекращеніе или недѣятельность судовъ, недовольство раждаемое частными лишеніями, всякаго рода противодѣйствіе, печальныя явленія неувѣрности, — неизбѣжное слѣдствіе продолжительныхъ раздоровъ, — критическое положеніе финансовъ, неувѣренность въ будущемъ, наконецъ общее броженіе умовъ, — все повидимому соединилось чтобы поддерживать безпокойство истинныхъ друзей процвѣтанія и благоденствія королевства.... И въ то время какъ спокойствіе начало возраждаться, по какому-то року новыя безпокойства распространились по провинціямъ и тамъ вновь начались неустойства!..“

Высказавъ надежду что собраніе окончивъ трудъ составленія конституціи „мудро займется мѣрами къ утвержденію исполнительнѣй (т.-е. королевской) власти“, Лудовикъ XVI заключилъ рѣчь словами: „Да не будетъ же у насъ съ вышшняго дня,—и я даю вамъ въ томъ примѣръ,—никого мнѣнія, никого интереса, иной воли, какъ преданность новой конституціи и горячее желаніе мира, счастія и процвѣтанія Франціи!“

Когда король удался, собраніе постановило отправить къ нему благодарственную депутацію. Въ это время одинъ изъ мало замѣтныхъ членовъ собранія, г. Гулль де-Префельнъ (M. Goupil de Préfeln), сказалъ: „предлагаю сейчасъ же принести гражданскую присягу“.

Пріятедь. Вторженіе въ важные моменты мало замѣтныхъ членовъ одно изъ свидѣтельствъ подготовленности такихъ моментовъ. То же случилось напримѣръ по вопросу объ уничтоженіи титуловъ. Послѣ пріема депутаціи отъ человѣческаго рода, о которой мы говорили, и предложенія Ламета снять съ памятника Лудовика XIV четыре фигуры у его ногъ представляющія четыре побѣжденные націи, депутатъ Ламбель возгласилъ: „Сегодня могла суетности: предлагаю чтобы было воспрещено именоваться графомъ, барономъ, маркизомъ и проч.“

Авторъ. Собраніе рѣшило принести немедленно присягу.

Пріятедь. Большаго вниманія заслуживаетъ формула присяги, на ней стоить остановиться. Вотъ какъ давалась присяга: „Клянусь быть вѣрнымъ націи, закону и королю и поддерживать всѣми силами моими конституцію декретированную Национальнымъ Собраніемъ и принятую королею.“ На первомъ мѣстѣ поставлено лоятіе Націи. Въ этомъ выражается одно изъ главныхъ началъ того государственнаго ученія въ силу котораго производилась революція. Верховенство въ государствѣ принадлежитъ Націи, она есть верховная власть, истинный государь и законодатель. Монархъ есть только глава исполнительной власти, высшее полицейское лицо націей назначенное. *Права человека и верховенство націи* главные догматы въ ряду великихъ началъ 89 года, какъ выражаются Французы. Это то самое ученіе какое развито Жакъ-Жакомъ Руссо. Революціонные дѣятели на практикѣ осуществляли его теорію. Всенародную клятву на праздникѣ федераціи 14 іюля 1790 можно разсматривать именно какъ заключеніе того общественнаго контракта о которомъ тракту-

еть Руссо въ сочиненіи этого имени. Еслибы счастье людей зависѣло отъ осуществленія революціонной теоріи философа, Франція давно была бы счастливѣйшею страной въ мірѣ.

Авторъ. Для уразумѣнія революціонныхъ явленій вообще полезно развертывать страницы Руссо. Онъ былъ наиболѣе вліятельнымъ популяризаторомъ политической системы французскихъ философовъ середины прошлаго вѣка (построеніе государственнаго тѣла на началахъ разума), которую можно назвать теоріей революціи. Въ чемъ состоитъ это революціонное ученіе? Оно характеризуется слѣдующими главными чертами: отрицаніе исторіи и, въ связи съ нимъ, отрицаніе религіи какъ фактора государственной и общественной жизни и построеніе государственнаго и общественнаго идеала на началахъ разума, какъ единственнаго источника истинны какимъ обладаетъ человѣкъ. Исторія есть лишь удаленіе человечества отъ его естественнаго тѣла. Что касается религіи, то допущеніе что разумъ есть единственный источникъ истинны, лишая религію значенія откровенія, оставляла ее лишь въ значеніи свободнаго убѣжденія или просто фантазіи отдѣльнаго лица, слособныхъ скорѣе раздѣлять чѣмъ соединять людей. И это исключеніе религіи представлялось какъ побѣда надъ предрасудками, побѣда свѣтааа, такъ какъ она погребла на вѣкъ въ прошедшемъ раздоры и войны изъ-за религіозныхъ вопросовъ, внушила ненависть къ религіознымъ преслѣдованіямъ и окончательно потушила костры по Европѣ.

Прія тель. Это дѣйствительная заслуга французскихъ философовъ XVIII вѣка. Она не мало содѣйствовала усиленію кредита революціи какъ событія предпринятаго къ осуществленію на практикѣ идей этихъ философовъ и водворившаго будто бы свободу мысли и вѣрованій.

Авторъ. Забывалось что мнѣнія могутъ раздѣлять людей и посылать раздоры столько же какъ и религіозныя вѣрованія и что міръ не видалъ нетерпимости больше той какая была въ эпоху наибольшаго разгара революціи.

РАЗГОВОРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Авторъ. Послѣ вчерашней бесѣды нашей я переизстоявалъ два сочиненія Руссо гдѣ изложены его политическія идеи. Одно изъ нихъ есть разсужденіе на тему Дижонской Академіи. Академія эта предложила на премію вопросъ: „Какъ

произошло неравенство между людьми и уполномочиваетъ ли къ нему естественный законъ?" (Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes et si elle est autorisée par la loi naturelle). Руссо отвѣчалъ *Разсужденіе о происхожденіи и основаніяхъ неравенства между людьми* (Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes). Дѣло идетъ о происхожденіи явленія; казалось бы авторъ прежде всего обратится къ исторіи, къ фактамъ прошедшаго. Ничуть не бывало. Исторія и факты совершенно устраняются. „Начнемъ съ того, говоритъ Руссо, что устранимъ всѣ факты, такъ какъ они не касаются вопроса. Не надо принимать изслѣдованія въ какія войдемъ относительно занимающаго насъ вопроса за историческія истины, ихъ надлежитъ разсматривать только какъ разсужденія гипотетическія и условныя, болѣе способныя освѣтить природу вещей, чѣмъ показать ихъ дѣйствительное происхожденіе; совершенно подобныя тѣмъ какія физики ежедневно дѣлаютъ относительно образованія міра.“

П р и я т е л ь. Последняя фраза, мнѣ кажется, показываетъ что Руссо хотѣлъ по отношенію къ исторіи человѣчества явиться своего рода Декартомъ. Осторожный философъ, обращаясь къ исторіи міроздавія, выразилъ гипотезу о которой послѣдшій заявилъ что она не есть истинная исторія міра, который былъ созданъ разомъ, но исторія гипотетическая, возможная, какаѣ имѣла бы мѣсто еслибы Создатель избралъ путь постепенности, и польза которой именно въ томъ что она способна „освѣтить натуру вещей“.

А в т о р ь. Твоя догадка совершенно подтверждается словами слѣдующими за приведенною фразой. „Религія, говоритъ Руссо, предписываетъ намъ вѣрить что Богъ непосредственно послѣ созданія вывелъ уже людей изъ естественнаго состоянія и они не равны потому что такова Его воля; но религія не воспрещаетъ намъ дѣлать предположенія выведенныя единственно изъ природы человѣка и существъ его окружающихъ, относительно того чѣмъ могъ бы сдѣлаться родъ человѣческой еслибы былъ предоставленъ самому себѣ.“ Предметъ свой, „интересующій человѣка вообще“, авторъ собирается изложить „забывая о мѣстѣ и времени“ и какъ бы имѣя „слушателемъ родъ человѣческой“. „О человѣкѣ, восклицаетъ онъ, къ какой бы странѣ ты ни принадлежалъ, какія бы ни были твои мнѣнія,—слушай! Вотъ твоя исторія какъ мнилъ я ее читать не въ книгахъ писанныхъ подобными

тебѣ,—они лежцы, а въ природѣ, никогда не агущей.“ Итакъ исторія отброшена, разбирается нѣкоторый отвлеченный *человѣкъ* въ его естественномъ состоянiи, которое получается если отъ современнаго *человѣка* отвлечь все что можно считать въ немъ искусственно порожденнымъ общественною жизнью и тою же отброшеною исторiей. Требуется, выходя отъ основныхъ, якобы естественныхъ качествъ этого овлеченнаго *человѣка*, построить общественную и государственную жизнь на началахъ разума.

Построенiемъ этимъ Руссо занимается въ *Общественномъ Контрактѣ* (*De Contrat social ou principes du droit politique*, par J. J. Rousseau, citoyen de Genève). Трактатъ этотъ долженъ былъ составить часть еще обширнѣшаго сочиненiя, отъ исполненiя котораго авторъ отказался. Прочтемъ нѣкоторыя мѣста *Контракта*. Вотъ на примѣръ начало первой главы: „Человѣкъ рожденъ свободнымъ, и повсюду находится въ цѣляхъ. Кто мнитъ себя быть господиномъ другихъ, тотъ бываетъ столько же рабомъ какъ и онъ. Какъ сдѣлалась такая перемена? Не знаю. Что можетъ сдѣлать ее законною? Полагаю, могу разрѣшить этотъ вопросъ. Еслибъ я разсматривалъ только спя и производимое ею дѣйствiе, я сказалъ бы: когда народъ вынужденъ повиноваться и повинуется, онъ поступаетъ хорошо. Какъ скоро можетъ страхнуть съ себя шго и сбрасываетъ его—поступаетъ еще лучше. Ибо возвращая себѣ свободу тѣмъ же правомъ какимъ она у него отнята, онъ имѣетъ основанiе возвратитъ ее себѣ, или не было основанiя ее отнять у него. Но общественный порядокъ есть святое право, служащее основанiемъ всѣмъ другимъ. Между тѣмъ право это не процтекаетъ изъ природы; оно основано на условiяхъ. Требуется знать какiя это условiя“.

„Повицуйтесь властямъ (*obéissez aux puissances*). Если это значить уступайте силѣ, предписанiе хорошо, но излишне: можно ручаться что оно нарушено не будетъ. Всякая власть исходить отъ Бога. Согласенъ, но и всякая болѣзнь оттуда же исходить. Значить ли что запрещею призывать врача? Разбойникъ наладаетъ на меня въ лѣсу; мало что я вынужденъ силою отдать кошелекъ, но если могу его укрыть, обязанъ ли я по совѣсти его отдать? Ибо и пистолетъ наконецъ есть власть. (Ch. III).

„Требуется найти такую форму ассоциации которая бы защищала и охраняла всею общею силою личность и имуще-

ство каждаго ея члена, и чрезъ которую каждый, соединяясь со всѣми, ловиловался бы между тѣмъ только самому себѣ и оставался бы столько же свободенъ какъ прежде. (Ch. VI)“

Когда *прежде?* авторъ не говоритъ; очевидно не въ историческомъ прошедшемъ. Требовалось почувствовать себя примитивно свободнымъ человѣкомъ, а для этого отказаться отъ всего что наложила исторія, и затѣмъ выхода отъ такого естественно свободнаго состоянiя составить конституцію удовлетворяющую сказанному условiю. Такую именно задачу приняли на себя составители конституціи 1789 года.

Въ ассоціаціи есть государь, и государь неограниченный. Онъ называется *Souverain*. Кто же это? Это общая воля гражданъ. „Актъ союза, вмѣсто отдѣльной личности каждаго участника, производитъ нравственное коллективное тѣло составленное изъ столькохъ членовъ сколько голосовъ имѣеть собраніе (заключающее ассоціацію) и которое отъ этого самаго акта получаетъ свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю.“ Это „политическое тѣло“ именуется его членами *государствомъ* (*état*), когда оно пассивно, *государемъ* (*souverain*), когда оно активно. Этотъ-то государь и разумѣется въ клятвѣ 4 февраля подъ наименованіемъ Націи (прямо употребить, какъ Руссо, терминъ—*souverain* при наличности *roi*, очевидно считалъ неудобнымъ). Это тотъ *peuple-souverain* во имя котораго нынѣ управляется Франція. Это принципъ народнаго верховенства чрезъ общую подачу голосовъ.

Государь этотъ не только неограниченный, но и деспотической. „Противно природѣ политическаго тѣла чтобы государь наложилъ на себя законъ который никогда не могъ бы нарушить“... „Право измѣнять (формы конституціи) есть первая гарантія всѣхъ другихъ правъ... Нѣтъ никакого обязательнаго закона для народнаго тѣла.“ Чтò сегодня хочетъ Нація, то есть законъ на сегодня, чтò захочеть завтра, будетъ завтра закономъ. Вопросъ лишь въ томъ какъ эту волю узнать.

Злоупотреблять властію государь чудеснымъ образомъ не можетъ. „Великую услугу какую гражданинъ можетъ оказать государству онъ обязанъ оказать какъ скоро государь того потребуеть. Но государь съ своей стороны не можетъ обременять своихъ подданныхъ никакою цѣлью бесполезною для всей общины (*à la communauté*). Онъ не можетъ даже желать этого, ибо подъ закономъ разума ничто не

можетъ дѣлаться безъ причины, какъ и подъ закономъ природы.“

Король, при монархической формѣ, и вообще государственныя власти суть не болѣе какъ слуги государя. Отъ времени до времени народъ—т.е. члены союза,—имѣеть собранія. Когда народъ собрался, „всякая юрисдикція правительства прекращается, исполнительная власть приостановлена“. На собраніи рѣшается „угодно ли государю сохранить настоящую форму правленія“ и „угодно ли оставить администрацію въ рукахъ тѣхъ кому теперь она поручена“. Подробности устройства такихъ народныхъ собраній Руссо не указываетъ. Противъ „представительства“ онъ высказывается съ рѣзкостью. „Идея представительства, говоритъ онъ, новая; она пришла отъ феодальнаго правительства, этого несправедливаго и нечлаго правительства, въ которомъ увиженъ родъ человѣческой и имя человѣка въ лоношеніи“. Несравненно болѣе привлекательными кажутся Руссо политическія формы древней Греціи. Тамъ народъ все что имѣлъ дѣлать дѣлалъ чрезъ самого себя (ce que le peuple avait à faire il le faisait par lui-même); онъ всегда былъ собранъ на площади; обиталъ въ мягкомъ климатѣ, не былъ жаденъ, рабы исполняли его работы, а его великимъ дѣломъ была свобода“. Какъ устроить нечто подобное въ новомъ, притомъ обширномъ государствѣ Руссо обѣщаетъ разъяснить въ продолженіи сочиненій, „когда говоря о вѣдшихъ отношеніяхъ дойдетъ до конфедераций“. Но продолженія такъ и не послѣдовало.

Таковъ знаменитый *Контрактъ*. Трудно представить себѣ сочиненіе болѣе скучное, съ болѣшими претензіями. Оно утомляетъ читателя господствомъ фразы надъ мыслию, антитезами въ родѣ вывѣстныхъ Виктора Гюго. Если такое сочиненіе могло казаться кодексомъ политической мудрости, то это лучшій признакъ на какой невысокой ступени стояла эта мудрость.

Пріяель. Основная идея оказалась тѣмъ не менѣе весьма живучею. Идея народнаго верховенства, народной воли какъ источника всякаго закона и всякой власти многими считается и нынѣ какъ основная политическая истина. Она есть фундаментъ нынѣшней французской республики. Въ самомъ дѣлѣ, если строить общественное тѣло исключительно по разуму, то какое можетъ быть болѣе простое и очевидное начало?

Авторъ. О, есабы политическія тѣла строились исключительно на началахъ разума, иаи, говоря согласно современной терминологіи, на началахъ науки, къ какимъ бы трагическимъ послѣдствіямъ вели столкновения теоретическаго разума съ практическимъ!

Когда событія французской революціи обозрѣваются съ высоты историческаго наблюденія какъ моментъ всемірвой исторіи, разсматриваемой въ видѣ восходящей лѣтвицы, то вѣрѣдко въ нихъ видятъ переломъ отдѣляющій эпоху *авторитета* отъ эпохи *свободы*, есаи и не наступившей еще, то имѣющей наступить. Подъ признаніемъ авторитета разумѣется признаніе нѣкоторыхъ нормъ высшаго порядка, не добытыхъ работой сознанія, но данныхъ сознанію, имѣющихъ, какъ говорится, откровенное, божественное происхожденіе, возникшихъ не по условію, держащихся не соглашеніемъ живущаго поколѣнія, но для живущаго поколѣнія обязательныхъ. Начало авторитета въ государственной жизни знаменательно выражается формулой: „Божію милостію“. Подъ свободой, какъ еще только имѣющей наступить, разумѣется нѣчто значительно менѣе определенное. Въ событіяхъ революціоннаго движенія отражается общее движеніе человѣческаго разумѣнія къ установленію единовластія разума съ исключеніемъ идеи авторитета.

Идея этого единовластія состоитъ въ томъ что разумъ, то-есть человѣческое размышленіе, будучи источникомъ научныхъ раскрытій, есть источникъ, и притомъ исключительный, истины вообще. Онъ не только орудіе приращенія знаній,—вся человѣческая дѣйствительность, общественная и государственная жизнь, исторія, должны быть его приложеніемъ, развитіемъ указываемыхъ имъ началъ Царство человѣка должно быть царствомъ разума. Тогда оно будетъ и царствомъ счастья. Когда революціонное движеніе достигло наисильнѣйшаго разгара, была прямо объявлена религія Разума, и въ храмѣ Парижской Божіей Матери было поклоненіе полураздѣтой женщинѣ изображавшей Богиню Разума. Кощунственное оскорбленіе того что вѣками читлось какъ святыня оттолкнуло даже увлеченныхъ. Между тѣмъ это было, въ шутовской формѣ, символическое представленіе того именно начала въ которомъ выражается суть революціоннаго движенія. Это послѣдовательный выводъ изъ посылокъ.

Признаніе единовластія разума въ теоретической области мышленія есть только односторонній выводъ изъ великаго начала свободнаго исканія истины лежащаго въ основѣ новой философіи. Основатель новой философіи (говорю о Декартъ) поставилъ задачей искать истину помощью естественнаго свѣта разума направляемаго правильною методою. При этомъ, онъ поставилъ *очевидность* критеріемъ разума. Если положеніе не представляеть для здраваго ума никакого повода къ сомнѣнію, имѣеть степенъ очевидности геометрической аксіомы—его надлежитъ признать истиннымъ. Выхода изъ него можно строить науку какъ строится геометрія изъ ея аксіомъ. Первымъ такимъ положеніемъ для Декарта было знаменитое: *я мыслю, следовательно я есмь, cogito ergo sum*. Разумъ ставовится не орудіемъ только познания, но орудіемъ открытія истины, ея источникомъ. Декартъ признавалъ и другой источникъ, откровенный, и въ согласіи своихъ выводовъ съ истинными откровенія видѣлъ оправданіе своей методою. Онъ домыкалъ такимъ образомъ двоевластіе—разумъ и откровеніе. Успѣхъ положительнаго знанія, свободная критика данныхъ религіи склонили затѣмъ многіе умы считавшіе себя свободными отъ предразсудковъ къ единовластію, а именно единовластію разума. Но какимъ образомъ разумъ ставовится источникомъ истины? Когда Декартъ сталъ прилагать методъ очевидности, на первыхъ же шагахъ методъ этотъ оказался недостаточнымъ, и чтобы двинуться впередъ философъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ идеѣ Бога какъ готовой, надежной въ сознаніи, а не доставленной философскою очевидностію. Столь же мало имѣли успѣха новыя философы замѣнявшіе методу Декарта новою методою и ласкавшіе себя надеждою вывести все существующее діалектическимъ путемъ изъ первыхъ началъ. Теоретическія системы построенныя на „началахъ разума“ оказались односторонними и шаткими, именно потому что безконечно далеки отъ полноты дѣйствительности. Забывалось что движеніе разума внѣ готоваго, даннаго, въ обширномъ смыслѣ эмпирическаго матеріала, невозможно какъ полеть въ пустотѣ. Когда въ отдѣльномъ человѣкѣ пробуждается размышляющая дѣятельность, которую можно назвать научнымъ сознаніемъ (главная форма его доказательство чрезъ приведеніе къ очевидности), когда пробудилась она и во всемъ человѣчествѣ, разумъ уже находитъ и находилъ

предъ собою и въ себѣ безконечную массу данныхъ, доставленныхъ природою, окружающимъ бытомъ, преданіями, насльдственными предрасположеніями, наконецъ, прирожденною творческою дѣятельностію, необъяснимою и чудесною. Въ этомъ смыслѣ откровеніе предшествуетъ сознанію. Не даромъ въ новѣйшихъ системахъ такое значеніе приписывается „безсознательному“. Если такъ въ теоріи, то что же сказать о построеніяхъ такого рода въ жизни, долженствующей болѣзненною операціей быть втиснутою въ рамки неполныя и произвольныя?

Размышляя для себя о вопросахъ этого рода, я прибѣгаю къ сравненію, которое для меня по крайней мѣрѣ кажется довольно нагляднымъ выраженіемъ состоянія человеческого разумѣнія. Ньютонъ сравнивалъ ученаго познающаго природу съ человѣкомъ стоящимъ на берегу безграничнаго моря, собирающимъ и разсматривающимъ ракушки выбрасываемыя волною и по этимъ скуднымъ даннымъ судящаго о раскинутой предъ нимъ неизмѣримости. Что такое всѣ наши знанія? Ихъ совокупность можно математически выразить формулою $X+a$, гдѣ a извѣстная величина, X неизвѣстная, въ сущности равная безконечности. Мы стараемся болѣе и болѣе увеличивать величину a , то-есть сумму нашихъ положительныхъ знаній. Въ выкладкахъ и соображеніяхъ служащихъ для этой цѣли мы всеми силами должны обггать величину X , ибо ея введеніе сейчасъ нарушитъ всѣ наши вычисленія. Предъ безконечностію X всякая конечная величина a , какъ бы велика она ни была, равна нулю. Въ этомъ смыслѣ говорилъ Ньютонъ: физика боится метафизики. Методомъ изслѣдованія оказавшемся по преимуществу плодотворнымъ, увеличившею a , обнаружила себя именно та гдѣ X устраняется изъ вычисленія. Но нѣтъ ошибки грубѣе той которая признала бы что X не существуетъ, равно нулю. Именно въ этой ошибкѣ и есть сущность такъ называемой позитивной философіи. Если въ точной наукѣ X устраняется, то это есть пріемъ изслѣдованія, ибо введеніе этого X , повторяю, своею безконечностію нарушаетъ всѣ формулы. Но это не значитъ что X не существуетъ или не имѣетъ значенія. Въ положительной наукѣ великія открытія не разъ дѣлались чрезъ гениальное обращеніе къ X . По философіи очевидности казалось неслѣдственно допустить какую-либо иную причину приводящую

тѣло въ движеніе кромѣ толчка соседняго тѣла. Таинственное тяготѣніе матеріальныхъ частицъ, дѣйствіе на разстояніи, составляющее основу современной механики,—допускается ли оно между тѣлами или только между частицами, какъ центрами силъ,—есть въ сущности приписаніе матеріальнымъ частицамъ свойства не матеріальнаго порядка, введеніе *X* въ истолкованіе физическихъ явленій. *X* устраняемъ мы лишь тѣмъ, что признавая притяженіе какъ фактъ считаемъ его необъясненнымъ со стороны причины.

Если, говорю опять, въ работѣ пріобрѣтенія точныхъ знаній надлежитъ оставаться исключительно въ области *a*, то это никакъ не значитъ не признавать *X*. Мыслимъ *X* непреходящая потребность и великая задача разумнаго. Это область философскихъ и религиозныхъ идей.

Если отъ теоріи перейдемъ къ практикѣ жизни, гдѣ имѣемъ дѣло съ вещами, а не съ помятими и отвѣченіями, то здѣсь окажемся со всѣхъ сторонъ облеченными таинственнымъ *X*, и забвеніе этого фактора можетъ вести только къ лагубнымъ послѣдствіямъ. Жизнь не можетъ быть иначе какъ въ своей полнотѣ. Фантазію можно населить отвлеченіями, но въ городахъ живутъ люди. На бумагѣ можно по произволу устраивать тотъ или другой факторъ, составить тысячу проектовъ летать по воздуху, съ забвеніемъ тѣхъ или другихъ условій, но на практикѣ забвеніе одного необходимо поведетъ къ тому что свалишься и сломаешь себѣ ребра. Вотъ почему такъ трудна практическая мудрость. Старый порядокъ стоялъ на началахъ авторитета; новый, открытый революціей, долженъ, говорить, стать на началахъ науки. Это предполагаетъ что есть такія „начала“ наукой указанныя, которыя слѣдуетъ лишь приложить; есть въ чьемъ-то обладаніи ларецъ съ готовыми рецептами, которые стоить достать и исполнить чтобы дѣло устроилось на началахъ разума какъ говорили въ 1789 году, на „научныхъ основаніяхъ“ какъ говорятъ нынѣ. Люди стоящіе на высотахъ человѣческаго разумнаго имѣютъ самое скромное помятіе объ этомъ ларцѣ. Говорить о богатствахъ его обыкновенно считаютъ себя наиболее уполномоченными тѣ которые не только въ нахожденіи его не участвовали, но и о содержаніи имѣютъ извѣстіе изъ третьихъ устъ.

Пріятель. Перебью тебя. „Научныя основанія“ наломиваютъ мнѣ куріозъ. Извѣстіе въ какой чести у насъ на

словахъ педагогика и школьная гигиена. Была недавно выставка педагогическихъ пособій. Одинъ газетный репортеръ, — повидимому молодой врачъ, — со значительнымъ запасомъ ученыхъ словъ сѣтовалъ на пробѣлъ на выставкѣ по вопросу объ устройствѣ верввой системы, тогда какъ нынѣшняя педагогика должна де вся основываться на данныхъ физиологии верввой системы. То обстоятельство что данныхъ этихъ еще слишкомъ мало, до приложеній еще крайне далеко, не смущаетъ ученаго популяризатора. Изъ статьи прямо слѣдуетъ заключить что есть такая наука въ которой вся тайна психо-физиологическаго процесса разъяснена. Послѣдняя изслѣдованія доктора N., профессора M., ассистента P. о мозговыхъ кѣлочкахъ все, повидимому, раскрыли. Можно подумать что уже извѣстно наркотическое или иное средство которое стѣитъ дать, и кѣлочки связанные съ проявленіями воли укрѣплятся, и школьники выйдутъ съ спяною волею. Кажется просто, а старые рутинеры-педагоги не хотѣтъ де послать въ аптеку за такимъ средствомъ и бьются молуству...

Авторъ. Составители конституціи 1789 года надѣялись приложить къ практикѣ начала выработанныя философией той эпохи. Наши даже нужнымъ государственному законодательному акту предлосать родъ философскаго введенія подъ заглавіемъ: „Объявленіе правъ человѣка.“ Это объявленіе должно было заключать положенія считавшіяся тогда аксіомами политической науки.

„Люди рождаются свободными и равными.... Цѣль каждаго политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ правъ человѣка. Права сіи суть: свобода, *собственность*, безопасность и сопротивленіе притѣвленію“. Включеніе *собственности* въ число естественныхъ правъ весьма знаменательно. Какъ ни были составители конституціи преданы теоріи, они повали къ какимъ колебаніямъ должно вести потрясеніе права собственности въ обществѣ построенномъ на началѣ собственности и включили это право въ число естественныхъ правъ, хотя въ теоріяхъ изъ которыхъ выходили этого не заключалось и послѣдовательность требоваала это право отрицать.

Другое положеніе также казавшееся аксіомой гласило такъ: „Принципъ верховенства существенно пребываетъ въ націи; никакое общественное тѣло и никакое лицо не можетъ обнаруживать власть, которая не исходила бы отъ націи.. За-

комъ есть выраженіе общей воли.“ Но какимъ образомъ нація можетъ проявлять свое верховенство и какъ узнать ея волю? Это такъ и до нынѣ остается въ большомъ туманѣ. Собрать всѣхъ, предложить вопросъ, и рѣшить по большинству голосовъ? Осуществимо ли это практически? Даже Руссо на бумагѣ остановился предъ такою практикой. Очевидно въ этомъ оракулѣ долженъ быть жрецъ дающій за него прорицанія. Не ясно ли что истиннымъ дѣятелемъ окажется не воля націи, никому неизвѣстная, — кто можетъ сказать чего въ данную минуту хочетъ Франція, — а воля партіи успѣвшей захватить власть имѣющимися на лицо средствами.

Пріятели. Вмѣсто слова нація стали лотомъ употреблять болѣе тѣсное обозначеніе *peuple*, государь-народъ, *peuple-souverain*, какъ весьма часто употребляютъ нынѣ во Франціи. Замѣчательно что поклоеніе этому государю обыкновенно соединяется съ крайнимъ презрѣніемъ къ его качествамъ. Его все собираются воспитывать, но не смущаются вопросомъ какъ же онъ будетъ править пока не воспитанъ: управимся, говорятъ, за него. Одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ нынѣ политическихъ дѣятелей во Франціи, членъ палаты, профессоръ физиологіи, Поль Бэръ, въ отчетѣ о предполагаемомъ устройствѣ народнаго образованія въ странѣ на самыхъ широкихъ основаніяхъ (по съ полнымъ устраниеніемъ религіознаго обученія), говоритъ что вытѣшеннее состояніе народнаго образованія во Франціи самое жалкое, народъ невѣжественъ; внушительно поясняетъ какое де правленіе можетъ быть въ странѣ гдѣ монархъ не знаетъ ни своихъ правъ, ни обязанностей, и не замѣчаетъ что тѣмъ высказываетъ самую ѣдкую критику на современную конституцію Франціи, управляемой въ имя этого неграмотнаго *peuple-souverain*. И наши благодѣтели народа на дѣлѣ весьма не высокаго о немъ мнѣнія, особенно послѣ неудачи „хожденія“ въ народную массу. Судившаяся недавно Колѣвкина, сопротивляясь аресту и встрѣта полицейскихъ градомъ брани, съ особеннымъ уязвленіемъ обзывала ихъ „мужиками“. Газета *Страна* подсмѣивается надъ „мужичкомъ“, „простодушнымъ, вѣрующимъ, преданнымъ“ и поясняетъ что „народный вопросъ“, заботящій газету, „былъ и есть у насъ вопросъ интеллигенціи, вопросъ о всеоружіи правъ и свободной мысли свободной интеллигенціи.“ Вотъ сколько свободы! „Вѣдь не изъ деревни же, прибавляетъ газета, мы получимъ разрѣшеніе вопроса о

свободной интеллигенціи и добудемъ для нее всеоружіе правъ.“ По крайней мѣрѣ твердо сказано. Интеллигенція свободная и во всеоружіи. А народъ-то? Народъ *бѣдло*, какъ говорили лавы.

Но опять мы ушли въ сторону. Насъ ждетъ *Мониторъ* съ окончаніемъ засѣданія 4 февраля.

А в т о р ъ. По окончаніи присяги, председатель объявилъ что со стороны присутствующей при засѣданіи публики заявлено желаніе присоединиться къ присягѣ. „Всѣ члены обратились къ трибунѣ гдѣ помѣщалась публика. Публика встала и привнесла присягу, при громкихъ рукоплесканіяхъ законодателей націи.“ „Такъ кончилась, заключаетъ отчетъ *Монитора*, этотъ навѣкъ знаменитый день, подробности о которомъ передавыя потомству должны всегда быть предъ глазами нашихъ королей.“

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ засѣданіи представителей Парижской Общины (по-нашему гласныхъ—Парижъ раздѣлялся на 60 округовъ или дистриктовъ, каждый съ своимъ комитетомъ и собраніемъ, центральное же управление было въ Парижской Общинѣ, *Commune de Paris*), одинъ изъ членовъ при началѣ засѣданія сообщилъ о происшедшемъ утромъ въ Национальномъ Собраніи. Рѣшено изъяснить королю благодарность и привести немедленно присягу, что тотчасъ и исполнено. Одинъ изъ членовъ предложилъ было подвести королю гражданскій вѣнецъ (*couronne civique*), но предложеніе отклонено.

Въ слѣдующіе дни присяга повторялась въ разныхъ собраніяхъ и учрежденіяхъ, между прочимъ въ школьномъ мірѣ.

5 февраля были собраны ученики изъ разныхъ школъ, въ сопровожденіи наставниковъ, окружныхъ начальствъ (*autorités de district*) и гренадеровъ (*grenadiers de l'état major*), отправились процессіей по горѣ *Sainte-Généviève* на площадь, гдѣ и привнесли присягу. „Жители изъ оконъ смотрѣли на процессію, восхищенные новизной патристическаго праздника достойнаго древней республики“. (*Jourdain, Histoire de l'Université, 482*).

10 февраля четыре университетскіе факультета собрались въ коляскѣ Лудовика Великаго и привнесли присягу. Ректоръ произнесъ рѣчь, гдѣи *Te Deum*.

П р и я т е л ь. Наступившее, казалось, согласіе короля и собранія не возстановило власти въ странѣ. Явленія анархіи продолжали разыгрываться повсюду.

Авторъ. Появленіе анархіи во всѣхъ членахъ государственнаго тѣла было первымъ симптомомъ революціи. Симптомъ этотъ замѣчательно диагностированъ Тэнномъ (*anarchie spontanée*). Всѣ силы были отведены отъ соотвѣтствующихъ имъ точекъ приложенія; ихъ можно было приложить куда угодно. Что же заправляло этими приложениями? Явно заправляло ими *общественное мнѣніе*, какъ выраженіе неувимыхъ желаній націи. Оно высказывалось въ газетахъ и рѣчахъ, имъ создавалось и ихъ создавало. Внушительное значеніе оно получало выхода на площадь, оправдываясь и подкрѣпляясь уличными волненіями и мятежами. Скрыто—направляла эта бродящая сила *невидимая рука*, дѣйствіе которой несомнѣнно замѣчается во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, но которой истинное значеніе остается тайною и для историковъ. Она-то направляетъ и уличную сволочь, и журнальныя перья. Ее ощущаютъ, хотятъ уловить и не могутъ очевидцы и участники событій. Въ эпоху революціи ее звали то лондонскимъ золотомъ, то деньгами Орлеанскаго принца и другихъ честолюбцевъ, то заговоромъ аристократовъ, то происками эмигрантовъ; уловить ее оказывалась беспомощна власть законная, ее потомъ въ свою очередь подозрительно разыскивала власть революціонная, всюду видя или указывая заговоръ и цѣльбу, практикуя и поощряя доносъ въ никогда небывалыхъ размѣрахъ. Событія разыгрываются предъ глазами, но главные вожаки такъ и остаются обыкновенно въ тайнѣ. Явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ что *одной руки* направляющей дѣло по сознательно опредѣленному плану обыкновенно нѣтъ въ революціонныхъ движеніяхъ. При общемъ смятеніи силъ, ихъ захватываютъ въ свое распоряженіе весьма разные интересы, сегодня одни, завтра другіе, съ цѣлями разными, иногда противоположными, но сходящимися въ произведеніи *смуты*, которою пользуются обыкновенно третьи лица. Все явленіе фальшиво въ существѣ своемъ. Маріонетки скачутъ потому что ихъ дергаютъ за нити. Когда представленіе удалось, навѣрныхъ людей увѣряютъ что маріонетки сами выскакивали или что двигали ихъ не грязныя руки, а нѣкая благотѣльная и спасительная дѣла.

РАЗГОВОРЪ ПЯТЫЙ.

Пріятель. Короля въ особенности тревожило паденіе дисциплины въ арміи. Съ деморализаціей арміи исчезалъ всякій оплотъ власти. Въ *Мониторъ* читаемъ что въ засѣданіе собранія 4 іюня 1790 года былъ допущенъ, явившійся отъ имени короля, военный министръ г. де-ла Туръ-дю-Пень (de la Tour-du-Pin). Привѣтствованный рукоплесканіями, онъ прочиталъ слѣдующую записку:

„Я уже имѣлъ честь вручить военному комитету новый трудъ о положеніи арміи, который королю угодно было возложить на меня. Его величество поручилъ мнѣ сообщить вамъ о прискорбныхъ и опасныхъ для общественнаго спокойствія безпорядкахъ. Военные корпусы въ настоящее время преданы самой буйной анархіи; многіе полки нарушили ваши законы и преступили клятву данную ими торжественнымъ образомъ. Мое сердце сжимается при мысли что я вынужденъ принести жалобу на солдатъ, которыхъ всегда видѣлъ доблестными, съ которыми въ теченіе 50ти лѣтъ жилъ какъ товарищъ и другъ. Во многихъ корпусахъ дисциплина не только ослабѣла, но вовсе исчезла, приказанія не исполняются, каски и знамена лохотаются, офицеры въ презрѣніи и оскорбляемы, и къ довершенію ужаса начальнику зарѣзываются на глазахъ своихъ солдатъ. Общественное спокойствіе и счастье родины вызываютъ о нашемъ вмѣшательствѣ. Военное сословіе только единица предъ политическимъ цѣлымъ: все потеряно если оно предоставлено личнымъ страстямъ.

„Оно должно быть только орудіемъ: если оно обратится въ обсуждающій корпусъ, правительство испадетъ до военной демократіи. Кто не вздрогнетъ при мысли о комитетахъ составляемыхъ въ полкахъ изъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, безъ вѣдома начальства или вопреки ему? Присоедините силу законодательной власти къ общественному мнѣнію. Присоедините ваши усилія къ усиліямъ короля чтобы придать прокламаціи монарха внушительный характеръ всеобщаго требованія. Обезопасьте честь и жизнь великодушныхъ офицеровъ, столь же локорныхъ вашимъ декретамъ сколь они были отважны противъ враговъ въ послѣднюю войну. Союзъ всѣхъ сердецъ, глубокое уваженіе къ законамъ, одни могутъ упрочить революцію: это предметъ всѣхъ заботъ нашего короля, объявившаго себя ея вождемъ. Нѣсколько полковъ выказали уваженіе къ законамъ, нѣсколько муниципалитетовъ выразили сочувствіе къ стоящимъ въ ихъ городахъ гарнизонамъ. Утѣшительно для насъ заявить что

число этихъ полковъ, истинныхъ гражданъ, составляетъ большинство. Администрація не можетъ возстановить дисциплину пока будутъ муниципалитеты нагло присвоивающіе себѣ надъ войсками права исполнительной власти: кругъ дѣйствія гражданской власти долженъ ограничиваться правомъ протестовать и требовать разбирательства и никогда не долженъ доходить до смѣщенія начальниковъ, до отставки или измѣненія передвиженій назначенныхъ кородемъ. Всѣ добрые граждане понимаютъ какъ такое поведеніе расшатываетъ исполнительную власть и какой ущербъ можетъ нанести конституціи (*рукоплеканія*). Король поручилъ мнѣ еще уведомить васъ что онъ одобряетъ участіе какое значительное число полковъ приняла въ федераціяхъ между линейными войсками и національной гвардіей, для возобновленія гражданской присяги. Онъ поручилъ мнѣ написать циркуляръ въ армию чтобы побудить ее къ тому. Онъ съ удовольствіемъ принялъ выраженныя ему при этихъ случаяхъ чувства уваженія къ конституціи и къ законамъ и любви къ его особѣ. Онъ полагаетъ что каждому изъ полковъ надежитъ принять участіе въ этихъ гражданскихъ празднествахъ чтобы скрѣпить союзъ всѣхъ гражданъ страны."

Авторъ. Федераціи о которыхъ уломинаетъ военный министръ начались въ провинціяхъ.

Въ ноябрѣ 1789 года, на берегахъ Роны, близъ Влласва, двѣнадцать тысячъ національ-гардовъ дали клятву „остаться навсегда соединенными и поддерживать законы выходящіе отъ Национальнаго Собранія“. Въ январѣ 1790 года около шести тысячъ національ-гардовъ привесли федеральную присягу въ Бретани; 7го марта была федерація гардистовъ и гарнизона въ Эливалѣ. То же повторялось во множествѣ другихъ мѣстъ. 30го мая въ Лионѣ до полутора ста тысячъ человекъ съ оружіемъ въ рукахъ привесли гражданскую присягу предъ громадною искусственною скалою на которой воздвигнуть былъ „храмъ согласія“ и поставлена колоссальная статуя Свободы. За мѣсяць до Парижской федераціи была въ Страсбургѣ федерація Рейвскаго департамента. Праздникъ начался богослуженіемъ которое совершалось на „алтарѣ отечества“ послѣдовательно католическимъ священникомъ, лютеранскимъ пасторомъ и реформатскимъ пасторомъ, каждымъ по обряду своего исповѣданія; а чрезъ три дня послѣ праздника, на алтарѣ отечества, въ присутствіи всей арміи, были крещены ребенокъ католическій и ребенокъ протестантскій. Послѣ церемоніи священникъ и пасторъ бросились въ объятія одинъ другому и горячо разцѣловались.

Въ другихъ мѣстахъ вѣвчались на алтарѣ отечества. Пасторъ присутствовалъ на почетномъ мѣстѣ при католическомъ богослуженіи, священникъ при протестантскомъ. Религія мирилась съ философіей, и въ Мандрѣ, въ Изерскомъ департаментѣ, священникъ съ церковной кафедрой произнесъ восторженное похвальное слово Жавъ-Жаку Руссо.

Вызываемыя отчасти страстію Французовъ къ публичнымъ демонстраціямъ, празднества федераціи имѣли впрочемъ и дѣйствительно важное значеніе. Есть черта рѣзко отдѣляющая французское революціонное движеніе отъ попытокъ нашихъ доморощенныхъ революціонеровъ. Черта эта спасла Францію въ критическое время ея существованія. Черта эта патриотизмъ. Революціонный французскій ключъ былъ къ единству Франціи. Ключъ этотъ: *отечество, la patrie*, то-есть единое и могущественное политическое тѣло. Движеніе поднималось во имя правъ *человѣка* вообще, должно казалось бы имѣть космополитическій характеръ, но на дѣлѣ оно было тѣсно французскимъ. Для каждаго Француза вѣкъ спора стояло что его страна первая и самая образованная нація въ мірѣ. Что въ ней совершается, то совершается въ *человѣчествѣ*. Революціонное движеніе стерло еще значительныя при старомъ порядкѣ мѣстныя особенности разныхъ провинцій. На школьномъ праздникѣ (*la Fête des Ecoles*), въ залѣ Трокадеро, 13го іюля нынѣшняго года (наканунѣ праздника 14го іюля), г. Рамбо, профессоръ въ Нанси, исправляющій должность директора департамента министерства просвѣщенія (*chef du cabinet du ministre*), такъ говорилъ въ своей рѣчи о значеніи федерацій въ злоху революціи: „На сѣверѣ еще были Фламанцы, на югѣ Исланды, Бретонцы въ Бретани; въ логранчвыхъ мѣстностяхъ говорили на иностранныхъ языкахъ, и когда изъ этихъ провинцій отпралялись къ центру говорили: ѣду во Францію. Сдѣлать изъ всѣхъ этихъ соперничавшихъ Францій, часто враждебныхъ между собою по преданіямъ и воспоминаніямъ, единую Францію, соединенную на свѣтлый и черный день, нераздѣльную, неразрушимую, вотъ въ чемъ дѣло федерацій. Онѣ, по выраженію Анри Мартена, въ его рѣчи къ Сенату, раскрыли для Франціи ея собственную душу.“

Пріятель. Если и не праздниками создается единство, во всякомъ случаѣ нельзя дѣйствительно не признать что

федерации были знаменіемъ значительной патріотической за-
кваски въ странѣ.

А в т о р ь. Патріотизмъ можетъ вывести страну и изъ ре-
волюціонной бури. Революція исключаящая патріотизмъ мо-
жетъ привести только гибель. А именно такова общаеяма
намъ русская революція. Эта русская революція есть попросту
русское разложіе. Мы присутствовали при одномъ ея актѣ.
О чемъ была забота въ эпоху смуты ознаменованной поль-
скимъ возстаніемъ 1863 года, такъ привѣтствованномъ на-
шими революціонерами, какъ не о раздробленіи Россіи, ис-
корененіи русскаго патріотизма и всяческомъ противодѣй-
ствіи національной политикѣ? Русская революція по суще-
ству своему можетъ быть только *центробольшею*, затѣваетъ
ли она разбить всю страну на мелкія независимыя волости
или задается болѣе близкимъ вопросомъ о всеоружіи правъ
и конституціонномъ устройствѣ страны.

П р и я т е л ь. Не отстать же было Парижу отъ провинцій.
Надо было устроить что-нибудь грандіозное. Почивъ приня-
ла на себя Парижская Община. Особому комитету было по-
ручено озаботиться надлежащими приготовлениями, и былъ
составленъ „адресъ гражданъ Парижа ко всѣмъ Французамъ“.
5 іюня депутація Общины была представлена Парижскимъ
меромъ Бальби Собранію. Въ прочитанномъ предъ Собрані-
емъ адресѣ говорилось между прочимъ:

„Протекло только десять мѣсяцевъ съ той достопамятной
эпохи когда со стѣнъ завоеванной Бастиліи провесся вне-
зальный крикъ: *Французы! мы свободны!* пусть въ тотъ же день
нынѣ раздастся крикъ еще болѣе трогательный: *Французы, мы
братья!*“

„Да, мы братья, мы свободны, мы имѣемъ отечество; слыш-
комъ долго согбенные подъ ярмомъ, мы снова принимаемъ
положеніе народа созвѣщающаго свое достоинство.“

„Мы не Бретонцы, не Анжуйцы, сказали наши братья въ
Бретани и Анжу. Какъ они, говоримъ и мы: „мы болѣе не
Парижане, мы всѣ Французы“.“

„Вы клялись соединиться неразрывными узами святаго
братства, защищать до послѣдняго издыханія конституцію
государства, декреты Національнаго Собранія и законный
авторитетъ нашихъ королей. Какъ вы и мы привесли эту
возвышенную присягу. Сдѣлаемъ,—пришло къ тому время,—
изъ этихъ федераций общую конфедерацию.“

„Какъ прекрасенъ будетъ этотъ день союза Французовъ!
Народъ братьевъ, возродители государства, и король-града-
нинъ, соединенные общемою клятвой, предъ алтаремъ отечества,

какое величественное и невиданное донынѣ зрѣлище для прочихъ націй!

„14 юля мы завоевали свободу, и 14 же юля мы принесемъ клятву ее охранять; пусть въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, общій единогласный кликъ раздастся во всѣхъ частяхъ страны: *Да здравствуютъ нація, законъ и король!* Пусть эти слова навсегда останутся соединительнымъ кликомъ друзей отечества, и ужасомъ его враговъ.“

Делуація просила чтобы Собраніе назначило число лицъ которыя должны быть присланы изъ департаментовъ для участія въ праздникѣ. Собраніе, одобривъ предложеніе города Парижа, поручило выработку подробностей призыва конституціонному комитету. Немедленно составленный въ коммисіи проектъ былъ доложенъ въ засѣданіе 7 юня. Докладчикомъ былъ епископъ Отѣнскій.

Пріятель. Это знаменитый въ послѣдствіи Талейбранъ, всегда привирававшійся къ обстоятельствамъ и въ эту эпоху являвшій собою либеральнѣйшаго изъ представителей высшаго духовенства. Не задолго предъ тѣмъ онъ не присоединился къ протесту епископовъ и нѣкоторыхъ членовъ Собранія по вопросу о признавіи католической религіи государственною или національною. Отѣнскій капитулъ прислалъ къ нему по этому поводу укорительное письмо, гдѣ проиически высказываетъ что епископъ не присоединилъ своего имени къ подписавшимся для того чтобы сдѣлать заявленіе свое еще болѣе торжественнымъ, представивъ его отъ лица всего духовенства своей паствы, которое его о томъ и просить. Талейбранъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ со свойственною ему сдержанностію тонко доказывалъ что собраніе признало католическую религію національною, дѣло было только въ редакціи, и протестъ части законодателей противъ принятаго декрета былъ совершенно несвоевременнымъ; отъ передачи заявленій отказался (*Мониторъ*. 1790, 11 юня, № 162).

Авторъ. Въ проектѣ декрета значились три статьи. Въ первой указывался порядокъ выбора по округамъ національ-гардами своихъ представителей для участія въ торжествѣ федераціи, имѣющемъ произойти въ Парижѣ 14 юля.

„II. Управленія округовъ, или гдѣ еще нѣтъ ихъ, муниципальные кортуса опредѣляютъ самымъ экономическимъ образомъ трату на означенную поѣздку, издержка коей имѣеть пасть на округъ.

„III. Почтительнѣе просить короля дать необходимое приказаніе чтобы всѣ полки арміи назначили изъ среды своей по офицеру, унтеръ-офицеру и солдату для такового же участія въ федераціи.“

Последнее предложеніе о выборѣ депутатовъ полками, вызванное стремленіемъ все приводить къ выборамъ, встрѣтило сильное возраженіе въ депутатѣ де-Мирине, указавшемъ что праздники могутъ въ такомъ случаѣ сдѣлаться источникомъ нарушеній дисциплины: полки не совѣщательныя собранія и не могутъ посылать депутатовъ. Вызваны должны быть старшіе по службѣ. Собраніе въ слѣдующемъ засѣданіи имѣло благоразуміе согласиться съ этимъ предложеніемъ.

Пріятедь. Засѣданіе 7 іюня ознаменовалось выходкой Лафайета. Начальникъ Парижской національной гвардіи, онъ былъ въ эту эпоху на верху своей популярности. Распускали слухи что на празднествѣ 14 іюля онъ будетъ избранъ командиромъ всей національной гвардіи во Франціи и явится такимъ образомъ во главѣ значительной силы, которою можетъ де злоупотребить. Опасеніе было пустое, можетъ-быть даже нарочно раслущенное приверженцами генерала чтобъ еще усилить его значеніе. Лафайетъ воспользовался случаемъ показать себя рыцаремъ революціи, какимъ желалъ постоянно являться въ глазахъ толпы. Онъ предложилъ собранію издать декретъ подписывавшій что никто не можетъ быть начальникомъ національной гвардіи болѣе какъ въ одномъ департаментѣ и даже округѣ. Это не помѣшало ему быть героемъ дня 14го іюля, стоять во главѣ прибывшихъ депутацій и принять командованіе на праздникѣ.

Авторъ. Лафайетъ на бѣлой лошади! Одна изъ замѣчательныхъ, типичныхъ фигуръ революціоннаго движенія. Не имѣю я къ нему большой симпатіи. Онъ былъ, представляется мнѣ, интриганъ и эгоистъ во глубинѣ, для котораго популярность была божествомъ, но умѣлъ всегда являться въ ореолѣ неподкупной чистоты республиканскихъ убѣжденій, умѣлъ даже сохранить до нѣкоторой степени ореолъ этотъ въ исторіи. Поступалъ всегда соображаясь не съ дѣломъ, а съ тѣмъ какъ бы установить свои отношенія къ дѣлу такими чтобы каждый долженъ былъ сказать: какой это честный человекъ. Въ сущности онъ поддабывался къ силѣ, но такъ чтобъ являться дѣйствующимъ изъ неподкупнаго убѣжденія. Въ мятежѣ 5го

и 6го октября 1789 года онь полуститъ нецтовства, выдасть короля, но за то на балконѣ поцѣдуетъ руку королевы и вызоветъ рукополаганія рыцарскимъ поступкомъ.

П р и я т е л ь. Аффектированная скромность не мѣшала ему выслушивать самыя льстивыя рѣчи въ родѣ произнесенной его адъютантомъ (*Monit.* № 38) въ августѣ 1789 на освященіи знаменъ, на которомъ онь присутствовалъ съ женою и дѣтми.

А в т о р ь. Мѣстомъ праздвества 14 іюля 1790 года было назначено Марсово Поле, то самое гдѣ въ нынѣшнемъ году праздновался тотъ же день. Предположено было обратитъ Поле въ обширный циркъ, окруженный громаднымъ амфитеатромъ. Амфитеатръ рѣшено сдѣлать ступенями въ насыпи образованной землей свесенною со средины Поля. Издержка работъ высчитана городскимъ архитекторомъ въ 550.000 ливровъ. Въ городѣ ходили слухи что издержки будутъ простираться до шести милліоновъ ливровъ. Архитекторъ счелъ нужнымъ опровергнуть этотъ слухъ въ *Монитеръ*. Мѣсть опредѣлено въ амфитеатрѣ на 160.000 сидящихъ и 100.000 стоящихъ. Въ срединѣ устраивалась арена для помѣщенія 50.000 военныхъ участниковъ федераціи.

На сторонѣ зданій Военной Школы устроена была обширная крытая, украшенная голубою драпировкой съ золотомъ галерея, въ срединѣ которой былъ особый лавальионъ для помѣщенія короля. Въ лавальионѣ стоялъ тронъ и рядомъ съ трономъ кресло для президента Национальнаго Собранія. Позади трона особая трибуна для королевскаго семейства. По срединѣ цирка возвышался *алтарь отечества* на эстрадѣ въ 25 футовъ вышины, къ нему восходили по четыремъ лѣстницамъ оканчивавшимся каждая платформою. На платформахъ были поставлены античныя курльницы. Черезъ Сену былъ перекинутъ барочный мостъ, который велъ къ триумфальной аркѣ при входѣ на Марсово Поле. Въ аркѣ трое воротъ. На фасадѣ арки и по бокамъ эстрады гдѣ помѣщался алтарь отечества были многочисленныя надписи въ родѣ: „Только отечество и законъ могутъ вложить въ наши руки оружіе, умремъ для ихъ защиты, будемъ жить чтобъ ихъ любить“; „не будемъ болѣе страшиться васъ, мелкіе тираны, угнетавшіе насъ подъ разными наименованіями“; „дорожите свободой, вы обладаете ею телерь“ и т. д.

П р и я т е л ь. Заслуживаетъ вниманія надпись на сѣверномъ фасадѣ эстрады: „Нація, законъ, король. Нація—это вы, за-

конъ — опять вы, ваша воля; король — стражъ закона“. Такъ передана надпись въ *Монитеръ*; нѣкоторые историки, приводя надпись, выкидываютъ выраженіе *опять вы*, вѣроятно, для приличія (напримѣръ, *Mémoires pour servir à la vie du général Lafayette*, par Regnault-Warin, 1824, стр. 142).

Авторъ. На сторонѣ вѣстуды обращенной къ Семѣ красовалось изображеніе Свободы съ атрибутами изобилія и земледѣлія, на противоположной сторонѣ геній парящій въ воздухѣ и надпись *конституція*.

Во время пригготовительныхъ работъ случился любопытный эпизодъ, сдѣлавшій хожденіе для работъ на Марсовомъ Полѣ модною прогулкой Парижанъ. *Монитеръ* отъ 8 іюля такъ описываетъ событіе.

„На прошлой недѣлѣ одинъ изъ распорядителей работами на Марсовомъ Полѣ предложилъ рабочимъ продлить занятія долѣе семи часовъ вечера. Рабочіе отказались съ неудовольствіемъ, хотя имъ было предложено увеличеніе платы. Такъ какъ чрезвычайно важно чтобъ эти работы были окончены къ назначенному сроку, граждане всѣхъ званій и всѣхъ возрастовъ предлагали свои услуги чтобы продолжатъ работы. Усердіе съ какимъ эти добрые патріоты работаютъ заступомъ, долотомъ и тачкой достойны удивленія. Вчера число ихъ было несмѣтно, и они выказывали живое нетерпѣніе смѣнить трудящихся за плату. Когда грянулъ выстрѣлъ изъ лунки возвышающій конецъ рабочаго дня, раздался общій руколесканія. Тотчасъ граждане набросились на инструменты, и работы продолжались съ такою дѣятельностью и съ такимъ умѣньемъ что зрители въ числѣ болѣе ста тысячъ громко выражали свое сочувствіе. Распространившійся слухъ что работы на Марсовомъ Полѣ не будутъ окончены къ сроку возбуждалъ общее рвеніе. Не можетъ быть ничего трогательнѣе какъ усердіе этихъ работниковъ послѣдняго часа. Сегодня граждане направляются туда толпами, дѣти слѣдуютъ за родителями и родными. Вотъ нѣжная женщина работаетъ рядомъ со здоровеннымъ лоденщикомъ; вотъ колачетъ землю заступомъ національ-гардъ, пока другой національ-гардъ долотомъ накладываетъ эту землю на тачку, которую сейчасъ повезетъ на себѣ священникъ. Ночью работы продолжаютъ при свѣтѣ фонарей которые дѣти держатъ предъ рабочими. Среди этихъ кучъ земли должествующихъ образовать амфитеатръ вокругъ арены федераціи, каждый съ величайшею радостью выбивается изъ силъ, и никто не почитаетъ себя утомленнымъ. Враги республики, свободы, равенства, не ходите на это зрѣлище! или иѣтъ, лучше идите чтобъ убѣдиться какъ мужество патріотизма усугубляетъ силы истинныхъ гражданъ и можетъ-быть при видѣ его вы сами станете таковыми. Рвеніе этихъ безплатныхъ труженниковъ

такъ велико что его принуждены сдерживать; число ихъ безконечно, и въ самый проливной дождь работы продолжались безостановочно. Иностранцы изумляются и спрашиваютъ себя: что это за нація? какая энергія! какой патріотизмъ! Это ли представленіе имѣли мы о французскомъ народѣ по невѣрнымъ описаніямъ?“

Пріѣзжалъ на работы и Лафайетъ со штабомъ; былъ и король въ сопровожденіи дофина. Изъ подгородныхъ мѣстъ приходили поселяне съ мерами и священникамъ. Корпорации городскихъ ремесленниковъ являлись имѣя во главѣ музыкантовъ или барабанчиковъ; у каждой было знамя съ надписью: *для отечества ничто мнѣ не трудно! Жить свободнымъ или умереть!* Появился и красный якобинскій коллакъ. Нѣкоторыя группы являлись неся его на шеѣ. Въ *Минутѣ* помѣщались трогательныя описанія въ родѣ слѣдующаго „письма къ издателю“:

„Милостивый государь,—Въ воскресенье я прогуливалась съ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ порицателей революціи. Наши споры по этому поводу не только не вразумляли его, но еще болѣе раздражали. Приходимъ на Марсово Поле. Граждане всѣхъ классовъ съ горячностью трудились надъ приготовленіями къ трогательной церемоніи, которой предстоитъ сдѣлать изъ великаго народа великое семейство. „Вотъ, говорю я, взгляните! ужели это рвеніе не доказываетъ вамъ на чьей сторонѣ истина?“ Въ это время женщины молодя, прекрасныя, вѣжныя, нарядно одѣтыя проходили мимо насъ, толкая тачки полныя земли... Мой товарищъ вглядывается въ нихъ, черты его лица просвѣщаются, слезы текутъ изъ его глазъ. Онъ бросается на тачку, я дѣлаю то же. Послѣ нѣкотораго молчанія: „А! говоритъ онъ, вотъ первая минута счастья во весь этотъ годъ! Прочь безумная гордость! клянусь, и я хочу принадлежать этой большой семьѣ.“ О, восхитительный полъ! эта побѣда есть ваше дѣло... Пусть ваше рвеніе просвѣтитъ, умягчитъ, увлечетъ тѣхъ изъ Французовъ которыми самолюбіе внушаетъ опасныя замыслы и возвратитъ ихъ въ вѣдра братьевъ сожалѣющихъ ихъ и любящихъ.“

Пріятедь. И школьный міръ не остался внѣ общаго потока. Въ коллежѣ Лудовика Великаго (нынѣ *Licée Louis le Grand*) послѣ рекреаціи когда зазвонили къ ученью...

Авторъ. Кстати. Во Франціи до революціи къ классамъ призывали звонкомъ, а затѣмъ звонокъ былъ замѣненъ барабаномъ. Такъ было при Наполеонѣ I. Послѣ реставраціи звонокъ восстановленъ. Во вторую имперію опять были въ барабанъ; не знаю какъ теперь.

Пріятели... Ученики бросились толпою по лѣстницѣ для экстерновъ съ криками „au Champ Mars“. Надзиратели вынуждены были послѣдовать за ними. Школьники по пути заходили въ другія заведенія, увлекая учащихъся. Кортель направляется на Марсово Поле и школьники смѣшиваются съ работавшими. Директоръ лицея (principal) ждетъ между тѣмъ въ безлокоиствѣ. Становится темно. Послѣ десяти часовъ компанія наконецъ вернулась, голодная, усталая, одежда въ беспорядкѣ; большіе несли маленькихъ на рукахъ. Примѣръ въ слѣдующіе дни нашель подражаніе и въ другихъ школахъ. Въ Наваррскомъ коллежѣ (Collège de Navarre) ученики были задержаны годичнымъ сочиненіемъ, опоздали и въ маломъ лишь числѣ явились на Марсово Поле. Это произвело дѣлое возмущеніе въ школьномъ мірѣ. Въ тотъ же вечеръ ученики разныхъ заведеній съ лопатами и шлагами въ рукахъ (armés de pelles et d'épées) направились къ Наваррскому коллежу, съ криками требовали директора, ругая его и обвиняя въ аристократизмѣ. На другой день въ околоточное управленіе мѣстности явились уполномоченные отъ разныхъ учебныхъ заведеній округа съ заявленіемъ что съчтаютъ и учениковъ и начальство Наваррскаго коллежа добрыми гражданами.

Въ коллежѣ Св. Варвары (Sainte Barbe) инспекторъ классовъ г. Николь (Nicolle) хотѣлъ было наказать учениковъ отпавившихся, несмотря на запрещеніе, на Марсово Поле. Произошло школьное волненіе. Ученики другой школы подбивали Барбистовъ „подвергнуть ихъ тирана позорящему наказанію“. Чтобы усмирить возстаніе вынуждены были четырехъ воспитанниковъ исключить. Но волненіе все продолжалось, и чтобы умиротворить воспитанниковъ директоръ уговорилъ ретиваго инспектора выйти въ оставку.*

Авторъ. Когда на всѣхъ путяхъ водворяется анархія и всюду гдѣ должна проявляться власть никто во власть не вѣрять и сама она въ себя не вѣрять, нечего удивляться ладенію и школьной дисциплины. Тѣмъ не менѣе вопросъ о роли школы въ революціи заслуживаетъ большаго вниманія. Замѣчательно что школа во французской революціи далеко не игра-

* Есть весьма основательныя исторіи Парижскихъ коллежей: Quicherat—*Hist. du Coll. Sainte-Barbe*; Emond—*Hist. du Coll. Louis le Grand*; Chapetin *Hist. du Coll. Dormans-Beauvoir*.

еть той роли какую готовы дать ей ждущіе нашего революціоннаго движенія. Извѣстно что на школу возлагаются у насъ всѣ надежды таковыхъ; овладѣть школою ими справедливо считается главною цѣлью. У историковъ французской революціи вы не встрѣтите ничего о вліяніи школьнаго воспитанія на разныхъ его ступеняхъ на революціонное направленіе умовъ поколѣнія произведшаго революцію. Тамъ главнѣйшее вліяніе принадлежало литературѣ, и вопервыхъ, въ произведеніяхъ философскаго и политическаго содержанія доступныхъ „свѣтскимъ людямъ“, gens du monde, и затѣмъ въ ея журнальномъ элементѣ, получившемъ въ революціонную эпоху чрезвычайное развитіе, — газетахъ, брошюрахъ и т. п. Политическое легкомысліе, въ изящныхъ формахъ съ тонкостями ума играющаго серьезнымъ содержаніемъ, выходило главнымъ образомъ изъ салоновъ высшаго круга и какъ мода распространялось въ странѣ. Честолюбіе интеллигентнаго, но не привилегированнаго класса дѣлало игру оласвою.

О положеніи науки и ученыхъ въ эпоху революціи есть любопытная книжка знаменитаго ученаго Біо, изданная въ 1803 году, подъ заглавіемъ *Essai sur l'histoire générale des sciences pendant la révolution française*, par J. B. Biot.

„Когда началась революція, читаемъ тамъ, всѣ умы обратились къ политикѣ. Науки были внезапно оставлены; онѣ не могли имѣть никакого вѣса въ начавшейся борьбѣ, занимавшей всѣ головы. Скоро совсѣмъ забыли о ихъ существованіи. Свобода сдѣлалась темой всѣхъ писаній и рѣчей. Казалось одни ораторы могутъ ей служить, и эта ошибка была отчасти причиною нашихъ золъ. Большинство ученыхъ остались простыми зрителями подготовляемыхъ событій; ни одинъ открыто не выступилъ противъ революціи, нѣкоторые приняла ея сторону. Именно тѣ кого волновали обширные взгляды и кто видѣли въ общественномъ обновленіи средство приложить и осуществить свои теоріи. Они хотѣли господствовать надъ революціей и были увлечены ею. Но тогда еще были полны надежды.... Общее броженіе, порожденное революціей, простерлось и на учебный міръ. Набать раздался и въ этихъ тихихъ убѣжищахъ; каждую минуту мятежныя шайки изъ женщинъ, дѣтей, людей всякаго званія, нарушали ученье и принуждали юношество становиться подъ ихъ грязныя знамена, являя ему зрѣлище всякаго рода нецтовствъ.... Коллежи

опустѣли, бѣлая часть закрылась. Пустота грозившая наступить въ дѣлѣ общественнаго образованія, съ пагубными послѣдствіями долженствовавшими отъ того произойти, поразила Учредительное Собраніе. Оно опредѣлило что преподаваніе не должно ни на минуту быть прервано и просило короля повелѣть возобновить ученіе въ коллежахъ какъ всегда. Но было уже поздно. Толчокъ былъ данъ. Никто не въ силахъ былъ его остановить. Повсюду ученіе или прекратилось или тянулось кое-какъ. Скоро стали считать его бесполезнымъ.

„Среди общаго потрясенія, паденіе университетовъ прошло незамѣченнымъ. Но вліяніе этого событія на воспитывающееся поколѣніе отъ того не сдѣлалось менѣе чувствительнымъ. Нынѣшнее устройство общества основано на прогрессѣ цивилизаціи. Общее образованіе одна изъ его основъ. Причиняя ему ущербъ, разрываемъ часть пружинъ движущихъ общественное тѣло. Зло въ началѣ нечувствительно, жизнь не разрушена, но поражены органы воспроизведенія. Когда новое поколѣніе современемъ вступитъ въ политическую систему, люди окажутся малыми и слабыми; государство, которое они не въ силахъ поддержать, опустится въ ихъ рукахъ. Да охраняютъ возстановительныя мѣры страну нашу отъ этой печальной участи!“

Сколько правды въ этихъ словахъ, и какъ должны были бы и мы ихъ памятовать!

РАЗГОВОРЪ ШЕСТОЙ.

Авторъ. Въ прочитанныхъ нами вчера въ сборникѣ Бюшеса и Ру (*Hist. parl. de la Révol. par Buchez et Roux, VI, Paris, 1834*) газетныхъ описаніяхъ работъ и празднествъ на Марсовомъ Полѣ, одинъ эпизодъ наломилъ мнѣ какъ во все времена одинаковъ пріемъ въ безсовѣстной части журналистики для развращенія молодежи. Пріемъ этотъ дестъ. Школьная молодежь, повторяю, не была фокусомъ на который направлялось дѣйствіе, но по временамъ и ее не забывали. Крайнія республиканскія газеты не особенно привѣтствовали празднество 14 іюля. Такъ или иначе, это былъ праздникъ согласія, а таковое желательно не было. Въ журналѣ Камилла Демулена, *Révolutions de France et de Brabant*, говорится впро-

чемъ о работахъ на Марсовомъ Поля. „Народу“ конечно подносится лесть, растворенная сожалѣніемъ. „Какъ обманываютъ эту націю, восклицаетъ журналистъ, какъ заблуждается этотъ превосходный народъ думающій что онъ свободенъ! Но прекрасно быть обманутымъ, прекрасно судить о своихъ представителяхъ, министрахъ, судьяхъ по своей собственной добродѣтели и неподкупности!“ Затѣмъ лесть обращается къ молодежи, подбиваемой въ желательномъ направленіи. Разказывается трогательная исторія.

„Мальчикъ изъ одного лавсіона въ Венсеннѣ тоже работалъ; его спрашиваютъ: нравится ли ему этотъ трудъ? и онъ отвѣчаетъ: *пока могу предложить отечеству только мой потъ, но отдаю его съ великимъ удовольствіемъ.* Вотъ поколѣніе которое обѣщаетъ намъ лучшее законодательное сословіе и лучшіе клубы вежели въ 1789 году... Я замѣтилъ между дѣтьми—дѣти всегда друзья равенства—что ни одинъ изъ нихъ не прокричалъ: „да здравствуетъ король“, не прокричавъ прежде деваносто девять разъ: „да здравствуетъ нація“, т.-е. уже окрипши и когда голосъ уже не былъ достаточно звученъ чтобы славить французскій народъ...“

Прія т е л ь. Къ анекдоту о краснорѣчивомъ ребенкѣ присоединяется анекдотъ о доврчивомъ молодомъ человѣкѣ. „Является молодой человѣкъ, сбрасываетъ съ себя верхнее платье, кидаетъ на него двое своихъ часовъ, беретъ заступъ и удаляется съ нимъ на мѣсто работы.—Но ваши часы? кричать ему.—О! можно ли подозрѣвать братьевъ!—И часы на лeskѣ и на щекѣ остаются такъ же неприкосновенными какъ депутатъ въ Національномъ Собраніи.“

А в т о р ь. Въ дни ликованій была и обратная сторона. Распускались тревожные слухи лобуждавшіе многихъ выѣзжать изъ Парижа. Утверждали что во всю недѣлю федераціи ни одинъ возъ съ провизіей не будетъ пропущенъ на рынокъ, толковали будто лодъ зданіемъ Военной Школы и лодъ всѣмъ Марсовымъ Полямъ сдѣланъ обширный лодколъ и будетъ взрывъ. Меръ города Парижа, Бальи, получалъ угрожающія анонимныя лисьма. По настоянію Лафайета, отъ городского управленія была издана усложительная прокламація, гдѣ было между прочимъ сказано: „Пусть предающіеся страху удаляются: значить они этого хотятъ; пусть бѣгутъ праздыка свободы лодъ предлогомъ химерической опасно-

сти; но друзья революціи да останутся. Пусть подумаютъ что такого для дважды не увидимъ.“

П р и я т е л ь. И Собраніе заботилось о предстоящемъ торжествѣ. За нѣсколько дней до праздника въ засѣданіи 9го юля, въ Собраніи обсуждался церемоніаль прінесенія присяги. Конституціонный комитетъ представлялъ проектъ декрета изъ слѣдующихъ четырехъ статей:

Статья I. Король благоволитъ принять на себя начальствованіе надъ національными гвардейцами и войсками имѣющими прибыть на общую конфедерацію 14 юля, и назначитъ офицеровъ для командованія его именемъ и по его приказаніямъ.

Статья II. Во всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ председатель Національнаго Собранія будетъ занимать мѣсто помѣщающаяся непосредственно рядомъ съ королемъ по правую сторону. Депутаты будутъ помѣщаться частью по лѣвую сторону отъ короля и частью по правую отъ председателя.

Статья III. Послѣ того какъ принесутъ присягу депутаты отъ національной гвардіи и другихъ частей войскъ королевства, председатель Національнаго Собранія повторитъ присягу принесенную имъ минувшаго 4го февраля, послѣ чего каждый изъ членовъ Собранія, стоя, и съ поднятою рукою, произнесетъ: *клянусь*.

Статья IV. Затѣмъ принесетъ присягу король, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я, первый гражданинъ и король Французовъ, клянусь націи употреблять всю власть ввѣренную мнѣ конституціоннымъ закономъ государства, на соблюденіе конституціи установленной Національнымъ Собраніемъ и мною принятой, и блюсти за исполненіемъ законовъ.“

А в т о р ь. Эти подробности церемоніала имѣли важное значеніе какъ указаніе на новое положеніе королевской власти во Франціи. И по новой конституціи Франція оставалась монархіей, но Собраніе ревниво заботилось не дать королю какого-либо шага предъ собою и стремилось оставить его въ положеніе перваго чиновника государства, исполнителя декретовъ Націи, имѣющей Собраніе истиннымъ органомъ своихъ велѣній. Роялисты, которыхъ было еще довольно въ Собраніи и для которыхъ идея монархіи являлась еще въ прежнемъ обаяніи, не могли не видѣть въ новомъ положеніи какое давалось королю великое униженіе королевской власти. Въ настоящемъ случаѣ наибольшее впечатлѣніе произвело порученіе королю,—естественному вождю военныхъ силъ страны, признанному такимъ и конституціей,—началь-

ствованія надъ собранными представителями арміи и національной гвардіи, особымъ декретомъ Собранія. Въ рядахъ монархистовъ слышался ропотъ. Когда же водворилось молчаніе, аббатъ Мори потребовалъ слова.

Онъ сказалъ: „Какъ ни опасно высказывать свое мнѣніе въ конституціонныхъ вопросахъ, столь щекотливыхъ по своей сущности и еще болѣе щекотливыхъ по обстоятельствамъ, и которые невозможно было вполнѣ и строго обдумать, я полагаю что достоинство представителя французскаго народа требуетъ отъ него сообщенія Собранію размышленій внутреннихъ ему хотя бы и бѣглымъ прочтеніемъ декрета подобной важности. Въ природѣ нашего правленія и особенно нашихъ сердецъ лежитъ основаніемъ убѣжденіе что Франція есть монархія: главный же принципъ монархіи состоитъ въ томъ что вождь государства есть единственный распорядитель общественной силы. Еслибы во Франціи явилась вооруженная сила независимая отъ короля, Франція перестала бы быть монархіей. Поэтому меня чувствительно огорчило когда я услышалъ сдѣланное вамъ комитетомъ конституціи предложеніе просить короля принять командованіе надъ войсками и національною гвардіей. Подобное предложеніе показалось мнѣ несомнѣннымъ съ величіемъ короля Французовъ. Фактомъ этого предложенія какъ будто дается понять что было бы возможно, подъ глазами короля, предложить другому гражданину принять командованіе надъ 50 или 60 тысячами людей. Въ минуту когда бы такое полномочіе состоялось, у насъ было бы два короля, какъ въ Спартѣ. Это политическое мавихейство, двуначаліе, опрокинуло бы монархію. Поэтому, въ исправленіи статьи I я требую чтобы Собраніе объявило что всѣ войска собранныя на Марсовомъ Полѣ не будутъ имѣть иного вождя, кромѣ верховнаго вождя націи, объявленнаго конституціей верховнымъ вождемъ арміи.“

Аббату Мори, съ увертками, отвѣчалъ адвокатъ Барнавъ. „Я полагаю, сказалъ онъ, какъ и говорившій прежде меня, что никто кромѣ короля не можетъ быть главою федераціи, но раздѣляю мнѣніе комитета конституціи что король долженъ быть призванъ таковымъ особымъ актомъ законодательнаго корпуса имъ утвержденнымъ. Первая тому причина въ томъ что нѣтъ никакого отношенія между этимъ качествомъ главы

конфедерациі и качествомъ главы исполнительной власти; это одинъ изъ тѣхъ актовъ которые имѣютъ мѣсто только въ моментъ когда конституція составляется и слѣдовательно не могли быть ею предусмотрены.“ „Это одинъ изъ тѣхъ актовъ когда всѣ власти восходятъ къ своему источнику, и когда власть націи есть единственная могущая предлагать законы и правила. Значить рѣшеніе, кому предоставить начальствованіе, подлежитъ верховенству властей (à la souveraineté des pouvoirs). Слѣдовательно необходимъ спеціальныи актъ. Вы признали декретомъ что король непосредственный глава арміи; но конституція еще не объявила что онъ непосредственный глава національной гвардіи. *(Поднимается ропотъ.)* Я не говорю что король не долженъ быть главою конфедерациі, я говорю что нельзя въ настоящую минуту признавать его таковымъ вслѣдствіе несуществованія декрета и что необходимъ предварительный декретъ.“

Аргументація Барнава вызвала горячее возраженіе со стороны молодого Казалеса (Cazalès). „Не безъ удивленія услышалъ я, произнесъ онъ, что верховный глава исполнительной власти, что правитель націи, что король, власть котораго предшествовала вашей... *(Сильный ропотъ: раздаются требованія чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку.)* Я не понимаю такой немилости къ словамъ столь простымъ и правдивымъ. Повторяю, не безъ удивленія услышалъ я что верховный глава исполнительной власти, что правитель націи, что король, чья власть предшествовала вашей.... *(опять ропотъ)* Конечно, я не хочу этимъ сказать что власть короля предшествовала власти націи, отъ которой истекаетъ всякая власть; но я сказалъ, и это несомнѣнная истина, что власть короля предшествовала власти представителей націи; онъ далъ вамъ движеніе и жизнь, безъ него вы бы не существовали: и потому, говорю я, невозможно чтобы вашъ король, тотъ кто васъ создалъ, наследственный представитель французскаго народа, нуждался въ декретѣ отъ васъ чтобы быть верховнымъ главою военныхъ силъ королевства! Трудно представить себѣ монархію гдѣ король не былъ бы главою арміи; онъ глава ея по закону королевства, а не по вашему произволению, онъ глава ея по волѣ націи, а вы не нація; онъ глава ея по праву короны, какъ наследственный вождь страны; онъ глава ея по вашей конституціи, потому что вы' признали вер-

ховное указаніе націи выразившей свою волю чтобы онъ былъ признаваемъ таковымъ.“

Пріятель. Достоимо вниманія что и Казалесь, съ рыцарскою отвагою отстаивавшій монархію, о верховенствѣ націи не рѣшается говорить иначе какъ о политической акціонѣ.

Авторъ. Другой пунктъ возбуждившій возраженія былъ пропускъ въ декретѣ какого-либо уломиванія о мѣстѣ для королевскаго семейства. „Я принимаю, сказалъ аббатъ Морп, что предсѣдатель Национальнаго Собранія долженъ помѣщаться по правую сторону короля непосредственно, а депутаты по правую и по лѣвую предсѣдателя и короля, который конечно не можетъ имѣть болѣе благороднаго кортежа. Но въ монархіи наследственной, гдѣ по конституціонному принципу королевская власть должна переходить преемственно въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства, не подобаетъ ли питать особое почтеніе къ принцамъ могущимъ наследовать корону? Не слѣдуетъ ли удѣлить почетное мѣсто принцамъ крови которые будутъ солугствовать его величеству? (*Слышенъ ропотъ.*) Я очень дурно выразился если изъ словъ моихъ заключаютъ что я требую посредника между королемъ и націей: его не можетъ быть.... Еслибы рѣчь шла о томъ чтобъ установить іерархію власти, я конечно сказалъ бы что ничто не стоитъ и не должно стоять между королемъ и націей. Но рѣчь о томъ чтобы почтить націю и короля воздаяніемъ почтенія семейству короля, рѣчь идетъ о церемоніи на которую король явится не для проявленія своей власти. Онъ въ первый разъ будетъ находиться въ вѣдрахъ своего великаго семейства. Къ ощущеніямъ которыхъ онъ будетъ исполненъ присоедините отраду быть въ средѣ и своей собственной семьи, которая есть также семья государства. Патріотизмъ призываетъ насъ преисполнить душу нашего короля тѣми чудными волненіями которыя онъ самъ такъ способенъ внушать. Умножимъ его радость и утѣшенія; не будемъ отдѣлять его отъ сына, отъ подруги, въ минуту когда онъ будетъ ощущать такое высокое благо и пріеметъ на себя столько обязательствъ. Великодушные представители народа, свободнаго народа прославившагося любовью къ своимъ королямъ! не подражайте тѣмъ деспотамъ Востока которые содержатъ въ заключеніи свое семейство, которые наследника трона подвергаютъ

рабству, и выпускаютъ изъ заключенія лишь наканунѣ того дня когда ему предстоитъ превратиться въ самаго неограниченнаго деспота. Тронъ объявленъ наследственнымъ, это основное правило государства, и нація не можетъ достаточно оказать почета тѣмъ кто имѣютъ на него права; преизбыткомъ почтенія вы можете только наградить короля за восстановление нація во всѣхъ ея правахъ. Вы не захотите чтобы въ этотъ, на вѣки памятный день, изъ всѣхъ присутствующихъ только королевское семейство чувствовало себя неудовлетвореннымъ въ своихъ желаніяхъ.“

Собраніе въ заключеніе приняло первую статью въ редакціи комиссіи безъ измѣненія; ко второй прибавлены были слова: „къ его величеству обратятся съ просьбой отдать приказаніе чтобы королевское семейство было помѣщено приличнымъ образомъ.“ Третья принята безъ возраженій. Въ четвертой выпущены слова *первый гражданинъ*.

Около 10 іюля депутаты изъ провинцій собрались уже въ Парижѣ. Въ этотъ день Лафайетъ избранъ былъ стать во главѣ всей депутаціи отъ національной гвардіи во Франціи. Въ сопровожденіи представителей депутаціи онъ явился съ адресомъ въ Собраніе и затѣмъ къ королю. Адресъ къ Собранію значительно полнѣе и знаменательнѣе адреса къ королю. Вотъ изъ него отрывокъ:

„Нація пожелавъ стать свободною, вамъ поручила дать ей конституцію... Да, милостивые государи, вы познали нужды и желанія Французовъ когда *разрушили* готическое зданіе нашего правительства и нашихъ законовъ, пощадивъ лишь монархическій принципъ, и внимательная Европа узнала что добрый король можетъ быть опорой свободнаго народа, какъ онъ былъ утѣшителемъ народа угнетеннаго. Окончите ваше дѣло!...“

„Пусть торжество этого дня будетъ сигналомъ примиренія партій, забвенія неудовольствій, мира и общественнаго благополучія! И не бойтесь чтобы сей святой энтузіазмъ увлекъ насъ за предѣлы предписываемые общественнымъ порядкомъ. Подъ покровомъ закона знамя свободы никогда не сдѣлается знаменемъ своеволія. Клянемся честью свободныхъ людей: Французы не дадутъ тщетныхъ обѣщаній.“

Гораздо короче, со значительно меньшею торжественностію составленъ адресъ королю. „Въ потокѣ памятныхъ событій, возвратившихъ намъ неотъемлемыя права, когда звер-

гя народа и добродѣтели короля дали другимъ народамъ и ихъ вождямъ такіе великіе примѣры, намъ пріятно почитать въ вашемъ величествѣ прекраснѣйшій изъ всѣхъ титуловъ— титулъ главы Французовъ и короля свободного народа.... Французскіе національ-гарды клянутся вашему величеству въ повиновеніи, которое не знаетъ другихъ границъ кромѣ закона, и въ любви, которая кончится лишь съ нашею жизнью.“

Король отвѣчалъ: „Передайте вашимъ согражданамъ то что я хотѣлъ бы сказать имъ всѣмъ какъ скажу вамъ. Передайте что ихъ король есть ихъ отецъ, братъ, другъ, что онъ можетъ быть счастливъ только ихъ счастьемъ, великъ только ихъ славой, могущественъ только ихъ свободою, страдаетъ только ихъ несчастіями.“

Наступилъ день празднества. Въ изданіи *Mémoires pour servir à la vie du gen. Lafayette* въ числѣ *pièces justificatives* помѣщено описаніе этого дня сдѣланное очевидцемъ, членомъ Национальнаго Собранія, и весьма живо рисующее событія праздника, которому сильно мѣшала проливной дождь. Не будетъ, думаю, лишнимъ привести это описаніе вполнѣ. Оно весьма характеристично и по изложенію, и по мыслямъ, и переводить насъ въ эту странную эпоху сбитыхъ мыслей и раздраженной чувствительности. Описаніе составлено въ формѣ письма къ другу.

„Какое обязательство я принялъ на себя! Я обѣщалъ написать тебѣ тотчасъ послѣ окончанія праздника который столица дала націю. Но знаешь ли ты въ какомъ положеніи я былъ послѣ этого великолѣпнаго торжества? Я умералъ отъ голода и холода, я падалъ отъ изнеможенія.

„Великія впечатлѣнія воспріятыя мною, какъ всегда бываетъ, еще болѣе меня подавили и лишили меня силы, необходимой чтобы ихъ достойно передать.

„Около Национальнаго Собранія назначено было собираться его членамъ, что и было ими исполнено около девяти часовъ. Полтора часа спустя, главнымъ начальникомъ парижской гвардіи г. де-Лафайетомъ былъ данъ сигналъ къ началію шествія. Для этого выбравъ былъ тотъ моментъ когда войска, тронувшіяся отъ городской ратуши, передовыми рядами приближались къ площади Людовика XIV, гдѣ должно было къ нимъ присоединиться Национальное Собраніе. Г. де-Бонней, по своей рѣдкой способности къ предсѣдательству столь достойный стоять во главѣ Национальнаго Собранія въ подобный день, вручилъ намъ распредѣленіе шествія.

„Выступивъ изъ залы нашихъ засѣданій, мы направились къ самой большой аллеѣ въ Тюилери. Мы должны были идти двумя линіями, по двое въ каждой, и слѣдовательно

всего по четыре въ рядъ, что очень затруднилось слѣдующимъ обстоятельствомъ: нѣсколько дней шелъ дождь; сегодня, въ день—столь достойный самой великолѣпной погоды, дождь лилъ ливнемъ. Еще не установившись для шествія, еще не сдѣлавъ ни шагу, представители націи были всѣ мокрые; однимъ зонтикомъ часто прикрывались трое и четверо,—слѣдовательно никто. Мы были буквально въ водѣ, было отъ чего прійти въ отчаяніе; но мы поступили лучше; когда на душѣ радость, все легко обращается въ радость: рѣшились смѣяться надъ своимъ злополучіемъ.

„На всемъ протяженіи дороги мы встрѣтили то же настроеніе въ рядахъ зрителей стоявшихъ шпалерами съ обѣихъ сторонъ; они насквозь промокли и лѣли. Въ Куръ-ла-Ревъ нельзя сказать гдѣ больше было любопытныхъ: подъ деревьями или на деревьяхъ.

„Около моста Pont-Tougnant, насъ привѣтствовалъ Лафайетъ; возлѣ этого генерала, такъ прекрасно оправдывающаго надежды которыя подавала его первая юность, мы видѣли цѣлый баталіонъ героев не выше ихъ сабель и ихъ гренадерскихъ шалоковъ; это двѣнадцать и тринадцатилѣтніе солдаты; ихъ баталіонъ носилъ названіе *Надежды Отечества*. Недалеко отъ нихъ стоялъ баталіонъ ветерановъ. Такимъ образомъ, мы переходили отъ сладкаго волненія къ волненію глубокому, и можно было однимъ взглядомъ окинуть ковецъ жизни и ея начало, посвященные отечеству.

„Ты знаешь, мой другъ, сколько разъ мы были тронуты до слезъ, восхищаясь въ Плутархѣ картинами которыя, быть-можетъ, служили образцомъ и для этой, но которыя донинѣ можно было встрѣтить только въ исторіи древности; ты увидишь сколь правдоподобно сдѣлали мы эту исторію древнихъ.

„Отъ конца Куръ-ла-Ревъ до заставы Конферансъ на одной сторонѣ, какъ тебѣ извѣстно, всюду дома: вообрази что мы почти ни одного не видали; они всѣ сверху до визу были скрыты подъ любопытными, которые, такъ-сказать, выпирались изъ оконъ. Крыши всѣ были покрыты людьми.

„Очень широкой и очень прочный мостъ былъ въ нѣсколько дней установленъ на баркахъ противъ Марсова Поля,—постройка его была совершена такъ скоро что казалась волшебствомъ. Переходя черезъ этотъ мостъ, мы имѣли предъ глазами триумфальную арку, съ тремя большими проходами подъ ней. Барельефы, надписи этой триумфальной арки, глаголютъ не о побѣдахъ и кровавыхъ битвахъ, но о свободѣ, о конституціи, о правахъ народа.

„Когда мы прошли подъ этими сводами арки, мы казалось вступили въ иной міръ, а не въ знакомое намъ Поле. Вообрази себѣ огромное пространство окруженное землянымъ возвышеніемъ, на которомъ въ тридцать рядовъ были поставлены скамейки, между ними тамъ и самъ оставлены проходы для свободнаго движенія и выхода.

„Напротивъ триумфальной арки и на противоположной око-

вечности Марсова Поля, возвышалась крытая галлерей изящнаго рисунка; въ серединѣ ея и приблизительно на половинѣ ея высоты, являлся глазамъ тронъ короля Французовъ, тронъ Лудовика XVI; направо и нѣмного отъ трона поднимались ряды скамеекъ предназначеныя, верхніе для представителей народа, прочіе—членамъ муниципалитета, избирателямъ Парижа и чрезвычайнымъ депутатамъ всего королевства.

„Надъ трономъ, въ самой возвышенной части галлерей, было устроено особое помѣщеніе для королевы, дофина, королевской фамиліи и ихъ свиты. Посреди Марсова Поля, казавшагося еще несравненно обширнѣе, съ тѣхъ поръ какъ столько предметовъ дѣлали эту обширность еще замѣтнѣе, возвышался алтарь отечества. Съ четырехъ сторонъ его спускались отлогіе скаты по своей ширинѣ какъ будто предназначенныя для шествія дѣлаго народа. На ступеняхъ ихъ были разбѣяны священники, одѣтые всѣ въ бѣломъ и въ этомъ одѣяніи наломившіе воображенію левитовъ и георофантовъ.

„Когда это зрѣлище представало глазамъ Национальнаго Собранія, стулени алтаря были покрыты національ-гардами подъ ружьемъ, и мирные служители религіи, предъ алтаремъ, самымъ возвышеннымъ быть-можетъ изъ всѣхъ когда-либо воздвигнутыхъ человѣкомъ, казалось стояли на этой высотѣ уже не для того чтобы возвыситься надъ остальными смертными, но чтобы быть ближе къ небу.

„Дождь въ это время лопелъ еще сильнѣе, зрители на террасахъ раскрыли свои зонтики и надъ ихъ головами образовалась какъ бы развоцвѣтная крыша. Но вскорѣ дождь пересталъ, зонтики сложены и глазамъ является болѣе ста тысячъ зрителей.

„Внутри црка, на своихъ мѣстахъ уже строились рядами прибывавшіе національ-гарды.

„Скамейки нижней части галлерей уже были заняты лицами которыхъ предназначались; въ помѣщеніи для королевской фамиліи еще были видны только нѣсколько министровъ его величества и нѣсколько особъ его свиты.

„Когда мы помѣстились на своихъ мѣстахъ, пришлось ждать еще болѣе трехъ часовъ прежде нежели всѣ федераты собрались, и прежде нежели были принесены на Марсово Поле всѣ знамена отъ департаментовъ.

„Дождь былъ точно въ заговорѣ противъ праздника, ливень возобновлялся поминутно, словно нарочно чтобъ опечалить всѣхъ; но это ему не удалось: въ самый разгаръ проливнаго дождя нѣкоторые изъ федератовъ взяли за руки и начали танцовать образуя кругъ; они нашли подражателей; круги соединялись, раздѣлялись, ихъ было то больше, то меньше; воздухъ огласился кликами радости и лѣсками; видны были только солдаты и гренадеры бѣгущіе и прыгающіе держа другъ друга за руку; никогда не было зрѣлища болѣе пріятнаго и въ то же время болѣе внушительнаго какъ видъ этой арміи,

которая за нѣсколько минутъ до того какъ ей предстояло присягнуть что она, когда понадобится, прольетъ всю свою кровь до послѣдней капли за свободу, танцовала вокругъ алтаря отечества подъ глазами своихъ законодателей.

„Другое чувство, которое эти солдаты націи проявляли каждую минуту, было нетерпѣніе увидать короля: было мгновеніе когда тронъ прикрыли чтобъ обезопасить его отъ дождя. При этомъ движеніи, о которомъ нельзя было судить на далекомъ разстояніи, тысячи голосовъ огласили воздухъ кликомъ: *да здравствуетъ король!* и тысячи рукъ и сабель поднялись кверху, влекомые неудержимымъ порывомъ радости.

„Присутствіе королевы вызвало тѣ же восторги; а она еще удвоилась когда нѣсколько разъ поджавъ на рукахъ своихъ юнаго наследника трона, она словно призывала на него любовь и священное чувство націи. Въ этихъ неумолкавшихъ кликахъ, наполнявшихъ все обширное пространство, слышно было волненіе которымъ переложены были груди этихъ представителей защитниковъ націи столь же крѣпкой, сколь доблестной. Въ этомъ случаѣ ты увидалъ бы, мой другъ, то чему душа твоя должна вѣрить, что величіе никогда не можетъ быть болѣе могущественнымъ и особенно болѣе священнымъ какъ когда оно оза ремя нѣжными чувствами природы.

„Когда появился монархъ и сѣлъ на свой тронъ, не скрываемый болѣе въ глубинѣ дворца, ты увидалъ бы какъ со всѣхъ концовъ Марсова Поля сбѣжались національ-гарды и солдаты, ты увидалъ бы ихъ тѣсящимися толпами вокругъ ступеней галлерей, почти спрятанными другъ за другомъ, изъ всего тѣла выказывавшими только лицо на которомъ выражалось все ихъ душевное волненіе. Гдѣ эти низкіе рабы, гдѣ эти обманщики которые заставляли королей бояться свободы народа какъ разрушительницы монархіи? Какой король когда воспринялъ выраженіе болѣе искренней и нѣжной любви? Какой тронъ когда-либо слышалъ болѣе высокія, болѣе блестящія привѣтствія? Видѣлъ ли когда Лудовикъ XIV въ своихъ азіятскихъ галлерейхъ или въ увилыхъ садахъ Версаля свой тронъ почтеннымъ такимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ?

„Когда всѣ знамена были собраны, ихъ всѣ обнесли вокругъ алтаря для благословенія во имя Всевышняго Существа. Да! нѣтъ сомнѣнія, благословеніе неба должно низойти на знамена народа поспѣивъ доблестнаго, и который въ своихъ законахъ далъ обѣщаніе никогда не лятнать себя преступною славой завоеваній. Послѣ благословенія департаменты пронесли свои знамена мимо его величества, и тогда изъ этихъ гражданъ-воиновъ образовались два ряда, изъ коихъ одинъ съ одного конца касался ступеней трона, съ другаго ступеней алтаря.

„Г. де-Лафайетъ, которому и делегатами Национальнаго Собранія и королею было ввѣрено соблюденіе порядка въ этотъ великій день, появился между этихъ двухъ рядовъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ галлерей, сойдя съ своего бѣлаго коня,

приблизился къ трону его величества чтобы принять его приказанія. Не знаю, кажется Тацитъ сказалъ насчетъ Агриколы что ничто не можетъ придать столько блеска трону какъ видъ склоненнаго предъ нимъ чела человѣка гордаго и благороднаго, который, въ старыя годами, уже считаетъ въ своемъ прошедшемъ триумфы. Я не увѣренъ что это сказалъ Тацитъ, но я это почувствовалъ сегодня.

„Обѣдню служилъ епископъ Отвѣскій, и только священнослужитель какъ онъ чувствующій что Господь не желаетъ обожанія рабовъ могъ отслужить подобную обѣдню. Есть случаи когда таинства которымъ всегда должно вѣрить кажутся менѣе сверхестественными: сегодня, въпримѣръ, присутствуя при этой литургіи какъ-то сердечнѣе вѣрилось что Господь низшелъ на сей алтарь, вокругъ котораго нація счастливая кланется исполнять непрестанно самую священную изъ обязанностей.

„Ты знаешь, мой другъ, формулу клятвы федератовъ, клятву представителей націи, клятву короля Французовъ; всѣ онѣ были произнесены съ глазами переполненными слезъ, и эти слезы тоже залогъ что онѣ не будутъ тщетными!

„Наконецъ, другъ мой, что тебѣ еще сказать? Не думаю чтобы когда-либо на землѣ было болѣе прекрасное зрѣлище, и столько душъ были въ одно время объаты одною и тою же, столь великою радостью.“

Пріятель. Любопытное описаніе! Какъ характерна эта кадраль цѣлой арміи, отлясывающей подъ проливнымъ дождемъ. Подобныя явленія французской веселости бывала и на провинціальныхъ федераціяхъ. Въ Турѣ, передаетъ Тэмъ (II, 289), основываясь на документахъ Національнаго архива, во время празднованія федераціи подъ вечеръ „офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты бросались въ разсыпную по улицамъ, одни съ саблею въ рукахъ, другіе устраивая танцы, крича: да здравствуетъ король, да здравствуетъ нація, бросаю шляпы вверхъ, принуждая танцовать всякаго кого встрѣчали на пути. Проходилъ спокойно каедральный каноникъ, на него нахлобучили гренадерскую шалку и увлекли въ кадраль; за нимъ двухъ монаховъ. Обнимаютъ, отпускаютъ. Вьдутъ кареты мера и маркизы Мовтозье: влѣзаютъ внутрь, садятся на козла, вспрыгиваютъ на залятки, заставляютъ кучеровъ такимъ парадомъ ѣхать по главнымъ улицамъ. Никто впрочемъ не былъ обиженъ или оскорбленъ; хотя почти всѣ были пьяны“. Обычны были также упоминаемые въ описаніи баталіоны дѣтей и ветерановъ. Въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ, особенно на югѣ, бывали батальоны дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, въ фантастически военномъ одѣяніи съ обнаженными плечами въ рукахъ.

Увеселенія въ Парижѣ продолжались нѣсколько дней. Были публичные баы на Хлѣбномъ рынкѣ, на площади Бастиліи, гдѣ была выставлена надпись: „здѣсь танцуютъ“.

Авторъ. Въ прочтенномъ описаніи нѣтъ подробностей о произнесеніи присяги. Лафайетъ произнесъ свою у алтара отечества, возложивъ на него конецъ своей шпалы, при громѣ лутекъ и военной музыки. Король присягнулъ съ своего мѣста. Въ толгѣ слышались восклицанія: „къ алтарю“. Между освещаемыми знаменами было одно наименованное *орифламмю*.

Послѣ праздника поднялся вопросъ о ней въ Национальномъ Собраніи, спрашивалось куда ее лоставить. Аббатъ Мори объяснилъ историческое значеніе этого знамени. Это бѣлое священное знамя старыхъ королей, хранившееся въ храмѣ. Начиная съ Лудовика Толстаго и до Карла VII короли не выступали въ походъ не поднявъ орифламмю. Знамя которое, подъ именемъ орифламмы, освещалось на праздникѣ 14 іюля не было это историческое знамя. То было новое знамя, на одной сторонѣ котораго написано было слово *конституція*, а на другой *французская армія*. Предсѣдатель Собранія и многіе члены полагали что оно должно быть отнесено къ королю. Предсѣдателю это казалось такъ естественнымъ что онъ сдѣлалъ было даже соответствующее распоряженіе. Собраніе, примѣняясь къ желанію Парижскаго муниципалитета, рѣшило что знамя будетъ повѣшено подъ сводами залы Собранія.

РАЗГОВОРЪ СЕДЬМОЙ.

Пріятель. Какъ отнеслась къ празднику 14 іюля революціонная журналистика, полною рукой сѣявшая общественный раздоръ и старавшаяся возбудить ненависть противъ всего представлявшаго хотя бы подобіе власти, противъ короля, противъ Собранія, противъ Лафайета и Бальди? Прочтемъ нѣсколько отрывковъ. Они дадутъ объ этомъ понятіе.

Въ журналѣ *Révolutions de Paris*, издателемъ котораго былъ

Прюдомъ, а главнымъ редакторомъ Лустало, читаемъ: * „День взятія Бастиліи никогда не будетъ имѣть себѣ равнаго въ исторіи Французской націи. Самоотверженіе, мужество, горячность, увлеченіе всѣхъ гражданъ, ихъ согласіе, ихъ совершенное равенство, уваженіе всѣхъ правъ, народная справедливость, порядокъ въ нѣдрахъ безпорядка, веселость въ нѣдрахъ тревоги и повсюду величіе, гемій народа разбивающаго свои цѣли и возвращающаго свои права. Вотъ чѣмъ характеризуется этотъ восхитительный день. Достоинво ли послѣднее 14 іюля быть названо годовщиной такого дня? Можетъ-быть было бы достойно еслибы не было этихъ разныхъ *обожаній*...

„Народъ идолопоклонный, который въ нашемъ праздникѣ видитъ только г. де-Лафайета, потомъ короля, а самого себя не видитъ; депутаты которые танцуютъ чтобы не чувствовать дождя; другіе на улицѣ закалывающіе собакъ своими шлагами; Французы принимающіе бѣлое знамя, терлаціе бѣлое знамя на тронѣ; король который на охотѣ можетъ выносить самые проливные дожди и не участвуетъ въ шествіи среди вооруженнаго народа, потому что идетъ дождь; который не беретъ труда пройти отъ трона до алтара чтобы привести присягу и этимъ удовлетворить народъ ллѣтѣній ему ежегодно 25 милліоновъ, не взирая на свою крайнюю нищету; науки, искусства, ремесла, гражданское мужество, добродѣтели,—не почтенныя, не награжденныя въ этотъ великій день; побѣдители Бастиліи забытые, и ни слова, ни единого слова почтенія памяти тѣхъ кто въ этотъ день погибъ подъ стѣнами этой ужасной крѣпости; президентомъ Національнаго Собранія—царедворецъ (Бонней), дозволяющій другому царедворцу презрѣнное и мелкое удовольствіе стать предъ нимъ и скрыть его отъ глазъ публики... тысяча маленькихъ хитростей чтобы возбудить подобострастные возгласы и заставить забыть Націю въ ту минуту когда она была все: вотъ нынѣшній праздникъ.

„Депутаты департаментовъ отправились вечеромъ прохладяться въ Мюэту (à la Muette), гдѣ чуть не былъ задушенъ подъ лоцѣваами г. де-Лафайетъ, потомъ они лошли подъ окна Тюллери кричать: *да здравствуетъ король!* *Да здравствуетъ королева* кричали меньше. Между тѣмъ на льеде-

* Выпуски изъ революціонныхъ газетъ находятся въ *Histoire parlementaire de la Révolution Française*, par Buchez et Roux, Paris, 1834, т. VI, 387 и слѣд.

сталахъ статуи въ Тюилери, были всюду прикаеены печатные листы, просившіе, умолявшіе о милости къ ней федератовъ: „Французы, гласили они, что стало съ нами? Ужели мы потерлимъ чтобы королева, прекраснѣйшее украшеніе Франціи, не участвовала въ готовящемся праздникѣ? ужели мы допустимъ чтобы клеветы распространяемыя противъ этой добродѣтельной женщины продолжали насъ ослѣплять?“... Въ четвергъ, 15го числа, громко выразилось общее неудовольствіе тому что король не пошелъ къ алтарю.... Въ эти дни равенства соблюдалось отличіе между народомъ въ мундирахъ и народомъ безъ мундировъ.... На смотру 18го числа, какъ и послѣ присяги, они цѣловали руки, лашки, сапоги Лафайета. Будь въ этотъ день назначены какіе-нибудь выборы, можно было бы опасаться чтобы народное оумасброство не оказало его лошади тѣхъ же почестей которыя вѣкогда Калгула воздалъ своему коню.... Рабы, да, рабы въ мундирахъ различныхъ департаментовъ собрались подъ окнами локоевъ королевы чтобы лѣть лѣсать, и въ концѣ каждаго куллета намѣренно протяжно кричали: *да здравствуетъ королева!* Да, конечно, *да здравствуетъ королева!* Но ужь если это былъ великій день примиренія и всепрощенія, не слѣдовало ли уже то же кричать: *да здравствуютъ Поминьаки!* *да здравствуетъ красная книга!* *да здравствуетъ Трианонъ!* *да здравствуетъ Бретѣль!* *да здравствуетъ Ламбергъ!* *да здравствуютъ покровители заговора противъ Парижа!* *да здравствуютъ авторы проекта увезти короля въ Меузъ!* *да здравствуетъ письмо о двадцати пяти миллионахъ!* Предательское равнодушіе выказанное нашими общественными дѣятелями къ побѣдителямъ Бастиліи доказало ясно что гражданскіе и военные начальники города Парижа не принимали никакого участія въ днѣ 14 іюля 1789.“

Вотъ какъ говорить въ свою очередь Марать въ своей газетѣ, *L'Ami du Peuple*: „Я не буду распространяться въ описаніи этихъ празднествъ; это былъ бы потерянный трудъ... Что администраторы города въ родѣ Бальби и всѣ мошенники распоряжающіеся большими дѣлами мечтаютъ только о благодѣствіи и счастіи, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: они утопаютъ въ роскоши; но чтобы послѣ оскудѣнія мануфактуръ и промышленности, послѣ остановки всѣхъ работъ, послѣ прекращенія платежей по общественнымъ рентамъ, послѣ семилѣтняго голода, хватало наглости говорить объ этомъ

разоренному народу, несчастнымъ умпрающимъ съ голоду— для этого конечно нуженъ мѣдный лобъ.“

Авторъ. Бѣдный Бальи! Никому такъ не уныбулись какъ ему первые дни революціи, вызвавшіе его изъ кабинета научныхъ занятій въ шумное собраніе и затѣмъ въ думу и на площадь. Въ послѣдствіи онъ жизнью залатаилъ за эти дни, когда революція представлялась ему пышнымъ шествіемъ къ утвержденію свободы во Франціи. Популярный какъ ученый авторъ докладовъ Академіи Наукъ по важнымъ общественнымъ вопросамъ (особенно по вопросу о госпиталяхъ) онъ вступилъ въ собраніе государственныхъ чиновъ депутатомъ отъ Парижа; популярность его быстро возрасла благодаря его дѣятельности какъ предсѣдателя собранія, который выше всего ставилъ достоинство предводимаго имъ кортуса, а затѣмъ какъ мера Парижа. Но не надолго. Скоро общій беспорядокъ, дѣлавшій невозможною всякую правильную мѣру, и журнальныя клеветы отравили его существованіе. Какъ меръ Парижа онъ имѣлъ въ распоряженіи значительныя суммы. Это дало обильную пищу клеветѣ. Маратъ выступилъ его зѣвѣвшимъ врагомъ и каждый почти день твердилъ въ газетѣ: „Пусть Бальи дастъ отчетъ.“ Вотъ на выдержку грязное обвиненіе брошенное Маратомъ въ Бальи во время празднества федераціи: „Парижскій меръ, виновный въ тысячахъ покушеніяхъ противъ общественной свободы, сильнѣе залозорѣванный въ стачкѣ съ мошенниками, хотѣвшими подкупить честность одного представителя націи и склонить его къ локровительству спекуляціи въ три съ половиною милліона ливровъ; меръ подвергшійся доносу муниципалитета, котораго честь онъ компрометтировалъ въ этомъ позорномъ дѣлѣ, этотъ недостойный савонникъ не только не наказанъ, но служитъ предметомъ похвалы и лести.“ Бальи былъ склоненъ ко вышней представительности. Онъ одѣвалъ прислугу въ городскую ливрею. Но зачѣмъ ливрея была слишкомъ яркаго цвѣта? И это ставилось ему въ преступленіе. Каково было на самомъ дѣлѣ корыстолюбіе Бальи можно заключить изъ того что въ своемъ званіи мера онъ истратилъ болѣе двухъ третей и того состоянія какое самъ имѣлъ, а послѣ роковой развязки его политической карьеры, вдова его осталась въ положеніи близкомъ къ нищетѣ. Помощь впрочемъ пришла. Послѣ разогнанія собранія Наполеономъ, 18 брюмера, рассказываетъ Араго, „улицыныя глашатаи 21 брюмера

возвѣщала всюду, и даже на улицѣ Сурдьеръ (гдѣ жила вдова Бальби), что генералъ Бонапартъ консулъ, а Лалаосъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Это имя столь извѣстное почтенной вдовѣ достигло даже до комнаты гдѣ она жила и произвело нѣкоторое волненіе. Въ тотъ же вечеръ новый министръ испросилъ левсіонъ въ двѣ тысячи франковъ вдовѣ Бальби "...

Можетъ ли что-нибудь мерзостиѣ журнальнаго пера которымъ сознательно водить клевета, и какое между тѣмъ это употребительное и, надо признаться, сильное оружіе!

Пріятедь. (*Продолжая чтеніе выдержки изъ Марата.*)
„Среди этой общей нищеты, цѣлыхъ восемь дней, говорятъ, должны быть посвящены празднествамъ, пирамъ, играмъ и увеселеніямъ всякаго рода, а ночи плямуннаціямъ.

„Ужели хотятъ они ввести въ заблужденіе ложнымъ видомъ общественнаго благоденствія людей у которыхъ постоянно подъ глазами масса нищенствующихъ? Ужели надѣются они извинить свою скандальную расточительность разглагольствомъ объ общественномъ благѣ?

„Надо было видѣть ольпаненіе Французовъ во время приготовленій къ федеративному празднику, ихъ опасенія чтобы медленность въ работахъ не помѣшала ему, горячность съ которою они сами брались за трудъ, ихъ энтузіазмъ когда тронулось триумфальное шествіе, чтобы составить себѣ понятіе не о любви ихъ къ отечеству, нѣтъ, но о ихъ бѣшенномъ пристрастіи къ зрѣищамъ и новостямъ...

„Среди кликовъ восторга какое могло быть для націи болѣе унижительное зрѣище какъ видѣть президента сената, представителя націи, на убогомъ стулѣ, и тутъ же короля, въ сущности только перваго слугу народа, на великолѣпномъ тронѣ, со всѣми внѣшними отличіями триумфатора! Что можетъ быть возмутительнѣе отказа короля принести присягу въ вѣрности націи на алтарѣ отечества!...“

Въ *Révolutions de France et de Brabant* Камилла Демулена сказано:

„Ежеди бы я имѣлъ честь быть депутатомъ, я бы потребовалъ чтобы тронъ на которомъ такъ беззастѣнчиво возсѣдалъ г. Калетъ оставался пустымъ, на возвышенномъ мѣстѣ, какъ представитель народнаго верховенства; я хотѣлъ бы чтобы подъ нимъ обѣ власти помѣщались на сѣдалищахъ по крайней мѣрѣ равныхъ. Вся досада которую намъ причинили и наглость кресла власти исполнительной, и униженіе, пресмыканіе кресла законодательной власти, и отвратительный

видѣ мундировъ гвардейцевъ, и униженные поклоны г. Мотье, и такъ-сказать бѣгство короля, у котораго ноги сейчасъ перестали болѣть когда дѣло дошло до желанія удрать, какъ только раздались крики: *къ алтарю!*—вся эта досада наша не помѣшала намъ замѣтить въ поведеніи нашихъ согражданъ множество чертъ дѣлающихъ имъ величайшую честь...

„Когда выстрѣлъ изъ пушки и звукъ барабановъ возвѣстили принесеніе присяги, Парижане, оставшіеся въ городѣ, мужчины, женщины и дѣти, съ восторгомъ воздѣвали руки и восклицали: *да, кланусь!* Они счастливы что оставались въ городѣ: ихъ радость осталась чистою и безъ примѣси горечи. Они не слышали криковъ, правда рѣдкихъ, стыдливыхъ, сдвоенныхъ и тотчасъ заглушенныхъ: *Да здравствуетъ королева! Да здравствуютъ гвардейцы!* Имъ не колоди глаза ни наглость кресла исполнительной власти, ни униженіе націи, ни преступное сообщничество подлаго президента Бонвея.“

А в т о р ь. Журналистикъ принадлежитъ чрезвычайно важная роль въ ряду революціонныхъ силъ. И наиболѣе дѣйствія и значенія обнаруживала она именно въ описываемый нами періодъ революціоннаго движенія, могущественно содѣйствуя возбужденію общественной смуты. Другою силою были революціонные клубы и вообще всякія собранія гражданъ, немедленно получавшія политическій характеръ и всегда выходившія далеко за предѣлы своей компетенціи. Третья, невидимая, неуловимая сила, которую мы назвали невидимою рукою и которая проявляется подкулами, тайными соглашениями, сманываніями, заговорами, сила всюду усматриваемая, нигдѣ не находимая, дѣйствующая какъ дрожжи революціоннаго броженія и въ журналистикѣ, и въ клубахъ, и въ палатѣ и на улицѣ, не подлежитъ точному опредѣленію. Газеты революціонной эпохи были по большей части меньшаго формата дешевые листки. Они покрывали стѣны домовъ, читались на всѣхъ улицахъ, всѣми классами населенія. Зибель сравниваетъ ихъ съ мелкими демократическими газетами 1848 года какъ по таланту, такъ и характеру убѣжденій редакторовъ. Газета Лустало расходилась въ числѣ 200 тысячъ экземпляровъ. Нѣкоторыя газеты украшались политическими, иногда отвратительными. Общій характеръ ихъ въ томъ чтобы бойкимъ перомъ возбуждать дурныя страсти, раздражая, забавляя, поглажая, обманывая, клеветая, обращаясь къ дурнымъ инстинктамъ человѣческой природы; въ то же время льстить нѣкоторому безличному „народу“, великодушному,

великому, могущему все сдѣлать что захочетъ, и хлестать обличая все выдающееся, не останавливаясь предъ средствами, ежедневно пуская въ ходъ завѣдомую ложь. Печать пользовалась полною свободой или точнѣе безграницною разнузданностью. Если это можно назвать полною свободой печати, то опытъ съ такою свободой былъ сдѣланъ, и къ сожалѣнію удаченъ не былъ. Старые строгіе законы фактически были упразднены. Новыхъ не было. Можно было совершенно безнаказанно писать что угодно, какую угодно клевету, возбуждать къ мятежу и рѣзвѣ и производить впечатлѣніе дешевой дерзостью наладенія на все имѣющее хотя тѣнь авторитета. Два слова употреблялись въ особомъ значеніи и были въ почетѣ: *patriote, bon patriote* (въ родѣ какъ нынѣ у насъ въ нѣкоторой части журналистики въ почетѣ слово *честный* въ особомъ, спеціальномъ значеніи), и другое — *дѣлать доносы, dénoncer*. Последнее слово у насъ не въ почетѣ, имѣетъ позорящее значеніе, но если замѣнить его словомъ *обличать*, будетъ нѣчто подходящее. Разнузданность находила громадное поощреніе въ дурныхъ инстинктахъ лубячки. Журналистика щекотала любовь къ скандалу, а для честолюбцевъ въ палатѣ и въ ея, имѣвшихъ въ виду проложить себѣ дорогу, была подручнымъ орудіемъ.

Каковы были разнузданность и безнаказанность можно судить по слѣдующему эпизоду. Послѣ брошюры подписанной именемъ Марата *C'en est fait de nous*, парижскія городскія власти взволновались. Камиллъ Демуденъ прощически описываетъ ихъ дѣйствія.

„Марать, которому, какъ мнѣ иной разъ кажется, отаично служить его *шпионы*, если можно такъ назвать патриотовъ движимыхъ чистѣйшими лобужденіями, рассказываетъ что по прочтеніи *C'en est fait de nous* ужасъ изобразился на всѣхъ лицахъ въ меріи. Г. Бальи сошь потерялъ, г. Мотье шлетъ за г. Карлемъ. Г. Карль, ювелиръ, командиръ батальона набережной *des Orfèvres*, такъ отаичившійся 22 января при знаменитой блокадѣ дома Марата, при коей исполнялъ должность генераль-майора. Извѣстно, ему неоставало только бомбъ и пловучихъ батарей чтобы сдѣлать осаду по формѣ въ родѣ осады Гибралтара. Г. Карль отправляется ко вдовѣ Мёнъе, раздающей листки Марата. Было 9 часовъ вечера. Агвасилы рожутся въ домѣ. Великое исکانіе невидимаго Марата. Наполняютъ фіакры его листками. Въ полночь привозятъ двову къ Бальи. Тамъ допросъ до трехъ часовъ утра,

затѣмъ великая муниципальная консисторія, затѣмъ великій министерскій клубъ. Великія превія въ управленіи. Какъ отдѣлаться отъ авторовъ, столь рѣшительныхъ патріотовъ. Рикетти старшій * предсѣдаетъ, онъ цѣдитъ, вѣситъ, просѣиваетъ мнѣнія. Наконецъ рѣшаютъ. Малуэ явится съ доносомъ, Брювилья будетъ преслѣдовать, судъ Шателе разсудитъ.“

Лустало въ свою очередь подымаетъ голосъ въ защиту „свободы печати“. „Съ той поры, говоритъ онъ, какъ министерская партія господствуетъ въ Национальномъ Собраніи, стараются разрушить мало по малу всѣ декреты обезличившіе націю верховенство и каждому гражданину свободу личности, собственности, мнѣнія, и нарушить „объявленіе о правахъ человѣка“, составляющее основаніе всѣхъ законовъ.... Съ 25 милліонами дохода и съ клубомъ 1789 годъ къ своимъ услугамъ чего не могутъ, чего не дерзнутъ предпринять министры лосѣдѣвшіе въ интригахъ и фаворахъ стараго управленія. Но печать, печать бодрствуетъ! Она разоблачаетъ планы затѣваемые противъ общественнаго интереса, она въ лицо называетъ мерзавца который продался, мошенника который служитъ народу только чтобы выбраться изъ ничтожества, слабодушнаго, локающаго права охрана которыхъ ему довѣрена. Печать проникаетъ въ тайны, печать устанавливаетъ соглашенія, опрокидываетъ *идоловъ*, единитъ умы и подбрасываетъ прелестивія министерскимъ попыткамъ. Надо, значитъ, уничтожить свободу печати!“

Въ засѣданіи 31 іюля депутатъ Малуэ дѣйствительно попросилъ слова для обличенія журналистовъ. „Я имѣю сдѣлать важное обличеніе“, сказалъ онъ. Многие члены лѣвой стороны, зная въ чемъ дѣло, кричатъ: „обратитесь съ нимъ въ полицію“. Требуютъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. „Нѣтъ очереднаго дѣла болѣе настоящаго, восклицаетъ Малуэ. Я хочу сдѣлать вамъ извѣстными гнусные умыслы и призвать кару на тѣхъ кто ихъ измышляетъ. Я приведу васъ въ трепеть, сказавъ вамъ что существуетъ заговоръ задержать короля, свергнуть въ темницу королеву, королевское семейство и главныхъ сановниковъ, и предать смерти отъ пяти до шести сотъ человѣкъ. Да, на вашихъ глазахъ, у вашихъ дверей, злодѣи обдумываютъ и распространяютъ эти гнусности, возбуждаютъ народъ къ бѣшенству, къ пролитію крови, возвращаютъ его нравы, налагаютъ на основы конституціи и свободы.

* Мирабо, послѣ отиѣны титуловъ такъ именуемый и въ Собраніи.

Останутся ли равнодушны и глухи къ этому представителю народа? Я изобличаю предъ вами гг. Марата и Камилла Демулена (*ропотъ и смѣхъ съ лѣвой стороны*). Я не смѣю полагать чтобъ изъ среды Национальнаго Собранія раздавался смѣхъ когда я открываю преступленіе противъ общества.“

Г. Малузъ читаетъ затѣмъ выдержку изъ листка *Другъ Народа*, подъ заглавіемъ *Мы пропали* (*C'en est fait de nous!*). Вотъ одинъ изъ параграфовъ.

„Граждане всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеній! иферы приняты Собраніемъ не помѣшаютъ вамъ погибнуть: вы безвозвратно пропали если не возьметесь за оружіе, и не обрѣтете въ себѣ ту геройскую доблесть которая 14 іюля и 5 октября дважды спасла Францію. Слѣшите въ Сенъ-Клау, пока есть время, приведите въ наши стѣны короля и дофина, стерегите ихъ бдительно, и пусть они будутъ вамъ порукой въ событіяхъ. Заприте Австріячку и шурина ея, чтобъ имъ нельзя было ковать свои заговоры, схватите и заключите въ оковы всѣхъ министровъ и чиновниковъ, держите подъ стражей главу муниципалитета, помощниковъ мера, генерала, генеральный штабъ; возьмите артиллерійскій паркъ въ улицѣ Вертъ, завладѣйте всѣми пороховыми заводами и магазинами, пусть будутъ розданы пушки по округамъ, пусть соберутся окружныя управленія въ постоянное засѣданіе, заставляютъ отмѣнить пагубные декреты. Бѣгите, слѣшите, если еще не улучено время, иль скоро увидите безчисленные враждебные легіоны которые ринутся на васъ, увидите какъ подымутся привилегированные классы, и деспотизмъ, ужасный деспотизмъ, возстанетъ болѣе подавляющій чѣмъ когда бы то ни было. Пяти, шести сотъ головъ достаточно чтобы закрѣпить ваше спокойствіе, вашу свободу, ваше счастье; ложная гуманность удержала вашу руки и остановила ваши удары: она будетъ стоить милліоновъ жизней вашихъ братьевъ. Если ваши враги восторжествуютъ, кровь польется рѣкой, они зарѣжутъ васъ безъ милосердія, распорютъ животь вашимъ женамъ, и чтобы навсегда погасить среди васъ любовь къ свободѣ, ихъ кровожадныя руки вырвутъ сердца изъ груди вашихъ дѣтей.“

Обращаясь затѣмъ къ Камиллю Демулену, „я не мщу, сказалъ Малузъ, за частное оскорбленіе. Послѣ года молчанія и презрѣнія я долженъ явиться мстителемъ за общество.

Прочтите послѣдній номеръ *Революцій во Франціи и въ Брабантѣ*. Какъ тутъ сомѣваться? Могутъ ли быть болѣе жестокіе враги конституціи какъ тѣ кто желаютъ низвести короля до предмета презрѣнія и посмѣшища, кто по поводу достопамятнаго празднества, гдѣ король со всѣхъ концовъ государства былъ прिवѣтствуемъ выраженіями любви и преданности, говорятъ вамъ наглости о тронѣ или какъ они выражаются: *красль исполнительнои власти*.

„Національнымъ праздникомъ Камиль Демуленъ называетъ триумфъ Павла Эмилія, на которомъ государь, съ руками связанными за спиной, въ униженіи, сѣдовалъ за колесницей триумфатора; онъ пользуется этимъ историческимъ фактомъ для преступнаго намека на праздникъ федераціи... Прежде нежели изобличить предъ вами эти преступленія, я пытался возбудить бдительность министерства; замѣшательство сановника, почти признавашагося мнѣ въ безспіи законовъ, удвоило мой ужасъ. Какъ, сказалъ я себѣ, если законы безспіны, то кто предупредитъ насъ о томъ какъ не сами суды? Ихъ обязанность обратить вниманіе націи на угрожающія ей опасности; иначе пусть они завѣсятъ траурнымъ креномъ свѣтилище правосудія, пусть скажутъ они намъ что законы безвластны и погибнутъ съ ними; ихъ обязанность пасть первыми подъ кияжалами тираниіи. Изобличить предъ вами опасность въ которой находится свобода и общественное дѣло,—будетъ шагомъ къ спасенію, будетъ вызовомъ къ наказанію преступленій; не потерпите чтобъ Европа насъ заклемила позоромъ, повѣривъ что наши убѣжденія и наши права тождественны съ убѣжденіями и правами гг. Марата и Камилля Демуленъ. Они настоящіе враги общественнаго дѣла, а не тѣ кто страдаютъ отъ вашихъ реформъ. Человѣкъ страшно любящаго свободу возмущаетъ разнузданность своеволія, которому онъ предпочелъ бы всѣ ужасы деспотизма. Я требую чтобы королевскій прокуроръ при судѣ Шателе былъ призванъ сюда и получалъ приказъ преслѣдовать какъ преступниковъ противъ націи писателей призывающихъ народъ къ пролитію крови и неовинчивенію законамъ. (*Въ части собранія раздаются аплодисменты, въ другой части слышится ропоть.*)

Малуэ предложилъ слѣдующій проектъ декрета: „Національное Собраніе, въ виду сдѣланнаго однимъ изъ его членовъ довеса противъ статьи *Мы пропали* и противъ послѣдняго

нумера газеты *Революцій во Франціи и въ Брабантъ*, издавъ декретъ о вызовѣ въ Собраніе королевскаго прокурора при Шателе, для предписанія ему пресѣдовать, какъ преступниковъ противъ націи, авторовъ, типографщиковъ и разнощиковъ статей призывающихъ народъ къ возстанію, къ пролитію крови и ниспроверженію конституціи.“

Декретъ, увы! не имѣлъ никакихъ послѣдствій и былъ даже потомъ отмѣненъ.

Маратъ насмѣялся надъ Собраніемъ. „Я не умѣю пресмыкаться, писалъ онъ: впредь я не только не воздамъ никакого знака уваженія Собранію, но я буду относиться къ нему со справедливою строгостью; я не принесу ему никакой хвалы. Еслибы случайно изъ вѣдръ его возникъ хорошій декретъ, это будетъ только исполненіемъ долга; но я буду на стражѣ съ кнутомъ цензуры въ рукахъ при всякомъ его дурномъ декретѣ, а ихъ можетъ оказаться страшное число, потому что Собраніе поработила враги народа.“

„Ничто, пишетъ Камиль Демуленъ, не насмѣшило меня такъ какъ это объявленіе Маратомъ войны Национальному Собранію. Вотъ по истинѣ заблудшее чадо журналистовъ-патріотовъ. Право начинаю думать что у Марата есть кольцо Гигеса. Очевидно онъ увѣренъ что проведетъ всѣхъ шлюновъ старой полиціи и наблюдателей новой и проскочитъ черезъ баталіонъ г. Карла, ибо отвѣчаетъ войной на войну и въ слѣдующемъ же номерѣ обвиняетъ Собраніе въ государственной измѣнѣ.“

Какой ответственности можно было бояться когда на другой день зазданія выдавшаго декретъ предложенный Мауэ, предсѣдатель прочелъ Собранію письмо отъ „любителей Бастиліи“, сообщавшихъ что они приглашаютъ писателей посвятившихъ себя защитѣ свободы, Камилла Демулена, Лустало, Карра и пр. и пр. присутствовать при богослуженіи для поминки души погибшихъ при осадѣ этой крѣпости. „Собраніе не получило даже особаго приглашенія. Мы узнаемъ о приглашеніи только изъ афишъ,“ сказалъ одинъ изъ членовъ. Боясь отказать отъ участія въ поминкахъ, но и не рѣшаясь послѣдовать такому приглашенію, Собраніе рѣшило само назначить „торжественное служеніе въ память лавшихъ за свободу“.

Камиль Демуленъ со своей стороны прислалъ въ Собра-

нѣ оправдательный адресъ. Адресъ былъ прочтенъ въ засѣданіи 2 августа.

„Я желалъ бы знать, спрашивалъ по поводу его Малюзъ, какое правительство, какое варварское общество дозволило бы то что запрещается вашимъ декретомъ? Если Камилъ Демуленъ невиненъ, онъ оправдается. Или онъ виновенъ? Я буду обвинителемъ его и всякаго кто выступитъ его защитникомъ. Пусть оправдается если смѣетъ.“

Въ эту минуту въ одной изъ трибунъ раздается голосъ: *да, я слышу*. Часть Собранія поднимается въ изумленіи; проносится слухъ что это сказалъ самъ Камилъ Демуленъ; президентъ отдаетъ приказаніе арестовать лицо произнесшее эти слова.

Вкрадчиво выступаетъ Робеспьеръ. „Я полагаю, говорить онъ, что приказаніе отданное г. президентомъ было вызвано необходимостью; но слѣдуетъ ли смѣшивать необдуманность и неосторожность съ преступленіемъ? Онъ слышалъ какъ его обвиняли въ преступленіи противъ націи: въ такомъ случаѣ человѣку трудно удержаться. Нельзя предполагать въ немъ намѣреніе оскорбить Собраніе. Гуманность и справедливость говорятъ въ его пользу. Я требую чтобъ его оставили на свободѣ и чтобы Собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ.“

Предсѣдатель объявляетъ что Камилъ Демуленъ исчезъ, и что его не могли арестовать.

Собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ...

Прія т е л ь. Не безъ основанія писала Екатерина въ этомъ же 1790 году въ Парижъ: „Во Франціи теперь тысяча двѣсти законодателей, которыхъ не слушается никто кромѣ короля“.

А в т о р ь. Мы начали наши наброски описаніемъ свѣтлыхъ дней первой эпохи революціи, очередь за ея днями смутенія и ужаса.

Прія т е л ь. Это отложимъ до другаго раза...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВАРФОЛОМЕЙ КОЧНЕВЪ.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ*

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

VI

Первое свиданіе со Смердяковымъ.

Это уже въ третій разъ шелъ Иванъ Федоровичъ говорить со Смердяковымъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы. Въ первый разъ послѣ катастрофы онъ видѣлъ его и говорилъ съ нимъ сейчасъ же въ первый день своего пріѣзда, затѣмъ посѣтилъ его еще разъ двѣ недѣли спустя. Но послѣ этого втораго раза свиданія свои со Смердяковымъ прекратилъ, такъ что теперь слѣшкомъ мѣсяцъ какъ онъ уже не видѣлъ его и почти ничего не слышалъ о немъ. Вернулась же тогда Иванъ Федоровичъ изъ Москвы уже на латый только день послѣ смерти родителя, такъ что не засталъ и гроба его: погребеніе совершилось какъ разъ наканунѣ его пріѣзда. Причина замедленія Ивана Федоровича заключалась въ томъ что Алеша, не зная въ точности его московскаго адреса, прибѣгнувъ, для послышки телеграммы, къ Катеринѣ Ивановнѣ, а та, тоже въ невѣдѣніи настоящаго адреса, телеграфи-

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 1879 и №№ 1, 4 и 7 1880.

рвала къ своей сестрѣ и теткѣ, рассчитывая что Иванъ Федоровичъ сейчас же по прибытіи въ Москву къ нимъ зайдетъ. Но онъ къ нимъ зашелъ лишь на четвертый день по пріѣздѣ и, прочтя телеграмму, тотчасъ же, конечно, сложивъ голову полетѣлъ къ намъ. У насъ перваго встрѣтилъ Алешу, но, переговоривъ съ нимъ, былъ очень изумленъ что тотъ даже и подозрѣвать не хочетъ Митю, а прямо указываетъ на Смердякова какъ на убійцу, что было въ разрѣзъ всѣмъ другимъ мнѣніямъ въ нашемъ городѣ. Повидавъ затѣмъ исправника, прокурора, узнавъ подробности обвиненія и ареста, онъ еще болѣе удивился на Алешу и приписалъ его мнѣніе лишь возбужденному до послѣдней степени братскому чувству и состраданію его къ Митѣ, котораго Алеша, какъ и звалъ это Иванъ, очень любилъ. Кстати, промолвиль лишь два слова разъ навсегда о чувствахъ Ивана къ брату Дмитрію Федоровичу: онъ его рѣшительно не любилъ и много-много что чувствовалъ къ нему иногда состраданіе, но и то смѣшанное съ большимъ презрѣніемъ, доходившимъ до гадливости. Митя весь, даже всюю своею фигурой былъ ему крайне не симпатиченъ. На любовь къ нему Катерины Ивановны Иванъ смотрѣлъ съ негодованіемъ. Съ подсудимымъ Митей онъ однакоже увидѣлся тоже въ первый день своего прибытія, и это свиданіе не только не ослабило въ немъ убѣжденія въ его виновности, а даже усилило его. Брата онъ нашелъ тогда въ безлокоиствѣ, въ болѣзненномъ волненіи. Митя былъ многорѣчивъ, но разсѣянъ и раскидчивъ, говорилъ очень рѣзко, обвинялъ Смердякова и страшно путался. Болѣе всего говорилъ все про тѣ же три тысячи которыя „укралъ“ у него покойникъ. „Деньги мои, онъ были мои, твердилъ Митя; еслибъ я даже укралъ ихъ, то былъ бы правъ.“ Всѣ улики стоявшія противъ него почти не оспаривалъ, и если толковалъ факты въ свою пользу, то опять-таки очень сбивчиво и нечѣло,—вообще какъ будто даже и не желая оправдываться вовсе предъ Иваномъ или кѣмъ-нибудь, напротивъ сердился, гордо пренебрегалъ обвиненіями, бранился и клялся. Надъ свидѣтельствомъ Григорія объ отворенной двери лишь презрительно смѣялся и увѣрялъ что это „чортъ отворилъ“. Но никакихъ связныхъ объясненій этому факту не могъ представить. Онъ даже успѣлъ оскорбить въ это первое свиданіе Ивана Федоровича, рѣзко сказавъ ему что не тѣмъ его подозрѣвать и допрашивать которые сами.

утверждаютъ что „все позволено“. Вообще на этотъ разъ съ Иваномъ Федоровичемъ былъ очень недружелюбень. Сейчас послѣ этого свиданія съ Митей Иванъ Федоровичъ и направился тогда къ Смердякову.

Еще въ вагонѣ, летя изъ Москвы, онъ все думалъ про Смердякова и про послѣдній свой разговоръ съ нимъ вечеромъ наканунѣ отъѣзда. Многое смущало его, многое казалось подозрительнымъ. Но давая свои показанія судебному слѣдователю, Иванъ Федоровичъ до времени умолчалъ о томъ разговорѣ. Все отложилъ до свиданія со Смердяковымъ. Тотъ находился тогда въ городской больницѣ. Докторъ Герценштуббе и встрѣтившійся Ивану Федоровичу въ больницѣ врачъ Первинскій на настоятельные вопросы Ивана Федоровича твердо отвѣчали что ладучая болѣзнь Смердякова несомнѣнна, и даже удивились вопросу: „Не притворялся ли онъ въ день катастрофы?“ Они дали ему понять что припадокъ этотъ былъ даже необыкновенный, продолжался и повторялся нѣсколько дней, такъ что жизнь пациента была въ рѣшительной опасности, и что только теперь, послѣ принятыхъ мѣръ, можно уже сказать утвердительно что больной останется въ живыхъ, хотя очень возможно (прибавилъ докторъ Герценштуббе) что разумокъ его останется отчасти разстроены, „если не на всю жизнь, то на довольно продолжительное время“. На нетерпѣливый спросъ Ивана Федоровича что „стало-быть онъ теперь сумасшедшій?“ ему отвѣтили что „этого въ полномъ смыслѣ еще нѣтъ, но что замѣчаются нѣкоторыя ненормальности“. Иванъ Федоровичъ положилъ самъ узнать какія это ненормальности. Въ больницѣ его тотчасъ же допустили къ свиданію. Смердяковъ находился въ отдѣльномъ помѣщеніи и лежалъ на койкѣ. Тутъ же подлѣ него была еще койка, которую занималъ одинъ разслабленный городской мѣщанинъ, весь раслушій отъ водяной, видимо готовый завтра или послѣзавтра умереть; разговору онъ помѣшать не могъ. Смердяковъ ослабился недовѣрчиво, завидѣвъ Ивана Федоровича, и въ первое мгновеніе какъ будто даже сробѣлъ. Такъ по крайней мѣрѣ мелькнуло у Ивана Федоровича. Но это было лишь мгновеніе, напротивъ во все остальное время Смердяковъ почти поразилъ его своимъ спокойствіемъ. Съ самаго перваго взгляда на него Иванъ Федоровичъ несомнѣнно убѣдился въ полномъ и чрезвычайномъ болѣзненномъ его состояніи: онъ былъ очень слабъ,

говорилъ медленно и какъ бы съ трудомъ ворочая языкомъ; очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Во всѣ минуты двадцать свиданія жаловался на головную боль и на ломъ во всѣхъ членахъ. Скопческое, сухое лицо его стало какъ будто такимъ маленькимъ, височки были исключены, вмѣсто походка торчала вверхъ одна только тоненькая прядка волосиковъ. Но прищуренный и какъ бы на что-то намекающій лѣвый глазокъ выдавалъ прежняго Смердякова. „Съ умнымъ человекомъ и поговорить любобытно,“ тотчасъ же вспомнилось Ивану Федоровичу. Онъ усѣлся у него въ ногахъ на табуретѣ. Смердяковъ со страданіемъ пошевелинулся всѣмъ тѣломъ на постели, но не заговорилъ первый, молчалъ да и глядѣлъ уже какъ бы не очень любобытно.

— Можешь со мной говорить? спросилъ Иванъ Федоровичъ, — очень не утомяю.

— Очень могу-съ, промамлилъ Смердяковъ слабымъ голосомъ. — Давно прѣхаты извоили? прибавилъ онъ снисходительно, какъ бы поощряя сконфузившаго собесѣдителя.

— Да вотъ только сегодня... Кашу вашу здѣшнюю расхлебывать.

Смердяковъ вздохнулъ.

— Чего вздыхаешь, вѣдь ты зналъ? прямо брякнулъ Иванъ Федоровичъ.

Смердяковъ солидно помолчалъ.

— Какъ же это было не знать-съ? Напередъ ясно было. Только какъ же было и знать-съ что такъ поведутъ?

— Что поведутъ? Ты не вилай! Вѣдь вотъ ты же предсказалъ что съ тобой падушая будетъ тотчасъ какъ въ погребъ полѣзешь? Прямо такъ на погребъ и указалъ.

— Вы это уже въ долпросѣ показали? спокойно полюбопытствовалъ Смердяковъ.

Иванъ Федоровичъ вдругъ разсердился.

— Нѣтъ, еще не показалъ, но покажу непремѣнно. Ты мнѣ, братъ, многое разъяснить сейчасъ долженъ, и знай, голубчикъ, что я съ собой играть не позволю!

— А зачѣмъ бы мнѣ такая игра-съ, когда на васъ все мое упованіе, единственно какъ на Господа Бога-съ! проговорилъ Смердяковъ все также совсѣмъ спокойно и только на минутку закрывъ глаза.

— Вопервыхъ, приступилъ Иванъ Федоровичъ, — я знаю что падушую нельзя напередъ предсказать. Я справлялся, ты

не вилай. День и часъ нельзя предсказать. Какъ же ты мнѣ тогда предсказалъ и день и часъ, да еще и съ погребомъ? Какъ ты могъ напередъ узнать что провалишься именно въ этотъ погребъ въ припадкѣ, если не притворился въ ладуцей нарочно?

— Въ погребъ надлежало и безъ того идти-сь, въ день по нѣскольку даже разъ-сь, не слѣзша протануль Смердяковъ.— Такъ точно годъ тому назадъ я съ чердака полетѣлъ-сь. Безпремѣнно такъ что ладучую нельзя предсказать впередъ днемъ и часомъ, во предчувствіе всегда можно имѣть.

— А ты предсказалъ день и часъ!

— Насчетъ моей болѣзни ладучей-сь освѣдомьтесь всего лучше, сударь, у докторовъ здѣшнихъ: истинная ли была со мной, али не истинная, а мнѣ и говорить вамъ больше на сей предметъ нечего.

— А погребъ? Погребъ-то какъ ты предузналъ?

— Дался вамъ этотъ самый погребъ! Я тогда какъ въ этотъ погребъ полѣзъ, то въ страхѣ былъ и въ сумѣніи; потому больше въ страхѣ что былъ васъ лишимшись и ни отъ кого уже защиты не ждалъ въ цѣломъ мірѣ. Лѣзу я тогда въ этотъ самый погребъ и думаю: „вотъ сейчасъ придетъ, вотъ она ударить, провалюсь, али нѣтъ?“ и отъ самаго этого сумѣнія вдругъ схватила меня въ горлѣ эта самая неминуемая спазма-сь... ну и полетѣлъ. Все это самое и весь разговоръ нашъ предыдущій съ вами-сь, наканунѣ того дня вечеромъ у воротъ-сь, какъ я вамъ тогда мой страхъ сообщилъ, и про погребъ-сь—все это я въ подробности открылъ господину доктору Герценштуббе и слѣдователю Николаю Парфеновичу, и все они въ протоколъ записали-сь. А здѣшній докторъ г. Первинскій такъ предъ всѣми ими особо настаивалъ что такъ именно отъ думы оно и произошло, отъ самой то-есть той мнительности „что вотъ дескать уладу аль не уладу?“ А она тутъ и подхватила. Такъ и записали-сь что безпремѣнно этому такъ и надо было произойти, отъ единаго то-есть моего страху-сь.

Проговоривъ это, Смердяковъ, какъ бы измученный утомленіемъ, глубоко перевелъ дыханіе.

— Такъ ты ужъ это объявлялъ въ показаніи? спросилъ нѣсколько ольшешанный Иванъ Федоровичъ. Онъ именно хотѣлъ было пугнуть его тѣмъ что объявить про ихъ тогдашній разговоръ, а оказалось что тотъ ужъ и самъ все объявлялъ.

— Чего мнѣ бояться? Пускай всю правду истинную запишутъ, твердо произнесъ Смердяковъ.

— И про нашъ разговоръ съ тобой у воротъ все до слова разказалъ?

— Нѣтъ, не то чтобы все до слова-съ.

— А что представляется въ падучей умѣешь, какъ хвастался мнѣ тогда, тоже сказалъ?

— Нѣтъ, этого тоже не сказалъ-съ.

— Скажи ты мнѣ теперь, для чего ты меня тогда въ Чермашню посылалъ?

— Боялся что въ Москву уѣдете, въ Чермашню все же ближе-съ.

— Врешь, ты самъ приглашалъ меня уѣхать: уѣзжайте, говорилъ, отъ грѣха долой!

— Это я тогда по одному къ вамъ дружеству и по сердечной моей преданности, предчувствуя въ домѣ бѣду-съ, васъ жалѣючи. Только себя больше вашего сожалѣлъ-съ. Потому и говорилъ: уѣзжайте отъ грѣха, чтобы вы попали что дома худо будетъ и остались бы родителя защищать.

— Такъ ты бы прямѣе сказалъ, дуракъ! вслихнулъ вдругъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

— Какъ же бы я могъ тогда прямѣе сказать-съ? Одишь лишь страхъ во мнѣ говорилъ-съ, да и вы могли овердуться. Я конечно опасаться могъ чтобы Дмитрій Ѳеодоровичъ не сдѣлалъ какого скандалу, а самыя эти деньги не увесли, такъ какъ ихъ все равно что за свои почиталъ, а вотъ кто же зналъ что такимъ убивствомъ кончится? Думалъ, они просто только похитятъ эти три тысячи рублей, что у барина подъ тюфякомъ лежали-съ, въ пакетѣ-съ, а они вотъ убили-съ. Гдѣ же и вамъ угадать было, сударь?

— Такъ если самъ говоришь что вельза было угадать, какъ же я могъ догадаться и остаться? Что ты лутаешь? вдумываясь проговорилъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

— А потому и могли догадаться что я васъ въ Чермашню направляю вмѣсто этой Москвы-съ.

— Да какъ тутъ догадаться!

Смердяковъ казался очень утомленнымъ и опять помолчалъ съ минутой.

— Тѣмъ самымъ-съ догадаться могли-съ что коли я васъ отъ Москвы въ Чермашню отклоняю, то значить присутствія вашего здѣсь желаю ближайшаго, потому что Москва далеко,

а Дмитрій Федоровичъ; знаяши что вы недалеко, не столь ободрены будете. Да и меня могли въ большей скорости, въ случаѣ чего, пріѣхать и защитить, ибо самъ я вамъ на близъ Григорія Васильича къ тому же указывалъ, да и то что ладучей боюсь. А объяснивъ вамъ про эти стукки, по которымъ къ локомотиву можно было войти, и что ова Дмитрію Федоровичу черезъ меня всѣ извѣстны, думалъ что вы уже сами тогда догадаетесь что они что-нибудь непременно совершать, и не то что въ Чермашню, а и вовсе останетесь.

„Окъ очень связано говорить, подумалъ Иванъ Федоровичъ, хоть и мямлитъ; про какое же Герценштуббе говорилъ устройство способностей?“

— Хитришь ты со мной, чортъ тебя деря! воскликнулъ окъ осердившись.

— А я, признаться, тогда подумалъ что вы ужь совсѣмъ догадались, съ самымъ простодушнымъ видомъ отларировалъ Смердяковъ.

— Кабы догадался такъ остался бы! воскричалъ Иванъ Федоровичъ опять вспыхнувъ.

— Ну-съ, а я-то думалъ что вы обо всемъ догадавшись скорѣе какъ можно убѣждаете лишь отъ грѣха одного, чтобы только убѣжать куда-нибудь, себя спасая отъ страху-съ.

— Ты думалъ что всѣ такіе же трусы какъ ты?

— Простите-съ, подумалъ что и вы какъ и я.

— Конечно, надо было догадаться, волновался Иванъ,—да я и догадывался объ чемъ-нибудь мерзкомъ съ твоей стороны.... Только ты врешь, опять врешь,—воскричалъ окъ вдругъ прилепивъ:—Помнишь какъ ты къ таравтасу тогда подошелъ и мнѣ сказалъ: „съ умнымъ человекомъ и поговорить любопытно“. Значить радъ былъ что я убѣжаю коль похвалялъ!

Смердяковъ еще и еще разъ вздохнулъ. Въ лицѣ его какъ бы показалась краска.

— Если былъ радъ, произнесъ окъ нѣсколько задыхаясь,—то тому единственно что не въ Москву, а въ Чермашню согласился. Потому все же ближе; а только я вамъ тѣ самыя слова не въ похвалу тогда произнесъ, а въ попрекъ-съ. Не разобрали вы этого-съ.

— Въ какой попрекъ?

— А то что, предчувствуя такую бѣду, собственного родителя оставляете-съ и насъ защитить не хотите, потому что меня за эти три тысячи всегда могли притянуть, что я ихъ укралъ-съ.

— Чортъ тебя дерн! опять обругался Иванъ.— Стой: ты про знаки, про стужи эти, слѣдователю и прокурору объявилъ?

— Все какъ есть объявилъ-съ.

Иванъ Федоровичъ опять про себя удивился.

— Если я подумалъ тогда объ чемъ, началъ онъ опять,—то это про мерзость какую-нибудь единственно съ твоей стороны. Дмитрій могъ убить, но что онъ украдетъ — я тогда не вѣришь.... А съ твоей стороны всякой мерзости ждалъ. Самъ же ты мнѣ сказалъ что притворяться въ ладучей умѣешь, для чего ты это сказалъ?

— По единому моему простодушію. Да и никогда я въ жизни не представлялся въ ладучей нарочно, а такъ только, чтобъ похвалиться предъ вами сказалъ. Одна гаупность-съ. Полюбилъ я васъ тогда очень и былъ съ вами по всей простотѣ.

— Братъ прямо тебя обвиняетъ что ты убилъ и что ты укралъ.

— Да имъ что же больше остается? горько осклабился Смердяковъ,—и кто же имъ повѣритъ послѣ всѣхъ тѣхъ уликъ? Дверь-то Григорій Васильевичъ отпертую видѣли-съ, послѣ этого какъ же-съ. Да что ужь, Богъ съ нами! Себя спласяа дрожать....

Онъ тихо помолчалъ и вдругъ какъ бы сообразивъ прибавилъ:

— Вѣдь вотъ-съ, опять это самое: они на меня свалить желаютъ что это моиъ рукъ дѣло-съ, — это я уже слышалъ-съ,—а вотъ хоть бы это самое что я въ ладучей представляться мастеръ: ну сказалъ ли бы я вамъ напередъ что представляться умѣю, еслибъ у меня въ самомъ дѣлѣ какой замыселъ тогда былъ на родителя вашего? Коля такое убивство ужь я замыслилъ, то можно ли быть столь дуракомъ чтобы впередъ на себя такую улику сказать, да еще смыну родному, помилуйте-съ?! Похоже это на вѣролатіе? Это, чтобъ это могло быть-съ, такъ напротивъ совсѣмъ никогда - съ. Вотъ теперь этого нашего съ вами разговору никто не слышитъ, кромѣ самого этого Провидѣнія-съ, а еслибы вы сообщили прокурору и Николаю Парфеновичу, такъ тѣмъ самымъ могли бы меня въ конецъ защитить-съ: ибо что за злодѣй за такой коли заранѣе столь простодушень? Всѣ это разсудить очень могутъ.

— Слушай, всталъ съ мѣста Иванъ Федоровичъ, поражен-

ный послѣднимъ доводомъ Смердякова и прерывая разговоръ,—я тебя вовсе не подозреваю и даже считаю смѣшнымъ обвинять..... напротивъ, благодаренъ тебѣ что ты меня успокоилъ. Теперь иду, но опять зайду. Пока прощай, выздоравливай. Не нуждаешься ли въ чемъ?

— Во всемъ благодаренъ-съ. Марья Игнатьевна не забываетъ меня-съ и во всемъ споспосуетъ, коли что мнѣ надо, по прежней своей добротѣ. Ежедневно навѣщаютъ добрые люди.

— До свиданія. Я впрочемъ про то что ты притворишься умѣешь не скажу.... да и тебѣ совѣтую не показывать, проговорилъ вдругъ почему-то Иванъ.

— Очень понимаю-съ. А коли вы этого не покажете, то и я-съ всего нашего съ вами разговору тогда у воротъ не объявлю....

Тутъ случилось такъ что Иванъ Федоровичъ вдругъ вышелъ и, только пройдя уже шаговъ десять по корридору, вдругъ почувствовалъ что въ послѣдней фразѣ Смердякова заключался какой-то обидный смыслъ. Онъ хотѣлъ было уже вернуться, но это только мелькнуло, и проговорилъ: „гаупости!“—онъ поскорѣе пошелъ изъ больницы. Главное, онъ чувствовалъ что дѣйствительно былъ успокоенъ, и именно тѣмъ обстоятельствомъ что виновенъ не Смердяковъ, а братъ его Митя, хотя казалось бы должно было выйти напротивъ. Почему такъ было — онъ не хотѣлъ тогда разбирать, даже чувствовалъ отвращеніе копаться въ своихъ ощущеніяхъ. Ему поскорѣе хотѣлось какъ бы что-то забыть. Затѣмъ въ слѣдующіе нѣсколько дней онъ уже совсѣмъ убѣдился въ виновности Мити, когда ближе и основательнѣе ознакомился со всѣми удручавшими того уликами. Были показанія самыхъ ничтожныхъ людей, но почти потрясающія, напримѣръ Оени и ея матери. Про Перхотина, про трактиръ, про лавку Платниковыхъ, про свидѣтелей въ Мокромъ и говорить было нечего. Главное, удручали подробности. Извѣстіе о тайныхъ „штукахъ“ поразило слѣдователя и прокурора почти въ той же степени какъ и показаніе Григорія объ отворенной двери. Жена Григорія, Марья Игнатьевна, на спросъ Ивана Федоровича прямо заявила ему что Смердяковъ всю ту ночь лежалъ у нихъ за перегородкой, „трехъ шаговъ отъ нашей постели не было“, и что хоть и спала она сама крѣпко, но много разъ пробуждалась, слыша какъ онъ тутъ стонетъ:

„все время стоналъ, безперерывно стоналъ“. Поговорявъ о Герценштуббе и сообщивъ ему свое сомнѣніе о томъ что Смердяковъ вовсе не кажется ему помѣшаннымъ, а только слабымъ, онъ только вызвалъ у старика тоненькую улыбочку. „А вы знаете чѣмъ онъ теперь особенно занимается?“ спросилъ онъ Ивана Федоровича, „французскія вокабулы наизусть учить; у него подъ подушкой тетрадка лежитъ и французскія слова русскими буквами къ-то записаны, хе-хе-хе!“ Иванъ Федоровичъ оставилъ наконецъ всѣ сомнѣнія. О братѣ Дмитріи онъ уже и подумать не могъ безъ омерзѣнія. Одно было все-таки странно: что Алеша упорно продолжалъ стоять на томъ что убилъ не Дмитрія, а „ло всей вѣроятности“ Смердяковъ. Иванъ всегда чувствовалъ что мнѣніе Алешы для него высоко, а потому теперь очень недоумѣвалъ на него. Странно было и то что Алеша не искалъ съ нимъ разговоръ о Митѣ и самъ не начиналъ никогда, а лишь отвѣчалъ на вопросы Ивана. Это тоже сильно замѣталъ Иванъ Федоровичъ. Впрочемъ въ то время онъ очень былъ развлеченъ однимъ совсѣмъ постороннимъ обстоятельствомъ: пріѣхавъ изъ Москвы, онъ въ первые же дни весь и безповоротно отдался пламенной и безумной страсти своей къ Катеринѣ Ивановнѣ. Здѣсь не мѣсто начинать объ этой новой страсти Ивана Федоровича, отразившейся потомъ на всей его жизни: это все могло бы послужить канвою уже плаго разказа, другаго романа, который и не знаю предприму ли еще когда-нибудь. Но все же не могу умолчать и теперь о томъ что когда Иванъ Федоровичъ, идя, какъ уже описалъ я, ночью съ Алешей отъ Катерины Ивановны сказалъ ему: „я-то до нея не охотникъ“,—то страшно лгалъ въ ту минуту: онъ безумно любилъ ее, хотя правда и то что временами ненавидѣлъ ее до того что могъ даже убить. Тутъ сходилось много причинъ: вся потрясенная событіемъ съ Митей, она бросилась къ возвратившемуся къ ней опять Ивану Федоровичу какъ бы къ какому своему спасителю. Она была обижена, оскорблена, унижена въ своихъ чувствахъ. И вотъ явился опять человекъ который ее и прежде такъ любилъ,—о, она слишкомъ это знала,—и котораго умъ и сердце она всегда ставила столь высоко надъ собой. Но строгая дѣвушка не отдала себя въ жертву всю, несмотря на весь Карамазовскій безудержъ желаній своего влюбленнаго и на все обаяніе его на нее. Въ то же время

мучалась непрерывно рассказывая что изменила Митя, и въ грозныя, ослеплыя минуты съ Иваномъ (а ихъ было много) прямо высказывала это ему. Это-то и называлъ онъ, говоря съ Алешей: „ложью на лжи“. Тутъ, конечно, было и въ самомъ дѣлѣ много лжи, и это всего болѣе раздражало Ивана Федоровича... но все это потому. Словомъ, онъ на время почти забылъ о Смердяковѣ. И однако двѣ недѣли спустя послѣ перваго къ нему посѣщенія начали его опять мучить все тѣ же страшныя мысли какъ и прежде. Довольно сказать что онъ непрерывно сталъ себя спрашивать: для чего онъ тогда, въ послѣднюю свою ночь, въ домѣ Федора Павловича, предъ отъѣздомъ своимъ, сходилъ тихонько какъ воръ на дѣйствицу и прислушивался что дѣлаетъ внизу отецъ? Почему съ отвращеніемъ вспоминалъ это потому, почему на другой день утромъ въ дорогѣ такъ вдругъ затосковалъ, а въѣжая въ Москву сказалъ себѣ: „а подлецъ!“ И вотъ теперь ему однажды подумалось что изъ-за всѣхъ этихъ мучительныхъ мыслей онъ пожалуй готовъ забыть даже и Катерину Ивановну, до того онъ сильно имъ вдругъ опять овладелъ! Какъ разъ, подумавъ это, онъ встрѣтилъ Алешу на улицѣ. Онъ тотчасъ оставилъ его и вдругъ задалъ ему вопросъ:

— Помнишь ты, когда послѣ обѣда Дмитрій ворвался въ домъ и избилъ отца, и я потомъ сказалъ тебѣ на дворѣ, что „право желаній“ оставляю за собой,—скажи, подумалъ ты тогда что я желаю смерти отца или нѣтъ?

— Подумалъ, тихо отвѣтилъ Алеша.

— Оно впрочемъ такъ и было, тутъ и угадывать было нечего. Но не подумалось ли тебѣ тогда и то что я именно желаю чтобъ „одинъ гадъ съѣлъ другую гадюку“, т.е. чтобъ именно Дмитрій отца убилъ, да еще поскорѣе... и что и самъ я послесобствовать даже не прочь?

Алеша савка поблѣднѣвъ и молча смотрѣлъ въ глаза брату.

— Говори же! воскликнулъ Иванъ.—Я изо всей силы хочу знать что ты тогда подумалъ. Мнѣ надо; правду, правду! Онъ тяжело перевелъ духъ, уже заранѣе съ какою-то злобой смотря на Алешу.

— Прости меня, я и это тогда подумалъ, прошепталъ Алеша и замолчалъ, не прибавивъ ни одного „облегчающаго обстоятельства“.

— Спасибо! отрѣзалъ Иванъ и, бросивъ Алешу, быстро пошелъ своею дорогой. Съ тѣхъ поръ Алеша замѣтилъ что братъ Иванъ какъ-то рѣзко началъ отъ него отдаляться и даже какъ бы не взлюбилъ его, такъ что потомъ и самъ онъ уже пересталъ ходить къ нему. Но въ ту минуту, сейчасъ послѣ той съ нимъ встрѣчи, Иванъ Федоровичъ, не заходя домой, вдругъ направился опять къ Смердакову.

VII.

Второй визитъ къ Смердакову.

Смердаковъ къ тому времени уже выписался изъ больницы. Иванъ Федоровичъ зналъ его новую квартиру: именно въ этомъ перекосившемся бревенчатомъ маленькомъ домишкѣ въ двѣ избы раздѣленные стѣнами. Въ одной избѣ помѣстилась Марья Кондратьевна съ матерью, а въ другой Смердаковъ, особаице. Богъ знаетъ на какихъ основаніяхъ онъ у нихъ поселился: даромъ ли проживалъ или за деньги? Въ послѣдствіи полагали что поселился онъ у нихъ въ качествѣ жениха Марьи Кондратьевны и проживалъ пока даромъ. И мать и дочь его очень уважали и смотрѣли на него какъ на весьма предъ вами человѣка. Достучавшись, Иванъ Федоровичъ вступилъ въ стѣны, и по указанію Марьи Кондратьевны, прошелъ прямо направо въ „бѣлую избу“ занимаемую Смердаковымъ. Въ этой избѣ печь стояла изразцовая и была сильно натоплена. По стѣнамъ красовались голубые обои, правда всѣ изодраныя, а подъ ними въ трещинахъ копошились тараканы-прусаки въ страшномъ количествѣ, такъ что стоялъ неумолкаемый шорохъ. Мебель была ничтожная: двѣ скамьи по обѣимъ стѣнамъ и два стула подѣл стола. Столъ же, хоть и просто деревянный, былъ накрытъ однако скатертью съ розовыми разводами. На двухъ маленькихъ окошкѣхъ помѣщалось на каждомъ по горшку съ геранями. Въ углу кіотъ съ образами. На столѣ стоялъ небольшой, сильно помятый мѣдный самоварчикъ и подносъ съ двумя чашками. Но чай Смердаковъ уже отпилъ, и самоваръ погасъ... Самъ онъ сидѣлъ за столомъ на лавкѣ и смотря въ тетрадь что-то чертилъ перомъ. Пузырекъ съ чернилами находился подѣл, равно какъ и чугунный визевскій подстѣвч-

какъ со стеариною впрочемъ свѣчкой. Иванъ Федоровичъ тотчасъ заключилъ по лицу Смердякова что оправилась онъ отъ болѣзни влодавъ. Лицо его было свѣжѣе, полнѣе, хохлакъ взбитъ, височки примазаны. Сидѣлъ онъ въ пестромъ ватномъ халатѣ, очень однако затасканномъ и порядочно истрепанномъ. На носу его были очки, которыхъ Иванъ Федоровичъ не видывалъ у него прежде. Это лустѣвшее обстоятельство вдругъ какъ бы вдвое даже ослѣпо Ивана Федоровича: „этакая тварь, да еще въ очкахъ!“ Смердяковъ медленно подымалъ голову и пристально посматривалъ въ очки на вошедшаго; затѣмъ тихо ихъ снялъ и самъ приподнялся на лавкѣ, но какъ-то совсѣмъ не столь почтительно, какъ-то даже лѣзливо, единственно чтобы соблюсти только лишь самую необходимѣйшую учтивость, безъ которой уже нельзя почти обойтись. Все это мигомъ мелькнуло Ивану и все это онъ сразу обхватилъ и замѣтилъ, а главное—взглядъ Смердякова, рѣшительно злобный, непривѣтливый и даже надменный: „чего дескать шляешься, обо всемъ вѣдь тогда сговорились, затѣмъ же опять пришелъ?“ Иванъ Федоровичъ едва сдержалъ себя:

— Жарко у тебя, сказалъ онъ еще стоя и разстегнулъ пальто.

— Снимите-съ, позволилъ Смердяковъ.

— Иванъ Федоровичъ снялъ пальто и бросилъ его на лавку, дрожащими руками взялъ стулъ, быстро придвинулъ его къ столу и сѣлъ. Смердяковъ услѣлъ опуститься на свою лавку раньше его.

— Волервыхъ, одинъ ли мы? строго и стремительно спросилъ Иванъ Федоровичъ.— Не услышать насъ отсюда?

— Никто ничего не услышитъ-съ. Самы видѣли: сѣли.

— Слушай, голубчикъ: что ты такое тогда сморозилъ, когда я уходилъ отъ тебя изъ больницы, что если я промолчу о томъ что ты мастеръ представляться въ ладуцей, то и ты де не объявишь всего слѣдователю о нашемъ разговорѣ съ тобой у воротъ? что это такое *всего*? что ты могъ тогда разумѣть? Угрожалъ ты мнѣ что ли? Что я въ союзъ что ли въ какой съ тобою вступалъ, боюсь тебя что ли?

Иванъ Федоровичъ проговорилъ это совсѣмъ въ ярости, видимо и нарочно давая знать что презираетъ всякій обивакъ и всякій подходъ и играетъ въ открытую. Глаза Смердякова злобно сверкнули, лѣвый глазокъ замигалъ, и онъ тотчасъ же, хотя по обычаю своему сдержанно и мѣрно, далъ

и свой отвѣтъ: „Хочешь дескать на чистоту, такъ вотъ тебѣ и эта самая чистота“:

— А те самое я тогда разумѣлъ и для того я тогда это произвошилъ, что вы, знавши напередъ про это убийство роднаго родителя вашего, въ жертву его тогда оставили, и чтобы не закаючили послѣ сего люди чего дурнаго объ вашихъ чувствахъ, а можетъ и объ чемъ швомъ прочемъ,—вотъ что тогда обшцался я начальству не объявлять.

Проговорилъ Смердяковъ хоть и не слѣша и обладая собою повидимому, но ужъ въ голосъ его даже послышалось нѣчто твердое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее. Дерзко уставилася онь въ Ивана Федоровича, а у того въ первую минуту даже въ глазахъ зарыбило:

— Какъ? Чтò? Да ты въ умѣ ацъ нѣтъ?

— Совершенно въ полномъ своемъ умѣ-съ.

— Да развѣ я зналъ тогда про убійство? вскричалъ наконецъ Иванъ Федоровичъ и крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.—Чтò значить: „объ чемъ швомъ прочемъ?“—говори, подлецъ!

Смердяковъ молчалъ и все тѣмъ же наглымъ взглядомъ продолжалъ осматривать Ивана Федоровича.

— Говори, смердящая шельма, объ чемъ „швомъ прочемъ“? завопилъ тотъ.

— А объ томъ „швомъ прочемъ“ я сею минутой разумѣлъ что вы пожалуй и сами очень жевали тогда смерти родителя вашего.

Иванъ Федоровичъ вскочилъ и изо всей силы ударилъ его кулакомъ въ плечо, такъ что тотъ откандулся къ стѣнѣ. Въ одинъ мигъ все лицо его облилось слезами, и проговоривъ: „Стыдно, сударь, слабого челоуѣка бить!“ онь вдругъ закрылъ глаза своимъ бумажнымъ съ синими кляточками и совершенно засморканнымъ носовымъ платкомъ и погрузился въ тихій слезный плачь. Прошло съ минуту.

— Довольно! перестань! повелительно сказалъ наконецъ Иванъ Федоровичъ, садясь опять на стулъ.—Не выводи меня изъ послѣдняго терпѣнія!

Смердяковъ отнял отъ глазъ свою тряпочку. Всякая черточка его сморщенного лица выражала только-что перенесенную обиду.

— Такъ ты, подлецъ, подумалъ тогда что я заодно съ Дмитриемъ хочу отца убить?

— Мыслей вашихъ я тогдашнихъ не зналъ-съ, обиженно проговорилъ Смердяковъ,—а потому и остановилъ васъ тогда какъ вы входили въ ворота, чтобы васъ на этомъ самомъ пунктѣ слытать-съ.

— Что слытать? что?

— А вотъ именно это самое обстоятельство: хочется или не хочется вамъ чтобы вашъ родитель былъ поскорѣе убитъ?

Всего болѣе возмущалъ Ивана Федоровича этотъ настойчивый наглый тонъ, отъ котораго упорно не хотѣлъ отступить Смердяковъ.

— Это ты его убилъ! воскликнулъ онъ вдругъ.

Смердяковъ презрительно усмѣхнулся.

— Что не я убилъ, это вы знаете сами доподлинно. И думалъ я что умному человѣку и говорить о семъ больше нечего.

— Но почему, почему у тебя явилось тогда такое на меня подозрѣніе?

— Какъ уже извѣстно вамъ, отъ единаго страху-съ. Ибо въ такомъ былъ тогда положеніи что въ страхѣ сотрясаясь всѣхъ подозрѣвалъ. Васъ тоже положилъ слытать-съ, ибо если и вы, думаю, того же самаго желаете что и братецъ вашъ, то и конецъ тогда всякому этому дѣлу, а я самъ проладу заодно какъ муха.

— Слушай, ты двѣ недѣли назадъ не то говорилъ.

— То же самое и въ больницѣ говоря съ вами разумѣлъ, а только полагалъ что вы и безъ лишнихъ словъ поймете, и прямаго разговора не желаете сами, какъ самый умный человѣкъ-съ.

— Ишь вѣдь! Но отвѣчай, отвѣчай, я настаиваю: съ чего именно, чѣмъ именно я могъ вселить тогда въ твою подлую душу такое низкое для меня подозрѣніе?

— Чтобы убить—это вы сами ни за что не могли-съ, да и не хотѣли, а чтобы хотѣть чтобы другой кто убилъ, это вы хотѣли.

— И какъ спокойно, какъ спокойно вѣдь говорить! Да съ чего мнѣ хотѣть, на кой лядъ мнѣ было хотѣть?

— Какъ это такъ на кой лядъ-съ? А наследство то-съ? ядовито и какъ-то даже отмстительно подхватилъ Смердяковъ:—Вѣдь вамъ тогда послѣ родителя вашего на каждаго изъ трехъ братцевъ безъ малаго по сорока тысячъ могло придтись, а можетъ и того больше-съ, а женись тогда Федоръ

Павловичъ на этой самой госложѣ-сь, Аграфенъ Александровнѣ, такъ ужъ та весь бы капиталъ тотчасъ же послѣ вѣнца на себя перевела, ибо онѣ очень не гаулыя-сь, такъ что вамъ всѣмъ троимъ братцамъ и двухъ рублѣй не досталось бы послѣ родителя. А много ль тогда до вѣнца-то оставалось? Одинъ волосокъ-сь: стоило этой барынѣ вотъ такъ только мизинчикомъ предъ вами сдѣлать, и они бы тотчасъ въ церковь за вами высуня языкъ любѣжали.

Иванъ Федоровичъ со страданіемъ сдержалъ себя.

— Хорошо, проговорилъ онъ наконецъ,—ты видишь, я не вскочилъ, не избилъ тебя, не убилъ тебя. Говори дальше: стало-быть я по твоему брата Дмитрія къ тому и предназначалъ, на него и разчитывалъ?

— Какже вамъ на нихъ не разчитывать было-сь; вѣдь убей они, то тогда всѣхъ правъ дворянства лишатся, чиновъ и имуществва, и въ ссылку пойдутъ-сь. Такъ вѣдь тогда ихняя часть-сь послѣ родителя вамъ съ братцемъ Алексѣемъ Федоровичемъ останется, лоровну-сь, значить уже не по сороку, а по шестидесяти тысячъ вамъ пришлось бы каждому-сь. Это вы на Дмитрія Федоровича безпремѣнно тогда разчитывали!

— Ну терплю же я отъ тебя! Слушай негодай: еслибъ я и разчитывалъ тогда на кого-нибудь, такъ ужъ конечно бы на тебя, а не на Дмитрія, и, клянусь, предчувствовалъ даже отъ тебя какой-нибудь мерзости.... тогда.... я помню мое впечатлѣніе!

— И я тоже подумалъ тогда, минутку одну, что и на меня тоже разчитываете, насмѣшливо ослабился Смердяковъ,—такъ что тѣмъ самымъ еще болѣе тогда себя предо мной облачили, ибо если предчувствовали на меня и въ то же самое время увѣжали, значить мнѣ тѣмъ самымъ точно какъ бы сказали: это ты можешь убить родителя, а я не прелятствую.

— Подлецъ! Ты такъ лоялъ?

— А все чрезъ эту самую Чермашню-сь. Помилосердуйте! Собираетесь въ Москву, и на всѣ просьбы родителя ѣхать въ Чермашню отказались-сь! И по одному только гаулому моему слову вдругъ согласились-сь! И на чтѣ вамъ было тогда соглашаться на эту Чермашню? Коли не въ Москву, а поѣхали въ Чермашню безъ причины, по единому моему слову, то стало-быть чего-либо отъ меня ожидали.

— Нѣтъ, клянусь, нѣтъ! завопилъ скрежеща зубами Иванъ.

— Какже это мѣтъсь? Слѣдовало, напротивъ, за такія мои тогдашія слова вамъ, сыну родителя вашего, меня первымъ дѣломъ въ часть представить и выдратьсь.... по крайности по мордасамъ тутъ же на мѣстѣ отколотить, а вы, помилуйтесь, напротивъ, не мало не разсердились, тотчасъ дружелюбно исполняете въ точности по моему весьма глупому словусь и ѣдете, что было вовсе нелѣпось, ибо вамъ слѣдовало оставаться чтобы хравить жизнь родителя.... Какже мнѣ было не заключить?

Иванъ сидѣлъ насулившись, коувульсивно опершись обоими кулаками въ свои колѣна.

— Да, жаль что не отколотилъ тебя по мордасамъ, горько усмѣхнулся онъ.— Въ часть тогда тебя тащить нельзя было: кто жъ бы мнѣ повѣрилъ и на что я могъ указать, ну а по мордасамъ.... ухъ, жаль не догадался; хоть и запрещены мордасы, а сдѣлалъ бы я изъ твоей хари кашу.

Смердяковъ почти съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него.

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, проговорилъ онъ тѣмъ самодовольно-доктринерскимъ тономъ съ которымъ спорилъ вѣкогда съ Григоріемъ Васильевичемъ о вѣрѣ и дразнилъ его стоя за столомъ Федора Павловича, — въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни мордасы новѣ дѣйствительно запрещены по закону, и всѣ перестали битьсь, ну а въ отличительныхъ случаяхъ жизни, такъ не то что у насъ, а и на всемъ свѣтѣ, будь хоша бы самая полная французская республика, все одно продолжаютъ бить какъ и при Адамѣ и Евѣсь, да и вѣкогда того не перестанутьсь, а вы и въ отличительномъ случаѣ тогда не посмѣлись.

— Что это ты французскія вокабулы учишь? кивнулъ Иванъ на тетрадку лежавшую на столѣ.

— А почему же бы мнѣ ихъ не учитьсь, чтобы тѣмъ образованію моему способствовать, думая что и самому мнѣ когда въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ Европы можетъ придется быть.

— Слушай, извергъ, засверкалъ глазами Иванъ и весь затресся,—я не боюсь твоихъ обвиненій, показывай на меня что хочешь, и если не избилъ тебя сейчасъ до смерти, то единственно потому что подозреваю тебя въ этомъ преступленіи и притяну къ суду. Я еще тебя обнаружу!

— А по моему лучше молчитесь. Ибо что можете вы на меня объявить въ моей совершенной невинности, и кто вамъ

повѣрить? А только если начнете, то и я все расскажу-сь, ибо какъ же бы мнѣ не защитить себя?

— Ты думаешь я тебя теперь боюсь?

— Пусть этимъ всѣмъ моимъ словамъ, что вамъ теперь говорилъ, въ судѣ не повѣрятъ-сь, за то въ лубки повѣрятъ-сь, и вамъ стыдно стаетъ-сь.

— Это значитъ опять-таки что: „съ умнымъ человекомъ и поговорить любопытно“,—а? проскрежеталъ Иванъ.

— Въ самую точку изволили-сь. Умнымъ и будьте-сь.

Иванъ Федоровичъ всталъ, весь дрожа отъ негодованія, надѣлъ пальто, и не отвѣчая болѣе Смердякову, даже не глядя на него, быстро вышелъ изъ избы. Свѣжій вечерній воздухъ освѣжилъ его. На небѣ ярко свѣтила луна. Страшный кошмаръ мыслей и ощущеній килѣлъ въ его душѣ. „Идти объявить сейчасъ на Смердякова? Но что же объявить: онъ все-таки невиненъ. Онъ, напротивъ, меня же обвинить. Въ самомъ дѣлѣ, для чего я тогда лѣхалъ въ Чермашню? Для чего, для чего? спрашивалъ Иванъ Федоровичъ. Да, конечно я чего-то ожидалъ, и онъ правъ....“ И ему опять въ сотый разъ припомнилось какъ онъ въ послѣднюю ночь у отца подслушивалъ къ нему съ лѣстницы, но съ такимъ уже страдающимъ теперь припомнилось что онъ даже остановился на мѣстѣ какъ прозвенный: „Да, я этого тогда ждалъ, это правда! Я хотѣлъ, я именно хотѣлъ убійства! Хотѣлъ ли я убійства, хотѣлъ ли?... Надо убить Смердякова!... Если я не смѣю теперь убить Смердякова, то не стоить и жить!...“ Иванъ Федоровичъ, не заходя домой, прошелъ тогда прямо къ Катериинѣ Ивановнѣ и услужалъ ее своимъ появленіемъ: онъ былъ какъ безумный. Онъ передалъ ей весь свой разговоръ со Смердяковымъ, весь до черточки. Онъ не могъ усложиться, сколько та ни уговаривала его, все ходилъ по комнатамъ и говорилъ отрывисто, странно. Наконецъ сѣлъ, облокотился на столъ, уперъ голову въ обѣ руки и вымолвилъ странный афоризмъ:

— Еслибъ убилъ не Дмитрій, а Смердяковъ, то конечно я тогда съ нимъ солидаренъ, ибо я подбивалъ его. Подбивалъ ли я его—еще не знаю. Но если только онъ убилъ, а не Дмитрій, то конечно убійца и я.

Выслушавъ это Катерина Ивановна молча встала съ мѣста, пошла къ своему письменному столу, отлерда стоявшую на немъ шкатулку, вынула какую-то бумажку и положила ее предъ Иваномъ. Эта бумажка была тотъ самый документъ о

которомъ Иванъ Федоровичъ потомъ объявилъ Алешѣ какъ о „математическомъ доказательствѣ“ что убилъ отца братъ Дмитрій. Это было письмо написанное Митей въ пьяномъ видѣ къ Катериѣ Ивановнѣ, въ тотъ самый вечеръ когда онъ встрѣтился въ полѣ съ Алешей уходившимъ въ монастырь, послѣ сцены въ домѣ Катерины Ивановны, когда ее оскорбила Грушенька. Тогда, разставшись съ Алешей, Митя бросился было къ Грушенькѣ; неизвестно видѣлъ ли ее, но къ ночи очутился въ трактирѣ „Столичный городъ“, гдѣ какъ слѣдуетъ и напился. Пьяный онъ потребовалъ перо и бумагу и начерталъ важный на себя документъ. Это было изстудленное, многорѣчивое и безсвязное письмо, именно „пьяное“. Похоже было на то когда пьяный человекъ, воротясь домой, начинаетъ съ необычайнымъ жаромъ разказывать женѣ или кому изъ домашнихъ какъ его сейчасъ оскорбили, какой подлець его оскорбителъ, какой онъ самъ, напротивъ, прекрасный человекъ и какъ онъ тому подлецу задастъ—и все это длинно-длинно, безсвязно и возбужденно, со стукомъ кудаками по столу, съ пьяными слезами. Бумага для письма, которую ему подали въ трактирѣ, была грязневѣкій клочекъ обыкновенной письменной бумаги, плохого сорта и на обратной сторонѣ котораго былъ написанъ какой-то счетъ. Пьяному многорѣчию очевидно не достало мѣста, и Митя уписалъ не только всѣ поля, но даже послѣднія строчки были написаны накрестъ уже по написанному. Письмо было слѣдующаго содержания: „Роковая Катя! завтра доставу деньги и отдамъ тебѣ твои три тысячи, и прощай—великаго гнѣва женщина, но прощай и любовь моя! Кончимъ! Завтра буду доставать у всѣхъ людей, а не достану у людей, то дамъ тебѣ честное слово, пойду къ отцу и проломлю ему голову и возьму у него подъ подушкой, только бы уѣхалъ Иванъ. Въ каторгу пойду, а три тысячи отдамъ. А сама прощай. Клянюсь до земаи, ибо предъ тобой подлець. Прости меня. Нѣтъ, лучше не прощай: легче и мнѣ, и тебѣ! Лучше въ каторгу чѣмъ твоя любовь, ибо другую люблю, а ее слышкомъ сегодня узнала, какъ же ты можешь простить? Убью вора моего! Отъ всѣхъ васъ уйду на Востокъ, чтобъ никого не знать. Ея тоже, ибо не ты одна мучительница, а и она. Прощай!

„P. S. Проклятiе пишу, а тебя обожаю! Слышу въ груди моей. Осталась струна и звенить. Лучше сердце полодамы!

Убью себя, а сначала все-таки пса. Вырву у него три и брошу тебѣ. Хоть подлецъ предъ тобой, а не воръ! Жди трехъ тысячъ. У пса подъ тюфякомъ, розовая ленточка. Не я воръ, а вора моего убью. Ката, не гляди презрительно: Димитрій не воръ, а убійца! Отца убилъ и себя погубилъ чтобы стоять и гордости твоей не выносить. И тебя не любить.

„PP. S. Ноги твои цѣлаю, прощай!

„PP. SS. Ката, моли Бога чтобы далъ люди деньги. Тогда не буду въ крови, а не дадутъ—въ крови! Убей меня!

„Рабъ и врагъ

„Д. Карамазовъ.“

Когда Иванъ прочелъ „документъ“, то всталъ убѣжденный. Значитъ убилъ братъ, а не Смердяковъ. Не Смердяковъ, то стало-быть и не онъ, Иванъ. Письмо это вдругъ получило въ глазахъ его смыслъ математическій. Никакихъ сомнѣній въ виновности Мити быть для него не могло уже болѣе. Кстати, подозрѣнія о томъ что Митя могъ убить вмѣстѣ со Смердяковымъ у Ивана никогда не было, да это не вязалось и съ фактами. Иванъ былъ вполнѣ усложоженъ. На другое утро онъ лишь съ презрѣніемъ вспоминалъ о Смердяковѣ и о насмѣшкахъ его. Черезъ нѣсколько дней даже удивлялся, какъ могъ онъ такъ мучительно обидѣться его подозрѣніями. Онъ рѣшился презрѣть его и забыть. Такъ прошелъ мѣсяць. О Смердяковѣ онъ неразспрашивалъ больше ни у кого, но слышалъ мелькомъ, раза два, что тотъ очень боленъ и не въ своемъ разсудкѣ. „Кочичъ сумашествіемъ“, сказалъ разъ про него молодой врачъ Первинскій, и Иванъ это запомнилъ. Въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца Иванъ самъ началъ чувствовать себя очень худо. Съ прѣхавшимъ предъ самымъ судомъ докторомъ изъ Москвы, котораго выписала Катерина Ивановна, онъ уже ходилъ совѣтоваться. И именно въ это же время отношенія его къ Катеринѣ Ивановнѣ обострились до крайней степени. Это были какіе-то два влюбленные другъ въ друга врага. Возвраты Катерины Ивановны къ Митѣ, мгновенные, но сильные, уже приводили Ивана въ совершенное изступленіе. Странно что до самой послѣдней сцены описанной нами у Катерины Ивановны, когда пришелъ къ ней отъ Мити Алеша, онъ, Иванъ, не слышалъ отъ нея ни разу во весь мѣсяць сомнѣній въ виновности Мити, несмотря на всѣ ея „возвраты“ къ нему, которые онъ такъ ненавидѣлъ. Замѣчательно еще и то что онъ, чувствуя что ненавидитъ Митю съ каждымъ

двѣмъ все больше и больше, ловималъ въ то же время что не за „возвраты“ къ нему Кати ненавидѣлъ его, а именно за то что онъ убилъ отца! Онъ чувствовалъ и сознавалъ это самъ вполнѣ. Тѣмъ не менѣе двѣи за десять предъ судомъ онъ ходилъ къ Митѣ и предложилъ ему планъ бѣгства—планъ очевидно еще задолго задуманный. Тутъ, кромѣ главной причины, побудившей его къ такому шагу, виновата была и нѣкоторая незаживавшая въ сердцѣ его царалина отъ одного словечка Смердякова, что будто бы ему, Ивану, выгодно чтобъ обвинили брата, ибо сумма по наслѣдству отъ отца возвысится тогда для него съ Алешей съ сорока на шестьдесятъ тысячъ. Онъ рѣшился пожертвовать тридцатью тысячами съ одной своей стороны чтобъ устроить побѣгу Мити. Возвращаясь тогда отъ него онъ былъ страшно грустенъ и смущенъ: ему вдругъ начало чувствоваться что онъ хочетъ побѣга не для того только чтобы пожертвовать на это тридцать тысячъ и заживить царалину, а и почему-то другому. „Потому ли что въ душѣ и я такой же убійца?“ спросилъ было онъ себя. Что-то отдаленное, но жгучее язвило его душу. Главное же, во весь этотъ мѣсяцъ страшно страдала его гордость, но объ этомъ потомъ... Взявшись за звонокъ своей квартиры послѣ разговора съ Алешей и порѣшивъ вдругъ идти къ Смердякову, Иванъ Федоровичъ повисовался одному особливому, внезапно вскилѣвшему въ груди его негодованію. Онъ вдругъ вспомнилъ какъ Катерина Ивановна сейчасъ только воскликнула ему при Алешѣ: „Это ты, только ты одинъ увѣрилъ меня что онъ (то-есть Митя) убійца!“ Вспомнивъ это Иванъ даже остолбенѣлъ: никогда въ жизни не увѣрялъ онъ ее что убійца Митя, напротивъ, еще себя подозрѣвалъ тогда предъ нею, когда воротился отъ Смердякова. Напротивъ, это она, она ему выложила тогда „документъ“ и доказала виновность брата! И вдругъ она же теперь восклицаетъ: „Я сама была у Смердякова!“ Когда была? Иванъ ничего не зналъ объ этомъ. Значить она совсѣмъ не такъ увѣрена въ виновности Мити! И что могъ ей сказать Смердяковъ? Чтò, чтò именно онъ ей сказалъ? Страшный гнѣвъ загорѣлся въ его сердцѣ. Онъ не ловималъ какъ могъ онъ полчаса назадъ пропустить ей эти слова и не закричать тогда же. Онъ бросилъ звонокъ и лустился къ Смердякову. „Я убью его можетъ-быть въ этотъ разъ“, подумалъ онъ дорогой.

VII.

Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковъ-
вымъ.

Еще на полпути поднялся острый, сухой вѣтеръ, такой же какъ былъ въ этотъ день рано утромъ, и посыпалъ мелкій, густой, сухой снѣгъ. Онъ падалъ на землю не прилиная къ ней, вѣтеръ крутилъ его, и вскорѣ поднялась совершенная метель. Въ той части города гдѣ жилъ Смердяковъ у насъ почти и нѣтъ фонарей. Иванъ Федоровичъ шагаль во мракѣ не замѣчая метели, инстинктивно разбирая дорогу. У него болѣла голова и мучительно стучало въ вискахъ. Въ кистяхъ рукъ, онъ чувствовалъ это, были судороги. Нѣсколько недоходя до домишка Марьи Кондратьевны Иванъ Федоровичъ вдругъ повстрѣчалъ одинокаго пьянаго, маленькаго ростомъ мужиченка, въ залатанномъ зилунишкѣ, шагавшаго зигзагами, ворчавшаго и бранившагося и вдругъ бросающаго браниться и начинающаго сильнымъ пьянымъ голосомъ лѣсно:

„Ахъ поѣхалъ Ванька въ Питеръ,

„Я не буду его ждать!“

Но онъ все прерывалъ на этой второй строчкѣ и опять начиналъ кого-то бранить, затѣмъ опять вдругъ затыкалъ ту же лѣсно. Иванъ Федоровичъ давно уже чувствовалъ страшную къ нему ненависть, объ немъ еще совсѣмъ не думая, и вдругъ его осмыслилъ. Тотчасъ же ему неотразимо захотѣлось пришибить сверху кулакомъ мужиченку. Какъ разъ въ это мгновеніе они повертались рядомъ, и мужиченко, сильно качнувшись, вдругъ ударился изо всей силы объ Ивана. Тотъ бѣшено оттолкнулъ его. Мужиченко отлетѣлъ и шлепнулся какъ колода объ мерзлую землю, болѣзненно простонавъ только одинъ разъ: о-о! и замолкъ. Иванъ шагнулъ къ нему. Тотъ лежалъ навзничъ, совсѣмъ неподвижно, безъ чувствъ: „Замерзнетъ!“ подумалъ Иванъ и зашагалъ опять къ Смердякову.

Еще въ снѣгахъ Марья Кондратьевна, выбѣжавшая отворить со свѣчкой въ рукахъ, зашептала ему что Павелъ Федоровичъ (то-есть Смердяковъ) очень больны-сь, не то что лежать-сь, а почти какъ не въ своемъ умѣ-сь и даже чай велѣли убрать, пить не захотѣли.

— Что жь онъ буянить что ли, грубо спросилъ Иванъ Федоровичъ.

— Какое, напротивъ, совсѣмъ тихіе-сь, только вы съ ними не очень долго разговаривайте.... попросила Марья Кондратьевна.

Иванъ Федоровичъ отворилъ дверь и шагнулъ въ избу.

Натоплено было такъ же какъ и въ прежній разъ, но въ комнатѣ замѣтны были нѣкоторыя перемѣны: одна изъ боковыхъ лавокъ была вынесена и на мѣсто ея явилась большой старый кожаный диванъ подъ красное дерево. На немъ была постлана постель съ довольно чистыми бѣлыми подушками. На постели сидѣлъ Смердяковъ все въ томъ же своемъ халатѣ. Столъ перенесенъ былъ предъ диванъ, такъ что въ комнатѣ стало очень тѣсно. На столѣ лежала какая-то толстая въ желтой оберткѣ книга, но Смердяковъ не читалъ ея, онъ кажется сидѣлъ и ничего не дѣлалъ. Длиннымъ, молчаливымъ взглядомъ встрѣтилъ онъ Ивана Федоровича и повидимому нисколько не удивился его прибытію. Онъ очень измѣнился въ лицѣ, очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Глаза ввали, нижнія вѣки лосивѣли.

— Да ты и впрямь боленъ? остановился Иванъ Федоровичъ.—Я тебя долго не задержу и пальто даже не сниму. Гдѣ у тебя сѣсть-то?

Онъ зашелъ съ другаго конца стола, придвинулъ къ столу стулъ и сѣлъ.

— Что смотришь и молчишь? Я съ однимъ только вопросомъ, и клянусь не уйду отъ тебя безъ отвѣта: была у тебя барыня, Катерина Ивановна?

Смердяковъ длительно помолчалъ, полпрежнему все тихо смотря на Ивана, но вдругъ махнулъ рукой и отвернулъ отъ него лицо.

— Чего ты? воскликнулъ Иванъ.

— Ничего.

— Что ничего?

— Ну была, ну и все вамъ равно. Отстаньте-сь.

— Нѣтъ не отстану! Говори, когда была?

— Да я и помнить объ ней забылъ, презрительно усмѣхнулся Смердяковъ, и вдругъ опять, оборота лицо къ Ивану, уставился на него съ какимъ-то изступленно ненавистнымъ взглядомъ, тѣмъ самымъ взглядомъ какимъ глядѣлъ на него въ то свиданіе, мѣсяцъ назадъ.

— Самы кажись больны, ишь осунулись, лица на васъ нѣтъ, проговорилъ онъ Ивану.

— Оставь мое здоровье, говори объ чемъ спрашиваютъ.

— А чего у васъ глаза пожелтели, совсѣмъ бѣлки желтыя. Мучаетесь что ли очень?

Онъ презрительно усмѣхнулся и вдругъ совсѣмъ ужъ разсмѣялся.

— Слушай, я сказалъ что не уйду отъ тебя безъ отвѣта въ страшномъ раздраженіи крикнулъ Иванъ.

— Чего вы ко мнѣ пристааете-съ? Чего меня мучите? со страданіемъ проговорилъ Смердяковъ.

— Э, чортъ! Мнѣ до тебя нѣтъ и дѣла. Отвѣть на вопросъ, и я тотчасъ уйду.

— Нечего мнѣ вамъ отвѣчать! олять потулился Смердяковъ.

— Увѣряю тебя что я заставлю тебя отвѣчать!

— Чего вы все безлокоуетесь? вдругъ уставился на него Смердяковъ, но не то что съ презрѣніемъ, а почти съ какою-то уже гадливостью,—это что судъ-то завтра начнется? Такъ вѣдь ничего вамъ не будетъ, увѣрьтесь же наконецъ! Стулайте домой, ложитесь спокойно спать, ничего не оласайтесь.

— Не понимаю я тебя... чего мнѣ бояться завтра? удивленно выговорилъ Иванъ, и вдругъ въ самомъ дѣлѣ какой-то услугъ холодомъ лахнулъ на его душу. Смердяковъ обмѣрилъ его глазами.

— Не по-ни-маете? протянулъ онъ укоризненно.—Охота же умному человѣку такую комедь изъ себя представлять!

Иванъ молча глядѣлъ на него. Однакъ ужъ этотъ неожиданный тонъ, совсѣмъ какой-то небывало высокомерный, съ которымъ этотъ бывший его лакей обращался теперь къ нему, былъ необыченъ. Такого тона все-таки не было даже и въ прошлый разъ.

— Говорю вамъ, нечего вамъ бояться. Ничего на васъ не покажу, нѣтъ уликъ. Ишь руки трясутся. Съ чего у васъ пальцы-то ходять? Идите домой, *не выг убилы*.

Иванъ вздрогнулъ, ему вспомнился Алеша.

— Я знаю что не я... пролетѣлъ было онъ.

— Зна-е-те? олять подхватилъ Смердяковъ.

Иванъ вскочилъ и схватилъ его за плечо:

— Говори все, гадина! говори все!

Смердяковъ несколько не испугался. Онъ только съ безумною ненавистью приковался къ нему глазами:

— Ахъ вотъ вы-то и убили, коль такъ, яростно прошепталъ онъ ему.

Иванъ олустился на стулъ, какъ бы что разсудивъ. Онъ злобно усмѣхнулся.

— Это ты все про тогдашнее? Про то что и въ прошлый разъ?

— Да и въ прошлый разъ стояли предо мной и все ловили, ловимаете и теперь.

— Понимаю только что ты сумасшедшій.

— Не надобсть же человѣку! Съ глазу на глазъ сидимъ, чего бы кажется другъ-то друга морочить, комедь играть? Али все еще свалить на одного меня хотите, мнѣ же въ глаза? Вы убили, вы главный убивецъ и есть, а я только вашимъ прислѣшникомъ былъ, слугой Личардой вѣрнымъ, и по слову вашему дѣло это и совершилъ.

— Совершилъ? Да развѣ ты убилъ? похолодѣлъ Иванъ.

Что-то какъ бы сотряслось въ его мозгу и весь онъ задрожалъ мелкою холодною дрожью. Тутъ ужъ Смердяковъ самъ удивленно посмотрѣлъ на него: вѣроятно его наконецъ поразилъ своею искренностию услуги Ивана.

— Да неужто жъ вы вправду ничего не знали? пролететалъ онъ недоувѣрчиво, криво усмѣхаясь ему въ глаза.

Иванъ все глядѣлъ на него, у него какъ бы отяглася языкъ.

„Ахъ поѣхалъ Ванька въ Питеръ,

„Я не буду его ждать.“

прозвенѣло вдругъ въ его головѣ.

— Знаешь что: я боюсь что ты совъ, что ты призракъ предо мной сидишь? пролететалъ онъ.

— Никакого тутъ призрака нѣтъ-съ, кромѣ насъ обоихъ-съ, да еще нѣкотораго третьяго. Безъ сумѣвнїя тутъ онъ теперь, третїй этотъ, находится, между нами двумя.

— Кто онъ? Кто находится? Кто третїй? услуганно проговорилъ Иванъ Федоровичъ, озираясь кругомъ и послѣшнѣища глазами кого-то по всѣмъ угламъ.

— Третїй этотъ—Богъ-съ, самое это Провидѣнїе-съ, тутъ оно теперь подлѣ насъ-съ, только вы не щите его, не найдете.

— Ты солгалъ что ты убилъ! бѣшено завопилъ Иванъ.—Ты или сумасшедшїй, или дразнишь меня какъ и въ прошлый разъ!

Смердяковъ, какъ и давеча, совсѣмъ не пугаясь, все пылливо слѣдилъ за нимъ. Все еще онъ никакъ не могъ по-

бѣдитъ своей недовѣрчивости, все еще казалось ему что Иванъ „все знаетъ“, а только такъ представляется чтобъ „ему же въ глаза на него одного свалить“.

— Подождите-съ, проговорилъ онъ наконецъ слабымъ голосомъ, и вдругъ, вытащивъ изъ-подъ стола свою лѣвую ногу, началъ заворачивать на ней на верхъ панталоны. Нога оказалась въ длинномъ бѣломъ чулкѣ и обута въ туфлю. Не торопясь Смердяковъ снялъ подвязку и залустилъ въ чулокъ глубоко свои пальцы. Иванъ Федоровичъ глядѣлъ на него и вдругъ затрясся въ конвульсивномъ испугѣ.

— Сумашедшій! завопилъ онъ и быстро вскочивъ съ мѣста, откачнулся назадъ, такъ что стукнулся спиной объ стѣну и какъ будто прилилъ къ стѣнѣ, весь вытянувшись въ нитку. Онъ въ безумномъ ужасѣ смотрѣлъ на Смердякова. Тотъ ни мало не смутившись его испугомъ все еще ковыляя въ чулкѣ, какъ будто все силясь пальцами что-то въ немъ ухватить и вытащить. Наконецъ ухватилъ и сталъ тащить. Иванъ Федоровичъ видѣлъ что это были какія-то бумаги или какая-то лачка бумагъ. Смердяковъ вытащилъ ее и положилъ на столъ.

— Вотъ-съ! сказалъ онъ тихо.

— Что? отвѣтилъ трясясь Иванъ.

— Извольте взглянуть-съ, также тихо произнесъ Смердяковъ.

Иванъ шагнулъ къ столу, взялся было за лачку и сталъ ее разворачивать, но вдругъ отдернулъ пальцы какъ будто отъ прикосновенія какого-то отвратительнаго, страшнаго гада.

— Пальцы-то у васъ все дрожатъ-съ, въ судорогѣ, замѣтилъ Смердяковъ и самъ не слѣша развернулъ бумагу. Подъ оберткой оказались три лачки сторублевыхъ радужныхъ кредитокъ.

— Всѣ здѣсь-съ, всѣ три тысячи, хоть не считайте. Примите-съ, пригласилъ онъ Ивана, кивая на деньги. Иванъ опустилсѣ на стулъ. Онъ былъ блѣденъ какъ платокъ.

— Ты меня испугалъ... съ этимъ чулкомъ... проговорилъ онъ какъ-то странно ухмыляясь.

— Неужто же, неужто вы до сихъ поръ не знали? спросилъ еще разъ Смердяковъ.

— Нѣтъ, не зналъ. Я все на Дмитрія думалъ. Братъ! братъ! Ахъ! Онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками.—Слушай: ты одинъ убилъ? безъ брата или съ братомъ?

— Всего только вмѣстѣ съ вами-съ; съ вами вмѣстѣ побудь-съ, а Дмитрій Федоровичъ какъ есть безвины-съ.

— Хорошо, хорошо... Обо мнѣ потомъ. Чего это я все дрожу... Слова не могу выговорить.

— Все тогда смѣлы были-съ, „все дескать позволено“, говорили-съ, а теперь вотъ такъ услугались! пролепеталъ дивясь Смердяковъ. — Лимонаду не хотите ли, сейчасъ прикажу-съ. Очень освежить можетъ. Только вотъ это бы прежде накрыть-съ.

И онъ опять кивнулъ на лачки. Онъ двинулся было встать кликнуть въ дверь Марью Кондратьевну чтобы та сдѣлала и принесла лимонаду, но отыскивая чѣмъ бы накрыть деньги, чтобы та не увидѣла ихъ, вынулъ было сперва платокъ, но такъ какъ тотъ опять оказался совсѣмъ засморканнымъ, то взялъ со стола ту единственную лежавшую на немъ толстую желтую книгу, которую замѣтилъ войдя Иванъ, и придавилъ ею деньги. Названіе книги было: *Святаго отца нашего Исаака Сирина слова*. Иванъ Федоровичъ услѣлъ машинально прочесть заглавіе.

— Не хочу лимонаду, сказалъ онъ.—Обо мнѣ потомъ. Сядись и говори: какъ ты это сдѣлалъ? Все говори...

— Вы бы пальто хоть сняли-съ, а то весь взорѣете.

Иванъ Федоровичъ, будто теперь только догадавшись, сорвалъ пальто и бросилъ его не сходя со стула на лавку.

— Говори же, пожалуйста говори!

Онъ какъ бы утихъ. Онъ увѣренно ждалъ что Смердяковъ все теперь скажетъ.

— Объ томъ какъ это было сдѣлано-съ? вздохнулъ Смердяковъ.—Самымъ естественнымъ манеромъ сдѣлано было-съ, съ вашихъ тѣхъ самыхъ словъ...

— Объ моихъ словахъ потомъ, прервалъ опять Иванъ, но уже не крича какъ прежде, твердо выговаривая слова и какъ бы совсѣмъ овладѣвъ собою.—Разкажи только въ подробности какъ ты это сдѣлалъ. Все по порядку. Ничего не забудь. Подробности, главное подробности. Прошу.

— Вы уѣхали, я усталъ тогда въ погребъ-съ...

— Въ лавочей или притворился?

— Понятно что притворился-съ. Во всемъ притворился. Съ лѣствицы спокойно сошелъ-съ, въ самый визъ-съ, и спокойно легъ-съ, а какъ легъ, тутъ и завопилъ. И бился лока вынесли.

— Стой! И все время, и потомъ, и въ больницѣ все притворялся?

— Никакъ нѣтъ-съ. На другой же день, на утро, до больницы еще, ударила настоящая и столь спяная что уже много лѣтъ таковой не бывало. Два дня былъ въ совершенномъ безпамятствѣ.

— Хорошо, хорошо. Продолжай дальше.

— Положили меня на эту койку-съ, я такъ и зналъ что за перегородку-съ, потому Марѳа Игнатьевна во всѣ разы какъ я боленъ всегда меня на ночь за эту самую перегородку у себя въ помѣщеніи клала-съ. Нѣжныя онѣ всегда ко мнѣ были съ самаго моего рожденія-съ. Ночью стоналъ-съ, только тихо. Все ожидалъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Какъ ждалъ, къ себѣ?

— Зачѣмъ ко мнѣ. Въ домъ ихъ ждалъ, потому сумлѣнія для меня уже не было никакого въ томъ что они въ эту самую ночь придутъ, ибо имъ, меня лишившись и никакихъ свѣдѣній не имѣвши, безпрестанно приходилось самимъ въ домъ влѣзть черезъ заборъ-съ, какъ они умѣли-съ, и что ни есть совершить.

— А еслибы не пришелъ?

— Тогда ничего бы и не было-съ. Безъ нихъ не рѣшился бы.

— Хорошо, хорошо... говори лоятивѣе, не торолись, главное—ничего не пропускать!

— Я ждалъ что они Ѳедора Павловича убьютъ-съ.... это навѣрно-съ. Потому я ихъ уже такъ приготовилъ... въ послѣдніе дни-съ... а главное—тѣ знаки имъ стали извѣстны. При ихней мнительности и ярости, что въ нихъ за эти дни накопилась, безпрестанно черезъ знаки въ самый домъ должны были проникнуть - съ. Это безпрестанно. Я такъ ихъ и ожидалъ-съ.

— Стой, прервалъ Иванъ, — вѣдь еслибъ онъ убилъ, то взялъ бы деньги и унесъ; вѣдь ты именно такъ долженъ былъ разсуждать? Что жъ тебѣ - то досталось бы послѣ него? Я не вижу.

— Такъ вѣдь деньги-то бы они никогда и не нашли-съ. Это вѣдь ихъ только я научилъ что деньги подъ тюфачомъ. Только это была не правда-съ. Прежде въ шкатулкѣ лежали, вотъ какъ было-съ. А потомъ я Ѳедора Павловича, такъ какъ они мнѣ единственно во всемъ человечествѣ одному доверяли, научилъ пакеть этотъ самый съ деньгами въ уголокъ за образа перенести, потому что тамъ совсѣмъ никто не до-

гадается, особенно коли слѣша придетъ. Такъ онъ тамъ, лажетъ втотъ, у нихъ въ углу за образами и лежалъ-съ. А подъ тюфякомъ такъ и смѣшно бы ихъ было держать вовсе, въ шкапулкѣ по крайней мѣрѣ подъ ключомъ. А здѣсь всѣ телерь лажѣрили что будто бы подъ тюфякомъ лежали. Глубое разсужденіе-съ. Такъ вотъ еслабы Дмитрій Федоровичъ совершили это самое убивство, то ничего не найдя или бы убѣжали-съ послѣшно, всякаго шороху боясь, какъ и всегда бываетъ съ убивцами, или бы арестованы были-съ. Такъ я тогда всегда могъ-съ, на другой день, али даже въ ту же самую ночь-съ за образа слазить и деньги эти самыя унести-съ, все бы на Дмитрія Федоровича и свалцось. Это я всегда могъ надѣяться.

— Ну, а еслабъ онъ не убилъ, а только избилъ?

— Еслабы не убилъ, то я бы денегъ конечно взять не лосилъ и осталось бы втукѣ. Но былъ и такой разчетъ что избюють до безчувствія, а я въ то время и послѣю взять, а тамъ потомъ Федору-то Павловичу отаелартую что это никто какъ Дмитрій Федоровичъ, ихъ избимши, деньги похитили.

— Стой... я лугаюсь. Стало-быть все же Дмитрій убилъ, а ты только деньги взялъ?

— Нѣтъ, это не они убилъ-съ. Чтѣ жъ, а бы могъ вамъ и телерь сказать что убивцы они... да не хочу я телерь предъ вами лгать, потому... потому что если вы дѣйствительно, какъ самъ вижу, не ловимали ничего доселѣва и не притворялись предо мной, чтобъ явную вину свою на меня же въ глаза свалить, то все же вы виновны во всемъ-съ, ибо про убивство вы знали-съ и мнѣ убить лоручили-съ, а сами все знавши уѣхали. Потому и хочу вамъ въ сей вечеръ это въ глаза доказать что главный убивецъ во всемъ здѣсь единый вы-съ, а я только самый не главный, хоть это и я убилъ. А вы самый законный убивецъ и есты!

— Почему, почему я убійца? О Боже! не выдержалъ лажонецъ Иванъ, забывъ что все о себѣ отложилъ подъ конецъ разговора.—Это все та же Чермашня-то? Стой, говори, зачѣмъ тебѣ было надо мое согласіе, если ужъ ты принялъ Чермашню за согласіе? Какъ ты телерь-то расголкуешь?

— Увѣренный въ вашемъ согласіи я ужъ зналъ бы что вы за потерянные эти три тысячи, возвратясь, воля не лодыжете, еслабы почему-нибудь меня вмѣсто Дмитрія Федоровича начальство залодозрило, али съ Дмитриемъ Федорови-

чемъ въ товарищахъ; напротивъ, отъ другихъ защитилъ бы... А наследство получить, такъ и потомъ когда могли меня наградить, во всю слѣдующую жизнь, потому что все же вы черезъ меня наследство это получить изволите, а то женившись на Аграфенѣ Александровнѣ вышелъ бы вамъ одинъ только шить.

— А! Такъ ты намѣревался меня и потомъ мучить, всю жизнь! проскрежеталъ Иванъ.—А что еслибъ я тогда не уѣхалъ, а на тебя заявилъ?

— А что же бы вы тогда могли заявить? Что я васъ въ Чермашню-то подговаривалъ? Такъ вѣдь это глупости-съ. Къ тому же вы послѣ разговора нашего лѣхали бы или остались. Еслибъ остались, то тогда бы ничего и не произошло, а бы такъ и зналъ-съ что вы дѣла этого не хотите, и ничего бы не предпринималъ. А если ужъ лѣхали, то ужъ меня значитъ завѣрили въ томъ что на меня въ судъ заявить не посмѣете и три эти тысячи мнѣ простите. Да и не могли вы меня потомъ преслѣдовать вовсе, потому что я тогда все и рассказалъ бы на судъ-съ, то-есть не то что я укралъ аль убилъ,—этого бы я не сказалъ-съ,—а то что вы меня сами подбивали къ тому чтобъ украсть и убить, а я только не согласился. Потому-то мнѣ и надо было тогда ваше согласіе чтобы вы меня ничѣмъ не могли припереть-съ, потому что гдѣ же у васъ къ тому доказательство, я же васъ всегда могъ припереть-съ, обнаруживъ какую вы жажду имѣли къ смерти родителя, и вотъ вамъ слово—въ лубки всѣ бы тому повѣрили и вамъ было бы стыдно на всю вашу жизнь.

— Такъ имѣлъ, такъ имѣлъ я эту жажду, имѣлъ? проскрежеталъ опять Иванъ.

— Несомнѣнно имѣла-съ и согласіемъ своимъ мнѣ это дѣло молча тогда разрѣшилъ-съ, твердо поглядѣлъ Смердаковъ на Ивана. Онъ былъ очень слабъ и говорилъ тихо и устало, но что-то внутреннее и затаенное поджигало его, у него очевидно было какое-то намѣреніе. Иванъ это предчувствовалъ.

— Продолжай дальше, сказалъ онъ ему,—продолжай про ту ночь.

— Дальше что же-съ? Вотъ я лежу и слышу какъ-будто вопикувалъ баринъ. А Григорій Васильичъ предъ тѣмъ варугъ подвинулся и вышелъ, и вдругъ завопилъ, а потомъ все тихо, мракъ. Лежу это я, жду, сердце бьется, вытерпѣть не могу. Всталъ наконецъ и пошелъ-съ,—вижу наавѣво окно въ

садъ у нихъ отперто, я и еще шагнулъ налѣво-то-съ чтобы прислушаться живы ли они тамъ сидятъ или нѣтъ, и слышу что баринъ мечется и охаетъ, стало-быть живъ-съ. Эхъ, думаю! Подошелъ къ окну, крикнулъ барину: „Это я дескать“. А онъ мнѣ: „Былъ, былъ, убѣжалъ!“ То-есть Дмитрій Федоровичъ значить былъ-съ.—„Григорія убилъ!“—„Гдѣ?“ шепчу ему.—„Тамъ въ углу“, указываетъ, самъ тоже шепчетъ.—„Подождите“, говорю. Пошелъ я въ уголъ искать и у стѣны на Григорія Васильевича лежащаго и наткнулся, весь въ крови лежитъ, въ безчувствіи. Стало-быть вѣрно что былъ Дмитрій Федоровичъ, вскочило мнѣ тотчасъ въ голову и тотчасъ тутъ же порѣшилъ все это поковчить внезапно-съ, такъ какъ Григорій Васильевичъ если и живы еще, то лежа въ безчувствіи пока ничего не увидятъ. Одишь только рискъ и былъ-съ что вдругъ проснется Марѳа Игнатьевна. Почувствовалъ я это въ ту минуту, только ужъ жажда эта меня всего захватила, ажъ духъ занялся. Пришелъ опять подъ окно къ барину и говорю: „Она здѣсь, пришла, Аграфена Александровна пришла, просится.“ Такъ вѣдь и вздрогнулъ весь какъ младенецъ:—„Гдѣ здѣсь? гдѣ?“ такъ и охаетъ, а самъ еще не вѣритъ.—„Тамъ, говорю, стоитъ, отодрите!“ Глядитъ на меня въ окно-то, и вѣритъ и не вѣритъ, а отпереть боится, это ужъ меня-то боится, думаю. И сибѣно же: вдругъ я эти самые знаки вздумалъ имъ тогда по рамѣ простучать что Грушенька дескать пришла, при нихъ же въ глазахъ словамъ-то какъ бы не вѣрилъ, а какъ знаки я простучалъ такъ тотчасъ же и побѣжали дверь отворить. Отворили. Я вошелъ было, а онъ стоитъ, тѣломъ-то меня и не пускаетъ всего:—„Гдѣ она, гдѣ она?“ — смотритъ на меня и трепещетъ. Ну, думаю: ужъ коль меня такъ боится — плохо! и тутъ у меня даже ноги ослабѣли отъ страху у самого что не пуститъ онъ меня въ комнаты-то, или крикнетъ, или Марѳа Игнатьевна прибѣжитъ, или что ни есть выйдетъ, я ужъ не помню тогда, самъ должно-быть блѣденъ предъ ними стоялъ. Шепчу ему:—„Да тамъ, тамъ она подъ окномъ, какъ же вы, говорю, не видѣли?“—„А ты ее приведи, а ты ее приведи!“—„Да боится, говорю, крику услугалась, въ кустъ спряталась, подите, крикните, говорю, сами изъ кабинета.“ Побѣжалъ онъ, подошелъ къ окну, свѣчку на окно поставилъ:—„Грушенька, кричать, Грушенька, здѣсь ты?“ Самъ-то это кричитъ, а въ окно-то нагнуться не хочетъ, отъ меня отойти не хочетъ, отъ самаго

этого страху, потому забоялся меня ужь очень, а потому отойти отъ меня не смѣетъ. „Да вонъ она, говорю (подошелъ я къ окну, самъ весь высунулся), вонъ она въ кустѣ-то, смѣется вамъ, видите?“ Повѣрилъ вдругъ онъ, такъ и затрясся, больно ужь они влюблены въ нее были-съ, да весь и высунулся въ окно. Я тутъ схватилъ это самое преслалье чугуное, на столѣ у нихъ, помните-съ, фунта три вѣдъ въ немъ будетъ, размахнулся, да сзади его въ самое темя угломъ. Не крикнулъ даже. Только внизъ вдругъ осѣлъ, а я въ другой разъ и въ третій. На третьемъ-то почувствовалъ что проломилъ. Она вдругъ навзничъ и повалилась, лицомъ къверху, всё-то въ крови. Осмотрѣлъ я: вѣтъ на мнѣ крови, не брызнуло, преслалье обтеръ, положилъ, за образа сходилъ, изъ пакета деньги вынулъ, а пакетъ бросилъ на полъ, и ленточку эту самую розовую подѣлъ. Сошелъ въ садъ, весь трясусь. Прямо къ той яблонкѣ что съ дуломъ,—вы дуло-то это знаете, а я его ужь давно вагадѣлъ, въ немъ ужь лежала трялочка и бумага, давно заготовилъ; обернулъ всю сумму въ бумагу, а потомъ въ тряпку и заткнулъ глубоко. Такъ она тамъ слѣшкомъ двѣ недѣли оставалась, сумма-то эта самая-съ, потомъ ужь послѣ больницы вынулъ. Ворочался къ себѣ на кровать, легъ, да и думаю въ страхъ: „вотъ коли убить Григорій Васильевичъ совсѣмъ, такъ тѣмъ самымъ очень худо можетъ произойти, а коли не убить и очется, то очень хорошо это произойдетъ, потому они будутъ тогда свидѣлемъ что Дмитрій Федоровичъ приходилъ, а стало-быть они и убили и деньги унесли-съ.“ Началъ я тогда отъ сумѣнія и нетерпѣнія стонать чтобы Марѳеу Игнатьевну разбудить поскорѣй. Встала она наконецъ, бросилась было ко мнѣ, да какъ увидала вдругъ что вѣтъ Григорія Васильевича—выбѣжала и слышу завопила въ саду. Ну тутъ-съ все это и пошло на всю ночь, я ужь во всемъ успокоенъ былъ.

Разкащикъ остановился. Иванъ все время слушалъ его въ мертвенномъ молчаніи, не шевелась, не спуская съ него глазъ. Смердяковъ же, разказывая, лишь изрѣдка на него поглядывалъ, но больше косился въ сторону. Кончивъ разказъ онъ видимо самъ взволновался и тяжело переводилъ духъ. На лицѣ его показался потъ. Нельзя было однако угадать чувствуетъ ли онъ раскаяніе или что.

— Стой, подхватилъ соображая Иванъ.—А дверь-то? Если отворилъ онъ дверь только тебѣ, то какъ же могъ видѣть ее

прежде тебя Григорій отворенною? Потому вѣдь Григорій видѣлъ прежде тебя?

Замѣчательно что Иванъ спрашивалъ самымъ мирнымъ голосомъ, даже совсѣмъ какъ будто другимъ тономъ, совсѣмъ не злобнымъ, такъ что еслибы кто-нибудь отворилъ къ нимъ теперь дверь и съ порога взглянулъ на нихъ, то непремѣнно заключилъ бы что они сидятъ и миролюбиво разговариваютъ о какомъ-нибудь обыкновенномъ, хотя и интересномъ предметѣ.

— На счетъ этой двери и что Григорій Васильевичъ будто бы видѣлъ что она отперта, то это ему только такъ почудилось, искривленно усмѣхнулся Смердяковъ.—Вѣдь это, я вамъ скажу, не человекъ-съ, а все равно что упрямый меринъ: и не видалъ, а почудилось ему что видѣлъ—вотъ его ужъ и не съете-съ. Это ужъ намъ съ вами счастье такое вышло что онъ это придумалъ, потому что Дмитрія Федоровича несомнѣнно послаъ того въ конецъ уличать.

— Слушай, проговорилъ Иванъ Федоровичъ словно олятя начиная теряться и что-то усиливаясь сообразить,—слушай... Я много хотѣлъ спросить тебя еще, но забылъ.... Я все забываю и лутаюсь.... Да! Скажи ты мнѣ хоть это одно: зачѣмъ ты пакетъ распечаталъ и тутъ же на полу оставилъ? Зачѣмъ не просто въ пакетъ унесъ.... Ты когда разказывалъ, то мнѣ показалось что будто ты такъ говорилъ про этотъ пакетъ что такъ и надо было поступить.... а почему такъ надо не могу понять....

— А это я такъ сдѣлалъ по вѣкоторой причинѣ-съ. Ибо будь человекъ знающій и привычный, вотъ какъ я напри-мѣръ, который эти деньги самъ видѣлъ зараньше и можетъ ихъ самъ же въ тотъ пакетъ ввертывалъ и собственными глазами смотрѣлъ какъ его запечатывали и надписывали, то такой человекъ-съ съ какой же бы стати, еслибы примѣрно это онъ убилъ, сталъ бы тогда, послѣ убивства, этотъ пакетъ распечатывать, да еще въ такихъ полыхахъ, зная и безъ того совсѣмъ ужъ навѣрно что деньги эти въ томъ пакетѣ безпремѣнно лежать-съ? Напротивъ, будь это лохититель какъ бы я напри-мѣръ, то онъ бы просто сунулъ этотъ пакетъ въ карманъ, нисколько не распечатывая, и съ нимъ поскорѣе утекъ-съ. Совсѣмъ другое тутъ Дмитрій Федоровичъ: онъ объ пакетѣ только по наслышкѣ зналъ, его самого не видѣли, и вотъ какъ достали его примѣрно будто изъ подъ тюфяка, то поскорѣе и распечатали его тутъ же чтобы

справиться: есть ли въ немъ въ самомъ дѣлѣ эти самыя деньги? А пакетъ тутъ же бросилъ, уже не успѣвъ разсудить что онъ уликой имъ послѣ нихъ останется, потому что они воръ непривычный-сь, и прежде никогда ничего явно не крали, ибо родовые дворяне-сь, а если теперь украсть и рѣшились, то именно какъ бы не украсть, а свое собственное только взять обратно пришли, такъ какъ всему городу объ этомъ предварительно повѣстили и даже похвалялись раньше вслухъ предъ всѣми что пойдутъ и собственность свою отъ Федора Павловича отберутъ. Я эту самую мысль прокурору въ опросѣ моемъ не то что ясно сказалъ, а напротивъ какъ будто намекомъ подвелъ-сь, точно какъ бы самъ не понимающа, и точно какъ бы это они сами выдумали, а не я имъ подсказалъ-сь, — такъ у господина прокурора отъ этого самаго намека моего даже слюнки потекли-сь...

— Такъ неужели, неужели ты все это тогда же такъ на мѣстѣ и обдумалъ? воскликнулъ Иванъ Федоровичъ въ себя отъ удивленія. Онъ опять глядѣлъ на Смердякова въ испугѣ.

— Помилосердитесь, да можно ли это все выдумать въ такихъ попыткахъ-сь? Заранее все обдуманно было.

— Ну... ну, тебѣ значитъ самъ чертъ помогалъ! воскликнулъ опять Иванъ Федоровичъ.— Нѣтъ, ты не гауль, ты гораздо умнѣй чѣмъ я думалъ...

Онъ всталъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пройти по комнатѣ. Онъ былъ въ страшной тоскѣ. Но такъ какъ столъ загораживалъ дорогу и мимо стола и стѣнамъ почти приходилось пролѣзывать, то онъ только повернулся на мѣстѣ и сѣлъ опять. То что онъ не успѣлъ пройти можетъ-быть вдругъ и раздражило его, такъ что онъ почти въ прежнемъ изступленіи вдругъ завопилъ:

— Слушай, несчастный; презрѣнный ты человѣкъ! Неужели ты не понимаешь что если я еще не убилъ тебя до сихъ поръ, то потому только что берегу тебя на завтрашній отвѣтъ на судѣ. Богъ видитъ (поднялъ Иванъ руку къверху)— можетъ-быть и я былъ виновенъ, можетъ-быть дѣйствительно я имѣлъ тайное желаніе чтобъ.... умеръ отецъ, но кланусь тебѣ, я не столь былъ виновенъ какъ ты думаешь и, можетъ-быть, не подбивалъ тебя вовсе. Нѣтъ, нѣтъ, не подбивалъ! Но все равно, я покажу на себя самъ, завтра же, на судѣ, я рѣшилъ! Я все скажу, все. Но мы явимся вмѣстѣ съ то-

бою! И что бы ты ни говорил на меня на судѣ, что бы ты ни свидѣтельствовалъ—принимаю и не боюсь тебя; самъ все подтвержу! Но и ты долженъ предъ судомъ сознаться! Долженъ, долженъ, вмѣстѣ пойдемъ! Такъ и будетъ!

Иванъ проговорилъ это торжественно и энергично, и видно было уже по одному сверкающему взгляду его что такъ и будетъ.

— Больны вы, я вижу-съ, совсѣмъ больны-съ. Желтые у васъ совсѣмъ глаза-съ, произнесъ Смердяковъ, но совсѣмъ безъ насмѣшки, даже какъ-будто соболевая.

— Вмѣстѣ пойдемъ! повторилъ Иванъ,—а не пойдешь, все равно я одинъ сознаюсь.

Смердяковъ помолчалъ какъ бы вдумываясь.

— Ничего этого не будетъ-съ, и вы не пойдете-съ, рѣшилъ онъ наконецъ безапелляционно.

— Не подимаешь ты меня! укоризненно воскликнулъ Иванъ.

— Слишкомъ стыдно вамъ будетъ-съ если на себя во всемъ признаетесь. А лучше того бесполезно будетъ, совсѣмъ-съ, потому я прямо вѣдь скажу что ничего такого я вамъ не говорилъ-съ никогда, а что вы или въ болѣзнь какой (а на то и похоже-съ), или ужъ брата такъ своего пожалѣли что собой пожертвовали, а на меня выдумали, такъ какъ все равно меня какъ за мышку считали всю вашу жизнь, а не за человека. Ну и кто жъ вамъ повѣритъ, ну и какое у васъ есть хоть одно доказательство?

— Слушай, эти деньги ты показалъ мнѣ теперь конечно чтобы меня убѣдить.

Смердяковъ снялъ съ лачекъ Исаака Спринга и отложилъ въ сторону.

— Эти деньги съ собою возьмите-съ и унесите, вздохнулъ Смердяковъ.

— Конечно увесу! Но почему же ты мнѣ отдаешь если изъ-за нихъ убилъ? съ большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Иванъ.

— Не надо мнѣ ихъ вовсе-съ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ Смердяковъ, махнувъ рукой.—Была такая прежняя мысль-съ что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москвѣ, или лучше того за границей, такая мечта была-съ, а лучше все потому что „все позволено“. Это вы вправду меня учили-съ, ибо много вы мнѣ тогда этого говорили: ибо кола Бога без-

конечнаго нѣтъ, то и нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надобно ея тогда вовсе. Это вы вправду. Такъ я и разсудилъ.

— Своимъ умомъ дошелъ? криво усмѣхнулся Иванъ.

— Вашимъ руководствомъ-съ.

— А теперь стало-быть въ Бога увѣровалъ, коли деньги вараздъ отдаешь?

— Нѣтъ-съ, не увѣровалъ-съ, прошепталъ Смердяковъ.

— Такъ зачѣмъ отдаешь?

— Полноте.... нечего-съ! махнулъ опять Смердяковъ рукой.—Вы вотъ сами тогда все говорили что все позволено, а теперь-то почему такъ встревожены, сами-то-съ? Показывать на себя даже хотите идти... Только ничѣго того не будетъ! Не пойдете показывать! твердо и убѣжденно рѣшилъ опять Смердяковъ.

— Увидишь! проговорилъ Иванъ.

— Не можетъ того быть. Умны вы очень-съ. Деньги любите, это я знаю-съ, почетъ тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмѣрно любите, а лучше всего въ покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланяться,—это лучше всего-съ. Не захотите вы жизнь на вѣки испортить такой стыдъ на судѣ прижавъ. Вы какъ Федоръ Павловичъ, наиболѣе-съ, изъ всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ одною съ нимъ душой-съ.

— Ты не гауль, проговорилъ Иванъ какъ бы пораженный; кровь ударила ему въ лицо:—я прежде думалъ что ты гауль. Ты теперь серьезень! замѣтилъ онъ какъ-то вдругъ по-новому глядя на Смердякова.

— Отъ гордости вашей думали что я гауль. Примите деньги-то-съ.

Иванъ взялъ всѣ три лачки кредитокъ и сувулъ въ карманъ не обертывая ихъ ничѣмъ.

— Завтра ихъ на судѣ покажу, сказалъ онъ.

— Никто вамъ тамъ не повѣритъ-съ, благо денегъ-то у васъ и своихъ теперь довольно, взяли изъ шкатулки да и привесли-съ.

Иванъ всталъ съ мѣста:

— Повторяю тебѣ, если не убилъ тебя, то единственно потому что ты мнѣ на завтра нуженъ, помни это, не забывай!

— А что жь, убейте-съ. Убейте теперь, вдругъ странно проговорилъ Смердяковъ, странно смотря на Ивана. Не посмѣете и этого-съ, прибавилъ онъ горько усмѣхнувшись,—ничего не посмѣете, прежній смѣлый человѣкъ-съ!

— До завтра! крикнулъ Иванъ, и двинулся идти.

— Пойдите... покажите мнѣ ихъ еще разъ.

Иванъ вынулъ кредитки и показалъ ему. Смердаковъ поглядѣлъ на нихъ секунды десять.

— Ну, ступайте, проговорилъ онъ, махнувъ рукой.—Иванъ Федоровичъ! крикнулъ онъ вдругъ ему вслѣдъ олять.

— Чего тебѣ? обернулся Иванъ уже на ходу.

— Прощайте-съ!

— До завтра! крикнулъ олять Иванъ, и вышелъ изъ избы.

Метель все еще продолжалась. Первые шаги прошелъ онъ бодро, но вдругъ какъ бы сталъ шататься. „Это что-то физическое“, подумалъ онъ усмѣхнувшись. Какая-то словно радость сошла теперь въ его душу. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то безконечную твердость: конецъ колебаніямъ его столь ужасно его мучившимъ все послѣднее время! Рѣшеніе было взято „и уже не измѣнится“, со счастьемъ подумалъ онъ. Въ это мгновеніе онъ вдругъ на что-то споткнулся и чуть не упалъ. Остановясь онъ различилъ въ ногахъ своихъ поверженнаго имъ мужиченку все также лежавшаго на томъ же самомъ мѣстѣ безъ чувствъ и безъ движенія. Метель уже засыпала ему почти все лицо. Иванъ вдругъ схватилъ его и потащилъ на себѣ. Увидавъ направо въ домишкѣ свѣтъ, подошелъ, постучался въ ставни, и откликнувшася мѣщанина, которому принадлежалъ домишко, попросилъ помочь ему дотащить мужика въ частный домъ, обѣщая тутъ же дать за то три рубля. Мѣщанинъ собрался и вышелъ. Не стану въ подробности описывать какъ удалось тогда Ивану Федоровичу достигнуть цѣли и пристроить мужика въ части съ тѣмъ чтобы сейчасъ же учинить и осмотръ его докторомъ, причемъ онъ олять выдалъ и тутъ щедрою рукой „на расходы“. Скажу только что дѣло взяло почти цѣлый часъ времени. Но Иванъ Федоровичъ остался очень доволенъ. Мысли его раскидывались и работали: „еслибы не было взято такъ твердо рѣшеніе мое на завтра“, подумалъ онъ вдругъ съ наслажденіемъ,— „то не остановился бы я на цѣлый часъ пристраивать мужиченку, а прошелъ бы мимо его и только любуясь бы на то что онъ замерзнетъ.... Однако какъ я въ силахъ наблюдать за собой!“ подумалъ онъ въ ту же минуту еще съ бѣльшимъ наслажденіемъ: „а оля-то рѣшила тамъ что я съ ума схожу!“ Дойдя до своего дома онъ вдругъ остановился подъ внезапнымъ вопросомъ: „а не надо ль сейчасъ, теперь же пойти къ прокурору и все объявить?“ Вопросъ онъ рѣшилъ, поворотивъ олять къ

дому: „завтра все вмѣстѣ!“ прошепталъ онъ про себя, и странно, почти вся радость, все довольство его собою пропало въ одинъ мигъ. Когда же онъ вступилъ въ свою комнату что-то ледяное прикоснулось вдругъ къ его сердцу, какъ будто воспоминаніе, вѣрнѣе, напоминаніе о чемъ-то мучительномъ и отвратительномъ, находящемся именно въ этой комнатѣ теперь, сейчасъ, да и прежде бывшемъ. Онъ устало опустился на свой диванъ. Старуха принесла ему самоваръ, онъ заварилъ чай, но не прикоснулся къ нему: старуху отослалъ до завтра. Онъ сидѣлъ на диванѣ и чувствовалъ головокруженіе. Онъ чувствовалъ что боленъ и беспсиленъ. Сталъ было засыпать, но въ безпокойствѣ всталъ и прошелся по комнатѣ чтобы прогнать сонъ. Минутами мерещилось ему что какъ будто онъ бредитъ. Но не болѣзнь занимала его всего болѣе; усѣвшись опять онъ началъ изрѣдка оглядываться кругомъ, какъ будто что-то высматривая. Такъ было нѣсколько разъ. Наконецъ взглядъ его пристально направился въ одну точку. Иванъ усмѣхнулся, но краска гнѣва залила его лицо. Онъ долго сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, крѣпко подперевъ обѣими руками голову и все-таки кося глазами на прежнюю точку, на стоявшій у противоположной стѣны диванъ. Его видно что-то тамъ раздражало, какой-то предметъ, безпокоило, мучило.

IX.

Чортъ. Кошмаръ Ивана Федоровича.

Я не докторъ, а между тѣмъ чувствую что пришла минута когда мнѣ рѣшительно необходимо объяснить хоть что-нибудь въ свойствѣ болѣзни Ивана Федоровича читателю. Забывая впередъ, скажу лишь одно: онъ былъ теперь, въ этотъ вечеръ, именно какъ разъ наканунѣ бѣлой горячки, которая наконецъ уже вполне овладѣла его издавна разстроеннымъ, но упорно сопротивлявшимся болѣзни организмомъ. Не зная ничего въ медицинѣ, рискну высказать предположеніе что дѣйствительно можетъ-быть ужаснымъ напряженіемъ воли своей онъ успѣлъ на время отдалить болѣзнь, мечтавъ разумѣется совсѣмъ преодолѣть ее. Онъ зналъ что нездоровъ, но ему съ отвращеніемъ не хотѣлось быть больнымъ въ это время, въ эти наступающія роковыя минуты его жизни,

когда надо было быть налицо, высказать свое слово смѣло и рѣшительно и самому „оправдать себя предъ собою“. Онъ впрочемъ сходилъ однажды къ новому прибывшему изъ Москвы доктору выписанному Катериной Ивановной вслѣдствіе одной ея фантазіи, о которой я уже упоминалъ выше. Докторъ, выслушавъ и осмотрѣвъ его, заключилъ что у него въ родѣ даже какъ бы расстройства въ мозгу, и нисколько не удивился нѣкоторому признанію которое тотъ съ отвращеніемъ однако сдѣлалъ ему. „Галлюцинаціи въ вашемъ состояніи очень возможны, рѣшилъ докторъ, хотя надо бы ихъ и провѣрить... вообще же необходимо начать лѣченіе серьезно, не теряя ни минуты, не то будетъ плохо.“ Но Иванъ Федоровичъ, выйдя отъ него, благоразумнаго совѣта не исполнилъ и лечь лѣчиться пренебрегъ: „Хожу вѣдь, силы есть пока, свалюсь,—дѣло другое, тогда пусть лѣчить кто хочетъ“, рѣшилъ онъ махнувъ рукой. Итакъ, онъ сидѣлъ теперь почти сознавая самъ что въ бреду и, какъ уже и сказалъ я, упорно приглядывался къ какому-то предмету у противоположной стѣны на диванѣ. Тамъ вдругъ оказался сидящимъ нѣкто Богъ знаетъ какъ вошедшій, потому что его еще не было въ комнату, когда Иванъ Федоровичъ, возвратясь отъ Смердякова, вступилъ въ нее. Это былъ какой-то господинъ или лучше сказать извѣстнаго сорта русскій джентльменъ, лѣтъ уже не молодыхъ, „qui frisait la cinquantaine, какъ говорятъ Французы, съ не очень сильною просѣдою въ темныхъ, довольно длинныхъ и густыхъ еще волосахъ и въ стриженной бородкѣ клиномъ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то коричневый пиджакъ, очевидно отъ лучшаго портнаго, но уже поношенный, сшитый примѣрно еще третьяго года и совершенно уже вышедшій изъ моды, такъ что изъ свѣтскихъ достаточныхъ людей такихъ уже два года никто не носилъ. Бѣлье, длинный галстухъ въ видѣ шарфа, все было такъ какъ и у всѣхъ шикватыхъ джентльменовъ, но бѣлье, если взглянуть ближе, было грязновато, а широкій шарфъ очень потертъ. Кнѣтчатыя лавталоны гостя сидѣли превосходно, но были опять-таки слишкомъ свѣтлы и какъ-то слишкомъ узки, какъ теперь уже перестали носить, равно какъ и мягкая бѣлая луговая шляпа, которую уже слишкомъ не по сезону притащилъ съ собою гость. Словомъ, былъ видъ порядочности при весьма слабыхъ карманныхъ средствахъ. Похоже было на то что джентльменъ

принадлежитъ къ разряду бывшихъ бѣлоручекъ-помѣщиковъ процвѣтавшихъ еще при крѣпостномъ правѣ; очевидно выдавшій свѣтъ и порядочное общество, имѣвшій когда-то связи и сохранившій ихъ пожалуй и до сихъ поръ, но мало-по-малу съ обдѣвляемъ послѣ веселой жизни въ молодости и недавней отпѣны крѣпостнаго права обратившійся въ родъ какъ бы въ приживальщика хорошаго тона, скитающагося по добрымъ старымъ знакомымъ которые принимаютъ его за уживчивый складный характеръ, да еще и въ виду того что все же порядочный человекъ, котораго даже и при комъ угодно можно посадить у себя за столъ, хотя конечно на скромное мѣсто. Такіе приживальщики, складнаго характера джентльмены, умѣющие поразказать, составить партію въ карты и рѣшительно не любящіе никакихъ порученій, если ихъ имъ навязываютъ,—обыкновенно одиноки, или холостяки или вдовцы, можетъ-быть и имѣющие дѣтей, но дѣти ихъ воспитываются всегда гдѣ-то далеко, у какихъ-нибудь тетокъ, о которыхъ джентльменъ никогда почти не упоминаетъ въ порядочномъ обществѣ, какъ бы вѣскольکو стыдяся такого родства. Отъ дѣтей же отвыкаетъ мало-по-малу совсѣмъ, изрѣдка получая отъ нихъ къ своимъ именинамъ и къ Рождеству поздравительныя письма и иногда даже отвѣчая на нихъ. Физиономія неожиданнаго гостя была не то чтобы добродушная, а олять-таки складная и готовая, судя по обстоятельствамъ, на всякое любезное выраженіе. Часовъ на немъ не было, но былъ череплаховый дорнетъ на черной левтѣ. На среднемъ пальцѣ правой руки красовался массивный золотой перстень съ недорогимъ олаомъ. Иванъ Федоровичъ злобно молчалъ и не хотѣлъ заговаривать. Гость ждалъ и именно сидѣлъ какъ приживальщикъ только что сошедшій сверху изъ отведенной ему комнаты внизъ къ чаю, составить хозяину компанію, но смирно молчавшій въ виду того что хозяинъ занятъ и объ чемъ-то нахмуренно думаетъ; готовый однако ко всякому любезному разговору, только лишь хозяинъ начнетъ его. Вдругъ лицо его выразило какъ бы вѣкоторую внезапную озабоченность.

— Послушай, началъ онъ Ивану Федоровичу,—ты извини, а только чтобы напомнить: ты вѣдь къ Смердякову пошелъ съ тѣмъ чтобы узнать про Катерину Ивановну, а ушелъ ничего объ ней не узнавъ, вѣрно забылъ....

— Ахъ да! вырвалось вдругъ у Ивана, и лицо его омрачи

лось заботой,—да, я забылъ... Впрочемъ теперь все равно, все до завтра, пробормоталъ онъ про себя.—А ты, раздражительно обратися онъ къ гостю,—это я самъ сейчасъ долженъ былъ вспомнить, потому что именно объ этомъ томило тоской! Что ты выскочилъ такъ я тебя и повѣрю что это ты подсказалъ, а не я самъ вспомнилъ?

— А не вѣрь, ласково усмѣхнулся джевальменъ.—Что за вѣра насиліемъ? Притомъ же въ вѣрѣ никакія доказательства не помогаютъ, особенно матеріальныя. Она повѣрилъ не потому что увидѣлъ воскресшаго Христа, а потому что еще прежде желалъ повѣрить. Вотъ напримѣръ спириты... я ихъ очень люблю... вообрази, они полагаютъ что полезны для вѣры, потому что имъ черти съ того свѣта рожки показываютъ. «Это дескать доказательство уже такъ-сказать матеріальное что есть тотъ свѣтъ.» Тотъ свѣтъ и матеріальныя доказательства, ай люди! И наконецъ если доказанъ чортъ, то еще неизвѣстно доказанъ ли Богъ? Я хочу въ идеалистическое общество записаться, оппозицію у нихъ буду дѣлать: «дескать реализмъ, а не матеріализмъ, хе хе!»

— Слушай, всталъ вдругъ изъ-за стола Иванъ Федоровичъ.— Я теперь точно въ бреду... и ужь, конечно, въ бреду... ври что хочешь, мнѣ все равно! Ты меня не приведешь въ изступленіе какъ въ прошлый разъ. Мнѣ только чего-то стыдно... Я хочу ходить по комнатамъ... Я тебя, иногда не вижу и голоса твоего даже не слышу, какъ въ прошлый разъ, но всегда угадываю то что ты мелешь, потому что *это я, я самъ говорю, а не ты!* Не знаю только спалъ ли я въ прошлый разъ или видѣлъ тебя на яву? Вотъ я обмочу полотенце холодной водой и приложу къ головѣ и авось ты испаршшься.

Иванъ Федоровичъ прошелъ въ уголъ, взялъ полотенце, испомнилъ какъ сказалъ и съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ.

— Мнѣ нравится что мы съ тобой прямо стали на ты, началъ было гость.

— Дуракъ, засмѣялся Иванъ,—что жь я съ что ли стану тебя говорить. Я теперь веселъ, только въ вискѣ болитъ... и темя... только пожалуста не философствуй какъ въ прошлый разъ. Если не можешь убраться, то ври что-нибудь веселое. Слетничай, вѣдь ты приживальщикъ, такъ слетничай. Навяжется же такой кошмаръ! Но я не боюсь тебя. Я тебя преодолѣю. Не сvezутъ въ сумашедшій домъ!

— *C'est charmant* приживальщикъ. Да я именно въ своемъ видѣ. Кто жь я на землѣ какъ не приживальщикъ? Кстати, я вѣдь слушаю тебя и немножко дивлюсь: ей Богу ты меня какъ-будто уже начинаешь помаленьку принимать за вѣчто и въ самомъ дѣлѣ, а не за твою только фантазію, какъ столалъ на томъ въ прошлой разъ...

— Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду, какъ-то яростно даже вскричалъ Иванъ. — Ты ложь, ты болѣзнь моя, ты призракъ. Я только не знаю чѣмъ тебя истребить и вижу что въ некоторое время надобно протраждать. Ты моя галлюцинація. Ты воплощеніе меня самого, только одной впрочемъ моей стороны... моихъ мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глулыхъ. Съ этой стороны ты могъ бы быть даже мнѣ любозытель, еслабы только мнѣ было время съ тобой возиться...

— Позволь, позволь, я тебя уличу: давеча у фонаря, когда ты вскинулся на Алешу и закричалъ ему: „ты отъ него узналъ! Почему ты узналъ что онъ ко мнѣ ходитъ?“ Это вѣдь ты про меня всломнилъ. Стало-быть одно маленькое жгловеньице вѣдь вѣришь же, вѣришь что я дѣйствительно есмь, мягко засмѣяася джентльменъ.

— Да, это была слабость природы... но я не могъ тебѣ вѣрить. Я не знаю слалъ ли я пла ходилъ прошлой разъ. Я можетъ-быть тогда тебя только во снѣ видѣлъ, а вовсе не на яву...

— А зачѣмъ ты давеча съ намъ такъ сурово, съ Алешей-то? Овъ милый; я предъ нимъ за старца Зосиму виновать.

— Молчи про Алешу! Какъ ты смѣешь, лжецъ! олять засмѣяася Иванъ.

— Бравашься, а самъ смѣешься, — хорошій знакъ. Ты впрочемъ сегодня гораздо со мной любезнѣе чѣмъ въ прошлый разъ, и я ловимаю отчего: это великое рѣшеніе...

— Молчи про рѣшеніе! свирѣло вскричалъ Иванъ.

— Повимаю, ловимаю, *c'est noble, c'est charmant*, ты идешь защищать завтра брата и приносишь себя въ жертву... *c'est chevaleresque*.

— Молчи, я тебѣ ливковъ надаю!

— Отчасти буду радъ, ибо тогда моя цѣль достигнута: коли ливки, значитъ вѣришь въ мой реализмъ, потому что призракъ не дають ливковъ. Шутки въ сторону: мнѣ вѣдь все равно, бравись коли хочешь, но все же лучше быть хоть калаю

повѣжливѣе, хотя бы даже со мной. А то дуракъ да лакей, ну что за слова!

— Браня тебя себя браню! олять засмѣлася Иванъ, ты— я, самъ я, только съ другою рожей. Ты именно говоришь то что я уже мыслю... и ничего не въ силахъ сказать мнѣ моего!

— Если я схожусь съ тобою въ мысляхъ, то это дѣлаетъ мнѣ только честь, съ деликатностью и достоинствомъ проговорилъ джегальменъ.

— Только все скверныя мои мысли берешь, а главное— глупыя. Ты гауль и лошакъ. Ты ужасно гауль. Нѣтъ, я тебя не вынесу! Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! проскрежетаалъ Иванъ.

— Другъ мой, я все-таки хочу быть джегальменомъ и чтобы меня такъ и принимали,—въ припадкѣ въ которой чисто приживальщицкой и уже впередъ уступчивой и добродушной амбициі началъ гость. — Я бѣдѣю, но... не скажу что очень честенъ, но... обыкновенно въ обществѣ принято за аксіому что я ладшій ангелъ. Ей Богу, не могу представить какимъ образомъ я могъ быть когда-нибудь ангеломъ. Если и былъ когда, то такъ давно что не грѣшию и забыть. Теперь я дорожу лишь репутаціей порядочнаго человѣка и живу какъ придется, стараюсь быть пріятнымъ. Я людей люблю искренно, — о, меня во многомъ оклеветали! Здѣсь, когда временами я къ вамъ переселяюсь, моя жизнь протекаетъ въ родѣ чего-то какъ бы и въ самомъ дѣлѣ, и это мнѣ болѣе всего нравится. Вѣдь я и самъ, какъ и ты же, страдаю отъ фантастическаго, а потому и люблю вашу земной реализмъ. Тутъ у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ геометрія, а у насъ все какія-то неопредѣленныя уравненія! Я здѣсь хожу и мечтаю. Я люблю мечтать. Къ тому же на землѣ я становлюсь суевѣренъ, — не смѣйся пожаауста: мнѣ именно это-то и нравится что я становлюсь суевѣренъ. Я здѣсь всѣ ваши привычки принимаю: я въ баню торговую полюбилъ ходить, можешь ты это представить, и люблю съ купцами и лопами париться. Моя мечта это — воплотиться, но чтобъ ужь окончательно, безвозвратно, въ какую-нибудь толстую семипудовую кучиху и всему повѣрить во что она вѣритъ. Мой идеалъ — войти въ церковь и поставить свѣчку отъ чистаго сердца, ей Богу такъ. Тогда предѣлъ моимъ страданіямъ. Вотъ тоже лѣвится у васъ

полюбилъ: весной осла пошла, я пошелъ и въ воспитательномъ домѣ себѣ осла привилъ,—есаибъ ты зналъ какъ я былъ въ тотъ день доволенъ: на братьевъ Славянъ десять рублей пожертвовалъ!... Да ты не слушаешь. Знаешь, ты что-то очень сегодня не по себѣ, помолчалъ немного джентльменъ.—Я знаю, ты ходилъ вчера къ тому доктору.... ну, какъ твое здоровье? Что тебѣ докторъ сказалъ?

— Дуракъ! отрѣзалъ Иванъ.

— За то ты-то какъ уменъ. Ты опять бранишься? Я вѣдь не то чтобъ изъ участія, а такъ. Пожалуй не отвѣчай. Теперь вотъ ревматизмы опять пошли...

— Дуракъ, повторилъ опять Иванъ.

— Ты все свое, а я вотъ такой ревматизмъ прошлаго года схватилъ что до сихъ поръ всланиваю.

— У чорта ревматизмъ?

— Почему же и нѣтъ, если я иногда волющаюсь. Волющаюсь, такъ и принимаю послѣдствія. Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto.

— Какъ, какъ? Сатана sum et nihil humanum.... это не гауло для чорта!

— Радъ что наконецъ угодилъ.

— А вѣдь это ты взялъ не у меня, остановился вдругъ Иванъ какъ бы пораженный,—это мнѣ никогда въ голову не приходило, это страшно....

— C'est du poucau n'est ce pas? На этотъ разъ я постопаю честно и объясню тебѣ. Слушай: въ снахъ, и особенно въ кошмарахъ, ну, тамъ отъ разстройства желудка или чего-нибудь, иногда видить человекъ такіе художественные сны, такую сложную и реальную дѣйствительность, такія событія или даже цѣлый міръ событій, связанный такою интригой, съ такими неожиданными подробностями, начиная съ высшихъ вашихъ проявленій до послѣдней луговицы на манашкѣ, что, клянусь тебѣ, Левъ Толстой не сочинить, а между тѣмъ видятъ такіе сны иной разъ вовсе не сочинители, совсѣмъ самыя заурядные люди, чиновники, фельетонисты, полпы.... На счетъ этого даже цѣлая задача: одинъ министръ такъ даже мнѣ самъ признавался что всѣ лучшія идеи его приходятъ къ нему когда онъ спитъ. Ну вотъ такъ и теперь. Я хоть и твоя галлюцинація, но, какъ и въ кошмарѣ, я говорю вещи оригинальныя, какія тебѣ до сихъ поръ въ голову

не приходила, такъ что уже вовсе не повторяю твоихъ мыслей, а между тѣмъ я только твой кошмаръ и больше ничего.

— Лжешь. Твоя цѣль именно увѣрить что ты самъ ло себѣ, а не мой кошмаръ, и вотъ ты теперь подтверждаешь самъ что ты сонъ.

— Другъ мой, сегодня я взялъ особую методу, я потому тебѣ растолкую. Постой, гдѣ же я остановился? Да, вотъ я тогда простудился, только не у васъ, а еще тамъ....

— Гдѣ тамъ? Скажи, долго ли ты у меня пробудешь, не можешь уйти? почти въ отчаяніи воскликнулъ Иванъ. Онъ оставилъ ходить, сѣлъ на диванъ, опять облокотился на столъ и стиснулъ обѣими руками голову. Онъ сорвалъ съ себя мокрое полотенце и съ досадою отбросилъ его: очевидно не могло.

— У тебя разстроены нервы, замѣтилъ джентльменъ съ развязно-ребрежнѣмъ, но совершенно дружелюбнѣмъ однако видомъ, — ты сердился на меня даже за то что я могъ простудиться, а между тѣмъ произошло оно самымъ естественнымъ образомъ. Я тогда послѣдовалъ на одинъ дипломатическій вечеръ къ одной высшей петербургской дамѣ, которая мѣтила въ министры. Ну, фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки, и однако я былъ еще Богъ знаетъ гдѣ, и чтобы попасть къ вамъ на земаю предстояло еще перелетѣть пространство.... конечно это одинъ только мигъ, но вѣдь и лучъ свѣта отъ солнца идетъ цѣлыхъ восемь минутъ, а тутъ, представь, во фракъ и въ открытомъ жилетѣ. Духи не замерзаютъ, но ужъ когда волаотился, то.... словомъ, свѣтренничалъ, и пустился, а вѣдь въ пространствахъ-то этихъ, въ эфирѣ-то, въ водѣ-то этой, яже бѣ надъ твердію,—вѣдь это такой морозъ.... то есть какое морозъ,—это ужъ и морозомъ назвать нельзя, можешь представить: сто лятьдесятъ градусовъ ниже нуля! Извѣстна забава деревенскихъ дѣвокъ: на тридцати-градусномъ морозѣ предлагаютъ новичку лизнуть топоръ; языкъ мгновенно примерзаетъ и олухъ въ кровь сдираетъ съ него кожу; такъ вѣдь это только на тридцати градусахъ, а на ста-то лятьдесяти, да тутъ только палецъ, я думаю, приложить къ топору, и его какъ не бывало есабы... только тамъ могъ случиться топоръ....

— А тамъ можетъ случиться топоръ? разсѣянно и гадаиво перебилъ вдругъ Иванъ Федоровичъ. Онъ сопротивлялся изо всѣхъ силъ чтобы не повѣрить своему бреду и не власть въ безуміе оковчательно.

— Толоръ? переспросилъ гость въ удивленіи.

— Ну да, что́ станется тамъ съ толоромъ? съ какимъ-то свирѣлымъ и настойчивымъ упорствомъ вдругъ вскричалъ Иванъ Федоровичъ.

— Что́ станется въ пространствѣ съ толоромъ? Quelle idée! Если куда попадетъ подальше, то примется, я думаю, летать вокругъ земли, самъ не зная зачѣмъ, въ видѣ слутника. Астрономы вычислятъ восхожденіе и захожденіе толора, Гатцукъ внесетъ въ календарь, вотъ и все.

— Ты гауль, ты ужасно гауль! строптиво сказалъ Иванъ,— ври умнѣе, а то я не буду слушать. Ты хочешь побороть меня реализмомъ, увѣрить меня что ты есь, но я не хочу вѣрить что ты есь! Не повѣрю!!

— Да я и не вру, все правда; къ сожалѣнію правда почти всегда бываетъ не остроумна. Ты, я вижу, рѣшительно ждешь отъ меня чего-то великаго. а можетъ-быть и прекраснаго. Это очень жаль, потому что я даю лишь то что могу....

— Не философствуй, оселъ!

— Какая тутъ философія, когда вся правая сторона отнялась, крахчу и мычу. Былъ у всей медицины: распознать умѣютъ отлщиво, всю болѣзнь разкажутъ тебѣ какъ по пальцамъ, ну а выдѣлать не умѣютъ. Студентакъ тутъ одинъ случился восторженный: если вы, говорить, и умрете, то за то будете влоавѣ звать отъ какой болѣзни умерли! Опять-таки эта ихъ манера отсылать къ спеціалистамъ: мы дескать только распознаемъ, а вотъ поѣзжайте къ такому-то спеціалисту, онъ уже выдѣлать. Совсѣмъ, совсѣмъ, а тебѣ скажу, исчезъ прежній докторъ, который ото всѣхъ болѣзней лѣчилъ, теперь только одинъ спеціалисты и все въ газетахъ лубликуются. Заболѣи у тебя носъ, тебя шаютъ въ Парижъ: тамъ дескать европейскій спеціалпсть носы лѣчить. Приѣдешь въ Парижъ, онъ осмотритъ носъ: а вамъ, скажетъ, только правую ноздрю могу выдѣлать, потому что лѣвыхъ ноздрей не лѣчу, это не моя спеціальность, а поѣзжайте послѣ меня въ Вѣну, тамъ вамъ особый спеціалпсть лѣвую ноздрю долѣчить. Что́ будешь дѣлать? прибѣгулъ къ народнымъ средствамъ, одинъ вѣмецъ-докторъ посовѣтовалъ въ банѣ на локѣ медомъ съ солью вытереться. Я единственно чтобы только въ баню лишній разъ сходить пошелъ: выпачкался весь, и никакой пользы. Съ отчаяніа графу Маттеи въ Миланъ написалъ; прислалъ книгу и капля, Богъ съ нимъ. И

вообрази: мальцъ-экстрактъ Гоффа помогъ! Купилъ нечаянно, выпилъ полторы стаканки, и хоть танцовать, все какъ рукой спало. Непременно положилъ ему „спасибо“ въ газетахъ напечатать, чувство благодарности заговорило, и вотъ вообрази, тутъ уже другая исторія пошла: я въ одной-то редакціи не принимаютъ! „Ретроградно очень будетъ, говорить, никто не повѣритъ, le diable n'existe point. Вы, совѣтуютъ, напечатайте анонимно.“ Ну какое же „спасибо“ если анонимно. Смѣюсь съ конторщиками: „это въ Бога, говорю, въ нашъ вѣкъ ретроградно вѣрить, а вѣдь я чортъ, въ меня можно.“—„Понимаемъ, говорятъ, кто же въ чорта не вѣритъ, а все-таки нельзя, направлеию повредить можетъ. Развѣ въ вѣдь шутки?“ Ну въ шутку-то, подумалъ, будетъ неостроумно. Такъ и не напечатала. И вѣришь ли, у меня даже на сердцѣ это осталось. Самыя лучшія чувства мои, какъ на примѣръ, благодарность, мнѣ формально запрещены единственно социальнымъ моимъ положеніемъ.

— Опять въ философію вѣхалъ! ненавистно проскрежеталъ Иванъ.

— Боже меня убереги, но вѣдь нельзя же иногда не пожаловаться. Я человѣкъ оклеветанный. Вотъ ты поминутно мнѣ что я гауль. Такъ и видно молодого человѣка. Другъ мой, не въ одномъ умѣ дѣло! У меня отъ природы сердце доброе и веселое, „я вѣдь тоже разные водевиальчики“. Ты кажется рѣшительно принимаешь меня за послѣдшаго Хлестакова, и однако судьба моя гораздо серіознѣе. Какимъ-то тамъ довременнымъ назначеніемъ, котораго я никогда разобрать не могъ, я опредѣленъ „отрицать“, между тѣмъ я искренно добръ и къ отрицанію совсемъ не способенъ. „Нѣтъ, ступай отрицать, безъ отрицанія де не будетъ критики, а какой же журналъ если нѣтъ „отдѣленія критики? Безъ критики будетъ одна „осава“. Но для жизни мало одной „осавы“, надо чтобъ „осава“—то эта переходила черезъ горыло сомнѣній, ну и такъ дааѣе, въ этомъ родѣ. Я впрочемъ во все это не ввязываюсь, не я сотворялъ, не я и въ отвѣтъ. Ну и выбрали козла отпущенія, заставили писать въ отдѣленіи критики, и получила жизнь. Мы эту комедію понимаемъ: я на примѣръ прямо и просто требую себѣ уничтоженія. Нѣтъ, живи, говорить, потому что безъ тебя ничего не будетъ. Еслибы на землѣ было все благоразумно, то ничего бы и не произошло. Безъ тебя не будетъ никакихъ происшествій, а надо чтобы была про-

иществія. Вотъ и служу, скрѣпя сердце, чтобы были происшествія, и творю неразумное по приказу. Люди принимаютъ всю эту комедию за вѣчто серьезное, даже при всемъ своемъ беспспорномъ умѣ. Въ этомъ ихъ и трагедія. Ну и страдаютъ конечно, но... все же за то живутъ, живутъ реально, не фантастически; ибо страданіе-то и есть жизнь. Безъ страданія какое было бы въ ней удовольствіе: все обратилось бы въ одинъ безконечный молебень: оно свято, но скучновато. Ну а я? я страдаю, а все же не живу. Я иксъ въ неопредѣленномъ уравненіи. Я какой-то призракъ жизни который потерялъ всѣ концы и начала, и даже самъ позабылъ наконецъ какъ и назвать себя. Ты смѣешься... нѣтъ, ты не смѣешься, ты олять сердишься. Ты вѣчно сердишься, тебѣ бы все только ума, а я олять-таки ловторю тебѣ что я отдалъ бы всю эту надзвѣздную жизнь, всѣ чины и почести за то только чтобы волаотуться въ душу семилудовой кулчихи и Богу свѣчки ставить.

— Ужь и ты въ Бога не вѣришь? ненавиство усмѣхнулся Иванъ.

— То-есть какъ тебѣ это сказать, если ты только серьезно...

— Есть Богъ или нѣтъ? олять со свирѣлою настойчивостью крикнулъ Иванъ.

— А, такъ ты серьезно? Голубчикъ мой, ей Богу не знаю, вотъ великое слово сказалъ.

— Не знаешь, а Бога видишь? Нѣтъ, ты не самъ по себѣ, ты я, ты есть я и болѣе ничего! Ты дрянь, ты моя фантазія!

— То-есть, если хочешь, а одной съ тобой философіи, вотъ это будетъ справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю навѣрно, остальное же все что кругомъ меня, всѣ эти міры, Богъ и даже самъ сатана,—все это для меня не доказано, существуетъ ли оно само по себѣ, или есть только одна моя зманация, послѣдовательное развитіе моего я, существующаго довременно и едимолично... словомъ, я быстро прерываю, потому что ты кажется сейчасъ дратья вскопичь.

— Лучше бы ты какой анекдотъ! болѣзненно проговорилъ Иванъ.

— Анекдотъ есть и именно на нашу тему, то-есть это не анекдотъ, а такъ, легенда. Ты вотъ укоряешь меня въ невѣріи: „видишь де, а не вѣришь.“ Но, другъ мой, вѣдь не я же одинъ таковъ, у насъ тамъ всѣ телерь помутились и все отъ вашихъ наукъ. Еще лока были атомы, лять чувствъ, четы-

ре стихии, ну тогда все кое-какъ клеилось. Атомы-то и въ древнемъ мірѣ были. А вотъ какъ узнали у насъ что вы тамъ открыли у себя „химическую молекулу“, да „протоплазму“, да чортъ знаетъ что еще,—такъ у насъ и поджали хвосты. Просто сумбуръ начался; главное—суевѣріе, слетни; слетень вѣдь и у насъ столько же сколько у васъ, даже капельку больше, а наконецъ и доносы, у насъ вѣдь тоже есть такое одно отдѣленіе гдѣ принимаютъ извѣстные „свѣдѣнія“. Такъ вотъ эта дикая легенда, еще среднихъ вашихъ вѣковъ,— не вашихъ, а нашихъ,—и никто-то ей не вѣритъ даже и у насъ, кромѣ семилудовыхъ кулчихъ, то-есть олять-таки не вашихъ, а нашихъ кулчихъ. Все что у васъ есть—есть и у насъ, это я ужъ тебѣ по дружбѣ одну тайну нашу открываю, хоть и запрещено. Легенда-то эта объ раѣ. Былъ дескать здѣсь у васъ на землѣ одинъ такой мыслитель и философъ, „все отвергалъ, законы, совѣсть, вѣру“, а главное—будущую жизнь. Померъ, думалъ что прямо во мракъ и смерть, авъ передъ нимъ—будущая жизнь. Изумился и вознегодовалъ: „Это, говорить, противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ“. Вотъ его за это и присудили... то-есть видишь, ты меня извини, я вѣдь передаю самъ что слышалъ, это только легенда... присудили, видишь, его чтобы прошелъ во мракѣ квадрионовъ километровъ (у насъ вѣдь теперь на километры), и когда кончитъ этотъ квадрионъ, то тогда ему отворять райскія двери и все простятъ...

— А какія муки у васъ на томъ свѣтѣ кромѣ-то квадриона? съ какимъ-то страшнымъ оживленіемъ прервалъ Иванъ.

— Какія муки? Ахъ и не спрашивай: прежде было и такъ и сякъ, а нынѣ все больше нравственныя лошади, „угрызения совѣсти“ и весь этотъ вздоръ. Это тоже отъ васъ завелось, отъ „смягченія вашихъ нравовъ“. Ну и кто же выигралъ-выиграли одни безсовѣстные, потому что жь ему за угрызения совѣсти, когда и совѣсти-то нѣтъ вовсе. За то пострадали люди порядочные, у которыхъ еще оставалась совѣсть и честь.... То-то вотъ реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанная съ чужихъ учрежденій,—одинъ только вредъ! Древній огонекъ-то лучше бы. Ну, такъ вотъ этотъ осужденный на квадрионъ постоялъ, посмотрѣлъ и легъ поперекъ дороги: „не хочу идти, изъ принципа не пойду!“ Возьми душу русскаго просвѣщеннаго атеиста и смѣшай съ душой пророка Іоны, будировавшаго во чревѣ китовѣ

три дня и три ночи,—вотъ тебѣ характеръ этого улегшагося на дорогѣ мыслителя.

— На чемъ же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ. Ты не смѣешься?

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все въ томъ же странномъ оживленіи. Теперь онъ слушалъ съ какимъ-то неожиданнымъ любопытствомъ.—Ну что жь, и теперь лежать?

— То-то и есть что лѣтъ. Онъ пролежалъ почти тысячу лѣтъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ осель-то! воскликнулъ Иванъ нервно захохотавъ, все какъ бы что-то усиленно соображая.—Не все ли равно лежать ли вѣчно или идти квадриліонъ верстъ? Вѣдь это биліонъ лѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, вотъ только лѣтъ карандашика и бумажки, а то бы разчитать можно. Да вѣдь онъ давно уже дошелъ, и тутъ-то и начинается анекдотъ.

— Какъ дошелъ! Да гдѣ жь онъ биліонъ лѣтъ взялъ?

— Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю! Да вѣдь теперешняя земля можетъ сама-то биліонъ разъ повторилась; ну отживала, леденѣла, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составныя начала, опять вода лже бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля,—вѣдь это развитіе можетъ уже безконечно разъ повторяться, и все въ одномъ и томъ же видѣ, до черточки. Скучища непрличивѣшая....

— Ну-ну, что же вышло когда дошелъ?

— А только что ему отворили въ рай и онъ вступилъ, то не пробывъ еще двухъ секундъ—и это по часамъ, по часамъ (хотя часы его, по моему, давно должны были разложиться на составныя элементы у него въ карманѣ дорогой)—не пробывъ двухъ секундъ воскликнулъ что за эти двѣ секунды не только квадриліонъ, но квадриліонъ квадриліоновъ пройти можно, да еще возвысивъ въ квадриліонную степень! Словомъ пролѣвъ „осамну“, да и пересодилъ, такъ что цны тамъ, съ образомъ мыслей лоблагородяще, такъ даже руки ему не хотѣли подать на первыхъ порахъ: слшскомъ де ужъ стремительно въ консерваторы перескочилъ. Русская натура. Повторяю: легенда. За что купилъ за то и продалъ. Такъ вотъ еще какія тамъ у насъ обо всѣхъ этихъ предметахъ понятія ходятъ.

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Иванъ съ какою-то почти

дѣтскою радостью, какъ бы уже окончательно что-то припомнивъ: этотъ анекдотъ и квадрильонъ лѣтъ,—это я самъ сочинилъ! Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, я былъ въ гимназiи.... я этотъ анекдотъ тогда сочинилъ и разказалъ одному товарищу, фамилія его Коровкинъ, это было въ Москвѣ.... Анекдотъ этотъ такъ характеренъ что я не могъ его ни откуда взять. Я его было забылъ.... но онъ мнѣ припомнился теперь безсознательно, — мнѣ самому, а не ты разказалъ! Какъ тысячи вещей припоминаются иногда безсознательно даже когда казнить везуть ... во снѣ припомнился. Вотъ ты и есть этотъ сонъ! Ты сонъ, и не существуешь!

— По азарту съ какимъ ты отвергаешь меня, засмѣялся джентльменъ,—я убѣждаюсь что ты все-таки въ меня вѣришь.

— Ни мало! на сотую долю не вѣрю!

— Но на тысячную вѣришь. Гомеопатическія-то доли вѣдь самыя можетъ-быть сильныя. Признайся что вѣришь, ну на десяти тысячную ...

— Ни одной минуты! яростно вскричалъ Иванъ.—Я впрочемъ желалъ бы въ тебя повѣрить! странно вдругъ прибавилъ онъ.

— Эге! вотъ однако признаніе! Но я добръ, я тебѣ и тутъ помогу.. Слушай: это я тебя поймалъ, а не ты меня! Я нарочно тебѣ твой же анекдотъ разказалъ который ты уже забылъ, чтобы ты окончательно во мнѣ разувѣрился.

— Лжешь! Цѣль твоего появленія увѣрить меня что ты есь.

— Именно. Но колебанія, но безпокойство, но борьба вѣры и невѣрія,—это вѣдь такая иногда мука для совѣстливаго человѣка, вотъ какъ ты, что лучше повѣситься. Я именно, зная что ты калельку вѣришь въ меня, подпустилъ тебѣ невѣрія уже окончательно, разказавъ этотъ анекдотъ. Я тебя вожу между вѣрой и безвѣріемъ попеременно, и тутъ у меня своя цѣль. Новая метода-съ: Вѣдь когда ты во мнѣ совсѣмъ разувѣришься, то тотчасъ меня же въ глаза начнешь увѣрять что я не сонъ, а есмь въ самомъ дѣлѣ, я тебя ужъ знаю; вотъ я тогда и достигну цѣли. А цѣль моя благородная. Я въ тебя только крохотное сѣмечко вѣры брошу, а изъ него выростеть дубъ,—да еще такой дубъ что ты, сидя на дубѣ-то, въ „отцы пустыяники и въ жены непорочны“ пожелаешь вступить; ибо тебѣ очевидно, очевидно того втайнѣ хочется, акриды кушать будешь, спастись въ пустыню лотаишься!

— Такъ ты, негодяй, для спасенія моеи души стараешься?

— Надо же хоть когда-нибудь доброе дѣло сдѣлать. Запишся-то ты, запишся, какъ я погляжу!

— Шутъ! А цскушалъ ты когда-нибудь вотъ этакихъ-то, вотъ что акрады-то вѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ голои пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлааъ. Весь мiръ и мiры забудешь, а къ одному такому прилѣпиться, потому что бриллиавтъ-то ужъ очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душа стоить иной разъ цѣлаго созвѣздія,—у насъ вѣдь своя ариеметика. Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь цные цзъ нихъ, ей Богу, не ниже тебя по развитію, хоть ты этому и не ловѣришь: такіа бездны вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одивъ и тотъ же моментъ что право иной разъ кажется только бы еще одивъ волосокъ—и полетитъ человѣкъ „вверхъ тормашки“, какъ говоритъ актеръ Горбуновъ.

— Ну и что жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость, — съ носомъ все же лучше отойти чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, какъ недавно еще цзркъ одивъ болящій маркизъ (должно - быть специалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу - іезуиту. Я присутствовалъ — просто прелесть. „Возвратите мнѣ, говорить, мой носъ!“ и бьетъ себя въ грудь. — „Сынъ мой, виляетъ патеръ, по неисловѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восполняется и видимаа бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, хотя и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ носа, то выгода ваша въ томъ что уже никто во всю вашу жизнь не осмѣлится вамъ сказать что вы остались съ носомъ.“ — „Отецъ святой, это не утѣшеніе!“ восклицаетъ отчаянный, „я былъ бы напротивъ въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставаться съ носомъ, только бы овъ былъ у меня на надежащемъ мѣстѣ!“ — „Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя требовать разомъ, и это уже ролотъ на Провидѣніе, которое даже и тутъ не забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопиа сейчасъ, что съ радостью готовы бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то и тутъ уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы тѣмъ самымъ все же какъ бы остались съ носомъ“....

— Фу, какъ гауло! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но кля-

нусь, это настоящая иезуитская казуистика, и клянусь, все это случилось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ недавній и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой человѣкъ, возвратясь домой, въ ту же ночь застрѣлился; я былъ при немъ неотлучно до послѣдняго момента.... Что же до исповѣдальныхъ этихъ иезуитскихъ будочекъ, то это воистину самое милое мое развлеченіе въ грустныхъ минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ случай, совсѣмъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику латеру блондиночка, Норманочка, лѣтъ двадцати, дѣвушка. Красота, тѣлеса, натура,—сливки текутъ. Нагнулась, шелчетъ латеру въ дырочку свой грѣхъ.—„Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже лали?“ восклицаетъ латерь.—„O, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ тѣмъ. Но доколѣ же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдно!“—„Ah mon père“, отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ слезахъ: „Ça lui fait tant de plaisir, et à moi si peu de peine!“ Ну, представь себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужъ и я отступился: это крикъ самой природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я тутъ же отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было цдти, но тотчасъ же принужденъ былъ и воротиться: слышу, латерь въ дырочку ей назначаетъ вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—камень, и вотъ лалъ въ одно мгновеніе! Природа-то, правда-то природы взяла свое! Что, олять воротись воеъ, олять сердисься? Не знаю ужъ чѣмъ и угодить тебѣ...

— Оставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный кошмаръ, болѣзненно простовалъ Иванъ, въ безсудіи предъ своимъ видѣніемъ, — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! Я бы много далъ еслибы могъ прогнать тебя!

— Повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня „всего великаго и прекраснаго“, и увидишь какъ мы дружно съ тобою уживемся, внушительно проговорилъ джентльменъ.— Воистину ты злишься на меня за то что я не явился тебѣ какъ-нибудь въ красномъ сѣани, „гремя и блистая“, съ ослепленными крыльями, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскорбленъ, вопервыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а вовторыхъ, въ гордости: какъ дескать къ такому великому человѣку могъ войти такой пошлый чортъ? Нѣтъ,

въ тебѣ-таки есть эта романтическая струйка, столь осмѣиваемая еще Бѣленскимъ. Что дѣлать, молодой человекъ. Я вотъ думалъ давеча, собираясь къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, со звѣздой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся, потому ты избилъ бы меня только за то какъ я смѣлъ прицѣпить на фракѣ Льва и Солнце, а не прицѣпилъ по крайней мѣрѣ Полярную Звѣзду или Сириуса. И все ты о томъ что я гауль. Но Богъ мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ. Мефистофель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ что онъ хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Ну, это какъ ему угодно, а же совершенно напротивъ. Я можетъ-быть единственный человекъ во всей природѣ который любитъ истину и искренно желаетъ добра. Я былъ при томъ когда умершее на крестѣ Слово восходило въ небо, неся на персяхъ своихъ душу распятаго одесную разбойника, я слышалъ радостныя взвизги херувимовъ поющихъ и волюющихъ: „осанна“, и громовый вопль восторга серафимовъ, отъ котораго потряслось небо и все мірозданіе. И вотъ, клянусь же всѣмъ что есть свято, я хотѣлъ примкнуть къ хору и крикнуть со всѣми „осанна“! Уже слетало, уже рвалось изъ груди... я вѣдь, ты знаешь, очень чувствителенъ и художественно-восприимчивъ. Но здравый смыслъ,—о, самое несчастное свойство моей природы,—удержалъ меня и тутъ въ должныхъ гравитахъ, и я пропустилъ мгновеніе! Ибо что же, подумалъ я въ ту же минуту,—что же бы вышло послѣ моей-то „осанны“? Тотчасъ бы все угасло на свѣтѣ и не стало бы случаться никакихъ происшествій. И вотъ единственно по долгу службы и по социальному моему положенію я принужденъ былъ задавить въ себѣ хорошій моментъ и остаться при лакостяхъ. Честь добра кто-то беретъ всю себѣ, а мнѣ оставлены въ удѣлъ только лакости. Но я не завидую чести жить на шаромыжку, я не честолюбивъ. Почему изъ всѣхъ существъ въ мірѣ только я лишь одинъ обреченъ на проклятія ото всѣхъ лорядочныхъ людей и даже на ливки салогамъ, пбо, воплощаясь, долженъ принимать иной разъ и такія послѣдствія? Я вѣдь знаю, тутъ есть секретъ, но секретъ мнѣ ни за что не хотять открыть, потому что я пожалуй тогда, догадавшись въ чемъ дѣло, рявкну „осанну“, и тотчасъ исчезнетъ необходимый минусъ и начнется во

всемъ міръ благоразуміе, а съ нимъ разумѣется и конецъ всему, даже газетамъ и журналамъ, потому что кто-жъ на нихъ тогда станетъ подписываться. Я вѣдь знаю, въ концѣ концовъ я ломуюсь, дойду и я мой квадрилонъ и узнаю секретъ. Но пока это произойдетъ, будурую и, скрѣпя сердце, исполняю мое назначеніе: губить тысячи чтобы спласса одинъ. Сколько, валпримѣръ, надо было погубить душъ и олозорить честныхъ релутацій чтобы получить одного только праведнаго Іова, на которомъ меня такъ зло поддѣла во время оно! Нѣтъ, пока не открытъ секретъ, для меня существуютъ двѣ правды: одна тамошняя, ихняя, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая моя. И еще неизвѣстно которая будетъ лучше... Ты заснулъ?

— Еще бы, злобно простоналъ Иванъ, — все что ни есть глупаго въ природѣ моей, давно уже пережитаго, перемолотаго въ умѣ моемъ, отброшеннаго какъ лададь, — ты мнѣ же подносишь какъ какую-то новость!

— Не пографилъ и тутъ! А я-то думалъ тебя даже литературнымъ изложеніемъ прельстить: Эта „осанна“-то въ небѣ право недурно вѣдь у меня вышло? Затѣмъ сейчасъ этотъ саркастическій тонъ à la Гейне, а, не правда ли?

— Нѣтъ, я никогда не былъ такимъ лакеемъ! Почему же душа моя могла породить такого лакея какъ ты?

— Другъ мой, я знаю одного прелестнѣйшаго и милѣйшаго русскаго барченка: молодаго мыслителя и большаго любителя литературы и изящныхъ вещей, автора поэмы которая обѣщаетъ, подъ названіемъ: „Великій Инквизиторъ“.... Я его только и имѣлъ въ виду!

— Я тебѣ запрещаю говорить о „Великомъ Инквизи торѣ“ воскликнулъ Иванъ весь покраснѣвъ отъ стыда.

— Ну, а „геологическій-то переворотъ“? помнишь? Вотъ это такъ ужъ поэмка!

— Молчи, или я убью тебя!

— Это меня-то убьешь? Нѣтъ ужъ извини, выскажу. Я и пришелъ чтобы угостить себя этимъ удовольствіемъ. О, я люблю мечты пылкихъ, молодыхъ, трелещущихъ жаждой жизни друзей моихъ! „Тамъ новые люди,“ рѣшилъ ты еще прошлую весной, сюда собираясь, „они полагаютъ разрушить все и начать съ антролофагін. Глупцы, меня не спросились! По моему и разрушать ничего не надо, а надо всего только

разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ, вотъ съ чего надо привыкаться за дѣло! Съ этого, съ этого надобно начинать,—о сѣбѣлицы ничего не понимающіе! Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога (а я вѣрю что этотъ періодъ, параллель геологическимъ періодамъ, совершится), то само собою, безъ антролопагіи, падеть все прежнее міровоззрѣніе и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди совокуляты чтобы взять отъ жизни все что она можетъ дать, но непремѣнно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣко-богъ. Ежечасно любящая уже безъ границъ природу, волею своею и наукой, человѣкъ тѣмъ самымъ ежечасно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ. Всякій узнаеть что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ что ему нечего роптать за то что жизнь есть мгновение и возлюбитъ брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будетъ удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно уже сознаніе ея мгновенности усилитъ огонь ея настолько насколько прежде расплывалась она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную“.... ну и прочее, и прочее, въ томъ же родѣ. Преміао!

Иванъ сидѣлъ зажавъ себѣ уши руками и смотря въ землю, но началъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Голосъ продолжалъ.

— Вопросъ теперь въ томъ, думалъ мой юный мыслитель: возможно ли чтобы такой періодъ наступилъ когда-нибудь или нѣтъ? Если наступитъ, то все рѣшено, и человѣчество устроится окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глулости человѣческой, это пожалуй еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому сознающему уже и теперь истину позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему „все позволено“. Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и ужь конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я—тамъ сейчасъ же будетъ пер-

вое мѣсто.... „все дозволено“ и шабашъ! Все это очень мило; только если захотѣлъ мошенничать, зачѣмъ бы еще кажется санкція истинны? Но ужъ таковъ нашъ русскій современный человѣчекъ: безъ санкціи и мошенничать не рѣшится, до того ужъ истину возлюбилъ....

Гость говорилъ очевидно увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и насмѣшливо поглядывая на хозяина; но ему не удалось докончить: Иванъ вдругъ схватилъ со стола стаканъ и съ размаху пустилъ въ оратора.

— Ah, mais c'est bête enfin! воскликнулъ тотъ, вскакивая съ дивана и смахивая пальцами съ себя брызги чаю,—вспомнилъ Лютерову черепальницу! Самъ же меня считаетъ за сонъ и кидается стакавами въ сонъ! Это по-женски! А вѣдь я такъ и подозрѣвалъ что ты дѣлалъ только видъ что заткнулъ свои уши, а ты слушалъ....

Въ раму окна вдругъ раздался со двора твердый и настойчивый стукъ. Иванъ Федоровичъ вскочилъ съ дивана.

— Слышишь, лучше отвори, вскричалъ гость,—это братъ твой Алеша съ самымъ неожиданнымъ и любопытнымъ извѣстіемъ, ужъ я тебѣ отвѣчаю!

— Молчи, обманщикъ, я прежде тебя зналъ что это Алеша, я его предчувствовалъ, и ужъ конечно онъ не даромъ, конечно съ „извѣстіемъ“!... воскликнулъ изступленно Иванъ.

— Отопри же, отопри ему. На дворѣ метель, а онъ братъ твой. Mr. sait-il le temps qu'il fait? C'est à ne pas mettre un chien dehors....

Стукъ продолжался. Иванъ хотѣлъ было кинуться къ окну, но что-то какъ бы вдругъ связало ему ноги и руки. Изъ всѣхъ силъ онъ напрягался какъ бы порвать свои луты, но тщетно. Стукъ въ окно усиливался все больше и громче. Наконецъ вдругъ порвались луты, и Иванъ Федоровичъ вскочилъ на диванъ. Онъ дико осмотрѣлся. Обѣ свѣчки почти догорѣли, стаканъ который онъ только что бросилъ въ своего гостя стоялъ предъ нимъ на столѣ, а на противоположномъ диванѣ никого не было. Стукъ въ оконную раму хотя и продолжался настойчиво, но совсѣмъ не такъ громко какъ сейчасъ только мерещилось ему во снѣ, напротивъ, очень сдержанно.

— Это не сонъ! Нѣтъ, клянусь, это былъ не сонъ, это все

сейчасъ было! вскричалъ Иванъ Федоровичъ, бросился къ окну и отворилъ форточку.

— Алеша, я вѣдь не велѣлъ приходить! свирѣпо крикнулъ онъ брату.—Въ двухъ словахъ: чего тебѣ надо? Въ двухъ словахъ, слышишь?

— Часъ тому назадъ повѣсился Смердяковъ, отвѣтилъ со двора Алеша.

— Пройди на крыльцо, сейчасъ отворю тебѣ, сказалъ Иванъ, и пошелъ отворять Алешѣ.

X.

„Это онъ говорилъ!“

Алеша войдя сообщилъ Ивану Федоровичу что часъ съ небольшимъ назадъ прибѣжала къ нему на квартиру Марья Кондратьевна и объявляла что Смердяковъ лишилъ себя жизни. „Вхожу эта къ нему самоваръ прибрать, а онъ у стѣнки на гвоздочкѣ виситъ“. На вопросъ Алеша: „заявила ль она кому слѣдуетъ?“ отвѣтила что никому не заявляла, а „прямо бросилась къ вамъ къ первому и всю дорогу бѣжала бѣгомъ“. Она была какъ помѣшанная, передавалъ Алеша, и вся дрожала какъ листъ. Когда же Алеша прибѣжалъ вмѣстѣ съ ней въ ихъ избу, то засталъ Смердякова все еще висѣвшимъ. На столѣ лежала записка: „Истребляю свою жизнь своею собственною волей и охотой чтобы никого не винить“. Алеша такъ и оставилъ эту записку на столѣ и пошелъ прямо къ исправнику, у него обо всемъ заявилъ, „а оттуда прямо къ тебѣ“, заключилъ Алеша, пристально вглядываясь въ лицо Ивана. И все время пока онъ разказывалъ онъ не отводилъ отъ него глазъ какъ бы чѣмъ-то очень пораженный въ выраженіи его лица.

— Братъ, вскричалъ онъ вдругъ, — ты вѣрно ужасно боленъ! Ты смотришь и какъ будто не понимаешь что я говорю.

— Это хорошо что ты пришелъ, проговорилъ какъ бы задумчиво Иванъ и какъ бы вовсе не слыжавъ восклицанія Алеша.—А вѣдь я зналъ что онъ повѣсился.

— Отъ кого же?

— Не знаю отъ кого. Но я зналъ. Зналъ ли я? Да, онъ мнѣ сказалъ. Онъ сейчасъ еще мнѣ говорилъ....

Иванъ стоялъ среди комнаты и говорилъ все также задумчиво и смотря въ землю.

— Кто *онъ*? спросилъ Алеша, невольно оглядѣвшись кругомъ.

— Онъ удивуль.

Иванъ подвѣлъ голову и тихо улыбулся:

— Онъ тебя испугался, тебя, голубя. Ты „чистый херувимъ“. Тебя Дмитрій херувимомъ зоветъ. Херувимъ... Громовый вопль востерга серафимовъ! Чтò такое серафимъ? Можетъ-быть цѣлое созвѣздіе. А можетъ-быть все то созвѣздіе есть всего только какая-нибудь химическая молекула... Есть созвѣздіе Льва и Солнца, не знаешь ли?

— Братъ, сядь! проговорилъ Алеша въ услугу,—сядь, ради Бога, на диванъ. Ты въ бреду, прилягъ на подушку, вотъ такъ. Хочешь полотенце мокрое къ головѣ? Можетъ лучше станетъ?

— Дай полотенце, вотъ тутъ на стулѣ, я давеча сюда бросилъ.

— Тутъ нѣтъ его. Не безлокойся, я знаю гдѣ лежитъ; вотъ оно, сказалъ Алеша, сыскавъ въ другомъ углу комнаты, у туалетнаго столика Ивана, чистое, еще сложенное и не употребленное полотенце. Иванъ странно посмотрѣлъ на полотенце; память какъ бы въ мигъ воротилась къ нему.

— Постой, привсталъ онъ съ дивана,—я давеча, часъ назадъ, это самое полотенце взялъ оттуда же и смочилъ водой. Я прикладывалъ къ головѣ и бросилъ сюда... какъ же оно сухое? другаго не было.

— Ты прикладывалъ это полотенце къ головѣ? спросилъ Алеша.

— Да, и ходилъ по комнатѣ, часъ назадъ... Почему такъ свѣчки сгорѣли? который часъ?

— Скоро двѣнадцать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ вдругъ Иванъ,—это былъ не сонъ! Онъ былъ, онъ тутъ сидѣлъ, вотъ на томъ диванѣ. Когда ты стучалъ въ окно, я бросилъ въ него стаканъ... вотъ этотъ... Постой, я и прежде спалъ, во этотъ сонъ не сонъ. И прежде было. У меня, Алеша, теперь бывають сны... но они не сны, а на яву: я хожу, говорю и вижу... а сплю. Но онъ тутъ сидѣлъ, онъ былъ, вотъ на этомъ диванѣ... Онъ ужасно гауль, Алеша, ужасно гауль, засмѣялся вдругъ Иванъ и принялся шагать по комнатѣ.

— Кто глупъ? Про кого ты говоришь, братъ? опять тоскливо спросилъ Алеша.

— Чортъ! Онъ ко мнѣ повадился. Два раза былъ, даже почти три. Онъ дразнилъ меня тѣмъ будто я сержусь что онъ просто чортъ, а не сатана съ опаленными крыльями, въ громъ и блескъ. Но онъ не сатана, это онъ лжетъ. Онъ самозванецъ. Онъ просто чортъ, дрянной, мелкій чортъ. Онъ въ баню ходитъ. Раздѣвъ его и навѣрно отыщешь хвостъ, длинный, гладкій какъ у датской собаки, въ аршинъ длиной, бурый... Алеша, ты озябъ, ты въ снѣгу былъ, хочешь чаю? Чтò? холодный? Хочешь вею поставитъ? *C'est à ne pas mettre un chien dehors...*

Алеша быстро сбѣгалъ къ рукомоинку, намочилъ полотенце, уговорилъ Ивана опять сѣсть и обложилъ ему мокрымъ полотенцемъ голову. Самъ сѣлъ подлѣ него.

— Чтò ты мнѣ давеча говорилъ про Лизу? началъ опять Иванъ.—(Онъ становился очень словоохотливъ.) Мнѣ нравится Лиза. Я сказалъ про нее тебѣ что-то скверное. Я солгалъ, мнѣ она нравится... Я боюсь завтра за Катю, больше всего боюсь. За будущее. Она завтра броситъ меня и растолчетъ ногами. Она думаетъ что я изъ ревности къ ней гублю Митю! Да, она это думаетъ! Такъ вотъ нѣтъ же! Завтра крестъ, но не висѣлица. Нѣтъ, я не повѣшусь. Знаешь ли ты что я никогда не могу лишиться себя жизни, Алеша! Отъ подлости что ли? Я не трусь. Отъ жажды жить! Почему это я звалъ что Смердяковъ повѣсилса? Да, это онъ мнѣ сказалъ...

— И ты твердо увѣренъ что кто-то тутъ сидѣлъ? спросилъ Алеша.

— Вонъ на томъ диванѣ, въ углу. Ты бы его прогналъ. Да ты же его и прогналъ: онъ исчезъ какъ ты явился. Я люблю твое лицо, Алеша. Зналъ ли ты что я люблю твое лицо? А онъ—это я, Алеша, я самъ. Все мое низкое, все мое подлое и презрѣваемое! Да, я „романтикъ“, онъ это подмѣтталъ... хоть это и клевета. Онъ ужасно глупъ, но онъ этимъ беретъ. Онъ хитеръ, животное хитеръ, онъ зналъ чѣмъ взбѣситъ меня. Онъ все дразнилъ меня что я въ него вѣрю и тѣмъ заставлялъ меня его слушать. Онъ надулъ меня какъ мальчишку. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ про меня много правды. Я бы никогда этого не сказалъ себѣ. Знаешь, Алеша, знаешь,—ужасно

серiously и какъ бы конфиденціально прибавилъ Иванъ, — я бы очень желалъ чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ онъ, а не я!

— Онъ тебя измучилъ, сказалъ Алеша, съ состраданіемъ смотря на брата.

— Дразнилъ меня! И знаешь, ловко, ловко: „Совѣсть! Что совѣсть? Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ же я мучаюсь? По привычкѣ. По всемірной человѣческой привычкѣ за семь тысячъ лѣтъ. Такъ отвыкнемъ и будемъ боги“.— Это онъ говорилъ, это онъ говорилъ!

— А не ты, не ты? Ясно смотря на брата неудержимо вскричалъ Алеша.— Ну и пусть его, брось его и забудь о немъ! Пусть онъ увесетъ съ собою все что ты теперь проклаиваешь и никогда не приходитъ!

— Да, но онъ золъ. Онъ надо мной смѣялся. Онъ былъ дерзокъ, Алеша, съ содроганіемъ обиды проговорилъ Иванъ.— Но онъ клеветалъ на меня, онъ во многомъ клеветалъ. Лгалъ мнѣ же на меня же въ глаза. „О, ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, объявишь что убилъ отца, что лакей по твоему наущенію убилъ отца“....

— Братъ, прервалъ Алеша,— удержиись: не ты убилъ. Это неправда!

— Это онъ говорить, онъ, а онъ это знаетъ. „Ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, а въ добродѣтель-то и не вѣришь— вотъ что тебя злитъ и мучитъ, вотъ отчего ты такой мстительный“.— Это онъ мнѣ про меня говорилъ, а онъ знаетъ что говорить...

— Это ты говоришь, а не онъ! горестно воскликнулъ Алеша,— и говоришь въ болѣзнь, въ бреду, себя мучая!

— Нѣтъ, онъ знаетъ что говорить. „Ты, говорить, изъ гордости идешь, ты станешь и скажешь: это я убилъ, и чего вы корчитесь отъ ужаса, вы лжете! Мнѣніе ваше презираю, ужасъ вашъ презираю“.— Это онъ про меня говорить, и вдругъ говорить: „А знаешь, тебѣ хочется чтобъ они тебя похвалили: „Преступникъ, дескать, убійца, но какія у него великодушныя чувства, брата спасти захотѣлъ и признался!“ Вотъ это такъ ужъ ложь, Алеша! вскричалъ вдругъ Иванъ, засверкавъ глазами.— Я не хочу чтобы меня смерды хвалили! Это онъ солгалъ, Алеша, солгалъ, клянусь тебѣ! Я бросилъ въ него за это стаканомъ, и онъ расшибся объ его морду.

— Братъ, услокойся, переставь! упрашивалъ Алеша.

— Нѣтъ, онъ умѣетъ мучить, онъ жестокъ, продолжалъ, не слушая, Иванъ.— Я всегда предчувствовалъ зачѣмъ онъ

приходить. „Пусть, говорить, ты шеаъ изъ гордости, но вѣдь все же была и надежда что уличать Смердякова и сошлютъ въ каторгу, что Митю оправдаютъ, а тебя осудятъ лишь *нравственно*—(слышишь, овъ тутъ смѣялся!)—а другіе такъ и похвалятъ. Но вотъ умеръ Смердяковъ, повѣсилса,—ну и кто жъ тебѣ тамъ на судѣ телерь-то одному повѣрить? А вѣдь ты идешь, идешь, ты все-таки пойдешь, ты рѣшилъ что пойдешь. Для чего же ты идешь послѣ этого? „Это страшно, Алеша, я не могу выносить такихъ вопросовъ. Кто смѣетъ мнѣ задавать такіе вопросы!“

— Братъ, прервалъ Алеша, замирая отъ страха, но все еще какъ бы надѣясь образумить Ивана,—какъ же могъ овъ говорить тебѣ про смерть Смердякова до моего прихода, когда еще никто и не зналъ о ней, да и времени не было никому узнать?

— Овъ говорилъ, твердо произнесъ Иванъ, не допуская и сомнѣнія.—Овъ только про это и говорилъ, есаи хочешь. „И добро бы ты, говорить, въ добродѣтель вѣришь: пусть не повѣрятъ мнѣ, для принципа иду. Но вѣдь ты поросенокъ какъ Федоръ Павловичъ, и чтѣ тебѣ добродѣтель? Для чего же ты туда лотащись есаи жертва твоя ни къ чему не послужить? А потому что ты самъ не знаешь для чего идешь! О ты бы много далъ чтобъ узнать самому для чего идешь! И будто ты рѣшился? Ты еще не рѣшился. Ты всю ночь будешь сидѣть и рѣшать: идти или вѣтъ? Но ты все-таки пойдешь и знаешь что пойдешь, самъ знаешь что какъ бы ты ни рѣшалса, а рѣшеніе ужъ не отъ тебя зависить. Пойдешь, потому что не смѣешь не пойти. Почему не смѣешь,—это ужъ самъ угадай, вотъ тебѣ загадка!“ Всталъ и ушелъ. Ты пришелъ, а овъ ушелъ. Овъ меня трусомъ назвалъ, Алеша! *Le mot de l'énigme* что я трусъ! „Не такимъ ораамъ восларать надъ землей!“ Это овъ прибавилъ, это овъ прибавилъ! И Смердяковъ это же говорилъ. Его надо убить! Ката меня презираетъ, я уже мѣсяцъ это вижу, да и Лиза презирать начнетъ! „Идешь чтобъ тебя похваляли“—это звѣрская ложь! И ты тоже презираешь меня, Алеша. Телерь я тебя олятъ возненавижу. И изверга ненавижу, и изверга ненавижу! Не хочу спасать изверга, пусть сгнѣтъ въ каторгѣ! Гимнъ залѣлъ! О, завтра я пойду, стану предъ вами, и ляюу имъ всѣмъ въ глаза!

Овъ вскочилъ въ изступленіи, сбросилъ съ себя полотенце и принялся снова шагать по комнатѣ. Алеша всломвилъ давшія

слова его: „Какъ будто я сплю на яву.... Хожу, говорю и вижу, а сплю.“ Именно какъ будто это совершалось телеръ. Алеша не отходилъ отъ него. Мелькнула-было у него мысль бѣжать къ доктору и привести того, но онъ побоялся оставить брата одного: поручить его совсѣмъ некому было. Наконецъ Иванъ, мало-по-малу, сталъ совсѣмъ лишаться памяти. Онъ все продолжалъ говорить, говорилъ не умолкая, но уже совсѣмъ нескладно. Даже плохо выговаривалъ слова и вдругъ сильно покачнулся на мѣстѣ. Но Алеша успѣлъ поддержать его. Иванъ далъ себя довести до постели, Алеша кое-какъ раздѣлъ его и уложилъ. Самъ просидѣлъ надъ нимъ еще часа два. Вольной слалъ крѣпко, безъ движенія, тихо и ровно дыша. Алеша взялъ подушку и легъ на диванѣ не раздѣваясь. Засыпая помоллся о Мишѣ и объ Иванѣ. Ему становилась понятною болѣзнь Ивана: „Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть!“ Богъ, которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолѣвали сердце все еще не хотѣвшее подчиниться. „Да,— неслось въ головѣ Алешы уже лежавшей на подушкѣ,— да, коль Смердяковъ умеръ, то показанію Ивана никто не вѣритъ; но онъ поидеть и покажетъ!“ Алеша тихо улыбулся: „Богъ побѣдитъ!“ подумалъ онъ. „Или возстанетъ въ свѣтѣ правды, или... погибнетъ въ ненависти, мстя себѣ и всѣмъ за то что послужилъ тому во что не вѣритъ“, горько прибавилъ Алеша и опять помоллся за Ивана.

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

ДѢВИЧЬЯ СКАЛА

РАЗКАЗЪ ИЗЪ БОЛГАРСКОЙ ЖИЗНИ НАКАНУНѢ ПОСЛѢД-
НЕЙ ВОЙНЫ.

I.

Срѣбробыстрый лѣйся Дунавъ,
Квасъ расте въ нивята хубавъ,
И Балкана горделивъ—
Рай земля за кой е живъ.
Та земляе много красна,
България е рода ми.

Болг. пѣснь.

Въ 1875 году, въ маѣ мѣсяцѣ, по дорогѣ изъ Габрова въ Севліово (Сельви) вѣхали верхомъ трое Болгаръ, между которыми одинъ, очень молодой, былъ одѣтъ довольно щегольски, въ нѣмецкомъ платьѣ, какъ выражаются въ Болгаріи.

Болгаринъ въ нѣмецкомъ платьѣ, Младеновъ, родомъ изъ Тырнова, лѣтъ восемнадцати, только что вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ не успѣлъ еще кончить курса своего ученія. Онъ желалъ посѣтить нѣкоторые изъ городковъ и селъ Тырновскаго округа; поэтому заѣхалъ въ Габрово, а нынѣ отправлялся въ Севліово, гдѣ проживали его какіе-то родственники. Онъ думалъ остаться тамъ на нѣсколько дней съ цѣлью объѣхать окрестныя „колибы“ (деревни) и посмотреть на жизнь поселянъ вблизи.

По наружности полутчиковъ Младенова не трудно было узнать въ нихъ „селянъ“ Тырновскаго округа. Оба они были люди хотя и молодые, но уже вошедшіе въ практическую жизнь.

На черной, породистой, довольно красивой лошади ѣхалъ старшій изъ селянъ, Колю; онъ смотрѣлъ весело съ какимъ-то самодовольнымъ выраженіемъ и въ лицѣ, и въ посадкѣ. При первомъ взглядѣ на него можно было сказать что ему и удобно, и спокойно. Не такое впечатлѣніе производилъ его товарищъ, Милко: его худая клячка съ подтянутыми боками какъ разъ шла къ озабоченному и исхудавшему лицу ѣздока. Милко сидѣлъ какъ-то неловко, неуклюже и хотя старался смотрѣть весело, въ его глазахъ такъ и можно было прочесть глубокое уныніе.

Чудный былъ день; солнце стояло не высоко; до заката еще оставалось не больше часа. Ясное и голубое небо дышало свѣжестью; оно, казалось, сообщало свѣжесть всей окружающей природѣ. Май только что начинался. А въ балканскихъ краяхъ весна—это рай.

Повсюду, направо и налево, отъ дороги по всѣмъ холмамъ и лугамъ блистала зелень, блистали богатые озими. Дикіе цвѣты смотрѣли словно перлы и самоцвѣтные камни; вотъ тамъ темносиневая фіалка, вотъ блужде дикая роза, а подъ ногами бѣлѣетъ маргаритка; гдѣ-гдѣ развертывается и склонитъ мягкій лютъ земляники. Душистый и чарующій запахъ наполнялъ воздухъ. Не видать жаворонка, не видать никакихъ гвѣздицъ, но ихъ звучными голосами наполнено все пространство.

Дорога по которой ѣхали Младеновъ и его полутчики скоро повела на довольно крутую гору. Предъ ними открылась новая картина, роскошнѣе прежней; вокругъ со всѣхъ сторонъ видѣлись зеленые сочные лозы винограда съ фруктовыми деревьями посреди нихъ; подъ ними разстилалась чудная обширная долина лѣстящая разнообразнѣшими тонами обработанныхъ полей; долина эта окаймлена горами и горками; а тамъ вдали снѣжи вершины мрачныхъ, нынѣ знаменитыхъ великановъ—Габровскихъ Балканъ.

Во все время путешествія Младеновъ останавливалъ вниманіе своихъ полутчиковъ то на этомъ, то на другомъ предметѣ; для него все было ново, дивно. Онъ оставилъ Болгарію когда ему минуло только десять лѣтъ и, можно сказать, не

зналъ своей родины. Въ столицѣ Австрійской имперіи, гдѣ воспитывался, онъ услѣлъ позабыть даже многое изъ того что онъ зналъ раньше изъ мѣстной народной жизни. Всѣ его свѣдѣнія по болгарскимъ дѣламъ были заимствованы изъ книжекъ и газетъ.

Когда теперь онъ вернулся въ Болгарію послѣ воспитательной разлуки все было для него любопытно, занимательно, часто странно. Онъ забывалъ, напримѣръ, какъ называются болгарски деревья, травы, разные сельскохозяйственные предметы. Онъ расспрашивалъ своихъ случайныхъ полутчиковъ; но его любознательность не удовлетворялась. Ему казалось что его не понимаютъ и что на его вопросы не отвѣчаютъ какъ слѣдуетъ; затѣмъ онъ подумалъ что многое скрываютъ отъ него.

Его полутчики иногда поражались странностью нѣкоторыхъ вопросовъ Младенова. Въ особенности удивлялся Колю. Онъ смотрѣлъ недоумчиво на молодого образованнаго Болгарина; хотѣлось ему чуть ли ни напрямикъ сказать что его вопросы не имѣютъ смысла, но только удовлетворился однимъ вопросомъ: „А на что вамъ все это, господине?“ *

Тѣмъ временемъ предъ путниками показалась скала поднимающаяся довольно высоко. Вдругъ Милко приостановилъ свою кляченку. Съ какимъ-то волненіемъ посмотрѣлъ онъ по направленію къ скалѣ и перекрестился. Затѣмъ вздохнулъ изъ глубины груди, опять бросилъ благоговѣйный взглядъ въ ту сторону и махнувъ рукой ударилъ своего худаго сивка по гривѣ и залѣлъ громкимъ, но заунывнымъ голосомъ болгарски слѣдующую народную лѣсню:

Довольно мы ѣли, ѣли да пили:
Жиренькихъ агнать, да красное вино,
Разверни ты знамя
Манушь воевода!
Наши отцы, братья небритые ходять,
Небритые ходять, о насъ спрашиваютъ;
Разверни ты знамя и пр.
Наши сестры не залетеныя ходять,
Незалетеныя ходять, о насъ спрашиваютъ;
Разверни ты знамя и пр.

* Господинъ, господине говорятъ другъ другу незнакомые или же изъ уваженія. Это нововведеніе у Болгаръ.

Наши дѣти нынѣ у Турокъ рабствуютъ,
 У Турокъ рабствуютъ, о насъ спрашиваютъ;
 Разверни ты знамя и пр.
 Пойдемъ мы истреблять турецкую орду
 Какъ можно скорѣе дѣтей освободить;
 Разверни ты знамя,
 Манушъ воевода!

II.

Стоять передъ нимъ какъ видѣнья
 Пршедшіе славные дни:
 Онъ мыслить о горномъ возстаніи
 Чтѣ манить его искони.

Раковскій *

Нѣсколько крупныхъ слезъ локатились по лицу Милко во время его лѣсна. Младеновъ былъ сильно заинтересованъ, даже пораженъ его поведеніемъ. Онъ рѣшительно не могъ лоять, откуда такой внезапный переворотъ у молчаливаго Милко.

Милко, какъ только кончилъ свою лѣсну, возвысилъ свой голосъ еще громче и такъ крикнулъ своему Сивку: „напередъ, да те видя!“ ** что лошадь ломчалась словно стрѣла.

— Чудакъ! пробормоталъ Колю.

— То-есть, какъ чудакъ и почему? спросилъ Младеновъ.

— Да вотъ, настоящій какъ есть чудакъ, вы и сами видите. Всегда такъ: пройдетъ мимо Маркова камня, мимо какого-нибудь церковища *** или городища—и вдругъ начинаетъ креститься, часто поетъ, а иногда и плачетъ. „Здѣсь дескать славная старина“.

— А тутъ какая старина?

— Да вонъ тамъ, видите ли, и Колю указалъ рукою къ северу на высокую скалу.

— Такъ чтѣ же?

* Раковскій—болгарскій поэтъ и политическій агитаторъ. Умеръ въ 1867 году.

** Т.-е. впередъ, чтобы посмотреть на тебя!

*** Церковище или черковище—мѣсто развалинъ старинной церкви. Такія развалины встрѣчаются часто въ Болгаріи.

— Это называется „Моминска стѣна“ (Дѣвичья скала). Старики разказываютъ что тамъ былъ когда-то, въ старину, крѣпкій городокъ разрушенный Турками и поэтому называютъ мѣсто это городище. Но мало ли чего разказываютъ старики да бабы!

— Что же разказываютъ? поторопился спросить Младеновъ. — Мнѣ право хотѣлось бы знать почему эта скала называется „Дѣвичьей“.

— Коли охота слушать бабы сказки, почему и не разказать, отвѣтилъ Колю. — Дѣло вотъ въ чемъ. И Колю разказалъ любознательному студенту-Болгарину преданіе о Дѣвичьей скалѣ.

Когда Турки первый разъ сдѣлали нашествіе на нашъ край, говоритъ преданіе, тогда въ Тырновъ царствовалъ царь Иванъ Шпшманъ. Надъ Дѣвичьей скалою былъ городокъ сильно укрѣпленный и довольно многолюдный. Въ городкѣ находилась болгарскій гарнизонъ.

Сдѣлось старославное Тырново, гдѣ была настоящая столица Шпшмана, хотя самъ царь, по преданію, все еще не отчаивался и приготавлился къ ожесточенному бою съ султаномъ Муратомъ. Послѣ Тырнова сдались всѣ окрестные города и мѣстечки; одинъ этотъ городокъ надъ скалою не сдавался.

Разсердились страшно Турки. Янычары осадили городокъ со всѣхъ сторонъ, и ихъ бей (воевода) поклялся во имя пророка Мухаммеда что какъ только возьметъ городокъ — всѣхъ гауровъ зарѣжетъ какъ барановъ.

Осада велась самая строгая; даже птица не могла вылетѣть изъ городка, не то чтобы живой человѣкъ убѣжалъ. Наконецъ городку не хватило больше хлѣба; да и силы то должно-быть не хватило: сдался.

Предводитель осаждавшихъ Турокъ, бей немедленно послѣ входа въ крѣпость распорядился исполненіемъ своей клятвы. Пошла рѣкой болгарская кровь; не было лошады ни сѣдымъ старцамъ, ни невиннымъ малюткамъ. Разъяренный Турокъ рѣзалъ немилосердно всѣхъ безъ исключенія. Нужно было исполнить буквально данную клятву; да и по турецкой книгѣ (по *Корану*), говорятъ, всякій убитый гауръ открываетъ двери рая для входа хоть одного согрѣшившаго мусульманина.

Поголовная рѣзня продолжалась, какъ вдругъ между осужденными сложить свою голову подъ турецкій ятаганъ появились двѣ удивительныя красавицы; увидѣвъ ихъ, самъ бей былъ пораженъ. Ихъ стройнее какъ ѣлка тѣло, ихъ голубые глаза, ихъ русые волосы были поразительны. Свѣжи, говорятъ, были онѣ какъ двѣ капли росы, бѣлѣе овечьяго молока, а румяны какъ алая роза.

Смутился турецкій воевода, словно жаль ему стало хорошенькихъ гаурокъ, и пріостановилъ ихъ казнь. Пригласилъ тогда къ себѣ ученаго имама и спросилъ: „можно ли помиловать этихъ Болгарокъ не призывая на свою голову проклятіе Аллаха за нарушение даннаго ему обѣта“? Ученый Турокъ долго обдумывалъ этотъ головоломный вопросъ, попросилъ позволеніе посмотреть въ книгу пророка и тогда далъ „фетву“ * такого содержанія: „Аллахъ не разгнѣвается за нарушение даннаго ему обѣта только въ такомъ случаѣ если опредѣленные быть его жертвами гаурки примуть правую вѣру.“

Когда турецкій воевода получилъ такой отвѣтъ, онъ былъ виѣ себя отъ радости. „Какимъ бы то ни было образомъ, думалъ онъ, я заставлю красивыхъ гаурокъ отказаться отъ своей отцовской вѣры. Тогда я буду счастливѣйшій на свѣтѣ человѣкъ.“ Не удержавъ своего восторга, онъ громко произнесъ: „и эти гуріи, о Аллахъ, эти гуріи которыхъ ты мнѣ прислалъ, будутъ самыми прекрасными ханумами на свѣтѣ! Эти солнца будутъ освѣщать покой моего гарема! Я сдѣлаю все для того чтобы привести ихъ на луть истинный!“

Такъ мечталъ и надѣялся молодой Турокъ. Болгарки были приведены и поставлены предъ нимъ. Со сладкими словами и золотыми обѣщаніями сталъ упрашивать бей двухъ красавицъ принять мусульманскую вѣру и сдѣлаться его ханумами. Онъ имъ изобразилъ всѣ прелести гаремной, безпечной и лодвой всѣми чувственными удовольствіями жизни. Единственный ихъ трудъ, пожалуй, долженъ былъ состоять лишь въ томъ чтобы радиться золотыми покрывалами, да мантиями. Болгарки наотрѣзъ отказались согласиться на это предложеніе. „Подумають и согласятся въ послѣдствіи“, сказалъ бей, и отдалъ ихъ подъ строгую стражу.

* Фетва—это письменное рѣшеніе какого-нибудь дѣла на основаніи *Корана* и его комментариевъ.

Ночью, когда всѣ глубоко уснули, обѣ дѣвушки успѣли тайкомъ уйти и приблизиться къ скалѣ; видать онѣ у своихъ ногъ проласть. Посмотрѣли онѣ другъ на друга и заплакали несчастныя, да крѣпко-крѣпко обнялись. „Умремъ“ промолвила одна.—„Да, именно такъ, умремъ“, отвѣтила другая; „тысячу разъ лучше умереть чѣмъ жить для того чтобъ оставить вѣчный позоръ болгарской дѣвушкѣ!“

Послѣ этихъ словъ онѣ сплели свои косы вмѣстѣ, схватились рука за руку и бросились внизъ въ самую проласть.

— Ну, вотъ тебѣ и все, заключилъ Колю;—такъ говорятъ наши старики. Кто ихъ знаетъ насколько все это правда.

Младеновъ со вниманіемъ выслушалъ этотъ разказъ; лошади шли медленнымъ шагомъ, и по временамъ Младеновъ даже пріостанавливался чтобы хорошенько уловить все разказываемое.

— Да, я забылъ прибавить, началъ олять Колю,—что, какъ нѣкоторые утверждаютъ, вонъ тамъ на скалѣ есть изображеніе двухъ дѣвушекъ съ залетевшими въ одну косами бросающихся въ проласть.

Въ это время Милко успѣлъ уже удалиться на довольно значительное разстояніе.

— Но этотъ Милко, спросилъ Младеновъ,—повидимому умный малый, патриотъ должно-быть?

— Еще бы не умный! да мы въ нашемъ селѣ такъ и называемъ его умникомъ, да еще книжевнымъ. Онъ читаетъ и читаетъ всегда; а книги у него—ужь и не спрашивай! всѣ изъ новыхъ. У всѣхъ нашихъ грамотныхъ селянъ, даже у батюшки Ивана не найдешь такихъ.

— Да какія же именно эти новыя книги?

— Какія? прежде всего *Царственикъ*, то-есть исторія болгарскихъ царей, *Горскій путникъ*, *Райня царькина*, *Стояня воввода*; недавно Милко собиралъ у себя молодыхъ людей и, говорятъ, читалъ имъ какое-то новое „списанье“ (сочиненіе): *Отечество и Любовь*, да еще,—кто его знаетъ! Лучше спросите его, онъ все вамъ разкажетъ если только въ духѣ.... Вѣдь онъ не всегда говоритъ. Горе почему-то,—онъ и самъ не знаетъ почему,—его такъ и мучить. Всегда чудакъ.

Эти подробности и обстоятельства заставили Младенова расспросить о прошломъ Милко. Но пора и намъ познакомиться локороче какъ съ нимъ, такъ и съ Колю.

III.

Подъ игомъ рабства терпитъ муки
 Многострадаемый нашъ народъ,
 Высоко поднимаетъ руки
 И отъ небесъ спасенья ждетъ.

Болг. пѣснь.

Милко былъ человекъ лѣтъ двадцати пяти, брови, со смуглымъ лицомъ, средняго роста и несоразмѣрно широкими плечами. Онъ родился въ Новомъ-Селѣ, отъ бѣдныхъ родителей, посѣщалъ три зимы тырновскую школу; потомъ каждое воскресенье ходилъ въ Тырново, гдѣ слушалъ въ „Читальницѣ“ какъ читаютъ разныя лубличныя бесѣды и читалъ книги и газеты; его самыми любимѣйшими сочиненіями были историческія, особенно по отечественной исторіи.

Сынъ небогатыхъ родителей, Милко былъ утѣха своихъ домашнихъ: онъ принималъ участіе въ домашнемъ хозяйствѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, помогалъ отцу и работалъ неустанно. Въ селѣ онъ прославилъ скоро за честнаго, трудолюбиваго малаго. Это радовало умнаго мальчика, и онъ веселый и довольный удваивалъ трудъ и стараніе быть полезнымъ своему бѣдному семейству.

Милко было только пятнадцать лѣтъ отъ роду, когда зимой турецкіе залгѣ (жандармы) пріѣхали на лошадяхъ въ домъ его отца и потребовали отъ него немедленно заплатить всѣ числившіяся за нимъ подати. Вся сумма, правда, не превышала 250 ліастровъ, но у бѣднаго отца семейства малыми деньгами оказалось всего 150 ліастровъ, которые онъ и отдалъ, упрашивая сборщиковъ подождать остальные хотя бы два мѣсяца. Турки и знать не хотѣли объ этомъ, имъ сказано все собрать, а то и самого хозяина лотащить въ Тырново.

Дѣйствительно, несчастный отецъ въ ужасную погоду, въ январѣ, провожаемый рыданіями жены и дѣтей, былъ поведенъ, мучимъ по дорогѣ и по приходѣ въ Тырново брошенъ въ тюрьму. Въ довершеніе несчастія, отецъ Милко заболѣлъ; онъ подалъ прошеніе выпустить его на свободу по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока выздоровѣетъ; но не получилъ никакого отвѣта. Сырость тюрьмы, черствый хлѣбъ,

отсутствіе всякой лици, картины тюремной жизни, гдѣ въ одной комнатѣ живутъ и убійцы, и должника, и воры, и нуллатившіе свою подать, и поджигатели,—все это вліяло самымъ разрушительнымъ образомъ на слабое здоровье отца Милко. Тогда онъ обратился къ тырновскому каймакаму съ челобитной чтобъ его отпустили на три два продать все что возможно продавать въ вывѣшнее время и такимъ образомъ заллатить подати. На этотъ разъ каймакамъ Тырнова отвѣтилъ чрезъ „чауша“ тюрьмы (тюремнаго начальника): „пусть пошлетъ письмо своимъ домашнимъ; пусть продають что хотять; это не наше дѣло.“

Письмо было послано, но сывъ привезъ деньги когда уже отца не стало.

Пятнадцатилѣтній юноша похоронилъ собственными руками убитаго тюремными мученіями отца. На его рукахъ осталось немалочисленное семейство. Но несмотря на это большое несчастіе молодой человѣкъ скрѣпилъ сердце и взялся за домашнія занятія; онъ работалъ неустанно, старался удовлетворить нуждамъ всѣхъ и скоро могъ прокормить свою семью. Добрая его мать служила ему въ этомъ дѣлѣ ангеломъ-утѣшителемъ.

Тутъ вамъ нужно объясниться. Прокормить свою семью у Болгаръ не трудно. Каждый хозяинъ—мелкій землевладелецъ, имѣеть вѣсколько овецъ да козъ; на дворѣ же садикъ у всѣхъ въ которомъ разводятъ калусту, пиперки (стручковый перецъ), картофель, рѣдьку, фасоль и пр. Значить на прокормленіе семьи хватить, если только Турокъ не ограбить и не сожжетъ. Незначительныя покулки для домашняго хозяйства производятся деньгами вырученными отъ продажи яицъ, куръ, молока, сыра, ягнятъ и прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, продуктовъ находящихся у многихъ въ избыткѣ. Изъ этой же суммы денегъ нужно заллатить подати.

Отличительная черта болгарскаго „селянина“—это бережливость. Жизнь научила этого вѣковаго мученика что только бережливостью онъ можетъ существовать; деньги же нужно прятать на черный день, то-есть большею частію для того чтобы выкупиться отъ турецкихъ злоупотребленій и свирѣпостей. Но часто случается такъ что или годъ неурожайный наступитъ, или же моръ посѣтитъ домашнихъ животныхъ и стада, тогда нечего ужъ дѣлать; продавай движимое и недвижимое и плати подати; иначе тебя ожидаетъ тюрьма, со всѣ

ми своими предѣстами. Подати въ Болгаріи самая разорительная, самая тяжелая. Селянинъ долженъ платитъ до десяти видовъ различныхъ податей; такъ по одному исчисленію Турецкое правительство собираетъ въ видѣ налоговъ 60% всего дохода съ каждаго сельскаго хозяина. Изъ остающагося въ распоряженіи селянина нужно не только пропитать семью, но еще заплатить священнику, школьному учителю, мухтару (родъ старосты), дѣсничему и пр. Но Болгаринъ ведетъ самую строгую, самую воздержную жизнь; пьянство считается самымъ большимъ позоромъ. Если и при такихъ условіяхъ въ которыя поставлена жизнь въ Турціи Болгаринъ могъ жить и быть у себя дома даже состоятельнымъ Турка, то это, думается мнѣ, только потому что онъ владѣетъ такими качествами какъ трудолюбіе, бережливость, трезвость и безпримѣрная воздержность.

Но какъ бы то ни было, а вашъ Милко прежде всего старался освободиться отъ разныхъ податей; улачивая ихъ онъ отдыхалъ. „Не залаатишь все вовремя, говаривалъ онъ, такъ принимай чуть не каждый день турецкихъ гостей, угощай ихъ всѣмъ что у тебя есть и терли ихъ безобразіа.“

Впрочемъ скоро случилось съ Милко новое несчастье: умерла его мать. Смерть эта была для него еще большимъ горемъ чѣмъ потеря отца; болѣзнь и смерть матери были такъ внезапны что молодой человекъ не вѣрилъ въ дѣйствительность совершившагося; онъ принималъ это за тяжелое сновидѣніе. Но скоро надо было убѣдиться въ горкой и печальной истинѣ.

Не прошло и нѣсколькихъ дней какъ Милко почувствовалъ значеніе этой большой потери. На него одного исключительно ложилась вся тяжесть домашняго дѣла: три сестры и двое еще малолѣтнихъ братьевъ остались у него на шеѣ. Послѣ этого и самъ молодой человекъ не чувствовалъ какъ въ немъ произошелъ какой-то переворотъ: съ каждымъ днемъ онъ казался задумчивѣе и задумчивѣе; грустилъ лостоянно, но и самъ не могъ дать себѣ отчета—почему.

Милко не могъ смотрѣть хладнокровно на злоупотребленія турецкихъ залгѣевъ, сборщиковъ „десатока“ и Черкесовъ. Его душа возмущалась глубоко всѣми извѣстіями по этимъ дѣламъ; когда онъ читалъ въ газетахъ что залгѣи сдѣлали тамъ-то такое-то звѣрство, онъ вдругъ приломивалъ карту-ву арестованія отца, его смерти; затѣмъ онъ предавался

неопредѣленнымъ думамъ: „что было бы еслибы Турокъ вовсе не было на свѣтѣ или по меньшей мѣрѣ въ Болгаріи?“ спрашивалъ себя Милко. Или: „почему между людьми есть такіе злые и свирѣлые какъ Черкесы и сборщики податей“.

Единственная оставшаяся для него утѣха—были книги. Всѣ свои свободные отъ работы часы онъ посвящалъ чтенію. Съ восторгомъ онъ читалъ литературу болгарскихъ политическихъ агитаторовъ, издаваемую въ Букурештѣ и Брацловѣ. Не менѣе онъ любилъ слушать или читать болгарскія народныя лѣсни о прошломъ, о Маркѣ Краевичѣ, о Страшилѣ - воеводѣ, о Стоянь - юнакѣ. Эти лѣсни пробуждали въ немъ разныя мысли: „почему теперь, думалъ Милко, нѣтъ такихъ юнаковъ? Почему мынѣ не явится какой-нибудь Марко Краевичъ или Страшилѣ-воевода и не поучитъ Турокъ быть людьми, а не звѣрями?“

Милко зналъ что въ Балканахъ есть партіи отборныхъ и неустрашимыхъ юнаковъ, призваніе которыхъ — заступаться и мстить за христіанъ. Ему часто хотѣлось пойти „гулять по горамъ“; но мысль о братьяхъ и сестрахъ останавливала его. Зимой, по вечерамъ, онъ собиралъ у себя сельскихъ мальчиковъ и училъ ихъ грамотѣ; по праздникамъ же молодые люди были постоянно у него, слушали какъ онъ читаетъ хорошо *Македонію* и *Напредокъ*. Теперь Милко возвращался изъ Габрова въ Новое-Село и хотѣлъ захватить въ Севліево, купить нѣкоторыя хозяйственныя принадлежности.

IV.

Смокъ е засмукалъ животь народень,
Смучать го наши и чужди гости.

Х. Ботювъ.

Той о перъзанъ Турчинъ.

Болгарская поговорка.

Колоу былъ житель того же Нового-Села. Его отецъ Хаджи Стоянь оставилъ ему въ наслѣдство значительное состояніе, составленное имъ самимъ незавидными средствами. Хаджи Стоянь былъ чорбаджи села, нѣчто въ родѣ кмета и старосты; его любимѣйшее занятіе было закупать „опуртъ“, то-есть десятинный налогъ на произведенія земли, собираемый со всевозможными злоупотребленіями.

Какъ извѣстно, ошуръ существуетъ въ одной только Турціи. Правительство отдаетъ этотъ налогъ на откулъ по областямъ разнымъ крутымъ аферистамъ; залатившій дорожку беретъ на себя право собиранія налога. Откульщики областной десятины распродаютъ ошуръ разныхъ округовъ другимъ болѣе мелкимъ откульщикамъ. Эти послѣдніе или сами чрезъ наемныхъ людей собираютъ весь налогъ, или же просятъ еще дробленіе въ продажѣ по уѣздамъ и общинамъ.

Ошуръ значить десятина. По законамъ этотъ налогъ долженъ быть собираемъ въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части натурой со всѣхъ произведеній земли, начиная со пшеницы и кончая капустой. Но этотъ десятинный налогъ на самомъ дѣлѣ часто стоить больше чѣмъ половина всего получаемого селяниномъ.

Бывали случаи такого рода: селянинъ хочетъ залатить деньгами чтобы скорѣе заняться обмолочиваніемъ хлѣба, но откульщикъ запрашиваетъ столько сколько едва ли стоитъ весь хлѣбъ. Селянинъ не можетъ столько залатить; откульщикъ не хочетъ явиться и получить натурой слѣдующее. „Не пришла, молъ, очередь“. Проходить недѣля, двѣ, три; селянинъ ждетъ не дождется, когда же нужно собирать этотъ кровавымъ трудомъ приготовленный хлѣбъ; наконецъ, слава тебѣ Господи, залатить натурою сколько угодно откульщику взять; но дѣло еще не кончено: теперь нужно доставить быковъ или лошадей и обмолочивать хлѣбъ откульщиковъ. А въ это время начинаются дожди, дожди и дожди; вѣдь августъ и сентябрь на дворѣ. Осень. Такимъ образомъ, пожалуй, пропала и вся жатва.

Откульщики или, какъ говорятъ, ошурджи извѣстны въ Болгаріи своею до безобразія доходящею эксплуатаціей; но за то они всегда были людьми состоятельными, богатыми. Ошуръ—самая прибыльная статья. Имъ-то, ошуромъ, и занимался Хаджи Стоянь, который вмѣстѣ со значительнымъ состояніемъ оставилъ своему сыну, Колю, прекрасные совѣты, необходимые для жизни среди современнаго общества. „Кто терпитъ—тотъ спасается“, „повинную голову сабля не рубитъ“, „ласковое телятко двѣ матки сосетъ“,—были первыя правила отца перешедшія въ наследство къ сыну. Остальная житейская мудрость передаваемая сыну состояла изъ такихъ же короткихъ, но ясныхъ поговорокъ: „у кого много денегъ, у того много и ума“, „съ богатымъ и зватнымъ не шути“, „съ Турками нужно ладить, если хочешь спокойно жить“.

Колю былъ достойный сынъ своего отца: его мало интересовали старинныя и „бабьи сказки“ объ Асѣнахъ и Шимманахъ, но за то онъ никогда не забывалъ что съ Турками нужно жить хорошо. Какъ онъ услѣдовалъ въ этомъ—это вопросъ другой; довольно сказать что у него „бакшишъ“ игралъ самую важную роль; не мало ему помогла и отцовская поговорка: „съ знатымъ не шути“: а знатные люди для него были не только тырновскіе мутесарифы, разные залтіи, чауши и ефенди, но даже залтіи, сеймены и всѣ аги. Колю услѣдовалъ ладить съ ними такъ хорошо что скоро, начиная съ мутесарифа и кончая сеймакомъ, всѣ его называли Колю-ага, чорбаджи-ага.

Колю-ага женился недавно и его супруга своимъ приданымъ удвоила его богатство; кромѣ того молодая жена относилась мужа какъ говорила была „по горшку и крышка“. Хотя Колю былъ лѣтъю годами старше Мушко, на видъ казался моложе. Его лобъ былъ чистъ отъ морщинъ; его бѣлокурые волосы падали низко изъ-подъ коллака его куртки и окаймляли заднюю часть воротничка его коротенькой черной куртки. Отличительная особенность Колю была еще его довольно развитое брюхо,—эта неизбежная принадлежность болгарскихъ чорбаджіевъ. По временамъ онъ любилъ не то лѣтъ, не то говорить стихи одной турецкой лѣсни слышанной имъ у одного гостившаго въ Новомъ-Селѣ турецкаго капитана:

Подъ милостивою тѣнью падишаха
 Вселенная возрадовалась;
 Подъ его же высочайшимъ трономъ
 Будь, о земля, счастливой!
 Твои рабы твоему повелѣнію
 Отъ души преданы;
 Здравствуй же тысячу лѣтъ
 О падишахъ мера и земац, Абдуль-Азизъ!

Эти „глубокомысленные“, какъ самъ говорилъ, стихи онъ не забывалъ декламировать особенно когда ѣздилъ съ Турками и самодовольно улыбался. При томъ онъ утѣшалъ ихъ что самое большее наслажденіе для него—слушать турецкую лѣснию. Въ добавокъ Колю не забывалъ подкрѣпить свои слова вещественнымъ доказательствомъ: вынималъ изъ кармана и предлагалъ агамъ слушателямъ свой лозный табачный кисеть. Турки слѣшили подтвердить сказанное Колю,

кивая головой, въ то же время наполняли свои трубки табакомъ и отдавая ему обратно кисеть, говорили по-турецки:

— Сласибо, дай Аллахъ сдѣлаться тебѣ великимъ человекомъ.

Колю былъ въ Габровѣ по важному дѣлу: искалъ товарища закулить ошуръ Новосельскаго уѣзда. Но не услѣвъ тамъ, онъ думалъ попробовать свое счастье въ Севлиовѣ, куда и отправлялся.

VI.

Тежко, брате, са живѣ
 Между глупци неразбрани;
 Душата ми въ огонь таѣ
 Сърдцете ми въ люти рани.

Х. Ботюевъ.

Скоро Младеновъ и Колю догнали Милко.

— Ну что жь, дурь прошла, умникъ мой? заговорилъ Колю обращаясь къ Милко; — должно-быть ты олять полплакалъ. Знаешь ты, продолжалъ онъ, вотъ, братъ, тебѣ мой совѣтъ, ты лучше поѣзжай въ Рылскій монастырь и постригись въ монахи: вотъ тамъ, говорятъ, старина на каждомъ шагу. Тамъ именно ахай себѣ сколько душъ угодно; кладъ локлоны предъ мощами Св. Ивана, Гыльскаго чудотворца; авось кто-нибудь изъ твоихъ Асѣней или Шиммавовъ воскреснетъ и ломожетъ твоему горю.

Милко молчалъ. Онъ отвѣтилъ бы своему богатому и влиятельному между Турками земляку, но думалъ что бесполезно спорить съ людьми которые не хотятъ вась логать.

— Ну, что же вичего не отвѣчаешь? олять началъ Колю.

— Ты шутникъ; что тебѣ отвѣчать, сказалъ Милко, поглядилъ лошадку по гривѣ и тихимъ голосомъ началъ лѣтъ лѣсъ Болгарскаго царя Ивана Шиммана:

Какъ только, мила моя матушка,
 Заря зарумянилась,
 Такъ начало, мила моя матушка,
 Войско въ походъ иди;
 Конь за конемъ, юнакъ за юнакомъ,
 Сабли у нихъ блестятъ словно солнце:
 Словно огонь несется черезъ лѣсъ

Воевода самъ царь Иванъ Шумманъ.
 Заговорилъ самъ царь Иванъ Шумманъ:
 „Сильный Боже, ты нашъ создатель,
 „Помоги намъ, пошли силу, храбрость,
 „Нужно драться на Софійскомъ полѣ,
 „И кровь пролить ради имя Христа,
 „Нужно спасти христіанскую душу.

— А веревку не хочешь? сказалъ Колю послѣ окончанія лѣтсви.—А не хочешь ли повѣдать, умникъ мой, прелесть, вивъдъ Мидхатъ-паша, ты его кажется знаешь, о немъ тоже пишется въ вашихъ книгахъ, еще не умеръ.

— Да, я знаю это прекрасно, отвѣчалъ Милко;—тѣмъ не менѣе мнѣ еще извѣстно что веревкой народъ не можетъ быть истребленъ. Сказавъ это, онъ продолжалъ глѣть едва слышнымъ голосомъ такъ-называемый „Габровскій маршъ:“

Мы изъ ярма исторгнемъ выю,
 Послушные свободы зву
 Воскреснемъ снова мы, и змію
 Сотремъ надменную главу.

Колю хотѣлъ продолжать, хотѣлъ возразить Милко, но подумалъ что вопросъ немного „опасный“. А опасный онъ былъ для него и въ томъ случаѣ если защищать Турокъ, и въ томъ случаѣ если бранить ихъ. „Лучше молчать“, подумалъ онъ. Младеновъ и самъ не звалъ что дѣлать. Онъ непремѣнно хотѣлъ задать сейчасъ же тысячу вопросовъ странному полутчику своему Милко. Но вдругъ ему припомнились слова одного опытнаго Болгарина что и среди своихъ находятся „шпіоны.“ Вѣдь семья не безъ уroda. За тѣмъ „и горы могутъ слышать“, подумалъ онъ.

Такимъ образомъ наши полутчики вѣхали въ Севліево и чрезъ вѣсколько минутъ каждый отправился по своему дѣлу.

VII.

Туда, не теряйте минуты!
 Отчизна насъ кличетъ, зоветь.
 Удѣлъ нашъ—дѣса и стремнины;
 Тамъ наша свобода живетъ.

С. Раковскій.

Конецъ 1875 года и начало 1876 составляютъ въ современной болгарской исторіи періодъ довольно знаменательный. Герцеговинское возстаніе, только что начавшееся, служило

какимъ-то возбуждающимъ средствомъ для тихаго, мирнаго и трудолюбиваго жителя въ Болгаріи. Геройскія дѣла Любо-братича, Пеко Павловича и другихъ герцеговинскихъ юнаковъ-воеводъ были передаваемы изъ устъ въ уста и сопровождаемы дѣлымъ рядомъ легендарныхъ дополненій и сказаній. Значитъ Турція не такъ страшна какъ она кажется, начали думать не одни только агитаторы.

Но по всему вѣроятію Болгарскій народъ и на этотъ разъ не пошевелился бы, еслибы турецкій фанатизмъ не возросталъ по мѣрѣ того какъ возстаніе въ Герцеговинѣ все болѣе и болѣе разгоралось.

Болгарское мирное населеніе было оскорбляемо, ограбляемо, часто избиваемо только за то что его братья, по вѣрѣ и по крови, Герцеговинцы, умѣли хорошо драться и крѣпко защищаться противъ столѣтняго врага. Притѣсненія и звѣрства башу-бузукъ приняла повсемѣстный, поголовный характеръ. Чаша страданій была переполнена.

Шайки турецкихъ разбойниковъ нападали открыто на деревни, грабили все что имъ попадалось подъ руку и насиловали невинныхъ дѣвушекъ. Въ городахъ мусульманское населеніе обращалось къ христіанамъ съ угрожающими словами: „дни вашего избіенія настали; приготовляйтесь!“ Эти угрозы были тѣмъ болѣе внушительны что среди бѣла дня Турки отъ мала до велика вооружались съ ногъ до головы и открыто точили свои ятаганы. Никто изъ Болгаръ не смѣлъ выѣхать изъ города въ близъ лежащее турецкое село; при приближеніи ночи никто не могъ сказать увидитъ ли олять бѣлый день; доживетъ ли до завтра.

Терроръ овладѣлъ всѣмъ населеніемъ. Увѣряютъ что и Турки дѣйствительно начали бояться христіанъ; они думали возможно что всѣ „гуяры“ согласились возстать и перерѣзать ихъ. Особенно эту мысль распространяли между населеніемъ духовные проповѣдники мусульманъ, разные софты, моллы и имамы. Проповѣди служителей пророка производили свое дѣйствіе; мусульмане удваивали свои приготовленія и свирѣлости ихъ все болѣе увеличивались.

Въ константинопольской болгарской печати, отчасти и во французской, встрѣчались вѣрные отголоски положенія дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Но блистательная Порта не могла или не находила нужнымъ принять мѣры для пред-

упрежденія катастрофы. Напрасно христіанское населеніе посылало прошенія и жалобы въ центральные города и Константинополь; никто ихъ не читалъ; или же если читали, одни отрицали то что совершилось, другіе говорили что жадающіеся—лжецы и „чалкыни“ (бродяги), третьи, болѣе откровенные, ложились только плечами и признавали что они одинаково беспильны какъ наказывать мусульманъ, такъ и предупредить зло. Такимъ образомъ жалобы не только не приносили рѣшительно никакой пользы, но причиняли вредъ тому кто осмѣливался жаловаться. Каймакамы и мутесарифы или сами боялись турецкихъ шаекъ или были ихъ соучастниками.

Въ это самое время ожидающіе момента дѣйствія агитаторы послѣдшили воспользоваться случаемъ. Въ Букурештѣ, резиденціи тайнаго инсургентскаго комитета, состоявшаго исключительно изъ молодыхъ Болгаръ, происходилъ главный сѣздъ всѣхъ членовъ. Это было лѣтомъ 1875 года. На этомъ сѣздѣ рѣшено было разослать въ Болгарію по разнымъ городамъ и селамъ агитаторовъ и лѣтомъ же произвести возстаніе въ опредѣленный день. Въ Румыніи должны были остаться организаторы для составленія дружинъ, партій добровольцевъ, и перейти черезъ Дунай въ назначенный день. Но эта первая попытка не удалась. Произошло такъ-называемое Старо-Загорское дѣло, въ которомъ пострадало множество молодыхъ Болгаръ. Агитаторы должны были разойтись и отложить дѣло до болѣе благоприятнаго времени.

Въ Букурештѣ прежній голова политической агитаціи, Любенъ Каравеловъ, годъ уже какъ не занимался „политикою“ и издавалъ научно-литературный журналъ *Знаніе*. Во главѣ агитаціи стоялъ Христо Ботювъ, молодой и энергичный Болгаринъ, извѣстный въ послѣдствіи своимъ геройскимъ подвигомъ на пароходѣ *Радеукий*. Съ глубокою скорбью узналъ горячій патріотъ о неудачѣ агитаторовъ въ Болгаріи; но какъ онъ, такъ и его товарищи не были изъ тѣхъ людей которыми дѣятельность по народному дѣлу скоро надобѣдаетъ. Онъ рѣшился посвятить свою жизнь священному лозунгу завѣщанному первымъ головой, знаменитымъ въ Болгаріи Раковскимъ.

Когда агитаторы начали возвращаться въ Румынію для того чтобы собрать новый сѣздъ, обсудить дѣло всесторонне, Ботювъ отправился въ Россію тайкомъ и старался привезти

изъ Одессы извѣстнаго воеводу Филиппа Тотіо и нѣкоторыхъ изъ кончающихъ юнкеровъ Болгарь. Филиппъ Тотіо не согласился, но двое юнкеровъ, Болгары Измирліевъ и Пармаковъ поѣхали съ нимъ въ Румынію. Произошелъ новый съѣздъ, на которомъ агитаторы рѣшили: перейти черезъ Дунай какъ только представится удобный случай и завѣяться приготовленіемъ возстанія въ Болгаріи въ продолженіе всей зимы; весной же начать дѣло.

VIII.

Господь сказалъ: „приду какъ тать“.
 Неждано грянетъ зовъ громовый...
 Сомкнемся жь дружно, чтобъ сказать
 Когда онъ клакнетъ: „мы готовы“!

А. Майковъ.

Студентъ Вѣнскаго университета по философскому факультету, Драганъ Младеновъ зналъ еще за границей о томъ что въ Болгаріи существуетъ „агитація“, существуютъ тайные комитеты. Онъ получалъ газеты противотурецкаго содержания издающіяся въ Румыніи, читалъ такъ-называемую анти-турецкую литературу и по иностраннымъ газетамъ слѣдилъ за всѣмъ относящимся къ родинѣ.

Когда пріѣхалъ въ Тырново провести время ваканцій, онъ въ одномъ изъ „алостоловъ агитаціи“ узналъ бывшаго своего товарища. Это былъ нѣкто Смирновъ лѣтъ двадцати двухъ. Онъ былъ средняго роста, брюнетъ, съ выразительнымъ взглядомъ, эвергичный и желчный. Воспитаніе онъ получилъ въ Болгаріи; событія 1867—1868 годовъ повлияли на его молодую натуру самымъ сильнымъ образомъ; устные разказы, украшенные всевозможными преувеличеніями о подвигахъ Хаджи Димитра Асѣнова и Стефана Караджа, о ловкостяхъ и непобѣдимости Филиппа Тотіо не разъ заставляли его забывать часы когда нужно было отправиться въ школу. Онъ даже самъ попробовалъ написать поэму о сраженіи на Вербовкѣ, но не успѣлъ кончить ее, когда узналъ что залгнн въ непродо- жительномъ времени будутъ обыскивать по домамъ. Смирновъ послѣшилъ съечь свою *Вербовку*, но не хотѣлось ему ни

за что распостаться со *Горскимъ-Путникомъ* *; собственно ручио сдѣлалъ онъ ящикъ для своей святыни и зарылъ ее глубоко подъ землей. Затѣмъ Смирновъ ѣздилъ въ Россію; по возвращеніи въ Болгарію, онъ былъ учителемъ въ Тырновскомъ округѣ.

Младеновъ посѣтилъ товарища. Комната въ которую приѣхалъ его Смирновъ была небольшая съ однимъ окномъ. По всѣмъ четыремъ стѣнамъ были протянуты полки, гдѣ разставлены книги русскія и болгарскія. На восточной сторонѣ былъ приклеенъ бумажный образъ Пресвятой Богородицы Взысканія Погибающихъ; предъ образомъ теплилась лампадка, тутъ же подлѣ нея стеклянка съ освященною водою, свѣчки оставшіяся отъ сочельниковъ и Пасхи и вербы отъ Вербнаго воскресенья. Стѣны комнаты выбѣлены известкой, на полу же разостланы ковры домашней работы изъ разноцвѣтной шерсти; на одной стѣнѣ были повѣшены портреты Виктора Эммануила, Гарибальди, изображеніе рабства Болгаріи и картина сраженія на Вербовкѣ; на противоположной стѣнѣ висѣла карта Балканскаго полуострова съ раздѣленными Болгаріи на пять имсургентскихъ округовъ. На столѣ, у самаго окна, былъ поставленъ маленькій глобусъ, лежало нѣсколько нумеровъ *Напредока* и нѣсколько брошюркъ *Четованъ*—содержаніе которыхъ посвящено указаніямъ какъ нужно составлять четы и какъ можно съ успѣхомъ вести „горскую“ войну противъ Турокъ.

Знакомые крѣпко обнялись. Начался между ними разговоръ; который скоро перешелъ въ споръ.

— Да у васъ есть ли все необходимое? спрашивалъ Младеновъ.

— Все необходимое?... Все необходимое, легко сказать; но видите ли, у Герцеговинцевъ мало ли чего не было, но они давно уже возстали, и нынѣ чудеса творять. У насъ если не сейчасъ, то скоро будутъ готовы въ каждомъ имсургентскомъ округѣ по 10 деревянныхъ лушекъ, 5.000 ружей, 200 револьверовъ и....

— Скоро будутъ готовы! Но, волервыхъ, это только одно предположеніе; а вовторыхъ, увѣрены ли вы что народъ вос-

* Это сочиненіе Раковскаго, самое распространенное между Болгарами. Оно содержитъ эпическіе разказы изъ жизни болгарскихъ гайдуковъ-юнаковъ.

пользуется этимъ оружіемъ; да и прежде всего я долженъ васъ спросить: сочувствуетъ ли вамъ народъ?

— Народъ, братъ, признаться на первое время не особенно сочувствовалъ нашему дѣлу. Но нынѣ не то....

— Что же нынѣ?

— Нынѣ я увѣренъ что если завтра мы дадимъ народу оружіе и скажемъ: впередъ, онъ такъ и пойдетъ смѣло 'безъ боязни противъ своего вѣковаго мучителя.

— И вы разчитываете на какой-нибудь успѣхъ? И вы вѣрите что ваши деревянные пушки, если даже предположимъ возможность возстанія, могутъ противостоятъ Круловскимъ, и что вы кремневыми ружьями, которыми еще не всякій умѣетъ владѣть, побѣдите шасло и мартиви?...

— Кто считаетъ долго расходы на музыкантовъ и прочее, тотъ никогда свадьбы не сдѣлаетъ, говоритъ наша пословица. Я же вамъ скажу что если всѣ мы, Болгары, до сихъ поръ остаемся ничтожными рабами Турокъ, такъ это только потому что мы ихъ воображаемъ какими-то непобѣдимыми геркулесами. Исторія и факты намъ говорятъ иное; дѣла Филиппа Тотю въ 1867 году и Хаджи Димитра въ 1868 году доказали самымъ наглядѣйшимъ образомъ что возстаніе Болгарскій народъ въ одно время на 20—30 пунктахъ, съ Турціей поковчено. А къ этому направлены всѣ наши усилія...

— Наши маленькія возстанія, замѣтилъ Младеновъ,—не успѣвали до сихъ поръ не потому что мы воображаемъ Турокъ геркулесами, а потому что мы еще не просвѣщены, не образованы; не смотрите на Сербовъ, Грековъ, а нынѣ на Герцеговинцевъ... они и географически, и исторически поставлены въ цвѣя условія. Что же до вашихъ усилій, я сомнѣваюсь въ ихъ успѣхѣ. И что выйдетъ, спрашиваю васъ, если повторится вотъ хотя бы недавнее Загорское дѣло?

— Даже если повторится Загорское дѣло, ходъ событій приведетъ къ хорошему результату.

— Къ какому же?

— Свобода дороже всего на свѣтѣ, за нее приходится платитъ дорого; ну вотъ и все.

IX.

Ихъ часъ придетъ! окрѣпнуть крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣль наслава
Желѣзнымъ клювомъ раскляютъ.

А. Хомяковъ.

Въ это время вошелъ въ комнату молодой селянинъ съ загорѣлымъ озабоченнымъ лицомъ, чисто одѣтый и съ толстою лапкой въ рукѣ.

— Добрый день, сказалъ онъ.

— Дай тебѣ Господь здравье и счастье, братъ Милко! произнесъ какимъ-то взволнованнымъ и радостнымъ голосомъ Смирновъ. Ну, братъ, садись, отдохни немного. Усталъ должно-быть.

— Устать не усталъ, но ужасная жара. Это тяжело и не-сноситъ усталости.

— А дѣла какъ?

— Слава Богу, благодаримъ Его за то что не забываетъ бѣдныхъ людей, отвѣтилъ Милко. Затѣмъ окинулъ вопрошающимъ взглядомъ „чужаго“ человѣка въ комнату Смирнова.

— О, добрый день! не узналъ, извините, проговорилъ Милко обращаясь къ Младенцову.

Младенцовъ любезно протянулъ свою руку и поздоровался со своимъ бывшимъ полутчидкомъ. Смирновъ какъ-то смущенно смотрѣлъ на эту сцену. „Откуда знаютъ другъ друга“, спрашивалъ себя онъ. Несмотря на свое желаніе узнать подробности о Милко, Младенцовъ счелъ приличнымъ удалиться. Смирновъ его не удерживалъ.

— Ты знакомъ? какъ и когда познакомился? спросилъ Смирновъ Милко послѣ ухода студента.

Милко разказалъ о встрѣчѣ своей съ Младенцовымъ три мѣсяца тому назадъ.

— Ну-ка, теперь разкажи какъ цдутъ у васъ дѣла? спросилъ затѣмъ Смирновъ, садясь на диванъ вмѣстѣ съ Милко.

— Зачѣмъ себя обманывать. Наши селяне трудновато убѣждаются. Благодаря Загорскому дѣлу многіе отчаеваются въ возможности какого-нибудь успѣха нашему дѣлу. Они

спрашиваютъ о томъ и о другомъ, а я не могу дать удовлетворительнаго отвѣта.

— Да о чемъ же спрашиваютъ они?

— Прежде всего имъ не вѣрится чтобы народъ самъ, безъ вѣшней помощи, могъ что-нибудь сдѣлать. Кто намъ дастъ оружіе? Знаетъ ли, спрашиваютъ, объ этомъ Россія? знаетъ ли Бѣлый Царь, безъ участія котораго ничего хорошаго для отечества достигъ нельзя?... А Сербія приметъ ли участіе?

— А ты что имъ отвѣчаешь?

— Я увѣряю всѣхъ, какъ ты мнѣ говорилъ, что дѣло не обойдется безъ вѣшней помощи, что намъ нужно только начать...

— Слушай, Милко, сколько у тебя вѣрныхъ людей въ настоящее время?

— Сорокъ лять юнаковъ „отборныхъ“ у меня готовы въ каждый моментъ; я могу ихъ собрать вдругъ по условленному знаку; у двадцати изъ нихъ ружья, правда, старинныя; другіе двадцать лять готовы взяться за первые попавшіеся топоры и дубины.

— А надежны ли они всѣ? преданы ли дѣлу?

— Я могу сказать одно: они меня любятъ и пойдутъ за мной въ огонь и въ воду. Что же до меня, я давно далъ клятву и посвятилъ себя народному дѣлу: „свобода или смерть!“ Братъ Смирновъ, вѣрь мнѣ. Тѣни отца и матери, страданія Болгарскаго народа обязываютъ меня исполнить до конца мою службу. Если мнѣ вѣрено вести дѣло въ нашемъ уѣздѣ, въ нашихъ трехъ селахъ, то будьте спокойны.

— Милко, я знаю что ты добрый малый; если я тебя позвалъ телерь къ себѣ, моя цѣль была сообщить тебѣ нѣкоторыя новости относящіяся къ общему дѣлу. Я получилъ письмо отъ нашего главнаго агитатора; онъ услѣлъ, слава Богу, бѣжать въ Румынію. На съѣздѣ только-что происходившемъ въ Журжевѣ рѣшено отложить возстаніе до весны. Тѣмъ временемъ мы получимъ ружья, патроны и даже лупки... Постарайся завербовать побольше приверженцевъ. Пусть никто не отчаивается что Эски-Загорское дѣло не удалось. Говори всѣмъ что возстаніе подготавливается не въ одномъ Тырновскомъ округѣ. Да и наконецъ укажи всѣмъ на тотъ фактъ что возстанутъ они или нѣтъ, а Турки не на шутку приготавливаются рѣзать населеніе.

— Я сдѣлаю все что отъ меня зависитъ, сказалъ Милко.— Но прежде чѣмъ уйти мнѣ, пожалуста, разкажи мнѣ какъ идетъ герцеговинское возстаніе.

Смирновъ удовлетворилъ любознательность Милко, который слушалъ съ восторгомъ о храбрости и побѣдахъ горсти юнаковъ борящихся противъ турецкихъ полчищъ. Послѣ окончанія этихъ подробностей, Смирновъ подвинулъ скатерть со стола и вынулъ оттуда пачку нумеровъ газеты *Знамя*.

— Вотъ въ этихъ нумерахъ ты найдешь еще нѣкоторыя подробности о дѣлахъ нашихъ братьевъ, сказалъ Смирновъ, подавая пачку Милко.

— Спасибо, спасибо, братъ Смирновъ. Мнѣ можно уйти.

— До свиданія, Милко.

Поборники возстанія распростидись. Милко вернулся въ тотъ же день въ Новое-Село, гдѣ подъ открытымъ небомъ въ глубокой ночи собралъ своихъ товарищей и передалъ имъ обо всемъ слышанномъ имъ въ Тырновѣ.

— Мы будемъ ждать съ нетерпѣніемъ этого времени, кричали всѣ соучастники.

— Ждите и готовьтесь! сказалъ Милко.

Соучастники разошлись по домамъ послѣ того какъ уже заря зарумянилась.

„Зардѣетъ ли эта красавица когда-нибудь надъ свободною Болгаріей?“ спрашивалъ себя Милко, входя въ калитку своего дома.

X.

Долго ль вамъ мирволить янычарамъ?

Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?

А. Пушкинъ.

Слустя недѣлю Младеновъ зашелъ къ Смирнову.

— Неужели Милко вашъ агентъ? спрашивалъ удивленный студентъ.

— Это одинъ изъ тѣхъ нашихъ дѣятелей среди народа какихъ не много; при преданности дѣлу доходящей до фанатизма, онъ отличается честностью и добросовѣстностью. Кроме того, по той или другой причинѣ, какъ я узналъ, народъ его любить.

— Да скажите, пожалуйста, если можно мнѣ знать, какъ вы его нашли?

— Хотите—случайно, а хотите—судьба намъ его указала.

— Но какъ именно?

— Это дѣлая исторія. Впрочемъ я разкажу въ краткихъ словахъ какъ это случилось. Когда меня уполномочили въ прошломъ году изъ Букурешта, я счелъ необходимымъ прежде всего изучить окрестныя села и мѣстечки и познакомиться съ жителями округа. Я началъ посѣщать то одно, то другое село подъ предлогомъ собиранія лѣсенъ, сказокъ, пословицъ и проч. Въ Новомъ-Селѣ, когда я лежалъ въ маленькой комнатѣ сельскаго священника, вдругъ вошелъ ко мнѣ этотъ молодой человекъ и сразу обратилъ на себя мое вниманіе. — „Я пришелъ узнать, вы ли ученый человекъ, собирающій старинныя лѣсни и сказки?“ спрашиваетъ онъ очень застѣнчиво и стыдливо, словно дѣвушка. — „Да, это я,“ отвѣчаю. — „А скажите, прошу васъ, записали ли кырджалийскія лѣсни, о Позванто-оглу?“ и онъ началъ декламировать эти прекрасныя народныя лѣсни, изображающія въ самыхъ яркихъ краскахъ народныя страданія прошлаго времени. Голосъ его дрожалъ; посмотрѣвъ я на него, слезы такъ и катились по лицу. — „Что съ вами?“ спрашиваю. — „Ничего, ничего, вы не смотрите на меня; я такой потерянный человекъ; и самъ не знаю почему у меня такъ много слез.“ — „Да вы можетъ-быть пострадали отъ Турокъ что ли?“ — „Не я первый, не я послѣдній“, отвѣчаетъ онъ, и глубокій вздохъ вырывается изъ его груди. Я началъ его расспрашивать дальше и узналъ всѣ подробности его несчастной жизни. „Успокойтесь, говорю, скоро настанетъ конецъ вашимъ несчастіямъ. „Конецъ!“ повторилъ онъ и покачалъ головою. — „Да, этотъ конецъ близокъ, если вы желаете, т.-е. если желаетъ Болгарскій народъ?“ — „Да вы мнѣ скажите какъ можетъ настать этотъ конецъ, и я вамъ буду вѣчно благодаренъ.“ Тогда я послѣдшилъ разказать ему нѣсколько подробностей по исторіи Сербовъ, ихъ освобожденія, объяснилъ ему почему попытки и маленькія возстанія у насъ не имѣютъ серьезнаго успѣха и далъ ему дѣять книжечку *Четосанія*. Не давая ему никакихъ свидѣній по дѣлу приготовленія, я распростался съ нимъ. Черезъ нѣсколько недѣль я опять зашелъ въ Новое-Село. Первый узнавшій о моемъ прибытіи и явившійся ко мнѣ былъ Милко. Опять сталъ онъ меня расспрашивать объ томъ и

о другомъ. Изъ всего наконецъ я замѣтилъ что ему, и только ему одному, на первыхъ порахъ можно повѣрить тайну о приготовленіи къ возстанію. Предъ пкою Слсителя и надъ Евангеліемъ Милко далъ клятву что будетъ по жизнь вѣрнымъ служителемъ нашему лозунгу: „свобода или смерть“. Милко, правда, немного наивенъ, и у него мягкосердечный и искренный характеръ, но за то, какъ уже я сказалъ, онъ отличается другими драгоценными качествами. Онъ любитъ страстно, до фанатизма, дѣло за которое взялся и никогда не измѣнитъ ему. Я его довольно испыталъ. Это такой „туркомразъ“ (туркофобъ) какихъ немного среди нашихъ патріотовъ; этотъ человекъ готовъ броситься съ десятью товарищами противъ тысячной толпы чалмоносцевъ.

— А много ли у васъ такихъ преданныхъ людей? спросилъ Младеновъ.

— Положимъ число ихъ не велико; но бѣда не въ томъ; они кромѣ преданности дѣлу должны имѣть еще другое качество: они должны быть любимы народомъ. Это необходимо, безъ этого вся преданность ничего не стоитъ.

— Итакъ возстаніе дѣло рѣшенное?

— Не сегодня—завтра. Иначе мы никогда не можемъ освободиться отъ Турокъ.

— И самъ нашъ народъ возстанетъ, самъ и освободится, полагаете вы?

— Сербія первая приметъ участіе. Какъ только начнется у васъ дѣло, ея войско перейдетъ границы.... Есть кромѣ того надежды что Черногорія, пожалуй и Греція вмѣшаются.

— Это во всякомъ случаѣ предположенія. Я, видите ли, самъ не знаю положенія нашего народа и насколько онъ въ состояніи поддержать возстаніе. Но какъ могу судить по отзывамъ нѣкоторыхъ весьма образованныхъ Болгаръ и константинопольскихъ нашихъ газетъ, это дѣло не по нашимъ силамъ.

— А что прикажете дѣлать? Каково мнѣніе вашихъ весьма образованныхъ? спросилъ Смирновъ съ горько-проническою улыбкой.

— Да кажется тутъ не остается больше ничего дѣлать, какъ ждать, образовывать народъ, распространять ученіе между населеніемъ; потому дѣло его политическаго освобожденія пойдетъ гораздо легче.

— Видите ли, Младеновъ, этотъ вопросъ очень спорный и трудноразрѣшимый.

— Каждому извѣстно что освобожденіе отъ тьмы, отъ невѣжества есть и освобожденіе отъ рабства.

— О, вѣтъ! Когда дѣло идетъ о политическомъ освобожденіи одного народа поработеннаго другимъ—тутъ образованіе не при чемъ; тутъ вся суть въ силѣ: кто сильнѣе тотъ и властвуетъ. По меньшей мѣрѣ такъ говорить намъ исторія и хотя бы для примѣра я могу вамъ указать на Чеховъ и Хорватовъ, которые не хуже Нѣмцевъ и Мадьяръ. Однако Чехи и Хорваты поработены Швабами и долго будутъ находиться въ ихъ зависимости.

— Но Чехи и Хорваты, замѣтите, находятся въ совершенно другихъ условіяхъ политической жизни....

— Вы имъ завидуете?

— Ну, какъ хотите, Смирновъ; я буду очень радъ когда увижу ваши труды увѣнчанными успѣхомъ, когда увижу Болгарію освобожденною болгарскими толпами да деревянными пушками; покаместъ же позвольте мнѣ думать что вы затѣяли непосильное дѣло.

— Толпы и деревянные пушки начнутъ это дѣло, а шасло и митральезы докончатъ его, отвѣтилъ скороговоркой Смирновъ.

— Дай Богъ, говорилъ Младеновъ, прощаясь съ хозяиномъ.

XI.

Черезъ нѣсколько недѣль, именно въ началѣ сентября, довольно грязенькій фаятовъ выѣхалъ изъ Тырнова, провожаемый до самаго конца города не многочисленною группой Болгаръ и Болгарокъ. Младеновъ слѣшилъ возвратиться въ Вѣну къ своимъ оставленнымъ университетскимъ занятіямъ; онъ отправился прямо въ Руцукъ, откуда долженъ былъ на пароходѣ ѣхать въ столицу Австріи.

Родственники и знакомые провожали молодого человѣка и валутствовали его всевозможными пожеланіями. Въ концѣ города фаятовъ остановился; отецъ и мать благословили своего сына: „да кончай какъ-нибудь скорѣе и пріѣзжай навсегда утѣшать насъ“, говорила мать; „учись хорошо!“ совѣтовалъ отецъ. Сестры Младенова плакали и улыбались сквозь слезы; старшая старалась постоянно подправлять букетъ изъ

гвоздики и „здравецъ“* вѣтвѣ въ летицу сѣренькаго ладжака брата.

Общая своихъ знакомыхъ и товарищей, Младеновъ въ послѣдній разъ просилъ ихъ чтобъ ему писали постоянно обо всемъ. Еще разъ,—это былъ десятый,—его крѣпко обняла мать и, заливаясь слезами, просила сына: „писать почаще“.

Двойка помчалась по Тырновско-Руссукскому шоссе; молодой человекъ окинулъ еще разъ прощальнымъ взоромъ Тырново, окрестности, провожавшую его группу близкихъ людей...

Мысль за мыслью началъ толпиться въ его головѣ; онъ воображалъ себѣ прежде всего какъ доѣдетъ въ столицу, затѣмъ какъ встрѣтится съ близкими товарищами, какъ будетъ заниматься; ему были очень дороги стѣны университета; скорѣе туда, туда! Затѣмъ онъ вдругъ перешелъ на другую тему: вотъ тырновскій агитаторъ, Смирновъ, его разговоръ, споръ съ нимъ; фраза: „топоры и деревянные пушки начнутъ дѣло, а шашлы и митральезы его докончатъ“—такъ и не выходила изъ его ума. „А можетъ-быть, думалъ Младеновъ, дѣло въ самомъ дѣлѣ приметъ серьезный оборотъ; если правда что Сербія приметъ немедленно участіе въ этомъ дѣлѣ, что Греція и Черногорія тоже не прочь вмѣшаться,—почему и не быть услѣху“. Но вдругъ онъ вспомнилъ разговоръ съ учителями въ Тырновѣ, Габровѣ; большинство было противъ агитаціи; думало не слѣдить, а приготовляться постепенно, долго и прежде всего образовать народъ, открыть ему глаза. „Да, безъ образованія ни шагу“, заключилъ Младеновъ.

Слушая шесть дней нашъ студентъ-Болгаринъ уже слушалъ лекціи профессоровъ Вѣнскаго университета.

---

* Здравецъ—постоянно зеленый цвѣтъ похожій на гераниумъ. Изъ него приготовляютъ букеты для здоровья и счастья.

XII.

Совершены преступленія и злодѣйство въ такихъ громаднѣхъ размѣрахъ, которымъ примѣра нѣтъ въ новой исторіи,—и столь невыразимо гнусныя и свирѣпыя что сердце отказывается представить, языкъ и перо не въ силахъ описать ихъ въ подлинномъ видѣ. Вотъ что такое болгарскіе ужасы.

Гладстонъ.*

Не мое дѣло разказывать событія 1876 года въ сѣверной и южной Болгаріи. Наломлю только что турецкія жестокости не прекращались въ теченіе всей зимы; ожидали поголовной рѣзни. Фанатизмъ Турокъ росъ все болѣе и болѣе. Болгарское населеніе въ виду своего невыносимаго положенія тщетно обращалось со своими прошеніями къ центральному правительству, къ Высокой Портѣ.

Агитаторы не слали. Тихомолкомъ дѣлали они свое дѣло. Въ послѣдствіи писали будто за ними крылись какіе-то панславистскіе комитеты. Не можетъ быть жи нагаѣ этой! Если какіе-нибудь Эллиоты и Беконсфильды повтораля зады мидхатовскаго ученія, то они имѣли свою дѣль. Возстаніе было подготовлено извнѣ въ томъ только смыслѣ что главная квартира молодыхъ Болгаръ-агитаторовъ была въ Румыніи.

Агитаторы переписывались между собою; они жили подъ чужими именами въ городахъ. Георгій Хлытовъ, главный агитаторъ Средне-горскаго округа, носилъ псевдонимъ Бенковскаго; Семерджіевъ, одинъ изъ агитаторовъ Тырновскаго округа, извѣстенъ былъ подъ псевдонимомъ Панова. Почтальонами служили преданные люди, дѣвушки и женщины перемѣнявшіяся въ разные костюмы. Рѣшеніе одного окружнаго сѣзда было передаваемо немедленно главнымъ агитаторамъ всѣхъ сѣздовъ. Наконецъ по общему согласію возстаніе было назначено на 18 мая 1876 года.

Но измѣна съ одной стороны и турецкіе сборщики податей съ другой заставили главнаго агитатора въ Среднегорьѣ Бенковскаго поднять знамя возстанія мѣсяцемъ раньше....

* См. Гладстона, брошюра: *Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ*, С.-Пб., 1876 г., стр. 5.

Младеновъ слѣдилъ за событіями на Балканскомъ полуостровѣ по газетамъ. Въ одно прекрасное утро онъ прочелъ депешу изъ Константинополя въ которой говорилось что въ Татаръ-Базарджикскомъ округѣ народъ возсталъ.

Исполнены самымъ мучительнымъ томленіемъ для Младенова были дни конца апрѣля и всего мая. Телеграфъ приносилъ рѣдко извѣстія; да и они были исключительно изъ турецкаго источника. Изъ этихъ отрывочныхъ сообщеній онъ узналъ что возстаніе вспыхнуло прежде всего въ Панагюриштѣ и Копривщицѣ, что возставшіе имѣли предводителемъ какого-то Банковскаго *, что у нихъ хорошее оружіе, много аммуниціи и деревянные пушки, и поэтому турецкое войско сразившееся съ ними понесло значительныя потери, Филипполоду будто бы угрожала опасность; инсургенты проникли до самаго Адрианополя и пробовали зажечь турецкій кварталъ; сношенія между Константинополемъ и возставшими мѣстностями были прерваны; инсургенты перерѣзали телеграфныя проволоки, полортели рельсы и заняли укрѣпленныя позиціи въ Балканахъ; ни изъ Софіи, ни изъ Адрианополя не могли выступить противъ нихъ турецкія войска. Но подробностей никакихъ не было; гдѣ сражались инсургенты съ Турками, да и сражались ли они въ самомъ дѣлѣ; какія именно мѣстности занимали инсургенты, каково ихъ число,—обо всемъ этомъ были не многія краткія свѣдѣнія, но настолько противорѣчивыя что имъ вѣрить никто не рѣшался.

Но къ концу мая дѣло выяснилось; вмѣсто возстанія въ Татаръ-Базарджикскомъ округѣ оказались такія свирѣлости и рѣзня какихъ не помнилъ Балканскій полуостровъ съ давнихъ временъ. „Я былъ правъ, подумалъ Младеновъ; вотъ слѣдствія необдуманнаго возстанія!“ Но онъ еще не зналъ ничего о томъ что произошло въ Тырновскомъ округѣ. Давно онъ не получалъ писемъ отъ родныхъ, отъ товарищей. Наконецъ почтальйонъ сразу принесъ ему цѣлую пачку. Ему писали изъ Букурешта товарищи и учителя услѣвшіе бѣжать изъ Тырнова.

* Банковскій, какъ писалось въ газетахъ, а вѣрнѣе Бенковскій есть псевдонимъ Георгія Хамтова, агитатора Среднегорскаго округа. Бенковскій родомъ изъ Копривщицы, раньше жилъ въ Букурештѣ и занимался хлѣбопеченіемъ; онъ былъ малограмотенъ, но рѣшителенъ, смѣлъ и страшный патриотъ. Онъ палъ въ сраженіи противъ Турокъ.

Въ одномъ, самомъ длинномъ писалось слѣдующее:

„Длинная исторія, писалъ товарищъ, будетъ разказывать тебѣ, дорогой другъ, все что мы пережили съ тѣхъ поръ какъ ты оставилъ насъ. Турки съ каждымъ днемъ дѣлались свирѣпѣе. Начальники пяти инсургентскихъ округовъ рѣшили дать сигналъ возстанія и начать дѣло 18 мая. Къ этому времени и Сербія, увѣряли, объявить Турціи войну.

„Къ 18 апрѣля въ Пампгюрштѣ заговорщики были извѣщены что ихъ предали турецкимъ властямъ. Но Бенковскій или Георгій Хлытовъ собралъ приверженцевъ и послѣ торжественнаго благословенія двумя священниками прива-дился за дѣло....

„Но скоро изъ Стамбула прибыла масса войскъ, изъ окрестностей собрались полчища вооруженныхъ и ожидающихъ этого момента башки-бузуковъ, и началась кровавая, ужасная расправа во всѣхъ селахъ и деревняхъ, участвовавшихъ или неучаствовавшихъ въ возстаніи—все равно. Забалканскій край разрушенъ, десятки тысячъ народа зарѣзаны; не было пощады ни полу, ни возрасту; всѣ поразительныя описанія, всѣ картины объ ужасахъ кирджалиевъ и дедебашиевъ * блѣднѣютъ въ виду новыхъ звѣрствъ турецкихъ „бабичтовъ“; я увѣренъ что въ исторіи нѣтъ примѣра подобныхъ преступленій и злодѣйствъ.

„У насъ возстаніе также не удалось. Вѣрнѣе говоря, оно приняло такой характеръ что, слава Богу, Тырновскій край, да и вообще весь край Дунайской Болгаріи, не пострадалъ такъ много. Вотъ именно что произошло. Изъ окрестныхъ селъ Тырнова инсургенты собрались въ Дрѣнновскомъ монастырѣ; надъ ними начальствовалъ безстрашный Христо Карамиковъ; помощникомъ же его былъ полкъ Харитонъ. Инсургентовъ въ монастырѣ было около 400 человекъ.

„Фазылъ-паша тырновскій, извѣстный своею свирѣпостью, осадилъ монастырь регулярнымъ войскомъ и башки-бузуками. Къ нему со всѣхъ сторонъ собирались фанатизованные Турки. Осада длилась чуть ли не двѣ недѣли. Наконецъ разъяренный Фазылъ рѣшилъ отмстить сразу за упорство гау-

---

* Кирджали и дедебаша были дикія орды Арнаутовъ, башки-бузуковъ и прочихъ турецкихъ злодѣевъ, которые въ началѣ нынѣшняго столѣтія опустошали и сжигали нѣкоторые города на всемъ протяженіи Болгаріи.

рамъ, ему стало стыдно смотрѣть какъ дѣлаю недѣлю, подобно колосьямъ подъ косою, ладали турецкіе чалмоносцы; Фазылъ приказалъ начать такую бомбардировку противъ монастыря что каждый подумалъ бы что дѣло идетъ о взятіи какой-нибудь большой крѣпости въ родѣ Виддина или Шумлы. Наконецъ, бомбы сдѣлали свое дѣло: сотни дѣвъ нашихъ лади жертвами огня извергаемаго ужасною желѣзною машиной. Самымъ чудеснымъ образомъ, хранимые Божіею дѣвицею, остальные успѣли бѣжать и разойтись въ разные стороны. По собраннымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ оказалось что тутъ лади Христо Доновъ, одинъ изъ предвѣйшихъ дѣлу апостоловъ, юнкеръ Пармаковъ, тотъ самый Болгаринъ котораго Ботювъ привезъ изъ Одессы въ Гюргево и который былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ защитниковъ Дръновскаго монастыря.“

Въ другомъ письмѣ Младеновъ прочелъ не безъ потрясенія описаніе какъ вѣшали Смирнова, Семурджиева и другихъ главныхъ дѣятелей агитаціи заблаговременно захваченныхъ Турками. Дальше узналъ о разореніи Новаго-Села Шефкетомъ. Наконецъ прочелъ въ post-scriptum одного письма: „Родители твои и сестры здоровы; кланяются тебѣ.“

Младеновъ погрузился въ глубокое раздумье послѣ прочтенія этихъ писемъ.

Скоро началась и сербская война. Множество болгарскихъ студентовъ и другихъ учащихся бросили свои занятія и уѣхали въ Сербію съ убѣжденіемъ что можно наконецъ отмстить Туркамъ за совершенныя свирѣлости. Младенову оставался еще годъ до окончанія курса. Долго думалъ онъ какъ тутъ быть; наконецъ рѣшилъ не вѣхать. „Волевымъ, разсуждалъ онъ, я драться не умѣю, средо не держалъ ружья и въ лагерѣ ратующихъ буду лишнимъ ртомъ, лишнею обузой; вовторыхъ, только годъ остается;—почему не кончить и ужъ тогда совсѣмъ вѣхать.“ Образованные люди будутъ необходимы для отечества и послѣ освобожденія.

XIV.

Онъ живъ, Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ,
И слово „Царь-Освободитель“
За русскій выступитъ предѣлъ.

Тютчевъ.

Прошелъ почти годъ послѣ „болгарскихъ ужасовъ“. Именно въ 1877 году, въ июль мѣсяцъ, по пути изъ Свиштова въ Тырново въ старомъ, полуизломанномъ фаetonѣ ѣхалъ молодой человѣкъ. Война Русскихъ съ Турками была въ полномъ разгарѣ; по дорогѣ онъ встрѣчалъ или догонялъ только строны войскъ, безконечныя подводы съ провiantомъ и аммуницiей и верховыхъ поставщиковъ.

Да и не только это были живые знаки войны; направо и налево отъ дорога молодой человѣкъ не могъ не замѣтить полуразрушенныя деревня, еще дымящихся домиковъ и избушекъ; въ добавокъ же ужасная вонь отъ разложенiя труповъ не глубоко зарытыхъ или же вовсе незарытыхъ.

Все это произвело глубокое впечатлѣнiе на молодого путешественника; онъ думалъ о томъ какъ дорого искупается освобожденiе его народа. Онъ спрашивалъ себя: нельзя ли было какъ-нибудь иначе, безъ кровопролитiя, безъ разоренiя достигнуть той же великой цѣли? Встрѣчая по временамъ русскихъ солдатъ идущихъ въ одиночку или же вдвоемъ и втроемъ, онъ хотѣлъ остановить ихъ и разспросить кое о чемъ. Но онъ не зналъ русскаго языка, не зналъ какъ спросить. Ему стало жаль и стыдно самого себя.

„Вотъ положенiе, началъ думать онъ: наконецъ кончилъ курсъ университетскаго ученiя, еще же философъ, отправляюсь на родину освобождаемую Русскими, и не могу промолвить двухъ словъ по-русски; не могу хоть поздороваться съ вами, поблагодарить ихъ.“

Онъ сталъ сожалѣть о томъ что не поѣхалъ учиться въ Россiю, не кончилъ курса въ русскомъ университетѣ. Но это было невозможно во время турецкаго владычества; русскiе воспитанники или не могли возвращаться въ Болгарiю и слѣдовательно были чуть не безполезными для родины, или же, если возвращались, были подвергаемы постояннымъ преслѣдованiямъ.

Но вотъ и Тырново; вотъ этотъ городъ имѣющій для Младенова не одно только историческое значеніе, не одно только обаяніе старинной столицы послѣднихъ царей Болгарскаго государства. Здѣсь, въ Тырновъ, онъ родился; здѣсь онъ получилъ первое домашнее и школьное воспитаніе; здѣсь и по нынѣ живутъ его родители, сестры, товарищи и сосѣди, всѣ ожидающіе его, такъ близкіе его сердцу. Кого онъ увидитъ, кого нѣтъ; мало ли кто можетъ-быть пострадать, погибнуть съ того времени какъ онъ оставилъ послѣдній разъ Болгарію, Тырново. И забилось его молодое сердце, такъ сильно забилось что онъ не могъ удержать своихъ слезъ...

Ему представилось вдругъ и то мѣсто гдѣ два года тому назадъ происходила картина его проводовъ изъ Тырнова; онъ словно видѣлъ печальную фигуру отца, рыданія крѣпко обнимающей его матери и слезы молодыхъ своихъ сестеръ. Словъ отца: „учись хорошо“ и послѣднее, самое задушевное желаніе матери: „лиши почаще и пріѣзжай скорѣе“—звучали въ его ушахъ. Затѣмъ... затѣмъ цѣлый рядъ другихъ воспоминаній. Вотъ и фигура Смирнова говорящая: „топоры и деревянныя лѣшки начнутъ дѣло, а шашло и митральезы его докончатъ.“ „Это чуть не пророчество, думалъ Младеновъ; значить я не былъ правъ; эти люди что-нибудь да сдѣлали для освобожденія Болгаръ.“

Въ это время фаятонъ вѣхалъ въ Тырново, теперь не тотъ спящій турецкій городъ гдѣ чаалмы и фески были видны на каждомъ шагу. Городъ былъ оживленъ: масса народа,—жителей, солдатъ, офицеровъ сновали взадъ и впередъ; только улицы еще весьма тѣсныя и грязныя напоминали турецкіе нравы, времена которыя уже принадлежали прошлому, исторіи.

Младенова поздравляли съ пріѣздомъ всѣ встрѣчавшіе его по улицамъ; изъ открытыхъ лавокъ тоже доносилось громкое: „добрѣ дошелъ!“ Но кто тамъ на скамеечкѣ? Неужели это Колю?

Знакомые поздоровались. Любопытство сжигало Младенова: онъ непремѣнно хотѣлъ сейчасъ же узнать что сдѣлалось съ Милко.

Здоровый, румяный и веселый приблизился Колю къ фаятону. Онъ вовсе не измѣнился; прежде всего Колю выразилъ въ краткихъ словахъ свою радость о томъ что Русскіе пріѣ-

халл освободить Болгарію, но ему что-то не вѣрилось. Пожалуй, Турки опять прѣйдутъ и опять начнется старая исторія. Впрочемъ Колю чуть ли не все равно; у него на головѣ теперь болгарская шапка, но на всякій случай онъ носитъ въ карманѣ и турецкую феску. Ему всегда хорошо; война ему принесла большія выгоды: онъ продалъ очень дорого и своихъ овецъ, и вино, и хлѣбъ, и сѣно только-что собранное. „У Русскихъ пропасть полуимперіаловъ,—вотъ что лучше всего!“ говорилъ болгарскій чорбаджи.

— А Милко? спросилъ Младеновъ,—какъ онъ теперь проживаетъ?

— Милко! Какъ онъ проживаетъ! заговорилъ Колю съ какою-то не то скорбною, не то радостною улыбкой;—ему вѣчная память. Онъ отправился къ своимъ Шипшанамъ.

— Умеръ! Какъ?

— Да какъ умираютъ чудаки; я вамъ говорилъ. Одни увѣряютъ что со своею друживой молодыхъ людей изъ нашихъ селъ онъ успѣлъ бѣжать изъ Дрѣнговскаго монастыря, но за ними шла сильная „пѣтеря.“* Онъ поэтому распустилъ своихъ товарищей, а самъ, чтобы не попасть живымъ въ руки Турокъ, бросился съ „Дѣвичьей скалы“. Другіе разказываютъ что онъ палъ въ самомъ монастырѣ во время бомбардировки его.

— Итакъ... но Младеновъ не звалъ что продолжать, ему стало жаль несчастнаго Милко, да и дальше оставаться на улицѣ было неловко.

— Итакъ, господине, закончилъ Колю,—теперь сестры и братья Милко чуть ли не помираютъ съ голода....

С. БОБЧЕВЪ.

* Пѣтеря—партія вооруженныхъ людей.

ГЕРЦОГЪ СЕНЬ-СИМОНЪ И ЕГО МЕМУАРЫ

Хотя Франція въ теченіе цѣлаго столѣтія переживала непрерывный рядъ радикальныхъ переворотовъ, есть однако звѣтныя области, относительно которыхъ смѣнявшіяся одно за другимъ правительства этой страны строго держались неизмѣнныхъ преданій. Такъ между прочимъ они не совсѣмъ охотно допускали ученыхъ къ сокровищамъ государственныхъ архивовъ. Нельзя конечно не одобрить этого правила когда дѣло идетъ о документахъ имѣющихъ какое-либо отношеніе къ современной политикѣ; повѣстно также что и помимо этого условія нѣкоторые изъ нихъ принадлежащіе къ болѣе или менѣе давнему прошлому признаются не совсѣмъ удобными для обнародованія. Намъ кажется только что съ этой точки зрѣнія именно Франція находится въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ чѣмъ остальные государства. Революція служитъ такою рѣзкою гранью въ ея исторіи что едва ли есть серьезный интересъ соблюдать тайну относительно событій предшествовавшихъ 1789 году. Какая связь, напримѣръ, между внѣшнею политикою Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи и тою которой слѣдовали Лудовикъ XV или Лудовикъ XVII? А что касается внутренняго состоянія страны, то послѣ того какъ былъ обезглавленъ старый порядокъ вещей, послѣ столькихъ стараній приучить общество къ тому чтобы вос-

поминаніе о немъ сопровождалось проклятіями, что еще можетъ быть такого предъ чѣмъ должна останавливаться любознательность изслѣдователя? Тѣмъ не менѣе часто приходится слышать что доступъ къ государственнымъ архивамъ во Франціи и до настоящаго времени былъ сопряженъ съ большими трудностями.

Не трудно повѣрить этому, ознакомившись съ судьбою бумагъ оставшихся послѣ герцога Сенъ-Симона, автора знаменитыхъ мемуаровъ. Исторія ихъ весьма подробно изложена въ любопытной книгѣ Армана Баме: *La duc de Saint-Simon, son cabinet et l'histoire de ses manuscrits*. Герцогъ умеръ въ въ 1755 году: тотчасъ же наследники олепчатали всѣ его рукописи находившіяся какъ въ парижскомъ его домѣ, такъ и въ замкѣ Ferté-Vidame и рукописи эти оставались въ ихъ обладаніи около четырехъ лѣтъ. Затѣмъ стали распространяться слухи что онѣ содержатъ много такого что компрометируетъ и дворъ, и нѣкоторыя знатныя фамиліи, вслѣдствіе чего Лудовикъ XV приказалъ перенести эти документы въ государственный архивъ. Лишь немногія лица успѣли ознакомиться, и то отчасти, съ ихъ содержаніемъ. Дюкло и Мармонтель пользовались ими для исторіи регентства; гжа Дюдефанъ читала отрывки изъ нихъ, о которыхъ она упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Горасу Вальолою: „Мемуары Сенъ-Симона доставили бы вамъ безконечное несказанное удовольствіе; вы были бы вѣкъ себя отъ восторга.“ Вольтеръ зналъ о нихъ только по наслышкѣ, — впрочемъ еслибы даже они находились въ его рукахъ, едва ли бы послужили они матеріаломъ для его *Histoire du siècle de Louis XIV*, ибо онъ приступалъ къ своей задачѣ съ готовыми воззрѣніями, хотѣлъ нарисовать картину въ которой не было бы вовсе темныхъ красокъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ его отзыва о депешахъ Шампильяра: „Я остерегся извлечь изъ нихъ что-нибудь, заботясь главнымъ образомъ о томъ что должно служить ко славіи моей націи, а не стараясь высказывать неприятныя истины.“ То немногое что было извѣстно публикѣ о мемуарахъ Сенъ-Симона сильно раздражало ея любопытство, но въ теченіе долгаго времени не было никакой возможности извлечь ихъ изъ-подъ слуда. Уже при реставраціи, а именно въ 1819 году, одинъ изъ потомковъ герцога, генералъ маркизъ Сенъ-

Симонъ рѣшился обратиться лично къ королю Людовику XVIII. „Государь, сказалъ онъ ему, я осмѣливаюсь ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ объ освобожденіи узника изъ Бастиліи.“— „Вы шутите, маркизъ?“ спросилъ король.— „Относительно Бастиліи конечно это шутка, но же относительно мемуаровъ моего предка, которые были арестованы въ 1760 году и еще до сихъ поръ томатся подъ сводами архива министерства иностранныхъ дѣлъ.“ Людовикъ XVIII немедленно распорядился о томъ чтобы мемуары были выданы законнымъ наследникамъ ихъ автора. Первое полное изданіе ихъ появилось въ 1829 году, а за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ, изъ коихъ лучшимъ считалось то редакціей коего занимался извѣстный ученый г. Шеруредъ.

Но министерство иностранныхъ дѣлъ подѣлилось лишь частью сокровищъ хранящихся въ его архивѣ. Герцогъ Севъ-Симонъ отличался необычайною плодовитостью; оставшіяся послѣ него бумаги наполняли 177 портфелей; тутъ, какъ продолжительно было извѣстно, находилась обширная его корреспонденція, различные историческіе его очерки, подробныя записки въ которыхъ онъ излагаетъ политическіе свои планы, копія съ депешъ писанныхъ имъ во время его посольства въ Испанію, бѣглыя замѣтки и т. п. Куда же дѣвалось все это? Министерство иностранныхъ дѣлъ, выдавъ мемуары, утверждало что у него нѣтъ ничего другаго. Но вполне достовернымъ свидѣніемъ было однако основаніе предполагать совершенно противное, но Французское правительство продолжало отвѣчать упорнымъ отказомъ на всѣ попытки сдѣлать необходимыя разысканія.

Если въ настоящее время старанія ученыхъ и любителей литературы должны, кажется, увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, то поводомъ къ этому послужили два обстоятельства: во-первыхъ, упомянутая выше книга Армана Батте, которая снова обратила вниманіе публики на литературное наследіе герцога Севъ-Симона, а во вторыхъ, новое изданіе его сочиненій, первые два тома коего появились въ концѣ прошлаго года. Вошло оно въ превосходную коллекцію предпринятую книгопродавческою фирмой Гашетта, подъ заглавіемъ: *Les grands écrivains de la France*. Изданіе, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ извѣстному знатоку XVII вѣка г. Буаляну и встрѣчено было самыми горячими похвалами со стороны французской критики. Должно оно заключать отъ

30 до 40 томовъ большаго формата и потребуется вѣроятно не мало времени для того чтобы довести его до конца, но если и дальнѣйшіе его томы будутъ отличаться такими же достоинствами какъ два первые, то оно удовлетворитъ самымъ строгимъ требованіямъ. Еще въ 1857 году Монталемберъ въ статьѣ своей появившейся въ журналѣ *Correspondant* начерталъ подробную программу того какъ слѣдовало бы издать Сень-Симона. „Знаменитый авторъ мемуаровъ, говорилъ онъ между прочимъ, отличается прямою, искренностью, честностью, но не всегда имѣетъ онъ вѣрныя свѣдѣнія, а еще чаще грѣшитъ недостаткомъ безпристрастія. Довѣрчивость его въ некоторыхъ случаяхъ доходитъ до крайности; непреодолимая ненависть его къ лорку, лицемѣрю, явности неоднократно осѣпляла его. Нужно слѣдовательно со строгою и внимательною повѣркой относиться къ высказываемымъ имъ мнѣніямъ. Все болѣе возрастающая его популярность побуждаетъ друзей исторической истины заботиться о томъ чтобы сужденія его не служили для большинства читателей чѣмъ-то въ родѣ Евангелія. Публика будетъ читать его мемуары не менѣе прележно чѣмъ письма гжи Севилье. Она будетъ знать наизусть мѣткія его выраженія, начертанные имъ портреты и картины. Особенно молодежи, влчтавшись этимъ ослѣпляющимъ чтеніемъ, можетъ вообразить что она какъ вельза болѣе основательно знакома съ вѣкомъ Лудовика XIV. Необходимо слѣдовательно какъ можно скорѣе предохранить добросовѣстныхъ читателей и отъ фактическихъ невѣрностей, и отъ невѣрныхъ сужденій которыми изобилуетъ Сень-Симонъ. Нужно чтобы въ концѣ каждой страницы находилася комментарий, къ которому могъ бы обращаться читатель не имѣющій времени повѣрять всѣ показанія страстнаго лѣтописца; нужно поставить Сень-Симона лицомъ къ лицу съ его современниками, съ официальными документами, съ разказами другихъ авторовъ и съ очевидцами описываемыхъ ими событій. *Audiatur et altera pars*. Не слѣдуетъ конечно приводить цѣлкомъ все что служитъ опроверженіемъ его словъ, но необходимо по крайней мѣрѣ предостеречь, указать, направить на путь. Я убѣжденъ что ни слава, ни правдивость Сень-Симона нисколько не пострадаютъ отъ этого потому что онъ выдержитъ подобную критику услѣшавше чѣмъ любой изъ современныхъ историковъ, но пусть же не воображаютъ что онъ безупреченъ и не приписываютъ ему незаконную

непогрѣшимость.“ Монталамберъ считалъ необходимымъ чтобы кромѣ этого историческаго комментарія присоединены были обстоятельныя свѣдѣнія о различныхъ подробностяхъ этикета и современныхъ нравовъ, объ отеляхъ и замкахъ упоминаемыхъ Сень-Симономъ, а также филологическія замѣтки, необходимыя потому что многія слова и даже цѣлыя его выраженія не совсѣмъ понятны для теперешней публики. Все это исполнено г. Буаллемъ. Знатоки дѣла говорятъ что онъ какъ нельзя лучше приготовленъ къ предпріятому имъ труду и нельзя не повѣрить этому просмотрѣвъ длинный перечень тѣхъ печатныхъ и рукописныхъ историковъ, которыми онъ пользовался и которые перечислены въ его предисловіи.

Очень понятно что какъ скоро приступлено было къ изданію Сень-Симона въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ знаменіемъ дѣла, то явилась мысль о необходимости принять всѣ мѣры для того чтобы облегчить его. Слова возникъ вопросъ о возобновленіи бумажъ Сень-Симона. Кромѣ того что это должно придать изданію желаемую полноту, многія изъ означенныхъ бумажъ чрезвычайно важны и для надлежащей оцѣнки уже извѣстныхъ публикъ мемуаровъ знаменитаго автора. Шерюэль въ превосходномъ сочиненіи своемъ посвященномъ Сень-Симону * говоритъ что было бы особенно любопытно имѣть обширную его корреспонденцію, ибо она дала бы возможность прослѣдить такъ ли судилъ онъ о людяхъ и событіяхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ минуты какъ онъ сдѣлалъ это въ послѣдствіи въ своихъ запискахъ, другими словами, повѣрить Сень-Симона имъ самимъ. Корреспонденція эта цѣла, она хранится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и историкъ Лемонтъ видѣлъ ее тамъ. На этотъ разъ г. Фрейсине, глава теперешняго французскаго министерства, рѣшился отступить отъ правила котораго держались его предшественники и назначенная имъ коммиссія уже начала разысканія въ архивѣ. Она успѣла кажется собрать все что осталось послѣ Сень-Симона. По слухамъ, многое въ этомъ обильномъ матеріалѣ отличается высокими достоинствами,—между прочимъ обширный трактатъ подъ заглавіемъ „*Parallele des trois premiers rois Bourbons*“, который уже и изданъ недавно г. Фёжеромъ. Сень-Симонъ написалъ его не

* *Saint-Simon considéré comme historien de Louis XIV.*

за долго до своей смерти, въ 1746 году, когда уже окончены были его мемуары, и придавалъ ему особенную важность, ибо оно служить, такъ сказать, политическою его исповѣдью.*

Едва ли ошибемся мы предположивъ что значительная часть нашей образованной публики знаетъ герцога Сень-Симона лишь по наиболее любопытнымъ отрывкамъ изъ него, что только весьма немногіе читали его мемуары отъ начала до конца и на столько внимательно чтобы составить о немъ вѣрное понятіе. Между тѣмъ онъ представляетъ въ высшей степени оригинальное явленіе. Вотъ почему въ настоящее время, когда такъ сильно возбужденъ интересъ къ Сень-Симону, мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей въ краткомъ очеркѣ съ этою интересною личностью.

I.

Герцогъ Сень - Симонъ былъ убѣжденъ что его родъ принадлежалъ къ числу самыхъ древнихъ и знатныхъ во Франціи. Предки его носили фамилію Рувруа, но въ XIV столѣтіи одиъ изъ нихъ вступилъ въ бракъ съ наслѣдницею помѣстья Сень-Симонъ въ графствѣ Вермавдуа, которая будто бы имѣла право вести свое происхожденіе отъ Карла Великаго. Съ этихъ поръ они присвоили себѣ двойную фамилію Рувруа-Сень-Симонъ, а чаще всего пользовались послѣднею изъ нихъ, какъ наиболее славною. Тщательныя изслѣдованія обнаружили всю несостоятельность подобныхъ притязаній. И Рувруа, и Сень-Симоны принадлежали одинаково къ старинному дворянству, но ничѣмъ не выдѣлявшемуся изъ среды этого сословія; впервые заговорилъ объ ихъ знатности Жанъ Тилье, который въ 1560 году составилъ генеалогическую таблицу различныхъ дворянскихъ фамилій во Франціи,—таблицу, въ которой, какъ и слѣдовало ожидать при тогдашнемъ состояніи исторической науки, слишкомъ много отведено было мѣста фантазіи. Долгое время Сень-Симоны и не думали впрочемъ опираться

---

* Кроме этого сочиненія Сень-Симона появляются теперь мало-помалу и другія, совершенно неизвѣстныя публикѣ. Г. Дрюмонъ (Druumont) издалъ письма и денешу относящіяся къ его посольству въ Испанію; въ *Revue des questions historiques* помѣщена его характеристика герцога Бургонскаго.

на этотъ авторитетъ, ибо не обладали матеріальными средствами достаточными для того чтобы соперничать съ высшими своими тогдашней аристократіи. Если вдругъ заняли они видное положеніе при дворѣ и достигли такихъ почестей о которыхъ не дерзали и мечтать, въ прежнее время, то обязаны были этимъ Клоду Сень-Симону, отцу знаменитаго писателя: онъ былъ главнымъ виновникомъ рѣдкаго, хотя и мимоулетнаго счастья своего дома. Клодъ въ ранней молодости поступилъ наемъ къ Лудовику XIII; слабый и болѣзненный король, возложившій на кардинала Ришелье все бремя государственнаго управленія, находилъ удовольствіе только въ обществѣ своихъ молодыхъ придворныхъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Барада, приобрѣлъ мало-по-малу такое на него вліяніе что началъ вмѣшиваться даже въ политику. Кардиналъ понималъ что съ этой стороны можетъ угрожать ему оласность и повелъ дѣло такъ искусно что чрезъ нѣсколько времени фаворитъ былъ удаленъ, а мѣсто его занялъ Клодъ Сень-Симонъ. Разказываютъ что онъ уже прежде понравился королю умнѣемъ своимъ угождать его вкусамъ, особенно тѣмъ что въ самый разгаръ охоты Лудовикъ могъ не касаясь ногою земли быстро перескакивать съ одного кона на другаго, а Талльманъ де-Рео говоритъ что „король обнаруживалъ расположеніе къ Сень-Симону потому что этотъ молодой человекъ сообщалъ ему самыя вѣрныя свѣдѣнія объ охотѣ, не загонялъ его лошадей и когда приходилось ему трубить въ королевскій рогъ, никогда не напускалъ въ него слюны“. Какъ бы то ни было, но съ 1627 года Клодъ становится самымъ близкимъ и неразлучнымъ другомъ Лудовика XIII. Щедрія милости сылаются на него и на его родственниковъ, и онъ слѣдилъ пользоваться ими съ замѣчательною аачностью выпрашивая себѣ одно помѣстье за другимъ, такъ что въ короткое время сдѣлался весьма крупнымъ землевладѣльцемъ. Человекъ небольшого ума, но осторожный и обладавшій рѣдкимъ тактомъ, онъ понималъ что если хочетъ сохранить свое положеніе при дворѣ, то нужно ему жить въ ладу съ людьми которые пользовались властью, а потому очень долгое время держалъ себя такъ что всемогущій кардиналъ былъ какъ нельзя болѣе имъ доволенъ. Есть свѣдѣнія что угодаивость Сень-Симона королю отличалась иногда довольно предосудительнымъ характеромъ. Объ этомъ уломинають многіе писатели и намекъ на это находится даже у его сына, кото-

рый въ упомянутомъ выше сочиненіи своемъ (*Parallèle des trois premiers rois Bourbons*) рассказываетъ слѣдующее: „Всѣмъ извѣстная страсть Людовика XIII къ гжѣ Готфортъ; она первая, еще будучи дѣвцею, заняла мѣсто статсъ-дамы при королевѣ-матери (Аннѣ австрійской) и вслѣдствіе того обращаясь къ ней называли ее не иначе какъ „madame“, хотя она и не была еще замужемъ. Самъ король предоставилъ ей оба эти отличія. Онъ непрерывно говорилъ о ней моему отцу, который, удивленный тѣмъ что все ограничивается разговорами и улаживаньемъ, подумалъ что король затрудняется прямо объясниться съ нею и будетъ очень радъ если кто-либо окажетъ ему тутъ услугу. Поэтому онъ сказалъ королю что по истинѣ не понимаетъ какъ это онъ такъ долго повсюду слѣдуетъ за гжею Готфортъ, бесѣдуетъ только съ нею, только и думаетъ о ней, что какъ скоро остается съ близкими ему лицами начинаетъ распространяться объ ея прелесть, — словомъ, не можетъ преодолѣть своей къ ней страсти, что онъ молодой, красавецъ собой, къ тому же король, слѣдовательно нужно ему произнести лишь одно слово чтобы быть вполне счастливымъ, и если это затрудняетъ его самого, то онъ (т. е. мой отецъ) готовъ объясниться съ нею отъ его имени и ручается за быстрый успѣхъ“. Сень-Симонъ сообщилъ этотъ разказъ конечно не съ цѣлью характеризовать своего отца; онъ позаботился ему для того чтобы выставить въ блестящемъ свѣтѣ добродѣтель Людовика XIII который рѣзко прерывалъ своего слишкомъ услужливаго фаворита прочитавъ ему такую проповѣдь объ обязанностяхъ своего сава „что Людовикъ святой не могъ бы говорить лучше“.

Клодъ Симонъ удостоился наконецъ высшей почести — получилъ титулъ герцога. Онъ еще прежде заботился упрочить мнѣніе о высокой знатности своего рода и перучалъ разнымъ лицамъ подкрѣпить новыми доказательствами генеалогическую таблицу оставленную Жаномъ Тиле. Люди расположенные къ нему и прежде всего самъ король охотно потворствовали этимъ притязаніямъ; по крайней мѣрѣ въ королевскомъ указѣ о дарованіи ему герцогскаго титула было прямо упомянуто о „древности благородной фамиліи Сень-Симоновъ происходящей по прямой линіи отъ графовъ Вермандуа“. Клоду Сень-Симону оставалось бы только наслаждаться своими блестящими успѣхами при дворѣ еслибы не крайняя подозрительность кардинала; фаворитъ не могъ быть ему

опасень самъ по себѣ, но вѣроятно кардиналъ замѣтилъ что другіе пользуются имъ какъ орудіемъ, а потому замѣшалъ его въ исторію, о которой не считаемъ нужнымъ уломинать здѣсь подробно, и потребовалъ удаленія его отъ двора. Лудовикъ XIII не въ состояніи былъ противиться. Съ этой минуты, можно сказать, кончилась карьера Сень-Симона. До самой смерти Ришелье тщетно умолялъ онь о позволеніи возвратиться въ Парижъ, а когда наконецъ эта желанная минута наступила, то король принялъ его хотя и привѣтливо, но уже далеко не съ тѣмъ чувствомъ съ какимъ относился къ нему прежде: если Лудовикъ XIII скоро привязывался къ окружающимъ его лицамъ, то также скоро и охлаждался къ тѣмъ изъ нихъ которые не были лостоанно у него на глазахъ. Позднѣе, во время Фронды, Клодъ Сень-Симонъ могъ бы играть роль, ибо въ званіи губернатора онь распоряжался такими мѣстностями обладавіе коими было одинаково важно для обѣихъ враждовавшихъ сторонъ, но политическая дѣятельность была вовсе не въ его характерѣ. Онь колебался, не зналъ куда пристать ему, но черезъ нѣсколько времени, вѣроятно подъ вліяніемъ воспоминаній о своемъ покойномъ царственномъ благодѣтелѣ и желая оказать услугу его сыну, обнаружилъ самыя ревностныя вѣроподданныя чувства. Этотъ образъ дѣйствій, столь отличный отъ того котораго держалось большинство высшаго дворянскаго сословія, произвелъ ловидимому впечатлѣніе на публику. Во многихъ современныхъ памфлетахъ и пѣсняхъ содержатся намеки на это; въ одной изъ нихъ сказано о Клодѣ Сень-Симонѣ

Que durant l'execrable temps
Où l'on vit tant de malcontents
Former mainte étrange cabale,
Il eut toujours l'âme royale;
Quoiqu'il fut fort sollicité
De n'être pas du bon côté,
Il faudra que l'histoire afferme
Que toujours il demeura ferme,
Qualité rare en ce temps-là.
Mais ne parlons plus de celà....

Клодъ Сень-Симонъ исполнилъ свой долгъ, но если онь разчитывалъ что заслуги его будутъ оценены надлежащимъ

образомъ, то долженъ былъ разочароваться въ своихъ надеждахъ. По водвореніи спокойствія правительство совершенно забыло о немъ. Онъ не могъ помириться съ этимъ и раздраженіе его обращено было преимущественно противъ кардинала Мазарина и министра Шавиньи, которыхъ онъ считалъ главными виновниками своей неудачи.

Собираясь говорить о герцогѣ Лудовикѣ Сень-Симонѣ, нельзя было не остановиться на его отцѣ. Кромѣ того что, какъ увидимъ, авторъ мемуаровъ питалъ безграничное уваженіе къ его памяти, усвоилъ всѣ его воззрѣнія, симпатіи и антипатіи относительно событій и людей въ царствованіе Лудовика XIII самая карьера Клода Сень-Симона представляетъ много любопытнаго съ точки зрѣнія тѣхъ идей которыя съ такою запальчивостью отстаивалъ его сынъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что если приобрѣлъ онъ значительное состояніе и достигъ высокихъ почестей, то былъ обязанъ этимъ отнюдь не знатности своего рода, не мнимому происхожденію своему отъ Карла Великаго, а также и не своимъ заслугамъ. Счастье улыбнулось ему единственно потому что король обратилъ на него милостивый взоръ. Судьба Клода Сень-Симона служитъ краснорѣчивымъ примѣромъ того что нѣкогда надменное французское дворянство находилось въ совершенной зависимости отъ королевской власти, что эта власть могла столь же легко возвышать однихъ, сколько унижать другихъ. Монтескье въ своихъ *Lettres persannes* рисуетъ слѣдующій портретъ Лудовика XIV: „Онъ любитъ награждать тѣхъ которые ему служатъ, но онъ награждаетъ также щедро услуги, даже, лучше сказать, праздность своихъ придворныхъ какъ и трудные походы своихъ генераловъ; онъ часто предпочитаетъ человѣка который его раздѣваетъ или подаетъ ему салфетку когда онъ садится за столъ, иному который беретъ для него города и выигрываетъ сраженія; онъ полагаетъ что верховное величіе не должно быть стѣснено въ распредѣленіи милости и не разбираетъ заслугъ человѣка котораго онъ осыпаетъ благодѣяніями; онъ полагаетъ что одинъ выборъ его дѣлаетъ этого человѣка вполне достойнымъ.“ Едва ли эта сатира, имѣвшая въ виду Лудовика XIV, оказалась бы анахронизмомъ и относительно его предшественника,—само дворянство приходило мало-по-малу къ сознанію что въ судьбѣ его совершился

коренной переворотъ и не хотѣли замѣчать этого лишь немногіе, между коими видное мѣсто принадлежало герцогу Сень-Симону.

Что касается его собственной біографіи, то она не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Родился онъ въ 1675 году и былъ воспитанъ на глазахъ своего отца который приучалъ его почитать Лудовика XIII какъ одного изъ величайшихъ государей Франціи. Сень-Симонъ до конца своихъ дней сохранилъ это убѣжденіе. Онъ постоянно носилъ перстень съ миниатюрнымъ изображеніемъ покойнаго короля, а въ часовніи его замка никогда не угасала лампада предъ его статуей. „Отецъ мой, говоритъ онъ, считалъ священнымъ долгомъ отправляться ежегодно, 14 мая, въ аббатство Сень-Дени чтобы присутствовать при заупокойной обѣднѣ въ память короля. Безграбичною преданностью, признательностью, вѣжностью, дышало каждое слово когда разказывалъ онъ намъ о монархѣ сдѣлавшемъ столько добра Франціи.“ Сень-Симонъ поступалъ въ военную службу, участвовалъ въ походахъ, но вскорѣ понялъ что это вовсе не его призваніе; онъ вышелъ въ отставку, женился на дочери маршала Лоржа и съ этого времени никогда не покидалъ дворъ Лудовика XIV. Многіе писатели и между прочимъ онъ самъ оставили намъ подробныя извѣстія какъ текла жизнь при этомъ дворѣ. Извѣстно что въ расчеты короля входило, послѣ того какъ высшее дворянство утратило свое прежнее значеніе, держать его постоянно при себѣ, на своихъ глазахъ, въ надеждѣ что среди роскоши и развлеченій оно окончателно забудетъ о своихъ притязаніяхъ на политическую роль. Оно осуждено было на совершенную праздность. Всѣ помыслы сосредоточивались на придворныхъ интригахъ, а дѣлю интригъ было мелкое честолюбіе, стремленіе къ выгодной карьерѣ. „При дворѣ, говоритъ Лабрюеръ, и ложатся спать и просылаются съ удручающею заботой о своихъ личныхъ интересахъ; забота эта никому не даетъ покоя ни утромъ, ни вечеромъ, ни днемъ, ни ночью; только объ этомъ и думаютъ, и говорятъ, ради этого молчатъ, а когда представится случай, дѣйствуютъ...“ Несмотря на великолѣпную обстановку жизнь отличалась крайнею монотонностью; все рассчитано было по часамъ и повторялось безъ малѣйшихъ измѣненій изо дня въ день; всѣ придворные обязаны были присутствовать при туалетѣ короля, сопровождать его въ прогулкѣ по

Версальскому парку, а вечеромъ являться на собранія въ галлерейхъ дворца. Горе тому кто занятый своими дѣлами предпочиталъ проводить время въ своемъ помѣстьи: „я рѣдко его вижу“—было страшнымъ приговоромъ въ устахъ Лудовика XIV; человекъ къ которому относились эти слова уже не могъ разчитывать ни на какія милости. Дамы соперничали съ мужчинами; онѣ толпой наполняли церковь въ тѣ дни когда являлся въ ней король единственно съ цѣлью быть замѣченными имъ. Герцогъ Бриссакъ сыгралъ съ ними однажды злоую шутку: онъ громко приказалъ почетной стражѣ удалиться потому что король не будетъ присутствовать при богослуженіи; услышавъ это, дамы хлынули вонъ, но стража незамѣтно позвана была снова, и когда Лудовикъ вошелъ въ церковь, то удивился найдя ее совершенно пустою. „Несчастныя дамы, говоритъ Сень-Симонъ, готовы были растерзать Бриссака“. Тревожные взоры слѣдили въ теченіе цѣлаго дня кому король улыбкою, ласковымъ словомъ окажетъ расположеніе и не прекращалось это до той самой минуты когда уже онъ находился въ свой спальнѣ. „Хотя эта комната была ярко освѣщена, разказываетъ Сень-Симонъ, очередной капелланъ читалъ молитву съ подсвѣчникомъ въ рукахъ и отдавалъ его главному камердинеру который несъ этотъ подсвѣчникъ предъ королемъ когда тотъ направлялся къ своему креслу. Король бросалъ взоръ на присутствующихъ и громко называлъ кого-либо изъ нихъ, къ которому и переходилъ подсвѣчникъ пока продолжалось раздѣванье. Это считалось очень высокою милостью. Король удостоивалъ ея преимущественно лицъ самаго знатнаго происхожденія; иногда выборъ его останавливался на мнѣ, рѣдко на иностранныхъ посланцахъ, за исключеніемъ развѣ палскаго нунція, и въ послѣдніе годы посла испанскаго“. Неудивительно что при томъ уладкѣ въ которомъ находилась французская аристократія описанный нами придворный бытъ удовлетворялъ очень многихъ, но для человека въ родѣ герцога Сень-Симона, обладавшаго большимъ, хотя и нѣсколько одностороннимъ умомъ, а также талантомъ завоевавшимъ ему мѣсто въ ряду первостепенныхъ писателей Франціи, онъ представлялъ мало обольстительнаго. Не разъ приходила ему мысль удалиться отъ этого общества, пустоту коего изобразилъ онъ поразительно яркими красками, но для этого не хватало у него силъ. Онъ все чего-то ждалъ, голова его была

выполнена своеобразными политическими идеями и онъ не могъ примириться съ мыслью что не явится наконецъ случай примѣнить ихъ на дѣлѣ. Случай этотъ однако не представлялся, между прочимъ, потому что Сень-Симонъ мало внушалъ къ себѣ симпатіи. Всѣ отдавали справедливость благородству его характера: въ немъ не было и тѣни того искательства которое составляло отличительную черту другихъ придворныхъ; онъ не боялся навлекать на себя вражду лицъ которыя по своему вліянію могли причинить ему страшный вредъ; онъ ненавидѣлъ гжу Ментеновъ, эту „султаншу“, эту „амфибію“, какъ онъ называетъ ее въ своихъ мемуарахъ, и держалъ себя относительно ея такъ что она не могла не замѣтить его чувствъ. Гжа Ментеновъ сосредоточила всю свою привязанность на побочныхъ сыновьяхъ короля, а Сень-Симонъ выступилъ непримиримымъ ихъ противникомъ. Когда цѣлый рядъ несчастій обрушился на королевское семейство, когда въ теченіе короткаго времени доживъ, затѣмъ герцогъ Бургонскій и его супруга умерли какою-то загадочною смертью и общій голосъ обвинялъ въ этомъ будущаго регента, герцога Орлеанскаго, Сень-Симонъ не счелъ дѣломъ честнаго человѣка отступить отъ него только потому что всѣ другіе смотрѣли на герцога какъ на зачумленнаго. Онъ не остановился предъ тѣмъ что даже самъ король раздѣлялъ страшныя подозрѣнія. Въ жизни Сень-Симона можно было бы найти много другихъ такихъ же чертъ твердости характера и неумѣнья вступать въ сдѣлки со своею совѣстью. Какъ мы замѣтили выше, общій голосъ отдавалъ ему справедливость въ этомъ отношеніи. Если цѣнили его благородство, то нельзя было не цѣнить и его блестящій умъ и обширную начитанность, которые въ соединеніи съ необыкновенною памятью дѣлали его однимъ изъ самыхъ увлекательныхъ собесѣдниковъ. Маршалъ Бель-Иль говоритъ о немъ: „даже въ преклонной старости, когда ему было подъ восемьдесятъ лѣтъ, умъ его отличался удивительною свѣжестью; онъ не переставалъ читать и не забывалъ рѣшительно ничего“. Несмотря на эти блестящія качества Сень-Симонъ имѣлъ мало друзей и массу недоброжелателей; его не любили за крайнюю невоздержанность языка, за колкіе отзывы о всемъ что происходило на его глазахъ, а также за надменность которая условливалась въ немъ высокимъ мнѣніемъ не столько о личныхъ своихъ достоинствахъ сколько о необычайной

знатности своего происхожденія. Безплощадныя сужденія его о людяхъ казались тѣмъ болѣе невыносимыми что его самого нельзя было упрекнуть ни въ какомъ предосудительномъ поступкѣ. Версальское общество старалось по возможности держаться въ сторонѣ отъ Севъ-Симона и отъ самого короля не видѣлъ онъ ничего кромѣ простой вѣжливости. Лудовикъ XIV инстинктивно сознавалъ что это не такой человекъ какого ему нужно. Севъ-Симонъ пытался разсвѣять предубѣжденіе короля; онъ разказываетъ что дважды объяснялся съ королемъ, но хотя объясненія эти были выслушаны повидимому очень милостиво, они не имѣли никакихъ благоприятныхъ для него послѣдствій; докторъ Лудовика XIV Марешаль говорилъ много разъ въ его пользу, но столь же безуспѣшно. Все это объясняетъ почему до самой кончины Лудовика Севъ-Симонъ былъ осужденъ на полнѣйшее бездѣйствіе. Въ одно время распространился было слухъ что онъ будетъ назначенъ посланникомъ въ Испанію и кажется король дѣйствительно имѣлъ подобное намѣреніе еслибы—какъ утверждаетъ авторъ мемуаровъ—не воспрепятствовала этому главнымъ образомъ гжа Ментенонъ.

Почти всѣ писатели говорившіе о герцогѣ Севъ-Симонѣ замѣчаютъ что въ характерѣ его было много чертъ напоминающихъ Альцеста, героя знаменитой комедіи Мольера. Это тоже своего рода мизантроль, человекъ презиравшій и ненавидѣвшій людей потому что въ самомъ себѣ воспиталъ онъ слишкомъ высокіе идеалы и съ негодованіемъ клеймившій то что для огромнаго большинства казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и законнымъ. Впрочемъ упомянутое сравненіе недостаточно для того чтобы оцѣнить его вполнѣ. Севъ-Бѣвъ выразился о немъ что онъ „страстенъ какъ Альцестъ, провинцалецъ какъ Лабрюеръ и одержимъ такою же жаждой все знать и все видѣть какъ Фруассаръ.“ Очень рано догадался онъ въ чемъ состоитъ настоящее его призваніе. Въ Версальскомъ дворцѣ устроилъ онъ себѣ наблюдательный постъ откуда съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за разнообразнымъ зрѣлищемъ совершавшимся на его глазахъ; каждый вечеръ при свѣтѣ лампы тщательно заносилъ онъ въ свою хронику все чему приходилось ему быть свидѣтелемъ въ теченіе дня. Ни король и ни его придворные не догадывались что этотъ человекъ обладаетъ громаднымъ талантомъ и что всю силу своего таланта

употреблялъ оныя на то чтобы выставить ихъ въ безплодную и краснорѣчивую сатиру. Сень-Симонъ заботливо скрывалъ свои мемуары отъ нескромнаго взора и лишь отчасти знакомилъ съ ними самыхъ близкихъ и испытанныхъ своихъ друзей, какъ напримѣръ герцоговъ Бовилье и Шеврѣза, а также наследника престола, герцога Бургонскаго, на котораго, какъ увидимъ, оныя возлагалъ великія надежды. По смерти сего послѣдняго, при разборѣ хранившихся у него бумагъ, отрывокъ мемуаровъ Сень-Симона чуть было не попался въ руки недоброжелательныхъ ему лицъ, но по счастливой случайности эта гроза миновала его. Мы упоминали выше что оныя началъ вести свой дневникъ еще въ ранней молодости; въ теченіе годовъ накопился у него громадный матеріалъ, который требовалъ обработки, и Сень-Симонъ началъ готовиться къ этому труду. Оныя прилежно изучалъ разные вопросы касавшіеся исторіи его отечества, государственныхъ учрежденій, придворнаго этикета, положенія дворянства, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ цѣлая груда оставшихся послѣ него записокъ которыя вѣроятно будутъ обнародованы въ настоящее время. Когда предварительныя работы были такимъ образомъ окончены, встрѣтилось другое затрудненіе: несмотря на необыкновенную свою память Сень-Симонъ не могъ справиться съ чрезвычайнымъ обиліемъ блѣдныхъ замѣтокъ накопившихся у него съ 1694 года, т.-е. не въ состояніи былъ привести ихъ въ надлежащій хронологическій порядокъ, но тутъ одно обстоятельство помогло ему. Другой придворный, вѣкто Данжо съ поразительною аккуратностію не только изъ года въ годъ, но изъ дня въ день велъ также свой дневникъ и рукопись эта была доставлена Сень-Симону герцогомъ Лювонъ *. Сень-Симонъ былъ очень невысокаго мѣннія объ этихъ запискахъ. „Съ самаго начала, говоритъ оныя, какъ только Данжо появился при дворѣ, оныя каждый вечеръ записывалъ все что совершалось въ теченіе дня и не прерывалъ этого занятія до самой своей смерти. Оныя исполнялъ это словно писалъ газету безо всякихъ разсужденій, такъ что въ его дневникѣ изложены лишь событія съ точнымъ обозначеніемъ когда они происходили, но ни слова объ ихъ причинахъ, а еще менѣе о какихъ-

* Читая ее Сень-Симонъ дѣлалъ поправки и дополненія, иногда очень пространныя; оныя будутъ помещены въ приложеніи къ каждому тому изданія Буааля.

либо интригахъ. Низколоклонство ничтожнаго придворнаго, благоговѣніе предъ властью и предъ всѣмъ откуда исходятъ милости, самыя пошлыя похвалы, вѣчный и удушающій еміамъ даже такимъ поступкамъ короля которые не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, совершенная бездѣятельность—вотъ его отащительныя черты, и все это съ цѣлью не оскорбить и не задѣть никого, всему подыскать извиненіе и, преимущественно когда дѣло идетъ о лицахъ близкихъ къ королю, о гѣѣ Ментенонъ, министрахъ: въ подобныхъ случаяхъ недостатки его особенно выступаютъ наружу и возбуждаютъ отвращеніе. Трудно понять какъ хватило терпѣнія у человѣка занимать-ся цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ трудомъ столь пустымъ, сухимъ и сопряженнымъ съ такими предосторожностями.“ Но дневникъ Дажо оказалъ огромную услугу Сень-Симону съ точки зрѣнія хронологіи, такъ что обращаясь къ нему онъ могъ знать безошибочно къ какому времени долженъ относиться тотъ или другой изъ его разказовъ. Работа окончательной редакціи его мемуаровъ была предпринята имъ уже въ послѣдніе годы его жизни, когда во время регентства герцога Орлеанскаго онъ покинулъ дворъ и почти безвыходно проводилъ время въ своемъ помѣстьѣ. Въ 1854 году гг. Сулье и Дюссѣ издали дневникъ Дажо: слѣдуя примѣру усвоенному многими другими издателями, которые восхваляютъ до небесъ излюбленный ими историческій памятникъ и стараются набросить тѣнь на все что можетъ соперничать съ нимъ, они вздумали утверждать будто мемуары Дажо имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе чѣмъ мемуары Сень-Симона, будто у Дажо Сень-Симонъ заимствовалъ почти всѣ свои свѣдѣнія, придавъ имъ только извѣстную литературную окраску и часто извращая ихъ своими вымыслами. Это одна изъ тѣхъ недѣлностей которая не введетъ въ заблужденіе рѣшительно никого кто хотя бы лишь поверхностно ознакомился съ обоими писателями.

Сень-Симонъ прежде всего дѣйствуетъ на читателя своимъ громаднымъ талантомъ. Положительно ни одна литература не обладаетъ такимъ удивительнымъ разказчикомъ. Читая его точно живешь при дворѣ Лудовика XIV, точно видишь какъ двигается въ роскошныхъ костюмахъ эта толпа придворныхъ,—толпа въ которой рельефно выступаетъ однако каждая отдѣльная мужская и женская фигура благодаря искусству съ которымъ онъ очерченъ авторомъ. Онъ вели-

кій мастеръ рисовать портреты; если занялся онъ обстоятельно какою-нибудь личностью, то можно съ увѣренностью сказать что она навсегда залечатаѣтся въ умѣ читателя. При этомъ Сень-Симонъ обладаетъ не менѣе поразительнымъ даромъ рисовать цѣлыя сцены, схватывать общее движеніе и отмѣчать роль каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Было бы затруднительно приводить примѣры главнымъ образомъ вслѣдствіе крайняго ихъ обилія, а также и потому что совершенно своеобразный языкъ автора почти не поддается переводу. Упомянемъ о томъ какъ почти въ самомъ началѣ своихъ мемуаровъ рассказываетъ онъ о помолвкѣ герцога Орлеанскаго (въ послѣдствіи регента) съ одною изъ побочныхъ дочерей Лудовика XIV (Mlle de Blois). Какая оживленная картина! Сколько лицъ и какъ рельефно изображены они со своими разнообразными ощущеніями! Съ одной стороны мать молодого герцога, урожденная принцесса Баварская, не знающая мѣры своей слѣсы и которая не смѣетъ помѣшать предполагаемому браку, но приходитъ отъ него въ негодование и ужасъ: „быстрыми шагами ходила она по галлерей съ достойною своею фавориткой гжею Шатотьеръ, съ платкомъ въ рукѣ, не скрывая своихъ слезъ, говоря громко, размахивая руками и вообще очень вѣрно изображая собой Цереру послѣ похищенія дочери ея Прозерпины, когда богиня ищетъ ее повсюду и умоляетъ Юпитера возвратить ее.“ Затѣмъ король очень довольный тѣмъ что ему удалось устроить дѣло и расточающій любезности герцогинѣ Орлеанской, на которыя она отвѣчаетъ почти дерзостями, умышленно незамѣчаемыми имъ; совершенно растерявшійся отецъ жениха, который очутился между двухъ огней, ибо неизвестно кого болѣе боится онъ—своей надменной супруги, или короля; наконецъ самъ женихъ готовый пожертвовать Богъ знаетъ чѣмъ чтобы не быть героемъ разыгравшейся драмы. Онъ подошелъ къ матери чтобы поцѣловать у нея руку; въ эту минуту она дала ему такую звонкую пощечину что можно было слышать ее на другомъ концѣ галлерей.“ И все это на блестящемъ вечернемъ собраніи, въ присутствіи всѣхъ придворныхъ, почтительно, но съ злораднымъ любопытствомъ слѣдившихъ за необычайнымъ зрѣлищемъ. Прочитавъ разъ эту сцену и подобныя ей—валримѣръ разказъ о настроеніи двора въ минуту смерти дофина или разказъ о знаменитомъ lit de justice въ которомъ было отмѣнено завѣщаніе Лудови-

ка XIV—навсегда заломинали ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Для Сень-Симона жизнь страны сосредоточивалась главнымъ образомъ при дворѣ; онъ зналъ дворъ какъ никто и находилъ видимое наслажденіе въ томъ чтобы постоянно изучать его; тутъ была обильная пища для такого тонкаго наблюдателя и глубокаго знатока человѣческаго сердца какимъ выказываетъ онъ себя на каждой страницѣ своихъ мемуаровъ. „Надо сознаться, говоритъ онъ по поводу смерти дофина, сына Лудовика XIV, что тому кто знакомъ съ интимнымъ бытомъ двора подобныя зрѣлища рѣдкихъ событій доставляютъ чрезвычайное удовольствіе. Каждое лице носить на себѣ печать заботъ, интригъ, невѣроятныхъ стараній улучшить свою карьеру, составить кабаль, обезпечить ея успѣхъ; уловки удержаться на мѣстѣ и отстранить другихъ, всякія ухищренія употребляемыя съ этою цѣлью; болѣе или менѣе тѣсныя отношенія, холодность, ненависть, интрига, проски, любезности, низость, разочарованія однихъ среди пути въ то время когда уже готовы были кажется осуществиться ихъ надежды, глубокое отчаяніе другихъ уже пользовавшихся благами и надъ которыми внезапно разразился ударъ; необычайное довольство извѣстнаго лагеря, ярость его противниковъ, попытки ихъ скрыть терзающія ихъ чувства—все это служить источникомъ не малаго наслажденія которымъ можно пользоваться только находясь постоянно при дворѣ“. Сень-Симонъ вовсе не былъ записнымъ литераторомъ; это вельможа относящійся даже довольно презрительно къ литературѣ; этимъ быть-можетъ объясняется отчасти его оригинальность; онъ не пишетъ какъ другіе, не старается подражать образцамъ, у него свой языкъ, нѣсколько странный если сравнить его съ языкомъ корифеевъ тогдашней литературы, но отличающійся поразительною мѣткостью и образностью. Ему ничего не стоить прибѣгать къ словамъ давно уже вышедшимъ изъ употребленія какъ скоро они отчетливо выражаютъ его мысль и несомнѣнно что многіе элитеты именно съ этою цѣлью сочинены имъ самимъ. Мы не можемъ заключить лучше нашъ отзывъ объ особенностяхъ таланта Сень-Симона какъ приведши здѣсь слѣдующія краснорѣчивыя строки о немъ одного французскаго писателя: „Благодаря Сень-Симону мы имѣли возможность проникнуть въ самые сокровенныя алпартаменты Версаля, мы были посвящены во всѣ тайны этого двора гдѣ скрещива-

лось столько разнообразныхъ цитригъ. Неожиданный свѣтъ пролить былъ имъ на цѣлую мало извѣстную сторону полу-вѣковой исторіи, словно вырыть былъ изъ-подъ земли одинъ изъ тѣхъ древнихъ городовъ которые поглотилъ пепелъ вулкановъ и которые пробудившись внезапно отъ вѣковаго своего сна являются предъ изумленнымъ міромъ со всею обстановкой своихъ интимныхъ обычаевъ и нравовъ. Произошло даже нѣчто большее, ибо на призывъ историка цѣлое общество возстало изъ-подъ мраморныхъ плитъ и стало двигаться предъ нами. Развѣ мы не жили, развѣ мы не бесѣдовали со всеми этими лицами, которыхъ Сень-Симонъ коснулся своимъ магическимъ жезломъ,—съ легкомысленными фаворитами и надменными министрами, съ геройскими полководцами и съ полководцами составившими себѣ карьеру цитригой, съ развратниками прикрывавшимися набожностью и съ прелатами слишкомъ горячо преслѣдовавшими свѣтскія цѣли? На блестящей сценѣ на которую призвала ихъ когда-то судьба у каждаго изъ нихъ была своя роль, всѣ они носили маски, но Сень-Симонъ знаетъ актеровъ по именамъ и маски упали предъ нимъ.“ *

Весьма важный вопросъ—въ какой мѣрѣ внушаетъ довѣріе Сень-Симонъ своими разказами? Многие писатели—Анри Мартель, Мишле, Камилль Руссе, Лавалле, герцогъ Ноалль (авторъ біографіи гжи Ментеновъ) отвѣсались къ нему очень сурово. Шерюзель въ упомянутомъ выше сочиненіи подвергалъ строгой критикѣ Сень-Симона и отдавая полную справедливость громадному его таланту произнесъ о немъ также далеко неблагоприятный приговоръ. Обвиненія сводятся къ тому что авторъ мемуаровъ не понималъ и по свойству своихъ убѣжденій не въ состояніи былъ понять царствованіе Лудовика XIV, что онъ умышленно выставилъ это царствованіе въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, что страстный и жолчный характеръ побуждалъ его относиться съ явнымъ недоброжелательствомъ къ разнымъ историческимъ дѣятелямъ, что подъ вліяніемъ своихъ предубѣжденій онъ готовъ былъ принимать за вѣру самые нелѣпыя и чудовищныя разказы о лицахъ почему-либо ему непріятныхъ. Что касается того что онъ черезчуръ односторонне смотрѣлъ на дѣятельность Лудовика XIV, то это совершенно справедливо, но не надо

* *Le duc de S. Simon, sa vie et ses écrits*, par E. Poitou.

забывать что Сень-Симонъ все-таки дѣлописецъ и странно примѣнять къ нему такія требованія съ которыми въ настоящее время мы относимся къ историкамъ. Едва ли справедливо поэтому сѣдующее замѣчаніе о немъ Шерюэаа: „Сень-Симонъ почти никогда не восходилъ до общихъ принциповъ событій; для него постоянно на первомъ планѣ только людскія страсти и людскіе интересы. Исторія идей обнаруживающая столь рѣшительное вліяніе на политику совершенно недоступна ему, а между тѣмъ возможно ли изобразить царствованіе Лудовика XIV не обращая вниманія на принципы господствовавшіе въ его эпоху, особенно на литературу, которая сообщила столько блеска этому царствованію“? Первая попытка изложить исторію съ этой точки зрѣнія сдѣлана была Вольтеромъ, но можно ли упрекать Сень-Симона за то что онъ не предупредилъ знаменитаго философа? Онъ сообщалъ массу драгоценныхъ свѣдѣній о продолжительномъ періодѣ времени событія коего совершались на его глазахъ, а ему не хотять простить зачѣмъ не освѣтилъ онъ его философскимъ взглядомъ и оставилъ безъ вниманія тѣ или другія его стороны! Сень-Симона нужно брать такимъ какъ онъ есть. Онъ не мыслитель, а прежде всего художникъ; для него дѣйствительно дороже всего „людскія страсти и людскіе интересы“. Иногда—впрочемъ очень рѣдко—прибѣгаетъ онъ къ весьма страннымъ объясненіямъ важныхъ событій. Вотъ напримѣръ разказъ его о томъ что было причиною войны 1688 года, въ которой Лудовику XIV суждено было бороться съ европейскою коалиціей. Король, отличавшійся, какъ извѣстно, неудержимою страстью къ постройкамъ, задумалъ расширить и передѣлать Малый Трианонъ; работы уже значительно подвинулись впередъ, когда однажды осматривая ихъ въ сопровожденіи Лувуа, который по смерти Кольбера завѣдывалъ и публичными зданіями, онъ замѣтилъ что одно изъ оконъ выведено не наравнѣ съ другими. Лувуа упорно доказывалъ ему что онъ ошибается, что окно совершенно на мѣстѣ. Послали за главнымъ архитекторомъ Левотромъ, который колебался высказать прямо свое мнѣніе, боясь съ одной стороны раздражить короля, а съ другой сдѣлать неугодное всемогущему министру. Только послѣ настойчиваго и нѣсколько запальчиваго требованія Лудовика XIV онъ сознался что окно поставлено неправильно. Тогда Лудовикъ жестоко намылилъ голову Лувуа. „Министръ, про-

должаетъ Сенъ-Симонъ, былъ вѣ себя отъ полученнаго имъ выговора, тѣмъ болѣе что при этомъ присутствовало много придворныхъ, рабочихъ и прислуга. Возвратившись домой онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: „очевидно положеніе мое при королѣ поколеблено если изъ-за какого-то окна онъ не задумался оскорбить меня; единственнымъ для меня спасеніемъ представляется война, ибо онъ тогда убѣдится что я необходимъ ему, и я устрою такъ что война будетъ.“ Дѣйствительно въ непродолжительномъ времени онъ сдержалъ свое слово; вопреки желанію короля и европейскихъ дворовъ онъ возбудилъ общую войну“.

О Сенъ-Симонѣ нельзя впрочемъ сказать что онъ только разсказчикъ; онъ постоянно обсуждаетъ излагаемые имъ событія, смотритъ на нихъ, а также и на людей съ извѣстной строго опредѣленной точки зрѣнія. У него своя особая политическая система, система не выдерживающая критики, но которая тѣмъ не менѣ казалась ему непреложною истиной. Если даже, какъ упрекаютъ его, онъ не умѣлъ понять надлежащимъ образомъ царствованіе Лудовика XIV, то это не столько вслѣдствіе недостатковъ своего ума, сколько вслѣдствіе безусловнаго увлеченія извѣстными идеями. Впервые обнародованное нынѣ сочиненіе его—*Parallèle des trois premiers rois Bourbons*—представляетъ собою цѣлый политическій трактатъ въ которомъ совершенно отчетливо выразилъ онъ взглядъ свой на судьбы Франціи со времени воцаренія Лудовика XIV.

Какъ сказано выше, особенно сильнымъ нападкамъ подвергался Сенъ-Симонъ за свои отзывы объ отдѣльныхъ личностяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ. Напротивъ, было бы совершеннымъ чудомъ еслибы въ обширныхъ своихъ мемуарахъ, которые и въ компактномъ изданіи занимаютъ не менѣ двѣнадцати томовъ, сохранилъ онъ полное безпристрастіе относительно цѣлыхъ сотенъ людей которыхъ изобразилъ онъ своимъ перомъ. Вообще безпристрастіе не было въ его натурѣ, и онъ самъ сознавалъ это. „Неволью удивляешься, говорить онъ, людямъ искреннимъ и честнымъ; неволью негодуешь противъ тѣхъ лгуновъ отъ кого видѣлъ зло. Стоицизмъ—прекрасная и благородная химера. Я не хвалюсь безпристрастіемъ, да и тщетно старался бы блистать имъ“. Человѣкъ высокой чести, Сенъ-Симонъ возмущался всякою низостью, а такъ какъ воображеніе было сильно развито у

него, то онъ часто вдавался въ преувеличенія и стущалъ краски. Ненавидѣлъ онъ людей за ихъ пороки, ненавидѣлъ многихъ изъ нихъ за то что они казались ему воплощеніемъ противной ему политической системы, но нельзя подмѣтить чтобы чувство ненависти пробуждалось въ немъ изъ какихъ-нибудь личныхъ, корыстныхъ и эгоистическихъ соображеній. Въ доказательство противнаго можно бы, пожалуй, привести нѣкоторые изъ его разказовъ,—напримѣръ разказъ о смерти перваго дофина (сына Лудовика XIV). Сенъ-Симонъ не скрываетъ что событіе это встрѣчено было имъ съ восторгомъ. „При первомъ извѣстіи о болѣзни принца, говоритъ онъ, я провелъ цѣлый день въ неописанномъ волненіи, колеблясь среди противоположныхъ чувствъ и тщетно употребляя всѣ усилія чтобы христіанинъ восторжествовалъ во мнѣ надъ придворнымъ“. Среди сцены невообразимаго смятенія, которую нужно считать едва ли не наиболѣе удачно изображенною въ его мемуарахъ, встрѣчается онъ съ герцогинею Орлеанскою. „Если ужъ говорить откровенно и сознаться въ своемъ стыдѣ, продолжаетъ онъ, мы долго соболѣзновали съ нею о томъ что дофинъ, по всему вѣроятію, несмотря на свои годы и на свою толщину, ускользнетъ отъ опасности. Грустно и съ примѣсью только ей свойственной желчи и тона à la Mortemart * разсуждала она что такъ какъ болѣзнь послужитъ только къ очищенію крови, то въ будущемъ не представляется ни малѣйшей надежды на алолаексію; что должны такъ же рушиться и надежды на припадки желудочнаго расстройства послѣ того какъ валуганный ими дофинъ совершенно подчинился докторамъ. Вслѣдствіе всего этого мы болѣе чѣмъ томно (plus que languousement) заключили что принца ожидаетъ конечно долгое царствованіе“. Такъ какъ Сенъ-Симонъ имѣлъ право разчитывать что со смертью дофина долженъ былъ произойти рѣзкій и весьма благоприятный переворотъ въ его судьбѣ, то чувства обнаруженные имъ въ послѣднія минуты этого принца могутъ внушить далеко невыгодное о немъ понятіе. Справедливость требуетъ однако замѣтить что ожидавшая его карьера прельщала его не потому что съ нею сопряжены были почести, а главнымъ образомъ по той причинѣ что онъ предвидѣлъ возможность осуществить завѣт-

* Герцогиня Орлеанская, о которой идетъ рѣчь, происходила, по матери своей, гдѣ Монтепанъ, изъ дома Мортемаръ.

ныя идеи которымъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни.

Сень-Симонъ не любилъ Лудовика XIV; онъ исполненъ былъ ненависти ко многимъ лицамъ игравшимъ болѣе или менѣе видную роль въ его время—къ гѣн Ментеновъ, къ маршалу Поаллю и его сыну, къ маршаламъ Виллору и Тессе, къ герцогу Вавдому, къ первому президенту парижскаго парламента Гарде и др., но враждебное его чувство условивалось вполнѣ искреннимъ, хотя иногда и ошибочнымъ убѣжденіемъ что дѣятельность ихъ приносила вредъ. Онъ выставилъ ихъ въ своихъ мемуарахъ въ далеко непривлекательномъ свѣтѣ, но отдавая однако полную справедливость тому что заслуживало въ нихъ уваженія. Самыя недоброжелательныя изъ начертанныхъ имъ характеристикъ отнюдь не похожи на памфлеты. Вотъ напримѣръ портретъ президента де-Гарде, котораго болѣе чѣмъ кого-либо другаго преслѣдовалъ онъ своимъ недоброжелательствомъ: „Ашиль де-Гарде былъ маленькій человѣчекъ, худощавый, съ большимъ орлинымъ носомъ, съ глазами коршуна, которые такъ и пожирали васъ и слобобы были, кажется, видѣть черезъ стѣну; костюмъ всегда одинаковый—форменное платье, черныи валудревыи ларики и брызги болѣе длинныя чѣмъ у духовныхъ лицъ; маленькая шалочка на головѣ, гладкіе нарукавники. Немного сторбленныи, говорилъ онъ медленню, съ разстановками, стариннымъ произношеніемъ, прибѣгая также къ вышедшимъ изъ употребленія словамъ; во всей его наружности что-то притворное, аффектированное, лицемерное и при этомъ глубокіе и почтительныя поклоны; входя въ комнату онъ все жался къ стѣнѣ съ самымъ смиреннымъ видомъ чрезъ который проглядывали однако дерзость и надменность. Даже въ самой простой бесѣдѣ онъ прибѣгалъ къ сентенціямъ и нравоученіямъ; вообще же рѣчь его отличалась большимъ лаконизмомъ; со всѣми ему было какъ-то не по себѣ и другіе чувствовали себя съ нимъ не ловко; много природнаго и обширнаго ума, много проникательности, знанія свѣта, особенно знанія людей съ которыми приходилось ему имѣть дѣла; большая начитанность, глубокое изученіе права, между прочимъ государственнаго права, что къ сожалѣнію сдѣлалось рѣдкостью; необыкновенная память и при той медлительности, которую онъ усвоилъ себѣ поразительная мѣткость и образность слова. Онъ превосходилъ самыхъ искусныхъ про-

куроровъ въ званіи всего что касалось судебного вѣдомства и вполнѣ обладалъ даромъ управлять людьми, такъ что совершенно подчинилъ себѣ парламентъ; всѣ были тамъ предъ нимъ простыми школьниками, которыми онъ распоряжался какъ хотѣлъ, часто не давая замѣтить этого, а когда это замѣчали, то не осмѣливались роптать на него. При случаѣ онъ давалъ волю своему тщеславію и окружалъ себя пышностью; обыкновенно же—опять—таки изъ чувства гордости—былъ очень воздерженъ, отличался скромностью и относительно домашней своей обстановки, и относительно своихъ экипажей чтобъ угодиться знаменитымъ судьямъ стараго времени. Крайне жаль что столько природныхъ и приобретенныхъ качествъ и талантовъ не соединялись съ добродѣтелью, что они были посвящены лишь зау, честолюбію, скупости и преступленіямъ"... Конечно портретъ этотъ далеко не польщенъ, но едва ли ошибемся мы предположивъ что несмотря на явное недоброжелательство автора читатели составятъ себѣ понятіе о президентѣ де-Гарле какъ о личности въ высшей степени замѣчательной. Тѣ качества которыми онъ снискалъ себѣ видное положеніе обозначены у Сень-Симона даже гораздо опредѣленнѣе чѣмъ его пороки; мы вполнѣ понимаемъ почему де-Гарле царилъ въ парижскомъ парламентѣ, но не совсѣмъ для насъ ясно въ чемъ выражались его низколоклонность, тщеславіе и готовность не отступать предъ „преступленіями“. Очевидно глубокое художественное чувство не допускало Сень-Симона изображать даже самаго ненавистнаго ему человѣка только съ одной стороны; онъ непрѣменно хотѣлъ начертать полный образъ, отгнать все что было въ немъ хорошаго вряду съ дурнымъ. Такъ точно поступилъ онъ и съ Людовикомъ XIV: если король является подъ его перомъ воплощеніемъ самаго ненавистнаго и близорукаго деспотизма, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не пожалѣлъ красокъ чтобы выставить въ блестящемъ (свѣтѣ) его личное величіе, обаяніе которое производилъ онъ на людей, то мужество которое не покидало его въ трудныя минуты жизни. Даже говоря о гжѣ Ментевонъ онъ тщательно старается объяснить ея недостатки неудачами и невзгодами испытанными ею въ первую половину ея жизни; онъ утверждаетъ что притворство и духъ цытриги вовсе не были врожденными чертами ея характера, что они развились мало-по-малу подъ вліяніемъ обстоятельствъ

и уже не покидали ее, когда судьба поставила ее на такую высоту о которой она не дерзала и мечтать въ молодости, „когда занявъ мѣсто при дворѣ elle se croyait une mère de l'église et la directrice de la cour“.

II.

Писатели говорившіе о герцогѣ Сень-Симонѣ простили бы ему, быть-можетъ, то что они считаютъ крайнимъ пристрастіемъ въ его отзывахъ о разныхъ лицахъ, но они не могутъ примириться съ его сужденіями объ общемъ характерѣ царствованія Лудовика XIV. По словамъ ихъ онъ не понималъ своего времени, и это совершенно справедливо. Чѣмъ же объяснить такую странность? Разгадка, если вѣрить имъ, заключается въ особыхъ свойствахъ его ума и таланта. „Сень-Симонъ, говоритъ Шерюзаль, тонкій и провицательный наблюдатель, отащный мастеръ рисовать портреты и изображать придворныя сцены. По искусству проникать въ глубину человѣческаго сердца и по знанію придворныхъ нравовъ онъ можетъ быть поставленъ наряду съ Лабрюйеромъ. Нервный, живописный и выразительный въ своемъ варварствѣ стиль сообщаетъ необыкновенную рельефность и блескъ его картинамъ. Чувства чести, безкорыстія, патриотизма и глубокой религіозности, которыми провицнуты его мемуары, внушаютъ очень высокое мнѣніе объ его характерѣ. Сень-Симонъ вовсе не одинъ изъ тѣхъ писателей по профессіи которые щеголяютъ заимствованными ими откуда бы то ни было убѣжденіями; это человѣкъ вполнѣ искренній въ своихъ страстяхъ, человѣкъ вложившій всю душу въ свою книгу. Но умъ Сень-Симона—одинъ изъ тѣхъ умовъ которые не пригодны ни для политики, ни для военнаго дѣла; это умъ способный лишь къ оппозиціи, умѣющий подмѣчать всѣ слабости и все смѣшное, но несостоятельный для какой-нибудь дѣятельности“. Другой писатель, г. Пуко, познакомившій публику съ книгою Сень-Симона *Parallèle des trois premiers rois Bourbons* еще прежде выхода ея въ печати*, выражается такимъ образомъ о знаменитомъ ея авторѣ: „умъ глубокій и вмѣстѣ съ тѣмъ поверхностный, свободный и подавленный

* *Revue des deux mondes*, 15 mai 1880.

предразсудками, въ которомъ наряду съ великимъ было много чрезвычайно мелкаго....“ Такимъ образомъ заблужденія Севъ-Симона происходили будто бы отъ органическаго недостатка ума,—недостатка вслѣдствіе коего онъ былъ способенъ пробавляться только безплодною критикой. Мы смотримъ на него иначе какъ ни кажутся намъ странными его идеи, онъ не лишенъ законнаго основанія, потому что соотвѣтствовали порядку вещей который хотя и былъ подорванъ въ самомъ корнѣ, но тѣмъ не менѣ держался во Франціи до самой революціи 1789 года.

Сисмонди выразился о старой французской монархіи что она „образовалась какъ бы случайно изъ разнородныхъ и неправильныхъ частей“, что въ ней господствовалъ „деспотизмъ безъ деспота“. Замѣчаніе это отличается глубокою вѣрностью. Въ теченіе вѣковъ королевская власть съ необыкновенною твердостью старалась упрочить свой авторитетъ и вполнѣ достигла этой цѣли при Лудовикѣ XIV. Ей приходилось для этого вести упорную борьбу съ привилегированными сословіями, преимущественно съ сословіемъ дворянскимъ. Французское дворянство не щадило никакихъ средствъ чтобы сохранить за собой свои старинныя феодальныя права, но претерпѣвало одно пораженіе за другимъ: Лудовикъ XI нанесъ ему страшные удары, но оно смирилось лишь на короткое время, до тѣхъ поръ пока реформація не пробудила снова его надежды и притязаній; одна часть дворянскаго сословія послѣшила усвоить себѣ новыя религіозныя ученія и, отстаивая ихъ, стремилась къ тому чтобы по возможности совершенно порвать узы повиновенія королю, другая часть, сохранившая вѣрность католической религіи, тоже захватила въ свои руки управленіе нѣсколькими провинціями и самовольно распоряжалась ими. Бульоны, Рогавы, Латремуды, Шатильоны съ одной стороны, Монморанси, Гизы, Майены, Меркеры, Элероны съ другой, раздѣлены были повидному непримиримую враждой, но въ сущности одинаково угрожая страшными бѣдствіями государству. Франція была близка къ политическому раздробленію. Только гений и энергія Гевриха IV спасли ее отъ анархіи. При преемникѣ этого короля кардиналъ Ришелье поставилъ себѣ задачей подорвать въ концѣ политическое значеніе дворянства и достигъ своей цѣли рядомъ административныхъ мѣръ, главнымъ образомъ тѣмъ что дворянское сословіе было

устрашено отъ дѣйствительнаго участія въ управленіи страной, которое перешло въ руки бюрократіи вполнѣ завистлившей отъ королевской власти. Пользуясь малолѣтствомъ наследника Лудовика XIII аристократія отважилась на послѣднюю отчаянную попытку возстановить прежній порядокъ вещей, но междуусобная война возбужденная ею, такъ-называемая война Фронды, обнаружила только ея недалковидность, эгоизмъ и отсутствіе патриотизма. Съ этой минуты она должна была убѣдиться что не можетъ претендовать на ту роль которая принадлежала ей въ былое время. Она перестала быть опасною для королевской власти. Лудовикъ XIV былъ уже вполнѣ неограниченнымъ королемъ,—аристократія, духовенство, среднее сословіе, пользовавшіяся вѣкогда привилегіями стѣснительными для авторитета французскихъ государей, смирились теперь предъ нимъ.

Но раздѣлавшись со своими вѣковыми соперниками, королевская власть сохранила за ними очень многое, что напоминало давно отжившую старину. Дворянство, напримѣръ,—такъ какъ о немъ преимущественно говоримъ мы здѣсь,—осталось такимъ же привилегированнымъ сословіемъ какъ прежде. Изъ среды его назначались губернаторы провинцій представлявшихъ необыкновенно лестное зрѣлище, ибо почти каждая изъ нихъ удержала за собою свои мѣстныя особенныя учрежденія; этимъ губернаторамъ принадлежалъ большой почетъ, но власть ихъ была весьма незначительна, ибо со времени кардинала Рашелье она находилась въ рукахъ королевскихъ чиновниковъ, цвѣтущихъ, распорядившихся рѣшительно всѣмъ, доносившихъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ Парижъ и только оттуда получавшихъ инструкціи. Дворянству принадлежало право суда: такъ-называемая высшая юстиція, съ которою сопряжена была смертная казнь и конфискація имущества, давно уже отошла отъ него; воспоминаніе о ней сохранилось лишь въ томъ что знатнѣйшимъ дворянамъ предоставлено было имѣть въ своихъ помѣстьяхъ висѣлицы и позорные столбы, стоявшіе однако безо всякаго употребленія; но полиція вотчинная, сеньйоріальная, осталась за ними въ широкихъ размѣрахъ, и нельзя сказать чтобъ они отгравляли ее съ достоинствомъ и честью; каждый дворянинъ хотѣлъ быть судьей въ своемъ помѣстьѣ или округѣ, но вѣрѣдко онъ только номинально пользовался этимъ правомъ, а исполненіе сопряженныхъ съ нимъ обязанностей возлагалъ на своихъ

подчиненныхъ людей низкаго происхожденія и съ незавидною репутаціей; со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на крайній произволъ и притѣсненія господствовавшія въ этой сферѣ. Наряду съ дворянами судебною властью облечены были также и королевскіе чиновники, которые относились крайне враждебно къ сеньориальной юстиціи, вмѣшивались въ ея дѣятельность, а поводы для подобнаго вмѣшательства представлялись на каждомъ шагу. Хотя дворянство и не было вовсе освобождено отъ налоговъ и податей, но оно не подлежало самой тяжкой подати, такъ-называемой тальѣ, всецѣло лавдавшей на народъ; оно платило нѣкоторые налоги, но при этомъ и отдѣльнымъ лицамъ и всей дворянской корпораціи той или другой мѣстности дѣлаемы были широкія облегченія и изъятія; если скоплялись за дворянствомъ недоимки, то вслѣдствіе ограждавшихъ его привилегій часто не было возможности взыскать ихъ. Не говоримъ уже о томъ что въ помѣстьѣ каждаго дворянина крестьяне обложены были въ его пользу разнообразными повинностями, вслѣдствіе коихъ положеніе ихъ было буквально невыносимо. Такимъ образомъ дѣятельности у дворянства не было никакой; оно находилось въ полной зависимости отъ администраціи, но за нимъ оставался весь высшій почетъ и блескъ, непрерывно напоминавшій ему о невозвратномъ прошломъ и пораждавшій въ немъ желчное чувство; оно пользовалось огромными привилегіями, нисколько не оправдываемыми тою ролью которая принадлежала ему въ государствѣ и возбуждавшими во всемъ что окружало его лишь безграничную къ нему зависть; королевская власть, не встрѣчая уже въ немъ соперника, старалась всячески щадить его и оно со своей стороны искало опоры въ этой власти, ибо само по себѣ не имѣло силы и значенія. Матеріальное его положеніе ухудшалось съ поразительною быстротой. Оно имѣло въ своемъ обладаніи земли, замки, было изъято отъ самыхъ тяжкихъ податей, занимало доходныя должности и все-таки систематически разорялось. Известный путешественникъ Артуръ Юнгъ, посѣтившій Францію наканунѣ революціи, рассказываетъ что въ одномъ лишь 1787 году продавалось болѣе 8.000 помѣстій принадлежавшихъ дворянамъ; самая обширная земля, напримѣръ земля принца Субизъ и герцога Бульфона, оставалась почти невоздѣланною отчасти по безлечности владѣтелей, отчасти за неимѣніемъ капиталовъ.

Аббатъ Кофе писалъ въ 1776 году; „Взгляните на помѣстья нашихъ дворянъ не приносящія имъ почти никакихъ доходовъ, на эти фермы безъ скота, на эти необработанныя поля! Къ чему служатъ почести когда нельзя ими пользоваться, къ чему эти лишныя гербы, это особое мѣсто въ церкви, это право суда и расправы, сдѣлавшееся лишь источникомъ злоупотребленій въ недостойныхъ рукахъ! Столь печальное положеніе дѣлать не можетъ продолжаться; оно приведетъ къ чему-нибудь еще несравненно худшему. Помѣщикъ видитъ какъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрушается его родовой замокъ и не имѣетъ средствъ поддержать его. Солнце восходитъ только для того чтобъ освѣщать его нищету.“ Французское дворянство всегда славилось своимъ воинственнымъ духомъ, оно справедливо гордилось своею готовностью проливать кровь на поляхъ битвы, во мирныя производительныя занятія были ему ненавистны. Оно считало крайнимъ униженіемъ для своего достоинства заниматься промышленностію и торговлею. Королевская власть тщетно старалась побудить его къ этому. Въ 1669 году Лудовикъ XIV издалъ эдиктъ гласившій слѣдующее: „Торговля, преимущественно морская, служитъ обильнымъ источникомъ благосостоянія государства и распространяетъ это благосостояніе на всѣхъ подданныхъ сообразно ихъ предпріимчивости и труду; изъ всѣхъ способовъ обогащенія это самый законный и честный, вслѣдствіе чего онъ всегда пользовался уваженіемъ у наиболее образованныхъ націй. Считаю необходимымъ для блага нашихъ подданныхъ и для собственной нашей пользы искоренить остатки господствовавшего въ прежнее время мнѣнія будто занятія торговлею несовмѣстны съ дворянскимъ происхожденіемъ и противорѣчатъ привилегіямъ дворянства, мы признали за лучшее подтвердить что разрѣшаемъ всѣмъ дворянамъ или самимъ, или чрезъ посредство ихъ довѣренныхъ вступать въ коммерческія общества, заниматься торговыми предпріятіями“ и т. д. Нашлось лишь весьма незначительное число лицъ воспользовавшихся этимъ благомъ совѣтомъ и разрѣшеніемъ. Любопытно что даже Монтескьё оставался вѣрныи укоренившемуся предразсудку: „Многіе, говоритъ онъ въ *Espria des lois*, обольщенные тѣмъ что происходитъ въ другихъ государствахъ, полагаютъ что и для Франціи было бы весьма хорошо еслибы дворянство наше не пренебрегало торговлею. Но это зна-

чило бы только безо всякой пользы для торговли погубить дворянское сословіе....“ Дворянство не измѣняло своего средневѣковаго характера; впрочемъ то же самое слѣдуетъ сказать и о привилегированной буржуазіи, а также и о всѣхъ учрежденіяхъ. Старые порядки продолжали существовать наряду съ новыми, причемъ происходили между ними непрерывныя столкновения. Съ одной стороны господствовала строгая административная централизація, а съ другой, дѣйствовали многочисленныя органы провинціальной самостоятельности; королевскіе чиновники проводили въ жизнь новыя государственныя начала, но на каждомъ шагѣ встрѣчали упорную оппозицію со стороны еще удѣлывшаго историческаго права. Чтобы лобороть эту оппозицію они были вынуждены прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ вызывавшимъ волю противъ ихъ беззаконія. Парламенты имѣютъ возможность противиться административнымъ и финансовымъ мѣрамъ центральной власти, отказываются узаконять, т.е. заносить въ свои протоколы королевскіе эдикты; повидимому это свидѣтельствуешь въ пользу значительной свободы, а въ то же самое время личность ничѣмъ не ограждена; достаточно такъ-называемаго *lettre de cachet* чтобы кого угодно подвергнуть безъ срока тюремному заключенію, и эти *lettres de cachet* выдаются даже частнымъ лицамъ чтобъ они могли пользоваться ими для своихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ государственными интересами. Едва ли какая-нибудь другая страна представляла столь поразительные контрасты, такую смѣсь несовмѣстимыхъ учрежденій, обычаевъ и понятій.

Если средневѣковой порядокъ вещей еще далеко не разрушился во Франціи, то не удивительно что онъ встрѣчалъ горячихъ защитниковъ. Хотя королевская власть и подорвала его корни, но какъ бы не дерзала окончательно посягнуть на него: отсюда выводъ что она сама признавала его законность. Мало того, ея собственная политика казалась беззаконнымъ, ничѣмъ не оправдываемымъ отступленіемъ отъ освященныхъ временемъ преданій. Герцогъ Сень-Симонъ былъ однимъ изъ наиболее убѣжденныхъ и краснорѣчивыхъ представителей этого возрѣвія. Намъ поражаетъ странностью его образъ мыслей, но въ сущности нѣтъ въ немъ ничего страннаго, если перенестись въ то время къ которому относится его дѣятельность. По словамъ одного писателя Сень-Симонъ производитъ впечатлѣніе чловѣка ко-

торый вдругъ явился бы среди общества въ костюмѣ своихъ прадѣдовъ: сравненіе далеко неудачное, ибо Сень-Симонъ могъ бы указать на цѣлую толлу людей носившихъ одинаковый съ нимъ костюмъ, смотрѣвшихъ на вещи одинаковыми съ нимъ глазами,—мало того, могъ бы указать вокругъ себя на цѣлый рядъ учрежденій привлекавшихъ его симпатіи, которыя свидѣтельствовали о томъ что старый порядокъ вещей вовсе не такъ отжилъ свой вѣкъ какъ это казалось многимъ. Сень-Симонъ живетъ по вѣяніямъ феодальной эпохи, но и феодализмъ представляется ему исключительно съ точки зрѣнія того сословія къ которому принадлежалъ онъ самъ. Мармонтель сказалъ о немъ что „во всей націи видѣлъ онъ только дворянство, а въ дворянствѣ только герцоговъ и перовъ“: дѣйствительно, онъ горячо стоитъ за право дворянскаго сословія, но именно потому что онъ оставался вѣрныи старинѣ и ему не приходится въ голову подводить подъ одинъ уровень весь этотъ классъ общества; онъ требуетъ чтобы первое мѣсто всегда и во всемъ принадлежало потомкамъ знатной родовой аристократіи; для него невыносима мысль чтобы могли соперничать съ нею люди стоящіе ниже ея по своимъ титуламъ и по давности своего происхожденія. Такъ какъ не было возможности переносить этотъ вопросъ въ сферу государственной дѣятельности, то Сень-Симонъ неутомимо преслѣдовалъ его во всемъ что касалось этикета: громадную важность придавалъ онъ тому что имѣеть право занимать мѣсто въ королевскихъ экипажахъ, садиться въ присутствіи короля на кресло или на складной стулъ, кто при церемоніяхъ долженъ былъ стоять выше другихъ, и т. п. Распри по этому поводу верѣдко поступали на разрѣшеніе парламента. Герцогъ Сень-Симонъ предавался имъ всею душой и создавалъ себѣ опасныхъ враговъ. Самъ король былъ въ высшей степени недоволенъ возбуждаемыми имъ процессами. Не мало вредило Сень-Симону то обстоятельство что, какъ замѣчено выше, не совсѣмъ основательно питалъ онъ чрезчуръ высокое мнѣніе о знатности своего рода. Противники его пользовались этимъ и издѣвались надъ нимъ. Въ современныхъ мемуарахъ упоминается что когда однажды прибылъ ко двору Лудовика XIV герцогъ Цвейбрюккенскій, Сень-Симонъ вслѣдствіи старался перебить у него мѣсто за обѣденнымъ столомъ, причемъ герцогиня Орлеанская громко воскликнула: „что это онъ такъ суетится? не хочетъ ли онъ просить герцога чтобы

тотъ привялъ къ себѣ лажемъ его сына? Въ безчисленныхъ шансонеткахъ того времени часто встрѣчается имя Сень-Симона:

Saint Simon croit par son adresse
 Avilir toute la noblesse
 Et subjuguer le parlement.
 Cette entreprise est téméraire,
 Mais un sot, un impertinent
 Croit que tout est facile à faire.

Или въ другой пѣсенкѣ:

D'où te vient tant de gloire,
 Dis-moi, petit Saint-Simon,
 Boudrillon?
 Nous n'avons dans l'histoire
 Jamais trouvé ton nom.

Несмотря на ядовитыя и часто крайне грубыя насмѣшки герцогъ Сень-Симонъ продолжалъ идти избраннымъ имъ путемъ. Говорили что это происходило отъ тщеславія. Конечно, тщеславіе играло тутъ не маловажную роль, но не оно одно, а прежде всего увлеченіе извѣстною идеей, въ искренности коего нельзя сомнѣваться.

Сень-Симонъ не могъ примириться съ мыслию что государственная власть сосредоточилась въ лицѣ одного короля. Для него Лудовикъ XIV въ полномъ смыслѣ слова деспотъ, и онъ клеймилъ этотъ деспотизмъ со всею силой своего негодованія. Онъ лоборникъ свободы, но какой свободы? И въ этомъ случаѣ онъ останется вполнѣ вѣренъ своимъ феодальнымъ преданіямъ и понятіямъ. Золотымъ временемъ въ исторіи своей страны считаетъ онъ то время когда королевская власть встрѣчала противовѣсъ въ могущественномъ дворянствѣ, и хотя дворянство это никогда не дѣйствовало въ интересѣ другихъ сословій, а преслѣдовало исключительно свои эгоистическія цѣли, Сень-Симонъ убѣжденъ что оно оказывало великія услуги государству. И вдругъ это дворянство отстранено на задній планъ! Главными органами управленія являются министры, часто люди далеко не знатнаго происхожденія и во всякомъ случаѣ находящіеся въ полной зависимости отъ короля, а орудіями ихъ въ провинціяхъ—интенданты, презрѣнные по мнѣнію Сень-Симона чиновники, предъ которыми однако аристократическія фамиліи вынуждены преклоняться, заискивая въ нихъ! Этотъ ненавидимый для него порядокъ

вещей приводилъ его въ содроганіе. Любопытство какъ смотритъ онъ на учрежденіе должности интендантовъ. Извѣстно что возникла она еще въ концѣ XVI вѣка при послѣднемъ королѣ изъ дома Валуа, а при Лудовикѣ XIII учрежденіе было уже вполне организовано. Кардиналъ Ришелье установилъ основы того бюрократическаго управленія которое въ послѣдствіи пустило столь глубокіе корни во Франціи, но подъ перомъ герцога Сень-Симона знаменитый кардиналъ вовсе не является создателемъ ненавистой ему системы. Онъ всячески его выгораживаетъ и это изъ благоговѣнія къ памяти короля возвысившаго его семейство. Въ трактатѣ своемъ *Parallèle des trois premiers rois Bourbons* старается онъ доказать что Лудовикъ XIII былъ вовсе не такимъ безцвѣтнымъ государемъ какъ привыкли думать, что кардиналъ былъ только послушнымъ исполнителемъ его предначертаній, что всѣ сколько-нибудь важныя мѣры внѣшней и внутренней политики являлись результатомъ ихъ взаимнаго соглашенія. Удобно ли было бы послѣ этого выставить въ неблаговидномъ свѣтѣ Ришелье? Вотъ почему негодованіе Сень-Симона обращается исключительно противъ Лудовика XIV. „До его царствованія, говорить онъ, интендантовъ было не много и они не пользовались большимъ значеніемъ. Король и министры его, такого же сорта какъ и интенданты, мало-по-малу увеличили ихъ число, распредѣлили между ними округа (*généralités*), расширили ихъ власть. Они стали пользоваться ими чтобы поколебать, затмить, наконецъ и совершенно унижить генералъ-губернаторовъ и генералъ-лейтенантовъ провинцій, а также унижить положеніе которое знатнѣйшіе дворяне приобрѣли себѣ въ своей мѣстности. Интенданты имѣли задачей стѣснить епископовъ во всемъ что не касалось собственно церкви, они противодействовали парламентамъ и забрали въ свои руки городскія общины. Область денежныхъ интересовъ чрезвычайно обширна: право распредѣлять налоги, возможность дѣлать неприятели богатымъ и покровительствовать бѣднымъ, возвышать однихъ и унижать другихъ, — все это привело къ тому что всѣ сколько-нибудь значительные люди стали покидать провинціи не будучи въ состояніи выносить этотъ новый рядъ преслѣдованій и заискивать у интендантовъ чтобъ избѣжать незаслуженныхъ оскорбленій. Знатные губернаторы, видя что они только компрометируютъ и себя лично, и свою власть въ безпрерывныхъ столкнове-

вѣяхъ съ интендантами, убѣдившись опытомъ что въ слорахъ съ ними не могутъ разчитывать на справедливость, предпочли не посвящать своихъ провинцій, а мало-по-малу, еслибы даже и хотѣли, потеряли право являться туда безъ особаго королевскаго разрѣшенія, въ которомъ почти всегда было имъ отказываемо. Вслѣдствіе того губернаторскія должности сдѣлались лишь почетными, не сопряженными съ властью, такъ что губернаторамъ осталось только получать назначенное имъ жалованье. Еще болѣе слѣдуетъ это сказать объ ихъ помощникахъ, генералъ-лейтенантахъ провинціи, которые дошли до того что подчиненные не знали ихъ даже по имени. Таково было настойчивое стремленіе унижать повсюду знать, дворянство, корпораціи, ставить ихъ въ безусловное подчиненіе людямъ ничтожнымъ, которые по самому ничтожеству своему не внушали никакихъ опасеній правительству, съ которыми отнюдь не надо было церемониться какъ съ губернаторами, вельможами и парламентомъ. Люди эти рабы министровъ, но въ то же самое время, благодаря министрамъ, они всюду даютъ чувствовать свое господство.“ У Сень-Симона нечего искать объясненія дѣйствительныхъ причинъ которыми вызвано то или другое явленіе въ общественной и политической жизни; онъ на все смотритъ съ своей точки зрѣнія, онъ страстный адвокатъ старины и ему не приходится даже въ голову задать себѣ вопросъ—не было ли въ старомъ порядкѣ вещей чего-либо такого что настоятельно вызывало усиленіе бюрократіи. Историческая роль королевской власти совершенно ускользаетъ отъ него: въ развитіи ея онъ видитъ только два періода: одинъ до Лудовика XIV, другой начинающійся съ воцареніемъ этого короля; и этотъ послѣдній періодъ самый гибельный, ибо во время его порвана связь со всѣми вѣковыми завѣтными преданіями изъ стремленія къ необузданному самовластью.

Дворянство ненавидѣло интендантовъ, но не одному ему внушали они непримиримую ненависть: парламенты относились къ нимъ съ немалымъ ожесточеніемъ. Повидимому между дворянскимъ сословіемъ и парламентами, взоры копъ были одинаково обращены не къ настоящему, а къ прошлому, должна была установиться тѣсная связь; но ничего подобнаго не случилось. Абсолютизмъ королевской власти во Франціи условливался именно глубокою рознью раздѣлявшею различныя сословія этой страны, рознью которая съ теч-

нiемъ времени и несмотря ни на какія обстоятельства нисколько не ослабѣвала. Въ 1614 году въ собранiи генеральныхъ штатовъ одинъ изъ представителей *tiers état* назваъ дворянство и духовенство старшими братьями своего сословiя, а Францiю—общемо ихъ матерью. Дворяне пришли въ ярость. Депутатъ ихъ баронъ Семеси съ негодованiемъ воскликнулъ: „они осмѣливаются называть насъ своими братьями; до какого плачевнаго улада дошли мы, если слова эти справедливы!“ Дворянство именно потому и скорбѣло о новомъ порядкѣ вещей что при господствѣ его возвышались люди средняго сословiя, что имъ открытъ былъ доступъ къ должностямъ которыя оно привыкло считать исключительно своимъ достоянiемъ, и герцогъ Сень-Симонъ былъ сапшкомъ провикнуть духомъ своей касты чтобы смотрѣть на дѣло иначе. Онъ олакиваетъ вѣкъ Лудовика XIV потому что это былъ, какъ выражается онъ, вѣкъ „презрѣнной буржуазiи“ (*vile bourgeoisie*). Если кое-что въ образѣ дѣйствиi Парижскаго парламента и было сочувственно ему, то Сень-Симонъ не можетъ простить этому парламенту что въ вопросахъ о мѣстничествѣ (*questions de préséance*) онъ часто становился на сторону его соперниковъ. А къ этому присоединился еще такъ - называемый *question du honnet*, который по истинѣ сдѣлался какимъ-то кошмаромъ для Сень-Симона и не давалъ ему покоя въ теченiе долгаго ряда лѣтъ! Сущность этого пресловутаго вопроса заключалась въ томъ, обязанъ ли первый президентъ парламента обращаясь при сборѣ голосовъ къ герцогамъ и перамъ прикасаться рукою къ своей шапкѣ въ знакъ уваженiя къ нимъ. Въ глазахъ Сень-Симона это было дѣло громадной важности; никогда не переставало оно занимать его, и онъ вздохнулъ лишь свободно когда при регентѣ, увы, на короткое время!—вопросъ рѣшенъ былъ въ пользу его и его товарищей.

Изъ всѣхъ министровъ Лудовика XIV герцогъ Сень-Симонъ особенно преслѣдуетъ своимъ недоброжелательствомъ Лувуа. Нельзя сказать чтобъ это недоброжелательство было незаслуженно. Всѣ современные намъ историки, и въ томъ числѣ Камиллъ Руссе, посвятившiй подробную биографiю знаменитому министру, подтверждаютъ во многомъ приговоръ о немъ автора мемуаровъ: это былъ дѣйствительно злой генiй войны умышленно разжигавшiй честолюбiе короля. Но Сень-Симонъ особенно лорцаетъ въ немъ то что уже никакимъ образомъ

не заслуживало порицанія. Лувуа ненавистенъ ему за его военныя реформы. Еще въ XV вѣкѣ возникло во Франціи постоянное войско, а вслѣдствіе того королевская власть уже не нуждается въ феодальныхъ ополченіяхъ; правда, до самой революціи дворяне, по призыву короля, должны становиться подъ знамена, но это касается только ихъ лично, они являются сами, но не приводятъ съ собою толпу своихъ вооруженныхъ „подданныхъ“ (*sujets et vassaux*). Въ XVII вѣкѣ это дворянское ополченіе простиралось не болѣе какъ до четырехъ тысячъ человекъ и то лишь въ такомъ случаѣ если требованіе было строго примѣняемо ко всѣмъ провинціямъ, что происходило очень рѣдко. Вобанъ говоритъ о немъ что большей части оно представляло собою „скопище дворянъ весьма недостаточныхъ, не имѣвшихъ даже средствъ прилично обмундировать себя и неохотно подчинявшихся дисциплинѣ“. Сравнительно съ прошлымъ сдѣланъ былъ важный шагъ впередъ, но все-таки устройство арміи отличалось громадными недостатками и великая заслуга Лувуа заключалась въ томъ что многое въ ней преобразовалъ онъ на совершенно новыхъ началахъ. Онъ установилъ такъ-называемый *ordre du tableau*, которымъ въ значительной степени были сглажены рѣзкія отличія по службѣ условливаемая происхожденіемъ и обезлечены были лучшей порядкомъ и дисциплина; офицерскія мѣста могли быть занимаемы до полковничьяго чина не одними только дворянами, но и лицами другихъ сословій, къ великому отчаянію Сень-Симона, который говоритъ что вслѣдствіе этого „*l'armée fut rendu populaire*“, — въ томъ смыслѣ разумѣется что командованіе его, хотя только и на низшихъ ступеняхъ, не принадлежало исключительно привилегированному классу. Лувуа заставлялъ молодыхъ дворянъ проходить чрезъ *école des cadets*, а именно поступать простыми солдатами въ ряды королевской гвардіи, гдѣ они должны были приучаться сами къ дисциплинѣ прежде чѣмъ начальствовать надъ другими. Наконецъ онъ же учредилъ должность инспекторовъ обязанныхъ слѣдить за правильностью службы, за состояніемъ вооруженія, продовольствіемъ и т. п. Согласно *ordre du tableau* высшіе начальники не могли уже раздавать мѣста кому угодно, часто людямъ только-что поступившимъ въ службу и не имѣвшимъ ловятія о военномъ дѣлѣ; теперь установлень былъ принципъ старшинства, хотя и допущены широкія изъятія въ пользу отличія и особен-

ныхъ заслугъ. Преобразованія о которыхъ говоримъ мы условивались настоятельною необходимостью и польза ихъ бросается въ глаза съ перваго взгляда. Дворяне прибрѣтавшіе за деньги право командованія полками часто, особенно въ мирное время, не обращали на нихъ почти ни малѣйшаго вниманія. Въ одномъ изъ писемъ гжи Севинье находимъ мы слѣдующій анекдотъ: „Недавно г. Лувуа громко и въ присутствіи многочисленнаго общества сказалъ г. Ногарету: „Милостивый государь, вашъ полкъ въ очень дурномъ состояніи“. — „Г. министръ, я не знаю многого“. — „Надо знать; видѣли ли вы его?“ — „Нѣтъ, еще не видѣлъ“. — „Надо было видѣть“. — „Я сдѣлаю все зависящія отъ меня распоряженія“. — „Надо было сдѣлать ихъ прежде. Что-нибудь одно, милостивый государь,—или оставайтесь придворнымъ, или исполняйте долгъ офицера“. Тогдашнее общество вполнѣ справедливо составило себѣ самое невыгодное понятіе объ этихъ импровизованныхъ воинахъ. Въ комедіи Бурсо *Evore à la cour* выставленъ одинъ изъ нихъ, который говоритъ:

Je ne suis point soldat et nul ne m'a vu l'être,
Je suis bon colonel et qui sert bien l'état.

а Эзопъ вслѣдствіе этого наивнаго признанія называетъ его:

Monsieur le colonel qui n'êtes point soldat...

Повторяемъ, не все, но многое измѣнилось къ лучшему со времени реформъ Лувуа. Герцогъ Сень-Симонъ однако не только не цѣнилъ ихъ, но считалъ эти реформы положительно губельными. Отсылаемъ читателей къ тѣмъ страницамъ въ *Parallèle des trois premiers Bourbons* на которыхъ онъ изложилъ свое негодованіе еще краснорѣчивѣе чѣмъ въ своихъ мемуарахъ.

Таковы идеи Сень-Симона. Онъ только и мечтаетъ о томъ блаженномъ времени когда восторжествуютъ эти идеи въ государствѣ и все возвратится къ старому порядку вещей. Но какъ это сдѣлать? Ревностный лоборникъ привилегій своего сословія, Сень-Симонъ не полагалъ однако чтобы переворотъ могъ совершиться вслѣдствіе инициативы со стороны дворянства; онъ не заблуждался на его счетъ; кто же какъ не онъ выставилъ на видъ все позорное его ничтожество, мелкій эгоизмъ и отсутствіе въ немъ гражданскихъ доблестей? Странное дѣло, всѣ надежды Сень-Симона опираются на то что сама королевская власть отступитъ отъ пути по которому шла она

въ теченіе столь долгаго времени и возвратится къ преда-
нямъ феодализма. Пусть только явится на престолѣ чело-
вѣкъ воспитанный въ лонятіяхъ враждебныхъ системъ Лу-
довика XIV, и все можетъ измѣниться къ лучшему. Пови-
димому власть должна была перейти именно въ руки такого
человѣка: то былъ герцогъ Бургонскій, который по смерти
сына Лудовика XIV провозглашенъ былъ дофиномъ. О немъ
сохранилось самое лучшее воспоминаніе. Изъ всѣхъ отзы-
вовъ видно что онъ обладалъ замѣчательнымъ умомъ, твер-
дымъ характеромъ и относился съ живымъ участіемъ къ го-
сударственнымъ вопросамъ. Воспитателемъ его былъ Фене-
лозь сохранившій на него сильное вліяніе. Такъ какъ зна-
менитый епископъ смотрѣлъ на многое совершенно одина-
ково съ Сень-Симономъ, то неудивительно что и этотъ по-
слѣдній нашелъ вскорѣ доступъ къ герцогу Бургонскому.
Свиданія между ними происходили тайно; придворные долгое
время не имѣли даже лонятія объ установившихся между ни-
ми сношеніяхъ. Сень-Симонъ питалъ такое довѣріе къ принцу
что знакомилъ его даже со своимъ завѣтнымъ сокровищемъ,
со своими мемуарами, но главнымъ образомъ бесѣдовалъ
онъ съ нимъ о политикѣ, старался внушить ему свои идеи
и съ восторгомъ замѣчалъ что сѣмя падаетъ на благодарную
почву. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ той ми-
нуты когда управленіе страной перейдетъ въ руки герцога
Бургонскаго, но внезапный ударъ разрушилъ эти надежды.
Смерть не пощадила дофина. Помято отчаяніе съ которымъ
встрѣтилъ Сень-Симонъ это событіе. „Я испыталъ бѣдствіе,
говоритъ онъ, въ томъ самомъ возрастѣ въ какомъ отецъ
мой потерялъ Лудовика XIII, но по крайней мѣрѣ онъ дол-
го наслаждался счастіемъ, а я—*gustavi paululum mellis et
esse morior*“ (вкусилъ немного меду и вотъ уже умираю).
„Герцогъ унесъ съ собою въ могилу счастье Франціи“, вос-
кликнулъ Сень-Симонъ въ день его погребенія. Даже въ на-
стоящее время многіе писатели держатся совершенно такого
же взгляда, и они точно такъ же убѣждены что судьбы
Франціи могли бы принять другой оборотъ еслибы преем-
никомъ Лудовика XIV былъ человѣкъ съ такими замѣча-
тельными способностями какъ герцогъ Бургонскій; но по-
добныя предположенія кажутся болѣе чѣмъ сомнительными.
Весьма справедливо замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ

теперешнихъ историковъ: * „Дофинъ сосредоточивалъ на себѣ надежды какъ всей націи, такъ и короля; народъ оплакивалъ въ немъ благоденствіе котораго ожидалъ отъ него и котораго не суждено было ему вкусить. Мало-по-малу укоренилось мнѣніе что еслибы принцъ не отошелъ столь преждевременно въ вѣчность, то онъ не допустилъ бы монархію до ея конечнаго упадка, оградилъ бы Бурбонскую династію отъ страшныхъ испытаній которыя приготовляла для нея революція. Сколько разъ приходилось намъ встрѣчать эту мысль въ книгахъ посвященныхъ вѣку Людовика XIV, но намъ кажется что это не болѣе какъ иллюзія, исчезающая сама собою при внимательномъ взглядѣ на политическія доктрины внушенныя привиду. Если для того чтобъ упрочить существованіе старой монархіи нуженъ былъ человекъ просвѣщенный, трудолюбивый, справедливый, гуманный, преданный общему благу, то конечно герцогъ Бургонскій воплощалъ собою этотъ идеалъ и благоговѣніе къ нему Сень-Симона какъ нельзя болѣе закононо. Но когда тотъ же Сень-Симонъ восхваляетъ его за его сочувствіе къ привилегіямъ дворянства, за его готовность возвысить это сословіе уничтоживъ „невыносимое смѣшеніе дворянъ съ буржуазіей“ (*l'insupportable confusion des nobles avec la bourgeoisie*), отмѣнить *ordre du tableau*, служившій оградой старшинству и заслугамъ отъ притязаній знати, поставить во главѣ администраціи не министровъ, а совѣты состоящіе исключительно изъ членовъ высшей аристократіи; когда со своей стороны Фенелонъ требуетъ чтобы только въ пользу этой аристократіи король отказался отъ своей неограниченной власти, а среднее сословіе было устранено ото всѣхъ высшихъ должностей въ администраціи и магистратурѣ; чтобъ отмѣнены были интенданты, чтобы правильно были созываемы генеральныя штаты, но чтобы при этомъ рѣшительный перевѣсъ въ ихъ средѣ принадлежалъ знатнѣйшему дворянству и епископамъ; чтобы для искорененія роскоши былъ нанесенъ ударъ всѣмъ отраслямъ промышленности которыя развиваютъ потребность въ ней и т. п., то нельзя не усомниться чтобы герцогъ Бургонскій осуществилъ всѣ тѣ радужныя надежды которыя были возлагаемы на его царствованіе....“ Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить что олыть—великое дѣло. Поставленный лицомъ къ

* Auguste Trognon, *Hist. de France*, V, 175—176.

лицу съ дѣйствительностью и неся на себѣ тяжкую отвѣтственность, герцогъ Бургонскій отказался бы быть-можетъ отъ роли послушнаго исполнителя теорій навязанныхъ ему его воспитателями и друзьями. У него было достаточно ума и самостоятельности чтобъ отрезвиться отъ нихъ. Сколько есть примѣровъ такихъ рѣшительныхъ переворотовъ!

Одинъ изъ нихъ совершился, между прочимъ, на глазахъ Сень-Симона и къ великому его прискорбію. Давнишняя дружба связывала его съ герцогомъ Орлеанскимъ. Сень-Симонъ вовсе не былъ высокаго о немъ мнѣнія, — онъ съ восторгомъ повторяетъ мѣткое слово Лудовика XIV объ этомъ привѣ: *voulez-vous savoir ce que c'est que mon neveu? c'est un fanfaron de vices*, — но ихъ связывало, быть-можетъ, то что оба они находились въ оппозиціи; къ тому же герцогъ былъ человѣкъ умный, способный, и не одинъ Сень-Симонъ, но многіе любили надежду что когда откроется достойное полрище для его дѣятельности, онъ преодолѣетъ въ себѣ порочныя наклонности, которыми съ поразительнымъ цинизмомъ любилъ щеголять предъ лубайкой. Его ожидало высокое назначеніе. Хотя Лудовикъ XIV не скрывалъ своего нерасположенія къ нему, онъ не могъ однако совершенно устранить его при установленіи регентства на время малолѣтства своего преемника. Завѣщаніе составленное кородемъ не задолго до его кончины гласило что титулъ регентства долженъ принадлежать герцогу Орлеанскому, но съ этимъ титуломъ не соединялось никакой дѣйствительной власти; лобочные сыновья Лудовика признаны были принцами крови съ предоставленіемъ имъ права на престолъ въ случаѣ еслибы пресѣклась прямая линія: старшій изъ нихъ, герцогъ Менскій, былъ назначенъ воспитателемъ малолѣтнаго Лудовика XV и вообще въ полномъ смыслѣ слова правителемъ государства, такъ что герцогъ Орлеанскій, несмотря на свое званіе регента, отстранялся на второй планъ. Эти распоряженія были громовымъ ударомъ для Сень-Симона. Онъ видѣлъ что власть переходитъ къ людямъ о которыхъ никогда не могъ слышать безъ содроганія, къ людямъ казавшимся ему воплощеніемъ всего наиболѣе ему ненавистнаго въ господствовавшемъ порядкѣ вещей. Онъ употребилъ все свое вліяніе на регента, вполнѣ готоваго впрочемъ слѣдовать его совѣтамъ, чтобы признать недѣйствительность распоряженія покойнаго короля. Нигдѣ талантъ его не

проявляется съ такою силою и блескомъ какъ на страницахъ посвященныхъ имъ описанію сценъ происходившихъ въ Парижскомъ парламентѣ, которому предоставлено было отмѣнить завѣщаніе Людовика XIV. Онъ могъ наконецъ дать полную волю чувствамъ столь долгое время накопленнымъ въ его груди; онъ торжествовалъ,—униженіе его враговъ доставляло ему безграничное удовольствіе. Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ нѣсколько вырвавшихся у него строкъ, ибо нѣтъ возможности перевести ихъ не ослабивъ ихъ значенія: „Attentif à dévorer l'air de tous, présent à tout et à moi-même, immobile, collé sur mon siège, compassé de tout mon corps, pénétré de tout ce que la joie peut imprimer de plus sensible et de plus vif: du trouble le plus charmant, d'une jouissance la plus démesurement et la plus persévérément souhaitée, je suais d'angoisse de la captivité de mon transport, et cette angoisse même n'était qu'une volupté que je n'ai jamais ressentie ni devant ni depuis ce beau jour. Que les plaisirs des sens sont inférieurs à ceux de l'esprit, et qu'il est véritable que la proportion des maux est celle-là même des biens qui les finissent!“

Не напрасно радовался Сень-Симонъ. Въ первые годы регентства герцога Орлеанскіи охотно руководился его совѣтами и осуществлялъ если не всю, то по крайней мѣрѣ часть программы усвоенной нѣкогда герцогомъ Бургонскимъ. Этотъ періодъ въ жизни знаменитаго автора мемуаровъ весьма замѣчательнъ. Сколько времени проловѣдывалъ онъ извѣстные идеи которыми только и можно было, по его мнѣнію, оживить одряхлѣвшій государственннй организмъ Франціи,—теперь явилась возможность отъ словъ перейти къ дѣлу. Какъ же принялся онъ за него? Какія практическія мѣры придуманы были имъ съ этою цѣлю? Съ восторгомъ приветствовалъ онъ реформу на основаніи коей должности министровъ или государственныхъ секретарей были отмѣнены, а вмѣсто этого завѣдываніе различными отраслями управленія ввѣрено коллегіальнымъ учрежденіямъ—совѣтамъ. Во главѣ этихъ совѣтовъ стояли все люди принадлежавшіе къ самымъ знатнымъ фамиліямъ—герцога Ноаль, д'Антенъ, д'Эстре и др. Повидимому чего бы лучше? Исполнилась завѣтная мечта Сень-Симона о томъ чтобъ отстранить отъ высшаго управленія людей обязанныхъ всѣмъ только королевской милости и, что еще хуже, нерѣдко принадлежавшихъ даже къ рядамъ „презрѣнной буржуазіи. Но эти люди обладали однимъ важнымъ достоинствомъ,

они болѣе или менѣе знали дѣла: тогда какъ вельможи заявлявшіе ихъ мѣсто обмаруживали на каждомъ шагѣ совершенное незнакомство съ нимъ. Только одинъ изъ нихъ, герцогъ Ноаль, отличался въ этомъ отношеніи отъ своихъ товарищей по той причинѣ что еще при жизни покойнаго короля, предвидя ожидавшую его карьеру, поступилъ на службу къ генералъ-контролеру Дельмаре чтобъ ознакомиться съ механизмомъ финансоваго управленія; что же касается всѣхъ остальныхъ предсѣдателей совѣтовъ, то по общему отзыву современниковъ они довели бы администрацію до крайняго упадка, еслибы не обращались за указами къ тѣмъ самымъ чиновникамъ на которыхъ еще недавно взирали съ такимъ высокомернымъ презрѣніемъ. Коллегіальныя учрежденія, о которыхъ мы говоримъ, просуществовали не долго, не болѣе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ. Настоятельная необходимость заставила въ 1718 году возвратиться къ прежней системѣ: Любуа взялъ въ свои руки иностранныя дѣла, Аржансонъ—юстицію, Лау—финансы. Нисколько незавидна была судьба высшаго совѣта (*conseil de régence*), засѣдавшаго подъ предсѣдательствомъ самого регента и долженствовавшего давать общее направленіе дѣламъ. Нечего говорить что и тутъ вполнѣ царилъ родовая аристократія; между представителями ея Сень-Симону принадлежало одно изъ видныхъ мѣстъ, но даже и онъ долженъ былъ сознаться что совѣтъ обмаружилъ самую прискорбную несостоятельность: онъ ничѣмъ не руководилъ, ничего не направлялъ, въ средѣ его никогда не слышалось сколько-нибудь дѣльнаго мѣтвія. Огромный вредъ причинялъ ему многочисленный его составъ: всякій знатный придворный непременно хотѣлъ засѣдать въ немъ, и это во все не изъ желанія принести пользу, а единственно по той причинѣ что съ должностью члена совѣта соединено было 20.000 ливровъ содержанія. „Совѣтъ регентства, говоритъ Сень-Симонъ, въ которомъ не обсуждалось никакого вопроса сколько-нибудь значительной важности и требующаго тайны, превратился въ старый сералъ (*vison séral*); члены его убивали кое-какъ время слушая экстракты изъ лустѣвшихъ дѣловыхъ бумагъ или услаждая самихъ себя мелочною критикою административныхъ распоряженій. Всѣ уже давно привыкли къ этому и даже люди находившіе это дурнымъ согласились что нѣтъ возможности заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ среди такого сборища. Однажды собралось въ совѣтъ не болѣе шест-

надцати человекъ. Вдругъ вскочила на столъ любимая кошка короля. Герцогъ Ноаль не терпѣвшій кошекъ скорчалъ гримасу и регентъ приказалъ убрать ее. „Къ чему это? сказалъ я ему улыбаясь: она займетъ мѣсто семнадцатаго члена“... Всѣ покатились со смѣху и самъ регентъ послѣдовалъ общему примѣру.

Нѣтъ, высшее сословіе во Франціи рѣшительно не способно было на ту роль которую съ давнихъ поръ усвоила себѣ англійская аристократія.

По крайней мѣрѣ о Сень-Симонѣ можно сказать что и въ это время онъ остался вполнѣ вѣренъ себѣ, ничѣмъ не запятналъ своей чести, обнаруживалъ примѣрное безкорыстіе. Регентъ хотѣлъ чтобъ онъ былъ предсѣвателемъ совѣта финансовъ, но онъ отклонилъ отъ себя это назначеніе. Сень-Симонъ былъ убѣжденъ что сохранивъ за собой полную свободу, онъ тѣмъ легче можетъ руководить герцога Орлеанскаго своими совѣтами, — нельзя не пожалѣть только что онъ оказался такимъ же плохимъ совѣтникомъ какъ и многіе другіе. Бѣдственное состояніе финансовъ болѣе всего озабочивало правительство. Чтобы помочь этому залу Сень-Симонъ предлагалъ одно изъ двухъ: или значительно увеличить налоги, или же объявить торжественно что новый король не считаетъ себя связаннымъ никакими обязательствами принятыми на себя его предшественникомъ. Первое изъ этихъ средствъ онъ самъ считалъ опаснымъ при томъ крайнемъ истощеніи въ какомъ находилась страна; оставалось банкротство, и Сень-Симонъ энергически доказывалъ необходимость прибѣгнуть къ этой отчаянной мѣрѣ. Къ счастью регентъ не поддался его доводамъ. Мысль о созваніи генеральныхъ штатовъ устрасила Сень-Симона. У него не хватило даже смѣлости поддержать регента въ весьма благомъ намѣреніи долженствовавшемъ, повидимому, вызвать полное его сочувствіе. Надо сказать что онъ былъ проникнутъ глубокимъ религиознымъ чувствомъ и — сколько можно судить по его мемуарамъ — склонялся на сторону яansenистовъ; быть-можетъ онъ и не раздѣлялъ вполнѣ ихъ доктринъ, но его связывала съ ними суровая христіанская мораль. Религиозныя гоненія, которыми Лудовикъ XIV запятналъ свое царствованіе, возмущали его; и въ своихъ мемуарахъ, и въ *Parallèle des trois premiers rois bourbons* онъ заклеймилъ ихъ своимъ негодованіемъ. Вотъ на примѣръ какъ

въ послѣднемъ изъ этихъ сочиненій выражается онъ о томъ что происходило во Франціи послѣ отмѣны Нантскаго эдикта: „Король безпрерывно получалъ изъ разныхъ мѣстъ списки лицъ отрекавшихся отъ вѣры своихъ отцовъ. Съ восторгомъ показывалъ онъ ихъ придворнымъ; онъ плавалъ въ упоеніи отъ того что было такое огромное число отступниковъ, приписывая это своей набожности и авторитету своей власти, и никто не дерзалъ обнаружить предъ нимъ свой образъ мыслей. Напротивъ, всѣ солерничали другъ съ другомъ въ похвалахъ, восторгахъ, удивленіи, а между тѣмъ каждый былъ проникнутъ печалью и состраданіемъ; благочестивые епископы сокрушались что церковь приближаетъ противъ еретиковъ къ такимъ же средствамъ какія языческіе императоры употребляли противъ церкви. Только самъ король считалъ себя алостоломъ, былъ убѣжденъ что, благодаря ему, возвратились алостольскія времена, когда крещеніе было преподаваемо развѣ многочисленнымъ толпамъ народа. Опытки овладѣвшее имъ отъ похвалъ которыя были ему расточаемы въ стихахъ и въ прозѣ, въ рѣчахъ и во всякихъ другихъ произведеніяхъ краснорѣчія, отвращало его взоры отъ Евангелія, прелятство вало ему повать всю несравненную разницу между избраннымъ имъ способомъ проповѣдывать и тѣмъ какъ проповѣдывали истину Христосъ и Его ученики.“ Не слѣшкомъ много времени прошло послѣ печальныхъ событій возмущавшихъ Сень-Симона. Зло было сдѣлано, но по крайней мѣрѣ можно было хотя отчасти исправить его, дозволивъ возвратиться во Францію тѣмъ несчастнымъ которые, избѣгая гоненій, разсѣялись по разнымъ странамъ Европы, и регентъ повидимому серьезно думалъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Если она не состоялась, то вслѣдствіе энергическаго противодѣйствія со стороны Сень-Симона. „Я доказывалъ, говоритъ авторъ мемуаровъ, что ошибка покойнаго короля заключалась не столько въ основной идеѣ (?) сколько въ томъ способѣ какимъ онъ осуществилъ ее, что съ тѣхъ поръ протекло болѣе тридцати лѣтъ, что Европа привыкла къ совершившемуся факту, сами протестанты примирились съ нимъ, и что поэтому благоразуміе требуетъ воспользоваться по крайней мѣрѣ спокойствіемъ, миромъ и тишиной, которыя были послѣдствіями отмѣны Нантскаго эдикта...“

Попытка уклониться отъ системы которой слѣдовалъ Лудовикъ XIV окончилась, какъ нужно было ожидать, по-

вѣдшимъ fiasco. Дѣла приняла такой оборотъ что Сень-Симонъ былъ очень радъ представившемуся случаю отправиться посломъ въ Испанію, гдѣ онъ надѣялся привести значительную пользу, стараясь установить тѣсный союзъ между дворами Версальскимъ и Мадридскимъ; но и эта дѣла не была имъ достигнута. Регентъ склонялся на сторону Англіи къ явному вреду для своего государства. По возвращеніи изъ Мадрида Сень-Симонъ увидалъ что почти все управленіе сосредоточилось въ рукахъ Дюбуа: онъ такъ энергически возставалъ противъ министровъ, и вдругъ первымъ министромъ явился человекъ который, по его словамъ, въ молодости былъ просто лакеемъ. Онъ не могъ вывести этого зрѣлища и удалился въ свое помѣстье. Только однажды, уже по смерти временщика, снова показался онъ при дворѣ, но лишь для того чтобъ окончательно разочароваться въ своихъ надеждахъ. Регентъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ необузданнаго разврата дошелъ до такого состоянія что было бы безумно разчитывать на него. „Я увидалъ, рассказываетъ Сень-Симонъ, человека съ покшею головой, съ багровымъ лицомъ, съ отупѣвшимъ взглядомъ, который даже и не замѣтилъ когда я подошелъ къ нему. Окружающіе его указали ему на меня: онъ медленно повернулъ ко мнѣ голову, даже не приподнявъ ее, и спросилъ меня, съ трудомъ выговаривая слова, по какому дѣлу пріѣхалъ я въ Парижъ.“ Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія герцогъ Орлеанскій умеръ отъ апоплексическаго удара.

Какъ сказано выше, послѣдніе годы своей жизни Сень-Симонъ посвятилъ исключительно мемуарамъ прославившимъ его имя. Ему было уже 68 лѣтъ когда онъ приступилъ къ окончательной ихъ редакціи, и онъ неустанно занимался этимъ трудомъ до самой своей смерти, которая послѣдовала въ 1755 году.

III.

Идеалъ Сень-Симона заключался въ томъ чтобъ организовать во Франціи феодальную монархію, въ которой король, довольствуясь страдательною ролью, передалъ бы управленіе высшему дворянскому сословію. Во главѣ этого сословія стояли бы герцоги и пэры, которымъ долженствовало бы принадлежать преобладающее вліяніе на ходъ государствен-

ныхъ дѣлъ. Сень-Симонъ мечталъ о томъ чтобы возвысить значеніе дворянства, обезпечить ему независимое положеніе, одѣлать его въ полномъ смыслѣ слова господствующимъ классомъ. Онъ не хотѣлъ понять что это несбыточная мечта, ибо французское дворянство—съ какой бы стороны ни посмотреть на него—и само по себѣ, и по отношенію его къ королевской власти, и по отношенію его ко всѣмъ другимъ сословіямъ—оказывалось совершенно непригоднымъ для подобной роли. Сень-Симонъ не замѣчалъ что въ то самое время какъ съ запальчивостью преслѣдовалъ онъ свои несбыточные идеи, нарождалось уже въ обществѣ могущественное движеніе, долженствовавшее сокрушить всѣ основы политическаго и гражданскаго строя, которымъ жила Франція въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Онъ и не предвидѣлъ что изъ рядовъ самаго дворянства выйдутъ люди—Мирабо, Лафайеты, Ламеты и столько другихъ, которые явятся руководителями демократіи въ отчаянныхъ ея нападкахъ на старый порядокъ вещей и что наконецъ одинъ изъ членовъ его фамиліи * выскажетъ ученіе доводящее столь ненавистный ему принципъ равенства до чудовищныхъ крайностей. Герцогъ Сень-Симонъ твердо вѣрилъ что происхожденіе его отъ Карла Великаго налагаетъ на него обязанность быть поборникомъ привилегій высшаго дворянства; апостолъ социализма тоже не забывалъ объ этомъ происхожденіи и приурочивалъ къ нему избранную имъ дѣятельность. „Въ самый тяжкій періодъ революціи, разказывалъ онъ, когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, однажды ночью явился мнѣ Карлъ Великій и произнесъ: „сынъ мой, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, еще ни одна фамилія не обладала честью произвести первостепеннаго героя и философа. Честь эта выпала твоему роду. Успѣхи твои, какъ мыслителя, сравниваются съ тѣми которыми прославился я на военномъ и политическомъ полрщѣ.“

Какіе поразительные контрасты! Съ одной стороны упорные приверженцы старины, а съ другой—новаторы, которые относятся съ презрѣніемъ не только къ прошедшему, но даже и къ настоящему. Все это доказываетъ между прочимъ

* Фамилія Сень-Симонъ развѣтвлялась на нѣсколько линій: авторъ мемуаровъ, какъ упомянуто выше, принадлежалъ къ линіи Сень-Симоновъ-Рувруа, а основатель школы сенсимонистовъ — къ линіи Сень-Симоновъ-Сандрекуръ.

до какой степени въ старой Франціи королевская власть стояла одиноко, вѣдѣ не встрѣчая поддержки. Она привыкла считать дворянское сословіе своею опорой, но связь съ нимъ давно уже была порвана. Одна часть дворянства жила безплодными воспоминаніями о невозвратномъ прошломъ, другая увлекалась отвлеченными теоріями проникнутыми революціоннымъ духомъ. Повидимому онѣ шли различными путями, но лобужденіе было одинаково: ненависть къ монархіи лишившей дворянство того чѣмъ оно было въ прежнее время.

P.

НА ГОРАХЪ.

СХVIII.

Работы на пристави и на прядильныхъ Смолокурова еще до Покрова были кончены и Чубаловъ разчиталъ пришлыхъ работниковъ. Разчитались они честно и мирно, не такъ какъ бывало при Васильѣ Фадѣевѣ. Послѣ выгонки ненавистнаго прикащика гóлоса никто не повышалъ въ работныхъ избахъ, а ежели и случалось кому хмѣлькомъ черезчуръ зашибиться сами товарищи не допускали его бушевать, а если словъ не слушался такъ пускали въ ходъ палки и кулаки. Иные работники, особенно дальнiе, послѣ расчета Христомъ Богомъ молили Чубалова оставить ихъ при Смолокуровскомъ домѣ за какую угодно плату, даже изъ одного хлѣба. Чубаловъ соглашался, и эти работники были полезныѣ другихъ, они сдѣлались бдительными и вѣрными стражами осиротѣлаго дома. А это было не лишнее. Не разъ были попытки подкопаться подъ какую-нибудь Смолокуровскую постройку, гдѣ лежало мало-мальски цѣнное. Охотниковъ до чужбинки въ томъ городкѣ гдѣ жилъ покойный Марко Данцлычъ было вдоволь, и потому Герасимъ

* См. *Руск. Вѣсти.* №№ 5 и 10я 1875, №№ 8 и 10я 1876, №№ 5, 6, 7, 9 и 10я 1877, №№ 1, 5, 8 и 10я 1878, №№ 9 и 12я 1879, № 3 и 5я 1880.

Силычъ по ночамъ въ домѣ на каждой дѣйствицѣ клалъ спать по нѣскольку человекѣкъ, чтобъ олять ночнымъ дѣломъ не забрался въ локоп какой-нибудь новыи Корней Прожженный.

Тихо, безшумно шла новая Дунина жизнь, хоть и было ей тоскливо, хоть и болѣла она душою отъ скучнаго одиночества. Съ нетерпѣньемъ ждала она тѣхъ дней когда заживетъ лодь одной кровлей съ сердечнымъ своимъ другомъ Аграфевой Петровной.

Дни и ночи рукъ не покладаячи Герасимъ Силычъ работалъ надъ устройствомъ Смолокуровскихъ дѣлъ. Они шли успѣшно: кусовыя и косвыя, реюшки и бударки, строевыя на пристани, бичева, ставныя сѣти, канаты и веревки напряденыя весной и лѣтомъ проданы были хоть не вѣремя, хоть и по низкой цѣной, но все-таки довольно выгодно. Лѣсъ на пристани заготовленный на два года былъ проданъ дороже чѣмъ обошелся онъ Марку Давилычу. Пріѣхалъ съ Увжи Никифоръ, хорошо уладивши тамошнія дѣла. За уваженскія дачи въ свое время дешево Марко Давилычъ заплатилъ промотавшемуся ихъ барину. Не одинъ годъ вырубалъ онъ десятины по сотнѣ и сплавлялъ лѣсъ на пристани свою и нижегородскую, къ тому жь и Корней Евстигвичъ будучи на Увжѣ не клалъ охулки на руку, а все-таки Никифоръ Захарычъ распродавши дачи по участкамъ выручилъ денегъ больше чѣмъ заплатилъ Марко Давилычъ при покупкѣ лѣса. Съ домою оставалось только развязаться, тогда бы и дѣло съ концомъ, но продать большой домъ въ маленькомъ городкѣ, не лапотъ сплести. Изъ мѣстныхъ обывателей не было такого кто бы могъ купить Смолокуровскій домъ, даже и съ долгой разсрочкой платежа, а жители другихъ городовъ и въ ломышлевыи не держали покупать тотъ домъ, у каждаго въ своемъ мѣстѣ, отъ отцовъ и дѣдовъ дошедшая осѣдлость была—какъ же оставлять ее, какъ мѣнять вѣрное на невѣрное? Старымъ, насиженнымъ мѣстомъ, русскій человекѣкъ лаче всего дорожить—не покинетъ онъ дома гдѣ родился и самъ и его родители, не оставить мѣста гдѣ на логостѣ положены его дѣдушки, бабушки и другіе сродники? Внаймы Смолокуровскаго дома сдать было не кому—у каждаго кулца, у каждаго мѣщанина хоть кривенькій домшкя да есть, — у чиновныхъ людей что покруливѣ были свои дома, а мелкая сотка перебивалась на маленькихъ квартиркахъ мѣщанскихъ домою—тѣсно тамъ, и холодно, и угарно—

да дѣлать нечего—по одежкѣ протягивай вожжи. А главное дѣло въ томъ что по всему городку ни у кого не было столько денегъ, чтобъ купить Смолокуровскій домъ, красу городка застроеннаго ветхими деревянными домишками, ставленными безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ по волѣ Екатерины, обратившей ничтожное селенье въ уѣздный городъ. Вотъ ужъ семьдесятъ лѣтъ какъ тотъ городокъ ни разу до тла не выгоралъ—отъ того и строенье въ немъ обветшало.

Носились слухи по городу что молодая наследница Марка Данилыча для того распродаетъ все что хочетъ уѣхать на житье за Волгу. Одни вѣрили, другіе не давали вѣры: „за чѣмъ, говорили они, такой молоденькой и богатой невѣстѣ забиваться въ дѣсную глушь. Тамъ и жениховъ-то подходящихъ нѣтъ—одно мужичье: дровосѣки, да токари, красильщики, да валяльщики.“ Равню продажу лодокъ и прядильнаго товара тѣмъ объясняли что неумѣлой дѣвушкѣ не подѣе стать такими дѣлами заниматься, но въ продажу дома никто и вѣрить не хотѣлъ. Повѣрили только къ Сергіеву дню, когда настали „калустки“. Въ то время по всѣмъ городкамъ, по всѣмъ селеньямъ въ каждомъ домѣ на зиму калусту рубятъ, къ зажиточнымъ людямъ тогда вереницами дѣвки да молодки съ талками подѣе мышками * собираются. А ребятшкамъ и числа нѣтъ, дѣла они не дѣлають, за то до отвала наѣдаются калустными кочерыгами. Шумъ, визгъ, крикъ разносятся далеко, а дѣвицы съ молодницами стоя за корытами „матушку калустку“ поютъ.

Я на камешкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородь я горожу,
Ой дѣла, ой люді!
Изгородь я горожу.

Я калустку сажу,
Я все бѣленькую,
Да кочаненькую.
Ой дѣла, ой люді
Да кочаненькую.

---

* *Тяпка*—малый, заостренный, круглый и острый заступъ, употребляемый при рубкѣ калусты.

Русскій Вѣстникъ.

У кого капуста нѣтъ—
 Просимъ къ намъ въ огородъ,
 Во дѣвичій хороводъ.

Ой люли, ой люли,
 Во дѣвичій хороводъ.

Пойдемъ дѣвки въ огородъ
 Что по бѣлую капустку
 Да по сладкій кочешокъ.
 Ой люли, ой люли,
 Да по сладкій кочешокъ.

А капуста-то у насъ
 Уродилась хороша,
 И туга, и крѣпка, и бѣлымъ бѣлешенька.
 Ой люли, ой люли,
 И бѣлымъ бѣлешенька.

Кочерыжки—что твой медъ,
 Вѣште, парни, кочерыжки—
 Помните капустку.
 Ой люли, ой люли,
 Помните капустку.

Отъ чего же лѣрней нѣтъ,
 Ай зачѣмъ нѣтъ холостышекъ
 У насъ на капусткахъ?
 Ой люли, ой люли,
 У насъ на капусткахъ?

Возгордились, взвеличались
 Наши парни молодые,
 Пристала къ нимъ нѣтъ.
 Ой люли, ой люли,
 Приступу къ нимъ нѣтъ.

А въ торгу да на базарѣ,
 По всѣмъ лавкамъ и прилавкамъ
 Не то про нихъ говорятъ.
 Ой люли, ой люли,
 Не то про нихъ говорятъ.

„Вздешевѣли, вздешевѣли
 Ваши добры молодцы,
 Вся цѣна имъ—кочешокъ.
 Ой люли, ой люли,
 Вся цѣна имъ кочешокъ.“

Нонѣ девять молодцовъ
За поладельги отдають,
И дешевѣт того.

Ой аюли, ой аюли,
И дешевѣт того.“

Тапи, тапи, таять!...
Тапи, тапи, таять!...
Ой калустка бѣлая,
Кочерыжка сладкая!

Звонко разнесится веселый налѣвъ калустной лѣсни, старой, престарой. Еще съ той поры поется она на Руси какъ предки наши познакомились съ калустой и съ родными щами. Подъ налѣвъ этой лѣсни каждую осень матери, бабушки и прабабушки вынѣвшихъ дѣвокъ и молодокъ рубили калусту. Изъ всѣхъ домовъ далекѣ раздается нескончаемый стукъ талокъ, а въ Смолокуровскомъ такая тишь что издали слышно какъ на дворѣ воробьи чирикаютъ. Бывало къ пристави Марка Давидлыча лодокъ по десяти съ калустой приходило — надо было ее на зиму заготовить, достало бы на всѣхъ рабочихъ, а теперь смолокуровскія лодки хоть и пришли, но калуста безъ остатка продана была на базарѣ. Тутъ только увѣрились горожане что Смолокуровскія заведенія въ самомъ дѣлѣ закрываются и молодая хозяйка переселается съ родины въ иное мѣсто.

Въ то время какъ рубили калусту подошелъ двадцатый день по смерти Марка Давидлыча и къ Душѣ прѣхалъ Цатакъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной и съ дѣтьми ея. Похожій на лустыню Смолокуровскій домъ огласился дѣтскими кликами, бѣготней и играми, и Душа повеселѣла при своей сердечной Грушѣ. Въ полусорочины * Герасимъ Силычъ отправилъ въ домъ канонъ за единоумершаго, лотомъ всѣ сходили на кладбище помолиться на могилкѣ усопшаго, а послѣ того въ рабочихъ избахъ ставлены были поминальные столы для рабочихъ и для нищей братіи, а кромѣ того всякій кому была охота невозбранно приходилъ поминать покойника. На другой же день поминовенья начались сборы въ путь дорогу. Одна Дарья Сергѣевна была не довольна рѣшеньемъ переѣхать за Волгу—

* Полусорочины—двадцатый день послѣ смерти.

сильна въ ней была привязанность къ дому, гдѣ она молодость скоротала и почти до старости дожила. Паталъ Максимычъ больше всего заботился чтобы какъ-нибудь домъ сбыть съ рукъ. Узнавши что присутственныя мѣста въ городкѣ до того обветшали что заниматься въ нихъ стало невозможно, онъ вступилъ въ переговоры съ начальствомъ чтобы наняли Смолокуровскій домъ ежели нѣтъ въ казѣ денегъ на его покупку. Городничій разчиталъ что въ томъ домѣ олрчь помѣщенія присутственныхъ мѣстъ можетъ быть и для него отдѣлана хорошая даровая квартира, и потому усердно сталъ хлопотать о наймѣ. Паталъ Максимычъ будучи съ Дуней одинъ на одинъ сказалъ ей про то.

— Знаете ли что я придумала? выслушавъ Чалурина и немного помолчавши сказала она.— Не надо бы дома-то продавать, лучше внаймы отдать, на короткій срокъ, на годъ что ли, а не то и меньше.

— Что жь это тебѣ вздумалось? спросилъ Паталъ Максимычъ.

— А помните какъ мы разбирали тятенькинъ сундукъ и нашли бумагу про дядюшку Мокея Давылыча? сказала Дуня.— Ежели, Богъ дастъ, освободится онъ изъ полону, этотъ домъ я ему отдамъ. И денегъ сколько надо будетъ дамъ. Пущай его живетъ, да молится за улокой тятеньки.

— Добрая душа у тебя, добрая, ласково улыбаясь сказалъ ей Паталъ Максимычъ.— Значить домъ внаймы отдавать только на годъ?

— Какъ ужь тамъ расудите, отвѣчала Дуня.— А какъ думаете, скоро ли дядя воротится изъ полону.

— Не ближе лѣта. Поглядимъ что оренбургскій Татаринъ напишетъ, а отвѣта отъ него до сихъ поръ еще нѣтъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.— Схожу какъ теперь къ городничему да потолкую съ нимъ о наймѣ дома на годъ. Даврядъ ли онъ согласится на такое короткое время—дѣло же вѣдь не его, а казенное.

— Такъ вовсе не отдавать, быстро промолвила Дуня.— Караульчиковъ можно нанять. Герасима Силыча попросить не согласится ли онъ ложить здѣсь до дяди.

— Хорошо, молвилъ Чалурина, но все-таки пошелъ къ городничему.

Только что вышелъ онъ изъ Дуниной комнаты, вошла Аграфена Петровна.

— Съ прїѣзда не удавалось еще мнѣ поговорить съ тобой съ глазу на глазъ, сказала она Дуня.—Все кто-нибудь ломѣшаетъ, либо тятенька Паталь Максимычъ, либо Герасимъ Силычъ, либо Дарья Сергѣевна, а не то ребятшки мои скуютъ ло всѣмъ горницамъ и къ тебѣ забѣгаютъ.

— Что жь? Пусть ихъ любѣгаютъ, здѣсь просторно играть имъ, молвила Дуня.

И зорко поглядѣвши въ глаза прїятельницѣ сказала:

— По глазамъ вижу, Груня, что хочется тебѣ что-то сказать мнѣ.—Къ добру али къ худу будутъ рѣчи твои?

— Какое почтешь, отвѣтила Аграфена Петровна, тоже улыбаясь.—По моему кажется бы къ добру, а впрочемъ какъ разсудишь.

— Что жь такое? немного смутившись спросила Дуня. Догадывалась она о чемъ хочетъ вести съ ней рѣчь прїятельница.

— Два раза видѣлась я съ нимъ у Колышкиныхъ, сказала Аграфена Петровна,—какъ за Волгу отсюда ѣхали, да вотъ теперь сюда ѣдучи. Съ дядей овъ локовчилъ, двѣсти тысячъ чистоганомъ съ него выправилъ, въ Казани жить не хочетъ, а въ Нижнемъ присматриваетъ домикъ и думаетъ тутъ на хозяйство свѣсть.

— Что жь овъ? вся лопулившись спросила Дуня.

— Ничего. Живъ, здоровъ, отвѣчала Аграфена Петровна.— Про тебя вспоминалъ.

Ни слова Дуня.

— Тоже толкуетъ какъ и тогда у насъ въ Вихоревѣ, немного помолчавъ сказала Аграфена Петровна.—Тоскуетъ, плачетъ, смертная ему охота хоть бы глазкомъ поглядѣть на ту что съ ума его свела, не знаетъ только какъ подступиться... Бойтса.

— Такъ и сказалъ? чуть слышно промолвила Дуня.

— Такъ и сказалъ, отвѣтила Аграфена Петровна.—Терзается, убивается, даже рыдаетъ на взрыдъ. „Одинъ, говоритъ, свѣтъ, одна улада мнѣ въ жизни была и ту по глулости своей потерялъ.“ Въ послѣдній разъ какъ мы видѣлись волосы даже рвалъ на себѣ... Да скажи ты мнѣ, Дуня, по истинной правдѣ, не бывало ль прежде у васъ съ нимъ разговоръ о томъ что ты ему по душѣ пришлаась? Не сказывалъ ли овъ тебѣ про свои намѣренья?

— Нѣтъ, отвѣтила Дуня,—ни онъ мнѣ, ни я ему словечка о томъ не сказала. Онъ не заговаривалъ, такъ какъ же'я-то могла говорить? Мое дѣло дѣвичье. Тогда же была я такая еще что путемъ и не понимала своихъ чувствъ. А когда узнала что уѣхалъ онъ ко Флемушкѣ, закинуло мое сердце, все во мнѣ замерло, но я все-таки затаила въ себѣ чувства, никому вида не подала, тебѣ даже не сказала что у меня сталося въ сердцѣ... А тутъ эта Марья Ивановна подвернулась. Хитрая она—съ разу обо всемъ догадалась. Лукавыми словами завлекла она меня въ ихнюю вѣру и я была рада. У нихъ вѣчное дѣвичество въ законъ поставляется, думать про мужчинъ даже запрещается, а я была тогда имъ такъ много обижена, такъ ненавидѣла его, всякаго зла и несчастья желала ему, отъ того больше и предалась душою фармазонской вѣрѣ... Когда жь образумилась и познала ихніе ложь и обмань, тогда чаще и чаще онъ сталъ всплываться мнѣ. Голосъ его даже слышала, призракъ его видала. И съ той поры стала сердцемъ по немъ сокрушаться, жалѣть * его...

— И онъ тебя жалѣетъ, и онъ по тебѣ сокрушается, тихонько молвила Аграфена Петровна. — Съ того времени сокрушается какъ лѣтшній годъ уѣхалъ въ скиты. Такъ говорилъ онъ въ послѣднее наше свиданье и до того такія же рѣчи не разъ мнѣ говаривалъ... Свидѣться бы вамъ да потолковать межъ собой.

— Нѣтъ. Какъ можно? покрасѣвши вся молвила Дуня.— Не бросаться же къ нему на шею.

— Вѣстимо на шею не бросаться, а не мѣшаетъ самой тебѣ узнать какъ онъ по тебѣ сокрушается, особенно теперь какъ ты осиротѣла... Какъ, говоритъ, теперь она устроится? Безпомощная, беззащитная! сказала Аграфена Петровна.

Задумалась Дуня. Послѣ недолгаго молчанья Аграфена Петровна сказала ей:

— Теперь онъ чуть не каждый день у Колышкиныхъ. Приѣдемъ въ городъ, увидишься съ нимъ. Поговори поласковѣй. Сдается мнѣ что дѣло кончится добремъ. /

Не отвѣтила Дуня, но съ тѣхъ поръ Петръ Степанычъ не сходилъ у нея съ ума. И все то представлялся онъ ей такимъ скорбнымъ, печальнымъ и плачущимъ — какимъ видѣла его въ грезахъ въ Дуловицкомъ лапсадникѣ.

* Жалѣть—въ простонародѣ любить.

Раздумываетъ она какъ-то встрѣтится съ нимъ, какъ-то онъ заговорить, что надо будетъ ей отвѣчать ему. Съ ненавистью вспоминаетъ Марью Ивановну что воспользовалась душевной ея тревогой, и увлекши въ свою вѣру, разлучила съ нимъ на долгое время. Про Фленушку и про поѣздку Самоквасова въ Комаровъ и ломива вѣтъ.

СХІХ.

Пришелъ Покровъ дѣвкамъ головы крыть * — наступило первое зазимье, конецъ хоровамъ, лочивъ вечернимъ посидѣлкамъ. Паталъ Максимычъ уладилъ всѣ дѣла—караульщики были наняты, а Герасимъ Силычъ согласился домовничать. Черезъ недолгое время послѣ Покрова прихались сорочины. Справивши ихъ, Паталъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной, съ Дуней и Дарьей Сергѣевной поѣхали за Волгу. На перепутьи остановились у Колышкиныхъ.

И Сергѣй Андреичъ и Марья Михайловна рады были знакомству съ Дуней, привяли ее съ задухевнымъ радушьемъ и не знали какъ угодить ей. Особенно ласкова была къ ней Марья Михайловна—сиротство молодой дѣвушки внушало ей теплое, сердечное къ ней участие. Не заставилъ долго ждать себя и Петръ Степанычъ.

Вошелъ онъ въ комнату гдѣ сидѣли и гости и хозяева. Со всѣми поздоровавшись, низко поклонился онъ Дунѣ и весь поблѣднѣлъ. Самъ ни словечка, стоитъ передъ нею какъ вкопанный. Дуня слегка ему поклонилась и зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ. Постоялъ передъ ней Самоквасовъ, робко, скорбно и страстно поглядѣлъ на нее, потомъ отошелъ въ сторону и вступилъ въ общій разговоръ. Аграфена Петровна улучила минуту и прошептала ему нѣсколько словъ. Не много погодя сказала она Дунѣ:

— Пойдемъ въ тѣ комнаты, надо мнѣ на ребятку моихъ посмотреть, не распалцался ли; да и спать ужъ пора ихъ укладывать.

Медленно встала Дуня и пошла за подругой. Посмотрѣли онѣ на дѣтей, тѣ играли съ дѣтьми Колышкина и держали себя хорошо. Послѣ того Аграфена Петровна пошла съ Дуней въ гостиную. Сѣли онѣ тамъ.

* Съ Покрова (1го октября) начинаются по деревнямъ свадьбы. Послѣ вѣнчанья молодой расчесываютъ косу и кроютъ голову полойникомъ.

— Ну что? спросила едва слышно Аграфена Петровна.
 Не отвѣчала Дуля.

— Что жь молчишь? Говори.

— Жалкимъ такимъ онъ мнѣ показался, немного помедливши проговорила Дуля.

— Чѣмъ же жалокъ-то? съ улыбкой спросила Аграфена Петровна.

— Такъ, пальцами перебирая оборку платья, тихоенько отвѣтила Дуля.

— А ты лутемъ говори, вскрикнула Аграфена Петровна.— Мы вѣдь здѣсь одиѣ, никто не услышитъ.

— Жалкій такой онъ, тоскливый.... промолвила Дуля.

— По тебѣ тоскуеть, отъ того и жалокъ, сказала Аграфена Петровна.

Въ это самое время робкими, неровными шагами вошелъ въ гостиную Петръ Степанычъ и сталъ у притолоки. Назадъ идти не хочется, подойти смѣлости нѣтъ.

— Подите-ка сюда, Петръ Степанычъ, подойдите къ намъ поближе, улыбувшись весело молвила ему Аграфена Петровна.

Тихой постулью подошелъ къ ней Самоквасовъ.

— Вивитесь въ чемъ согрубли, сказала Аграфена Петровна.

— Глазъ не смѣю подыять.... задыхающамся, дрожащимъ голосомъ промолвилъ Самоквасовъ.—Глулость была моя и теперь долженъ за нее вѣкъ свой мучиться да каяться.

— Что жь такое вы сдѣлали?... Я что-то не помню, вся разгорѣвшись промолвила Дуля.

— А уѣхалъ-то тогда. Въ прошломъ-то году... Не сказавшись, не простившись уѣхалъ... сказалъ Петръ Степанычъ.

— Что жь? Вы человекъ вольный, гдѣ хотите, тамъ и живете, куда вздумали, туда и поѣхали, никто васъ не держитъ, проговорила Дуля.—Я вовсе на васъ не сердилась и ужь довольно времени прошло когда мнѣ сказали о вашемъ отъѣздѣ; а то и не знала я что вы уѣхали. Да и съ какой стати стала бы я сердиться на васъ?

— Авдотья Марковна, Авдотья Марковна! Раздираете вы душу мою! вскрикнулъ Самоквасовъ.—Самъ теперь не знаю, радоваться вашимъ словамъ, или на вѣки отчаяться въ счастья и радости.

Дуля сгорѣла вся, не можетъ ничего сказать въ отвѣтъ Петру Степанычу. Но потомъ эти слова его во всю жизнь забыть не могла.

Немного оправаясь отъ смущенья, повела она рѣчь о постороннемъ.

— Что вашъ раздѣлъ? спросила она.

— Покончили, судомъ порѣшили насъ, отвѣчалъ Самоквасовъ. — Прежде невеликую часть изъ дѣдушкина капитала у дяди просилъ я, а онъ заартачился, не хотѣлъ и мѣдной полумки давать. Дѣлать нечего — я къ суду. И присудили мнѣ цѣлую половину всего имѣнья—двѣсти тысячъ чистыми получилъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ Казани—не жить бы только съ дядей въ одномъ городѣ. Здѣсь рѣшился домикъ себѣ купить и какимъ-нибудь дѣломъ заняться. А не найду здѣсь счастья, въ Москву уѣду, либо въ Питеръ, а не то и дальше куда-нибудь... Двухъ сотъ тысячъ на жизнь хватитъ, а жить мнѣ недолго. Безъ счастья на свѣтѣ я не жидецъ.

— Ну, будетъ вамъ, Петръ Степавычъ, сказала Аграфена Петровна. — Мировую сейчасъ, хоть ссоры межъ вами и не было. Такъ ли, Дунюшка?

— Какая же ссора? молвила Дуня, обращаясь къ подругѣ. — И въ прошломъ году, и до сихъ поръ я Петра Степавыча вовсе почти и не знала; ни я передъ нимъ, ни онъ передо мной ни въ чемъ не виноваты. Въ Комаровъ-отъ уѣхали вы тогда, такъ мнѣ-то какое дѣло было до того? Петръ Степавычъ вольный казакъ—куда воля таветь, туда ему и дорога.

— Ну, будетъ, пойдемте, не то придетъ сюда кто-нибудь, сказала Аграфена Петровна. — Стулайте прежде вы, Петръ Степавычъ, мы за вами.

Послушно, ни слова не сказавши вышелъ Самоквасовъ. Когда ушелъ онъ, Аграфена Петровна тихонько сказала Дунѣ:

— На первый разъ пока довольно. А примѣтила-ль ты какой онъ робкій былъ передъ тобой, молвила Аграфена Петровна.—Тебѣ словечка о томъ не промолвилъ, а мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ говорилъ что ежели ты его оттолкнешь, такъ онъ на себя руки вложитъ. Поломви это Дунюшка... Ежели онъ надъ собой въ самомъ дѣлѣ что-нибудь сдѣлаетъ это всю твою жизнь будетъ камнемъ лежать на душѣ твоей... А любить тебя, сама видишь что любить. Однакожь пойдемъ.

И пошли изъ гостиной въ столовую, гдѣ и хозяева и гости сидѣли.

Паталъ Максимычъ два четыре прожилъ у Колышкиныхъ и каждый день съ утра до ночи тутъ бывалъ Самоквасовъ. Дуня по-маленьку стала съ нимъ разговаривать и онъ

пересталъ робѣть. Зорко поглядывала на нихъ Аграфена Петровна и нарадоваться не могла, замѣтивъ однажды что Дуня съ Петромъ Степанычемъ шутятъ и чему-то смѣются.

Передъ отъѣздомъ Аграфена Петровна сказала Самоквасову чтобы дѣнь черезъ десять пріѣзжалъ онъ къ ней въ Вихорево.

Переправясь черезъ Волгу всѣ поѣхали къ Грунѣ въ Вихорево. Эта деревня ближе была къ городу чѣмъ Осиповка. Паталъ Максимычъ не успѣлъ еще прибраться какъ слѣдуетъ для Дуни комнаты, потому и поторопился уѣхать домой съ Дарьей Сергѣевной. По совѣту ея и убрали комнату. Хотѣлось Паталу Максимычу чтобы богатая наследница Смолокурова жила у него какъ можно лучше; для того и нанялъ плотниковъ строить на усадѣ особенный домъ. Онъ долженъ былъ послѣть къ Рождеству.

Не заставилъ себя ждать Петръ Степанычъ, на десятый день какъ назначила ему Аграфена Петровна онъ какъ слѣзъ на голову. Дуня была довольна его пріѣздомъ, хоть ничѣмъ того и не выказала. Но отъ Груни не укрылась ни ея радость, ни ея оживленье.

— Рада гостю? спросила она Дуню вечеромъ когда осталась вдвоемъ съ ней.

Дуня поаѣла, но ничего не отвѣтила.

— По глазамъ вижу что радеховька. Меня не проведешь, улыбаясь и пристально глядя на Дуню сказала Аграфена Петровна.

— По мнѣ все одно, молвила Дуня, облегчивъ трелетавшую грудь глубокимъ вздохомъ.

— Разводи бобы-то! Точно я двухлѣтній ребенокъ ничего не вижу, ничего не понимаю, съ усмѣшкой сказала Аграфена Петровна.—Лучше вотъ что скажи—неужто у тебя еще не вышли изъ ламаты Дуловицы, неужли въ самомъ дѣлѣ обрела ты себя на дѣвичество?

— Про Дуловицы не хочу и вспоминать. Еслибъ можно было совсѣмъ позабыть ихъ, была бы тому радеховька, съ живостью вскрикнула Дуня.

— Только замужемъ совсѣмъ про нихъ забудешь, сказала Аграфена Петровна.

— Это почему? спросила Дуня.

— Да ужъ такъ, отвѣтила Аграфена Петровна.— Не тѣмъ будетъ голова занята. Думы о мужѣ, заботы о дѣтяхъ, домашнія хлопоты по хозяйству изведутъ вонъ изъ памяти воспоминанья о Дуловцахъ. И не волочишь про тамошнихъ людей. А замужь тебѣ лора. Теперь то возьми: теперь у тебя большіе достатки, какъ ты съ ними управишься? Правда, тятенька Патагъ Максимычъ вступился въ твое сиротство, но все жь онъ тебѣ чужанинъ, а сродниковъ нѣтъ у тебя ни души; да тятенька и въ отлучкахъ часто бываетъ, и дѣта его ужъ такіа что сохрани Богъ, отъ слова не сдѣлается — и съ нимъ то же можетъ приключиться что съ твоимъ покойникомъ.— На дялю надѣнешься? Такъ выйдетъ ли онъ изъ полону, нѣтъ ли, одному Богу извѣстно. А ежели и выйдетъ, что за дѣлецъ будетъ? Столько годовъ проживши въ рабствѣ у бусурманъ не то что отъ нашихъ дѣлъ отсталъ, а пожалуй и по-русски-то говорить разучился. Къ тому жь и онъ ужъ человекъ не молодой, и къ нему старость подошла. Онъ же не только тебя никогда не видывалъ, а даже не знаетъ что и на свѣтѣ-то ты есть. Какъ ему сберечь твое добро не зная русскихъ порядковъ. Правду-ль я говорю?

— Конечно, правду, покинувъ разгорѣвшимся личикомъ, сказала Дуля.

— Иное дѣло—замужество, продолжала Аграфена Петровна.— Хоть жудъ муженецъ да за мужниной головой не будешь сиротой; жена мужу всего на свѣтѣ дороже.

Не отвѣчала Дуля, крѣпко она призадумалась надъ рѣчами друга сердечнаго, и противнаго слова не могла ей сказать.

— А что Дунюшка, пошла ли бы ты за Петра Степаныча еслибъ онъ къ тебѣ присватаался? спросила вдругъ у ней Аграфена Петровна.

Слезы выступили у Дуни.

— Не знаю, она молвила.

— Его-то знаешь, подхватила Аграфена Петровна. И то знаешь что онъ по тебѣ безъ ума. Самъ онъ мнѣ о томъ сказывалъ и просилъ меня поговорить съ тобой на счетъ этого... Самъ не смѣетъ. Прежде былъ отважный, удалой, а теперь тише забитаго ребенка.

Молчала Дуля, но Аграфена Петровна попрежнему приставала къ ней.

— Скажи Дунюшка, скажи моя милая. Ежели хочешь, словечка ему не вымолвлю. Пошла бы ты за него али нѣтъ?

Попрежнему Дуля ни слова.

— Не Сионская ли горница тревожитъ тебя?.. Не объ ней ли вспоминаешь? Не хочешь ли сдержать обѣщаніе вѣчнаго дѣвчества, что обманомъ взяли съ тебя? сказала Аграфена Петровна.

Встрепенулась Дуня при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскрикнула она.— Не ломай ты мнѣ провихъ, не муди моего сердца, Богомъ прошу тебя... Они жизнь мою отравили, имъ, какъ теперь вижу, хотѣлось только деньгами моими завладѣть, все къ тому было ведено. У нихъ вѣдь что большія деньги, что малыя, все идетъ въ корабль.

— Да не въ томъ дѣло, перервала ее Аграфена Петровна.— Пошла ли бы ты за Петра Степаныча? Вотъ о чемъ я тебя спрашиваю... Пожалѣй ты его... Онъ бѣдняжка теперь самъ не свой, отъ хлѣба даже отбился. Мученикъ, какъ есть мученикъ... Что жъ ты скажешь мнѣ?... Пошла бы?

Крѣпко прижалась Дуня лицомъ къ плечу подруги и чуть слышно прошептала ей:

— Чтожъ нейти, коли есть на то воля Божія...

И сказавши, громко зарыдала.

— Такъ я скажу ему.— Поскорѣй бы ужъ дѣлу конецъ... Что томить его понапрасну? молвила Аграфена Петровна.

— Ахъ, нѣтъ Груня не говори, вскрикнула Дуня.— Какъ это можно?

— Ежели ставемъ молчать, ни до чего не домолимся, сказала Аграфена Петровна.— Непремѣнно надо намъ переговорить другъ съ другомъ, а тамъ что будетъ Богу угодно.

— Ахъ, нѣтъ!... Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! У меня и словъ не доставеть, вскрикнула Дуня.

— Такъ цѣль вотъ что сдѣлаемъ, сказала Аграфена Петровна... Такъ и быть, хоть я еще и молода, пойду въ свахи.— Потолкую съ нимъ, а потомъ и съ тобой слажу. Ладно ли будетъ? .

— Не знаю. Дѣлай какъ лучше, чуть слышно прошептала Дуня.

И всю ночь послѣ того глазъ не могла сомкнуть она, думы такъ и путались у ней на умѣ. А думы тѣ были все объ одномъ Петрѣ Степанычѣ, думы ясныя и свѣтлыя. Тутъ вполнѣ сознала Дуня что она любила Самоквасова.

Заснула только подъ утро и во снѣ ей видѣлся только онъ одинъ.

Утромъ Аграфена Петровна передала Петру Степанычу что Дуня не прочь за него идти. Онъ такъ обрадовался что въ ноги молодой свахѣ локавился, а потомъ заметался по горницѣ.

— Такъ и быть—сведу васъ, сказала Аграфена Петровна,— только много съ ней не говорить и долго не оставаться. Въдь это не Фленушка. Робка моя Дуня и стыдлива. Испортите дѣло—пеняйте на себя. Сама при васъ буду—меня во всемъ извольте слушаться, скажу „довольно“—уходите, скажу „не говорите“—молчите.

Вечеромъ, когда Дуня съ Аграфеной Петровной сидѣли вдвоемъ, вошелъ къ нимъ Петръ Степановичъ. Не видавши дѣлать дѣлу Дуни, онъ вѣско ей поклонился, а она отвѣтила едва замѣтнымъ поклономъ.

Всѣ трое молчали.

— Я, Петръ Степановичъ, по вашей просьбѣ говорила съ Дуней насчетъ вашихъ намѣреній, начала Аграфена Петровна.—Вотъ она сама налицо, извольте спрашивать какъ она думаетъ.

Перовой, медленной поступью подошелъ Самоквасовъ къ Дуни. Хочетъ что-то сказать, да слова съ языка не сходятъ. Самъ на себя дивится Петръ Степановичъ—никогда этого съ нимъ не бывало. Нѣтъ, видно здѣсь не Каменный вражекъ, не Комаровскій перелѣсокъ.

— Да говорите же, вскрикнула съ нетерпѣньемъ Аграфена Петровна.

Оправившись отъ смущенья тихимъ, взволнованнымъ голосомъ склонивъ передъ Дуней голову сказалъ онъ:

— Ежели не противень... не откажите... явите Божескую милость... Богомъ клянусь—мужемъ добрымъ буду, вѣрнымъ, хорошимъ.

У Дуни въ глазахъ помутилось, лицо вспыхнуло пламенемъ, губы судорожно задрожали, а дѣвственная грудь высоко и трепетно стала подниматься, потомъ слезы хлынули изъ очей. Ни слова въ отвѣтъ она не сказала.

— Согласны ль будете Авдотья Марковна выйти за меня? спустя немного промолвилъ Петръ Степановичъ.

Дуня черезъ силу прошептала:

— Да.

— Ну и слава Богу, радость вскрикнула Аграфена Петровна. Домолчалась до добраго слова!.. Теперь Петръ Степановичъ извольте въ свое мѣсто идти, а я съ вашей невѣстой останусь. Видите какая она—надо ей усложниться.

— На одну минутку, не помня себя отъ восторга, вскрикнулъ Самоквасовъ, и вынулъ изъ кармана дорогое кольцо.—Такъ

какъ вась, Авдотья Марковна, Аграфена Петровна, сейчасъ назвала моею невѣстой, и какъ самъ я теперь вась за невѣсту свою почитаю, то нижайше прошу принять этотъ подарочекъ.

Дуня не брала кольца.

— Возьми, Дунюшка, молвила Аграфена Петровна.—Такъ водится.

Нерѣшительно и робко протянула Дуня руку. Петръ Степанычъ положилъ въ нее подарокъ.

— Теперь ступайте съ Богомъ, Петръ Степанычъ, оставьте вась, промолвила Аграфена Петровна.

Самоковсовъ молча повиновался.

СХХ.

На другой день рано поутру Аграфена Петровна послала нарочнаго съ письмомъ къ Паталу Максимычу. Она просила его какъ можно скорѣй пріѣхать въ Вихорево. Чалуриный не заставилъ долго себя ждать — въ тотъ же день позднимъ вечеромъ сидѣлъ онъ съ Груней въ ея горницѣ.

— Чтò случилось? Зачѣмъ наслѣхъ меня требоваа? спрашивалъ онъ.

— Худаго, слава Богу, не случилось, а хорошенькаго довольно, отвѣтила Груня.—Такъ какъ ты, тятенька, теперь и защитникъ и покровитель сиротки нашей, почитаешь ее за свою дочку, такъ я и позвала тебя на важный совѣтъ. Самой одной съ такимъ дѣломъ мнѣ не справиться, потому и послала за тобой.

— Въ чемъ дѣло-то? спросилъ Чалуриный. Что тавешь? Скорѣй, да прамѣй говори.

— Видишь ли, тятенька, дней пять тому назадъ пріѣхалъ къ намъ въ гости Самоковсовъ Петръ Степанычъ, молвила Аграфена Петровна.—Дуня крѣпко ему пригласулась.

— Это я еще у Колышкиныхъ пріѣхалъ, сказалъ Патакъ Максимычъ.—Еще что?

— А еще то что вечеръ Дуня согласилась замужъ идти за него, сказала Аграфена Петровна. — Покамѣстъ объ этомъ мы только трое знаемъ: женихъ съ невѣстой, да я. Чтò ты на это скажешь?

— Чтò сказать-то? Дѣло доброе, молвилъ Патакъ Максимычъ.—Дѣвица она умная, по всему хорошаа и его изъ хорошихъ людей не выкинешь. Заживуть, Богъ дастъ, прилѣваючи. Помнишь, я еще тогда какъ только померъ Марко Да-

идишь говорилъ что при ея положеніи надо ей скорѣе замужъ идти. Вѣдь одна какъ персть... Доброе дѣло затѣяно у васъ, доброе... Былъ онъ прежде забубеннымъ вѣтрогономъ, проказалъ на всѣ руки, теперь перемѣнилася, человекъ узмать нельзя. А какъ женится еще лучше будетъ. Присватался бы какой-нибудь негодный парень къ Душину миллиону, ну и мучься она съ нимъ до гробовой доски. Что тутъ хорошаго-то? А пожалуй и такой бы хахаалъ навернулся что обобралъ бы ее до ниточки да и бросилъ, какъ вонъ Адемка Лохматый Марью Гавриловну обобралъ да бросилъ. Этотъ женится не на деньгахъ—у самого у него двѣсти тысячъ въ карманѣ. Пѣтъ, вашего дѣла охаать нельзя, хорошее, очень даже хорошее дѣло. Одобряю.

— Ты съ ней, тятенька, локуда объ этомъ не говори, сказала Аграфена Петровна.—Не вдругъ значить начинай. Она такая вѣдь пугливая да робкая. Нельзя покамѣсть съ ней много говорить на счетъ этого. Скажу тебѣ когда можно будетъ.

— А съ нимъ? спросилъ Чалуринъ.

— Съ нимъ отчего жъ не поговорить, отвѣчала Аграфена Петровна,—только бы она не знала объ этомъ. Съ недѣлку пожалуй надо будетъ обождать, покамѣсть они привыкнутъ другъ къ другу.

— А вѣдь я было на усадѣ хотѣлъ особый домъ для нея ставить, теперь, значить, неужко? сказалъ Патакъ Максимъ.—Когда свадьба-то?

— Объ этомъ не заводила еще рѣчей, да признаться и некогда было, отвѣчала Аграфена Петровна.—А по моему бы такъ: до Фидилловокъ съ приданымъ, да съ тѣмъ и другимъ не управиться намъ, хоть бы тотчасъ лосѣвъ Крещенья свадьбу сыграть. Тѣмъ временемъ Петръ Степанъ домъ кулить и убереть его какъ надобно. Это время Дуся у меня бы аль у тебя логостила. А вѣнчаться имъ въ городѣ и лучше бы всего въ единовѣрческой, тамошній-то вѣнецъ локрыже сидитъ на головѣ. Олять же Петръ Степанъ самъ говорилъ мнѣ что при ихъ достаткахъ ежели повѣнчаются они у проѣзжающаго священника того и глады доносы лойдутъ, да суды. Съ Душей объ этомъ я еще не говорила, а думаю что и она будетъ не прочь обвѣнчаться въ единовѣрческой.

— И распрекрасное дѣло, сказалъ Чалуринъ.—Что тамъ ни говори лолы наши да скитскія келейницы, какъ ни расписывай они свою правоту, а правда-то на той сторонѣ, не на нашей.

Было ужь поздно, наступала полночь, яркими, мерцающими звѣздами было устьяно темносинее небо. Проставшись съ Груней Паталя Максимычъ изъ душевныхъ горющъ пошелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ. Видитъ—возлѣ дома Ивана Григорыча сидитъ человекъ на завалинкѣ. Высоко держитъ онъ голову и глядитъ на небесные свѣточы. Поближе подошелъ къ нему Паталя Максимычъ и узналъ Самоквасова.

— Наше вамъ почтеніе, слегка приподнимая картузь, сказалъ Чалуричь.

— Ахъ здравствуйте!... Здравствуйте Паталя Максимычъ, вскочивъ съ завалины съ живостью вскрикнулъ Самоквасовъ.—Слышалъ, слышалъ я о вашемъ пріѣздѣ, только свидѣться не удалось пока.

— У Груни я посидѣлъ, отвѣтилъ Чалуричь,—а теперь вышелъ на сонъ грядущій вольнымъ воздухомъ подышать. А вы здѣсь какими судьбами?

— Да вотъ вздумалось у Аграфемы Петровны погостить, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.—Ивана-то Григорыча дома нѣтъ, а я и не зналъ о томъ. Да наша хозяйшка такая же ласковая, пріѣтливая, хлѣбосольная, какъ и самъ Иванъ Григорычъ.

— Дѣла что ли какія до него? спросилъ Чалуричь?

— Особенныхъ пока не заводилось. А кой о чемъ надо посоветоваться. Вотъ я и пріѣхалъ, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.

— Валенымъ товаромъ что ли заняться? съ усмѣшкой спросилъ Паталя Максимычъ.

— Валенымъ товаромъ торговать я не стану, а надо же чѣмъ-нибудь заняться, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Такъ ко мнѣ бы пріѣхалъ. Побольше Ивана Григорыча видѣвъ мы видали; ло какой хочешь торговлѣ смыслимъ больше его, сказалъ Чалуричь.

— Къ вамъ-то я не посмѣлъ, отозвался Самоквасовъ.

— А ты лустяковъ не лети, сказалъ Паталя Максимычъ.—Сейчасъ съ Груней говорилъ и знаю зачѣмъ ты пріѣхалъ. Не къ ней пожаловалъ и не къ Ивану Григорычу, а къ кому-то другому.

— Какъ къ другому? спросилъ смущенный Самоквасовъ.

— Невѣсту высватать пріѣхалъ. Что жь? Невѣста хорошая, съ ясной улыбкой промолвилъ Чалуричь. Мало такихъ на свѣтѣ.

Примолкъ Петръ Степанычъ, молчалъ и Паталъ Максимычъ. Слуста немного времени Чалуриныъ сказали:

— Чего таиться-то? Дѣло задумано не худое. Грунѣ я такъ и говорилъ; она вѣдь мнѣ все разказала.

— Ежели Графена Петровна вамъ разказала, такъ мнѣ таиться не приходится. Да, Паталъ Максимычъ, сдается мнѣ что полагъ я на добрую стезю.

— Справедливо. Дай Богъ совѣтъ да любовь, а при нихъ и счастье придетъ, молвилъ Паталъ Максимычъ. — Какъ на счетъ свадьбы располагаешь? Когда думаете дѣломъ-то совсѣмъ докончить?

— Хотѣлось бы тотчасъ послѣ Крещенья, только не знаю управимся ли, отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Домикъ въ городѣ приемотрѣлъ, надо купить его да убрать какъ слѣдуетъ, запасы по хозяйству тоже надо сдѣлать, прислугу нанять, лошадей завести, экипажи купить. Мало ль сколько дѣла, а на все время требуется.

— Свадьбу-то гдѣ думаете играть? помолчавъ немного спросилъ Паталъ Максимычъ.

— Въ городѣ. Стану Сергѣя Андреича и Марей Михайловну просить чтобъ она изъ своего дома невѣсту къ вѣнцу отпустили, сказалъ Петръ Степанычъ.

— Та-а-къ, протянулъ Паталъ Максимычъ. — Ладно придумано, лучше не надо. Завтра по утру надо будетъ мнѣ съ Груней покататься, а потомъ повидать невѣсту. Хоть не родная, а все-таки не чужая. Долго ль здѣсь располагаешь прожить?

— Надо будетъ Ивана Григорыча дожидаться, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Чтò ждуть-то его? Не скоро воротится, до самаго Николаы можетъ проѣздить, а тѣмъ временемъ дѣло-то у тебя будетъ ни въ задъ ни впередъ, сказалъ Чалуриныъ. — По моему бы вотъ какъ: помилуйся денька три, четыре съ невѣстой, да и поѣзжай за дѣла приниматься. Скучно станетъ, сюда дорога не запаала, олять же и близко — хоть кажде воскресенье къ невѣстѣ приѣзжай. Таковъ мой совѣтъ. Олять же и то надо сказать что въ добрыхъ людяхъ не водится, чтобы женихъ съ невѣстой долго подъ одной кровлей жили. Видѣться хоть каждый Божій день видайтесь, а жить въ одномъ домѣ не приходится. Осудятъ, а поладешь кумушкамъ на язычекъ того налетутъ что тошмо станетъ и слушать-то.

Тяжело вздохнулъ Самоквасовъ, но согласился съ Патапомъ Максимычемъ. А ужь какъ бы не хотѣлось ему разучаться съ невѣстой. Весь бы день съ утра до вечера сидѣлъ съ ней да любовался на ея голубые глаза, стройный станъ и дѣвственныя перси.

— Однако, парень, не пора ли спать? Пойдемъ-ка, другъ, олочивъ держать, сказалъ Чалуришъ отходя къ воротамъ. Самоквасовъ слѣдомъ за нимъ пошелъ.

На другой день Паталъ Максимычъ долго бесѣдовалъ съ Аграфеной Петровной. Обо всемъ переговорили на счетъ Душиной свадьбы. Груня согласилась на все, кромѣ одного только.

— Какъ это можно отлускать подъ вѣнецъ невѣсту отъ Сергѣя Андреича? сказала она.—Конечно домъ у него большой, а все-таки всѣмъ намъ не помѣститься. Сметки-ка сколько на свадьбу-то найдеть гостей. Стѣснимъ только Сергѣя Андреича.

— Какъ же быть-то? въ раздуми спросилъ Паталъ Максимычъ.—Ты вѣдь у меня разумица, скажи какъ по твоему это дѣло поглаже обладить.

— По моему вотъ бы какъ, отвѣтила Аграфена Петровна.— Навяты въ городѣ большую, просторную квартиру на мѣсяць либо на два и передъ свадьбой туда всѣмъ переѣхать. Оттуда отлустимъ и невѣсту.

— Ладно-то оно ладно, покачивая головой сказалъ Чалуришъ.—Только по скоростцъ врядъ ли такую квартиру найдешь. Да и сдеруть же за нее.

— На счетъ денегъ нечего думать. Дуня за все залатитъ, сказала Аграфена Петровна.—А ежели подходящей квартиры въ городѣ не найдется, въ гостиницѣ остановимся. Только раньше надо нанять сколько надо горницъ.

— И то правда, молвилъ Паталъ Максимычъ.— Теперь какъ на счетъ приданого?

— О приданомъ еще не говорила я съ Дуней, отвѣтила Аграфена Петровна.—Одна себѣ обсудила.

— Какъ же рѣшила ты, разумица? Это дѣло бабье, а тутъ ни причемъ. Ни совѣтовать, ни отсовѣтывать не смогу, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Я вотъ какъ придумала, молвила Аграфена Петровна.— Вѣдь Дуня станетъ ходить по-городскому, поэтому и я тутъ ни причемъ; надо будетъ Марю Михайловну попросить, она

въ этомъ знаетъ толкъ. Съвѣзжу къ ней, попрошу, авось не откажетъ.

— Не откажетъ, объ этомъ нечего и говорить. Чтò только сумѣетъ, все сдѣлаетъ, сказалъ Чалуринъ. — Она добрая, услужливая.

— Да особенныхъ-то хлопотъ кажется ей и не будетъ, сказала Аграфена Петровна. — Вонъ у меня въ кладовой Дуцины сундуки стоятъ, ломатся отъ приданого чтò покойникъ Марко Давылычъ ей заготовилъ. Какъ собирались мы сюда, нособладала я укладываться. Чего только тамъ вѣтъ — бѣлая носильная и столовая видимо невидимо и все-то новенькое, ни разу не надѣванное, три шубы чернубурой лисы, одну только что привезъ покойникъ съ ярманки, серебра луда три кола не больше, а шелковыхъ да шерстяныхъ матерій на платья цѣлая пропасть... Бриллиантовъ также множество и другихъ разныхъ дорогихъ вещей. Марѳу Михайловну не очень затруднить приданое, потому и хочу просить ее.

— Что жь?... Дѣло хорошее, молвилъ Паталя Максимычъ. — Съвѣзди въ самомъ дѣлѣ, попроси. И отъ меня попроси, она самымъ лучшимъ порядкомъ уладитъ все... Да что невѣста не кажется?... Неужто до сей поры вѣжить въ постели бѣлое тѣло свое?

— Въ свѣтлѣкъ на верху сидитъ. Сейчасъ кликну ее. Сама еще не видала сегодня ее, сказала Аграфена Петровна выходя изъ горницы. — Только будь ты съ ней тятенька осторожнѣй да оласавѣй, шуточки-то не больно раслуškai. Она такая стыдливая, совѣстливая. И съ женихомъ даже стыдится словомъ перекинуться. Говорила я ей что такъ нельзя — не слушается.

„Прыгаетъ видно дѣвка по ковѣму, а какъ косу-то лодъ покойникъ лодберутъ, станетъ ходить сврой утцей, подумалъ Чалуринъ когда вышла изъ горницы Аграфена Петровна. Дѣвчыхъ прихотей не перечестъ и на дѣвкинъ поровъ вѣтъ угодайка и не бывало.“

Скоро воротилась Аграфена Петровна, а вмѣстѣ съ ней и Дуца пришла. Была она до крайности взволнована, лицо алымъ румянцомъ подернулось, отъ усиленнаго перерывчатого дышанья высоко подымались дѣвственныя ея груди. Съ потупленными взорами, весмѣлой постулью подошла она къ

названному отцу и смутилась ровно грѣхъ какой совершила, либо постыдный поступокъ.

— Здравствуй дочка, подходи ближе, весело и привѣтливо сказалъ увидавши ее Чалуринъ.

Подошла Дуня, поздоровалась съ нимъ.

— Сядь-ка рядкомъ, покалакаемъ, сказалъ Патакъ Максимычъ, указывая на стоявшій возлѣ стулъ.

Ни слова не молвивъ, Дуня сѣла возлѣ названнаго отца.

— Каково поживаешь? Не соскучилась ли? немного помедливши спросилъ Патакъ Максимычъ.

— Нѣтъ, тихонько отвѣтила Дуня.

— Ну и слава Богу. Это лучше всего. А ко мнѣ въ Осиповку когда собираешься? спросилъ Чалуринъ.

— Не знаю, прошептала она.— Вотъ какъ Груня.

— А я было у себя на усадѣ домикъ для твоего житья хотѣлъ ставить, чтобы значить жить тебѣ на своей поляной волѣ, отдѣльно отъ моей семьи. Да чуть ли не опоздалъ, съ ласковой улыбкой проговорилъ Патакъ Максимычъ.

— Покорно благодарю васъ за ваши попеченія, тихо молвила Дуня.

— Какія тутъ благодарности?... Что между нами за счеты? вскакивалъ Патакъ Максимычъ.—Доброй волей, безъ твоей просьбы привелось мнѣ взять попеченье о тебѣ и дѣлахъ твоихъ... На то была воля Божья. Такъ я рассуждаю. Какія жь тутъ благодарности?... А кстату оренбургскій Татаринъ письмо прислалъ.

— Что жь онъ пишетъ? съ оживаеьемъ спросила Дуня. Есть ли надежда выручить дядюшку?

— Есть, отвѣчалъ Патакъ Максимычъ.—Обрадовался же крещеный лобъ другой тысячѣ что ты обѣщала ему. Безпремѣнно, пишетъ, выкупаю, а не выкупаю такъ выкраду, и ежели только онъ въ живыхъ, къ лѣту выведу его на Русскую землю.

— Слава Богу, сказала Дуня.—Какъ только вспомню я что у меня дядя родной въ лопову, сердце кровью такъ и обольется.... Поскорѣ бы ужъ вывезъ его Господь... Дарья Сергѣевна какъ у васъ поживаетъ?

— Ничего, здорова. Съ самаго пріѣзда въ Осиповку не выходитъ почти изъ моленной. Съ канонницей чередуется—службу править. Только скучаетъ, очень даже скучаетъ, проговорилъ Чалуринъ.

— Жаль мнѣ ее, молвила Дуня.—Вотъ я и молода еще, а куда тяжело мѣнять жизнь, а ей-то на старости лѣтъ каково..?

— Тебѣ-то, Дуняшка, отъ перемѣны въ жизни тяготы не будетъ, сказалъ улыбаясь Паталя Максимычъ.—Да что жъ ты все молчишь, что не подѣлываешься со мной своей радостью? Можно что ли поздравить тебя съ женихомъ?..

Вслыхнула вся Дуня и съ укоромъ взглянула на Аграфеву Петровну. „Это она разказала“, подумала она.

— Чего еще таиться? молвила Аграфена Петровна.—Еще не долго—и всѣ будутъ знать, какъ же татенькѣ-то передъ не сказать?

Дуня молчала.

— Такъ можно что ли поздравить-то? ласково улыбаясь спросилъ Чалуринъ.

— Можно, чуть слышно промолвила Дуня.

Объявъ ее Паталя Максимычъ и трижды поцѣловалъ въ горѣвшія лавиты.

— Вместо отца поздравляю, вместо родителя цѣлую тебя, дочка, сказалъ онъ.—Дай вамъ Богъ совѣтъ, любовь, да счастье. Женихъ твой, видится, парень по всему хорошій и тебѣ будетъ хорошо жить за нимъ. Слава Богу!.. Такъ я радъ, такъ радъ что даже и разказать не сумѣю.

— Благословите меня за татеньку покойника на новую жизнь, со слезами на глазахъ сказала Дуня Паталя Максимычу.

— Изволь милая, изволь. Благословяю съ великимъ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ.—Побудь здѣсь съ Дуней, прибавилъ онъ обращаясь къ Аграфенѣ Петровнѣ,—а я въ твою образную схожу да икому тамъ выберу. Своей не привезу, не зналъ.—Не бойсь Груня, твои благословенныя иконы знаю—ни одну не возьму.

И вышелъ вонъ изъ горницы.

Вскорѣ воротился Чалуринъ съ иконою въ позолоченной ризѣ. Слѣдомъ за нимъ вошелъ Петръ Степанычъ.

— Надо будетъ намъ благословить и невесту и жениха, для того я сюда и привелъ Петра Степаныча, сказалъ Паталя Максимычъ.—Отдѣльно каждого станемъ передъ вѣдомъ благословлять, а теперь это за рукобитье пойдетъ. Ты, Груня, будешь за мать; носиже хлѣба каравай, да соли, да чистое полотенецъ.

Аграфена Петровна вышла, а Чалуринъ сказалъ Петру Степанычу:

— Съ нареченной невѣстой!... Подѣлуемся. Смотри же ларень—люби ее да береги.... Да что это вы, посмотрю я на васъ, улырами другъ на дружку глядите... Словечка межъ собой не перемолвите. Такъ вѣдь не водится.

Вошла Аграфена Петровна съ лалушникомъ, * покрыла стоявшій въ красномъ углу столъ скатертью, поставила на немъ правесенную Паталомъ Максимычемъ икону, зателаила свѣчку, положила возаѣ иконы, хлѣбъ и покрыла его лоло-тевцемъ.

Положили семипоклоновый началъ, потому Паталъ Максимычъ съ Грушей обычнымъ порядкомъ благословилъ жениха съ невѣстой.

— Ну юнецъ молодецъ и ты раскрасавица дѣвица, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Телерь по дѣдовскому и прадѣдовскому завѣту слѣдуетъ вамъ поцѣловаться на любовь, на совѣтъ, на долгую и согласную жизнь. Извольте цѣлованьемъ завершить Божіе благословенье.

Самоквасовъ подошелъ къ Душѣ. Ни жива ни мертва стояла она и свѣту невзвидѣла когда Петръ Степанычъ поцѣловалъ ее. Не видала она лица его, только чувствовала какъ горячія, трепещущія уста крѣпко ее цѣловали. Нѣтъ, это не Серафимскія лобзанья, что еще такъ недавно раздавала она каждому на радѣньяхъ людей Божіихъ.

— Телерь бы слѣдовало про здоровье нареченныхъ князя съ княгиней вина испить, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Тащи-ка Груша что есть у тебя про заласъ. Эка досада, не знаешь на что ѣду. Тебѣ бы, Груша, отнестись, а бы холодеенькаго прихватилъ съ собой. А у тебя, лоду вѣдь, савтуринское либо церковное. Да ужъ дѣлать нечего, за недостатчей хорошаго хлѣбнемъ и савтуринскаго. Тащи его сюда.

— Позвольте, Паталъ Максимычъ, вступился Петръ Степанычъ. Со мной есть маленькій заласецъ. Разчитывалъ что пригодится къ семи слящимъ отрокамъ, ** къ имяшамъ значить Ивана Григорьича. А телерь вотъ на мое счастье бутылки на другое ловадобились.

И спѣшивъ выйдя изъ горницы воротилась бѣгомъ съ ларой бутылокъ шампанскаго.

Розалии вино, выпили, и Душа маленько пригубила.

— Горько! вскричалъ на всю горницу Чалуриавъ.

* Палушникъ—пшеничный хлѣбъ домашняго приготовления.

** 22го октября. Изъ семи отроковъ младшій назывался Іоанномъ.

— Горько! сказала и Аграфена Петровна.

— Надо жениху съ невестой поцѣловаться, тогда и вино сладко будетъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.

Дѣлать нечего. Должна была Дуня еще разъ цѣловаться съ женихомъ. Теперь горячій поцѣлуй Петра Степаныча показался ей такимъ сладкимъ, такимъ пріятнымъ, что рада бы она была ежели бъ еще и еще онъ цѣловалъ ее да все бы чаще да чаще.

— Надо теперь говорить про дѣло, сказалъ Чалурицъ, когда бутылка была опростана.—Въ людяхъ водится чтобы тотчасъ послѣ рукобитья и перваго благословенья судии радили когда свадьбѣ быть, а также на счетъ приданого и другаго прочаго какъ на первое время житье устроить молодымъ. Рукобитья у насъ не было да некому и по рукамъ-то битъ — невеста сирота да и женихъ все одно что сирота. За то было у насъ Божіе благословеніе, на вѣки вѣковъ нерушимое. А это первое дѣло, много важнѣй оно рукобитья. Станемте жь теперь женихъ съ невестой толкомъ говорить какъ привести ваше дѣло къ доброму совершенію.

Всѣ молчали.

— На счетъ приданого я не судья, продолжалъ Паталъ Максимычъ,—въ этомъ на Груню надо положиться. Чтѣ сама сумѣетъ все сдѣлать, чего не сумѣетъ у Марѣи Михайловны попросить совѣта. Ладно ль придумаемо? Скажи родная, прибавилъ онъ обращаясь къ Дуни?

— Кому жь лучше Груни?... сказала невеста потупивъ свои голубые глаза.

— А ты чтѣ Груня скажешь? спросилъ Паталъ Максимычъ.

— По мнѣ, тятенька, не только въ такомъ случаѣ, а всегда, во всю жизнь мою рада я для Дуни всякія хлопоты на себя принять, отвѣтила Аграфена Петровна.

Молча обняла ее Дуня.

— Марѣю Михайловну и я стану просить, не оставила бы насъ въ этомъ дѣлѣ, оно вѣдь ей за обычай, сказалъ Самоквасовъ.—У меня въ городѣ домъ есть на примѣтѣ, хорошій, помѣстительный, надо его купить да убрать какъ слѣдуетъ.... А хотѣлось бы убрать какъ у Сергѣя Андреевича—потому и его стану просить. Одному этого мнѣ не сдѣлать, не знаю какъ и приступить, а ему обычно. А ежели въ городѣ чего, нельзя достать, въ Москву спосылаемъ, у меня тамъ довольно знакомства.

— Покланяйся въ самомъ дѣлѣ Кошмыкинымъ, попроси— не откажутъ, сказалъ Паталя Максимычъ.—Только чуръ дѣлать все какъ они посоветуютъ, а не по своему. Сергѣй Андреичъ лучше знаетъ что и какъ надо, съ молоду по господски живетъ, а мы передъ нимъ деревенщина. Твое дѣло взять, жила ты у дяди ровно въ муръѣ, только и свѣту у тебя было что по скитамъ съ подавнями развѣзжаты да тамъ загащиваться. Вотъ развѣ какъ въ Москвѣ да въ Питерѣ побывалъ, такъ можеть наглядѣвса какъ хорошіе люди живутъ. Одежми дельгами тутъ ничего не возьмешь, тутъ нужны умѣнье да сваровка. Возьми къ примѣру Алешку Лохматаго— сколько денегъ онъ на домъ потратилъ, а все-таки вышло шутъ его знаетъ что — обои золотые, ковры персидскіе, а на окошкахъ замѣсто хорошихъ замавѣсокъ лестрадивныя ловѣшены. Не вами, а дѣдами и прадѣдами сказано: „всяко дѣло мастера боится.“

— Это такъ точно, Паталя Максимычъ, это рѣчь справедливыя и согласныя, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.—Ежели бы Сергѣй Андреичъ согласился оказать мнѣ милость какъ же могъ бы я дѣлать по своему? Не выстулаю изъ его приказовъ.

— Проси же его, проси скорѣе, сказалъ Чапуринъ, а я и самъ отлпашу чтобъ онъ для тебя постарался.

Тѣмъ разговоръ и кончился, а женщхъ съ невѣстой все-таки пріи людяхъ словечка не сказали, несмотря на старанья Паталя Максимыча и Аграфены Петровны.

СХХІ.

Трое сутокъ прогостилъ Чапуринъ у богоданной дочкы. Собраннысь въ Осиповку сказалъ онъ Дунѣ:

— У Груни кладовая-то деревянная, въ подкѣлѣхъ подъ домомъ, а строевье старое да тѣсное. Долго ль тутъ до бѣды? Ну, какъ грѣхомъ, случится пожаръ? А у меня палатка каменная подъ сводами и строена на усадѣ вдалекѣ отъ жилаго строевья. Не перевезти ли до времени твои ложитки ко мнѣ?... Страху будетъ меньше. Какъ думаешь?

И Аграфена Петровна со своей стороны прибавила что въ Осиповкѣ Дуниво придаемое не въ примѣръ будетъ сохраннѣе.

— Вѣдь у тебя въ сундукахъ-то добра больше чѣмъ на

сто тысячъ, Дунышка, сказала она.—Шутка ли это? Подумай. Тятенька придумалъ хорошо. Ты какъ рѣшишь?

Дуна согласилась и благодарила Патапа Максимыча за его заботы.

Въ тотъ же день навяты были подводы, и Дунины судуки отправлены въ Осилровку подъ надзоромъ прикащика заправляшаго дѣлами Ивана Григорыча.

За обозомъ отправился и самъ Патапъ Максимычъ.

Послѣ того Дуна чаще и чаще видалась съ жемихомъ и стала съ нимъ разговорчивѣй и доверчивѣй. Раза по два да по три на дню бывали у нихъ и молчаливые тайные поцѣлуи—увидались они Дуна, а объ жемихѣ и говорить нечего. Любила Дуна вспоминать съ нимъ про катанье въ косныхъ по Окѣ, и про то время какъ видалась они во время Макарьевской. Но кромѣ того, ни о чемъ изъ прошлаго Дуна рѣчей не заводила.

А онъ другое вспоминалъ.

— Знаете ли вы, съ коихъ поръ полюбилъ я васъ? спросилъ онъ однажды у Дуны.

— Не знаю, съ самодовольной улыбкой отвѣчала она....—Съ той можетъ стать лоры какъ мы съ Доровичими въ косныхъ катались?

— Раньше, сказалъ Самоквасовъ.—Полюбилъ я васъ не за красоту, не за пригожество, а за ваши рѣчи добрыя и разумныя. Помните ли вы про Ивана Царевича?

— Про какого Ивана Царевича? спросила Дуна.—Про сказку что ли говорите?

— Да, про сказку, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.—Помните какъ въ Комаровѣ при вашей тамъ бытности на другой день послѣ Петрова Дарья Никитишна, середь молодыхъ дѣвицъ сидючи, эту сказку разказывала? Еще тогда Аграфена Петровна въ дѣвичьей бесѣдѣ сидѣла.

— Припоминаю теперь что-то, молвила Дуна.

— А какъ кончила сказку Дарья Никитишна, всѣмъ дѣвкамъ она молвила: „сказывай по ряду одна за другой какъ бы каждая изъ васъ жила въ замужествѣ, какъ бы съ мужемъ свою жизнь повела.“ И стали дѣвицы открывать свои мысли и тайныя думы. Ни у одной не было хорошихъ разумныхъ рѣчей, олицъ той что послѣ всѣхъ говорила. А говорила она вотъ что: „Замужь пойду за того кого люблю, и стану его любить до вѣку, до послѣдняго вздоха, только сыра земля остудитъ любовь мою. А что буду дѣлать я замужемъ, того не знаю не вѣдаю. Одно знаю—гдѣ мужъ съ женой въ

ладу да въ совѣтъ живутъ, по добру да по правдѣ, въ той семьѣ самъ Богъ живетъ. Онъ и научитъ меня какъ поступать“.

Дуня зарумянилась.

— Помню, теперь помню, промолвила она,—но какъ же вы все это знаете? Вы вѣдь отъ слова до слова мои рѣчи говорите? Груня должно-быть разказала вамъ.

— Не она, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.—Не вспомните ли чѣмъ дѣвичья бесѣда кончилась?

— Чѣмъ кончилась? Посидѣли, поговорили, да по своимъ мѣстамъ разошлись, сказала Дуня.

— А забыла что Аграфена Петровна послѣ вашихъ словъ выглянула въ окошко и сказала: „а у насъ лодъ окномъ въ самомъ дѣлѣ Иванъ Царевичъ сидитъ“.

— Что-то припоминаю, сказала Дуня.

— Я Иваномъ Царевичемъ былъ, я сидѣлъ на завашичкѣ и отъ слова до слова выслушивалъ дѣвичьи рѣчи, сказалъ Петръ Степанычъ.—И съ того часу полюбилъ я васъ всей душой моей. А все-таки ни въ Комаровѣ, ни въ Нижнемъ потомъ на арманкѣ не смѣлъ къ вамъ и подступиться. Задумаешь словечко оказать, языкъ-отъ ровню замерзнетъ. Только бывало и счастья, только и радости, когда погладишь на васъ. А безъ того тоска, скука и мука.

— Видно съ того ко Фленушкѣ въ Комаровъ вы и уѣхали? съ хитрой улыбкой спросила его Дуня.

— Именно отъ того, отвѣтилъ Самоквасовъ,—только Фленушки я и не видалъ почти тогда. При мнѣ она постриглась. Теперь она ужъ не Фленушка, а мать Филагрія.... Ну, да Господь съ ней. Прошу я васъ не ломышляйте никогда о ней—было у насъ съ ней одно баловство, самое пустое дѣло, не стоить о немъ и вспоминать. По правдѣ говорю, по совѣсти.

Привыкала Дуня къ жениху, не стыдилась больше его и перестала отворачиваться когда любуясь на свою красавицу онъ страстно цѣловалъ ея подернутыя румяномъ ланиты.

Черезъ недѣлю Петръ Степанычъ поѣхалъ къ Патапу Максимычу въ Осиповку, а потомъ въ городъ, переговорить съ Колышкиными. Онъ общалъ невѣствъ каждый праздникъ пріѣзжать въ Вихорево.

Прощаясь съ женихомъ Дуня, по настоянью Аграфены Петровны, сказала ему:

— Послушайте что я скажу вамъ, Петръ Степанычъ. Въ прошломъ году, еще прежде того какъ мы гостили въ Комаровѣ, Великимъ Постомъ мнѣ восемнадцать лѣтъ исполня-

лось. На мои имяныи покойникъ тятенька подарилъ меня разными вещами. Тутъ было и обручальное колечко. И сказалъ онъ мнѣ тогда: „восемнадцать лѣтъ тебѣ сегодня минуло— можеть-статься скоро замужъ пойдешь. Слушай же отца: наши родители ни меня, ни мать твою въяцомъ не неволчили и я не стану неволить тебя — вотъ кольцо, отдай его кому знаешь, кто тебѣ по мыслямъ придется. Только смотри, помни отцовскій завѣтъ — чтобы это кольцо не распалось, значить изволь съ мужемъ жить до вѣку въ любви и совѣтѣ, какъ мы съ твоей матерью жили.“ И залакалъ онъ тутъ, горько заплакалъ, ровно зналъ что въ кругломъ сиротствѣ придется мнѣ замужъ идти... Возьмите.

И со слезами на глазахъ подала ему кольцо.

Взволнованный Петръ Степанычъ сталъ цѣловать невесту. Словъ у него не доставало, за то радостныя слезы красно говорили.

Поѣхалъ онъ. И только что съѣхалъ со двора Дунѣ стало тоскливо и скучно.

Когда Патапъ Максимычъ воротился въ Осиповку у крыльца своего дома увидалъ онъ Василья Борисыча. Сидя на нижней ступенькѣ лѣстницы строгаля онъ какую-то палочку и вполголоса напѣвалъ тропарь вступавшему празднику Казанской Богородицы. Патапъ Максимычъ сказалъ зятю:

— Видно все еще настоящего дѣла не нашель себѣ. Палочку строгаеть, да напѣваетъ что-то себѣ подъ носъ. Безлутный ты этакой!...

— Охъ, искушеніе! съ глубокимъ вздохомъ вымолвилъ Василій Борисычъ, бросилъ палку и пошелъ вслѣдъ за тестемъ въ горницы. На полдорогѣ остановилъ его Чапуринъ:

— Кликни Пантелея?

Пантелея былъ на дворѣ, слышалъ приказъ и тотчасъ подошелъ къ хозяину.

— Здорово, Пантелеюшка, ласково молвилъ ему Патапъ Максимычъ.—Все ли безъ меня было благополучно?

— Слава Богу, батюшка Патапъ Максимычъ, слава Богу, все было благополучно, отвѣчалъ Пантелей.—Посуду красить зычали...

— А токарни что?

— Въ ходу, батюшка, всё до единой.

— Вотъ что, Пантелеюшка, сказалъ Чапуринъ.—У тебя что ли ключи отъ каменной лалатки?

— Надо быть у Аксины Захаровны, отвѣчалъ Пантелей.

— А что въ ней сложено?

— Да такъ, всякій хламъ. Разное старье, отвѣчалъ Пантелей.

— Надо ее опростать, молвилъ Патакъ Максимычъ.—Сегодня подводы съ сундуками придутъ изъ Вихорева. Ихъ туда поставить.

— Не случилось ли чего у Ивана Григорыча? тревожно спросилъ Пантелей.

Вспало на умъ старику не пожаръ ли былъ въ Вихоревѣ и не къ себѣ ль перевозить Патакъ Максимычъ удѣлявшіе пожитки погорѣвшаго кума.

— Ничего не случилось, сказалъ Патакъ Максимычъ.—Смолокурова Авдотья Марковна пожитки привезутъ. Ради сохранности отъ пожарнаго случая хочу въ палаткѣ поставить ихъ. Надо сейчасъ же очистить ее отъ хлама.

Взойдя на верхъ Патакъ Максимычъ прошелъ въ горенку Аксины Захаровны, въ ту самую горенку гдѣ жила и померла покойница Настя. Василій Борисычъ туда же вошелъ и молча сталъ у притолаки. У Аксины Захаровны сидѣли Параша и Дарья Сергѣевна.

— Что Захаровна? Какъ можешь, сударыня? спросилъ Патакъ Максимычъ у жены лежавшей въ постели.

— Также все Максимычъ, ни лучше, ни хуже, отвѣчала Аксины Захаровна.—Съ мѣста подняться не могу, всѣ бока перележала. Одивъ бы ужъ комедь,—а то и сама измаялась и другихъ измучила.

— Челухи не городи! Богъ дастъ встанешь, оправишься, и еще проживемъ съ тобой хоть не столь сколько прожили, а все-таки годы.... сказалъ Патакъ Максимычъ садясь возлѣ больной.

— Ты наскажешь, тебя только послушай, съ ясной, довольной улыбкой тихимъ голосомъ промолвила Аксины Захаровна.

— Вы какво, Дарья Сергѣевна, безъ меня проживали? обратилась къ ней Патакъ Максимычъ.—Авдотья Марковна вамъ кланяется и Груня также.

— Благодарю покорно, молвила Дарья Сергѣевна.—Что Дуношка-то здорова ли сердечная?

— Слава Богу, здорова, отвѣчалъ Чалуричъ.

— Не скучаетъ ли? спросила Дарья Сергѣевна.

— Въ мою бытность не скучала, а скоро, надо думать, приведется ей скучать, съ загадочной улыбкой отвѣтилъ

талъ Максимычъ.—Захаровна, у тебя что ли ключи отъ каменной палатки?

— У меня, сказала Акусья Захаровна.— А что?

— Что тамъ лежитъ у тебя? спросилъ Чалуринъ.

— Прежде приданое дочерей лежало, а теперь нѣтъ ничего, отвѣтила Акусья Захаровна.— Хламъ всякій навалецъ — старые хомуты, гнилыя кожи.

— Подай-ка мнѣ ключи, сказалъ Патапъ Максимычъ.

По приказу Акусьи Захаровны Параша вынула ключи и подала ихъ отцу.

— Авдотья Марковна сундука хочу тамъ поставить. Груня говоритъ что въ нихъ добра тысячъ на сотню, сказалъ Чалуринъ.

— По моему больше, замѣтила Дарья Сергѣвна.

— Ну вотъ видите! Груня поставила сундуки въ кладовой, да вѣдь строемыя у кума Ивана Григорыча тѣсное, случись грѣхъ — малости не вытащишь. Потому и рѣшилъ я сундуки-то сюда перевезти да въ палаткѣ ихъ поставить. Не въ примѣръ сохраннѣе будутъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Конечно сохраннѣе, примолвила Акусья Захаровна.— Это ты хорошо вздумалъ Максимычъ.

— Сама-то скоро ли Дунюшка прѣдетъ? спросила Дарья Сергѣвна.

— Этого не знаю, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Покамѣоть у Груни остается, а потомъ вмѣстѣ съ ней въ городъ поѣдетъ къ Колышкинымъ. И не разъ еще придется ей до Рождества съѣздить туда.

— Зачѣмъ же ей такъ разъѣзжать? спросила Дарья Сергѣвна.

— Да самага-то главнаго я вѣдь еще и не сказалъ, молвилъ Патапъ Максимычъ.— Замужъ выходитъ Авдотья-то Марковна. Послѣ Филипповоѣ свадьба.

Всѣ удивились, особенно Дарья Сергѣвна. Акусья Захаровна перекрестилась и пожелала счастья Дунѣ, Прасковья Патаповна по обычаю равнодушно локовыряла въ носу, а Василий Борисычъ вздохнулъ и чуть слышно промолвилъ:

— Охъ, искушение!

„Такъ вотъ оно какое вышло положеніе-то! думалъ онъ самъ про себя. Тогда на Китижѣ какъ впервые ее увидалъ я свѣтлоблѣна была — очи голубыя, власы — янтарныя волны, уста — червленныя ленты, ламиты — розовый шилокъ. Не то

т. склнпн.

что моя колода Парашка. — А въ Комаровѣ какова была! — Ангеламъ подобна!... Но вертоградъ для меня заключень, источникъ радостей запечатанъ. Милліонъ, опричь приданого во сто тысячъ!... То-то бы зажили... Богъ суди Флевушку съ Самоквасовымъ да съ Сенькой Саратовцемъ — окружили проклятые меня бѣднаго, — валавайся теперь вѣкъ свой съ этой дурищей Парашкой.“

Больше и больше мао разбираало бывшего посла рогожскаго. Всѣхъ клялъ, всѣмъ просилъ помсты у Бога кромѣ себя одного.

— За кого жь это выходитъ Дувюшка? чуть слышво спросила у Патапа Максимыча Дарья Сергѣевна. — Неужто она въ дѣсахъ могла найти судьбу свою?

— Женихъ не дѣсной, а изъ города Казани. Теперь онъ съ большимъ наследственнымъ капиталомъ въ Нижнемъ поселился. Да вы его знаете, у Колышкиныхъ каждый Божій день бывалъ, какъ мы у нихъ останавливаемись... Петръ Степавычъ Самоквасовъ, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Груня кажись и сосватала ихъ.

— Не лара, не лара, со слезами на глазахъ промолвила Дарья Сергѣевна.

— Чѣмъ же не лара? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— У Самоквасова на умѣ только смѣшки да шуточки. Какой онъ мужъ Дувюшкѣ?.. сказала Дарья Сергѣевна. — Въ прошломъ году въ одной гостиницѣ съ нимъ стояли. Наглядѣлась я на него тогда. Зубоскалъ, сорванецъ и больше ничего, а она дѣвица строгая, кроткая. Того и гледи что размотырить весь ея капиталъ. Нѣтъ, не лара, не лара.

— Жемитса — перемѣнитса, молвила Патапъ Максимычъ. — А онъ ужъ и теперь совсѣмъ перемѣнился. Нельзя узвать сѹпротивъ прошлаго года, какъ мы въ Комаровѣ съ нимъ лировали. Тогда у него въ самомъ дѣлѣ только проказы да озорство на умѣ были, а теперь ларень совсѣмъ выравнялся... А чтобъ онъ женщины деньги нѣ вѣтеръ лустилъ, этому я въ жизнь не повѣрю. Сколько за нимъ ни примѣчалъ, видится что изъ него выйдетъ добрый хорошій хозяинъ и не то чтобъ сорить денежками, а ставеть беречь да копить ихъ.

— Вашими бы устами да медъ пить, Патапъ Максимычъ, грустно проговорила Дарья Сергѣевна. — А впрочемъ мѣѣ-то что жь? Въ ихнемъ семействѣ я буду лишняя, помѣхой буду пожалуй. Люди они молодые, а я старуха. Черную рясу рѣшила съ надѣть я. Слезно стану молить мать Мавееу при-

няла бы меня во святую свою обитель, а по времени и ангелоподобнаго чина удостоила бы.

— Нывче, Дарья Сергѣевна, скитскія обители не то что прежде, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Со дня на день выгонки ждуть. Вонъ сестрица моя любезная, Манееса-то, цѣлу обитель въ городу себѣ построила, человѣкъ на семьдесятъ—туда до выгонки хочетъ переселаться. А какъ вы къ тому городу не приписавы, такъ вамъ пожалуй и не позволять тамъ проживать. Всегда бывало такъ по другимъ мѣстамъ гдѣ старообрядскіе монастыри закрывали—на Иргизѣ такъ было, и въ Стародубѣ, и по другимъ мѣстамъ. Которыя были изъ другихъ мѣстовъ тѣхъ высылали на родину и вѣдно было за ними смотрѣть чтобъ оттодь никуда не отлучались. Такъ ежели у васъ есть твердое желаніе спастись въ какой-нибудь изъ здѣшнихъ обителей, такъ повремените не многое время, обождите чѣмъ ихнее дѣло кончится. А кончится оно, думать надо, въ скоромъ времени.

— Что жъ! молвила Дарья Сергѣевна.—До времени гостией у матушки Манеесы ложиву, чтобъ не попасть въ скитскіе списки. А настанетъ выгонка, куда-нибудь на время уѣду.

— У васъ живите, Дарья Сергѣевна, тихо проговорила Аксинья Захаровна.—При васъ мнѣ отраднѣй, не такъ скучно, вы со мной и поговорите, вы мнѣ и отъ божественнаго что-нибудь почитаете.

— А ко всему что сказалъ я прибавлю вамъ Дарья Сергѣевна еще, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Теперь вѣдь Манееса пгуменьей только по имени, на самомъ-то дѣлѣ мать Флагарія всѣмъ заправляетъ—и хозяйствомъ, и службой, и переписку съ петербургскими да съ московскими ведетъ.—Чать знаете ее?—Манеесина-то наперсница, взбалмошная, безшабашная Фленушка.

— Какъ мнѣ Фленушку не знать? сказала Дарья Сергѣевна.—Довольно ее знаю, не мало вѣдь времени выжила я съ Дуней у матушки Манеесы въ обители.

— Сумазбродъ была дѣвка! замѣтилъ Паталъ Максимычъ.—Все бы ей какое-нибудь озорство. А теперь, говорятъ, хозяйство повела мастерски, вся, слышь, обитель въ такой у нея строгости какой и при Манеесѣ не бывало. И вамъ, сударыня Дарья Сергѣевна, стадо-быть волей-неволей придется изъ ея рукъ смотрѣть и все исполнять по ея приказамъ. Вы бы объ этомъ хоть лоразсудили. Не желаете

у Дуни жить, найдется уголъ вамъ у меня въ дому — что есть — вмѣстѣ, чего вѣтъ пололамы. Подумайте хорошенько матушка. Жалѣючи васъ говорю. Вотъ и старуха моя говорить что ей съ вами отрадыѣ. Право, не лучше ли вамъ у насъ остаться. Вы хорошая хозяйка, а это замѣтилъ живучи у васъ, а у меня хозяйка съ постели не сползаетъ. О Прасковѣ говорить нечего — сами видите что умомъ не дошла — ей бы только сладко поѣсть да день денской на кровати валяться. А за вами по хозяйству я бы ровно за каменной стѣной былъ. Поразмыслите объ этомъ, ежели рѣшились у Дуни не жить.

Пошелъ Паталь Максимычъ токаря осматривать.

Дарья Сергѣевна также вышла. Прошла она въ молельную, а тамъ наемная кановница за негасимой свѣчей стоитъ и *Псалтырь* читаетъ. Тамъ присѣла Дарья Сергѣевна на боковую лавочку и положила голову. Дуня вспоминалась ей. „Съ дѣтства ровно къ родной матери была ко мнѣ привязана, ни одной бывало тайной думы отъ меня не скрывала, думала она. А въ послѣднее время не такой стала. Полюбились ей мірскія книги, и стала она скучать божественными. Читаетъ бывало ей изъ *Пролога* или *Торжественника* не слушаетъ, зачнешь говорить о душевспасительномъ — и ухомъ не ведеть. А тутъ на бѣду подвернулась окаянная Марья Ивановна. Совсѣмъ съ тѣхъ поръ перебилась Дуня, стала нетерпѣлива, сумрачна и молчалива. Отъ зари до зари бывало сидитъ надъ какими-то еретическими видю книгами, лутнаго слова тогда отъ нея бывало не добьешься. Не то что со мной, съ отцомъ говорить перестала. А какъ на Троицу привесло къ намъ въ домъ эту проклятую Марью Ивановну — еще хуже пошло.. И какъ воротилась Дуня отъ нея изъ гостей къ большому отцу, словечка не сказала мнѣ про житье-бытье у Дуловцкихъ, хоть я не разъ о томъ рѣчь заводила. О чемъ ни спрошу — молчить ровно стѣна. И попрежнему холодна, и попрежнему ко всему безучастна. Какъ уѣхалъ отъ насъ Паталь Максимычъ съ Аграфевой Петровой однѣ мы остались съ ней — извѣстное дѣло — скука, тоска въ одиночествѣ. Поведешь бывало съ ней разговоръ о душевспасительномъ — молчить, зачнешь читать что-нибудь отъ святыхъ отецъ — молчить, зѣваетъ, спать на нее охота найдеть замѣсто душевнаго-то умиленія. Я въ тягость ей была. Какъ же жить мнѣ съ ней какъ замужь-то она выдетъ?

Мужъ еще Богъ его знаетъ каковъ человекъ, какъ еще поглядитъ на меня. Нѣтъ, не житье мнѣ у нихъ—и себя въ тѣготу и имъ не на радость. У Патапа Максимача остаться тоже не слѣдъ—по всѣмъ замѣчаньямъ Аксинья Захаровна не жилища на свѣтѣ, а помретъ она, Параша будетъ хозяйкой, а какъ съ ней ужиться?.. И разумомъ не вышла, и правъ крутой, и лаче мѣры привередлива, вѣтъ съ ней жить нельзя... Стану кланяться матушкѣ Манеѣвѣ призрѣла бы меня одинокую, поклонюсь до земли и матери Флагрицѣ не оставила бы меня Христа ради, дала бы кровь и пищу. Откажутъ въ иныхъ обителяхъ, пищу благодѣтельница. Жить мнѣ не долго, собой никого не отягощу. Чтò есть въ тридцать лѣтъ накопленнаго вкладомъ внесу за кусокъ хлѣба да за теплый уголь... А Душюшка!.. Дай ей Господи всякаго счастья!.. Забыла меня—Богъ съ ней. Не поставь этого во грѣхъ ей Господи!..

И запласть Дарья Сергѣевна слезами, сидя въ моленной на лавочкѣ.

Вслушивается—канонница дочитываетъ первую канѣзму. Когда кончила она ее Дарья Сергѣевна подошла къ ней и сказала:

— Давай я вторую прочитаю.

Положивъ началъ, канонница не говоря ни слова отошла отъ наоя. Дарья Сергѣевна стала на ея мѣсто и начала протяжное чтеніе.

— *Возлюблю Тя Господи крепости моя. Господь утверждение мое и прибежище мое и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой и уповаю на нѣ. Защититель мой и рога спасенія моего и заступникъ мой. Хваламъ призову Господа и отъ враговъ моихъ спасуся. Одержавша мя болѣзни смертныя и потому беззаконія смутиша мя. Болѣзни адовы обидоша мя, предвариша мя сътти смертныя. И внигда скорбѣти призвалъ Господа и къ Богу моему воззвахъ. Услыша отъ церкви святыя своя гласъ мой и вопль мой предъ Нимъ видѣтъ предъ очима Его *.*

Возвышенныя и душу возвышающія слова Царя-Псаломгѣвца подходили къ душевному состоянію Дарьи Сергѣевны и заставили ее забыть на время заботы и печенья о будущемъ житьѣ-бытьѣ. Въ благочестивомъ вос-

* По дониконковскому переводу, что теперь въ обиходѣ у единоверцевъ и раскольниковъ.

торгъ страстно увлеклась она чтеніемъ *Псалтыря*. Кончивъ вторую каѳизму принялась за третью, за четвертую и читала до поздняго вечера, а наемная канонница хралѣла на всю моленную, прикурнувъ въ теплѣ на лавочкѣ за печкой.

СХХІІ.

Только что ушла отъ Акевны Захаровны Паталъ Максимычъ а Дарья Сергѣевна, ушла а Параша, сказавши матери что надо ей покормить Захарушку. Покормить-то она его немножко покормила, но тотчасъ же завалилась спать, проснулась вечеромъ, плотно поужинала, потомъ опять на боковую. Стала звать къ себѣ мужа, кричала, шумѣла, но никто не зналъ куда тотъ дѣвался.

Василій Борисычъ сейчасъ послѣ жены отъ тещи ушелъ; осталась большая одна одишешенька. Хорошо что Матрена пришла, а то бы недвижимою хозяйкѣ дома ни достать, ни отдать что-нибудь было некому.

Съ тоски, что ни день ни ночь въ тестевомъ домѣ не покидала Василья Борисыча, вышелъ онъ на улицу и завернулъ въ токарни. Работники всегда бываютъ чутки къ хозяйскимъ дѣламъ, давно они ужъ замѣтали что Паталъ Максимычъ зятя въ грошъ не ставитъ, на каждомъ шагу глумится надъ нимъ и считаетъ ни на что не годнымъ. И отъ перваго до послѣдняго батрака всѣ они не уважали Василья Борисыча, обходились съ нимъ за лавибрата и въ глаза даже насмѣхались надъ нимъ. Пришлось рогожскому посланнику молчать, да терпѣть. Года полтора передъ тѣмъ былъ онъ славимъ по всему старообрядству какъ свѣдущій въ уставахъ человекъ, былъ принимаемъ въ самыхъ богатыхъ домахъ „древяго благочестія“, а теперь до того дошелъ что послѣдній изъ тестевыхъ батраковъ смѣется надъ нимъ въ глаза безбояздно и безнаказанно!

Видя что кончавшіе работу токарни и глядѣтъ на него не хотятъ лоцель онъ прогуляться на всполье. И луговая трава, и тощая озимъ ужъ поблекли отъ морозовъ, листовыя деревья оголѣли, только одинъ ельничъ сохранялъ зеленый свой цвѣтъ. Калужины какъ стекломъ лодернуты были блестящимъ ледкомъ. Высоко на ясномъ небѣ пылалъ полный мѣсяцъ, озаря блѣднымъ свѣтомъ замирающіе поля, лѣса и перелѣски. Стоялъ легкій морозецъ. Крѣпко кутаясь въ ватную чулку, Василій Борисычъ шелъ все дальше и дальше по дорогѣ къ

смежной деревушкѣ Ежовой, что стояла верстахъ въ полутора отъ Осиповки. Идетъ Василій Борисычъ не слыша и не медля, а самъ такія думы въ умѣ раскидываетъ.

„Вотъ оно положеніе-то! Не чалась, въ умѣ даже никогда не держивалъ, дойти до того что стало со мною!... Будь она проклятымъ проклята ночь въ Улангерскомъ перелѣскѣ, гдѣ навернулась мнѣ постылая, неавистная Парашка... А все Флекушка, все эта мать Филарія по нынѣшнему! Подурачиться ей вздумалось, вотъ и подурачилась. А ты вѣкъ свой страдай да мучься!.. Ни два бы тебѣ ни покрывки—первымъ бы кусомъ тебѣ подавиться! Она и Самоквасова съ Сенькой выкрасть меня изъ Комарова подпустила, а потомъ окрутить съ этимъ бревномъ, ласкудой Парашкой! Все ея дѣло. На первыхъ порахъ и Прасковья тоже говорила... На что жъ я сталъ теперь похожъ? Отъ берега отсталъ, къ другому не присталъ. Съ Москвой, со всѣмъ старообрядствомъ дѣло въ конецъ расклеилось—клянуть меня за то что женили здѣсь меня, да еще вѣнчали въ великороссійской. А развѣ на то моя была воля? Спакѣмъ вѣдь повѣнчали. Теперь изъ старообрядцевъ никто и ко двору меня не подпуститъ, а вѣдь я ими только и жилъ. Къ единовѣрцамъ тоже ходу нѣтъ, а великороссійскіе и вниманья на меня не обратятъ. Допрыгался я, бѣдный, допрыгался несчастный въ этихъ скитахъ, до того допрыгался что теперь хоть руки на себя наложи... Сытъ, обутъ, одѣтъ—не могу въ этомъ на тестя пожаловаться, за то жена то кака!... Глуше барава, злѣе самого чорта. Разказываетъ теперь тесть что самъ онъ нашу свадьбу состряпалъ. Кто ихъ разберетъ—онъ ли въ самомъ дѣлѣ или Самоквасовъ съ Сенькой Саратовцемъ.“

А вотъ и Ежова. Первая съ краю изба освѣщена внутри и въ ней не лучина горитъ, а сальныя свѣчи. И на окошкахъ свѣчи стоятъ и у воротъ фонарь съ зажженной свѣчкой повѣшенъ. Довосятся изъ избы веселые дѣвчьи клики, хохотъ и громкія лѣсни. Въ той избѣ жила разбитная бойкая вдова Акулина Мионовна; та самая что когда-то вѣрѣвъ всѣхъ мужиковъ разгадала для чего ожидая въ гости Свѣжковыхъ Чалуринъ ни съ того ни съ сего вздумалъ большіе столы окольному народу ставить. По смерти ежовскаго десятицка осталась Акулина Мионовна бездѣткою. Сама женщина еще молодая, лѣтъ тридцати, любила она съ дѣвками да съ парнями возиться. Потому и завела у себя въ избѣ лосидѣлку, сходилась къ ней вся ежовская молодежь, приходили повеселиться

и изъ сошедшихъ деревень. Весело было Акулину Мироновну, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выгодно.

Съ ранней осени до Масляницы по деревнямъ у такихъ вдовушекъ, какъ Акулина, посидѣлки или супрядки по нѣсколькѣ разъ на недѣлѣ бывають. Въ назначенный день, только зачнетъ смеркаться дѣвушки въ нарядныхъ платьяхъ съ гребнями и дощками, съ шитьемъ или вышиваньемъ собираются къ ней въ избу. Ласково каждую гостью встрѣчаетъ хозяйка. Собравшись дѣвушки садятся по лавкамъ и заводятъ межъ собой разговоры про домашнія дѣла, наряды и рукодѣла. Начиваются шутивыя насмѣшки надъ ожидаемыми ларнями и надъ ихъ зазвонами. А между тѣмъ всѣ усердно работаютъ. Сначала работа спорится, особенно у тѣхъ кому мать урокъ задала столько-то на прясть, столько-то нашить. Часовъ въ восемь, а иной разъ и въ девять одинъ по одному начинаютъ ларни собираться, каждый приноситъ свѣчку, правиковъ, стручковъ, маковничковъ, подсолнечныхъ зеренъ и другихъ деревенскихъ лакомствъ, а иной и лавца притащить, либо молодой осеменной бражки, а пожалуй и штофъ зелена вина, а тѣмъ кто не пьетъ—святуринскаго. И закуски приносятъ съ собой: кто говядины, кто баранины, кто живыхъ куръ либо утокъ. Ихъ сейчасъ рѣжутъ, хозяйка опариваетъ, ощипываетъ, а потомъ изъ нихъ къ ужину похлебку варить. Другіе ларни ядъ притащатъ, масла, сметаны, творогу, а иной спроворить съ шестка каши горшокъ, либо щей, а поладеть подъ руку такъ и цѣльный каравай хлѣба. Отъ того матери и злобятся на посидѣлки что сколько ни коли, какъ не стереги, а добро уходитъ да уходитъ на угощенье дѣвкамъ въ избѣ какой-нибудь Мироновны. Потому еще матери боятся супрадокъ что дочери тамъ на шагъ отъ грѣха. Но должно - быть вспомявая свою молодость сквозь пальцы смотреть онѣ на дѣвичьи забавы и такія наставленья даютъ дочерямъ: „Любись съ дружкой какъ знаешь, только чтобъ покору на честной родительской домъ отъ того не было. Пуще всего берегись съ ларнями грѣшнить. Берегись этого пуще огня пуще лопыня. А ежели не устоишь, умѣй концы хоронить. Не то гулявой прозовуть, олозоришь и себя и насъ, подруги отшатнутся отъ тебя и не будетъ тебѣ мѣста ни зимой на супрадкахъ ни лѣтомъ въ хороводахъ, а что хуже всего, замужъ никто не возьметъ.“

Собрались къ Акулину дѣвки ежовскія, шашинскія и дру-

гахъ деревень. Двѣ пришли изъ Осиповки. Разговоры зачались у нихъ за рукодѣльемъ.

— Чалуривъ-отъ, слышь, домой воротился? спрашивала Акулина у осиповскихъ дѣвокъ.

— Воротился, отвѣчала одна изъ нихъ.

— Чтò привезъ? спросила Акулина.

— Покамѣсть ничего. Не знаю чтò дальше будетъ, сказала осиповская дѣвка.—Только женщину невѣдомо какую привезъ.

— Сиротку Смолокурову чтò ли? спросила одна изъ ежовскихъ.

— Нѣтъ. Та слышь еще молоденькая, а эта старуха, свояченицей слышь доводилась она самому-то Смолокурову. Дарьей Сергѣевной зовуть. Сколько-то лѣтъ тому назадъ въ Комаровѣ жила она въ Манеиной обители. Смолокурова-то дочь обучалась вѣдь тамъ въ одно время съ дочерью Патапа Максимыча.

— Вотъ какъ, промолвила Акулина Мионовна.

— А сегодня передъ тѣмъ какъ намъ сюда идти, продолжала осиповская дѣвица,—страсть сколько сундуковъ къ Патапу Максимычу привезли, цѣлый обозъ. И говорили что въ тѣхъ сундукахъ сложено приданое Смолокуровой. Не на одну слышь сотню тысячъ лежитъ въ нихъ. Все въ каменну ладатку поставили, отъ огня значить бережи́ве.

— Сто тысячъ! вскрикнула Акулина.—Вотъ гдѣ деньги-то? У кулцовъ да у бояръ, а мы съ голоду помирай! Имъ тысячи левое дѣло, а мы надъ каждой колѣвкой трясись да всю жизнь майся. А вѣдь кажись такіе же бы люди.

— А всего-то говорятъ богатства ей послѣ отца досталось больше милліона, сказала осиповская.

— Чтò за милліонъ такой? Я дѣвки что-то про него не слыхивала, сказала ершовская.

— Значить десять сотенъ тысячъ, тысяча тысячъ, пояснила одна изъ шишинскихъ, сколько-то времени обучавшаяся въ скитахъ.

— Гослуди Владыко! на всю избу вскрикнула Мионовна.—Да чтò жь это такое? Ну на чтò не похоже? У одной дѣвки такое богатство, а другіе съ голоду колѣв! Начальство-то чего глядитъ?

— А вѣдь какъ я логляжу на тебя, тетка Акулина, такъ глаза-то у тебя не лучше лоловскихъ, завидуіце, сказала дѣ-

вухка изъ ежовскихъ. Сродвицей Акулинѣ она приходилась, но за слетяи не больно любила ее.

— А ты дура молчи, поколева дѣла, крикнула на нее тет-ка Акулина.—Въ головѣ лустехомько, а тоже въ разговоры лѣзеть. Не твоего ума дѣло. Придетъ Алешка, принесетъ гармонику ну и баладайся съ нимъ, а въ дѣла что выше твоего разума не суйся.

Замолчала ежовская, примолкли и другія дѣвушки.

— Заводи зазывную! вдругъ крикнула праха изъ Шипши-ки.—Пора. Можетъ парни давно у воротъ, да не слыша за-зывной на дворъ нейдуть.

Зашурчали веретена, громко дѣвки залѣли. Тетка Аку-лина суетливо бѣгаетъ назадъ и впередъ по избѣ, прибирая въ ожиданьи гостей разбросанныя вещи.

— Заводи, заводите красны дѣвицы, говоритъ она.—Скла-пайте пареньковъ, собирайте молодцовъ.

Поютъ дѣвицы зазывную: *

Леталъ голубь, леталъ сизый,
Леталъ сизый по возгорью,
Искалъ голубь, искалъ сизой
Своей сизыя голубки.

Моя сизая голубка очень знакома:

Черезъ три пера рябенъка, головка гладенька,

Руса коса до пояса, въ косѣ лента ала,

Ала, ала голубая, дѣвоюшка молодая.

Возвивалась голубушка высоко далѣко,

Садилась голубушка на бѣлъ горючъ камень,

Умывалась голубушка водою морскою,

Утиралась голубушка теаковой травою,

Говорила голубушка съ холостымъ парнемъ:

„Ужь ты, парень паренекъ, гаупенькій твой разумокъ—

Не по промыслу заводы ты заводишь,

Трехъ дѣвушекъ парень за одинъ разъ любишь:

Перву Машу во Казани,

Да Дуяшу въ Ярославѣ,

А душеньку Ульяшеньку въ Нижнемъ городокѣ;

Купилъ Машѣ ленту алу,

А Дунюшкѣ голубую,

А душенькѣ Ульяшенькѣ

Шелковое платьѣ.

Ты носи моя Ульяша, мною не хвалися

* Зазывною лѣсью зовется всякая что первою поется на поса-дѣкахъ.

Коли станешь выхваляться—
 Намъ съ тобой не знаться,
 А не станешь выхваляться—
 Въ вѣкъ намъ не расстаться.“

А межъ тѣмъ одимокій и грустный, усталый и до костей продрогшій переминаясь съ ноги на ногу Василий Борисычъ стоитъ у воротъ Акулины Мироновны. Тянетъ его въ кругъ дѣвичій, но беретъ оласка—неровно придетъ кто изъ Осиповскихъ да лотомъ дома разблаговѣститъ что хованскій зять у Мироновны на дѣвичьихъ посѣдкахъ былъ. Дойдутъ до жены такія вѣсти — жизни не радъ будешь да и тесть по головкѣ не погладишь: „Ты дескать законъ исполняй, а на чужихъ глаза лаять не смѣй.“ Мимо токаремъ да красилемъ лучше тогда и не ходи—трунить, зубоскалить стануть рабочіе, на смѣхъ поднимать...

А громкіе дѣвичьи голоса въ избѣ Мироновны такъ и заливаются. Дрожь пробираетъ Василья Борисыча; такъ бы и влетѣлъ въ избу козыремъ, облюбовалъ бы какую помоложе да попригоже и скороталъ бы съ ней вечерокъ въ тайной бесѣдѣ... Издавна на такія дѣла бывалъ онъ ловкимъ ходокъ, теперь ужъ не то. Чтò было, то слыло, а бывае большемъ поросло.

Не стерпѣлъ однако Василий Борисычъ, услышавши зазѣвную: „Эхъ, была не была, подумалъ онъ. Авось не узнаютъ, а ежели и явятся праздные языки можно ихъ закутить, на это денегъ хватитъ.“

И вошелъ въ бесѣду дѣвичью, парней никого еще не приходило. Всѣ диву дались увидавши такого гостя.

Не знаетъ, не придумаетъ Акулина Мироновна какъ принять, чѣмъ привѣттить Василья Борисыча. Рада приходу его—такіе гости съ пустыми руками не ходятъ, столько отсылаетъ Чалуринскій зятекъ что пожалуй во всю зиму такихъ денегъ супрядками и не выручишь... И боязно шустрой вдовушкѣ: ну какъ провѣдаетъ Паталъ Максимычъ что зять его у нея на посѣдкахъ былъ, да взбредетъ ему на умъ что я прилучила его, пропадай тогда головушка моя. Жить не дастъ! Доведетъ до большого начальства что въ дому у меня корчемство—тогда бѣда неминуемая — въ одной рубахѣ отлустятъ... Хоть шею тогда въ петлю, хоть въ омутъ головой!..

— Здравствуй Мироновна! переступая вдовицъ порогъ громко вскакинулъ Василий Борисычъ,—здравствуйте дѣвицы красавицы!.. Примите меня, голубовьки, во свой кругъ, во свое

веселье дѣвичье, приглубьте меня словомъ сладкимъ, ласковымъ, прибавилъ онъ вѣшая шалку на колокъ.

— Милости просимъ, въ одинъ голосъ отвѣчала дѣвушка, раздвигая на лавкахъ донца и опоражнивая мѣсто неожиданному, негаданному гостю.

Оглядѣвъ Василиій Борисычъ дѣвокъ и вдругъ видитъ двухъ изъ Осиповки. Такъ его и обдало. — Телерь и невѣсть чего наболтаютъ эти ласкуды, подумалъ онъ, дойдетъ до теста — проходу не будетъ, до жены дойдетъ — битому быть. Хорошенько ихъ надо угостить чтобъ онъ нигугу про вочныя похождения женатаго, не ходостаго.

Въ другой разъ оглядѣвъ Василиій Борисычъ кругъ дѣвичій и видитъ — середѣ большой скамьи, что лодъ окнами, сидитъ за шильемъ миловидная, молоденькая дѣвушка. Слыъ онъ возлѣ нея, видитъ блоручка, сидитъ за бѣлошвейной работой. Спросилъ у ней:

— Какъ зовутъ красавица?

— Какъ полъ крестилъ — Лизаветой звалъ, вскидывая люттовскіе глаза на Василя Борисыча бойко отвѣчала блоручка и захохотала на всю избу. Другія дѣвушки тоже засмѣялись.

— А изъ коей будешь деревни? спросилъ Василиій Борисычъ, подвигаясь къ Лизаветѣ. Та отъ него не отодвигалась.

— Ты, Василиій Борисычъ, человекъ поученый, кляжный, сказала она. — Тебѣ бы прежде спросить какъ величаютъ меня по отчеству, а потомъ и пытаться изъ какой я деревни.

— Такъ какъ же тебя звать красавица по отчеству? спросилъ Василиій Борисычъ.

— Трофимовна, отвѣчала она. — Отецкая дочь. * Тятенька Трофимъ Павлычъ не то что по нашей деревнѣ, а по всей здѣшней волости изъ первыхъ людей.

— А чѣмъ промышляетъ? еще ближе подвигаясь къ Лизаветѣ спросилъ Василиій Борисычъ.

— Извѣстно горящиной. По всей нашей палестинѣ ** всѣ живутъ горящиной, отвѣчала отецкая дочь.

Смотритъ Василиій Борисычъ на Лизавету Трофимовну — такая она бѣленькая, такая чистенькая и миловидная что другія дѣвушки передъ ней уроды уродами. И приемы у

* Не сирота, а дочь у которой живъ еще отецъ и при томъ человекъ достаточный.

** Палестина — родныя мѣста, своя сторона.

отца дочери не тѣ что у тѣхъ и все обхождение—съ перваго же взгляда видно что не въ избѣ она роода, не въ деревнѣ заведѣстлася. Руки нѣжныя, не какъ у деревенскихъ чухахъ, тотчасъ видно что некогда Лизаветины руки черной работой не бывали огрублены.

Бывшій рогожскій посолъ еще поближе подвинулся къ Лизаветѣ, положилъ ей руку на плечо, и сталъ по-легомьку трепать его не говоря ни слова. Отецкая дочь не противилась. Съ веселой вызывающей улыбкой поглядывала она изъ подлобья, и когда Василиій Борисычъ сталъ мѣшать ей путь она взяла его за руку и крѣпко пожала ее. Сладострастно засверкали быстрые маленькіе глазки бывшего посла архіерейскаго. Гораздѣ бывалъ онъ на любовныя походы, навывъ имъ во время ближнихъ и дальнихъ разъѣздовъ по женскимъ скитамъ и обителямъ.

Въ это время Акулина Миоровна изъ краснаго угла перетащивши столъ направо отъ входа въ избу покрыла его столешницами * и разставила тарелки съ лареной брюквой, солеными огурцами, моченымъ горохомъ, орѣхами, подсолнухами, городецкими лривиками, жомками, маковниками, избойной, сушеной черникой и другими деревенскими лакомствами. Тутъ же ставлены были ломтями нарѣзанные солонина, студень, рубцы, соленый судакъ, варевый картофель. Убирая столъ, Акулина подозвала Василья Борисыча и тихонько ему молвила:

— Угощай дѣвѣцъ, Василиій Борисычъ, ежели на то есть у тебя желаніе.... Можно и ливца достать, пожалуй даже и ренскаго, а тебѣ ежели въ охоту доставу и водочки. Да вотъ что еще хочу сказать тебѣ, прибавила она шолотомъ на ухо Василью Борисычу:—ты къ Ллакѣ-то Скорохватовской не больно примазывайся. Придетъ Илюшка Пустобояровскій, да увидить твои шуры-муры съ ней, какъ разъ бока тебѣ намветъ—ни на что не поглядитъ. У него съ Лизкой-то еще до Покрова лады зачались; передъ Масляной надо быть полъ вѣнцомъ ихъ окрутить. А Илюшка косая сажень, сила страшнѣйшая, кулачище хоть надолды вколачивай. Такъ ты подался бы Василиій Борисычъ. До грѣха не долго. Парень же онъ такой задорный что бѣда... Да и къ другимъ-то дѣвушкамъ не больно приставай, вѣдь

* Положено что кладутъ за столомъ двумъ, тремъ человѣкамъ вмѣсто салфетокъ.

каждая почитай изъ нихъ чья-нибудь завноба. А вотъ какъ нагрѣнуть жаряи на лосидѣаки, угости ты ихъ всѣхъ какъ можно лучше, тогда и возись себѣ съ любой изъ дѣвушекъ. Тогда супротивничать тебѣ ужь не остануть.

Покоробило немного Василья Борисыча, но ни слова онъ Акуаивѣ не вымолвилъ. Подойдя къ дѣвушкамъ и попрежнему садясь воргѣ Лизаветы, сказалъ:

— Угощайтесь красны дѣвицы, берите что ни ставлено на столѣ Мироновны... А напередъ пѣснюку бы надобно слѣтъ, да глядите жь у меня развеселую, не тоскливую.

Улыбаясь дѣвушки стали словами перекидываться, о чемъ-то шолоткомъ лосовѣтывались и наконецъ загѣди:

Ахъ зачѣмъ меня мать пригожѣ родила,
 Больно счѣстливую, таланливую,
 Говорливую, забавливую,
 Что нельзя мнѣ и къ обѣднямъ ходить,
 Мнѣ нельзя Богу молитиса,
 Добрымъ людямъ поклонитиса?
 Съ стороны то люди гааются *,
 А попы служить мѣшаются,
 Помоарь звать сбивается,
 Дьячекъ читать забывается—
 Поглядѣвъ на меня дьячекъ мимо пошелъ
 Да нарочно мнѣ на ножку наступилъ,
 Больно на больно ее мнѣ отдавилъ,
 Посудилъ онъ мнѣ просфирокъ рѣшето,
 Изъ сѣтечка ** семечка,
 Крупы черепиочку ***—
 Мнѣ всего того и хочется,
 Да гулять съ дьячкомъ не хочется.
 Увидалъ меня молоденькѣй попокъ,
 Посудилъ мнѣ въ поатора рубля платокъ,
 Мнѣ платочка то и хочется,
 Да гулять съ попомъ не хочется.
 Увидалъ меня молоденькѣй купецъ,
 Посудилъ онъ мнѣ китаечки конецъ—
 Мнѣ китаечки то хочется,
 Да гулять съ купцомъ не хочется.

* *Галитса*—глаза плаить, глазѣтъ, дивоваться на что-нибудь, любоваться, засматриваться.

** *Сѣтево*, сѣтечко—лукошко съ зерновымъ хлѣбомъ, которое сѣвецъ носитъ черезъ плечо.

*** *Уменьшительное отъ черепка*—глиняная посуда, въ которой запариваютъ толченое конопляное сѣмя для битья масла.

Увидалъ меня душа дворяннѣ,
Посудилъ онъ мнѣ макинущки овинъ—
Мнѣ макинны-то не хочется,
Съ дворяниномъ гулять хочется.

Показалось ли Василію Борисычу что лучше всѣхъ слѣ-
да лѣсно Лизавета Трофимовна, нарочно ль онъ это
сказалъ, но по обычаю посидѣлокъ поцѣловалъ бойкую лѣ-
вунью.

— А вы бы насъ лѣтъ поучили, Василій Борисычъ, какъ
лѣтошній годъ обучали въ Комаровѣ дѣвицъ, невозможно пого-
да сказала ему Лизавета Трофимовна.

— А какъ тебѣ извѣстно что я обучалъ ихъ? спросилъ онъ.

— Самы о ту пору мы въ Комаровѣ проживали, отвѣтила
отецкая дочь.—У Глафиринныхъ гостила. Хотя съ Манеи-
ными ваши не видаются, а все-таки издавечка не одинъ разъ
видала я васъ.

— Какъ же я-то не видалъ такой красоточки? съ улыбоч-
кой, еще ближе подвигаясь къ Лизаветѣ, сказалъ Василій
Борисычъ.

— Не до меня вамъ было тогда, отвѣтила Лизавета.—
И какая жь я красотка?... Смѣтеть только надо мной!
Устивья Московка не въ примѣръ меня краше, олять же Дом-
нушку Улаверскую взять, али Грушеньку что въ Оленевѣ
у матушки Маргариты въ келарнѣ живетъ.

— И тѣхъ знаешь? сказалъ Василій Борисычъ.

— Хотя не больно знакома, а много извѣстна про нихъ,
отвѣчала отецкая дочь.

— Ишь ты какая! всѣхъ знаетъ! обнимаемая ставъ Лизаветы
промолвилъ Василій Борисычъ.

— Не къ лицу вамъ къ дѣвицамъ-то приставать.

— Это почему? спросилъ Василій Борисычъ.

— Жена есть у васъ, супруга, отвѣтила Лизавета.—Те-
перь не прежняя пора—на чужихъ не слѣдъ вамъ и заглядыв-
ваться! Это для васъ грѣшно.

— Двѣ шубы—тепло, двѣ хозяйки добро, прижимаясь къ
Лизаветѣ, молвилъ Василій Борисычъ.

— Хозяйкой отъ чего не быть, а въ подхозяйки никому
не охотно идти, сказала Лизавета, быстро взглянувши въ
глаза послу архіерейскому.

— Все едино—хозяйка ли, подхозяйка ли, любиться бы
только, промолвилъ Василій Борисычъ.

— Хорошо вамъ такъ говорить, а дѣвушкамъ и слушать такія рѣчи зазорно. И поминать про эти дѣла хорошей дѣвицы не годится, не то чтобы самой говорить, сказала отецкая дочь.

— Экая ты сердитая! вскрикнулъ Василій Борисычъ.— Перестань же сердчать.

Въ то время не одинъ по одному, какъ водится, а гурьбой ввалило въ избу съ дюжиною молодыхъ парней. Маленько запоздали они—были на гулянкѣ. Въ Пустобояровскомъ кабацѣ маленько загуляли, а угощаль Илюшка, угождавшій Лизаветѣ такъ что никто другой и подходить къ ней не смѣлъ.

Когда распахнулись двери настежь, первымъ изъ парней влетѣлъ въ избу Илюшка. Взглянулъ онъ на свою облюбованную, видитъ возлѣ нея какого-то чужаго, но одѣтаго чистенько и по всему похожаго больше на кулца чѣмъ на простаго мужика. Злобой вспыхнуло лицо Илюшки и кулаки у него сами сжались когда увидалъ онъ что Лизавета къ самымъ плечамъ подлустила Василья Борисыча. Грозно сдѣлалъ Илюшка два, три шага впередъ, но Акулина успѣла ему шепнуть что съ завной его сидитъ не кто другой, а зять Пятала Максима, человека сильнаго и властнаго по всей сторонѣ. И злобы у Ильи какъ не бывало, подошелъ онъ къ парочкѣ и шутиливо молвилъ Василью Борисычу:

— И вы въ нашу бесѣду къ Мироновѣ. Милости просимъ, на прѣдки будьте знакомы.

И сѣлъ по другую сторону возлюбленной. Начали пѣсни пѣть. Звонко пѣли дѣвки, громко подпѣвали парни. Пѣли сначала пѣсни семейныя, потомъ веселыя, дѣло дошло до плясовыхъ. На славу, ровно на показъ ловчѣй и бойчѣй всѣхъ другихъ отплясывалъ Илья Пустобояровскій, всѣхъ величавѣй лавой выступала, всѣхъ красивѣй плечами подергивала, задорнѣй и страстнѣй поводила глазами и платочкомъ помахивала отецкая дочь Лизавета Трофимовна. Другія что стулы толкутся себѣ на мѣстѣ, полъ подъ ними трещить, чуть не ломится, а она легко и тихо порхаешь ровно метель-порхунокъ *. Хоть и выросла Лизавета въ благочестивыхъ скитахъ, хоть и обучалась у матери Глафиры божественному, а только что вышла изъ обители скорехонько обыкла и къ мирскимъ пѣснямъ, и къ той пляскѣ, что въ скитахъ зовется бѣсовскою.

* Мотылекъ, ночная бабочка.

Каждый пляшетъ, каждая голосить развеселую.—Пошла цзба по горницѣ, свѣи по палатамъ — настоящей Содомъ. Одинъ Василій Борисычъ не пляшетъ, одинъ онь не поетъ. Молча сидитъ онь облокотясь на подоконникъ, либо расплачивается съ Мироновой за все что льютъ и ѣдятъ ларни и дѣвки. Раза три до чиста они разбирали все что ни ставила на столъ досужая хозяйка. Въ добавокъ къ съѣстному и къ лакомствамъ вынесла она цзъ подполья четвертную бутылъ водки да дюжины три пива.

Для того за всѣхъ платилъ Василій Борисычъ что боялся не осерчали бы ларни съ дѣвками, не рассказали бы въ Осиповкѣ что былъ и плаи вмѣстѣ съ нимъ у Мироновны.

Веселая гульба чуть не до свѣта шла. Не разъ порывался домой Василій Борисычъ, но ларни его не лускали, общааясь проводить до дома и дорогой беречь отъ волковъ, а при этомъ просили поставить на столъ кубышечку бальзамчику. *

И бальзамчику Миронова откуда-то вынесла. Опростили ларни кубышку, еще попросили, но у Мироновны бальзаму больше не было.

Грустно возвращался домой Василій Борисовичъ, провожаемый хмѣльными ларнями. И дорогой ни на минуту не сходила у него съ ума докучивыя мысли, какъ-то онь попадетъ въ домъ и гдѣ-то проведетъ остатокъ ночи. Къ женѣ идти и думать нельзя, подняться въ верхнія горницы—разбудишь кого-нибудь. И рѣшился онь ночевать въ подклѣтѣ у старика Пантелея. И вовсе почти не спалъ—то вспоминался ему злобныя, язвительныя тестевы насмѣшки и острые жеманныя ногти, то раздавался въ ухахъ звонкій перелуничатый голосъ отечкой дочери Лизаветы Трофимовны:

Ленъ, ленъ, ленъ не дѣленъ,
И лосконъ не тасканъ!

Несмотря на всѣ предосторожности въ тотъ же день провѣдали въ Осиповкѣ про ночныя лохожденія Василья Борисыча. Худыя вѣсти всегда опережаютъ. Тотчасъ послѣ обѣда не только насмѣшки, но самыя крѣпкія ругательства и громкіе окрики привелось ему выслушать отъ Пятала Максимыча.

— Такъ ты вздумалъ и на сторонѣ шашни заводить, кричалъ разъяренный тестюшка. На супрядки по чужимъ деревнямъ

* Хлѣбное вино, перегнанное на душистыхъ, смолистыхъ травахъ.

къ двѣкамъ ходить! Срамить честной мой домъ хочешь! Такъ ломви, бабий угодникъ, что батраковъ у меня въ волю—вело баню задать—такъ вспорють тебя что вспомнишь Сидорову козу. До смерти не забудешь, перестанешь бѣгать отъ жены!... Смиѣ только еще разъ уйти на посидѣлки!

И выгналъ любезнаго зятя изъ горницы, а на прощаньи еще тумака задалъ ему въ сливу.

Какъ провѣдала про мужнины проказы Прасковья Патаповна, затряслась вся отъ злобной досады. Увидавши супруга кинулась на него ровно бѣшеная. Василий Борисычъ тотчасъ закрылъ лицо ладонями чтобъ милая женушка олять его не искровянила. И кричитъ она, и визжитъ, шумитъ какъ голицъ, брызжитъ какъ осенняя муха, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и взявши кожаную лѣстовку принялась стегать муженька по чемъ ни попало. Мало этого показалось Прасковья Патаповнѣ, схватила попавшійся лодъ руку желѣзный архивъ, да и пошла утюжить имъ супруга. Едва вырвалась Василий Борисычъ изъ рукъ разъяренной подруги жизни, и опрометью бросился вонъ изъ тестева дома. Выбѣжавъ на улицу, сталъ на мѣстѣ и такъ разсуждалъ: „Что теперь дѣлать?... Куда идти, къ кому? Какъ въ темницѣ сижу, тажкой цѣлью прикованъ. Нѣтъ исходу.... Охъ, искушеніе! Удавиться ли, утопиться ли мнѣ?“

Съ самаго утра дулъ неустанный осенній вѣтеръ, а Василий Борисычъ былъ одѣтъ на легкѣ. Сразу насквозь его прохватило. Пошелъ въ подкѣлтъ погрѣться и улегся тамъ на лечи стараго Пантелея. А на умѣ все тѣ же мысли: „вотъ положеніе-то! куда пойду, куда двнусь?.. Былъ въ славѣ, былъ въ почестяхъ, а попалъ въ позоръ и повешеніе. Прежде всѣ мнѣ угождали, а теперь лаютъ, бьютъ, да еще свѣчь собираются! Охъ, искушеніе!“

И сталъ Василий Борисычъ раздумывать—куда бы бѣжать изъ тестева дома, гдѣ бы найдти хоть какое-нибудь пристанище. Думаетъ, думаетъ, ничего не можетъ придумать—запали ему всѣ луги, нѣтъ мѣста гдѣ бы пріютиться.

Для три шагу не выступалъ онъ изъ Пантелеева подкѣлта и обѣдать на верхъ не ходилъ, дрожня дрожалъ отъ одного голоса жены если бывало издали услышитъ его. Въ домѣ знали отъ старика Пантелея что ему нездоровится, что день и ночь стонетъ онъ и охаетъ, а самъ съ лечки не сѣзаетъ. И въ самомъ дѣлѣ желѣзный архивъ не по костямъ при-

шелся ему. Заходилъ въ подкѣвъ и самъ Пяталь Максимычъ. Хотѣлось ему навѣдаться чѣмъ зять захворалъ, что за болѣзнь ему прикаючилась. Пришелъ, Пяттелея въ избѣ о ту пору не было, а Василий Борисычъ стоналъ на печи.

— Что расшѣвало? Аль ежовски посидѣлки отрыгаются?... съ усмѣшкой спросилъ у него осиповскій тысячникъ. Или тебя ужь очень сокрушила Лизка Скорохватовская? Цѣлу, слышь, ночь у тебя съ ней были шолты-болты *. Шутка сказать, на десять цѣлковыхъ прокормилъ да пропилъ у этой ласкуды Акулины! Станешь такъ широко мотать не хватить тебѣ, дурова голова, и милліона. Акулькѣ радость—во всю чать зиму столько ей не выручить, сколько ты ей переплатилъ. Съ похмѣлья что ли хворается?...

— Не съ похмѣлья у меня батюшка голова болитъ, не съ похмѣдокъ мнѣ хворается, охая отвѣчалъ Василий Борисычъ. Болить головушка и все тѣло мое отъ злой жены. Истинно во святомъ писаніи сказано: „удобѣе челоуѣку со львомъ и скорпіемъ жити неже со злою женой.“ Отъ дочки вашего степенства житья мнѣ нѣтъ. И теперь болѣю отъ любви ея да отъ ласки—полюбилось ей бить меня, желѣзнымъ аршиномъ приласкала меня! Въ трехъ мѣстахъ голова у меня прошиблена до кости и весь я избить—живаго мѣста не осталось на мнѣ... Пожалуйте меня хоть сколько-нибудь, пожалуйте по челоуѣчеству... со слезами молилъ тестя Василий Борисычъ. Теперь дѣваться мнѣ некуда, свадьба съ Прасковьей Пяталовной затворила мнѣ всѣ ходы къ прежнимъ моимъ благодѣтелямъ. Куда дѣвусь? сами посудите.

— Живи съ законной женой, да мамошекъ на сторожѣ не смѣй заводить.... Тогда все пойдетъ по доброму да по хорошему, промолвилъ насулившись Пяталь Максимычъ.

— Нельзя съ такой глулой да злой женой жить по хорошему, отозвался въ полголоса Василий Борисычъ.

— А какой дѣшій толкалъ тебя въ Улангеркомъ лѣсу къ Паравкѣ? также въ полголоса съ язвительной насмѣшкой сказалъ осиповскій тысячникъ. Вѣдь я все знаю. И то знаю какъ ты по флевушкинымъ затѣямъ у свибловскаго лапа ловѣчался. Не знаю только кто свадьбу твою сварганилъ, кто въ поѣзжаныхъ былъ.... А то все, все до калельки знаю. А не вытурилъ я тебя тогда съ молодой женой изъ дому, да еще на

* Шолты-болты—вздоръ, пустяки, дрянь, негодныя вещи.

друзей и для окольного народа пиръ задалъ и объявилъ что свадьбу я самъ устраивалъ такъ это для того только чтобъ на мой честной домъ не вложить позору. Что Прасковья дура про это я раньше тебя знаю, что зла она и бранчива тоже давно вѣдаю. Да вѣдь не я ее тебѣ на шею вѣшалъ, не я тебя въ шею толкалъ. Тутъ я не причемъ. Самъ свою судьбу устраивалъ, самъ выбиралъ себѣ невѣсту, ну и живи съ ней. Терпи отъ нея попреки и побои, а мое дѣло тутъ сторона.

— Хоть бы уѣхать куда на недолгое время; сказалъ Василій Борисычъ.

— А къ какому шайтану уѣдешь? возразилъ Паталъ Максимычъ. Самъ же говоришь что дѣваться тебѣ некуда. Вѣкъ тебѣ на моей шеѣ сидѣть, другаго мѣста во всемъ свѣтѣ нѣтъ для тебя. Живи съ женой, терпи, а къ дѣвкамъ на посидѣлки и думать не смѣй ходить. Не то вспорю. Вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю тебѣ что вспорю безпремѣнно. Помни это, изъ головы не выкидывай.

Долго бранилъ Паталъ Максимычъ Василья Борисыча, а тотъ лежа на печкѣ только стонетъ да охаетъ отъ жевидныхъ побой, а самъ раздумываетъ что лучше: бѣжать или на чердакѣ удавиться.

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

П О Р А

Pauvre feuille desséchée
De ta tige détachée,
Où vas tu? Je n'en sais rien...
Je vais où le vent me mène...

Arnault.

„Полю увели народъ въ унию, полю и назадъ
приведуть... Такъ и наука..“

(Изъ одного разговора.)

Къ кончинѣ близокъ князь Андрей.
Онъ причастился. Слабый свѣтъ
Лишь тонкихъ нѣсколькихъ лучей
Прорвался въ темный кабинетъ.

Предъ умирающимъ сидитъ
На креслахъ сынъ. Примчался съ водъ,
Отцомъ былъ выписанъ. Глядитъ
И думаетъ: „ну что же?... вотъ“

„Два вѣка тутъ лицомъ къ лицу!
Какая жь между нами связь?
Давно душой я чуждъ отцу,
Давно всѣмъ чуждъ мнѣ старый князь!“

„Во Франціи—легитимистъ;
Здѣсь—недовольный камергеръ,
Спиритъ, ханжа и лѣтистъ
И bel' esprit à la Вольтеръ;

„Какъ совмѣщалось это въ немъ—
Богъ вѣсть!... Но онъ себя считалъ
Какой-то истинны столпомъ,
Какой—и самъ не понималъ!“

Въ то жь время думалъ старый князь:
„Да, мы уходимъ!... Да, огни
Всѣ другъ за другомъ гаснутъ!... Грязь
Встаетъ, идетъ... tout est fini!...“

„И тотъ изящный, вѣтшій блескъ,
И грація, и умъ, и вкусъ,
Et cet esprit chevaleresque!...
Вотъ съ сыномъ даже расхожусь!

„Онъ—фантазеръ! стоялъ горой
За „эти мѣры!“—дождался,
Да между небомъ и землей
Повисъ!... и все не уявля—

„Опоры ищеть—да ихъ нѣтъ!“...
Но вдругъ старикъ раскрылъ глаза,
Какой-то новой мыслію свѣтъ
Блеснулъ въ лицѣ—онъ поднялся

И—„Serge“, промолвилъ: „общай—
Положимъ ужъ капризъ такой—
Когда умру, прѣди, читай
Псалтирь ты въ церкви нао мной.

„Какъ разказать тебѣ! Хоть ночь!
Вотъ видишь, я вѣдь тоже былъ“...
Но стало старику не въ мочь,
И онъ въ постель улялъ безъ сна,—

Да и навѣки замолчалъ,
И черезъ мигъ въ дому, крестась,
Въ услугѣ каждый повторялъ,
(Хоть ждали всѣ): скончался князь!

II.

И вотъ въ сосѣдній монастырь
 Свезенъ овъ съ должнымъ торжествомъ,
 И сынъ идетъ читать Псалтырь
 Въ старинной церкви надъ отцомъ.

Овъ пренебрегъ бы, можетъ-быть,
 Но подвнялся кругомъ ужъ толкъ,
 Да кто-то вздумалъ подтрунить—
 Выходить: тутъ ужъ чести долгъ!

Въ загробный міръ, ни въ міръ чертей
 Конечно ужъ не вѣрвалъ овъ....
 Но—мракъ, мерцаніе свѣчей
 И лики желтые иконъ,

И храмъ весь полный старины,
 Гдѣ все о предкахъ говорить,
 Гдѣ все они схоронены,
 Гдѣ полъ изъ ихъ надгробныхъ плитъ,

Отець, вступающій въ ихъ кругъ
 Теперь же, какъ пришлецъ домой,
 И въ этомъ царствѣ мертвыхъ вдругъ
 Одиъ лишь овъ стоитъ живой....

И князь внимательный глядитъ
 Во мракъ по нишамъ и угламъ....
 Вонъ отъ хоругвей тѣнь дрожитъ
 До самыхъ сводовъ по стѣнамъ....

Вонъ мѣсто княжеское, гдѣ
 Подъ балдахиномъ, съ ихъ гербомъ,
 Отъ предка лавшаго въ Ордѣ,
 Преемственно, сынъ за отцомъ,

Стоялъ старѣйшій въ родѣ.... Былъ
 Когда-то княжескій престолъ
 На этомъ мѣстѣ.... Князь открылъ
 Псалтырь; псаломъ цль два прочелъ,

А мысль идетъ сама собой:
 „Всеи этой древности—князей
 Когда-то слорившихъ съ Москвой,
 Потомъ служившихъ вѣрно ей,

„Всѣхъ этихъ жизней—я итогъ!
 Со всѣмъ народомъ, вся семья,
 Всѣ жили какъ велѣлъ имъ Богъ,
 Росли какъ боръ сплошной.... А я?

„Что я?... Отпадшій листъ для вѣтъ....
 А могъ ли не отпасть?... Вопросы!..
 Теперь бы на землѣ такихъ
 Отпадшихъ листьевъ набралось

На добрый островъ! всѣхъ племенъ
 И всѣхъ народовъ!.. Человѣкъ
 Повсюду рвется изъ племени,
 Идемъ куда ведетъ насъ вѣтъ“...

Читаетъ князь, а мысль олаты:
 „Но были жъ и у нихъ умы...
 Сумѣли жъ изъ каучковъ создать
 Ови—имперію!.. А мы?..

„Что начинаемъ мы собой?...
 Бѣдвяжка, сорванный листокъ
 Въ разлукѣ съ вѣткою родной
 Куда леташъ“?... и князь не могъ

Чтобъ не вздохнуть... невольно сталъ
 Читать все таше... Вотъ лѣтухъ
 Пролѣлъ въ деревнѣ... Князь усталъ,
 Онъ опустился въ кресла. Вдругъ

Онъ слышитъ шорохъ, легкій шумъ—
 Какъ бы пронесся вѣтерокъ —
 Князь—этотъ здравый, бодрый, умъ—
 Взглянулъ—и ужъдохнуть не могъ...

Какъ будто на туманъ палъ дымъ
 Фонарь волшебный мавѣденъ—
 Полупрозрачные—предъ нимъ—
 Толпа людей—мужей и женъ,

Двѣтъ и старцевъ... Впередѣ
 Въ камзолахъ шитыхъ, въ ларикахъ,
 Звѣзда и левта на груди,
 А дамы съ мушкой на щекахъ...

За стариками въ ларикахъ
 Другіе были старики
 Въ боярскихъ шалкахъ, въ бородахъ,
 Видѣлись шлемы, клобуки...

Быль на однихъ нарядъ свѣжѣй,
 На комъ давно ужъ поливлѣль,
 Чѣмъ дальше—то тускнѣй, темнѣй,
 И лишь металлъ одинъ сверкаль....

И вотъ, противъ амвона, вдругъ
 Всѣ разодвинулись—сидятъ
 Подъ балдахиномъ витязь... Вкругъ
 Какъ будто судій совмѣ стоятъ....

Свѣтъ прямо падаетъ на нихъ...
 На витязѣ—внѣць. Всѣ ждуть...
 Торжественное что-то.... Мигъ —
 И двое, видитъ князь, ведутъ...

— Его отца!... знакомый фракъ —
 И камергерскій ключъ.... Да! овъ!...
 Что жь это?... Судятъ?... Судятъ?... Такъ!
 Отецъ лоникъ, совсѣмъ смущенъ....

Судъ предковъ—за душу свою
 Отвѣташь Богу, моль, а намъ
 Повѣдай какъ служилъ царю,
 Хулы не нажилъ ли отцамъ....

Никакъ читаютъ приговоръ?..
 Старикъ шатнулся и закрыль
 Лицо руками.... Къ сыну взоръ,
 Къ нему, съ мольбою обратилъ,

Зоветь его, и князь слѣшитъ...
 На зовъ отца, вскочилъ.... Но въ мигъ
 Исчезло все.... въ гробу дежить,
 Сквозясь чрезъ кисею, старикъ....

Пылають свѣчи.... мракъ кругомъ
 Въ мерцавѣ ихъ какъ бы дрожить....
 Вотъ Спасъ въ окладѣ золотомъ
 Въ возгавѣ гроба.... Князь глядитъ.

И—какъ случилось—по сей часъ
 Не помнитъ онъ: сама тогда
 Рука невольно поднялась
 И онъ—перекрестился!... Да,

Перекрестился въ первый разъ
 По многихъ лѣтахъ... „Это сонъ“,
 Онъ повторялъ, но мысль неслась
 Туда, въ ту глубину времени,

Что вдругъ раскрылась передъ нимъ
 Уже не мертвой пустотой,
 А чѣмъ-то цѣлымъ и живымъ,
 Какой-то силой роковой,

Которой все уже давно,
 Что насъ волнуетъ и крушитъ,
 Разрѣшено, умирено....
 „Ахъ, сонъ все это!“ князь твердитъ....

III.

Но сонъ цѣль вѣтъ—не въ томъ вопросъ;
 А только послѣ похоронъ
 Уѣхать тотчасъ не пришлось
 Въ чужіе края князю. Онъ

Завялся скеломъ. Много въ немъ
 Затѣялъ передѣлокъ. Крестъ
 Ведѣлъ позолотить. Потомъ
 Опять замедлился отъѣздъ:

Сталъ очищать онъ старый домъ;
 Открылъ что это вѣдь музей!
 Сокровища нашлись въ немъ
 Вѣдь отъ времени еще царей!

И килы грамотъ въ кладовыхъ,
И лисемъ цѣлая гора!
Да вѣдь какія между нихъ—
Екатерины и Петра!

Ну какъ же ихъ не разобрать!
И принялася читать ихъ князь,
Межъ ними связь восстанавливать,
Съ исторіей вводить ихъ въ связь...

Понадобилось книгъ—и годъ
За годомъ время въ вѣчность мчить,—
Одинъ, всѣ ночи напролетъ,
Зарывшись въ книги, онъ сидитъ

И пишетъ рода своего
Исторію... И чудно всѣмъ:
Совсѣмъ нельзя узнать его!
Другой сталъ человѣкъ совсѣмъ!

Россія стала для него
Святыней, избранной страной;
Ея началамъ торжество
Пророчить въ жизни міровой.

„Не могутъ де ея понять;
Все точку зрѣнія берутъ
На міръ изъ Рима! надо взять
Изъ Византии—и поймутъ“!...

Такое свойство впрочемъ есть
Въ исторіи російской: тотъ
Кто вздумалъ за нее засѣсть,—
Паши пропалъ: съ ума сойдетъ!

Одинъ профессоръ,—онъ въ Москвѣ
Средь нашихъ умственныхъ свѣтилъ
Стоялъ едва ль не во главѣ,—
Серіозно это говорилъ.

А. МАЙКОВЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КИТАЙ СИДЯ ДОМА

ПО ПОВОДУ НОВОЙ КНИГИ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КИТАЮ,
П. А. ПЯСЕЦКАГО.

Никогда еще Китай не занималъ такъ сильно нашего общества какъ теперь, въ виду возможнаго столкновения его съ нами. Какъ нельзя болѣе кстати въ это время является сочиненіе доктора Пясецкаго, который совершилъ свое путешествіе въ составѣ экспедиціи капитана Сосновскаго въ 1874—75 гг. Это обширный трудъ, состоящій изъ двухъ большихъ томовъ. Въ немъ наша литература по отношенію къ Китаю приобрѣла книгу какой намъ давно не доставало. Въ этомъ согласятся съ нами, надѣмся, всѣ кто рѣшится доставить себѣ удовольствіе, такъ-сказать, лобызать въ Китаѣ, сидя у себя дома. Книга въ тысячу страницъ не очень смѣло берется въ руки; но стоить начать ея чтеніе чтобы съ нею не расставаться надолго, и при словѣ „конецъ“ не пожалѣть что нѣтъ еще двухъ такихъ же томовъ. Отнюдь не вдаваясь въ какую-либо узкую спеціальность, авторъ безхитростнымъ и, какъ читатель постоянно чувствуетъ, правдивымъ, а во многихъ мѣстахъ повѣстическимъ разказомъ передаетъ все что онъ встрѣтилъ на своемъ длинномъ пути, и, желая заставить чи-

татея какъ бы слѣдовать за собой, настолько достигаетъ своей цѣли что мысли и чувства читающаго уносятся въ далекія страны и онъ переживаетъ съ авторомъ всѣ испытанныя имъ впечатлѣнія. Видѣлъ же онъ при своей замѣчательной наблюдательности такъ много что гораздо легче было бы указать то чего онъ не видалъ, чѣмъ перечислить всѣ предметы входящіе въ содержаніе его книги. Какъ ни трудно передать послѣднее, потому что она вся исполнена содержанія, мы постараемся однако сдѣлать это хотя въ общихъ чертахъ.

Послѣ бѣлаго очерка пути чрезъ Сибирь, читатель впервые встрѣчается съ Китайцами въ Кяхтѣ и Май-Май-Чэнѣ, дѣлаетъ первый визитъ къ китайскому мандарину, обѣдаетъ въ одномъ китайскомъ домѣ и знакомится съ жизнью нашихъ соотечественниковъ на этой далекой окраинѣ Россіи. Оттуда онъ отправляется въ Монгольскую степь, и степь эта съ ея кочевой жизнью,—привольною или тажкой,—полудикими обитателями, ихъ монастырями и духовными особами, встаетъ предъ глазами читателя съ характеристическими подробностями, такъ что у васъ является яркое представленіе и о благодатныхъ степяхъ кочевниковъ, и о Гобійской пустынѣ, которая и пугаетъ ваше воображеніе, и не удержиимо манитъ васъ къ себѣ.... Это влеченіе къ описываемымъ мѣстамъ обыкновенно бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ талантливѣе сдѣлано описаніе; оно возрастаетъ, конечно, и сообразно большому интересу данной мѣстности. Такъ, когда достигаешь Гобійской окраины, къ которой авторъ подводитъ васъ и заставляеть бросить первый взглядъ за Великую Стѣну въ собственный Китай, вы испытываете такое же волненіе какое, какъ видно изъ его словъ, испытывалъ онъ самъ, пораженный величіемъ и красотой зрѣлища, а также необыкновенностью картины и необычайностью точки зрѣнія съ какой путешественникъ видитъ ее въ первый разъ.

„Когда я вышелъ изъ своей комнаты, солнце только-что подвиглось надъ землей, и я отправился со двора чтобъ ознакомиться съ загадочною мѣстностью которой не могъ понять вчера. Выйдя за его ограду чрезъ открытыя ворота, противоположныя тѣмъ въ которыя мы вчера въѣхали, я вдругъ увидалъ предъ собою цѣлое море окутанныхъ туманомъ голубыхъ горъ и остановился на мѣстѣ пораженный величіемъ и красотой картины и долго не могъ оторвать очарованныхъ

глазъ отъ земли, на которую, мнѣ чудилось, я смотрѣлъ съ воздушнаго шара;—такъ я былъ высоко, такъ круто обрывалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня маленькая площадка на которой я находился и такъ далеко внизу открывалась предъ моими глазами взволнованная какъ море и какъ море свѣтлая и синюющая въ утреннемъ туманѣ земля.

„Я стоялъ на той точкѣ съ которой путешественникъ бросаетъ первый взглядъ на землю собственнаго Китая, на томъ мѣстѣ про которое разказываютъ съ восхищеніемъ всѣ проѣзжавшіе по этой дорогѣ. Дѣйствительно, какое величественное поражающее зрѣлище! Про него можно сказать тоже что Гѣте говорилъ о Неаполѣ: „кто видѣлъ его хоть разъ въ жизни, тотъ не имѣетъ права назваться несчастнымъ....“

„Не часто приходится человѣку переживать подобныя минуты, испытывать такіа ощущенія какія наполняли здѣсь мою душу. Они были точно не подѣ силу одному и мнѣ хотѣлось раздѣлить ихъ съ кѣмъ-нибудь, но я былъ одинъ. Мнѣ хотѣлось сохранить воспоминаніе объ этой картинѣ, но я чувствовалъ все бессиліе языка предъ этимъ прекраснымъ и стройнымъ хаосомъ, подобіе котораго, и то слабое, можно передать только формами и красками. Въ самомъ дѣлѣ, какъ описать сотни вдругъ открывающихся глазу горъ, долинъ, ущелій, руселъ и горныхъ склоновъ съ разсѣянными по нимъ деревьями, разноцвѣтными лѣпнями и фермами окутанными зеленью, съ сверкающими на солнцѣ голубыми озерами, съ движущимися людьми и животными, которыхъ глазъ едва различаетъ, но все-таки видитъ. Зритель вдругъ видитъ здѣсь жизнь—не деревни, не города, а цѣлой страны,—зрѣлище необыкновенное и непривычное! Тутъ кажется что какимъ-то чудомъ видишь предъ собой разомъ цѣлое государство. Я стоялъ и смотрѣлъ то въ одну, то въ другую сторону, потомъ опять въ ту же; снова хотѣлъ записать хоть что-нибудь, но только мучилъ себя, какъ предъ неуловимыми чертами лица красавицы; а красавица-природа стояла предо мной въ такомъ невозмутимомъ спокойствіи какъ бы приглашая и писать и рисовать съ нея. Тутъ была не одна, а тысячи картинъ, составленныхъ безъ рамъ и приведенныхъ въ гармонію. Я только вздыхалъ отъ волюенія, наслаждался и восклицалъ: Боже мой какъ здѣсь хорошо.... Неужели это земля!..

„Почти отъ самаго домика Норъ-Даявъ мы стали спускаться

подъ гору на которую въ это время поднимался обозъ на быкахъ намъ на встрѣчу. Дорога здѣсь идетъ карнизомъ по боку горы и такъ узка что двѣ телѣги едва-едва разтѣв-жаются и то неодновременно, а такъ что одна должна при-жаться къ горѣ въ наклонномъ положеніи и ждать пока дру-гая пройдетъ. Справа по горѣ олять тянется Великая Стѣна, которую время и разрушаетъ и убираетъ цвѣтами; а слѣва идетъ крутая локатость, спускающаяся до самаго дна глубо-чайшей долины. На ближайшихъ склонахъ этой локатости подѣланы искусственныя небольшія террасы, засѣяныя раз-ными растеніями: коноплей, просомъ, картофелемъ или овсомъ; возлѣ нихъ на подобныхъ же террасахъ лѣнятся деревеньки и отдѣльные хорошенькіе домики съ балкончиками и террас-ками убранными зеленью,—и люди, люди вездѣ, куда ни взгля-нешь: длинокосые мушны съ открытыми головами, съ вѣ-рами въ рукахъ или въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и широкихъ синихъ шароварахъ: полу-голыя женщины въ однихъ юпкахъ на помочахъ и почти голая дѣти съ яркими цвѣтами, украшающими ихъ ориги-нально причесанныя головки... И все это являлось такъ не-ожиданно, вдругъ, послѣ тѣхъ безжизненныхъ пустынь изъ которыхъ, можно сказать, мы только вчера выбрались. Голова кружится отъ новыхъ впечатлѣній и шея заболѣла отъ безпрестанныхъ поворотовъ то въ ту, то въ другую сто-рону. Хорошо еще что лошади привычныя и сами идутъ остро-жно, а то тутъ при подобной дорогѣ не заглядѣлся бы по сторонамъ: Еролеевъ даже не въ состояніи и представить себѣ этого живописнаго хаоса камней который тутъ называется дорогой. Камни часто бываютъ такъ круты что телѣгу спускающуюся безо всякаго тормоза съ крутой горы впря-женные волы или лошади должны не сдерживать чтобъ она не раскатилась, а тащить съ усиліемъ чтобы подвинуть впе-редъ.

„Итакъ, не боясь уласть или, вѣрнѣе, забывъ что это воз-можно, я бросилъ поводъ на шею своей смирной лошади и, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ, записывалъ въ свою тетрадку бѣглый конспектъ всего что было предъ гла-зами. А картины со всѣхъ сторонъ становились оживлен-нѣе и интереснѣе. Теперь, казалось мнѣ, мы вѣхали въ ка-кое-то безконечное село, которое въ безлорядкѣ раскинулось по склону горы: домики въ зелени вверху надъ дорогой;

такіе же домики ввызу, по лѣвую сторону ея; между ними идутъ вверхъ и внизъ лѣстницы и вьются заманчивыя тропинки, то взбирающіяся въ гору въ тѣни деревьевъ, то пробѣгающія между полей и фермъ. Въ домикахъ всюду красивыя узорчатыя окна; всюду около нихъ цвѣтники, чистелькіе дворы, садики; и все такъ уютно, симпатично и мило.... И какая повсюду жизнь,—повсюду трудъ, лѣси и говоръ людей. Вотъ онъ настоящій человѣческой муравейникъ, но не безмолвный, а говорливый, наполненный тысячами разнообразныхъ звуковъ,—голосами людей и животныхъ, свистомъ и чирканьемъ на разные лады птицъ и стукомъ движущихся по дорогѣ обозовъ. Вотъ онъ настоящій переполненный людьми Китай!...”

Затѣмъ вы подходите къ Великой Стѣнѣ позднѣйшей постройки и знакомитесь съ подробностями этого любопытнаго памятника старины, и съ помощью разказа, а также прилагаемаго рисунка создаете о немъ полное представленіе и постепенно входите въ жизнь Застѣннаго Китая. Вотъ и дорога въ столицу, резиденцію Богдыхана.... Авторъ вводитъ насъ въ Пекинъ. Предъ нами раскрываются разнообразныя стороны его быта, создается вѣрное понятіе о его вѣщности и жизненныхъ проявленіяхъ его населенія, а также находящейся тамъ русской колоніи. Десять дней авторъ проводитъ въ окрестностяхъ столицы, гдѣ остается одинъ среди туземцевъ, предаваясь своимъ ученымъ и художественнымъ работамъ и здѣсь въ немъ зарождаются первыя симпатіи къ Китайскому народу. Здѣсь интересно описаніе загородныхъ богдыханскихъ парковъ, а также одной изъ китайскихъ забавъ которой съ увлеченіемъ предавался его переводчикъ—Китаецъ-христианинъ. Это—бой сверчковъ. По возвращеніи въ Пекинъ г. Пасецкій знакомится съ однимъ исключительнымъ туземцемъ и проникаетъ въ частный бытъ богатаго Китайца,—миръ для насъ совершенно новый, къ сожалѣнію, не вполне доступный для путешественника-Европейца, но и разказанныя подробности о сношеніяхъ съ нимъ, о появленіи въ бесѣдѣ его двухъ жень, о его стремленіи къ европейскому образованію и объ устройствѣ его дома, полны интереса.

Во время своего мысленнаго пребыванія въ столицѣ читатель знакомится съ китайскимъ столомъ и къ своему удивленію узнаетъ что китайскій обѣдъ скорѣе можно назвать превосходнымъ чѣмъ неприятнымъ или даже отвратительнымъ

какъ многіе изъ насъ привыкли думать. Здѣсь же видитъ онъ богатую похоронную процессію съ ея оригинальными особенностями, заглядываетъ въ театръ, присутствуетъ при обученіи молодыхъ людей стрѣльбѣ изъ лука въ цѣль, видитъ жизнь Европейцевъ, оживленныя окрестности столицы и пр. и пр.

По отъѣздѣ изъ Пекина, авторъ вскорѣ достигаетъ первой пристани (Тунь-Чжоу) на судоходной рѣкѣ (Бай-хо), оживленной массою людей и судовъ; разказываетъ о своихъ приключеніяхъ и рисуетъ осеннюю природу ея унылыхъ береговъ. Эта рѣка приводитъ въ городъ Тянь-Цзинь, многолюдный, дѣятельный портъ, озаменованный не такъ давно варварскимъ избиеніемъ Европейцевъ. Здѣсь происходитъ случайная встрѣча съ важнымъ китайскимъ сановникомъ, посѣтившимъ русскую военную лодку, капитанъ которой показывалъ ему дѣйствіе подводной мины.

Выражая свои сѣтованія на недостаточную любознательность начальника экспедиціи, авторъ груститъ и досадуетъ что отправляется отсюда не сухимъ путемъ черезъ интересныя страны Китая, а моремъ въ Шанхай, пунктъ болѣе извѣстный изъ описаній другихъ путешественниковъ; но авторъ умѣлъ и здѣсь найти много такого, чего мы раньше не встрѣчали въ описаніяхъ, что живо интересуетъ и увлекаетъ читателя: картинное описаніе входа въ величественную рѣку и самого порта, живой набросокъ характера города и его дѣятельной жизни, сцены изъ обыденной жизни, все читается съ большимъ удовольствіемъ. Проведя въ Шанхай лишь несколько дней, любознательный и неутомимый путешественникъ успѣлъ побывать и на скачкахъ Англичанъ, гдѣ видѣлъ огромную толпу изъ всѣхъ представителей разнообразнаго населенія города, и въ камерѣ китайскаго судьи, и въ католическомъ дѣтскомъ приютѣ, въ арсеналѣ и въ китайскомъ городѣ; а также въ ночлежныхъ приютахъ, олійныхъ, курильныхъ и другихъ учрежденіяхъ живущахъ по преимуществу ночью.

Да, нельзя не пожалѣть что начальникъ экспедиціи не только не сумѣлъ воспользоваться такимъ неутомимымъ и талантливимъ сотрудникомъ, каковъ Др. Писецкій, но еще и не доставлялъ ему необходимыхъ средствъ для изученія страны: докторъ, оказывается, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи даже переводчица! И это неслыханное улуценіе пре-

сѣдуютъ автора всю дорогу, повсюду ставятъ предъ нимъ преграду, несмотря на любезный приемъ туземцевъ, которые оказались вовсе не такими скрытными и хитрыми, какими мы привыкли считать ихъ; оно мѣшаетъ ему проникнуть глубже во внутренній миръ китайской жизни; за то все что касается внѣшняго быта подмѣчено и передано авторомъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Изъ Шанхая пароходъ перевозитъ его по рѣкѣ Янъ-Цзы внутрь Китая, въ городъ Хань-Коу. Какъ добросовѣстный изслѣдователь, онъ только здѣсь рѣшается начертить талочную картину китайскаго города съ его шумными улицами и обычною жизнью.

„Здѣсь улица—клауъ съ ежедневными собраніями отъ зари до зари. Пойдемте по ней и потеряемся въ лабиринтѣ узенькихъ улицъ и переулковъ Хань-Коу. Съ каждымъ шагомъ движеніе и масса людей увеличиваются и скоро приходится уже не идти, а пробираться между китайскимъ людомъ, обходить, стороваться, или обгонять; столько идетъ людей въ противоположныхъ направленіяхъ, вовсе не думая разбираться правой и лѣвой стороны. Толпа состоитъ почти исключительно изъ мужчинъ, но изрѣдка встрѣчаются и женщины, не только старыя, но и молодыя, которыя въ большинствѣ случаевъ, увидавъ насъ, со страхомъ бросаются куда попало, такъ что даже просто обидно становится.

„Вотъ, чрезъ эту движущуюся толпу промесали кого-то въ восплакъ и тѣснота еще болѣе увеличилась. Слава Богу что паланками не часто появляются здѣсь, потому что богатый или чиновный человекъ вообще рѣдко показывается на улицахъ; тутъ преимущественно гомозитъ все бѣдный людъ,—рабочіе, носильщики съ разными грузами на спицѣ или на коромыслѣ, продавцы-разнощики со всякой всячагою, какъ-то: готовыми кушаньями, посудой, лѣкарствами, игрушками и разнымъ мелочнымъ товаромъ; тутъ толкуются въ ожиданіи работы или сидятъ и занимаются разные ходячіе мастеровые, напримѣръ башмачники, цирюльники, гдѣ-нибудь здѣсь же брѣющіе кому-нибудь голову, чистящіе глаза или уши; чинильщики битой посуды, саесаря, паяльщики и т. п. И при этомъ каждый стучитъ или звенитъ въ присвоенный его званію инструментъ, по звукамъ котораго жители издали узнаютъ о прохожденіи или приближеніи такого-то специалиста и зовутъ того въ комъ имѣется надобность. Около лавокъ бродятъ,—какъ звѣри или воскресшіе мертвецы,—

страшные нищіе. Проходятъ водоносы съ ведрами въ рукахъ или на коромыслахъ; такимъ же способомъ проносятся ведра и съ самыми отвратительными веществами продающимися тутъ же на улицахъ какъ удобреніе и нерѣдко ихъ разставляютъ на базарахъ рядомъ съ корзинами зелени или фруктовъ, съ рыбными садками, столиками съ хлѣбомъ и другими съѣстными принасами; наконецъ, ходятъ просто гуляющіе досужіе люди, довольные и жизнью и собой. Подъ ногами непремѣнно шныряютъ собаки, эти несчастные члены китайской санитарной полиціи, — худыя, почти всѣ пораженныя паразитною болѣзью кожи, и потому часто совершенно облызаны; эти жалкія животныя, никому не принадлежащія, всегда голодны и въ вѣчной заботѣ о своемъ пропитаніи, потому что хозяевъ у нихъ нѣтъ и никто ихъ не кормитъ. Другіе члены на всѣхъ здѣшнихъ улицахъ, — свиньи особенной породы, — китайскія свиньи, всѣ чернаго цвѣта, со сморщенными мордами, точно у лагавыхъ щенятъ и въ большинства случаевъ съ такими отвислыми животами что послѣдніе волочатся по землѣ. Онѣ также какъ собаки не мало способствуютъ очисткѣ городовъ, и трудно вообразить что было бы здѣсь безъ этихъ ходячихъ ретортъ, посредствомъ которыхъ природа совершаетъ свои дезинфекціонныя работы, столь необходимыя въ здѣшнемъ климатѣ, при подобной стройкѣ городовъ и здѣшнемъ многолюдствѣ. Ужъ кажется и такъ узка улица, — вѣтъ, по сторонамъ ея еще выстроились ряды столбковъ съ разнымъ мелочнымъ товаромъ или готовыми кушаньями, разставленными и разложенными на нихъ совсѣмъ открыто.

Идемъ дальше и видимъ стоящій на улицѣ низенькій столъ, у котораго сидитъ человекъ, работаетъ что-то; подходимъ ближе, и прилежный Китаецъ оказывается художникомъ который помѣстился здѣсь по недостатку въ комнатѣ свѣта. Дальше за большимъ столомъ мы видимъ сидящаго старика въ огромныхъ круглыхъ очкахъ. Это эскулапъ въ родѣ того какого мы видѣли въ китайскомъ Шанъ-Хай, и на его столѣ разложенъ тотъ же хламъ для исцѣленія недуговъ страждущаго человечества. Вотъ на вѣкоторомъ разстояніи сидитъ другой „великій мужъ“ (дай-фу, т. е. докторъ). Этотъ даже не у стола, а просто на разостланной циновкѣ, подъ тѣнью большого зонтика. Подобно итальянскому графу Маттеи, онъ прославляетъ цѣлебную силу своихъ „специфическихъ“

средствъ ото всѣхъ неизлѣчимыхъ болѣзней и обращаетъ вниманіе публики на ихъ безвредность и дешевизну, говоря что воздухъ которымъ люди дышать стоить дороже чѣмъ цѣна на его лѣкарства. И эти соблазнительныя рѣчи привлекаютъ къ нему, по невѣднію своему, вѣрующіе. Пройдемте мимо,—цена обыкновенная, житейская и отвратительная, ибо ничего нѣтъ хуже какъ жить обманываемая другаго, да еще и безъ того несчастнаго человѣка.

„Посмотримъ лучше чѣмъ заняты честныя рабочіе Китайцы, пока болѣзнь не бросила ихъ въ руки шарлатановъ. Заглянемъ въ мастерскія, которыя всѣ открыты на улицу, такъ что намъ не нужно далеко идти или спрашивать позволеніе чтобъ увидать чуть не всѣ отрасли народной промышленности. Въ двухъ-трехъ большихъ улицахъ мы можемъ видѣть и узвать все. Но какъ легко увидать, такъ трудно описать видѣнное: олять сотни страницъ потребуются для того чтобы разказать о находящихся здѣсь мастерскихъ и все меньшихъ, незатѣливыхъ, дешевыхъ; — большихъ фабрикъ или заводовъ совсѣмъ не видно. Тутъ изготовляются шелковыя и бумажныя ткани, тамъ столярныя, портняжныя и сапожныя, мастерскія металлическихъ издѣлій; рядомъ сидятъ граверы, тамъ выдѣлываютъ всевозможныя вещи изъ бамбука; вотъ мастерскія искусственныхъ цвѣтовъ, роговыхъ фонарей, шляпныя и свѣчныя заведенія; здѣсь люди стоятъ или сидятъ, согнувшись надъ столами и вышиваютъ шелками и золотомъ разныя парадныя одежды для чиновныхъ особъ и богатыхъ дамъ; далѣе красильни, кондитерскія и пр. и пр., всего, разумѣется, и не пересчитать скоро. Всѣ эти работы совершаются, можно сказать, на улицѣ, то-есть въ открытыхъ мастерскихъ или дѣйствительно на улицѣ, въ одномъ изъ ея закоулковъ.

„Да, жизнь здѣсь бьетъ полнымъ ключомъ, и если вы перенесетесь мысленно въ этотъ житейскій адъ, вамъ не трудно будетъ представить себѣ тотъ страшный шумъ какой неизбежно долженъ происходить въ подобной улицѣ; изъ сколькихъ тысячъ и какихъ разнообразныхъ звуковъ долженъ слагаться этотъ нестройный оркестръ, и какъ бы ни старались люди вести себя тихо, тишина здѣсь немислима; а Китайцы къ тому же вовсе не заботятся о соблюденіи тишины на улицахъ; у нихъ вовсе не считается неблагопристойнымъ самый громкій разговоръ и, за немногими исключеніями, тамъ

совѣмъ не въ обычаѣ говорить тихо; оттого, можетъ-быть, и голоса ихъ такіе сильные и звонкіе... Да кромѣ человѣческихъ голосовъ, тутъ миллионъ другихъ звуковъ. О, это ужасный, но не лишенный своей прелести концертъ, ошеломляющій свѣжаго человѣка, и надо не мало походить по китайскимъ улицамъ, чтобъ нервы окрѣпли и не напрягались словно предъ общественнымъ бѣдствіемъ, какого все ждетъ непривычный путешественникъ, недавно попавшій сюда. Но если достается здѣсь слуху, то не менѣе страдаетъ обоняніе; достается иногда и глазамъ при видѣ нѣкоторыхъ сценъ, ужъ слишкомъ фізіологическаго свойства для улицы и бѣла дня. Вамъ надоѣло, читатель; вы утомлены даже описаніемъ. Иначе и быть не можетъ и намъ нуженъ отдыхъ. Вернемся домой,—вѣдь ужъ часовъ пять проходили въ китайскомъ городѣ. Интересно, ужасно интересно; но жить такъ, посреди такой сутолки Европейцу тяжело.... И когда, бывало, выйдешь изъ китайскаго въ европейскій кварталъ, мнѣ всякій разъ казалось что я переносился въ другой міръ, гдѣ и воздуху и свѣту больше и дышится легче; гдѣ все кажется такъ чисто, спокойно и тихо.... За то, съ другой стороны, и безжизненно, вяло, какъ-то холодно.... Чувствуешь что тамъ люди плохо живутъ, а здѣсь стараются хорошо жить.“

Полны интереса и официальные визиты къ мандаринамъ, изъ которыхъ отъ одного было получено слѣдующее оригинальное пригласительное письмо:

„Я весьма обрадованъ тѣмъ что дорогіе гости великаго Русскаго государства намѣрены озарить сіяніемъ мою скверненькую хижину, и буду ожидать ихъ сегодня, въ 23й день 11й луны, въ 3 часа полудни. Подписано: Вашъ младшій братъ, глауецъ, Дао-Тай N. N.“

Стѣсненные извѣстнымъ объемомъ статьи, мы не можемъ, къ сожалѣнію, приводить столько выдержекъ сколько хотѣлось бы; мы затрудняемся даже передачей содержанія разказа напримѣръ о такихъ вещахъ какъ процессія мандарина отправляющагося съ официальнымъ визитомъ, ученіе китайскимъ войскамъ, уродованіе ногъ Китаецкамъ, разныя мелкія сцены, и т. п.

Въ главѣ о пребываніи въ Хань-Коу авторъ разказываетъ очень обстоятельно о чайномъ производствѣ и сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, а также оригинальныхъ и, вѣроятно, не лишенныхъ будущаго возрѣвій на значеніе чая въ нашей

экономіи. Главный вопросъ ставимый авторомъ въ томъ, стоить ли чай того во что онъ обходится въ сравненіи съ тѣмъ что онъ намъ даетъ; и нельзя ли замѣнить его какимъ-либо другимъ растеніемъ находящимся у насъ. Эта мысль не лишена оригинальности и интереса, особенно если сообразить что главная масса привозимаго чая расходуется въ классѣ наименѣе взыскательныхъ потребителей, для которыхъ за чай можетъ сойти все что хотя мало-мальски похоже съ виду на чай, и верѣдко сходить (слитой и потомъ подкрашенный чай или какой-нибудь поддѣльный товаръ домашняго издѣлія), а платитъ за него чѣмъ приходится, пожалуй, дороже всѣхъ.

Отъ города Хань-Коу слѣдуетъ описаніе путешествія по одной изъ большихъ сухоходныхъ рѣкъ внутренняго Китая, и изъ него читатель выноситъ полное представленіе о жизни людей на лодкахъ, о характерѣ рѣкъ, порогахъ, сухоходствѣ, о китайскихъ бурлакахъ, о живописной природѣ страны и въ некоторыхъ особенностяхъ наблюдаемыхъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, въ родѣ напримѣръ сценъ по случаю праздника Нового Года, эпизодовъ при встрѣчахъ съ туземцами,—вообще мирными и верѣдко изысканно любезными,—въ родѣ рыбной ловли учеными птицами (бакланы) которымъ на шею надѣваются кольца чтобы онѣ не могли проглатывать рыбу, и т. п. Приведемъ нѣкоторые отрывки.

„Сегодня канулъ Нового Года, самаго большаго праздника у Китайцевъ, и мы видимъ что вездѣ дѣлаются приготовления къ нему. Къ сожалѣнію, мы встрѣчали праздникъ не въ городѣ, а на лодкахъ, среди пустынныхъ береговъ рѣки, слѣдовательно, могли увидать только какъ справляютъ его бѣдняки-лодочники.

„На ихъ счастье, сегодня подулъ хорошій полутный вѣтеръ и, избавивъ отъ необходимости тащить лодку, далъ возможность заняться приготовлениями и исполненіемъ разныхъ обрядовъ. Всѣ перешли на лодки и, поднявъ паруса, быстро пошли впередъ. „Почтенный хозяинъ“ нашей лодки, какъ ихъ обыкновенно называютъ (лао-бань—ло-китайски), по имени Тянь-Чэнъ-Гуэй, уже съ первыхъ дней нашего путешествія поправился мнѣ, а въ этотъ день сталъ еще симпатичнѣе и, я надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня если я подробнѣе познакомлю его съ нимъ. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, роста выше средняго; лицо имѣлъ простое, но привѣтливое и доброе; обращеніе всегда учтивое и любез-

ное. Работалъ онъ безъ усталы, но и безъ малѣйшаго ропота на судьбу или на людей. Онъ былъ бѣденъ, но, казалось, и не допускалъ чтобъ иначе могло быть, и, казалось, ничего не желалъ больше того что имѣлъ; словомъ, Танъ-Чэнь-Гуэй принадлежалъ къ тому разряду людей, смотря на которыхъ совершенно примиряешься съ разными невзгодами жизни и самъ научаешься лучше переносить ихъ. У него ли не было этихъ невзгодъ, а онъ былъ всегда спокоенъ, веселъ и ровенъ въ обращеніи, какъ съ нами, такъ со своею семьей и наемнымъ работникомъ. Всегда бѣдно одѣтый, даже нѣсколько оборванный, не имѣющій ничего кромѣ своей лодки, да мускуловъ, при помощи которыхъ онъ таскалъ ее отъ города Хань-Коу до города Фань-Чэна и обратно, перевоза пассажировъ или грузъ, Танъ-Чэнь-Гуэй обладалъ, какъ я уломявалъ, семьей въ десять человекъ и, работая съ утра до ночи чтобы добыть средства для ея прокормленія, нѣсколько не тяготился ею. Всегда мягкій въ обращеніи со своею женой, онъ былъ добрымъ и даже нѣжнымъ отцомъ. Полуголый бѣднякъ онъ былъ эстетикъ въ душѣ. Сегодня онъ больше всѣхъ хлопоталъ о томъ чтобы придать своей лодкѣ праздничный видъ и сдѣлать праздникъ возможно болѣе торжественнымъ и пріятнымъ для своей семьи. Направивъ ларусъ и поручивъ управленіе имъ своей дочери, дѣвушкѣ лѣтъ семнадцати, самъ онъ принялся мести и мыть свою лодку, вымылъ всю, убралъ свою каморочку зеленью, свѣчами и разноцвѣтными бумажками, потомъ одѣлся хотя въ такое же бѣдное, но новое платье и управившись съ остальными приготовлениями, явился на передней части лодки, держа въ рукахъ лотокъ съ жертвенными дарами, состоявшими изъ хлѣбовъ, куска варенаго свиного мяса, сваренаго лѣтуха, жареной рыбы и чашекъ: съ рисомъ, водой и водкой. Поставивъ подносы на палубѣ, онъ зажегъ нѣсколько дымящихся жертвенныхъ свѣчей и вставилъ ихъ въ углубленія на носу лодки; потомъ зажегъ пачку бумаги, сжегъ связочку шутихъ, и положилъ нѣсколько земныхъ локлоновъ. Окончивъ свою нѣмую молитву, онъ взялъ по частицѣ отъ каждаго изъ яствъ бывшихъ на лоткѣ и бросилъ въ воду, потомъ вылеснулъ изъ чашекъ находившіяся въ нихъ вино и воду, и высыпалъ рисъ. Этотъ религіозный обрядъ онъ совершалъ съ благоговѣніемъ и видимо съ глубокою вѣрой въ то что онъ въ эти

минутой входилъ въ непосредственное сношеніе съ таинственными силами природы и управляющимъ ими божествомъ...

„Я съ большимъ интересомъ наблюдалъ за нимъ. Лодка быстро шла подъ парусомъ, всплывая вокругъ себя воду; яркое солнце освѣщавшее землю смотрѣло на этого честнаго бѣдняка-труженника, по-своему молившагося невѣдомому Творцу вселенной. Онъ молился такъ какъ его научили тому отецъ и мать. И неужели же, думалъ я, его молитва не примется Богомъ, потому что она исходила изъ сердца азычника!... Онъ возвратился въ свое помѣщеніе и, смѣнивъ дочь, опять сталъ править рулемъ. Я попросилъ позволенія взглянуть на его праздничное убранство. Онъ, разумѣется, согласился, и я взобрался на крышку лодки, откуда могъ лучше видѣть его каморку, находившуюся въ самой задней части, и сталъ набрасывать карандашомъ видъ ея. Лао-Банъ посматривалъ то на мой рисунокъ, то на свою убогую роскошь. Тутъ же находились его жена, старшая дочь, державшая на колышкахъ маленькаго брата, и еще двое другихъ дѣтей сидѣли въ уголкѣ. Взглянувъ на лицо Танъ-Чэнь-Гуэй, я подмѣтилъ на немъ какое-то выраженіе грусти и невольно подумалъ что ему совѣстно своей бѣдности, стыдно что я рисую такіе лустаки, не стоющіе вниманія. Я боялся чтобъ онъ не подумалъ что я дѣлаю это ради насмѣшки, на смѣхъ другимъ срисовываю его каморку, боговъ и лежавшія предъ ними бѣдныя жертвы. Мнѣ хотѣлось усложнить его и многое сказать, но я не могъ связать въ своей головѣ и десяти словъ для выраженія своихъ мыслей.

„Съ наступленіемъ ночи на всѣхъ лодкахъ зажглись фонари; Китайцы начали приносить въ жертву разнымъ духамъ бумагу и шутихи, которыя безпрестанно зажигали то на одной, то на другой лодкѣ. Небо заволокло тучами; ночь была такъ темна что кромѣ огней и фонарей разсѣянныхъ по лодкамъ и мачтамъ ничего не было видно; неба отъ земли не отличишь. На всѣхъ походныхъ кухняхъ пеклись, варились и жарились разные яства. Рѣзали припасенныхъ заранѣе пѣтуховъ, обрызгивали ихъ кровью бумагу и сжигали ее, все изъ угожденія богамъ, кто въ какихъ больше нуждался. Воздухъ оглашали многіе голоса разговаривавшихъ и за что-то ссорившихся Китайцевъ, звуки мѣдныхъ „ло“ въ которые сегодня колотили съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, а также стрѣльба изъ ружей и пушекъ, имѣв-

шихся на двухъ казенныхъ лодкахъ. Громкое эхо повторяло всѣ эти звуки, еще усиливая ихъ. Наконецъ наступила полночь, и все затихло и словно заснуло, даже говору не было слышно; всѣ люди спрытались. Вдругъ съ лодки мандарина раздался сигнальный пущечный выстрѣлъ и возвѣстилъ что Новый Годъ наступилъ. Тотчасъ начались опять покловенія разнымъ богамъ, потомъ поздравленія другъ друга, старшихъ младшими, равныхъ равными, и наконецъ младшихъ старшими и затѣмъ приступили къ ѣдѣ и питью.

„Птицы, въ числѣ пяти штукъ, сидѣли на своихъ мѣстахъ на особо для нихъ укрѣпленныхъ по бокамъ лодки и обернутыхъ соломой рогатинахъ, привязанныхъ къ нимъ за одну ногу и своими хищными, зелеными глазами поглядывали на воду, какъ будто говоря: пора бы начинать! На шеѣ у каждаго баклана было надѣто сплетенное изъ соломинокъ кольцо.

„Поднявшись вверхъ до самаго конца города, лодочники повернули лодку и поставивъ ее поперекъ рѣки, пошла лодочникъ назадъ, двигаемые только теченіемъ. Старшій изъ Китайцевъ досталъ изъ-за лазухи лепешку, собираясь завтракать и по обычаю предложилъ сначала мѣн и своему товарищу, но мы оба отказались. Затѣмъ рыбаки отвязали птицъ, и нѣкоторыя тотчасъ сами слетѣли на воду, другія очень безцеремонно столкнули, и онѣ поплыли за лодкой, какъ стаи охотничьихъ собакъ, и вскорѣ начали вырять. Плаваютъ онѣ быстро, какъ бы припрыгивая, вырять на большое пространство и долго остаются подъ водой. Хозяинъ поощрялъ ихъ разными словами и звуками, которые онѣ казались понимать. Нырнувъ и появившись на поверхности безъ добычи, онѣ точно сердились на себя за неудачную попытку, солѣли и издавали гортанные звуки, нѣсколько напоминающіе сердитое ворчаніе собаки. Нѣсколько попытокъ были неудачны, бакланы выскакивали изъ воды все съ лустыми носами, но вотъ вынырнулъ одинъ, держа въ клювѣ карпа четверти въ полторы. Раздался крики радости, и рыбаки слѣзли къ нему на помощь, чтобъ сильная рыба, трелегавшая и свивавшаяся кольцомъ, не освободилась изъ крючковатаго клюва баклана, схватившаго еѣ поперекъ туловища. Подплыли; рыбакъ послѣшнво схватилъ сачокъ какимъ у насъ вынимаютъ предъ покупателями рыбу изъ садковъ и захватилъ въ него баклана, чему тотъ не противился и не уходилъ прочь, а только старался забрать половчье рыбу,

чтобы направить ее къ себѣ въ горло головой, вѣроятно съ намѣреніемъ скорѣе проглотить пока не оттаяла. Но это разумѣется не удалось, рыбакъ взялъ его за шею одною рукою, другою вынулъ рыбу, а баклана снова бросилъ на воду. Тотъ повидимому впередъ зналъ что все это произойдетъ именно такъ какъ случилось и потому не выражалъ негодованія, а только помоталъ головой, окунулъ ее нѣсколько разъ въ воду, полопоскалъ носъ, какъ бы для того чтобы уничтожить и воспоминаніе объ ускользнувшей изъ-рта добычѣ и, забывъ обиду, принялся вырыть снова, заботясь конечно объ утоленіи своего голода, а не о соблюденіи интересовъ хозяина.“

Второй томъ начинается разказомъ объ одномъ неприятномъ приключеніи,—крушеніи одной изъ двухъ лодокъ экспедиціи и о затруднительномъ положеніи въ какомъ очутилась послѣдняя вслѣдствіе того что почти все нужное и цѣнное пошло ко дну. Однако все напашось, и экспедиція могла продолжать путь сначала по той же рѣкѣ; потомъ слѣдуетъ переселеніе съ лодокъ въ городъ Хянь-Чжунъ-Фу, гдѣ путешественники опять пробыли больше мѣсяца; и за это время авторъ, у котораго, какъ видно, не пропала ни одна часть, услѣлъ многое увидѣть и сдѣлать. Тутъ читатель найдетъ описаніе встрѣчи съ Китайцами - христіанами, нѣкоторыхъ производствъ, посѣщенія школы, храмовъ, театра, интересныя сцены при сношеніяхъ съ туземцами, а также не мало куріозовъ изъ внутреннего быта экспедиціи заставляющихъ и смѣяться, и очень сожалѣть зачѣмъ такое хорошее дѣло и такіе не часто встрѣчающіеся люди какими должны быть авторъ сочиненія и его слуги Матусовскій достались въ распоряженіе такого... ну, скажемъ, страшнаго человѣка какимъ оказывается капитанъ Сосновскій.

Во время пребыванія въ названномъ городѣ авторъ, благодаря своему званію врача, а также художественному таланту, имѣлъ возможность наблюдать и жизнь женщинъ средняго класса.

„Судьба китайской женщины вообще не завидна,—ло крайней мѣрѣ такъ кажется постороннему наблюдателю; но съ другой стороны не трудно замѣтить и то что Китайки не особенно тяготеютъ своею участію; онѣ свыкаются съ извѣстными бытовыми условіями съ самаго ранняго дѣтства и такъ какъ объ иныхъ порядкахъ ничего не знаютъ, то и не думаютъ о нихъ, не смущаются; а это не малое, если не счастье, то „замѣна счастья“ какъ привычка, по словамъ поэта.

„Такое впечатлѣніе я вынесъ изъ моихъ наблюденій за четырьмя женщинами жившими здѣсь въ одномъ съ нами домѣ. Я, кажется, не сказалъ что обитаемый нами домъ принадлежалъ одному маленькому чиновнику Чжу; но о немъ рѣчь впереди; а теперь познакомимся съ дамами. Онѣ были: первая и вторая жены Чжу; барышня — его дочь, — и жена его старшаго сына. Хотя онѣ, за исключеніемъ старшей жены, иногда проходившей на улицу черезъ нашъ дворъ, никогда и куда не выходили изъ своего дворика, находившагося позади нашей квартиры, но когда я заходилъ туда чтобы посмотреть на ихъ житье бытъ (что мнѣ, какъ врачу, не запрещалось), онѣ сначала дичились вѣсколько, лосмивались и убѣгали, а потомъ перестали обращать на меня вниманіе и въ моемъ присутствіи спокойно продолжали свои занятія, за какими я ихъ заставлялъ, — варили обѣдъ, шили, вяличили и кормили грудныхъ дѣтей или просто сидѣли и болтали, а болтавость, и по свидѣтельству Китайцевъ, служить отличительною чертой женщйны.

„Старшая жена нашего маленькаго и непродвинутаго Чжу-Лое была женщина высокаго роста, полная и уже пожилая; она обладала громкимъ басистымъ голосомъ, права была, повидимому, строгаго и за эти качества была прозвана казакими „генеральшей“. Ее можно было скорѣе признать за мать, чѣмъ за жену Чжу-Лое, который, какъ всѣ Китайцы, благодаря бритью усовъ и бороды, казался значительно моложе своихъ лѣтъ. Генеральша, кажется, держала своего супруга въ рукахъ и, какіе бы обычаи и порядки въ Поднебесномъ государствѣ не существовали, главою въ семьѣ и въ домѣ была очевидно она, а не онъ, потому что она была энергична и умна, а супругъ обладалъ кроткимъ нравомъ и ограниченными умственными способностями и, какъ увидимъ ниже, отличался дѣтскимъ легковѣріемъ. Несмотря на то что онъ былъ удостоенъ перваго чина, грамоты онъ не звалъ вовсе: это можетъ удивить читателя послѣ сказаннаго выше о распространеніи грамотности въ Китайскомъ народѣ. Но дѣло въ томъ что онъ былъ чиновникъ военный, а за грамотностию военныхъ въ Китаѣ не гонятся; воину не грамотность нужна, говорятъ Китайцы, и потому у нихъ, говорятъ, отличившійся солдатъ, даже не умѣющій подписать своего имени, безо всякихъ экзаменовъ можетъ быть произведенъ въ чинъ

только за воинскія отличія, можетъ даже достигнуть высокихъ чиновъ, и въ нашемъ дальнѣйшемъ страствованіи мы встрѣтимъ лицъ совершенно неграмотныхъ, тѣмъ не менѣе съ краснымъ, т.-е. генеральскимъ шарикомъ на шляпѣ.... Итакъ жена Чу-Лое была главою и грозю въ домѣ. Она почти постоянно курила свою трубку, почти всегда распекала кого-нибудь, то невѣстку, то свою соперницу — вторую жену, или своего мужа; первыя отъ нея иногда даже плакали. Генеральша читала выговоры и нотации работнику, и нерѣдко награждала своего младшаго сына, хорошенькаго мальчишку лѣтъ десяти щелчками по головѣ своимъ тоненькимъ бамбуковымъ чубучкомъ, — впрочемъ слегка, — когда тотъ, увидяшему ея любимецъ и баловень, не оказывалъ ей должнаго послушанія, когда очень шалелъ или слишкомъ часто просилъ вѣсть. Ея занятія состояли въ общемъ управленіи домомъ, а также приготовленіи обѣда; видѣлъ я ее не разъ за мытьемъ бѣлья, для чего она садилась на низенькую скамеечку, а на землю ставила между своими маленькими ножками деревянную чашку съ горячею водою; иногда она для чего-то переваривала въ мѣдномъ тазикѣ опій, который супругъ ея курилъ въ изрядномъ количествѣ.

„Этотъ живой образъ китайской дамы вовсе не походилъ на тотъ фантастическій, который созданъ въ моемъ воображеніи по видѣннымъ раньше китайскимъ рисункамъ, гораздо сильнѣе вѣзавшимся въ памяти чѣмъ описанія путешественниковъ; ничѣмъ не подходила генеральша и къ идеалу созданному китайскимъ поетомъ, потому что щеки ея нисколько не напоминали „цвѣтовъ мандаринаго дерева“; ея толстыя губы, изъ-за которыхъ торчали впередъ, хотя и бѣлые, но очень большіе зубы, нисколько не походили на цвѣтокъ граватнаго дерева; плотный ставъ не гулся „подобно листочку пивы“; узкопрорѣзанные черные глаза, хотя и не лишены блеска, все-таки не сверкали „подобно водянымъ струямъ подъ лучами солнца“.... Одно чѣмъ она могла достойно гордиться и что вознаграждало многіе недостатки красоты, это дѣйствительно маленькія ножки, на которыхъ она, несмотря на ихъ малость, ходила довольно свободно, хотя походка ея и представлялась, какъ у всѣхъ Китайсокъ, оригинальною. Генеральша, я сказалъ, была на видъ сурова и строга, но въ ея наружности не было ничего злобнаго; иногда же мнѣ случалось видѣть ее въ хорошемъ и даже игривомъ настроеніи духа; она увидяшему

была не прочь побесѣдовать со мною, когда мнѣ случалось заходить на ихъ дворъ, да къ сожалѣнію я могъ сказать ей и понять изъ ея словъ весьма немного. Она иногда даже начинала заигрывать, дотрогиваясь до меня своею трубочкой или легонько постукивая ею по моей фуражкѣ. Это было, когда я однажды сидѣлъ на ихъ дворикѣ, срисовывая послѣдній, и когда она вмѣстѣ съ другими обитателями дома подходила посмотрѣть на рисунокъ.

„Молодые дамы и барышня также не отличались красотой, а двѣ даже не были типичны и еслибъ я встрѣтилъ ихъ въ Россіи, еслибъ ихъ не выдавали изуродованныя ножки, я бы никакъ не принялъ ихъ за Китайянокъ; тѣмъ не менѣе я считалъ не безынтереснымъ снять со всѣхъ ихъ портреты; но позировали онѣ всѣ, кромѣ барышни, неохотно. Генеральша, вѣроятно изъ чувства кокетливости, ни за что не хотѣла дозволить рисовать съ нея и такъ какъ ей никто приказывать не смѣлъ, то мнѣ пришлось сдѣлать ея портретъ украдкой; молодые дамы тоже было воспротивились; но ставшій моимъ пріателемъ Чжу-Лое приказалъ и своей второй женѣ; и невѣсткѣ сидѣть предо мною смирно, столько времени сколько мнѣ будетъ нужно, и не ловчиться онѣ не смѣли. Первая очень близорукая и флегматическая женщина, еще очень молодая, отвелась къ сидѣнью предо мною вполнѣ индифферентно и во время сеанса спокойно шла что-то изъ своей бумажной матеріи; второй же почему-то ужасно не хотѣлось позировать, и она сидѣла съ сердито-надутыми губками и по временамъ даже что-то ворчала себѣ подъ носъ. Барышня же, живая и веселая говорунья, которая, казалось, минуты не оставалась въ покоѣ, напротивъ, ужасно боялась остаться ненарисованною и все спрашивала меня, буду ли я рисовать портретъ также и съ нея, и скоро ли?

„— Непременно, непременно,—условоцвалъ я ее, и она, веселая, бѣжала сообщить объ этомъ своему брату, хотя тотъ и самъ слышалъ что я сказалъ.

„Но, описывая моихъ знакомыхъ китайскихъ дамъ и барышню, я чувствую что въ представленіи читателя могутъ составиться невѣрные представленія о нихъ,—слишкомъ лестныя для нихъ,—и, ради истины, я считаю долгомъ прибавить что видомъ своимъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ будничныхъ бумажныхъ одеждахъ сиваго или зеленого цвѣта, онѣ походили на нашихъ горничныхъ, да еще не городскихъ, а дере-

венскихъ и лохотили на нихъ не одиѣми одеждами, а своимъ мерзавствомъ и своими мало изящными маверами. Такъ, на примѣръ, хорошевскія, но плохо вымытыя руки барышни были покрыты чесоточною сылью, которая, вѣроятно, покрывала и другія части ея тѣла, потому что она постоянно и много разъ во время сеанса немилосердо чесалась залупченною подъ платьемъ рукой, такъ что я ясно слышалъ звуки производимые ногтями усердно царапавшими ея молодую кожу. И такъ, вотъ внѣшній видъ Китайковокъ средняго сословія. Хотѣлось бы поговорить съ ними или подслушать ихъ бесѣды между собою, да не удалось....“

Далѣе слѣдуетъ разказъ о движеніи чрезъ живописную и густо населенную горную страну, съ разными интересными подробностями, въ родѣ посѣщенія одного незнакомаго богатаго дома, операціи сдѣланной на дорогѣ одной бѣдной женщиной, оставки въ харчевнѣ у дороги, ночлега въ домѣ Китайца-поселянина и его домашней обстановки, висащихъ у дороги кѣтокъ съ отрубленными головами, и т. п. Затѣмъ на пути встрѣчаются чаще и чаще страшные слѣды недавней междоусобной войны. Тутъ начинается область не посѣщавшаяся Европейцами, и съ этой стороны описаніе слѣдующихъ мѣстностей имѣетъ большой научный интересъ. Здѣсь авторъ встрѣчается съ тремя родами жизни Китайцевъ,—на вершинахъ горъ (нагорныя села) въ особенныхъ укрѣпленныхъ селеніяхъ, въ укрѣпленіяхъ построенныхъ послѣ войны на равнинахъ и въ жилищахъ вырытыхъ въ землѣ. Разрушенные города поладаются чаще и чаще; живописные города и села смѣняются другими, отъ которыхъ остались почти развалины и условія жизни въ нихъ исполнены лишеній.

Въ одиннадцатой главѣ, „Мѣсяцъ въ Лань-Чжоу-Фу“, авторъ сообщаетъ много весьма интересныхъ подробностей объ этомъ большомъ городѣ, мѣстопробываніи генераль-губернатора западнаго Китая Цзо-Цзунъ-Тава, а также о сношеніяхъ съ послѣднимъ, хотя характеръ нѣкоторыхъ подробностей таковъ что нельзя не сочувствовать автору и не погоревать съ нимъ вмѣстѣ о томъ зачѣмъ совершившееся совершилось. Нельзя съ другой стороны и не быть признательными къ г. Пасецкому за то что онъ не умолчалъ о такихъ фактахъ которые, не бывъ описанными, могли бы набросить тѣнь на поведеніе русскихъ офицеровъ вообще;

теперь же ничто не можетъ принять за обычное явленіе того что нами самими далеко не одобряется, что, напротивъ, глубоко оскорбляетъ наше національное чувство.

Здѣсь особенно живы и своеобразны сцены визита къ генералу Цзо, его неоднократныя посѣщенія членовъ нашей экспедиціи, officialный обѣдъ данный имъ, произведенное въ ихъ присутствіи ученіе войскамъ и проч. Много новыхъ свѣдѣній и взглядовъ даетъ описаніе тюремъ съ заключенными въ нихъ, а также орудіями наказанія и пытокъ, способъ содержанія плѣнныхъ неприятелей, и т. п. Далѣе путь лежитъ вдоль Великой Стѣны, черезъ многіе города, большинство которыхъ разорены. Несмотря на меньшее оживленіе страны и измѣненіе въ характеръ природы, занимательность разказа не ослабѣваетъ; читатель не разлучается съ авторомъ ни на мигъ и также неудержимо стремится къ невиданнымъ странамъ, лежащимъ въ глубинѣ Азіи. Эти страны становятся все унылѣе, безлюднѣе и наконецъ переходятъ въ совершенно ненаселенную пустыню Гоби, которую всѣ мы знали, но только по имени. Теперь же жизнь ея раскрылась предъ нашими глазами въ живыхъ описаніяхъ природы, условій переѣзда черезъ нее и въ которыхъ дорожныхъ приключеній. Когда читаешь книгу г. Пасецкаго, то кажется что самого зной лалить, что самъ усталъ отъ продолжительнаго сидѣнія въ свѣдѣ; а потомъ, съ приходомъ въ оазисъ, самъ какъ будто оживаешь и наслаждаешься отдыхомъ, водою и зеленью.

Авторъ понимаетъ важность болѣе подробнаго описанія этихъ впервые посѣщенныхъ странъ, и разказъ его о характерѣ пройденныхъ мѣстностей отличается такою обстоятельностью что еслибы потребовалось поднять вопросъ, напримеръ, о проведеніи желѣзной дороги въ Китай, или о движеніи тѣмъ путемъ арміи, то въ книгѣ г. Пасецкаго найдутся весьма драгоценныя полезныя свѣдѣнія; и заслуга пріобрѣтенія ихъ тѣмъ почтеннѣе что они, какъ видно изъ разказа, собраны при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ въ какія была поставлена экспедиція дѣйствіями ея распорядителя. Авторъ сообщаетъ также немало и куріозовъ, ѣдко подсмѣивается надъ самими собою, но чувствуется что онъ разказываетъ ихъ и подсмѣивается, такъ сказать, сквозь слезы.

Живо и наглядно рисуетъ онъ потомъ жизнь или собственно остатки ея, когда-то богатаго, а теперь разореннаго му-

сульманскаго города Хами, стоящаго среди плодороднаго оазиса, недалеко отъ Небесныхъ горъ, чрезъ которыя далѣе слѣдуетъ перевалъ и за нимъ посѣщеніе двухъ послѣднихъ на пути китайскихъ городовъ (Баркуля и Гу-Чэна). Въ первомъ интересенъ разказъ о томъ какъ проходитъ день мандарина и отношеніе къ нему домашней прислуги.

„Въ Баркулѣ, въ предпоследнемъ китайскомъ городѣ, мнѣ въ первый разъ довелось видѣть какъ проходитъ день мандарина. Хотя этотъ день и ненормальный, потому что обычный ходъ жизни нарушенъ вашимъ прїѣздомъ, хотя я видѣлъ и не особенно много интереснаго, тѣмъ не менѣе разказать стоить объ этомъ. Ванъ провелъ прошлую ночь въ одной съ нами комнатѣ, расположившись на среднемъ изъ трехъ кановъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга перегородками; въ этой же комнатѣ онъ пробылъ и весь вышній день, выѣзжая куда-то лишь на короткое время.

„Проснувшись рано утромъ, онъ вышелъ на дворъ, куда слуга принесъ и поставилъ на землю мѣдный тазикъ съ теплою водою и плававшей въ ней, мелпрѣменно сѣрой, тряпкой, которая точно закономъ опредѣлена во всей Средней Имперіи для умыванія гражданъ; Ванъ присѣлъ около него на корточки и вытеръ себѣ этою тряпкой руки и лицо, предоставивъ потомъ имъ самимъ обсыхать на воздухѣ. Затѣмъ, позавтракавъ весьма плотно, онъ ходилъ цѣлое утро безъ всякаго дѣла, переходя отъ одного къ другому изъ насъ, и порядочно надоедая своею, будто бы европейскою, безцеремонностью и чрезмѣрною любознательностью, заставлявшею его все разсматривать, спрашивать объясненія, многое трогать, а нѣкоторыя вещи даже развѣшивать, да еще самостоятельно;—такъ, напримѣръ, сегодня онъ вынулъ всѣ винты изъ моего револьвера, который мнѣ потомъ пришлось собирать. (Онъ зналъ сборку и разборку оружія...) Былъ ли Ванъ всегда такъ свободенъ отъ дѣлъ какъ сегодня, или ваше присутствіе мѣшало его занятіямъ, только онъ цѣлый день ровно ничего не дѣлалъ; никто не являлся къ нему, и онъ къ себѣ никакого не требовалъ.

„Здѣсь же, въ Па-Ли-Куль (какъ Китайцы произносятъ названіе этого города), я былъ еще разъ свидѣтелемъ того какія странныя отношенія существуютъ въ Китаѣ между господами, т. е. мандаринами, и ихъ прислугой. Я упоминалъ нѣсколько разъ о томъ какъ во время нашихъ визитовъ къ

мандаринамъ весьма важнымъ, въ ихъ приемную набивалась толпа прислуги и разнаго мелкаго люда живущаго въ домѣ для того чтобы посмотрѣть на рѣдкихъ заморскихъ гостей, и хотя эти люди стояли въ сторонѣ, но держали себя очень просто, спокойно и даже свободно... Рядомъ же съ этими картинами, ловидимому, патриархальныхъ отношеній, существующихъ между высшимъ и низшимъ классами, мнѣ не разъ приходилось наблюдать явленія совсѣмъ другаго рода, такъ что и не знаешь какъ связать ихъ между собою. То же было и здѣсь. Въ комнатѣ Ванъ-Чжэнь-Тая, служившей его кабинетомъ и приемной,—въ которой мандарины меньшаго ранга кланялись ему въ ноги,—слуги расхаживали также развязно какъ въ своихъ собственныхъ локояхъ,—все равно, въ отсутствіи ли хозяина, или когда баринъ находился здѣсь же. Случалось, напримѣръ, что показываютъ какую-нибудь интересную ему вещь, а находящійся въ комнатѣ слуга,—нерѣдко оборванный и грязный,—хотя и сзади, но непремѣнно лѣзетъ также посмотрѣть на эту диковинку поближе... иногда почти на слухъ у барина лежитъ. И мандаринъ, въ свою очередь,—если, напримѣръ, онъ пораженъ вещью,—непремѣнно обратится къ слугѣ съ какими-нибудь словами и подѣлится съ нимъ впечатлѣніями. Сцены эти здѣсь повторялись предъ моими глазами много разъ. Потомъ, какъ-то выѣзжаетъ Ванъ изъ дому; прислуга въ его отсутствіи расхаживаетъ всюду, съ любопытствомъ наблюдая за нашими занятіями и разсматривая разложенныя по комнатѣ наши вещи... Черезъ часъ за воротами раздается лущечный выстрѣлъ, извѣщающій о возвращеніи барина домой... И та же самая прислуга бросается во всѣ стороны и двери съ послѣшными и отчасти таинственными криками:—„Лай-лѣ! Лай-лѣ! Да-жень лай-лѣ! (Пріѣхалъ, пріѣхалъ! Господинъ пріѣхалъ!).. Одни вполыхахъ скрываются, какъ отъ страшнаго врага, а другіе мигомъ выстраиваются на дворѣ въ двѣ шеренги, по обѣимъ сторонамъ входа, и, когда баринъ проходитъ мимо на лѣстницу, они кланяются ему въ землю, словно не вѣсть предъ какою святыней или недоступностью... Потомъ, сейчасъ же за нимъ, олатъ идутъ въ комнату для того чтобы снова обращаться со своимъ вельможей за лавибрата, и попрежнему дожиться ему на слуху.“

Быстрое движеніе экседации, приближеніе лѣта къ концу и видимое утомленіе отъ постоянного нервнаго напряженія,

а также отъ не вполнѣ удовлетворенной жажды дѣятельности, что проходить чрезъ всю книгу, сдѣлало то что интересы науки и цѣны наблюденія отходятъ на второй планъ, а впередъ выступаетъ быть самой экспедиціи съ ея внутренними порядками и способомъ движенія. Тѣмъ не менѣе авторъ не перестаетъ очерчивать мѣткими штрихами природу странъ и все что встрѣчается въ нихъ, характеръ туземцевъ съ которыми приходилось встрѣчаться и т. п. Главное же мѣсто въ разказѣ занимаетъ, говоримъ, участь экспедиціи, которая не разъ подвергалась опасности и однажды настолько серьезной что всѣ бывшіе въ ней были, можно сказать, на краю страшной смерти отъ жажды, вслѣдствіе потери дороги къ колодезю. Счастливый случай выручаетъ всѣхъ изъ бѣды; а не будь его, мы вѣроятно и не имѣли бы удовольствія прочесть книги почтеннаго доктора; книга же его, по отзывамъ всѣхъ съ кѣмъ намъ случилось говорить о ней, должна считаться цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о Востока, тѣмъ болѣе цѣннымъ что въ немъ все свое, самобытное и такъ талантливо изложенное что книга г. Пасецкаго читается какъ романъ; а приложенныя къ ней рисунки превосходно поясняютъ текстъ создавая о странѣ полное представленіе. Желаемъ ей возможно большаго числа читателей, а въ томъ что книгу будутъ читать на расхватъ, нельзя сомнѣваться, потому что такъ написанныя произведенія не читаются, а, какъ говорятъ, проглатываются. Къ немалыхъ достоинствамъ этого сочиненія должно отнести то что оно привязываетъ къ себѣ и самыхъ серьезныхъ людей и ювошей.

К.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА

I.

Во второй книгѣ журнала *Русскаго Архива* помѣщены отрывки изъ *Записокъ* Пушкина. Отрывки эти очень велики по объему и заключаютъ въ себѣ всего двѣнадцать страницъ крупнаго шрифта. „Пушкинъ, говоритъ редакція *Русскаго Архива* въ предисловіи, съ раннихъ лѣтъ своихъ принимался писать *Записки*. Въ 1826 году, предъ отъѣздомъ изъ Пековской деревни въ Москву, онъ жегъ цѣлыя тетради ихъ и сожалѣлъ о томъ въ послѣдствіи. Въ послѣдствіи онъ опять сталъ записывать видѣнное и слышанное, и по кончаніи его осталась начатая тетрадь въ большой листъ, первая 114 страницъ которой списаны его дневникомъ. На перелетѣ тетради стоитъ № 2 и, какъ видно, эта помѣта сдѣлана самимъ Пушкинымъ. Уцѣлѣлъ ли номеръ первый неизвестно.“ Заявивъ что старшій сынъ Пушкина, Александръ Александровичъ, дозволялъ издателю *Русскаго Архива* „напечатать возможные извлечения изъ этой тетради“, редакція заключаетъ предисловіе слѣдующими словами: „Одаренный зоркимъ умомъ и чуткою впечатлительностью, Пушкинъ бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ обществахъ, отъ царскихъ дворцовъ до камыцкихъ кубитокъ.“ „Итакъ, Пушкинъ могъ передать потомству много важнаго... Покаместъ надо довольствоваться немногими отрывками.“

Отрывки начинаются помѣтою: *30 ноября 1833 года*. Слѣдующая затѣмъ помѣта относится къ 4му декабрю и потомъ непосредственно слѣдуетъ: *1с января 1834 года*. За январь 1834 года мы встрѣчаемъ лишь четыре записи относящіяся къ 1му, 7му, 17му и 26му числу, въ февраль—одну запись, въ мартѣ—двѣ, и т. д. Последняя запись помѣчена *5го декабря (1834)*.

Судя по словамъ самого Пушкина: „Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ“—словами этими начинается запись 28го ноября—можно съ достовѣрностію предположить что Пушкинъ велъ свои записки не изо дня въ день, но только по временамъ вносилъ въ нихъ то что почему-либо останавливало на себѣ его вниманіе: анекдоты, факты изъ общественной жизни, разказы о прошломъ. Рядомъ съ такого рода записями встрѣчаются другія, представляющія намъ внутреннюю жизнь поэта, отчетъ о его собственныхъ чувствахъ, мысляхъ и впечатлѣніяхъ. Эти строки записокъ самыя интересныя, и мы по преимуществу остановимся на нихъ. Вотъ, напримѣръ, рядъ замѣтокъ Пушкина какъ нельзя лучше рисующихъ предъ нами его отношеніе къ пожалованному ему званію камеръ-юнкера.

„*1го января 1834*. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отлучить меня, а не одѣвать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-лаки, только бы не заставляли меня учиться французскимъ вокабуламъ и арифметикѣ.“

„*7го января*. Государь сказалъ князю Вяземской: „J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui etc.“ Великій князь наединѣ поздравилъ меня въ театрѣ. Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всё надо мною смѣялись; вы первый меня поздравили.“

„*17го января*. Балъ у графа Бобринскаго, одинъ изъ самыхъ блестящихъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его.“

„*26го января*. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Анчи-

* Надѣюсь что Пушкинъ хорошо принялъ свое назначеніе. До настоящаго времени онъ держалъ данное мнѣ слово, и я былъ доволенъ имъ.

ковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. * Мнѣ сказали что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя N. N. и переодѣвшись отправился на вечеръ къ С. В. С. ** Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches. ***

„Въ четвергъ балъ у кв. Трубецкаго. Государь пріѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ жёнѣ: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? **** (Старуха гр. Бобринская — извиняла меня тѣмъ что у меня не были оны нашиты).“

Съ пожалованіемъ въ камеръ-юнкеры соединена была обязанность представляться Высочайшимъ Особамъ. Подъ 8 апрѣля Пушкинъ записываетъ:

„Сейчасъ ѣду во дворецъ представляться царицѣ. 2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Насъ было человекъ 20, братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вальховскій и др. Я по slipsку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel P. me sera présenté, il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur, sa fille d'adoption... † и повернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.“

27го мая Пушкинъ представлялся Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

„Насъ было человекъ 8, между прочими Красовскій (славный цензоръ). Великая княгиня спросила его: Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît.—Oui, V. A. I.,

* Это былъ мундиръ взятый у баскаго пріатеа Пушкина, Н. М. Смирнова. Пушкинъ, кажется, такъ и не смилъ себя камеръ-юнкерскаго мундира.

** Сергѣю Васильевичу Самыкову.

*** Онъ могъ бы потрудиться сѣздить надѣть фракъ и вернуться. Пожурите его.

**** Почему вашъ мужъ не пріѣхалъ послѣдній разъ? Безо всякой причины или дѣло стало за пуговицами?

† Нѣтъ, это безплодно! Я все думала какого Пушкина будутъ мнѣ представлять, а оказывается что это вы!... Какъ ваша жена? Ея тетущка съ нетерпѣніемъ ждетъ увидать ее въ добромъ здорově... она ея любимица, ея названная дочь...

отвѣчалъ онъ, la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice. Великая княгиня скорѣй отъ него отошла.— Говорила со мной о Пугачевѣ.“

Подъ 16 апрѣля Пушкинъ пишетъ:

„Вчера проводилъ Н. Н. * до Ижоры. Возвратясь, напелъ у себя на столѣ приглашеніе на дворянскій балъ и приказаніе явиться къ графу Литтѣ. Я догадался что дѣло идетъ о томъ что я не явлюсь въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ субботу, ни къ обѣднѣ въ Вербное Воскресенье. Такъ и вышло. Ж. сказалъ мнѣ что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: „если имъ тяжело вылолывать свои обязанности, то я найду средство ихъ избавить.“ Однакоже я не поѣхалъ на голову мыть, а написалъ изъясненіе.“

Пушкина тяготило то обстоятельство что онъ, вслѣдствіе своего пожалованія камеръ-юнкеромъ, былъ поставленъ какъ бы на одну доску съ „молокососами“, сдѣлавъ ихъ товарищемъ, приравненъ къ нимъ. Подъ 28 ноября мы читаемъ:

„Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами, былъ въ Москвѣ на вѣскольکو часовъ“ и т. д.

Особенно характеристична въ этомъ отношеніи запись 5 декабря которую кончается отрывокъ изъ записокъ:

„5го декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще вѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молодкососами 18ти-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать?“

Несмотря на всю краткость отрывковъ изъ *Записокъ*, на этихъ немногихъ страницахъ вѣскольکو разъ встрѣчаются указанія на то вниманіе которое императоръ Николай Павловичъ и вся Царская Семья оказывали Пушкину, на искреннюю любовь которую великій повѣтъ питалъ къ государю. Читатели уже имѣютъ вѣскольکو такихъ указаній; дополнимъ ихъ вѣсколькими другими, встрѣчающимися въ томъ же отрывкѣ. Подъ 17 января 1834 года Пушкинъ записываетъ о разговорѣ съ нимъ государя на балу у графа Бобринскаго:

„Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: „Жаль что „я не зналъ что ты о немъ пишешь: я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ

* Наталью Николаевну.

„крѣпости“. Государыня спросила у меня куда я ѣздилъ дѣломъ. Узнавъ что въ Оренбургѣ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.“

„28го февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ, etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресенье, на балѣ въ Концертной, государь долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.“

„6го марта. Царь далъ мнѣ взаймы 20.000 на напечатаніе Пугачева. Слasiбо.“

Въ отрывкѣ изъ *Записокъ* встрѣчаются нѣсколько интересныхъ отзывовъ Пушкина о разныхъ лицахъ.

„Я встрѣтилъ добраго Гаалца и очень ему обрадовался“ (лишетъ Пушкинъ 17 марта, завося въ свои *Записки* о томъ что онъ былъ у Греча на литературномъ совѣщаніи объ изданіи русскаго энциклопедическаго словаря). „Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ, ободрялъ меня на полрищѣ мною избранномъ. Онъ заставлялъ меня написать для экзамена 1814 года мои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Устряловъ сказывалъ мнѣ что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!“

„2го апрѣля. На дняхъ (въ прошедшій четвергъ) обѣдалъ у кн. Ник. Трубецкаго съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ и съ Кукольвикомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ кажется очень порядочный молодой человекъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ. Я не дочелъ его *Тасса* и не видалъ его *Руки*, etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: *il bredouille en musique, comme en vers*. Кукольникъ лишеть Лалунова. Хомяковъ тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.“

„Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ разказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ Петербурга по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провозатые полицейскій чиновникъ, человекъ добрый и глухой. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: ваше превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ. Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекра-

сномъ началъ царствованія Александра. *Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія какъ геѳѳимъ зла и добра.* Онъ отвѣчалъ комплименстами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.“

„7го апрѣля. Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки вѣденыя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ, по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: *Я радъ что Телеграфъ запрещенъ, хотя жалью что запретили.* Телеграфъ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостію проповѣдывать якобинизмъ предъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее что его либерализмъ пустая только маска.“

Подъ тѣмъ же числомъ Пушкинъ записываетъ: „Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію Русской критики.“ Императора Павла Пушкинъ называетъ „романтическимъ императоромъ.“

Въ отрывкахъ есть нѣсколько анекдотовъ записанныхъ Пушкинымъ. Замѣчательно что это почти исключительно анекдоты историческіе, то-есть относящіеся къ историческимъ личностямъ.

„21 (мая). Вчера обѣдалъ у См. съ Полетиной, съ Вяземскимъ и съ Жуковскимъ. Разговоръ коснулся Екатерины. Пол..... разказывалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человекъ крутой и неустойчивый, былъ однажды во дворцѣ, Зубовъ подошелъ къ нему и обвѣдалъ его, говоря: *Ахъ ты мой красавецъ!* Чертковъ былъ очень дурень лицомъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ: *Я, сударь, своей фигурой фортуны себѣ не ищу.*“

Пушкинъ не щадилъ въ своихъ *Запискахъ* самого себя. Онъ отмѣчаетъ подъ цифрами промахи замѣченные имъ за собою: „.... обѣдъ у австрійскаго посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5¹/₂ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку; 2) пріѣхалъ въ салогахъ, что сердило меня во все время“ и т. д. Онъ признается что „шарлатанилъ“ предъ управителями своей нижегородской деревни, которые впрочемъ, въ свою очередь, его „морочили“.

Прочитавъ нѣсколько страницъ *Записокъ* Пушкина читатель прежде всего выноситъ впечатлѣніе какой-то удивительной правдивости и честности которая разлита во всѣхъ этихъ замѣткахъ. Тутъ нѣтъ ни притворства, ни желанія порисоваться. Не подлежитъ сомнѣнію что существуютъ какія-либо

причины и соображенія препятствующія до настоящаго времени обнародованію *Записокъ* Пушкина въ полномъ ихъ составѣ. Не можетъ однако подлежать сомнѣнію и то что только съ обнародованіемъ этихъ *Записокъ* вполнѣ разъяснятся для насъ многое что остается еще неразгаданнымъ въ характерѣ Пушкина и въ его отношеніяхъ къ разнымъ вопросамъ и лицамъ. Намъ думается, судя по напечатанному отрывку *Записокъ*, что Пушкинъ можетъ только выиграть при ближайшемъ ознакомленіи съ нимъ какъ съ человѣкомъ.

II.

Въ июльской книжкѣ *Русской Старины* помѣщены любопытныя воспоминанія о Пушкинѣ Александрѣ Михайловнѣ Каратыгиной (рожденной Колосовой) и Н. Б. Потокскаго. Первые изъ этихъ воспоминаній относятся къ эпохѣ съ 1820 по 1837 годъ; г. Потокскій описываетъ двѣ свои встрѣчи съ Пушкинымъ, въ 1824 и 1829 годахъ. Въ той же книжкѣ г. Ефремовъ сообщаетъ нѣсколько писемъ Пушкина къ Гвѣдичу. „Письма эти“, говоритъ г. Ефремовъ, „представляютъ по своей безыскусственной простотѣ и откровенности одинъ изъ особенно интересныхъ матеріаловъ для біографіи поэта“. Заимствуемъ изъ нихъ нѣсколько характеристическихъ отрывковъ, прежде чѣмъ перейти къ разказамъ гжи Каратыгиной и г. Потокскаго. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, Пушкинъ Гвѣдичу о *Русланѣ и Людмилѣ*:

„Повѣсть мою, напечатанную подѣ вашимъ ютеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствомъ, я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше поличеніе. Нѣкоторые вумера Сына (*Сына Отчества*) доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ *Андромали*, изъ котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эликурейскомъ кабинетѣ вдохновенныя строфы:

„Уже въ послѣдній разъ привѣтствоваться мнѣлъ“ и проч.

Они оживили во мнѣ воспоминанья о васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоценное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками которыя напелъ я въ томъ же *Сынѣ Отчества*. Кто такой этотъ В.*, который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ:

* А. Ѡ. Воейковъ.

красный, несчастный! (что, между прочимъ, очень неучтиво), говорить что *характеръ* моей поэмы писанъ *мрачными красками* этого вѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и *славою кистию Орловскаго*, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовые тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ съ мнѣніемъ неизвѣстнаго элиграмматиста—критика его для меня *ужасно какъ тѣжка* *. Допрощикъ ** умѣе, а тотъ кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону) умѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я что *Русланъ*, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкой; кого мнѣ за нее благодарить? "

При письмѣ отъ 20го апрѣля 1822 года (изъ Кишинева) Пушкинъ посылаетъ Гвѣдичу *Кавказскаго Пльнника*. Письмо начинается латинскимъ элиграфомъ:

Parce (neq invideo), sine me, liber, ibis in urbem,
Neu mihi! quo domino non licet ire tuo.

„Не изъ притворной скромности прибавлю: *Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse!* Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ ясны что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ передаю моего *Кавказскаго Пльнника*: въ награду за присылку прелестной вашей цидлаи (о которой мы поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы издаванія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстью, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе.“

По поводу втораго изданія *Руслана и Людмила* Пушкинъ пишетъ Гвѣдичу: „*Tout bien vu, ne concluez ni dѣlo предис-*

* Послѣдніе стихи элиграммы приписываемой И. А. Крылову:

Напрасно говорятъ что критика легка;
Я критику читалъ *Руслана и Людмилы*:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она *ужасно какъ тѣжка*.

** Послѣ критики Воейкова въ *Сынъ Отечества* напечатано было Письмо къ Сочинителю критики на поэму *Русланъ и Людмила*, въ которомъ Н. Н. предлагаетъ Воейкову вопросы о недостаткахъ поэмы. Авторъ вопросовъ былъ молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ.

словіемъ. Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

„Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтливую, но, быть-можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру попятія вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди которые выше ея; этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу; этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего *Нерпитальнаго*. Услыша стихъ:

И должно честь отдать что Нѣмцы аккуратны—

я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захолапаетъ и захохочетъ. А что тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ бы знать, сбылось ли мое предсказаніе“.

Интересенъ отзывъ Пушкина о Жуковскомъ:

„Съ нетерпѣніемъ ожидаю *Шильонскаго Узника*; это не чета Перу и достойно такого переводчика каковъ гдѣсь *Громова* и *Старушки*. Впрочемъ, мнѣ досадно что онъ переводитъ и переводитъ отрывками. Иное дѣло Тассо, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло лѣсви Матиссона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ *Родригъ Саутеля*; попросите его отъ меня чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, несмотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной.“

„Переводъ Жуковскаго“, читаемъ мы въ слѣдующемъ письмѣ, „est un tour de force. Злодѣи! въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный! Должно быть Байрономъ чтобы выразить съ столь страшною истинной первыя признаки сумашествія, и Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужь онъ не валитъ въ Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегіи 1й части *Спящихъ Дней*. Дай Богъ чтобъ онъ началъ создавать.“

Вотъ что писалъ Пушкинъ Гнѣдичу по поводу его перевода *Илиады*:

„Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ

въ нашемъ отечествѣ. Но отдохнувъ послѣ *Илиады*, что предпримите вы въ полномъ цвѣтѣ Гевія, возмужавъ въ храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертелѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. *Тѣнь Святослава скитается не вопльмая*, писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту.“

Какъ много характеристичнаго заключается въ этихъ немногихъ строкахъ! *Исторія народа принадлежитъ поэту!* Какое это вѣрное, сильное, мѣткое выраженіе! Будь оно сказано Французомъ, Нѣмцемъ, Англичаниномъ, Италианцемъ — и можно быть увѣрену что выраженіе это было бы извѣство всей Европѣ, попало бы въ число такъ-называемыхъ *gesflügelte Worte*, помѣщено было бы въ разныхъ хрестоматіяхъ и сборникахъ, наизусть было бы заучено самими же Русскими. Въ новомъ изданіи сочиненій Пушкина было бы необходимо отвести отдѣльный томъ собранію писемъ Пушкина, безпорядочно разбросанныхъ теперь по разнымъ журналамъ, на доловину еще неизвѣстныхъ и необнародованныхъ.

III.

Воспоминанія о Пушкинѣ А. М. Каратыгиной въ значительной мѣрѣ относятся къ тому времени когда великій русскій поэтъ былъ еще просто „Сашею Пушкинымъ.“ Она вызвана напечатанною въ 1879 году въ *Русской Старинѣ* эпиграммою которую Пушкинъ въ молодости написалъ на гжу Колосову (въ замужествѣ Каратыгину) игравшую роль Эсепри:

Все пѣваетъ насъ въ Эсепри:
Учительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ,
Голосъ кѣжный, взоръ любви,
Набѣленная рука,
Размазанные брови
И огромная нога!

Эпиграмма эта, рассказываетъ гжа Каратыгина, была вызвана раздраженіемъ Пушкина на то что гжа Каратыгина будто бы назвала его *мартышкой*. На самомъ дѣлѣ мартышкой (*un varajou*) называлъ Пушкина Грибоѣдовъ въ разговорѣ у князя Шаховскаго. „Катенинъ и Грибоѣдовъ левяли

ему,“ рассказывает гжа Каратыгина, „настаивали на томъ чтобы онъ извинился передо мною; укоряя его, они говорили что выходка его тѣмъ стыднѣе что ее могутъ приписать угодливости поэта *Климентистръ* (такъ называли они К. С. Семенову). Пушкинъ сознался въ своемъ опрометчивости, ругалъ себя и намѣревался вѣхать ко мнѣ съ любовию.... Но тутъ послѣдовала его высылка изъ Петербурга, и въ теченіе семи или восьми лѣтъ мы съ нимъ не видались.“ Послушаемъ какъ описываетъ гжа Каратыгина „Сашу“ Пушкина написавшаго приведенную выше эпиграмму и затѣмъ расскажемъ какъ извинялся за „Сашу“ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

„Готовясь къ дебюту подъ руководствомъ князя Шаховскаго,“ рассказываетъ гжа Каратыгина, „я иногда встрѣчала Пушкина у него въ домѣ. Князь съ похвалою отзывался о дарованіи этого юноши, не особенно красиваго собою, рѣзкаго, вертляваго, почти мальчика... *Сашу Пушкина* онъ рекомендовалъ своимъ гостямъ покуда только какъ сына Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны; лишь черезъ пять лѣтъ для этого *Сашинъ* наступила пора обратной рекомендаціи и о родителяхъ его говорили: „они мать и отецъ Пушкина,“ ихъ озарилъ отблескъ славы гениальнаго сына. Знакомцы князя Шаховскаго: А. С. Грибоѣдовъ, П. Л. Катенинъ, А. А. Жандръ ласкали талантливаго юношу, но покуда отвоспались къ нему какъ старшіе къ младшему: онъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ и какъ бы гордился ихъ пріязнью. Повято что въ ихъ кругу Пушкинъ не занималъ перваго мѣста и почти не шмѣлъ голоса. Изрѣдка, къ слову о театрѣ и литературѣ, будущій гевій смѣшилъ ихъ остроумною шуткою, экслпромитомъ или справедливымъ замѣчаніемъ обличавшимъ его тонкій эстетическій вкусъ и далеко не юношескую наблюдательность...

„Наконецъ онъ познакомился съ нами и сталъ довольно часто посѣщать насъ. Мы съ матушкой отъ души его любили. Угрюмый и молчаливый во многочисленномъ обществѣ, *Саша Пушкинъ* бывая у насъ смѣшилъ своею рѣзвостію и ребяческою шаловливостію. Бывало ни минуты не послидитъ спокойно на мѣстѣ: вертится, прыгаетъ, пересаживается, перероетъ рабочій ящикъ матушки, слугаетъ клубки гарусу въ моемъ вышиваньи; разбрасаетъ карты въ гранъ-пасіансъ, раскладываемымъ матушкой...

— „Да уймешься ли ты, стрекоза! крикнетъ бывало моя Евгения Ивановна,—перестань, наконецъ!

„Саша минуты на двѣ пріутихнеть, а тамъ олять начинается проказничать. Какъ-то матушка пригрозила наказывать неугомоннаго Сашу: *остричь ему когти*: такъ называла она его огромные на рукахъ ногти.

— „Держи его за руку, сказала она мнѣ взявъ ножницы,—а я остригу!

„Я взяла Пушкина за руку, но онъ подвѣлъ крикъ на весь домъ, началъ притворно всхлипывать, стевать, жаловаться что его обижаютъ и до слезъ разсмѣшилъ насъ... Однимъ словомъ, это былъ сущій ребенокъ, но истинно благовоспитанный, *enfant de bonne maison*.

„Въ 1818 году, послѣ жестокой горячки, ему обрили голову и онъ носилъ парикъ. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физиономіи и не особенно красиво. Какъ-то въ Большомъ Театрѣ онъ вошелъ къ намъ въ ложу. Мы усадили его, въ полной увѣренности что здѣсь нашъ проказникъ будетъ сидѣть смирно... Ничуть не бывало! Въ самой патетической сценѣ Пушкинъ, жалуясь на жару, снялъ съ себя парикъ и началъ имъ обмахиваться какъ вѣеромъ.... Это разсмѣшило сидѣвшихъ въ сосѣднихъ ложахъ, обратило на насъ вниманіе находившихся въ креслахъ. Мы стали удивлять шалуна, онъ же со стыда соскочилъ на полъ и сѣлъ у насъ въ ногахъ, прячась за барьеръ; наконецъ кое-какъ надвинулъ парикъ на голову какъ шалку; вѣрзая было безъ смѣха глядѣть на него! Такъ онъ и просидѣлъ на полу во все продолженіе спектакля, отпуская шутки на счетъ пѣсы и игры актеровъ. Можно ли было сердиться на этого забавника?“

Гжа Каратыгина увидала Пушкина послѣ отъѣзда его на югъ Россіи лишь въ 1827 году. Это было въ театрѣ. Давали комедію Мариво *Les fausses confidences* въ переводѣ Катенина. Послѣдній привелъ въ уборную гжи Каратыгиной Пушкина который самъ называлъ себя кающимся грѣшникомъ.

— „Размалеванныя брови! напомнила я ему смѣясь.

— „Полноте, Бога ради, перебилъ онъ меня, конфузаясь и цѣлая мою руку,—кто старое помянетъ тому глазъ вонъ. Позвольте мнѣ взять съ васъ честное слово что вы никогда не будете вспоминать о моей гаулости, о моемъ мальчишестве!“

„Слово было дано; мы вполнѣ помпирлись. За Сашу Пушкина предо мною извинился Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ,—слава и гордость родной словесности!“

IV.

Воспоминанія г. Потокскаго (*Русск. Старина*, июль) весьма интересны въ томъ отношеніи что даютъ намъ совершенно живую картину поѣздки Пушкина въ дѣйствующую армию въ 1829 году. Картина эта имѣетъ всю прелесть и свѣжесть наброска сдѣланнаго прямо съ натуры. Дѣлая наши предыдущія извлеченія мы могли груллировать факты, сокращать разказы, выбрать наиболѣе интересныя или характеристическія черты. Воспоминанія г. Потокскаго написаны съ такою непосредственностію и разказъ его представляетъ такое органическое цѣлое что остается дѣлать изъ него только вылиски, допускающія лишь нѣкоторыя сокращенія.

Какъ бы вступленіемъ къ главному разказу служить встрѣча г. Потокскаго съ Пушкинымъ въ 1824 году у Аркадія Гавриловича Родзянки.

„Къ дому быстро подкатила почтовая тележка, съ нея слпрыгнулъ незнакомецъ, странно костюмированный: узнавъ же отъ встрѣтившаго слуги что Родзянка дома, послѣшнѣно прошелъ залой въ кабинетъ хозяина. На незнакомцѣ былъ красный молдаванскій плащъ, такого же цвѣта широкайшіе шаровары, на ногахъ желтыя мечты (туфли), а на головѣ турецкая фессъ съ дливною кистью; длинныя волосы касались плечъ, въ рукѣ же держалъ длинную палку съ крючкомъ на концѣ, подобную тѣмъ какія носятъ степныя ластухи. Въ это время зала и весь домъ, съ ранняго утра, были наполнены гостями, съѣхавшимися на семейный праздникъ гостепріимнаго помѣщика. Слустя не болѣе получаса, хозяинъ провелъ своего гостя подъ руку черезъ залу до самой тележки, ожидавшей у подѣзда. Когда же возвратился въ покои и началъ здороваться съ собравшимися посѣтителями, то они, забывъ привѣтствовать хозяина съ его домашнимъ праздникомъ, начали спрашивать о пріѣзжавшемъ человѣкѣ; когда же узнали что то былъ А. С. Пушкинъ—зала моментально олуствѣла и все общество выбѣжало за ворота; но тамъ только увидѣли большой столбъ пыли отъ быстро удалявшейся тележки.

„Во весь этотъ день у Родзянки только и было разговоровъ о А. С. Пушкинѣ; молодые кавалеры, дамы, дѣвицы—упрекали хозяина за то, почему онъ не удержалъ у себя на цѣ-

мый день такого интереснаго гостя, и до того жалѣли что многіе чуть не плакали; предъ именемъ Пушкина виновникъ домашняго праздника совсѣмъ ступевался.“

Ровно черезъ пять лѣтъ, въ 1829 году, г. Потокскій ѣхалъ на Кавказъ и въ Екатериноградской станицѣ, на рѣчкѣ Малкѣ, неожиданно встрѣтилъ олять Пушкина Г. Потокскій познакомился съ Пушкинымъ и наломилъ ему про встрѣчу у Родзявки.

— Вѣрно не я интересовалъ ихъ, смѣясь говорилъ Пушкинъ,—а мой костюмъ.

Почтовая дорога оканчивалась въ то время въ Екатериноградѣ и здѣсь сосредоточивалось все что слѣдовало изъ Россіи въ Тифлисъ и другія мѣста, а также въ армію дѣйствовавшую въ Малой Азіи. Казенные и частные обозы, равно какъ и почты со всѣхъ мѣстъ Россіи были до того велики что отправлялись изъ Екатеринограда въ одно время телегахъ на пятнадцать и болѣе. Такимъ же образомъ отправлялись и всѣ проѣзжавшіе по собственному желанію, кто верхомъ, а кто на телегѣ. Такъ ѣхали до крѣпости Владикавказъ отстоявшей на 105 верстѣ. Въ Екатериноградской станицѣ пришлось дожидаться нѣсколько дней *окази*, то-есть огромнаго обоза ѣхавшаго подъ прикрытіемъ роты лѣхоты, сотня казаковъ и двухъ пушекъ, подъ начальствомъ офицера. Теперь предоставляемъ разказывать г. Потокскому.

„Александръ Сергѣевичъ очень скучалъ и, прогуливаясь со мною по станицѣ, любовался прелестными видами горъ, убѣденныхъ свѣгомъ; но когда начали съѣзжаться сюда гвардейскіе офицеры, слѣдовавшіе въ армію, гражданскіе чиновники, кулцы и прочіе путешественники, а также прибыло нѣсколько замѣчательныхъ личностей * , все оживилось; затѣвались разныя развлеченія, и, конечно, душою многочисленнаго общества былъ А. С. Пушкинъ. Все потомъ начало принимать воинственный видъ, въ ожиданіи скорого отправленія. А. С. Пушкинъ изъ первыхъ одѣлся въ черкесскій костюмъ, вооружился шашкой, кинжаломъ, пистолетомъ; подражая ему, многіе изъ мирныхъ людей накупили у казаковъ кавказскихъ нарядовъ и оружія. Наконецъ, наступило раннее утро, и, подъ

* Прибыли изъ Сибири въ сопровожденіи жандармовъ нѣсколько человекъ декабристовъ, назначенныхъ въ армію рядовыми, боюсь ошибиться кто имено изъ нихъ, такъ какъ фамиліи не упоминаю. Всѣ были въ солдатскихъ шинеляхъ, фуражкахъ, и глядѣли молодцами.

звукъ барабана, все зашевелилось и колонна выступила длинною вереницей; а въ виду того чтобы лѣхоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки безъ приваловъ дѣло не обходилось. Палаящее солнце днемъ, тихая вѣзда, все это очень намъ надоѣдало. Александръ Сергѣевичъ затѣвалъ скачки, другіе, тоже подражая ему, далеко удалялись за дѣль, но всегда были возвращаемы обратно командовавшимъ транспортомъ офицеромъ, предупреждавшимъ объ опасности быть захваченнымъ или подстрѣленнымъ хищниками. Тогда Пушкинъ, подѣзжая къ офицеру, бралъ подъ козырекъ и произносилъ: „слушаемъ, отецъ-командиръ!“. Переходы въ длинные лѣтніе дни верстѣ 20 и болѣе тоже очень надоѣдали; въ каждомъ укрѣпленіи располагались на ночлегъ, и такимъ образомъ только на четвертый день разстояніе 105 верстъ было пройдено и мы достигли до крѣпости Владикавказъ. На ночлегахъ начиналось чаепитіе; ужины, веселые разговоры, лѣсны, иногда продолжавшіеся до разсвѣта. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ расписывать двери и стѣны мѣломъ и углемъ въ отводившихся для ночлега казенныхъ домикахъ. Его рисунки и стихи очень забавляли лублику, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали неудовольствіе и ворчаніе старыхъ инвалдовъ-сторожей, которые замѣтивъ гдѣ-нибудь нарисованную карикатуру или написанное немедленно стирали все тряпкой; когда же ихъ останавливали, говоря: „Братцы, не троньте, вѣдь это писалъ Пушкинъ,“ то разъ одинъ изъ старыхъ ветерановъ отвѣтилъ: „Пушкинъ или Кукушкинъ, все равно, но зачѣмъ же казенныя стѣны лачкать, комендантъ за это съ нашего брата строго взыскиваетъ.“ Александръ Сергѣевичъ услыжавъ такую рѣчь старика-инвалида и подойдя къ нему просилъ не сердиться, потрепалъ его по плечу и далъ на водку серебряную монету. Въ крѣпости Владикавказъ остановка на дѣльныя сутки. Всѣ проѣзжавшіе являлись къ коменданту, старому кавказскому служакѣ генералу Скворцову. Многихъ онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать, въ томъ числѣ и Александра Сергѣевича Пушкина.

„Во время сытнаго обѣда и добраго кахетивскаго вина, Александръ Сергѣевичъ внимательно слушалъ разказы почтеннаго хозяина объ эпизодахъ изъ своей Кавказской боевой жизни, отъ души смѣялся, подшучивалъ и дѣлалъ ему разные вопросы при которыхъ старикъ задумывался. „Такъ по вашему, генералъ, Александръ Македонскій проходилъ

Дарьяльскимъ ущельемъ въ Индію?" Когда же лиръ окончился и всё разошлось по квартирамъ, А. С. Пушкивъ, взявъ кусокъ мѣлу, списалъ всю дверь стихами, начало коихъ приблизительно было слѣдующее:

Не Черкесь, не узбекъ,
Сѣдовласый Казбекъ —
Генералъ Скворцовъ *
Угостилъ молодцовъ—
Славно! и т. д."

Г. Потокскій совершенно мимоходомъ наломываетъ намъ о томъ какъ знали въ то время стихи Пушкина. Какъ-то разъ Пушкивъ очень рѣзко выразилъ свое неудовольствіе на то что обозъ подвигается слишкомъ медленно. Г. Потокскій „не выдержалъ“ и сказалъ:

— Александръ Сергѣевичъ! будьте терпѣливы, мы дождемся что ваше пророчество сбудется.

И вслѣдъ затѣмъ, указывая на горы покрытыя снѣгомъ, онъ продекламировалъ изъ *Кавказскаго Пльнника*:

...И гдѣ гнѣздились вы—
Пройдетъ тамъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы!

Александръ Сергѣевичъ, крикнувъ браво! браво! быстро оборотился ко мнѣ, схватилъ руку и крѣпко сжалъ въ своей, и, немного помолчавъ, спросилъ: „откуда это вы знаете?“ „Тогда я разказалъ ему что всё его произведенія почти наизусть знаю съ самыхъ юныхъ лѣтъ. „А ну-те, ну-те, что-нибудь скажите“,—отвѣтилъ онъ. Я началъ съ поэмы *Цыганъ*, и скоро всю наизусть прочелъ до конца, потомъ первую главу *Евгенія Онегина*, и наконецъ началъ *Кавказскаго Пльнника*; но Александръ Сергѣевичъ остановилъ меня, сказавъ: „вы устали; да, у васъ прекрасная память; скажите, когда вы все это успѣли заучить?“—А вотъ какъ,—отвѣтилъ я. Еще будучи школьникомъ, часто просиживая ночи, переписывалъ всё появлявшіяся въ свѣтъ прелестныя произведенія ваши, потому что они тогда дорого стоили, на-примѣръ, каждая выходившая глава *Евгенія Онегина* была въ продажѣ пять рублей, а другія сочиненія и дороже; по-

* У него была бѣлая голова, подобно горѣ Казбеку, убѣжденному снѣгомъ и тутъ же ясно видимому.

томъ прочитавъ разъ—другой, зналъ уже наизусть. Вотъ видите, Александръ Сергѣевичъ, что въ то время когда вы проѣзжали Малороссію и заѣхали къ Аркадію Родзянкѣ, общество собравшееся у него было заинтересовано не вашими костюмомъ, а собственно вами. И подобно мнѣ, у насъ молодые люди, а въ особенности дамы и дѣвѣцы, заучиваютъ ваши произведенія и восхищаются ими. Съ тѣхъ поръ до самаго Тифлиса Александръ Сергѣевичъ особенно былъ ко мнѣ внимателенъ и называлъ „юнымъ дорожнымъ товарищемъ.“ Тогда мнѣ не было еще 20 лѣтъ.“

Пушкинъ чуть было не ввелъ въ бѣду весь обозъ, вздумавъ назваться передъ суевѣрыми горцами *шайтаномъ*, то-есть чортомъ:

„Въ ожиданіи приготовленія чая и ужина наше общество разбрелось по окрестностямъ поста любоваться окружавшими его скалами. Не далѣе какъ въ двухъ верстахъ находится довольно большой аулъ, у самаго ущелья, изъ котораго беретъ свое начало р. Терекъ. Александру Сергѣевичу пришла мысль отправиться въ этотъ аулъ и осмотрѣть его; все общество, конечно, согласилось, и насъ человекъ 20 отправились въ путь, пригласивъ съ собою какого-то оборваннаго туземца вмѣсто переводчика, такъ какъ оный оказался довольно знающимъ по-русски. Александръ Сергѣевичъ набросилъ на плечи плащъ и на голову надѣлъ красную турецкую фессъ, захвативъ по дорогѣ толстую суковатую палку, и такъ выстулая впереди лублики, открылъ шествіе. У самаго аула толпа мальчишекъ встрѣтила насъ и робко начала отступать, но тутъ появилось множество горцевъ, взрослыхъ мужчинъ и женщинъ съ малютками на рукахъ. Началось осматриваніе внутренности саклей, которыя охотно отворялись, но конечно ничего не было въ нихъ привлекательнаго; разумеется при этомъ дарилась мелкія серебряныя денъги принимаемая съ видимымъ удовольствіемъ; наконецъ мы обошли весь аулъ и собравшись вмѣстѣ располагали вернуться на лощь къ чаю. Густая толпа все-таки насъ не оставляла. Осетины, обыватели аула, спрашивали нашего переводчика о красномъ человекѣ; тотъ отвѣчалъ имъ что это „большой гослодинъ“. Александръ Сергѣевичъ желая знать о чемъ переводчикъ съ горцами бесѣдуетъ вышелъ впередъ и приказалъ переводчику сказать имъ что „красный не человекъ, а шайтанъ (чортъ); что его поймали еще маленькимъ въ горахъ Русскіе; между ними оный ливыкъ; выросъ и теперь живетъ подобно

имъ“. И когда тотъ передавалъ имъ все это, толпа начала по-немногу отступать, видимо испуганная; въ это время Александръ Сергѣевичъ подвигалъ руки вверхъ, состроилъ сатирическую гримасу и бросился въ толпу. Поднялся страшный шумъ, визгъ, лискъ дѣтей—горцы бросались вразсыпную, но, отбѣжавъ, начали издали бросать въ насъ камнями, а потомъ и приближаться все ближе, такъ что камни засвистѣли надъ нашими головами. Эта шутка Александра Сергѣевича могла кончиться для насъ очень печально, еслибы постовый начальникъ не послѣдилъ къ намъ съ казаками; къ счастью, онъ увидалъ густую толпу горцевъ, окружившую насъ съ шумомъ и гамомъ, и подумалъ о чемъ-то недобромъ. Извѣстно насколько суевѣрный, дикій горецъ вѣрить въ существованіе злыхъ духовъ въ Кавказскихъ горахъ. И такъ мы отретировались благополучно.“

Въ долину рѣки Арагвы путешественниковъ встрѣтило жаркое южное лѣто. Всѣ пришли въ неописанный восторгъ отъ восхитительнаго вида горъ, скаты которыхъ были покрыты роскошною растительностію. Путешественники встрѣтили здѣсь барона Фелькерзама, адъютанта главнокомандующаго (графа Паскевича); онъ слѣдилъ въ Петербургъ съ трофеями и довеселіемъ Государю о славной побѣдѣ надъ Турками. „Пушкинъ крикнулъ ура!—ему вторили другіе спутники—а потомъ началъ совѣтовать гвардейскимъ офицерамъ слѣшить въ армію:—Война можетъ скоро кончиться, и вы, господа, остаться ни при чемъ, на бобахъ. Итакъ, маршъ скорѣе въ Тифлисъ! „Онъ крикнулъ еще ура! и поскакалъ впередъ.“

Въ горахъ г. Потокскій простудился; станціи за двѣ до Тифлиса онъ не могъ уже держаться на лошади. Пушкинъ съ необыкновенною внимательностію ухаживалъ за больнымъ, просилъ доктора „поднять его на ноги“, удерживалъ шумные разговоры подвигавшіеся за перегородкой. Пробывъ нѣсколько дней въ Тифлисѣ онъ уѣхалъ въ армію подъ Эрзерумъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ его отъѣзда г. Потокскій началъ быстро оправляться; первое посѣщеніе его было къ П. С. Санковскому, издателю и редактору „интересныхъ въ то время“ *Тифлисскаго Вѣдомостей*, давнему знакомому Пушкина. Разговоръ разумѣется зашелъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ.

„Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и къ намъ въ комнату неожиданно влетѣлъ Пушкинъ и бросился въ объятія Санковскому. На Пушкинѣ былъ широкій бѣлой матеріи ту-

редкій плащъ, а на головѣ красная фесскъ. На вопросы Павла Степановича—что такъ скоро вернулся изъ арміи? Александръ Сергѣевичъ отвѣтилъ:

— „Ужасно мнѣ надоѣло вѣчное хожденіе на ломочахъ этихъ олекуновъ, дядекъ; мнѣ крайне было жаль расстаться съ моими друзьями, но я вынужденъ былъ покинуть ихъ. Паскевичъ надоѣлъ мнѣ своими любезностями; я хотѣлъ воспѣть (?) геройскіе подвиги вашихъ молодыхъ кавказцевъ; это славная часть нашей родной эпопеи, но онъ не понималъ меня, и старался выпроводить изъ арміи. Вотъ я и поспѣшилъ къ тебѣ, мой другъ Павелъ Степановичъ. Затѣмъ обратился ко мнѣ, взялъ за руку и проговорилъ: „очень радъ васъ видѣть, юный товарищъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ. Когда ворочусь въ Россію, вышлю вамъ всѣ мои бездѣлушки доселѣ напечатанныя“,—и просилъ дать мой адресъ.

„Оставивъ затѣмъ и хозяина и гостя вдвоемъ, я удалился къ себѣ. Потомъ, на другой и на третій день, я еще встрѣчался съ Пушкинымъ и Сапковскимъ и вмѣстѣ дѣлалъ прогулки по городу; между прочимъ, посѣтили еще свѣжую тогда могилу Грибоѣдова, предъ коею Александръ Сергѣевичъ преклонилъ колѣна и долго стоялъ наклонивъ голову, а когда поднялся, на глазахъ были заметны слезы. На четвертый день пребыванія своего въ Тифлисѣ, Пушкинъ уѣхалъ въ Россію, оставивъ Сапковскому на память своего боевого коня, а мнѣ повторилъ обѣщаніе выслать свои сочиненія взаимно моихъ рукописныхъ, при томъ добавилъ: „когда будете въ арміи, то прошу передать мои поклоны друзьямъ моимъ: Вальховскому, Раевскому и другимъ“. Это порученіе меня очень обрадовало, болѣе потому что я могъ узнать подробности неудовольствія между главнокомандующимъ гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ и А. С. Пушкинымъ.“

Вотъ что узналъ г. Потокскій отъ Вальховскаго:

„Мнѣ передавали что когда Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ армію, Паскевичъ привѣчалъ его очень радушно и даже велѣлъ поставить ему лалатку возлѣ своей ставки.

„Разумѣется, Александра Сергѣевича болѣе влекла къ себѣ задушевная бесѣда съ товарищемъ по лицу Вальховскимъ и друзьями Раевскимъ и Муравьевымъ (?). У нихъ-то онъ проводилъ все свободное время, и рѣдко посѣщалъ свою лалатку. До того онъ рыскалъ по лагерю что иногда посланные отъ главнокомандующаго звать Пушкина къ обѣду не находили его. При всякой же перестрѣлкѣ съ неприятелемъ,

во время движенія войскъ впередъ, Пушкина видѣли всегда впереди скачущихъ казаковъ или драгунъ, прямо подъ выстрѣлы. Паскевичъ неоднократно предупреждалъ Александра Сергѣевича что ему опасно зарываться такъ далеко, и совѣтовалъ находиться во время дѣла неотлучно при себѣ, точно-точно какъ будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпѣливѣе Александра Сергѣевича Пушкина, стоять сложа руки и бездѣйствовать. Онъ какъ будто нарочно дразнилъ главнокомандующаго и не слушая его совѣтовъ при первой возможности скрывался отъ него и являлся гдѣ-нибудь впереди въ самой свалкѣ сраженія. Послѣ всего этого вышла открытая ссора между И. Э. Паскевичемъ и А. С. Пушкинымъ. Наконецъ главнокомандующій, видя что Александръ Сергѣевичъ явно удаляется отъ него, призвалъ его къ себѣ въ палатку (во время доклада бумагъ Вальховскимъ), и рѣзко объявилъ:

— „Господишь Пушкинъ! мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому я совѣтую немедленно уѣхать изъ арміи обратно, и я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой.“

„Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій передалъ мнѣ что Александръ Сергѣевичъ порывисто поклонился Паскевичу и выбѣжалъ изъ палатки, немедленно собрался въ путь, попрощавшись съ знакомыми и друзьями, и въ тотъ же день ухалъ. Вальховскій передавалъ мнѣ подъ секретомъ еще то что одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія главнокомандующаго было нѣрдкое свиданіе Александра Сергѣевича съ нѣкоторыми изъ декабристовъ находившимися въ арміи рядовыми. Говорили потомъ что нѣкоторыя личности шпіоновали за поведеніемъ Пушкина и передавали свои наблюденія Паскевичу, разумѣется съ прибавленіями, желая тѣмъ выслужиться.“

Слусть нѣсколько мѣсяцевъ г. Потокскій получилъ отъ Пушкина всѣ его печатныя въ то время стихотворенія съ надписью: *на память юному дорожному товарищу*. Сочиненія эти погибли въ послѣдствіи въ дорогѣ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ г. Потокскаго. „Нынѣ, при преклонныхъ лѣтахъ“, такъ заканчиваетъ г. Потокскій свои воспоминанія, „я счастливъ что дожился до того времени когда вся Россія чествуетъ память великаго своего поэта сооруженіемъ ему памятника въ Москвѣ, его колыбелю.“

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО СОРОКЪ ВОСЬМАГО.

І Ю Л Ъ.

	<i>Стр.</i>	
Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая въ ссылкѣ въ Березовѣ и въ монашествѣ въ Томскѣ. <i>А. Сулоуцкаго</i>	5	✓
Въ доливахъ и на высяхъ Болгаріи. Воспоминанія командира 30го Донскаго полка. <i>М. Грекова</i>	20	✓
Дѣло Докса. Изъ воспоминаній слѣдователя. <i>Никиты Кочановскаго</i>	72	
Письма священника съ похода 1877 и 1878 года. Гл. XXV—XXVII. <i>Протоіерея Вакха Гурьева</i>	129	✓
Южно-русская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая. Окончаніе. <i>Н. И. Петрова</i>	147	✓
Братья Карамазовы. Часть четвертая. Книга одиннадцатая. Гл. I—V. <i>Ф. М. Достоевскаго</i>	174	✓
Юрмуса и Фатима. Историческая повѣсть изъ времени освобожденія шести округовъ 1832—1834. Милана Милчевича. Переводъ съ сербскаго.....	222	✓
Разказы бабушки. Изъ воспоминаній ляти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Окончаніе.	285	+
На Черномъ Морѣ. Разказъ. <i>Вѣры Жалиговской</i>	361	✓
Новости литературы: I. <i>Сочиненія А. С. Пушкина</i> . Изданіе третье, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Исакова, 1880.* Томъ первый и шестой. С. В.—II. <i>The life and writings of Henry Thomas Buckle</i> . By Alfred Huth. 2 vol.—III. <i>Promenades archéologiques.—Rome et Pompéi</i> . Par Gaston Boissier.—IV. <i>Скаковыя лошади въ Англіи</i> . <i>Modern Horse-racing: The Edinburgh Review</i> № 310. P.....	435	

А В Г У С Т Ъ.

	<i>Стр.</i>
Кестьянское дѣло и его современная постановка. <i>Д. В.</i>	465
Изъ записокъ генералъ-адъютанта Красовскаго.....	501
✓ Прямыхъ путемъ и околицей. Отрывокъ изъ воспомина- ній о путешествіи въ дѣтнее время 1876 года по Румыніи, Сербіи и Турціи. <i>Аристида М.</i>	533
Стихотворенія: I. Къ утренней зарѣ.—II. Отрывокъ.— III. Царь Рустемъ. Восточное преданіе. <i>В. К. Вуль-</i> <i>форта.</i>	570
✓ Письма священника съ похода 1877 и 1878 года. Гл. XXVIII—XXX. <i>Протоіерея Вака Гурьева.</i> ...	581
Противъ теченія. Бесѣды о революціи. Наброски и очер- ки въ разговорахъ двухъ пріятелей. <i>Варроломея</i> <i>Кочнева.</i>	612
✓ Братья Карамазовы. Книга одиннадцатая. Гл. VI—X. <i>Ф. М. Достоевскаго.</i>	691
✓ Дѣвичья скала. Разказъ изъ болгарской жизни накану- нѣ послѣдней войны. <i>С. С. Бобчева.</i>	754
Герцогъ Севъ-Симонъ и его мемуары. <i>Р.</i>	788
✓ На горахъ. Разказъ. Гл. CXVIII—CXXII. <i>Андрея Пе-</i> <i>черскаго</i>	835
Пора. Стихотвореніе. <i>А. Н. Майкова.</i>	885
Путешествіе въ Китай сидя дома. По поводу новой книги <i>Путешествіе по Китаю Н. А. Пясецкаго. К.</i>	892
✓ Новые матеріалы для біографіи Пушкина. <i>З.</i>	915

В. Р. /
М. /

